

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

С. С. ТАТИЩЕВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

• Единство — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней. —
• Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью...
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

ТЮТЧЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1903

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

С. С. ТАТИЩЕВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

• Единство — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней.—
• Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью...
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

ТЮТЧЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 13

Императоръ

Николаевичъ.

Певкичаго.

А. И. Вильборъ, СПб. Мѣщ. 2.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Годы мирнаго развитія

1866—1876.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Дѣла внутреннія. 1866—1870.

СТРАН.
3

Первое покушеніе на жизнь государя.— Привѣтствія и адреса.— Письмо къ митрополиту московскому.— Раскрытіе заговора.— Наказаніе преступниковъ.— Перемены въ правительственномъ составѣ.— Рескриптъ предѣдателью Комитета министровъ.— Введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.— Пребываніе государя и императрицы въ Пльинскомъ.— Аудіенція Каткову.— Чрезвычайное посольство Соединенныхъ Штатовъ.— Кончина графа М. Н. Муравьева.— Помолвка и женитьба наследника.— Правительственное сообщеніе о положеніи дѣлъ въ Западномъ краѣ.— Преобразования въ Царствѣ Польскомъ.— Ограниченіе права земскихъ собраній облагать промышленныя и торговыя предпріятія.— Временное закрытіе и распушеніе петербургскаго губернскаго земскаго собранія.— Поѣздка государя съ цесаревичемъ и цесаревною въ Москву.— Приемъ славянскихъ гостей.— Амнистія участникамъ польскаго мятежа.— Поѣздка въ Парижъ на всемірную выставку.— Второе покушеніе на жизнь государя.— Государь въ Варшавѣ, въ Вильнѣ и Ригѣ.— Встрѣча его въ Царскомъ Селѣ.— Красносельскій лагерь.— Помолвка и зниньба короля эллиновъ на великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ.— Пятидесятилѣтній юбилей архіерейскаго служенія и кончина митрополита московскаго Филарета.— Преобразования въ Закавказьѣ.— Неурожай въ 1867 г.— Увольненіе Валгуева и назначеніе Тимашева министромъ внутреннихъ дѣлъ.— Пятидесятилѣтній юбилей государя, какъ шефа лейбъ гусарскаго полка.— Рожденіе великаго князя Николая Александровича.— Облегченіе участи государственныхъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ.— Поземельное устройство крестьянъ Бессарабской области.— Поѣздка съ императрицею за границу.— Сліяніе Царства Поль-

скаго съ Имперіей.—Святіе военнаго положенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Дѣятельность комисіи для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.—Изданіе «Правительственнаго Вѣстника».—Крестыанское дѣло въ Пруссіи.—Сѣверо-Западномъ краѣ.—Дальнѣйшія преобразованія въ Царствѣ Польскомъ.—Поездка съ императрицею въ Крымъ.—Закладка памятника Екаторины II.—Празднованіе столѣтія Военнаго ордена.—Пожалованіе ордена св. Георгія I-й степени королю прусскому.—Обмѣнъ телеграммъ съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ.—Письмо короля Вильгельма къ принцу Альбрехту прусскому.—Комисіи для пересмотра постановленій о цензурѣ и печати.—Проектъ административной реформы.—Поездка государя за границу.—Открытіе въ Варшавѣ памятника Паскевичу.—Городовое положеніе.—Всеобщая воинская повинность.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Внѣшняя политика. 1864—1871.

44

Государь предлагаетъ Пруссіи объявить сообща войну Англіи, Франціи и Австріи.—Политическая программа Бисмарка.—Шлезвигъ-голштинскій вопросъ.—Отношеніе къ нему русскаго двора.—Занятіе герцогствъ австро-пруссими войсками.—Вторженіе ихъ въ Ютландію.—Лондонская конференція.—Разговоръ государя съ Бисмаркомъ.—Война Пруссіи и Австріи съ Даніею.—Вѣнскій миръ.—Раздоръ Пруссіи съ Австріею.—Австро-прусская война.—Предварительныя условія мира, подписанныя въ Никольсбургѣ.—Отправленіе Мантейфеля въ Петербургъ.—Переговоры его съ государемъ и вице-канцлеромъ.—Перешика государя съ прусскимъ королемъ.—Пражскій миръ и образованіе Сѣверо-Германскаго союза.—Люксембургскій вопросъ.—Поездка государя въ Парижъ на всемірную выставку.—Избраніе принца Георга датскаго королемъ эллиновъ и присоединеніе къ Греціи Ионическихъ острововъ.—Признаніе принца Карла Гогенцоллернскаго княземъ Румыніи.—Уступка Соединеннымъ Штатамъ Россійско-Американскихъ владѣній.—Возведеніе князя Горчакова въ званіе государственнаго канцлера.—Возстаніе на Критѣ.—Представленія четырехъ державъ Портѣ.—Конференція въ Парижѣ для улаженія турецко-греческаго спора.—Греко-болгарская распря.—Очищеніе Бѣлградской цитадели турками.—Пріѣздъ въ Петербургъ князя Николая Черногорскаго.—Петербургская декларція о разрывныхъ снарядахъ.—Свиданіе государя съ королемъ прусскимъ въ Эмсѣ.—Франко-прусская война.—Русская декларція о нейтралитетѣ.—Поездка Тьера въ Петербургъ.—Бесѣды его съ государемъ и канцлеромъ.—Провозглашеніе Германіи имперіей и заключеніе мира.—Обмѣнъ телеграммъ по этому случаю между государемъ и императоромъ германскимъ.—Франкфуртскій мирный договоръ.—Упраздненіе статьи Парижскаго трактата объ ограниченіи державныхъ правъ Россіи въ Черномъ морѣ.—Циркуляръ князя Горчакова, разъясненіе его державамъ-участницамъ Парижскаго трактата и возраженія ихъ.—Посредничество Пруссіи.—Переговоры Бисмарка съ Великобританскимъ посломъ.—Конференція въ Лондонѣ и Лондонскій договоръ.—Русско-турецкая конвенція.—Пожалованіе князю Горчакову титула «свѣтлости».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Соглашение трех императоровъ. 1871—1876.

81

Охранительное направление во внутренней политике. — Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. — Переписка князя Барятинскаго съ графомъ Шуваловымъ. — Компенсиръ разныхъ вѣдомствъ. — Законъ о дознаніяхъ по государственнымъ преступленіямъ. — Облегченіе участи государственныхъ преступниковъ. — Поѣздка государя за границу. — Депутация протестантскихъ обществъ. — Дальнѣйшія преобразованія въ Царствѣ Польскомъ. — Государь въ Варшавѣ. — Амнистія участникамъ мятежа. — Поѣздка государя на Кавказъ. — Рескриптъ великому князю-наибѣстнику кавказскому. — Приѣздъ въ Ливадію князя Милана Сербскаго. — Германская депутация на Георгіевскомъ праздникѣ. — Царская семья въ Крыму. — Двухсотлѣтняя годовщина Петра Великаго. — Сближеніе Пруссіи съ Австріей. — Государь выражаетъ желаніе съѣхаться въ Берлинъ съ императорами германскимъ и австрійскимъ. — Письмо его къ императору Вильгельму. — Государь въ Новочеркасскѣ. — Съѣздъ трехъ императоровъ въ Берлинъ. — Соглашеніе между ними. — Обмѣнъ телеграммъ съ императоромъ германскимъ по случаю Георгіевскаго праздника. — Приѣздъ въ Петербургъ императора Вильгельма. — Тайный договоръ съ Германіею. — Приѣздъ персидскаго шаха. — Государь въ Вѣнѣ. — Рескриптъ министру народнаго просвѣщенія. — Введеніе всеобщей воинской повинности. — Бракосочетаніе великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. — Приѣздъ въ Петербургъ императора австрійскаго. — Поѣздка государя въ Лондонъ. — Перемѣны въ личномъ правительственномъ составѣ. — Бракосочетаніе великаго князя Владиміра Александровича съ принцессою Маріею Макленбургъ-Шверинскою. — Конференція въ Брюсселѣ объ опредѣленіи законовъ и обычаевъ войны. — Возсоединеніе уніатовъ Царства Польскаго. — Посредничество государя между Франціею и Германіею. — Размолвка Бисмарка съ княземъ Горчаковымъ. — Свиданіе государя съ императоромъ германскимъ въ Эмсѣ и съ австрійскимъ императоромъ въ Эгерѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Завоеваніе Средней Азій. 1864—1881.

114

Соединеніе кордонною линіею укрѣпленія Вѣрное съ фортомъ Перовскимъ. — Взятіе Аудіе-Ата, Туркестана и Чемкента. — Циркуляръ князя Горчакова. — Взятіе Ташкента генераломъ Черняевымъ. — Образованіе Туркестанской области. — Война съ Бухарою. — Сраженіе при Прджарѣ. — Присоединеніе Ташкента къ Имперіи. — Взятіе Ура-Тюбе и Джизака. — Образованіе Туркестанскаго генераль-губернаторства и назначеніе К. П. фонъ-Кауфмана генераль-губернаторомъ. — Приемъ государемъ Туркестанской депутаціи. — Миръ съ Коканомъ. — Взятіе Самарканды. — Миръ съ Бухарою. — Занятіе полуострова Мангышлака и основаніе Красноводска. — Занятіе Кульджи. — Договоръ съ Кашгаромъ. — Переговоры съ Англіею. — Соглашеніе съ сентъ-жемскимъ дворомъ. — Хивинскій походъ. — Взятіе Хивы генераломъ фонъ-Кауфманомъ и мирный договоръ съ хивинскимъ ханомъ. —

Договоръ съ Бухарою.— Дальнѣйшіе переговоры съ Англією.— Возстаніе въ Коканѣ и усмиреніе его генераломъ Скобелевымъ.— Присоединеніе Кокана къ Имперіи падѣ именовъ Ферганской области.— Текинскіе походы 1879 и 1880 г.— Взятіе Денгиль-Тепе Скобелевымъ.— Образованіе Закаспійской области.— Средне-азиатская желѣзная дорога.

КНИГА ПЯТАЯ

Отдѣльныя отрасли государственнаго управленія

1855—1881.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Преобразованіе арміи и флота. 1855—1881.

133

Любовь государя къ военно-морскому дѣлу.— Военный министр Сухожанецъ.— Приведеніе войскъ на мирное положеніе.— Военный министр Д. А. Милютинъ.— Планъ его о преобразованіи строевой организаціи войскъ и всѣхъ отраслей военнаго управленія.— Окружная система.— Чрезвычайныя мѣры, вызванныя польскимъ мятежемъ.— Новая организація сухопутныхъ войскъ.— Дѣленіе ихъ и составъ.— Преобразованіе центральныхъ учрежденій военнаго министерства.— Военные округа.— Одобрительный отзывъ государя о военной реформѣ.— Пересмотръ устава объ управленіи войскъ въ военное время.— Возраженіе на него фельдмаршала князя Барятинскаго.— Главный Штабъ и его дѣятельность.— Главное индѣвдантское управленіе.— Перевооруженіе пѣхоты и артиллеріи.— Части: пажечернал, военно-медицинская и военно-судная.— Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній.— Переустройство казачьихъ войскъ.— Введеніе всеобщей воинскэй повинности.— Положенія о новой организаціи всѣхъ частей арміи.— Мобилизація 1876—78 гг.— Численность арміи въ 1880 году.— Великій князь Константинъ Николаевичъ какъ главный начальникъ флота и морского вѣдомства.— Основанія преобразованія флота.— Сокращеніе числа морскихъ офицеровъ и матросовъ.— Дальнія океанскія и практическія внутреннія плаванія.— Образованіе броненосной эскадры.— Двукратное посѣщеніе ея государемъ.— Улучшенія во флотѣ.— Военное судостроеніе.— Броненосцы.— Перевооруженіе флота.— Дѣятельность Обуховскаго сталелитейнаго завода.— Минное дѣло.— Преобразованіе морского министерства.— Отчетъ генераль-адмирала по морскому вѣдомству за двадцатипятилѣтіе съ 1855 по 1880 годъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Финансы и народное хозяй- ство. 1855—1881.

162

Экономическое развитіе Россіи.— Разстройство финансовъ послѣ Крымской войны.— Комиссія о сокращеніи расходовъ.— Пониженіе процентовъ на долги казначейства казеннымъ кредитнымъ учрежде-

ниямъ и на частныя въ нихъ влады.— Назначеніе министромъ финансовъ Княжевича.— Преобразование государственной отчетности.— Правила о составленіи общей государственной росписи и смѣтъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.— Введеніе «единства кассы».— Преобразование Государственного контроля.— Государственные контролёры: Татаринновъ, Абаза, Грейгъ и Сольскій.— Ограниченія расходовъ, предложенныя Комитетомъ финансовъ.— Передача въ Государственное Казначейство капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.— Возобновленіе выпуска кредитныхъ билетовъ.— Органическія преобразования финансового управленія.— Пересмотръ системы податей и налоговъ.— Переустройство государственныхъ кредитныхъ установленій.— Учрежденіе Государственного банка.— Заѣмъ акціонмъ штейнаго откупа.— Отѣмъ соляной монополіи.— Назначеніе Рейтерна министромъ финансовъ.— Обнародованіе государственной росписи.— Разѣмъ кредитныхъ билетовъ на золото.— Увеличеніе старыхъ и введеніе новыхъ налоговъ.— Заѣмы.— Возростаніе дефицита.— Финансовый кризисъ 1866 г.— Вызванныя имъ мѣры.— Желѣзнодорожный фондъ и заѣмы на постройку желѣзныхъ дорогъ.— Постепенное уменьшеніе и прекращеніе дефицита.— Образованіе свободнаго остатка Государственного Казначейства.— Возраженія Рейтерна противъ предполагаемой войны.— Чрезвычайныя средства для покрытія военныхъ издержекъ.— Взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ.— Назначеніе министромъ финансовъ Грейга.— Докладъ его о финансовомъ положеніи государства.— Комиссія о сокращеніи государственныхъ расходовъ.— Новые налоги.— Абаза—министръ финансовъ.— Отѣмъ налога на соль.— Повышеніе таможеннаго тарифа.— Предположенное погашеніе долга казны Государственному банку.— Финансовые итоги царствованія.— Выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.— Развитіе оборотовъ Государственного банка.— Сберегательныя кассы.— Общественныя и частныя коммерческія банки, общества взаимнаго кредита, ссудо-сберегательныя товарищества, частныя городскія ломбарды, городскія кредитныя общества, частныя земельныя банки.— Развитіе долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита.— Сельское хозяйство.— Возрастаніе вывоза зерна за границу.— Развитіе заводской и мануфактурной промышленности.— Торговля.— Торговый уставъ 1863 г.— Уменьшеніе налога на заграничныя паспорта.— Пересмотръ таможеннаго тарифа.— Развитіе вѣншей торговли.— Желѣзнодорожное дѣло.— Постройка Петергофской желѣзной дороги.— Первая сѣтъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и учрежденіе Главнаго общества.— Уставъ общества.— Пересмотръ и измѣненіе его.— Комитетъ желѣзныхъ дорогъ.— Дороги, разрѣшенныя въ 1858—1859 гг.— Министръ путей сообщенія Мельниковъ.— Сѣтъ 1862 г.— Министръ финансовъ Рейтернъ—сторонникъ постройки желѣзныхъ дорогъ частными компаніями.— Льготы иностраннымъ компаніямъ для постройки линій отъ Москвы до Севастополя и отъ Одессы до Кіева.— Сооруженіе на казенныя средства линій Одесса—Балта и Москва—Орелъ.— Измѣненіе направленія южной дороги.— Концессія на линію Рязань—Козловъ. выданная русскому предпринимателю.— Мнѣнія особой комиссіи о

планъ дальнѣйшаго развитія русскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Сѣтъ 1866 г. — Оущественіе ея. — Концессіонная горячка. — Учрежденіе желѣзнодорожнаго фонда. — Продажа Николаевской желѣзной дороги Главному обществу. — Правила 1868 г. о порядкѣ выдачи концессій. — Неземѣлительство высшихъ государственныхъ сановниковъ съ званіемъ учредителей частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. — Сѣтъ 1868 г. — Графъ В. А. Бобринскій — управляющій министерствомъ путей сообщенія. — Сѣтъ 1870 г. — Измѣненіе порядка реализаціи капиталовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. — Выпускъ консолидированныхъ облигацій. — Правила о порядкѣ выдачи концессій 1870 г. — Министръ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій. — Докладъ его государю и коренное измѣненіе системы желѣзнодорожнаго строительства. — Новыя правила о порядкѣ выдачи концессій. — Противодѣйствіе министра финансовъ. — Упраздненіе комитета желѣзныхъ дорогъ и передача дѣла его Комитету министровъ. — Адмиралъ Посеть — министръ путей сообщенія. — Правила о порядкѣ выдачи концессій 1875 г. — Препращеніе желѣзнодорожнаго строительства во время второй Восточной войны. — Комиссія для изслѣдованія общаго положенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. — Новыя желѣзныя дороги послѣ войны. — Измѣненіе во взглядѣ правительства на желѣзнодорожное хозяйство. — Мѣнѣе о немъ министра финансовъ Абазы. — Возвращеніе къ порядку казенной постройки. — Первый опытъ выкупа частной желѣзной дороги въ казну. — Итоги желѣзнодорожнаго строительства въ царствованіе Александра II. — Развитіе пароводства. — Водяные пути и шоссевыя дороги. — Почтовое дѣло. — Телеграфъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Церковь, просвѣщеніе, благотворительность. 1855—1881.

222

Заботливость государя о православной русской церкви. — Первенствующіе іерархи въ его царствованіе и оберъ-прокуроры св. Синода. — Переводъ священнаго писанія на русскій языкъ. — Проповѣдь Слова Божія язычникамъ. — Обращеніе пновѣрцевъ въ православіе. — Возвышеніе положенія православнаго духовенства въ Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. — Борьба съ расколомъ. — Улучшеніе быта священно- и церковно-служителей. — Приходскія попечительства и церковно-приходскія школы. — Законоположенія, выработанныя особыми присутствіями при св. Синодѣ. — Преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній. — Учрежденіе новыхъ епархій и викариатствъ. — Сношенія съ православными церквями и пожеланія о единовѣрцахъ на Востокѣ. — Сочувствіе русскаго духовенства войнѣ за освобожденіе балканскихъ христіанъ. — Высочайшая благодарственная грамота Синоду. — Привѣтственное посланіе Синода государю въ день двадцатипятилѣтія его царствованія. — Сравнительное положеніе православной русской церкви въ началѣ и въ концѣ царствованія. — Римско-католическая церковь въ Россіи. — Льготы протестантамъ, мусульманамъ, евреямъ. — Милости раскольникамъ. — Народное просвѣщеніе. — Отмѣна стѣснительныхъ мѣръ для студентовъ университетовъ. — Докладъ министра Норова о ну-

ждахъ народнаго образованія въ Россіи. — Преобразование Главнаго правленія училищъ. — Назначеніе Ковалевскаго министромъ народнаго просвѣщенія. — Новые кредиты на народное образование. — Упраздненіе Главнаго педагогическаго института съ замѣною его педагогическими курсами при университетахъ. — Положеніе о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. — Воскресныя школы. — Отрицательное направленіе литературы. — Беспорядки въ университетахъ. — Графъ Путятинъ — министр народнаго просвѣщенія. — Проектъ о вѣдѣніи мѣры обузданія студентовъ. — Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія Головнина. — Усиленіе броженія среди учащейся молодежи. — Закрытіе воскресныхъ школъ и народныхъ читаленъ. — Примирительный образъ дѣйствій Головнина. — Преобразование министерства народнаго просвѣщенія. — Новый университетскій уставъ. — Уставъ гимназій и прогимназій. — Начальное образованіе. — Обсужденіе этого вопроса въ Совѣтѣ министровъ и въ Особомъ совѣщаніи. — Взглядъ на него Головнина. — Вопросъ объ отношеніяхъ вѣмства къ народнымъ училищамъ. — Обсужденіе его въ Государственномъ Совѣтѣ. — Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. — Правила для народныхъ школъ въ Западномъ краѣ. — Мѣры по начальному образованію, принятыя М. Н. Муравьевымъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. — Обсужденіе въ Комитетѣ министровъ вопроса о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ юго-западныхъ. — Мѣніе оберъ-прокурора св. Синода графа Толстого о задачахъ православнаго духовенства и народномъ образованіи. — Назначеніе его министромъ народнаго просвѣщенія. — Пересмотръ университетскаго устава. — Правила о надзорѣ за студентами высшихъ учебныхъ заведеній. — Высочайшая грамота петербургскому университету въ годовщину его пятидесятилѣтія. — Возобновленіе студенческихъ волненій. — Новыя и преобразованныя высшія учебныя заведенія. — Учрежденіе Сибирскаго университета въ Томскѣ и Археологическаго института въ Петербургѣ. — Введеніе «классической системы» въ среднее образованіе. — Обсужденіе ея въ Особомъ присутствіи и въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе государемъ. — Новый уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ и повсемѣстное введеніе его. — Основаніе въ Москвѣ лицея цесаревича Николая. — Уставъ реальныхъ училищъ. — Преобразование учебныхъ заведеній въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ и въ Царствѣ Польскомъ. — Подчиненіе министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеній Царства Польскаго и образованіе Варшавскаго учебнаго округа. — Введеніе въ нихъ преподаванія на русскомъ языкѣ. — Русскія учебныя заведенія въ Прибалтійскомъ краѣ. — Пересмотръ стараго и введеніе новаго положенія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. — Допущеніе женщинъ на службу въ правительственныя и общественныя учрежденія. — Переименованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія. — Основаніе учительскихъ институтовъ. — Положеніе о народныхъ училищахъ. — Ученныя учрежденія и сѣзды. — Возростаніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія. — Последній отчетъ графа Толстого по министерству народнаго просвѣщенія. — Замѣна графа Толстого во главѣ министерства народ-

наго просвѣщенія Сабуровымъ. — Русское искусство, литература и повременная печать. — Воспитательно-благотворительная дѣятельность вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. — Передача его въ завѣдываніе императрицы Маріи Александровны. — Участіе въ дѣлѣ великихъ князянь. — Новыя узаконенія. — Вступленіе цесаревны Маріи Теодоровны въ завѣдываніе вѣдомствомъ. — Развѣтіе его дѣятельности въ царствованіе Александра II. — Число учебныхъ и благотворительныхъ заведеній и получившихъ въ нихъ воспитаніе или пріютъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Освобожденіе балканскихъ христіанъ.

1875 — 1880.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Восточный кризисъ. 1875—1877. 291

Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи. — «Центръ соглашенія» въ Вѣнѣ трехъ императорскихъ дворовъ. — Консульская комиссія. — Волненія въ Черногоріи и Сербіи. — Виды вѣнскаго двора. — Переговоры его съ русскимъ дворомъ. — «Прадѣ» и фирманъ султана. — Первое русское правительственное сообщеніе. — Тревога въ Вѣнѣ. — Князь Горчаковъ высказывается въ пользу тройственнаго соглашенія. — Второе правительственное сообщеніе. — Австро-венгерская нота о реформахъ въ возставшихъ областяхъ. — Принятіе ея великими державами и Портою. — Писургенты отвергають реформы и требуютъ гарантій. — Заявленія князя Горчакова иностраннымъ посламъ. — Съѣздъ въ Берлинѣ съ Бисмаркомъ Горчакова и Андраши. — Берлинскій меморандумъ. — Непринятіе его Англіею. — Дворцовый переворотъ въ Константинополѣ. — Турецкія звѣрства въ Болгаріи. — Обмѣнъ мыслей между дворами с.-петербургскимъ и лондонскимъ. — Возраженія Австро-Венгріи противъ автономіи Босніи и Герцеговины. — Война Черногоріи и Сербіи съ Турціею. — Свиданіе императоровъ Александра и Франца-Иосифа въ Рейхштадтѣ. — Результаты его. — Общественное возбужденіе въ Россіи. — Зачисленіе великаго князя Николая Александровича въ л.-гв. Павловскій полкъ. — Разногласіе между Горчаковымъ и Андраши. — Сербія и Черногорія просятъ посредничества великихъ державъ. — Англія предлагаетъ перемиріе. — Отъѣздъ государя въ Ливадію. — Переговоры о перемиріи. — Россія предлагаетъ Австріи и Англіи вооруженное вмѣшательство. — Порта соглашается на шестимѣсячное перемиріе, Россія отвергаетъ его. — Возрастаніе народнаго одушевленія въ Россіи. — Румынское посольство въ Ливадіи. — Совѣщаніе въ высочайшемъ присутствіи. — Переговоры канцлера съ великобританскимъ посломъ. — Русскій ультиматумъ Турціи. — Съѣздъ государя съ лордомъ Августомъ Лофтусомъ. — Англійская

программа конференціи. — Замѣчанія на нее князя Горчакова. — Пояснительное письмо его графу Шувалову. — Рѣчь графа Биконсфильда на банкетѣ лорда-мера. — Рѣчь государя въ Кремлѣ. — Толкованіе ея Аксаковымъ. — Мобилизація русской армии. — Объясненія съ Англіею. — Созваніе конференціи въ Константинополь. — Лордъ Салисбюри въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ. — Совѣщаніе Салисбюри съ Пгнатъевымъ. — Возраженія Андраши на программу Пгнатъева. — Предварительная конференція въ Константинополь. — Ея проектъ мирныхъ условій и реформъ въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ. — Рѣчь Бисмарка въ имперскомъ сеймѣ. — Заявленія его русскому послу и отвѣты на запросы изъ Петербурга. — Совѣты его русскому правительству. — Онъ проситъ у него «пиструцдія». — Возраженія князя Горчакова. — Довѣрительные переговоры съ Австро-Венгріею. — Основанія австро-русскаго соглашенія. — Сообщеніе ихъ Бисмарку. — Пзвѣтъ Бисмарка на Россію. — Подписаніе австро-русской конвенціи. — Дальнѣйшія объясненія Бисмарка съ Уоръ. — Переписка его съ графомъ Шуваловымъ. — Переговоры съ Румыніею о проходѣ чрезъ нее русскихъ войскъ. — Заключеніе договора съ нею. — Конференція въ Константинополь. — Порта отвергаетъ предложенія великихъ державъ. — Циркулярный запросъ князя Горчакова. — Отзывъ Бисмарка. — Мирнолюбивыя вѣянія въ Петербургѣ. — Сообщеніе кабинетамъ великихъ державъ. — Огружная поѣздка Пгнатъева по европейскимъ столицамъ. — Мнѣніе Бисмарка. — Лондонскій протоколъ. — Отверженіе его Портою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Вторая Восточная война. 1877 — 1878

371

Отъѣздъ государя въ Кишиневъ. — Смотръ войскамъ по пути. — Манifestъ объ объявленіи войны Турціи. — Молебствіе и парадъ. — Семидневное пребываніе въ Кишиневѣ. — Приветственное письмо князя Румынскаго. — Празднованіе дня рожденія государя. — Посѣщеніе Одессы и Кіева. — Прибытіе въ Москву. — Рѣчь государя къ дворянству и городской обществу. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Приемъ депутацій отъ дворянства и городской думы. — Благодарственные рѣчи императора и императрицы. — Циркуляръ канцлера объ объявленіи войны. — Разрывъ съ Портою и мѣры, имъ вызванныя. — Нейтралитетъ великихъ державъ. — Обиѣтъ мыслей государя съ германскимъ императоромъ. — Заявленіе Бисмарка Уоръ. — Распоряженія вѣнскаго двора. — Толкованіе имъ условій австро-русскаго соглашенія. — Разговоръ графа Андраши съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. — Запросы и оговорки Англіи. — Поведеніе балканскихъ государствъ. — Соображенія князя Горчакова. — Условія будущаго мира. — Начало военныхъ дѣйствій на Дунаѣ и за Кавказомъ. — Отъѣздъ государя въ армию. — Приемъ его въ Румыніи. — Измѣненіе мирныхъ условій. — Отъложеніе вооруженнаго содѣйствія Румыніи и Сербіи. — Переходъ чрезъ Нижній Дунай у Галаца. — Воззваніе государя къ болгарамъ. — Переходъ чрезъ Дунай у Зимницъ. — Государь за Дунаемъ. — Пребываніе въ Зимницѣ. — Государь

въ Болгаріи. — Переходъ Гурко за Балканы. — Взятіе Никополя. — Пребываніе въ Бѣлѣ. — Неудачи въ Малой Азій. — Первая и вторая Плевна и отступленіе Гурко обратно изъ-за Балканъ. — Вызовъ гвардіи на театръ войны. — Пребываніе въ Горномъ Студнѣ. — Образъ жизни. — Бои на Шипкѣ. — Переходъ черезъ Дунай румынской арміи подъ личнымъ начальствомъ князя Карла. — Князь Румынскій — начальникъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ впереди Плевны. — Взятіе Ловчи. — Прибытіе государя на позицію подъ Плевною. — Третья атака Плевны въ день именинъ государя. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе государя. — Мобилизація гренадерскаго корпуса и вызовъ въ армію Тотлебена. — Посѣщеніе госпиталей и лазаретовъ. — Возвращеніе въ Горный Студень. — Нездоровье государя. — Прибытіе въ главную квартиру Тотлебена. — Побѣды въ Малой Азій. — Составленный Тотлебеномъ планъ обложенія Плевны. — Взятіе Горнаго Дубняка и Телиша. — Переѣздъ въ Парадимъ. — Государь навѣщаетъ гвардію. — Движеніе Гурко къ Балканамъ. — Гренадеры подъ Плевною. — Государь поддерживаетъ Тотлебена. — Дальнѣйшіе успѣхи въ Малой Азій. — Взятіе Карса. — Посѣщеніе государемъ румынскаго лагеря. — Георгіевскій праздникъ. — Паденіе Плевны и плѣненіе арміи Османа-паши. — Молебствіе на мѣстѣ ставки турецкаго главнокомандующаго. — Награды. — Государь принимаетъ Османа-пашу. — Планъ дальнѣйшей кампаніи. — Прощаніе съ конвоемъ. — Парадъ. — Отъѣздъ государя изъ Парадима. — Посѣщеніе отряда цесаревича. — Прибытіе въ Бухарестъ. — Высочайшій приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Адресъ петербургскаго дворянства. — Столѣтняя годовщина рожденія императора Александра I. — Приемъ московскихъ депутацій. — Переходъ Гурко черезъ Балканы. — Сербія объявляетъ Турціи войну. — Взятіе сербами Пирота и Ниша. — Плѣненіе арміи Весселя-паши подъ Шипкою. — Общее наступленіе русскихъ войскъ за Балканами, подъ Рущукомъ и въ Добруджѣ. — Сраженіе подъ Филиппополемъ. — Занятіе Адрианополя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Перемиріе въ Адрианополѣ и миръ въ Санъ-Стефано, 1877—1878. .

421

Разговоръ государя съ полковникомъ Велеслемъ. — Заявленіе сентъ-джемскаго двора. — Впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Плевны въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. — Представленіе сентъ-джемскаго двора о Константинополѣ. — Порта проситъ посредничества великихъ державъ. — Высочайше утвержденныя въ Парадимѣ основанія мира. — Сообщеніе ихъ императорамъ германскому и австрійскому. — Обсужденіе на военномъ совѣтѣ. — Отвѣтъ канцлера на англійскій запросъ о Константинополѣ и о мирѣ. — Основанія мира, посланныя обоимъ главнокомандующимъ. — Обращеніе Реуфа-паши къ великому князю Николаю Николаевичу и отвѣтъ главнокомандующаго. — Донесеніе его государю и отвѣтъ его величества. — Обмѣнъ телеграммъ между султаномъ и государемъ. — Переговоры князя Горчакова съ великобританскимъ посломъ. — Письмо государя къ великому князю Нико-

лаю Николаевичу.—Обсужденіе вопроса о мирѣ въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ государя.—Возраженія графа Андраши на наши условія мира.—Рѣшенія совѣщанія.—Сообщеніе ихъ главнокомандующему.—Полученіе великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ полномочій и прибытіе въ главную квартиру турецкихъ пословъ.—Переговоры съ ними великаго князя.—Отсрочка переговоровъ.—Наступательное движеніе къ Константинополю.—Донесенія главнокомандующаго государю.—Высочайшія ему инструкціи.—Отправленіе графа Игнатьева въ Адрианополь.—Вторичное обращеніе султана къ государю и отвѣтъ его величества.—Порта принимаетъ основанія мира.—Подписаніе ихъ и заключеніе перемирія.—Письмо великаго князя къ государю.—Рѣчь государя на разводѣ.—Письмо его главнокомандующему.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Фессалію и Эпиръ.—Переговоры съ Румыніею объ обитіи приднѣвской Бессарабіи на Добруджу.—Дальнѣйшіе переговоры съ Англіею.—Колѣбанія Великобританскаго правительства.—Приказаніе австрійской эскадрѣ войти въ Дарданеллы и идти къ Константинополю.—Впечатленіе, произведенное этою вѣстью на государя.—Рѣшеніе его ввести русскія войска въ Константинополь.—Телеграммы государя главнокомандующему и султану.—Оповѣщеніе княземъ Горчаковымъ правительствъ великихъ державъ.—Преребанія съ сентъ-джемскимъ дворомъ.—Телеграфная переписка государя о занятіи Константинополя.—Распоряженія великаго князя Николая Николаевича.—Колѣбанія его.—Перенесеніе главной квартиры въ Санъ-Стефано.—Переговоры съ Австро-Венгріею.—Князь Горчаковъ не соглашается на созваніе конференціи въ Вѣнѣ.—Онъ взываетъ къ посредничеству Германіи между Россіею и Австро-Венгріею.—Рѣчь Бисмарка въ германскомъ имперскомъ сеймѣ.—Заявленіе его русскому послу.—Созваніе конгресса въ Берлинѣ.—Переговоры въ Санъ-Стефано о «предварительномъ мирѣ».—Заключеніе его.—Телеграмма и письмо къ государю великаго князя Николая Николаевича.—Обитіи ратификацій.—Сообщеніе санъ-стефанскаго договора великимъ державамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Берлинскій конгрессъ. 1878. 468

Отношеніе Италіи и Франціи къ русско-турецкой войнѣ.—Великія державы принимаютъ приглашеніе Германіи на конгрессъ въ Берлинѣ.—Оговорка Англіи.—Возраженіе Горчакова.—Циркуляръ Салисбюри.—Отвѣтный циркуляръ Горчакова.—Несогласія съ Австро-Венгріею.—Отправленіе въ Вѣну графа Игнатьева.—Приготовленія къ войнѣ съ Англіею и Австріею.—Записка генераль-адъютанта Обручева.—Высочайшая инструкція великому князю Николаю Николаевичу.—Объясненіе великаго князя съ султаномъ.—Письмо его государю и отвѣтъ его величества.—Приказаніе занять Босфоръ.—Замѣна великаго князя Николая Николаевича Тотлебеномъ въ званіи главнокомандующаго.—Отзывъ Тотлебена о невозможности занятія Востора.—Дальнѣйшіе переговоры съ вѣнскимъ дворомъ.—Бисмаркъ уклоняется отъ посредничества.—Тайные переговоры Шувалова съ Салисбюри.—Шуваловъ у Бисмарка въ Фридрихсруэ.—Пріѣздъ его въ Петербургъ.—Письмо государя къ Тот-

лебену. — Вторичная поѣздка Шувалова въ Фридрихсруэ. — Англо-русскія конвенціи. — Германія приглашаетъ державы на конгрессъ. — Дипломатическое совѣщаніе въ Петербургъ. — Инструкціи русскимъ уполномоченнымъ на конгрессъ. — Открытіе конгресса. — Вступительная рѣчь предсѣдателя. — Вопросъ объ отступленіи русской арміи изъ-подъ Константинополя. — Обсужденіе конгрессомъ вопросовъ: о Болгаріи, о Босніи и Герцеговинѣ, о Сербіи о Румыніи, о Черногоріи, о Греціи, о религиозной свободѣ и гражданской равноправности въ Турціи, о свободѣ плаванія по Дунаю, о вознагражденіи за военныя издержки Россіи, о Батумѣ и русскихъ пріобрѣтеніяхъ въ Малой Азій, объ уступкѣ Персіи г. Хотура. — Конгрессъ отвергаетъ русское предложеніе о европейской санкціи его постановленій. — Берлинскій трактатъ. — Союзная конвенція Великобританіи съ Турціей. — Тунисъ. — Скрѣпленіе дружбы между Бисмаркомъ и Андраши. — Ратификація Берлинскаго трактата. — Русское правительственное сообщеніе.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. Исполненіе Берлинскаго трактата. 1878 — 1880

511

Взглядъ русскаго двора на отношенія Россіи къ Турціи. — Инструкція послу князю Лобанову-Ростовскому. — Первые донесенія его изъ Константинополя. — Преобладающее вліяніе Англіи на Порту. — Очищеніе турками Шумлы, Варны и Батума и отступленіе русской арміи отъ Константинополя. — Продолжительное пребываніе въ Адрианополѣ нашей главной квартиры. — Переговоры князя Лобанова съ турками о заключеніи окончательнаго мира Россіи съ Портою. — Письма государя къ главнокомандующему дѣйствующей арміею. — Подписаніе русско-турецкаго мирнаго трактата. — Высочайшій манифестъ. — Возвращеніе арміи въ Россію. — Введеніе новаго государственнаго устройства въ Восточной Румеліи. — Мѣры, принятыя въ пользу болгаръ передъ выступленіемъ изъ Болгаріи русскихъ войскъ. — Неудовольствіе, вызванное въ болгаряхъ расчлененіемъ Болгаріи. — Порученіе, высочайше возложенное на генералъ-адъютанта Обручева. — Воззваніе государя къ болгарамъ Восточной Румеліи. — Назначеніе генералъ-губернаторомъ этой области Алекопаша. — Открытіе въ Тырновѣ болгарскаго учредительнаго собранія. — Конституція Болгарскаго княжества. — Воззваніе государя къ жителямъ Болгаріи. — Избраніе принца Александра Балтенбергскаго княземъ Болгарскимъ. — Прибытіе его въ Болгарію и вступленіе въ управленіе княжествомъ. — Результаты русскаго управленія Болгаріею. — Исполненіе прочихъ постановленій берлинскаго трактата. — Поведеніе Италіи и Франціи. — Обостреніе отношеній Россіи къ Великобританіи. — Афганскія дѣла. — Затрудненія, создаваемыя англійскою дипломатіею водворенію порядка на Балканскомъ полуостровѣ. — Перемѣна министерства въ Лондонѣ. — Поворотъ въ Восточной политикѣ сентъ-жемскаго двора. — Согласіе его съ Россіею по дѣламъ Черногоріи, Греціи, Румыніи и Сербіи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Союзъ Германіи и Австро-Венгріи противъ Россіи. 1879.

532

Вѣрность государя союзу «трехъ императоровъ». — Графъ Шуваловъ въ Вѣнѣ и Будапештѣ. — Дѣйствія Германіи и Австро-Венгріи на балканскомъ Востокѣ. — Взглядъ князя Горчакова на отношенія Россіи къ обѣимъ сосѣднимъ Имперіямъ и къ Европѣ. — Возбужденіе русскаго общественнаго мнѣнія противъ Германіи. — Статья, внушенная Бисмаркомъ Бушу противъ князя Горчакова. — Неудовольствіе государя на Германію и Австро-Венгрію. — Письмо его къ императору Вильгельму. — Раздраженіе Бисмарка. — Отвѣтное письмо императора германскаго. — Отправленіе фельдмаршала Мавтеффеля въ Варшаву. — Докладъ Бисмарка Вильгельму I. — Андраши у Бисмарка въ Гастейнѣ. — Переписка Бисмарка съ императоромъ Вильгельмомъ. — Письмо Андраши къ Бисмарку. — Новыя представленія Бисмарка императору Вильгельму. — Отвѣтъ на нихъ императора германскаго. — Письмо Бисмарка къ Андраши. — Свиданіе въ Александровѣ императоровъ Александра и Вильгельма. — Письма императора Вильгельма къ Бисмарку. — Бисмаркъ получаетъ полномочіе на заключеніе союза съ Австро-Венгрією. — Пребываніе его въ Вѣнѣ. — Проектъ австро-германской союзной конвенціи. — Переговоры Бисмарка съ Сабуровымъ въ Берлинѣ. — Возраженія императора Вильгельма на предложенную конвенцію. — Настойчивость Бисмарка. — Письмо Андраши къ Бисмарку. — Императоръ Вильгельмъ утверждаетъ проектъ австро-германскаго союзнаго договора. — Подписаніе его въ Вѣнѣ. — Письмо Вильгельма I къ государю. — Отвѣтъ императора Александра. — Заявленія Бисмарка графу Сень-Валье. — Поздравительное письмо императора Вильгельма съ 25-лѣтіемъ царствованія Александра II. — Обмѣвъ телеграммъ между монархами въ день рожденія императора германскаго. — Письмо Вильгельма I къ Бисмарку о кончинѣ императора Александра.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Конецъ царствованія.

1880 — 1881.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. Крамола. 1861 — 1880. .

579

Начало социальна-революціоннаго движенія въ Россіи. — Броженіе 1861—1862 гг. — Назначеніе слѣдственной комиссіи. — Переломъ въ настроеніи русскаго общества. — Слѣдствіе о покушеніи 4-го апрѣля 1866 г. — Обнаруженное имъ зараженіе учащейся молодежи социальна-революціонными ученіями. — Кружокъ Ишутина. — Безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ. — Русскіе студенты и студентки

* с. с. татищевъ. т. II.

въ Швейцаріи. — Развитие социальна-революціонныхъ кружковъ. — Сообщество Нечаева. — Законъ 14-го мая 1871 г. — Пропаганда среди рабочихъ. — Движеніе «въ народъ». — Дознаніе о социальна-революціонной пропагандѣ въ Имперіи. — Особое Совѣщаніе для изысканія мѣръ къ ея обузданію. — Организациа социальна-революціонной «партіи» и дѣятельность ея. — Тайная типографіа. — Уличныя демонстраціи. — Обсужденіе въ Комитетѣ Министровъ вопроса о гласности политическихъ процессовъ. — Процессы о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. — Покушеніе на жизнь с.-петербургскаго градоначальника. — Политическія убійства. — Волненія въ университетахъ. — Оправданіе судомъ Вѣры Засулицы. — Строгия правительственныя мѣры. — Убіиство шефа жандармовъ Мезенцова. — Новыя чрезвычайныя мѣры. — Подчиненіе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ. — Воззваніе къ русскому обществу содѣйствіи правительству въ борьбѣ съ крамолой. — Приготовленія къ царубійству въ Николаевѣ. — Назначеніе генерала Дрентельна шефомъ жандармовъ и Макова министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Новыя волненія студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. — Сообщество «Земля и Воля» и его преступная дѣятельность. — Голодныя бунты въ тюрьмахъ. — Убіиство харьковскаго губернатора князя Крапотына. — Покушеніе на жизнь государя. — Учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторствъ и чрезвычайныя полномочія генералъ-губернаторовъ. — Второе Особое Совѣщаніе о мѣрахъ для искорененія социальна-революціонной пропаганды. — Обсужденіе его предположеній въ Комитетѣ Министровъ. — Распоряженія генералъ-губернаторовъ. — Съѣзды крамольниковъ въ Липецкѣ и Воронежѣ. — Распаденіе сообщества «Земля и Воля» на двѣ группы: «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ». — Организациа террористической шайки. — Приготовленія къ царубійству въ Одессѣ, Александровскѣ и Москвѣ. — Взрывъ полотна желѣзной дороги подъ Москвою. — Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. — Учрежденіе Верховной Распорядительной Комиссіи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Двадцати-пяти-лѣтіе царствованія. 1880. .

621

Тюремная реформа. — Разсмотрѣніе въ Особомъ Совѣщаніи проектовъ Валуева и великаго князя Константина Николаевича. — Указъ объ учрежденіи Верховной Распорядительной Комиссіи и назначеніе главнымъ ея начальникомъ графа Лорисъ-Меликова. — Обращеніе его къ «жителямъ столицы». — Празднованіе 25-ти-лѣтней годовщины вступленія Александра II на престоль. — Покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова. — Подчиненіе ему III Отдѣленія и временныхъ генералъ-губернаторовъ. — Дѣятельность Верховной Распорядительной Комиссіи. — Два всеподданнѣйшіе доклада графа Лорисъ-Меликова съ изложеніемъ его политической программы. — Перомѣны въ личномъ правительственномъ составѣ. — Кончина императрицы Маріи Александровны. — Злодѣйскіе замыслы террористическаго сообщества. — Закрытіе Верховной Распорядительной Комиссіи и на-

значеніе графа Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Сенаторскія ревизіи. — Отъѣздъ государя въ Ливадію. — Пожалованіе графу Лорисъ-Меликову ордена св. Андрея. — Возвращеніе государя въ Петербургъ. — Отмѣна акциза на соль. — Комиссія о преобразованіи въ разныхъ частяхъ управленія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Последніе дни и кончина. 1881. .

650

Докладъ графа Лорисъ-Меликова о преобразованіи внутренняго управленія. — Разслѣдованіе государственныхъ преступленій. — Судъ надъ преступниками. — Арестъ двухъ вожаковъ террористической шайки. — Приготовленія къ царевѣиству. — Совершеніе его. — Кончина императора Александра II.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

661

ПРИЛОЖЕНІЕ. Оправдательныя документы къ главамъ XXXI: Союзъ Германіи и Австро-Венгріи противъ Россіи .

663

- 1) Письмо императора Александра II къ императору Вильгельму I изъ Царскаго Села, 3-го (15-го) августа 1879 г. 665
- 2) Письмо императора Вильгельма I статсъ-секретарю Бюлову, изъ Бабельсберга, 17-го (29-го) августа 1879 г. 667
- 3) Статья «Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты», 18-го (30-го) августа 1879 г. —
- 4) Телеграмма князя Бисмарка статсъ-секретарю Бюлову изъ Гастейна, 18-го (30-го) августа 1879 г., 8 ч. 5 м. у. 668
- 5) Телеграмма статсъ-секретаря Бюлова князю Бисмарку изъ Берлина, 18-го (30-го) августа 1879 г. —
- 6) Письмо графа Авдраши князю Бисмарку изъ Шёнбрунна, 20-го августа (1-го сентября) 1879 г. —
- 7) Письмо князя Бисмарка графу Андраши изъ Гастейна, 22-го августа (3-го сентября) 1879 г. 670
- 8) Отчетъ императора Вильгельма I о происходившемъ 22-го и 23-го августа (3-го и 4-го сентября) 1879 г. въ Александровѣ свиданіи его съ императоромъ Александромъ II. 24-го—28-го августа (5-го—9-го сентября) 1879 г. 673
- 9) Письмо князя Бисмарка къ королю Лудвигу II Баварскому, изъ Гастейна, 29-го августа (10-го сентября) 1879 г. 677
- 10) Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Данцига и Штетина, 29-го—31-го августа (10-го—12-го сентября) 1879 г. 680
- 11) Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Штетина 3-го (15-го) сентября 1879 г. 683
- 12) Письмо короля Лудвига II Баварскаго къ князю Бисмарку изъ Берга, 4-го (16-го) сентября 1879 г. 684
- 13) Письмо вице-канцлера графа Штольберга князю Бисмарку изъ Берлина, 5-го (17-го) сентября 1879 г. 685

и*

	СТРАН.
14) Письмо князя Бисмарка королю Лудвигу II Баварскому изъ Гастейна, 7-го (19-го) сентября 1879 г. .	686
15) Письмо князя Бисмарка графу Андраши изъ Гастейна, 8-го (20-го) сентября 1879 г.	687
16) Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Бадень-Бадена, 20-го сентября (2-го октября) 1879 г.	688
17) Письмо графу Андраши князю Бисмарку изъ Вены, 21-го сентября (3-го октября) 1879 г. .	691
18) Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Бадень-Бадена, 22-го сентября (4-го октября) 1879 г.	691
19) Письмо настѣднаго принца Фридриха-Вильгельма князю Бисмарку изъ Бадень-Бадена, 22-го сентября (4-го октября) 1879 г.	693
20) Союзный договоръ Германіи и Австро-Венгрии, подписанный въ Вѣнѣ, 25-го сентября (7-го октября) 1879 г.	—
21) Проектъ словеснаго отвѣта императору Александру II на могущіе послѣдовать съ его стороны запросы, писанный рукою князя Бисмарка, въ Варшинѣ, 18-го (30-го) октября 1879 г.	696
22) Письмо императора Вильгельма I императору Александру II изъ Берлина, 23-го октября (4-го ноября) 1879 г. .	696
23) Письмо императора Александра II императору Вильгельму I изъ Ливадіи, 2-го (14-го) ноября 1879 г.	697
24) Разговоръ князя Бисмарка съ графомъ Сенъ-Валье	699
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ	709

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОДЫ МИРНАГО РАЗВІТІЯ

1866 — 1876

ХІХ.

Дѣла внутреннія.

1866—1870.

Первое покушеніе на жизнь государя.—Привѣтствія и адреса.—Письмо къ митрополиту московскому.—Раскрытіе заговора.—Наказаніе преступниковъ.—Перемѣны въ правительственномъ составѣ.—Рескриптъ предѣдателью Комитета министровъ.—Введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.—Прельваніе государя и императрицы въ Пльнскомъ.—Аудіенція Каткову.—Чрезвычайное посольство Соединенныхъ Штатовъ.—Кончина графа М. Н. Муравьева.—Помолвка и женитьба наслѣдника.—Правительственное сообщеніе о положеніи дѣлъ въ Западномъ краѣ.—Преобразованія въ Царствѣ Польскомъ.—Ограниченіе права земскихъ собраній облагать промышленныя и торговыя предприятия.—Временное закрытіе и распущеніе пестербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Поѣздка государя съ цесаревичемъ и цесаревною въ Москву.—Пріемъ славянскихъ гостей.—Амнистія участникамъ польскаго мятежа.—Поѣздка въ Парижъ на всемірную выставку.—Второе покушеніе на жизнь государя.—Государь въ Варшавѣ, Вильнѣ и Ригѣ.—Встрѣча его въ Царскомъ Селѣ.—Красносельскій лагерь.—Помолвка и женитьба короля эллиновъ на великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ.—Пятидесятилѣтіе архіерейскаго служенія и кончина митрополита московскаго Филарета.—Преобразованія въ Закавказьѣ.—Неурожай 1867 г.—Увольненіе Вадуева и назначеніе Тимашева министромъ внутреннихъ дѣлъ.—Пятидесятилѣтній юбилей государя, какъ шефа лейбъ-гусарскаго полка.—Рожденіе великаго князя Николая Александровича.—Облегченіе участи государственныхъ преступниковъ и политическихъ ссыльныхъ.—Поземельное устройство крестьянъ Бессарабской области.—Поѣздка съ императрицею за границу.—Сліяніе Царства Польскаго съ Имперіей.—Снятіе военнаго положенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Дѣятельность комесіи для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.—Изданіе «Правительственнаго Вѣстника». — Крестьянское дѣло въ Прибалтійскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ.—Дальнѣйшія преобразованія въ Царствѣ Польскомъ.—Поѣздка съ императрицею въ Крымъ.—Закладка памятника Екатеринѣ II.—Празднованіе столѣтія Военнаго ордена.—Пожалованіе ордена св. Георгія 1-й степени королю прусскому.—Обмѣнъ телеграммъ съ императо-

ромъ Францомъ-Иосифомъ.—Письмо короля Вильгельма къ принцу Альбрехту прусскому.—Компсія для пересмотра постановленій о цензурѣ и печати.—Проектъ административной реформы.—Поѣздка государя за границу.—Открытие въ Варшавѣ памятника Паскевичу.—Городовое положеніе.—Всесоюзная воинская повинность.

4-го апрѣля 1866 года, въ четвертомъ часу дня, императоръ Александръ, послѣ обычной прогулки въ Лѣтнемъ саду, въ сопровожденіи племянника, герцога Николая Лейхтенбергскаго и племянницы, принцессы Маріи Баденской, сѣдился въ коляску, когда неизвѣстный человѣкъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Въ эту минуту стоявшій въ толпѣ крестьянинъ Осипъ Комиссаровъ ударилъ убійцу по рукѣ, и пуля пролетѣла мимо. Преступникъ задержанъ на мѣстѣ и по приказанію императора отведенъ въ III отдѣленіе. Государь самъ отъ Лѣтняго сада отправился прямо въ Казанскій соборъ, принести благодареніе Богу за избавленіе отъ угрожавшей ему опасности, а герцогъ Николай и принцесса Марія—поспѣшили въ засѣданіе Государственнаго Совѣта, чтобы предупредить о случившемся предсѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ великаго князя Константина Николаевича. Когда императоръ возвратился въ Зимній дворецъ, то тамъ уже ожидали его всѣ члены Государственнаго Совѣта для принесенія поздравленія. Обнявъ императрицу и августѣйшихъ дѣтей, императоръ со всею семьей вторично поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ предъ чудотворною иконою Богоматери отслуженъ былъ благодарственный молебенъ.

Между тѣмъ, вѣсть о чудесномъ спасеніи монарха быстро разнеслась по городу. На площади предъ соборомъ толпа привѣтствовала его кликами радости и восторга. Въ Зимнемъ дворцѣ собрались министры, высшіе придворные и гражданскіе чины, генералитетъ, офицеры гвардіи, арміи и флота, спѣшившіе наперерывъ принести государю выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ. Всѣ были допущены къ нему. Густая толпа народа заливала Дворцовую площадь, оглашая воздухъ кликами «ура!» Государь нѣсколько разъ выходилъ къ ней на дворцовый балконъ. Вечеромъ во всѣхъ церквахъ столицы происходили молебствія.

На другой день, въ 10 часовъ утра, императоръ принялъ поздравленія Сената, явившагося въ Зимній дворецъ въ полномъ составѣ, съ министромъ юстиціи во главѣ. «Благодарю васъ, господа»,—сказалъ онъ сенаторамъ—«благодарю за вѣрноподданическія чувства. Они радуютъ меня. Я всегда былъ въ нихъ увѣренъ. Жалѣю только, что вамъ довелось выражать ихъ по такому грустному событію. Личность преступника еще не разъяснена, но очевидно, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Всего

прискорбѣ, что онъ русскій». На выраженную однимъ изъ сенаторовъ надежду, что дальнѣйшее слѣдствіе разъяснитъ личность преступника и что имя русскаго останется незапятнаннымъ, государь отвѣчалъ: «Дай Богъ!» Затѣмъ онъ сообщилъ сенаторамъ то, что открыло первоначальное разслѣдованіе, и отпуская ихъ, повторилъ: «Благодарю, еще разъ благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ вѣрноподданическихъ чувствъ»

Въ часъ состоялся пріемъ императоромъ во дворцѣ петербургскаго дворянства, къ которому присоединились находившіеся въ столицѣ дворяне другихъ губерній, представители городскихъ обществъ и прочихъ сословій. Когда изъ Золотой гостиной государь вступилъ въ Вѣлую залу, подъ руку съ императрицей, въ сопровожденіи цесаревича и прочихъ сыновей, его встрѣтило громкое единодушное «ура!», не умолкавшее нѣсколько минутъ. Ихъ величества были растроганы. Ихъ окружили со всѣхъ сторонъ. На глазахъ у всѣхъ были слезы. Когда водворилась тишина, петербургскій губернский предводитель дворянства графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ императору со слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Ваше императорское величество. При семъ горестномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительномъ случаѣ, мы, предводители, депутаты и дворяне с.-петербургскіе, предстою предъ вами, государь, не говоримъ отъ имени дворянъ всей Россіи потому только, что каждое дворянское собраніе дорожитъ правомъ выразить само свое чувство. Но отъ имени нашихъ довѣрителей—дворянъ столицы и Петербургской губерніи, мы нынѣ выражаемъ предъ вашимъ величествомъ нашу скорбь, что рука преступника или сумасшедшаго посягнула на вашу высочайшую, церковью освященную и намъ дражайшую особу, и вмѣстѣ съ тѣмъ возносимъ Богу благодарственными моленіями за то, что Онъ защитилъ Россію отъ бѣдствій, спасая вашу жизнь. Государь, позвольте намъ въ настоящую минуту вспомнить, что въ этомъ самомъ дворцѣ, въ третій день вашего царствованія, вы, принимая с.-петербургскихъ депутатовъ, имъ сказали, что надѣетесь видѣть всегда русское дворянство въ началѣ и во главѣ всякаго доблестнаго и полезнаго подвига. При помощи Божіей, эта благодатная надежда оправдывается къ многолѣтнему утѣшенію вашего чадолюбиваго сердца». Императоръ отвѣчалъ: «Господа дворяне и господа члены другихъ сословій. Благодарю васъ отъ всей души за выраженіе вашихъ чувствъ при этомъ грустномъ случаѣ. Такъ и въ прошломъ году, въ это же время, всѣ сословія выражали мнѣ свое сочувствіе. Если, кромѣ вѣры въ Бога, что поддерживаетъ меня въ моемъ трудномъ служеніи, то это именно та преданность и тѣ чувства, которыя мнѣ постоянно выражаются съ такимъ

единодушіемъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какъ отъ васъ, господъ дворяне, такъ и отъ всѣхъ другихъ сословій. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ всего сердца. Надѣюсь, что вы, господа дворяне, радушно примете въ свою среду вновь возведеннаго мною въ дворянское достоинство,—дворянина, вчерашняго крестьянина, который спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что этимъ онъ вполне заслужилъ честь быть русскимъ дворяниномъ».

6-го апрѣля принесли императору поздравленія отъ имени своихъ государей и правительствъ пребывающіе въ Петербургѣ представители иностранныхъ державъ.

Со всѣхъ концовъ Имперіи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поступали выраженія чувствъ радости русскихъ людей о спасеніи драгоценной жизни царя. Сословія и общества посылали депутаціи въ Петербургъ, отправляли телеграммы, писали адреса; въ движеніи этомъ участвовали всѣ званія и состоянія, учрежденія, учебныя и воспитательныя заведенія, общины, даже частныя лица; многіе знаменовали всенародный восторгъ дѣлами благотворенія. Единодушный порывъ вѣрноподданныхъ глубоко проникъ въ сердце вѣнценосца, какъ явствуетъ изъ письма его къ высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому: «Принявъ съ благоговѣніемъ присланную мнѣ вами икону святителя Алексія, искренно благодарю васъ и все московское духовенство за выраженныя чувства вѣрноподданнической преданности. Призванный на царство всемогущимъ Промысломъ, я возлагаю всѣ мои надежды на Вседержителя Бога, въ Его же десницѣ цари и народы, и глубоко вѣрую, что благое Провидѣніе охранитъ дни мои, доколь онѣ будутъ нужны для дорогой мнѣ Россіи. Какъ ни тягостна моему сердцу мысль о покушеніи на мою жизнь, всецѣло отданную любимому отечеству, но она исчезаетъ предъ благою Божественною волею, отвратившею отъ меня опасность, а единодушное сочувствіе ко мнѣ всѣхъ сословій вѣрнаго моего народа, со всѣхъ концовъ обширной Имперіи, доставляетъ мнѣ ежеминутныя трогательныя доказательства несокрушимой связи между мною и всѣмъ преданнымъ мнѣ народомъ. Эта священная связь да останется навѣки неизмѣннымъ залогомъ силы, цѣлости и единства нашего общаго великаго отечества. Призываю святую церковь молиться о благоденствіи и славѣ Россіи»¹.

Злодѣй, стрѣлявшій въ государя, оказался исключеннымъ за участіе въ беспорядкахъ изъ числа студентовъ сперва Казанскаго, а потомъ и Московскаго университетовъ, дворяниномъ Саратовской

¹ Государь митрополиту Филарету, 17-го апрѣля 1866 г.

губерніи Дмитріємъ Каракозовымъ. Обнаруженіе причинъ, вызвавшихъ преступленіе, и раскрытіе его соучастниковъ возложено на особую слѣдственную комиссію, предѣдателемъ которой назначенъ графъ М. Н. Муравьевъ. Выяснилось, что Каракозовъ принадлежалъ къ руководимому его двоюроднымъ братомъ Ишутнымъ московскому тайному кружку, состоявшему преимущественно изъ учащейся молодежи, вольнослушателей университета, студентовъ Петровской земледѣльческой академіи и воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній; что кружокъ этотъ имѣлъ конечною цѣлью совершеніе насильственнымъ путемъ государственнаго переворота; что средствомъ къ тому должно было служить ему сближеніе съ народомъ, обученіе его грамотѣ, учрежденіе мастерскихъ, артелей и другихъ подобныхъ ассоціацій для распространенія среди простолюдиновъ социалистическихъ ученій. Обнаружены также сношенія членовъ московскаго кружка съ петербургскими единомышленниками, со ссыльными поляками и съ русскими выходцами за границей. Каракозовъ и его сообщники преданы верховному уголовному суду, который, признавъ перваго виновнымъ въ покушеніи на царубійство, Ишутина — зачинщикомъ этого преступнаго замысла и большинство другихъ подсудимыхъ — соучастниками въ образованіи тайнаго общества съ цѣлью произвести насильственный переворотъ въ государствѣ, — приговорилъ: Каракозова и Ишутина къ смертной казни, остальныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ однихъ въ каторжныя работы, другихъ на поселеніе въ Сибирь. Казнь надъ Каракозовымъ совершена на гласнѣхъ Петропавловской крѣпости, но Ишутину государь даровать жизнь, а прочимъ осужденнымъ въ значительной мѣрѣ сократилъ сроки наказаній¹.

Слѣдствіе обнаружило сверхъ того неудовлетворительное состояніе большей части учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, неблагонадежность преподавателей, духъ непокорства и своевоія студентовъ и даже гимназистовъ, увлекающихся ученіемъ безвѣрія и матеріализма съ одной стороны, самаго крайняго социализма — съ другой, открыто проповѣдуемыхъ въ журналахъ такъ называемаго передоваго направленія. Изданіе двухъ главныхъ органовъ этого направленія — «Современника» и «Русскаго Слова» прекращено по высочайшему повелѣнію, а во главѣ министерства народнаго просвѣщенія поставленъ, вмѣсто уволеннаго Головнина, незадолго до того назначенный оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода,

¹ Дѣло слѣдственной комиссіи въ архивѣ III отдѣленія и приговоръ верховнаго уголовного суда.

графъ Д. А. Толстой. Тогда же князь Суворовъ оставилъ постъ петербургскаго генераль-губернатора, должность котораго упразднена, а завѣдываніе столичною полиціею поручено, съ званіемъ оберъ-полиціімейстера, бывшему генераль-полиціімейстеру въ Царствѣ Польскомъ и дѣятельнѣйшему сотруднику графа Берга по усмиренію мятежа генералу Трепову. Наконецъ, вмѣсто старца князя Долгорукова, шефомъ жандармовъ назначенъ молодой и энергичный генераль-губернаторъ Прибалтійскаго края графъ П. А. Шуваловъ.

Печальныя явленія, раскрытыя слѣдствіемъ, вызвали слѣдующій рескриптъ императора на имя предсѣдателя Комитета министровъ князя Гагарина: «Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко мнѣ вѣрнаго Возлюбимъ Промысломъ управленію моему народа служатъ мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ я нахожу лучшую награду за мои труды для блага Россіи. Чѣмъ утѣшительнѣе для меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю я моею обязанностью охранять русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которыя со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было поставлено преградъ. Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до меня вѣрноподданническія запяленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе яспому обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Исслѣдованія, производимыя учрежденною по моему повелѣнію, особою слѣдственною комиссіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ, Провидѣнію угодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соответствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, еслибы въ частной, семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду,

что выдамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія. Не менѣ важна для истинныхъ пользъ государства въ его совокупности и въ частности для каждаго изъ моихъ подданныхъ полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19-го февраля 1861 года. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбудить сомнѣнія въ селъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка. Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе мнѣ и отечеству состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Подобныя безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія предудказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти. Наконецъ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, прензобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпе-

ченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала правственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеній должностныхъ лицъ по всеѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечителъ отъ злонамѣренныхъ нареканій во всеѣхъ слояхъ народа надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной мною волѣ, надлежитъ по всеѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользы и нужды разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положить предѣль тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя нынѣ съ достаточною ясностью обнаружены и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ мой для надлежащаго руководства всеѣмъ министрамъ и главноначальствующимъ отдѣльными частями»¹.

Царскій рескриптъ указывалъ всеѣмъ состоящимъ на государственной службѣ на строгое и точное исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей, нимало не видоизмѣняя однако преобразовательнаго направленія правительственной дѣятельности. Судебныя уставы вводились въ округахъ петербургскомъ и московскомъ, а между тѣмъ издавались дополнительные къ нимъ законы: положеніе о нотаріальной части² и согласованное съ уставами новое изданіе уложенія о наказаніяхъ³. Посѣтивъ вновь отстроенное зданіе судебныхъ мѣсть въ Петербургѣ, государь обратился къ сопровождавшимъ его при осмотрѣ чинамъ судебного вѣдомства со слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣтно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что, впрочемъ, одно

¹ Рескриптъ князю П. П. Гагарину, 13-го мая 1866 г.

² 14-го апрѣля 1866 г.

³ 5-го мая 1866 г.

и то же». На единодушный возглас присутствовавших, что они употребят все силы, дабы оправдать доверие монарха, он заключил: «И такъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло». Открытіе кассационныхъ департаментовъ Сената послѣдовало 16-го апрѣля, а на другой день, въ день рожденія государя, — открытіе петербургскихъ судебной палаты и окружнаго суда.

Отпраздновавъ въ семейномъ кругу двадцатипятилѣтіе своей свадьбы, государь и императрица, въ концѣ мая, переѣхали на житье въ подмосковное село Ильинское, гдѣ провели цѣлый мѣсяцъ. Появленіе императора въ первопрестольной столицѣ въ первый разъ по чудесномъ избавленіи отъ руки убійцы вызвало тѣ же проявленія бурнаго восторга населенія, что и въ Петербургѣ.

Москвичей озабочивало въ то время предстоявшее прекращеніе издательской дѣятельности Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Пылкій публицистъ, отъ избытка патріотизма переступившій въ полемику противъ нѣкоторыхъ изъ правительственныхъ вѣдомствъ, главнымъ образомъ противъ министерства народнаго просвѣщенія, за предѣлы благопристойности, получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ предостереженіе, которое отказался напечатать въ своей газетѣ, и объявилъ, что предпочитаетъ вовсе прекратить ея изданіе. Пользуясь пребываніемъ государя въ Москвѣ, Катковъ написалъ ему письмо, въ которомъ — какъ онъ предупреждалъ графа А. В. Адлерберга, взявшагося передать письмо по назначенію, — онъ «ни на что не жалуется и ничего не проситъ». Оканчивалось письмо просьбою, чтобы государь въ издателяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» призналъ своихъ. Послѣдствіемъ была аудиенція, данная Каткову 20-го іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Императоръ принялъ его въ кабинетѣ наединѣ. «Я тебя знаю», сказалъ онъ ему, «вѣрю тебѣ, считаю тебя своимъ». Государь казался растроганнымъ, слезы катились изъ глазъ Каткова. «Сохрани тотъ священный огонь», продолжалъ императоръ, «который есть въ тебѣ. Я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ беспокоиться. Я внимательно слѣжу за »Московскими Вѣдомостями«, постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполне увѣренъ. Понимаешь ли силу того, что говорю тебѣ? Нѣтъ ли у тебя чего на душѣ, чтобы передать мнѣ?» — Взволнованный Катковъ отвѣчалъ нѣсколькими несвязными словами благодарности. Перейдя къ вопросу о сепаратизмѣ, въ обсужденіи котораго издатель «Московскихъ Вѣдомостей» проявлялъ крайнюю подозрительность къ нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, «не надо какъ бы колотъ и раздражать происхожденіемъ» — замѣтилъ государь. — «Все могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ,

но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть; я знаю, и съ тобою согласенъ. Величіемъ и единствомъ Имперіи я, конечно, дорожу не менѣе тебя.. А я на тебя посердился. Предостереженіе все-таки надо было напечатать». При прощаніи, императоръ снова крѣпко пожалъ руку Каткова, прибавивъ: «Помни: я въ тебѣ исполнѣ увѣренъ». Министру внутреннихъ дѣлъ сообщена высочайшая воля, чтобы «Московскія Вѣдомости» были освобождены отъ наложеннаго на нихъ взысканія, и нѣсколько дней спустя газета эта снова стала выходить подъ редакціей Каткова ¹.

Къ 1-му іюля дворъ по обыкновенію переѣхалъ въ Петергофъ. Тамъ государь принялъ чрезвычайное посольство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

По полученіи въ Америкѣ извѣстія о покушеніи на жизнь русскаго императора, сенатъ и палата депутатовъ, составляющіе конгрессъ Сѣверо-Американской республики, приняли рѣшеніе, которымъ, выразивъ сожалѣніе объ этомъ покушеніи, «совершенномъ врагомъ освобожденія»,—постановили: «привѣтствовать его императорское величество и русскій народъ и поздравить семьдесятъ милліоновъ крѣпостныхъ съ провиденціальнымъ избавленіемъ отъ опасности государя, разуму и сердцу котораго они обязаны благословеніями своей свободы». Конгрессъ постановилъ также просить президента Соединенныхъ Штатовъ рѣшеніе это препроводить къ русскому императору ².

Съ этою цѣлью снаряжено было особое посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ помощникъ государственнаго секретаря по морскому департаменту Густавъ Фоксъ. Оно отплыло изъ Нью-Йорка на броненосцѣ «Міантономо», одномъ изъ первыхъ судовъ этого типа, построенныхъ въ Америкѣ, и въ концѣ іюля прибыло въ Кронштадтъ.

Фоксъ и его спутники были представлены государю въ Петергофскомъ дворцѣ 27-го іюля. Вручая императору резолюцію конгресса, глава посольства произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Постановленіе конгресса, которое я имѣю честь представить вашему величеству, есть голосъ цѣлаго народа. Единое сердце говоритъ милліонами устъ. Многообразныя узы, яскини соединившія великую Имперію на Востокъ съ великою республикою на Западѣ, умножились и окрѣпли подъ вліяніемъ неизмѣнной дружбы, явленной императорскимъ правительствомъ къ правительству ма-

¹ Любимовъ, М. Н. Катковъ и его историческая заслуга, стр. 140.

² Постановленіе конгресса Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 4-го мая 1866 г.

шей республики въ теченіе послѣдняго періода нашихъ политическихъ потрясеній. Сочувственныя и дружественныя слова, обращенныя въ то время въ вашингтонскому правительству по приказанію вашего императорскаго величества, начертаны навѣки въ памяти благодарнаго народа. Въ качествѣ членовъ великой семьи народовъ, мы съ радостью воздаемъ дань уваженія высокому дѣлу человѣколюбія, о которомъ преимущественно упоминается въ постановленіи конгресса. Милосердныя повелѣнія высокопросвѣщеннаго государя одержали надъ наслѣдіемъ варварскихъ временъ побѣду, которой наша западная республика достигла послѣ долгихъ лѣтъ кровопролитія. Поэтому я съ глубокимъ, волнующимъ сердце чувствомъ приношу вашему величеству, вашимъ освобожденнымъ подданнымъ и всему народу вашей обширной Имперіи ваши искреннія поздравленія по поводу того, что рукою Провидѣнія была отвращена опасность, вызвавшая настоящее наше выраженіе искренняго сожалѣнія объ этомъ покушеніи и благоговѣнія за милостивое спасеніе. Опасность, отъ которой благодать Провидѣнія предохранила ваше величество, вызываетъ воспоминаніе глубокой скорби, преполнившей столь недавно всѣ прямодушныя сердца, въ нашемъ отечествѣ, во время внезапной гибели нашего главы, нашего руководителя и отца ¹. Мы благодаримъ Бога, что подобный ударъ былъ отвращенъ отъ нашихъ друзей и союзниковъ, отъ русскаго народа. Да защититъ и благословитъ общій Отецъ всѣхъ правителей и народовъ жизнь, столь явно Имъ сохраненную для блага народа, которому она принадлежитъ, для счастья человѣчества и во славу Его святаго имени».

Императоръ Александръ отвѣчалъ, что радуется дружественнымъ отношеніямъ между Россіею и Соединенными Штатами и что ему пріятно видѣть эти отношенія столь высоко цѣнимыми въ Америкѣ. Онъ увѣренъ, что братство двухъ народовъ пребудетъ вѣчнымъ, и со своей стороны будетъ всѣми силами содѣйствовать поддержанію его и скрѣпленію этихъ связей. Онъ глубоко чувствителенъ къ выраженіямъ личнаго сочувствія и любви къ нему американскаго народа, заявленнымъ въ постановленіи конгресса, и благодаренъ за нихъ; благодаритъ и тѣхъ, кто принесъ ихъ ему издалека, и увѣряетъ, что на русской почвѣ они найдутъ горячій пріемъ. Въ заключеніе государь упомянулъ, что сердечный пріемъ, оказанный въ Соединенныхъ Штатахъ его эскадрѣ въ 1863 году, никогда не изгладится изъ его памяти ².

¹ Убитаго президента Соединенныхъ Штатовъ Авраама Линкольна.

² Fox's Mission in Russia in 1866, стр. 88—90, 94 и 95.

Заатлантическихъ друзей, явившихся засвидѣтельствовать русскому царю глубокое уваженіе, сочувствіе и любовь правительства и народа Соединенныхъ Штатовъ, чествовали рядомъ блестящихъ празднествъ при дворѣ и во всѣхъ слояхъ русскаго общества. За обѣдомъ въ Петергофскомъ дворцѣ государь пилъ за благоденствіе великой Сѣверо-Американской республики и за вѣчную дружбу ея съ Россіею. Въ честь дорогихъ гостей даны были обѣды отъ имени русскаго флота въ Кронштадтскомъ Морскомъ собраніи, петербургскою и кронштадтскою городскими думами и главнѣйшими изъ петербургскихъ клубовъ. Такія же чествованія повторились въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Угличѣ, Твери, которые посѣтили американцы и гдѣ обѣды у должностныхъ лицъ и въ общественныхъ собраніяхъ чередовались съ праздниками въ частныхъ домахъ, у вельможъ и именитыхъ купцовъ. Самымъ знаменательнымъ изъ этихъ торжествъ былъ обѣдъ въ петербургскомъ Англійскомъ собраніи, послѣ котораго, по старому клубному обычаю, за жѣнкою, вице-канцлеръ князь Горчаковъ привѣтствовалъ гостей рѣчью, не лишенною политическаго значенія.

Порученіе, возложенное на посольство конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ, князь Александръ Михайловичъ называлъ «актомъ чрезвычайнымъ, безпримѣрнымъ въ исторіи», а способъ его исполненія—«дѣломъ согласія, безъ малѣйшаго диссонанса». Выразивъ радость по поводу пріѣзда въ Россію дорогихъ гостей, которые получаютъ возможность оцѣнить изблизи «государя, составляющаго величайшую славу страны, и народъ, выражающій ея силу», вице-канцлеръ въ слѣдующихъ словахъ характеризовалъ царствованіе императора Александра II: «Говорятъ, что добрыя царствованія—бѣлыя страницы исторіи. Поговорка эта не безусловно справедлива. Если есть царствованіе, всѣ страницы котораго полны плодотворныхъ преобразованій, имѣющихъ великое значеніе для внутренняго устройства; если есть царствованіе, посвященное заботѣ о настоящемъ въ виду великаго будущаго,—то это именно то, что сосредоточиваетъ нынѣ всѣ чувства любви и преданности страны, потому что всѣ мы глубоко убѣждены, что всѣ мновенія благородной жизни царя посвящены, съ безграничнымъ самоотверженіемъ, благосостоянію нашего отечества». Упомянувъ объ ошибкѣ, исправившейся въ постановленіе конгресса, приписавшаго покушеніе 4-го апрѣля «врагу эмансипаціи», князь Горчаковъ свидѣтельствовалъ, что такихъ враговъ нѣтъ въ Россіи; что безумецъ, совершившій преступленіе, нисколько не солидаренъ съ дворянствомъ, которое, не взирая на тяжкія жертвы, выпавшія ему на долю, съ неменьшимъ восторгомъ привѣтствовало освобожденіе крестьянъ, какъ и бывшіе крѣпостные.

Перейдя къ выраженіямъ взаимнаго сочувствія Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, вице-канцлеръ продолжалъ: «Они проявляются открыто и составляютъ одно изъ самыхъ знаменательныхъ явленій нашего времени,—создавая между двумя народами,—смѣю сказать— между двумя материками, зародыши обоюдныхъ доброжелательства и дружбы, которыя принесутъ плодъ, создадутъ традиціи и упрочатъ между ними отношенія въ истинномъ духѣ христіанской цивилизаціи. Это согласіе не покоится на географическомъ сосѣдствѣ. Бездна морей раздѣляетъ насъ. Оно не покоится также на пергаментныхъ хартіяхъ, — я не нахожу ни одной въ архивахъ вѣреннаго мнѣ министерства. Оно инстинктивно, а потому я позволяю себѣ назвать его предопредѣленнымъ свыше. Я радуюсь этому согласію и вѣрю въ его прочность. Въ моемъ политическомъ званіи я всѣ старанія свои приложу къ его утвержденію. Говорю старанія, а не усилія, потому что не нужны усилія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о самопроизвольномъ и взаимномъ влеченіи. Существуетъ и другая причина, побуждающая меня громко провозгласить мою оцѣнку этого согласія, то—что оно ни для кого не является ни угрозою, ни опасностью. Оно не внушено никакими вождедѣніями, никакою заднею мыслью. Господь создалъ обѣимъ странамъ условія существованія, вполне достаточныя для развитія ихъ внутренней жизни».

Выразивъ мнѣніе, что Соединенные Штаты Америки неуязвимы извнѣ, и не только потому, что океанъ составляетъ для нихъ неодолимый оплотъ, но и вслѣдствіе господствующаго въ нихъ общественнаго духа и личнаго характера гражданъ, и упомянувъ о сочувствіи Россіи дѣлу американскаго единства въ недавней борьбѣ между Сѣверомъ и Югомъ республики, князь Александръ Михайловичъ провелъ слѣдующую параллель между ею и Россіею: «Россія по своему географическому положенію можетъ быть вовлечена въ европейскія усложненія; шансы войны могутъ быть ей превратны; тѣмъ не менѣе я нахожу, что Россія такъ же неуязвима, какъ и Соединенные Штаты, каждый разъ, когда опасность будетъ серьезно грозить ея достоинству или чести, потому что тогда, какъ и во всѣхъ подобныхъ кризисахъ нашей исторіи, проявится истинная мощь Россіи. Она не покоится на одномъ только ея земельномъ пространствѣ или на численности ея населенія. Источникъ ея—та исконная и неразрывная связь, что соединяетъ царя съ народомъ и влагаетъ въ руки царя всѣ вещественныя и умственныя силы страны, какъ и нынѣ она сосредоточиваетъ на царѣ всѣ чувства любви и преданности».

Почтивъ нѣсколькими прочувствованными словами память почившаго президента Линкольна, вице-канцлеръ поднялъ бокалъ за

процвѣтаніе Соединенныхъ Штатовъ, за успѣхъ примирительной политики президента Джонсона, за главу и членовъ чрезвычайнаго посольства и за постоянного представителя сѣверо-американской республики при русскомъ дворѣ. «Когда наши американскіе друзья возвратятся домой» — таковы были заключительныя слова рѣчи князя Горчакова — «я желаю, чтобы они сохранили тѣ самыя чувства, что оставляютъ намъ; пусть передадутъ они своимъ соотечественникамъ, что великій народъ никогда не забудетъ, что въ исторіи двухъ странъ была минута, когда мы и наши американскіе друзья жили одною жизнью, когда они раздѣляли и наши тревоги, и нашу радость»¹.

Послѣ обычнаго лагернаго сбора и манѣвровъ въ Красномъ Селѣ, государь, въ концѣ августа, съѣздивъ вторично въ Москву на одну недѣлю — съ 18-го по 25-е — для присутствованія при упражненіяхъ войскъ, расположенныхъ въ подмосковныхъ лагеряхъ, и ко дню своихъ именинъ возвратился въ Царское Село. Въ числѣ наградъ, пожалованныхъ въ этотъ день, была андреевская лента графу Муравьеву. Но она не застала уже его въ живыхъ. Графъ Михаилъ Николаевичъ скончался въ Лужскомъ своемъ помѣстьи 31-го августа. Императоръ Александръ отдалъ послѣдній долгъ усопшему вѣрному слугѣ и самъ присутствовалъ вмѣстѣ со всеми прочими великими князьями при погребеніи его въ Александроневской лаврѣ.

Наступило время великаго семейнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всенароднаго торжества. 17-го іюня цесаревичъ Александръ Александровичъ помолвленъ въ Копенгагенѣ съ дочерью короля датскаго принцессою Дагмарою. 14-го сентября высоконазначенная невѣста высадилась въ Кронштадтѣ, гдѣ встрѣтили ее императоръ, императрица, августѣйшій женихъ и всѣ члены царской семьи. Оттуда принцесса прослѣдовала въ Петергофъ, а 17-го состоялся торжественный въѣздъ ея въ столицу. Св. миропомазаніе съ нареченіемъ великою княжною Марією Феодоровною и обрученіе происходили 13-го октября, а 28-го того же мѣсяца высочайшій манифестъ огласилъ по всей Россіи радостную вѣсть — вступленіе въ бракъ наслѣдника престола: «Вручая судьбу новобрачныхъ всемилосердному Промыслу Божию, мы возвѣщаемъ о семъ отрадномъ для родительскаго сердца нашего событіи всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ и призываемъ ихъ вознести вмѣстѣ съ нами свои теплыя и всегда искреннія молитвы къ престолу Всевышняго: да оскѣнитъ Онъ эту любезную намъ чету Его всецѣдрюю благодатію и

¹ Fox, Ibid., стр. 343.

да благословить союзъ ихъ императорскихъ высочествъ многолѣтнимъ полнымъ и безмятежнымъ счастьемъ къ утѣшенію нашему, любезнѣйшей супруги нашей, государыни императрицы Маріи Александровны, всего нашего императорскаго дома, и ко благу любимой намъ Россіи». Другимъ манифестомъ императоръ Александръ «преклонилъ заботу къ участи скорбящихъ и бѣдствующихъ членовъ вѣрной ему святымъ Промысломъ великой семьи народной» и, «всегда признавая возможность мловать и прощать, когда милосердіемъ не ослабляется сила закона», даровалъ цѣлый рядъ облегченій осужденнымъ преступникамъ, смягчивъ и сокративъ сроки ихъ наказаній и сложивъ съ несправныхъ плательщиковъ недоимки и взысканія ¹. Въ день бракосочетанія цесаревичъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта ².

Законодательная дѣятельность въ продолженіе 1867 года нѣсколько умѣрилась. По министерству государственныхъ имуществъ завершено устройство хозяйственнаго быта государственныхъ крестьянъ съ утвержденіемъ за ними ихъ прежнихъ надѣловъ и съ выдачею владѣнныхъ записей ³; министерство внутреннихъ дѣлъ трудилось надъ составленіемъ городского положенія, къ концу года внесеннаго на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Между тѣмъ осенью, вслѣдствіе перемѣны, происшедшей во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, гдѣ генерала Кауфмана, въ должности виленскаго генералъ-губернатора, замѣнилъ генералъ-адъютантъ графъ Барановъ, а также въ виду предстоявшаго выхода въ отставку главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ князя Черкаскаго, не пожелавшаго постѣ удаленія Николая Мплютина отъ дѣлъ, вслѣдствіе постигшей его тяжелой болѣзни, продолжать службу въ Варшавѣ, — въ обществѣ и въ печати русской и заграничной распространились слухи о перемѣнѣ въ направленіи правительства, вызвавшія слѣдующее правительственное сообщеніе, которое появилось сначала въ органѣ князя Горчакова, *Journal de St.-Petersbourg*, а затѣмъ перепечатано и въ «Сѣверной Почтѣ»: «Отозваніе генерала Кауфмана не обусловливаетъ никакой перемѣны въ политической системѣ, принятой относительно западныхъ губерній Имперіи или въ Царствѣ Польскомъ.

¹ Высочайшіе манифесты, 28-го октября 1866 г.

² Указъ Государственному Совѣту, 28-го октября 1866 г.

³ 18-го января 1866 г.

Первые должны вновь сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ исторія, областямъ существенно русскими, гдѣ народный православный элементъ, образующій громадное большинство населенія, долженъ приобрести принадлежащее ему преобладаніе. Что касается до Царства Польскаго, то императорское правительство будетъ смѣло продолжать исполненіе обязанности, возложенной на него волею государя и состоящей въ освобожденіи польскаго общества отъ пороковъ, которые растлѣваютъ его и слишкомъ часто дѣлали его гнѣздомъ безпорядка, анархій и революцій, жертвой всѣхъ враждебныхъ вліяній извнѣ, и подвергаютъ опасности его будущность, препятствуя сліянію его интересовъ съ интересами Россіи. Въ теченіе своего славнаго царствованія нашъ возлюбленный монархъ являлъ слишкомъ много доказательствъ своей твердости и настойчивости въ стремленіи, помимо всѣхъ препятствій, къ тому, что, по его искреннему убѣжденію, справедливо, мудро и обусловлено національными интересами Россіи, чтобы могло возникнуть какое-либо сомнѣніе на счетъ его намѣреній. Принятый имъ путь не есть результатъ теоретической системы, могущій измѣниться смотря по впечатлѣніямъ минуты. Онъ былъ настоятельно предписанъ долговременнымъ и горестнымъ опытомъ. Ни государь, ни народъ русскій не могутъ забыть обязанностей, возлагаемыхъ такими уроками»¹.

Въ Варшавѣ, послѣ удаленія съ политическаго поприща Николая Милютина и отъѣзда большей части его друзей и сотрудниковъ, руководство дѣлами сосредоточилось въ рукахъ намѣстника графа Берга, возведеннаго въ званіе генералъ-фельдмаршала. Но сила обстоятельствъ побуждала правительство не сходить и тамъ съ пути, на который оно вступило по усмиреніи мятежа. Мало-по-малу совершилось сліяніе отдѣльныхъ частей управленія въ Царствѣ съ вѣдомствами Имперіи. Финансовыя дѣла перешли въ завѣдываніе министерства финансовъ, въ которомъ по дѣламъ Царства Польскаго образованъ особый отдѣлъ². Почтовая часть отошла въ вѣдѣніе вновь образованнаго министерства почтъ и телеграфовъ. Одновременно введены законы, выработанные еще при Милютинѣ: указъ объ устройствѣ холмской греко-уніатской епархіи и новое положеніе о губернскомъ и уѣздномъ управленіи, раздѣлившее Царство, вмѣсто прежнихъ пяти, на десять губерній³.

¹ «Сѣверная Почта», 1866 г., № 220.

² 22-го апрѣля 1866 г.

³ 19-го декабря 1866 г.

Къ концу 1866 года земскія учрежденія введены повсемѣстно въ 33-хъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи; но въ виду поступавшихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ жалобъ на чрезмѣрное обложеніе земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, найдено было нужнымъ ограничить болѣе тѣсными предѣлами пользованіе этимъ правомъ. Высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено земскимъ собраніямъ облагать по своему усмотрѣнію лишь недвижимыя имущества въ городахъ и уѣздахъ; съ свидѣтельствъ же на право торговли и промысловъ, съ билетовъ на торговые и промышленныя заведенія и съ патентовъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей дозволено взимать земскіе сборы лишь съ цѣнности самыхъ помѣщеній, не включая въ оцѣнку ни стоимости находящихся въ нихъ предметовъ или издѣлій, ни торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ, и притомъ такъ, чтобы процентный сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ, винокуренныхъ заводовъ и заведеній для продажи питей не превышалъ 25^о., а съ прочихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій—10^о на налоговъ, платимыхъ ими въ казну¹.

Распоряженіе это возбудило неудовольствіе нѣкоторыхъ земствъ. Петербургское губернское земское собраніе, которое уже въ первую сессію свою, въ декабрѣ 1865 года, высказалось въ пользу расширенія дарованныхъ земству правъ и созыва центрального земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ польвъ и нуждъ, общихъ всему государству, не только вступило въ пререканіе съ губернаторомъ, но и постановило, по представленію губернской земской управы, принести жалобу въ Сенатъ на министра внутреннихъ дѣлъ, который оставилъ безъ послѣдствій 12 изъ 26 ходатайствъ петербургскаго земства. Обстоятельство это, а равно бурный ходъ преній въ засѣданіяхъ привели къ строгой правительственной мѣрѣ. «Въ виду того» — сказано въ высочайшемъ повелѣніи — «что петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ законами и вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе, неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ, возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству» — постановлено: закрыть и распустить петербургское губернское земское собраніе, закрыть въ Петербургской губерніи губернскую и уѣздныя земскія

¹ 21-го ноября 1866 г.

управы, приостановить въ ней дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Принятая въ январѣ 1867 года, мѣра эта была уже отмѣнена въ іюлѣ того же года, послѣ того какъ изданъ былъ законъ, расширявшій права предсѣдателей какъ земскихъ, такъ и городскихъ и всѣхъ сословныхъ собраній, возлагавшій на нихъ отвѣтственность за соблюденіе порядка въ засѣданіяхъ, ограничившій гласность совѣщаній прѣшешій и признававшій недѣйствительными, а слѣдовательно не подлежащими ни исполненію, ни дальнѣйшему производству постановленія собраній, противныя законамъ¹.

Въ первую годовщину покушенія на жизнь государя, 4-го апрѣля 1867 года, произошло торжественное освященіе часовни, сооруженной, въ память чудеснаго избавленія, у воротъ Лѣтняго сада, въ присутствіи ихъ величествъ и всѣхъ членовъ царской семьи. При возглашеніи многолѣтія Александръ Николаевичъ обнялъ тутъ же находившагося Комиссарова.

Проведя въ Петербургѣ день своего рожденія, императоръ Александръ 20-го апрѣля, сопровождаемый цесаревичемъ и цесаревною, отправился въ Москву. Пребываніе въ первопрестольной столицѣ продолжалось двѣ недѣли и было посвящено посвященію сунругого наслѣдника престола московскихъ святынь и историческихъ памятниковъ, представленію ей властей и знатныхъ лицъ обоюга пола, устроеннымъ въ честь ея блестящимъ баламъ и народнымъ гуляньямъ, осмотру открытой подъ почетнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Владиміра Александровича всероссійской этнографической выставки; заключилось оно поѣздкою государя, цесаревны и цесаревича въ Троицко-Сергіеву лавру.

2-го мая августѣйшіе путешественники возвратились въ Царское Село. Тамъ 14-го мая принялъ императоръ депутацію отъ славянскихъ гостей, прѣхавшихъ въ Россію для ознакомленія съ московскою этнографическою выставкою. Въ составъ депутаціи вошли двадцать шесть человекъ, — сербовъ изъ княжества, австрійскихъ и лужицкихъ, болгаръ, чеховъ, русскихъ галичанъ, словаковъ и хорватовъ, но сопровождали ихъ въ Царское Село и всѣ прочіе славяне, находившіеся въ Петербургѣ. Выслушавъ привѣтствіе серба Шафарика, государь отвѣтилъ на него слѣдующими словами: «Благодарю васъ за ваши добрыя желанія. Мы сербовъ всегда считали за своихъ родныхъ братьевъ и я надѣюсь, что Богъ готовитъ вамъ въ скоромъ времени лучшую будущность. Дай Богъ, чтобы всѣ желанія ваши скоро исполнились». Затѣмъ императоръ милостиво разговаривалъ съ каждымъ изъ депутатовъ, въ особен-

¹ 18-го іюня 1867 г.

ности отличивъ при этомъ маститаго представителя чешской науки Палацкаго и зятя его Ригера. Обойдя депутатовъ, государь перешелъ въ сосѣднюю залу, гдѣ находились всѣ остальные славяне. «Здравствуйте, господа», сказалъ онъ, обращаясь къ нимъ. «Я радъ видѣть васъ, славянскихъ братьевъ, на родной славянской землѣ. Надѣюсь, вы останетесь довольны приѣмомъ какъ здѣсь, такъ и особенно въ Москвѣ. До свиданія».

Два дня спустя, императоръ Александръ, сопутствуемый двумя старшими сыновьями, цесаревичемъ и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, съ многочисленною свитою, въ составъ которой входилъ вице-канцлеръ князь Горчаковъ, выѣхалъ изъ Царскаго Села за границу для посѣщенія парижской всемірной выставки, обзорѣтъ которую Наполеонъ III пригласилъ всѣхъ европейскихъ государей.

Въ Вержболовѣ состоялось слѣдующее, объявленное министру внутреннихъ дѣлъ шефомъ жандармовъ, высочайшее повелѣніе: Всѣ дѣла политическаго свойства, касающіяся послѣдняго польскаго мятежа и беспорядковъ, имѣвшихъ отношеніе къ оному, не оконченныя еще производствомъ какъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, такъ и въ судебныхъ мѣстахъ, если лица, прикосновенныя къ этимъ дѣламъ, не обвиняются кромѣ того въ особыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ-то: въ убійствѣ, поджогѣ и т. п., прекратить, освободивъ всѣхъ обвиняемыхъ отъ слѣдствія и суда; новыя дѣла, которыя могутъ возникнуть по обвиненіямъ въ принадлежности къ бывшему мятежу или политическимъ беспорядкамъ, бывшемъ въ связи съ мятежемъ, не вчинать и подвергавшихся подобнымъ обвиненіямъ, если они не обвиняются кромѣ того въ особыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, оставить безъ преслѣдованія; уроженцамъ Царства Польскаго, высланнымъ по случаю политическихъ беспорядковъ въ разныя мѣста Имперіи въ административномъ порядкѣ, если они мѣстнымъ начальствомъ въ поведеніи одобрены, дозволить возвратиться на родину, а уроженцамъ западныхъ губерній разрѣшить, если пожелаютъ, переселиться въ Царство Польское, не распространяя, впрочемъ, обихъ этихъ разрѣшеній на лицъ духовнаго званія, возвращеніе которыхъ предоставить усмотрѣнію намѣстника Царства ¹.

Проведя одинъ день въ Потсдамѣ, государь продолжалъ слѣдованіе въ Парижъ, куда вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и король прусскій, сопровождаемый канцлеромъ сѣверо германскаго союза графомъ Бисмаркомъ. Александръ Николаевичъ прибылъ во французскую

¹ 17-го мая 1866 г.

столицу 20-го мая и былъ встрѣченъ на вокзалѣ Шверной желѣзной дороги императоромъ французовъ. Ему отведено помѣщеніе въ Елисейскомъ дворцѣ, то самое, которое занималъ Александръ I въ пребываніе свое въ Парижѣ въ 1814 и 1815 годахъ. Вѣстницы праздника устроены были въ честь августѣйшихъ гостей: обѣды и балъ въ Тюилъри, парадный спектакль въ оперѣ, посвященіе выставки, скачки въ Лоншанѣ, наконецъ большой смотръ французскихъ войскъ на Лоншанскомъ полѣ. При возвращеніи, 25-го мая, съ этого военного торжества, въ Булонскомъ лѣсу, въ коляску, въ которой ѣхали императоры Александръ и Наполеонъ и оба великіе князя, полякъ Березовскій выстрѣлилъ изъ пистолета въ государя и, къ счастью, далъ промахъ. Пуля, пролетѣвъ мимо, ранила лошадь ѣхавшаго возлѣ императорскаго экипажа французскаго шталмейстера.

Вѣсть о вторичномъ покушеніи на священную особу монарха съ быстротою молніи разнеслась по всей Россіи, какъ и въ предшедшемъ году, вызывая повсюду общее чувство негодованія къ злодѣю, радости и благодарности къ Богу за спасеніе драгоценной жизни царя. Императоръ Александръ еще нѣсколько дней остался въ Парижѣ, осматривая достопримѣчательности знаменитаго города, посѣщая прославленныя историческими воспоминаніями окрестности его. 30-го мая онъ выѣхалъ изъ французской столицы, остановился на нѣсколько часовъ въ Баденъ-Баденѣ, чтобы навѣстить королеву прусскую Августу, въ Штутгартѣ посѣтилъ сестру свою, королеву Виртембергскую Ольгу Николаевну, а въ Дармштадтѣ— семью императрицы, и, проведя два дня въ Потсдамѣ, 6-го іюня прибылъ въ Варшаву.

То было первое посѣщеніе монархомъ польской столицы послѣ печальныхъ смуть, конхъ она была позорищемъ въ продолженіе семи лѣтъ. Въ 1867 году продолжалось безъ перерыва административное сліяніе Царства Польскаго съ Имперіей: упразднены правительственныя комиссіи, финансовая и народнаго просвѣщенія, и образованъ Варшавскій учебный округъ, подчиненный на общемъ основаніи министру народнаго просвѣщенія; перешли въ завѣдываніе подлежащихъ вѣдомствъ въ Имперіи пути сообщенія, коннозаводство и контрольная часть; наконецъ, упразднены также Государственный Совѣтъ и совѣтъ управленія Царства Польскаго¹; но одновременно обнародована дарованная въ Вержболовѣ амнистія участникамъ мятежа. Выстрѣлъ Березовскаго нимало не измѣнилъ великодушныхъ намѣреній государя въ отношеніи къ поль-

¹ 3-го іюня 1866 г.

скимъ его подданнымъ. Въ Варшавѣ онъ подписалъ два указа на имя намѣстника: первымъ прекращены разысканія имущества, принадлежащихъ преступникамъ, принимавшимъ участіе въ мятежѣ, и подлежавшихъ конфискаціи, а также всякія дѣйствія относительно конфискаціи тѣхъ изъ имущества подобнаго рода, которыя, хотя и обнаружены, но не поступили еще окончательно въ казну; вторымъ даровано вспомошествованіе оставшимся за штатомъ польскимъ чиновникамъ упраздненныхъ учреждений¹.

На варшавскомъ вокзалѣ встрѣтила августѣйшаго супруга императрица Марія Александровна съ младшими дѣтьми, великими князьями Сергіемъ и Павломъ и великою княжною Марією, а президентъ города поднесъ его величеству хлѣбъ-соль. Государь и императрица въ открытой коляскѣ проѣхали въ Бельведерскій дворецъ. Тамъ, на дворцовомъ дворѣ, ожидала ихъ депутація въ 500 человекъ отъ крестьянъ, въ числѣ болѣе 5,000 стекшихся въ Варшаву со всѣхъ концовъ Царства Польскаго ко дню царскаго пріѣзда. Принимая отъ нихъ хлѣбъ-соль, императоръ произнесъ: «Я очень радъ васъ видѣть довольными, такъ какъ я сдѣлалъ все, что могъ, для вашего благосостоянія». Изъ дворца ихъ величества отправился въ православный соборъ, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ — на Моботовское поле, на которомъ произведенъ высочайшій смотръ собраннымъ въ Варшавѣ войскамъ. На другой день государь принималъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, губернаторовъ, предсѣдателей губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; на третій — въ Лазенковскомъ дворцѣ былъ обѣденный столъ для русскихъ должностныхъ лицъ, начальниковъ отдѣльныхъ воинскихъ частей и полковыхъ командировъ; на четвертый — ихъ величества почтили своимъ присутствіемъ балъ, данный въ ихъ честь въ русскомъ общественномъ собраніи; на пятый — 10-го іюня — императоръ, проводивъ отправляющуюся въ Ливадію императрицу съ августѣйшими дѣтьми до Скерневицъ, самъ выѣхалъ изъ Варшавы и имѣлъ ночлегъ въ Бѣлостокѣ.

12-го іюня, ровно въ полночь, императорскій поѣздъ прибылъ въ Вильну. Императоръ Александръ прослѣдовалъ по ярко иллюминированнымъ улицамъ города во дворецъ, гдѣ на слѣдующее утро принималъ властей и депутацію изъ 500 крестьянъ Сѣверо-Западнаго края. Посѣтивъ Свято-Духовъ монастырь, онъ остановился и у римско-католическаго собора, на паперти котораго ждало его духовенство въ облаченіи; потомъ помолился въ часовнѣ,

¹ 8-го іюня 1866 г.

воздвигнутой въ память жертвъ послѣдняго мятежа, а затѣмъ произвелъ смотръ войскамъ, послѣ котораго приступилъ къ подробному осмотру возобновленныхъ въ Вильнѣ древнихъ православныхъ храмовъ. Обзоръ начался съ церковью Пятницкой и Николаевской и заключился кафедральнымъ св. Николая и Предтеченскимъ митрополичьимъ соборами. Кромѣ того, императоръ посѣтилъ сиротскій домъ младенца Иисуса и Марининскій дѣвичій монастырь. Вечеромъ во дворцѣ былъ большой обѣдъ для высшихъ чиновъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ, къ которому изъ мѣстныхъ дворянъ приглашенъ былъ одинъ только графъ Тышкевичъ, отставной конногвардеецъ, ветеранъ наполеоновскихъ войнъ. 13-го государь удостоилъ особаго приема членовъ вилненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, представителей мировыхъ съѣздовъ и всѣхъ вообще находившихся въ Вильнѣ дѣятелей крестьянскаго дѣла. «Благодарю васъ, господа»,—сказалъ онъ имъ.—«за вашу полезную службу; продолжайте ее съ прежнимъ усердіемъ; увѣренъ, что вы будете дѣйствовать съ полнымъ безпристрастіемъ». Затѣмъ государь вышелъ и къ крестьянамъ, наполнявшимъ дворцовый дворъ, и спросилъ, нѣтъ ли между ними принявшихъ православіе? По вызовѣ вновь обращенныхъ изъ толпы, онъ произнесъ, обращаясь къ нимъ: «Очень радъ васъ видѣть православными. Увѣренъ, что вы перенли въ древнюю вѣру края съ убѣжденіемъ и искренно; знайте, что разъ принявшимъ православіе я ни подъ какимъ видомъ не позволю и не допущу возвратиться въ католичество. Слышите-ли? Некоторая радъ васъ видѣть православными». Послѣ ученья войскамъ, государь посѣтилъ публичную бібліотеку, навѣстилъ престарѣлаго митрополита Литовскаго Іосифа, заѣхалъ въ духовную семинарію, женскую гимназію, военный госпиталь и, отобѣдавъ во дворцѣ въ кругу начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, вечеромъ отбылъ изъ Вильны.

Дальнѣйшій путь императора лежалъ чрезъ Динабургъ на Ригу. Въ Прибалтійскомъ краѣ уже нѣсколько лѣтъ умы были возбуждены ярою полемикою мѣстныхъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ съ русскою печатью по вопросу о національности. Въ 1864 году правительству пришлось принять мѣры къ обузданію лифляндскаго суперъ-интендента епископа Вальтера, при открытіи мѣстнаго ландтага произнесшаго слово, которымъ онъ приглашалъ дворянъ и крестьянъ оставаться вѣрными германизму. Но вскорѣ послѣ того были приняты репрессивныя мѣры и противъ обнаружившагося движенія посреди латышей къ переходу въ православіе; содѣйствовавшій этому движенію православный епископъ риж-

скій Платонъ переведенъ на другую кафедру и въ предѣлахъ Балтійскаго края отмѣненъ законъ объ обязательномъ крещеніи въ православную вѣру дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лютеранамп.

Государь прибылъ въ Ригу вечеромъ 14-го числа. На платформѣ вокзала выстроились члены общества стрѣлковъ и поднесли хлѣбъ-соль представители общинъ старовѣрческой и еврейской. На плацу передъ станціей стояла городская конная стража, пожарная команда и пѣвческія общества. Вся Рига сіяла огнями. При пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ императоръ проѣхалъ въ замокъ, а за нимъ вослѣдъ направилсъ туда и пѣвческія общества, нѣмецкое и русское, и при свѣтѣ факеловъ и фонарей исполнили нѣсколько хоровъ.

На другой день, утромъ, представлялись государю въ замокъ военные и гражданскіе чины, духовенство, дворянство, представители города и купечества, а также эстляндскіе дворяне и депутація отъ города Ревеля. Императоръ обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью на русскомъ языкѣ: «Вы знаете, господа, съ какимъ удовольствіемъ я посѣщаю каждый разъ вашъ край. Я умѣю цѣнить ваши вѣрноподданичскія чувства, еще недавно столь сильно обнаруженныя по поводу вторичнаго избавленія меня Всевышнимъ отъ руки убійцы. Я знаю, что это чувство искренне въ васъ и наслѣдственно. То же самое я могу сказать и о моемъ къ вамъ довѣріи. Оно также во мнѣ наслѣдственно и я ручаюсь вамъ, что передамъ его моимъ дѣтямъ. Но я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что принадлежите къ единой русской семьѣ и образуете нераздѣльную часть Россіи, за которую отцы ваши и братья и многіе изъ васъ самихъ проливали кровь. Вотъ почему я надѣюсь найти со стороны вашей въ мирное время содѣйствіе мнѣ и моему представителю въ средѣ вашей, генераль-губернатору (государь указалъ на генераль-адъютанта Альбединскаго), на коего вполне полагаюсь, къ приведенію въ исполненіе тѣхъ мѣръ и реформъ, которыя я считаю необходимыми и полезными для вашего края. Я увѣренъ, господа, что въ этомъ отношеніи я не ошибусь въ моемъ къ вамъ довѣріи и что вы оправдаете его на дѣлѣ. Мнѣ остается еще благодарить васъ за вашъ радушный пріемъ, которымъ я глубоко тронутъ.» Послѣ посѣщенія православнаго собора въ цитадели и парада войскамъ, императоръ поѣхалъ въ садъ стрѣлковаго общества, гдѣ собственноручно раздавалъ призы, а на память своего посѣщенія посадилъ дерево. День завершился баломъ отъ дворянства. За ужиномъ въ отвѣтъ на тостъ за здоровье его величества, императоръ провозгласилъ тостъ за лифляндское дворянство.

По возвращеніи въ Петербургъ государь утвердилъ рѣшеніе Комитета министровъ о возстановленіи обязательной силы состоявшаго еще въ 1850 году высочайшаго повелѣнія, которымъ мѣстнымъ властямъ въ Прибалтійскомъ краѣ вмѣнялось въ обязанность всѣ дѣловыя сношенія и переписку вести на русскомъ языкѣ.

Пробывъ два дня въ Ригѣ, императоръ Александръ возвратился въ Царское Село 18-го іюня. На Александровскую станцію собрались встрѣтить его всѣ находившіеся въ столицѣ члены царственной семьи, министры, высшіе придворные, военные и гражданскіе чины и генералы, штабъ и оберъ-офицеры всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, одни гнѣние, другіе верхами для составленія почетнаго конвоя, наконецъ несмѣтная толпа народа. Очевидецъ такъ описываетъ эту встрѣчу царя, вторично спасеннаго Небеснымъ Промысломъ отъ грозившей ему смертельной опасности: «Ровно въ 5 часовъ 30 минутъ раздался свистокъ локомотива, мчавшаго императорскій поѣздъ, и въ ту же минуту воздухъ огласился дружнымъ, продолжительнымъ «ура!» народной толпы, собравшейся за станціей у дороги. Стоявшій тамъ же оркестръ военной музыки заигралъ «Боже, царя храни!» Толпа на площади такъ и замерла въ ожиданіи, которое продолжалось, однако, одно мгновеніе. Двери станціи распахнулись, и государь, въ синей венгеркѣ лейбъ-гусарскаго полка и въ красной фуражкѣ, показался на порогѣ. Забывши всякій этикетъ, руководимые только однимъ одушевляющимъ ихъ чувствомъ, всѣ офицеры, составлявшіе первые ряды толпы, бросились навстрѣчу государю; громовое, немолкаемое «ура!» потрясло воздухъ. Публика махала шляпами, платками, простолоудины бросали вверхъ палки. Его величество милостиво остановился предъ заграждавшею ему путь толпою и изволилъ сказать нѣсколько пріятливыхъ словъ окружавшимъ его военнымъ. Пріѣздъ государя было до того милостиво, что, не помня о соблюденіи установленной формы, офицеры, по единодушному движенію, сняли свои кэши и каски и стали махать ими. Сопровождаемый великими князьями, на лицахъ которыхъ было написано глубокое радостное волненіе, государь прошелъ ряды офицеровъ и, войдя въ самую средину толпы, направился къ своей коляскѣ, въ которой и помѣстился съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Нѣсколько минутъ коляска не могла двинуться съ мѣста отъ натиска восторженной толпы. Наконецъ, народъ разступился и экипажъ двинулся. Государь императоръ ѣхалъ стоя, держась одною рукою за ободъ козелъ, а другою милостиво пріѣтствуя народъ. Конные офицеры сплошною толпою помчались за коляскою. Съ площадки станціи далеко видна

была усѣянная сплошь народомъ дорога, по которой мчался экипажъ государя; вся окрестность гремѣла криками :ура!» Прибывъ въ Царскосельскій дворець, его величество прежде всего отправился въ дворцовую церковь, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ»¹.

19-го іюня въ Зимнемъ дворцѣ императоръ Александръ принималъ поздравленія дипломатическаго корпуса, а 20-го, къ вечеру, посѣтилъ Красносельскій лагерь. Къ царской ставкѣ собрались всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры расположенныхъ въ лагерьѣ войскъ, а также послы испанскій и великобританскій, прусскій посланникъ и военные агенты австрійскій и прусскій. Для встрѣчи государя офицеры стали по полкамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги отъ царской ставки по царскосельскому шоссе; хоры музыки всѣхъ частей войскъ были поставлены противъ царской ставки, а нижніе чины и пѣсенники полковъ стояли на переднихъ линейкахъ, впереди своихъ палатокъ. Густая толпа народа покрывала все пространство впереди лагеря. Влнзъ самой ставки государя собралось много дамъ. Когда показался императорскій экипажъ, въ которомъ сидѣлъ государь съ королемъ эллиновъ, музыка заиграла гимнъ и войска привѣтствовали державнаго вождя громкими перекатами «ура!», раздававшимися на всемъ девятиверстномъ пространствѣ лагернаго расположенія. Главнокомандующій войсками гвардіи, великій князь Николай Николаевичъ подалъ императору почетный рапортъ, а затѣмъ, окруженный начальниками дивизій, командирами бригадъ и полковъ, поднесъ ему даръ отъ войскъ—золотой образъ-складень съ изображеніемъ св. апостола Андрея Первозваннаго и съ надписью: 25-го мая 1867 года. При этомъ великій князь сказалъ: «Ваше величество. Вся ваша вѣрная гвардія, отъ генерала до солдата, и воспитанники военно-учебныхъ заведеній подносятъ вамъ этотъ складень съ изъявленіемъ величайшаго изъ счастья и радости видѣть васъ, государь, опять въ своей средѣ. Всѣ мы просимъ, чтобы складень этотъ былъ неразлучно съ вами во всѣхъ вашихъ путешествіяхъ». Императоръ снялъ фуражку, перекрестился, приложился къ образу и разстроганнымъ голосомъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ за все; благодарю за этотъ образъ, съ которымъ никогда не разстанусь». Прижавъ къ груди и расцѣловавъ брата, государь прибавилъ, обратясь къ генераламъ и офицерамъ: «Благодарю васъ всѣхъ, господа, отъ всей души». Послѣ высочайшаго объѣзда лагеря, началась заря съ церемоніей и войска стали на молитву. Конецъ вечера императоръ

¹ «Голосъ», 19-го іюня 1867 г.

провелъ въ красносельскомъ театрѣ. Не менѣ торжественно и задушевно встрѣченъ былъ государь моряками, когда, нѣсколько дней спустя, онъ посѣтилъ крошгтадтскій рейдъ, въ сопровожденіи наслѣднаго принца итальянскаго Гумберта¹.

26-го іюня въ царскосельскомъ дворцѣ состоялось, въ присутствіи государя, обрученіе короля эллиновъ Георга I со старшею дочерью великаго князя Константина Николаевича великою княжною Ольгою Константиновною; съ 6-го по 11-е іюля рядъ ученій и смотровъ войскъ Красносельскаго лагеря, а 18-го государь выѣхалъ изъ Петербурга и, чрезъ Москву, Тулу, Орелъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ, Елисаветградъ и Николаевъ, прибылъ въ Ливадію, гдѣ остался съ императрицею и младшими дѣтьми до конца сентября. Бракосочетаніе короля Георга съ великою княжною Ольгою совершилось въ отсутствіе императора, въ Павлаевскѣ, 15-го сентября.

5-го августа русская церковь праздновала пятидесятилѣтіе служенія въ архіерейскомъ санѣ митрополита московскаго Филарета. Государь почтилъ маститаго архипастыря милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ, перечисливъ великія заслуги его церкви и отечеству, предоставилъ ему право, по кievскому обычаю, предношенія креста при священнослуженіи, а также пошенія креста на митрѣ и двухъ панатій на персяхъ. Владыка не долго пережилъ это торжество, безпримѣрное въ нашихъ церковныхъ лѣтописяхъ. 19-го ноября 1867 года не стало Филарета. Преемникомъ его на московской митрополичьей кафедрѣ назначенъ извѣстный своей мисіонерскою дѣятельностью въ отдаленной Сибири архіепископомъ камчатскій и алеутскій Иннокентій.

1867-й годъ завершился рядомъ законодательныхъ мѣръ по преобразованію административной и судебной частей на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ. 9-го декабря высочайше утверждены и обнародованы положенія: о главномъ управленіи намѣстника кавказскаго, о карантинно-таможенной части и правила о порядкѣ опредѣленія къ должностямъ и увольненія отъ оныхъ, а указомъ Сенату повелѣно новые судебные уставы привести въ дѣйствіе въ округѣ тифлисской судебной палаты съ 1-го января 1868 года.

Неурокай 1867 года вызвалъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи голодъ, для устраненія котораго обычныя административныя мѣры оказались недостаточными. Бѣдетіе грозило принять обширныя размѣры, а между тѣмъ почти всюду запасные хлѣбныя магазины оказались истощенными. Для обезпеченія положенія нуждающихся и для обезпеченія яровыхъ полей, рѣшено обратиться къ частной

¹ «Русскій Иивалидъ», 26-го іюня 1867 г.

благотворительности и открыть по всей Имперіи подписку для сбора въ пользу голодающихъ добровольныхъ денежныхъ пожертвованій, а для сосредоточенія и правильнаго распредѣленія ихъ учреждена временная коммиссія, во главѣ которой сталъ наслѣдникъ престола. «Поручая вашему императорскому высочеству», — писали ему государь и императрица въ рескриптѣ за общюю ихъ подписью, — «почетное предсѣдательство въ оной, намъ отрадно видѣть въ искренности и теплотѣ принимаемаго вами сердечнаго въ этомъ дѣлѣ участія залогъ успѣшнаго достиженія предполагаемой благотворительной цѣли»¹.

Въ связи съ этою мѣрою состоялось увольненіе статсъ-секретаря Валуева отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ, однако, государь изъявилъ ему душевную признательность за семилѣтнее управленіе этимъ вѣдомствомъ и въ частности за «неусыпныя старанія къ введенію и правильному дѣйствію законодательныхъ и административныхъ преобразованій», выразивъ надежду, что «послѣ нѣкотораго времени необходимаго отдыха для поправленія здоровья», Валуевъ «снова посвятитъ себя дѣятельному участию въ дѣлахъ государственныхъ»². Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ бывшій начальникъ Штаба Корпуса жандармовъ, замѣстившій графа П. М. Толстого по званію министра почтъ и телеграфовъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Почтовое и телеграфное вѣдомства включены при этомъ снова въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тогда же, уволеннаго Замятнива во главѣ министерства юстиціи замѣнилъ статсъ-секретарь графъ Паленъ.

17-го апрѣля 1868 года Александру Николаевичу исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. День этотъ отпразднованъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, но нѣсколько дней спустя лейбъ-гусарскій полкъ торжественно чествовалъ полвѣка, истекшіе со времени назначенія императора шефомъ полка. Войскамъ гвардіи объявленъ рескриптъ на имя главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича: «Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по волѣ блаженныя памяти императора Александра I-го я зачисленъ въ ряды доблестной гвардіи. Постоянно будучи свидѣтелемъ ея усердной службы и непоколебимой преданности престолу и отечеству и желая ознаменовать нынѣшній день знакомъ моего къ ней благоволенія, я жалую по 300 тысячъ рублей ежегодно для выдачи пособій въ размѣрѣ полугодовыхъ окладовъ жалованья всѣмъ штабъ-и оберъ-

¹ Рескриптъ цесаревичу, 23-го января 1868 г.

² Рескриптъ Валуеву, 9-го марта 1868 г.

офицерамъ, которые несутъ въ войскахъ гвардіи дѣйствительную службу. Оказывая этотъ новый знакъ попеченія моего о благосостояніи офицеровъ моей гвардіи, во вниманіе къ большимъ издержкамъ, требуемымъ отъ нихъ по особымъ условіямъ ихъ службы, и увѣренъ, что они и на будущее время такъ же, какъ и доселѣ, будутъ своею примѣрною и безукоризненною службою поддерживать честь и славу русской гвардіи»¹. 22-го апрѣля государь прибылъ въ Царское Село, принялъ поздравленіе отъ полка и поднесенную ему лейбъ-гусарами художественную группу, изображавшую гусаръ въ четыре минувшія и въ настоящее царствованія, и объявилъ, что жалуетъ полку новый штандартъ. Юбилейное торжество, отложенное на нѣсколько дней по нездоровью императрицы, происходило 27-го іюля. Къ этому дню стеклись въ Царское Село многіе изъ прежде служившихъ въ лейбъ-гусарскомъ полку офицеровъ. Наканунѣ вся гусарская семья приглашена была во дворецъ, гдѣ произошла церемонія прибытки вновь пожалованнаго штандарта къ древку. Императоръ вбилъ первый гвоздь; слѣдующіе гвозди, по его указанію, вбили: великій герцогъ саксенъ-веймарскій, наследникъ цесаревичъ, наследный принцъ саксенъ-веймарскій, великій князь Николай Николаевичъ старшій, принцъ Александръ Гессенскій, военный министръ, великіе князья Сергій Александровичъ и Николай Николаевичъ младшій, прежніе командиры полка, пинѣинный командиръ и всѣ наличные офицеры, наконецъ, по четыре нижнихъ чина отъ эскадрона. Обратясь къ прежнимъ офицерамъ полка, государь ласково спросилъ: «Не хотятъ ли и старые лейбъ-гусары вбить по гвоздику?»—что и было ими исполнено.

На другой день полкъ въ парадной формѣ выстроился на площади передъ дворцомъ, развернутымъ фронтомъ, съ флангами, загнутыми подъ угломъ къ дворцу. Старый штандартъ, по отданіи ему чести, отнесенъ въ царскосельскій главный караулъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи церемоніи отдать его на храненіе въ Софійскій соборъ, а новый штандартъ торжественно вынесенъ изъ дворца и поставленъ для освященія къ аналою въ открытую церковную шалатку, раскинутую у главнаго дворцоваго подъѣзда. Появленіе государя полкъ встрѣтилъ громкимъ, долго неумолкавшимъ «ура!» послѣ чего самъ императоръ принялъ надъ полкомъ начальство. Императрица и цесаревна показались на балконѣ дворца въ бѣлыхъ лейбъ-гусарскихъ ментикахъ и были принѣтствованы тѣмъ же кликами. Началось благодарственное молебствіе. Протопресвитеръ Ваканонъ окропилъ святою водою штандартъ, который держалъ колѣнопре-

¹ Рескриптъ великому князю Николаю Николаевичу, 22-го апрѣля 1868 г.

клоненный полковой командиръ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, поддерживаемый одною рукою самимъ императоромъ. По окончаніи молебна полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ передъ императрицею. Во главѣ его ѣхалъ августѣйшій шефъ; передъ первымъ дивизиономъ—цесаревичъ; передъ 2-мъ—бывшій командиръ полка генераль-адъютантъ Альбединскій; графъ Воронцовъ-Дашковъ ѣхалъ передъ 4-мъ эскадрономъ, а эскадронные командиры передъ взводами. Послѣ церемоніальнаго марша, полкъ сомкнулся въ колонну и государь, окруживъ себя офицерами, поздравилъ полкъ съ получениемъ новаго штандарта и, вызвавъ пѣсенниковъ, приказалъ ѣхать въ казармы на обѣдъ. Обѣдъ нижнихъ чиновъ происходилъ въ эскерциргаузѣ въ два съ половиною часа, въ присутствіи императора и всей царской семьи. Съ чаркой въ рукѣ Александръ Николаевичъ обратился къ полку и провозгласилъ: «Пятидесятилѣтній шефъ пьетъ здоровье молодецкаго лейбъ-гусарскаго полка и благодаритъ его за лихую и молодецкую службу». Въ пять часовъ во дворцѣ былъ обѣдъ на 450 приглашенныхъ, послѣ котораго государь самъ раздавалъ гусарамъ свои фотографическіе портреты въ гусарской формѣ. Вечеромъ былъ парадный спектакль въ китайскомъ театрѣ, а по окончаніи его—ужинъ въ полковомъ манежѣ, который удостоили своимъ присутствіемъ императоръ, цесаревна и всѣ великіе князья. Оставляя манежъ, государь снова обратился къ присутствовавшимъ съ милостивыми словами благодарности и поцѣловалъ полкового командира. Въ этотъ день какъ служащимъ, такъ и служившимъ въ полку пожалованы обильныя и щедрыя награды¹.

6-го мая, въ Царскомъ Селѣ, совершилось радостное событіе, цесаревна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Николаемъ. Государь былъ восприемникомъ отъ купели своего перворожденного внука, вмѣстѣ съ датскою королевою Луизою, наслѣднимъ принцемъ датскимъ и великою княгинею Еленой Павловной. Высоконоворожденного несли на подушкѣ гофмейстерина княгиня Куракина, а покрывало поддерживали генераль-фельдмаршалъ князь Барятинскій и государственный канцлеръ князь Горчаковъ. Въ день крещенія императоръ Александръ далъ широкій просторъ своему милосердію, облегчивъ участь государственныхъ преступниковъ, а также лицъ, подвергшихся административнымъ взысканіямъ за соучастіе въ политическихъ смутахъ: приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ даровалось освобожденіе отъ работъ и они водворялись на поселеніе въ Восточной Сибири; находившимся въ Си-

¹ «Русскій Инвалидъ», 1-го мая 1868 г.

бири на поселеніи предоставлены права государственныхъ поселянъ съ разрѣшеніемъ жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; сосланнымъ въ Сибирь на житье съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, предоставлено право приписки къ городамъ и сельскимъ обществамъ, но дозволено просить и о переводѣ на жительство въ отдаленныя губерніи Имперіи; всѣмъ находящимся въ Сибири иностраннымъ подданнымъ даровано прощеніе, но съ высылкою изъ предѣловъ Россіи, безъ права возвращенія; наконецъ, молодымъ людямъ, ранѣе 20-тилѣтняго возраста присужденнымъ къ какому-либо наказанію за участіе въ польскомъ мятежѣ, по суду или въ административномъ порядкѣ, за исключеніемъ лицъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, также даровано прощеніе съ разрѣшеніемъ проживать: уроженцамъ Царства Польскаго на ихъ родинѣ, а происходящимъ изъ Западнаго края въ губерніяхъ Имперіи по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ.

14-го іюля, подписавъ указъ о поземельномъ устройствѣ и общественномъ управленіи лично свободныхъ поселянъ Бессарабской области (цараны), на началахъ положеній 19-го февраля 1861 года, государь отбылъ за границу, куда за двѣ недѣли до того выѣхала уже императрица съ тремя младшими дѣтьми. Ихъ величества выдержали курсъ лѣченія водами въ Киссингенѣ, потомъ провели цѣлый мѣсяцъ въ замкахъ Югенгеймѣ и Рейлингенбергѣ близъ Дармштадта. Отвези императрицу въ Фридрихсгафенъ, лѣтнее мѣстопробываніе королевы Виртембергской (Ольги Николаевны), государь навѣстилъ въ Баденѣ прусскую королеву Августу, а въ Потодамѣ короля Вильгельма, и чрезъ Варшаву и Вильну, 23-го сентября, возвратился въ Царское Село.

Въ продолженіе 1868 года въ Царствѣ Польскомъ приняты двѣ мѣры къ дальнѣйшему слиянію края съ Имперіей: упразднена правительственная комиссія внутреннихъ дѣлъ и всѣ губерніи Царства подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ на общемъ основаніи ¹ и предоставлено обывателямъ всѣхъ частей Имперіи, всѣхъ состояній и вѣроисповѣданій, свободно переселяться для водворенія въ десяти польскихъ губерніяхъ ². Во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ графа Баранова замѣнилъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, однимъ изъ первыхъ распоряженій котораго было снятіе военного положенія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Могилевской, Минской и Витебской, «съ тѣмъ, чтобы о семь было

¹ 29-го февраля 1868 г.

² 26-го іюня 1868 г.

объявлено на мѣстахъ въ счастливый для Россіи день 17-го апрѣля». Къ осени военное положеніе снято и съ прочихъ мѣстностей трехъ означенныхъ губерній¹, а равно и въ губерніи Виленской².

Тогда же завершила кругъ своей благотворной дѣятельности высочайше учрежденная, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ наслѣдника, комиссія для сбора пожертвованій и распредѣленія пособій пострадавшимъ отъ неурожая. Изъ отчета, представленнаго цесаревичемъ императору, видно, что распоряженіями комиссіи обеспечено было обсеменение полей; доставлены пособия деньгами и хлѣбомъ въ 23 губерніяхъ и сверхъ того значительное воспособленіе оказано жителямъ Финляндіи; наконецъ, миллионъ рублей, заимообразно отпущенный въ распоряженіе комиссіи, къ 1-му сентября возвращенъ въ Государственное Казначейство. «Столь благіе результаты»—писалъ государь наслѣднику—«я по справедливости отношу къ участию, которое ваше императорское высочество не переставали принимать въ дѣлѣ, особымъ довѣріемъ моимъ на васъ возложенномъ, и къ тому искреннему усердію, которое руководитъ постоянно вашими дѣйствіями и побужденіями, когда надлежитъ содѣйствовать къ облегченію участи нуждающихся. Мнѣ отрадно нынѣ выразить вашему императорскому высочеству за столь полезные и достохвальные труды ваши, предъ лицомъ всей Россіи, мою душевную признательность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увѣренность, что вы и впредь всегда будете неуклонно трудиться на пользу и благо нашего любезнаго отечества»³.

27-го октября состоялось высочайшее повелѣніе: открыть съ 1869 года при Главномъ управленіи по дѣламъ печати изданіе особой и единственной для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій официальной газеты подъ наименованіемъ «Правительственнаго Вѣстника» и затѣмъ, отнявъ всякій официальный характеръ у газетъ, служившихъ официальными органами нѣкоторыхъ министерствъ и главныхъ управленій, подчинить ихъ на будущее время дѣйствію общихъ законовъ о печати.

Законодательная дѣятельность въ 1869 году была преимущественно направлена на окраины. 10-го марта подписалъ государь указъ Сенату о поземельномъ и административномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, на началахъ, одинаковыхъ съ тѣми, что примѣнены къ устройству ихъ быта въ Имперіи.

1 8-го сентября 1868 г.

2 23-го и 25-го октября 1868 г.

3 Рескриптъ цесаревичу, 8-го октября 1868 г.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ генераль-губернаторъ Потаповъ циркулярнымъ распоряженіемъ приостановилъ выкупную операцію, но всѣ возбужденные имъ вопросы о пересмотрѣ выкупныхъ актовъ въ пользу землевладѣльцевъ были рѣшены Главнымъ Комитетомъ по устройству сельскаго состоянія на точномъ основаніи изданныхъ въ 1863 и 1864 годахъ законовъ, и генераль-губернатору предоставлено принять всѣ необходимыя мѣры къ скорѣйшему окончанію составленія и приведенія въ исполненіе выкупныхъ актовъ. Такое положеніе Комитета удостоилось высочайшаго утвержденія, и старанія Потапова видоизмѣнить направленіе правительственной политики въ этомъ краѣ привели лишь къ увольненію значительнаго числа мировыхъ посредниковъ, назначенныхъ его двумя непосредственными предшественниками, да сверхъ того—двухъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ краѣ: виленскаго губернатора контръ-адмирала Шестакова и попечителя виленскаго округа Батюшкова. Въ Юго-Западномъ краѣ, по смерти Безака, кievскимъ, подольскимъ и воыньскимъ генераль-губернаторомъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ.

Въ Царствѣ Польскомъ дѣла Холмской греко-униатской епархіи переданы департаменту иностранныхъ повѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ¹; для завѣдыванія казенными сборами въ десяти губерніяхъ Царства учреждены казенныя палаты²; малонаселенные города обращены въ сельскіе посады; вмѣсто польской Главной Школы основанъ въ Варшавѣ русскій университетъ и русскій же институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи³; наконецъ, цензурное вѣдомство въ Царствѣ Польскомъ подчинено Главному управленію по дѣламъ печати⁴.

Въ Пасху произошла перемѣна во главѣ министерства путей сообщенія: Мельниковъ уволенъ по разстроенному здоровью при милостивомъ рескриптѣ и преемникомъ ему назначенъ генераль-майоръ свиты его величества графъ В. А. Зобринскій.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ селѣ Ильинскомъ и въ Москвѣ—съ 11-го, по 25-е іюня—государь провелъ первую половину іюля въ Петербургѣ, а 17-го числа съ императрицею и дѣтьми отпраздновалъ въ Крымѣ. По дорогѣ ихъ величества посѣтили въ помѣстьѣ Деревенька (Курской губерніи) фельдмаршала князя Барятинскаго. По нездоровью государя отмѣнены были предполагаемые смотры въ

¹ 14-го февраля 1869 г.

² 26-го марта 1869 г.

³ 1-го іюня 1869 г.

⁴ 17-го сентября 1869 г.

Батуриинъ и Кіевъ, и августѣйшіе путешественники безостановочно прослѣдовали чрезъ Кіевъ и Одессу въ Ливадію, куда прибыли 2-го августа, а 11-го октября возвратились въ Петербургъ.

24-го ноября произведена въ высочайшемъ присутствіи закладка памятника Екатеринѣ II на площади предъ Александринскимъ театромъ, а 26-го торжественно отпразднована столѣтняя годовщина основаннаго великою государыней Военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Къ этому дню съѣхались въ Петербургъ многочисленные георгіевскіе кавалеры, а старѣйшій изъ нихъ—король Вильгельмъ Прусскій, получившій 4-ю степень ордена въ 1814 году, за сраженіе при Баръ-сюръ-Объ, прислалъ своимъ представителемъ брата, принца Альбрехта.

Выйдя къ собраннымъ въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца георгіевскимъ кавалерамъ, императоръ Александръ, возложившій на себя въ этотъ день, въ качествѣ гротмейстера ордена, ленту св. Георгія, привѣтствовалъ ихъ слѣдующею прочувствованною рѣчью:

«Поздравляю васъ, господа, со столѣтнею годовщиною учрежденія георгіевскаго ордена. При этомъ я увѣренъ, что каждый изъ насъ съ благодарностью вспомнитъ о великой учредительницѣ нашего славнаго Военнаго ордена, умѣвшей дѣлать службу престолу и отечеству и достойныхъ достойно награждать. Не забудемъ также и прежнихъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ и изъ которыхъ многіе положили жизнь свою за дорогое намъ отечество и во славу нашего оружія. Доблести прежнихъ поколѣній, къ счастью, съ ними не исчезли, а передались вполне и нынѣшнему поколѣнію, какъ то свидѣлствуютъ военныя отличія, которыя васъ украшаютъ. Вся армія наша и флотъ нашъ вами гордятся вмѣстѣ со мною. Я радъ, что мнѣ суждено было праздновать эту знаменательную годовщину вмѣстѣ съ вами, и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за вашу вѣрную, усердную и славную боевую службу какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Тѣхъ, которые получили за ихъ заслуги георгіевскіе кресты при императорахъ Александрѣ Павловичѣ и при покойномъ родителѣ, благодарю ихъ именемъ и не забуду навсегда подвиги награжденныхъ этимъ орденомъ уже при мнѣ, какъ въ тяжкую годину защиты Севастополя, такъ и за Кавказскую войну, и въ послѣднее время, въ Туркестанѣ. Сожалѣю, что не всѣ кавалеры могли явиться къ сегодняшнему нашему военному семейному празднику, начиная съ фельдмаршала князя Барятинскаго; но я не забываю, что ему я обязанъ покореніемъ Кавказа. Я радъ, что могу передъ вами всеми благодарить брата моего, великаго князя Михаила Николаевича, за окончательное умиротвореніе всего Кавказскаго края, и главнаго помощника и

того и другого—графа Евдокимова. Благодарю также брата моего, великаго князя Константина Николаевича, при которомъ началось усмирёніе польскаго мятежа, и фельдмаршала графа Берга—за окончательное его усмирёніе. Не могу также не обратиться съ особымъ «спасибо» къ нашимъ морякамъ, которые послѣ Синопа доказали подѣ Севастополемъ, что они и на сушѣ такіе же молодцы, какъ и на морѣ. Повинуясь волѣ учредительницы Военнаго нашего ордена, положительно ею выраженной въ манифестѣ по случаю его основанія, я, какъ гротмейстеръ ордена, возложилъ на себя сегодня 1-ю степень сего ордена; но мнѣ въ особенности дорогъ крестъ 4-й степени, который я ношу, и день, въ который я удостоился его получить, принадлежить къ счастливѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни, и я увѣренъ, что каждый изъ васъ сохраняетъ въ памяти своей то же чувство. Еще разъ благодарю отъ души васъ всѣхъ за молодецкую службу. Да сохранитъ васъ Богъ! Дай Богъ, чтобы не нужно было намъ вновь вступать въ бой, но если то намъ суждено, то я увѣренъ, что армія и флотъ сумѣютъ попрежнему поддерживать славу нашего оружія и честь русскаго имени».

Въ Георгіевской залѣ отслужено митрополитомъ Исидоромъ молебствіе великомученику и побѣдоносцу Георгію, завершившееся окропленіемъ св. водою знаменъ и штандартовъ. Послѣ молебна государь присутствовалъ на обѣдѣ нижнихъ чиновъ, украшенныхъ знакомъ отличія Военнаго ордена, и вслѣдъ затѣмъ получилъ слѣдующую телеграмму изъ Берлина: «Его величеству императору всероссійскому.—Приношу вамъ мое поздравленіе съ сегодняшнимъ прекраснымъ праздникомъ, за которымъ я слѣжу мысленно съ часу начась. Полковникъ Вердеръ только что сообщалъ мнѣ о великой чести, коей вы его удостоили, и я благодарю васъ за это изъ глубины сердечной. Вильгельмъ¹. Назначенный незадолго передъ тѣмъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургъ, полковникъ Вердеръ получилъ въ утро праздника георгіевскій крестъ 4-й степени, о чемъ и донесъ немедленно королю по телеграфу.

Одновременно съ полученіемъ въ Петербургъ вышеприведенной депешы, королю въ Берлинѣ была доставлена телеграмма русскаго императора, отправленная еще до начала парада: «Королю прусскому въ Берлинъ.—Благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское письмо ваше, присланное съ Альбрехтомъ, и въ минуту отправления на военное торжество, позвольте предложить вамъ, отъ имени всѣхъ кавалеровъ св. Георгія, 1-ю степень этого ордена, принадлежащую вамъ по праву. Мы всѣ будемъ гордиться, видя васъ укра-

¹ Король прусскій Вильгельмъ государю, 26-го ноября 1869 г.

шеннымъ ею. Желая, чтобы вы усмотрѣли въ ней новое доказательство соединяющей насъ дружбы, зиждущейся на воспоминаніяхъ вѣчно памятной эпохи, когда обѣ наши арміи сражались за святое дѣло. Я позволилъ себѣ дать крестъ 4-й степени вашему адъютанту Вердеру. Александръ»¹. Поздно вечеромъ полученъ былъ въ Петербургѣ телеграфическій отвѣтъ короля: «Его величеству императору Александру, въ С.-Петербургѣ.—Глубоко тронутый, со слезами на глазахъ, обнимаю васъ, благодаря за честь, на которую не смѣлъ разсчитывать. Но вдвойнѣ осчастливленъ я способомъ, коимъ вы мнѣ о ней сообщаете. Безъ сомнѣнія, я вижу въ ней новое доказательство вашей дружбы и память о великой эпохѣ, когда наши обѣ арміи сражались за одно святое дѣло. Во имя этой самой дружбы и того же воспоминанія, осмѣливаюсь просить васъ принять мой орденъ «Pour le mérite». Армія моя будетъ гордиться, видя васъ носящимъ этотъ орденъ. Да хранитъ васъ Богъ. Вильгельмъ»². Вмѣстѣ съ этою телеграммою была получена изъ Берлина и другая, на имя принца Альбрехта: «Нѣтъ, какова оказанная мнѣ честь! Я счастливъ въ высшей степени, но совершенно потрясенъ! Я уплачиваю долгъ, поднося императору «Pour le mérite». Если у тебя два креста, то предложи ему одинъ изъ нихъ. Вильгельмъ»³.

Обѣ телеграммы были доставлены въ Зимній дворецъ въ то время, когда государь со своими августѣйшими гостями и членами императорской фамилии находился на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ. По возвращеніи во дворецъ, принцъ Альбрехтъ зашелъ къ себѣ, чтобы переодѣться, какъ вдругъ быстро вошелъ къ нему въ спальню императоръ и съ радостнымъ взоромъ сообщилъ отвѣтъ короля. Лишь по уходѣ его величества, принцъ ознакомился съ присланною ему депешою. Онъ тотчасъ же облекся въ полную парадную форму и, являсь къ государю, вручилъ ему собственный свой крестъ «Pour le mérite».

Въ тотъ же день произошелъ обмѣнъ телеграммъ между государемъ Александромъ Николаевичемъ и императоромъ Францемъ-Иосифомъ, получившимъ георгіевскій крестъ 4-й степени въ 1849 году за взятіе крѣпости Рааба, находившейся во власти венгерскихъ мятежниковъ. Императоръ австрійскій телеграфировалъ государю: «Только по возвращеніи моемъ въ Вѣну получилъ я извѣщеніе о предстоящемъ торжествѣ въ честь ордена св. Георгія. А потому,

1 Государь королю прусскому Вильгельму, 26-го ноября 1869 г.

2 Король прусскій Вильгельмъ государю, 26-го ноября 1866 г.

3 Король Вильгельмъ принцу Альбрехту прусскому, 26-го ноября 1869 г.

не имѣя возможности участвовать въ немъ такъ, какъ бы желалъ, хочу по крайней мѣрѣ заявить по этому случаю мое живое сочувствіе и выразить, что я сердечно раздѣляю тѣ чувства, которыя день этотъ долженъ пробуждать въ средѣ доблестной русской арміи. Я мысленно буду находиться среди кавалеровъ, украшенныхъ этимъ орденомъ, который я всегда считаю за честь носить и который служить мнѣ драгоценнымъ воспоминаніемъ дружбы. Францъ-Иосифъ». Государь отвѣчалъ австрійскому монарху: «Именемъ всѣхъ кавалеровъ св. Георгія приношу вамъ мое поздравленіе съ днемъ столѣтней годовщины учрежденія этого ордена. Выраженія вашей любезной телеграммы меня глубоко тронули, такъ же какъ и воспоминаніе о незабвенной эпохѣ, со времени которой нашъ Военный орденъ имѣетъ честь считать васъ въ числѣ своихъ кавалеровъ. Александръ»¹.

Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на короля Вильгельма пожалованнымъ ему русскимъ императоромъ высшимъ военнымъ отличіемъ, всего лучше видно изъ письма его къ принцу Альбрехту, заставшаго еще принца въ Петербургѣ: «Только что полученное письмо твое отъ 12-го напоминаетъ мнѣ, что, несмотря на многочисленныя телеграммы, я еще вовсе не писалъ тебѣ, хотя послѣ всего прекраснаго, великаго и неожиданнаго, я чувствовалъ сильное побужденіе высказаться передъ тобою и описать тебѣ минуту, когда я читалъ телеграмму императора и дошелъ до словъ, возвѣщавшихъ о пожалованіи большого креста георгіевскаго ордена. Отъ изумленія я едва не уронилъ листа, и слезы воспоминанія о прошедшихъ чудныхъ дняхъ и благодарности за это нынѣшнее, въ высшей степени почетное, отличіе наполнили мнѣ очи, по мѣрѣ того, какъ я могъ прочесть прекрасныя слова и чувства императора. То былъ полный откликъ преданій его дорогаго родителя, унаслѣдованныхъ послѣднимъ отъ императора Александра I. Лишь перечитавъ нѣсколько разъ эту чудную телеграмму, дабы все болѣе убѣдить себя въ истиннѣ дарованнаго мнѣ отличія, я могъ приступить къ составленію отвѣтной телеграммы дорогаго императору и тотчасъ же предложить ему орденъ «Pour le mérite». Какъ я вновь усматриваю изъ твоего только что полученнаго письма, дѣйствительно, радость и удовольствіе съ обѣихъ сторонъ такъ велики, что трудно различить, съ которой стороны они больше? Мнѣ кажется, однако, что впечатлѣніе, произведенное на меня такимъ отличіемъ, которое въ настоящую минуту есть единствен-

¹ Императоръ Францъ-Иосифъ государю и государю императору Францу-Иосифу, 26-го ноября 1869 года.

ное, представляется болѣе понятнымъ и глубокимъ. Къ этому присоединяется и сознание отличія, доставшагося на долю моей несравненной арміи, ибо слова императора: «этотъ орденъ принадлежитъ вамъ по праву»—относятся къ большой побѣдѣ и къ побѣдоносной кампаніи, которая армія моя отвоевала мнѣ своею жизнью и кровью! Все это живо представилось мнѣ глазамъ въ ту минуту, когда я читалъ слова императора: «Позвольте предложить вамъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ св. Георгія 1-ю степень этого ордена». Отсюда мое неописуемое умиленіе. Участіе ко мнѣ здѣсь всеобщее, и я радъ услышать отъ тебя, что и тамъ оно такое же, что въ сущности имѣетъ еще большее значеніе, ибо это единственное отличіе досталось иноземцу, а на наши побѣды 1866 года не всѣ взирали тамъ съ удовольствіемъ, за исключеніемъ арміи. Я почти завидую тебѣ, что ты могъ видѣть великолѣпный парадъ. Весьма охотно предпринялъ бы я въ благопріятное время года эту поѣздку, въ особенности послѣ такого акта императорской милости, дабы помолиться на могилѣ Шарлотты и снова повидать всѣ дорогія мѣста и армію! Послѣ того, какъ мы въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль уже думали, что солнце упразднено, у насъ былъ чудный солнечный день, такъ что Тиргартенъ кипитъ народомъ. Засимъ прощай. Тысяча увѣреній въ любви императору и всей семьѣ, въ особенности великой княгинѣ Еленѣ. Твой вѣрный братъ, Вильгельмъ»¹.

На другой день праздника, 27-го ноября, на Александровской площади передъ дворцомъ происходилъ парадъ войскамъ, а на третій всѣ георгіевскіе кавалеры были приглашены къ высочайшему столу въ Гербовой и Георгіевской залахъ.

Зима въ 1869—1870 годахъ прошла безъ выдающихся переменъ какъ въ законодательствѣ, такъ и въ личномъ правительственномъ составѣ. Съ осени учреждена была для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Урусова, которому самъ государь преподалъ слѣдующее наставленіе: «Правила о цензурѣ и печати, изданныя на основаніи указа 6-го апрѣля 1865 года, были установлены при переходномъ тогда состояніи судебной части, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта. Нынѣ, по введеніи въ дѣйствіе въ значительной части Имперіи судебныхъ уставовъ 1864 года, опытъ показалъ, что временныя правила 6-го апрѣля 1865 года во многихъ случаяхъ возбуждали недоразумѣнія и не всегда могли

¹ Король Вильгельмъ принцу Альбрехту прусскому, 2-го декабря 1869 г.

служить достаточно положительнымъ руководствомъ при судебномъ преслѣдованіи. Предоставляя отечественной печати возможныя облегченія и удобства, законъ долженъ вмѣстѣ съ симъ вооружить какъ административную, такъ и судебную власть надлежащею силою для отвращенія вреднаго вліянія, могущаго произойти отъ необузданности и неумѣренности печатнаго слова». Комиссія учреждалась «для пересмотра». Высочайшій же рескриптъ заключался выраженіемъ увѣренности императора, что предсѣдатель и члены комиссіи, проникнутые чувствомъ долга и сознаниемъ важности оказываемаго имъ монаршаго довѣрія, исполняютъ возложенное на нихъ порученіе «съ твердостью и добросовѣстностью, не подчиняясь никакимъ увлеченіямъ»¹.

Одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ по высочайшему повелѣнію въ Комитетъ министровъ проектъ объ административной реформѣ съ тѣмъ, чтобы Комитетъ опредѣлилъ, какія изъ содержащихся въ немъ началъ должны быть положены въ основаніе дальнѣйшей разработки этого вопроса. Тимашевъ предлагалъ: усилить губернаторскую власть, съ предоставленіемъ губернаторамъ права приостанавливать рѣшенія всѣхъ губернскихъ учрежденій, за исключеніемъ судебныхъ и контрольныхъ; замѣнить губернскія правленія совѣтами при губернаторахъ; поставить полицію въ независимыя отношенія отъ органовъ судебной власти; учредить сельскую конную стражу. Большинство прочихъ министровъ не согласилось съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, проекту котораго не было дано дальнѣйшаго хода.

17-го апрѣля, въ день рожденія государя, состоялось, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ графа В. Ѳ. Адлерберга, замѣщеніе его въ должности министра императорскаго двора и удѣловъ сыномъ его, ближайшимъ къ императору лицомъ, личнымъ его другомъ и довѣреннымъ совѣтникомъ, графомъ Александромъ Владиміровичемъ.

Въ концѣ апрѣля 1870 года государь уѣхалъ за границу. Врачи предписали ему лѣченіе водами въ Эмсѣ, гдѣ онъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ обществѣ своего друга и дяди, короля Вильгельма прусскаго; затѣмъ онъ посѣтилъ родственные дворы Дармштадтскій, Штутгартскій и Веймарскій и чрезъ Дрезденъ прибылъ въ Варшаву. Тамъ происходило въ его присутствіи открытіе памятника фельдмаршалу князю Паскевичу, — торжество, въ которомъ принялъ участіе и австрійскій императоръ, приславъ своимъ представителемъ эрцгерцога Альбрехта. 25-го іюня императоръ Александръ возвратился въ Петергофъ.

¹ Рескриптъ князю С. Н. Урусову, 2-го ноября 1869 г.

Въ Веймарѣ государь подписалъ указъ Сенату, коимъ обнародовалось городское положеніе, выработанное особою комиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и предоставлявшее право самоуправленія всѣмъ русскимъ городамъ, на всесословномъ выборномъ началѣ¹.

Вспыхнувшая вскорѣ послѣ того война между Германіей и Франціею не дозволила императору Александру сопровождать императрицу въ Ливадію. За исключеніемъ пяти дней, проведенныхъ въ Москвѣ въ концѣ августа — съ 21-го по 26-е — онъ всю осень оставался въ Царскомъ Селѣ. Тамъ были приняты два важныя рѣшенія, косвенно вызванныя событіями на театрѣ войны: разгромомъ французскихъ войскъ и распаденіемъ имперіи Наполеона. То были: циркуляръ русскаго государственнаго канцлера, которымъ Россія объявила, что не считаетъ себя связанною постановленіями Парижскаго договора 1856 года объ ограниченіи государственныхъ правъ своихъ на Черномъ морѣ², и высочайше утвержденный докладъ военнаго министра объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной повинности на всѣ сословія государства³.

Обѣ эти мѣры были встрѣчены всеобщимъ сочувствіемъ, выразившимся въ рядѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ отъ дворянскихъ и земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ. Особенною задушевностью отличался адресъ представителей Новороссійскаго края: «Прозрѣвая будущее, ваше величество не остановились въ 1856 году передъ пожертвованіями и горестью вашего вселюбящаго сердца, чтобы даровать вѣрноподданному вамъ народу блага мира и путемъ его вести Россію къ великимъ историческимъ ея судьбамъ. И теперь, тѣмъ же словомъ мира, но съ сердцемъ, исполненнымъ уже не горести, а лишь свѣтлаго сознанія правды, ваше величество приготавливаете возвращеніе своему народу его естественнаго достоинства, возстановляя верховныя права ваши на Черномъ морѣ. Тамъ, гдѣ десятки милліоновъ тѣснятся дружно у монаршаго престола, взирая на него съ любовью и преданностью, — тамъ слово монарха есть вмѣстѣ съ тѣмъ и голосъ единого великаго народа! Такова могучесть, августѣйшій государь, словъ вашихъ, предвозвѣщающихъ самостоятельность русскаго флага на Черномъ морѣ, безопасность развитія на берегахъ его отечественнаго судостроенія, охрану торговли, промышленности, имуществъ на югѣ Россіи! И если всѣ русскія сердца восторженно откликнулись, государь, на ваше торжественное о семъ слово, то Новороссійскій край и Бес-

¹ 16-го іюня 1870 г.

² 19-го октября 1870 г.

³ 2-го ноября 1870 г.

сарабія встрѣчаютъ это великое событіе съ чувствомъ сугубой радости. Прилегая къ Черному морю, край этотъ, щедро одаренный богатствами природы, наиболѣе ощущалъ утрату права, нынѣ возстановляемаго. Съ успленною дѣятельностью и вѣще оживленнымъ духомъ, онъ будетъ продолжать развѣивать свои обильныя средства и, какъ всегда, воедино съ остальной Россіей, по мановенію своего вѣнценоснаго вождя, готовъ будетъ принести ихъ на алтарь отечества!» За всѣ адресы выражена монаршая благодарность ¹.

Не такова была участь всеподданнѣйшаго письма, представленнаго отъ Московской думы, по почину вновь избраннымъ городскаго головы, князя Черкаскаго, и въ которомъ высказано было сочувствіе не только къ событію, непосредственно вызвавшему это заявленіе, но и вообще къ преобразовательной дѣятельности монарха, какъ источнику новой крѣпости для государя и государства. «Никто не стяжалъ»,—говорилось въ адресѣ,—«такихъ правъ на благодарность народа, какъ вы, государь, и никому не платитъ народъ такую горячую привязанностью. Отъ васъ принялъ онъ даръ и въ васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ васъ однихъ ожидаетъ онъ завершенія вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего—простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правды въ его отношеніяхъ къ власти; свободы церковной, безъ которой не дѣйствительна и сама проповѣдь; наконецъ, «свободы вѣрующей совѣсти—этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ души человѣческой. Государь, дѣла внѣшнія и внутреннія свяжутся неразрывно. Залогъ успѣха въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вносить государство во всѣ отправления своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, стягиваются съ нимъ его окраины и создается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія». Министръ внутреннихъ дѣлъ возвратилъ думскій адресъ московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что не нашелъ возможнымъ представить адресъ государю, а министръ императорскаго двора отозвался о немъ въ отношеніи къ президенту московской придворной конторы, какъ о составленномъ «въ неу-мѣстной и неприличной формѣ ².

¹ 22-го ноября 1870 г.

² Сухотинъ, «Русскій Архивъ», іюнь 1894 г., стр. 248 и слѣд.

Въ концѣ года государь утвердилъ, по представленію военнаго министра, общія основанія для комиссій, которой было поручено составленіе новаго положенія о личной воинской повинности. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Защита отечества составляетъ священную обязанность каждаго русскаго подданнаго; ежегодному набору подлежатъ всѣ молодые люди, достигшіе 21-лѣтняго возраста; поступленіе на службу рѣшается жребіемъ; временныя освобожденія или отсрочки отъ призыва разрѣшаются лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, замѣщенія же или откупъ отъ военной службы вовсе не допускаются; срокъ службы въ арміи и во флотѣ полагается семилѣтній; окончившіе семилѣтній срокъ дѣйствительной службы перечисляются въ запасъ на восьмилѣтній срокъ; молодые люди, удовлетворяющіе извѣстнымъ требованіямъ общаго, спеціальнаго или техническаго образованія, допускаются на службу вольноопредѣляющимся на сокращенные сроки; всѣ не поступившіе на дѣйствительную службу въ армію или во флотъ и способные къ оружію могутъ быть въ случаѣ войны призваны въ составъ государственнаго ополченія ¹.

Выработанный на этихъ основаніяхъ уставъ о воинской повинности высочайше утвержденъ 1-го января 1874 года ².

¹ 20-го декабря 1870 г.

² Акты и документы по внутреннимъ дѣламъ—въ русскихъ правительственныхыхъ архивахъ. Переписка о пожалованіи королю Вильгельму прусскому ордена св. Георгія 1-й степени и всѣ относящіяся къ этому дѣлу подробности заимствованы изъ книги Шнейдера: «Aus dem Leben Kaiser Wilhelm I».

XX.

Внѣшняя политика.

1864 — 1871.

Государь предлагаетъ Пруссіи объявить сообща войну Англіи, Франціи и Австріи. — Политическая программа Бисмарка. — Шлезвигъ-голштинскій вопросъ. — Отношеніе къ нему русскаго двора. — Занятіе герцогствъ австро-пруссскими войсками. — Вторженіе ихъ въ Ютландію. — Лондонская конференція. — Разговоръ государя съ Бисмаркомъ. — Война Пруссіи и Австріи съ Даниєю. — Вѣнскій миръ. — Раздоръ Пруссіи съ Австрією. — Австро-прусская война. — Предварительныя условія мира, подписанныя въ Никольсбургѣ. — Отправленіе Мантейфеля въ Петербургъ. — Переговоры его съ государемъ и съ вице-канцлеромъ. — Переписка государя съ прусскимъ королемъ. — Пражскій миръ и образованіе Сѣверо-Германскаго союза. — Люксембургскій вопросъ. — Поѣздка государя въ Парижъ на Всемирную выставку. — Избраніе принца Георга датскаго королемъ эллиновъ и присоединеніе къ Греціи Ионическихъ острововъ. — Призваніе принца Карла Гогенцоллернскаго княземъ Румыніи. — Уступка Соединеннымъ Штатамъ Россійско-Американскихъ владѣній. — Возведеніе князя Горчакова въ званіе государственнаго канцлера. — Возстаніе на Критѣ. — Представленія четырехъ державъ Портѣ. — Конференція въ Парижѣ для улаженія турецко-греческаго спора. — Греко-болгарская распря. — Очищеніе Бѣлградской цитадели турками. — Приѣздъ въ Петербургъ князя Николая Черногорскаго. — Петербургская декларация о разрывныхъ снарядахъ. — Свиданіе государя съ королемъ прусскимъ въ Эмсѣ. — Франко-прусская война. — Русская декларация о нейтралитетѣ. — Поѣздка Тьера въ Петербургъ. — Бесѣды его съ государемъ и канцлеромъ. — Провозглашеніе Германіи имперіей и заключеніе мира. — Обмѣлъ телеграммъ по этому случаю между государемъ и императоромъ германскимъ. — Франкфуртскій мирный договоръ. — Упраздненіе статьи Парижскаго трактата объ ограниченіи державныхъ правъ Россіи въ Черномъ морѣ. — Циркуляръ князя Горчакова, разъясненіе его державамъ-участницамъ Парижскаго трактата и возраженія ихъ. — Посредничество Пруссіи. — Переговоры Бисмарка съ Великобританскимъ посломъ. — Конференція въ Лондонѣ и Лондонскій договоръ. — Русско-турецкая конвенція. — Пожалованіе князю Горчакову титула «свѣтлости».

Прямымъ послѣдствіемъ дипломатическаго вмѣшательства трехъ державъ въ защиту польскаго возстанія было охлажденіе русскаго двора къ дворамъ лондонскому, парижскому и вѣнскому и одновременное скрѣпленіе дружественной связи его съ дворомъ берлинскимъ. Въ самый разгаръ мятежа, когда еще было неизвѣстно, какъ примутъ державы-посредницы рѣшительный отпоръ Россіи ихъ притязаніямъ, императоръ Александръ собственноручнымъ письмомъ предложилъ королю Вильгельму принять вызовъ и дѣйствовать сообща, не отступая даже предъ войной съ Англіею, Франціею и Австріею. Бисмаркъ убѣдиль короля отклонить это предложеніе. Онъ признавалъ, что несомнѣнный разгромъ монархіи Габсбурговъ русскою силою доставитъ Пруссіи возможность легко достигнуть давно желанной цѣли — главенства въ Германіи, но притомъ опасался, какъ бы не пришлось Пруссіи вынести всю тяжесть войны съ Франціею, войны, которая къ тому же могла бы завершиться примиреніемъ и непосредственнымъ соглашеніемъ дворовъ петербургскаго и тюильрійскаго. «Тогда», — разсуждалъ прусскій министръ, — «Россія оказалась бы сидящею на длиннѣйшемъ концѣ рычага». Соображенія эти король Вильгельмъ подробно и откровенно изложилъ въ отвѣтѣ своемъ императору Александру, присовокупивъ, что лично онъ вполне увѣренъ въ чистотѣ намѣреній царственнаго племянника, но не долженъ терять изъ виду возможности установленія въ Россіи, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, и другой политической системы, менѣе благоприятной для Пруссіи, намекая этими словами на предпочтеніе, все еще оказываемое Франціи вице-канцлеромъ княземъ Горчаковымъ¹.

Государь не настанвалъ. Между тѣмъ, послѣдовавшая 3-го ноября 1863 года кончина короля датскаго Фридриха VII дала Бисмарку давно желанный поводъ возбужденіемъ шлезвигъ-голлтинскаго вопроса дѣятельно приняться за осуществленіе своей политической программы, направленной къ достиженію трехъ главныхъ цѣлей: расширенія предѣловъ Пруссіи; исключенія Австріи изъ состава Германскаго Союза; образованія изъ союза нѣмецкихъ государствъ (Staatenbund) германскаго союзнаго государства (Bundesstaat), другими словами — объединенія Германіи подъ наслѣдственною властью прусскихъ королей.

Нѣсколько лѣтъ спустя, ставъ уже канцлеромъ восстановленной Германской имперіи, князь Бисмаркъ признавался, что болѣе всѣхъ прочихъ гордится онъ этимъ первымъ своимъ дипломатическимъ походомъ. Рѣшеніе приобрѣсть при-эльбскія герцогства для Пруссіи

Fürst von Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, II, стр. 62—67.

принято имъ тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти датскаго короля. «Но» — объяснялъ онъ въ откровенной бесѣдѣ съ своимъ приближеннымъ — «сдѣлать это было трудно. Все было противъ меня: разныя лица при дворѣ, Австрія, мелкія нѣмецкія государства, англичане, не хотѣвшіе, чтобы намъ досталась Кильская гавань. Съ Наполеономъ дѣло шло на лады, потому что тотъ желалъ связать насъ обязательствомъ. Наконецъ, противниками выступили и домашніе наши либералы, которые вдругъ начали отстаивать важность правъ государей единственно изъ злобы и зависти ко мнѣ, и даже шлезвигъ-голлштинцы того не хотѣли. Всѣ они были противъ и еще многіе другіе. У насъ тогда состоялось засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ которомъ я произнесъ одну изъ длиннѣйшихъ рѣчей своихъ и сказалъ много такого, что слушателямъ должно было показаться неслыханнымъ и невозможнымъ. По ихъ удивленнымъ фізіономіямъ можно было заключить, что имъ очевидно пришло на мысль: ужъ не выпилъ ли я чего лишняго за завтракомъ?»¹

Между тѣмъ, утвержденіе герцогствъ за Данію было русскимъ дѣломъ. Въ царствованіе Екатерины II, цесаревичъ Павелъ Петровичъ уступилъ королю датскому Голштинію и Шлезвигъ, къ которымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ присоединенъ былъ и Лауэнбургъ. Тогда же Голштинія и Лауэнбургъ включены въ составъ Германскаго Союза, членомъ котораго состоялъ съ этихъ поръ датскій король. Въ 1848 году, подъ предлогомъ различія законовъ въ престолонаслѣдствіи въ королевствѣ и въ герцогствахъ, засѣдавшее во Франкфуртѣ, нѣмецкое учредительное собраніе пыталось отдѣлить герцогства отъ Даніи, и исполнителемъ его рѣшеній явилась Пруссія, объявившая Даніи войну. Но императоръ Николай I принялъ маленькое королевство подъ свое покровительство и защиту. Русская эскадра была отправлена къ Копенгагену и берлинскому двору объявлено, что нападеніе на Данію вызоветъ вооруженное противодѣйствіе Россіи. Мало того: дѣйствуя въ согласіи съ Англіей, русскій дворъ пригласилъ всѣ великія державы договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ въ 1852 году, признать начало нераздѣльности датской монархіи и право короля Фридриха VII передать всю совокупность своихъ владѣній провозглашенному имъ наслѣдникомъ принцу Христіану Глюксбургскому, который по смерти его и вступилъ на престолъ, подъ именемъ Христіана IX.

Обѣ великія нѣмецкія державы — Австрія и Пруссія, въ качествѣ участницъ Лондонскаго трактата, не могли отказать ему въ

¹ Moritz Busch, Unser Reichskanzler, I, стр. 400. — Ср. также, Fürst von Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, II стр. 8 и слѣд.

признаніи. Но прочія государства Германскаго Союза возбудили на Франкфуртскомъ сеймѣ вопросъ объ отторженіи Шлезвига и Голштиніи съ Лауэнбургомъ отъ Даніи и объ образованіи изъ нихъ отдѣльнаго государства, имѣющаго войти въ составъ Союза подъ властью претендента, герцога Фридриха Августенбургскаго. Подъ видомъ союзной экзекуціи въ Голштиніи, въ январѣ 1863 года, саксонскія и ганноверскія войска, въ силу опредѣленія сейма, заняли это герцогство, которое датчане очистили безъ выстрѣла, отступивъ за Эйдеръ, рѣку, служащую границей между Голштиніею и Шлезвигомъ.

Предлогомъ къ экзекуціи послужила конституція, данная еще Фридрихомъ VII Голштиніи, которую сеймъ призналъ несогласною съ правами Германскаго Союза, и занятіе этого герцогства саксонско-ганноверскими войсками состоялось, несмотря на то, что король Христіанъ IX поспѣшилъ отмѣнить введеніе въ дѣйствіе помянутой конституціи. Но въ виды Бисмарка не входило позволять второстепеннымъ государствамъ Германскаго Союза распоряжаться въ областяхъ, смежныхъ съ Пруссіей, а потому онъ, по соглашенію съ вѣнскимъ дворомъ, предложилъ сейму уполномочить Австрію и Пруссію занять своими войсками Шлезвигъ, какъ залогъ исполненія Даніей обязательствъ, якобы нарушенныхъ ею изданіемъ въ первые же дни по воцареніи короля Христіана конституціи, общей для королевства и Шлезвига. Сеймъ, подчиняясь вліянію Баваріи и Саксоніи, отвергнулъ австро-прусское предложеніе; тогда Пруссія и Австрія объявили, что займутъ Шлезвигъ не въ качествѣ членовъ Германскаго Союза, а какъ самостоятельныя великія державы.

Противъ такого притязанія выступила Англія, обратившаяся ко всѣмъ великимъ державамъ съ предложеніемъ оказать давленіе на дворы берлинскій и вѣнскій, дабы побудить ихъ отказаться отъ вступленія въ Шлезвигъ, неразрывную часть датской монархіи, къ тому же не включенную въ Германскій Союзъ.

✓ Когда рѣчь шла только о союзной экзекуціи въ Голштиніи, вице-канцлеръ князь Горчаковъ убѣждалъ великобританскаго посла въ Петербургѣ, что Бисмаркъ одушевленъ въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ самыми умѣренными чувствами и что экзекуція представляется мѣрою охранительною, такъ какъ союзныя войска обезпечатъ въ герцогствѣ порядокъ и не смѣшаютъ правового государственнаго вопроса съ вопросомъ дипломатическимъ¹. Тогда же, по почину русскаго двора, Россія, Англія и Франція отправили въ Копенгагенъ особыхъ уполномоченныхъ, чтобы убѣдить

¹ Лордъ Пепиръ графу Руссело, 19-го ноября 1863 г.

датскій дворъ неуступчивостью своею относительно требованій германскаго союзнаго сейма не доводитъ дѣла до крайности. Русскій посланецъ, старшій совѣтникъ министерства Эверсъ, проѣздомъ черезъ Берлинъ, видѣлся и совѣщался съ Бисмаркомъ и его вліянію слѣдуетъ приписать рѣшеніе датскаго двора отмѣнить голштинскую конституцію и не сопротивляться занятію этого герцогства союзными нѣмецкими войсками. Такую же поддержку берлинскому двору оказалъ русскій дворъ и когда стало извѣстно о намѣреніи Австріи и Пруссіи сообща занять Шлезвигъ. Князь Горчаковъ убѣждалъ англійскаго посла принять во вниманіе, что Бисмаркъ сдерживаетъ короля Вильгельма, на котораго вліяютъ военные, съ дѣлюю подвигнуть его на самыя крутыя мѣры, и настаивалъ на необходимости разяснить копенгагенскому двору, что не слѣдуетъ сопротивляться занятію Шлезвига военными силами Пруссіи и Австріи, такъ какъ это занятіе оградитъ его отъ проковъ герцога Августенбургскаго и нѣмецкой революціонной партіи ¹. Но Бисмаркъ хотѣлъ именно войны, которая, по его толкованію, могла одна развязать руки Пруссіи, связанныя приступленіемъ ея къ лондонскому договору 1852 года. Желаніе его исполнилось. 20-го января 1864 года австро-прусскія войска вступили въ Шлезвигъ. Датчане, удаляясь, обмѣнялись съ ними нѣсколькими выстрѣлами и сосредоточились въ Дюпелѣ и на островѣ Альзенѣ.

Князь Горчаковъ не только не протестовалъ противъ вступленія союзныхъ австро-пруссіихъ войскъ въ Шлезвигъ, но даже одобрилъ эту мѣру, объяснивъ австрійскому посланнику, что въ этомъ вопросѣ Россія сочувствуетъ Германіи и что если Швеція подастъ помощь Даніи, то выставитъ наблюдательный отрядъ въ Финляндіи, а прусскому представителю — «что вооруженное сопротивленіе Даніи освобождаетъ до нѣкоторой степени Австрію и Пруссію отъ обязательствъ лондонскаго договора и что во всякомъ случаѣ императоръ Александръ будетъ продолжать благопріятствовать обѣимъ нѣмецкимъ державамъ» ². Такъ платилъ русскій дворъ долгъ признательности Пруссіи за поддержку, ею оказанную Россіи за годъ до того въ польскомъ вопросѣ.

Но въ Петербургѣ все еще надѣялись, что столкновеніе Германіи съ Даніей не поведетъ къ отторженію герцогствъ и что начало нераздѣльности датской монархіи нарушено не будетъ. Вице-канцлеръ

¹ Лордъ Непиръ графу Русселю, 30-го декабря 1863 г.

² Графъ Тунъ графу Рехбергу 11-го и графъ Редернъ Бисмарку, 22-го января, 1864 г.

писалъ по этому поводу посланнику нашему въ Берлинѣ, что, въ виду интересовъ Россіи въ Балтійскомъ морѣ, она долгомъ считаетъ воспротивиться всякой попыткѣ раздробленія владѣній короля Христіана IX, присовокупляя, что Австрія и Пруссія должны оцѣнить такое заявленіе русскаго двора, какъ направленное къ тому, чтобы парализовать вооруженное вмѣшательство въ эту распрю Великобританіи. «Раздѣлъ Даніи»,—заключалъ свою депешу князь Горчаковъ, «можетъ повести къ образованію великаго скандинавскаго государства, то-есть къ осуществленію скандинавскаго единства; но наши интересы безусловно противны такой комбинаціи и я долженъ вамъ заявить, что мы воспротивимся ей всѣми нашими силами»¹.

Развивая эти мысли въ разговорѣ съ великобританскимъ посломъ, русскій вице-канцлеръ сказалъ ему, что императорскій кабинетъ надѣется уладить дѣло мирнымъ путемъ. Онъ отвергаетъ, впрочемъ, всецѣло мысль о матеріальной помощи Даніи, зато готовъ оказать самое широкое содѣйствіе къ восстановленію мира мѣрами убѣжденія. Князь Горчаковъ признавался, что не считаетъ возможнымъ предугадать тайныя намѣренія и планы нѣмецкихъ державъ, и даже сомнѣвается, чтобы Австрія и Пруссія сами знали заранѣе, какимъ путемъ онѣ пойдутъ. При такой неясности положенія,—разсуждалъ онъ,—единственный исходъ—конференція. А до тѣхъ поръ слѣдуетъ направить всѣ успія къ тому, чтобы не порвалась связь, приковывающая дворы вѣнскій и берлинскій къ международнымъ договорамъ. Связь эта, по мнѣнію вице-канцлера, довольно тверда въ Вѣнѣ, но въ Берлинѣ оказывается болѣе слабою. Нужно вліять на оба двора, чтобы она продолжалась вплоть до созванія конференціи².

Между тѣмъ, тайною цѣлью Бисмарка было не только отторженіе отъ Даніи герцогствъ, но и завладѣніе ими за счетъ Пруссіи. Мирное занятіе Шлезвига не приближало его къ этой цѣли, а потому онъ рѣшился сдѣлать еще шагъ, предложивъ вѣнскому двору двинуться впередъ и занять самую Ютландію. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній австрійское правительство, не желавшее дать вѣковой своей соперницѣ опередить себя въ обще-нѣмецкомъ дѣлѣ, выразило на то свое согласіе. Въ концѣ февраля австро-прусскія войска переступили границу собственно королевства Датскаго и заняли Ютландію.

Этотъ новый актъ насилія двухъ первостепенныхъ нѣмецкихъ державъ и вскорѣ послѣдовавшее за нимъ взятіе штурмомъ Дюп-

¹ Князь Горчаковъ къ Убри, 29-го января 1864 г.

² Лордъ Непиръ графу Руссею, 4-го февраля 1864 г.

пельскихъ укрѣпленій пробудили отъ апатіи нейтральные дворы. По настоянію Англіи, въ половинѣ апрѣля въ Лондонѣ собралась наконецъ конференція изъ представителей державъ, подписавшихъ договоръ 1852 года, а именно Россіи, Великобританіи, Франціи, Австріи, Пруссіи, Даніи и Швеціи, къ которымъ присоединился и особый уполномоченный отъ Германскаго Союза. Русскимъ представителемъ на этомъ международномъ собраніи явился посоль нашъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, главный участникъ помяну- таго выше Лондонскаго трактата, которымъ начало нераздѣльности Датской монархіи признано было отвѣчающимъ общимъ интересамъ Европы.

Первымъ дѣломъ конференціи было установить между воюю- щими сторонами перемиріе на шесть недѣль. Вслѣдъ за этимъ уполномоченные Австріи и Пруссіи заявили, что война прервала для этихъ дворовъ обязательную силу договора 1852 года. На- прасно представители Англіи и Россіи оспаривали это разсужденіе. Ихъ австрійскій и прусскій сотоварищи остались при своемъ мнѣ- ніи, поддержанномъ представителемъ Франціи. Вскорѣ послѣ того они же потребовали полной автономіи Шлезвига и Голштиніи и «личнаго» соединенія ихъ, въ особѣ короля Христіана, а когда датскіе уполномоченные отвергли это требованіе, то предложили отторженіе трехъ герцогствъ отъ Даніи и образованіе изъ нихъ самостоятельнаго нѣмецкаго государства, въ составѣ Германскаго Союза. Баронъ Брунновъ выразилъ по этому поводу «прискорбіе и удивленіе», вызванные въ немъ такимъ посягательствомъ на цѣ- лость Датской монархіи, а представители Даніи и Швеціи на от- рѣзъ отказались обсуждать его. Тогда выступилъ графъ Руссель съ предложеніемъ раздѣлить Шлезвигъ, оставивъ сѣверную часть его Даніи, а южную присоединить къ Голштиніи. По вопросу о пограничной чертѣ возникли оживленные пренія. Но прежде чѣмъ приступить къ нимъ, конференція выслушала заявленіе русскаго уполномоченнаго. Отреченіе Австріи и Пруссіи отъ обязательствъ, наложенныхъ на нихъ трактатомъ 1852 года, объявилъ баронъ Брунновъ, побуждаетъ императора всероссійскаго вступить въ обрат- ное пользованіе наслѣдственными правами на Голштинію и Шлез- вигъ, принадлежащими Готторпскому дому, коего онъ является главою; но, желая доказать на дѣлѣ полное свое безкорыстіе и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить мирный исходъ спора, императоръ Але- ксандръ означенныя права свои, въ полномъ ихъ объемѣ, усту- паетъ великому герцогу Ольденбургскому ¹.

¹ Протоколы Лондонской конференціи 1864 г.

Члены конференціи не могли сойтись на опредѣленіи разграничительной линіи между Голштиніею и Шлезвигомъ. Датчане, принявъ начало раздѣленія, отстаивали самую южную черту, нѣмцы—самую сѣверную, англичане—среднюю между тою и другою. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Александръ Николаевичъ, проѣздомъ въ Киссингенъ, остановился на два дня въ Берлинѣ и вечеромъ 29-го мая, принявъ Бисмарка въ частной аудіенціи, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ.

Государь не скрывалъ отъ своего собесѣдника, что онъ горячо желаетъ скорѣйшаго возстановленія мира. Если, говоритъ онъ, конференціи не удастся продлить перемиріе, то пусть Пруссія терпѣливо сноситъ блокаду своихъ береговъ и не вступаетъ въ Данію, чтобы не вызвать Англію на вооруженное вмѣшательство въ пользу датчанъ. Бисмаркъ отвѣчалъ, что признаетъ опасность подобнаго оборота, но что еще хуже были бы послѣдствія такого рѣшенія вопроса, которое не обезпечило бы нѣмецкое населеніе Шлезвигта отъ притѣсненія датчанъ, и явилось бы униженіемъ для короля Вильгельма, для его храбраго войска и для всего прусскаго народа. При этомъ случаѣ Бисмаркъ не преминулъ замѣтить, что такой исходъ дѣла оказался бы въ пользу революціи, давъ ей въ руки опасное оружіе, той революціи, борьба съ которою составляетъ первый долгъ правительства. Государь согласился съ этимъ взглядомъ и выразилъ желаніе, чтобы Пруссія всегда его придерживалась. «Для этого»—поспѣшилъ вставить Бисмаркъ—«должно воспрепятствовать нашимъ внѣшнимъ затрудненіямъ стать внутренними. Мы не можемъ допустить, чтобы британскій кабинетъ тѣ внутреннія усложненія, что самъ онъ создалъ себѣ своею политикою въ датскомъ вопросѣ, перенесъ на Германію и англійскіе кабинетные вопросы разрѣшалъ насчетъ нашего внутренняго спокойствія». Разговоръ перешелъ на будущую участь при-эльбскихъ герцогствъ. Государь выразилъ собесѣднику удовольствіе за то, что выставленная имъ кандидатура великаго герцога Ольденбургскаго дружественно принята въ Берлинѣ, но высказался очень опредѣленно противъ присоединенія герцогствъ къ Пруссіи. Бисмаркъ отвѣчалъ: «Мы изъ-за нихъ не вызовемъ европейской войны, но если намъ предложить соединеніе, то едва-ли мы будемъ въ состояніи отклонить его». Государь возразилъ, что до этого дѣло не дойдетъ, ибо кто же станетъ дѣлать Пруссіи такое предложеніе? Онъ совѣтовалъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Австріей и избѣгать частнаго соглашенія съ Франціей. Бисмаркъ увѣрялъ, что на такое соглашеніе Пруссія рѣшится лишь въ томъ случаѣ, если Австрія или Россія вступитъ третьимъ членомъ въ прусско-

французскій союзъ. Государь предостерегалъ собесѣдника отъ всякаго задора по отношенію къ Англіи, чтобы та не перешла на сторону Франціи, такъ какъ Наполеонъ III носится съ опасными замыслами. Бисмаркъ успокоилъ его увѣреніемъ, что Англія одна не рѣшится на войну, Наполеонъ же не можетъ не знать, что борьба на Рейнѣ за нѣмецкое національное дѣло вызоветъ не только дружный отпоръ со стороны Германіи, но и воскреситъ снова коалицію трехъ великихъ восточныхъ державъ, ибо ни одна изъ нихъ не можетъ допустить одолѣнія прочихъ французами, и если французскія побѣдоносныя войска займутъ Германію, то уже, во вниманіе къ положенію своему въ Польшѣ, Россія вынуждена будетъ вмѣшаться въ борьбу, независимо отъ того, отвѣчаетъ это ея склонности или нѣтъ? Императоръ заключилъ бесѣду подтвержденіемъ совѣта не подвергать опасности миръ Европы и выраженіемъ убѣжденія, что Шлезвигъ должно подѣлить пополамъ между нѣмцами и датчанами; лондонскій же договоръ 1852 года назвалъ при этомъ уже отшедшимъ въ область исторіи ¹.

Какъ ни старался Бисмаркъ скрыть состоявшееся тайное соглашеніе свое съ Наполеономъ III, оно не замедлило обнаружиться въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій лондонской конференціи, когда прусскій уполномоченный возобновилъ давнее предложеніе Франціи рѣшить вопросъ о пограничной чертѣ въ Шлезвигѣ между датчанами и нѣмцами опросомъ населенія. Баронъ Брунновъ съ жаромъ возсталъ противъ этого способа. Какъ ни тяжело ему—заявилъ онъ—противорѣчить представителю державы, связанной съ Россіей узами тѣсной дружбы, но выше дружбы ставить онъ свой долгъ предъ собственнымъ правительствомъ. Было бы противно основнымъ началамъ русской политики допустить, чтобы подданныхъ спрашивали, хотятъ ли они остаться вѣрными своему государю? Нельзя довѣрить шлезвигскимъ крестьянамъ рѣшеніе вопроса, надъ которымъ трудятся собранные въ конференціи уполномоченные великихъ державъ. Никогда не одобритъ онъ намѣренія подчинить приговоръ правительствъ Европы мнѣнію шлезвигской черни. На замѣчаніе прусскаго посланника, графа Бернсторфа, что рѣчь идетъ не о предоставленіи населенію Шлезвига права рѣшенія, а лишь о доставленіи имъ нужнаго для рѣшенія конференціи матеріала, русскій уполномоченный съ живостію возразилъ: «Предложеніе это обличаетъ намѣреніе насильственно

¹ Разговоръ Александра II съ Бисмаркомъ приведенъ дословно Зибелемъ по актамъ берлинскаго архива въ его *Die Begründung des Deutschen Reiches, durch Wilhelm I, III, стр. 340.*

отнять у короля датскаго его собственность. Я могу лишь съ прискорбіемъ выразить сожалѣніе, что оно исходитъ отъ уполномоченныхъ его величества короля прусскаго». Съ Брунновымъ поспѣшили согласиться представители Англій, Швеціи и даже Австріи. Франко-прусское предложеніе осталось, такимъ образомъ, безъ послѣдствій. Со своей стороны, подчиняясь настояніямъ русскаго двора, датское правительство объявило, что крайній предѣлъ его уступокъ—пограничная черта, предложенная Англією, которую отвергали представители Австріи, Пруссіи и Германскаго Союза. Съ послѣднимъ предложеніемъ: «передать рѣшеніе спора на третейскій судъ»—безуспѣшно выступилъ британскій уполномоченный лордъ Кларендонъ. Между тѣмъ, истекъ срокъ перемирія и конференція разошлась ¹.

14-го іюня возобновились военныя дѣйствія нападеніемъ австро-пруссаконъ на островъ Альзенъ. Не смотря на храброе сопротивленіе датчанъ, сражавшихся одинъ противъ четырехъ, укрѣпленный островъ этотъ занятъ союзниками, которые готовились уже перейти оттуда въ Фіонію и атаковать Копенгагенъ. Даніи ничего не оставалось иного, какъ заключить миръ на условіяхъ, предписанныхъ побѣдителями. Предварительными статьями, подписанными въ Берлинѣ 20-го іюля и подтвержденными вѣнскимъ мирнымъ договоромъ 18-го октября, король Христіанъ всѣ свои права на Шлезвигъ, Голштинію и Лауэнбургъ уступилъ императору австрійскому и королю прусскому. Такъ совершилось безъ малѣйшаго противодѣйствія, ни даже протеста съ чьей либо стороны, расчлененіе Датской монархіи, за цѣлость которой, всего за двѣнадцать лѣтъ до того, сообща поручились всѣ великія державы Европы.

) Лишь только состоялось отторженіе отъ Даніи при-эльбскихъ герцогствъ, какъ Бисмаркъ сталъ обнаруживать болѣе или менѣе явно намѣреніе Пруссіи завладѣть ими. Признаніе принца Фридриха Августенбургскаго герцогомъ соединенныхъ Шлезвига и Голштиніи онъ поставилъ въ зависимость отъ подчиненія его строгой опеки берлинскаго двора и отреченія въ пользу Пруссіи отъ самостоятельнаго распоряженія военными и морскими силами и внѣшнею политикою новаго государства. Когда же претендентъ отвергъ эти требованія, то совѣщаніе прусскихъ юристовъ объявило лишенными всякаго основанія притязанія на наслѣдованіе въ герцогствахъ какъ принца Августенбургскаго, такъ и великаго герцога Ольденбургскаго, признавъ законнымъ ихъ владѣльцемъ короля

¹ Протоколы Лондонской конференціи 1864 г.

Христіана датскаго, а за уступкою цмъ своихъ правъ Австріи и Пруссіи—императора Франца-Иосифа и короля Вильгельма.

Тогда только въ Вѣнѣ поняли, что Австрія въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ сыграла въ руку Пруссіи, и рѣшительно отказались пойти на предложенную изъ Берлина сдѣлку объ отдачѣ ей при-эльбскихъ герцогствъ. Разладъ между недавними союзниками обозначался все болѣе, и послѣ краткаго перемпрія, заключеннаго въ Гастейнѣ въ 1865 году, привелъ ихъ къ необходимости разрубить узелъ мечомъ. Предметомъ распри былъ уже не вопросъ о томъ, кому владѣть при-эльбскими герцогствами, а несравненно болѣе важный вопросъ о преобладаніи въ Германіи. Австрію поддерживали, за немногими исключеніями, всѣ второстепенныя государства Германскаго Союза. Бисмаркъ не поколебался вступить въ тѣсную связь съ Италіею, давно искавшею удобнаго случая, чтобы предъявить свои притязанія на Венеціанскую область, которою владѣлъ австрійскій императоръ. Прусскою дипломатіи удалось заручиться также косвенною поддержкою Наполеона III, объявившаго, что онъ «ненавидитъ договоры 1815 года» и не считаетъ ихъ пригодными продолжать служить основою международнаго порядка въ Европѣ.

По мѣрѣ того какъ обострялись отношенія Пруссіи къ Австріи, русскій дворъ не скрывалъ сочувствія своего къ первой изъ нихъ, и хотя предъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій присоединился къ предложенію Франціи и Англіи созвать европейскій конгрессъ съ цѣлью попытаться предупредить вооруженное столкновение Пруссіи и Италіи съ Австріею, но не иначе, какъ предваривъ о томъ заблаговременно берлинскій дворъ. Когда же вслѣдствіе отказа Австріи участвовать въ конгрессѣ, Бисмаркъ выступилъ во Франкфуртѣ съ предложеніемъ преобразовать на новыхъ началахъ Германскій Союзъ, то князь Горчаковъ высказалъ неодобреніе этому предложенію, находя его противнымъ и частнымъ русскимъ, и общимъ консервативнымъ интересамъ, причемъ напомнилъ, что союзная нѣмецкая конституція—общее дѣло державъ, собранныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, и не можетъ быть измѣнена иначе, какъ съ общаго же ихъ согласія. Свой взглядъ на дѣло русскій вице-канцлеръ сообщилъ дворамъ тюильрійскому и сентъ-джемскому, приглашая ихъ поддержать его совмѣстнымъ представленіемъ въ Берлинѣ. Но вспыхнувшая война прекратила эту попытку въ самомъ зародышѣ¹.

¹ Sybel, Die Begründung des Deutschen Reiches, durch Wilhelm I, V, стр. 268.

Военныя дѣйствія продолжались недолго. Въ семь дней пруссаки сломили сопротивление австрійцевъ и нѣмецкихъ союзниковъ Австріи — Ганновера и южно-германскихъ государствъ, заняли безъ выстрѣла Саксонію, вторглись въ Богемію и, нанеся на поляхъ Кѣнигсгреца рѣшительное пораженіе главной австрійской арміи, въ первыхъ числахъ іюля уже стояли подъ стѣнами Вѣны. Австрійцы, хотя и разбили на-голову итальянцевъ подъ Кустоцкою и въ морскомъ сраженіи при Лиссѣ, просили мира. Въ Никольсбургѣ, главной квартирѣ короля Вильгельма, велись уже переговоры между Бисмаркомъ и австрійскими уполномоченными, когда получена была отъ прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Редерна, телеграмма, извѣщавшая, что императоръ Александръ желаетъ созванія конгресса, находя, что возбужденные войною вопросы касаются всей Европы и не должны быть разрѣшены безъ ея согласія. Тогда же и тюльрійскій кабинетъ предъявилъ Пруссіи притязаніе свое на посредничество въ мирныхъ переговорахъ ¹.

Въ докладѣ королю графъ Бисмаркъ выразилъ мнѣніе, что какъ помянутая телеграмма, такъ и частныя письма императора Александра къ своему дядѣ указываютъ на нерасположеніе Россіи къ требованіямъ, предъявленнымъ Пруссіею вѣнскому двору и его нѣмецкимъ союзникамъ. Князь Горчаковъ уже изъяснилъ прусскому посланнику въ Петербургѣ желаніе ближе ознакомиться съ имп. Родственныя отношенія русскаго императорскаго дома къ нѣмецкимъ династіямъ вызываютъ опасенія, какъ бы при послѣдующихъ переговорахъ русскія симпатіи не оказались въ ихъ пользу. Въ силу этихъ соображеній, министръ совѣтовалъ своему государю не медлить заключеніемъ предварительныхъ условій мира съ Австріей, которыя и были подписаны въ Никольсбургѣ 14-го іюля. Тогда же было рѣшено сообщить ихъ содержаніе императору Александру чрезъ нарочнаго посланнаго ².

Между тѣмъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, Убри, передалъ временному замѣстителю Бисмарка, барону Вертеру, официальное приглашеніе на конгрессъ, предупредивъ его, что такое же приглашеніе послано уже изъ Петербурга въ Лондонъ и Парижъ. Извѣстіе это, полученное въ Никольсбургѣ 15-го іюля, на другой же день по подписаніи предварительныхъ условій мира съ Австріею, крайне озаботило прусскаго перваго министра. Онъ предписалъ Вертеру отвѣчать Убри, что хотя Пруссія до начала войны и выразила согласіе на конгрессъ, но что сдѣлала она это лишь съ цѣлью преду-

¹ Sybel, Ibid. V, стр. 294.

² Sybel, Ibid. V, стр. 295.

предить войну. Теперь же, послѣ того какъ она была вынуждена вести ее, поставивъ, такъ сказать, на карту самое свое существованіе, она не можетъ признать зависимость отъ конгресса плодовъ побѣдъ, столь дорого ей стоившихъ. А потому она согласится на созваніе конгресса лишь въ томъ случаѣ, если установлены будутъ основанія переговоровъ, которыя обезпечатъ Пруссіи пользованіе ея побѣдами. Король, замѣчалъ Бисмаркъ, ждетъ отъ справедливости и дружбы императора Александра, что онъ не предприметъ никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ въ этомъ дѣлѣ, не войдя съ берлинскимъ дворомъ въ предварительное соглашеніе ¹.

Но прямыя извѣстія изъ Петербурга подтверждали, что русскій дворъ настаиваетъ на конгрессѣ. Это побудило Бисмарка предписать прусскому военному агенту въ русской столицѣ, полковнику Швейницу, обратиться непосредственно къ самому императору съ слѣдующимъ представленіемъ. Онъ долженъ былъ внушить государю «самымъ осторожнымъ и дружественнымъ образомъ», что, подъ страхомъ вызвать революцію въ Пруссіи и Германіи, король Вильгельмъ не можетъ отказаться отъ достигнутыхъ успѣховъ и подчинить будущее устройство Германіи рѣшеніямъ европейскаго конгресса. Телеграмма заключалась предписаніемъ присовокупить, что король уже отбылъ изъ Никольсбурга и что Бисмаркъ будетъ совѣтовать ему, въ случаѣ, если вмѣшательство иностранныхъ державъ въ нѣмецкія дѣла приметъ обширные размѣры, разнуздать, съ цѣлью сопротивленія ему, всѣ національныя силы Германіи и прилежащихъ къ ней странъ, подъ которыми очевидно разумѣлись Венгрія и Польша ².

Но прусскому военному агенту въ Петербургѣ не пришлось прибѣгать къ этой угрозѣ. При первомъ извѣстіи о намѣреніи короля Вильгельма отпавить къ нему чрезвычайнаго посланца, государь сказалъ Швейницу: «Король желаетъ, чтобы впредь до соглашенія съ нимъ я не дѣлалъ дальнѣйшихъ шаговъ. Хорошо. Я самъ не желаю ничего лучшаго. Конечно, трудно уговориться на письмѣ. Съ величайшею радостью приму я всякое лицо, пользующееся довѣріемъ короля и которое будетъ въ состояніи выяснить мнѣ задушевные намѣренія королевскаго кабинета» ³.

Важное это порученіе возложено было королемъ Вильгельмомъ на генераль-адъютанта своего Мантейфеля. Вызванный къ королю въ Прагу, онъ выѣхалъ изъ Берлина 24-го іюля, два дня спустя послѣ того, какъ французскій посолъ Бенедетти предъявилъ Бис-

¹ Sybel, Ibid. V, стр. 346.

² Sybel, Ibid. V, стр. 347.

³ Sybel, Ibid. V, стр. 349.

марку проектъ тайной конвенціи объ уступкѣ Франціи «въ видѣ компенсаціи» Майнца и всего лѣваго берега Рейна.

Графъ Бисмаркъ снабдилъ Мантейфеля инструкціею, въ которой поручалъ ему выставить на видъ силу общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, столь настойчиво требующаго приличнаго вознагражденія за принесенныя жертвы, что неудовлетвореніе его подвергло бы крайней опасности самыя жизненные интересы монархіи. Сначала предполагалось потребовать отъ Саксоніи, Ганновера и Гессенъ-Касселя значительныхъ земельныхъ уступокъ. Но скоро выяснилось, что населеніе этихъ государствъ предпочитаетъ быть присоединеннымъ въ цѣломъ составѣ, чѣмъ раздробленнымъ. Отсюда рѣшеніе оставить неприкосновенною Саксонію, а Ганноверъ и Гессенъ-Кассель присоединить къ Пруссіи. Во вниманіе къ близкой родственной связи Гессенъ-Дармштадта съ Россіей, ему будетъ предложено, за уступку Верхняго Гессена, какъ области, лежащей къ сѣверу отъ Майна, щедрое вознагражденіе въ южной Германіи. Саксонія сохранить, въ составѣ вновь образуемаго Сѣверо-Германскаго Союза, въ свои владѣнія, но должна будетъ уступить Пруссіи верховное право распоряжаться своими военными силами. Ради родства Виртемберга съ Россіей, отъ него не потребуются территориальныхъ жертвъ. Въ дополнительной инструкціи Мантейфелю, Бисмаркъ присовокупилъ, что, въ случаѣ, если ему будетъ выражено желаніе Россіи освободиться отъ стѣснительныхъ обязательствъ, наложенныхъ на нее парижскимъ договоромъ 1856 года относительно Чернаго моря, то онъ долженъ отвѣчать, «что Пруссія нимало не заинтересована въ сохраненіи въ силѣ этихъ условій».

Независимо отъ инструкціи министра, прусскій генералъ везъ собственноручное письмо своего государя къ императору Александру, въ которомъ король въ особенности настаивалъ на томъ, что обаяніе прусской короны на его подданныхъ, составляющее послѣдній оплотъ монархіи въ Германіи, будетъ окончательно утрачено, если не будутъ приняты во вниманіе законныя требованія общественнаго мнѣнія страны.

По прибытіи Мантейфеля въ Петербургъ, князь Горчаковъ въ краткой бесѣдѣ заявилъ ему свое желаніе, чтобы Бисмаркъ явился на политическомъ горизонтѣ Европы не «метеоромъ, а звѣздою неподвижною». Въ тотъ же вечеръ императоръ Александръ принялъ генералъ-адъютанта своего дяди. Приѣмъ былъ ласковый, но сдержанный, и даже отчасти строгій. Государь высказалъ чувства привязанности и дружбы къ особѣ короля, но прочтенныя Мантейфелемъ мирныя условія, заключавшіяся въ инструкціи Бисмарка, произвели на Александра Николаевича прискорбное впечатлѣніе.

Императоръ благодарилъ за снисхожденіе, оказанное Виртембергу и Гессенъ-Дармштадту, но выразилъ при этомъ, что низведеніе съ престола нѣсколькихъ династій преисполняетъ его ужасомъ. Это—воскликнулъ онъ,—не утвержденіе монархическаго начала, а униженіе его, такъ какъ династіи эти царствуютъ «Божіею милостію», ни болѣе, ни менѣе, какъ и самъ прусскій королевскій домъ. Государь выразилъ также порицаніе союзу съ Италіей и опасеніе, какъ бы предположенный нѣмецкій парламентъ не вызвалъ революціонной опасности. На замѣчаніе Мантейфеля, что Бисмаркъ показалъ, что умѣетъ обходиться съ парламентами, Александръ Николаевичъ отвѣчалъ, что не сомнѣвается въ томъ, но одно слово «парламентъ» уже вызвало броженіе въ южной Германіи, такъ что въ Баденѣ и Дармштадтѣ выражаютъ желаніе вступить въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, потому что Баварія не въ сплахъ оказать имъ поддержки, а Австрія лишена отнынѣ возможности вліять на Германію. «Чѣмъ удовлетворительнѣе будутъ успѣхи Пруссіи»,—возразилъ Мантейфель,—«тѣмъ тверже монархъ прусскій удержитъ бразды правленія въ королевской рукѣ своей».

Отъ южно-германскихъ государствъ разговоръ перешелъ къ Франціи, и прусскій генералъ передалъ своему царственному собесѣднику личное мнѣніе о тайныхъ замыслахъ Наполеона III, вызвавшихъ его посредничество между воюющими сторонами. «Императоръ сказалъ мнѣ»,—доносилъ онъ королю,—«что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ, Наполеонъ намѣренъ требовать границъ 1814 года. Онъ судитъ и чувствуетъ о Наполеонѣ совершенно такъ же, какъ и ваше величество. Я рѣдко встрѣчался съ подобнымъ единомысліемъ». Отпуская Мантейфеля, государь еще разъ выразилъ опасеніе, внушенное ему низведеніемъ съ престола нѣсколькихъ династій въ земляхъ, которыя предполагалось присоединить къ Пруссіи.

✓На слѣдующій день Мантейфель имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ княземъ Горчаковымъ, утромъ того же дня бывшимъ съ докладомъ у императора. Вице-канцлеръ началъ съ повторенія сказаннаго наканунѣ государемъ. Его величество, пояснилъ онъ, радуется возвышенію Пруссіи. Если король Вильгельмъ воздержится отъ низверженія цѣлыхъ династій; если онъ въ Саксоніи не уничтожитъ обаянія монарха отнятіемъ у него верховнаго права начальства надъ войсками и обезпечитъ существованіе южно-германскихъ государствъ, то приобрететъ положеніе, полное могущества, и избѣжитъ всякаго новаго столкновенія съ Франціей. Наполеонъ III не посмѣетъ предъявить ему требованія земельныхъ уступокъ, если только король, уважая наслѣдственное право династій, пребудетъ

въ единомыслии со «старою» Европою. Князь Горчаковъ коснулся и будущаго. Россія, заявилъ онъ, не требуетъ нынѣ ни Дунайскихъ княжествъ, гдѣ дѣла принимаютъ лучший оборотъ, ни Галиціи, вопросъ о которой разрѣшенъ предварительными условіями мира, ни даже пересмотра постановленій парижскаго трактата, двѣ стѣснительныя статьи котораго должны быть отмѣнены, но онѣ упразднятся съ теченіемъ времени, сами собою. Когда наступитъ время ихъ похоронить, императоръ надѣется на поддержку Пруссіи. Наконецъ, вице-канцлеръ выразилъ сомнѣніе, чтобы между Австріей и Франціей существовалъ тайный договоръ по вопросу о Галиціи.

Первыя донесенія Мантейфеля по телеграфу изъ Петербурга и заключавшееся въ нихъ порицаніе предположенныхъ земельныхъ приобрѣтеній въ пользу Пруссіи вызвали въ первомъ министрѣ короля Вильгельма глубокое раздраженіе. Бисмаркъ зналъ, что тѣ изъ нѣмецкихъ дворовъ, которымъ грозило низложеніе, а также и прочіе родственные русскому двору отправили въ Петербургъ чрезвычайныхъ посланцевъ молить императора Александра о принятіи ихъ подъ свою защиту,—и обстоятельство это еще болѣе его раздражало. «Мы почти уже договорились съ Виртембергомъ и Дармштадтомъ» — протелеграфировалъ онъ Мантейфелю 30-го іюля — «на справедливыхъ основаніяхъ, изъ уваженія къ Россіи. Если этого недостаточно, чтобы обезпечить намъ, по меньшей мѣрѣ, терпимость Россіи въ дѣлѣ присоединенія Ганновера, Гессенъ-Касселя и Нассау, то мы не кончимъ сдѣлки съ Штутгартомъ и Дармштадтомъ. Давленіе извнѣ вынудитъ насъ провозгласить имперскую конституцію 1849 года и прибѣгнуть дѣйствительно къ революціоннымъ мѣрамъ. Ужъ коли быть революціи, такъ лучше мы ее возбудимъ сами, чѣмъ станемъ ея жертвами. Опасеній мы не можемъ принять въ уваженіе. Если Россія потребуетъ болѣе чѣмъ вѣжливаго поклона (*mehr als höfliche Begrüßung*), то придерживайтесь просто программы, которую мы въ слѣдующій понедѣльникъ провозгласимъ въ палатѣ». Программа эта была — проектъ закона о присоединеніи къ Пруссіи владѣній короля Ганноверскаго, курфирста Гессенъ-Кассельскаго, герцога Нассаускаго и вольнаго города Франкфурта. Принятый прусскими палатами, онъ тотчасъ же былъ утвержденъ королемъ и вступилъ въ законную силу.

Передавалъ императору и вице-канцлеру страстную отвѣдь графа Бисмарка, строгій консерваторъ Мантейфель, лично не сочувствовавшій беззащитности политическихъ пріемовъ перваго министра своего государя, старался по возможности смягчить ихъ, но въ то же время не скрылъ своихъ опасеній, что дѣйствительно можно ожидать отъ раздражительнаго нрава Бисмарка самыхъ

крайнихъ рѣшеній. Последнюю попытку императора Александра побудить короля Вильгельма не выступать изъ предѣловъ умѣренности было собственноручное письмо его къ дядѣ, въ которомъ онъ распространился снова объ уваженіи охранительныхъ началъ монархическаго строя Европы, но заключилъ письмо увѣреніемъ, что даже если убѣжденія его не будутъ приняты во вниманіе, то и тогда Россія «не примкнетъ къ противникамъ Пруссіи»¹.

На это сообщеніе король Вильгельмъ отвѣчалъ также собственноручнымъ письмомъ. Выразивъ снова сожалѣніе о томъ, что столь близкіе русскому двору дворы Штутгартскій и Дармштадтскій, внушающіе императору столько участія, стояли въ первомъ ряду враговъ Пруссіи, король выставилъ на видъ, что только изъ уваженія къ императору они получили благопріятныя для нихъ условія. Съ Виртембергомъ миръ уже подписанъ. «Что же касается до Дармштадта» — продолжалъ король — «то я не отвергъ уполномоченнаго — перваго министра великаго герцога Дальвигка — который столько лѣтъ велъ политику своего двора въ направленіи враждебномъ Пруссіи, но, соображаясь единственно съ вашими желаніями, согласился на предложенія Дальвигка. Мнѣ была крайне прискорбна невозможность столь же снисходительно поступить съ династіями Ганновера, Гесенъ-Касселя и Нассау. Но я долженъ былъ принести личныя свои чувства въ жертву благу государства. Я долженъ былъ принять во вниманіе настроеніе моего народа и войска и прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя обезпечили бы страну отъ возобновленія положенія, разъ уже вынесеннаго нами. Оставить этимъ государямъ часть ихъ владѣній значило бы раздробить оныя, чему болѣе чѣмъ всему другому воспротивилось бы мѣстное населеніе. Вы опасаетесь нѣмецкаго парламента и революціи. Вѣрьте мнѣ: ничто не вредило болѣе монархическому началу въ Германіи, какъ существованіе этихъ маленькихъ и немощныхъ династій, которыя стремились продлить свое существованіе насчетъ національныхъ интересовъ, неудовлетворительно исполняли державныя свои обязанности и такъ же компрометировали обаяніе монархическаго начала, какъ компрометируетъ обаяніе аристократіи многочисленное и обнищавшее дворянство. Общественное мнѣніе проникнуто убѣженіемъ, что эти небольшія монархіи стоятъ въ естественномъ и неизбѣжномъ противорѣчій къ національнымъ интересамъ. Въ случаѣ новаго кризиса, упадокъ національныхъ учрежденій вызвалъ бы тяжчайшія опасности. Мое правительство должно было предотвратить ихъ, по-

¹ Государь королю прусскому, 31-го іюля 1866 г.

средствомъ преобразованій. Съ революціею я буду продолжать бороться въ Германіи, какъ боролся съ нею до сихъ поръ, и чрезмѣрнымъ притязаніямъ нѣмецкаго парламента подчинюсь не болѣе, какъ такимъ же притязаніямъ прусскаго ландтага. Надѣюсь, что я этимъ успокою ваши опасенія. Я ничего не принимаю такъ близко къ сердцу, какъ скрѣпленіе узъ, насъ соединяющихъ. Ни одна изъ моихъ политическихъ комбинацій не нарушитъ русскихъ интересовъ. Напротивъ, я сочту себя счастливымъ, если мнѣ удастся найти въ будущемъ случай доказать вамъ, что я постоянно почитаю ихъ за интересы старѣйшаго и вѣрнѣйшаго союзника Пруссіи»

Русскій дворъ уже не противился новому устройству, данному Германіи побѣдою Пруссіей. Пражскій мирный договоръ съ Австріею совершенно видоизмѣнилъ порядокъ, установленный въ нѣмецкой землѣ заключительнымъ актомъ вѣнскаго конгресса, при участіи и за поручительствомъ восьми европейскихъ державъ. Монархія Габсбурговъ вытѣснена изъ Германіи. Всѣ государства на сѣверъ отъ Майна составили Сѣверо-Германскій Союзъ подъ главенствомъ Пруссіи, усиленной присоединеніемъ Шлезвига, Голштиніи, Лауэнбурга, Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и Франкфурта. Четыре южно-германскія государства: Баварія, Виртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ сохранили съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ таможенную связь и сверхъ того тайными конвенціями отдали всѣ свои военныя силы въ распоряженіе короля прусскаго. Въ силу пражскаго договора, союзница Пруссіи, Италія, довершила свое единство приобрѣтеніемъ Венеціанской области².

Ни одна изъ великихъ державъ Европы не протестовала противъ такой передѣлки политической карты всей этой части свѣта. Мысль о конгрессѣ, возбужденная Россіей, не нашла отклика ни въ Англии, гдѣ расположенные въ пользу Пруссіи тори смѣнили виговъ у власти, ни во Франціи, гдѣ Наполеонъ III долго еще ублажалъ себя мечтою получить согласіе Пруссіи на присоединеніе къ Франціи сначала лѣваго берега Рейна, потомъ—Бельгіи. Такимъ отреченіемъ великихъ державъ отъ принадлежащихъ имъ правъ объяснилъ императорскій кабинетъ и свою рѣшимость не вмѣшиваться въ новое поземельное и государственное устройство Германіи, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго правительственнаго сообщенія, появившагося въ «Journal de St.-Petersbourg» и перепеча-

¹ Король прусскій государю, 8-го августа 1866 г. О миссіи Мантейфеля въ С.-Петербургѣ, см. у Sybel, Die Begründung des Deutschen Reiches, durch Wilhelm I, V, стр. 350 и слѣд.

² Австро-пруссскій мирный договоръ, 11-го августа 1866 г.

таннаго въ «Сѣверной Почтѣ»: «Императорское правительство предложило нейтральнымъ дворамъ потребовать участія Европы въ разсмотрѣніи территоріальныхъ и политическѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ равновѣсіи европейской системы, утверждающейя на основаніи подписанныхъ ими сообѣща договоровъ. Это предложеніе не было поддержано прочими кабинетами, и такъ какъ вслѣдствіе этого принципъ европейской солидарности временно нарушенъ въ настоящее время тѣми самыми державами, взаимное согласіе которыхъ составляетъ существенное основаніе этой солидарности, то императорское правительство сочло нужнымъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ представленій. Мнѣніе Россіи, ея права, какъ великой державы, остаются обезпеченными за нею. Она свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и руководствомъ для нея служатъ одни лишь національные интересы Россіи»¹.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій событіи 1866 года было примиреніе императора Франца-Иосифа со своими венгерскими подданными и превращеніе Австрійской имперіи въ двойственную монархію, подъ именемъ Австро-Венгріи. Поставленный во главѣ ея общаго министерства иностранныхъ дѣлъ, личный противникъ Бисмарка, бывшій саксонскій министръ баронъ, впоследствии графъ, Бейсгъ вошелъ въ частное соглашеніе съ Наполеономъ III, что вызвало еще большее противъ прежняго скрѣпленіе дружественной связи между Россіею и Пруссіею и въ частности между императоромъ Александромъ и его дядею, королемъ Вильгельмомъ. Но въ то же время русскій дворъ прилагалъ все стараніе, чтобы обострившіяся отношенія торжествующей Пруссіи къ считавшей себя обиденной и обманутой ею бонапартовской Франціи не привели къ вооруженному столкновенію обѣихъ этихъ державъ. Такъ, когда весною 1867 года, вслѣдствіе предположенной уступки послѣдней королемъ нидерландскимъ великаго герцогства Люксембургскаго, едва было не возгорѣлась война, созванной по почину Россіи въ Лондонѣ конференціи великихъ державъ, къ участію въ которой привлечены были Нидерланды и Бельгія, удалось примирить противуположные виды дворовъ парижскаго и берлинскаго. Люксембургъ остался подъ властью короля нидерландскаго, но былъ объявленъ нейтральнымъ, подъ ручательствомъ великихъ державъ, а Пруссія обязалась вывести изъ люксембургской крѣпости гарнизонъ, который она содержала въ ней въ эпоху принадлежности великаго герцогства къ составу Германскаго Союза. Исчезнувшія съ политическаго горизонта Европы мрачныя тучи, грозившія все-

¹ «Сѣверная Почта», 20-го августа 1866 г.

общему миру, позволили императору всероссійскому и королю прусскому принять приглашеніе Наполеона III посѣтить парижскую всемірную выставку. Оба государя отправились въ Парижъ почти одновременно и одновременно же выѣхали оттуда, проведя недѣлю во французской столицѣ, въ качествѣ гостей императора французовъ. Въ этой поѣздкѣ сопровождали ихъ министры: вице-канцлеръ князь Горчаковъ и возведенный въ званіе канцлера Сѣверо-Германскаго Союза графъ Бисмаркъ.

Пребываніе императора Александра въ Парижѣ не осталось безъ вліянія на отношенія императорскаго кабинета къ тюрингійскому двору, съ которымъ онъ снова пришелъ къ соглашенію по дѣламъ европейскаго Востока.

Вмѣстительство западныхъ державъ въ польскія дѣла прервало переговоры, которые съ весны 1860 года русскій дворъ велъ съ ними объ улучшеніи участи турецкихъ христіанъ. Но рядъ событій, совершившихся въ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова, побудилъ великія державы снова заняться сообщами ихъ судьбами. Такъ, три державы-покровительницы Греціи — Россія, Англія и Франція — признали происшедшее путемъ внутренняго переворота низложеніе короля Оттона и избраніе греческимъ учредительнымъ собраніемъ въ короли эллиновъ второго сына наслѣдника датскаго престола принца Георга. Договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ 2-го ноября 1863 года, Великобританія добровольно отказалась отъ предоставленнаго ей вѣнскимъ конгрессомъ права покровительства надъ Ионическими островами, которые и были присоединены къ Греціи. Не такъ скоро пришли великія державы къ соглашенію по поводу состоявшагося въ началѣ 1866 года замѣщенія на престолѣ соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахій князя Александра Кузы принцемъ Карломъ Гогенполлернскимъ. Собранная для обсужденія этого вопроса общеевропейская конференція разошлась безъ результата. Только два года спустя русскій дворъ, слѣдуя примѣру Порты, согласился признать принца Карла княземъ Румыніи.

Въ продолженіе 1867 года состоялись: подписанный въ Петербургѣ 18-го марта договоръ, которымъ Россія уступала Соединеннымъ Штатамъ владѣнія свои въ Сѣверной Америкѣ и возведеніе князя А. М. Горчакова 15-го іюня, въ день пятидесятилѣтія его службы, въ достоинство государственнаго канцлера. Вспыхнувшее, между тѣмъ, вооруженное возстаніе на островѣ Критѣ опять привлекло вниманіе императорскаго кабинета на Востокъ.

Русскій дворъ пригласилъ правительства Англіи и Франціи уполномочить своихъ представителей въ Константинополѣ дѣйстви-

вать сообщая на Порту съ цѣлью побудить ее дать удовлетвореніе законнымъ требованіямъ критянъ. Когда же оттоманское правительство рѣшило подавить возстаніе силой, то князь Горчаковъ возложилъ на него отвѣтственность за всёъ могущія прозойти послѣдствія. Въ то же время русской средиземной эскадрѣ, въ видахъ человѣколюбія, дозволено, чтобы спасти семейства возставшихъ критянъ отъ турецкой жестокости, перевозить ихъ съ острова на берега Элады.

Борьба турокъ съ критянами, поддержанными изъ Греціи, продолжалась пѣлые два года и вызвала броженіе не только среди грековъ, но и среди всѣхъ прочихъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Князь Михаилъ сербскій вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ аѳинскимъ правительствомъ, съ цѣлью уговориться объ общемъ дѣйствіи противъ Порты. По донесенію нашихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, готовилось поголовное возстаніе турецкихъ христіанъ. Въ виду признаковъ близкаго разложенія Оттоманской имперіи, тюрійскій кабинетъ предложилъ русскому двору возобновить соглашеніе, къ которому Россія и Франція едва было не пришли передъ польскимъ возстаніемъ. На предложеніе это князь Горчаковъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ принимаетъ его, и высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ на Востокѣ. Первымъ шагомъ къ умиротворенію онъ считалъ добровольную со стороны Порты уступку Греціи острова Крита, въ крайнемъ случаѣ образованіе изъ него автономной области, поставленной къ Портѣ въ тѣ же вассальныя отношенія, какъ Румынія или Сербія. Но русскій министръ предвидѣлъ и случайность всеобщаго возстанія христіанскихъ подданныхъ султана и полагалъ, что ни у одной изъ великихъ державъ Европы не хватитъ духа отстаивать турецкое владычество противъ «отчаянія христіанъ». По мнѣнію его, всѣмъ имъ слѣдуетъ, въ данномъ случаѣ, строго держаться начала полного невмѣшательства, какъ доказательства собственнаго ихъ безкорыстія ¹.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона маркизь Мутье вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ князя Горчакова и предложилъ французскому послу въ Константинополь стараться убѣдить Порту, что собственный интересъ ея требуетъ скорѣйшей уступки греческому правительству возставшаго острова. Такія же наставленія дали своимъ представителямъ при султанѣ дворы берлинскій, вѣнскій и флорентинскій. Одна Англія упорно отказывалась присоединиться къ совокупному давленію Европы, не желая, какъ выра-

¹ Князь Горчаковъ барону Будбергу, 16-го ноября 1866 г.

жались ея министры, ускорять ходъ событій и содѣйствовать распаденію Оттоманской имперіи. Но и сентъ-джемскій кабинетъ согласился, что такъ или иначе, но непременно слѣдуетъ улучшить положеніе турецкихъ христіанъ. Императорскій кабинетъ разослалъ всѣмъ прочимъ составленную русскимъ посломъ въ Константинополь генераль-адъютантомъ Пгнатьевымъ программу преобразованій, признаваемыхъ имъ самыми нужными и неотложными. Они обнимали новое раздѣленіе Оттоманской имперіи на области, по національностямъ, административное устройство ихъ и въ нихъ—уѣздовъ и общинъ, организацію судебную и военную, финансы, народное просвѣщеніе. Но всѣ эти реформы, по убѣжденію русскаго двора, могли быть дѣйствительны лишь при условіи, что будутъ введены при участіи делегатовъ великихъ державъ и дѣйствовать подъ надзоромъ и контролемъ ихъ представителей.

Результатомъ переговоровъ Петербурга съ Парижемъ, Берлиномъ и Флоренціею была коллективная нота, врученная министру иностранныхъ дѣлъ Порты, въ апрѣлѣ 1867 года, послами Россіи, Франціи, Сѣверо-Германскаго Союза и Италіи, съ подтвержденіемъ совѣта предоставить критянамъ, путемъ плебисцита, высказаться относительно будущей участи Крита, что было бы равносильно присоединенію его къ Греціи. Отказъ Порты послѣдовать этому совѣту вызвалъ тождественную декларацію помянутыхъ четыре державъ, которою они слагали съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія турецкаго ослѣпленія, и предупреждали Порту, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать ни на матеріальную, ни на нравственную помощь державъ съ цѣлью вывести ее изъ затрудненій, созданныхъ ея упрямствомъ¹.

Смыслъ и значеніе этого акта князь Горчаковъ слѣдующимъ образомъ разъяснилъ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ: «Нашъ августѣйшій государь желаетъ выгородить свою отвѣтственность въ положеніи, коего опасность его императорское величество предвидитъ и всячески старался устранить. Государь желаетъ воспрепятствовать политическому соперничеству усилить и безъ того серьезныя усложненія Восточнаго вопроса придачею къ нимъ тѣхъ, что заключаетъ въ себѣ нынѣшнее положеніе Европы. Въ этихъ видахъ его императорское величество выставилъ начало невмѣшательства, которое готовъ соблюдать, доколѣ оно будетъ уважаемо прочими державами. Впрочемъ, начало это не означаетъ равнодушія. Вотъ почему ни мы, ни кабинеты, къ намъ присоединившіеся, не хо-

¹ Декларация четырехъ державъ, 21-го сентября 1867 г.

тимъ отречься отъ великодушнаго подвига, который собственная совѣсть можетъ внушить великимъ державамъ въ такихъ случаяхъ, когда этого потребуетъ долгъ челоѣколюбія. Вотъ почему также, устраняя себя отъ всякаго одинокаго дѣйствія, которое усложнило бы нынѣшнія восточныя замѣшательства, императорскій кабинетъ всегда будетъ готовъ принять участіе въ европейскомъ соглашеніи съ цѣлью ихъ разрѣшенія. Онъ твердо убѣжденъ, что такого рода соглашеніе можетъ лишь совершить дѣло справедливости, достойное христіанскихъ державъ, соответствующее общимъ интересамъ мира и цивилизаціи, передъ которыми должно изгладиться всякое политическое соперничество и всѣ своекорыстные виды»¹.)

Послѣ устраненія великихъ державъ отъ вмѣшательства въ критское дѣло, Порты уже не стѣснялась въ средствахъ къ усмиренію возстанія на островѣ. Оно было окончательно подавлено къ концу 1868 года, и тогда Оттоманское правительство предъявило въ Аѣинахъ ультиматумъ, которымъ, подѣ угрозой немедленнаго дипломатическаго разрыва и бомбардированія греческихъ портовъ сильною турецкою эскадрою, потребовало прекращенія прилива на Критъ греческихъ добровольцевъ и поддержанія возстанія присылкою боевыхъ снарядовъ и продовольствія. Общественное возбудженіе не позволило правительству короля Георга подчиниться требованію Порты. Война Турціи съ Греціей представлялась неминуемою.

Съ цѣлью предупредить столкновеніе столь неравныхъ силами противниковъ, императорскій кабинетъ предложилъ созвать въ Парижѣ конференцію великихъ державъ, для изысканія способовъ къ мирному разрѣшенію греко-турецкаго спора. Конференція потребовала отъ аѣинскаго правительства принятія деклараціи, кою Греція обязывалась не благопріятствовать и не допускать: 1) образованія на своей территоріи вооруженныхъ шаекъ для нападенія на Турцію, 2) вооруженія въ греческихъ гаваняхъ судовъ, предназначенныхъ содѣйствовать, какими-либо способами, всякой попыткѣ возстанія во владѣніяхъ султана. Князь Горчаковъ протелеграфировалъ русскому посланнику въ Аѣинахъ: «Императоръ твердо разсчитываетъ на принятіе деклараціи, которая, по мнѣнію его величества, не посягаетъ ни на достоинство, ни на истинные интересы Греціи». Король Георгъ послѣдовалъ этому дружескому совѣту. Новое составленное имъ министерство приняло декларацію конференціи и миръ между Греціей и Турціей нарушенъ не былъ².

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 18-го октября 1867 г.

² Протоколы парижской конференціи 1869 г.

Изъ балканскихъ христіанъ не одни греки были предметомъ заботливости русскаго двора. Попечительность его распространялась и на славянское населеніе полуострова. Въ возникшей распрѣ между болгарами и великою Константинопольскою церковью онъ выступилъ примирителемъ, стараясь успокоить страсти и привести двѣ враждующія народности къ полюбовному соглашенію. Императорскій посолъ въ Константинополѣ являлся вліятельнымъ заступникомъ и покровителемъ всѣхъ угнетенныхъ подданныхъ султана. Онъ же энергично поддерживалъ предъ Портою требованія вассальныхъ государствъ, какъ напримѣръ, настойчивое представленіе князя Михаила Сербскаго о выводѣ турецкихъ гарнизоновъ изъ трехъ послѣднихъ занятыхъ ими крѣпостей въ княжествѣ: Смедерева, Шабаца и Бѣлграда. Убѣжденія Россіи, поддержанныя другими великими державами, имѣли на этотъ разъ успѣхъ. Порта согласилась на потребованную уступку, и весною 1867 года Бѣлградская цитадель была торжественно передана сербскимъ войскамъ, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы на стѣнахъ ея, рядомъ съ сербскимъ, продолжало развѣваться и турецкое знамя. Когда же, годъ спустя, Михаилъ Обреновичъ палъ отъ руки убійцы, императорскій кабинетъ настоялъ на признаніи султаномъ избраннаго скупщиною въ преемники ему малолѣтняго племянника Милана, съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ и преимуществъ, какими пользовался князь Михаилъ.

Въ концѣ 1868 года впервые прибылъ въ Петербургъ, для личнаго представленія императору Александру, князь черногорскій Николай. Посѣщеніе имъ русскаго двора сгладило и прекратило недоразумѣнія, возникшія между нимъ и мѣстными нашими консульскими агентами. Обласканный государемъ, радушно принятый и всѣми членами царской семьи, молодой владѣтель Черногоріи проникся чувствомъ благоговѣйной преданности къ могучему покровителю своего народа—русскому царю, и самаго дружественнаго расположенія къ Россіи, преданность къ которой, съ этого дня, не переставалъ гласно исповѣдовать, тщательно соображая свои дѣйствія съ совѣтами и указаніями императорскаго кабинета. Осенью 1869 года государь принялъ въ Ливадіи князя Карла Румынскаго, начавшаго съ русскаго двора свой объѣздъ дворовъ великихъ державъ. Вскорѣ женитьба князя Карла на принцессѣ Елизаветѣ Видъ, близкой родственницы великой княгини Елены Павловны, еще болѣе сблизила его съ русскимъ императорскимъ домомъ.

Пока всѣ эти событія совершались на Востокѣ, на Западѣ Европы накоплялись грозныя тучи, предвѣщавшія, въ болѣе или менѣе близкій срокъ, неизбежное столкновеніе между ставшею во

главѣ сѣверной Германіи Пруссіею и имперіею третьяго Бонапарта. Въ эти тревожные дни помыслы императора Александра были направлены къ предотвращенію поводовъ разлада между великими державами или, по меньшей мѣрѣ, къ смягченію самыхъ условій войны. По его почину, осенью 1868 года собралась въ Петербургѣ конференція изъ представителей шестнадцати европейскихъ державъ, подписавшихъ декларацию, коею державы, участвовавшія въ конференціи, принимали обязательство не употреблять въ своихъ войскахъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, въ случаѣ войны, разрывныхъ пулъ или снарядовъ, вѣсящихъ менѣе 400 граммъ, признавъ такіе снаряды «противными законамъ человѣколюбія»¹.

Высокое отличіе, пожалованное королю прусскому императоромъ Александромъ въ день столѣтняго юбилея русскаго военнаго ордена— первая степень ордена св. Георгія, а также обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе телеграммъ, которыми оба государя обмѣнялись по этому поводу, обратили на себя общее вниманіе Европы, свидѣтельствуя о тѣсной дружбѣ, связывавшей съ любимымъ дядей царственнаго племянника. Но когда, полгода спустя, въ іюніѣ 1870 года, во время пользованія въ Эмсѣ Александра Николаевича минеральными водами, не только прибылъ туда король Вильгельмъ, но и были вызваны оба канцлера, князь Горчаковъ и графъ Бисмаркъ, то изъ этого заключили, что между Россіею и Пруссіею существуетъ и тѣсное политическое единеніе. Едва успѣлъ государь возвратиться въ Царское Село, какъ получилъ извѣстіе о раздорѣ Франціи съ Пруссіею, возникшемъ изъ-за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ.

Искренно желая предотвратить кровавое столкновеніе двухъ государствъ, императоръ Александръ обратился къ обѣимъ сторонамъ съ совѣтами благоразумія и умѣренности. Вліянію его на короля Вильгельма слѣдуетъ приписать согласіе этого государя на отреченіе принца Леопольда отъ предложенной ему испанцами короны. Французскому послу генералу Флѣри Александръ Николаевичъ сказалъ, что вполнѣ понимаетъ все, что это предложеніе заключаетъ въ себѣ оскорбительнаго для Франціи, въ виду того, что, каковъ бы ни былъ кандидатъ, онъ все же, въ настоящую минуту, можетъ обратиться въ носителя прусскаго знамени², а князь Горчаковъ заявилъ австрійскому посланнику, что въ томъ же смыслѣ русскій дворъ высказался и въ Берлинѣ. Когда же, не довольствуясь одобреніемъ, выраженнымъ королемъ прусскимъ пле-

¹ С.-Петербургская декларация, 29-го ноября 1868 г.

² Флѣри герцогу Грамону, 28-го іюня 1870 г.

мяннику за его отреченіе, французское правительство потребовало отъ берлинскаго двора ручательствъ въ томъ, что кандидатура эта не будетъ возобновлена и впредь, русскій посолъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ сообщилъ великобританскому министру иностранныхъ дѣлъ проектъ протокола, который, по занесеніи въ него заявленія короля прусскаго, подписали бы уполномоченные всѣхъ великихъ державъ, что послужило бы для Франціи вполне достаточнымъ ручательствомъ за будущее ¹. Но событія шли такъ быстро, что примирительная попытка русскаго дипломата не могла быть даже доведена до свѣдѣнія враждующихъ дворовъ.

8-го іюля Франція объявила Пруссіи войну, а три дня спустя русскій дворъ обнародовалъ слѣдующую декларацию: «Несогласія, возникшія въ послѣднее время между правительствами французскимъ и прусскимъ, и поспѣшность, съ которою были приняты самыя крайнія рѣшенія, сдѣлали тщетными усилія императорскаго правительства и другихъ державъ, стремящихся достигнуть той же цѣли. Съ глубокимъ сожалѣніемъ государь императоръ взираетъ на бѣдствія, неизбежно сопряженныя съ войною на европейскомъ материкѣ. Его императорское величество принялъ твердую рѣшимость соблюдать строгій нейтралитетъ въ отношеніи воюющихъ державъ, до тѣхъ поръ, пока случайностями войны не будутъ затронуты интересы Россіи. Императорское правительство всегда готово оказать самое искреннее содѣйствіе всякому стремленію, имѣющему цѣлью ограничить размѣры военныхъ дѣйствій, сократить ихъ продолжительность и возвратить Европѣ блага мира» ².

Согласно съ заявленіемъ о нейтралитетѣ, русскимъ подданнымъ высочайше воспрещено поступать добровольцами на службу обѣихъ воюющихъ сторонъ. Заключительныя слова деклараціи указывали на рѣшеніе императора Александра обусловить свой нейтралитетъ невмѣшательствомъ и прочихъ великихъ державъ въ франко-нѣмецкую распрю. Такое рѣшеніе русскаго государя побудило удержаться въ нейтральномъ положеніи Австро-Венгрію и Италію, не взирая на обязательства, связывавшія ихъ съ Франціей и обѣщанную послѣдней союзную помощь. Скоро, по предложенію Англіи, четыре нейтральныя державы подписали договоръ, которымъ обязались, въ случаѣ выхода своего изъ нейтралитета, предупредить о томъ прочія державы заблаговременно. Такимъ образомъ, война 1870 года обратилась какъ бы въ поединокъ между Германіею и Франціею

¹ Duc de Gramont, la France et la Prusse, стр. 279.

² «Правительственный Вѣстникъ», 11-го іюля 1876 г., № 148.

и бѣдствія ея, ограниченныя сравнительно тѣсными предѣлами, не распространились на всю Европу.

Уже въ первый періодъ войны, послѣ сраженій подъ Вёртомъ и вокругъ Меца, вполне обозначился перевѣсъ силъ нѣмцевъ надъ ихъ противниками. Это побудило государя, какъ самъ онъ повѣдалъ о томъ послу Наполеона III, написать къ дядѣ письмо, въ которомъ убѣждалъ его, въ случаѣ если Франція будетъ побѣждена окончательно, не предписывать ей мира унижительнаго, который, въ сущности, былъ бы только перемиріемъ и служилъ бы постоянною опасностью для прочихъ государствъ. На письмо это король Вильгельмъ отвѣчалъ, что ему трудно будетъ принудить общественное мнѣніе Германіи отказаться отъ присоединенія отвоеванныхъ отъ Франціи областей¹.

Седанскій погромъ, взятіе въ плѣнъ Наполеона III, паденіе второй французской имперіи и провозглашеніе республики въ Парижѣ не измѣнили доброжелательнаго расположенія императора Александра къ Франціи. На запросъ правительства народной обороны: будетъ ли принятъ въ Петербургѣ Тьеръ, въ качествѣ его чрезвычайнаго уполномоченнаго? послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ князя Горчакова.

Старецъ Тьеръ прибылъ въ русскую столицу 24-го сентября и былъ тотчасъ принятъ канцлеромъ, предупредительно и ласково. «Вы найдете здѣсь» — сказалъ ему князь Александръ Михайловичъ — «живыя симпатіи къ Франціи, порожденныя предпочтеніемъ, питаемымъ въ Россіи къ вашей родинѣ, и старою общностью интересовъ, давно забытыхъ. Симпатіи эти вамъ будутъ выражать, но не заблуждайтесь на этотъ счетъ. Въ Россіи одинъ владыка — императоръ, онъ одинъ править. А императоръ хочетъ мира и усиліямъ вашимъ воспротивится не племянникъ, а государь, обязанный пещись о благѣ своего народа и только его одного. Впрочемъ онъ окажетъ вамъ помощь для переговоровъ, но и не больше. Вамъ помогутъ вступить въ переговоры безъ потери времени, и вѣрьте мнѣ: вотъ все, что можно для васъ сдѣлать».

Самъ Тьеръ такъ отзывается о приѣмѣ, котораго удостоилъ его государь въ Царскомъ Селѣ: «Канцлеръ былъ правъ, и я скоро въ томъ убѣдился. Императоръ сдѣлалъ мнѣ честь принять меня. Государь этотъ — благороднѣйшій въ мірѣ человекъ, прилежный къ дѣламъ, понимающій въ нихъ толкъ и исполненный откровенности и прямоты. Онъ подтвердилъ мнѣ слова своего министра, сказавъ, что самъ войны не поведетъ, но послужитъ намъ опорой въ

¹ Флѣри князю Латуръ д'Овернь, 18-го августа 1870 г.

переговорахъ и сдѣлаеть все отъ него зависящее, чтобы Франція принесла возможно меньшія жертвы, земельныя и денежныя. Онъ честно сдержалъ слово».

Въ томъ же смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказывались предъ Тьеромъ и милостиво принявшіе его члены царской семьи, настаивая на необходимости заключить какъ можно скорѣе миръ съ Германіею, цѣною жертвъ, которыя будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ долѣе станутъ ихъ откладывать. Между тѣмъ, государь отправилъ въ главную прусскую квартиру въ Версаль письмо, на которое долго не получалось отвѣта. Тьеръ уже назначилъ день своего отъѣзда изъ Петербурга, какъ вдругъ князь Горчаковъ пригласилъ его къ себѣ и привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Мы получили извѣстія. Миръ возможенъ. Но вамъ надо много принять на себя. Надо ѣхать въ Версаль, мужественно начать переговоры, и вы получите условія, которыя позволительно принять, особенно если Парижъ хоть немного, но сумѣлъ защищаться. Проявите мужество мира (ayez le courage de la paix) и, я повторяю вамъ, вы дадите миръ вашей родинѣ и всей Европѣ, особенно если счастье чуть-чуть улыбнется французскому оружію подъ стѣнами Парижа». Тьеръ замѣтилъ своему собесѣднику, что для заключенія мира онъ не имѣетъ полномочія, что онъ не взялъ, да и не хотѣлъ взять его съ собою. «Будьте великимъ гражданиномъ»—возразилъ канцлеръ—«и возьмите на себя отвѣтственность. Васъ ждуть въ Версалѣ; вы будете приняты хорошо и получите все, что возможно получить въ настоящую минуту». Тьеръ отвѣчалъ, что, во всякомъ случаѣ, ему нужно будетъ съѣздить въ осажденный Парижъ и тамъ получить полномочіе отъ правительства народной обороны, безъ котораго подписанный имъ миръ оказался бы недѣйствительнымъ. Князь Горчаковъ доложилъ о томъ государю, который вызвался уладить и это затрудненіе. По его настоянію, Тьеру выданъ былъ прусскими военными властями пропускъ въ Парижъ, и оттуда въ главную нѣмецкую квартиру ¹. Нѣсколько дней спустя канцлеръ повѣдалъ англійскому послу въ Петербургѣ: «Императоръ Александръ пошелъ дальше всѣхъ прочихъ, потому что написалъ королю Вильгельму письмо съ выраженіемъ надежды, что онъ не потребуетъ отъ Франціи территориальныхъ уступокъ» ².

Переговоры о мирѣ, веденныя Тьеромъ съ графомъ Бисмаркомъ въ Версалѣ, во второй половинѣ октября, не привели къ соглашенію. Прошло еще три мѣсяца, и выморенный голодомъ Парижъ

¹ Déposition de Mr. Thiers devant la Commission parlementaire, I стр. 22—23.

² Сэръ А. Бухананъ лорду Гренвиллю, 5-го октября 1870 г.

сдался на капитуляцію. Паденіе столицы сломило силу сопротивленія Франціи. 14-го февраля 1871 года канцлеръ возстановленной Германской имперіи и Тьеръ, провозглашенный созваннымъ въ Бордо учредительнымъ собраніемъ главою Французской республики, подписали предварительныя условія мира на всеї волѣ побѣдителей.

О событіи этомъ принявшій титулъ императора германскаго король Вильгельмъ извѣстилъ императора Александра слѣдующею телеграммой: «Съ невыразимымъ чувствомъ и вознося благодареніе Богу, увѣдомляю васъ, что предварительныя условія о мирѣ сейчасъ подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзась, но безъ Бельфора, нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ уступлены Германіи; пять миллиардовъ контрибуціи будутъ уплачены Франціи; по мѣрѣ выплаты этой суммы страна будетъ очищена въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ частью занятъ, до утвержденія мира національнымъ собраніемъ въ Бордо. Подробности мирнаго договора будутъ обсуживаться въ Брюсселѣ. Если утвержденіе состоится, мы наконецъ достигли конца войны, столь же славной, сколько кровопролитной, объявленной намъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ. Никогда Пруссія не забудетъ, что она вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Господь! До конца жизни вашъ признательный другъ, Вильгельмъ».

Государь отвѣчалъ по телеграфу же: «Благодарю за сообщеніе подробностей о предварительныхъ условіяхъ мира и раздѣляю вашу радость. Дай Богъ, чтобы послѣдствіемъ былъ твердый миръ. Счастливъ, что могъ, какъ преданный другъ, доказать вамъ мое сочувствіе. Да будетъ дружба, насъ связывающая, залогомъ счастья и славы нашихъ обоихъ государствъ. Александръ».

Предварительный версальскій и окончательный договоръ, заключенный Германіею съ Франціей во Франкфуртѣ, 28-го апрѣля, завершили начатое нападеніемъ на Данію въ 1864 году видоизмѣненіе карты Европы. Вопросъ о разграниченіи Германіи и Франціи, рѣшенный въ 1814 и 1815 годахъ, подъ высшимъ руководствомъ русскаго императора, съ общаго согласія Европы и сообразно требованіямъ европейскаго равновѣсія, разрѣшенъ теперь по уговору двухъ воевавшихъ сторонъ, или вѣрнѣе по произволу державы-побѣдительницы. Ни Россія, ни одна изъ прочихъ великихъ державъ, не потребовала представленія этой сдѣлки на утвержденіе соединенной Европы. Внутреннее переустройство Германіи, сліяніе всѣхъ государствъ, нѣкогда входившихъ въ составъ Германскаго Союза, въ единую Германскую имперію подъ наслѣдственною властью прус-

скихъ королей, было просто сообщено для свѣдѣнія европейскимъ державамъ и признано ими безпрекословно. Впрочемъ, всѣ эти мѣры приняты были не безъ предварительнаго соглашенія съ Россією. На обстоятельство это указываетъ обмѣвъ военныхъ отличій между родственными дворами. Въ день вступленія нѣмецкихъ войскъ въ побѣжденный Парижъ, императоръ Вильгельмъ назначилъ императора Александра шефомъ 1-го гвардейскаго Гренадерскаго императора Александра I-го полка, «въ память того времени», писалъ онъ ему, «когда наши арміи, связанные между собою тѣснымъ братствомъ, вступили съ непріятельскую столицу подъ предводительствомъ почившихъ въ Бозѣ его величества императора Александра I-го и моего отца». Со своей стороны, государь назначилъ императора Вильгельма шефомъ 13-го драгунскаго полка Военнаго Ордена, а наслѣднаго принца Германской имперіи—вторымъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка. Тогда же принцы Фридрихъ-Вильгельмъ и Фридрихъ-Карлъ и графъ Мольтке возведены въ званіе русскихъ генералъ-фельдмаршаловъ и получали ордена св. Георгія 2-й степени.

Устраняя себя отъ посредничества между побѣдителями и побѣжденными и отъ участія въ опредѣленіи какъ внутренняго устройства Германіи, такъ и новыхъ границъ ея со стороны Франціи, русскій дворъ воспользовался франко-нѣмецкою войною, чтобы возбудить и разрѣшить въ пользу Россіи вопросъ, составлявшій давній предметъ заботъ императора Александра, а именно возстановленіе во всей ихъ полнотѣ державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ.

Въ самый разгаръ войны, государственный канцлеръ объявилъ всѣмъ державамъ-участникамъ парижскаго договора 1856 года, что, въ виду неоднократныхъ нарушеній этого договора во многихъ существенныхъ статьяхъ, государь императоръ долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: какія права и какія обязанности простекаютъ для Россіи изъ этихъ перемѣнъ въ общемъ политическомъ положеніи и изъ этихъ отступленій отъ обязательствъ, которыя Россія не переставала строго соблюдать, хотя онѣ и проникнуты духомъ недовѣрія къ ней? Зрѣлое обсужденіе этого вопроса, писалъ князь Горчаковъ, привело его величество къ слѣдующимъ заключеніямъ: «По отношенію къ праву, нашъ августѣйшій государь не можетъ допустить, чтобы трактаты, нарушенные во многихъ существенныхъ и общихъ статьяхъ своихъ, оставались обязательными по тѣмъ статьямъ, которыя касаются прямыхъ интересовъ его Имперіи; по отношенію къ примѣненію, его императорское величество не можетъ допустить, чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, не устоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы

эта безопасность могла подвергнуться нарушенію, вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены во всей ихъ цѣлости».

«Государь императоръ» — продолжалъ канцлеръ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ—«въ довѣріи къ чувству справедливости державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года, и къ ихъ признанію собственнаго достоинства, повелѣваетъ вамъ объявить, что его величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го (30-го) марта 1856 года, насколько они ограничиваютъ его верховныя права на Черномъ морѣ; что его императорское величество считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностію заявить его величеству султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ помянутому трактату конвенціи, опредѣляющей количество и размѣры военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ; что государь императоръ прямодушно увѣдомляетъ о томъ державы, подписавшія и гарантировавшія общій трактатъ, существенную часть котораго составляетъ эта отдѣльная конвенція; что его императорское величество возвращаетъ въ этомъ отношеніи его величеству султану права его во всей полнотѣ, точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственныя».

«При исполненіи этого порученія» — заключалъ циркуляръ — «вы употребите стараніе точно опредѣлить, что нашъ августѣйшій монархъ имѣетъ единственно въ виду безопасность и достоинство своей Имперіи. Въ мысль его императорскаго величества вовсе не входитъ возбужденіе Восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполне признавать главныя начала трактата 1856 года, опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду прочихъ государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими этотъ договоръ: или для подтвержденія его общихъ постановленій, или для ихъ возобновленія, или для замѣны ихъ какимъ-либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе Востока и европейское равновѣсіе. Его императорское величество убѣжденъ въ томъ, что это спокойствіе и это равновѣсіе приобретутъ еще новое ручательство, когда будутъ опираться на основанія болѣе справедливыхъ и прочныхъ, чѣмъ при томъ положеніи, котораго не можетъ принять за естественное условіе своего существованія ни одна великая держава»¹.

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 19-го октября 1870 г.

Общій циркуляръ князя Горчакова сопровождался разъясненіями по адресу каждой изъ державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года.

Англіи канцлеръ напомнилъ, что право Россіи на пересмотръ постановленій этого договора признано было графомъ Русселемъ еще въ 1866 году. Князь Горчаковъ искалъ успокоить сентъ-жемскій кабинетъ увѣреніемъ, что опасности, угрожающія Оттоманской имперіи, ни въ какомъ случаѣ не исходятъ ни отъ Англіи, ни отъ Россіи; что обѣ эти державы одушевлены равнымъ желаніемъ продлить, елико возможно, существованіе ея, посредствомъ согласованія ея интересовъ съ интересами христіанскихъ подданныхъ султана, и что, если, не взырая на успія обоихъ дворовъ, все же наступитъ рѣшительный кризисъ, исхода изъ него должно искать въ общемъ соглашеніи великихъ державъ¹.

Такъ же точно напомнилъ князь Горчаковъ и вѣнскому двору, что онъ дважды предлагалъ взять починъ въ предложеніи пересмотра парижскаго трактата, какъ заключающаго постановленія, оскорбительныя для Россіи: въ 1859 году, въ бытность министромъ иностранныхъ дѣлъ графа Рекхберга, и въ 1867 году, тотчасъ по вступленіи въ должность нынѣшняго канцлера графа Бейста. Представителю нашему въ Вѣнѣ поручалось объявить послѣднему: Черноморскій вопросъ настолько важенъ для Россіи, что она сочтетъ отношеніе къ нему великихъ державъ за пробный камень ихъ расположенія къ себѣ и будетъ сообразоваться съ нимъ при опредѣленіи собственныхъ къ нимъ отношеній².

Что касается до Италіи, то въ сообщеніи флорентинскому двору канцлеръ ограничился заявленіемъ, что дворъ этотъ слишкомъ проникнуть самъ сознаніемъ своего достоинства, чтобы не признать обязанностей, налагаемыхъ тѣмъ же чувствомъ на русское правительство, и что итальянскіе интересы нисколько не связаны съ аномальнымъ положеніемъ, созданнымъ Россіи трактатомъ 1856 года на Черномъ морѣ³.

Русскому повѣренному въ дѣлахъ во Франціи поручалось объявить правительству «народной обороны», что хотя оно и составилось съ исключительною цѣлью дать отпоръ непріятелю, вторгнувшемуся въ страну, но что Франція занимаетъ слишкомъ значительное мѣсто въ Европѣ, чтобъ не было доведено до ея свѣдѣнія измѣненіе, вносимое въ договоръ, коего она была участницею. Канцлеръ заключалъ

1 Князь Горчаковъ барону Бруннову, 20-го октября 1870 г.

2 Князь Горчаковъ Новикову, 20-го октября 1870 г.

3 Князь Горчаковъ барону Иксулю, 20-го октября 1870 г.

свою депешу слѣдующимъ разсужденіемъ: «Война 1854 года и договоръ 1856 года были первымъ шагомъ на пути политическихъ переворотовъ, потрясшихъ Европу и приведшихъ къ столь гибельнымъ послѣдствіямъ. Каково-бы ни было правительство, которое окончательно установится во Франціи, обязанностью его будетъ изцѣлить зло, причиненное политической системою, дашею столь бѣдственные плоды» ¹.

Королю прусскому императоръ Александръ замѣтилъ, въ собственноручномъ письмѣ, что настало для него время исполнить обязательство, принятое имъ предъ Россіей еще въ 1866 году ².

Наконецъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ приглашался сдѣлать великому визирю слѣдующее внушеніе: «Аномальное положеніе, созданное между Россією и Турцією договоромъ, не только составляетъ камень преткновенія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но является также постояннымъ возбужденіемъ для тѣхъ, кто свои расчеты или интересы основываетъ на разрывѣ обоихъ государствъ. Доколѣ будетъ длиться это положеніе и вызываемые имъ поводы къ неудовольствію съ нашей стороны, до тѣхъ поръ, понятно, великая держава не можетъ безконечно терпѣть ихъ продолженія. Перспектива борьбы, считаемою неизбѣжною, тяжело ложится на всѣ отношенія; одни страстно ея желаютъ и готовятся къ ней; другіе, въ своемъ нетерпѣніи, ищутъ ее ускорить и вызвать. Очевидно, что въ этомъ заключается одна изъ причинъ, поддерживающихъ броженіе на Востокѣ и парализующихъ миротворныя усилія, къ которымъ императорскій кабинетъ не переставалъ прибѣгать съ 1856 года. Рѣшеніе, принятое нашимъ августѣйшимъ государемъ, направлено къ тому, чтобы мирнымъ способомъ устранить этотъ постоянный поводъ къ раздору. Мы думаемъ, что и Порта можетъ найти въ немъ гарантію спокойствія и безопасности, которыхъ не дали ей до сихъ поръ постановленія, не выдержавшія испытанія времени» ³.

Но не смотря на успокоительныя объясненія, рѣшительная мѣра, принятая Россією, вызвала бурю въ большинствѣ европейскихъ кабинетовъ.

Даже водворенная въ Турѣ делегация правительства «народной оборонѣ», въ отвѣтъ своемъ, сослалась на невозможность для нея принять рѣшеніе, не запросивъ мнѣнія членовъ правительства, замкнутыхъ въ осажденномъ Парижѣ ⁴. Итальянскій министръ иностран-

¹ Князь Горчаковъ Окуневу, 20-го октября 1870 г.

² Государь королю прусскому, 19-го октября 1870 г.

³ Князь Горчаковъ Сталлю, 20-го октября 1870 г.

⁴ Графъ Шодорди маркизу Габріаку, 8-го ноября 1870 г.

ныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что, какъ ни дорожитъ Италія дружественными отношеніями къ Россіи, не отъ нея зависитъ освободить эту державу отъ обязательствъ, принятыхъ относительно пяти другихъ державъ, и что результатъ этотъ можетъ быть лишь слѣдствіемъ добровольнаго соглашенія между всеми дворами, участвовавшими въ заключеніи парижскаго трактата ¹. Тѣ же возраженія, но въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, предъявилъ и графъ Бейстъ отъ имени вѣнскаго двора. Признавая всю стѣснительность для Россіи постановленій, ограничившихъ ея военныя силы на Черномъ морѣ, австро-венгерскій канцлеръ замѣчалъ, что, какъ ни стѣснительно это положеніе, оно могло побудить Россію не соглашаться на подписаніе парижскаго трактата, но послѣ его заключенія не даетъ ей права самовольно отречься отъ него, и только можетъ служить поводомъ къ выраженію желанія о его пересмотрѣ. Рѣшеніе же, принятое русскимъ дворомъ, по мнѣнію Бейста, компрометируетъ не только существующіе международные договоры, но и тѣ, что имѣютъ быть заключены въ будущемъ: оно можетъ облегчить ихъ заключеніе, но отнюдь не содѣйствовать ихъ прочности. Возраженіе свое Бейстъ заключалъ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія о рѣшеніи, налагающемъ на Россію тяжелую отвѣтственность, и даже удивленія по поводу того, что принято оно въ такую минуту, когда Европа болѣе всего нуждается въ гарантіяхъ, которыя дають ей спокойствію и будущности вѣра въ трактаты и уваженіе къ нимъ ².

Сильнѣе всехъ другихъ державъ негодовала Англія. Великобританскому послу въ Петербургѣ поручено было прочесть князю Горчакову цѣлую лекцію по международному праву о ненарушимости трактатовъ и о невозможности допустить, чтобы одна изъ договорившихся сторонъ отрекалась отъ принятыхъ на себя обязательствъ, безъ предварительнаго уговора съ прочими сторонами. Ученіе, усвоенное русскимъ дворомъ, — разсуждалъ лордъ Гренвиль, — подчиняетъ всю обязательную силу и дѣйствительность трактатовъ самовольному контролю каждой изъ сторонъ, что имѣло бы послѣдствіемъ уничтоженіе договоровъ, въ ихъ совокупности и сущности ³.

При первомъ извѣстіи о деклараціи русскаго двора, король Вильгельмъ былъ видимо удивленъ и сказалъ тещу своему Шнейдеру:

¹ Маркизь Висконти-Веноста графу Карачіоло, 12-го октября 1870 г.

² Графъ Бейстъ графу Хотеку, 4-го ноября 1870 года. На замѣчаніе русскаго посла, что самъ же онъ при вступленіи въ должность австрійскаго имперскаго канцлера возбудилъ вопросъ о возстановленіи державныхъ правъ Россіи на Черномъ морѣ, Бейстъ ядовито отвѣчалъ: «Мы предлагали раскрыть предъ вами дверь, вы же помитесь въ окно; а это совсѣмъ не то же самое».

³ Лордъ Гренвиль барону Бруннову, 28-го октября 1870 г.

«Я хоть и зналъ, что нѣчто подобное готовится, но при настоящемъ положеніи дѣлъ, когда ничего еще не рѣшено, эта мѣра Россіи состоялась въ неудобную для насъ минуту. Сама по себѣ, декларация совершенно правильна. Спрашивается только: какъ примутъ ее Англія и Австрія? Дальнѣйшее Бисмаркъ, конечно, передастъ мнѣ завтра»¹. На сѣверо-германскаго канцлера вѣсть изъ Петербурга произвела столь же непріятное впечатлѣніе, съ тою лишь разницею, что Бисмаркъ далъ волю своему раздраженію въ словахъ, которыми онъ отозвался о ней передъ своимъ обычнымъ застольнымъ обществомъ въ главной квартирѣ. Тутъ же принялся онъ изливать свою досаду предъ собесѣдниками: «Обыкновенно думаютъ»—говорилъ онъ—«что русская политика чрезвычайно хитра и искусна, полна разныхъ тонкостей, хитросплетеній и интригъ. Это неправда... Если бы они, въ Петербургѣ, были беззащитны, то воздержались бы отъ подобныхъ заявленій, стали бы спокойно строить суда на Черномъ морѣ и ждать, пока ихъ о томъ запросятъ. Тогда они сказали бы, что имъ ничего неизвѣстно, что нужно освѣдомиться, и затянули бы дѣло. Оно могло бы продлиться, при русскихъ порядкахъ, и въ концѣ концовъ съ нимъ бы свѣдѣлись»²...

Скоро узнали въ нѣмецкой главной квартирѣ, что въ Версаль ѣдетъ англійскій уполномоченный Одо Руссель съ цѣлью потребовать отъ сѣверо-германскаго канцлера «категорическихъ объясненій» по поводу русской деклараціи. «Категорическихъ?»—воскликнулъ король Вильгельмъ. «Для насъ существуетъ одно «категорическое» объясненіе: капитуляція Парижа, и Бисмаркъ, конечно, скажетъ ему это!»³

Дѣйствительно, въ первой же бесѣдѣ съ британскимъ посланцомъ, на вопросъ его—останется ли Германія нейтральною въ случаѣ войны Англіи съ Россіею, Бисмаркъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ обстоятельствъ, но что пока онъ не усматриваетъ поводовъ къ вмѣшательству въ ихъ распрю. Положеніе Германіи, пояснилъ онъ, измѣнилось, и ей незачѣмъ услуживать другимъ, доколѣ она не увѣрена, что ей самой оплатятъ услугою за услугу. «Какую же услугу можетъ оказать Англія Германіи?» спросилъ Руссель. «Открытіе Дарданеллъ и Босфора для военныхъ судовъ всѣхъ націй», былъ отвѣтъ канцлера. «Это»—продолжалъ онъ,—«было бы пріятно Россіи, открывъ ей доступъ изъ Чернаго моря въ Среди-

¹ Louis Schneider, Aus dem Leben Kaiser Wilhelm I.

² Moritz Busch, Graf Bismarck und seine Leute, подъ 5-мъ ноября 1870 г.

³ Schneider, I. с.

земное, а также п Турціи, ибо она могла бы тогда всегда имѣть друзей своихъ подъ рукою, п американцамъ, у которыхъ отняло бы одинъ изъ поводовъ къ сближенію съ Россіей, а именно, удовольствіемъ ихъ желанію свободно плавать во всѣхъ моряхъ». Въ заключеніе бесѣды Бисмаркъ повторилъ англійскому дипломату отзывъ свой о русской дипломатіи, которую обозвалъ наивною (сапидиде). «Если бы она была смышленѣе», — замѣтилъ онъ — «то совершенно разорвала бы парижскій трактатъ. Тогда ей были бы благодарны за то, что она снова признала бы нѣкоторыя изъ его условій п удовольствовалась бы возстановленіемъ своихъ державныхъ правъ на Черномъ морѣ». На второмъ совѣщаніи нѣмецкій канцлеръ предложилъ Русселю уладить споръ на конференціи изъ представителей великихъ державъ, указавъ на Петербургъ, какъ на мѣсто созванія конференціи; когда же англичанинъ предъявилъ возраженіе противъ такого выбора, то самъ Бисмаркъ назвалъ Лондонъ ¹.

Приглашеніе великимъ державамъ собраться на конференцію нѣмецкій канцлеръ отправилъ въ тотъ же день — 14-го ноября — по телеграфу въ Петербургъ, Лондонъ, Вѣну, Флоренцію п Константинополь. Всѣ дворы отвѣчали изъявленіемъ согласія на его предложеніе. Конференція уполномоченныхъ державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года открыла свои засѣданія въ Лондонѣ 5-го января 1871 года, а 20-го февраля пмн была подписана конвенція, вносящая въ парижскій трактатъ слѣдующія существенныя измѣненія.

Отмѣнялись три статьи этого трактата, ограничивавшія число военныхъ судовъ, которыя Россія п Турція имѣли право содержать въ Черномъ морѣ, а также право ихъ возводить укрѣпленія по берегамъ его; подтверждался принципъ закрытія Дарданеллъ п Босфора съ правомъ для султана открыть доступъ въ эти проливы военнымъ судамъ дружественныхъ п союзныхъ державъ каждый разъ, когда Порта признаетъ это нужнымъ для поддержанія прочихъ постановленій парижскаго трактата; Черное море объявлялось по прежнему открытымъ для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй; существованіе международной Дунайской комиссіи продолжено на двѣнадцать лѣтъ, съ 1871 по 1883 годъ; предоставлено прибрежнымъ къ Дунаю державамъ условиться о кругѣ дѣятельности особой комиссіи изъ ихъ представителей; признано право прибрежныхъ державъ взимать пошлину съ судовъ, плавающихъ по Дунаю, для покрытія расходовъ по очищенію русла этой рѣки отъ пороговъ; подтверждены нейтральность построекъ, возведенныхъ въ устьяхъ Дуная европейскою комиссіею и, вообще,

¹ Moritz Bnsch, Graf Bismark und seine Leute, подъ 14-мъ ноября 1870 г.

всѣ статьи и постановленія трактата 18-го марта 1856 года, не отмѣненныя лондонскою конвенціею ¹.

Десять дней спустя русскій государственный канцлеръ подписалъ съ турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ особую конвенцію, которою отмѣнялась та, что была заключена непосредственно въ 1856 году между Россіею и Турціею по вопросу о Черномъ морѣ и служила приложеніемъ къ парижскому договору ².

Высочайшая ратификація этихъ двухъ актовъ послѣдовала 18-го марта, въ пятнадцатую годовщину заключенія парижскаго мира. Жалуя по этому случаю князю Горчакову титулъ «свѣтлости», императоръ Александръ писалъ въ рескриптѣ къ нему: «Даруя вамъ сіе высшее отличіе, я желаю, чтобы это доказательство моей признательности напоминало вашему потомству о томъ непосредственномъ участіи, которое, съ самаго вашего поступленія въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, принимаемо было вами въ исполненіе моихъ мыслей и предначертаній, клонящихся непрестанно къ обезпеченію самостоятельности и упроченію славы Россіи» ³.

¹ Лондонскій договоръ, 20-го февраля 1871 г.

² С.-Петербургская конвенція, 2-го марта 1871 г.

³ Рескриптъ князю Горчакову, 18-го марта 1870 г.—Дипломатическая переписка русскаго двора въ С.-Петербургскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; иностранныхъ дворовъ—въ англійской «Синей», французской «Желтой» и австрійской «Красной» книгахъ.

XXI

Соглашеніе трехъ императоровъ.

1871—1876.

Охранительное направленіе во внутренней политикѣ. — Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. — Переписка князя Барятинскаго съ графомъ Шуваловымъ. — Комиссіи разныхъ вѣдомствъ. — Законъ о дознаваніяхъ по государственнымъ преступленіямъ. — Облегченіе участи государственныхъ преступниковъ. — Поѣздка государя за границу. — Депутація протестантскихъ обществъ. — Дальнѣйшія преобразованія въ Царствѣ Польскомъ. — Государь въ Варшавѣ. — Амнистія участникамъ мятежа. — Поѣздка государя на Кавказъ. — Рескриптъ великому князю-наместнику кавказскому. — Приѣздъ въ Ливадію князя Милана Сербскаго. — Германская депутація на Георгіевскомъ праздникѣ. — Царская семья въ Крыму. — Двухсотлѣтняя годовщина Петра Великаго. — Сближеніе Пруссіи съ Австріею. — Государь выражаетъ желаніе сѣхаться въ Берлинѣ съ императорами германскимъ и австрійскимъ. — Письмо его къ императору Вильгельму. — Государь въ Новочеркасскѣ. — Съѣздъ трехъ императоровъ въ Берлинъ. — Соглашеніе между ними. — Обмѣнъ телеграммъ съ императоромъ германскимъ по случаю Георгіевскаго праздника. — Приѣздъ въ Петербургъ императора Вильгельма. — Тайный договоръ съ Германіею. — Приѣздъ персидскаго шаха. — Государь въ Вѣнѣ. — Рескриптъ министру народнаго просвѣщенія. — Введеніе всеобщей воинской повинности. — Бракосочетаніе великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. — Приѣздъ въ Петербургъ императора австрійскаго. — Поѣздка государя въ Лондонъ. — Переѣзды въ личномъ правительственномъ составѣ. — Бракосочетаніе великаго князя Владиміра Александровича съ принцессою Маріею Мекленбургъ-Шверинскою. — Конференція въ Брюсселѣ объ опредѣленіи законовъ и обычаевъ войны. — Возсодвиженіе униатовъ Царства Польскаго. — Посредничество государя между Франціею и Германіею. — Размовка Бисмарка съ княземъ Горчаковымъ. — Свиданія государя съ императоромъ германскимъ въ Эмсѣ и съ австрійскимъ императоромъ въ Эгерѣ.

Въ пятилѣтіе, истекшее между окончаніемъ франко-нѣмецкой войны и началомъ смуты на европейскомъ Востокѣ, приведшихъ къ войнѣ Россіи съ Турціею за освобожденіе балканскихъ славянъ,

внутренняя законодательная дѣятельность правительства не производить новыхъ коренныхъ преобразованій, а ограничивается развитіемъ и постепеннымъ распространеніемъ на окраины Имперіи реформъ, первоначально введенныхъ лишь въ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи. Такъ, судебные уставы вводятся — въ 1871 году въ девяти губерніяхъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, въ 1873 году—въ губерніяхъ Пермской и Вологодской, въ 1875 году—въ Дагестанской области и въ Царствѣ Польскомъ, а земскія учрежденія — въ землѣ войска Донскаго; въ 1872 году общее городское положеніе примѣнено къ Петербургу, Москвѣ, Одессѣ и по Закавказскому краю.

Въ высшихъ правительственныхъ кругахъ неоднократно возникали предположенія о возбужденіи и разрѣшеніи другихъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ, въ направленіи охранительномъ, главными представителями котораго въ совѣтахъ императора Александра II являлись шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой и министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ. Послѣдній внесъ, еще въ 1870 году, въ Государственный Совѣтъ проектъ объ объединеніи губернской администраціи, съ значительнымъ расширеніемъ предоставленной губернаторамъ власти, но проектъ этотъ не встрѣтилъ сочувствія въ прочихъ вѣдомствахъ и остался безъ послѣдствій.

Другой вопросъ, поднятый въ слѣдующемъ 1871 году, по почину бывшего намѣстника кавказскаго князя Барятинскаго, былъ вопросъ о замѣнѣ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія личнымъ. Фельдмаршалъ находилъ, что какъ общинное владѣніе, такъ и круговая порука служатъ лишь къ ободренію праздности, къ развращенію крестьянъ и къ задержкѣ всякаго экономическаго успѣха. Онъ писалъ государю, что если при первоначальномъ введеніи крестьянской реформы благоразуміе требовало придерживаться существующихъ фактовъ и не измѣнять разомъ всего, то теперь настала пора для руки, воздвигнувшей зданіе, дать и ключъ къ нему. «Послѣднее слово реформы» — утверждалъ князь — «будетъ сказано, когда полное освобожденіе русскаго народа дойдетъ до отдѣльной личности. Поощрите частную собственность крестьянъ, и вы задушите зародыши коммунизма, упрочите семейную нравственность и поведете страну по пути прогресса. Нѣтъ прочнѣе гарантіи для законнаго преуспѣянія, какъ собственность и свобода личности»¹. На письмо фельдмаршала отвѣчалъ, по высочайшему повелѣнію, графъ П. А. Шуваловъ, сопровождавшій императора въ путеше-

¹ Князь Барятинскій государю, 24-го августа 1871 г.

ствін по Кавказу и писавшій Барятинскому изъ Гундба: «Воспользовавшись досугомъ во время нашего плаванія по Волгѣ, я счастливъ, что могу съ настоящей минуты предсказать серьезную будущность великой, полезной идеи, вамъ покровительствуемой, т. е. упраздненію второго рабства, быть можетъ худшаго, чѣмъ крѣпостное—общиннаго пользованія землею. Его величество, сочувствуя содержанію вашего письма, повелѣлъ мнѣ написать министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ во время своего путешествія, выслушавъ нѣсколько жалобъ по этому поводу, желаетъ, чтобъ дѣло было подвергнуто обсужденію Комитета министровъ, не въ предѣдательствѣ государя, но тотчасъ по возвращеніи его въ Петербургъ. На мой взглядъ, этого совершенно достаточно, чтобы дать намъ возможность взять дѣло въ свои руки; а чтобы не придать этому важному вопросу характера партійной борьбы даже въ средѣ правительственной, я представилъ государю, какъ полезно было бы въ настоящемъ случаѣ совѣщаніе съ земскими собраніями, въ виду преимущественнаго экономическаго значенія вопроса, что и входитъ въ кругъ дѣятельности земства. Я не сомнѣваюсь, что значительное большинство собраній выскажется въ смыслѣ вашихъ взглядовъ, и тогда дѣло будетъ выиграно, вопреки всѣмъ петербургскимъ «краснымъ», которые при этомъ случаѣ не преминутъ дать большое сраженіе, такъ какъ всѣ ихъ будущія надежды погибнуть съ уничтоженіемъ этой соціальной и соціалистической язвы»¹.

Въ связи съ вопросомъ объ общинѣ находился и вопросъ объ установленіи вмѣсто крестьянской волости—волости всесословной, разрабатывавшійся въ средѣ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но всѣ эти и имъ подобныя дѣла не достигли законодательнаго разрѣшенія и окончательно сошли съ очереди по оставленіи въ 1874 году графомъ Шуваловымъ поста шефа жандармовъ и по назначеніи его посломъ при великобританскомъ дворѣ.

Тѣмъ не менѣе, надъ разработкою многихъ частныхъ преобразованій по всѣмъ частямъ управленія трудились многочисленныя комиссіи, учрежденныя при разныхъ вѣдомствахъ. Въ 1869 году по одному министерству внутреннихъ дѣлъ такихъ комиссій дѣйствовало 18; по министерствамъ: государственныхъ имуществъ—4, путей сообщенія—6, юстиціи—1, морскому—3; по вѣдомству православнаго исповѣданія—4, по II-му отдѣленію Собственной его величества канцеляріи—3; по Собственной канцеляріи по дѣламъ

¹ Графъ Шуваловъ князю Барятинскому, 11-го сентября 1871 г.

Царства Польскаго — 1 и съ тремя самостоятельными комиссіями, не включенными ни въ одно изъ вѣдомствъ,—всего 43 комиссіи ¹.

Однимъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ, вызванныхъ шпирокимъ распространеніемъ среди учащейся молодежи социальна-революціонныхъ ученій, былъ разрѣшенъ весною 1871 года, изданіемъ новаго закона о согласованіи дѣятельности корпуса жандармовъ съ участіемъ чиновъ судебного вѣдомства въ разслѣдованіи государственныхъ преступленій, едва ли не единственная мѣра, проведенная графомъ Шуваловымъ во время восьмилѣтняго завѣдыванія имъ III-мъ отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, если не считать состоявшагося въ слѣдующемъ году высочайшаго повелѣнія о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ права налагать арестъ на книги и повременныя издавія, направление которыхъ признается имъ вреднымъ, съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе объ окончательномъ ихъ запрещеніи принадлежало Комитету министровъ. Другою немаловажною мѣрою было выдѣленіе города Петербурга въ отдѣльное градоначальство, съ переименованіемъ начальника столицы, генераль-адъютанта Трепова, изъ оберъ-полиціимейстера въ с.-петербургскаго градоначальника. По случаю рожденія царскаго внука великаго князя Георгія Александровича, государь даровалъ значительныя облегченія каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ изъ государственныхъ преступниковъ, и подъ извѣстными условіями разрѣшилъ возвращеніе въ Европѣйскую Россію изъ Сибири значительнаго числа административно-ссылныхъ ².

Лѣтомъ 1871 года императоръ Александръ предпринялъ обычную поѣздку за границу для лѣченія водами въ Эмсѣ, куда прослѣдовалъ чрезъ Берлинъ и Веймаръ и гдѣ ждала его императрица, съ которою онъ оставался тамъ четыре недѣли—съ 30-го мая по 23-е іюня. Съ императоромъ Вильгельмомъ государь видѣлся въ Берлинѣ, а въ Эмсѣ посѣтили его великіе герцоги Ольденбургскій и Саксенъ-Веймарскій съ супругою. Александръ Николаевичъ навѣстилъ сначала въ Кобленцѣ, а потомъ въ Баденъ-Баденѣ императрицу германскую. Окончивъ курсъ лѣченія въ Эмсѣ, онъ отдохнулъ пять дней въ замкѣ Петерсталь, близъ Дармштадта, а проѣздомъ отсюда въ Фридрихсгафенъ останавливался въ Страсбургѣ и осмотрѣлъ тамошнюю крѣпость.

Государь съ императрицею цѣлую недѣлю провелъ у сестры, королевы виртембергской Ольги Николаевны, въ лѣтней резиденціи ея на Боденскомъ озерѣ. Туда явилась къ нему депутація

¹ «Правительственный Вѣстникъ», 1869 г. №№ 71 и 72.

² 13-го мая 1871 г.

изъ 17 делегатовъ протестантскихъ обществъ Европы и Америки съ ходатайствомъ въ пользу свободы совѣсти, яко-бы нарушаемой въ русскихъ прибалтійскихъ областяхъ по отношенію къ эстамъ и латышамъ. Императоръ не принялъ ни депутаціи, ни привезенныхъ ею адресовъ, но направилъ ее къ находившемуся въ Фридрихсгафенѣ канцлеру, князю Горчакову, который объявилъ депутатамъ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ предметъ убѣжденія его величества и что государь останется вѣрнымъ примѣру своихъ предковъ, занесшихъ эти убѣжденія на всѣ страницы исторіи Россіи; что та же исторія представляетъ въ этомъ отношеніи явленіе, которому подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ другихъ странъ; наконецъ, что начала эти одно изъ достославныхъ отличій Россіи, которое она желаетъ сохранить, но что ручательствомъ въ томъ должно служить делегатамъ исключительно довѣріе, ими же самими выраженное, къ великодушію русскаго императора. Князь Александръ Михайловичъ замѣтилъ въ заключеніе, что удовлетвореніе выраженныхъ ими просьбъ имѣло бы исходомъ отмену нѣкоторыхъ законовъ Имперіи, что самый приемъ депутаціи государемъ представился бы чужимъ вмѣшательствомъ въ наши внутреннія дѣла, «а мы» — заключилъ канцлеръ — «не можемъ допустить даже и тѣни такого вмѣшательства съ чьей бы ни было стороны»¹.

Отвезя императрицу въ Югенгеймъ, гдѣ посѣтили ихъ величества императоръ германскій, государь предпринялъ обратный путь въ Россію и, чрезъ Берлинъ и Александрово, 14-го іюля прибылъ въ Варшаву.

Въ Царствѣ Польскомъ продолжалось сліяніе этого края съ Имперіей. Весною 1871 года, за окончательнымъ введеніемъ въ дѣйствіе указовъ 19-го февраля 1864 года о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и за передачею гражданскихъ въ Царствѣ управленій въ непосредственное завѣдываніе министерствъ, упраздненъ, какъ «исполнившій свое назначеніе», учредительный комитетъ съ состоявшею при немъ юридическою комиссіею². Выражая намѣстнику благодарность за успѣшную и плодотворную дѣятельность этого комитета за семь лѣтъ его существованія, императоръ писалъ графу Бергу: «Утвержденіе въ Царствѣ Польскомъ общихъ условий государственнаго устройства и гражданской жизни — составляетъ существенную и непремѣнную потребность общаго государственнаго единства. Я твердо увѣренъ, что, слѣдуя и впредь по

¹ Князь Горчаковъ государю, 4-го іюля 1871 г.

² 26-го марта 1871 г.

указанному мною пути съ тою же бдительною неуклонностью, вы будете постоянно имѣть въ виду непреложность намѣреній моихъ относительно полнаго слиянія Царства Польскаго съ прочими частями государства»¹.

Въ четырехдневное пребываніе въ Варшавѣ, императоръ Александръ явилъ участникамъ послѣдняго польскаго мятежа новый знакъ монаршей милости, дозволивъ эмигрантамъ изъ уроженцевъ Царства Польскаго и Западнаго края, самовольно удалившимся за границу, возвратиться, если пожелаютъ, въ отечество съ тѣмъ, чтобы, подобно тому, какъ это было установлено послѣ возстанія 1830—31 годовъ, дѣла о нихъ разбирались въ подлежащихъ судебныхныхъ учрежденіяхъ, рѣшенія которыхъ, по постановленіи приговора, повергались бы, вмѣстѣ съ участію подсудимыхъ, на высочайшее благоусмотрѣніе.

20-го іюля ихъ величества возвратились въ Петергофъ, а послѣ обычнаго лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ, въ концѣ августа, государь совершилъ путешествіе на Кавказъ, край не посѣщенный имъ, если не считать кратковременнаго объѣзда черноморской береговой полосы въ 1861 году,—съ самаго воцаренія.

Императоръ поѣхалъ туда въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей, проведя три дня въ Москвѣ, кружнымъ путемъ, внизъ по Волгѣ, останавливаясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани, въ Симбирскѣ, въ Самарѣ, въ Саратовѣ и въ Астрахани. Переѣздъ чрезъ Каспійское море совершилъ онъ на пароходѣ «Цесаревна Марія» и 7-го сентября высадился на кавказскій берегъ въ Петровскѣ. Государь направился затѣмъ въ глубь замкнутаго Дагестана и чрезъ Темпръ-Ханъ-Шуру прослѣдовалъ въ Гунибъ. «Съ высоты Гунипба»—телеграфировалъ онъ оттуда фельдмаршалу князю Барятинскому,—«повторяю тебѣ мое душевное спасибо за услуги твои, оказанныя Россіи покореніемъ всего восточнаго Кавказа и плѣненіемъ самого Шампля. Сожалѣю только, что не могу тебя здѣсь лично обнять, что исполняю мысленно. Я вполне всѣмъ доволенъ и въ восхищеніи отъ новыхъ дорогъ. Погода самая приятная»².

По Дагестану и Чечнѣ государь ѣхалъ съ однимъ конвоемъ изъ туземной милиціи. Чрезъ укрѣпленіе Воздвиженское и Слѣпцовскую станцію, 19-го сентября достигъ онъ до Владикавказа и на другой день торжественно вѣхалъ въ Тифлисъ. Въ столицѣ Грузіи онъ провелъ пять дней, а оттуда, чрезъ Боржомъ, Кутаисъ и Поти,

¹ Рескриптъ графу Бергу, 30-го марта 1871 г.

² Государь князю Барятинскому, 10-го сѣнтѣбря 1871 г.

30-го сентября вернулся къ ожидавшей его императрицѣ въ Ливадію.

Радужныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ трехнедѣльнаго объѣзда Кавказа и Закавказья императоръ Александръ выразилъ въ слѣдующемъ рескриптѣ къ августѣйшему брату своему, великому князю Михаилу Николаевичу: «Ваше императорское высочество, въ 1862 году я призналъ за благо призвать васъ къ высшей государственной и военной дѣятельности въ званіяхъ намістника на Кавказѣ и главнокомандующаго кавказскою арміею. Съ тѣхъ поръ важныя и существенныя измѣненія совершились въ этомъ отдаленномъ краѣ, вѣрному мною вашему попеченію. Съ именемъ вашего императорскаго высочества неразрывно будутъ связаны въ исторіи Кавказа воспоминанія о послѣднихъ боевыхъ подвигахъ русскихъ войскъ, закончившихъ, въ 1864 году, покореніе западной части края. Съ окончаніемъ Кавказской войны предстояло выполнить новую задачу, не меньшей государственной важности: окончательно умлротворить покоренные народы и утвердить надъ горскими племенами нашу нравственную власть, которая составляетъ вѣрный залогъ спокойнаго обладанія страной. Справедливо оцѣняя всю важность этой задачи, ваше императорское высочество посвятили ей особенныя ваши заботы. Цѣлый рядъ мѣропріятій, задуманныхъ и исполненныхъ подъ непосредственнымъ вашимъ руководствомъ, привелъ къ водворенію въ горскихъ обществахъ прочнаго порядка и настолько подвинулъ гражданское ихъ развитіе, что нынѣ признано возможнымъ многія изъ нихъ подчинить общимъ съ русскимъ населеніемъ гражданскимъ учрежденіямъ. Посѣтивъ нынѣ кавказскій край и осмотрѣвъ войска кавказской арміи, я съ удовольствіемъ убѣдился, что неутомимые труды и заботы вашего императорскаго высочества принесли благіе плоды, вполне оправдавшіе мое всегдашнее къ вамъ довѣріе. Все, что я видѣлъ на Кавказѣ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что страна твердо поставлена на путь къ дальнѣйшему преуспѣванію въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи, въ неразрывной связи съ прочими частями Имперіи. Въ войскахъ кавказской арміи я нашелъ все то, что можно требовать отъ войскъ въ мирное время. Молодецкій видъ солдатъ, отличное состояніе всѣхъ отраслей строевого ихъ образованія, порядокъ, находчивость и ловкость, съ которыми были произведены всѣ передвиженія и дѣйствія какъ малыхъ, такъ и большихъ частей войскъ всѣхъ родовъ оружія, даютъ мнѣ полную увѣренность, что войска кавказскія, подъ ближайшимъ руководствомъ вашего императорскаго высочества, стремясь въ мирное время совершенствоваться въ дѣлѣ военнаго обра-

зованія, готовы. въ случаѣ нужды, показать себя на дѣлѣ достойными славныхъ преданій боевой кавказской арміи. Отъѣзжая нынѣ съ Кавказа, я уношу въ душѣ самое отрадное воспомнаніе о всемъ мною видѣнномъ. Мнѣ истинно пріятно выразить вашему императорскому высочеству мою душевную признательность за ваши долготѣтніе труды и заботы о благоустройствѣ ввѣреннаго вамъ края и за отличное состояніе ввѣренныхъ вамъ войскъ. Искренно вась любящій и благодарный братъ и другъ, Александръ»¹.

Принявъ въ Ливадіи молодого сербскаго князя Мплана, явившагося туда въ сопровожденіи регента Ристича, императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ октября. Къ Георгіевскому празднику прибыла изъ Германіи депутація новопожалованныхъ кавалеровъ русскаго Военнаго Ордена, во главѣ которой находились кавалеры 2-й степени, русскіе фельдмаршалы, принцъ Фридрихъ-Карль и графъ Мольтке. На обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, 26-го ноября, государь произнесъ слѣдующій тостъ: «За здоровье его величества императора-короля Вильгельма, старшаго кавалера ордена св. Георгія, и кавалеровъ нашего Военнаго Ордена его храброй арміи, достойныхъ представителей которой я горжусь видѣть сегодня между нами. Желаю и надѣюсь, что тѣсная дружба, насъ связывающая, увѣковѣчится въ будущихъ поколѣніяхъ, а равно боевое братство нашихъ обѣихъ армій, существующее со времени, навсегда достопамятнаго. Въ немъ я вижу лучшій залогъ для сохраненія мира и законнаго порядка въ Европѣ».

Ни политическому значенію новосозданной Германской имперіи, ни личной дружбѣ, связывавшей императоровъ Александра и Вильгельма не отвѣчало болѣе взаимное дипломатическое представительство при обѣихъ дворахъ, вслѣдствіе чего рѣшено было миссіи въ Петербургъ и Берлинъ преобразовать въ посольства. Русскій посланникъ при прусскомъ дворѣ Убри возведенъ въ званіе посла, а посломъ императора германскаго при русскомъ императорѣ назначенъ князь Рейсъ, 2-го декабря 1871 года вручившій государю свои вѣрительныя грамоты.

Ослабѣвавшее здоровье императрицы Маріи Александровны вызвало отъѣздъ ея съ тремя младшими дѣтьми на Южный берегъ Крыма, раннею весною 1872 года. Въ концѣ марта прибылъ въ Ливадію и государь, который, проведя двѣ недѣли въ кругу царственной семьи, къ Пасхѣ возвратился въ Петербургъ, но въ началѣ мая снова поѣхалъ въ Ливадію и вернулся въ столицу къ

¹ Рескриптъ великому князю Михаилу Николаевичу, 28-го сентября 1871 г.

30-му числу этого мѣсяца, дню чествованія двухсотлѣтней годовщины рожденія Петра Великаго. Событіе это было торжественно отпраздновано богослуженіемъ въ соборахъ Петропавловскомъ и Псаакіевскомъ. По докладу министра народнаго просвѣщенія, императоръ Александръ учредилъ преміи за научныя труды въ память безсмертнаго преобразователя Россіи и повелѣлъ издать всѣ акты и бумаги, выпедшіе изъ-подъ его пера. Въ тотъ же день объявлено повременнымъ изданіямъ объ отмѣнѣ силы предостереженій, которымъ они подверглись не менѣе, какъ за годъ до памятнаго юбилея, т.-е. до 30-го мая 1871 года.

Въ началѣ іюня государь съѣздилъ на три дня въ Москву, а въ половинѣ іюля отправился въ Ливадію, гдѣ оставался до 10-го августа.

Вниманіе его привлекали пропшества, совершавшіяся въ области внѣшней политики, въ особенности начинавшее обнаруживаться, вскорѣ по окончаніи франко-нѣмецкой войны, примиреніе и даже сближеніе австро-венгерской монархіи съ Германскою имперіей.

Въ виды Бисмарка никогда не входилъ разладъ съ державою, столь долго игравшею первенствующую роль въ Германіи, и ближайшею задачею прусскаго министра было лишь вытѣснить ее изъ состава Германскаго Союза, чтобы поставить Пруссію на ея мѣсто во главѣ его. Съ первыхъ дней вступленія своего въ должность главнаго совѣтника короля Вильгельма, онъ въ довѣрительныхъ бесѣдахъ съ австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ убѣждалъ вѣнскій дворъ добровольно уступить Пруссіи главенство въ Германіи и перенести центръ тяжести монархіи Габсбурговъ въ Пешть, другими словами — на Востокъ. Съ такимъ же предложеніемъ обратился онъ къ императору Францу-Іосифу, тотчасъ послѣ войны 1866 года, предлагая ему поддержку и союзную помощь Германіи для осуществленія давнихъ видовъ его дома на «тыльныя» балканскія области (Hinterländer), сопредѣльныя съ Далмаціею, — Боснію и Герцеговину. Предложенія эти были отклонены, пока въ Вѣнѣ питали еще надежду возвратить Австріи прежніе вѣсь и значеніе въ Германіи при содѣйствіи Наполеона III. Но послѣ разгрома имперіи Бонапартовъ, тамъ уже стали внимательнѣе относиться къ неоднократно повтореннымъ Бисмаркомъ предложеніямъ дружбы и союза. Препятствіемъ на этомъ пути оставался еще руководившій внѣшнею политикою императора Франца-Іосифа личный соперникъ нѣмецкаго канцлера графъ Бейстъ. Но въ концѣ 1871 года Бейстъ палъ, и преемникомъ ему въ качествѣ «общаго» министра иностранныхъ дѣлъ назначенъ предсѣдатель совѣта венгерскихъ министровъ

графъ Юліи Андраши. Дипломатія князя Бисмарка издавна поддерживала съ Венгіею дружескія связи и въ 1870 году вліяніе Андраши не было чуждо рѣшенію императора Франца-Иосифа не выходить изъ предѣловъ строжайшаго нейтралитета. Съ водвореніемъ мадьярскаго министра во главѣ вѣнскаго государственной канцеляріи, между Вѣною и Берлиномъ возобновились оживленные переговоры, результатомъ которыхъ было принятіе австро-венгерскимъ монархомъ приглашенія, въ концѣ августа 1872 года, посѣтить императора германскаго въ собственной его столицѣ.

Крупную эту политическую новость сообщилъ императору Александру, въ довѣрительномъ письмѣ, чтець императора Вильгельма, Шнейдеръ. Будучи давнимъ и ревностнымъ сторонникомъ тѣснаго союза Пруссіи съ Россіей, онъ не ограничился сообщеніемъ важнаго извѣстія, но заключилъ письмо свое выраженіемъ пожеланія, чтобы императоръ Александръ самъ прибылъ въ Берлинъ ко времени, когда ожидался туда императоръ Францъ-Иосифъ. Единенію монарховъ Россіи, Пруссіи и Австріи, рассуждалъ Шнейдеръ, Европа, послѣ продолжительныхъ и разорительныхъ войнъ съ французскою революціею и преемникомъ ея Наполеономъ I, обязана была пятидесятью годами глубокаго мира. Конечно, было бы невозможно, да и безцѣльно, воскресить Священный Союзъ, но съѣздъ въ Берлинѣ трехъ императоровъ положилъ бы основаніе союзу полезному и даже весьма полезному. Въ завѣщаніи своемъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III сказалъ: «Пусть, прежде всего, Пруссія, Россія и Австрія никогда не разъединяются, ибо ихъ согласіе составляетъ краеугольный камень великаго европейскаго союза», и слова эти могутъ оправдаться снова. Пруссія въ правѣ гордиться тѣмъ, что осталась неизмѣнною по отношенію къ Россіи, и такимъ образомъ соблюла завѣтъ «справедливаго» короля. Напротивъ, Австрія, виновная въ Шварценберговой неблагодарности, въ Ольмюцѣ и въ рѣшеніяхъ Франкфуртскаго сейма 1866 года, не можетъ прямо смотрѣть въ лицо обѣимъ прежнимъ своимъ союзницамъ. Съ ея стороны свиданіе является чѣмъ-то въ родѣ «обязательнаго завтрака» (*déjeuner de rigueur*) послѣ дуэли. А каково будетъ спасительное впечатлѣніе, произведенное такимъ съѣздомъ трехъ императоровъ на враждебные элементы въ Европѣ, — обнаружится скоро ¹.

Мысли, высказанныя Шнейдеромъ, давно уже не были въ ходу при берлинскомъ дворѣ и во многомъ находились въ прямомъ противорѣчій съ политикою князя Бисмарка. Но онѣ какъ нельзя болѣе отвѣчали личнымъ взглядамъ и предпочтеніямъ императора

¹ Louis Schneider, Aus dem Leben Kaiser Wilhelm I.

Александра II. Къ тому же, съ удаленіемъ Бейста, значительно улучшились отношенія вѣнскаго двора къ петербургскому. Князь Горчаковъ привѣтствовалъ назначеніе графа Андраши выраженіемъ ему полнаго довѣрія, какъ бы въ противоположность чувствамъ, которыя внушалъ его предшественникъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, государь, при ближайшемъ свиданіи съ германскимъ посломъ, спросилъ его: «Развѣ меня не хотятъ видѣть въ Берлинѣ?» Принцъ Рейсъ успѣшилъ донести объ этомъ императору Вильгельму, и желаемое приглашеніе тотчасъ же было отправлено въ Петербургъ. Со своей стороны, императоръ австрійскій командировалъ въ русскую столицу дядю своего, эрцгерцога Вильгельма, чтобы условиться о тройственномъ свиданіи.

На собственноручное письмо императора Вильгельма государь отвѣчалъ слѣдующимъ, также собственноручнымъ письмомъ:

«Мой дорогой дядя, ваме столь дружеское письмо отъ 16-го (28-го) іюля, за которое я уже благодарилъ васъ по телеграфу, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я дѣйствительно намѣревался посвятить конецъ августа инспекціоннымъ поѣздкамъ на югъ Россіи, но, узнавъ отъ князя Рейса, что вамъ желательно мое присутствіе въ Берлинѣ одновременно съ присутствіемъ императора австрійскаго, успѣшилъ устроиться такъ, чтобы имѣть возможность принять ваше любезное приглашеніе. Я думаю, такъ же какъ и вы, дорогой дядя, что наше тройственное свиданіе можетъ имѣть очень важное значеніе въ интересѣ благосостоянія нашихъ государствъ и мира вселенной. Богъ да придетъ намъ на помощь! Что же касается до огромной радости снова увидѣть васъ, то мнѣ нечего упоминать о ней потому, что вамъ не нова привязанность, которую я къ вамъ питаю. Для меня будетъ также совершеннымъ праздникомъ—увидѣть опять вашу храбрую и великолѣпную гвардію, къ составу которой я горжусь принадлежать по милости вашей постоянной дружбы, столь прекрасное доказательство которой вы дали мнѣ подъ самыми стѣнами Парижа. Прошу у васъ позволенія привезти съ собою сыновей моихъ Александра и Владимира, потому что я хочу, какъ вы знаете, чтобы чувства, насъ соединяющія и которыя мы унаслѣдовали отъ нашихъ родителей, могли также сохраниться и увѣковѣчиться въ новомъ поколѣніи. Братъ мой Николай, которому князь Рейсъ передалъ ваше милостивое приглашеніе, крайне имъ осчастливленъ и, если вы позволите, пріѣдетъ въ Берлинъ нѣсколькими днями раньше меня. Присутствіе вашихъ достойныхъ офицеровъ при нашихъ занятіяхъ въ Красносельскомъ лагерѣ доставило мнѣ большое удовольствіе и я надѣюсь, что они вынесли отъ насъ то же пріятное воспомнаніе, которое

и намъ оставили. О, какъ я радуюсь приближенію возможности повторить вамъ на словахъ выраженіе искренней дружбы, съ которою остаюсь, мой дорогой дядя, вашимъ преданнѣйшимъ племянникомъ и другомъ, Александръ».

10-го августа императоръ Александръ отплылъ изъ Ливадіи въ Керчь и Таганрогъ. Въ Новочеркасскѣ, принимая высшихъ чиновъ войска Донского, онъ открылъ имъ побудительную причину сѣзда своего съ императорами германскимъ и австрійскимъ: «Въ настоящую минуту я никакой опасности для насъ не предвижу. Для большаго еще обезпеченія мира, я рѣшился предпринять поѣздку за границу и надѣюсь, что она не останется безъ результата для насъ». Черезъ Харьковъ, Чугуевъ, Елисаветградъ и Вержболово, государь, 25-го августа, прибылъ въ Берлинъ, въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, въ составъ которой входили: великіе князья — цесаревичъ, Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ, канцлеръ князь Горчаковъ, фельдмаршалъ графъ Бергъ, министръ императорскаго двора графъ А. В. Адлербергъ и шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ. На другой день въ прусскую столицу пріѣхалъ и императоръ Францъ-Иосифъ, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Андраши.

Начался блестящій рядъ празднествъ, военныхъ и придворныхъ: парады, спектакли, охоты, торжественный обѣдъ въ Бѣлой залѣ королевскаго замка, за которымъ императоръ Вильгельмъ произнесъ тостъ за своихъ августѣйшихъ гостей. Въ отвѣтъ на него императоръ австрійскій поднялъ кубокъ за императора и императрицу германскихъ, а императоръ Александръ — за здоровье «храброй прусской арміи».

Сѣзды трехъ императоровъ въ Берлинѣ осенью 1872 года знаменуетъ коренной переломъ во внѣшней политикѣ императора Александра II, возстановивъ политическое сочетаніе, извѣстное подъ названіемъ Священнаго Союза, господствовавшее надъ судьбами Европы съ Вѣнскаго конгресса до начала Крымской войны.

При вступленіи Александра Николаевича на престолъ—оно уже не существовало. Измѣна Австріи и предательская политика ея по отношенію къ Россіи, казалось, разрушили его навсегда. Въ продолженіе первыхъ лѣтъ своего царствованія государь искалъ для Россіи точки опоры въ союзѣ съ возстановленною имперіею Бонапартовъ во Франціи, но связь эта не оказалась прочною и русскій дворъ скоро окончательно разочаровался къ ней. Сердце Александра Николаевича больше лежало къ Пруссіи, съ которой сближали его общія преданія и личная дружба къ королю Вильгельму. По преобразованіи ея въ Германскую Имперію государь продолжалъ

считать и ту своею вѣрнѣйшею и надежнѣйшею союзницею, а когда состоялось давно задуманное Бисмаркомъ сближеніе между Берлиномъ и Вѣной, то пожелалъ, чтобы прежнее единеніе было восстановлено между всѣми тремя императорскими дворами. Такому его намѣренію вполне сочувствовали императоры Вильгельмъ и Францъ-Иосифъ и даже Бисмаркъ не прочь былъ отъ присоединенія Россіи къ зарождавшейся дружбѣ Германіи съ Австро-Венгеріей, такъ какъ далеко еще не былъ увѣренъ въ искренности чувствъ побѣжденныхъ подъ Садовой къ ихъ побѣдителямъ.

На совѣщаніяхъ между тремя первенствующими министрами—Горчаковымъ, Бисмаркомъ и Андраши основою соглашенія трехъ императоровъ превозглашена забота о поддержаніи союбца мира Европы. Но тогда же между Германіей и Австріей состоялся и другой уговоръ, оставшійся тайной для русской дипломатіи: первая обязалась содѣйствовать второй въ доставленіи ей вознагражденія на Балканскомъ полуостровѣ за понесенныя въ Германіи и Италіи земельныя утраты.

Три императора, проведя пять дней въ дружественномъ общеніи, разстались 30-го августа, въ день именинъ русскаго государя, который изъ Вержболова направился чрезъ Мендибожь, Бендеры и Одессу прямо въ Ливадію, куда прибылъ 10-го сентября. Проведя шесть недѣль на Южномъ берегу Крыма, Александръ Николаевичъ въ концѣ октября возвратился въ Царское Село, а мѣсяцъ спустя переѣхалъ на жительство въ Зимній дворецъ.

Къ Георгіевскому празднику пригласилъ онъ второго брата императора Вильгельма, принца Карла прусскаго, получившаго, незадолго до того, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня назначенія его шефомъ русскаго полка, орденъ св. Георгія 2-й степени. Въ свѣтѣ принца находился и Шнейдеръ. Отпуская своего чтеца, старецъ-императоръ поручилъ ему передать царственному племяннику, что онъ «до-нѣльзя несчастливъ» (*kreuz-unglücklich*), что не можетъ самъ совершить поѣздки въ Россію, но что ему нужно беречь себя, вслѣдствіе поврежденія ноги минувшимъ лѣтомъ въ Гастейнѣ. Когда, при представленіи Александру Николаевичу, Шнейдеръ исполнилъ порученіе своего государя, передавъ въ точности его слова, русскій императоръ отвѣчалъ: «Ну, такъ я вамъ скажу, что я «до-нѣльзя счастливъ», потому что дядя Карлъ привезъ мнѣ увѣреніе, что я увижу здѣсь императора въ будущемъ маѣ. Онъ сообразитъ свою поѣздку съ посѣщеніемъ вѣнской всемірной выставки и, конечно, будетъ чувствовать себя здѣсь какъ-бы дома. Да, онъ дома здѣсь, въ этихъ покояхъ! У меня вездѣ по близости его портреты. Посмотрите тутъ: это еще принцъ Вильгельмъ,

въ мундирѣ гвардейской кавалеріи померанскаго ландвера, тамъ новѣйшій портретъ шефа моего драгунскаго полка, а далѣе, въ Знаменной залѣ — онъ же, на большой картинѣ парада въ Потсдамѣ»¹.

Въ Георгіевъ день императоры русскій и германскій обмѣнялись слѣдующими телеграммами: «Благоволите принять поздравленіе всѣхъ кавалеровъ св. Георгія съ орденскимъ праздникомъ, на которомъ мы были бы такъ счастливы видѣть васъ присутствующимъ. Присутствіе Карла — большая радость для меня. Я позволилъ себѣ назначить его, какъ инспектора артиллеріи, шефомъ нашей артиллерійской бригады гренадерскаго корпуса. Съ гордостью ношу вотъ уже три года вашъ голубой крестъ, который врученъ былъ мнѣ отъ вашего имени несчастнымъ Альбрехтомъ — (принцъ этотъ скончался лѣтомъ 1872 года) — въ нынѣшній день. Александръ». — На депешу эту послѣдовалъ отвѣтъ изъ Берлина: «Благодарю васъ отъ души за вашу дорогую телеграмму и за новую милость, которую вы соблагovolнили оказать Карлу, столь же очастливленному ею, сколько и признательному за нее. У меня тяжело на сердцѣ отъ того, что не могу быть въ Петербургѣ въ настоящій день. Я уже получилъ телеграмму отъ Орденскаго полка, на которую отвѣчалъ тотчасъ же. Спасибо за воспоминаніе объ Альбрехтѣ. Вильгельмъ».

Вильгельмъ I сдержалъ обѣщаніе и весною 1873 года посѣтилъ царственнаго племянника въ Петербургѣ. Императору германскому былъ оказанъ торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый радушный пріемъ. 14-го апрѣля государь встрѣтилъ его въ Гатчинѣ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и великими князьями Константиномъ и Михаиломъ Николаевичами. Въ Петербургѣ, на вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги, ждалъ гостя во главѣ войскъ гвардіи великій князь Николай Николаевичъ; въ Зимнемъ дворцѣ — всѣ прочіе члены императорскаго дома. Императрица Марія Александровна отсутствовала. Болѣзненное состояніе вынудило ее, еще въ началѣ марта, отправиться съ дочерью въ Сорренто.

Въ Вержболовъ почетный караулъ со знаменемъ былъ отъ Кексгольмскаго гренадерскаго, короля Фридриха-Вильгельма III прусскаго, полка; въ Гатчинѣ — отъ драгунскаго полка Военнаго Ордена; на вокзалѣ въ Петербургѣ — отъ Калужскаго полка. Всѣ эти полки, коихъ августѣйшій гость состоялъ шефомъ, были, къ его пріѣзду, вызваны въ Петербургъ и, вмѣстѣ съ гвардіею, расположены шпалерами по пути отъ вокзала до Зимняго дворца. Тор-

¹ Louis Schneider, Aus dem Leben Kaiser Wilhelm I.

жественный путь пролегать по проспектам Пзмайловскому и Вознесенскому и по Большой Морской до Дворцовой площади. Все дома были разукрашены русскими, немецкими и прусскими флагами; в окнах и на балконах, в густой зелени тепличных растений, красовались, увѣнчанные лаврами, бюсты обоих монарховъ. Фасадъ Преображенскаго манежа украшалъ Георгіевскій крестъ громаднхъ размѣровъ въ честь знатнѣйшаго и старѣйшаго кавалера Военнаго Ордена. Во дворцѣ почетный караулъ былъ отъ 1-й роты л.-гв. Преображенскаго полка. Несмѣтная толпа народа наполняла площадь передъ дворцомъ. Она оглашала ее криками «ура!» при проѣздѣ ихъ величествъ, а также, когда оба императора появлялись на дворцовомъ балконѣ. Семейный обѣдъ состоялся въ покояхъ, отведенныхъ императору германскому.

Первый выѣздъ императора Вильгельма на слѣдующій день, 16-го апрѣля, былъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ онъ поклонился гробницамъ Николая I и любимой сестры своей императрицы Александры Теодоровны. Поутру онъ принималъ фельдмаршаловъ князя Барятинскаго и графа Берга и ординарцевъ отъ шефскихъ полковъ; обѣдалъ въ Аничковомъ дворцѣ у цесаревича. Въ этотъ день государь посѣтилъ находившихся въ свитѣ императора германскаго князя Бисмарка и графа Мольтке.

17-го апрѣля, въ день рожденія государя, императоръ Вильгельмъ, въ мундирѣ гренадерскаго Кексгольмскаго прусскаго полка и въ георгіевской лентѣ, присутствовалъ при торжественномъ богослуженія въ большой церкви Зимняго дворца. Послѣ завтрака, на дворцовой площадкѣ происходилъ разводъ съ церемоніей отъ Прусскаго полка; вслѣдъ затѣмъ императоръ германскій принималъ членовъ дипломатическаго корпуса. Обѣдъ происходилъ на половникѣ императора Вильгельма.

Послѣ обѣда, на Дворцовой площадкѣ собрались соединенные оркестры всѣхъ гвардейскихъ полковъ въ числѣ 1,300 музыкантовъ и 480 барабанщиковъ. Они исполнили нѣсколько музыкальныхъ пьесъ, причеиъ русскія военныя и народныя мелодіи смѣнялись прусскими. Пять электрическихъ солнцъ освѣщали исполнителей и наводнявшую площадь несмѣтную толпу. Начался концертъ прусскимъ національнымъ гимномъ, затѣмъ слѣдовалъ маршъ сочиненія короля Фридриха-Вильгельма III, маршъ Штейнмеца, *die Wacht am Rhein*, русскій гвардейскій маршъ 1808 года и такъ называемый парижскій маршъ, при звукахъ котораго русскіе и прусскіе полки вступали въ 1814 году въ столицу Франціи. Программа заключилась гимномъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ!» Оба монарха неоднократно показывались на балконѣ,

привѣтствуемые громкими восторженными кликами. Тѣ же клики встрѣчали и сопровождали ихъ, когда они, въ открытой коляскѣ, проѣзжали по залитымъ свѣтомъ улицамъ столицы въ Большой театрѣ.

18-го апрѣля, принимая адресъ отъ депутаціи проживающихъ въ Петербургѣ германскихъ подданныхъ, императоръ Вильгельмъ пропзнесъ рѣчь, въ которой выставилъ на видъ великое историческое значеніе совершившагося объединенія Германіи. Въ тотъ же день происходилъ смотръ императорскихъ конюшенъ и обѣдъ на собственной половинѣ государя, къ которому приглашены были свита германскаго императора и члены нѣмецкаго посольства. День заключился баломъ въ Эрмитажѣ.

19-го апрѣля императоръ Вильгельмъ посѣтилъ инженерныя академію и училище и разсматривалъ въ музеѣ ихъ модели нашихъ крѣпостей. «Высокій гость русскаго государя» — повѣствуетъ біографъ графа Тотлебена, — «обратилъ особенное вниманіе на прекрасную модель Севастопольской осады. По желанію императора Александра, Тотлебенъ дѣлалъ необходимыя поясненія, которыя въ отношеніи къ Севастополю превратились въ лекцію, продолжавшуюся полтора часа времени. Императоръ Вильгельмъ съ величайшимъ вниманіемъ, стоя, выслушалъ импровизацію защитника Севастополя и, разставаясь съ нимъ, выразилъ Тотлебену полнѣйшее удовольствіе, пожаловавъ ему въ знакъ признательности орденъ «Pour le mérite»¹.

Оба императора обѣдали у великаго князя Михаила Николаевича, а вечеръ провели на балѣ, данномъ петербургскимъ дворянствомъ въ залѣ своего собранія, въ честь августѣйшаго гостя.

20-го апрѣля происходилъ большой парадъ на Царицыномъ лугу. Участвовали въ немъ 51½ баталіонъ и 38½ эскадроновъ, при 106 орудіяхъ. Войска были построены въ пять линій, фронтомъ къ Лѣтнему саду, но не могли всѣ уместиться на обширной площади, а потому часть ихъ была разставлена по Дворцовой набережной. Послѣ парада императоры и всѣ члены царствующаго дома, а изъ нѣмецкихъ гостей Бисмаркъ, Мольтке и Рейсъ завтракали у принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Одновременно было предложено завтракъ и 500 воспитанницамъ женскихъ институтовъ, смотрѣвшимъ на парадъ изъ дома принца. Императору Вильгельму доставилъ большое удовольствіе этотъ дополнительный смотръ цѣлаго баталіона молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Вечеромъ, въ Большомъ театрѣ, состоялся парадный спектакль для

¹ Шильдеръ, графъ Э. И. Тотлебенъ, II, стр. 705 и 706.

приглашенныхъ. Давали балетъ: «Дочь Фараона». Императоры смотрѣли на первое дѣйствіе изъ большой средней царской ложы, но затѣмъ перешли въ боковую. Балетъ завершился апоѳеозомъ.

21-го апрѣля—день, посвященный воспоминанію о покойной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Утромъ была панихда въ Петропавловскомъ соборѣ при гробницѣ государыни, а въ четыре часа императоры, въ сопровожденіи избранной свиты, отбыли въ Царское Село. Тамъ императоръ Вильгельмъ посѣтилъ, прежде всего, покоевъ въ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ провела послѣдніе дни жизни и скончалась любимая сестра его. По осмотрѣ, затѣмъ, арсенала, обѣдъ былъ поданъ въ Большомъ дворцѣ. Къ вечеру высочайшіе гости возвратились въ столицу.

Въ воскресенье, 22-го апрѣля, императоръ германскій присутствовалъ при богослуженіи въ лютеранской церкви св. Петра, затѣмъ при разводѣ отъ Калужскаго имени своего полка, наконецъ, на большомъ утреннемъ концертѣ въ Дворянскомъ собраніи, данномъ въ пользу петербургскаго нѣмецкаго благотворительнаго общества. Въ 6 часовъ, въ Николаевской залѣ Зимняго дворца, состоялся парадный обѣдъ на 636 приглашенныхъ. За этимъ обѣдомъ государь произнесъ слѣдующій тостъ на французскомъ языкѣ: «Здоровье его величества императора и короля Вильгельма, моего лучшаго друга! Въ дружбѣ, насъ соединяющей, которую мы унаслѣдовали отъ нашихъ родителей и которую, надѣюсь, передадимъ нашимъ дѣтямъ, я усматриваю для Европы лучшей залогъ мира, въ коемъ всѣ нуждаются и котораго всѣ желаютъ. Да сохранитъ Господь его величество еще на многія лѣта и да дастъ ему наслаждаться въ мирѣ и спокойствіи его успѣхами и славой. Таковы искреннѣйшія желанія моего сердца!»

Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ также по-французски: «Августѣйшія слова, которыя ваше величество изволили произнести, останутся навсегда запечатлѣнными въ моемъ глубоко-растроганномъ и признательномъ сердцѣ. Эта признательность относится равномѣрно къ дружескому приему, сдѣланному мнѣ лично вами и встрѣченному мною въ вашемъ государствѣ. Чувства и желанія, вашимъ величествомъ выраженные, суть также и мои. Да услышитъ ихъ Всевышній для благоденствія нашихъ народовъ и для упроченія мира Европы!»

23-го апрѣля, въ день именинъ великой княгини Александры Петровны, оба императора завтракали у великаго князя Николая Николаевича, обѣдали въ Зимнемъ дворцѣ. День заключился баломъ у цесаревича и цесаревны.

С. С. ТАТИЩЕВЪ. Т. II.

24-го апрѣля августѣйшій гость осматривалъ Эрмитажъ, и особенное вниманіе обратилъ на музей керченскихъ древностей. Въ 2 часа на Царпцыномъ лугу происходило, въ его присутствіи, ученіе 1-го баталіона л.-гв. Семеновскаго полка и драгунъ Военнаго Ордена. Обѣдали императоры въ Михайловскомъ дворцѣ у великой княгини Екатерины Михайловны.

Въ этотъ день, по первоначальной программѣ, долженъ былъ состояться отъѣздъ германскаго императора. Но, уступая настояніямъ державнаго племянника и друга, онъ отложилъ его еще на два дня.

25-го апрѣля Вильгельмъ I воспользовался свободнымъ утромъ, чтобы, въ сопровожденіи посла своего при русскомъ дворѣ, принца Рейса, совершить прогулку по городу. Онъ присутствовалъ на смотрѣ столичной пожарной команды, произведенномъ на Дворцовой площади, и на ученіи сводной пѣхотной бригады изъ полковъ: Прусскаго и Калужскаго на Царпцыномъ лугу; обѣдалъ въ Мраморномъ дворцѣ у великаго князя Константина Николаевича. Въ этотъ день былъ большой балъ въ нѣмецкомъ посольствѣ у князя Рейса, гостямъ котораго были оба императора и всѣ прочія высочайшія особы.

26-го апрѣля, послѣ двѣнадцатидневнаго пребыванія въ русской столицѣ, императоръ Вильгельмъ выѣхалъ изъ Петербурга. Государь и всѣ великіе князья провожали его до Гатчины. Тамъ, послѣ обѣда во дворцѣ, въ 4 часа пополудни, произошла на вокзалѣ желѣзной дороги трогательная сцена разставанья. Монархи нѣсколько разъ поцѣловались и обнялись, потомъ, — какъ рассказываетъ очевидецъ, — императоръ германскій, съ наклоненною головою, съ растроганнымъ лицомъ, быстрыми шагами направился къ вагону, не оборачиваясь.

Не одинъ старецъ-императоръ показывалъ себя глубоко тронутымъ торжественностью и задушевностью пріема. По общему свидѣтельству, никогда князь Бисмаркъ не обнаруживалъ болѣе чарующей любезности, чѣмъ во дни, проведенные имъ въ Петербургѣ въ 1873 году. «Насколько извѣстно» — пишетъ одинъ изъ биографовъ нѣмецкаго канцлера — «во все время этого пребыванія вовсе не было рѣчи о политикѣ; даже въ обращеніи съ княземъ Горчаковымъ князь Бисмаркъ являлся болѣе старымъ и близкимъ знакомымъ петербургскаго общества, человѣкомъ, постоянно удостоеннымъ особой милости и благоволенія царя, чѣмъ чужестраннымъ министромъ. Благодаря памяти, приводившей всѣхъ въ изумленіе, бывшій прусскій посланникъ припоминалъ тысячу происшествій, большихъ и малыхъ, случившихся въ продолженіе

годовъ, проведенныхъ вмѣстѣ; не только чиновники посольства, но всѣ лица, важныя и неважныя, съ коими онъ находился въ сношеніяхъ въ періодъ съ 1859 по 1862 годъ, были узнаны имъ, и онъ привѣтствовалъ ихъ и напоминалъ имъ о быломъ челобѣтѣ, который съ тѣхъ поръ преобразилъ міръ. Особенно внимательно относились къ имперскому канцлеру тѣснявшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ дамы, которыя не умолкали въ похвалахъ его любезностямъ и увѣряли, что если бы не посѣдѣвшая борода и волосы и не глубокія морщины на лицѣ его, то можно было бы признать его «совсѣмъ неизмѣнившимся» и столь же «незлобивымъ и прігляднымъ, какъ и двѣнадцать лѣтъ назадъ». Всюду, гдѣ только появлялась высокая фигура въ бѣломъ кипраскомъ мундирѣ и голубой лентѣ, она могла съ увѣренностью рассчитывать на самый дружественный приемъ».

Посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ его царственного друга и племянника знаменовало высшую степень проявленія дружбы. около столѣтія связывавшей государей Россіи и Пруссіи. Хотя по внѣшности оно преимущественно носило родственныи и семейныи отпечатокъ, но завершилось оно важнымъ политическимъ актомъ: заключеніемъ между Германіею и Россіею тайнаго оборонительнаго договора.

На подписаніи такого договора, которымъ обѣ державы обѣщали другъ другу взаимную поддержку и союзную помощь въ случаѣ нападенія кого либо на одну изъ нихъ, настоялъ императоръ Александръ II, не взирая на возраженія Бисмарка, доказывавшаго, что письменныя международныя обязательства излишни, если не имѣютъ въ виду точно опредѣленной цѣли. Уступая убѣжденіямъ русскаго императора, Вильгельмъ I выразилъ согласіе на его предложеніе, но упрямый министръ наотрѣзъ отказался не только подписать конвенцію въ качествѣ уполномоченнаго, но и контраспгновать подпись своего государя, какъ имперскій канцлеръ. Чтобы выйти изъ затрудненія монархи приказали приложить подъ конвенціею свои подписи двумъ фельдмаршаламъ: князю Барятинскому и графу Мольтке, положивъ заключенный ими оборонительный договоръ соблюдать въ глубочайшей тайнѣ¹.

Условіе это было свято исполнено. Руководимая Бисмаркомъ, германская офиціозная печать ограничилась провозглашеніемъ не-

¹ Существованіе тайной союзной конвенціи между Россіею и Германіею, заключенной въ апрѣлѣ 1873 г. въ Петербургѣ, стало впервые извѣстно изъ напечатаннаго въ 1898 г. Морисомъ Бушемъ въ англійскомъ изданіи книги своей «Bismark, some secret pages of his history, III, стр. 265 и 266, письма императора Вильгельма I къ князю Бисмарку отъ 3-го (15-го) сентября 1879 г.

предложности неизмѣнной и непоколебимой дружбы, связывающей императоровъ Германіи и Россіи, главнымъ проявленіемъ которой было посѣщеніе племянника дядей. «Общность взглядовъ»—писала по этому поводу берлинская оффиціозная «*Provinzial-Correspondenz*»,— «создавшая союзъ Пруссіи и Россіи въ 1863 году, во время польскаго возстанія, была исходной точкою той нынѣшней политики обоихъ государствъ, которая, по поводу великихъ событій послѣднихъ лѣтъ, проявила свое могущество. Начиная отъ поведенія Россіи въ Шлезвигъ-Гольштинскомъ вопросѣ и до важныхъ доказательствъ сочувствія, данныхъ императоромъ Александромъ Германіи въ продолженіе послѣдней войны, все содѣйствовало тому, что означенный союзъ сталъ крѣпче прежняго». Еще опредѣленнѣе высказался въ томъ же смыслѣ самъ князь Бисмаркъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, повторившій многимъ изъ своихъ русскихъ друзей и знакомыхъ слѣдующія знаменательныя слова: «Если бы я могъ только допустить мысль, что стану когда нибудь враждебно относиться къ императору и къ Россіи, то я почелъ бы себя измѣнникомъ». (*Si j'admettais seulement la pensée d'être jamais hostile à l'Empereur et à la Russie, je me considérerais comme un traître*).

Нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ германскаго императора, въ Петербургъ прибылъ шахъ персидскій и провелъ тамъ пять дней. Проводивъ его, императоръ Александръ самъ отправился въ Вѣну, отвѣчая на приглашеніе императора Франца-Иосифа посѣтить вѣнскую всемірную выставку. Сопутствовали ему цесаревичъ и цесаревна и великій князь Владиміръ Александровичъ, а кромѣ обычной свиты—канцлеръ князь Горчаковъ. То было первое посѣщеніе австрійской столицы русскимъ императоромъ послѣ отпаденія Австріи отъ союза Россіею во время Крымской войны. Онъ былъ встрѣченъ тамъ въ высшей степени предупредительно императоромъ Францемъ - Иосифомъ, восторженно — тогда еще многочисленными сторонниками Россіи при дворѣ и въ войскѣ. Въ немъ привѣтствовали они возстановленіе прежней дружественной связи государей Россіи и Австріи, изъ которой монархія Габсбурговъ вынесла столько выгодъ и разрывъ которой причинилъ ей неисчислимыя бѣды. Сопровождавшій государя, канцлеръ князь Горчаковъ не проявлялъ уже ни малѣйшей злопамятности и завязалъ личную дружбу съ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Андраши, обнаруживая къ нему личное расположеніе и довѣріе, въ которыхъ упорно отказывалъ цѣлому ряду его предшественниковъ на этомъ посту.

Государь оставался въ Вѣнѣ цѣлую недѣлю — съ 20-го по 27-е мая—причемъ въ честь его при дворѣ и въ вѣнскомъ обще-

ствѣ данъ былъ рядъ блестящихъ празднествъ. Изъ Вѣны Александръ Николаевичъ, черезъ Штутгартъ, поѣхалъ въ Эмсъ, гдѣ съѣхался съ возвратившеюся изъ Южной Италіи августѣйшей супругою. Въ замкѣ Югенгеймѣ, 29-го іюня, состоялась помолвка великой княжны Маріи Александровны со вторымъ сыномъ королевы Великобританской принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ.

На возвратномъ пути въ Россію, въ Варшавѣ, присоединился къ царскому поѣзду дядя императора Франца-Иосифа, генераль-инспекторъ австро-венгерской арміи, фельдмаршалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, ѣхавшій для присутствованія при Красносельскихъ манѣврахъ. Государь пожаловалъ по этому случаю побѣдителю при Кустодцѣ орденъ св. Георгія 1-й степени.

Осень императорская чета, по обыкновенію, провела въ Ливадіи. По возвращеніи государя въ Петербургъ, 24-го ноября, состоялось въ его присутствіи, торжественное освященіе памятника, воздвигнутаго императрицѣ Екатеринѣ II на площади предъ Александринскимъ театромъ.

1873-й годъ заключился знаменательнымъ рескриптомъ императора Александра министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому, возлагавшимъ на дворянство ближайшее наблюденіе за народнымъ образованіемъ. «Въ постоянныхъ заботахъ моихъ о благѣ моего народа» — писалъ государь — «я обращаю особенное мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленный, согласно съ такими моими видами, уставъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшимъ науками, а не предназначающихъ себя къ онымъ приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботаюсь равно о томъ, чтобы свѣтъ благого просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, я повелѣлъ учредить институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое, вслѣдствіе сего, значительное размноженіе народныхъ училищъ распростра-

нить въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова, съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга».

«Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклониться отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собралась, крѣпла и возвелпчилась Россія».

«Какъ лицо, призванное моимъ довѣріемъ къ осуществленію моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда васъ отличавшее рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе».

«Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ мое довѣріе, я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей народныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію».

Со всѣхъ концовъ Россіи дворянство, въ рядѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, съ единодушнымъ одушевленіемъ откликнулось на царскій призывъ, выражая благодарность за оказанное ему довѣріе и готовность исполнить высочайшую волю. «Исторія русскаго дворянства» — писали въ адресѣ своемъ дворяне московскіе, —

«свидѣтельствуеть, что не вещественно-выгодныя сословныя льготы, нынѣ упраздняемыя великими преобразованіями вашего императорскаго величества, но дарованное ему грамотою Екатерины II значеніе дворянство ставитъ выше всего».

1-го января 1874 года обнародованъ манифестъ о введеніи въ Россіи всеобщей воинской повинности. Начпнался онъ слѣдующими словами: «Въ постоянной заботливости о благѣ нашей Имперіи и дарованіи ей лучшихъ учрежденій, мы не могли не обратить вниманія на существовавшій до сего времени порядокъ отправления воинской повинности. По дѣйствовавшимъ доннынѣ законеніямъ, повинность эта возлагалась лишь на мѣщанъ и крестьянъ и значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ обязанности, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна. Такой порядокъ, сложившійся при нныхъ обстоятельствахъ, не согласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта, не удовлетворяеть и настоящимъ военнымъ требованіямъ. Новѣйшія событія доказали, что сила государства не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединяются на это святое дѣло».

Манифестъ излагалъ исторію совершившагося преобразованія, къ разработкѣ котораго приступлено въ 1870 году, и упомянулъ съ признательностью о сочувственномъ откликѣ дворянства и другихъ, не подлежащихъ рекрутству, сословій, выразившихъ радостное желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ тягости обязательной военной службы. «Мы приняли эти заявленія» — свидѣтельствовалъ государь — «съ отраднымъ чувствомъ гордости и благоговѣйною признательностью къ Провидѣнію, вручившему намъ скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій».

Перечисливъ главныя основанія новаго устава, привлекающаго къ участию въ отправленіи воинской повинности все мужское населеніе Имперіи, безъ допущенія денежнаго выкупа или замѣны охотниками, по жеребью, опредѣляющему разъ навсегда, кто обязанъ идти на дѣйствительную службу и кто отъ нея свободенъ, — манифестъ заключался такъ: «Утвердивъ составленный, согласно съ сими основаніями, уставъ о воинской повинности и призывая подданныхъ нашихъ, именемъ дорогой всѣмъ намъ отчизны, къ ревностному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, мы

не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все наше царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы и лучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ намъ отъ Бога, почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія. Устройство могущественной военной силы не остановитъ и не замедлитъ этого развитія; оно, напротивъ, обезпечитъ правильный и непрерывный ходъ онаго, ограждая безопасность государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствіе. Даруемые же нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ народѣ нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія»¹.

Всѣ подготовительныя мѣры къ немедленному введенію въ дѣйствіе новаго устава о воинской повинности были приняты заблаговременно и первый призывъ новобранцевъ, на основаніи этого устава, состоялся осенью того же 1874 года.

11-го января совершено бракосочетаніе дочери императора великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, въ присутствіи августѣйшихъ родителей и всѣхъ членовъ царской семьи, а также прибывшихъ къ этому дню братьевъ жениха, принца Валлійскаго и принца Артура. Послѣ совершенія обряда, государь съ новобрачными съѣздитъ въ Москву, но остался тамъ всего лишь три дня, спѣша возвратиться въ Петербургъ, чтобы принять императора австрійскаго, впервые посѣтившаго съверную русскую столицу.

Императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ въ Петербургъ 1-го февраля, въ сопровожденіи своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Андраши, и провелъ тамъ одиннадцать дней. Въ честь его состоялся при дворѣ и въ высшемъ обществѣ рядъ празднествъ, независимо отъ военныхъ торжествъ. На парадномъ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ, происходившемъ 3-го февраля, государь въ слѣдующихъ словахъ привѣтствовалъ своего августѣйшаго гостя: «Пью за здоровье друга моего, императора Франца-Іосифа, котораго мы радуемся видѣть среди насъ. Въ дружбѣ, связывающей насъ обоихъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ королевой Викторіей, усматриваю я самый вѣрный залогъ мира въ Европѣ, столь всѣми желаемого и для всѣхъ необходимаго». Императоръ австрійскій отвѣчалъ: «Пренеполненный благодарности за дружескій пріемъ, здѣсь мною встрѣченный, и искренно раздѣляя убѣ-

¹ Высочайшіи манифестъ, 1-го января 1874 г.

жденія и чувства, только что выраженный августѣйшимъ другомъ моимъ, я пью за здоровье его величества императора, ея величества императрицы и всего августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними благословеніе Божіе!»

Проведя въ Петербургъ день своего рожденія, императоръ Александръ 19-го апрѣля выѣхалъ за границу. Въ Берлинѣ, въ присутствіи его, состоялось обрученіе второго его сына великаго князя Владимира Александровича съ принцессою Марією Мекленбургъ-Шверинскою, а въ Штутгартѣ—бракосочетаніе племянницы, великой княжны Вѣры Константиновны, съ герцогомъ Вильгельмомъ Виртембергскимъ. Посѣтивъ въ Амстердамѣ короля Нидерландскаго, по случаю двадцатипятилѣтія со дня его свадьбы, государь спѣшилъ въ Англію, чтобы быть свидѣтелемъ супружескаго счастья любимой дочери. Отплывъ изъ Флиссингена 1-го мая, онъ въ тотъ же день высадился на берегъ въ Дуврѣ, а къ вечеру прибылъ въ Виндзорскій замокъ. Тамъ и въ Лондонѣ, въ Букингамскомъ дворцѣ, государь оставался цѣлые девять дней, чествуемый въ семейномъ королевскомъ кругу, при дворѣ и въ высшемъ англійскомъ обществѣ, какъ дорогой и желанный гость. При приѣмѣ дипломатическаго корпуса, императоръ выразилъ, что политика Россіи заключается въ сохраненіи мира на материкѣ Европы и что онъ надеется, что европейскія правительства соединятся между собою для этой общей цѣли; а на завтракъ, данномъ въ честь его лондонскимъ лордъ-мэромъ въ Гильдголлѣ, благодарилъ за гостепріимный сердечный приѣмъ, оказанный какъ его августѣйшей дочери, такъ и ему самому, и выразилъ надежду, что эти заявленія любви со стороны британскаго народа еще тѣснѣе скрѣпятъ узы дружбы, соединяющія Россію и Англію, ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ.

На возвратномъ пути изъ Лондона императоръ Александръ навѣстилъ въ Брюсселѣ короля и королеву бельгійцевъ и четыре недѣли провелъ въ Эмсѣ, куда въ то же время прибылъ для лѣченія императоръ Вильгельмъ. Государь съѣхался съ императрицею въ Югенгеймъ, гдѣ собрался, по случаю прибытія августѣйшей невесты великаго князя Владимира Александровича, семейный кругъ, въ которомъ принялъ участіе и императоръ германскій. Оттуда Александръ Николаевичъ заѣхалъ въ Веймаръ, къ двоюродному брату великому герцогу, и, чрезъ Дрезденъ и Варшаву, 30-го іюня возвратился въ Царское Село.

Въ продолженіе 1872—74 годовъ состоялось нѣсколько важныхъ перемѣнъ въ составѣ высшаго государственнаго управленія. Въ началѣ 1872 года во главѣ министерства путей сообщенія графа

В. А. Бобринскаго смѣнилъ графъ А. П. Бобринскій. Въ 1873 году, по смерти генераль-адъютанта Зеленаго, преемникомъ ему въ званіи министра государственныхъ имуществъ назначенъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, причемъ расширенъ кругъ дѣятельности этого министерства включеніемъ въ составъ его лѣсного департамента и государственнаго коннозаводства. Въ 1874 году, въ должности предсѣдателя Комитета министровъ умершаго князя П. П. Гагарина замѣнилъ генераль-адъютантъ П. Н. Игнатьевъ. Тогда-же, по смерти графа Берга, упразднена должность намѣстника Царства Польскаго и главнымъ начальникомъ Привислинскаго края опредѣленъ въ званіи генераль-губернатора генераль-адъютантъ Коцебу, а министромъ путей сообщенія назначенъ адмиралъ Посеетъ. Наконецъ, отправленіе графа Шувалова посломъ въ Лондонъ повлекло за собою назначеніе шефомъ жандармовъ генераль-адъютанта Потапова, а генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края — генераль-адъютанта Альбединскаго. Должность Новороссійскаго генераль-губернатора упразднена, какъ два года спустя и должность генераль-губернатора въ Прибалтійскомъ краѣ.

Вскорѣ по совершившемся 16-го августа бракосочетаніи великаго князя Владимира Александровича съ великою княгинею Марією Павловною, государь и императрица уѣхали въ Ливадію, откуда государыня, сопровождаемая наслѣдникомъ, выѣхала въ Англію, чтобы потомъ всю зиму провести въ Санъ-Ремо, близъ Ниццы. Императоръ оставался въ Крыму до половины ноября и вернулси въ столицу къ Георгіевскому празднику.

Между тѣмъ, въ Брюсселѣ собралась, по приглашенію русскаго двора, международная конференція изъ представителей шести великихъ державъ, а также Бельгіи, Даніи, Испаніи, Греціи, Нидерландовъ, Португаліи, Швейцаріи, Швеціи и Турціи. Предметомъ ея совѣщаній былъ составленный въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ проектъ конвенціи объ опредѣленіи законовъ и обычаевъ войны, раздѣлявшійся на четыре отдѣла: о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга; о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ; о сношеніяхъ между воюющими сторонами и о репрессаліяхъ. По мысли нашего дипломатическаго вѣдомства, обнимающее эти вопросы соглашеніе между державами, вызванное интересами человѣколюбія, должно было быть дальнѣйшимъ шагомъ по пути, на который вступили онѣ подписаніемъ договоровъ: въ 1864 году, въ Женевѣ, о Красномъ Крестѣ, а въ 1868 году, въ Петербургѣ, о разрывныхъ пуляхъ. Но такая попытка обратить въ обязательныя постановленія нѣкоторыя отвлеченныя начала международнаго права не имѣла успѣха. Пред-

ставители европейскихъ державъ на бруссельской конференціи, въ виду обнаружившихся между ними существенныхъ разногласій, не пришли къ соглашенію и разошлись, подписавъ протоколъ, въ которомъ выразили лишь желаніе, чтобы труды ихъ послужили основаніемъ къ окончательному разрѣшенію ихъ правительствами возбужденныхъ на конференціи вопросовъ. Рѣшительный отказъ Англіи продолжать переговоры по существу предмета, представлявшагося лондонскому двору, да и многимъ изъ другихъ участвовавшихъ въ бруссельскихъ совѣщаніяхъ державъ, стѣсненіемъ законнаго права обороны государства въ случаѣ непріятельскаго въ него вторженія, положили дѣлу конецъ, а предложенная по тѣмъ же вопросамъ вторая конференція въ Петербургѣ—не состоялась.

Въ началѣ марта 1875 года императрица Марія Александровна возвратилась изъ Италіи въ Петербургъ, а 25-го марта состоялось въ области духовной важное, издавна подготовленное событіе: воссоединеніе съ православною церковью послѣдней греко-уніатской епархіи въ Россіи — Холмской. Въ день Благовѣщенія депутация, состоявшая изъ администратора епархіи, протоіерея Поппеля, соборныхъ протоіереевъ и всѣхъ благочинныхъ Люблинской и двухъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерній, а равно изъ выборныхъ отъ прихожанъ, вручила государю въ Зимнемъ дворцѣ всеподданнѣйшее о томъ прошеніе и соборное постановленіе епархіальнаго духовенства. «Выслушавъ съ особеннымъ удовольствіемъ» — отвѣчалъ государь — «ваши заявленія, я прежде всего благодарю Бога, котораго благодать внушила вамъ благую мысль возвратиться въ лоно православной церкви. Къ ней принадлежали предки ваши и она въ настоящее время съ распростертыми объятіями принимаетъ васъ. Благодарю васъ за то утѣшеніе, которое вы мнѣ доставили, вѣрю вашей искренности и уповаю на Бога, что Онъ подкрѣпитъ васъ на томъ пути, который вы нынѣ добровольно избрали».

Императоръ Александръ готовился предпринять обычную поѣздку за границу для пользованія водами въ Эмсѣ, когда на долю его выпало выступить рѣшающимъ посредникомъ въ зарождавшейся между Германією и Францією распрѣ и спасти миръ Европы отъ угрожавшей ему опасности.

Взаимныя отношенія Германіи и Франціи начали обостряться очень скоро по окончаніи франко-нѣмецкой войны. Уже въ 1874 году упоминаніе нѣсколькими французскими епископами въ окружныхъ посланіяхъ къ своей паствѣ объ утраченныхъ Францією Лотарингіи и Эльзасѣ послужило поводомъ къ угрожающимъ протестамъ берлинскаго двора. Но главною причиною его раздраженія была удивительная быстрота, съ которою Франція оправилась отъ сво-

ихъ пораженіи и возстановила разгромленныя въ 1870---1871 годахъ военныя свои силы. Весною 1875 года въ дипломатическихъ кругахъ Берлина и въ офиціозной нѣмецкой печати усиленныя вооруженія Франціи выдавались за желаніе ея возобновить борьбу съ Германіей, тогда какъ въ Парижѣ подозрѣвали самого князя Бисмарка въ намѣреніи напасть на Францію, прежде чѣмъ она успеетъ преобразовать и усилить свою армію и укрѣпить границу.

Понятна тревога, возбужденная во французскомъ правительствѣ этими опасеніями. Герцогу Деказу, вскорѣ по избраніи маршала Макъ-Магона президентомъ французской республики, занявшему постъ министра иностранныхъ дѣлъ, единственнымъ спасеніемъ представлялось обращеніе къ покровительству русскаго императора.

Въ началѣ апрѣля, возвратившійся изъ отпуска, французскій посоль въ Петербургѣ генераль Леффо обратилъ вниманіе князя Горчакова на опасность, угрожавшую Франціи изъ Берлина. Канцлеръ отрицалъ предполагаемыя у Бисмарка намѣренія, приписывая толки о войнѣ желанію его повліять на депутатовъ рейхстага, съ цѣлью добыть ихъ согласіе на потребованные имперскимъ правительствомъ новые военные кредиты, но въ видѣ заключенія преподалъ такой совѣтъ: «будьте сильны, очень сильны» (il faut vous rendre forts, très forts). Тогда посоль ознакомилъ министра съ полученными французскимъ правительствомъ довѣрительными свѣдѣніями, сводившимися къ тому, что рѣшенное въ Берлинѣ нападеніе на Францію непременно состоится не далѣе, какъ въ слѣдующемъ сентябрѣ, и заключилъ выраженіемъ надежды, что императоръ Александръ и его канцлеръ не допустятъ до такого насилія, гибельнаго не только для Франціи, но и для всей Европы. Князь Горчаковъ успокоилъ Леффо увѣреніемъ, что Россія сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы склонить берлинскій дворъ къ умѣренности и къ миру и что самъ государь воспользуется своимъ предстоящимъ проѣздомъ чрезъ Берлинъ, чтобы повліять въ этомъ смыслѣ на императора Вильгельма.

Нѣсколько дней спустя, императоръ Александръ, принимая генерала Леффо въ частной аудіенціи, выразилъ ему удовольствіе по поводу состоявшагося принятія французскимъ національнымъ собраніемъ конституціоннаго закона, какъ залога правительственной устойчивости и прочности. Посоль воспользовался этимъ, чтобы противопоставить успокоенію умовъ во Франціи ту тревогу, что возбуждаютъ въ ней задорныя выходки нѣмецкой дипломатіи и ея руководителя. «Я понимаю эту тревогу»—возразилъ императоръ—«и скорблю о ея причинахъ. Впрочемъ я убѣжденъ, что Германія далека отъ мысли начать войну и что всѣ эти достойныя сожалѣнія происки Бисмарка суть ничто иное какъ хитрость, къ

которой онъ прибѣгаетъ, чтобы утвердить власть за собою, распространіемъ вѣры въ свою необходимость, посредствомъ возбужденія призрачныхъ опасностей. Я знаю достоверно, что императоръ Вильгельмъ—рѣшительный противникъ всякой новой войны, а еслибъ его не стало, то, я думаю, наслѣдный принцъ воспротивится ей не менѣе отца. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что я, подобно вамъ, желаю мира и что ничѣмъ не пренебрегу для того, чтобы помѣшать его нарушенію».—«Франція питаетъ эту надежду, государь»,—отвѣчала Леффо;—«для предотвращенія опасностей, ей угрожающихъ, она рассчитываетъ на могущественное вмѣшательство вашего величества, такъ какъ ваше слово пользуется нынѣ такимъ вѣсомъ въ Европѣ». Посоль прибавилъ, что Россіи дѣлаетъ честь то значеніе, котораго она достигла среди мира, не прибѣгая къ пупечнымъ выстрѣламъ, благодаря единственно мудрости ея правительства и личному характеру государя. мнѣніе котораго будетъ, конечно, уважено въ Берлинѣ. Императоръ замѣтилъ, что если французы жалуются на усиленные вооруженія нѣмцевъ, то и нѣмцы имѣютъ основаніе быть недовольными такими же вооруженіями французовъ. На возраженіе посла, что сравненіе это не вполне вѣрно по той причинѣ, что война только усилила военную мощь Германіи, тогда какъ она совершенно разстроила французскую армію,—государь продолжалъ: «Это правда! Я ее вполне признаю, и не только не порицаю васъ, но совершенно напротивъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю вамъ опять: нельзя объявить вамъ войны, доколѣ вы сами не подадите къ тому серьезнаго повода, а вы такого не дадите. Если же бы вышло иначе, то есть, если бы Германія вздумала выступить въ походъ безъ причины или подъ вздорными предлогами, то она поставила бы себя передъ Европою въ то же положеніе, какъ Бонапартъ въ 1870 году, и»—закончилъ императоръ—«она сдѣлала бы это на свой рискъ и страхъ. А потому не тревожьтесь, генераль, и успокойте ваше правительство. Передайте ему мою надежду, что отношенія наши останутся всегда такими же, какъ нынѣ, совершенно искренними (*cordiales*). Вы знаете, какъ высоко мое уваженіе къ вамъ. Я питаю къ вамъ полное довѣріе и вѣрю всему, что вы мнѣ говорите. Имѣйте же такое же довѣріе ко мнѣ. Пользы нашихъ обоимъ государствъ тождественны, и если,—чему я отказываюсь вѣрить,—настанетъ день, когда вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, то вы узнаете о ней очень скоро, и узнаете—отъ меня»¹.

Что опасенія французскаго правительства не были вполне лишены основанія, въ Петербургѣ убѣдились въ томъ, когда прибыли

¹ Леффо герцогу Деказу, 8-го апрѣля 1875 г.

туда одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ сотрудниковъ князя Висмарка, совѣтникъ имперскаго вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, Радовицъ, на котораго возложено было порученіе освѣдомиться подъ рукою, какое положеніе займетъ Россія въ случаѣ возобновленія враждебныхъ дѣйствій между Германіею и Франціею? Въ бесѣдахъ съ русскими государственными людьми нѣмецкій дипломатъ намекать довольно прозрачно, что за дружественный нейтралитетъ Германія согласна отплатить Россіи содѣйствіемъ всѣмъ ея видамъ на Востокъ. Но внушенія эти остались безъ отголоска. Радовицу дали понять, что русскій дворъ не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, и на Востокъ, какъ и на Западъ, желаетъ лишь одного: мира и соблюденія территориальнаго status quo, съ возможнымъ лишь облегченіемъ бѣдственной участи христіанскихъ подданныхъ султана.

Между тѣмъ, герцогъ Деказъ, получивъ отъ генерала Лефло донесеніе объ объясненіяхъ его съ княземъ Горчаковымъ и съ самимъ императоромъ и ободренный ихъ успѣхомъ, поручилъ послу сдѣлать еще шагъ съ цѣлью обезпечить Франціи поддержку Россіи въ случаѣ столкновенія съ Германіею. Онъ сообщилъ ему, что въ Берлинѣ замѣтно нѣкоторое успокоеніе и результатъ этотъ приписывалъ внушеніямъ русскаго двора. «Отъ императора Александра»—писалъ онъ—«зависитъ довершить и упрочить свое дѣло. Я часто говорилъ вамъ, что въ моихъ глазахъ русскій императоръ есть верховный хранитель мира вселенной. Въ настоящую минуту онъ можетъ утвердить его надолго, словами, которыя онъ произнесетъ проѣздомъ въ Берлинъ, и тою энергіею, съ которою выразитъ свою волю—не допустить, чтобы миръ этотъ былъ нарушенъ... Если я не успокоенъ въ той мѣрѣ, въ какой желаетъ это и совѣтуетъ князь Горчаковъ, то конечно не вслѣдствіе сомнѣнія въ поддержкѣ, которую окажетъ намъ противъ гибельныхъ стремленій его государь, ни въ рѣшающемъ значеніи его вмѣшательства, лишь бы только оно состоялось въвремя. Но потому именно, что миролюбивая его воля хорошо извѣстна въ Берлинѣ, потому, что тамъ хорошо знаютъ, что онъ станетъ энергично протестовать противъ злыхъ намѣреній,—я и опасаюсь, что они будутъ отъ него тщательно скрыты, и что будетъ въ одинъ прекрасный день принято рѣшеніе, которое поставитъ его лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Я потеряю это опасеніе и чувство безопасности, испытываемое мною, будетъ полно, если только его величество соблаговолитъ объявить, что онъ почтетъ нечаянность (*une surprise*) за оскорбленіе, и что онъ не позволитъ совершиться этому беззаконію. Одно это слово утвердить миръ вселенной, и слово это будетъ достойно императора Александра. Что до меня касается, то я не поколеблюсь присово-

купить къ тому, что было такъ справедливо сказано вамъ въ подтвержденіе нашихъ мѣрныхъ рѣшеній, готовность дать царю всякое ручательство, какое только онъ признаетъ нужнымъ, противъ какого-либо замысла о нападеніи, противъ малѣйшаго нарушенія всеобщаго мира, въ твердой рѣшимости повергнуть на августѣйшее его посредничество всякій споръ, который можетъ возникнуть. и такимъ образомъ поставить подъ охрану его мудрости то успокоеніе сердець и интересовъ, которое принято имъ подъ свое досто-славное покровительство. Его величество изволилъ вамъ сказать, что въ часъ опасности мы будемъ предупреждены и предупреждены имъ самимъ. Мы принимаемъ увѣреніе въ томъ съ тѣмъ большимъ довѣріемъ, что въ этотъ день мы обратимся къ его заботливости. Но если императоръ не будетъ самъ предувѣдомленъ заранее, то онъ соблаговолитъ признать, что и онъ явится обманутымъ и застигнутымъ врасплохъ, что онъ, такимъ образомъ, окажется невольнымъ сообщникомъ западни, намъ поставленной. А потому я питаю вѣру, что онъ отступитъ за оскорбленіе, ставшее для него личнымъ, и защититъ своимъ мечемъ тѣхъ, которые положились на его поддержку»¹.

Письмо герцога Деказа съ многочисленными приложениями было сообщено въ подлинникъ генераломъ Леффо князю Горчакову, который тотчасъ же довелъ его до свѣдѣнія государя. На другой день канцлеръ возвратилъ его послу при слѣдующей запискѣ: «Императоръ вручилъ мнѣ самъ приложенныя бумаги и поручилъ благодарить васъ за этотъ знакъ довѣрія. Его величество присовокупилъ, что подтверждаетъ все сказанное имъ вамъ на словахъ».

Тотчасъ было послано русскому послу въ Лондонъ приказаніе условиться съ великобританскимъ дворомъ объ общихъ мѣрахъ къ поддержанію мира. Встрѣтясь съ французскимъ посломъ на разводѣ за два дня до своего отъѣзда за границу, императоръ Александръ повторилъ выраженіе благодарности за выказанное ему довѣріе, похвалилъ умѣренность и благоразуміе французской дипломатіи въ виду нѣмецкихъ придирокъ, и заключилъ такъ: «Все это, надѣюсь, уладится. Во всякомъ случаѣ, вы знаете, что я вамъ сказалъ: я этого не забуду и сдержу обѣщаніе»².

26-го апрѣля государь выѣхалъ изъ Царскаго Села и остановился на два дня въ Берлинѣ. Въ разговорахъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ Бисмаркомъ онъ категорически заявилъ, что заботы Франціи о своей безопасности не могутъ служить поводомъ

¹ Герцогъ Деказъ къ Леффо, 17-го апрѣля 1875 г.

² Леффо герцогу Деказу, 24-го апрѣля 1875 г.

къ нападенію на нее. Старецъ-императоръ поспѣшилъ отвѣтить, что и не помышляетъ о нарушеніи мира, а Бисмаркъ свалилъ вину на Мольтке и на военную партію. Какъ бы то ни было, князь Горчаковъ могъ протелеграфировать изъ Берлина русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ: «Отнынѣ миръ обезпеченъ!»

Узнавъ о содержаніи этой циркулярной телеграммы, князь Бисмаркъ не сдержалъ предъ русскимъ канцлеромъ выраженія своей досады. Онъ старался увѣрить его, что никогда миру и не грозило опасности со стороны Германіи, что убѣжденіе въ противномъ свѣдѣтельствуется лишь о впечатлительности французовъ и о пылкомъ ихъ воображеніи. Съ ѣдкимъ сарказмомъ, хотя и въ шутиливомъ тонѣ, упрекалъ отъ русскаго канцлера въ желаніи прослыть «спасителемъ Франціи» и насчетъ Германіи залучить благодарность французовъ. Поведеніе его въ данномъ случаѣ онъ сравнивалъ съ челоуѣкомъ, который внезапно и нежданно вскочилъ бы на плечи доврчиваго и ничего не подозрѣвающаго друга, чтобы предать его на позорище толпы, что «едва ли умѣстно со стороны руководящаго министра одной великой державы по отношенію къ такому же министру другой».—«Если»—говорилъ онъ князю Александру Михайловичу—«вамъ уже такъ захотѣлось быть прославленнымъ въ Парижѣ, то не зачѣмъ изъ-за этого портить наши отношенія къ Россіи, а я готовъ приказать начекавить въ Берлинѣ пятифранковыя монеты съ надписью на ободкѣ: «Горчаковъ покровительствуетъ Франціи». Или мы можемъ устроить тамъ, въ германскомъ посольствѣ, театръ, на которомъ станемъ показывать васъ французскому обществу съ тою же надписью въ видѣ ангела-хранителя, въ бѣлой одеждѣ, съ крыльями, освѣщенными бенгальскимъ огнемъ». Но заключеніе шутокъ Бисмарка звучало какъ угроза: «Вы конечно не будете имѣть повода радоваться тому, что рисковали потерять нашу дружбу, ради пустого удовлетворенія собственнаго тщеславія. Скажу вамъ откровенно: я добрый другъ моихъ друзей и врагъ моихъ враговъ». Если вѣрить Бисмарку, то онъ рѣшился самому государю принести жалобу на то, что называлъ «нечестнымъ» поступкомъ Горчакова. Русскій императоръ не возражалъ на его страстныя обвиненія, но, куря и слегка улыбаясь, спокойно замѣтилъ, что не слѣдуетъ принимать въ серъезъ всякое проявленіе «старческаго тщеславія»¹.

Между тѣмъ герцогъ Деказъ писалъ генералу Лефлю въ Петербургъ: «Въ первый разъ за послѣдніе шесть лѣтъ, Европа про-

¹ Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck, II, стр. 174 и 175. Ср. также берлинскую корреспонденцію «Times», 24-го августа 1878 г. и Moritz Busch, Unser Reichskanzler I, стр. 275—277.

будилась. Послушная голосу Россіи, она заявила о себѣ въ общемъ соглашеніи, и заявленіе это было рѣшающимъ... Успокоенные на счетъ настоящаго, мы можемъ, кажется, взирать на будущее съ нѣкоторымъ довѣріемъ. Императоръ Александръ заставитъ уважать свое дѣло, и Европа приучилась уже слѣдовать за нимъ»¹.

Личная размолвка Горчакова съ Бисмаркомъ глубоко запала въ злопамятную душу послѣдняго и мало-по-малу привела къ полному измѣненію отношеній его къ Россіи и къ постепенному переходу отъ тѣсной съ нею дружбы къ злобной и упорной, хотя до времени—затаенной еще враждѣ. Но на первыхъ порахъ она не отразилась на взаимныхъ отношеніяхъ императоровъ Александра и Вильгельма. Дядя навѣстилъ племянника во время пребыванія его въ Эмсѣ, а на возвратномъ пути въ Россію встрѣтилъ русскаго государя въ Эгерѣ и проводилъ его до границы Саксоніи императоръ Францъ-Иосифъ.

Лѣто Александръ Николаевичъ провелъ въ Петергофѣ и въ Красносельскомъ лагерѣ, осень—въ Ливадіи, и вмѣстѣ съ императрицею къ концу ноября возвратился въ Петербургъ².

¹ Герцогъ Деказъ въ Леффо, 5-го мая 1875 г.

² Документы по внутреннимъ дѣламъ—въ русскіхъ правительственныхъ архивахъ; дипломатическія бумаги—въ С.-Петербургскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Переписка герцога Деказа съ генераломъ Леффо обнаружена послѣднимъ въ обширныхъ извлеченіяхъ въ парижской газетѣ «Le Figaro» 1887 г. подъ заглавіемъ: «L'Empereur Alexandre II et la France en 1875».

XXII.

Завоеваніе Средней Азіи.

1864—1881.

Соединеніе кордонною линіею укрѣпленія Вѣрное съ фортомъ Перовскимъ.—Взятіе Аулие-Ата, Туркестана и Чемкента.—Циркуляръ князя Горчакова.—Взятіе Ташкента генераломъ Черняевымъ.—Образованіе Туркестанской области.—Война съ Бухарою.—Сраженіе при Ирджарѣ.—Присоединеніе Ташкента къ Имперіи.—Взятіе Ура-Тюбе и Джизака.—Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства и назначеніе К. П. фонъ-Кауфмана генералъ-губернаторомъ.—Пріемъ государемъ Туркестанской депутаціи.—Миръ съ Коканомъ.—Взятіе Самарканда.—Миръ съ Бухарою.—Занятіе полуострова Мангышлака и основаніе Красноводска.—Занятіе Кульджи.—Договоръ съ Кашгаромъ.—Переговоры съ Англіею.—Соглашеніе съ сентъ-джемскимъ дворомъ.—Хивинскій походъ.—Взятіе Хивы генераломъ фонъ-Кауфманомъ и мирный договоръ съ хивинскимъ ханомъ.—Договоръ съ Бухарою.—Дальнѣйшіе переговоры съ Англіею.—Возстаніе въ Коканѣ и усмирненіе его генераломъ Скобелевымъ.—Присоединеніе Кокана къ Имперіи подъ именемъ Ферганской области.—Тевпнскіе походы 1879 и 1880 гг.—Взятіе Денгиль-Тепе Скобелевымъ.—Образованіе Закаспійской области.—Средне-азиатская желѣзная дорога.

Въ тотъ самый годъ, когда громы войны умолкли на покоренномъ Кавказѣ, началось поступательное движеніе Россіи въ глубь Средней Азіи, приведшее къ распространенію русскаго владычества на обширномъ пространствѣ къ востоку отъ Каспійскаго моря, вплоть до вершинъ Тянь-Шаня и до подножія Гималайскаго хребта.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I, съ занятіемъ Заилійскаго края и съ учрежденіемъ Сыръ-Дарьинской линіи, укрѣпленіе Вѣрное со стороны Сибири и фортъ Перовскій со стороны Оренбурга были конечными точками русскаго военнаго господства въ Средней Азіи. По вступленіи императора Александра II

на престоль, признано было необходимымъ соединить ихъ новою кордонною линіею, которая обезпечила бы наши предѣлы отъ вторженія дикихъ кочевниковъ и отъ нападений со стороны среднеазиатскихъ ханствъ—Хивы, Бухары и Кокана. Съ этою цѣлью, въ маѣ 1864 года, выступили на соединеніе два отряда: первый, въ 2,500 человекъ, подъ начальствомъ полковника Черняева, изъ Вернаго, второй, въ 1,500 человекъ, подъ начальствомъ полковника Вережкина, изъ форта Перовскій. Черняевъ занялъ съ бою коканскую крѣпость Аулие-Ата, Вережкинъ—городъ Туркестанъ, послѣ чего оба отряда поступили подъ начальство Черняева, который двинулся съ ними къ Чимкенту и 22-го сентября взялъ его приступомъ. Первоначальная цѣль экспедиціи была достигнута. Учрежденная тогда же Ново-Коканская линія связала конечные пункты русскихъ владѣній на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ Заплайскомъ краѣ. Произведенный въ генераль-маіоры, Черняевъ назначенъ начальникомъ ея, съ подчиненіемъ генераль-губернатору Западной Сибири.

Объ этихъ движеніяхъ русскихъ войскъ въ Средней Азій вице-канцлеръ князь Горчаковъ довелъ до свѣдѣнія иностранныхъ державъ пространнымъ циркуляромъ, въ которомъ объяснялъ какъ вызвавшія ихъ причины, такъ и предѣлы, которыми предполагалось ихъ ограничить.

«Положеніе Россіи въ Средней Азій» — писалъ онъ — «одинаково съ положеніемъ всѣхъ образованныхъ государствъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ народами полудикими, бродячими, безъ твердой общественной организаціи. Въ подобномъ случаѣ интересы безопасности границъ и торговыхъ сношеній всегда требуютъ, чтобы болѣе образованное государство имѣло извѣстную власть надъ сосѣдями, которыхъ дикіе и буйные нравы дѣлаютъ весьма неудобными. Оно начинаетъ прежде всего съ обузданія набѣговъ и грабительствъ. Дабы положить имъ предѣлы, оно бываетъ вынуждено привести сосѣдніе народцы къ болѣе или менѣе близкому подчиненію. По достиженіи этого результата, эти послѣдніе приобрѣтаютъ болѣе спокойныя привычки, но, въ свою очередь, они подвергаются нападеніямъ болѣе отдаленныхъ племенъ. Государство обязано защищать ихъ отъ этихъ грабительствъ и наказывать тѣхъ, кто ихъ совершаетъ. Отсюда необходимость далекихъ, продолжительнѣйшихъ, періодическихъ экспедицій противъ врага, котораго общественное устройство дѣлаетъ неуловимымъ. Если государство ограничится наказаніемъ хищниковъ и потомъ удалится, то урокъ скоро забудется; удаленіе будетъ приписано слабости; азиатскіе народы, по преимуществу, уважаютъ только

видимую и осязательную силу; нравственная сила ума и интересов образованія еще нѣсколько не дѣйствуетъ на нихъ. Поэтому, работа должна начинаться постоянно снова. Чтобы быстро прекратить эти безпрестанные безпорядки, устраиваютъ среди враждебнаго населенія нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ; надъ нимъ проявляютъ власть, которая, мало по малу, приводитъ его къ болѣе или менѣе насильственному подчиненію. Но за этою второю миссіею, другіе, еще болѣе отдаленные народы скоро начинаютъ представлять такія же опасности и вызывать тѣ же мѣры обузданія. Такимъ образомъ, государство должно рѣшиться на что нибудь одно: или отказаться отъ этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянныя неурядицы, дѣлающія невозможнымъ здѣсь благосостояніе, безопасность и просвѣщеніе, или же все болѣе и болѣе подвигаться въ глубь дикихъ странъ, гдѣ разстоянія съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ увеличиваютъ затрудненія и тяжести, которымъ оно подвергается. Такова была участь всѣхъ государствъ, поставленныхъ въ тѣ же условія. Соединенные Штаты въ Америкѣ, Франція въ Африкѣ, Голландія въ своихъ колоніяхъ, Англія въ Остъ-Индіи,—всѣ неизбѣжно увлекались на путь движенія впередъ, въ которомъ менѣе честолюбія, чѣмъ крайней необходимости, и гдѣ величайшая трудность состоитъ въ умѣнн остановиться».

Изложивъ эти общія соображенія, князь Горчаковъ заявлялъ, что ни то, ни другое изъ приведенныхъ рѣшеній не отвѣчаетъ цѣли, которую предначерталъ себѣ императоръ Александръ и которая «состоитъ не въ томъ, чтобы расширить, виѣ всякой разумной мѣры, границы земель, подчиненныхъ его скипетру, но утвердить въ нихъ власть свою на прочныхъ основаніяхъ, обезпечить ихъ безопасность и развить въ нихъ общественное устройство, торговлю, благосостояніе и цивилизацію». Вслѣдствіе сего, рѣшено устройство кордонной линіи, связывающей линію Оренбургскую съ Сибирскою, и притомъ такъ, чтобы она была расположена въ мѣстности довольно плодородной, дабы не только обезпечить ея продовольствіе, но и облегчить правильное ея заселеніе и, наконецъ, «опредѣлить эту линію окончательнымъ образомъ, чтобы избѣжать опасныхъ и почти неизбѣжныхъ увлеченій, которыя могли бы, отъ возмездія къ возмездію, привести къ безграничному расширенію». Циркуляръ заключался увѣреніемъ, что Россія не намѣрена переступить за Чемкентъ, долженствовавшій служить военнымъ и административнымъ центромъ вновь пріобрѣтеннаго Зачуйскаго края ¹.

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 21-го ноября 1864 г.

Соответственно этому рѣшенію, генералу Черняеву послано приказаніе прекратить дальнѣйшее наступленіе. Между тѣмъ, занятіе русскими войсками цѣлой области, принадлежавшей Кокану, вызвало сильное волненіе какъ въ этомъ ханствѣ, такъ и въ сопредѣльной Бухарѣ. Ссылаясь на сосредоточеніе въ Ташкентѣ значительныхъ коканскихъ силъ, угрожавшихъ нашимъ приобрѣтеніямъ, и на необходимость предупредить ихъ нападеніе, Черняевъ, еще осенью 1864 года пытавшійся овладѣть Ташкентомъ, но безуспѣшно, весною 1865 года двинулся къ этому городу, подъ стѣнами его разбилъ многочисленное коканское войско и самый Ташкентъ взялъ приступомъ, 17-го іюля. Свѣстіе о томъ дошло въ Петербургъ, когда уже было видоизмѣнено первоначальное устройство нашихъ новыхъ средне-азиатскихъ владѣній. Все пространство отъ Аральскаго моря до озера Иссыкъ-Куля, занятое въ предшедшемъ году, соединено въ одну область, получившую названіе Туркестанской, управленіе которою ввѣрено военному губернатору — званіе это получилъ Черняевъ, — подчиненному какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи оренбургскому генералъ-губернатору и командующему войсками Оренбургскаго военного округа.

Въ сентябрѣ 1865 года оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій самъ отправился въ Ташкентъ, жители котораго просили о принятіи ихъ въ подданство русскаго царя. Согласно съ рѣшеніемъ, постановленнымъ въ Петербургѣ, Крыжановскій объявилъ имъ, что желаніе ихъ не можетъ быть исполнено и что городъ ихъ имѣетъ образовать отдѣльное владѣніе подъ покровительствомъ Россіи, для чего онъ пригласилъ ихъ самимъ избрать себѣ хана. Но предложеніе это осталось безъ послѣдствій. По отъѣздѣ Крыжановскаго изъ края, бухарскій эмиръ задержалъ и посадилъ въ тюрьму посольство, отправленное къ нему Черняевымъ, и сталъ собирать войска на сѣверной границѣ ханства. Требованіе объ освобожденіи русскихъ посланцевъ Черняевъ поддержалъ въ январѣ 1866 года движеніемъ къ бухарской крѣпости Джизаку, но зимній этотъ походъ не увѣчался успѣхомъ и русскій отрядъ вынужденъ былъ отступить за Сыръ-Дарью.

Когда весною того же года генералъ Черняевъ былъ отозванъ и на мѣсто его военнымъ губернаторомъ Туркестанской области назначенъ генералъ Романовскій, нельзя было уже избѣжать войны съ Бухарой. Эмиръ собралъ всѣ свои силы вокругъ Ура-Тюбе и сталъ лагеремъ посреди урочища Прджаръ, на Сыръ-Дарьѣ, выше Чиназа. Тамъ, 7-го мая, Романовскій, во главѣ трехтысячнаго отряда, атаковалъ непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго чис-

ломъ и разбилъ его на голову. Эмиръ и остатки его войска искали спасенія въ бѣгствѣ въ направленіи къ Джизаку и Самарканду. Романовскій ихъ не преслѣдовалъ, а пошелъ на занятую бухарцами коканскую крѣпость Ходжентъ и взялъ ее приступомъ. Послѣдствіемъ этихъ побѣдъ было поздравленіе, принесенное генералу Романовскому коканскимъ ханомъ Худояромъ, освобожденіе изъ заключенія русскихъ посланцевъ въ Бухарѣ и отправленіе въ Оренбургъ бухарскаго посольства съ мольбою о мирѣ.

Генераль-адъютантъ Крыжановскій вторично прибылъ въ Ташкентъ во второй половинѣ августа, чтобы объявить о состоявшемся, между тѣмъ, высочайшемъ соизволеніи на принятіе этого города въ подданство Россіи. Намѣреніе генераль-губернатора было отклонить мирныя предложенія Худояра-хана коканскаго, который по положенію своему, — утверждалъ онъ, — долженъ быть вассаломъ Россіи, но неблагоприятный исходъ мирныхъ переговоровъ, веденныхъ съ бухарскимъ посломъ, побудилъ его возобновить военныя дѣйствія съ эмиромъ, чтобы силою оружія принудить его къ заключенію мира, съ подчиненіемъ всѣмъ предъявленнымъ ему требованіямъ. Принявъ лично начальство надъ дѣйствующимъ отрядомъ, Крыжановскій вступилъ въ бухарскія владѣнія и литурмою взялъ города Ура-Тюбе и Джизакъ. Въ Петербургѣ, однако, сочли эти дѣйствія нарушеніемъ преподанныхъ ему наставленій и, изъявъ Туркестанскій край изъ подчиненія оренбургскому генераль-губернатору, образовали изъ всѣхъ земель, занятыхъ съ 1847 года въ киргизскихъ степяхъ и въ коканскомъ ханствѣ, туркестанское генераль-губернаторство, во главѣ котораго поставленъ, съ званіемъ генераль-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ.

26-го марта императоръ Александръ принялъ въ Зимнемъ дворцѣ депутацію изъ новоприсоединеннаго края, прибывшую въ столицу для заявленія Бѣлому Царю вѣрноподданническихъ чувствъ. Депутатъ отъ города Туркестана, шейхъ Исламъ, потомокъ султана Азрета, гробница котораго, находящаяся въ этомъ городѣ, считается мусульманскою святынею, поднесъ адресъ отъ жителей области съ выраженіемъ преданности и признательности монарху, принявшему ихъ въ свое подданство. Милостиво выслушавъ адресъ, государь изъявилъ удовольствіе, что видитъ депутатовъ и что они, какъ новые подданные Россіи, довольны нынѣшнимъ своимъ положеніемъ, при чемъ выразилъ надежду, что, со временемъ, положеніе ихъ еще болѣе улучшится. Въ ласковой бесѣдѣ съ депутатами, императоръ освѣдомлялся о состояніи торговли въ краѣ, о народ-

номъ образованіи, о положеніи мусульманскаго духовенства и собственноручно роздалъ пожалованные имъ ордена, медали и перстни.

Между тѣмъ, военныя дѣйствія съ Бухарою не прекращались. Лѣтомъ 1867 года бухарцы атаковали нашъ передовой отрядъ, выставленный у Яны-Кургана, подъ начальствомъ полковника Абрамова, который въ нѣсколькихъ дѣлахъ нанесъ имъ рядъ пораженій. Въ началѣ слѣдующаго, 1868 года, генералъ Кауфманъ, прибывъ во ввѣренный ему край, 29-го января заключилъ, въ силу высочайше данныхъ ему полномочій, миръ съ правителемъ Кокана, признавшимъ за нами все наши завоеванія, но не утвердилъ мирнаго договора, подписаннаго въ Оренбургѣ Крыжановскимъ съ посланцемъ бухарскаго эмира, а предъявилъ послѣднему новыя условія, которыя были отвергнуты эмиромъ. Пришлось снова прибѣгнуть къ оружію и въ маѣ 1868 года Кауфманъ, вступивъ въ долину Зарявшана, разбилъ и разсѣялъ бухарскія полчища и занялъ священный городъ Самаркандъ, славный гробницею Тамерлана. Только послѣ нѣсколькихъ проигранныхъ сраженій, завершившихся 2-го іюня рѣшительнымъ поражениемъ на высотахъ Зирабулака, эмиръ принялъ предписанный ему миръ. Договоромъ 18-го іюня онъ не только призналъ принадлежность Россіи городовъ и земель, отвоеванныхъ у Кокана, но и уступилъ ей Ура-Тюбе, Джизакъ и весь Зарявшанскій округъ съ городами Самаркандомъ и Катты-Курганомъ, а также выплатилъ значительную денежную контрибуцію. Какъ Коканъ, такъ и Бухара предоставили, сверхъ того, русскимъ подданнымъ право свободной торговли въ своихъ владѣніяхъ, обязавшись строго наблюдать за ихъ безопасностью и сохранностью и не препятствовать сооруженію торговыхъ складовъ, причемъ пошлина съ русскихъ товаровъ опредѣлена неизмѣнно въ 2^{1/2}% ихъ стоимости.

Такимъ образомъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, русскому владычеству въ Средней Азій положено было прочное начало. Новообразованное туркестанское генералъ-губернаторство раздѣлялось на двѣ области—Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую, съ придачею къ нимъ Зарявшанскаго округа и съ военно-административнымъ центромъ въ Ташкентѣ, служившимъ мѣстопробываніемъ главному начальнику края. Бухара и Коканъ вполне подчинились русскому вліянію. Съ другой стороны, въ 1870 году кавказскія войска заняли на восточномъ берегу Каспійскаго моря полуостровъ Мангышлакъ и основали укрѣпленіе, названное Красноводскомъ. Въ 1871 году вспыхнувшее въ Западномъ Китаѣ возстаніе дунганей побудило генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана ввести русскій гарнизонъ въ Кульджу. Годъ спустя онъ вступилъ въ сношенія съ

правителемъ Кашгара Якубъ-бекомъ и заключилъ съ нимъ выгодный торговый договоръ.

Изъ всѣхъ средне-азиатскихъ ханствъ одна Хива оставалась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи, въ расчетѣ на безнаказанность, обеспеченную ей недоступностью хивинскаго оазиса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ песчаными и безводными пустынями.

Быстрые успѣхи Россіи въ Средней Азій вызвали большую тревогу въ Англіи и опасенія за безопасность ея Остъ-Индскихъ владѣній. Выразителемъ этихъ опасеній явился сентъ-джемскій кабинетъ, уже въ 1865 году обратившійся къ русскому двору съ предложениемъ обмѣняться нотами для выясненія взаимнаго положенія обѣихъ державъ въ Средней Азій. Предложеніе графа Русселя было отклонено княземъ Горчаковымъ, но самъ государь успокоилъ великобританскаго посла увѣреніемъ, что правительство его не шлетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ въ этихъ краяхъ и что объясненія русской дипломатіи въ данномъ вопросѣ вполне свободны отъ оговорокъ и заднихъ мыслей¹.

Но по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась впередъ, росло возбуденіе въ Англіи и въ 1869 году, подъ впечатлѣніемъ записки, составленной извѣстнымъ знатокомъ индійскихъ дѣлъ сэромъ Генри Раулинсономъ, утверждавшимъ, что если русскіе дойдутъ до Мерва, то въ рукахъ у нихъ окажется ключъ отъ Индіи, — англійское правительство возобновило въ Петербургѣ свои запросы и представленія. Министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кларендонъ освѣдомился у русскаго посла, нельзя ли, для успокоенія общественнаго мнѣнія въ Англіи и для предупрежденія несогласій или усложненій, условиться о созданіи между обоюдными владѣніями въ этой части Азій нейтральнаго пояса, «который предохранилъ бы ихъ отъ всякаго случайнаго соприкосновенія»? разумѣя подъ этимъ Афганистанъ. На этотъ разъ предложеніе британскаго министра было принято княземъ Горчаковымъ, поручившимъ барону Бруннову объяснить въ Лондонѣ, что оно какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ видамъ и намѣреніямъ императорскаго кабинета. Приглашая сентъ-джемскій дворъ отрѣшиться отъ закоренѣлыхъ предубѣжденій противъ Россіи, — «оставимъ» — писалъ канцлеръ — «эти призраки прошлаго, которые должны бы были исчезнуть при свѣтѣ нашего времени!». Со своей стороны, мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азій и мы въ правѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу. Но что можетъ смутить раз-

¹ Сэръ А. Бухананъ графу Русселю, 2-го сентября 1865 г.

судокъ, такъ это взаимное недовѣріе!» Въ заключеніе, Бруннову поручалось повторить англійскому правительству «положительное увѣреніе, что его императорское величество считаетъ Афганнстанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе, и что никакое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его намѣренія»¹. Тогда же императоръ Александръ изложилъ великобританскому послу собственный взглядъ на средне-азиатскія дѣла: «Я убѣжденъ»—сказалъ государь сэръ Андрю Буханану— «что правительство ея британскаго величества вѣритъ мнѣ, если я говорю, что не имѣю честолюбивыхъ замысловъ въ Средней Азій. Оно должно, по собственному опыту, знать, что положеніе наше въ этихъ земляхъ въ высшей степени затруднительно. Наши дѣйствія не столько зависятъ тамъ отъ нашихъ намѣреній, сколько отъ образа дѣйствій, принятаго въ отношеніи насъ окружающими насъ туземными государствами». Императоръ прибавилъ, что если, къ несчастію, въ Средней Азій произойдутъ новыя столкновенія, то не онъ будетъ ихъ виновникомъ².

Но уже согласіе на имъ же сдѣланное предложеніе не удовлетворяло болѣе лорда Кларендона, объявившаго, что Англія не можетъ считать Афганнстанъ нейтральною территоріей, въ виду того, что страна эта не удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ, и предложившаго признать за разграничительную линію между сферами вліянія Россіи и Англіи въ Средней Азій—рѣку Аму-Дарью въ той части, что протекаетъ къ югу отъ Бухары. Русскій дворъ отвѣчалъ, что не можетъ согласиться на это, такъ какъ Хива лежитъ по ту сторону отъ предложенной Англіею линіи, а признаніе этого ханства нейтральнымъ дозволило бы владѣтелю его безнаказанно продолжать свои набѣги на русскія владѣнія.

Въ сентябрѣ 1869 года князь Горчаковъ встрѣтился съ лордомъ Кларендономъ въ Гейдельбергѣ, при чемъ оба министра обмѣнялись мыслями по средне-азиатскому вопросу. Кларендонъ настаивалъ на необходимости создать между владѣніями двухъ державъ въ Средней Азій «нейтральную полосу», увѣряя, что собственный опытъ убѣдилъ англійское правительство въ томъ, какъ трудно контролировать въ отдаленныхъ краяхъ дѣйствія военачальниковъ, обуреваемыхъ безмѣрнымъ честолюбіемъ. Съ разсужденіемъ его согласился Горчаковъ, осуждая образъ дѣйствій генерала Черняева, но утверждая, что того же нельзя ожидать отъ вновь назначеннаго

¹ Князь Горчакову барону Бруннову, 24-го февраля 1869 г.

² Сэръ А. Бухананъ лорду Кларендоу, 13-го февраля 1869 г.

генераль-губернатора Туркестана, фонъ-Кауфмана. Но въ то же время онъ отвергалъ линію Аму-Дарьи, указывая на то, что владѣнія бухарскаго эмира переходятъ за эту рѣку и что Бухара должна остаться подъ вліяніемъ Россіи. Русскій канцлеръ находилъ, что всѣмъ условіямъ нейтральной полосы какъ нельзя лучше отвѣчаетъ Афганистанъ; но Кларендонъ отрицалъ это, утверждая, напротивъ, что границы Афганистана недостаточно опредѣлены, вслѣдствіе чего легко могутъ произойти несогласія между этой страной и прочими средне-азиатскими ханствами и повести къ прискорбнымъ послѣдствіямъ, другими словами,—къ столкновенію съ Россіей.

Переговоры между Петербургомъ и Лондономъ продолжались въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ, касаясь преимущественно вопроса объ опредѣленіи границъ Афганистана. Русскій дворъ, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, доказывалъ, что сѣвѣрною границею афганскихъ владѣній должно считать Аму-Дарью отъ слиянія ея съ Кушкой до переправы Ходжа-Соля, но что къ сѣверо-востоку власть афганскаго эмира не распространяется на Ваханъ и Бадахшанъ—двѣ области, которыя англійское правительство, напротивъ, желало включить въ составъ Афганистана. Въ началѣ 1873 года князь Горчаковъ рѣшился на важную уступку, увѣдомивъ великобританское правительство, что Россія признаетъ принадлежность Вахана и Бадахшана эмиру афганскому, а равно самостоятельность Афганистана во всѣхъ дѣлахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ¹.

Уступка была вызвана желаніемъ устранить противодѣйствіе Англій рѣшенному тогда же русскому походу на Хиву.

Намѣренія Россіи по отношенію къ этому ханству давно возбуждали ревнивую подозрительность сентъ-джермскаго двора. Съ конца 1869 года онъ не переставалъ обращаться въ Петербургъ съ запросами по этому предмету и получалъ въ отвѣтъ, что русское правительство надѣется избѣжать войны съ хивинскимъ ханомъ и воздѣйствовать на него мирными средствами. Однако, уже въ мартѣ 1870 года великобританскій посоль при русскомъ дворѣ доносилъ, что Хива умышленно вызываетъ на ссору русское правительство. О переговорахъ, веденныхъ съ ханомъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ постоянно общало сэру Андрю Буханану и замѣстившему его, съ 1872 года, въ званіи посла, лорду Августу Лофтусу. «Если мы будемъ вынуждены наказать хана»—предупреждалъ послѣдняго директоръ

¹ Князь Горчаковъ барону Бруннову, 12-го января 1873 г.

азіатскаго департамента—«то все его государство развалится, какъ карточный домикъ. Мы сдѣлали возможное, со своей стороны, чтобы заставить хана быть благоразумнымъ, но безъ всякаго успѣха»¹.

Дѣйствительно, постоянные разбои, подстрекательства къ возмущенію подвластныхъ Россіи кочевниковъ, обложеніе налогами кыргызовъ, признающихъ русскую власть, наконецъ захватъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ въ неволю, таковы были причины, побудившія русское правительство предпринять военную экспедицію въ Хиву, съ цѣлью обуздать и наказать хана и на будущее время подчинить его русскому влиянію. Въ началѣ 1873 года отправленъ былъ въ Лондонъ генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ съ порученіемъ объявить о томъ сентъ-джемскому кабинету, присовокупивъ, «что императоръ не только вовсе не желаетъ завладѣть Хивой, но и далъ положительное приказаніе, дабы предупредить возможность этого завладѣнія, и что Кауфману посланы инструкціи, предписывающія наложить на хана такія условія, чтобы занятіе Хивы ни въ какомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ».

Хивинская экспедиція предпринята была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, долженствовавшихъ обезпечить ея успѣхъ. Подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана двинулись на Хиву съ трехъ сторонъ отряды: туркестанскій изъ Казалинска и Джизака, оренбургскій—изъ Эмбинскаго форта и два кавказскіе—изъ Мангишлака и Красноводска, численностію всего въ 13,000 людей, 4,600 лошадей и 20,000 верблюдовъ при 56 орудіяхъ и 20 ракетныхъ станкахъ. Изъ всѣхъ этихъ отрядовъ только одинъ Красноводскій не дошелъ до назначенія. Въ половинѣ іюня въ Петербургѣ получена была слѣдующая телеграмма туркестанскаго генераль-губернатора: «Войска оренбургскаго, кавказскаго и туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемая природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля загородить имъ путь къ цѣли движенія, городу Хивѣ, и, разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли, 29-го сего мая, павшую предъ ними столицу ханства. 30-го мая, въ годовщину рожденія императора Петра Великаго, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе государя императора и паннхиды за упокой Петра I-го и сподвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивою. Ханъ хивинскій не выждалъ отвѣта отъ генераль-адъю-

¹ Лордъ Лофтусъ лорду Кларендону, мартъ 1872 г.

танта фонъ-Кауфмана на сдѣланное ханомъ предложеніе полной покорности и сдачи себя и ханства и, увлеченный воинственною партією, бѣжалъ изъ города и скрывается нынѣ среди іомудовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности. Войска всѣхъ трехъ отрядовъ бодры, веселы и здоровы».

Жалуя туркестанскому генералъ-губернатору орденъ св. Георгія 2-й степени, императоръ Александръ въ рескриптѣ къ нему воздать заслуженную хвалу храбрымъ войскамъ, которыя подъ его предводительствомъ, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ, «преодоливъ съ свойственною имъ твердостью всѣ препятствія природы, достигли блестящимъ образомъ предположенной нами цѣли»¹.

Вскорѣ бѣжавшій къ туркменамъ ханъ хивинскій самъ прибылъ съ повинною въ русскій лагерь, расположенный подъ его столицей, и изъявилъ полную готовность исполнить всѣ требованія и принять всякія условія, какія ему будутъ предъявлены командующимъ войсками. Возвративъ хану власть, генералъ фонъ-Кауфманъ, въ залогъ его добрыхъ намѣреній, потребовалъ отъ него прежде всего уничтоженія въ Хивѣ невольничества. Актъ этотъ гласилъ: «Я, Сеидъ-Мухамедъ-Рахмандуръ-ханъ, во имя глубокаго уваженія къ русскому императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожается на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому».

12-го августа, въ саду Гандеміана, въ ставкѣ командующаго войсками, ханъ подписалъ съ генераломъ фонъ-Кауфманомъ мирный договоръ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

Ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою императора всероссійскаго, отказывается отъ всякихъ непосредственныхъ дружескихъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями и ханами и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ и безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи не предприметъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ нихъ. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему хивинскія земли уступаются Россіи, причемъ ханъ обязуется не противиться переступкѣ части этихъ земель эмиру бухарскому, если послѣдуетъ на то воля государя императора. Русскимъ пароходамъ и другимъ судамъ, какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ, предоставляется свободное и исключительное плаваніе по Аму-Дарьѣ, а суда хи-

¹ Рескриптъ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, 22-го іюня 1873 г.

винскія и бухарскія пользуются этимъ правомъ не иначе, какъ съ разрѣшенія русской высшей власти въ Средней Азій. Русскіе получаютъ право устраивать и на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи пристани, за безопасность и сохранность конхъ отвѣчаетъ ханское правительство. Тамъ же могутъ устраивать они и свои факторіи для склада и храненія товаровъ, а ханское правительство обязуется отводить въ достаточномъ количествѣ земли какъ для пристаней, такъ и для магазиновъ, купеческихъ конторъ и хозяйственныхъ фермъ, отвѣчая за сохранность ихъ и безопасность. Всѣ города и селенія хивинскаго ханства открыты для русской торговли и русскіе купцы и караваны могутъ свободно разѣзжаться по всему ханству, подъ особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей и отвѣтственностью за ихъ безопасность ханскаго правительства. Они освобождаются отъ платежа всякихъ торговыхъ пошлинъ и пользуются правомъ безошлиннаго транзита чрезъ хивинскія владѣнія, могутъ содержать въ Хивѣ и другихъ городахъ ханства своихъ агентовъ для сношеній съ мѣстными властями и для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговыхъ дѣлъ. Русскіе подданные пользуются правомъ владѣнія недвижимыми имуществомъ въ ханствѣ, облагаемыми поземельною податью по соглашенію съ высшею русскою властью въ Средней Азій. Ханское правительство обязуется безотлагательно разслѣдовать и удовлетворить претензіи со стороны русскихъ на хивинцовъ, и въ случаѣ разбора претензій русскихъ и хивинцовъ, отдавать, при уплатѣ долговъ, преимущество первымъ надъ послѣдними. Жалобы хивинцовъ на русскихъ подданныхъ, даже внутри предѣловъ ханства, передаются ближайшему русскому начальству на разсмотрѣніе и удовлетвореніе. Ханское правительство не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго вида отъ русской власти, къ какой-бы національности они не принадлежали, а укрывающихся въ ханствѣ русскихъ преступниковъ задерживаетъ и выдаетъ русскому начальству. Всѣ невольники освобождаются на вѣчныя времена. На Хиву налагается для покрытія расходовъ русской казны по веденію войны, вызванной ханомъ и его подданными, пеня въ размѣрѣ 2.200,000 рублей, уплата которыхъ разсрочена на двадцать лѣтъ.

Одна часть земель, уступленныхъ Хивою на правомъ берегу Аму-Дарьи, отошла непосредственно къ Россіи и на ней возведено Петро-Александровское укрѣпленіе, занятое русскимъ гарнизономъ. Другая часть переуступлена эмиру бухарскому, который въ благодарность за это, договоромъ, заключеннымъ въ Шаарѣ, 28-го сентября 1873 года, предоставилъ русскимъ подданнымъ въ Бухарѣ

тѣ же преимущества, что были признаны за ними хивинскимъ ханомъ. Сверхъ того условлено, что постоянный бухарскій уполномоченный будетъ имѣть пребываніе въ Ташкентѣ, а дипломатическій представитель русскаго правительства — въ Бухарѣ, при особѣ эмира. Наконецъ, «въ угоду государю императору всероссійскому и для вящей славы его императорскаго величества», эмиръ Сепдъ-Музафаръ постановилъ: «отнынѣ въ предѣлахъ бухарскихъ прекращается на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ чловѣколюбія».

Обнародованіе договоровъ съ Хивой и Бухарой снова вызвало бурю въ англійскихъ политическихъ кругахъ и въ печати, для успокоенія которыхъ министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гренвиль возобновилъ дипломатическія представленія въ Петербургѣ. Великобританскому послу поручалось обратить вниманіе русскаго правительства на тѣ опасности, которыя грозили доброму согласію Россіи и Англій, вслѣдствіе новаго положенія, созданнаго въ Средней Азійи завоеваніемъ Хивы. Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса, насколько условія мира, предписаннаго хивинскому хану, противрѣчатъ увѣреніямъ, даннымъ въ Лондонѣ графомъ Шуваловымъ, англійскій министръ указалъ русскому двору на тревогу, возбужденную въ Афганістанѣ и въ Индіи распространившимися тамъ слухами о предстоящемъ будто бы походѣ русскіхъ на Мервъ или на туркменовъ, населяющихъ окрестныя земли. Если, говорилъ онъ, племена эти стануть искать убѣжища на афганской территоріи, въ Гератѣ, то столкновеніе между эмиромъ афганскимъ и русскими войсками сдѣлается почти неизбежнымъ. Въ предупрежденіе этой опасности лордъ Гренвиль выражалъ надежду, что русскій дворъ не откажется признать, что независимость Афганістана составляетъ важное условіе для благосостоянія и безопасности британской Индіи и для спокойствія Азій¹.

Въ отвѣтъ своемъ князь Горчаковъ повторилъ неоднократно уже сдѣланныя заявленія, что Россія считаетъ Афганістанъ лежащимъ внѣ сферы своего вліянія, но отказался признать за Англією право вступаться за Мервъ и за туркменъ, отъ которыхъ зависитъ жить въ мирѣ и согласіи съ Россіей, но наказаніе которыхъ за разбой и нападенія достанетъ у нея силы. Эмиръ кабульскій, замѣчалъ канцлеръ, могъ бы оказать дѣйствительную услугу этому племени, предваривъ его о неизбежныхъ послѣдствіяхъ ихъ поведенія относительно Россіи².

¹ Лордъ Гренвиль лорду Августу Лофтусу, 26-го декабря 1873 г.

² Князь Горчаковъ графу Шувалову, 21-го января 1874 г.

Между тѣмъ, въ февралѣ 1874 года, произошла въ Лондонѣ перемѣна министерства. Торіи замѣнили виговъ у власти, лордъ Дерби занялъ въ кабинетѣ Дизраели постъ министра иностранныхъ дѣлъ, а лордъ Салисбюри — министра по дѣламъ Индіи. Новые министры возобновили въ Петербургѣ настоянія своихъ предшественниковъ, и вызвали весною 1875 года меморандумъ, въ которомъ русскій канцлеръ излагалъ взглядъ своего двора на взаимныя отношенія Россіи и Англіи въ Средней Азій. Въ документѣ этомъ князь Горчаковъ предлагалъ слѣдующія три основанія соглашенія: 1) соперничество обѣихъ державъ въ этихъ краяхъ противорѣчитъ ихъ обоюднымъ пользамъ и просвѣтительной миссіи, къ которой обѣ державы призваны, каждая въ предѣлахъ своего вліянія; 2) вслѣдствіе сего, желательно сохранить между ними промежуточный поясъ, который предохранилъ бы ихъ отъ непосредственнаго взаимнаго сосѣдства; 3) Афганистанъ могъ бы образовать такой промежуточный поясъ, если бы самостоятельность его была одинаково признана неприкосновенною какъ тою, такъ и другою стороною. Тогда же князь Горчаковъ еще разъ подтвердилъ, что русскій императоръ не имѣетъ никакого намѣренія расширять предѣлы своей Имперіи ни со стороны Бухары, ни со стороны туркменской степи ¹.

Принимая эти увѣренія къ свѣдѣнію, лордъ Дерби отстаивалъ полную свободу дѣйствій Великобританіи по отношенію къ Афганистану, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ случаяхъ ², что вызвало слѣдующій отвѣтъ князя Горчакова въ депешѣ къ графу Шувалову: «Благоволите передать лорду Дерби, что, согласно повелѣнію августѣйшаго нашего государя, мы вполне присоединяемся къ заключеніямъ, въ силу коихъ оба кабинета, поддерживая взаимно состоявшееся между ними соглашеніе на счетъ границъ Афганистана, остающагося внѣ сферы дѣйствія Россіи, считаютъ оконченными переговоры о среднемъ поясѣ, призванные мало практичными, и вполне сохраняя свободу своихъ дѣйствій, будутъ по обоюдному желанію принимать въ справедливое вниманіе ихъ взаимныя интересы и нужды, избѣгая, по мѣрѣ возможности, непосредственнаго сосѣдства между собою, равно какъ и столкновенія между азіатскими государствами, находящимися въ сферѣ ихъ вліянія» ³.

Случай для Россіи воспользоваться выговоренною ею для себя свободою дѣйствій скоро представился. Лѣтомъ 1875 года

¹ Меморандумъ князя Горчакова, 17-го апрѣля 1875 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 25-го октября 1875 г.

³ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 3-го февраля 1876 г.

въ коканскомъ ханствѣ вспыхнули серьёзные беспорядки, приведшіе къ низложенію Худояръ-хана и къ провозглашенію ханомъ старшаго его сына Насръ-Эддина. Худояръ искалъ убѣжища въ русскіихъ предѣлахъ. Между тѣмъ, броженіе среди коканцевъ усиливалось, дуваны и дервиши возбуждали народъ, проповѣдая священную войну, подстрекая къ поголовному возстанію и мусульманское населеніе сосѣднихъ русскіихъ областей. Вооруженныя шайки коканцевъ вторглись въ наши предѣлы и подступили къ Ходженту съ трехъ сторонъ.

По отраженіи ихъ нападенія, генераль-адъютантъ фонъ Кауфманъ, во главѣ отряда изъ 16-ти ротъ пѣхоты и 9 сотенъ казаковъ, при 20-ти орудіяхъ, самъ перешелъ въ наступленіе и въ сраженіи при Махрамѣ на-голову разбилъ пятидесятитысячное скопище коканцевъ, кипчаковъ и кара-киргизовъ, собранныхъ вокругъ этой крѣпости подъ предводительствомъ главы возстанія, Абдуль-Рахмана Автобачи. Побѣда эта открыла Кауфману путь къ главному городу ханства—Кокану. Новый ханъ Насръ-Эддинъ выѣхалъ самъ ему навстрѣчу съ изъявленіемъ покорности. 29-го августа туркестанскій генераль-губернаторъ, сопровождаемый ханомъ, торжественно въѣхалъ въ его столицу. 25-го сентября онъ заключилъ съ нимъ мирный договоръ, которымъ Насръ-Эддинъ уступилъ Россіи всѣ коканскія земли, лежащія на правомъ берегу Сыръ-Дарьи.

Но возстаніе продолжалось въ Восточной части ханства. Разбитый подъ Махрамомъ, Абдуль-Рахманъ сосредоточилъ до 70,000 человекъ въ Андижанѣ. Нападеніе русскаго отряда на этотъ городъ было отражено и отрядъ нашъ отступилъ къ Намангану. Въ самомъ Коканѣ произошелъ новый переворотъ: Насръ-Эддинъ былъ свергнутъ и, подобно отцу, бѣжалъ изъ ханства въ Ходжентъ.

Усмиреніе коканскаго возстанія генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ поручилъ молодому генералу, уже отличившемуся въ хивинскомъ походѣ, М. Д. Скобелеву. Съ горстью людей Скобелевъ прошелъ изъ конца въ конецъ все ханство, въ пѣломъ рядѣ сраженій разбивая и разсѣвая мятежныя скопища, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля по пятамъ. Послѣдствіемъ была сдача главныхъ вожаковъ возстанія и водвореніе русской власти на всемъ пространствѣ ханства Коканскаго.

5-го февраля 1876 года состоялось высочайшее повелѣніе о присоединеніи Кокана къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области, первымъ военнымъ губернаторомъ которой назначенъ генераль-майоръ Скобелевъ.

Война съ Турціей 1877—1878 годовъ пріостановила поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи. Однимъ изъ косвенныхъ

ея послѣдствій былъ англійскій походъ въ Афганистанъ, обратившій эмира афганскаго въ вассала британской короны. Съ нашей стороны, въ 1879 году рѣшена была экспедиція въ Закаспійскую степь, для обузданія ахаль-текинскаго племени, не перестававшаго производить разбои и набѣги на сосѣднія наши области. Смерть командовавшаго дѣйствующимъ отрядомъ, генераль-адъютанта Лазарева была одною изъ причинъ неудачнаго штурма укрѣпленія Геокъ-Тепе, повлекшаго за собою отступление отряда къ каспійскому берегу.

Второй походъ въ туркменскую степь предпринять былъ въ слѣдующемъ 1880 году, и начальство надъ дѣйствующими войсками, въ составѣ 64 ротъ, 19 сотенъ, при 103 орудіяхъ и 19 ракетныхъ станкахъ, всего численностью до 11,000 человекъ и 3,000 лошадей, ввѣрено генераль-адъютанту Скобелеву. Текинцы, сосредоточенные въ Денгиль-тепе въ числѣ 25,000, рѣшились защищаться до крайности. Прибывъ въ Александровскій постъ 1-го мая, Скобелевъ, въ концѣ этого мѣсяца, занялъ передовымъ отрядомъ селеніе Бами, при входѣ въ Ахаль-текинскій оазисъ, изъ котораго образовалъ операціонный базисъ для дальнѣйшаго наступленія. Въ іюлѣ онъ произвелъ рекогносцировку къ Денгиль-тепе, отстоящему отъ Бами на 115 верстъ. Осень прошла въ приготовленіяхъ къ зимнему походу. Для перевозки грузовъ отъ Каспійскаго моря до Бами потребовалось около 20,000 верблюдовъ, что замедлило окончательное наступленіе на пять мѣсяцевъ. Въ октябрѣ назначенныя въ составъ экспедиціи кавказскія войска перевезены изъ Красноводска въ Чикишляръ, а къ концу ноября они уже прибыли въ Бами, куда въ началѣ декабря пришелъ и туркестанскій отрядъ, двинутый изъ Петро-Александровска подъ начальствомъ полковника Куропаткина. Во главѣ этихъ войскъ, Скобелевъ приблизился къ Денгиль-тепе на 12 верстъ, въ теченіе декабря произвелъ нѣсколько рекогносцировокъ и въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца началъ осадныя работы. Напрасно осажденные пѣлымъ рядомъ вылазокъ пытались помѣшать ихъ успѣху. 12-го января 1881 года Денгиль-тепе взяты приступомъ. Преслѣдованіе бѣжавшаго непріятели продолжалось на пространствѣ пятнадцати верстъ.

Шесть дней спустя, передовой отрядъ полковника Куропаткина занялъ Асхабадъ, главное селеніе Ахаль-текинскаго оазиса, но лишь 27-го марта явился туда къ Скобелеву предводитель текинской обороны Тыкма-сардаръ, и вручилъ ему свою саблю. Примѣру его послѣдовало вскорѣ все населеніе, просившее о принятіи его въ подданство русскаго царя. Изъ земель, занятыхъ въ туркменской степи, образована Закаспійская область, раздѣленная на три уѣзда: Мангишлякскій, Красноводскій и Ахаль-текинскій.

Взятіе Денгиль-тене озарило блескомъ военной славы послѣдніе дни царствованія императора Александра II. Въ справедливое воздаяніе заслугъ молодого побѣдоноснаго вождя, государь пожаловалъ генераль-адъютанту Скобелеву орденъ св. Георгія 2-й степени.

Такъ, въ шестнадцать лѣтъ совершилось покореніе русской державѣ обширнаго пространства въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ, отъ Каспійскаго моря до Восточнаго Кптал, отъ южныхъ границъ Сибири до Афганистана и Индіи, нѣкогда привлекавшаго къ себѣ царственную мысль Петра Великаго. Блестящіе успѣхи русскаго оружія сопровождались цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдованій невѣдомыхъ до того, недоступныхъ и дикихъ странъ, насажденіемъ въ нихъ просвѣщенія и гражданственности, развитіемъ промышленности и торговли, словомъ, включеніемъ ихъ въ предѣлы и общеніе образованнаго міра, съ которымъ не замедлилъ соединить Среднюю Азію проложенный въ безлюдной и безводной пустынѣ русскою военною силою, желѣзный путь¹.

¹ Документы, относящіеся до военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи—въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба; дипломатическая переписка великобританскаго двора съ русскимъ въ англійскихъ «Синихъ книгахъ».

КНИГА ПЯТАЯ

ОТДѢЛЬНЫЯ ОТРАСЛИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ

1855—1881

XXIII.

Преобразование армии и флота.

1855 — 1881.

Любовь государя къ военно-морскому дѣлу. — Военный министр Сухо-занетъ. — Приведеніе войскъ на мирное положеніе. — Военный министр Д. А. Милютинъ. — Планъ его о преобразованіи строевой организаціи войскъ и всѣхъ отраслей военнаго управленія. — Оружная система. — Чрезвычайныя мѣры, вызванныя польскими мятежемъ. — Новая организація сухопутныхъ войскъ. — Дѣленіе ихъ и составъ. — Преобразование центральныхъ учрежденій военнаго министерства. — Военные округа. — Одобрительный отзывъ государя о военной реформѣ. — Пересмотръ устава объ управленіи войскъ въ военное время. — Возраженіе на него фельдмаршала князя Барятинскаго. — Главный Штабъ и его дѣятельность. — Главное интендантское управленіе. — Переворуженіе пѣхоты и артиллеріи. — Части: инженерная, военно-медицинская и военно-судная. — Преобразование военно-учебныхъ заведеній. — Переустройство казачьихъ войскъ. — Введеніе всеобщей воинской повинности. — Положенія о новой организаціи всѣхъ частей арміи. — Мобилизація 1876—78 гг. — Численность арміи въ 1880 году. — Великій князь Константинъ Николаевичъ какъ главный начальникъ флота и морскаго вѣдомства. — Основанія преобразованія флота. — Сокращеніе числа морскихъ офицеровъ и матросовъ. — Дальнія океанскія и практическія внутреннія плаванія. — Образование броненосной эскадры. — Двукратное посѣщеніе ея государемъ. — Улучшенія во флотѣ. — Военное судостроеніе. — Броненосцы. — Перевооруженіе флота. — Дѣятельность Обуховскаго сталелитейнаго завода. — Мирное дѣло. — Преобразование морскаго министерства. — Отчетъ генералъ-адмирала по морскому вѣдомству за двадцатипятилѣтіе съ 1855 по 1880 годъ.

Въ царственной дѣятельности императора Александра II пзъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія, развитіе и совершенствованіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Имперіи занимають едва ли не первое мѣсто. Верховный вождь относился къ арміи и флоту какъ къ любимымъ своимъ дѣтищамъ; имъ посвящалъ онъ значительную часть своего времени, трудовъ и заботъ. Военныя заня-

тія и упражненія служили для него самого какъ бы отдыхомъ и развлеченіемъ. Воскресный разводъ въ манежѣ зпмоу, лѣтомъ— лагерьный сборъ въ Красномъ Селѣ, постоянные объѣзды войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, ученья, смотры, парады, манёвры наполняли, такъ сказать, жизнь государя. Онъ самъ вникалъ въ мельчайшія подробности строевой службы и военнаго быта, зналъ въ лицо всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей не только высшихъ, но часто и низшихъ, и себѣ одному предоставлялъ распоряженіе назначеніемъ на должности и производствомъ. Вполяѣ усвоивъ взглядъ императора Николая I на военно-служащихъ, какъ на членовъ собственной семьи, государь считалъ всѣхъ ихъ, отъ генерала до послѣдняго солдата, дѣтьми своими, а себя ихъ чадолюбивымъ и попечительнымъ отцомъ. При такой любви императора Александра къ военному дѣлу, понятно дѣятельное вниманіе, съ которымъ относился онъ ко всѣмъ частямъ управленія арміей и флотомъ, къ вносимымъ въ нихъ улучшениямъ и усовершенствованіямъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на искреннее его мпролюбіе, громъ брани не умолкалъ во все продолженіе двадцатипятилѣтняго царствованія, которое началось въ самый разгаръ Севастопольской бѣрбы и завершилось войною за освобожденіе славянъ, а въ промежутокъ между двумя великими войнами наполнялось непрерывными боевыми схватками, сначала на Кавказѣ, потомъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, наконецъ, въ Средней Азіи.

При вступленіи на престолъ императора Александра II, должность военнаго министра занималъ князь В. А. Долгоруковъ, но тотчасъ по заключеніи мира онъ сдалъ ее генераль-адъютанту Н. О. Сухозанету, товарищемъ котораго съ 1858 года состоялъ князь Васильчиковъ, скоро замѣщенный въ этомъ званіи бывшимъ начальникомъ штаба князя Барятинскаго за время покоренія восточнаго Кавказа генераль-адъютантомъ Д. А. Милютинимъ.

За пять лѣтъ нахождения Сухозанета во главѣ военнаго министерства приняты три существенныя мѣры въ видахъ облегченія тягостей, лежавшихъ на нижнихъ чинахъ: солдатскія дѣти исключены изъ военнаго вѣдомства и изъ кантонистовъ обращены въ свободныя податныя сословія; упразднены окончательно военныя поселенія; наконецъ срокъ обязательной службы солдата сокращенъ въ сухопутныхъ войскахъ до 15, а во флотѣ до 14 лѣтъ. Преобразованія же по военному вѣдомству только намѣчались и обсуждались въ разныхъ комитетахъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью.

Ближайшею задачею министерства было приведеніе войскъ на мирное положеніе. Къ 1-му января 1856 года по спискамъ числилось

въ регулярныхъ войскахъ 32,530 офицеровъ и 1.742,342 нижнихъ чиновъ; въ пререгулярныхъ—3,640 офицеровъ и 168,691 нижнихъ чиновъ; въ государственномъ ополченіи 5,—647 офицеровъ и 364,421 нижнихъ чиновъ, всего 41,817 офицеровъ и 2.274,544 нижнихъ чиновъ. Государственное ополченіе было тотчасъ же распущено, а регулярныя войска приводились въ мирный составъ постепенно, вмѣстѣ съ расформированіемъ резервныхъ и запасныхъ частей. Всего, въ теченіе 1856 года, уволено нижнихъ чиновъ: въ отставку 68,912; въ отпуски безсрочные и временныя 421.123, а въ общей сложности около полумилліона.

Уменьшеніе численности арміи продолжалось и въ слѣдующіе годы, главнымъ образомъ изъ видовъ экономическихъ, и только въ 1859 году, вслѣдствіе политическихъ усложненій въ Западной Европѣ, послѣдовало высочайшее повелѣніе о приведеніи на военное положеніе четырехъ армейскихъ корпусовъ. Впрочемъ, мѣра эта была вскорѣ отмѣнена и къ 1-му января 1862 года наличный составъ арміи выражался въ слѣдующихъ числахъ: дѣйствующихъ войскъ 28,850 офицеровъ и 763,911 нижнихъ чиновъ; резервныхъ 3,006 офицеровъ и 95,086 нижнихъ чиновъ; итого 31,856 офицеровъ и 858,997 нижнихъ чиновъ.

Въ продолженіе весны и лѣта 1861 года Сухозанетъ дважды былъ командированъ въ Варшаву для исполненія обязанностей временнаго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, а въ отсутствіе его вступать въ управленіе военнымъ министерствомъ товарищъ министра Д. А. Милютинъ, который 9-го ноября того же года окончательно утвержденъ въ званіи военнаго министра.

Генераль-адъютантъ Милютинъ составилъ обширный планъ преобразованій, обнимавшихъ какъ строевую организацію войскъ, такъ и всѣ многочисленныя отрасли военнаго управленія. Основныя начала задуманныхъ преобразованій изложены имъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, повергнутому на высочайшее воззрѣніе.

Цѣлью переустройства нашихъ военныхъ силъ военный министръ ставилъ согласованіе, по возможности, сокращенія числа наличныхъ войскъ въ мирное время съ другимъ, не менѣе важнымъ условіемъ—приготовленіемъ средствъ къ наибольшему развитію силъ въ случаѣ войны. Для достиженія этой цѣли предполагалось: 1) уменьшеніе нестроевого элемента арміи сокращеніемъ или перестройкою тѣхъ частей, которыя исключительно несутъ службу мирнаго времени и не имѣютъ никакого полезнаго назначенія для развитія боевой силы въ случаѣ войны; 2) доведеніе резервныхъ войскъ до полной подвижности въ прямомъ значеніи резерва боевого; 3) устройство кадровъ для войскъ запас-

ныхъ, формируемыхъ въ случаѣ войны, съ тѣмъ, чтобы постоянно пополнять убыль людей въ частяхъ войскъ, дѣйствующихъ на театрѣ войны; 4) образованіе постепенно такого запаса людей, подготовленныхъ къ строю, какой дѣйствительно могъ-бы пополнить разницу между штатомъ арміи по мирному и военному времени. Въ связи съ этими задачами предположено было также упраздненіе корпуса внутренней стражи съ возложеніемъ отправленія караульной службы въ губернскихъ городахъ внутри Имперіи на резервныя войска, а съ выводомъ ихъ въ военное время,—на запасныя войска, для которыхъ должны быть содержимы въ мирное время небольшіе кадры; сокращеніе уѣздныхъ и инвалидныхъ командъ и причисленіе ихъ къ тѣмъ мѣстнымъ кадрамъ запасныхъ войскъ; производство обученія рекрутъ въ военное время съ содѣйствіемъ запасныхъ войскъ¹.

Коренному преобразованію генераль-адъютантъ Милютинъ считалъ необходимымъ подвергнуть и всѣ центральныя учрежденія вѣреннаго ему министерства на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Сосредоточить въ военномъ министерствѣ только общее направленіе и главный контроль дѣйствій всѣхъ административныхъ органовъ, а фактическій мѣстный контроль надъ дѣйствіями разныхъ мѣстъ и лицъ военного вѣдомства передать главнымъ начальникамъ округовъ; 2) достигнуть единства въ системѣ управленія, для чего включить въ составъ военного министерства такія установленія, которыя имѣли дотолѣ съ нимъ связь лишь только въ порядкѣ высшаго управленія, а именно: штабы генераль-фельдцейхмейстера и генераль-инспектора по инженерной части, главное управленіе военно-учебныхъ заведеній и т. п.; 3) сократить составъ военного министерства упраздненіемъ нѣкоторыхъ учрежденій, слитіемъ ихъ съ другими однородными и уменьшеніемъ дѣлопроизводства, вслѣдствіе сложенія съ министерства надзора за дѣйствіями подвѣдомственныхъ ему учрежденій, который до того ограничивался болѣею частью лишь канцелярскою повѣркою; 4) образовать для установленія единства и общей связи въ управленіи нѣкоторыми частями, какъ-то госпиталями, военными тюрьмами и т. п., а также для разработки нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, главные комитеты; 5) дать начальникамъ главныхъ управленій военного министерства одинаковыя права; 6) упразднить состоявшія при нѣкоторыхъ изъ главныхъ управленій общія присутствія.

Въ связи съ такимъ переустройствомъ центральныхъ учрежденій военного министерства находилось преобразованіе и мѣстныхъ

¹ Всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра, 12-го января 1862 г.

органовъ военнаго управленія по выработанный генераль-адъютантомъ Милютинымъ окружной системѣ, преимущества которой онъ развивалъ въ нижеслѣдующихъ доводахъ:

«Прежнее устройство отличалось крайнею централизаціей, которая уничтожала всякую инициативу административныхъ органовъ. стѣсняла ихъ мелочною опекою высшихъ властей и лишала эти послѣднія возможности неупустительнаго надзора и фактическаго контроля за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ и установленій. Такая-же централизація, со всеми вредными ея послѣдствіями, была развита и въ строевомъ управленіи войскъ, гдѣ недостатокъ инициативы въ частныхъ военныхъ начальникахъ, въ особенности въ военное время, проявлялся уже не разъ и приводилъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Войска и въ мирное время оставались соединенными въ дивизіи, корпуса и арміи, и такимъ образомъ содержались все штабы, отъ дивизіоннаго до главнаго штаба арміи включительно. Хотя такой системѣ и приписывалась та выгода, что, въ случаѣ приведенія на военное положеніе, армія имѣла уже готовые штабы и войска выступали въ походъ подъ начальствомъ знающихъ ихъ и знакомыхъ имъ начальниковъ, командующихъ ими постоянно и въ мирное время, однако же эти выгоды не вполне осуществлялись. На практикѣ весьма рѣдко случалось, чтобы не только арміи, но даже и корпуса дѣйствовали на театрѣ войны совокупно въ нормальномъ своемъ составѣ мирнаго времени. Гораздо чаще, по разнымъ стратегическимъ соображеніямъ, на самомъ театрѣ войны формировались отряды изъ войскъ разныхъ корпусовъ, для которыхъ учреждались отрядные штабы. Такъ, въ войну 1853—1856 годовъ, ни одинъ корпусъ дѣйствительно не остался въ полномъ своемъ составѣ. Вообще же опытъ нѣсколькихъ послѣднихъ войнъ указалъ, что наши корпуса представляли слишкомъ крупныя тактическія единицы для постоянного употребленія на театрѣ войны въ цѣломъ ихъ составѣ».

Исходя изъ этихъ соображеній, военный министръ находилъ, что средства, которыя тратились въ мирное время на содержаніе корпусныхъ штабовъ, не приносили существенной пользы въ военное время, а потому упраздненіе ихъ было бы выгодно въ экономическомъ отношеніи и не заключало бы въ себѣ никакихъ неудобствъ въ отношеніи военномъ. Принимая во вниманіе выраженную государемъ волю, чтобы въ новое военное управленіе внесено было начало децентрализаціи, Милютинъ выразилъ мнѣніе, что вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ будетъ переходъ къ окружной системѣ, такъ какъ въ лицѣ начальника округа могутъ быть слиты обязанности и значеніе корпуснаго командира, генераль-губернатора

(по военной части) и окружного начальника внутренней стражи. Съ учрежденіемъ округовъ, обязанности военного министерства облегчатыя посредствомъ болѣе обширнаго распредѣленія власти и обязанностей между военно-окружными начальниками, хозяйственное управление приметъ болѣе правильную организацію, а непосредственнымъ послѣдствіемъ предположенной мѣры будетъ усиленіе ближайшаго фактическаго наблюденія за дѣйствіями разныхъ мѣстныхъ установленій.

Въ заключеніе доклада военный министръ предлагалъ, упразднивъ корпусъ, оставить высшею тактическою единицею дивизію, что представило бы слѣдующія выгоды: вмѣстѣ съ мобилизаціей, войска могли бы быть соединены въ корпусъ и отряды такой силы и такого состава, какіе признаны будутъ необходимыми; для начальствованія могутъ быть избираемы наиболѣе способные генералы, при назначеніи конхъ высшее правительство не было бы стѣснено положеніемъ, которое они занимали въ мирное время; штабы арміи, корпусовъ и отрядовъ формировались бы выборомъ способнѣйшихъ офицеровъ изъ всей арміи; наконецъ, всѣ войска, учрежденія и районы, остающіяся въ тылу театра войны, поступивъ въ завѣдываніе военно-окружныхъ начальниковъ, находили бы въ нихъ прочно организованную мѣстную администрацію, а штабы облегчили-бы трудную задачу военного министерства по устройству операціоннаго базиса и снабженія дѣйствующей на театрѣ войны арміи всѣми необходимыми запасами¹.

Всѣ предположенія генералъ-адъютанта Милютина были одобрены государемъ и тотчасъ приступлено къ приведенію ихъ въ исполненіе. Проекты новыхъ положеній разрабатывались въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ военного министра, затѣмъ разсылались главнымъ военнымъ начальникамъ, какъ строевымъ, такъ и штабнымъ, а по полученіи отъ нихъ отзывовъ, вносились въ Военный Совѣтъ, по разсмотрѣніи которыхъ подносились уже на высочайшее утвержденіе.

Такимъ образомъ военному министерству предстояло: 1) преобразовать составъ центрального управленія; 2) вновь устроить военно-окружныя управленія; 3) преобразовать строевыя управленія, согласивъ ихъ кругъ дѣятельности съ военно-окружнымъ управленіемъ; 4) устроить на новыхъ началахъ мѣстныя управленія; 5) издать положенія для управленія арміями, корпусами и отрядами, которыя предполагалось формировать лишь въ военное время.

Работы по организаціи войскъ на новыхъ началахъ были прерваны, на первыхъ же порахъ, чрезвычайными мѣрами, которыя

¹ Всеподданнѣйшій докладъ военного министра, 15-го января 1862 г.

пришлось принять въ виду польскаго мятежа и вѣшателства въ пользу его трехъ западныхъ державъ, грозившихъ намъ разрывомъ. Нѣсколько дивизій было приведено въ военный составъ, сформированы крѣпостные полки, а изъ резервныхъ полковъ образовано 16 новыхъ пѣхотныхъ дивизій. Соответственно усилена кавалерія и артиллерія сформированіемъ пятихъ и шестихъ эскадроновъ въ драгунскихъ полкахъ, а также четвертыхъ резервныхъ батарей. Но когда опасность вѣшнихъ усложненій миновала, то снова приступлено къ сокращенію численнаго состава арміи и къ продолженію ея переустройства.

Организація, давная ей, на основаніи нововзданныхъ штатовъ для войскъ всѣхъ родовъ оружія, была слѣдующая. Всѣ расположенныя въ Европейской Россіи войска раздѣлены на полевыя или дѣйствующія и мѣстныя. Въ первыхъ уничтожено дѣленіе на арміи и корпуса и высшею тактическою единицею принята въ пѣхотѣ и кавалеріи—дивизія, въ артиллеріи и инженерныхъ войскахъ—бригада. Въ составъ мѣстныхъ войскъ отнесены: боевыя, по устройству своему неподвижныя, какъ-то крѣпостныя войска, а также линейные баталіоны; войска резервныя, предназначенныя для обученія рекрутъ въ мирное время; войска для внутренней службы, взамѣнъ упраздненнаго корпуса внутренней стражи, состоящія изъ мѣстныхъ баталіоновъ въ губерніяхъ и командъ въ уѣздахъ; наконецъ части и команды вспомогательнаго назначенія: госпитальныя, жандармскія, артиллерійскія, инженерныя, военно-исправительныя, рабочія, военно-желѣзнодорожныя и телеграфныя и учебныя, а равно и фельдъегерскій корпусъ. Армія комплектовалась рекрутскими наборами.

Въ началѣ 1871 года новая организація ея была завершена. Къ 1-му января этого года она состояла изъ слѣдующихъ частей: а) Полевая войска: 1) пѣхота: 47 пѣхотныхъ дивизій, 8 стрѣлковыхъ бригадъ и 48 линейныхъ баталіоновъ; 2) кавалерія: 10 кавалерійскихъ дивизій; 3) артиллерія: 47 пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, каждая въ 4 батареи, и 4 отдѣльныя бригады въ округахъ сибирскихъ и туркестанскомъ; 8 конно-артиллерійскихъ бригадъ; 8 парковыхъ бригадъ и 6 $\frac{1}{2}$ отдѣльныхъ парковъ; 4) инженерныя войска: 10 саперныхъ баталіоновъ; 6 повтонныхъ полубаталіоновъ и парковъ; 6 военнополоходныхъ телеграфныхъ и 2 полевыхъ инженерныхъ парковъ, соединенныхъ въ пять саперныхъ бригадъ и одну отдѣльную роту. б) Мѣстныя войска: 1) крѣпостныя: 25 баталіоновъ и 2 команды пѣхоты и 57 ротъ артиллеріи; 2) резервныя войска: 8 баталіоновъ пѣхоты, 56 эскадроновъ кавалеріи, 4 пѣшихъ и 2 конныхъ артиллерійскихъ бригадъ, 4 инженерныхъ баталіона; 3) войска для

внутренней службы: 70 губернских баталіоновъ, 1 горнозаводскій баталіонъ; 510 уѣздныхъ и мѣстныхъ командъ, 70 этапныхъ, 18 конвойныхъ и 5 полковыхъ; 4) вспомогательныя части и команды и военныя заведенія: жандармскіе—гвардейскій полуэскадронъ, три дивизиона, 1 пѣшая и 15 конныхъ командъ; артиллерійскія части: 26 крѣпостныхъ управленій, 8 отдѣленій осадной артиллеріи, 24 мѣстныхъ команды, 3 арсенала, 3 оружейныхъ завода, 3 пороховыхъ завода, 2 капсюльныхъ заведенія, 1 ракетное заведеніе, 10 окружныхъ арсеналовъ, 140 мѣстныхъ парковъ, 8 лабораторій, 8 учебныхъ полигоновъ, 29 складовъ артиллеріи, ручного оружія, ракетъ и огнестрѣльныхъ припасовъ; инженерныя части: 11 крѣпостныхъ управленій, 36 инженерныхъ дистанцій, 7 мастеровыхъ командъ, 6 военно-рабочихъ ротъ, 2 осадныхъ инженерныхъ парка и инженерный арсеналъ; учебныя войска: пѣхотный баталіонъ и рота, эскадронъ, пѣшая и конная батарея, техническое гальваническое заведеніе и двѣ рабочія бригады.

Во всѣхъ регулярныхъ войскахъ, полевыхъ и мѣстныхъ, числилось, такимъ образомъ, 853¹/₂ баталіона, 287¹/₂ эскадроновъ, 234 батареи, болѣе 700 отдѣльныхъ ротъ и командъ, — всего по спискамъ 733,761 нижнихъ чиновъ.

По сравненію съ устройствомъ и составомъ войскъ въ 1862 году новая организація регулярной арміи представляла слѣдующія преимущества: число собственно боевыхъ частей, могущихъ въ короткій срокъ приготовиться къ походу, увеличилось въ пѣхотѣ и въ артиллеріи; новыхъ формированій производить не предполагалось; переходъ съ мирнаго въ военный составъ для полевыхъ войскъ былъ вполне обезпеченъ запасомъ людей, уже прошедшихъ чрезъ ряды арміи; число частей для внутренней службы и вообще вспомогательнаго назначенія уменьшилось.

Одновременно съ введеніемъ въ строевыя части новой организаціи, преобразовывались постепенно и центральныя учрежденія военнаго министерства, къ концу 1869 года состоявшія изъ слѣдующихъ частей: императорская Главная квартира и Военно-Походная ея величества канцелярія, Военный Совѣтъ съ состоящими при немъ пятью главными комитетами: Военно-кодификаціоннымъ, по устройству и образованію войскъ, Военно-учебнымъ, Военно-госпитальнымъ и Военно-тюремнымъ, Главный военный судъ, Канцелярія военнаго министерства, Главный штабъ съ Военно-топографическимъ отдѣломъ, Николаевскою академіею генеральнаго штаба, Военно-учебнымъ комитетомъ, Комитетомъ по передвиженію войскъ желѣзными дорогами и водою и корпусами: офицеровъ генеральнаго штаба, военныхъ топографовъ и фельдъ-

егерскимъ; главныя управленія и при нихъ комитеты: интендантское, артиллерійское съ Михайловскою артиллерійскою академію, инженерное съ Николаевскою инженерною академію, военно-медицинское съ военно-медицинскою академію и военно-медицинскимъ ученымъ комитетомъ, военно-учебныхъ заведеній съ педагогическимъ комитетомъ, иррегулярныхъ войскъ съ комитетомъ того же наименованія, военно-судное съ Военно-юрдическою академію; управленія: генераль-инспектора кавалеріи и инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ. Къ министерству причисленъ и Комитетъ о рanenыхъ.

Образованіе военныхъ округовъ совершилось также постепенно, начиная съ 1862 года округами: Варшавскимъ, Виленскимъ и Киевскимъ. Управление каждаго округа составлено изъ слѣдующихъ частей и отдѣловъ: военно-окружнаго совѣта и окружныхъ управленій: интендантскаго, артиллерійскаго, инженернаго и военно-медицинскаго, а также окружнаго инспектора госпиталей. Во главѣ округа поставленъ командующій войсками, которому подчинены всѣ находящіяся въ предѣлахъ округа войска и военныя учрежденія. По отношенію къ личному составу ему присвоена власть командира отдѣльнаго корпуса въ мирное время; по части же хозяйственной онъ дѣйствуетъ лишь какъ предсѣдатель военно-окружнаго совѣта.

Положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ съ ихъ штатами, объ управленіи пѣхотною и кавалерійскою дивизіями и объ управленіи мѣстными войсками въ округахъ высочайше утверждены 6-го августа 1864 года. Къ началу 1871 года Россія европейская и азиатская раздѣлялась на 14 военныхъ округовъ: петербургскій, финляндскій, виленскій, варшавскій, кievскій, одесскій, харьковскій, московскій, казанскій, кавказскій, оренбургскій, два сибирскихъ и туркестанскій.

«Совершившіяся въ послѣднее время по военной части преобразованія» — писалъ генераль-адъютантъ Милютинъ во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ за 1864-й годъ, — «обняли собою такой обширный кругъ государственной дѣятельности и затронули столько интересовъ, что при всемъ сочувствіи къ нимъ огромнаго большинства лицъ здравомыслящихъ и опытныхъ реформы эти не могли не имѣть и отъявленныхъ противниковъ. Утѣшительно однако-же то, что всѣ нареканія со стороны сихъ послѣднихъ либо обнаруживаютъ незнакомство съ сущностью и цѣлью совершившихся преобразованій, либо касаются тѣхъ именно недостатковъ нашей арміи, устраненіе которыхъ и должно быть со временемъ результатомъ предпринятыхъ реформъ. Толки эти неоднократно

доходили даже до свѣдѣнія вашего величества, но осмѣливаюсь думать, что они не могли ни разу поколебать въ васъ, государь, увѣренность (противъ этихъ словъ императоръ Александръ написалъ на томъ докладѣ: «нѣтъ, не поколебали»), что Военное министерство, дѣйствуя постоянно по непосредственнымъ вашимъ указаніямъ, идетъ вѣрнымъ путемъ къ предполагаемой цѣли — всестороннему развитію и совершенствованію вооруженныхъ силъ Имперіи».

На докладѣ этомъ государь собственноручно начерталъ: «Искренно благодарю за все, что уже исполнено, и одобряю вообще все, что имѣется еще въ виду. Дай Богъ завершить намъ всю нашу военную реорганизацію на прочныхъ основаніяхъ»¹.

Введеніе военно-окружной системы и преобразование центральныхъ учрежденій военнаго министерства повлекли за собою пересмотръ устава 1846 года объ управленіи войсками во время войны, который явилась необходимость согласовать съ новымъ управленіемъ. По обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ, положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время удостоилось высочайшаго утвержденія 17-го апрѣля 1868 года.

Къ числу рѣшительныхъ и убѣжденныхъ противниковъ преобразовательной дѣятельности Д. А. Милютина принадлежалъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. Онъ ставилъ ей въ упрекъ ея слишкомъ бюрократическій характеръ и, какъ на главный ея недостатокъ, указывалъ на проведенное во всѣхъ положеніяхъ и уставахъ преобладаніе штабнаго элемента надъ строевымъ, подчиненіе строевыхъ начальниковъ вліянію и контролю штабовъ и управленій. Основываясь на томъ, что положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, хотя и посланное на его разсмотрѣніе въ проектъ, не дошло до него въ этомъ видѣ, онъ испросилъ у государя дозволеніе представить на него свои замѣчанія, не взирая на то, что оно уже было высочайше утверждено и обнародовано. Во всеподданѣйшей запискѣ князь Александръ Ивановичъ перешелъ далеко за предѣлы вопроса, послужившаго къ ней поводомъ. Сущность возраженій фельдмаршала и страстныхъ обвиненій его по адресу военнаго министра сводится къ слѣдующему:

Зачѣмъ, спрашиваетъ князь, учрежденія военнаго времени истекаютъ у насъ изъ учрежденій мирныхъ? Такъ какъ армія существуетъ для войны, то и выводъ долженъ бы быть обратный. Между тѣмъ, новое военное положеніе вышло изъ нынѣшняго мирнаго, послужившаго ему основною рамой. На военный уставъ

¹ Высочайшая резолюція, 5-го января 1865 г.

1846 года никто не жаловался, напротив, военными людьми всего свѣта онъ признанъ за совершенство. Но его подвергли измѣненіямъ, потому что онъ не согласовался съ окружною системою.

Фельдмаршалъ находилъ въ новомъ положеніи «униженіе военнаго начала предъ административнымъ, основаннымъ у насъ теперь на двойственной полуподчиненности и на оскорбительномъ чувствѣ взаимнаго недовѣрія, несвойственнаго военному духу»: «Боевой духъ арміи»,—разсуждалъ онъ,—«необходимо исчезаетъ, если административное начало, только содѣйствующее, начинаетъ преобладать надъ началомъ, составляющимъ честь и славу военной службы. Во избѣжаніе сего, въ нѣкоторыхъ первоклассныхъ державахъ, гдѣ арміи проникнуты превосходнымъ боевымъ духомъ, военный министръ избирается изъ гражданскихъ чиновъ, чтобы не допустить его до возможности играть роль въ командированіи. Отъ военнаго министра не требуется боевыхъ качествъ; онъ долженъ быть хорошиі администраторъ. Оттого у насъ онъ чаще назначается изъ людей неизвѣстныхъ арміи, въ военномъ дѣлѣ мало или вовсе опыта не имѣющихъ, а иногда не только въ военное, но и въ мирное время совсѣмъ солдатами не командовавшихъ. Впрочемъ, неудобства отъ этого быть не можетъ, если военный министръ строго ограниченъ установленнымъ для него кругомъ дѣйствій. Вождь арміи избирается по другому началу. Онъ долженъ быть извѣстенъ войску и отечеству своими доблестями и опытомъ, чтобы въ военное время достойно и надежно исполнить должность начальника главнаго штаба при своемъ государѣ или въ данномъ случаѣ замѣнить высочайшее присутствіе».

Очертивъ такимъ образомъ характеръ дѣятельности какъ военнаго министра, такъ и главнокомандующаго арміею въ военное время, фельдмаршалъ доказывалъ, что новымъ положеніемъ умалена власть и должность главнокомандующаго, поставленнаго имъ въ полную зависимость отъ центральнаго военнаго управленія, которое, являясь руководителемъ войны, получаетъ значеніе гофъ-кригсрата, давно осужденнаго исторіею. Мало того: въ положеніи 1868 года все управленіе арміею понижено въ значеніи, переименовано названій чиновъ штаба, переименованнаго изъ главнаго въ полевой. Начальникъ этого штаба поставленъ относительно военнаго министерства въ зависимость вредную и небывалую. «Армія на войнѣ»,—свидѣтельствовалъ князь Барятинскій,—«подобно кораблю на океанѣ, снаряженному сообразно указанной ему цѣли; онъ заключаетъ въ самомъ себѣ всѣ средства существованія и успѣха. Какъ корабль, армія составляетъ независимое цѣлое, довѣренное главнокомандующему на тѣхъ же основаніяхъ самостоятельной отдѣльности, какъ

корабль отдается капитану, посылаемому вокруг свѣта. Въ этомъ уподобленіи заключается та непогрѣшимая и священная истина, которая до сихъ поръ служила основою нашего устройства на войнѣ. При составленіи новаго положенія, военному министру слѣдовало прежде всего оградить эту основу отъ всякаго посягательства. вмѣсто того, въ задачу составителями положенія поставлено было: сохранить прежде всего неприкосновенность отношеній, установленныхъ для мирнаго времени между министерствомъ и арміею. Значить, съ самаго же начала нарушено было должное отношеніе между главными сторонами дѣла. Нельзя примѣнять во что бы то ни стало незыблемое къ условному».—Наконецъ,—и это былъ не меньшій изъ упрековъ фельдмаршала новому положенію,—«ниспровергающему»,—какъ онъ выражался,—«завѣтныя основанія» нашего военного быта... «въ первый разъ съ 1716 года въ русскомъ военномъ уставѣ о государѣ не упоминается. Нѣтъ даже и представителя монарха на войнѣ, вслѣдствіе чего единство командованія неизбѣжно сосредоточилось въ министерствѣ»¹.

Записку Барятинскаго, съ собственноручными противъ нѣкоторыхъ пунктовъ замѣчаніями, государь передалъ Милютину, представившему въ свою очередь пространное и обстоятельное возраженіе на нее, въ которомъ напоминалось, между прочимъ, «что государь императоръ продолжаетъ по прежнему руководить ежедневно дѣятельностью всѣхъ военныхъ управленій и что всѣ коренныя преобразованія послѣднихъ лѣтъ совершены по непосредственной инициативѣ и по указаніямъ его императорскаго величества». Первоначально выраженное императоромъ намѣреніе подвергнуть пересмотру полевой уставъ 1868 года осталось безъ послѣдствій.

Существенному преобразованію подверглись и всѣ отдѣльныя части военнаго управленія:

Бывшій департаментъ генеральнаго штаба слить съ инспекторскимъ департаментомъ въ одно общее учрежденіе: Главный штабъ. Въ расположеніи и размѣщеніи войскъ произведены измѣненія, вызванныя польскимъ мятежемъ и образованіемъ новыхъ войсковыхъ частей; выработанъ проектъ нормальной дислокаціи, утвержденный государемъ въ окончательномъ видѣ 25-го марта 1875 года, приступлено къ постройкѣ казармъ на всемъ пространствѣ Имперіи съ цѣлью размѣстить въ нихъ современемъ всѣ войска, въ особенности мѣстныя, замѣнивъ квартирную повинность денежною; передвиженіе войскъ сообразовано съ развитіемъ желѣзнодорожныхъ и водя-

¹ Записка князя Барятинскаго, 20-го марта 1869 г.

ныхъ путей и опредѣлено особыми положеніями; нижніе чины командированы на станціи желѣзныхъ дорогъ и телеграфныя для изученія желѣзнодорожнаго и телеграфнаго дѣла съ тѣмъ, чтобы образовать впослѣдствіи особыя команды, подготовленныя къ этому роду службы; приняты мѣры къ уменьшенію караульнаго наряда; установлены правила сборовъ войскъ для лѣтнихъ занятій; войска употреблялись для государственныхъ работъ въ крѣпостяхъ, при постройкѣ нѣкоторыхъ желѣзныхъ путей, въ особенности же на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, гдѣ они пролагали дороги, устраивали помѣщенія для войскъ, возводили укрѣпленія; собирались статистическія свѣдѣнія о Россіи и иностранныхъ государствахъ, преимущественно военныхъ; исполнялись геодезическія работы по измѣренію, вслѣдствіе международнаго соглашенія, дуги параллели 52^о сѣверной широты, тригонометрическія измѣренія разныхъ мѣстностей, а также топографическія съемки; гвардейскій генеральный штабъ упраздненъ и всѣ офицеры генеральнаго штаба, гдѣ бы они служили, соединены въ одинъ нераздѣльный корпусъ, съ одинаковыми правами, преимуществами и мундиромъ.

Составленное изъ бывшихъ департаментовъ провіантскаго и комиссаріатскаго, Главное интендантское управленіе вполне преобразовало, находившуюся въ крайнемъ разстройствѣ, хозяйственную часть въ войскахъ. Въ основаніе преобразования положено начало децентрализаціи. Видоизмѣнена организація интендантскихъ складовъ и провіантскихъ магазиновъ, при которыхъ учреждены особыя приемныя комиссіи; основана въ Москвѣ обмундировальная мастерская для резервныхъ и запасныхъ войскъ; измѣненъ размѣръ провіантскаго и фуражнаго довольствія и опредѣлены способы ихъ заготовленія; заведены хозяйственные запасы для обезпеченія продовольствія войскъ; введено новое, упрощенное обмундированіе; заготовлены запасы вещевого довольствія; установлены новыя правила приѣма и отпуска вещей; войска снабжены обюзомъ новаго образца; улучшено ремонтное лошадье; преобразовано хозяйство въ полкахъ и отдѣльныхъ баталіонахъ на комитетскомъ началѣ, съ установленіемъ строгой отчетности.

На долю преобразованнаго артиллерійскаго вѣдомства выпала сложная и трудная задача перевооруженія пѣхоты и артиллеріи сообразно успѣхамъ техники и современнымъ требованіямъ военнаго дѣла.

Въ началѣ царствованія императора Александра II, большая часть европейскихъ армій была вооружена нарѣзнымъ ружьемъ, заряжающимся съ дула. Къ перевооруженію такими ружьями и карабинами нашей пѣхоты и кавалеріи приступлено тотчасъ по окон-

чаніи Крымской войны. Но уже въ 1864 и въ 1866 годахъ обнаружилась преимущества ружей, заряжающихся съ казенной части и введенныхъ въ прусской арміи, что вызвало предположеніе о введеніи у насъ такихъ ружей съ бумажнымъ патрономъ. Между тѣмъ выяснилась облышая пригодность ружей меньшаго калибра съ металлическимъ патрономъ и рѣшено ввести въ русской арміи ручное огнестрѣльное оружіе, приспособленное къ послѣднему. Такимъ образомъ, едва успѣвали ввести одно ружье, какъ приходилось вводить другое, болѣе совершенное, вслѣдствіе чего къ началу 1877 года, т. е. къ открытію военныхъ дѣйствій съ Турціею, русская пѣхота имѣла ружья трехъ различныхъ системъ: малокалиберныя винтовки Бердана (съ откиднымъ затворомъ) — 270.962; винтовки Крынка (съ металлическимъ патрономъ) — 572.700, и винтовки Карля (съ бумажнымъ патрономъ) — 150.868. Драгуны были снабжены винтовками Крынка, вся прочая кавалерія — малокалиберными карабинами. Пистолеты въ войскахъ всюду замѣнены револьверами образца Смита-Вессона.

Важныя открытія въ области пиротехники обусловили и перевооруженіе артиллеріи, какъ полевой, такъ и осадной и крѣпостной, новыми усовершенствованными орудіями. Въ полевой артиллеріи въ 1865 году приняты орудія, заряжающіяся съ казенной части, и желѣзные лафеты; въ 1866 году окончательно установлены, какъ образцы орудій, стальные пушки 9-ти и 4-хъ фунтовыя, а въ 1870 году введены орудія скорострѣльныя. Но опытъ франко-нѣмецкой войны 1870—1871 годовъ указалъ на необходимость усиленія артиллеріи вообще, а потому рѣшено для каждой пѣшей артиллерійской бригады сформировать по двѣ батареи, т. е. усилить пѣшую артиллерію въ полтора раза. Ко времени объявленія второй Восточной войны всѣ 47 артиллерійскихъ бригадъ были уже приведены въ шести-батарейный составъ.

Въ осадной артиллеріи гладкостѣнные орудія также замѣнены нарѣзными, а мѣдныя — стальными, при чемъ приняты два образца пушки: 24-хъ и 9-ти фунтовыя, и два образца мортиръ: 8-ми и 6-ти дюймовыя. Положено имѣть въ Европейской Россіи два осадныхъ парка, на Кавказѣ — полупаркъ, содержа въ каждомъ паркѣ 400 орудій. Усиленъ калибръ и увеличено число усовершенствованныхъ по новымъ системамъ и образцамъ орудій крѣпостной и береговой артиллеріи.

Улучшенія по инженерной части замедлялись главнымъ образомъ недостаткомъ денежныхъ средствъ. Такъ, введеніе нарѣзной артиллеріи вызвало перестройку нашихъ крѣпостей. Выработанный генералъ-адъютантомъ Тотлебенемъ планъ исправленія ихъ

главнѣйшихъ недостатковъ хотя и были утверждены государемъ, но такъ какъ онъ требовалъ затратъ въ 48 милліоновъ рублей, то и не могъ быть осуществленъ въ полномъ объемѣ, а пришлось удовольствоваться нѣкоторыми частными, наиболѣе настоятельными улучшеніями и, не предпринимая новыхъ сооруженій, ограничиться приведеніемъ въ исправность и поддержаніемъ существующихъ укрѣпленій. Такимъ образомъ, вся наша оборонительная система осталась недовершенною, сухопутныя крѣпости — недостроенными, съ каменными постройками, не прикрытыми съ поля отъ разрушительнаго дѣйствія новыхъ артиллерійскихъ орудій. Совершенно открытой осталась вся западная граница Имперіи за неокончавіемъ Кіевскоі крѣпости и за непмѣніемъ средствъ для возведенія предполагаемыхъ новыхъ укрѣпленій на Волыни и Днѣстрѣ. О сооруженіи же таковыхъ вдоль прусской границы не возбуждалось и вопроса.

Завѣдываніе медицинскою частью въ сухопутныхъ войскахъ сосредоточено въ перепменованномъ изъ бывшаго военно-медицинскаго департамента Главномъ военно-медицинскомъ управленіи, которому подчинена военно-медицинская академія. Съ учрежденіемъ военныхъ округовъ, управленіе госпиталями изъято изъ интендантскаго вѣдомства и передано во вновь образованныя окружныя военно-медицинскія управленія. Преобразованы военно-фельдшерскія школы, изданъ новый госпитальный уставъ и установлена организація госпитальной части въ военное время. Усовершенствованъ санитарный обозъ. Врачебный персоналъ значительно усиленъ въ своемъ составѣ, а равно и санитарная прислуга.

Коренныя преобразованія произведены по военно-судной части. Они не ограничились пересмотромъ существующихъ узаконеній, а внесли въ военное судоустройство и судопроизводство общія начала судебной реформы. Выше уже упомянуто объ ограниченіи въ арміи тѣлесныхъ наказаній въ 1863 году. Тогда же издано положеніе объ охраненіи военной дисциплины и о дисциплинарныхъ взыскаціяхъ. Два года спустя высочайше утверждены главные основанія устава о военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Затѣмъ, аудиторіатскій департаментъ преобразованъ въ Главное военно-судное управленіе, обнародованъ военно-судный уставъ, воинскій уставъ о наказаніяхъ; основана военно-юридическая академія, открытъ Главный военный судъ и новый уставъ постепенно введенъ во всѣхъ военныхъ округахъ; установлены точныя правила суда общества офицеровъ.

Не менѣе существенныя измѣненія внесены въ устройство военно-учебныхъ заведеній.

По смерти генераль-адъютанта Ростовцова главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній назначенъ великій князь Мп-

халтъ Николаевичъ, а въ 1863 году все это, бывшее до того самостоятельнымъ, вѣдомство включено въ составъ военного министерства, при чемъ прежній штабъ военно-учебныхъ заведеній и управление училищъ военного вѣдомства соединены въ одно Главное управление. Тогда же образованъ былъ, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Николаевича, комитетъ для кореннаго преобразованія разсадниковъ военного воспитанія, признанныхъ неудовлетворяющими своему назначенію, который пришелъ къ заключенію о необходимости слѣдующихъ мѣръ: 1) сохранить за военно-учебными заведеніями прежнее ихъ назначеніе: доставлять не только спеціальнымъ оружіямъ, но и армейскимъ войскамъ офицеровъ, получившихъ достаточное общее и основательное военное образование для замѣщенія впоследствии старшихъ воинскихъ должностей; 2) штатное число воспитанниковъ опредѣлить на такомъ основаніи, чтобы заведенія ежегодно могли выпускать отъ 400 до 800 офицеровъ; 3) отдѣлить спеціальныя классы отъ общихъ и образовать изъ первыхъ особыя спеціальныя заведенія; 4) заведенія съ спеціальными классами, названныя военными училищами, устроить такимъ образомъ, чтобы молодые люди, приготовляющіеся въ нихъ къ военному поприщу были какъ можно ближе поставлены въ условія военного воспитанія и могли быть вполне подготовлены ко всѣмъ требованіямъ военной службы; 5) измѣнить устройство заведеній съ общими классами сообразно современнымъ требованіямъ педагогическимъ, прекратить въ нихъ фронтовые занятія, какъ не соответствующія возрасту воспитанниковъ, и обратить ихъ въ военныя гимназій; 6) уменьшить число военно-учебныхъ заведеній, согласно съ уменьшеніемъ цифры ежегоднаго выпуска изъ нихъ офицеровъ, съ тѣмъ, чтобы могущія получиться при семъ сбереженія обратить на учрежденіе юнкерскихъ училищъ, а часть ихъ отдѣлить министерству народнаго просвѣщенія для увеличенія обще-образовательныхъ реальныхъ заведеній. По утвержденіи государемъ этихъ предположеній приступлено къ постепенному приведенію ихъ въ исполненіе.

Спеціальныя классы кадетскихъ корпусовъ соединены въ три военныя училища: Павловское и Константиновское въ Петербургѣ и Александровское въ Москвѣ, самыя же кадетскія корпуса болѣею частью преобразованы въ военныя гимназій, нѣкоторыя упразднены, Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ переименовано въ Кавалерійское училище, соответствующее училищамъ артиллерійскому и инженерному. Учреждены юнкерскія училища для образованія пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ. Преобразованы корпуса Пажескій и Финляндскій кадетскій, съ установленіемъ въ нихъ спеціальныхъ классовъ. Военныя начальныя

школы, возникшія изъ прежнихъ баталіоновъ кантонистовъ, преобразованы въ военныя прогимназіи. Существенныя измѣненія внесены въ устройство пяти специальныхъ академій: Генеральнаго штаба, Инженерной, Артиллерійской, Военно-медицинской и Военно-юридической, подчиненныхъ каждая подлежащему Главному управленію военного министерства, равно какъ и существующія при двухъ изъ нихъ училища: Артиллерійское и Инженерное. Для приготовления преподавателей учреждены особые педагогическіе курсы и учительская семинарія.

Всего въ 1880 году существовало военно-учебныхъ заведеній, не считая пяти академій: военныхъ училищъ, включая специальныя училища и классы при корпусахъ Пажескомъ и Финляндскомъ—9; военныхъ гимназій съ приравненными къ нимъ подготовительными классами корпусовъ Пажескаго и Финляндскаго и подготовительнымъ пансіономъ Николаевского кавалерійскаго училища—23; юнкерскихъ училищъ—16 и военныхъ прогимназій—8.

Преобразовательная дѣятельность военного вѣдомства распространялась и на нерегулярныя войска. Новыя положенія для нихъ вырабатывались во вновь образованномъ въ составѣ военного министерства Главномъ управленіи нерегулярныхъ войскъ, особымъ Комитетомъ, съ приглашеніемъ въ составъ послѣдняго и депутатовъ отъ казачьихъ войскъ. При представленіи ихъ государю 5-го ноября 1866 года, его величество въ слѣдующихъ словахъ выразилъ взглядъ свой на предстоящую имъ дѣятельность: «Вы собраны сюда для того, чтобы съ вашею помощью разъяснить истинныя ваши нужды и пользы. Нынѣшнія положенія о казачьихъ войскахъ устарѣли и во многомъ требуютъ пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ услугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе. Твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я вмѣстѣ съ тѣмъ желаю, чтобы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ значеніе было, сколько возможно, согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія. Казачье населеніе, отбывая по прежнему военную свою обязанность, можетъ и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей Имперіи благами гражданскаго благоустройства. Къ этой главной цѣли должны клониться ваши труды, и мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ее».

Во исполненіе высочайшей воли, въ первое десятилѣтіе управленія военнымъ министерствомъ генераль-адъютанта Милютина съ 1861 по 1871 годъ, преобразованія касались преимущественно

гражданской части въ казачьихъ войскахъ, которыя перестали быть замкнутымъ учрежденіемъ. Открытъ выходъ изъ войскового сословія; лица другихъ сословіи пріобрѣли право селиться и пріобрѣтать собственность въ земляхъ казачьихъ войскъ; въ административномъ, судебномъ и полицейскомъ отношеніяхъ лица казачьяго сословія подчинены или общимъ съ остальными сословіями, или же устроеннымъ весьма сходно съ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи учрежденіямъ. Во второе десятилѣтіе, съ 1871 по 1881 годъ, приступлено къ переустройству военной части въ казачьихъ войскахъ, при чемъ имѣлось въ виду поставить казаковъ въ военномъ отношеніи въ уровень съ регулярными войсками. Съ этою цѣлью изданы новыя положенія о воинской повинности и военной службѣ казаковъ; казаки снабжены новымъ оружіемъ, а казачьи части, находящіяся на дѣйствительной службѣ, поставлены въ одинаковыя условія и болѣею частью соединены съ регулярными войсками; приняты мѣры для обезпеченія скорѣйшей мобилизаціи вновь вызываемыхъ на службу казачьихъ частей, исправнаго ихъ снаряженія и вооруженія. На основаніи вновь введенныхъ положеній, къ концу царствованія число частей, которыя должны были выставить шесть казачьихъ войскъ: Донское, Уральское, Оренбургское, Семирѣченское, Забайкальское и Амурское, въ военное время было: 568 эскадроновъ и сотенъ, 36 пѣшихъ сотенъ и 206 орудій. Новый уставъ о воинской повинности не былъ еще введенъ лишь въ четырехъ казачьихъ войскахъ: Кубанскомъ, Терскомъ, Астраханскомъ и Сибирскомъ.

Преобразование арміи и всѣхъ частей военнаго управленія по программѣ 1862 года было вполне осуществлено въ продолженіе десяти лѣтъ. Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ опытъ войнъ австро-прусской и франко-германской, а также развитіе вооруженныхъ силъ государствъ Западной Европы привели къ признанію необходимости и для Россіи устроить новыя части въ подкрѣпленіе дѣйствующихъ войскъ. Предположеніе военнаго министра объ умноженіи военныхъ силъ Имперіи удостоились высочайшаго одобренія, и въ 1870 году, подъ главнымъ руководствомъ генераль-адъютанта Милютина учреждены двѣ комиссіи, — одна изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для разработки положенія о личной воинской повинности, другая — исключительно изъ военныхъ, для составленія новаго положенія о запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ. Независимо отъ этихъ комиссій, вопросъ о стратегическомъ положеніи Россіи и объ организаціи арміи разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ самого государя, которое при-

шло къ слѣдующимъ рѣшеніямъ: 1) усилить полевые войска чрезъ увеличеніе боевыхъ единицъ; 2) формировать въ военное время резервные войска и преобразовывать существовавшія крѣпостныя части, возложивъ на тѣ и другія исполненіе всѣхъ вспомогательныхъ дѣйствій въ тылу полевыхъ армій; 3) для непрерывнаго пополненія убыли полевыхъ и резервныхъ войскъ, въ продолженіе военныхъ дѣйствій, формировать, вмѣстѣ съ ихъ мобилизаціей, запасныя части; 4) резервные пѣхотные баталіоны упразднить, а мѣстныя войска переформировать такимъ образомъ, чтобы они служили для усиленія и прочнаго устройства въ военное время кадровъ резервныхъ и запасныхъ войскъ. Въ полевыхъ войскахъ предположено ввести слѣдующія пзмѣненія: а) привести всѣ пѣхотные полки въ четырехъ-баталіонный составъ; б) сформировать пѣхотную дивизію и два уланскихъ полка на Кавказѣ; в) ввести въ составъ кавалерійскихъ дивизій казачьи полки; г) увеличить число полевыхъ пѣшихъ батарей, прибавивъ къ каждой бригадѣ по двѣ батареи, а также преобразовать конную артиллерию; д) увеличить составъ инженерныхъ войскъ. — Такимъ образомъ, рѣшено усилить пѣхоту, артиллерию и инженерныя войска, составъ же кавалеріи оставить почти безъ пзмѣненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено: въ пѣхотѣ и кавалеріи возстановить бригадное управленіе; часть полевыхъ войскъ соединить въ корпуса и усилить мѣстныя управленія, съ тѣмъ, чтобы они имѣли всѣ средства для исполненія обязанностей по комплектованію арміи, по учету и призыву чиновъ запаса и по первоначальному формированію резервныхъ и запасныхъ частей.

Плодомъ всѣхъ этихъ работъ былъ обнародованный 1-го января 1874 года уставъ о всеобщей воинской повинности и вызванныя имъ положенія о новой организаціи всѣхъ частей арміи.

Проѣзкою ихъ пригодности послужила мобилизація 1876 — 1878 годовъ. До наибольшаго развитія вооруженныя силы Имперіи достигли въ іюль 1878 года. Къ этому времени въ рядахъ регулярныхъ войскъ считалось: 39,268 генераловъ и офицеровъ, 13,771 классовыхъ чиновниковъ, 1,626,165 нижнихъ чиновъ и 244,641 лошадей.

Послѣ подписанія берлинскаго трактата началось приведеніе войскъ на мирное положеніе. Къ началу 1880 года на службѣ состояли слѣдующія регулярныя части:

1) Дѣйствующія войска: пѣхота — 48 дивизій и въ нихъ 192 полка, 32 стрѣлковыхъ и 36 линейныхъ баталіоновъ, а всего 836 баталіоновъ; кавалерія—56 полковъ и въ нихъ 224 дѣйствующихъ эскадроновъ; артиллерія — 292 пѣшихъ, 26 конныхъ и 9 горныхъ

батареѣ; инженерныя войска — 15¹ саперныхъ, 8¹ понтонныхъ и 4 желѣзнодорожныхъ баталіоновъ.

2) Резервныя войска: 97 баталіоновъ и 36 пѣшихъ батарей.

3) Крѣпостныя войска: 1 баталіонъ пѣхоты, 41 баталіонъ и 10 ротъ артиллеріи.

4) Войска для внутренней службы: 19 баталіоновъ и 660 командъ.

5) Войска запасныя: 56 эскадроновъ и 2 конныя батареи.

6) Войска учебныя: 1¹/₂ баталіона, 1 эскадронъ и 2 батареи;

7) 49 различныхъ частей вспомогательнаго назначенія.

Всего въ 1880 году числилось въ регулярныхъ войскахъ: 982¹/₂ баталіоновъ, 288 эскадроновъ, 367 батарей и 41 баталіонъ крѣпостной артиллеріи и болѣе 700 отдѣльныхъ ротъ и командъ. Въ нихъ значилось по спискамъ: 32,019 генераловъ и офицеровъ и 894,094 нижнихъ чиновъ. Полевыя войска составляли 70⁰/₁₀₀ общаго списочнаго состава регулярныхъ войскъ ¹.

Главнымъ начальникомъ флота и морского вѣдомства съ первыхъ же дней по воцареніи и до самой кончины императора Александра II оставался генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ.

Живой и дѣятельный, получившій прекрасное общее и спеціально-морское образованіе, второй братъ императора съ жаромъ принялся за порученное ему дѣло, но на первыхъ же порахъ встрѣтился съ неодолимымъ затрудненіемъ — недостаткомъ денежныхъ средствъ, обусловленнымъ печальнымъ состояніемъ финансовъ Имперіи. Возвратясь лѣтомъ 1857 года изъ заграничной поѣздки, имѣвшей цѣлью ознакомленіе съ морскими силами Англіи и Франціи, великій князь писалъ въ Тифлисъ князю Барятинскому: «Ты, любезный князь, управляешь, какъ намѣстникъ государя, цѣлымъ царствомъ. Мнѣ предоставлено довѣріемъ государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота. Собирая важность той и другой исторической роли, мнѣ кажется, что первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобы отбросить всякое личное славолубіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, не блестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для будущаго, чтобы дѣти наши по-

¹ Свѣдѣнія о преобразованіи арміи и военнаго вѣдомства заимствованы изъ изданнаго военнымъ министерствомъ въ 1880 г., въ шести томахъ, Историческаго очерка дѣятельности военнаго управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 гг.

лучили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять: Задачу свою великій князь полагалъ «не въ помыслахъ о морскихъ побѣдахъ, не въ созданіи вдругъ большого числа судовъ при большихъ пожертвованіяхъ, а въ томъ, чтобы непрерывнымъ плаваніемъ небольшого числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ». «Я теперь ничто иное» — съ грустью заканчивалъ онъ письмо свое къ намѣстнику кавказскому, — «какъ генераль-адмиралъ безъ флота и который только что видѣлъ своими глазами гигантскіе флоты и морскіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ»¹.

Вынужденный ограничить крайнимъ предѣломъ бережливости смѣту расходовъ морского вѣдомства, великій князь Константинъ Николаевичъ, съ высочайшаго одобренія, положилъ въ основу преобразования флота три слѣдующія начала: 1) возможно большее плаваніе военныхъ судовъ въ дальнихъ моряхъ и океанахъ, необходимое какъ для созданія истинныхъ моряковъ, такъ и для поддержанія международнаго значенія Россіи; 2) независимость отъ иностранныхъ верфей и заводовъ въ дѣлѣ сооруженія военныхъ судовъ; 3) сокращеніе и упрощеніе береговой администраціи до крайнихъ предѣловъ возможности при сознаніи, что не флотъ существуетъ для администраціи, но администрація для флота. Соответственно этой программѣ, въ продолженіе четверти столѣтія, существенныя преобразованія произведены какъ въ личномъ, такъ и въ судовомъ составѣ флота, а равно и въ управленіи морскимъ вѣдомствомъ.

Заключеніе Парижскаго мира, а также необходимость денежныхъ сбереженій побудили приступить немедленно къ сокращенію численнаго состава офицеровъ и матросовъ. Въ 1855 году первыхъ значилось по спискамъ 3,912, вторыхъ 125,169, что представляло значительный избытокъ противъ дѣйствительной потребности флота. Для уменьшенія этого излишка нѣсколько офицеровъ уволено на выгодныхъ условіяхъ въ коммерческій флотъ и ограниченъ приемъ въ морскія учебныя заведенія, наконецъ, немалое число адмираловъ и офицеровъ уволено въ резервъ. Къ концу царствованія наличіе офицеровъ въ морскомъ вѣдомствѣ было 3,209 человекъ, т. е. на 703 человека менѣе, чѣмъ въ первый его годъ. Еще большее сокращеніе произведено въ числѣ матросовъ, которое въ 1880 году не превышало 26,683. Результатъ этотъ достигнутъ главнымъ обра-

¹ Великій князь Константинъ Николаевичъ князю Барятинскому, 24-го іюня 1857 г.

зомъ уменьшеніемъ береговыхъ командъ, состоявшихъ въ 1855 году изъ 63,163 нижнихъ чиновъ, а въ 1880 году всего изъ 822.

Съ цѣлью практическаго образованія командъ, предприняты дальнія плаванія. Уже въ 1856 году снаряжена въ Средиземное море эскадра изъ пяти судовъ, въ томъ числѣ три паровыхъ. Въ слѣдующемъ году двѣ винтовыя эскадры отправлены изъ Кронштадта въ Черное море и одна къ устьямъ Амура. Въ 1858 году снаряжена въ кругосвѣтное плаваніе эскадра изъ трехъ корветовъ и трехъ клиперовъ. Главною и лучшею школою для русскихъ моряковъ признавался Тихій океанъ, и за исключеніемъ трехъ лѣтъ, съ 1867 по 1869 годъ, когда, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, приостановлены были океанскія плаванія,—число военныхъ судовъ въ Тихомъ океанѣ никогда не было ниже 10, а въ иные годы доходило и до 24-хъ. Волненія въ Сириі въ 1860 году и Критское возстаніе въ 1866—1868 годахъ вызвали усиленіе числа русскихъ военныхъ судовъ въ Средиземномъ морѣ, а въ 1863 году эскадра вице-адмирала Лесовскаго посѣтила главнѣйшіе порты Сѣверной Америки.

Ежегодно же производились практическія плаванія винтовыхъ судовъ Балтійскаго флота во внутреннихъ водахъ въ видѣ особой организованной для этой цѣли эскадры. Съ 1864 года стали входить въ составъ ея и броненосныя суда. Въ 1867 году установлено во внутреннихъ водахъ очередное плаваніе всѣхъ судовъ флота и во главѣ практической броненосной эскадры, сборнымъ пунктомъ которой сдѣлался Транзундскій рейдъ, поставленъ вице-адмиралъ Бутаковъ 2-й, сохранившій начальство надъ нею въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Подъ его руководствомъ команды знакомились съ особенностями плаванія на броненосцахъ и управленія ими, упражняясь въ артиллерійской стрѣльбѣ. Императоръ Александръ, ежегодно производившій смотръ балтійскому флоту въ Кронштадтѣ, дважды посѣтилъ Транзундскій рейдъ: въ 1869 и въ 1873 годахъ, для личнаго ознакомленія съ результатами хода морского образованія въ этой практической школѣ. Въ первое посѣщеніе, продолжавшееся два дня, онъ присутствовалъ при рядѣ учений и опытовъ, относясь съ живымъ интересомъ ко всему видянному. По окончаніи смотра государь вызвалъ къ себѣ на фрегатѣ «Петропавловскъ» всѣхъ флагмановъ и командировъ судовъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими милостивыми словами: «Я васъ позвалъ, господа, сюда для того, чтобы еще разъ васъ видѣть и искренно поблагодарить за то удовольствіе, которое вы мнѣ доставили во время моего кратковременнаго пребыванія съ вами. Сожалѣю очень, что не могу пробыть между вами болѣе. Бла-

годарю васъ за тѣ успѣхи, которые вы сдѣлали до сихъ поръ. Я хочу сказать вамъ, чтобы вы не думали, что вы уже достигли совершенства, но я надѣюсь, что вы постараетесь достигнуть совершенства по всѣмъ частямъ вашей многотрудной и разнообразной службы и въ случаѣ надобности поддержите честь русскаго флага, какъ это уже случалось нѣсколько разъ. Еще разъ благодарю васъ, господа. Передайте мое спасибо офицерамъ и командѣ». Четыре года спустя, при вторичномъ посѣщеніи броненосной эскадры на Транзундскомъ рейдѣ, государь выразилъ удовольствіе свое въ слѣдующемъ тоистѣ: «Пью за процвѣтаніе и благоденствіе нашего флота и благодарю за службу и труды, успѣхъ которыхъ я видѣлъ съ такимъ удовольствіемъ сегодня въ Транзундѣ. За здоровье здѣсь собранныхъ представителей этого флота. Ура!»

Императоръ Александръ всегда лично производилъ смотръ судамъ, возвращавшимся изъ заграничнаго плаванія, и неоднократно посѣщалъ адмиралтейства и заводы морского вѣдомства. Заботливая попечительность его распространялась на морскихъ офицеровъ не менѣе, чѣмъ на чиновъ сухопутныхъ силъ. Въ его царствованіе денежное довольствіе ихъ увеличено болѣе чѣмъ въ полтора раза; эмеритальная касса, основанная на остаточную сумму отъ морского бюджета, почти утроила размѣръ пенсін лицъ, служащихъ во флотѣ и вообще въ морскомъ вѣдомствѣ. Особое вниманіе обращено на распространеніе среди моряковъ общеобразовательныхъ и специальныхъ знаній, предпринято изданіе сочиненій и матеріаловъ по исторіи флота и журнала «Морской Сборникъ», въ которомъ гласно и свободно обсуждалась насущные, касающіеся флота, вопросы. Преобразованы всѣ морскія учебныя заведенія. Морской корпусъ переименованъ въ морское училище, а училища штурманское, инженерное и артиллерійское слиты въ одно, названное техническимъ. Постановлено воспитанниковъ морскихъ учебныхъ заведеній выпускать не прямо въ офицеры, а въ гардемарины и кондукторы, съ назначеніемъ на суда для дѣйствительной службы и съ правомъ производства въ первый офицерскій чинъ лишь по окончаніи двухъ кампаній. Улучшено и положеніе матросовъ, срокъ службы которыхъ сокращенъ съ 25 до 10 лѣтъ, но изъ нихъ только 7, 6, 5 и даже 3 года на дѣйствительной службѣ. Упрощена одежда матросовъ, улучшена пища и казарменные помѣщенія, введено обученіе ихъ грамотѣ; уничтожена должность денщиковъ; облегчено фронтовое ученіе, упрощенъ уставъ. Мѣры эти имѣли послѣдствіемъ значительное улучшеніе въ санитарномъ состояніи флота и уменьшеніе смертности. Въ 1856 году на одну тысячу приходилось умершихъ 49 человекъ, въ 1878 — только 11. Наконецъ

во флотѣ, какъ и въ арміи, сначала значительно смягчены, а въ 1863 году и вовсе отмѣнены тѣлесныя наказанія.

Въ царствованіе императора Александра II военное судостроеніе въ Россіи, какъ и всюду, находилось въ прямой зависимости отъ открытій и усовершенствованій въ этой области, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ необычайною быстротою и въ концѣ концовъ совершенно видопзмѣнившихъ боевое значеніе флота.

Когда кончилась Крымская война, морскія силы Россіи находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Черноморскаго флота не существовало и мы даже были лишены права возстановить его. Балтійскій флотъ состоялъ, правда, изъ 200 съ небольшимъ судовъ всѣхъ ранговъ съ 3,373 пушками, но всѣ суда были парусныя, за исключеніемъ лишь девяти пароходо-фрегатовъ. Флотилии въ моряхъ Охотскомъ, Вѣломъ и Каспійскомъ насчитывали небольшое число судовъ, лишенныхъ всякаго боевого значенія.

Приступая къ постройкѣ новыхъ судовъ, морское вѣдомство рѣшило соорудить ихъ въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ, при участіи русскихъ техниковъ и мастеровъ, заказы же за границу дѣлать лишь въ видѣ исключенія, единственно для того, чтобы суда, построенныя на иностранныхъ верфяхъ, могли служить образцами для русскаго судостроенія. Въ первыя семь лѣтъ, слѣдовавшихъ за заключеніемъ Парижскаго мира, сооружено для Балтійскаго флота 26 винтовыхъ судовъ, изъ нихъ только пять за границую. То были: 3 трехдечные корабли, 7 фрегатовъ, 6 корветовъ, 7 клиперовъ и 3 морскихъ канонерскихъ лодки. Но въ этотъ періодъ времени дни деревяннаго флота уже были сочтены. Первоклассныя морскія державы—Англія, Франція, Сѣверо-Американскіе Штаты строили уже суда, покрытыя желѣзною броней. Необходимость броненоснаго судостроенія признана у насъ еще въ 1858 году, но вслѣдствіе недостаточныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи морского вѣдомства, только три года спустя оказалось возможнымъ заказать въ Англіи первое русское броненосное судно, батарею «Первенецъ». Вслѣдствіе возникшихъ въ 1863 году политическихъ несогласій съ Великобританіей по польскому вопросу и ожидаемаго разрыва съ этою державою, названное судно было приведено въ Кронштадтъ недостроеннымъ и окончено въ Россіи.

Опасность разрыва съ морскими державами вызвала рядъ чрезвычайныхъ мѣръ для приведенія въ оборонительное состояніе Кронштадта и самаго Петербурга. Одни береговыя укрѣпленія признаны для того недостаточными и высочайше повелѣно морскому вѣдомству употребить всю свою дѣятельность на созданіе броненоснаго флота, имѣющаго спеціальнымъ назначеніемъ охрану до-

ступовъ къ Кронштадту и къ самой столицѣ. Въ теченіе одного года построено на казенныхъ и частныхъ верфяхъ 10 минопторовъ и одна однобашенная лодка, снабженныя вполне обученнымъ командамъ, обученіе копыхъ новымъ приемамъ обращенія съ броненосными судами произведено еще ранѣе спуска послѣднихъ на воду. Тогда же сооружены еще двѣ броненосныя батареи и превращены въ броненосцы два недостроенныя деревянные фрегата. Эти 16 судовъ и послужили началомъ для русскаго броненоснаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

Переворотъ въ судостроеніи вызвалъ необходимость перестройки всѣхъ нашихъ адмиралтействъ: въ Кронштадтѣ, въ Петербургѣ и въ Пижорѣ. Возведены новые эллинги, склады, механическія мастерскія; выписаны пзъ-за границы и установлены многочисленные сложные механизмы съ машинами; приняты мѣры къ приобрѣтенію русскими техниками новыхъ для нихъ свѣдѣній и опытности, къ обезпеченію нашихъ верфей и заводовъ запасами металловъ; наконецъ, вызвана къ жизни частная дѣятельность и при поддержкѣ морского министерства созданысь новые желѣзодѣлательные, металлическіе и судостроительные заводы. Перечисленные выше суда Балтійскаго флота, а также сооруженныя съ 1864 по 1867 годъ двѣ двухбашенныя лодки, «Чародѣйка» и «Русалка», два двухбашенные фрегата «Адмиралъ Спиридовъ» и «Адмиралъ Чичаговъ», и два трехбашенные фрегата, «Адмиралъ Грейгъ» и «Адмиралъ Лазаревъ», а также первый нашъ мореходный броненосный желѣзный фрегатъ «Князь Пожарскій» построены всѣ на русскихъ верфяхъ, пзъ русскаго матеріала и русскими мастерами. Заказы за границею прекращены совершенно и дѣятельность въ этомъ смыслѣ морского министерства, имѣвшая послѣдствіемъ прекращеніе зависимости нашего судостроенія отъ иностранцевъ и доставленіе отечественной промышленности новаго, обширнаго поля дѣятельности, не только была вполне одобрена государемъ, но и поставлена въ примѣръ прочимъ вѣдомствамъ. 6-го октября 1866 года высочайше повелѣно: «Прекратить на будущее время правительственные заказы за границею, подобно тому, какъ это уже приведено въ исполненіе по морскому вѣдомству, и затѣмъ всѣ заказы какъ военнаго министерства, такъ и министерства путей сообщенія и другихъ вѣдомствъ исполнять внутри государства, не смотря ни на какія затрудненія и неудобства, которыя это могло бы представить на первыхъ порахъ.

Къ концу 1869 года Россія имѣла уже въ Балтійскомъ морѣ 22 броненосныхъ судна, съ 61,390 тоннъ водоизмѣщенія, 7,110 номинальныхъ силъ машинъ, 162 орудій большого калибра. Но

всѣ эти суда, за исключеніемъ фрегата «Князь Пожарскій», предназначались лишь для охраненія доступовъ къ Кронштадту и Петербургу, а потому имѣли малое углубленіе для плаванія по мелководьямъ. Особая коммисія, высочайше образованная въ 1870 году подъ предѣдательствомъ генераль-адъютанта Тотлебена для выработки подробнаго плана обороны Кронштадта при совокупномъ дѣйствіи нашего броненоснаго флота и неподвижныхъ фортовъ и батарей, призвала, что имѣющіяся броненосцы достаточны для этой цѣли, и указала лишь на необходимость сооруженія для пополненія обороны въ самыхъ мелководныхъ мѣстахъ нѣкотораго числа мелкокосящихъ канонерскихъ лодокъ, носящихъ по одному нарѣзному орудію большого калибра. Такихъ лодокъ въ 30 номинальныхъ силъ съ однимъ 11-ти дюймовымъ нарѣзнымъ орудіемъ построено къ концу царствованія пять.

Между тѣмъ на Западѣ сооружались броненосцы уже не только для береговой обороны, но и для дальняго плаванія, и притомъ громадныхъ, небывалыхъ дотолѣ размѣровъ. Первымъ судномъ этого типа былъ у насъ броненосный корабль «Петръ Великій», построенный въ Петербургѣ и спущенный на воду въ 1876 году. Хотя это судно и имѣло специальнымъ назначеніемъ служить мореходнымъ броненосцемъ, но по неимѣнію рангоута не могло удовлетворять условіямъ океанской крейсерской службы. Такихъ крейсеровъ, покрытыхъ броней, съ 1870 по 1880 годъ построено три: «Генераль-Адмиралъ», «Герцогъ Эдинбургскій» и «Мишинъ», а винтовыхъ неброненосныхъ клиперовъ восемь. Къ нимъ присоединены въ послѣдніе три года царствованія еще четыре клипера, купленные въ Америкѣ во время послѣдней Восточной войны. Тогда же построено по особому типу 100 миноносокъ. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о двухъ крупныхъ броненосныхъ судахъ, названныхъ по имени изобрѣтателя ихъ, генераль-адъютанта Попова, «поповками» и построенныхъ въ Николаевѣ для береговой обороны Чернаго моря, но оказавшихся неудовлетворяющими своему назначенію.

Въ тѣсной связи съ успѣхами судостроенія находилось и снабженіе броненосныхъ и винтовыхъ судовъ новыми усовершенствованными орудіями, калибръ и вѣсъ которыхъ постоянно увеличивались по мѣрѣ утолщенія брони на судахъ. Къ началу шестидесятыхъ годовъ большая часть старыхъ орудій замѣнена въ русскомъ флотѣ пушками 36-ти и 60-ти фунтового калибра. Но со времени введенія броненосныхъ судовъ, въ морской артиллеріи совершился соответствующій коренной переворотъ. Калибръ орудій и вѣсъ снарядовъ росли съ каждымъ новымъ усовершенствованіемъ,

и орудія, доходившія до калибра въ 16-ть дюймовъ и до 5,000 пудовъ вѣса, стали приготовляться для нашихъ судовъ на основанномъ въ 1864 году въ Петербургѣ, подъ покровительствомъ и контролемъ морского вѣдомства, Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ. Для поддержанія этого завода казна принесла большія жертвы. Ссудивъ ему независимо отъ авансовъ на заказы до 4¹ миллионъ рублей. За то Обуховскій заводъ не только поставилъ всѣ орудія, необходимыя для перевооруженія флота, но съ 1871 года сдѣлался постояннымъ поставщикомъ стальныхъ орудій и военно-сухопутному вѣдомству. Имъ же производились снаряды, пушечные станки, стволы для винтовокъ, воздушные резервуары для минъ, а также желѣзнодорожныя принадлежности и коммерческая сталь. Последняя была употреблена на котлы и корпуса строившихся въ Россіи клиперовъ.

Къ концу царствованія всѣ боевыя суда флота были снабжены наръзными стальными пушками, а въ портахъ начали образовываться запасы орудій. Общее число орудій во флотѣ въ 1880 году было, въ калибрѣ отъ 4 до 12 дюймовъ: обуховскихъ 498, заказанныхъ на заводѣ Круппа въ Эссенѣ 188, итого 686.

Широкое развитіе получило у насъ минное дѣло. Уже въ 1868 году отправляемый въ Тихій океанъ клиперъ «Гайдамакъ» былъ снабженъ съ боевою дѣлюю минами на откидныхъ шестахъ. Въ началѣ 1874 года завѣдываніе минною частью выдѣлено въ самостоятельное управленіе, ввѣренное контръ-адмиралу Пилкину. Предполагалось образовать минный составъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, специально приготовленныхъ къ сознательному дѣйствію минами, и составить запасъ наиболѣе усовершенствованныхъ минъ. Въ 1880 году числилось уже 70 минныхъ офицеровъ и 266 минеровъ, и сверхъ того обучалось минному дѣлу въ офицерскихъ классахъ 30 офицеровъ и въ школѣ 90 нижнихъ чиновъ.

Коренному преобразованію подверглось въ двадцатипятилѣтіе съ 1855 по 1880 годъ и самое морское министерство, на слѣдующихъ началахъ: разсредоточеніе управленія, самостоятельность мѣстныхъ властей, съ расширеніемъ правъ ихъ и усиленіемъ ответственности, наконецъ, уменьшеніе числа служащихъ и обезпеченіе ихъ быта. Утверждая проектъ новаго положенія объ управленіи морскимъ вѣдомствомъ, императоръ Александръ поставилъ эти начала—какъ сказано въ собственноручной резолюціи его величества—«въ примѣръ всѣмъ гг. министрамъ и главноуправляющимъ, надѣясь и возлагая на нихъ попеченіе достигнуть того же и по ввѣренными имъ управленіямъ». За упраздненіемъ въ 1867 году двухъ департаментовъ, кораблестроительнаго и комиссаріатскаго, и

за передачей дѣлъ ихъ въ порты, сокращеніе числа служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ выразилось въ слѣдующихъ числахъ: въ 1853 году числилось чиновниковъ—въ министерствѣ 391 и въ портовыхъ управленіяхъ 743, всего 1,134, а въ 1880 году—въ министерствѣ 107, въ портовыхъ управленіяхъ 428, всего 535, т. е. менѣе чѣмъ на половину.

Сверхъ того совершенно преобразована на новыхъ рациональныхъ началахъ система смѣтъ, счетоводства и отчетности, введенъ строгій контроль въ портовыхъ магазинахъ, адмиралтействахъ и заводахъ, пересмотрѣнъ морской уставъ, изданы положенія по части госпитальной, судебной, тюремной, денежнаго и матеріальнаго довольствія командъ, наконецъ, въ морскомъ вѣдомствѣ введено судоустройство и судопроизводство на началахъ судебныхъ уставовъ 1864 года.

Всеподданнѣйшій отчетъ по морскому вѣдомству, представленный государю въ двадцатипятилѣтнюю годовщину его царствованія и обнимающій періодъ времени съ 1855 по 1880 годъ, великій князь Константинъ Николаевичъ заключилъ слѣдующими словами: «Въ прошедшее двадцатипятилѣтіе нашъ военный флагъ развѣвался въ океанахъ и моряхъ всѣхъ частей свѣта и появлялся повсюду, гдѣ того требовала наша политика; при натянутыхъ нашихъ отношеніяхъ съ западными державами въ 1863 году и съ Англіею въ 1878 году, онъ не укрывался за круѣпными твердынями, но выходилъ въ океанъ для крейсерства, хотя наше географическое положеніе, ставящее этотъ выходъ подъ контроль враждебныхъ намъ державъ, и не позволяло дать этому крейсерству всего возможнаго развитія. Но естественный ходъ по пути, которому мы слѣдуемъ, ведетъ насъ къ тому, что теперь можно уже предвидѣть время, когда не порты замерзающаго Финскаго залива, но порты безпредѣльнаго Восточнаго океана будутъ служить опорнымъ пунктомъ для нашего флота: такъ окрѣпла связь съ ними при помощи кругосвѣтныхъ плаваній нашихъ военныхъ судовъ. Всѣ судостроительныя работы и сооруженія всѣхъ самыхъ сложныхъ механизмовъ исполняются у насъ въ Россіи, на нашихъ заводахъ, и въ этомъ отношеніи мы находимся совершенно въ независимости отъ чужеземныхъ державъ. Теперь уже невозможно повтореніе того безысходнаго положенія, въ которое насъ поставило въ началѣ 1850-хъ годовъ введеніе винтового двигателя, и никакое новое изобрѣтеніе не можетъ насъ застать врасплохъ. По морскому и техническому образованію нашъ личный составъ флота не уступаетъ могущественнѣйшимъ флотамъ. Нѣтъ такихъ неожиданныхъ открытій и усовершенствованій въ другихъ флотахъ,

которыя не могли бы сдѣлаться и не дѣлались бы достояніемъ нашихъ верфей и адмиралтействъ и не получили у насъ осуществленія. Въ нашемъ флотѣ имѣются суда, построенныя у насъ, которыя могутъ состязаться съ сильнѣйшими судами соответствующихъ типовъ въ заграничныхъ флотахъ. Мы имѣемъ средства выполнить всякія новыя требованія морской науки и практики, не такъ легко и быстро, какъ стоящія впереди насъ въ дѣлѣ заводской промышленности Англія и Франція, но, не менѣе того, мы не будемъ вынуждены искать выхода изъ затрудненія у иностранцевъ. Доказательствомъ тому служитъ послѣдняя Восточная война. Мы имѣли для нея въ избыткѣ всякаго рода специалистовъ для морского дѣла и, какъ скоро ходъ войны показалъ громадное значеніе, которое можетъ имѣть въ ней новое орудіе разрушенія—мины и намъ даны средства къ сооруженію многочисленной флотиліи миноносокъ, мы не затруднились соорудить такую флотилію у себя дома, въ нѣсколько мѣсяцевъ. Нашъ торговый паровой флотъ, благодаря правительственной поддержкѣ, также сдѣлалъ шагъ впередъ. Наконецъ, что касается администраціи въ обширномъ смыслѣ этого слова, то морское министерство шло впереди другихъ вѣдомствъ въ многочисленныхъ и столь благотѣльныхъ реформахъ, которыя были совершены по этой части въ первое двадцатипятилѣтіе царствованія вашего императорскаго величества. Все это даетъ мнѣ смѣлость думать, что флотъ 1880 года имѣетъ болѣе правильныя основы, чѣмъ имѣлъ флотъ 1855 года, и что онъ представляетъ изъ себя живую силу, заключающую въ себѣ все данныя для дальнѣйшаго развитія, хотя и требуется еще много затратъ, чтобы довести его до того положенія, которое соответствуетъ достоинству Россіи»¹.

¹ Секретный всеподаннѣйшій отчетъ генералъ-адмирала по морскому вѣдомству съ 1855 по 1880 годъ.—Свѣдѣнія о преобразованіи флота почерпнуты изъ изданнаго морскимъ министерствомъ въ 1880 г., въ двухъ томахъ, Обзора дѣятельности морского управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 годъ.

XXIV

Финансы и народное хозяйство.

1855 — 1881.

Экономическое развитие России.—Разстройство финансовъ послѣ Крымской войны.— Комиссія о сокращеніи расходовъ.—Пониженіе процентовъ на долги казначейства казеннымъ кредитнымъ учреждениямъ и на частные въ нихъ вѣлады.— Назначеніе министромъ финансовъ Княжевича.—Преобразование государственной отчетности.—Правила о составленіи общей государственной росписи и смѣты отдѣльныхъ вѣдомствъ.—Введеніе «единства кассы».—Преобразование Государственного контроля.—Государственные контролѣры: Татаринцовъ, Абаза, Грейгъ и Сольскій.—Ограниченіи расходовъ, предложенныя Комитетомъ финансовъ.—Передача въ Государственное Казначейство капиталовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.—Возобновленіе выпуска кредитныхъ билетовъ.—Органическія преобразованія финансоваго управленія.—Пересмотръ системы податей и налоговъ.—Переустройство государственныхъ кредитныхъ установлений.— Учрежденіе Государственного банка.—Замѣна акцизомъ питейнаго откупа.—Отмѣна соляной монополіи.—Назначеніе Рейтерна министромъ финансовъ.—Обнародованіе государственной росписи.—Размѣтъ кредитныхъ билетовъ на золото.—Увеличеніе старыхъ и введеніе новыхъ налоговъ.—Займы.—Возростаніе дефицита.—Финансовый кризисъ 1866 г.—Вызванный имъ мѣры.—Железнодорожный фондъ и займы на постройку желѣзныхъ дорогъ.—Постепенное уменьшеніе и прекращеніе дефицита.—Обращеніе свободнаго остатка Государственнаго Казначейства.—Возраженіи Рейтера противъ предполагаемой войны.—Презвычайныя средства для покрытія военныхъ издержекъ.—Взیمانіе таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ.—Назначеніе министромъ финансовъ Грейга.—Докладъ его о финансовомъ положеніи государства.—Комиссія о сокращеніи государственныхъ расходовъ.—Новые налоги.—Абаза—министръ финансовъ.—Отмѣна налога на соль.—Повышеніе таможеннаго тарифа.—Предположенное погашеніе долга казны Государственному банку.—Финансовые итоги царствованія.—Выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.—Развитіе оборо-

товъ Государственнаго банка.—Сберегательныя кассы.—Общественныя и частныя коммерческія банки, общества взаимнаго кредита, ссудо-сберегательныя товарищества, частныя городскія ломбарды, городскія кредитныя общества, частныя земельныя банки.—Развитіе долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита.—Сельское хозяйство.—Возрастаніе вывоза зерна за границу.—Развитіе заводской и мануфактурной промышленности.—Торговля.—Торговый уставъ 1863 г.—Уменьшеніе налога на заграничныя паспорта.—Пересмотръ таможеннаго тарифа.—Развитіе вѣшной торговли.—Желѣзнодорожное дѣло.—Постройка Петергофской желѣзной дороги.—Первая сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ и учрежденіе Главнаго общества.—Уставъ общества.—Пересмотръ и измѣненіе его.—Комитеты желѣзныхъ дорогъ.—Дороги разрѣшенныя въ 1858—1859 гг.—Министръ путей сообщенія Мельниковъ.—Сѣть 1862 г.—Министръ финансовъ Рейтернъ—сторонникъ постройки желѣзныхъ дорогъ частными компаніями.—Пытки иностраннымъ компаніямъ для постройки линій отъ Москвы до Севастополя и отъ Одессы до Кіева.—Сооруженіе на казенныя средства линій Одесса—Балта и Москва—Орель.—Измѣненіе направленія южной дороги.—Концессія на линію Рязань—Козловъ, выдаваемая русскому предпринимателю.—Мѣнія собою комиссіи о планѣ дальнѣйшаго развитія русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Сѣть 1866 г.—Осуществленіе ея.—Концессионная горячка.—Учрежденіе желѣзнодорожнаго фнда.—Продажа Николаевской желѣзной дороги Главному обществу.—Правила 1868 г. о порядкѣ выдачи концессій.—Несовѣстительство высшихъ государственныхъ сановниковъ съ званіемъ учредителей частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.—Сѣть 1868 г.—Графъ В. А. Бобринскій—управляющій министерствомъ путей сообщенія.—Сѣть 1870 г.—Измѣненіе порядка реализаціи капиталовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.—Выпускъ консолидированныхъ облигацій.—Правила о порядкѣ выдачи концессій 1870 г.—Министръ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій.—Докладъ его государю и коренное измѣненіе системы желѣзнодорожнаго строительства.—Новыя правила о порядкѣ выдачи концессій.—Противодѣйствіе министра финансовъ.—Упраздненіе комитета желѣзныхъ дорогъ и передача дѣла его Комитету министровъ.—Адмиралъ Послетъ—министръ путей сообщенія.—Правила о порядкѣ выдачи концессій 1875 г.—Прекращеніе желѣзнодорожнаго строительства во время второй Восточвой войны.—Комиссія для изслѣдованія общаго положенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.—Новыя желѣзныя дороги послѣ войны.—Измѣненіе во взглядѣ правительства на желѣзнодорожное хозяйство.—Мѣніе о немъ министра финансовъ Абазы.—Возвращеніе къ порядку казенной постройки.—Первый опытъ выкупа частной желѣзной дороги въ казну.—Итоги желѣзнодорожнаго строительства въ царствованіе Александра II.—Развитіе пароходства.—Водныя пути и шоссевыя дороги.—Почтовое дѣло.—Телеграфъ.

Преобразовательное движеніе, обнявшее, по волѣ императора Александра II, всѣ стороны государственной и общественной жизни Россіи, нигдѣ не проявилось столь рѣшительно и наглядно, какъ въ переустройствѣ финансоваго управленія и въ находящейся въ прямой зависимости отъ него области народнаго хозяйства. Разумѣется, и здѣсь не обошлось безъ неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ увлеченій, колебаній, не всегда удачныхъ опытовъ и вообще промаховъ, ошибокъ и недочетовъ. Но, не смотря на это,

во все продолженіе царствованія императора Александра II, государство быстро и неуклонно шло впередъ по пути экономическаго развитія. Коренныя преобразованія, видопзмѣнившія его внутренній строй, пробудили русское общество, вызвали въ немъ самостоятельность и, при сильной правительственной поддержкѣ, промышленность и торговля страны въ короткое время сдѣлали замѣчательные успѣхи. Покрытая густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Россія 1881 года въ экономическомъ отношеніи явилась по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ она была въ 1855 году, совершенно неузнаваемою.

Между тѣмъ, на первыхъ порахъ, въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ государственныхъ финансовъ, императору Александру пришлось бороться съ трудностями, долго казавшимися неодолимыми. Продолжавшаяся безъ малаго три года война съ четырьмя европейскими державами, къ тому же война неудачная, опустошила казну, истощила производительныя силы Россіи. Финансы Имперіи находились въ состояніи полнаго разстройства. Чрезвычайные военные расходы, выразившіеся въ громадной цифрѣ дефицита за 1853, 1854, 1855 и 1856 годы, простировавшагося, въ общей сложности, до 800.000,000 рублей, за отсутствіемъ кредита на иностранныхъ рынкахъ, пришлось покрывать исключительно изъ внутреннихъ источниковъ, какими служили заемствованія изъ вкладовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и усиленный выпускъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ выпущено съ 1854 по 1857 годъ на сумму 560.000,000 рублей, и къ 1-му января 1857 года находилось въ обращеніи—689.279,000 рублей. Фонды колебались; падалъ вексельный курсъ. Но съ заключеніемъ мира не прекратились издержки, вызванныя войной. Безвыходное, повидимому, положеніе государственной казны обличалъ бюджетъ на 1857 годъ. Доходы были исчислены въ немъ въ 258.000,000 рублей, изъ которыхъ, за вычетомъ 100.000,000 рублей на уплату процентовъ по займамъ, военное и морское вѣдомство требовали 117.000,000 рублей, такъ что на покрытіе потребностей государства по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ оставалось всего 41.000,000 рублей. Дефицитъ по сѣмъ исчисленъ былъ въ 30.000,000 рублей; на дѣлѣ онъ оказался гораздо значительнѣе и, вслѣдствіе недобора въ доходахъ и сверхсѣмъныхъ расходовъ, достигъ 74.000,000 рублей.

Такое плачевное состояніе казны, естественно, озабочивало государя. Ознакомясь съ росписью 1857 года, представленною министромъ финансовъ Брокомъ, онъ повелѣлъ членамъ засѣдавшаго подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича высшаго Комитета о финансахъ изложить мнѣніе свое о томъ, «какія мѣры могли бы поставить государственные доходы и рас-

ходы въ надлежащую соразмѣрность и вообще вывести Россію изъ нынѣшняго затруднительнаго финансоваго положенія». Отвѣтъ Комитета былъ, что устраненіе дефицита составляетъ неотлагательный жизненный вопросъ для государства, но что оно невозможно безъ значительнаго уменьшенія издержекъ, а потому, довольствуясь распоряженіемъ генераль-адмирала о сокращеніи смѣты морского вѣдомства на 5.000,000 рублей, Комитетъ полагалъ поручить особой комиссіи рассмотреть совокупно съ военнымъ министромъ смѣту военного вѣдомства съ тѣмъ, чтобы опредѣлить положительно, въ какой мѣрѣ и какими способами можно ввести расходы онаго въ норму 1847 года?

Такая комиссія изъ трехъ членовъ: генераль-адъютантовъ князя Меншикова, князя М. Д. Горчакова и государственнаго контролера Анненкова, была высочайше учреждена 9-го апрѣля 1857 года. Ей не удалось убѣдить военнаго министра сократить расходы своего вѣдомства до суммы, опредѣленной смѣтою 1847 года, и пришлось удовольствоваться предложенными имъ сокращеніями, не превышавшими 10.000,000 рублей, но въ дѣйствительности оказавшимся призрачными. Зато для другихъ вѣдомствъ она предположила опредѣлить, какъ высшій предѣлъ расходовъ, нормальныя смѣты, на основаніи десятилѣтней сложности или послѣдней смѣты, но съ убавленіемъ отъ 2 до 3%. Такая нормальная вѣдомость для всѣхъ министерствъ и управленій была составлена и поднесена на высочайшее утвержденіе 31-го мая. Прочія предложенія комиссіи государь также одобрилъ и указомъ отъ 1-го іюня вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями: не вводить въ свои смѣты никакихъ издержекъ, не указываемыхъ совершенною необходимостью, и вообще ограничиваться расходами лишь необходимыми и неотложными: рѣшительно не допускать расходовъ сверхсмѣтныхъ и вообще превышенія противъ высочайше утвержденныхъ смѣтъ, подъ какимъ бы предлогомъ ни было; рѣшительно отмѣнить разрѣшеніе расходовъ отдѣльно отъ смѣтъ, займами изъ кредитныхъ установленій, и затѣмъ всѣ вообще расходы каждаго вѣдомства вносить на будущее время въ смѣты по принадлежности. Указъ ставилъ, сверхъ того, на видъ министрамъ и главноуправляющимъ, что сокращенія расходовъ должно стараться достигнуть и посредствомъ отмѣны многихъ формъ, а въ особенности упрощеніемъ порядка дѣйствій разныхъ управленій, что дало бы возможность уменьшить ихъ штаты.

Комитетъ финансовъ занялся также изысканіемъ способовъ къ уменьшенію расходовъ самого финансоваго вѣдомства, и въ этихъ видахъ предложилъ министру финансовъ понизить проценты по

долгамъ казначейства кредитнымъ установленіямъ. Мѣра эта была приведена въ исполненіе. Означенные займы переложены на 56 лѣтъ съ пониженіемъ платежа процентовъ до 4⁰/₁₀₀ и погашенія до 1¹/₂⁰/₁₀₀. Такой же размѣръ процентовъ и погашенія опредѣленъ и для будущихъ заимствованій. Но одновременно понижены были съ 4⁰/₁₀₀ на 3⁰/₁₀₀—проценты, платимые кредитными установленіями по частнымъ вкладамъ, копѣкъ къ 1-му іюля 1857 года состояло въ нихъ на 140.000.000 рублей; на вклады же казенныхъ учрежденій проценты понижены даже на половину частныхъ вкладовъ, а именно съ 4⁰/₁₀₀ на 1¹/₂⁰/₁₀₀. Послѣдствіемъ этого распоряженія было быстрое уменьшеніе частныхъ вкладовъ. Уже къ 1-му января 1858 года наличность ихъ въ Сохранныхъ казнахъ и банкахъ уменьшилась до 95.000.000 рублей. Въ теченіе же слѣдующихъ мѣсяцевъ обратное востребованіе вкладовъ приняло такіе размѣры, что грозило государственному кредиту серьезною опасностью. Для предупрежденія ея выпущены были 4⁰/₁₀₀ непрерывно-доходные билеты, въ которые обязательно переведены сословные и общественные вклады, и 5⁰/₁₀₀ банковые билеты для обмѣна на нихъ билетовъ вкладныхъ. Тогда же приостановлена выдача ссудъ изъ Заснаго банка, Сохранныхъ казенъ и Приказовъ общественнаго призрѣнія подъ залогъ и перезалогъ недвижимостей, но пониженіе процентовъ по оставшимся частнымъ вкладамъ до востребованія продолжалось. Они понижены съ 3⁰/₁₀₀ на 2¹/₂⁰/₁₀₀ въ годъ и объявлено, что съ 1860 года платежи будутъ производиться только въ размѣрѣ 2⁰/₁₀₀ и то безъ начисленія сложныхъ процентовъ, а въ 1860 году вовсе прекращенъ приемъ вкладовъ во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ.

Всѣ эти распоряженія не поправили нашихъ финансовъ, но еще ухудшили ихъ положеніе, вызвавъ усиленный отливъ звонкой монеты за границу. Роспись 1858 года заключилась дефицитомъ въ 14 милліоновъ. Сокращенія смѣтъ по разнымъ вѣдомствамъ оказались самыми незначительными. За сбереженіе ресурсовъ министръ финансовъ, въ отчетахъ своихъ, выдавалъ расходы, оставшіяся неисполненными. 23-го апрѣля 1858 года, государь принялъ отставку Брока и министромъ финансовъ назначилъ А. М. Княжевича. Ясно было, что корень зла заключается въ несовершенствѣ нашей финансовой системы, а исправленіе ея возможно лишь подъ условіемъ органическихъ измѣненій какъ въ управленіи финансами, такъ и въ отчетности ихъ и въ контролѣ.

Сознавая эту истину, государственный контролёръ еще въ 1856 году командировалъ за границу трудолюбиваго и даровитаго

чиновника своего вѣдомства, В. А. Татарнинова, поручивъ ему изучить положеніе финансовой и отчетной части въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы. По возвращеніи въ Россію Татарниновъ представилъ обширный докладъ, въ которомъ, обозрѣвъ дѣйствующія въ иностранныхъ государствахъ постановленія, изложилъ и соображенія свои о примѣненіи въ Россіи основныхъ началъ, на которыхъ покоятся въ нихъ государственная отчетность. Начала эти были слѣдующія: 1) для всѣхъ управленій однообразное и рациональное составленіе, исполненіе и заключеніе смѣтъ; 2) единство кассы; 3) контроль предварительный: 4) ревизія государственныхъ оборотовъ въ учрежденіи независимомъ, по подлиннымъ документамъ, и соединеніе въ этомъ учрежденіи повѣрки исполнителей и распорядителей.

Ознакомясь съ запискою Татарнинова, представленной его величеству при докладѣ государственнаго контролера, государь написалъ на ней: «По важности сего дѣла, желаю, чтобы оно было прочитано въ Совѣтъ министровъ. Я, со своей стороны, совершенно раздѣляю ваши взгляды и желаю бы, чтобы и прочіе министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей». Совѣтъ министровъ собрался подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора 5-го ноября 1858 года и результатомъ этого совѣщанія было высочайшее повелѣніе объ образованіи для разсмотрѣнія и обсужденія пользы и необходимости коренныхъ началъ, кои должны служить основаніемъ для установленія правильнаго движенія капиталовъ и рациональной отчетности и ревизіи,—особой высшей комиссіи изъ предсѣдателей департаментовъ экономіи и законовъ Государственнаго Совѣта, члена Государственнаго Совѣта князя Гагарина, государственнаго контролера и министра финансовъ, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ нихъ, графа Гурьева, и съ назначеніемъ производителемъ дѣлъ комиссіи Татарнинова. По обсужденіи коренныхъ началъ и соображеніи ихъ съ отзывами и мнѣніями министровъ, а также съ опредѣленіемъ порядка разработки ихъ въ имѣющей учредиться комиссіи для примѣненія ихъ къ дѣлу, высшая комиссія должна была представить окончательное свое заключеніе на высочайшее утвержденіе.

Въ заключительномъ своемъ докладѣ отъ 13-го февраля 1859 года, предсѣдательствуемая графомъ Гурьевымъ комиссія единогласно признала выработанныя Татарниновымъ коренныя начала преобразования государственной отчетности не только полезными, но и необходимыми и формулировала ихъ въ слѣдующихъ одиннадцати

пунктахъ: 1) составленіе смѣтъ по системѣ однообразной для всѣхъ управленій; 2) тщательное отдѣленіе въ смѣтѣ расходовъ по взиманію доходовъ отъ общихъ расходовъ государства; 3) классификація расходовъ временныхъ; 4) одновременность разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ съ разсмотрѣніемъ послѣдняго отчета по государству; 5) обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣтъ, съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормы всѣхъ главныхъ подраздѣленій; 6) заключеніе смѣтъ въ опредѣленный срокъ, послѣ котораго всѣ кредиты должны быть уничтожены; 7) установленіе единства кассы, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ государства въ рукахъ одного лишь министра финансовъ; 8) установленіе для производства ревизіи одной ревизіонной инстанціи — Государственнаго контроля, который бы повѣрялъ по подлиннымъ актамъ и документамъ какъ дѣйствія исполнителей, такъ и дѣйствія распорядителей; 9) введеніе въ ревизію Государственнаго контроля потребностей государственныхъ и частью установленіе ревизіи предварительной; 10) по ревизіи послѣдующей, установленіе періодической присылки Государственному контролю документовъ и счетовъ съ предоставленіемъ ему права производства мѣстной ревизіи, и 11) составленіе общаго, по государственнымъ оборотамъ, отчета самымъ Государственнымъ контролемъ, съ установленіемъ движенія счетовъ и ревизіи такимъ образомъ, чтобы отчетъ сей былъ представленъ на высочайшее разсмотрѣніе не позже конца года, слѣдующаго за отчетнымъ и, такимъ образомъ, могъ быть принимаемъ въ соображеніе при разсмотрѣніи смѣтъ на слѣдующій годъ. Комиссія обсуждала также вопросъ объ изыятіи изъ ревизіи Государственнаго контроля нѣкоторыхъ статей, а именно: смѣты министерства императорскаго двора, суммъ, назначаемыхъ по другимъ вѣдомствамъ на извѣстное его величеству употребленіе, капиталовъ, принадлежащихъ дворянскимъ, городскимъ и мірскимъ обществамъ, а также благотворительнымъ учрежденіямъ. Она установила, наконецъ, программу занятій специальной комиссіи, долженствовавшей развить и выработать окончательно приложеніе къ дѣлу и порядокъ введенія коренныхъ началъ въ подробностяхъ.

По утвержденіи государемъ заключеній высшей комиссіи, учреждена была, при Государственномъ контролѣ, специальная комиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ возведеннаго въ званіе статсъ-секретаря Татаринова. Первымъ трудомъ ея были: правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій.

Главная цѣль преобразованія—ограничить произвольность отдѣльных управленій вѣдомствъ, подчинить хозяйственные ихъ расчеты общимъ финансовымъ соображеніямъ государства и послѣднія сосредоточить въ рукахъ министра финансовъ. Новыя правила устанавливали: сумма, ассигнуемая на извѣстный предметъ, не можетъ быть переносима на другіе предметы, хотя бы въ ней оказался остатокъ; замѣна недостатковъ сбереженіями допускается только по второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣты, а главныя статьи въ теченіе всего смѣтнаго періода остаются неизмѣняемыми нормами государственнаго кредита для каждаго вѣдомства; кредитъ уничтожается немедленно по окончаніи смѣтнаго срока и требуетъ ежегоднаго возобновленія; министры и главныя управленія лишены неограниченнаго права на испрошеніе у верховной власти суммъ помимо министерства финансовъ и ограничены въ своихъ расходахъ опредѣленнымъ разъ въ годъ кредитомъ; дополнительные кредиты разрѣшаются только въ экстренныхъ случаяхъ, но испрашиваются тѣмъ же порядкомъ, какъ назначенія смѣтныя, то есть не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министерствомъ финансовъ, которое провѣривъ приведенныя въ подкрѣпленіе требованія законоположенія и данныя, увѣдомляетъ подлежащаго министра или главноуправляющаго, можетъ ли Государственное Казначейство принять на себя вновь испрашиваемый расходъ и изъ какихъ именно суммъ его предполагается покрыть; частныя смѣты министерствъ и главныхъ управленій стекаются сперва къ министру финансовъ, который повѣряетъ ихъ, составляетъ изъ нихъ общую государственную роспись и представляетъ ее въ Государственный Совѣтъ со своими замѣчаніями и заключеніями; одновременно съ нимъ и государственный контролѣрь тоже разсматриваетъ всѣ смѣты, тоже повѣряетъ ихъ противъ существующихъ законоположеній и тоже представляетъ въ Государственный Совѣтъ со своими замѣчаніями и заключеніями. Но прежде разсмотрѣнія всѣхъ этихъ замѣчаній и самыхъ смѣтъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, они поступаютъ предварительно въ департаментъ государственной экономіи, который разсматриваетъ ихъ при содѣйствіи тѣхъ министровъ, по смѣтамъ коихъ послѣдовали замѣчанія, или при содѣйствіи Комитета финансовъ, если возникнутъ вопросы, до государственнаго кредита относящіяся, и притомъ разсматривается роспись въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства и обсуждается степень пользы и своевременности предполагаемыхъ расходовъ въ связи съ имѣющимися для ихъ удовлетворенія средствами. Только по исполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ государственная роспись поступаетъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ представляется на высочайшее утвержденіе.

Правила эти, по рассмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, утверждены государемъ 22-го мая 1862 года.

Годъ спустя, та же комиссія составила въ главныхъ чертахъ правила о порядкѣ поступления государственныхъ доходовъ и производства государственныхъ расходовъ, введившія такъ называемое единство кассы. Въ силу этого узаконенія, кассы министерства финансовъ, т. е. казначейства главное, губерскія и уѣздныя стали общими приходо-расходчиками всѣхъ казенныхъ управленій данной мѣстности и удовлетворяли всѣ потребности разныхъ вѣдомствъ по ихъ требованіемъ изъ кредитовъ, предварительно открытыхъ на эти кассы. Кассовыя правила и правила счетоводства для распорядительныхъ управленій, высочайше утвержденныя въ іюнѣ 1863 года, введены въ дѣйствіе повсемѣстно съ 1-го января 1866 года.

Наконецъ, комиссіею при Государственномъ контролѣ преобразовано и самое это учрежденіе на слѣдующихъ основаніяхъ. Отчетность всѣхъ кассъ вмѣстѣ съ ассигновками распорядителей и оправдывающими ихъ документами поступаетъ ежемѣсячно на ревизію въ учрежденія Государственного контроля, образованныя временно по указу 21-го декабря 1864 года и открытыя съ 1865 года въ 12-ти губерніяхъ, а съ 1866 года—во всей Имперіи. Учрежденія эти, названныя Контрольными палатами, по составу своему, не причислены къ общимъ губерскимъ учрежденіямъ и состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи государственнаго контролера. Они производятъ самостоятельную ревизію мѣстныхъ по губерніи оборотовъ капиталовъ и обязаны наблюдать за правильностью движенія и сохранностью денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ и составлять особыя соображенія о выгодности хозяйственныхъ операцій, независимо отъ законности ихъ производства. Кромѣ того, контрольныя палаты обязаны производить внезапныя освидѣтельствованія мѣстныхъ кассъ при депутатѣ отъ подлежащаго вѣдомства. Всѣ учрежденія Государственного контроля по дѣламъ ревизіи имѣютъ характеръ коллегіальный.

Вскорѣ, во главѣ преобразованнаго такимъ образомъ контрольнаго вѣдомства былъ поставленъ статсъ-секретарь Татариповъ, сохранившій званіе государственнаго контролера до самой смерти, послѣдовавшей въ 1871 году. Преемниками его въ этой должности были послѣдовательно, до конца царствованія: А. А. Абаза, С. А. Грейгъ и Д. М. Сольскій.

Три съ половиною года, проведенныя Княжевичемъ во главѣ министерства финансовъ, съ апрѣля 1858 по декабрь 1861 года, были переходнымъ временемъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Первою заботою новаго министра было сколько возможно уравно-

вѣсить доходы государства съ расходами и роспись 1859 года заключена съ дефицитомъ только въ пять милліоновъ рублей. Но въ слѣдующемъ году онъ снова возросъ до 24 милліоновъ рублей. Въ виду этого Комитетъ финансовъ счелъ своею «священною обязанностью» повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе и подкрѣпить своимъ вѣрноподданническимъ ходатайствомъ представленіе министра финансовъ объ ограниченіи расходовъ 1860 года суммою исчисленныхъ на этотъ годъ доходовъ и о принятіи тѣхъ мѣръ сокращенія расходовъ, которыя окажутся необходимыми для введенія цифры расходовъ въ предѣлы доходовъ». Комитетъ имѣлъ при этомъ въ виду преимущественно военное министерство, не только не сократившее своихъ расходовъ, но потребовавшее прибавку въ 16 милліоновъ рублей. Государь на докладѣ комитета положилъ такую резолюцію: «На счетъ сокращенія смѣты военного министерства будетъ сдѣлано все, что возможно безъ совершеннаго разстройства всего нашего военного устройства». Но возможнымъ оказалось весьма немного. Военный министръ согласился на уменьшеніе своей смѣты въ размѣрѣ лишь 1.879,000 рублей.

Тогда Комитетъ финансовъ повергнулъ на высочайшее воззрѣніе слѣдующія мѣры: 1) Разрѣшить, не стѣняясь дѣйствующими положеніями, представить неотлагательно государю императору соображенія относительно коренныхъ измѣненій, могущихъ привести расходы военного министерства въ мѣру, соответствующую текущимъ финансовымъ силамъ Государственнаго Казначейства. 2) Предоставить министру финансовъ войти въ сношеніе съ военнымъ и морскимъ министерствами объ опредѣлительномъ назначеніи на будущее время суммъ авансовъ и срока для отпуска таковыхъ. 3) Вънѣсти въ обязанность министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями: а) соображенія ихъ о назначеніи новой для каждаго вѣдомства нормальной цифры, съ возможнымъ уменьшеніемъ таковой, сообщить министерству финансовъ къ 1-му іюля 1860 года для представленія о томъ, съ его заключеніемъ, Комитету финансовъ; б) могущіе быть по министерствамъ и отдѣльнымъ управленіямъ остатки отъ суммъ, назначенныхъ по смѣтамъ, представлять обратно въ Государственное Казначейство; в) заказы и покупки за границу машинъ, пароходовъ и проч., для уменьшенія усилившихся отпусковъ изъ Имперіи звонкой монеты, прекратить, ограничиваясь преимущественно тѣми лишь предметами, которыхъ безъ того нельзя получить у насъ въ требуемомъ количествѣ, не увлекаясь одною только дешевизною приобрѣтенія противъ цѣны, существующихъ въ Россіи; г) рѣшительно не допускать сверхсмѣтныхъ расходовъ; въ случаѣ же крайней и безотложной

надобности въ какихъ либо новыхъ расходахъ. на отпускъ ихъ испрашивать высочайшее разрѣшеніе, по предварительномъ сношеніи и соглашеніи съ министромъ финансовъ, и д) на мѣры, влекущія за собою увеличеніе расходовъ, испрашивать также высочайшее разрѣшеніе не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ финансовъ. Государь согласился съ предположеніями Комитета, и въ этомъ смыслѣ составленъ былъ высочайшій указъ, объявляемый всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями.

Независимо отъ сего, по высочайшему повелѣнію, въ 1860 году изъ разныхъ вѣдомствъ передано въ безусловное распоряженіе Государственнаго Казначейства, на погашеніе внутреннихъ нашихъ займовъ, принадлежавшихъ этимъ вѣдомствамъ различныхъ капиталовъ на сумму 29.642,000 рублей. Но и этихъ средствъ не хватило на покрытіе текущихъ расходовъ. Пришлось снова прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ, прекращенному высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся въ 1856 году. Къ 1-му января 1859 года ихъ находилось въ обращеніи на 644.600,000 рублей; съ этого дня и по 1-е января 1862 года количество ихъ возросло снова до 713½ милліоновъ.

Посреди всѣхъ этихъ затрудненій, министерство финансовъ приступило къ органическимъ преобразованіямъ отдѣльныхъ отраслей финансоваго управленія.

Предположенъ былъ пересмотръ всей существовавшей системы податей и налоговъ, и съ этою цѣлью 10-го іюля 1859 года образована особая коммиссія со слѣдующею широкою программой: 1) облегчить податныя сословія посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ и устранить всѣ стѣсненія, коими по необходимости сопровождалось взиманіе окладовъ при подушной системѣ; 2) устранить представляемыя подушною системою препятствія къ преобразованіямъ, согласно видамъ правительства, народныхъ переписей и паспортной системы; 3) положить твердое начало къ переходу отъ круговаго ручательства за исправное поступленіе налоговъ къ личной отвѣтственности; 4) предупредить уменьшеніе въ государственныхъ доходахъ отъ перехода крестьянъ собственниковъ въ сословія не платящія податей, и 5) противодѣйствовать безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ излишнему дробленію крестьянскихъ дворовъ.

Общая коммиссія по пересмотру системы податей и налоговъ хотя и существовала до конца царствованія, но не разрѣшила во всей совокупности возложенной на нее задачи. Плодомъ ея занятій было въ 1863 году положеніе о замѣнѣ подушной подати съ мѣ-

щанъ налогомъ на недвижныя въ городахъ имущества и новый уставъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ; въ 1868 году—уставъ о гербовомъ сборѣ, а въ 1870 году—проектъ закона о переложеніи подушной подати на дворы и землю, находящуюся во владѣніи податныхъ сословій. Какъ этотъ проектъ, такъ и многія другія предположенія комиссіи, наполняющія сорокъ объемистыхъ томовъ трудовъ ея, остались безъ осуществленія.

Плодотворнѣе были занятія частныхъ комиссій по преобразованію двухъ отраслей финансоваго управленія первостепенной государственной важности. Первая работала надъ переустройствомъ системы государственныхъ кредитныхъ установленій, вторая—надъ замѣною акцизомъ питейнаго откупа.

Указомъ 31-го мая 1860 года учрежденъ Государственный банкъ, въ составъ котораго включена и Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Назначеніе его—оживленіе торговыхъ оборотовъ и упроченіе денежной кредитной системы. Основной капиталъ былъ опредѣленъ въ 15.000,000 рублей, а резервный—въ 1.000,000 рублей. Въ Государственный банкъ переданы всѣ вклады изъ упраздненныхъ прежнихъ кредитныхъ установленій, какъ-то банковъ Заемнаго и Коммерческаго, Сохранныхъ казенъ и Приказовъ общественнаго призрѣнія. Вклады, ввѣряемые Государственному банку, не подлежали ни опишу, ни отчужденію, по какимъ бы то ни было взысканіямъ. Государственное Казначейство обезпечивало банку всѣми средствами, въ распоряженіи правительства находящимися, выполнение платежей по билетамъ на вклады, внесенные въ бывшія кредитныя установленія, по государственнымъ 5^о банковымъ билетамъ, такъ, чтобы платежи эти ни въ какомъ случаѣ не обращались ни на капиталы, довѣренныя банку частными лицами, ни на собственные его капиталы. Крайній срокъ выдаваемыхъ банкомъ коммерческихъ ссудъ ограниченъ девятью мѣсяцами.

26-го октября 1860 года высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о прекращеніи отдачи на откупъ питейнаго сбора и объ объявленіи оптовой и розничной продажъ вина вольнымъ промысломъ. Со спирта, вина и другихъ крепкихъ напитковъ устанавливался акцизъ, для сбора котораго учреждалось особое акцизное управленіе, независимо отъ казенныхъ палатъ, обязанныхъ только контролировать его денежную отчетность. Положенія о питейномъ сборѣ и о новомъ акцизномъ управленіи изданы въ слѣдующемъ 1861 году, а введены въ дѣйствіе во всей Имперіи съ 1-го января 1863 года.

Акцизный сборъ, давно уже производившійся съ сахара, распространенъ на соль, послѣ состоявшейся въ 1863 году отмѣны казенной соляной монополіи, а также на табачное производство.

Въ самомъ началѣ 1862 года министромъ финансовъ назначенъ статсъ-секретарь М. X. Рейтернъ, занимавшій эту должность цѣлые пятнадцать лѣтъ.

Положеніе новаго министра было нелегкое. Состояніе финансовъ все еще представлялось крайне плачевнымъ. Старыя учрежденія были упразднены, новыя не вошли еще въ жизнь и не могли дать ожидаемыхъ результатовъ. Внутреннія производительныя силы государства, истощенныя войною, не успѣли оправиться, окрѣпнуть, когда наступилъ кризисъ, вызванный измѣненіемъ земельныхъ отношеній освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Внѣшній кредитъ былъ поколебленъ. Роспись 1862 года заключалась дефицитомъ почти въ 10 милліоновъ, но въ близкомъ будущемъ нельзя было не предвидѣть неизбежнаго усиленія расходовъ. Потребности государства росли. Каждая изъ новыхъ реформъ сопряжена была съ значительными затратами. Нарождавшійся польскій мятежъ и внѣшнія политическія усложненія вызывали сверхъ того усиленія вооруженія, также требовавшія большихъ издержекъ.

Рейтернъ началъ съ мѣры, произведшей крутой переворотъ въ нашихъ финансахъ. Онъ сорвалъ съ нихъ покровъ тайны, прикрывавшій ихъ испоконъ вѣка отъ глазъ непосвященныхъ, и по его представленію состоялось высочайшее повелѣніе объ обнародованіи во всеобщее свѣдѣніе государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1862 годъ. Съ тѣхъ поръ нашъ бюджетъ обнародывается ежегодно, а съ 1866 года появляются въ печати и отчеты государственнаго контролера объ исполненіи росписи.

Другая мѣра, принятая вскорѣ по вступленіи Рейтерна въ управленіе финансовымъ вѣдомствомъ, оказалась менѣе цѣлесообразною. То была предпринятая 1-го мая 1862 года, для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, операція размѣна кредитныхъ билетовъ на золотую монету Государственнымъ банкомъ по заранѣе опредѣленнымъ цѣнамъ. Она завершилась полнымъ неуспѣхомъ и должна была быть прекращена въ августѣ 1863 года, вслѣдствіе усиленнаго отлива золота, поглотивъ значительную часть внѣшняго металлическаго займа въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, заключеннаго въ 1862 году въ Лондонѣ, остатки коего пошли на покрытіе вооруженій.

Печальный исходъ размѣнной операціи и усиленіе расходовъ по военно-сухопутному и морскому вѣдомствамъ ухудшили положеніе Государственнаго Казначейства. Не смотря на введеніе новыхъ налоговъ, на увеличеніе гербоваго сбора и поземельной подати, не смотря на рядъ займовъ, заключенныхъ внутри и внѣ Россіи на самыхъ

тяжких условіяхъ, — въ особенности два внутренне съ выигрышами займа 1864 и 1866 годовъ—въ 100 милліоновъ рублей кредитныхъ каждый—крупный дефицитъ сталъ постояннымъ явленіемъ, повторявшимся изъ года въ годъ. Онъ составлялъ: 15.700,000 рублей въ 1863 году, 47.605,000—въ 1864, 22.398,000—въ 1865 и 21.500,000—въ 1866. Но цифры эти были только номинальными, въ дѣйствительности они были гораздо выше. Такъ, на примѣръ, въ 1866 году расходъ превышалъ доходъ на цѣлые 60 милліоновъ.

Наступившій осенью этого года финансовый кризисъ, выразившійся въ общемъ упадкѣ фондовъ и низведеніи стоимости кредитнаго рубля до 68 металлическихъ копѣекъ, требовалъ принятія спѣшныхъ и энергичныхъ, чрезвычайныхъ мѣръ.

Въ довѣрительномъ докладѣ министръ финансовъ откровенно изложилъ государю печальное состояніе финансовъ Имперіи и тѣ бѣдственныя послѣдствія, къ которымъ оно неизбежно приведетъ, если зло не будетъ излѣчено въ самомъ корнѣ. 6-го октября 1866 года состоялось, въ предсѣдательствѣ самого императора, засѣданіе Совѣта министровъ, которые всѣ были приглашены во что бы ни стало сократить елико возможно расходы по своимъ вѣдомствамъ. Въ засѣданіи этомъ выработаны были и главнѣйшія основанія финансовой политики послѣдующихъ лѣтъ, а именно рѣшено: приостановить дальнѣйшіе расходы на вооруженія и вообще на непроезводительныя издержки, сократить до послѣдней возможности сверхсметныя ассигнованія и принять рѣшительныя мѣры къ увеличенію сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Послѣднее рѣшеніе знаменовало рѣшимость правительства искать средствъ для улучшенія финансоваго положенія въ развитіи производительныхъ силъ страны. Результаты его оказались самыми благотворными.

Для удовлетворенія текущихъ потребностей Государственнаго банка, ему снова разрѣшенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено и право покупать золото по вольной цѣнѣ, что вскорѣ привело къ увеличенію разнѣннаго металлическаго фонда до 231.000,000 рублей. Умножено число отдѣленій и конторъ Государственнаго банка въ провинціи и на основаніи положеній, изданныхъ въ 1862 году, разрѣшено учрежденіе многочисленныхъ городскихъ и общественныхъ, а также и частныхъ коммерческихъ и земельныхъ банковъ. Мѣры эти повели къ оживленію торговли, но главною причиною поворота къ лучшему было дѣятельное содѣйствіе правительства постройкѣ многочисленныхъ линій желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ, при поддержкѣ министерства финансовъ, независимо правительственной гарантіи, взявшаго на себя посредничество между

этими обществами и капиталами на иностранных рынкахъ. Дороги строились на облигаціонный капиталъ, доставляемый особымъ желѣзнодорожнымъ фондомъ и покрываемый специальными желѣзнодорожными займами, производимыми за границей за счетъ министерства финансовъ. Займы эти снова подняли нашъ государственный кредитъ, ибо заключались на весьма выгодныхъ условіяхъ и постоянно пользовались выгоднымъ курсомъ на иностранныхъ биржахъ. Въ періодъ времени съ 1866 по 1876 годъ на постройку желѣзныхъ дорогъ затрачено полтора миллиарда рублей. Конечно, выборъ намѣченныхъ линій представлялся въ извѣстной степени спорнымъ; конечно, часть постройки обошлась дорого, но въ концѣ концовъ положено начало желѣзной сѣти. Черное море и Волга связаны стальными путями съ Балтійскимъ моремъ. Не будучи сторонникомъ казеннаго хозяйства, министръ финансовъ не только поощрялъ постройку желѣзныхъ дорогъ частными обществами, но передалъ имъ, на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ, и главныя линіи казенныхъ дорогъ, въ томъ числѣ Одесскую, Кіево-Брестскую, Московско-Курскую и даже Николаевскую дорогу.

Въ упомянутое десятилѣтіе министръ финансовъ уже не прибѣгалъ къ займамъ для покрытія дефицита, который, постепенно уменьшаясь, совершенно исчезъ изъ бюджета въ 1871 году, когда исполненіе государственной росписи впервые, съ начала царствования, представило избытокъ доходовъ надъ расходами почти въ 8¹/₂ милліоновъ рублей. Въ послѣдующіе два года, влѣдствіе неурожая и усиленныхъ военныхъ расходовъ, вызванныхъ снаряженіемъ экспедиціи въ Хиву и введеніемъ всесословной воинской повинности, дефицитъ хотя снова и возвращается, но уже выражается незначительными цифрами: въ 1872 году — 200,000 рублей, въ 1873 — 1.198,000 рублей. Зато въ 1874 году избытокъ доходовъ надъ расходами достигъ 14.416,000 рублей, а въ 1875—33.271,631 рублей. Къ 1-му января 1876 года Государственное Казначейство имѣло, по словамъ отчета контроля, совершенно свободныхъ остатковъ, образовавшихся отъ избытка доходовъ, слѣшкомъ 40.000,000 рублей.

Экономическій кризисъ, проявившійся по всей Европѣ въ теченіе 1876 года и не замедлившій отразиться и на Россіи, колебалъ равновѣсіе, съ такимъ трудомъ восстановленное въ нашемъ бюджетѣ. Окончательный ударъ нанесли ему вооруженія, вызванныя рѣшимостью русскаго правительства вести войну съ Турціею. Роспись 1876 года была еще исчислена съ излишкомъ доходовъ надъ расходами—въ 86,000 рублей. Исполненіе ея заключилось огромнымъ дефицитомъ въ 86 милліоновъ.

Вопросъ о томъ, быть ли войнѣ, рѣшался въ Ливадіи, гдѣ осенью 1876 года имѣлъ пребываніе императоръ Александръ, вызвавшій туда на совѣщаніе, въ числѣ прочихъ министровъ, и министра финансовъ. Статсъ-секретарь Рейтернъ безъ обиняковъ объявилъ государю, что для веденія войны Россія не имѣетъ средствъ. Онъ отрицалъ возможность заключенія вѣшняго займа, въ виду опасливаго настроенія европейскихъ денежныхъ рынковъ, испуганныхъ нашими вооруженіями, присовокупивъ, что одни слухи о войнѣ причинили уже русской казнѣ значительныя потери влѣдствіе паденія фондовъ и пониженія вексельнаго курса, съ трудомъ поддерживаемаго министерствомъ финансовъ цѣною большихъ жертвъ. Въ запискѣ, представленной государю, министръ съ благородною откровенностью изложилъ взглядъ свой на экономическое состояніе Имперіи. Благодаря новымъ кредитнымъ установленіямъ—разсуждалъ онъ—и общедоступности кредита, вся поземельная собственность въ Россіи преобразовалась въ подвижныя цѣнности, не успѣвшія еще приобрести той упругости и обезпеченности, которою подобныя бумаги пользуются въ Западной Европѣ. Какое бы ни былъ исходъ войны, она несомнѣнно понизитъ ихъ стоимость и разоритъ не только ихъ владѣльцевъ, но и банки, и такимъ образомъ подточитъ въ корнѣ источники, необходимыя для оживленія сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Громадныя капиталы, занятыя Россіею за границей въ металлической валютѣ, употреблены для постройки обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и возмѣщеніе занятыхъ капиталовъ, а также исправная уплата по нимъ процентовъ можетъ производиться лишь подъ условіемъ продолжительнаго мира. Объявляя же войну, Россія тѣмъ самымъ поставитъ себя въ необходимость заключать вѣшніе займы на условіяхъ крайне тяжелыхъ не только для покрытія военныхъ расходовъ, но и для уплаты процентовъ и погашенія по своимъ долгамъ, то есть, на долгіе годы удручить свои финансы тяжкимъ и совершенно непроизводительнымъ бременемъ. Вслѣдствіе войны Россія сразу потеряетъ всѣ результаты, достигнутыя ею, благодаря благотѣльнымъ реформамъ, введеннымъ въ послѣднія 20 лѣтъ, и ей потребуется еще 20 лѣтъ, чтобы вернуться только къ экономическому положенію 1876 года, тѣмъ болѣе, что успешное окончаніе войны съ Турціей еще не обезпечитъ заключенія мира и можетъ вызвать новую общеевропейскую войну. Министръ финансовъ заключилъ свой докладъ выраженіемъ убѣжденія, что обычныя послѣдствія войны—всеобщее обѣднѣніе, застой въ промышленности и въ торговлѣ, послужатъ лишь удобной почвой для соціально-революціонной пропаганды, и безъ того получившей у насъ

широкое развитіе, и набросятъ мрачную тѣнь на конецъ столь блестяще начатаго царствованія.

Но война была рѣшена. Государь не принялъ отставки Рейтерна и убѣдиль его остаться на своемъ трудномъ посту, по крайней мѣрѣ до ея окончанія. Тогда министръ финансовъ усердно занялся приисканіемъ средствъ для покрытія вызванныхъ войною громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ. Имѣя въ виду затруднительность внѣшнихъ займовъ, а также, что всякіе новые налоги могутъ дать увеличеніе доходовъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, статсъ-секретарь Рейтернъ заявилъ Комитету Финансовъ, что оны полагаютъ возможнымъ вести войну не иначе, какъ посредствомъ массоваго выпуска кредитныхъ билетовъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ его, Комитетъ единогласно выразилъ убѣжденіе, что отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ должно ожидать послѣдствій еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ отъ чрезмѣрнаго ихъ умноженія во время Крымской войны, какъ потому, что въ 1853 году наше денежное обращеніе не было поколеблено, какъ въ 1877 году, такъ и вслѣдствіе того, что платежи кредитными билетами производились тогда преимущественно внутри государства.

Въ 1877 году выпущено кредитныхъ билетовъ до 300.000,000 рублей; въ 1878 году количество ихъ возросло еще на 200.000,000 рублей. Но суммъ этихъ не могло хватить на покрытіе какъ военныхъ издержекъ, такъ и дефицита по обыкновенному бюджету 1877 года въ 36.213,000 рублей. Пришлось прибѣгнуть и къ другимъ источникамъ пополненія государственной казны. Заключены внѣшній заемъ на сумму 307.500,000 германскихъ марокъ, краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства выпущено на 236.000,000 рублей; наконецъ, заключено три внутреннихъ займа, названныхъ восточными, первый на 200.000,000 рублей, второй на 300.000,000 рублей и третій на 300.000,000 рублей кредитныхъ. Какъ ни велики были доставленныя этими операціями средства, они не удовлетворили потребностей Государственнаго Казначейства въ звонкой монетѣ, а потому высочайше повелѣно съ 1-го января 1877 года всѣ таможенныя пошлины взимать въ золотой валютѣ. Мѣра эта была предположена въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но по обсужденіи въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ податною комиссіею, ею не одобрена и оставлена безъ послѣдствій. Примѣненіе ея при самомъ началѣ Восточной войны равнялось возвышенію нашего таможеннаго тарифа на 33⁰/₁₀₀.

При помощи всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ ресурсовъ покрыты расходы по веденію войны, не вошедшіе въ бюджетъ и простиравшіеся: въ 1876 году до 51.000,000 рублей, въ 1877—до 429.000,000

рублей, въ 1878 — до 408.000.000 рублей, въ 1879—до 132.000.000 рублей, а въ 1880 году до 55.000.000 рублей, всего же свыше одного миллиарда рублей, и даже государственная роспись на 1878 годъ заключилось остаткомъ въ 25.000.000 рублей.

Лицеиздація этихъ счетовъ выпала на долю С. А. Грейга, замѣнившаго М. X. Рейтерна въ должности министра финансовъ 7-го іюля 1878 года. Задача тяжелая, если принять во вниманіе, что одна только уплата процентовъ и погашеніе по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ издержекъ, увеличивала ежегодные расходы на сумму до 42.000.000 рублей. Сверхъ того предстояли не малые расходы по реорганизацин арміи и пополненію запасовъ, да и нужно было озаботиться изъятіемъ изъ обращенія хотя части кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время войны и которыхъ къ концу 1878 года находилось въ обращеніи болѣе миллиарда. Наконецъ, желѣзныя дороги требовали значительныхъ суммъ для приведенія въ порядокъ подвижнаго состава, разстроеннаго движеніемъ войскъ и военныхъ грузовъ.

Не легко было, при всеобщемъ истощеніи, установить новые налоги для покрытія всѣхъ этихъ потребностей, и потому министръ финансовъ рѣшился энергически настаивать на необходимости добыть нужныя средства путемъ сокращенія расходовъ. «Уменьшеніе расходовъ» — писалъ Грейгъ въ довѣрительномъ докладѣ государю — «по силѣ вещей ускользаетъ изъ рукъ министра финансовъ. Въ отношеніи новыхъ расходовъ министръ финансовъ имѣетъ еще голосъ; согласіе его спрашивается по вновь возникающимъ предположеніямъ и противъ такихъ, которыя не выдвигаются настоятельною потребностью, онъ имѣетъ возможность бороться, не всегда впрочемъ успѣшно. Въ отношеніи же расходовъ существующихъ, составляющихъ столь значительную долю смѣтныхъ псчисленій, министръ финансовъ совершенно безсиленъ. Министерство, правда, разсматриваетъ смѣты отдѣльныхъ управленій и представляетъ по нимъ свои заключенія Государственному Совѣту, но замѣчанія эти касаются преимущественно небольшихъ сравнительно суммъ и псчисленій, такъ какъ большинство расходовъ основано на штатахъ и постановленіяхъ, до которыхъ министерство не можетъ касаться. Въ такомъ же положеніи къ смѣтамъ поставленъ Государственный контроль. Даже департаментъ государственной экономіи, на разсмотрѣніе котораго поступаютъ всѣ смѣты министерствъ и главныхъ управленій и который подвергаетъ ихъ подробному обсужденію, въ связи съ замѣчаніями министерства финансовъ и Государственнаго контроля, находится въ этомъ отношеніи въ положеніи не болѣе выгодномъ. Останавливаясь передъ штатными и другими имъ подобными по-

стоянными расходами, департаментъ можетъ производить сокращенія, или повѣркою изъясненій на расходы хозяйственные, или же уменьшеніемъ расходовъ временныхъ и одновременныхъ, штатами и постановленіями не опредѣленныхъ. Но въ числѣ этихъ послѣднихъ, обнимающихъ, впрочемъ, по суммѣ незначительную, сравнительно, долю государственнаго бюджета, заключаются расходы на различныя улучшенія и усовершенствованія, такъ что департаментъ, для достиженія равновѣсія въ росписи, вынужденъ обращать вниманіе свое на сокращеніе расходовъ полезныхъ и оставлять въ росписи расходы, польза которыхъ для него сомнительна. Съ теченіемъ времени возникаютъ новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ требуетъ новыхъ расходовъ, и расходы эти ассигнуются изъ года въ годъ, увеличивая расходный итогъ государственной росписи. Рядомъ съ симъ многія изъ потребностей прежняго времени теряютъ значеніе при постоянномъ теченіи государственной и народной жизни; онѣ остаются однако же по прежнему бременемъ казны или потому, что съ удержаніемъ ихъ въ смѣтахъ связаны личные интересы, или потому, что принятіе инициативы въ подобнаго рода сокращеніяхъ не представляетъ отдѣльнымъ начальникамъ, занятымъ текущими дѣлами и улучшеніями во вѣреныхъ имъ частяхъ,—особенно заманчивыхъ побужденій. Такимъ образомъ, предметы этихъ расходовъ продолжаютъ существовать среди новыхъ учрежденій обветшалыми памятниками прежнихъ порядковъ или не вполне удавшихся, но цѣнныхъ нововведеній. Вообще нельзя не сознаться, что наше государственное управленіе и наше государственное хозяйство оказывается однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ свѣтѣ. Между тѣмъ, уравновѣшеніе росписи посредствомъ лишь увеличенія доходовъ представляетъ большія неудобства, въ особенности со стороны нравственной и политической. Бремя новыхъ налоговъ ложится на народъ и на общество русское, которые, въ виду очевидной необходимости, готовы, безъ особаго ропота, нести это бремя; но при этомъ они естественно ожидаютъ, что рядомъ съ усиліями для увеличенія доходовъ, правительство сдѣлаетъ усилія и для сокращенія расходовъ. Предлагая обложить народъ, министръ финансовъ не исполнилъ бы своего долга, если бы онъ въ то же время не повергъ своихъ соображеній для достиженія сокращеній въ государственныхъ расходахъ».

Соглашаясь съ доводами Грейга, императоръ Александръ, указомъ отъ 1-го января 1879 года, повелѣлъ: съ цѣлью присканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ учредить особую высшую комиссію подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя де-

партаменту економіки Абази, із міністра фінансів, державного контролера і членів Державного Ради— графа Баранова, барона Ніколая, Зблоцкаго-Десятковскаго, Грота і Островскаго. Комісії цій дозволено запрошувати в свої засідання міністрів, головних управлінців і членів Державного Ради і взагалі всіх осіб, від яких вона могла очікувати повідомлення корисних по роду її занять свідчень, а також надано право піддавати перегляду смети міністерств і окремих управлінь, не стїсняючись існуючими штатами, постановленнями і порядками. Свої зауваження комісія повинна була представляти державі по кожному роду или предмету витрат окремо і вимагати височайших указаній о дальнїйшій направленїї її передположеній.

Къ сожалїнію, діяльність вищої комісії оказалась совершенно безплодною. Сокращенїй расходной сметы не послїдовало ни по одному ведомству, потребности которых, напротив, росли съ каждымъ днемъ. Для восстановленія равновїсія пришлось возвысить нїкоторые изъ существующихъ налоговъ и ввести новые. Возвышены пошлины на ввозный чугунъ и другіе металлы, дополнительнымъ акцизомъ обложены спиртные напитки и табакъ, увеличенъ гербовый сборъ и пошлины на страхование. Затѣмъ, введены налоги на пассажирскіе билеты и перевозки большой скорости по желїзнымъ дорогамъ. При помощи этихъ мѣръ государственная роспись на 1879 годъ заключена съ остаткомъ въ 20.000,000 рублей, но при исполненїи дала дефицитъ въ 138.000,000 рублей, который въ 1880 году возросъ до 140.000,000 рублей.

Въ ноябрѣ 1880 года Грейгъ былъ уволенъ и министромъ финансовъ назначенъ А. А. Абаза. Нїсколько дней по вступленїи его въ должность, обнародованъ указъ, отмѣнявшій одинъ изъ самыхъ тягостныхъ для населенія налоговъ—налогъ на соль. Провшедшая отъ того убыль въ доходахъ возмѣщена прибавкою на гильдейскія повинности и повышенїемъ на 10% таможеннаго тарифа. Измѣнена система взиманія акциза съ сахара и установлена пошлина на ввозную джуту. При всемъ томъ смета на 1881 годъ не могла быть заключена безъ дефицита, исчисленнаго въ 50.000,000 рублей. Такой результатъ самъ министръ финансовъ во всеподданнїйшемъ докладѣ, сопровождавшемъ роспись, призналъ неблагоприятнымъ, выразивъ лишь надежду, что онъ, не составляя хроническаго явленія, можетъ быть устраненъ съ прекращенїемъ неблагоприятныхъ экономическихъ условий, вызванныхъ неурожаемъ 1880 года, и по мѣрѣ ослабленія послїдствїй минувшей войны.

Для ускоренія такого поворота къ лучшему, 1-го января 1881 года принята рѣшительная мѣра. Съ цѣлю упрочить денежную

единицу безъ стѣсненія денежнаго рынка, высочайше повелѣно: 1) уплатить изъ средствъ Государственнаго Казначейства Государственному банку сумму, потребную для уменьшенія до 400.000,000 рублей долга банку по произведеннымъ имъ за счетъ казны расходамъ. 2) погашать остальную сумму долга 400.000,000 рублей ежегодными, начиная съ 1881 года, уплатами изъ казны банку въ размѣрѣ 50.000,000 рублей въ годъ; 3) уничтожать кредитные билеты по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка, по соображенію съ потребностью денежнаго обращенія.

Мѣра эта, вызванная паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля и равносильная самоограниченію права въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, была послѣднею финансовою мѣрою въ царствованіе императора Александра II.

Подводя финансовый итогъ этого царствованія, нельзя не отмѣтить быстрого возрастанія государственныхъ доходовъ, которыхъ, по росписи 1855 года, значилось всего 206.800,000 рублей и которые въ 1880 году возрасли до 650.000,000 рублей, т. е. болѣе чѣмъ утроились. Но и расходы государства росли съ неменьшею быстротою и не только поглощали всѣ доходы, но требовали ежегодно значительныхъ приплатъ. Такъ, въ періодъ времени съ 1855 по 1880 годъ, только пять лѣтъ представляютъ избытокъ доходовъ надъ расходами, да и то только болѣею частью на бумагахъ. Всѣ прочіе годы заключаются дефицитомъ, предѣльными цифрами котораго были: 200,000 рублей въ 1872 году и 265.777,000 рублей въ 1856. Обстоятельство это объясняетъ громадный ростъ государственнаго долга, который въ началѣ царствованія, а именно въ 1857 году, простирался всего до 1544 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ 612¹/₂ милліоновъ кредитныхъ билетовъ, а къ 1-му января 1880 года достигъ слѣдующихъ размѣровъ: 84¹/₂ милліоновъ голландскихъ гульденовъ, 113¹/₂ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, 120¹/₂ милліоновъ рублей металлическихъ и 2.809 милліоновъ рублей кредитныхъ, изъ коихъ кредитныхъ билетовъ на сумму 1.162¹/₂ милліоновъ рублей. Поучительно, что чрезвычайные расходы, вызванные двумя восточными войнами и составляющіе—за войну 1853—1856 годовъ 796.770,000 рублей, а за войну 1877—1878 годовъ—1.020.578,000 рублей, всего безъ малаго два милліарда, равняются почти двумъ третямъ совокупности нашего государственнаго долга.

Обширная финансовая операція, не стоившая казнѣ въ сущности никакихъ жертвъ, совершенно видоизмѣнила характеръ русскаго землевладѣнія: то былъ произведенный при содѣйствіи правительства выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ.

На основаніи положеніи 19-го февраля 1861 года, содѣйствіе правительства къ выкупу крестьянскихъ земель заключалось въ выдачѣ землевладѣльцамъ выкупныхъ ссудъ въ размѣрѣ $4 \frac{1}{2}$ оцѣнки земель, выведенной по 6% капитализаціи назначеннаго съ крестьянъ въ пользу помѣщика оброка. Крестьяне, ставъ, по совершеніи выкупа, собственниками своихъ надѣловъ, обязаны были уплатить свой долгъ казнѣ по выкупной ссудѣ въ теченіе 49 лѣтъ, платежами въ размѣрѣ 6% съ ссуды, изъ которыхъ 5% причиталось въ уплату роста, $\frac{1}{2}$ % погашенія и на составленіе запаснаго капитала, на покрытіе издержекъ по выкупнымъ учрежденіямъ и случайныхъ расходовъ или потерь. Ссуды, общая сумма которыхъ превысила миллиардъ рублей, выдавались землевладѣльцамъ частью особыми бумагами, названными выкупными свидѣтельствами, частью 5% банковыми билетами. Уплату процентовъ и погашеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, правительство взяло на себя, само покрываясь вносимыми крестьянами выкупными платежами.

Первоначально выкупъ предполагался по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, но въ 1863 году признано было необходимымъ немедленно прекратить въ западныхъ губерніяхъ Имперіи обязательныя отношенія послѣднихъ къ первымъ и приступитъ къ обязательному выкупу. Такой-же обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ рѣшено прозвести въ 1864 году и въ Царствѣ Польскомъ.

Къ 1-му января 1881 года крестьянъ-собственниковъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ въ 37 внутреннихъ губерніяхъ состояло 5.867,000 душъ, а въ 9 западныхъ — 2.716,000 душъ, всего $8\frac{1}{2}$ милліоновъ, т. е. 84% бывшего крѣпостнаго населенія 46-губерній. Къ тому же времени разрѣшено выкупныхъ ссудъ во внутреннихъ губерніяхъ около 574 милліоновъ рублей, на каковую сумму выкуплено около 28 милліоновъ десятинъ удобной земли. Въ среднемъ выводѣ на каждого крестьянина-собственника выкупленной земли приходится нѣсколько болѣе $3\frac{1}{2}$ десятинъ, причемъ десятина обошлась ему въ 26 рублей 20 копѣекъ. Изъ перечисленныхъ ссудъ удержано долговъ съ помѣщиковъ кредитнымъ установленіемъ около 300 милліоновъ рублей, и на 434 милліона выпущено процентныхъ бумагъ. Этимъ объясняется, что, не смотря на значительныя недопмки, выкупныхъ платежей всегда хватало на уплату процентовъ и погашенія по означеннымъ бумагамъ. Несоразмѣрность оклада платежей по выкупу съ достоинствомъ надѣла признана «очевидною» высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія 1-го февраля 1877 года, но соотвѣтственное пониженіе выкупныхъ платежей

произведено лишь въ царствованіе императора Александра III. Выкупная операція въ Царствѣ Польскомъ произведена не менѣе успѣшно. По июль 1879 года въ вознагражденіе землевладѣльцамъ выдано ликвидационныхъ листовъ на 63.369,000 рублей и изъ нихъ въ 27 тиражей погашено 13¹ милліоновъ.

Коренное измѣненіе условій производительнаго труда, какъ результатъ всѣхъ преобразованій царствованія, конечно, всего болѣе содѣйствовало успѣхамъ промышленности, на которую благотворно повліяло, между прочимъ, и широкое развитіе кредита, казеннаго и частнаго.

Основной капиталъ Государственнаго банка доведенъ до 25 милліоновъ, а резервный до 3-хъ. Операціи этого учрежденія, по сравненію съ бывшимъ Коммерческимъ банкомъ, который оно замѣнило, представляютъ слѣдующіе результаты: въ 1859 году ежегодный оборотъ Коммерческаго банка достигалъ лишь 535 милліоновъ рублей, а въ 1878 году одинъ соотвѣтственный операціи Государственнаго банка превысилъ 29.327 милліоновъ, другими словами годовой оборотъ перваго оказался менѣе еженедѣльнаго оборота послѣдняго. За первые 18 лѣтъ своего существованія Государственный банкъ съ его отдѣленіями и конторами получилъ по коммерческимъ операціямъ чистой прибылн 72 милліона рублей.

Изъ прочихъ государственныхъ установленій слѣдуетъ упомянуть о преобразованныхъ положеніемъ 1862 года сберегательныхъ кассахъ, платящихъ вкладчикамъ по 3⁰/₀. Къ концу царствованія ихъ насчитывалось 126 и сумма сбереженій, въ нихъ хранившихся, превышала 7.000,000 рублей.

Рядомъ съ кредитомъ казеннымъ развился и частный кредитъ. Въ 1862 году издано положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ, которые образовались почти во всѣхъ губернскихъ городахъ и въ болѣе части значительныхъ городовъ уѣздныхъ. Въ 1879 году ихъ было во всей Имперіи 278, а сумма вкладовъ въ нихъ простиралась до 188¹: милліоновъ рублей.

Въ большомъ числѣ возникали и частные акціонерные коммерческіе банки въ Петербургѣ, Москвѣ и большихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ. Первымъ такимъ учрежденіемъ былъ открытый въ 1864 году С.-Петербургскій частный коммерческій банкъ. Въ 1880 году дѣйствовало въ Россіи 33 акціонерныхъ коммерческихъ банка, основные и запасные капиталы которыхъ составляли болѣе 93 милліоновъ рублей.

Въ какой степени общественные и частные банки содѣйствовали развитію торговыхъ оборотовъ, можно заключить изъ того, что въ 1855 году бывший Коммерческій банкъ съ его конторами

имѣлъ въ затратѣ на учетъ векселей и краткосрочныхъ ссудъ лишь 16¹ миллионъ рублей, тогда какъ сумма векселей, учтенныхъ общественными и частными банками и выданныхъ ими ссудъ составляла въ 1879 году около 389 миллионъ, независимо отъ затратъ Государственнаго банка на тѣ же операціи въ 175 миллионъ рублей.

Министерствомъ финансовъ разрѣшено и образованіе обществъ взаимнаго кредита, сначала въ Петербургѣ, потомъ и въ другихъ городахъ. Въ 1879 году ихъ существовало 92, обороты коихъ по учетной и ссудной операціямъ простирался въ этомъ году до 114 миллионъ рублей.

Съ цѣлью доставленія сельскимъ хозяевамъ дешеваго мелкаго кредита учреждены были ссудо-сберегательныя товарищества, коихъ въ 1878 году насчитывалось 691, съ 149,883 членами. Сумма паевыхъ взносов равнялась въ нихъ въ теченіе этого года 3.740,000 рублей, запасные капиталы 2.790,000 рублей; вклады — 1.818,000 рублей; займы—3.112,000 рублей; ссуды—8.250,000 рублей и прибыль 636,000 рублей. Въ 1880 году число ссудо-сберегательныхъ товариществъ возросло до 862.

Меньшее сравнительно развитіе получалъ кредитъ подъ движимыя имуществва. Ссудныя казны, состоявшія при С.-Петербургской и Московской сохранныхъ казнахъ, ограничивались выдачею ссудъ подъ залоги серебра, золота и драгоценныхъ камней. Всякое другое движимое имущество принималось въ залогъ лишь въ пяти частныхъ городекныхъ ломбардахъ съ капиталомъ свыше 4 миллионъ рублей.

По прекращеніи въ 1859 году залога недвижимыхъ имуществъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, образовались съ этою цѣлью 9 частныхъ кредитныхъ обществъ въ большихъ городахъ для городскихъ имуществъ и одинъ земскій банкъ въ Херсонѣ, а для прочей поземельной собственности — общество взаимнаго поземельнаго кредита, всѣ за круговую отвѣтственностью заемщиковъ. Для выдачи же долгосрочныхъ ссудъ подъ земельные участки внѣ городовъ дозволено также открытіе съ 1871 по 1873 годъ 11 акціонерныхъ земельныхъ банковъ, а для покупки выпущенныхъ ими закладныхъ листовъ учрежденъ въ 1873 году центральный банкъ русскаго поземельнаго кредита, который, однако, не смотря на сильную поддержку, оказанную ему казною, велъ дѣла свои неуспѣшно. Сверхъ того въ Закавказскомъ краѣ основано два поземельные банка и продолжена привиллегія основанному въ 1825 году земскому кредитному обществу въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1855 году государственныя кредитныя установленія имѣли въ

долгу по долгосрочнымъ ссудамъ подъ залогъ зданій, населенныхъ и ненаселенныхъ земель, около 650 милліоновъ рублей; въ 1880 году частные банки долгосрочнаго кредита и городскіе общественныя банки пмѣли въ долгу на заемщикахъ свыше 853 милліоновъ, а если къ этой суммѣ прибавить остатокъ неуплаченнаго долга прежнимъ казеннымъ учрежденіямъ въ 60 милліоновъ и 734 милліона выкупной ссуды за крестьянскіе надѣлы, то окажется, что долгосрочный кредитъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній въ 1880 году выражался въ цифрѣ 1.647 милліоновъ рублей, превосходя на 997 милліоновъ сумму, розданную въ долгосрочныя ссуды въ 1855 году.

О развитіи кредита вообще, какъ долгосрочнаго, такъ и краткосрочнаго, за четверть столѣтія, истекшую со дня вступленія на престолъ императора Александра II, можно судить по слѣдующимъ сравнительнымъ цифрамъ 1855 и 1879 годовъ: учетъ векселей 93.340,000 противъ 417.149,000; краткосрочныя ссуды подъ движимые залоги—9.726,000 противъ 271.213,000 рублей; долгосрочныя ссуды подъ залоги зданій и земель 649.993,000 противъ 1.647.569,000 рублей.

Съ наибольшими трудностями приходилось бороться, въ особенности въ первые годы царствованія, сельскому хозяйству, выбитому освобожденіемъ крестьянъ и его послѣдствіями изъ вѣковой торной колеи и пережившему довольно продолжительный кризисъ въ переходное время отъ упраздненія крѣпостнаго права до окончательнаго прекращенія, по выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Но мало-по-малу и здѣсь свободный трудъ не замедлилъ проявить свою живительную силу, и если, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ, нельзя съ точностью опредѣлить успѣхъ русскаго земледѣлія въ отношеніи производства и потребленія, то на прогрессивное развитіе его указываютъ цифры вывоза хлѣба за границу, возростающія съ каждымъ годомъ, не взирая на частые неурожаи. Такъ, въ 1856 году зернового хлѣба вывезено изъ Россіи 7.356,000 четвертей; черезъ десять лѣтъ экспортъ, постепенно возвышаясь, дошелъ до 10 милліоновъ, а съ начала семидесятыхъ годовъ и до 20 милліоновъ четвертей. Въ три года, предшествовавшіе второй Восточной войнѣ, вывезено зерна: въ 1874 году—26 милліоновъ, въ 1875 году—22½ милліона, а въ 1876 году—25 милліоновъ четвертей.

Еще замѣтнѣе быстрый ростъ заводской и мануфактурной промышленности, въ особенности послѣ того, какъ по пересмотрѣ таможеннаго тарифа въ 1868 году усилена покровительственная пошлина, а въ 1876 году всѣ таможенныя пошлины стали взимать

въ золотой монетѣ, что было равносильно увеличенію ея въ полтора раза. Множество фабрикъ и заводовъ по всѣмъ родамъ промышленности возникло на частные и акціонерные капиталы, а прежніе расширили и усовершенствовали свое производство. Все-россійскія промышленныя выставки, устроенныя въ Петербургѣ въ 1870 году, въ Москвѣ въ 1882 году, при щедрой правительственной поддержкѣ, дѣйствительно послужили нагляднымъ выраженіемъ успѣховъ отечественнаго производства за 26 лѣтъ царствованія императора Александра II.

Развитіе торговли какъ внутренней, такъ и внѣшней было предметомъ особой заботливости правительства. Торговый уставъ 1863 года раздѣлилъ купцовъ на два разряда, не по величинѣ объявленнаго капитала, какъ то было прежде, а по роду торговли. Къ первому разряду отнесены купцы, занимающіеся оптовою торговлею, ко второй—розничною. Кромѣ этихъ двухъ родовъ торговли установленъ третій видъ ея—торговля мелочная, для лицъ, не принадлежащихъ къ купеческому сословію, ограниченная предметами ежедневной потребности. Независимо патентовъ по тремъ разрядамъ, установленъ сборъ за торгово-промышленныя заведенія, къ которымъ причислены купеческія, банкирскія, комиссіонерскія и нѣкоторыя другія конторы, магазины, лавки, будки, амбары, складочныя магазины, кладовыя, плитныя и дровяныя дворы, трактиры, фабрично-заводскія и ремесленныя заведенія, и т. п., а также типографіи, литографіи, фотографіи и аптеки. Впрочемъ, содержатели типографій, литографій и аптекъ освобождены отъ обязанности брать торговыя свидѣтельства. Иностранцы въ правахъ и обязанностяхъ совершенно сравнены съ русскими подданными, какъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ, такъ и во всѣхъ отношеніяхъ промышленныхъ и торговыхъ.

Оживленію внѣшней торговли несомнѣнно способствовалъ свободный доступъ за границу, открытый русскимъ подданнымъ, съ значительнымъ пониженіемъ налога на заграничные паспорта, а также заключеніе цѣлаго ряда договоровъ о торговлѣ и мореплаваніи съ главнѣйшими государствами въ Европѣ и внѣ ея. Наконецъ, отмѣнены вовсе таможенныя пошлины, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, со всѣхъ товаровъ, вывозимыхъ за границу изъ Имперіи и Царства Польскаго по европейской торговлѣ.

Тарифъ на привозные товары пересмотрѣнъ дважды: въ 1857 году въ смыслѣ ученія о свободѣ торговли, что вызвало въ немъ пониженіе многихъ пошлинъ, охранявшихъ отечественную промышленность; и въ 1868 году, когда, подъ вліяніемъ опыта, интересы

последней снова приняты во внимание и ограждены даже в большей степени, чѣмъ прежде. Столь-же благотворно отразилось на промышленности и вниманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ, введенное в 1876 году, а также послѣдовавшее в 1880 году, общее повышение ввознаго тарифа на 10⁰ о.

Въ общемъ, развитіе внѣшней торговли Россіи въ царствованіе императора Александра выражается въ сопоставленіи цифръ вывоза и привоза въ первый и въ послѣдній его годы: въ 1855 году вывезено товаровъ изъ Россіи на сумму 39.517,000 рублей, а привезено на сумму 72.699,000 рублей; въ 1880 году вывозъ былъ на 498.672,000 руб., а привозъ на 622.811,000 рублей.

Могучимъ средствомъ къ оживленію промышленности и торговли внутренней и внѣшней послужили желѣзныя дороги. При воцареніи императора Александра II въ Имперіи существовало только двѣ линіи: Царскосельская и С.-Петербургско-Московская, да въ Царствѣ Польскомъ — отъ Варшавы къ австрійской границѣ, съ общимъ протяженіемъ въ 937 верстъ. Тотчасъ по заключеніи мира правительство стало пыскивать способы къ сооруженію желѣзныхъ путей въ разныхъ направленіяхъ.

Печальное состояніе государственныхъ финансовъ столько же, сколько и предубѣжденіе общественнаго мнѣнія противъ казеннаго хозяйства, побудило правительство на первыхъ же порахъ обратиться къ частной предпримчивости и частному строительству поручить удовлетвореніе этой насущной потребности государства.

Въ августѣ 1856 года разрѣшена придворному банкиру барону Штиглицу постройка желѣзной дороги изъ Петербурга въ Петергофъ, а 26-го января 1857 года послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату такого содержанія:

«Въ неослабномъ попеченіи о благѣ столь близкаго сердцу нашему отечества, мы давно сознали, что обильное дарами природы, но раздѣленное огромнымъ пространствомъ, оно нуждается особенно въ удобныхъ сообщеніяхъ. Сознаніе это вице утвердилось среди личныхъ занятій, возложенныхъ на насъ еще съ 1842 года, блаженныя памяти родителемъ нашимъ, по предсѣдательству комитета желѣзныхъ дорогъ, въ коемъ обсуждены сооруженіе С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги и разныя предположенія по другимъ путямъ сего рода. Самое сооруженіе этой дороги, столь справедливо названной Николаевскою, выразило еще осязательнѣе всю пользу для нашей родины сего новаго способа сообщеній, всю необходимость его какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени; и желѣзныя дороги, въ надобности коихъ были у многихъ сомнѣнія еще за десять лѣтъ, признаны нынѣ всѣми сословіями необхо-

димостью для Имперіи и сдѣлалась потребностью народною, желаніемъ общимъ, настоятельнымъ. Въ семь глубокомъ убѣжденіи, мы, вслѣдъ за первымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, повелѣли озаботиться о средствахъ къ лучшему удовлетворенію этой неотложной потребности. Внимательное обсужденіе указало, что для удобства и скорости лучше обратиться, по примѣру вѣхъ другихъ странъ, предпочтительно къ промышленности частной, какъ отечественной, такъ и иностранной: къ послѣдней и въ томъ вниманіи, чтобы воспользоваться значительною опытностью, приобретенною при постройкѣ многихъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ на Западѣ Европы. На сихъ началахъ вызваны, сдѣланы, соображены разные предложенія и по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла въ Комитетѣ Министровъ и обсужденіи имъ онаго въ личномъ присутствіи нашемъ, признаны единогласно лучшими, и нами утверждены условія, предложенныя обществомъ капиталистовъ русскихъ и иностранныхъ, во главѣ коихъ нашъ банкиръ, баронъ Штиглицъ. Условіями сими общество это обязуется: на свой счетъ и страхъ устроить въ теченіе 10 лѣтъ и потомъ содержать въ теченіе 85 лѣтъ указанную сѣтъ около 4,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, съ однимъ лишь ручательствомъ правительства за вырученіе 5^е съ определенныхъ на сооруженіе суммъ, и съ тѣмъ, что по минованіи означенныхъ сроковъ вся сѣтъ обращается бесплатно въ принадлежность казны. На этихъ основаніяхъ правптельство, избѣгая необходимости пожертвованій значительныхъ и неотложныхъ, возможетъ, силою одного лишь довѣрія къ строгой точности, съ коею постоянно, даже среди тяжкихъ годинъ отечественныхъ войнъ, оно выполняло свои долговья обязанности, достигнуть сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ русскихъ. Сѣтъ эта будетъ простираться: отъ С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, отъ Москвы чрезъ Курскъ и низовье Днѣпра до Феодосіи, и отъ Курска или Орла чрезъ Днѣбургъ до Либавы. Такимъ образомъ, непрерывнымъ чрезъ 26 губерній желѣзнымъ путемъ соединятся взаимно: три столицы, главные судоходныя рѣки наши, средоточіе нашихъ избытковъ, и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные. Приступая, съ твердымъ упованіемъ на благодать Всевышняго, къ столь обширному и благотворному предпріятію народному, мы призываемъ вѣхъ вѣрноподанныхъ нашихъ къ усердному и добросовѣстному содѣйствію къ выполненію онаго». Указъ заключался повелѣніемъ Сенату привести въ исполненіе: положеніе объ основныхъ условіяхъ для сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и уставъ образовавшагося для этого сооруженія Главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Во главѣ учредителей этого общества, кромѣ барона Штиглица, стояли крупнѣйшіе заграничные банкирскіе дома: Гоге въ Амстердамѣ, братья Перейра въ Парижѣ и братья Берингъ въ Лондонѣ. Переговоры съ ними велъ главноуправляющій путями сообщеній п публичныхъ зданій Чевкинъ, самъ составившій какъ положеніе объ основныхъ условіяхъ, такъ и уставъ Главнаго общества. Нарядательный капиталъ компаніи, въ 275.000,000 рублей металлическиихъ, предполагалось образовать путемъ выпуска не однихъ только акцій, но и облигацій, съ тѣмъ, чтобы число послѣднихъ не превышало половины акціонернаго капитала. Строительная стоимость опредѣлялась: въ 87,000 рублей съ версты для линіи С.-Петербурго-Варшавской; въ 69,000 рублей для вѣтви къ прусской границѣ и въ 62,500 рублей для прочихъ линій. Цѣна акцій и облигацій была опредѣлена въ металлической валютѣ, 125 рублей серебромъ=500 франкамъ или 20 фунтамъ стерлинговъ, такъ что и 5⁰⁰ правительственную гарантію предстояло выплачивать также по неизмѣнному курсу. Компаніи разрѣшалось выписывать безношлинно изъ-за границы всѣ необходимыя для постройки металлическія принадлежности и пользоваться при сооруженіи дорогъ правами, присвоенными предпріятіямъ казны, какъ напримѣръ правомъ принудительнаго отчужденія земель и т. п. Опредѣленъ также тарифъ какъ пассажирскій, такъ и товарный, причемъ ставки послѣдняго уменьшены пропорціонально увеличенію разстоянія пробѣга. Обществу предоставлено преимущественное право на постройку всѣхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, параллельныхъ его линіямъ. Главный комитетъ по завѣдыванію дѣлами Общества имѣлъ пребываніе въ Парижѣ, вѣдъ всякаго правительственнаго надзора и контроля.

Не взирая на крайне льготныя условія концессіи, Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ не оправдало возложенныхъ на него надеждъ: пзъ предоставленныхъ ему четырехъ линій оно выстроило только двѣ—С.-Петербурго-Варшавскую съ вѣтвью къ прусской границѣ и Московско-Нижегородскую и то лишь благодаря обильнымъ ссудамъ и другимъ пособіямъ отъ русской казны, непредвидѣннымъ уставомъ. Злоупотребленія при реализаціи капитала компаніи, крайне неудовлетворительное состояніе ея денежныхъ счетовъ, несовершенство постройки п неисполненіе многихъ пзъ обязательствъ передъ казною побудили правительство приступить къ пересмотру условій концессіи. Въ 1861 году, по соглашенію съ учредителями Главнаго общества, въ уставъ его внесены слѣдующія существенныя измѣненія: Общество освобождено отъ обязательства выстроить линіи Либавскую и къ Черному морю; на постройку линіи Варшавской и Нижегородской правительство выдаетъ

ему пособие въ 28.000,000 рублей и сверхъ того возвращаетъ залогъ въ 3.000,000 рублей, но зато парижскій Главный комитетъ упраздняется и правленіе общества переводится въ Петербургъ. изъ 14 членовъ правленія 4 назначаются правительствомъ, а не менѣ половины остальныхъ выборныхъ членовъ должно быть русскими подданными; правительство устанавливаетъ правильную ревизію ежегодныхъ отчетовъ общества и главноуправляющему путями сообщеній предоставляется власть удалять по своему усмотрѣнію каждаго изъ служащихъ въ обществѣ.

Въ 1858 году, для обсужденія предварительныхъ мѣроположеній по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, учрежденъ особый Комитетъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и специалистовъ-инженеровъ подъ предѣлательствомъ государственнаго канцлера графа Нессельроде, котораго замѣнили впоследствии генералъ-адъютантъ графъ С. Г. Строгановъ. Но постановленія этого Комитета по выдачѣ концессій не имѣли рѣшающаго значенія, а передавались на разсмотрѣніе сначала Совѣта, а впоследствии Комитета министровъ, важнѣйшія въ присутствіи и подъ предѣлательствомъ самого государя. По личному почину его величества постановлено общимъ правиломъ: что право пользованія желѣзною дорогою можетъ быть предоставлено отнюдь не безсрочно, а лишь на определенный срокъ».

Дальнѣйшее сооруженіе желѣзныхъ дорогъ продолжалось непрерывно до самаго конца царствованія.

Въ 1858 году рижскому биржевому комитету выдана концессія на сооруженіе линій Риги-Двинабургской и Двинабурго-Витебской. первой съ правительственною гарантіею въ 4¹ 2 1/2, а второй—въ 5⁰. Обѣ эти линіи выстроены подрядчиками англичанами подъ руководствомъ английскихъ инженеровъ и обошлись уже гораздо дешевле линій Главнаго общества, а именно: первая въ 53,500 рублей, а вторая въ 66,800 рублей съ версты. Въ томъ же 1858 году разрѣшена постройка дороги Волго-Донской, а въ 1859 году—Московско-Ярославской и Риги-Митавской. Но за невозможностью для концессіонеровъ собрать акціонерный капиталъ, линіи эти сооружены лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Обществу, которому была выдана концессія на проведеніе желѣзнаго пути отъ Москвы до Саратова, по той же причинѣ, разрѣшено ограничиться постройкой его до Рязани.

Въ такомъ крайне неудовлетворительномъ положеніи находилось желѣзнодорожное дѣло въ Россіи, когда осенью 1863 года, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по назначеніи министромъ финансовъ статсъ-секретаря Рейтерна, Чевкинъ былъ назначенъ предѣлелемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта, а на мѣсто

его главноуправляющимъ путями сообщеній и публичными зданиями опредѣленъ инженеръ-генералъ Мельниковъ, вскорѣ переименованный въ министра путей сообщенія.

Первымъ дѣломъ новаго министра было выработать планъ обширной желѣзнодорожной сѣти, въ которую вошли слѣдующія линіи: 1) южная—отъ Москвы до Севастополя; 2) восточная—отъ Орла до Саратова; 3) западная—отъ Орла до Днабурга и отъ Риги до Либавы; 4) юго-западная—отъ Одессы чрезъ Кіевъ до соединенія съ западною линіею и 5) юго-восточная—отъ Екатеринослава до Грушевскихъ копей, всего протяженіемъ въ 4,510 верстъ.

При составленіи этой сѣти, Мельниковъ имѣлъ въ виду: 1) открыть произведеніямъ земледѣлія и скотоводства въ южной, юго-западной и юго-восточной части Россіи кратчайшіе пути для сбыта къ главнымъ портамъ Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей; 2) учредить кратчайшее сообщеніе хлѣбородныхъ мѣстностей Юга, Юго-Востока и Юго-Запада съ сѣверо-западными губерніями, часто нуждающимися въ средствахъ продовольствія; 3) связать со столицами, и между собою, главные центры Имперіи, и между прочимъ Кіевъ; 4) обезпечить всю сѣть топливомъ изъ Донецкаго бассейна и доставлять это топливо въ безлѣсныя части Россіи; 5) достигнуть этихъ результатовъ при наименьшемъ протяженіи дорогъ и прокладкою ихъ по удобнымъ мѣстностямъ, удовлетворяя также и стратегическимъ требованіямъ быстрого передвиженія войскъ, особенно на юго-западной границѣ, параллельно которой Австрія въ то время приступила къ постройкѣ желѣзнодорожной линіи.

По разсмотрѣніи проекта сѣти въ особыхъ совѣщаніяхъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, онъ не былъ формально утвержденъ во всемъ его объемѣ, но члены совѣщанія единогласно признали необходимымъ и безотлагательнымъ постройку линіи отъ Москвы къ Севастополю, а также высказались за наискорѣйшее соединеніе Одессы съ Кіевомъ.

Убѣжденный сторонникъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ непосредственно казною и на ея средства, Мельниковъ отстаивалъ этотъ взглядъ въ особыхъ совѣщаніяхъ, утверждая, «что главную сѣть линій торговаго движенія, имѣющую большое правительственное значеніе, желательнo исполнить преимущественно распоряженіемъ самого правительства или, по крайней мѣрѣ, при рѣшительномъ участіи правительства». Но прямо противоположнаго взгляда на дѣло придерживался министръ финансовъ Рейтернъ, недовѣрчиво относившійся къ системѣ казенной постройки рельсовыхъ путей и предпочитавшій сооруженіе ихъ частными компаніями, какъ по теоретическимъ соображеніямъ, такъ и въ виду неимѣнія у Госу-

дарственного Казначейства достаточныхъ средствъ для осуществленія грандіозныхъ замысловъ Мельникова. Компромиссомъ между обоими мнѣстріями явился общій ихъ докладъ, на основаніи котораго высочайше повелѣно, для успѣшнѣйшаго привлеченія иностранныхъ капиталовъ къ сооруженію русскихъ желѣзныхъ дорогъ, выдавать впредь концессіи не на цѣлую систему или сѣть, а на отдѣльныя линіи, или даже отдѣльные участки линій и, для большаго поощренія предпринимателей, допускать въ концессіяхъ по возможности выгодныя для желѣзнодорожныхъ компаній условія.

Вслѣдствіе сего учредителямъ англійской компаніи для постройки линіи отъ Москвы до Севастополя предоставлены были льготы, превысившія даже тѣ, которыя были первоначально дарованы Главному обществу. Срокъ концессіи былъ весьма продолжительный—99 лѣтъ со дня окончанія строительныхъ работъ, или 105 лѣтъ со времени ихъ начатія; право выкупа линіи казна получала лишь черезъ 36 лѣтъ по учрежденіи общества: стоимость постройки опредѣлена крайне высокая, въ 97.000 рублей металлическихъ, или или около 121,000 рублей кредитныхъ съ версты; къ правительственной гарантіи въ 5^о прибавлено на погашеніе со времени приступа къ постройкѣ дороги, а не по открытіи движенія, и гарантія распространена не только на дѣйствительно потребный капиталъ въ 22¹/₂ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, но и на поощрительную премію на него въ размѣрѣ 4 шиллинговъ на акцію; переходный пунктъ дороги—Севастополь—правительство обязывалось обратитъ въ вольный портъ (porto-franco) и отвѣстн обществу бесплатно участки казенной земли: въ Донецкомъ бассейнѣ — для исключительнаго добыванія каменнаго угля и у Севастопольской бухты— для устройства товарной станціи, съ тѣмъ, чтобы капиталъ, потребный для обонхъ предпріятій, пользовался также 5^о „-ою правительственной гарантіею. Но таковъ былъ упадокъ государственнаго кредита Россіи на денежныхъ рынкахъ Западной Европы, упадокъ, еще болѣе усилившійся вслѣдствіе политическихъ осложненій, вызванныхъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ броженіемъ, а потомъ и открытымъ мятежемъ въ Царствѣ Польскомъ и вызванною имъ опасностью войны съ Англіею, Франціею и Австріею, что, не смотря на поспѣвшія небывалыя преимущества, англійская акціонерная компанія для постройки южной желѣзной дороги не составила въ условленный срокъ и дарованная учредителямъ ея баснословная концессія не вошла въ силу.

Также точно и по тѣмъ же причинамъ не состоялось частное акціонерное общество, получившее на весьма льготныхъ условіяхъ концессію на сооруженіе линіи отъ Одессы до Кіева съ вѣтвью къ Днѣстру.

Неудачи эти побудили правительство не откладывать долѣе постройки двухъ главныхъ линій, призванныхъ неотложными. Въ началѣ апрѣля 1863 года высочайше дозволено «для выпрышка времени» приступить къ постройкѣ дороги отъ Одессы до Балты на средства казны; въ маѣ слѣдующаго 1864 года разрѣшено тѣмъ же средствами начать сооруженіе головнаго участка южной линіи, отъ Москвы до Орла, а въ концѣ декабря того же года повелѣно: «южную желѣзную дорогу, начатую отъ Москвы до Серпухова и отъ Одессы до Балты, продолжать строить средствами Государственнаго Казначейства по возможности дѣятельно, съ одной стороны отъ Серпухова на Тулу, Орель, Курскъ и Кіевъ, а съ другой—отъ Балты на Кременчугъ и Харьковъ, предоставивъ дальнѣйшему соображенію изысканія средствъ для соединенія сего послѣдняго города съ Курскомъ».

Послѣднее рѣшеніе весьма существенно видоизмѣнило проектированную генераломъ Мельниковымъ сѣтъ, продолжая Одесско-Балтскую линію не на Кіевъ, а на Харьковъ, и вовсе умалчивая о соединеніи Курска съ однимъ изъ Крымскихъ портовъ. Самое соединеніе Москвы съ Чернымъ моремъ откладывалось до изысканія средствъ къ соединенію Кіева съ Харьковомъ, и осуществилось не прямымъ путемъ на Севастополь, а кружнымъ чрезъ Кіевъ на Одессу. Зато въ слѣдующемъ году утверждено направленіе желѣзной дороги отъ Балты къ Кіеву съ вѣтвью къ австрійской границѣ, не включенною въ первоначальную сѣтъ, равно какъ и другая разрѣшенная линія отъ Курска, черезъ Харьковъ, къ Азовскому морю.

До 1865 года желѣзнодорожныя концессіи выдавались исключительно иностраннымъ компаніямъ, но въ этомъ году концессія на линію отъ Рязани до Козлова выдана съ правительственною 5⁰ о-ю гарантіею русскому предпринимателю фонъ-Дервизу, съ предоставленіемъ ему права составить капиталъ на двѣ трети изъ облигацій, которыя и были полностью скоро и успѣшно размѣщены имъ въ Германіи. На сумму, вырученную за облигаціи, и произведена постройка всей этой линіи, такъ что акціи вовсе не пришлось оплачивать и онѣ остались всѣ за Дервизомъ, какъ чистый барышъ отъ предпріятія. Примѣръ этотъ не остался безъ подражаній.

Въ томъ же 1865 году государь возложилъ на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Чевкина, разсмотрѣвъ отчеты министра путей сообщенія за 1862 и 1863 года, выработать новый планъ дальнѣйшаго развитія системы нашихъ рельсовыхъ сообщеній и установить руководящія начала, которыя

могли бы служить основаніемъ при изысканіи способовъ для осуществленія такого плана. Заключение свои комиссія изложила въ особомъ журналѣ, представленномъ на высочайшее воззрѣніе, на которомъ императоръ Александръ собственноручно начерталъ: «Искренно благодарю генераль-адъютанта Чевкина и всѣхъ членовъ за ихъ труды».

Комиссія находила, что постройка желѣзныхъ дорогъ составляетъ въ экономическомъ отношеніи насущную потребность Россіи, не терпящую никакого отлагательства. Недостаточное число рельсовыхъ путей представляетъ и политически важную опасность, ослабляя твердость единства и цѣлости государства. Поэтому необходимо построить по меньшей мѣрѣ до 5.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, дабы соединить центральныя губерніи съ западными, южными и приволжскими, и притомъ такъ, чтобы постройка эта была довершена не далѣе, какъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ. По мнѣнію комиссіи, слѣдуетъ прежде всего соединить Москву съ Курскомъ, Харьковомъ, Киевомъ, Одессою, Крымомъ, Азовскимъ моремъ и Саратовомъ и, кромѣ того, связать Кіевъ съ Балтою и съ австрійскою границею, а Орель, чрезъ Витебскъ и Ригу, съ Либавою. Осуществленіе этихъ сооруженій, конечно, потребуетъ значительныхъ жертвъ отъ казны, такъ какъ въ Россіи, по особенностямъ ея пространства, населенія и климата, желѣзныя дороги на первое время будутъ еще менѣе доходны, чѣмъ въ Западной Европѣ, но жертвы эти съ избыткомъ окупятся оживленіемъ народной производительности и, какъ слѣдствіемъ его, — увеличеніемъ государственныхъ доходовъ и даже уменьшеніемъ расходовъ. Устройство полной сѣти желѣзныхъ дорогъ сдѣлаетъ возможнымъ, напримѣръ, уменьшеніе численнаго состава арміи, что было бы, конечно, дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для приведенія бюджета въ равновѣсіе.

Исходя изъ этихъ положеній, комиссія занялась разсмотрѣніемъ вопроса о наиболѣе выгодномъ способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ и, ссылаясь на указанія опыта въ иностранныхъ государствахъ, какъ и въ самой Россіи, рѣшила его въ пользу частной промышленности. «Правительству» — читаемъ въ ея заключительномъ журналѣ, — «невозможно удовлетворить непосредственными дѣйствіями своими этой потребности въ тѣхъ размѣрахъ и съ тою скоростью, какіе теперь необходимы. Если бы оно рѣшилось строить всѣ главныя линіи, то ему потребовалось бы займы на сотни милліоновъ рублей, а при каждомъ займѣ затрудненія естественно все возрастали бы и условія ихъ были бы все болѣе и болѣе обременительными». Впрочемъ, рекомендуя обращеніе къ частнымъ капиталистамъ, комиссія допускала и постройку нѣкоторыхъ линій на счетъ

казны. «Все дѣло въ томъ»,—замѣчала она,— чтобы одновременно съ этимъ правительство безотлагательно и всѣми зависящими отъ него средствами озаботилось привлеченіемъ частныхъ компаній къ постройкѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ».

Комиссія настаивала на точномъ опредѣленіи тѣхъ линій, которыя составляютъ ближайшую и неотложную потребность государства; на соблюденіи крайней осторожности при выдачѣ концессіи и дарованіи гарантій, премій и другихъ тому подобныхъ выгодъ частнымъ компаніямъ; наконецъ, на изданіи правилъ съ изложеніемъ условій, на которыхъ правительство признаетъ возможнымъ допустить къ желѣзнодорожному строителству частныхъ предпринимателей, съ цѣлью разсѣять распространенное за границею предубѣжденіе, будто русское правительство неблагопріятно относится къ привлеченію иностранныхъ капиталовъ къ этому дѣлу. Въ заключеніе, комиссія выражала убѣжденіе, что въ данномъ дѣлѣ нужно дѣйствовать рѣшительно: «Нельзя ограничиться однимъ лишь выжиданіемъ образованія у насъ желѣзнодорожныхъ компаній, но надлежитъ черезъ непосредственныя частныя сношенія съ значительными капиталистами, какъ русскими, такъ и иностранными, привлечь ихъ къ живому участию въ дѣлѣ, съ которымъ столь тѣсно связана вся будущность Имперіи». Противъ такого заключенія государь собственноручно начерталъ: «Справедливо», а на заголовкѣ журнала сдѣлалъ такую надпись: «Въ Комитетъ министровъ. Прошу обратить особое вниманіе на способъ и мѣры исполненія всѣхъ сдѣланныхъ комиссіею предложеній».

Докладъ комиссіи отражалъ мысли и взгляды на желѣзнодорожное строителство министра финансовъ, раздѣляемые и предсѣдателемъ комиссіи Чевкинымъ. Вынужденный сообразоваться съ ними, министръ путей сообщенія въ началѣ 1866 года внесъ въ Комитетъ министровъ новый проектъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, раздѣленныхъ на двѣ категоріи. Въ первую включены слѣдующія десять линій, признанныхъ безусловно неотложными: 1) отъ Москвы до Орла; 2) отъ Орла до Курска; 3) отъ Кіева до Балты съ вѣтвями къ Бердичеву и къ австрійской границѣ; 4) отъ Курска до Кіева; 5) отъ Тирасполя до Кишинева; 6) отъ Балты до Елисаветграда; 7) отъ Елисаветграда, чрезъ Кременчугъ, до Харькова; 8) отъ Курска, чрезъ Харьковъ и Донецкія каменноугольныя копи, къ Азовскому морю; 9) отъ Рязска до Моршанска, и 10) отъ Поти до Тифлиса,—всего протяженіемъ въ 3,373 версты. Во вторую категорію занесены линіи, считаемыя желательными въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, а именно: 1) отъ Харькова до Севастополя съ вѣтвью на Θεодосію; 2) отъ Орла, чрезъ Елецъ и Тамбовъ, до Саратова;

3) отъ Сергіевскаго посада до Ярославля; 4) отъ Риги до Либавы; 5) отъ Ковно до Либавы; 6) отъ С.-Петербурга до Балтійскаго порта; 7) отъ С.-Петербурга, чрезъ Выборгъ, до Тавастгуста; 8) отъ Рыбинска до Бологова, и 9) отъ Перми до Тюмени.—всего протяженіемъ въ 3,882 версты. Изъ десяти дорогъ первой категоріи семь были начаты постройкой на средства казны, а одна была сдана частной компаніи; на большую часть дорогъ второй категоріи имѣлись въ виду предложенія частныхъ предпринимателей.

Одновременно генераль Мельниковъ указалъ, какъ на питательныя вѣтви уже существующихъ дорогъ, требующія немедленной постройки, на слѣдующія вѣтви съ общимъ протяженіемъ въ 594 версты: 1) Козлово-Воронежскую; 2) Елецко-Орловскую; 3) Елецко-Грязскую; 4) Шуйско-Ивановскую и 5) Козлово-Тамбовскую.

По одобреніи большинствомъ Комитета министровъ, проектъ сѣти, составленный министромъ путей сообщенія, удостоился высочайшаго утвержденія.

Для осуществленія его потребовалось менѣе трехъ лѣтъ. Къ концу 1868 года, всѣ рельсовые пути первой категоріи, признанные нужнѣйшими, были обезпечены къ постройкѣ, равно какъ и всѣ питательныя къ нимъ вѣтви. Изъ дорогъ второй категоріи выданы концессіи на линіи Риги-Митавскую, Балтійскую, Рыбинско-Бологовскую и Тамбово-Саратовскую, и сверхъ того разрѣшена къ постройкѣ дорога, вовсе не включенная въ сѣть — Грязе-Борисоглѣбская. Ни одна изъ этихъ дорогъ не строилась средствами казны, а всѣ были сданы частнымъ предпринимателямъ или компаніямъ съ 5^о.-ою правительственною гарантіею. Въ сопскателяхъ уже не было недостатка. Въ роли ихъ выступали лица всѣхъ званій и состояній, отъ высшихъ государственныхъ сановниковъ до специальныхъ дѣльцовъ изъ подрядчиковъ, а также нѣкоторыя земства, изъ которыхъ одни являлись учредителями, другія брали даже на себя гарантію дивиденда. Число сопскаателей такъ быстро возрасло, вслѣдствіе охватившей всѣ круги общества такъ называемой «концессіонной горячки», количество предложеній въ такой мѣрѣ увеличилось,—что правительство нашлось вынужденнымъ принять за правило отказывать въ гарантіи всѣмъ линіямъ, не включеннымъ въ первую категорію самонужнѣйшихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось возможнымъ выдавать концессіи по состязанію между сопскаателями, что повело къ пониженію поверстныхъ строительныхъ цѣнъ. При всемъ томъ цѣны эти были все еще крайне высоки, превосходя на 20, 30 и даже 40^о. цѣну, исчисленную изысканіями казенныхъ инженеровъ, чѣмъ и обезпечивались предпринимателямъ крупныя, совершенно непомерныя барыши.

Облигаціи русских частных желѣзнодорожных обществ размѣщались въ Россіи и за границею, преимущественно въ Германіи и въ Англіи. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство оставляло ихъ за собою, и не только облигаціи, но и акціи, предоставляя себѣ реализировать ихъ впоследствии, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Это обстоятельство, а также приплаты по гарантіямъ, выдача частнымъ компаніямъ ссудъ и другихъ пособій — тяжелымъ бременемъ ложился на Государственномъ Казначействѣ, обыкновенныхъ средствъ котораго далеко не хватало на всѣ эти расходы. Находя, что нельзя признать здравой финансовою политикою увеличеніе государственныхъ имуществъ (какими въ данномъ случаѣ являлись желѣзныя дороги) на счетъ постоянно возрастающаго государственнаго долга и что самая возможность займовъ имѣетъ свои предѣлы», министръ финансовъ Рейтернъ считалъ единственно возможнымъ исходомъ: извлечь изъ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ необходимыя средства для дальнѣйшаго сооруженія рельсовыхъ путей. Съ этою цѣлью въ 1867 году образованъ особый желѣзнодорожный фондъ, на который должны были быть впредь отнесены всѣ правительственные расходы по желѣзнодорожному строительству, и которому предполагалось вести отдѣльный отъ прочихъ ресурсовъ Государственнаго Казначейства счетъ. Для образованія его, рѣшено продать самую значительную и доходную изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, Николаевскую, которая и была въ 1868 году уступлена Главному обществу желѣзныхъ дорогъ за 106.000,000 рублей, поступившіе въ желѣзнодорожный фондъ, къ которому причислены также всѣ суммы, вырученныя казною отъ продажи принадлежавшихъ ей облигацій частныхъ желѣзныхъ дорогъ и 9.000,000 рублей металлическихъ, вырученныя отъ продажи Соединеннымъ Штатамъ владѣній Россійско-Американской компаніи.

Въ томъ же 1868 году, въ видахъ пониженія строительныхъ цѣнъ, по соглашенію министровъ путей сообщенія и финансовъ, изданы новыя, основанныя на началѣ конкуренціи, слѣдующія правила о порядкѣ выдачи желѣзнодорожныхъ концессій: 1) концессіи предварительно разсматриваются въ Комитетѣ министровъ, который при поднесеніи оныхъ на высочайшее возрѣніе постановляетъ: слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ вызвать соперкателей на конкуренцію между собою; 2) затѣмъ министръ финансовъ испрашиваетъ всеподданнѣйшимъ докладомъ соизволеніе на приглашеніе къ конкуренціи лицъ, которыхъ онъ признаетъ для дѣла полезными; 3) предложенія присылаются къ министру финансовъ въ запечатанныхъ конвертахъ и открываются въ совѣтѣ министра финансовъ, въ засѣданіе коего

приглашаются сопоскатели; 4) сопоскателямъ объясняется, что Комитетъ министровъ разсмотритъ представленныя предложенія и поднесетъ на высочайшее благоусмотрѣніе свое заключеніе о принятіи одного изъ предложеній или объ отклоненіи всѣхъ.

Другая важная мѣра, принятая въ томъ же году—испрошенное министромъ финансовъ высочайшее повелѣніе, устраняющее отъ участія въ учрежденіи частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ лицъ, имѣющихъ по служебному положенію своему вліяніе на государственное управление или на отдѣльныя его части.

За обезпеченіемъ сооруженія всѣхъ линій, вошедшихъ въ сѣть 1866 года, являлась потребность выработать программу дальнѣйшаго развитія желѣзнодорожнаго строительства и главнымъ образомъ рѣшить, какииъ изъ новыхъ линій и въ какомъ видѣ должно быть оказано матеріальное содѣйствіе правительства. Соображенія свои по этому вопросу внесли въ Комитетъ министровъ не только министры путей сообщенія и финансовъ, но и военный министръ, доказывавшій необходимость при разрѣшеніи его принимать во вниманіе и стратегическія надобности. Въ послѣдніе дни 1868 года государь утвердилъ слѣдующій списокъ предполагаемыхъ къ постройкѣ рельсовыхъ путей, сооруженіе которыхъ предполагалось разсрочить на 3—4 года:

1) отъ станціи Лозовой на Харьковско-Азовской линіи до Севастопольскаго порта; 2) отъ Либавы до одного изъ удобнѣйшихъ пунктовъ Ковно-Виленской линіи; 3) отъ одного изъ пунктовъ Курско-Кіевской линіи до Могилева; 4) отъ Могилева, чрезъ Минскъ, до Бреста; 5) отъ Борисоглѣбска до Царицына; 6) отъ Воронежа до Грушевки; 7) отъ Самары до Бузулука, какъ первый участокъ линіи до Оренбурга; и 8) отъ одного изъ пунктовъ Кіево-Балтской желѣзной дороги до Бреста, всего протяженіемъ около 3,236 верстъ.

Въ апрѣлѣ 1869 года Мельниковъ былъ уволенъ по прошенію съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а управляющимъ министерствомъ путей сообщенія назначенъ свиты его величества генераль-маіоръ графъ В. А. Бобринскій.

За два съ половиною года нахожденія графа В. А. Бобринскаго во главѣ министерства путей сообщенія была пересмотрѣна и значительно дополнена сѣть 1868 года, включеніемъ въ нее большого числа новыхъ проектированныхъ линій, между прочимъ той, что должна была связать желѣзныя дороги Европейской Россіи съ покореннымъ и замкнутымъ Кавказомъ. Общее протяженіе новой сѣти 1870 года было 7,362 версты, на четыре с лишкомъ тысячи верстъ болѣе сѣти 1868 года. И эти линіи были розданы для постройки частнымъ предпринимателямъ и компаніямъ,

которымъ отчуждены и оставшіяся еще въ собственности правительства дороги, устроенныя на средства казны. Воплѣнъ раздѣляя взгляды министра финансовъ Рейтерна и дѣйствуя съ нимъ въ совершенномъ согласіи, графъ В. А. Бобринскій оказалъ существенную поддержку двумъ важнымъ мѣрамъ, принятымъ по его инициативѣ.

Первою изъ нихъ было измѣненіе порядка реализаціи капиталовъ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Съ 1869 года постановлено общимъ правиломъ не гарантировать впредь акціи этихъ компаній, облигаціи же ихъ неизмѣнно оставлять за правительствомъ, которое предоставило себѣ отъ своего имени выпускать облигаціонные займы, съ отпускомъ обществамъ, взамѣнъ облигацій, соответствующихъ суммъ изъ желѣзнодорожнаго фонда. На обязанности компаній оставалось выплачивать казнѣ проценты и погашеніе по своимъ облигаціямъ. Состоявшійся въ началѣ 1870 года первый выпускъ 5% «консолидированныхъ облигацій русскихъ желѣзныхъ дорогъ» на сумму 12.000,000 фунтовъ стерлинговъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и былъ полностью помѣщенъ за границею по подписной цѣнѣ въ 76%, тогда какъ всего за два года до того, при реализаціи облигацій Николаевской желѣзной дороги, правительство вынуждено было согласиться на эмиссіонную цѣну въ 61½ за сто. За этимъ первымъ выпускомъ послѣдовалъ рядъ другихъ съ тѣмъ же постоянно возрастающимъ успѣхомъ.

Другая не менѣе важная финансовая мѣра была — измѣненіе правилъ 1868 года о порядкѣ выдачи желѣзнодорожныхъ концессій. Основанныя на началѣ конкуренціи, правила эти хотя и дали воплѣнъ благоприятные результаты уменьшеніемъ строительной стоимости, но давно уже не соблюдалсь во всей строгости. Такъ съ 1869 года заявленія соискателей не представлялись въ запечатанныхъ пакетахъ. Въ концѣ 1870 года министры Рейтернъ и графъ В. А. Бобринскій представили государю докладъ за общемо ихъ подписью, въ которомъ, не отрицая пользы, принесенной принципомъ конкуренціи пониженіемъ стоимости желѣзнодорожныхъ сооруженій, выражали мнѣніе, что система эта представляетъ неудобства въ чисто нравственномъ отношеніи. Результаты конкуренціи — разсуждали они — нерѣдко способны затронуть самолюбіе устраняемыхъ при соисканіи, и при этомъ не безъ основанія. Весьма допустимо, что конкуррентъ, устраняемый благодаря заявленію высшей противъ другихъ цѣны является не менѣе, если даже не болѣе, солиднымъ въ сравненіи съ соискателемъ, получившимъ предпочтеніе. Низшія цѣны не всегда являются признакомъ добросовѣстности; нерѣдко предприниматели назначаютъ ихъ

«въ легкомысленномъ расчетѣ такъ или сякъ вывернуться изъ дѣла»; потому при составленіи концессіи остается не всегда за самымъ достойнымъ соискателемъ. Съ другой стороны, правительство за послѣднее время разрѣшаетъ постройку лишь такихъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ уже произведены предварительныя изысканія, такъ что дѣла, хотя бы приблизительная, каждой новой линіи уже заранѣе дѣлается извѣстною заинтересованнымъ вѣдомствамъ. Наконецъ, что касается до финансовой стороны дѣла, то казна, какъ извѣстно, приняла за правило, реализовать облигаціонныя капиталы частныхъ обществъ распоряженіемъ правительства, и на обязанности учредителей лежатъ лишь помѣщеніе акціонернаго капитала, причемъ слѣдуетъ еще замѣтить, что оплата послѣдняго обыкновенно производится по частямъ и первый взносъ не превышаетъ 20% стоимости акцій, составляя, слѣдовательно, отъ 5% до 7% стоимости всей линіи. Такую сумму можетъ собрать всякій предприниматель, сколько нибудь дѣловитый, степень же дѣловитости обнаруживается гораздо яснѣе путемъ личныхъ переговоровъ, чѣмъ посредствомъ конкуренціи въ запечатанныхъ пакетахъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній докладъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ потребности сохранять въ силѣ начало конкуренціи. Составленные въ этомъ смыслѣ и высочайше утвержденныя 26-го декабря 1870 года новыя правила гласили: 1) составляется проектъ нормальной концессіи, который чрезъ Комитетъ министровъ подносится на высочайшее утвержденіе; 2) послѣ утвержденія нормальной концессіи министръ путей сообщенія ведетъ переговоры о постройкѣ проектированной дороги или съ однимъ, или съ нѣсколькими надежными строителями по его выбору и условливается съ однимъ изъ этихъ лицъ относительно поверстной стоимости постройки; 3) время выдачи концессіи назначается высочайшею властью, по всеподданнѣйшему докладу министровъ финансовъ и путей сообщенія, причемъ опредѣленіе условій, формы и времени выпуска бумагъ лежитъ на обязанности министра финансовъ; 4) министръ путей сообщенія, по соглашеніи съ министромъ финансовъ, вноситъ предположеніе объ окончательной выдачѣ концессіи, чрезъ Комитетъ министровъ, на высочайшее благоусмотрѣніе.

Правила о порядкѣ выдачи концессіи 1870 года, открывая широкій просторъ произволу, не устранили неурядицы въ хозяйствѣ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, которыя, расходуя самымъ непроизводительнымъ образомъ получаемыя отъ казны и вырученныя отъ реализаціи консолидированныхъ облигацій значительныя суммы, сами весьма неакуратно исполняли свои обязательства предъ казною. Задолженность ихъ казнѣ росла съ каждымъ го-

домъ и къ концу 1871 года достигла внушительной цифры 173.870.000 рублей.

Въ сентябрѣ того же года тяжкая болѣзнь вынудила графа В. А. Бобринскаго просить объ увольненіи отъ управленія министерствомъ путей сообщенія и преемникомъ ему назначенъ свиты его величества генераль-майоръ графъ А. П. Бобринскій.

Цѣлый годъ новый министръ не проявлялъ въ желѣзнодорожныхъ дѣлахъ никакого преобразовательнаго почина и не противорѣчалъ новой финансовой мѣрѣ, принятой статсъ-секретаремъ Рейтерномъ, который, въ виду упадка цѣнъ на негарантированныя правительствомъ акціи, рѣшилъ снова дать имъ правительственную 5-ую гарантію, но не безсрочную, какъ прежде, а временную—на 15 лѣтъ. Такая гарантія дарована была обществамъ Рязско-Вяземской, Моршанско-Сызранской и Ростово-Владикавказской желѣзныхъ дорогъ.

Въ началѣ 1873 года графъ А. П. Бобринскій представилъ государю обширный и обстоятельный докладъ, въ которомъ подвергъ строгой и заслуженной критикѣ установленный порядокъ сооруженія нашихъ рельсовыхъ путей¹.

«При настоящемъ порядкѣ выдачи концессій»,—пишетъ онъ,—«министръ путей сообщенія, пѣзбирая, по своему усмотрѣнію, концессіонера и условливаясь съ нимъ относительно поверстной стоимости предпріятія, пользуется чрезмѣрными полномочіями и, слѣдовательно, несетъ громадную отвѣтственность. Эти полномочія и отвѣтственность значительно превышаютъ права и отвѣтственность, предоставленныя вообще министрамъ въ нашемъ государственномъ строѣ. Между тѣмъ, надъ правильностью дѣйствій министра путей сообщенія при пользованіи сими полномочіями не имѣется и не можетъ быть установлено никакого дѣйствительнаго контроля. Онъ одинъ, изъ всего правительства, имѣетъ тѣ данныя, которыя необходимы для сужденія о правильности его дѣйствій при выборѣ концессіонера изъ числа нѣсколькихъ конкурентовъ и при договорѣ съ нимъ о строительной цѣнѣ и условіяхъ сооруженія желѣзной дороги; между тѣмъ, эти дѣйствія облакаются потомъ, съ высочайшаго утвержденія, въ форму непоколебимаго договора правительства съ указаннымъ отъ министра лицомъ».

«Исключительность положенія министра путей сообщенія въ желѣзнодорожныхъ дѣлахъ»,—продолжаетъ графъ Бобринскій,—«весьма вредно отражается на дѣятельности всего министерства. Сколько бы министръ и его главные помощники ни посвящали этимъ

¹ 28-го февраля 1873 г.

дѣламъ личнаго своего труда, они не могутъ обходиться безъ содѣйствія своихъ подчиненныхъ; а между тѣмъ, соразмѣрно съ обширностью полномочій министра, возрастаетъ значеніе и подчиненныхъ его во мнѣніи совсѣтниковъ учредительства,—и вслѣдствіе сего со стороны послѣднихъ порождаются многоразличныя проскы для склоненія подчиненныхъ министра: къ предъявленію ему невѣрныхъ изысканій или невѣрныхъ сопоставленій и выводовъ: къ передачѣ имъ свѣдѣній; къ тайному посредничеству или ходатайству за нихъ, и вообще къ такимъ дѣйствіямъ, коими затрудняется для министра составленіе правильныхъ заключеній. Особенная выгода жельзнодорожныхъ предпріятій—и, еще болѣе, терпимая нынѣ правительствомъ система посредничества учредителей между правительствомъ и акціонерными обществами,—посредничества, не требующаго ни капитала, ни знанія, ни кредита,—имѣютъ своимъ послѣдствіемъ, что всякій ищущій легкой наживы и хотя нѣсколько знакомый съ ходомъ дѣлъ въ министерствахъ или въ высшихъ учрежденіяхъ признаетъ за собою не только возможность, но даже право быть учредителемъ акціонернаго жельзнодорожнаго общества.

Каковы же обязанности учредителя?—спрашиваетъ министр и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Правительство, при настоящемъ порядкѣ, исполняетъ уже въ жельзнодорожныхъ предпріятіяхъ всѣ главныя и труднѣйшія обязанности, которыя, при прежнемъ порядкѣ, всецѣло лежали на учредителяхъ: правительство производитъ изысканія, изучаетъ доходность и способы осуществленія предпріятій, вырабатываетъ техническія условія каждой дороги, опредѣляетъ сумму и условія реализаціи основнаго капитала, составляетъ расцѣпочную вѣдомость исполненія предпріятія, вырабатываетъ уставъ общества и, наконецъ, даже принимаетъ на себя доставленіе предпріятію всего облигаціоннаго капитала, составляющаго, въ болѣе части случаевъ, $\frac{3}{4}$ основнаго. Затѣмъ, для довершенія организаціи акціонернаго дѣла, остается исполнить лишь одну обязанность, и притомъ самую нетрудную, именно: составъ акціонерное общество посредствомъ открытія публичной подписки на акціи, стоимость которыхъ представляетъ обыкновенно лишь $\frac{1}{4}$ суммы основнаго капитала.

Передавая результаты своего труда, вмѣстѣ съ своимъ кредитомъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда акціямъ присваивается гарантія), въ распоряженіе учредителей, правительство ожидаетъ отъ нихъ только одного—добросовѣстности, т. е. именно того, что, по рѣшительному утвержденію графа Бобринскаго, «совершенно противно

ихъ расчѣтамъ и выгодамъ» Министръ путей сообщенія энергично поддерживаетъ это обвиненіе: «Если бы учредители»,—значится въ его докладѣ,—«не подчиняли добросовѣстности личнымъ своимъ выгодамъ, то не имѣли бы никакого повода братья за учрежденіе акціонерныхъ обществъ, потому что уставы сихъ обществъ, утверждаемые предварительно высочайшею властью, предоставляютъ всѣ выгоды предпріятія акціонерамъ, а не учредителямъ. По буквѣ концессій и уставовъ учредителю поручается только составленіе акціонернаго общества; но въ дѣйствительности ему передается, вмѣстѣ съ означеннымъ порученіемъ, полная возможность распорядиться государственнымъ предпріятіемъ по своему усмотрѣнію, рѣшивъ судьбу онаго вопреки цѣлямъ и требованіямъ правительства».

Программа дѣйствій учредителей, по словамъ министра, слѣдующая: не затрачивая ничего, или почти ничего, на пользу предпріятія, добиться отъ правительства порученія составить акціонерное общество, которому это предпріятіе ввѣрится, и затѣмъ, не учреждая такого общества, объявить его учрежденнымъ, а предпріятіе, данное этому обществу, присвоить себѣ, записавъ за собою и за своими близкими всѣ или большинство акцій, безъ оплаты ихъ. Вслѣдъ за этимъ учредители составляютъ правленіе изъ близкихъ имъ людей и дѣлаются полными, безконтрольными распорядителями дѣла, наживаясь на небрежномъ сооруженіи линій, на плохомъ содержаніи ихъ и на преувеличеніи расходовъ эксплуатаціи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, въ виду преждевременнаго истощенія предпріятія, является необходимость въ подкрѣпленіи его денежныхъ средствъ, учредители пытаются сбыть свои неоплаченные акціи въ публику; но публика не остается въ невѣдѣніи «противуестественнаго», какъ выражается графъ Бобринской, положенія желѣзнодорожныхъ дѣлъ и по большей части не рѣшается покупать акціи. Тогда учредители стараются навязать пріобрѣтеніе своихъ акцій правительству, или испрашиваютъ у казны денежные пособія для поддержки предпріятій, будто бы не ими разстроенныхъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ графъ Бобринской, съ возложеніемъ весьма несложнаго порученія—образовать акціонерное общество—на частное лицо, какъ на учредителя, весь усиленный трудъ министерства путей сообщенія и всѣ заботы Комитета министровъ о правильной постановкѣ желѣзнодорожнаго дѣла оказываются безплодными. «Существованіе многихъ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ»,—по убѣжденію министра путей сообщенія,—«мнимо; фирмы ихъ — фальшивы; правленія ихъ — неправильны;

акціонеры ихъ—подставные; акціи ихъ—не реализованы, а мннстерство путей сообщенія—вынуждено оставаться безвластнымъ свидѣтелемъ дѣйствій, прикрытыхъ законными формами, но противныхъ цѣлямъ правительства, предпріятія и казны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда законныя формы недостаточны для прикрытія незаконныхъ дѣйствій учредителей и когда, вслѣдствіе сего, является опасность разоблаченія дѣла передъ публикою и даже передъ судебными учреждениями, правительство вынуждено, во избѣжаніе огласки, вредной для кредита государственнаго и желѣзнодорожныхъ предпріятіи, пзыскивать особыя средства, весьма тяжкія Государственному Казначейству, только для содѣйствія учредителямъ къ устраненію послѣдствій ихъ незаконныхъ дѣйствій».

Набросавъ столь мрачную картину нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ, министръ путей сообщенія переходитъ къ положительной сторонѣ своего доклада—къ указанію средствъ, съ помощью которыхъ можно было бы на будущее время поставить наше желѣзнодорожное дѣло въ нормальныя условія.

Прежде всего онъ высказываетъ глубокое убѣжденіе въ желательности и пользѣ возвращенія къ системѣ постройки новыхъ рельсовыхъ путей непосредственнымъ распоряженіемъ государства.

«Сооруженіе государственныхъ желѣзныхъ дорогъ отъ правительства, столь успѣшно примѣняемое въ Германіи, Бельгіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ»,—заявляетъ онъ.—«безспорно можетъ быть примѣняемо съ такою же пользою у насъ, особенно при настоящемъ возвышеніи уровня практическихъ свѣдѣній и нравственныхъ качествъ исполнителей. Даже тѣ дороги, которыя были устроены правительствомъ при гораздо меньшей опытности въ этомъ дѣлѣ, оказываются, почти всѣ безъ исключенія, наилучшими по прочности сооруженія. При томъ, несмотря на чрезмѣрную стоимость устроенныхъ правительствомъ дорогъ, бывшую послѣдствіемъ новизны сего дѣла въ нашей администраціи, правительство всетаки не понесло убытка при передачѣ оныхъ въ эксплуатацію частнымъ обществамъ».

Эти опыты иностранныхъ и нашего правительства, будучи сопоставлены съ многоразличными, указанными выше, неудобствами сооруженія желѣзныхъ дорогъ частными лицами и обществами, по мнѣнію графа Бобринскаго, доказываютъ, «что сохраненіе у насъ и впредь системы сооруженія рельсовыхъ путей правительствомъ будетъ совершенно рачіонально, соотвѣтствуя всестороннимъ государственнымъ, правительственнымъ и частнымъ пользамъ».

Заявивъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ казенной постройки желѣзныхъ дорогъ, министръ путей сообщенія спѣшитъ оговориться,

что онъ далекъ отъ безусловнаго отрицанія пользы допущенія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ также и частной инициативы, но лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она основывалась на началахъ, отнюдь не похожихъ на разсмотрѣнные въ его докладѣ существующіе порядки.

«Необходимо»,—утверждаетъ графъ Бобринскій,—«чтобы желѣзнодорожныя предпріятія, выработанныя правительствомъ, не выходили изъ-подъ его власти до тѣхъ поръ, пока не получили предназначенной для нихъ формы, т. е., чтобы заботы правительства направлялись впредь не къ присканію учредителей, но къ привлеченію акціонеровъ». Только при такомъ условіи «правительство достигнетъ завѣтныхъ своихъ стремленій—поставить желѣзнодорожное дѣло, столь широко охватывающее интересы всего государства, на почву твердую, законную и нравственную».

Достигнуть этого, какъ полагалъ министръ путей сообщенія, можно было бы введеніемъ новаго порядка образованія желѣзнодорожныхъ компаній. Порядокъ этотъ представлялся ему въ слѣдующемъ видѣ.

По производствѣ, не иначе какъ правительственными инженерами, пзысканіи желѣзнодорожной линіи, предположенной къ постройкѣ распоряженіемъ частнаго общества, министерствомъ путей сообщенія вырабатываются уставъ, техническія условія и расцѣпная вѣдомость для будущей компаніи, которые вносятся на разсмотрѣніе Комитета министровъ. По утвержденіи ихъ высочайшею властью они распубликовываются во всеобщее свѣдѣніе. Затѣмъ министръ путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролѣромъ, образуетъ правительственную учредительную комиссію изъ трехъ лицъ, по одному отъ каждаго изъ упомянутыхъ вѣдомствъ. Комиссія, дѣйствуя по инструкціямъ, даваемымъ ей министромъ путей сообщенія (также по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролѣромъ), исполняетъ окончательныя обязанности по учрежденію разрѣшеннаго акціонернаго общества, на основаніи высочайше утвержденного устава. Она публикуетъ, не менѣе трехъ разъ, приглашеніе къ подпискѣ на акціи учреждаемаго общества, съ обозначеніемъ: а) кредитныхъ учрежденій, при которыхъ, по соглашенію министровъ путей сообщенія и финансовъ, будетъ открыта подписка на акціи; б) подписной цѣны акцій; в) суммы первоначальнаго по нимъ взноса, и, наконецъ, г) порядка: послѣдующихъ взносовъ окончательной оплаты акцій и д) способа разверстки послѣднихъ между подписавшимися на нихъ лицами, на опредѣленныхъ въ уставѣ общества основаніяхъ. Главное изъ

такихъ основаній, по предположенію графа Бобринскаго, должно заключаться въ томъ, что разверстка производится соразмѣрно количеству акцій, подписанныхъ каждымъ, съ опредѣленнымъ преимуществомъ для подписавшагося на меньшее количество.

По закрытіи подписки коммиссія производитъ разверстку и публикуетъ: а) свѣдѣнія о количествѣ акцій, подписанныхъ въ каждомъ изъ кредитныхъ учрежденій, и о числѣ подписчиковъ, получающихъ акціи по разверсткѣ, съ указаніемъ количества причитающихся имъ акцій, и б) троекратное приглашеніе подписчиковъ въ первое общее собраніе: для удостовѣренія въ наличности денежныхъ взносовъ, для повѣрки правъ членовъ общества, для выбора правленія и для назначенія правленію срока, въ который оно должно представить общему собранію планъ своихъ дѣйствій къ осуществленію предпріятія. Въ составъ правленія, кромѣ выборныхъ директоровъ, долженъ входить директоръ отъ министерства путей сообщенія, который несетъ непосредственно передъ правительствомъ отвѣтственность за возможное нарушеніе дѣйствіями правленія устава компаніи. Первое общее собраніе происходитъ подъ предѣтельствомъ лица, предѣтельствовавшего въ правительственной коммиссіи; съ избраніемъ же предѣдателя правленія дѣйствія этой коммиссіи прекращаются и второе общее собраніе, утверждающее проектъ будущихъ дѣйствій правленія, происходитъ, какъ и всѣ послѣдующія собранія, подъ предѣтельствомъ избраннаго предѣдателя.

Къ участию въ первыхъ двухъ общихъ собраніяхъ допускаются только лица, приобрѣвшія акціи по разверсткѣ и снабженныя именнымъ свидѣтельствомъ о томъ отъ правительственной коммиссіи: эти свидѣтельства только впоследствии замѣняются акціями на предъявителя.

Суммы, принадлежащія обществу, хранятся полностью въ вѣдѣніи министра финансовъ и отпускъ ихъ производится правленію по свидѣтельствамъ инспекціи министерства путей сообщенія.

Таковъ былъ способъ образованія частныхъ компаній, предложенный графомъ Бобринскимъ, который ожидалъ отъ принятія его самыхъ благихъ послѣдствій. «По введеніи такого порядка», — пишетъ онъ, — «утратитъ всякое значеніе нынѣ укоренившееся въ публикѣ и не лишнее основанія убѣжденіе, что наши желѣзныя дороги неминуемо сосредоточиваются, ко вреду государственнымъ, казеннымъ и частнымъ интересамъ, въ рукахъ нѣсколькихъ спекуляторовъ: правильное распределеніе акцій между подписчиками доставитъ каждому подписавшемуся свободный доступъ къ участию въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Выбѣтъ съ тѣмъ прекратятся от-

дѣльнѣе переговоры и соглашенія министра путей сообщенія съ каждымъ искателемъ учредительскаго права. Самое сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и эксплуатація ихъ будутъ ограждены отъ посягательства со стороны учредителей: правительство будетъ ввѣрять осуществленіе рельсовыхъ путей уже не мнимымъ, а дѣйствительнымъ акціонернымъ обществамъ, а эти послѣднія, производя постройку и эксплуатацію линій подъ своимъ контролемъ и подъ своею отвѣтственностью, будутъ, ради своихъ собственныхъ выгодъ, заботиться о прочномъ сооруженіи и правильной эксплуатаціи сданныхъ имъ дорогъ».

Рекомендуя изложенный выше порядокъ для образованія новыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, министръ путей сообщенія высказалъ убѣжденіе, что вопросъ о томъ, какимъ способомъ должна быть отстроена каждая проектированная линія,—распоряженіемъ правительства или частнаго общества—необходимо долженъ представляться на обсужденіе Комитета министровъ, а не какого либо одного министра.

Докладъ графа Бобринскаго заключался слѣдующими словами:

«Предлагаемая министромъ путей сообщенія система сооруженія желѣзныхъ дорогъ признается имъ единственною, вполнѣ правильною въ настоящее время системою, при которой правительственнымъ дѣйствіямъ въ этой важной отрасли государственнаго хозяйства и управленія будутъ приданы тѣ, недостающія въ нихъ, законченность и опредѣленность, безъ которыхъ невозможно успѣшное достиженіе цѣлей, соединенныхъ—какъ въ государственныхъ, такъ и въ частныхъ интересахъ—съ устройствомъ, развитіемъ и эксплуатаціею государственной желѣзнодорожной сѣти».

При обсужденіи доклада графа А. П. Бобринскаго въ Совѣтѣ министровъ въ личномъ присутствіи государя, его величество въ принципѣ одобрилъ всѣ его предположенія. Никто не возражалъ противъ нихъ и при рассмотрѣнн доклада въ Комитетѣ министровъ, утвердившемъ его главные основанія: 1) допущеніе постройки новыхъ рельсовыхъ путей или распоряженіемъ правительства или средствами частныхъ обществъ; 2) необходимость производства изысканій по каждой проектированной линіи правительственными инженерами; 3) заблаговременное,—до образованія каждаго изъ проектированныхъ обществъ—распубликованіе устава его, техническихъ условій сооруженія соответствующей линіи и расцѣночной вѣдомости ея, съ обозначеніемъ въ уставѣ основнаго капитала каждой компаніи; 4) открытіе публичной подписки на акціи подъ наблюденіемъ правительственной комиссіи, которой поручалось заранее распубликовать подписную цѣну акціи; 5) созывъ первыхъ

двухъ общихъ собраній каждаго новаго общества порядкомъ, указаннымъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра путей сообщенія, и б) требованіе о включеніи въ составъ правленій по одному директору отъ правительства.

Комитетъ министровъ дополнилъ проектъ графа А. П. Бобринскаго нѣсколькими постановленіями, составленными въ томъ же духѣ и направленіи, а именно: возложеніемъ на министра путей сообщенія обязанности ежегодно представлять въ Комитетъ министровъ не позже января каждаго года о тѣхъ дорогахъ, изъ числа вошедшихъ въ высочайше утвержденную сѣть, къ осуществленію которыхъ онъ считаетъ возможнымъ приступить въ данномъ году; ограниченіемъ, въ видахъ правильнаго и вполне согласнаго съ высочайшею волею и государственнымъ интересамъ развитія желѣзнодорожной сѣти, — предоставленія постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ существующими желѣзнодорожными обществами такими вѣтвями, кои непосредственно прилегаютъ къ дорогамъ, находящимся во владѣніи нынѣ существующихъ обществъ, и включеніемъ впредь во всѣ уставы оговорки, что, за точнымъ опредѣленіемъ въ каждомъ уставѣ размѣра предоставленныхъ данному обществу льготъ и пособій отъ государства, никакое общество не въ правѣ простираетъ какихъ либо новыхъ—денежныхъ или иныхъ—требованій къ правительству.

Въ согласіи съ этимъ постановленіемъ составлены были и новыя правила о порядкѣ выдачи концессій, которыми на министерство путей сообщенія возлагалась обязанность производить предварительныя изысканія и составлять расцѣночныя и техническія вѣдомости работъ, поставокъ и расходовъ по устройству признанныхъ нужными желѣзныхъ путей. По разсмотрѣніи этихъ условій въ Комитетѣ министровъ имъ разрѣшается вопросъ, какими способомъ должны строиться дороги, непосредственно отъ правительства или частною компаніею, и въ послѣднемъ случаѣ таковая образуется слѣдующимъ порядкомъ: а) министръ путей сообщенія публикуетъ высочайше утвержденные для дороги уставъ акціонернаго общества, техническія условія и расцѣночную и техническую вѣдомости; затѣмъ, министръ путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролѣромъ, образуетъ правительственную учредительную комиссію; б) комиссія, съ утвержденія министра путей сообщенія, публикуетъ отъ имени министерства приглашеніе къ публичной подпискѣ на акціи учреждаемаго общества; в) по закрытіи подписки, комиссія производитъ разверстку; г) разверстка акцій производится соразмѣрно количеству акцій, подписанныхъ каждымъ, съ опредѣленнымъ при объявленіи

подписки правомъ на преимущество для подписавшихся на меньшее количество.

30-го марта 1873 года государь утвердилъ своею подписью какъ положеніе Комитета министровъ, такъ и новыя правила, которыя получили такимъ образомъ силу закона.

Преобразованія, внесенныя въ наше желѣзнодорожное законодательство по почину графа А. П. Бобринскаго, находились съ полною противорѣчіи съ экономической системою, усвоенною министромъ финансовъ Рейтерномъ, который хотя и не возражалъ противъ нихъ при обсужденіи ихъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, зато всячески сталъ затруднять примѣненіе ихъ къ дѣлу. Противодѣйствіе его обнаружилось тотчасъ по внесеніи въ Комитетъ министровъ предположеній министра путей сообщенія о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ виду заявленныхъ имъ возраженій, Комитетъ министровъ не только изъ 10 предложенныхъ графомъ А. П. Бобринскимъ, разрѣшилъ къ постройкѣ лишь четыре линіи: Оренбургскую, Фастовскую, Уральскую и Привислинскую, но, въ отступленіе отъ новыхъ правилъ, не обозначилъ въ уставѣ ихъ компаній цифръ основныхъ капиталовъ, дабы не оглашать заблаговременно реализаціонную цѣну акцій, что, по мнѣнію статсъ-секретаря Рейтерна, было бы противно порядку «всѣхъ предшествовавшихъ кредитныхъ операцій нашего правительства» Со своей стороны министръ путей сообщенія выступилъ съ протестомъ противъ намѣренія министра финансовъ снова даровать четыремъ вышеперечисленнымъ обществамъ безусловную и безсрочную гарантію. Разногласіе между ними по этому вопросу, а также по вопросу объ опредѣленіи реализаціонной цѣны акцій тѣхъ же обществъ было отдано государемъ на разсмотрѣніе Комитета о финансахъ, который единогласно высказался въ пользу мнѣнія Рейтерна. Рѣшеніе его, по утвержденіи императоромъ, было объявлено обоимъ министрамъ, какъ высочайшее повелѣніе ¹.

Въ началѣ 1874 года упраздненъ комитетъ желѣзныхъ дорогъ и всѣ подлежащія его вѣдѣнію дѣла переданы въ Комитетъ министровъ ², въ который графъ А. П. Бобринской не замедлилъ внести представленіе свое о 18 новыхъ рельсовыхъ путяхъ, протяженіемъ въ 5,695 верстъ.

Противъ такого расширенія нашей сѣти возражалъ министръ финансовъ, по настоянію котораго Комитетъ министровъ отклонилъ представленіе министра путей сообщенія, а когда тотъ предложилъ

¹ 1-го февраля 1874 г.

² 29-го января 1874 г.

приступить къ постройкѣ признанныхъ неотложными Донецкой и Мелитопольской дорогъ на счетъ казны, то, въ виду рѣшительнаго отказа въ согласіи со стороны Рейтерна, и это предложеніе было отклонено, вслѣдствіе чего графъ А. П. Бобринскій подалъ въ отставку, по принятіи которой государь министромъ путей сообщенія назначилъ адмирала Посьета¹.

Съ этимъ министромъ возстановилось полное согласіе между министерствами финансовъ и путей сообщенія, такъ какъ Посьетъ вполне подчинился авторитету статсъ-секретаря Рейтерна и согласовалъ съ его видами вновь составленный планъ дальнѣйшаго развитія желѣзнодорожной сѣти, ограничивъ его семью новыми линиями, признанными неотложными. Всѣ онѣ имѣли быть построены частными компаниями, причемъ, никогда въ сущности не испытанныя на дѣлѣ, правила о порядкѣ выдачи концессій 1873 года были замѣнены новыми, совершенно умалчивавшими о возможности постройки желѣзныхъ дорогъ распоряженіемъ и на средства казны:

1) Министръ путей сообщенія дѣлаетъ надлежащія распоряженія объ изготовленіи техническими органами министерства, на основаніи правительственныхъ изысканій, общихъ проектовъ направленія и продольной профили каждой изъ желѣзныхъ дорогъ, признаваемыхъ настоящимъ положеніемъ Комитета неотложными, причемъ обращаетъ преимущественное вниманіе на осуществленіе тѣхъ дорогъ, которыя служатъ къ сближенію съ минеральнымъ топливомъ безлѣсныхъ мѣстностей и мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ. По тѣмъ же изъ упомянутыхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ правительственныя изысканія еще не были произведены, къ производству такихъ изысканій приступается съ началомъ весны 1875 года; вмѣстѣ съ тѣмъ готовится министерствомъ путей сообщенія проектъ техническихъ условій сооруженія каждой желѣзной дороги и опредѣляется строительная цѣна ея.

2) Когда министръ финансовъ, по соображеніи съ состояніемъ денежнаго рынка и нашего кредита, признаетъ возможнымъ учрежденіе новыхъ акціонерныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, тогда министръ путей сообщенія, по соглашенію съ нимъ, вноситъ въ Комитетъ министровъ предположеніе о способѣ осуществленія каждой изъ намѣченныхъ къ исполненію дорогъ съ представленіемъ упомянутыхъ выше техническихъ данныхъ и строительной цѣны дороги, а также проекта устава новаго желѣзнодорожнаго общества или подлежащихъ измѣненій въ уставѣ существующей уже компании, если сооруженіе новой дороги предоставляется такой компании.

¹ 19-го іюля 1874 г.

3) Министру путей сообщенія разрѣшается входить, по соглашенію съ министромъ финансовъ, съ отдѣльными въ Комитетъ министровъ представленіями: а) о сооруженіи такихъ вѣтвей или продолженій дорогъ, которыя могутъ быть, безъ отягощенія казны увеличеніемъ приплаты по гарантіи, соединены съ существующими уже дорогами и построены на облигаціонный капиталъ, если будетъ признано, что эти вѣтви послужатъ къ улучшенію положенія существующихъ дорогъ, и б) о сооруженіи такихъ линій, которыя могутъ быть осуществлены безъ всякаго пособія отъ казны или гарантіи ихъ капитала;

и 4) Когда будетъ обезпечена постройка большей части желѣзныхъ дорогъ, признанныхъ неотложными, тогда министръ путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, входитъ въ Комитетъ министровъ съ новымъ представленіемъ объ опредѣленіи дальнѣйшей послѣдовательности въ постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Съ этого времени и до самаго конца царствованія число желѣзныхъ дорогъ, ежегодно разрѣшаемыхъ къ сооруженію, постоянно понижается. Въ 1877 году, вслѣдствіе войны, вспыхнувшей между Россіею и Турціею, вовсе не было разрѣшено къ постройкѣ новыхъ линій, если не считать Бендеро-Галацкой вѣтви, вызванной исключительно потребностями военного времени. Въ слѣдующемъ 1878 году строительство ограничивается одною линіею протяженіемъ всего на 56 верстѣ. По окончаніи войны, заботы правительства сводятся преимущественно къ увеличенію провозоспособности уже существующихъ желѣзныхъ дорогъ. Надъ изслѣдованіемъ общаго положенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи трудилась, учрежденная въ 1876 году, особая комиссія, подъ предѣвательствомъ генераль-адъютанта графа Баранова.

Возобновленію желѣзнодорожнаго строительства въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, препятствовало истощеніе Государственнаго Казначейства чрезмѣрными расходами на военные надобности и въ частности—оскудѣніе желѣзнодорожнаго фонда, въ 1879 году состоявшаго въ долгу у казны на 120.000,000 рублей, а къ концу 1880 года на 174.000,000 рублей. Тѣмъ не менѣе на первую очередь Комитетъ министровъ поставилъ въ 1879 году постройку Закавказской линіи отъ Тифлиса до Баку и отъ Почтифлисской дороги до вновь пріобрѣтеннаго Батума съ тѣмъ, чтобы, по обезпеченіи постройки этихъ вѣтвей, приступить къ сооруженію линій между Владикавказомъ и Петровскомъ, а также къ соединенію Карса съ сѣтью Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ слѣдующемъ 1880 году рѣшена постройка Закаспійской желѣзной дороги и продолженіе Константиновской дороги до Азов-

скаго моря, сооруженіемъ вѣтвей отъ одного изъ пунктовъ Мелитопольской линіи до Мариуполя. Наконецъ, при обсужденіи вопроса о способѣ постройки линіи отъ Екатеринбурга до Тюмени, временно управлявшій министерствомъ финансовъ, за отсутствіемъ министра Грейга, товарищъ министра Бунге предложилъ начать работы по этой линіи издвигеніемъ казны.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II, постепенному измѣненію взгляда правительства на основныя начала нашего желѣзнодорожнаго хозяйства несомнѣнно содѣйствовало явное проявленіе несостоятельности концессионной системы, выразившееся, между прочимъ, въ громадной и непрерывно возрастающей задолженности частныхъ обществъ казнѣ, къ 1-му января 1880 году достигшее, въ общей сложности, колоссальной цифры 1.091.000,000 рублей. Средствомъ къ исправленію зла представлялось усиленіе правительственнаго надзора и контроля надъ ними, и Комитетъ министровъ единогласно призналъ «необходимость изданія общаго желѣзнодорожнаго закона, который восполнилъ бы безспорно существующій недостатокъ нашего законодательства въ смыслѣ точнѣйшаго опредѣленія обязанностей и отвѣтственности желѣзнодорожныхъ обществъ по отношенію ихъ къ правительству, между собою и къ публикѣ и выработки общихъ основаній для установленія желѣзнодорожныхъ тарифовъ»¹.

Убѣжденнымъ сторонникомъ возвращенія къ давно оставленному способу постройки желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства и на его средства явился, замѣнившій въ 1880 году Грейга въ званіи министра финансовъ, А. А. Абаза. Въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Комитета министровъ, при обсужденіи представленія адмирала Посета о постройкѣ на средства казны Западно-Донецкой (Криворогской) и Баскунчакской солевозной линіи, онъ высказалъ слѣдующій неприкрашенный взглядъ на современное состояніе нашего желѣзнодорожнаго хозяйства:

«Неустройство желѣзнодорожнаго у насъ дѣла въ финансовомъ отношеніи дошло въ послѣднее время до крайнихъ предѣловъ. Изъ числа существующихъ желѣзнодорожныхъ обществъ не болѣе пяти—шести находятся въ столь удовлетворительномъ состояніи, что даютъ акціонерамъ извѣстную прибыль сверхъ гарантированнаго правительствомъ дохода, большинство же обременяютъ Государственное Казначейство требованіемъ гарантіи почти въ полномъ размѣрѣ, а весьма многія не имѣютъ даже достаточныхъ средствъ для удовлетворенія текущихъ эксплуатаціонныхъ расходовъ. Столь печальное

¹ 10-го и 17-го іюня 1880 г.

состояніе хозяйства въ громадномъ большинствѣ желѣзнодорожныхъ компаній объясняется тѣми условіями, въ которыя поставлена у насъ финансовая сторона желѣзнодорожнаго дѣла. При малой еще доходности большей части нашихъ рельсовыхъ путей, выработка ими какого-либо дохода сверхъ дарованной имъ правительствомъ гарантіи представляется возможною лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и то только при условіи самаго рациональнаго и бережливаго управленія. Между тѣмъ, при настоящемъ положеніи дѣла, частные акціонеры, не предвидя возможности увеличенія своихъ прибылей на затраченные ими въ желѣзнодорожныя предприятия капиталы, относятся крайне равнодушно къ хозяйству принадлежащихъ имъ линій и, не будучи побуждаемы личнымъ интересомъ къ лучшему веденію дѣла, довольствуются гарантированнымъ правительствомъ неизмѣннымъ доходомъ; тѣ же общества, акціи которыхъ не гарантированы, находятся постоянно въ безнадежномъ положеніи. Такимъ образомъ, большинство нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ существуютъ исключительно на казенные капиталы и представляютъ собою ненормальное явленіе: съ одной стороны — расходованія казенныхъ денегъ безъ достаточнаго контроля, а съ другой — частнаго управленія, не побуждаемаго къ улучшеніямъ личнымъ интересомъ. Между тѣмъ, въ виду громаднаго вліянія, которое оказываютъ рельсовые пути въ дѣлѣ развитія экономической жизни государства, приведеніе ихъ въ надлежащее устройство и упроченіе существованія самыхъ желѣзнодорожныхъ предприятий представляются настоятельно необходимыми. Независимо отъ этого, освобожденіе государственной казны отъ тѣхъ громадныхъ расходовъ, которые вызываются ежегодными приплатами по гарантіи, а также отъ весьма значительныхъ затратъ на поддержаніе и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ, является вопросомъ первостепенной важности. Изысканіе радикальныхъ средствъ къ скорѣйшему выходу изъ столь тягостнаго для государства положенія должно составлять одну изъ главнѣйшихъ заботъ финансоваго управленія. Ближайшее изученіе нашего желѣзнодорожнаго дѣла привело уже министра финансовъ къ мысли о необходимости испытать еще разъ казенный способъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и настоящія предположенія о постройкѣ непосредственнымъ распоряженіемъ казны Криворогской и Васкунчакской дорогъ являются первымъ опытомъ примѣненія означенной системы». Комитетъ министровъ, выразилъ полное сочувствіе къ высказанному Абазоу взгляду ¹.

¹ 1-го февраля 1881 г.

Въ томъ же засѣданіи Комитета министровъ министръ финансовъ Абаза выразилъ убѣжденіе, что было бы полезно безъ замедленія приступить къ постепенному принятію въ казенное управленіе нѣкоторыхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій, переходъ которыхъ въ руки правительства, въ виду ихъ разстроеннаго финансового положенія, не будетъ сопряженъ съ большими денежными затратами. Операцию эту онъ полагалъ начать съ Харьковско-Николаевской желѣзной дороги, планъ выкупа которой въ казну былъ окончательно разработанъ въ февралѣ 1881 года, но внесенъ въ Комитетъ министровъ въ первые дни слѣдующаго царствованія.

Не взирая на всѣ колебанія, ошибки, заблужденія и всякаго рода недочеты, неизбѣжныя въ новомъ, неизвѣданномъ и неиспытанномъ важномъ государственномъ дѣлѣ, развитіе сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ царствованіе императора Александра II выражается слѣдующими краснорѣчивыми цифрами:

Къ 1-му января 1857 года находилось открытыхъ для движенія дорогъ въ Имперіи 671 верста, а въ Царствѣ Польскомъ 308 верстъ, всего 979 верстъ.

Къ 1-му января 1863 года открытыхъ дорогъ было уже 3,071 верста. Кромѣ того въ постройкѣ находилось 287 верстъ.

Къ 1-му января 1867 года: открытыхъ 4,242 версты, въ постройкѣ 1,694 версты и разрѣшенныхъ къ постройкѣ 940 верстъ.

Къ 1-му января 1870 года: открытыхъ 7,654 версты, въ постройкѣ 5,030 верстъ и разрѣшенныхъ къ постройкѣ 1,618 верстъ.

Къ 1-му октября 1876 года: открытыхъ 17,658 верстъ, не считая 595 верстъ финляндскихъ дорогъ, въ постройкѣ 2,075 верстъ и разрѣшенныхъ къ постройкѣ 285 верстъ.

Въ девятилѣтній періодъ, съ 1866 по 1875 годъ включительно, основной капиталъ открытыхъ дорогъ увеличился на сумму 971½ миллионѣвъ рублей кредитныхъ, стоимость же построенныхъ дорогъ — на 789 миллионѣвъ рублей.

Распространенію на всю Европейскую Россію желѣзныхъ дорогъ соотвѣтствовало развитіе пароходства. Еще ранѣе приступленія къ постройкѣ желѣзнодорожной сѣти, 3-го августа 1856 года высочайше учреждено, подъ непосредственнымъ покровительствомъ государя, Русское общество пароходства и торговли, съ цѣлью возобновленія между портами Чернаго и Азовскаго морей пароходныхъ сообщеній, производившихся на счетъ правительства до Крымской войны, а также въ видахъ развитія внѣшней торговли южнаго края Россіи. Въ короткое время общество это, при постоянной правительственной поддержкѣ, выразившейся, между прочимъ, въ щедрой помилной платѣ, расширило кругъ своей дѣя-

тельности и суда его связали русскіе черноморскіе порты съ важнѣйшими портами Европейской и Азіатской Турціи и Египта. Мало-по-малу пароходныя общества учредились во всѣхъ нашихъ внутреннихъ моряхъ и по теченію судоходныхъ рѣкъ Волги, Дона, Днѣпра, Днѣстра, Вислы, Нѣмана, Западной Двины, Невы, Сѣверной Двины и по ихъ притокамъ, распространяясь по ту сторону Урала на всѣ главныя рѣки Средней Азіи и Сибири, до Амура и Уссури включительно.

Быстрое развитіе паровыхъ сообщеній не препятствовало, а скорѣе побуждало къ расширенію и усовершенствованію естественныхъ водяныхъ путей, углубленію и расчисткѣ руселъ рѣкъ, поддержанію старыхъ и сооруженію новыхъ каналовъ. Значительныя работы произведены для улучшенія портовъ на Балтійскомъ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Шоссейныя дороги также не оставлены въ пренебреженіи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ казенныя шоссе Московской и Тульской губерній, въ видѣ опыта, переданы въ завѣдываніе мѣстныхъ земствъ на десять лѣтъ и тотъ же опытъ произведенъ въ 1877 году съ шоссейными путями Калужской и Ярославской губерній.

Соотвѣтственно общему хозяйственному развитію страны, развивались почтовое и телеграфное сообщенія, что вызвало расширеніе круга дѣятельности почтъ и телеграфовъ и коренное ихъ преобразование.

Въ началѣ царствованія почтовою частью Имперіи вѣдалъ отдѣльный почтовый департаментъ, во главѣ котораго стоялъ главноначальствующій, а телеграфная часть была подчинена главному управленію путями сообщеній. Въ 1864 году почта и телеграфъ слиты въ одно общее управленіе, которое въ 1866 году наименовано министерствомъ почтъ и телеграфовъ. Министромъ назначенъ И. М. Толстой, а по смерти его генераль-адъютантъ Тимашевъ, по назначеніи котораго въ 1868 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, почтовое и телеграфное вѣдомство включено въ составъ этого министерства. Въ послѣдній годъ царствованія оно снова образовало отдѣльное министерство, во главѣ котораго поставленъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ.

По мѣрѣ того какъ Россія покрывалась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, сокращалась перевозка писемъ и посылокъ на почтовыхъ лошадахъ и одинъ за другимъ закрывались главные почтовые тракты или передавались въ завѣдываніе земствъ. Поверстная прогонная плата повышена и уничтожены подорожныя. Зато вмѣстѣ желѣзнодорожнаго района открывались новые почтовые тракты и станціи, такъ что въ 1878 году уже всѣ населенныя мѣста Импе-

ріи пользовались услугами почты, не исключая и отдаленныхъ краевъ Туркестана и Амурской области. Уже въ 1857 году введены впервые почтовые марки для оплаты внутреннихъ простыхъ писемъ; въ 1864 году разрѣшено оплачивать ими и иностранную корреспонденцію, а въ 1866 году и отправленія подъ бандеролью. Въ 1871 году изданы временныя постановленія по почтовой части, вводившія слѣдующія мѣры: 1) допущена пересылка не вполне оплаченныхъ писемъ; 2) введенъ новый родъ корреспонденціи — открытыя письма; 3) установлена застрахованная пересылка государственныхъ и другихъ процентныхъ бумагъ; 4) понижена почти до половины страховая такса за денежные и другія цѣнныя отправленія; 5) вмѣсто прежнихъ страховыхъ писемъ введены два рода корреспонденціи — цѣнные пакеты и заказныя письма; 6) установлена однообразная такса для посылокъ, уменьшенная, впрочемъ, для книгъ; 7) допущена пересылка подъ бандеролью по уменьшенной таксѣ образчиковъ товаровъ и печатныхъ произведеній; 8) введена пропорціональная процентная такса для пересылки повременныхъ изданій, сообразно съ цѣною ихъ и срокомъ выхода; и 9) установленъ опредѣленный 2-хъ и 3-хъ-копѣечный сборъ за доставку и выдачу корреспонденціи, который, однако, какъ назначенный на увеличеніе содержанія почталіоновъ, былъ отмѣненъ въ 1874 году, послѣ того какъ на этотъ предметъ высочайше ассигнованъ дополнительный кредитъ изъ Государственнаго Казначейства.

Въ первые годы царствованія заключены почтовые конвенціи съ пограничными государствами Пруссією, Австрією и Швецією, а почтовые сношенія съ прочими государствами производились чрезъ посредство прусскаго почтоваго управленія, которое устанавливало всѣ правила, опредѣлявшія эти сношенія, назначало таксы, вело расчеты и разбирало жалобы. Порядокъ этотъ былъ признанъ неудобнымъ и въ 1872 году заключены почтовые конвенціи непосредственно съ Данією, Нидерландами, Бельгією, Францією, Швейцарією и Италією, а также дополнительныя къ прежнимъ конвенціи съ сосѣдними Германією и Австро-Венгрією, наконецъ—съ Румынією.

Въ 1874 году делегатъ русскаго правительства участвовалъ въ международномъ конгрессѣ въ Бернѣ, на которомъ 22 государства сѣвернаго полушарія, составляющія сплошную группу въ 37.000,000 квадратныхъ верстъ, съ болѣе чѣмъ 350-ти миллионнымъ населеніемъ, образовали Всемирный почтовый союзъ, въ составъ котораго вошла и Россія, вслѣдствіе чего съ 1875 года установлена въ Россіи однообразная такса за письменную корреспонденцію какъ

международную—въ предѣлахъ союза,—такъ и всю, безъ исключенія, внутреннюю. Въ послѣдующіе годы въ Россіи вводились всѣ постановленныя періодическими съѣздами представителей Всемирнаго почтового союза улучшенія по почтовой части, какъ-то: однообразная такса для писемъ и бандерольныхъ отправленій, право страховать денежную корреспонденцію до мѣста ея назначенія и т. п.

Результаты всѣхъ этихъ преобразованій по почтовой части выражаются въ слѣдующихъ сравнительныхъ цифрахъ:

	1854 г.	1878 г.
Почтовый доходъ	5.686,000 р.	13.394,000 р.
расходъ	8.743,000 >	14.217,000 >
Общее число корреспонденцій .	33.864,000	198.775,000
Переслано цѣнностей на . . .	548.495,000 >	2.5614.55,000 >
Число почтовыхъ учрежденій	1,645	2,437

Не меньшее развитіе получили за тотъ же періодъ времени и телеграфныя сношенія.

Въ началѣ царствованія въ Россіи существовало всего три линіи электрическаго телеграфа, исключительно для казенныхъ потребностей, на протяженіи около 2,000 верстъ, а именно: пзъ Петербурга въ Кронштадтъ, черезъ Москву въ Кіевъ и черезъ Варшаву къ австрійской границѣ съ вѣтвью отъ Маріуполя къ прусскому пограничному мѣстечку Эйдкуненъ. Въ двадцать пять лѣтъ—съ 1855 по 1880 годъ—государственный телеграфъ, развиваясь постепенно, и преимущественно въ Европейской Россіи, образовалъ телеграфную сѣть въ 74,863 версты линій, 142,584 версты проводовъ, съ 1,046 станціями. Въ 1880 году русская сѣть по протяженію занимала уже первое мѣсто среди телеграфовъ прочихъ государствъ.

Только первыя линіи строились иностранными контрагентами и необходимыя къ нимъ принадлежности выписывались изъ-за границы. По мѣрѣ подготовленія русскихъ техникувъ, работы перешли въ ихъ руки, а съ 1866 года, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о прекращеніи правительственныхъ заказовъ за границу, всѣ телеграфныя принадлежности стали изготавляться въ Россіи, за исключеніемъ кабелей, выдѣлка которыхъ у насъ не производится. Такъ, русское производство поставило для нашихъ телеграфовъ, не считая главнаго строительнаго матеріала, до 300,000 пудовъ проволоки, болѣе 3-хъ милліоновъ изоляторовъ, болѣе 2.000,000 крюковъ, до 2,000 аппаратовъ Морзе и болѣе 180 аппаратовъ Юза. Расходъ на распространеніе государственной сѣти за 25-ти-лѣтній

періодъ составляетъ до 14.000,000 рублей. Частное содѣйствіе ея сооруженію опредѣляется въ размѣрѣ до полумилліона рублей.

Въ Восточную войну 1877—1878 годовъ сдѣланы распоряженія для примѣненія телеграфа къ военнымъ надобностямъ. Внутри Имперіи открыто нѣсколько станцій по случаю мобилизаціи войскъ, пополнены новыми линиями и проводами южная часть и Кавказскій районъ нашей сѣти, а по Черноморскому и Балтійскому побережьямъ устроены телеграфы для способствованія оборонѣ. Для устройства телеграфовъ и завѣдыванія какъ ими, такъ и почтовыми сообщениями на европейскомъ театрѣ войны учрежденъ при Дунайской арміи отдѣлъ почтъ и телеграфовъ. Всею въ послѣднюю войну устроено: на Балканскомъ полуостровѣ — линіи 2,148 верстъ съ 3,933 верстами проводовъ и съ 61 станціей; на Кавказѣ и въ Малой Азіи — линіи 1,436, проводовъ 1,860 верстъ и 60 станцій.

Сосредоточивая въ своихъ рукахъ устройство русской телеграфной сѣти, правительство выдавало концессіи иностраннымъ предпринимателямъ для осуществленія предпріятій международныхъ. По концессіямъ, даннымъ датскому обществу Great Northern Telegraph С°, открыты подводные пути, въ 1868 году отъ Либавы, чрезъ островъ Борнгольмъ, до датскаго острова Мена, а въ 1869 году отъ Ништадта до шведскаго берега у Грислегамна. Оба каната соединены съ кабелями, уложенными отъ датскаго и шведскаго береговъ къ берегамъ Великобританіи, образовавъ прямые, независимые отъ континентальныхъ телеграфовъ, пути для сношеній Россіи со скандинавскими государствами и съ Англіей. Франко-нѣмецкая война и обнаружившіяся во время ея затрудненія въ обмѣнѣ корреспонденціи съ Франціей по телеграфамъ материка вызвали проложеніе тѣмъ же датскимъ обществомъ въ 1873 году кабеля отъ датскаго острова Фано прямо въ Кале. Въ 1876 году то же общество, погрузивъ для правительственной эксплоатаціи кабель отъ Ништадта къ острову Аланду, продолжило его до шведскаго берега. Въ Черномъ морѣ уложенъ въ 1874 году обществомъ Black Sea Telegraph С° кабель между Одессою и Константинополемъ.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ независимыхъ отъ материка подводныхъ путей для сношеній Россіи съ отдаленными иностранными государствами, были приняты мѣры для привлеченія всемірнаго транзита на нашу сѣть. Съ этою цѣлью по концессіи, выданной извѣстнымъ телеграфнымъ строителямъ Сименсу и Гальске, устроена въ 1870 году, для передачи корреспонденціи Европы съ Индіей, прямая линія отъ Торна, чрезъ Варшаву, Одессу и Кавказъ, до Джульфы,

продолженная въ одну сторону чрезъ Пруссію и Сѣверное море до Лондона, а въ другую, чрезъ Персію, до устроенныхъ англичанами воздушныхъ и подводныхъ линій въ Индію. Для обмѣна чрезъ Россію сношеній Европы и Америки съ Китаемъ и Японіей, Датское сѣверное общество съ 1870 по 1872 годъ проложило кабель отъ конечной станціи Сибирской линіи во Владивостокѣ до Нагасаки, Шанхая и Гонгъ-Конга.

Послѣдній морской кабель чрезъ Каспійское море проложенъ въ 1879 году между Баку и Красноводскомъ, по требованію кавказскаго начальства, на средства правительственныя и подъ наблюденіемъ правительственныхъ техниковъ.

Существеннымъ пособникомъ государственной сѣти въ передачѣ общей корреспонденціи служатъ желѣзнодорожные телеграфы, проведенные вдоль всѣхъ линій желѣзныхъ дорогъ и имѣвшіе въ 1880 году 1,472 станціи. Сверхъ того, протяженіе частныхъ телеграфныхъ линій въ томъ же году составляло 481 версту, съ проводами въ 610 верстъ и съ 61-ю станціею.

Телеграфный обмѣнъ съ иностранными государствами опредѣляется международными договорами. Сначала были заключены конвенціи съ сопредѣльными державами: Пруссіей, Австріей, Швеціей, Румыніей, Турціей, но въ 1865 году Россія приняла участіе въ общеевропейскомъ телеграфномъ сѣздѣ въ Парижѣ и приступила тамъ къ конвенціи, заключенной между всѣми государствами, представленными на сѣздѣ. Послѣ пересмотровъ на очередныхъ конференціяхъ въ Вѣнѣ въ 1868 году и въ Римѣ въ 1871 году парижской конвенціи, телеграфный союзъ, расширившійся изъ предѣловъ Европы въ другія части свѣта, скрѣпился заключенною въ 1875 году на общемъ сѣздѣ въ Петербургѣ новою, замѣнившюю парижскій договоръ, конвенціею. Собранная въ 1879 году въ Лондонѣ пятая телеграфная конференція ввела коренное измѣненіе въ международномъ тарифѣ, установивъ въ европейскихъ сношеніяхъ, взамѣнъ двадцатисловной тарифной системы, плату пословную.

Это повело къ пониженію нашего внутренняго тарифа, въ который введена также плата пословная, низшій размѣръ которой опредѣленъ въ 10 словъ. Всѣ эти мѣры имѣли послѣдствіемъ значительное увеличеніе телеграфной корреспонденціи. Въ 1878 году принято внутреннихъ телеграммъ 4.404,000; телеграммъ международныхъ передано за границу, принято оттуда и прошло транзитомъ — 1.051,000; депешный сборъ въ 1878 году достигъ 6.921,000 рублей. Личный составъ телеграфнаго вѣдомства въ 1880 году состоялъ изъ 9,495 служащихъ, изъ нихъ 702 женщины, которыхъ

разрѣшено назначать телеграфистками высочайшимъ повелѣніемъ 26-го февраля 1865 года.

Въ теченіе двадцатипятилѣтія, съ 1855 по 1880 годъ, доходу по государственному телеграфу поступило до 75 милліоновъ рублей; на содержаніе телеграфной части израсходовано до 58 милліоновъ; чистой прибыли телеграфъ принесть около 17 милліоновъ рублей¹.

¹ Матеріалами при составленіи настоящей главы служили: а) по финансамъ и торговлѣ: Государственныя росписи доходовъ и расходовъ съ 1862 по 1881 гг.; И. С. Вліюхъ: Финансы Россіи XIX столѣтія. Исторія. Статистика. Четыре тома; Бражескій: Государственные долги Россіи; Виды и обзоры внешней торговли съ 1855 по 1881 гг.; б) по путямъ сообщенія: Всеподданнѣйшій отчетъ по министерству путей сообщенія съ 1855 по 1880 гг.; И. С. Вліюхъ: Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, пять томовъ и въ особенности—изданное къ столѣтію Комитета министровъ, канцелярією его, превосходное изслѣдованіе Н. А. Кислинскаго, подъ главною редакцією статсъ-секретаря Куломзина: Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета министровъ, два тома; в) по почтѣ и телеграфу: Краткій отчетъ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1855 по 1880 гг.

Церковь, просвѣщеніе, благотворительность.

1855—1881.

Заботливость государя о православной русской церкви.—Первенствующіе іерархи въ его царствованіе и оберъ-прокуроры св. Синода.—Переводъ священнаго писанія на русскій языкъ.—Проповѣди Слова Божія звѣщникамъ.—Обращеніе иновѣрцевъ въ православіе.—Возвышеніе положенія православнаго духовенства въ Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ.—Ворьба съ расколомъ.—Улучшеніе быта священно-и церковно-служителей.—Приходскія попечительства и церковно-приходскія школы.—Законоположенія, выработанныя особыми присутствіями при св. Синодѣ.—Преобразование духовно-учебныхъ заведеній.—Учрежденіе новыхъ епархій и викариатетовъ.—Сношенія съ православными церквями и попеченія о единовѣрцахъ на Востокахъ.—Сочувствіе русскаго духовенства воиhrъ за освобожденіе балканскихъ христіанъ.—Высочайшая благодарственная грамота Синоду.—Принятвенное посланіе Синода государю въ день двадцатипятилѣтія его царствованія.—Сравнительное положеніе православной русской церкви въ началѣ и въ концѣ царствованія.—Римско-католическая церковь въ Россіи.—Льготы протестантамъ, мусульманамъ, евреямъ.—Милости раскольникамъ.—Народное просвѣщеніе.—Отмѣна стѣснительныхъ мѣръ для студентовъ университетовъ.—Докладъ министра Норова о нуждахъ народнаго образованія въ Россіи.—Преобразование Главнаго правленія училищъ.—Назначеніе Ковалевскаго министромъ народнаго просвѣщенія.—Новые кредиты на народное образованіе.—Упраздненіе Главнаго педагогическаго института съ замѣною его педагогическими курсами при университетахъ.—Положеніе о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.—Воскресныя школы.—Отрицательное направленіе литературы.—Безпорядки въ университетахъ.—Грифъ Пущиты.—Министръ народнаго просвѣщенія.—Проектированныя имъ мѣры обузданія студентовъ.—Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія Головинна.—Усиленіе броженія среди учащейся молодежи.—Закрѣпленіе воскресныхъ школъ и народныхъ читаленъ.—Примирительный образъ дѣйствій Головинна.—Преобразование министерства народнаго просвѣщенія.—Новый университетскій уставъ.—Уставъ гимназій и прогимназій.—Начальное образо-

ваніе.—Обсужденіе этого вопроса въ Совѣтѣ министровъ и въ Особомъ совѣщаніи.—Взглядъ на него Головинна.—Вопросъ объ отношеніяхъ земства къ народнымъ училищамъ.—Обсужденіе его въ Государственномъ Совѣтѣ.—Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ.—Правила для народныхъ школъ въ Западномъ краѣ.—Мѣры по начальному образованію, принятыя М. И. Муравьевымъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.—Обсужденіе въ Комитетѣ министровъ вопроса о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ юго-западныхъ.—Мнѣніе оберъ-прокурора св. Синода графа Толстого о задачахъ православнога духовенства и народнаго образованія.—Назначеніе его министромъ народнаго просвѣщенія.—Пересмотръ университетскаго устава.—Правила о надзорѣ за студентами высшихъ учебныхъ заведеній.—Высочайшая грамота петербургскому университету въ годовщину его пятидесятилѣтія.—Возобновленіе студенческихъ волненій.—Новыя и преобразованныя высшія учебныя заведенія.—Учрежденіе Сибирскаго университета въ Томскѣ и Археологическаго института въ Петербургѣ.—Введеніе «классической системы» въ среднее образованіе.—Обсужденіе ея въ Особомъ присутствіи и въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденіе государемъ.—Новый уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ и повсемѣстное введеніе его.—Основаніе въ Москвѣ лицея цесаревича Николая.—Уставъ реальныхъ училищъ.—Преобразованіе учебныхъ заведеній въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ и въ Царствѣ Польскомъ.—Подчиненіе министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеній Царства Польскаго и образованіе Варшавскаго учебнаго округа.—Введеніе въ нихъ преподаванія на русскомъ языкѣ.—Русскія учебныя заведенія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Пересмотръ стараго и введеніе новаго положенія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.—Допущеніе женщинъ на службу въ правительственные и общественныя учрежденія.—Переименованіе уѣздныхъ училищъ въ городскія.—Основаніе учительскихъ институтовъ.—Положеніе о народныхъ училищахъ.—Ученыя учрежденія и сѣзды.—Возростаніе бюджета министерства народнаго просвѣщенія.—Послѣдній отчетъ графа Толстого по министерству народнаго просвѣщенія.—Замѣна графа Толстого во главѣ министерства народнаго просвѣщенія Сабуровымъ.—Русское искусство, литература и повременная печать.—Воспитательно-благотворительная дѣятельность вѣдомства учрежденій императрицы Маріи.—Передача его въ завѣдываніе императрицы Маріи Александровны.—Участіе въ дѣлѣ великихъ княгинь.—Новыя узаконенія.—Вступленіе цесаревны Маріи Осодоровны въ завѣдываніе вѣдомствомъ.—Развитіе его дѣятельности въ царствованіе Александра II.—Число учебныхъ и благотворительныхъ заведеній и получившихъ въ нихъ воспитаніе или пріютъ.

Развитіе просвѣщенія въ русскомъ народѣ и утвержденіе его въ вѣрѣ и благочестіи составляли предметъ постоянныхъ заботъ императора Александра II, признававшаго въ томъ для Россіи, какъ самъ онъ выразился въ достопамятномъ манифестѣ 19-го марта 1856 года, «вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастья».

Во все продолженіе двадцатипестилѣтняго царствованія, соблюдая завѣты державныхъ предковъ, государь явилъ себя вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ православной церкви, ревнителемъ и за-

щитникомъ православія. Дѣятельными сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были отечественные іерархи и во главѣ ихъ маститый первосвятитель московскій Филаретъ, а по смерти его—митрополитъ с.-петербургскій Исидоръ, занимавшій съ 1859 года и до самаго конца царствованія мѣсто первоприсутствующаго члена св. Синода. При вступленіи императора Александра II на престолъ временно исполнялъ обязанность синодальнаго оберъ-прокурора тайный совѣтникъ Карасевской; съ 1856 по 1862 годъ должность эту занималъ графъ А. П. Толстой, съ 1862 по 1865 — свиты его величества генераль-майоръ Ахматовъ, съ 1865 по 1880—графъ Д. А. Толстой, наконецъ, въ послѣдній годъ царствованія оберъ-прокуроромъ Синода назначенъ К. П. Побѣдоносцевъ.

Въ самый день священнаго коронованія, 26-го августа 1856 года, въ Москвѣ, св. Синодъ, въ полномъ собраніи своихъ членовъ, постановилъ увѣковѣчить это событіе приступленіемъ къ переводу всѣхъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ, не для употребленія церковно-служебнаго, для котораго славянскій текстъ долженъ былъ остаться неприкосновеннымъ, а для пособія къ лучшему уразумѣнію Слова Божія чадами русской церкви. Громадный трудъ, надъ которымъ члены Синода работали въ продолженіе двухъ десятилѣтій, приведенъ къ окончанію въ 1876 году, когда впервые издана на русскомъ языкѣ вся Библия, въ полномъ ея объемѣ. Первое изданіе въ 24,000 экземпляровъ быстро разошлось въ одинъ годъ и въ 1877 году предпринято второе изданіе, въ томъ же размѣрѣ. Государь, въ особомъ рескриптѣ, выразилъ искреннюю признательность Синоду за совершеніе великаго дѣла. «Молю Бога»,— писалъ онъ,— «да явитъ Онь спасительную силу своего Слова къ преуспѣянію православнаго русскаго народа въ вѣрѣ и благочестіи, на которыхъ зиждется истинное благо царствъ и народовъ»¹.

Въ царствованіе Александра II проповѣдь Слова Божія язычникамъ, населяющимъ нѣкоторые изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ, получила широкое развитіе. Подготовленные въ специальныхъ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ при духовныхъ академіяхъ и главнѣйшихъ семинаріяхъ, основательно изучивъ инородческіе языки и нарѣчія, православные миссіонеры дѣйствовали съ усѣбхомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, просвѣщая свѣтомъ евангельской истины не только идолопоклонниковъ, но и мусульманъ. Миссіонерскіе станы, учрежденные по всему Поволжью, трудились надъ обращеніемъ черемисовъ, чувашей, вотяковъ, мордвы,

¹ Рескриптъ св. Синоду, 27-го марта 1877 г.

а также татаръ, калмыковъ и киргизовъ; въ Сибири, въ Тобольской губерніи, дѣйствовали, въ сѣверныхъ ея предѣлахъ, миссіи Кондійская и Обдорская, въ Томской губерніи — Алтайская и Туруханская; въ Иркутской губерніи — Иркутская и Забайкальская; далѣе къ Востоку священники съ походными церквами объѣзжали Якутскую область, проникая до самой Камчатки. Многолѣтнею апостольскою дѣятельностью въ этихъ отдаленныхъ краяхъ прославился преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій и алеутскій, распространившій проповѣдь Евангелія и на дикарей, поселенныхъ по Амуру, на Курильскихъ островахъ и въ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ въ Сѣверной Америкѣ. Въ то же время православные миссіонеры дѣйствовали на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ, трудясь надъ возстановленіемъ христіанства въ этихъ нѣкогда христіанскихъ областяхъ. Миссіонерская дѣятельность распространялась и за предѣлы Имперіи. Духовная миссія въ Пекинѣ утверждала въ вѣрѣ отцовъ православныхъ китайцевъ, потомковъ русскихъ выходцевъ, когда-то переселенныхъ изъ Албазина въ столицу Небесной Имперіи. Вновь учрежденная духовная миссія въ Японіи положила прочное начало обращенію въ православіе японцевъ, и къ концу царствованія число обращенныхъ въ этой странѣ превышало уже 4,000 человекъ. Наконецъ, православная архіерейская кафедра основана въ Сѣверной Америкѣ съ мѣстоименованіемъ епископа въ Санъ-Франциско.

Обращеніе въ православіе изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, — римско-католическаго и протестантскаго, до известной степени, находилось въ зависимости отъ хода политическихъ событій въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Значительное число эстовъ и латышей приняло православную вѣру въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и, послѣ небольшого перерыва, движеніе это продолжалось до послѣднихъ лѣтъ царствованія. Наибольшее число бѣлоруссовъ-католиковъ возвратилось въ лоно православной церкви въ Сѣверо-Западномъ краѣ, вскорѣ по усмиреніи въ немъ мятежа, преимущественно въ 1866 году, когда въ литовской епархіи обратилось 25 тысячъ, а въ Минской 20 тысячъ душъ. Девять лѣтъ спустя, а именно въ 1875 году, болѣе 250 тысячъ униатовъ въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Люблинской и Сувалкской воссоединились съ православною церковью.

Не насилуя совѣсти, правительство императора Александра вмѣнательство свое въ дѣло утвержденія православія на окраинахъ Имперіи ограничило рядомъ мѣръ, направленныхъ къ возвышенію значенія православнаго духовенства, къ поднятію уровня его нравственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Съ этою цѣлью

какъ въ Западномъ, такъ и въ Прибалтійскомъ краѣ увеличены оклады содержанія духовныхъ лицъ, причтамъ православныхъ церквей дарованы земельные надѣлы изъ казенныхъ земель, которые, напримѣръ, въ Рижской епархіи произведены въ размѣръ отъ 100 до 150 десятинъ на каждый приходъ. На министерство внутреннихъ дѣлъ возложена забота о постройкѣ православныхъ храмовъ въ Привислинскомъ, Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ. Таковыхъ построено, возобновлено или передѣлано: въ Царствѣ Польскомъ—250, въ девяти сѣверо-западныхъ губерніяхъ 1,337 и въ трехъ прибалтійскихъ—55.

Православное духовенство вело также непрерывную и оживленную борьбу съ расколомъ. Успіями его сектанты присоединялись къ господствующей церкви частью безусловно, частью на началахъ единовѣрія. Въ 1869 году въ единовѣріе обратилось нѣсколько видныхъ представителей такъ называемой австрійской іерархіи, для которыхъ тогда же основанъ въ Москвѣ первый единовѣрческій монастырь.

Общее число обращенныхъ въ православіе за все царствованіе было приблизительно слѣдующее: изъ римско-католиковъ до 100,000, изъ греко-уніатовъ до 250,000, изъ армянъ до 2,000, изъ протестантовъ до 15,000, изъ раскольниковъ до 100,000, изъ евреевъ до 15,000, изъ магометанъ до 100,000, изъ язычниковъ до 80,000, всего свыше 600,000 душъ.

Въ заботливости своей о священно и церковно-служителяхъ отечественной церкви, императоръ Александръ особое вниманіе обратилъ на крайнюю недостаточность ихъ средствъ, едва обеспечивавшихъ ихъ существованіе. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ Совѣтѣ министровъ, послѣ чего, лѣтомъ 1862 года, состоялось высочайшее повелѣніе объ образованіи, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, особаго присутствія для изысканія способовъ къ улучшенію быта православнаго духовенства, а именно: 1) къ расширенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно и церковно-служителей путей для обезпеченія своего существованія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ составъ присутствія назначены, подъ предсѣдательствомъ митрополита с.-петербургскаго, всѣ наличные члены св. Синода, а изъ свѣтскихъ лицъ: министры—внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, шефъ жандармовъ, синодальный обер-прокуроръ и директоръ духовно-учебнаго управленія при св. Си-

нодѣ, статсъ-секретарь князь Урусовъ¹. Принимая живое участіе въ трудахъ особаго присутствія, государь приказалъ всѣ его постановленія представлять на благоусмотрѣніе его величества и при этомъ отозвался, что хотя предметы, порученные обсужденію присутствія, относятся исключительно къ увеличенію матеріальныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ средѣ гражданскаго общества, а потому нисколько не касаются внутренняго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе ея святого ученія, всегда неприкосновеннаго, но все же слѣдуетъ, при развитіи вышеуказанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій святой церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ. Сверхъ того, императоръ выразилъ желаніе, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ Имперіи, сохраняющихъ независимость, закономъ для нихъ обезпеченную.

Особое присутствіе, приступивъ къ своимъ занятіямъ въ началѣ 1863 года постановило затребовать изъ епархій свѣдѣнія о настоятельнѣйшихъ улучшеніяхъ по мѣстнымъ условіямъ и по программѣ, составленной присутствіемъ. Для начертанія этой программы государь назначилъ двухнедѣльный срокъ и затребованныя свѣдѣнія приказалъ доставить не позже 1-го іюня 1863 года, а для изложенія присутствіемъ сущности подлежащихъ его обсужденію вопросовъ опредѣлилъ срокъ двухмѣсячный. «Я вездѣ назначилъ сроки»,—собственноручно написалъ онъ на постановленіи присутствія,—«дабы дѣло подвигалось дѣйствительно, а не протягивалось, какъ оно у насъ часто бываетъ, однимъ отписываніемъ».

Первыми плодами трудовъ особаго присутствія были высочайше утвержденныя и обнародованныя въ 1864 году положенія о приходскихъ попечительствахъ и о церковно-приходскихъ школахъ. Первое изъ этихъ узаконеній призывало прихожанъ къ участію въ завѣдываніи церковными дѣлами прихода и къ содѣйствію улучшенію положенія приходскаго духовенства; второе возлагало на сельское духовенство обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Государь съ любовью слѣдилъ за развитіемъ школъ этого рода, приказавъ подавать себѣ вѣдомости о ихъ состояніи, сначала за каждый мѣсяцъ, а впослѣдствіи дважды въ годъ. Впрочемъ, во вторую половину царствованія, послѣ изданія въ 1874 году положенія о народныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія,

¹ 28-го іюня 1862 г.

число церковно-приходскихъ школъ начало сокращаться. Въ 1878 году ихъ насчитывалось въ Имперіи 5,974, съ 172 тысячами учащихся.

Возложенную на него задачу по улучшенію быта православнаго духовенства особое присутствіе при св. Синодѣ разрѣшило во всей совокупности лишь въ 1869 году, когда удостоился высочайшаго утвержденія рядъ выработанныхъ имъ законоположеній: 1) о пересмотрѣ состава приходовъ и церковныхъ причтовъ; 2) объ условіяхъ опредѣленія на священно- и церковно-служительскія мѣста; 3) о перемѣщеніи и увольненіи священнослужителей и 4) о правахъ духовенства по службѣ¹. Они были дополнены высочайшимъ повелѣніемъ объ освобожденіи лицъ духовнаго званія отъ прежнихъ сословныхъ стѣсненій и о предоставленіи имъ права перехода въ другія сословія².

Другое больное мѣсто вѣдомства православнаго исповѣданія было неудовлетворительное состояніе духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1860 году учрежденъ при св. Синодѣ комитетъ для обсужденія мѣръ къ ихъ преобразованію, но приступить къ такому оказалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ, по докладу синодальнаго оберъ-прокурора, государь повелѣлъ отпускать на улучшеніе состоянія духовно-учебныхъ заведеній изъ Государственнаго Казначейства 1.500,000 рублей постепенно, начиная съ 1867 года. «Съ благоговѣйною признательностію»,—писалъ графъ Д. А. Толстой во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ,—«и съ пламенною молитвою къ Богу о благоденствіи и спасеніи вашего величества, принявъ св. Синодъ и за нимъ все русское православное духовенство высочайшую милость». Открытый весной 1866 года новый комитетъ изъ четырехъ духовныхъ и четырехъ свѣтскихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита кievскаго Арсенія, быстро совершилъ возложенное на него дѣло преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1867 году высочайше утверждены уставы и штаты православныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, а два года спустя—и уставъ духовныхъ академій. Тогда же при св. Синодѣ учрежденъ постоянный духовно-учебный комитетъ для высшего руководства дѣломъ воспитанія и образованія православнаго духовенства. Ежегодный расходъ на содержаніе учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства возросъ съ 2-хъ милліоновъ въ 1855 году до 5 милліоновъ рублей въ 1880 году. Сверхъ того, заведенія эти уже не предназначались исключительно для лицъ духовнаго званія, а свободный доступъ въ нихъ открытъ для лицъ всѣхъ прочихъ сословій.

¹ 16-го апрѣля 1869 г.

² 26-го марта 1869 г.

Въ управленіи русской церкви существенныхъ измѣненій не послѣдовало, но открыто шесть новыхъ епархій, изъ коихъ одна, Алеутская и Аляскинская, вѣдѣ предѣловъ Имперіи, и значительно умножено число викариатствъ. Во вѣдѣшнихъ сношеніяхъ своихъ св. Синодъ поддерживалъ духовное общеніе съ православными восточными патріархами по важнѣйшимъ вопросамъ, касающимся всей церкви Христовой, какъ на примѣръ по вопросу объ уклоненіи православныхъ іерарховъ отъ участія въ соборѣ, созванномъ въ Римѣ папою Піемъ IX въ 1869 году. Съ тѣми же патріархами вступилъ св. Синодъ въ переписку для установленія правилъ, на которыхъ могло бы состояться принятіе въ лоно православной церкви нѣкоторыхъ протестантскихъ церквей, искавшихъ сближенія съ нею, какъ на примѣръ церковь епископальная въ Великобританіи и въ Америкѣ. Внимательно слѣдили русскіе іерархи и за старо-католическимъ движеніемъ, проявившимся въ Германіи и вообще въ Западной Европѣ, вскорѣ по провозглашеніи Ватиканскимъ соборомъ догмата о непогрѣшимости римскаго первосвященника. Въ православныхъ русскихъ заграничныхъ церквахъ, на Западѣ, разрѣшено совершать богослуженіе на иностранныхъ языкахъ. Но особое попеченіе имѣла русская церковь о поддержаніи духовной связи съ единовѣрцами нашими на Востокѣ. Съ этою цѣлью, тотчасъ по заключеніи парижскаго мира, учреждена русская духовная миссія въ Іерусалимѣ, во главѣ которой поставленъ епископъ. Вокругъ нея создано во св. градѣ обширное русское подворье, пріютившее многочисленныхъ, стекающихся туда русскихъ паломниковъ. Щедрія милостинныя дачи производились разнымъ восточнымъ монастырямъ, представители которыхъ допускались въ Россію для сбора подаяній; обители и церкви надѣлялись церковною утварью, облаченіями, богослужебными книгами; молодые единовѣрцы, предназначавшіе себя къ пастырской дѣятельности, въ значительномъ числѣ принимались въ русскія духовно-учебныя заведенія и воспитывались въ нихъ на казенный счетъ. Св. Синодъ разрѣшалъ сборъ во вѣдѣхъ церквахъ Имперіи на самыя разнообразныя нужды восточныхъ христіанъ. Такіе сборы производились въ 1860 году въ пользу христіанъ Сиріи, пострадавшихъ отъ мусульманскихъ насилій, въ 1868 году—въ пользу возставшихъ критянъ, въ 1875 году—босняковъ и герцеговинцевъ, въ 1876 году—черногорцевъ и сербовъ.

Война 1877—78 годовъ, предпринятая съ цѣлью освобожденія изъ-подъ мусульманскаго ига единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ народовъ Балканскаго полуострова, вызвала въ русскомъ православномъ духовенствѣ пламенное сочувствіе. Призывая свою паству

къ посильнымъ пожертвованіямъ на великое и святое дѣло, пастыри сами подавали ей въ томъ примѣръ. Еще до объявленія войны, св. Синодъ установилъ особый сборъ въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ и пригласилъ женскія общины и общины принскать и приготовить изъ среды подвижающихся въ нихъ сестеръ милосердія для отправки въ военные лазареты. Когда же война была объявлена, Синодъ пожертвовалъ въ распоряженіе Краснаго Креста 100,000 рублей, а члены Синода, въ отдѣльности, отказались въ его пользу отъ получаемого ими по сему званію жалованья. Обильныя приношенія стали поступать изъ всѣхъ епархій, отъ духовенства высшаго и низшаго. Монастыри устраивали госпитали и пріюты для выздоравливающихъ, церковно-приходскія попечительства оказывали денежныя пособія семьямъ убитыхъ или нуждающихся воиновъ.

Всѣ эти заслуги пастырей русской церкви перечислены въ высочайшей грамотѣ на имя св. Синода, которою императоръ Александръ выразилъ свою признательность какъ Синоду, такъ и архіереямъ, главнымъ священникамъ, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и всему православному русскому духовенству. Не за одни матеріальныя жертвы благодарилъ ихъ государь. «Повсюду, на обширномъ пространствѣ Имперіи»—свидѣтельствовалъ онъ—«приходскіе священники въ храмахъ и внѣ оныхъ съ неутомимою ревностью трудились на пользу великаго дѣла, разъясняя пасомымъ значеніе священной брани, подъятой нами во имя любви и правды, ободряя и укрѣпляя народный духъ при неизбежныхъ тяготахъ военнаго времени, призывая и собственнымъ примѣромъ располагая прихожанъ къ посильнымъ приношеніямъ. И православный русскій народъ, искони пріобыкшій внимать живому слову и благому примѣру пастырей церкви и участвовавшій доблести, воодушевившись однимъ святымъ чувствомъ всецѣлой готовности на всякія жертвы за вѣру, престолъ и отечество, выразилъ оную въ многочисленныхъ и разнообразныхъ пожертвованіяхъ на военныя потребности и нужды арміи и въ изумившихъ міръ подвигахъ мужества и терпѣнія тѣхъ сыновъ своихъ, которымъ выпалъ священный жребій стать въ ряды борцовъ за вѣру и за спасеніе нашихъ присныхъ по ней. На поляхъ брани духовенство явилось участникомъ славныхъ дѣяній побѣдоноснаго нашего воинства; священнослужители военнаго вѣдомства, наряду со своею духовною паствою совершали рѣдкіе подвиги неустрашимости и самоотверженія, среди опасностей ревностно исполняли свои пастырскія обязанности, преподавали утѣшеніе вѣры пострадавшимъ за вѣру и отечество, словомъ и примѣромъ ободряли и воодушевляли вои-

новъ. Богъ мира», — такъ заключалась высочайшая грамота, — «даровавшій намъ силу и крѣпость благоуспѣшно совершить подвигъ брани, да ниспошлетъ дорогому нашему отечеству мирное развитіе и преуспѣяніе, въ духѣ вѣры и благочестія, искони возвѣщаемыхъ и утверждаемыхъ святою православною церковью»¹.

Годъ спустя, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II, св. Синодъ, именовъ отечественной церкви, въ свою очередь, принесъ къ подножію престола выраженіе ея благоговѣйной признательности монарху. Въ синодальномъ привѣтствіи перечислены всѣ дѣянія государя ко благу и славѣ св. церкви, свидѣтельствующія о его попечительности о ней. Помянуты: переложеніе книгъ священнаго писанія на русскій языкъ; открытіе новыхъ епархій и викариатствъ; многочисленныя присоединенія отъ римско-католичества къ православію въ Литвѣ и Вѣлоруссіи; возстановленіе и сооруженіе вновь значительнаго числа св. храмовъ въ Западномъ краѣ; возникновеніе и развитіе многоразличныхъ церковныхъ учрежденій, православныхъ братствъ, церковно-приходскихъ попечительствъ и т. п.; успленіе миссіонерскихъ дѣйствій среди инородцевъ-нехристіанъ; учрежденіе православнаго миссіонерскаго общества; насажденіе православнаго христіанства въ Японіи, уже представляющей юную вѣтвь церкви русской; основаніе православной церкви въ Сѣверной Америкѣ; сооруженіе православныхъ русскихъ храмовъ въ Парижѣ, Женевѣ, Эмсѣ, Ниццѣ и другихъ мѣстахъ за границею; наконецъ, всѣ правительственныя мѣры, направленныя къ улучшенію быта православнаго духовенства и развитію духовнаго просвѣщенія. «Посему» — заявлялъ св. Синодъ, — «отечественная церковь чтитъ и будетъ чтить въ вашемъ императорскомъ величествѣ царя, ея возвысившаго и служителямъ ея благодарившаго».

Нижеслѣдующія цифры, относящіяся къ 1855 и къ 1880 годамъ, указываютъ на сравнительное положеніе русской церкви при воцареніи императора Александра II и въ послѣдній годъ его царствованія:

Число епархій: 55 и 59; личный составъ духовенства: архіереевъ 69 и 90; монашествующихъ: мужскаго пола—5,174 и 6,688, женскаго пола 2,508 и 4,381; послушниковъ 5,274 и 3,490, послушницъ—6,606 и 12,496; благаго духовенства: протоіереевъ—1,518 и 1,599; священниковъ 40,049 и 38,162; діаконовъ 15,216 и 9,424; причетниковъ 71,716 и 41,195; число монастырей: мужскихъ 464 и 390; женскихъ 129 и 170; число храмовъ: соборовъ—574 и 656;

¹ Высочайшая грамота св. Синоду, 4-го февраля 1879 г.

церквей—36,059 и 40,819; часовень и молитвенныхъ домовъ 11,685 и 13,264; духовно-учебныхъ заведеній и въ нихъ учащихъ и учащихся: академій: 4—66—340 и 4—134—803; семинарій: 47—674—13,835 и 53—980—14,003; духовныхъ училищъ: 201—1,102—37,180 и 185—1,117—29,322.

По метрическимъ книгамъ число исповѣдующихъ православную вѣру въ Россіи простиралось въ 1855 году до 49,079,810 душъ, а въ 1880 году до 61,796,092.

Ревнуня о благѣ господствующей церкви, императоръ Александръ не оставался равнодушнымъ къ духовнымъ нуждамъ и иновѣрныхъ своихъ подданныхъ, въ отношеніи которыхъ руководящимъ его началомъ являлась безусловная вѣротерпимость.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ царствованія было возстановленіе конкордата, заключеннаго съ римскою куріею еще въ 1847 году, но при Николаѣ I не приводившагося въ исполненіе. На основаніи этого договора для католиковъ Поволжья и Южнаго Края образована новая римско-католическая епархія, названная Тираспольскою, съ мѣстопробываніемъ епископа въ г. Саратовѣ. Лишь когда, съ 1861 по 1864 годъ, латинское духовенство приняло явное и дѣятельное участіе въ смутахъ и мятежѣ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, правительство вынуждено было принять мѣры къ его обузданію. Сокращенію монастырей въ Царствѣ Польскомъ предшествовало закрытіе значительнаго числа таковыхъ въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ въ 1868 году установлены особыя правила для наблюденія за проповѣдями ксендзовъ. За всѣмъ тѣмъ, въ этихъ мѣстностяхъ осталось 19 римско-католическихъ обителей, мужскихъ и женскихъ. Конкордаты съ Римомъ расторгнуть въ 1866 году и вскорѣ послѣ того упразднены католическія епархіи Каменецкая и Мпнская, а въ 1868 году переведена въ Петербургъ кафедра могилевскаго архіепископа, митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Имперіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣольшая часть ксендзовъ, высланныхъ за политическую неблагонадежность изъ Западнаго края, въ началѣ семидесятыхъ годовъ возвращена на родину, а нѣкоторые изъ нихъ вновь опредѣлены къ духовнымъ должностямъ. Русскій языкъ постепенно вводился въ дополнительное богослуженіе не только католиковъ, но и протестантовъ, и въ 1869 году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы иновѣрцы, которые роднымъ языкомъ своимъ считаютъ языкъ русскій, въ томъ или другомъ его нарѣчій, не были лишены права пользоваться имъ въ дѣлахъ своей религіи.

Въ Прибалтійскомъ краѣ строгія мѣры были приняты лишь противъ небольшого числа протестантскихъ пасторовъ, пропозно-

сившихъ проповѣди чисто политическаго свойства; но самое управленіе лютеранскою церковію въ Имперіи всегда пользовалось правительственнымъ покровительствомъ и въ предѣлахъ губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской отмѣненъ даже законъ объ обязательномъ крещеніи въ православную вѣру дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ иновѣрцевъ съ православными.

Также точно выселеніе крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ въ Турцію вызвано было чисто политическими соображеніями, и мусульманское духовенство не было стѣсняемо въ свободномъ отправленіи обрядовъ своей вѣры. Значительныя облегченія дарованы евреямъ. Изъ 150-ти законодательныхъ актовъ царствованія, касающихся ихъ, до 70 разрѣшаютъ имъ льготы и прекращаютъ существовавшія до того стѣсненія по слѣдующимъ разнообразнымъ предметамъ: 1) мѣсто жительства съ припискою; 2) владѣніе недвижимымъ имуществомъ; 3) торговля и промышленность; 4) занятія земледѣліемъ; 5) отбываніе рекрутской повинности; 6) образованіе; 7) права по службѣ.

Наконецъ, царское милосердіе распространилось и на отщепенцевъ православія, русскихъ раскольниковъ, которымъ дарованы немалыя льготы и преимущества. 18-го октября 1858 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о примѣненіи къ раскольникамъ мѣръ терпимости и снисходительности, а также о допущеніи ихъ къ участию въ общихъ правахъ и льготахъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ. Въ силу этого закона, дѣтямъ ихъ дозволено обучаться въ общихъ школахъ безъ обязательнаго присутствія на урокахъ Закона Божія; основаннымъ раскольниками богадѣльнямъ дарованы новые уставы и тѣмъ обезпечено ихъ законное существованіе; бѣглецы расколичья попы освобождены отъ преслѣдованія и розысковъ; разрѣшено исправленіе ихъ молитвенныхъ зданій и совершеніе въ нихъ богослуженій по ихъ обряду; заграничнымъ раскольникамъ, за исключеніемъ сектъ, признанныхъ безусловно вредными, дозволенъ въѣздъ въ Имперію, а русскимъ раскольникамъ въѣздъ за границу. Сверхъ того смягчены мѣры, стѣснявшія торговую и общественную дѣятельность раскольниковъ, которымъ разрѣшено: записываться въ гильдіи на общемъ основаніи; вступать на общественную службу и занимать должности по выборамъ; получать почетныя награды и знаки отличія. Наконецъ, для огражденія раскольниковъ въ пользованіи имущественными правами по наслѣдству и всѣми видами льготъ по семейному положенію, введена метрическая запись раскольниковъ гражданскими властями.

Распространеніе образованія въ Россіи было цѣлью непрерывныхъ попеченій императора Александра II.

Громъ брани не умолкъ еще въ Крыму, когда государь, по представленію министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, отмѣнилъ мѣру, принятую въ 1849 году, подъ впечатлѣніемъ революціонныхъ событій въ Западной Европѣ, и ограничившую тремя стами число студентовъ въ каждомъ университетѣ. Во вниманіе къ общему стремленію русскаго юношества къ высшему образованію, которое, какъ сказано въ докладѣ министра, доставить ему возможность быть полезными вѣроподданнми государю и слугамъ отечеству, и къ той степени довѣрія, которое заслужили университеты, а также къ настоятельной надобности обдѣлать распространенія высшаго образованія, всеплостивѣйше дозволено принимать во всѣ университеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ¹. Годъ спустя, отмѣнена другая стѣснительная мѣра: высочайше разрѣшено освободить молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ обязанности начинать государственную службу въ губернскихъ установленіяхъ и повелѣно принимать ихъ на службу въ министерства и главныя управленія, не требуя, чтобы они предварительно отслужили три года въ провинціи².

Незадолго до заключенія парижскаго мира, императоръ Александръ потребовалъ отъ министра народнаго просвѣщенія подробнаго изложенія его мыслей относительно положенія учебнаго дѣла въ Россіи и мѣръ, предложенныхъ къ его улучшенію. Во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ Норовъ кореннымъ основаніемъ всего воспитанія и образованія отечественнаго признавалъ—святыя истины православной вѣры. Онъ указывалъ на неудовлетворительное состояніе преподаванія Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ и настаивалъ на необходимости назначить въ нихъ законоучителей, которые, не ограничиваясь формальною стороною дѣла, умѣли бы, по достопамятному выраженію императора Николая I, собственнымъ примѣромъ и способомъ изложенія «разогрѣвать сердца юношей». Относительно порядка преподаванія въ гимназіяхъ министръ находилъ, что его нужно привести въ соотвѣтствіе съ высшими нравственными потребностями общества, а также и съ вещественными пользами его, при неуклонномъ соблюденіи священныхъ основаній вѣры и народности, а потому, не отвергая важнаго значенія реальныхъ наукъ, считалъ усиленный перевѣсъ ихъ въ воспитаніи

¹ 23-го ноября 1856 г.

² 20-го января 1853 г.

вредною крайностію и полагалъ, въ видахъ умственнаго развитія и нравственно-эстетическихъ требованій, возвратить преподаванію классическихъ языковъ въ гимназіяхъ значительную часть его прежней силы. Съ этою цѣлью онъ предлагалъ въ гимназіяхъ согласовать требованія строгаго классическаго образованія съ доставленіемъ юношеству и необходимыхъ свѣдѣній въ наукахъ реальныхъ, но лишь по скольку онѣ нужны въ жизни; для реального же образованія учредить особыя спеціальныя училища. Норовъ обращалъ вниманіе государя на то обстоятельство, что принятая въ Россіи система народнаго образованія имѣла доселѣ въ виду лишь одну половину населенія, мужескій полъ, и что существующія женскія учебныя заведенія, подчиненныя особому вѣдомству, предназначены для одного лишь сословія, дочерей дворянъ и чиновниковъ. Между тѣмъ, лица средняго сословія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ лишены средствъ дать дочерямъ своимъ необходимое образованіе, соотвѣтственно скромному ихъ быту. «Отъ этого»—разсуждалъ министръ,—«безъ сомнѣнія зависитъ какъ развитіе въ массахъ народныхъ истинныхъ понятій объ обязанностяхъ каждаго, такъ и всевозможныя улучшения семейныхъ нравовъ и вообще всей гражданственности, на которые женщина имѣетъ столь могущественное вліяніе. Поэтому учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большпхъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и, такъ сказать, довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собою всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній и обохъ половъ». Далѣе министръ просилъ о дозволеніи командировать за границу молодыхъ ученыхъ для усовершенствованія ихъ въ избранномъ предметѣ и основательнаго подготовленія къ профессорскому званію; напоминалъ императору, что самъ онъ призналъ полезнымъ основаніе въ Сибирп университета, приспособленнаго къ потребностямъ страны; наконецъ, настаивалъ на необходимости сосредоточить въ министерствѣ народнаго просвѣщенія руководство всѣми воспитательными и образовательными учрежденіями въ Имперіи. «Движимое высшими государственными соображеніями»,—писалъ онъ по этому поводу,—«правительство наше всегда заботилось о сосредоточеніи разнородныхъ стихій и частей государства въ одинъ плотный крѣпкій составъ, въ которомъ должны слиться многія рѣзкія, оттягивающія разности нравственныхъ и общественныхъ убѣжденій и интересовъ, всѣ мѣстные и провинціальныя патріотизмы и влеченія. Этой великой цѣли невозможно достигнуть иначе, какъ постепенно, и при томъ мѣрами не административными, а нравственными, сближая

умы, племена и сословія единствомъ внутреннихъ началъ, которыя зависятъ отъ одного общаго плана воспитанія и отъ одной системы управленія въ сферѣ народнаго образованія. Къ сожалѣнію, должно сказать, что этому великому, всеобъемлющему и необходимому единству препятствуютъ многоразличныя раздробленія и отчужденія другъ отъ друга нашихъ воспитательныхъ учреждений, подчиненіе ихъ разнымъ вѣдомствамъ, по особеннымъ административнымъ своимъ назначеніямъ, лишеннымъ даже возможности полагать первоначальныя основанія тѣсному сочетанію и обобщенію нравственныхъ и умственныхъ началъ въ государствѣ. Почти каждое изъ министерствъ имѣетъ въ кругу своемъ учебныя заведенія на особыхъ основаніяхъ, руководствующіяся правилами, не сообразованными съ духомъ и постановленіями общаго воспитанія и образованія въ Имперіи, коего органомъ предназначено быть министерству народнаго просвѣщенія. Поводомъ къ этому разъединенію духовныхъ силъ народа въ важнѣйшемъ дѣлѣ, какое только можетъ занимать правительство—въ воспитаніи, полагается обыкновенно потребность каждаго изъ помянутыхъ вѣдомствъ въ специальныхъ дѣятеляхъ. Убѣжденный въ глубинѣ души моею сознаніемъ необходимости общаго плана воспитанія для государства, опираясь на очевидныхъ свидѣтельствахъ опыта, подтверждающихъ эту вѣковую истину всѣхъ образованныхъ странъ въ мірѣ, осмѣливаюсь сказать, что достиженіе специализма путемъ разъединенія воспитательныхъ учреждений есть мѣра, несогласная съ истинными началами государственной пользы, и даже несоотвѣтствующая видамъ и цѣли, для которой предпринимается». Въ заключеніе министр предлагалъ, во вниманіе къ тому, что наблюденіе за специальнымъ обученіемъ можетъ быть вполне удовлетворительнымъ только въ той правительственной сферѣ, гдѣ каждая наука имѣетъ своихъ представителей, непрерывно слѣдящихъ за ея успѣхами, гдѣ сосредоточены всѣ учебныя, нравственныя и педагогическія средства воспитанія, — передать учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ однихъ военно-учебныхъ заведеній, въ завѣданіе министерства народнаго просвѣщенія, какъ той «нравственной силы, которая, по своему назначенію, обязана пенсией болѣе всего о гармоніи и единствѣ началъ въ высочайшемъ дѣлѣ общаго всеобщаго воспитанія и образованія»¹.

Только съ этою заключительною частью доклада Норова не вполне согласился государь, приказавъ представить о томъ дополнителныя соображенія; всѣ же прочія предположенія министра онъ

¹ Всподданнѣйшій докладъ Норова, 5-го марта 1856 г.

одобрилъ и предоставилъ ему немедленно же приступить къ ихъ осуществленію.

Первою законодательною мѣрою, поднесенною Норовымъ къ высочайшему утвержденію, былъ проектъ преобразованія главнаго правленія училищъ. «Согласенъ въ главныхъ основаніяхъ»—надписаль на немъ государь—«но желаю, чтобы главное правленіе училищъ было, сколь возможно, согласовано съ учрежденіемъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ и потому начальнику главнаго моего штаба по симъ заведеніямъ быть членомъ сего управленія, такъ точно, какъ министръ народнаго просвѣщенія есть членъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Равно желаю, чтобы ученый комитетъ былъ также образованъ, примѣняясь къ таковому же, существующему по военно-учебнымъ заведеніямъ. По соглашенію съ генераль-адъютантомъ Ростовцовымъ буду ожидать окончательное ваше представленіе по симъ предметамъ»¹.

Во исполненіе высочайшей воли, Норовъ имѣлъ съ Ростовцовымъ нѣсколько совѣщаній, результатомъ которыхъ былъ поднесенный ими сообща къ подписанію императора слѣдующій указъ Сенату: «Признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія нашей возлюбленной Россіи, мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ нашимъ наблюденіемъ и попеченіемъ. Въ этихъ видахъ, оставляя управленіе министерства народнаго просвѣщенія и подвѣдомственные ему учрежденія въ настоящемъ устройствѣ, мы признаемъ нужнымъ о всѣхъ важнѣйшихъ распоряженіяхъ имѣть постоянныя свѣдѣнія и для того повелѣваемъ: 1) журналы главнаго правленія училищъ, по всѣмъ дѣламъ, относящимся до измѣненій внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія, равно какъ и до измѣненій по части учебной и воспитательной, вообще, представлять непосредственно на наше воззрѣніе въ подлинникъ; 2) въ тѣхъ случаяхъ, когда по мнѣніямъ главнаго правленія училищъ и министра народнаго просвѣщенія возникнетъ разногласіе, министру всеподданнѣйше повергать на наше рѣшеніе особымъ докладомъ и мнѣніе свое и мнѣніе главнаго правленія училищъ». Указъ заключался опредѣленіемъ отношеній главнаго правленія училищъ къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, порядка дѣлопроизводства въ немъ и возстановленіемъ при немъ ученаго комитета².

¹ Высочайшая резолюція, 8-го марта 1856 г.

² Высочайшій указъ Сенату, 5-го мая 1856 г.

На учебное вѣдомство не замедлило распространиться преобразовательное движеніе, охватившее, съ первыхъ дней царствованія Александра II, всѣ правительственныя сферы. По самому существу своему, вопросъ о народномъ образованіи выдвинулся на первый планъ. Во всѣхъ отрасляхъ воспитательнаго и образовательнаго дѣла выяснилась потребность не частныхъ улучшеній, а общаго обновленія. Редакціонныя комисіи, трудившіяся надъ составленіемъ положеній объ устройствѣ быта крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, возбудили вопросъ о начальныхъ народныхъ училищахъ; ученый комитетъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія приступилъ къ составленію плана общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній; совѣты университетовъ принялись, по приглашенію министерства, за пересмотръ университетскаго устава. Такому же пересмотру подвергся въ особомъ комитетѣ и цензурный уставъ. Руководство всею этою сложною и кипучею дѣятельностью скоро оказалось не по силамъ маститаго ветерана 1812 года, Норова. Цѣня и уважая его, какъ человѣка благороднѣйшаго образа мыслей, государь не считалъ возможнымъ оставить его долѣе на занимаемомъ ответственномъ посту и въ пасху 1858 года назначилъ министромъ народнаго просвѣщенія попечителя московскаго учебнаго округа Е. П. Ковалевскаго.

На долю новаго министра выпала нелегкая задача защищать дѣло просвѣщенія противъ предубѣжденій и нападковъ нѣкоторыхъ изъ нерасположенныхъ къ нему дѣятелей прошлаго царствованія, все еще вліятельныхъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ и вообще несочувственно относившихся къ предпринятымъ преобразованиямъ. Задача эта усложнялась броженіемъ въ значительной части русскаго общества, задорнымъ и враждебнымъ направленіемъ литературы, волненіями въ средѣ учащейся молодежи. Наконецъ, немаловажное затрудненіе представляло и оскудѣніе казны, недостатокъ денежныхъ средствъ для задуманныхъ улучшеній.

Еще въ 1856 году отклонено было ходатайство министра народнаго просвѣщенія объ усиленіи смѣты его министерства кредитомъ въ 300,000 рублей на самыя неотложныя надобности. На этомъ докладѣ Норова государь надписалъ: «На счетъ отпуска 300,000 рублей серебромъ, не отвергая пользы сего пособія, нахожу, однако, въ теперешнее время невозможнымъ; имѣть это въ виду, когда финансовыя наши обстоятельства, съ Божіею помощію, придуть въ лучшее состояніе». Въ августѣ 1858 года Ковалевскій, изложивъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ бѣдственное положеніе учебныхъ заведеній его вѣдомства, напомнилъ императору о его резолюціи и просилъ, по случаю предстоявшаго умноженія государственныхъ

доходовъ отъ увеличенія откупныхъ сборовъ, удѣлить хотя нѣкоторую сумму на улучшеніе положенія низшихъ и среднихъ училищъ. По соглашенію съ министромъ финансовъ сумма эта опредѣлена въ 720,000 рублей ежегодно, изъ которыхъ 312¹/₂ тысячъ предполагалось на усиленіе штатовъ 76 гимназій, а 330¹/₂ тысячъ — 385 уѣздныхъ и дворянскихъ училищъ, 17 тысячъ на учебныя заведенія Дерптскаго округа, 30 тысячъ на пособія приходскимъ училищамъ и 30 тысячъ на строительныя надобности. Утверждая эти предположенія въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1859 года, государь сдѣлалъ на запискѣ министра народнаго просвѣщенія слѣдующую надпись: «Весьма радъ, что благое это дѣло можно наконецъ привести въ исполненіе».

Изъ органическихъ реформъ за время управленія Ковалевскаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, совершены двѣ: упраздненъ Главный педагогическій институтъ и взазмѣнъ его учреждены педагогическіе курсы при университетахъ для подготовки преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній¹, а также издано, въ видѣ опыта, на три года, положеніе о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія². Послѣднія рѣшено учреждать въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ для дѣвицъ всѣхъ сословій, по мѣрѣ возможности, преимущественно на средства, жертвуемыя дворянскими собраніями, городскими обществами и частными благотворителями. Училища эти раздѣлялись на два разряда: первый — съ шестилѣтнимъ курсомъ, и второй — съ трехлѣтнимъ, и были приняты подъ покровительство императрицы Маріи Александровны. Женскимъ училищамъ перваго разряда присвоено наименованіе Маріинскихъ.

Въ 1860 году совершенно новый типъ школъ возникъ по общественному почину. То были воскресныя школы, въ которыхъ лица всѣхъ сословій обучали грамотѣ по воскресеньямъ и праздникамъ простолюдиновъ, преимущественно ремесленниковъ и мастеровыхъ. Первые такія школы были открыты въ мартѣ при шести домахъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ. Онѣ быстро размножились по всему пространству Имперіи, гдѣ ихъ устраивали при учебныхъ заведеніяхъ, низшихъ и среднихъ. Признавая благотѣльное вліяніе этихъ школъ на нравственное улучшеніе ремесленнаго сословія и считая ихъ существенно полезнымъ для образованія рабочаго населенія, министръ народнаго просвѣщенія испросилъ высочайшее соизволеніе на помѣщеніе воскресныхъ школъ въ зда-

¹ 30-го мая 1858 г.

² 20-го мая 1860 г.

нiяхъ военнаго вѣдомства¹, и съ этого дня ихъ стали устраивать при казармахъ полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ провинціальныхъ городахъ, причемъ офицеры въ большомъ числѣ являлись въ нихъ преподавателями, вмѣстѣ со студентами, гимназистами, литераторами, лицами всѣхъ званій и состояній обоюго пола.

Между тѣмъ, стало выясняться, что въ воскресныхъ школахъ, подъ предлогомъ грамотности, проповѣдуются народу разрушительныя ученія, невѣріе и матеріализмъ въ области духовной, крайній социализмъ въ области государственной. Объ этомъ шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ представилъ государю записку, въ которой настаивалъ на необходимости закрыть воскресныя школы. Защитникомъ ихъ выступилъ Ковалевскій. Императоръ Александръ приказалъ обсудить этотъ вопросъ въ Совѣтѣ министровъ, который рѣшилъ, не прибѣгая къ крайней мѣрѣ закрытія школъ, учредить за ними бдительный надзоръ и не допускать уклоненія ихъ отъ прямого назначенія. Согласно этому рѣшенію, въ началѣ 1861 года состоялось объявленное министромъ народнаго просвѣщенія, высочайшее повелѣніе, въ которомъ изъяснено, что его величество, обративъ вниманіе на быстрое распространеніе воскресныхъ школъ и считая весьма важнымъ дѣло народнаго образованія въ оныхъ, одобрилъ циркулярное предложеніе министра попечителямъ округовъ о надзорѣ за воскресными школами и повелѣлъ: копію съ этого циркуляра препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для предложенія начальникамъ губерній о содѣйствіи съ ихъ стороны учебному вѣдомству въ наблюденіи за воскресными школами; отъ имени его величества подтвердить попечителямъ о неослабномъ наблюденіи за воскресными школами, согласно сдѣланнымъ министромъ народнаго просвѣщенія указаніямъ, и сообщить митрополитамъ въ обѣихъ столицахъ и оберъ-прокурору св. Синода для распоряженія по прочимъ губерніямъ о назначеніи епархіальнымъ начальствомъ въ каждую школу священника, который, сверхъ обязанности преподаванія Закона Божія, наблюдалъ бы, вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, чтобы въ школѣ не допускалось ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности.

Къ сожалѣнію, не въ однихъ воскресныхъ школахъ сказывалось крайнее противорелигіозное и противогосударственное направленіе. Проявилось оно и въ бѣльшей части произведеній современной литературы, въ статьяхъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, съ начала цар-

¹ Всеподаннѣйшей докладъ Ковалевскаго, 4-го іюня 1860 г.

ствования высвободившихся изъ-подъ строгой опеки цензуры и мало-помалу начавшихъ подвергать страстному обсужденію и рѣзкой критикѣ не только насущные государственные и общественные вопросы, но и дѣйствія и распоряженія правительства. Постепенно это направленіе изъ обличительнаго переходило въ отрицательное, посягавшее на самыя основы государства и общества: вѣру, семью, собственность, порядокъ. Крайности эти печалили и озабочивали государя. Онъ признавалъ пользу гласности, содѣйствія ея къ разоблаченію злоупотребленій должностныхъ лицъ; но, внимательно слѣдя за статьями, появлявшимися въ повременныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ представлялись ему ежемѣсячныя извлечения, онъ возмущался и скорбѣлъ, когда газеты и журналы переступали за предѣлы всякой пристойности. Сдержатъ и обуздатъ эти излишества онъ считалъ обязанностью государственной власти и въ этомъ смыслѣ приказалъ приступить къ пересмотру цензурнаго устава.

Между тѣмъ, отрицательное направленіе литературы какъ нельзя болѣе вредно отражалось на незрѣлыхъ умахъ учащейся молодежи, воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣдствіемъ былъ цѣлый рядъ безпорядковъ, произведенныхъ студентами университетовъ въ столицахъ и другихъ университетскихъ городахъ. Студенты обнаруживали духъ своеволя и непокорства, явнаго неуваженія къ правительству и неповиновенія властямъ. Происходили постоянныя стычки ихъ въ стѣнахъ университета съ академическимъ начальствомъ, внѣ ихъ—съ полиціею. Буйство студентовъ и вызывающій образъ дѣйствій усиливались съ каждымъ днемъ. Всѣ мѣры, принимаемыя для водворенія порядка въ университетахъ, оказывались безсильными. Студентамъ строго было воспрещено изъяснять на лекціяхъ профессорамъ одобреніе или неодобреніе: оглушительными рукоплесканіями встрѣчали они популярныхъ наставниковъ передоваго направленія, шиканьемъ и свистомъ—профессоровъ, слывшихъ отсталыми. Также точно запрещены были всякія сборища и сходки: таковыя собирались въ университетахъ и внѣ его едва ли не каждый день, несмотря на нерѣдкія исключенія главныхъ зачинщиковъ изъ университетовъ и высылку ихъ въ отдаленныя мѣстности подъ надзоръ полиціи. Въ правительственныхъ совѣтахъ неоднократно обсуждался вопросъ о средствахъ къ прекращенію всѣхъ этихъ безпорядковъ. Высказывались различныя мнѣнія. Одни—графъ С. Г. Строгановъ—предлагали открыть доступъ къ высшему образованію одному только дворянству и имущимъ классамъ; другіе—баронъ М. А. Корфъ—выражали мнѣніе, что слѣдуетъ объявить преподаваніе въ университетахъ совершенно свободнымъ, отмѣнивъ такъ называемые учебные классы, прием-

ные и переходные экзамены студентов, допуская на лекціи всѣхъ желающихъ ихъ слушать, а къ испытаніямъ на ученые степени— молодыхъ людей, независимо отъ числа лѣтъ, проведенныхъ въ университетѣ. Одновременно Корфъ совѣтовалъ уничтожить студенческую корпорацію, подчинивъ студентовъ установленнымъ правиламъ лишь когда они находятся въ зданіи университета, а внѣ его, чтобы каждый разбирался и судился единственно по гражданскому своему званію, безъ всякаго участія въ томъ университетѣ. Министръ Ковалевскій и большинство членовъ главнаго правленія училищъ не соглашались съ этими взглядами и полагали ограничиться установленіемъ особыхъ строгихъ экзаменовъ для приѣма въ университетъ всѣхъ желающихъ поступить въ оный, не исключая и молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, для которыхъ, впрочемъ, вмѣсто полного вводилось сокращенное испытаніе. Последнее мнѣніе было поднесено на воззрѣніе императора и высочайше утверждено ¹.

Но волненія среди студентовъ не только не утихали, но принимали все значительнѣйшіе размѣры и простирались уже на большую часть университетовъ. Къ веснѣ 1861 года они настолько усилились, что вызвали гнѣвъ государя. Онъ сказалъ Ковалевскому, что такіе безпорядки не могутъ быть терпимы и что онъ не остановится передъ крайнею мѣрою: закрытіемъ нѣкоторыхъ изъ университетовъ. Министръ возразилъ, что такое распоряженіе возбудитъ большое неудовольствіе въ обществѣ. «Такъ придумайте же сами что дѣлать»—сказалъ государь; «но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя и я рѣшился на строгія мѣры». Вопросъ объ этихъ мѣрахъ обсуждался въ Совѣтѣ министровъ. Тамъ Ковалевскій развивалъ свой планъ, главная мысль котораго была, что никакія репрессивныя мѣры, никакія строгости не приведутъ къ добру, а нужно усилить финансовыя средства университетовъ и дать имъ возможность развиваться въ научномъ отношеніи, соотвѣтственно потребностямъ времени и успѣхамъ знанія въ Западной Европѣ ². Записку министра государь поручилъ рассмотреть особой комиссіи изъ генераль-адъютантовъ графа С. Г. Строганова, князя В. А. Долгорукова и статсъ-секретаря Панина. Тогда Ковалевскій подалъ въ отставку. Преемникомъ ему въ званіи министра народнаго просвѣщенія назначенъ адмиралъ графъ Путятинъ.

Тотчасъ по вступленіи въ должность, графъ Путятинъ, по соглашенію съ тремя членами высочайше учрежденной комиссіи, проекти-

¹ 22-го февраля 1860 г.

² Дневникъ Никитенки, «Русская Старина», LXIX, стр. 54.

роваль рядъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлью усилить надзоръ за студентами и положить конецъ беспорядкамъ, непрерывно возникавшимъ въ университетахъ. Предположенныя имъ мѣры, получившія высочайшее утвержденіе, были слѣдующія: министру народного просвѣщенія предоставлялось имѣть въ виду, при разсмотрѣніи проектированнаго уже устава гимназій, возстановленіе въ нихъ классическаго образованія; приемные экзамены желающихъ поступить въ университетъ должны были впредь производиться въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ выпускными экзаменами гимназистовъ высшаго класса; предписывалось строго исполнять правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета и воспрещались всякія сходки студентовъ безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищемъ; устанавливались правила относительно точнаго посѣщенія студентами лекцій съ соблюденіемъ порядка и тишины и съ воспрещеніемъ какихъ-либо съ ихъ стороны выраженій одобренія или порицанія профессорамъ; на университетское начальство возлагалась обязанность строго наблюдать за исполненіемъ студентами установленныхъ правилъ, а виновныхъ въ ихъ нарушеніи, не смотря на сдѣланныя имъ напоминанія, предписывалось увольнять изъ университета, не подвергая ихъ какому-либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ; вольнослушатели могли быть допускаемы на лекціи по усмотрѣнію начальства университета, съ правомъ для профессоровъ удалять тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка; имѣлъ быть подвергнутъ пересмотру вопросъ о возстановленіи переходныхъ экзаменовъ студентовъ на первыхъ двухъ курсахъ; студенты не могли быть впредь принимаемы въ университетъ ранѣе достиженія 17-лѣтняго возраста; форменная одежда отмѣнялась и не дозволялось ношеніе какихъ-либо знаменъ отдѣльной народности, товариществъ или обществъ; положено отъ ежегоднаго денежнаго взноса освободить только тѣхъ изъ дѣйствительно бѣдныхъ студентовъ, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, не болѣе двухъ для каждой губерніи, принадлежащей къ университетскому округу, не допуская другихъ исключеній, ни подъ какимъ предлогомъ; пособія и стипендіи имѣли быть назначаемы только отличившимся бѣднымъ студентамъ; деньги, взыскиваемыя со студентовъ за право слушанія лекцій, обращались на увеличеніе содержанія профессоровъ и доцентовъ, а также на пособія и стипендіи бѣднѣйшимъ отличившимся студентамъ; постановлялось выборъ ректоровъ и проректоровъ производить впредь на точномъ основаніи устава 1835 года и пересмотрѣть инструкцію

ректора́мъ и де́канамъ факультетовъ; окончившимъ полный университетскій курсъ и получившимъ аттестатъ сохранялись установленныя закономъ права при поступленіи на государственную службу; пыскипвались способы къ увеличенію содержанія университетскимъ преподавателямъ. Независимо отъ этихъ мѣръ, кievскому генералъ-губернатору предоставлено было право увольнять изъ университета св. Владими́ра всѣхъ неблагонадежныхъ студентовъ, а съ генералъ-губернаторомъ виленскимъ рѣшено войти въ сношенія о возможности и удобствѣ открытія въ Сѣверо-Западномъ краѣ высшихъ учебныхъ заведеній, юридическаго и медицинскаго, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Наконецъ, государь одобрилъ мнѣніе комиссіи о томъ, что полезно было бы помѣщать въ ученое или литературное отдѣленіе журнала министерства народнаго просвѣщенія статьи, заключающія въ себѣ опроверженія превратныхъ толкованій, которыя дозволяютъ себѣ редакторы нѣкоторыхъ изъ временныхъ изданій.

Мѣропріятія, предположенныя графомъ Путятинымъ, при всей ихъ строгости, были только палліативомъ и не могли исполнить зло въ корнѣ, а неразумное примѣненіе ихъ къ дѣлу еще болѣе усугубило броженіе въ средѣ учащейся молодежи, и осенью 1861 года вызвало въ болѣе части университетовъ безпорядки, укрощать которые пришлось уже вооруженною силою. Императоръ Александръ не замедлилъ придти къ убѣжденію, что дѣйствительнаго улучшенія въ состояніи нашихъ разсадниковъ просвѣщенія можно ожидать лишь отъ кореннаго измѣненія всей системы народнаго образованія, высшаго, средняго и низшаго. Осуществленіе этой задачи онъ возложилъ на статсъ-секретаря А. В. Головинна, въ концѣ декабря 1861 года призваннаго занять постъ министра народнаго просвѣщенія.

Преобразовательную дѣятельность свою новому министру пришлось начинать при условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ. Внезапный переходъ отъ многолѣтняго послабленія къ крайней строгости не только не обуздалъ и не смирилъ учащуюся молодежь, а еще болѣе раздражилъ ее. Волненіе среди студентовъ и воспитанниковъ прочихъ учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, росло, поддерживаемое болѣе или менѣе явнымъ подстрекательствомъ такъ называемыхъ передовыхъ органовъ печати, продолжавшихъ проповѣдывать самыя разрушительныя противорелигіозныя и противоправительственныя ученія. На сторону студентовъ склонялась и значительная часть учебнаго персонала, профессоровъ университетовъ и преподавателей гимназій, придерживавшихся того же, такъ называемаго, передоваго образа мыслей. Раз-

слѣдованіе по дѣлу о распространеніи подпольныхъ воззваній къ бунту и о пожарахъ, съ необычайною силою вспыхнувшихъ въ столицахъ и разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Имперіи, выяснило вредное направленіе преподаванія въ воскресныхъ школахъ, а также сношенія нѣкоторыхъ изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей съ кружкомъ русскихъ выходцевъ, сплотившихся въ Лондонѣ вкругъ издателей «Полярной Звѣзды» и «Колокола», а также съ вожаками зарождавшагося революціоннаго движенія въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ. Воскресныя школы и народныя читальни были, по высочайшему повелѣнію, повсемѣстно закрыты, впредь до общаго пересмотра правплъ объ этихъ учрежденіяхъ, а нѣсколько сотрудниковъ передовыхъ журналовъ и ихъ единомышленниковъ арестованы и преданы суду Сената.

Образъ дѣйствій статсъ-секретаря Головнина, съ первыхъ же дней вступленія его въ управленіе учебнымъ вѣдомствомъ, былъ примирительный. Петербургскій университетъ оставался закрытымъ, но преподавателямъ его и бывшимъ студентамъ новый министръ выхлопоталъ немаловажныя льготы: первые не уволены за штатъ, какъ предполагалось прежде; вторымъ разрѣшено держать выпускные экзамены на ученые степени. Постепенно открыты факультеты восточныхъ языковъ и физико-математическій. Испрошено высочайшее разрѣшеніе на командировку за границу молодыхъ русскихъ ученыхъ, подготовляющихъ себя къ профессорской дѣятельности, а также на приглашеніе иностранныхъ ученыхъ къ занятію преподавательскихъ должностей въ русскихъ университетахъ и гимназіяхъ. Одна за другой учреждались новыя гимназіи; въ старыхъ вводились параллельные классы. Въ тотъ самый день, когда состоялось высочайшее повелѣніе о закрытіи воскресныхъ школъ, государь утвердилъ обсужденное въ Совѣтѣ министровъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Ришельевского лицея въ Одессѣ въ Новороссійскій университетъ.

Но главною заботою Головнина было коренное преобразование ввѣренной ему части, надъ которымъ, подъ ближайшимъ его руководствомъ, трудились особыя комиссіи. Въ 1863 году обнародовано новое учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія и общій уставъ императорскихъ россійскихъ университетовъ; въ 1864 году—уставъ гимназій и прогимназій и положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Назначая Головнина министромъ, императоръ Александръ самъ указалъ ему на необходимость преобразовать министерство народнаго просвѣщенія на началахъ, сходныхъ съ тѣми, что были положены въ основу преобразованія морского министерства, а именно:

усиленіе власти мѣстныхъ учрежденій въ губерніяхъ, а чрезъ то разсредоточеніе управленія; правильное распредѣленіе дѣлъ между разными учреждениями центрального вѣдомства; сокращеніе и упрощеніе дѣлопроизводства; уменьшеніе личнаго состава служащихъ въ связи съ увеличеніемъ ихъ окладовъ. Соотвѣтственно этимъ требованіямъ, нѣкоторыя изъ правъ, принадлежавшихъ министру, присвоены попечителямъ учебныхъ округовъ и директору департамента народнаго просвѣщенія; главное правленіе училищъ преобразовано въ совѣтъ министра; ученый комитетъ получилъ большую самостоятельность, поставленъ къ министру въ ближайшее и непосредственное отношеніе и, съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣятельность его ограничена учено-учебными предметами; въ департаментѣ народнаго просвѣщенія начальники отдѣленій и столоначальники замѣнены дѣлопроизводителями разныхъ классовъ; личный составъ чиновниковъ центрального управленія сокращенъ до 47 лицъ, оклады содержанія которыхъ увеличены въ значительномъ размѣрѣ безъ всякаго отягощенія смѣты министерства новыми кредитами.

Надъ составленіемъ общаго университетскаго устава давно уже трудились разныя учрежденія министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1858 году работа эта была возложена на совѣтъ Петербургскаго университета, проектъ котораго переданъ былъ на обсужденіе университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Кіевскаго. Всѣ эти матеріалы сосредоточены въ декабрѣ 1861 года въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ подъ предѣлательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, а составленный ею проектъ университетскаго устава разосланъ въ 1862 году для разсмотрѣнія во всѣ совѣты университетовъ и разнымъ лицамъ, духовнымъ и гражданскимъ, а также переведенъ на языки англійскій, французскій и нѣмецкій и доставленъ многимъ иностраннымъ ученымъ и педагогамъ. Полученныя отовсюду замѣчанія были приняты во вниманіе при переработкѣ устава въ ученомъ комитетѣ министерства, откуда проектъ поступилъ на обсужденіе особаго совѣщанія изъ слѣдующихъ лицъ: генераль-адъютанта графа Строганова, статсъ-секретаря барона Корфа, оберъ-гофмейстера барона Мейендорфа, шефа жандармовъ и министровъ—внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По докладѣ государю въ Совѣтѣ министровъ заключенія совѣщанія, университетскій уставъ, со внесенными въ него измѣненіями, былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ и 18-го іюня 1864 года удостоился высочайшаго утвержденія.

Въ представленіи въ Государственный Совѣтъ министръ народнаго просвѣщенія перечислялъ слѣдующія причины упадка на-

шихъ университетовъ: недостатокъ въ хорошихъ профессорахъ, причиненный съ одной стороны закрытіемъ профессорскаго института въ Дерптѣ, воспрещеніемъ вызывать для занятія кафедръ иностранныхъ ученыхъ и затрудненіями при отправленіи молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, а съ другой—крайней скудостью окладовъ профессорскаго содержанія; излишнее разнообразіе обязательныхъ для студентовъ предметовъ научныхъ, которое влекло за собою необходимость жертвовать основательностью знанія и вводило большую снисходительность при испытаніяхъ; недостаточная подготовка поступавшихъ въ университетъ юношей, въ особенности по древнимъ и новѣйшимъ языкамъ; равнодушіе ученыхъ сословіи къ интересамъ университетовъ и науки вообще, вызванное отчасти устраненіемъ ученыхъ коллегій отъ сужденія и распоряженія по дѣламъ, связаннымъ съ университетскою жизнью, отчасти равнодушіемъ общества къ интересамъ науки, отчасти матеріальною нуждою профессоровъ, наконецъ, не всегда удовлетворительнымъ составомъ профессорскихъ коллегій; скудость учебныхъ пособій университетовъ, не позволявшая имъ идти въ уровень въ подобными же учрежденіями Западной Европы. «Вслѣдствіе всего вышеназложеннаго», — заключалъ статсъ-секретарь Головинъ, — «нынѣ оказывается, что ученая дѣятельность университетовъ незначительна: многія кафедры, за отсутствіемъ системы постоянного приготовленія профессоровъ, остаются вакантными, другія замѣщаются лицами, не имѣющими требуемыхъ по уставу ученыхъ степеней, и самая академическая жизнь студентовъ, будучи невѣрно поставлена въ отношеніи къ университету, заключаетъ въ себѣ элементы безпорядковъ, обнаружившіеся, къ сожалѣнію, еще въ недавнее время прискорбными событіями почти во всѣхъ университетахъ».

Новый уставъ имѣлъ цѣлью устранить всѣ эти недостатки. Управление университетомъ ввѣрялъ онъ коллегіи профессоровъ, причемъ дѣла, касающіяся ученой дѣятельности, вѣдали: общія по университету—совѣтъ, состоявшій изъ всѣхъ профессоровъ, подъ предѣлательствомъ ректора, а частныя, по каждому факультету—собраніе профессоровъ факультета подъ предѣлательствомъ декана; хозяйственными дѣлами и тѣми, что касались студентовъ, завѣдывало правленіе, состоявшее изъ ректора и всѣхъ декановъ; наблюденіе за порядкомъ возлагалось на проректора или инспектора, а нарушители порядка предавались университетскому суду, состоявшему изъ профессоровъ. Всѣ должности были выборныя, по избранію профессоровъ, и только утвержденіе въ нихъ предоставлялось министру. Совѣтъ и правленіе университета лишь вѣ-

которыя важнѣйшія дѣла представляли на утверждение попечителя, который одни дѣла рѣшалъ собственною властью, другія передавалъ на рѣшеніе министру народнаго просвѣщенія. Попечителю предоставлено было, между прочимъ, и право пріостанавливать всякое рѣшеніе совѣта, несогласное съ уставомъ.

Преподаватели въ университетѣ раздѣлялись на профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ и лекторовъ. Никто не могъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соотвѣтствующихъ кафедрѣ, доцентомъ — не имѣя степени магистра. Избиралъ преподавателей совѣтъ университета, а утверждалъ въ должности профессоровъ — министръ, прочихъ — попечитель округа. Министру предоставлено право и по собственному усмотрѣнію назначать на вакантныя кафедры лицъ, отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія и имѣющихъ требуемыя ученые степени. Содержаніе профессоровъ значительно увеличено и доведено: ординарному профессору до 3,000 рублей, экстраординарному до 2,500 рублей и штатному доценту до 1,500 рублей.

Въ студенты университета принимались всѣ молодые люди, съ успѣхомъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ или другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ гимназическимъ курсомъ. Экзамены пріемные и переходные съ одного курса на другой уничтожены; остался только выпускной экзаменъ на ученую степень. Студенты при пріемѣ въ университетъ обязывались подпискою повиноваться учебному начальству и соблюдать установленныя имъ правила, за нарушеніе которыхъ они подвергались взысканіямъ, а постороннимъ лицамъ воспрещался входъ въ университетъ. Плата за слушаніе лекцій опредѣлена съ каждаго студента: въ столичныхъ университетахъ въ 50 рублей, а въ прочихъ — въ 40 рублей ежегодно; но недостаточнымъ студентамъ разрѣшено давать отсрочки, уменьшать плату на половину и даже вовсе освобождать ихъ отъ нея. За лицами, окончившими образованіе въ университетѣ, сохранены права на утверженіе при поступленіи на государственную службу — доктора въ VIII классѣ, магистра въ IX, кандидата въ X и дѣйствительнаго студента въ XII.

Всѣ эти и многія другія реформы, введенныя новымъ уставомъ, полагалъ министръ, должны были вызвать въ положеніи университетовъ перемѣну къ лучшему. Увеличеніе числа кафедръ, — разсуждалъ онъ — доставитъ возможность профессорамъ читать предметы свои основательнѣе и въ то же время расширить, сообразно современному состоянію науки, кругъ ученой дѣятельности университета. Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, ограничивая близкими однимъ къ другому предметами кругъ занятій студентовъ, до-

зволить имъ болѣе основательно изучать тѣ науки, которымъ они себя посвятили. Увеличеніе средствъ университетовъ на бібліотеки, кабинеты, лабораторіи, вообще на учебныя пособія, доставить возможность профессорамъ преподавать, а студентамъ изучать науку сообразно ея современному состоянію. Учрежденіе званія приватъ-доцентовъ дастъ постоянное, естественное средство къ замѣщенію профессорскихъ вакансій, создавъ въ самомъ университетѣ питомники профессоровъ и возбужденіемъ соревнованія между ними и приватъ-доцентами поддержать ученую дѣятельность какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Возвышеніе окладовъ содержанія привлечетъ къ должности профессора и удержитъ въ ней способнѣйшихъ и достойныхъ лицъ. Требованіе отъ поступающихъ въ университетъ гимназическаго аттестата измѣнить къ лучшему составъ аудиторій, наполнивъ ихъ молодыми людьми, достаточно подготовленными къ слушанію университетскаго курса. Всѣ эти мѣры совокупнымъ дѣйствіемъ своимъ будутъ способствовать главной цѣли министерства народнаго просвѣщенія при реформѣ университетовъ, т. е. развитію и усиленію ихъ научной дѣятельности. Въ то же время составленныя каждымъ университетомъ и утвержденныя попечителемъ учебнаго округа правила о порядкѣ въ университетѣ и о наказаніяхъ по приговорамъ университетскаго суда возстановятъ спокойствіе въ университетской жизни. Наконецъ, болѣшая степень участія всѣхъ профессоровъ въ дѣлахъ университета возбудитъ въ нихъ и болѣшее участіе къ его интересамъ и свяжетъ ихъ общою нравственною отвѣтственностью за благоденствіе университета, а предоставленіе каждому университету начертанія для себя правилъ по разнымъ предметамъ академической жизни, придерживаясь указаній министерства только въ главныхъ основаніяхъ, доставитъ возможность каждому университету развиваться самостоятельно и своеобразно, смотря по мѣстнымъ потребностямъ.

Реформа университетовъ была связана съ значительнымъ увеличеніемъ ассигнованныхъ на ихъ содержаніе средствъ. Въмѣсто 988,000 рублей предназначено къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства на этотъ предметъ 1.872,000 рублей ежегодно, т. е. почти вдвое болѣе противъ прежняго.

Новый уставъ введенъ во всѣхъ русскихъ университетахъ, за исключеніемъ Дерптскаго. Одновременно съ его обнародованіемъ снова открытъ въ полномъ составѣ С.-Петербургскій университетъ.

Подобно университетскому уставу, уставъ гимназій и прогимназій нѣсколько лѣтъ разрабатывался въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія; первоначальные проекты рассылались на разсмотрѣніе попечителей округовъ и другихъ педаго-

говъ, печатались во всеобщее свѣдѣніе, снова измѣнялись сообразно доставленнымъ на нихъ замѣчаніямъ. Наконецъ, окончательный проектъ обсужденъ и отчасти видоизмѣненъ въ Государственномъ Совѣтѣ и высочайше утвержденъ 18-го ноября 1864 года.

Гимназіи, какъ заведенія, имѣющія цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить приговорительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища, по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, и по различію цѣлей гимназическаго обученія, раздѣлялись на классическія и реальныя. Въ учебный курсъ классическихъ гимназій вводились оба древніе языка — латинскій и греческій; Законъ Божій, русскій языкъ, съ церковно-славянскимъ, и словесность, исторія, географія и чистописаніе преподавались въ одинаковомъ объемѣ въ гимназіяхъ какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, но въ послѣднихъ въ увеличенномъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями классическими, преподавались математика, естественная исторія съ присоединеніемъ къ ней химіи, физика, космографія, языки нѣмецкій и французскій, рисованіе и черченіе; въ классическихъ гимназіяхъ обязательно было обученіе лишь одному изъ новѣйшихъ языковъ; въ реальныхъ—вовсе не преподавались языки латинскій и греческій. Окончившіе курсъ въ классическихъ гимназіяхъ получали право на поступленіе въ университетъ безъ экзамена; свидѣтельство объ окончаніи курса въ реальныхъ гимназіяхъ принималось лишь въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища на основаніи уставовъ этихъ училищъ. Учрежденіе гимназій и прогимназій съ классическимъ или реальнымъ курсомъ предоставлялось усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, сообразно мѣстнымъ потребностямъ и учебнымъ средствамъ, въ такомъ числѣ, какое укажетъ опытъ.

Таково было главное измѣненіе, внесенное новымъ уставомъ въ устройство обще-образовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Прочія касались преимущественно возвышенія окладовъ содержанія должностныхъ лицъ и преподавателей. Преобразованію на началахъ этого устава подлежали 80 гимназій и 4 прогимназіи. Головинъ желалъ бы одну половину обратить въ классическія, другую въ реальныя; но это оказалось невозможнымъ потому, что, съ одной стороны, еще не ощущалось потребности въ столь значительномъ числѣ реальныхъ заведеній, изъ которыхъ нельзя было поступить въ университетъ, а съ другой, по недостатку въ учителяхъ греческаго языка, не скоро предвидѣлась возможность ввести во всѣ классическія гимназіи преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ.

Поэтому министерство предположило преобразование совершить постепенно, въ продолженіе пяти лѣтъ, начиная съ 1865 года, такъ. чтобы къ 1870 году 20 гимназій и 1 прогимназія обращены были въ реальныя, 20 гимназій и 1 прогимназія—въ классическія съ двумя древними языками и 40 гимназій и 2 прогимназіи—также въ классическія, но съ однимъ только латинскимъ языкомъ. Введеніе новыхъ штатовъ увеличило расходъ на содержаніе гимназій и прогимназій съ 1.045,000 рублей до 1.808,000 рублей, что требовало дополнительнаго ассигнованія къ сметѣ министерства народнаго просвѣщенія 763,000 рублей ежегодно.

Вопросъ о распространеніи начальнаго образованія въ народѣ, объ обученіи крестьянъ грамотѣ, естественно истекалъ изъ перемѣны, происшедшей въ ихъ быту со времени освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости. Вотъ почему онъ привлекъ на себя вниманіе еще редакціонныхъ комиссій, трудившихся надъ составленіемъ положеній, обнародованныхъ 19-го февраля 1861 года. Комиссіи считали необходимымъ повсемѣстное учрежденіе народныхъ училищъ по селамъ и деревнямъ, но находили, что крестьяне не имѣютъ средствъ, чтобы нести значительныя издержки по ихъ содержанію, и потому правительству слѣдовало бы взять на себя повинъ въ этомъ важномъ дѣлѣ и принять хотя часть расходовъ по его осуществленію. По мнѣнію комиссій, сельскія училища должны были быть подчинены министерству народнаго просвѣщенія лишь въ учебномъ отношеніи, завѣдываніе же хозяйственною въ нихъ частью надлежало предоставить сельскимъ обществамъ при участіи и подъ руководствомъ мѣстнаго дворянства. Соображенія свои редакціонныя комиссіи внесли, одновременно съ проектами положеній, въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, который, въ февралѣ 1861 года, по высочайшему повелѣнію, передалъ ихъ на заключеніе министра народнаго просвѣщенія. Вскорѣ послѣ того вновь назначенный на эту должность графъ Путятинъ высказался въ Комитетѣ министровъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ поручить особому комитету изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, а также отъ православнаго духовнаго вѣдомства, начертать общій планъ устройства приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ и другихъ элементарныхъ школъ и училищъ. Утверждая въ этомъ смыслѣ положеніе Комитета министровъ, государь, для составленія помянутаго проекта, назначилъ срокъ не позже 1-го ноября 1861 года, послѣ чего проектъ имѣлъ поступить на разсмотрѣніе Главнаго Комитета по устройству сельскаго состоянія.

Высочайшая воля была исполнена и общій планъ составленъ особымъ комитетомъ. Согласно этому плану, всѣ народныя училища въ Имперіи должны были, въ учебномъ отношеніи, зависѣть отъ министерства народнаго просвѣщенія, хозяйственная же часть въ каждомъ училищѣ оставялась въ завѣдываніи того общества, на счетъ котораго училище содержится. Управление всѣми народными училищами предполагалось поручить въ каждой губерніи особому директору, по назначенію министерства народнаго просвѣщенія, къ обязанностямъ котораго относилось опредѣленіе и увольненіе учителей народныхъ училищъ. Планъ особаго комитета императоръ Александръ повелѣлъ препроводить прежде всего на заключеніе св. Синода, послѣ чего онъ былъ внесенъ въ Главный Комитетъ по устройству сельскаго состоянія. Между тѣмъ, на разсмотрѣніе послѣдняго поступилъ и другой проектъ устройства народныхъ училищъ, составленный въ ученое комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія во время управленія этимъ вѣдомствомъ Ковалевскаго и ставившій эти училища въ полную зависимость отъ министерства въ отношеніяхъ не только учебномъ, но и хозяйственномъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда, въ декабрѣ 1862 года, статсъ-секретарь Головинъ вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Государь приказалъ передать ему оба проекта на заключеніе. Новый министръ нашелъ, что, по важности значенія вопроса о народномъ образованіи, необходимо и тотъ и другой проекты, предварительно обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ, разослать для разсмотрѣнія по всему учебному вѣдомству и разнымъ лицамъ по выбору министра, а также сообщить ихъ въ переводѣ на англійскій, французскій и нѣмецкій языки извѣстнѣйшимъ иностраннымъ педагогамъ. Выслушавъ докладъ Головина въ Совѣтѣ министровъ, государь согласился съ нимъ и въ томъ же засѣданіи 18-го января 1862 года слѣдующимъ образомъ разрѣшилъ возбужденный въ Совѣтѣ министровъ вопросъ, въ чемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища. «Учрежденныя школы и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища»—гласило высочайшее повелѣніе—«оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ, по мѣрѣ возможности, и оставить на обязанности министерства народнаго просвѣщенія учреждать по всей Имперіи, по сношенію съ подлежащими вѣдомствамъ, народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего министерства, причѣмъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ,

когда министерство народного просвѣщенія признаетъ сіе нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе».

По полученіи отзывать отъ лицъ, копья были разосланы прежніе проекты, ученый комитетъ при министерствѣ народного просвѣщенія приступилъ къ составленію предварительныхъ правилъ, которыя должны были послужить основаніемъ для положенія о начальныхъ училищахъ Имперіи въ томъ числѣ, въ слѣдствіе особаго высочайшаго повелѣнія, и о воскресныхъ школахъ. Правила эти были по приказанію государя, обсужены въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Строганова, изъ министровъ: государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и народного просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Въ этомъ собраніи статсъ-секретарь Головинъ подробно и обстоятельно высказалъ свой взглядъ, не только на педагогическую сторону дѣла, но и на тѣсно связанные съ нимъ вопросы общегосударственнаго значенія. Въ ряду ихъ первое мѣсто занималъ вопросъ: въ какомъ отношеніи должны находиться между собою различныя правительственныя вѣдомства по завѣдыванію дѣлами народныхъ школъ и въ какомъ отношеніи должны состоять частныя общества и лица по этимъ дѣламъ къ вѣдомствамъ правительственнымъ? Министръ признавалъ невозможнымъ для правительства взять въ свои руки обширное дѣло начального народного образованія и задачею его считалъ: прекратить существующій нынѣ антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами, казенными и частными, и направить усилія всѣхъ различныхъ органовъ, дѣйствующихъ нынѣ въ пользу народного просвѣщенія, къ одной общей цѣли. Въ этихъ видахъ, Головинъ предлагалъ учредить въ каждомъ уѣздѣ попечительный уѣздный совѣтъ изъ членовъ отъ министерствъ: народного просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя школы, поручивъ ему завѣдываніе начальнымъ народнымъ образованіемъ въ предѣлахъ уѣзда. На обязанности совѣта лежало бы разрѣшеніе открывать школы обществамъ и частнымъ лицамъ, снабжать ихъ учебными пособиями, прискивать, въ случаѣ надобности, учителей и наблюдать за преподаваніемъ. Непосредственное же управленіе училищами слѣдовало бы, по мнѣнію министра, предоставить тѣмъ общинамъ или частнымъ лицамъ, на средства которыхъ содержатся училища. Вообще же обязанности министерства народного просвѣщенія по отношенію къ народнымъ школамъ должны заключаться, кромѣ наблюденія за ходомъ въ нихъ учебной части, въ составленіи хорошихъ учебниковъ и въ учрежденіи нѣкотораго числа обра-

довыхъ народныхъ училищъ, гдѣ ученіе совершалось бы сообразно съ требованіями здоровой педагогикѣ. Духовенство, независимо отъ учрежденія новыхъ школъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, должно бы доставлять училищамъ законоучителей и наблюдать за преподаваніемъ въ нихъ Закона Божія. Министерству внутренняго дѣла надлежитъ содѣйствовать обществамъ, городскимъ и сельскимъ, въ изысканіи матеріальныхъ средствъ для содержанія училищъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы въ числѣ преподавателей и содержателей школъ не явились лица неблагонадежныя и которыя могли бы употребить школу орудіемъ вредныхъ или преступныхъ замысловъ. По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли подчинить всѣ народныя училища одному общему уставу, или допустить для разныхъ училищъ мѣстные отступленія, министръ признавалъ полезнѣе, въ виду различія мѣстныхъ условій, допустить согласованное съ ними разнообразіе какъ въ учебномъ, такъ и въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Онъ даже склонялся въ пользу допущенія начальнаго преподаванія на мѣстныхъ нарѣчійхъ не только въ краяхъ, населенныхъ инородцами, но и въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, съ тѣмъ, чтобы ученики народныхъ школъ постепенно переходили къ употребленію русскаго языка. Не считая возможнымъ введеніе у насъ ни прусской системы строго обязательнаго обученія грамотѣ, ни системы французской, вмѣняющей каждой общинѣ въ обязанность содержать на свой счетъ начальную народную школу, Головиннъ предлагалъ привлекать къ дѣлу народнаго образованія общества и частныхъ лицъ, посредствомъ пособій и поощрительныхъ мѣръ со стороны правительства, а потому находилъ необходимымъ облегчить условія элементарнаго обученія грамотѣ и основнымъ приѣмамъ ариметики для всѣхъ лицъ безъ различія, желающихъ посвятить себя этому дѣлу, поощряя частныхъ учредителей школъ и оставляя при томъ самыя школы въ полномъ ихъ распоряженіи по части хозяйственной. Относительно вопроса, должно ли быть обученіе въ начальныхъ школахъ даровое или за плату, министръ полагалъ цѣлесообразнымъ взимать съ обучающихся въ нихъ хотя бы самую незначительную плату, во вниманіе къ укоренившемуся въ русскомъ народѣ взгляду, что даровое обученіе не можетъ быть хорошимъ.

Особое совѣщаніе согласилось со всѣми доводами министра, за исключеніемъ одного, постановивъ, что во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе должно происходить непременно на русскомъ языкѣ. Въ одобренномъ имъ проектѣ полагалось: поощренія и пособія со стороны правительства, по мѣрѣ средствъ онаго, назначать училищамъ, учреждаемымъ обществами, частными

лицами и духовенствомъ, при наблюдении за всеми помянутыми училищами со стороны правительства и оставляя за послѣднимъ учрежденіе казенныхъ школъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда это будетъ признано нужнымъ; для такого наблюдения и раздачи пособій учредить губернскіе и уѣздные училищныя совѣты, въ которыхъ соединить участіе всѣхъ вѣдомствъ и православнаго духовенства въ завѣдываніи начальными народными школами; подчинить этимъ совѣтамъ какъ школы министерства народнаго просвѣщенія, такъ и министерствъ государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, удѣльнаго, горнаго и духовнаго вѣдомствъ и всѣ вообще воскресныя школы. Особый сверхсѣтныи кредитъ на пособия народнымъ училищамъ исчисленъ на первый годъ въ 100,000 рублей, на второй въ 200,000, на третій и послѣдующіе въ 300,000. По изъявленіи на это согласія министромъ финансовъ, составленъ окончательный проектъ положенія о народныхъ начальныхъ училищахъ, доложенный государю въ Совѣтѣ министровъ и, съ высочайшаго соизволенія, въ іюлѣ 1863 года внесенный на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ.

Между тѣмъ, нѣкоторые изъ губернскихъ дворянскихъ собраній, а именно нижегородское и с.-петербургское, по поводу введенія въ дѣйствіе положеній о земскихъ учрежденіяхъ, выразили мысль, что народныя школы слѣдовало бы подчинить этимъ учрежденіямъ. Съ мнѣніемъ этимъ согласился главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, баронъ Корфъ, на заключеніе котораго министръ народнаго просвѣщенія, еще ранѣе представленія въ Государственный Совѣтъ, передалъ проектъ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. Баронъ Корфъ находилъ, что предполагаемые училищныя совѣты, какъ губернскіе, такъ и уѣздные, будутъ лишь подобіемъ и повтореніемъ существующихъ уже у насъ многочисленныхъ и разнородныхъ мѣстныхъ комитетовъ и комиссій, общій характеръ которыхъ составляетъ бюрократическое направленіе, т.-е. форма, лишенная, въ большей части случаевъ, жизни; что въ членахъ училищныхъ совѣтовъ невозможно, по самому ихъ положенію, предполагать такое же знакомство съ мѣстными потребностями, какъ въ представителяхъ земства, и еще менѣе можетъ быть рѣчь о сравненіи между тѣми и другими въ отношеніи къ средствамъ для устройства и поддержанія народныхъ училищъ; что члены предполагаемыхъ совѣтовъ превосходили бы представителей земства лишь въ отношеніи къ педагогическимъ познаніямъ и опытности, но что недостатокъ этотъ легко устранить приглашеніемъ въ засѣданія земскихъ собраній, по дѣламъ народнаго образованія, на правахъ членовъ, лицъ учебнаго и ду-

ховнаго вѣдомствѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, заключалъ баронъ Корфъ, онъ признаетъ, что земскія учрежденія представили бы болѣе ручательствъ въ успѣхѣ даннаго дѣла, нежели предложенные училищныя совѣты. Тотъ же взглядъ развивалъ и защищалъ въ Государственномъ Совѣтѣ одинъ изъ предшественниковъ Головинна, Ковалевскій. Наставая на предоставленіи земскимъ учрежденіямъ попеченія о народномъ образованіи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія обусловливалъ мнѣніе это необходимою для русскаго общества принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ для воспособленія правительству въ финансовомъ отношеніи, такъ и для того, чтобы развить въ немъ самомъ начала хозяйственнаго самоуправленія и возбудить энергію къ общественнымъ дѣламъ, уснувшую отъ непрерывно и вездѣ продолжавшейся надъ нимъ опеки, породившей въ немъ апатію и привычку все валить на правительство. Если общество — разсуждалъ Ковалевскій — будетъ призвано принять ближайшее участіе въ учрежденіи народныхъ школъ, то естественно ему же, въ лицѣ его представителей, земскихъ учрежденій, слѣдуетъ предоставить и наблюденіе за ними, тѣмъ болѣе, что на такое наблюденіе у самого правительства не хватитъ средствъ, не столько по недостатку агентовъ, сколько по существу дѣла.

Государственный Совѣтъ въ измѣненномъ согласно его указаніямъ проектѣ согласовалъ отчасти мнѣнія составителей проекта съ возрѣніями барона Корфа и Е. П. Ковалевскаго. Въ положеніи, представленномъ на высочайшее утвержденіе, оставлены училищныя совѣты, но составъ ихъ измѣненъ. Уѣздный совѣтъ составлялся изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ православнаго духовнаго вѣдомства, изъ двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ отъ себя начальныя народныя училища. Предсѣдателя уѣздный совѣтъ избиралъ самъ, изъ своей среды, на два года. Совѣтъ губернской состоялъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епархіальнаго архіерея, изъ начальника губерніи, директора училищъ и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Постановленія его сообщались для свѣдѣнія попечителю учебнаго округа, а жалобы на его рѣшенія приносились Сенату, по 1-му департаменту.

«Во всегдашнемъ попеченіи о благѣ любезныхъ нашихъ вѣрно-подданныхъ» — какъ сказано было въ указѣ Сенату — «признавая хорошее устройство первоначальныхъ училищъ весьма важнымъ способомъ къ религіозно-нравственному образованію народа» — государь 14-го іюля 1864 года утвердилъ положеніе о

начальныхъ народныхъ училищахъ, провозглашавшее цѣлью ихъ утверженіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и распространеніе первоначальныхъ полезныхъ знаній. Дѣйствіе положенія распространялось на школы всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и духовнаго, на тѣ, что завѣдывались и содержались обществами и частными лицами, а равно и на воскресныя школы. Предметами учебнаго курса начальныхъ училищъ опредѣлялись: Законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія); чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; письмо; первыя четыре дѣйствія арифметики и церковное пѣніе тамъ, гдѣ обученіе ему будетъ возможно. Преподаваніе въ начальныхъ народныхъ училищахъ имѣло совершаться повсемѣстно на русскомъ языкѣ.

Положеніе 1864 года введено въ губерніяхъ, составляющихъ учебные округа: С.-Петербургскій, за исключеніемъ губерній Витебской и Могилевской, Московскій, Казанскій, Харьковскій и Одесскій, а также въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, приписанныхъ къ Кіевскому учебному округу. Не распространялось оно на шесть губерній Сѣверо-Западнаго и три Юго-Западнаго края, потому что волненія, возбужденныя въ нихъ польскимъ возстаніемъ, вынудили правительство принять еще ранѣе въ этихъ мѣстностяхъ чрезвычайныя мѣры по народному образованію.

При первыхъ извѣстіяхъ о проникновеніи мятежа въ Литву и Бѣлоруссію, въ концѣ 1862 и въ началѣ 1863 годовъ, Западный комитетъ приступилъ къ обсужденію этого важнаго предмета. Онъ полагалъ, что надежнѣйшею опорой и пособникомъ правительству въ краѣ должно служить православное духовенство, которое — разсуждалъ онъ — «находится въ самыхъ близкихъ, самыхъ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ и, посредствомъ обученія и устройства школъ, оно можетъ пріобрѣсти огромное вліяніе на народъ, и именно то вліяніе, которое всегда нужно въ интересахъ порядка и благоустройства, а въ настоящее время особенно необходимо для борьбы съ пропагандою, для поддержанія православія и распространенія истинныхъ началъ христіанскаго ученія, для усиленія русскаго элемента, для поддержанія и успленія преданности къ государю и любви къ Россіи». Въ этихъ видахъ комитетъ полагалъ поручить министру народнаго просвѣщенія начертать, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ св. Синода и съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, правила объ устройствѣ сельскихъ школъ въ западныхъ губерніяхъ, не исключая и бѣлорусскихъ, составленныя преимущественно въ видахъ предоставленія наивозможно большаго участія въ этомъ дѣлѣ правительству и православному духовенству и наивозможно меньшаго — помѣщикамъ и

латинскому духовенству. Утверждая положеніе Западнаго комитета, императоръ Александръ сдѣлалъ на немъ надпись: «Желаю, чтобъ правила эти были составлены безъ всякаго замедленія». Временныя правила для народныхъ школъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ высочайше утверждены 23-го марта 1863 года. Для завѣдыванія народными школами въ этихъ мѣстностяхъ учреждены особыя дирекціи въ губервскихъ городахъ и при нихъ училищныя совѣты изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, на обязанность которыхъ возложено наблюденіе за преподаваніемъ въ народныхъ школахъ, попеченіе объ открытіи новыхъ училищъ, разрѣшеніе открывать ихъ городскимъ и сельскимъ обществамъ, снабженіе ихъ учебными пособиями, назначеніе или утвержденіе учителей и учительницъ, представленіе ихъ къ наградамъ и пособиямъ, съ правомъ также въ случаѣ нужды представлять попечителю округа и подлежащему начальству о закрытіи училища. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы преподаваніе въ училищахъ производилось на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ лишь Закона Божія, который дѣтямъ римско-католическаго исповѣданія имѣлъ преподаваться на мѣстномъ ихъ нарѣчій.

По назначеніи, въ маѣ 1863 года, М. Н. Муравьева главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края, онъ взялъ въ свои руки и энергично повелъ тамъ дѣло народнаго образованія. Уже къ 1-му января 1864 года открыто 389 народныхъ училищъ, при денежномъ пособіи отъ казны, для чего генераль-губернатору отпущены значительныя кредиты изъ Государственнаго Казначейства. По его представленію, прогимназія въ Молодечно преобразована въ учительскую семинарію для образованія русскихъ и православныхъ народныхъ учителей, сокращено число гимназій, съ учрежденіемъ вмѣсто нихъ низшихъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, разумѣется, при полномъ исключеніи польскаго языка изъ преподаванія и съ повсемѣстною замѣною его языкомъ русскимъ.

Между тѣмъ, и главный начальникъ Юго-Западнаго края, со своей стороны, пыскивалъ способы къ обрусѣнію этого края путемъ образованія. Учрежденный генераль-губернаторомъ Анненковымъ съ этою цѣлью въ Кіевѣ особый комитетъ пришелъ къ заключенію, что правительство должно оказать помощь сельскимъ и городскимъ обществамъ въ дѣлѣ устройства церковно-приходскихъ школъ для обученія грамотѣ и Закону Божію, полагая по одной школѣ на каждый приходъ, съ оставленіемъ ихъ въ завѣдываніи епархіальнаго начальства. Народныя же училища, устраиваемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія и состоящія въ его вѣдѣніи, не должны были бы быть, по мнѣнію комитета, простыми начальными

школами, подобными приходскимъ, а являются образцовыми въ учебномъ отношеніи и стать для народа высшими училищами, въ которыхъ, сверхъ Закона Божія и объяснительнаго чтенія, преподавались бы ариеметика, въ примѣненіи ея къ быту поселянъ, свѣдѣнія изъ географіи и исторіи Россіи, въ особенности Западнаго рая, и наконецъ нѣкоторыя практическія свѣдѣнія по естествовѣдѣнію и сельскому хозяйству. Такихъ высшихъ народныхъ училищъ предполагалось устроить сначала по два, а затѣмъ довести ихъ число до 10 на каждый уѣздъ трехъ юго-западныхъ губерній. Сверхъ того комитетъ указывалъ на необходимость устройства низшихъ народныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, въ городахъ, а равно учительскихъ семинаріи.

Министръ народнаго просвѣщенія не уважилъ, однако, доводовъ кievскаго комитета, и въ составленномъ въ его совѣтѣ и въ мартѣ 1866 года внесенномъ въ Комитетъ министровъ проектѣ правилъ предложилъ распространить на Юго-Западный край правила о народныхъ училищахъ, введенныя за три года до того въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ силу которыхъ церковно-приходскія школы, наравнѣ со всѣми прочими начальными народными училищами, подчинялись дирекціи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и состоящему при ней училищному совѣту, въ которомъ православное духовное вѣдомство имѣло быть представлено однимъ только членомъ. Противъ такого предложенія энергично выступилъ въ Комитетѣ министровъ оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Д. А. Толстой.

«Дѣятельность православнаго духовенства въ Юго-Западномъ краѣ на поприщѣ народнаго образованія»—писалъ онъ въ особомъ мнѣніи—«не приводитъ къ мысли о необходимости сліянія церковно-приходскихъ школъ съ народными, содержимыми министерствомъ народнаго просвѣщенія. Заслуги духовенства въ этомъ отношеніи неоспоримы. Оно приступило къ повсемѣстному открытію школъ безъ всякихъ пособій отъ казны, по бѣдшей части жертвуя для сего изъ собственныхъ скудныхъ средствъ, которыми и понынѣ ограничивается, не получая никакого на этотъ предметъ пособия изъ Государственнаго Казначейства. Несмотря на это, его безкорыстными и неутомимыми, въ продолженіе многихъ лѣтъ, трудами учреждены и поддерживаются до 3,869 приходскихъ школъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, тогда какъ министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ семь краѣ всего 51 школу и всѣ эти школы содержатся на счетъ казны. Довѣріе и сочувствіе сельскаго населенія къ школамъ, заведеннымъ духовенствомъ, выразившееся особенно въ послѣдніе годы, служить достаточнымъ ручательствомъ

доброевѣстнаго веденія духовенствомъ дѣла народнаго обученія. Столь благотворная дѣятельность духовенства не можетъ не заслуживать полнаго одобренія и поощренія со стороны правительства и ни въ какомъ случаѣ не должна быть стѣсняема». Графъ Толстой находилъ, что въ Юго-Западномъ краѣ,—гдѣ высшія сословія составляютъ, за немногими исключеніями, поляки, а средняго сословія вовсе нѣтъ, и его мѣсто занимаютъ евреи,—православное духовенство «одно всегда служило и служить единственнымъ охранителемъ православно-народнаго духа и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ всякихъ чуждыхъ вліяній. Нѣтъ основанія опасаться, что при существованіи приходскихъ школъ вліяніе духовенства на народъ достигнетъ крайнихъ и вредныхъ предѣловъ. Примѣръ многихъ государствъ Европы, въ которыхъ первоначальное образованіе народа лежитъ исключительно на духовенствѣ, безъ всякихъ вредныхъ отъ сего послѣдствій, можетъ служить достаточнымъ тому подтвержденіемъ. Тѣмъ менѣе приложима къ православно-народной церкви идея клерикализма: она находитъ себѣ удобную почву только въ римско-католическихъ государствахъ, при ультрамонтанскихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ латинскаго духовенства присвоить себѣ вліяніе на дѣла свѣтскія и государственныя, что вовсе не въ духѣ православно-народнаго духовенства. Это послѣднее скорѣе можно упрекнуть въ недостатокъ дѣятельности въ своей собственной сферѣ и посему, когда, къ счастью, дѣятельность эта пробудилась, то слѣдуетъ не стѣснять, а поощрять и поддерживать ее. Православная церковь, охравяя и поддерживая чисто-народныя, русскія начала, въ томъ же духѣ воспитываетъ и своихъ пастырей. Коренныя начала, содержимыя нашею церковью, неизмѣнны и ея служители посему всегда будутъ имѣть неоспоримое преимущество предъ всякими другими учителями народа, которые иногда могутъ увлекаться собственными воззрѣніями, не всегда полезными для правительства и государства. Въ виду этой пользы, приносимой пастырями церкви народному образованію, не усматривается основанія къ ограниченію духовенства въ отношеніи къ церковно-приходскимъ школамъ. Посему осуществленіе мысли о сліянніи приходскихъ школъ съ народными на самомъ дѣлѣ будетъ равняться отторженію приходскихъ школъ изъ вѣдѣнія духовенства. Новая организація народныхъ школъ на предположенныхъ началахъ ставитъ духовенство въ полную зависимость отъ училищныхъ совѣтовъ, въ коихъ одинокое положеніе члена отъ епархіальнаго вѣдомства будетъ лишено всякаго самостоятельнаго значенія, а самые совѣты подчинены непосредственно и исключительно попечителю учебнаго округа, который по дѣламъ этихъ училищъ, превышающимъ его власть, входитъ

съ представленіями къ министру народнаго просвѣщенія. Ничтожное, вслѣдствіе такого устройства школъ, участіе духовенства въ народномъ образованіи, постоянный контроль надъ нимъ посторонняго вѣдомства—непозбѣжно дадутъ духовенству поводъ думать о недовѣрїи къ нему правительства, ослабятъ его рвеніе къ этому великому дѣлу и поколеблютъ его нравственное значеніе въ глазахъ простаго народа. Поводомъ къ предполагаемому сліянію выставляется опасеніе, что существующее раздвоеніе въ устройствѣ училищъ будетъ ослаблять ихъ нравственное вліяніе и парализовать ихъ дѣятельность. Такое ослабленіе вліянія школъ возможно лишь при различїи религіозно-нравственнаго ихъ направленія, которое можетъ быть и при единствѣ ихъ устройства. Для достиженія единства недостаточно одного соединенія разнородныхъ, часто противорѣчащихъ элементовъ. Единство управленія не составляетъ еще единства направленія, а этого-то послѣдняго и слѣдуетъ достигнуть; оно можетъ послѣдовать и безъ предполагаемаго сліянія въ управленіи, если лица учебнаго вѣдомства будутъ вести обученіе народа въ строго-нравственномъ духѣ, какъ это постоянно дѣлаютъ духовные пастыри. Отдѣльное существованіе церковно-приходскихъ школъ нисколько не препятствуетъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія; напротивъ того, совмѣстное существованіе оныхъ какъ въ вѣдомствѣ сего министерства, такъ и въ православно-духовномъ, возбудитъ лишь полезное между ними соревнованіе». По всѣмъ этимъ соображеніямъ оберъ-прокуроръ Синода не признавалъ цѣлесообразнымъ ни введеніе въ Юго-Западномъ краѣ предложенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія временныхъ правилъ, ни распространеніе на него общаго положенія о народныхъ училищахъ, по поводу котораго, замѣтилъ графъ Толстой, уже и въ настоящее время возникаютъ пререканія между представителями разныхъ вѣдомствъ, какъ явствуетъ изъ переписки въ дѣлахъ Синода, а равно и пѣз преній въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ. Со своей стороны онъ считалъ необходимымъ оставить въ Юго-Западномъ краѣ церковно-приходскія школы, заведенныя духовенствомъ, въ его завѣдываніи, и если министръ народнаго просвѣщенія будетъ настаивать на введеніи въ этомъ краѣ временныхъ правилъ, то дѣйствіе ихъ не распространять на церковно-приходскія школы.

Въ «особомъ» мнѣніи, графъ Толстой выходилъ далеко за предѣлы обсуждавшагося въ Комитетѣ министровъ частнаго вопроса, который подъ перомъ его разросался въ общій государственный вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству и объ участіи ея въ направленіи и руководствѣ народнымъ образованіемъ во

всей Имперіи. Заявлено оно было въ засѣданіи Комитета министровъ 5-го апрѣля 1866 года, т.-е. на другой день послѣ покушенія Каракозова на жизнь императора. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этого событія и обнаруженнаго дознаніемъ печальнаго настроенія умовъ въ средѣ учащейся молодежи, въ значительномъ большинствѣ зараженной ученіями невѣрія и грубаго матеріализма въ нравственной области и самаго крайняго революціоннаго анархизма въ области политической, мысли, высказанныя графомъ Толстымъ, вызвали императора Александра на глубокія размышленія. Онъ рѣшился поручить ему возстановить то единство въ направленіи между православнымъ духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ, пользу и необходимость котораго, во имя высшихъ потребностей государства, графъ такъ убѣдительно доказывалъ, и назначилъ его министромъ народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ званія синодальнаго оберъ-прокурора. На журналѣ Комитета министровъ государь 15-го апрѣля собственноручно написалъ: «Раздѣляю вполнѣ особое мнѣніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, и такъ какъ онъ теперь назначенъ вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ народнаго просвѣщенія, то предоставляю ему впослѣдствіи, если признаетъ нужнымъ, войти въ Комитетъ съ особымъ своимъ сообщеніемъ по этому предмету».

Обѣ эти должности графъ Д. А. Толстой занималъ почти до самаго конца царствованія, и въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, неизмѣнно пользуясь расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ государя, произвелъ существенныя и многочисленныя преобразованія и перемѣны во всѣхъ отрасляхъ учебнаго дѣла.

Въ министерство графа Толстого университетскій уставъ 1863 года оставался въ своей силѣ, и только одна статья въ немъ подверглась измѣненію—та, что устанавливала, что по истеченіи 25 лѣтъ службы профессоръ сохранялъ свою кафедру не иначе, какъ если въ пользу оставленія ея за нимъ еще на пять лѣтъ выскажутся двѣ трети голосовъ въ совѣтѣ университета. По представленію министра высочайше повелѣно баллотировку эту производить впредь простымъ большинствомъ. Но сознавая многія и важныя неудобства, проистекающія отъ безусловной автономіи, предоставленной уставомъ профессорской коллегіи, графъ Толстой въ 1875 году испросилъ высочайшее соизволеніе на учрежденіе при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, комиссіи для пересмотра университетскаго устава. Комиссія окончила возложенный на нее трудъ и выработала проектъ новаго устава, который получилъ законодательное утвержденіе лишь въ царствованіе императора Александра III.

Періодически повторявшіеся беспорядки среди студентовъ вызвали необходимость усилить за ними надзоръ, и правилами 1867 года для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, рассмотрѣнными въ Комитетѣ министровъ и удостоившимися высочайшаго утвержденія, вмѣнено полиціи въ обязанность извѣщать учебное начальство о проступкахъ учащихся, совершаемыхъ ими въ заведеніи, и вообще, о всѣхъ дѣйствіяхъ, навлекающихъ сомнѣніе въ ихъ нравственной и политической благонадежности, а начальству учебныхъ заведеній—исполнять то же по отношенію къ полиціи. Тогда же безусловно воспрещено устройство студентами концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній въ пользу недостаточныхъ товарищей, а деньги, выручаемыя съ такихъ собраній, устраиваемыхъ посторонними лицами, предписано доставлять не непосредственно студентамъ, а учебному начальству для распредѣленія пособій дѣйствительно нуждающимся и достойнымъ помощи студентамъ. Въ видахъ единства дѣйствій и распоряженій, установлено также, чтобы высшія учебныя заведенія общались другъ другу дѣйствующія въ нихъ дисциплинарныя и другія правила ¹.

Въ началѣ 1869 года императоръ Александръ, по случаю исполнявшагося полустолѣтія со дня основанія С.-Петербургскаго университета учредилъ въ немъ 100 стипендій, названныхъ императорскими, и въ милостивой грамотѣ на имя университета выразилъ надежду, «что ученое его сословіе, проникнутое сознаниемъ своихъ высокихъ обязанностей, будетъ, по прежнему, утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ со временемъ сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной дѣятельности и, подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужатъ свою службу Россіи» ². Но волненія среди студентовъ не прекращались. Въ мартѣ того же 1869 года они распространились почти на всѣ высшія учебныя заведенія въ Петербургѣ и другихъ городахъ, что вынудило правительство усугубить строгія мѣры къ ихъ обузданію. Мѣры эти были проектированы въ особой комиссіи, изъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, и затѣмъ рассмотрѣны въ особомъ комитетѣ изъ министровъ: военнаго, государственныхъ имуществъ, финансовъ, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія и шефа жан-

¹ 26-го мая 1867 г.

² Высочайшая грамота С.-Петербургскому университету, 8-го февраля 1869 г.

дармовъ, который, соглашаясь съ комиссіей въ томъ, что главныя начала нынѣ дѣйствующихъ дисциплинарныхъ правилъ вообще соотвѣтствуютъ своей цѣли, нашель, что слѣдуетъ только привести ихъ въ большее однообразіе, а равно и принять нѣкоторыя мѣры какъ для устраниенія наплыва въ высшія учебныя заведенія людей, подающихъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, такъ и для предупрежденія, по возможности, нарушенія порядка со стороны тѣхъ, кои уже приняты въ высшія учебныя заведенія ¹.

Между тѣмъ, шло своимъ чередомъ преобразование вышнихъ учебныхъ заведеній. Въ 1867 году, съ цѣлью образованія учителей для гимназій и средне-учебныхъ заведеній основанъ въ Петербургѣ императорскій Историко-филологическій институтъ ². Въ 1869 году польская варшавская Главная школа обращена въ русскій университетъ ³, а Политехническій и Земледѣльческо-Лѣсной институтъ въ Новой Александринѣ—въ институтъ Сельскаго хозяйства и Лѣсоводства съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ ⁴. Въ 1874 году Нѣжинскій лицей князя Безбородко преобразованъ въ Историко-филологическій институтъ, а Демидовскій лицей въ Ярославль—въ лицей Юридическій ⁵. Въ 1875 году для приготовленія учителей древнихъ языковъ основана въ Лейпцигѣ русская Филологическая семинарія ⁶.

Мысль объ учрежденіи сибирскаго университета принадлежала лично императору Александру, возбудившему вопросъ еще въ первый годъ царствованія. Въ 1875 году, назначая генераль-адъютанта Казнакова генераль-губернаторомъ Западной Сибири, государь повелѣлъ ему: «поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ готовить изъ среды своей людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и, по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть, чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета» Сначала предполагалось университетъ учредить въ Омскѣ, но въ виду ходатайствъ, поступившихъ отъ частныхъ жертователей, а также отъ разныхъ сибирскихъ обществъ и учрежде-

¹ 8-го іюля 1869 г.

² 27-го іюня 1867 г.

³ 8-го іюня 1869 г.

⁴ 20-го ноября 1869 г.

⁵ 25-го декабря 1874 г.

⁶ 4-го февраля 1875 г.

ній, окончательно рѣшено учредить этотъ разсадникъ просвѣщенія въ городѣ Томскѣ¹.

Рядъ мѣропріятій по устройству высшаго образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра II завершился учрежденіемъ въ 1876 году въ Петербургѣ Археологическаго института, назначеніемъ коего было готовить спеціалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ и частныхъ².

Особенное вниманіе графа Толстого привлекало состояніе среднихъ учебныхъ заведеній. Уставъ 1864 года, раздѣлявшій гимназій и прогимназій на классическія и реальныя, хотя и возстановилъ въ первыхъ преподаваніе обонхъ древнихъ языковъ, но новый министръ находилъ эту реформу недостаточною и, будучи самъ ревностнымъ сторонникомъ строго классической системы образованія, считалъ необходимымъ ввести ее у насъ во всей полнотѣ и неприкосновенности. Съ этою цѣлью онъ признавалъ нужнымъ преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ не только ввести, но и усилить во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ безъ исключенія съ предоставленіемъ права поступать въ университетъ безъ экзамена только ученикамъ, окончившимъ въ нихъ полный курсъ. Вышія реальныя гимназій имѣли быть преобразованы въ реальныя училища, ученики которыхъ по окончаніи курса не принимались бы въ университеты. На этомъ главномъ основаніи предпринять былъ пересмотръ устава гимназій и прогимназій сначала въ ученомъ комитетѣ и въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія, потомъ въ особой высочайше учрежденной комиссіи подъ предѣлательствомъ генераль-адъютанта графа Строганова, изъ членовъ Государственнаго Совѣта Валуева и Тройницкаго, министра народнаго просвѣщенія, членовъ его совѣта Постельса и Штейнмана и директора 3-й С.-Петербургской гимназій Лемонюса. На докладѣ Толстого, что комиссія эта пришла къ единогласному заключенію по всѣмъ предложеннымъ на ея разсмотрѣніе вопросамъ, государь подписалъ: «Весьма радъ». Но, сознавая важность предложеннаго преобразованія, долженствовавшего въ корнѣзмѣнить всю систему среднего образованія въ Россіи, императоръ повелѣлъ учредить особое присутствіе для разсмотрѣнія какъ предложенныхъ комиссіею измѣненій и дополненій въ гимназическомъ уставѣ 1864 года, такъ и выработанныхъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія положеній о земскихъ и городскихъ училищахъ и учительскихъ ин-

¹ 16-го мая 1878 г.

² 21-го іюля 1877 г.

ститутах¹. Предсѣдателемъ особаго присутствія назначенъ былъ графъ С. Г. Строгановъ, а членами: наслѣдникъ цесаревича, принцъ П. Г. Ольденбургскій, генераль-адъютанты: Чевкинъ, графъ Литке и графъ Путятинъ, статсъ-секретари: графъ Панинъ, Валуевъ, Головинъ, князь Урусовъ, Гротъ и Тройницкій и министры: военный, финансовъ и народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи присоединенъ къ нимъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Титовъ. Присутствію предоставлялось рассмотреть проекты графа Толстого на правахъ департамента Государственнаго Совѣта и заключеніе свое внести въ общее его собраніе.

Вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ классической и реальной системы средняго образованія давно раздѣлялъ педагогическій міръ на два лагеря, которые вели между собою ожесточенную полемику въ печати. Существенное это разногласіе отразилось и на совѣщаніяхъ особаго присутствія, въ средѣ котораго возникли оживленныя пренія между сторонниками строго-классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и его противниками, по главному вопросу: должны ли наряду съ классическими, существовать гимназіи и реальныя, дающія также право поступленія безъ экзамена въ университетъ? Министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что признаетъ только одно общее образованіе — классическое, отвергаетъ возможность всякаго дуализма и не допускаетъ, чтобы науки естественныя могли имѣть обще-образовательное значеніе. На этомъ основаніи онъ считаетъ обще-образовательными средними учебными заведеніями исключительно только классическія гимназіи съ двумя древними языками, упраздняетъ реальныя гимназіи, какъ устроенныя на ошибочномъ основаніи, и взамѣнъ ихъ учреждаетъ реальныя училища нѣсколькихъ родовъ, полагая ввести въ нихъ параллельно общее образованіе и спеціальныя курсы.

Противъ такого мнѣнія министра высказались шесть членовъ особаго присутствія: графы Литке и Панинъ, Чевкинъ, Милютинъ, Головинъ и Гротъ. Признавая со своей стороны обще-образовательное значеніе древнихъ языковъ, они не допускали, однако, чтобы такое значеніе присвоивалось исключительно этимъ языкамъ, и находили, что признать обще-образовательными заведеніями только однѣ классическія гимназіи значило бы идти совершенно въ разладъ съ самыми положительными указаніями современной педагогической теоріи и практики. Во всѣхъ государствахъ Западной Европы, — утверждали они, — въ настоящее время признаются два пути общаго образованія: классическій, основывающійся на

¹ 8-го марта 1871 г.

изученіи древнихъ языковъ и математики, и реальный — на изученіи естественныхъ наукъ, математики, отечественнаго и новыхъ языковъ. Согласно этому существуютъ и два рода обще-образовательныхъ заведеній—классическія гимназій и реальныя училища, въ Пруссіи, въ Саксоніи, въ Виртембергѣ, въ Баваріи, въ Бельгіи, въ Швеціи и Норвегіи, наконецъ, въ Англіи. Въ виду этихъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ самыхъ классическихъ государствъ Европы, предложеніе графа Толстого—заключали шесть членовъ,—объ упраздненіи въ Россіи реальныхъ гимназій и о введеніи одного рода обще-образовательныхъ заведеній, классическихъ гимназій, является совершеннымъ анахронизмомъ; чтобы признать ошибочными педагогическія основы русскихъ реальныхъ гимназій по уставу 1864 года и вообще не считать естественныя науки обще-образовательными, нужно доказать предварительно, что ошибается вся Европа, какъ разъ придерживающаяся противоположнаго мнѣнія.

Доводы эти, основанные главнымъ образомъ на примѣрѣ западно-европейскихъ государствъ, графъ Панинъ дополнилъ соображеніями, почерпнутыми изъ особенностей русской жизни. Съ жаромъ возставалъ онъ противъ утвержденія графа Толстого, что наука въ настоящемъ ея развитіи имѣетъ основаніемъ образованіе древнихъ народовъ и что въ этомъ образованіи мы находимъ начало духовнаго развитія въ Россіи и полезныя поученія по всѣмъ почти предметамъ наукъ и, между прочимъ, важные источники для нашего каноническаго права и для изученія византійской юриспруденціи и византійской исторіи, имѣющихъ особенную для насъ важность. Конечно,—возражалъ графъ Панинъ,—Европа воспріяла свое образованіе отъ наукъ, зародившихся въ Греціи и въ Римѣ, но христіанство положило грань между древнимъ міромъ, видоизмѣнило воззрѣнія на всѣ вопросы какъ гражданской, такъ и частной жизни и, сверхъ того, наука во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ получила въ новомъ мірѣ развитіе, совершенно неизвѣстное древнимъ. Православная вѣра, исповѣдуемая въ Россіи, тѣмъ отличается отъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій, что у насъ догматы и церковныя обряды окончательно утверждены церковью и не подлежатъ обсужденію и изслѣдованію свѣтскихъ людей, а потому изученіе древнихъ языковъ, со включеніемъ еврейскаго и сирійскаго въ видахъ ознакомленія съ предметами религіозными, необходимо для духовныхъ училищъ, а отнюдь не для мірянъ, такъ какъ все потребное для ихъ назиданія имѣется на русскомъ и славянскомъ языкахъ, изученіе же въ подлинникѣ книгъ священнаго писанія должно быть непременно герменевтическимъ и производиться подъ руководствомъ духовныхъ лицъ, безъ чего книги эти могутъ подавать часто по-

водъ къ опаснымъ заблужденіямъ. Признавалъ высокое совершенство познѣи древнихъ и пользу ея вліянія на современные умы, графъ Панинъ сомнѣвался, однако, чтобы пониманіе ея было доступно на гимназическомъ уровнѣ ея изученія. Философія греческая, по мнѣнію его, хотя и являетъ въ себѣ замѣчательные проблески человѣческаго ума, но отличается отвлеченностью и неопредѣленностью; во многомъ расходится съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ и потому изученіе ея въ гимназіяхъ не только не нужно, но и опасно, если преподаванію ея не будутъ намѣчены должные предѣлы. Древніе историки оставили, за исключеніемъ одного, только отрывки; къ тому же всѣ они отличаются отсутствіемъ критики и познаній, приобрѣтенныхъ во времена позднѣйшія, и для изученія древней исторіи въ ея совокупности приходится прибѣгать къ изслѣдованіямъ историковъ новѣйшихъ. Наконецъ, въ изученіи юриспруденціи хотя и нельзя обойтись безъ римскаго права и его источниковъ, но для примѣненія этого права къ русской жизни необходимо еще чаще обращаться къ тому развитію, которое римское право получило въ законодательствѣ современныхъ народовъ; византійское же право имѣетъ значеніе только для нашего права церковнаго. О математическихъ наукахъ и естествовѣдѣніи графъ Панинъ отзывался, что извѣстно, какое развитіе получили они въ настоящее время и какъ они важны для преуспѣянія промышленности и благосостоянія cadaго государства.

Съ неменьшею силою возставали шесть членовъ и противъ разсужденія графа Толстого, что вопросъ между древними языками и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно, и всего общества, и что надлежащее пониманіе учениками преподаваемаго имъ изъ всѣхъ наукъ, кромѣ древнихъ языковъ и математики, особенно изъ естествовѣдѣнія, почти уходитъ изъ-подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно, съ одной стороны, развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой—образованіе самыхъ превратныхъ воззрѣній. Извѣстно, что науки сами по себѣ—доказывали они—не имѣютъ способности дѣлать чело-вѣка нравственнымъ или матеріалистомъ, внушать ему скромность или самомнѣніе. Благодѣтельное или вредное вліяніе обученія зависитъ отъ способа его, отъ достоинствъ и недостатковъ учителя. Плохой учитель древнихъ языковъ весьма легко можетъ поселить въ ученикѣ отвращеніе ко всякому серьезному ученію, а отличный преподаватель естественныхъ наукъ воспользуется ими, чтобы развить въ дѣтяхъ внимательность, наблюдательность, способность сравнивать и соображать. Въ подтвержденіе шесть членовъ приводили

мнѣніе, высказанное начальникомъ Медико-хирургической академіи: При правильномъ способѣ преподаванія реальныхъ наукъ, молодой умъ развивается стройно и основательно, въ постоянной работѣ синтеза и анализа, въ наведеніяхъ и выводахъ, выходящихъ съ непоколебимою, какъ законы природы, логическою постепенностью, отъ простаго къ болѣе важному и трудному предмету пониманія. Реальныя науки, воспитывая человѣка въ пониманіи вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ природы, при неистощимой измѣняемости проявленія ихъ силъ, служатъ прочнѣйшимъ и самымъ многостороннимъ средствомъ для нравственнаго воспитанія человѣка. Изъ методически научной провѣрки каждаго невѣрно выведеннаго умозаключенія, изъ неизбежной необходимости поправить его, вырабатывается правдивость и стойкость; изъ постоянного сопоставленія ограниченности, несовершенства и непрочности собственныхъ силъ съ безпредѣльностью, совершенствомъ и вѣчностью силъ, управляющихъ и возобновляющихъ вселенную, слагается въ молодой душѣ почва для религіознаго вѣрованія». По поводу этого мнѣнія графъ Панинъ замѣтилъ: «что науки въ надлежащемъ ихъ развитіи, конечно, способны къ отвращенію умовъ отъ опасныхъ заблужденій, но только тогда, когда познанія соединены съ твердыми убѣжденіями въ истинахъ вѣры и гражданскихъ обязанностей; что средствами болѣе дѣйствительными къ предупрежденію подобнаго зла слѣдуетъ признать наблюденіе, чтобы преподаватели сами не распространяли подобныхъ заблужденій и удерживали отъ нихъ молодыхъ людей; что сверхъ того составленіе хорошихъ учебниковъ и самый объемъ преподаванія могутъ болѣе всего содѣйствовать тому, независимо отъ религіознаго и нравственнаго образованія».

Шесть членовъ напоминали, что матеріалистическое ученіе никогда не достигало такого распространенія и такихъ крайнихъ предѣловъ совершеннаго отрицанія религіи и всѣхъ вѣчныхъ нравственныхъ основъ семейной, общественной и государственной жизни, какъ въ теченіе XVIII столѣтія, особенно во время французской революціи; школа же въ то время была одна—классическая. Точно также и въ продолженіе XIX вѣка религіозныя и нравственныя основанія общественнаго и государственнаго строя подвергались самымъ сильнымъ колебаніямъ въ Италіи, Испаніи и Франціи, то есть именно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ не было вовсе реальныхъ училищъ. Могла ли бы—спрашивали они—извѣстная часть нашей молодежи до такой степени увлечься самыми наивными матеріалистическими идеями, совершенно противорѣчащими точнымъ выводамъ естественныхъ наукъ, если бы у насъ существо-

вали такія же правильно устроенныя реальныя школы, какъ въ Пруссіи? Вооруженная такими познаніями, молодежь наша не придала бы никакого значенія тѣмъ фантастическимъ теоріямъ, которыя въ видѣ вывода изъ естественныхъ наукъ проникли къ намъ въ нѣкоторыхъ плохихъ компиляціяхъ по естествовѣдѣнію.

Исходя изъ этихъ соображеній, меньшинство особаго присутствія полагало, что учрежденные въ Россіи по уставу 1864 года, реальныя гимназій не только не должны быть упразднены, но что ихъ слѣдуетъ поставить на ту степень правильнаго устройства, на которой находятся въ настоящее время прусскія реальныя училища перваго разряда. Оно осуждало намѣреніе графа Толстого приноровить проектированныя имъ реальныя училища къ спеціальнымъ потребностямъ какой либо промышленной дѣятельности, противуполагая ему ту педагогическую истину, подтвержденную опытомъ образованнѣйшихъ государствъ Европы, что школы, преслѣдующія одновременно цѣли формальныя, т. е. развитіе способностей, и цѣли практическія или утилитарныя, т. е. сообщеніе спеціальныхъ техническихъ знаній, не въ состояніи достигнуть ни тѣхъ, ни другихъ. Шесть членовъ находили предложенныя новыя реальныя училища съ учебною программой, отстаиваемою графомъ Толстымъ, неудовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ и выражали мнѣніе, что слѣдуетъ сохранить существующія реальныя гимназій, устроивъ ихъ наравнѣ съ классическими гимназіями съ восьмилѣтнимъ курсомъ и приготовительнымъ классомъ, съ болѣе основательнымъ преподаваніемъ математики, естествовѣдѣнія, отечественнаго и новыхъ языковъ, со введеніемъ въ нихъ преподаванія и латинскаго языка для тѣхъ изъ учениковъ, которые пожелаютъ ему обучаться, открывъ таковымъ свободный доступъ на физико-математическіи и медицинскій факультеты университетовъ и въ Медико-хирургическую академію.

Единогласному мнѣнію своему шесть членовъ дали такое заключеніе: «Если смотрѣть безъ предубѣжденія, то обще-образовательныя реальныя училища оказываются крайнею настоятельною необходимостью и имѣютъ за себя самую сильную опору не въ умозрѣніи нѣкоторыхъ ученыхъ и педагоговъ, а въ самыхъ точныхъ и положительныхъ указаніяхъ опыта. Съ другой стороны, обращаясь къ тому, съ какою осмотрительностью необходимо для Россіи слѣдовать примѣрамъ Западной Европы, нельзя не придти еще къ слѣдующимъ соображеніямъ. Западная Европа имѣетъ повсюду распространенное элементарное образованіе, огромное количество гимназій, реальныхъ училищъ, низшихъ промышленныхъ школъ, учительскихъ институтовъ для приготовленія преподавателей. При такой

то постановкѣ образованія и при существующемъ уже замѣщеніи различныхъ поприщъ образованными дѣятелями, прусское правительство не только не отвергаетъ пользы общаго реального образованія и не беретъ на себя рѣшать споръ между классическимъ и реальнымъ образованіемъ, но обращается къ своимъ университетамъ съ вопросомъ: слѣдуетъ-ли допустить къ слушанію университетскихъ лекцій учениковъ реальныхъ училищъ, и на основаніи отвѣтовъ шести университетовъ изъ девяти и представленій различныхъ городскихъ обществъ, допускаетъ ихъ, хотя и съ ограниченіемъ. Таково-ли положеніе нашего отечества? Наше элементарное образованіе еще находится въ проектѣ, учительскіе институты—въ проектѣ, профессиональныхъ школъ—совершенно нѣтъ, реальныхъ гимназій—только девять, классическихъ—по одной на 380 тысячъ душъ мужского населенія. При этомъ на двухъ изъ главнѣйшихъ практическихъ поприщъ, учительскомъ и медицинскомъ, замѣчается крайній недостатокъ въ дѣятеляхъ. Имѣемъ-ли мы право при такихъ данныхъ въ настоящую минуту отвергнуть одинъ изъ двухъ путей общаго образованія, признаваемыхъ всею Западною Европою, и избрать исключительно другой, труднѣйшій? А вмѣстѣ съ тѣмъ, при характерѣ нашихъ университетовъ, имѣющихъ только наружную форму германскихъ университетовъ, а внутренній строй—вполнѣ схожій съ французскими специальными школами, можемъ-ли мы заявлять тѣ же исключительныя требованія относительно подготовленія въ нашихъ обще-образовательныхъ заведеніяхъ къ факультетскимъ занятіямъ? Не говоря уже о томъ, что наши высшія специальные заведенія требуютъ окончившихъ общее образованіе до 600 человекъ (всѣ военно-учебныя заведенія здѣсь въ расчетъ не принимаются), а всѣ гражданскія гимназіи, за выпускомъ прямо на службу и вступленіемъ въ университеты и Медико-хирургическую академію, даютъ въ это число только до 150 человекъ, и что количество это, вслѣдствіе введенія во всѣ гимназіи еще греческаго языка, едва-ли увеличится—нужно припомнить, что физико-математическій факультетъ представляетъ единственный разсадникъ учителей математическихъ и естественныхъ наукъ для всѣхъ существующихъ заведеній средняго курса, а медицинскій факультетъ, въ послѣднее время столь уменьшившійся вслѣдствіе огромнаго отвлеченія слушателей въ юридическій факультетъ, служитъ единственнымъ источникомъ медицинской помощи для цѣлой Россіи, исключая военного вѣдомства. Можемъ-ли мы, въ виду такихъ насущныхъ потребностей, еще неудовлетворенныхъ, затруднять получение высшаго образованія вслѣдствіе только спора между приверженцами классицизма и реализма, спора, который не беретъ на

себя рѣшать и государства, богатыя по образованію, и право на рѣшеніе котораго у насъ связано съ предварительнымъ распространеніемъ и упроченіемъ тѣхъ образовательныхъ учрежденій по всѣмъ категоріямъ, какія видимъ въ западныхъ странахъ, съ такимъ избыткомъ уже пользующихся ими и, однако-же, не отвергающихъ тотъ путь, отъ котораго мы, при нашей скудости во всѣхъ степеняхъ образованія, такъ легко хотимъ отказаться».

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній шесть членовъ полагали: 1) въ виду быстрого развитія, которое получили въ послѣднее время науки естественныя и дознанной уже обще-образовательной силы ихъ, а также для удовлетворенія, въ благоразумныхъ размѣрахъ, видимо возрастающей потребности общества въ знаніяхъ по этимъ наукамъ, необходимо предоставить математикѣ и естествовѣдѣнію должное мѣсто въ общей системѣ образованія въ государствѣ; 2) по сему мысль, положенная въ основаніе устава 1864 года, что для средняго общаго образованія существуютъ два способа: классическій и реальный, должна и впредь служить основаніемъ нашихъ законоположеній для среднихъ учебныхъ заведеній; 3) вслѣдствіе этого, денежные средства, предоставленныя министру народнаго просвѣщенія на среднее общее образованіе, должны, по справедливости и по настоятельной государственной потребности, быть равномерно употреблены на учебныя заведенія, въ которыхъ главнымъ способомъ развитія служатъ древніе языки, и на тѣ заведенія, гдѣ для сего употребляются науки естественныя и математика; 4) слѣдуя этой основной мысли, изъ всего числа нынѣшнихъ гимназій: съ двумя древними языками, съ однимъ латинскимъ языкомъ и реальныхъ, должно бы имѣть половинное число классическихъ, а другую половину преобразовать постепенно въ реальныя, съ восьмилѣтнимъ курсомъ и приготовительнымъ классомъ; 5) въ снѣ послѣднія гимназіи ввести факультативное изученіе латинскаго языка, съ тѣмъ, чтобы окончившіе въ нихъ курсъ и изучавшіе латинскій языкъ, были допускаемы на общемъ основаніи въ физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ; 6) затѣмъ уже вовсе не учреждать предлагаемыхъ проектомъ министерства народнаго просвѣщенія реальныхъ училищъ съ различными профессиональными типами и поручить министру народнаго просвѣщенія представить, согласно съ вышеизложенными соображеніями, проектъ соотвѣствующихъ измѣненій въ уставѣ о гимназіяхъ 1864 года и проектъ самаго распредѣленія уроковъ въ реальныхъ гимназіяхъ.

Замѣнявшій министра финансовъ, товарищъ его Грейгъ, соглашаясь съ проектомъ преобразования всѣхъ гимназій въ классическія, предъявилъ возраженія противъ предложеннаго министерствомъ

народнаго просвѣщенія устройства реальныхъ училищъ, настаивая на необходимости исключить изъ ихъ программы всѣ предметы спеціальныя и прикладныя и самыя спеціальныя названія училищъ опустить. Всѣ прочіе девять членовъ присутствія присоединились къ мнѣнію графа Толстого. Въ защиту этого мнѣнія приведены были слѣдующіе доводы.

Не отрицая обще-образовательнаго значенія учебныхъ заведеній и другихъ родовъ, восемь членовъ признавали приготовительными къ университетамъ школами однѣ только гимназін, то-есть такія заведенія, въ которыхъ все ученіе сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на обонхъ древнихъ языкахъ и затѣмъ на математикѣ. Они находили, что слѣдуетъ отдать этимъ предметамъ предпочтеніе надъ всѣми прочими потому, что, какъ по самому свойству своему, такъ и по выработанной вполне методѣ ихъ преподаванія, они представляютъ незамѣнимое средство къ развитію способностей; что такого взгляда на среднее образованіе всегда держалось русское законодательство и что самый уставъ 1864 года исходитъ изъ него. По мнѣнію восьми членовъ, въ сохраненіи или отмѣнѣ установленнаго уже для реальныхъ училищъ ограниченія относительно поступленія учениковъ ихъ въ университеты—заключается въ сущности весь вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ всего научнаго образованія въ Россіи. Соглашаясь съ заключеніемъ министра народнаго просвѣщенія, они полагали основою обще-научнаго университетскаго образованія сохранить исключительно систему классическую и внести въ гимназическій уставъ проектированныя графомъ Толстымъ измѣненія, прінявъ къ ближайшему обсужденію и составленный ими проектъ устава о реальныхъ училищахъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія Головинъ предъявилъ еще нѣсколько возраженій по частнымъ вопросамъ: объ учрежденіи восьмого класса въ гимназіяхъ, о назначеніи инспекторовъ, о прибавкѣ жалованья преподавателямъ, но прочіе четырнадцать членовъ не согласились съ нимъ и одобрили предположенія графа Толстого.

При разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта и тамъ проявилось то же разногласіе, что и въ особомъ присутствіи, по главному вопросу: должны ли давать доступъ безъ экзамена въ университеты однѣ только классическія гимназін или же наряду съ ними также и реальныя училища? Въ пользу перваго мнѣнія высказалось 19 членовъ, въ пользу втораго—29. Съ обѣихъ сторонъ приведены были за и противъ тѣ же доводы. Большинство усвоило заключеніе шести членовъ особаго присутствія, меньшинство раздѣляло взгляды министра народнаго про-

свѣщенія. Въ такомъ видѣ журналъ засѣданія общаго собранія 15-го мая 1871 года представляеть былъ на высочайшее утвержденіе. Питая къ графу Толстому неограниченное довѣріе и вполнѣ полагаясь на него, императоръ Александръ повелѣлъ: исполнить по мнѣнію 19 членовъ, т. е. меньшинства.

Согласно такой высочайшей волѣ, въ гимназическій уставъ внесены слѣдующія измѣненія и дополненія. При всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учреждены приготовительные классы для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ; курсъ седьмого класса гимназій продолженъ на два года, а впослѣдствіи образованъ послѣдній, восьмой классъ; исключены изъ гимназическаго курса естественная исторія и космографія, сокращено число уроковъ по Закону Божію, русскому и новѣйшимъ языкамъ, географіи и исторіи, и взамѣнъ увеличено число учебныхъ часовъ, посвященныхъ преподаванію математики и въ особенности латинскаго и греческаго языковъ, уроки которыхъ доведены въ выпускномъ классѣ до 84 часовъ въ недѣлю; воспитаніе и обученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ поставлены въ ближайшую связь привлеченіемъ директоровъ и инспекторовъ къ преподавательской дѣятельности, а учителей—къ воспитательной; улучшено матеріальное положеніе учителей увеличеніемъ ихъ содержанія; пансіоны при гимназіяхъ устроены не для однихъ низшихъ четырехъ классовъ, какъ то было по прежнему уставу, а для всѣхъ классовъ вообще, безъ ограниченія ихъ комплекта 80 учениками; облегчены условія для приобрѣтенія сословіями, обществами и частными лицами права избранія почетныхъ попечителей гимназій и прогимназій, съ предоставленіемъ этого права и земствамъ, и восстановлены права, которыми почетные попечители пользовались по уставу 1828 года; уничтожено раздѣленіе гимназій и прогимназій на классическія и реальныя съ тѣмъ, чтобы названіе гимназій и прогимназій присвоено было впредь исключительно среднимъ учебнымъ заведеніямъ съ полнымъ классическимъ курсомъ. На всѣ эти преобразованія потребовался дополнительный кредитъ въ 94,600 рублей. Утверждая мнѣніе Государственнаго Совѣта, императоръ Александръ повелѣлъ: не допускать впредь окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ ни въ одинъ изъ факультетовъ университетовъ; не превращать существующихъ классическихъ гимназій въ реальныя училища; составить на основаніи принятыхъ измѣненій и дополненій и поднести на высочайшее утвержденіе новый уставъ, въ которомъ классическія гимназій и прогимназій именовать просто гимназіями и прогимназіями и изъ котораго исключить все относящееся до реальныхъ гимназій; а реальныя гимназій оставить на прежнемъ основаніи впредь

до обсуждения Государственнымъ Совѣтомъ внесеннаго министромъ народнаго просвѣщенія проекта устава о реальныхъ училищахъ. Новый уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ получилъ высочайшее утвержденіе 30-го іюля 1871 года и введенъ въ дѣйствіе съ начала учебнаго 1871—1872 года.

Такъ введена въ Россіи классическая система среднего образованія, въ основаніе которой положено изученіе латинскаго и греческаго языковъ. Графъ Толстой считалъ ее существенно отвѣчающею потребностямъ русскаго просвѣщенія и былъ глубоко убѣжденъ въ ея плодотворности для возвышенія умственнаго нравственнаго уровня русской молодежи. Повсемѣстное введеніе ея представляло не мало трудностей. Главное затрудненіе истекало изъ недостатка въ основательно подготовленныхъ преподавателяхъ обоихъ древнихъ языковъ, преимущественно греческаго. Для устраненія его, независимо отъ учрежденія историко-филологическихъ институтовъ и филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, усленно привлекались въ Россію иностранные преподаватели классическихъ языковъ, въ особенности изъ чеховъ. Выступавшіе въ печати горячими сторонниками и защитниками классической реформы издатели «Московскихъ Вѣдомостей» Катковъ и Леонтьевъ еще въ 1869 году основали въ Москвѣ образцовое частное учебное заведеніе съ пансіономъ, обнимающее курсъ гимназическій и университетскій, которому, по ихъ ходатайству, всеилостивѣйше присвоено, въ память почившаго царскаго первенца, названіе «Лицея цесаревича Николая» и дарованы обширныя права, между прочимъ, для служащихъ въ немъ лицъ — права государственной службы.

Въ 1872 году государь утвердилъ уставъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Подобно гимназическому, и этотъ уставъ первоначально выработанъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и затѣмъ рассмотрѣнъ и исправленъ комиссіею, въ предсѣдательствѣ графа С. Г. Строганова, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: Реальныя училища, имѣющія цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній, преобразуются изъ бывшихъ реальныхъ гимназій или учреждаются вновь съ различными учебными курсами, сообразно съ потребностями преобладающей мѣстной промышленности, такъ, чтобы одни изъ этихъ училищъ были агрономическими, другія — коммерческими, или техническими съ преобладаніемъ механики, техническими съ преобладаніемъ химіи, горнозаводскими и технолого-агрономическими. Курсъ реальныхъ учи-

лищъ продолжается отъ четырехъ до семи лѣтъ и заключаетъ въ себѣ предметы общеобразовательные: математику, отечественный и новѣйшіе языки, исторію и географію, а также и предметы спеціальныя; онъ рассчитанъ такъ, чтобы въ реальныя училища возможенъ былъ переходъ изъ училищъ уѣздныхъ или имѣющихъ изъ замѣнить училищъ городскихъ, а также чтобы они служили, по возможности, подготовленіемъ къ поступленію въ высшія спеціальныя училища. Реальныя училища, учреждаемыя отъ правительства взамѣнъ реальныхъ гимназій, должны служить образцами, по которымъ могли бы быть учреждаемы подобныя же училища какъ промышленными классами мѣстныхъ населеній, такъ и вообще земствами съ пособіемъ отъ казны или безъ онаго; наконецъ, окончившимъ въ нихъ полный курсъ ученія предоставляется право поступать въ высшія спеціальныя училища только по повѣрочному испытанію, а при поступленіи въ гражданскую службу они сравниваются въ правахъ съ воспитанниками прочихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Вниманіе графа Толстого было обращено и на содѣйствіе путемъ образованія дѣлу обрусѣнія западныхъ окраинъ Имперіи. Въ 1865 году, еще въ министерство Головинна, по настоянію генералъ-губернатора Муравьева, въ Сѣверо-Западномъ краѣ упразднено нѣсколько дворянскихъ училищъ и учреждены взамѣнъ прогимназія въ г. Гомелѣ и 20 двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ и 20 одноклассныхъ для обученія дѣтей женскаго пола. Вполнѣ раздѣляя взглядъ Муравьева, что гораздо полезнѣе учреждать въ этомъ краѣ училища для народа, чѣмъ для дѣтей высшихъ сословій, графъ Толстой, вскорѣ по вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, далъ этому взгляду еще болѣе широкое примѣненіе и въ 1868 году, упразднивъ двѣ гимназіи въ Свенцянѣхъ и Новогрудкѣ и прогимназію въ Тельшахъ, замѣнилъ ихъ въ этихъ трехъ городахъ двухклассными уѣздными училищами; виленскую прогимназію преобразовалъ въ гимназію, изъялъ слущую гимназію изъ управленія виленскаго реформатскаго синода и назначилъ постоянныя ежегодныя пособія по 700 рублей двухкласснымъ и по 385 рублей однокласснымъ частнымъ женскимъ училищамъ въ 31 городѣ Сѣверо-Западнаго края.

Въ 1869 году училищная часть въ юго-западныхъ губерніяхъ была преобразована на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ: при управленіи Кіевскаго учебнаго округа назначено шесть инспекторовъ народныхъ училищъ; для приготовленія учителей въ народныя училища учреждена учительская семинарія на подобіе молодецкенской; упразднено пять сословныхъ дворян-

скихъ училищъ, одно уѣздное и одинъ женскій пансіонъ и вза-мѣнъ ихъ учреждены: 32 двухклассныхъ мужскихъ и столько же женскихъ училищъ—во всѣхъ городахъ края, женская гимназія въ Кіевѣ и три женскихъ прогимназіи—въ г. Немировѣ и въ мѣстечкахъ Бѣлой Церкви и Златополѣ. Сверхъ того, рѣшено въ одномъ изъ селеній каждой изъ трехъ юго-западныхъ губерній основать по одному двухклассному училищу по примѣру такихъ же городскихъ, но съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ, съ цѣлью распространенія болѣе основательнаго образованія въ средѣ крестьянскаго населенія и въ частности для облегченія обществу возможности находить способныхъ людей для должностей сельскихъ учителей, волостныхъ писарей, старшинъ, сельскихъ старостъ и т. п. Съ тою же цѣлью основано 126 училищъ одноклассныхъ. Наконецъ, въ распоряженіе попечителя Кіевского учебнаго округа ассигновано по 30,000 рублей ежегодно для производства изъ этой суммы пособій школамъ, основаннымъ въ деревняхъ и селахъ православнымъ духовенствомъ. Основую этихъ преобразованій служила мысль министра, что въ Западномъ краѣ правительству «сколько по нравственнымъ, столько же и по политическимъ соображеніямъ, надобно не отвлекать отъ народа лучшія силы, ставя крестьянъ путемъ гимназическаго образованія въ несвойственное ихъ рожденію положеніе, а развивать эти силы путемъ приходскихъ и ремесленныхъ школъ и сохранять ихъ народу для его же нуждъ, и что исключительнымъ талантамъ всегда найдется мѣсто въ существующихъ гимназіяхъ».

Въ концѣ 1861 года учебныя заведенія Царства Польскаго были изъяты изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и для управленія ими образована въ Варшавѣ самостоятельная правительственная комиссія. Въ періодъ съ 1864 по 1866 годъ вся учебная часть преобразована на началахъ, выработанныхъ Н. А. Милютиннымъ, но съ сохраненіемъ еще польскаго языка въ преподаваніи не только въ низшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края. Въ началѣ 1866 года изданы отдѣльные уставы гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и педагогическихъ курсовъ для польскаго и для русскаго населенія. Но въ маѣ слѣдующаго 1867 года упразднена польская правительственная комиссія и возстановленъ Варшавскій учебный округъ, подчиненный, на общемъ основаніи, министерству народнаго просвѣщенія. Въ 1868 году изъ 55 среднихъ учебныхъ заведеній этого округа, въ 20-ти преподаваніе велось уже по всѣмъ предметамъ учебнаго курса на русскомъ языкѣ; изъ остальныхъ же 35—въ 33-хъ происходило на польскомъ и въ 2-хъ на нѣмецкомъ

языкъ, за исключеніемъ, однако, русскаго языка и словесности, а также исторіи и географіи Россіи, которые во всѣхъ этихъ 35 заведеніяхъ читались лицами русскаго происхожденія на русскомъ языкѣ. Въ февралѣ 1868 года состоялось высочайшее повелѣніе во всѣхъ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ вести на русскомъ языкѣ преподаваніе физико-математическихъ и историческихъ предметовъ, а въ двухъ нѣмецкихъ—всеобщей исторіи и географіи. Въ маѣ 1870 года высочайше повелѣно производить на русскомъ языкѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ учебнаго курса въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, а въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ того же округа ограничить пока русское преподаваніе предметами физико-математическими и историческими съ тѣмъ, чтобы, однако, со временемъ ввести русскій языкъ и въ преподаваніе всѣхъ прочихъ предметовъ, предупредивъ о томъ содержателей помянутыхъ заведеній. Мѣсяць спустя, вмѣсто прежней Главной школы, открытъ въ Варшавѣ русскій императорскій университетъ и преобразованъ въ русскій—земледѣльческій институтъ въ Новой Александріи. Въ 1871 году введено обязательное обученіе русскому во всѣ безъ исключенія начальныя училища Варшавскаго округа; въ 1872 году примѣненъ къ классическимъ гимназіямъ этого округа общій гимназическій уставъ; въ 1875 году отмѣнено наименованіе начальныхъ училищъ въ Царствѣ Польскомъ по вѣроисповѣданіямъ, за исключеніемъ лишь училищъ еврейскихъ.

Забывая о распространеніи русскаго языка и въ Прибалтійскомъ краѣ, графъ Толстой принялъ нѣсколько мѣръ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Такъ, въ 1867 году испрошено имъ высочайшее соизволеніе на основаніе въ г. Ригѣ русской мужской гимназіи, съ наименованіемъ ея Александровскою; на учрежденіе при каждомъ изъ 4-хъ низшихъ классовъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа параллельныхъ классовъ русскаго языка; на опредѣленіе учителя русскаго языка въ дерптскую учительскую семинарію; на пересмотръ и исправленіе программъ по русскому языку въ томъ округѣ; на введеніе въ одной изъ гимназій онаго. въ видѣ опыта, преподаванія всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ; на преобразование дерптскаго русскаго однокласнаго начальнаго училища въ двухклассное; на сравненіе содержанія законоучителей православнаго исповѣданія съ таковымъ лицъ, преподающихъ Законъ Божій вѣроисповѣданія лютеранскаго. Въ 1868 году учреждена въ Ригѣ женская русская гимназія, названная Ломоносовскою. Въ 1869 году, въ виду усиленной дѣятельности лютеранскаго духовенства и дворянства въ отношеніи протестантскихъ

народныхъ школъ, 369 православнымъ сельскимъ училищамъ Прибалтійскаго края всемілостивѣйше назначено въ пособіе 20,000 рублей. Въ 1873 году всѣ эти училища подчинены министерству народнаго просвѣщенія, и для завѣдыванія ими учреждены въ Дерптскомъ округѣ должности инспекторовъ народныхъ училищъ. Для образованія преподавателей русскаго языка въ гимназіяхъ этого округа основано шесть стипендій въ петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ.

Преобразованія, предпріятыя графомъ Толстымъ въ составѣ среднихъ учебныхъ заведеній, не ограничивались заведеніями мужскими, но распространялись и на женскія. Положеніе о послѣднихъ 1860 года пересмотрѣно и въ 1870 году издано новое, на слѣдующихъ основаніяхъ: Женскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 1-го разряда переименованы въ женскія гимназіи, а 2-го разряда — въ женскія прогимназіи. За ними сохраненъ характеръ учебныхъ заведеній открытыхъ, предназначенныхъ для дѣвицъ всѣхъ сословій, и содержаніе ихъ по прежнему представлено преимущественно мѣстнымъ земствамъ, сословіямъ и обществамъ, при пособіи отъ казны. Срокъ учебнаго времени въ женскихъ гимназіяхъ продолженъ съ шести до семи лѣтъ, въ прогимназіяхъ оставленъ трехлѣтній, но, сверхъ того, при гимназіяхъ учрежденъ еще дополнительный педагогическій курсъ, продолжающійся одинъ годъ. Въ общемъ учебномъ курсѣ сдѣланы измѣненія примѣнительно къ практическимъ потребностямъ женскаго образованія. Въ каждой губерніи начальнику ея предоставлено учреждать особыя комитеты для изысканія средствъ къ поддержанію существующихъ и къ открытію новыхъ женскихъ гимназій и прогимназій. Существенныя измѣненія внесены въ организацию управленія этими заведеніями. Учителямъ, учительницамъ и окончившимъ въ нихъ курсъ предоставлены значительныя права. Преобразование женскихъ училищъ вызвало дополнительный расходъ въ 150,000 рублей въ годъ, ассигнованныхъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія изъ средствъ Государственнаго Казначейства ¹.

Новое положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ введено во всѣхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ Дерптскаго, Виленскаго и Кіевскаго. Въ первомъ изъ нихъ женскія училища оставлены безъ измѣненія; въ двухъ послѣднихъ образованы, по особымъ условіямъ края, чисто правительственныя женскія гимназіи и прогимназіи.

¹ Положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, 24-го мая 1870 г.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о женскомъ образованіи находился выдвинутый временемъ вопросъ о допущеніи женщинъ на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія. Онъ обсуждался въ Совѣтѣ министровъ въ высочайшемъ присутствіи, и получилъ слѣдующее разрѣшеніе:

«Государь императоръ, признавъ необходимымъ положительно опредѣлить кругъ полезной для государства и общества служебной дѣятельности лицъ женскаго пола, высочайше повелѣтъ соизволить: 1) Всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и пріуспѣянію правильно устроенныхъ отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и привлеченію на оныя какъ можно болѣе слушательницъ для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства, столь скудно еще надѣленныхъ представительницами этой необходимой отрасли. 2) Въ виду пользы, приносимой госпитальною дѣятельностью сестеръ милосердія, разрѣшить женщинамъ занятія фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ лечебныхъ заведеніяхъ. 3) Поощрять женщинъ на поприщѣ воспитательномъ, гдѣ онѣ нынѣ уже занимаютъ должности учительницъ въ начальныхъ школахъ и низшихъ классахъ женскихъ гимназій, а буде признается возможнымъ, то предоставить учебному вѣдомству расширить еще кругъ ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ. 4) Допускать женщинъ: а) по телеграфному вѣдомству къ занятію мѣстъ сигналистовъ и телеграфистовъ лишь въ опредѣленной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ пропорціи общаго числа этихъ должностей и б) по счетной части въ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства IV отдѣленія Собственной его величества канцеляріи по непосредственному усмотрѣнію главноуправляющаго смѣь отдѣленіемъ. 5) Затѣмъ воспретить пріемъ женщинъ, даже по найму, на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ. 6) О семъ объявить всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями къ должному исполненію, производящимся же по сему предмету дѣла въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ считать конченными»¹.

Соотвѣтственно реформѣ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, при графѣ Толстомъ преобразованы въ 1872 году и низшія 402 бывшія уѣздныя училища, переименованныя въ городскія, такъ какъ назначеніемъ ихъ было доставлять начальное умственное и

¹ Высочайшее повелѣніе, 14-го января 1871 г.

религіозно-нравственное образованіе дѣтямъ жителей городовъ всѣхъ сословіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщать, насколько возможно, такія прикладныя познанія, которыя соотвѣтствуютъ нуждамъ мѣстнаго городского населенія. Они раздѣлялись на четыре разряда, по числу одного, двухъ, трехъ и четырехъ классовъ. Учебный курсъ ихъ обнималъ: Законъ Божій, русскій и славянскій языки, ариметику, практическую геометрію и черченіе, отечественную исторію и географію, свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, пѣніе и гимнастику. Одновременно въ семи учебныхъ округахъ, за исключеніемъ Дерптскаго, Варшавскаго и Кіевскаго, основано семь закрытыхъ учительскихъ институтовъ для подготовленія въ нихъ учителей въ городскія училища. На городскія училища положено отпускать ежегодно 1.009,500 рублей, а на учительскіе институты 202,000 рублей. Преобразование это, по мнѣнію графа Толстого, «завершило приведеніе нашей училищной системы въ правильное и прочное положеніе на благо истиннаго просвѣщенія русскаго общества»¹.

Оставались еще сельскія народныя школы, въ примѣненіи къ которыхъ положеніе 1864 года скоро оказалось неудовлетворяющимъ своему назначенію. Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ ихъ, при личномъ обзорѣнн учебныхъ округовъ, въ крайне незначительномъ числѣ и въ самомъ печальномъ состояніи. Главными тому причинами онъ считалъ несоотвѣтственный составъ училищныхъ совѣтовъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, недостаточную долю участія, отведенную въ нихъ представителямъ учебнаго вѣдомства, изъятіе ихъ изъ непосредственнаго подчиненія попечителямъ учебныхъ округовъ и самому министерству. Чтобы хотя нѣсколько исправить этотъ существенный недостатокъ, въ 1869 году учреждены въ 34-хъ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи, инспекторы народныхъ училищъ, по одному на каждую губернію. По числу это министръ признавалъ недостаточнымъ, а потому въ выработанномъ новомъ проектѣ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ предположили, для надзора и наблюденія за ними, назначить въ каждой губерніи по одному директору народныхъ училищъ, отдѣливъ эту должность отъ должности директора гимназій, и по два къ нему помощника, получившихъ званіе инспекторовъ. Новый проектъ вносилъ въ прежнее положеніе многія существенныя измѣненія. Составъ училищныхъ совѣтовъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что, согласно обращенному государемъ призыву къ дворянству «стать на стражѣ народной школы», предсѣдате-

¹ 31-го мая 1872 г.

лемъ губернскаго училищнаго совѣта имѣлъ быть, вмѣсто епархіальнаго архіерея, губернскій предводитель дворянства, а уѣзднаго — уѣздный предводитель. Самые совѣты, въ которыхъ непремѣнными членами явились директора и инспекторы народныхъ училищъ, непосредственно подчинены въ учебномъ и хозяйственно-распорядительномъ отношеніяхъ попечителямъ учебныхъ округовъ и чрезъ нихъ министерству народнаго просвѣщенія. Относительно самыхъ школъ графъ Толстой выражалъ мнѣніе, «что для успѣховъ народнаго образованія выгоднѣе устраивать меньшее число училищъ, но хорошихъ и обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ разводить множество плохихъ училищъ, приносящихъ мало пользы и даже нерѣдко вредныхъ въ томъ отношеніи, что они подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ образованію»¹. На содержаніе 34 директоровъ, 68 инспекторовъ народныхъ училищъ и канцелярій 34 губернскихъ и 358 уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ опредѣлено ежегодно 404,000 рублей. Въ 1876 году число инспекторовъ увеличено на 74 и ассигновано на этотъ предметъ еще по 148,000 рублей въ годъ.

Въ царствованіе императора Александра II ученымъ учрежденіямъ постоянно оказывалось дѣятельное покровительство; преобразованы штаты и увеличено содержаніе: Академіи наукъ, Публичной бібліотеки, Николаевской Пулковской обсерваторіи, переведеннаго въ Москву Румянцевскаго музея; щедрыя вспомошествованія дарованы Археографической комиссіи и многимъ ученымъ обществамъ, какъ прежде существовавшимъ, такъ и возникшимъ вновь; нѣкоторыя изъ нихъ приняты подъ покровительство членовъ императорской фамиліи. Съ высочайшаго соизволенія состоялись ученые съѣзды и международные конгрессы въ столицахъ и другихъ городахъ: естествоиспытателей, археологовъ, статистиковъ, ориенталистовъ и т. п.

Съ 1866 по 1879-й годъ бюджетъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія возросъ, вслѣдствіе главнымъ образомъ размноженія учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ и наименованій, съ 6.769,000 рублей до 16.407,000 рублей. Изъ этой послѣдней суммы расходы административные составляли 762,000 рублей; содержаніе университетовъ 2.484,000 рублей; гимназій и прогимназій 5.275,500 рублей; реальныхъ училищъ 1.558,000 рублей; уѣздныхъ училищъ 1.245,400 рублей; приходскихъ и начальныхъ училищъ 229,000 рублей; народныхъ училищъ 1.507,000 рублей; специальныхъ училищъ 1.537,500 рублей; строительные расходы 320,000 рублей; при-

¹ Положеніе о народныхъ училищахъ, 25-го мая 1875 г.

готовленіе профессоровъ, учителей и командировки 117,000 рублей; пособия заведеніямъ и стипендіи 597,000 рублей; ученныя учрежденія 602,000 рублей; разные расходы 59,000 рублей.

Какое важное значеніе придавалъ императоръ Александръ II дѣлу народнаго просвѣщенія, видно изъ многочисленныхъ собственноручныхъ отмѣтокъ его на докладѣ комиссіи, разсматривавшей послѣдній отчетъ графа Толстого по ввѣренному ему министерству и заключившей свой докладъ слѣдующими словами: «Отъ нравственнаго и умственнаго направленія грядущаго потомства зависитъ будущее благоденствіе Россіи и для достиженія сей высокой цѣли правительство должно употреблять всевозможныя усилія и средства». «Да!» надписалъ государь на подлинномъ журналѣ комиссіи противъ этого заключенія.

Въ 1880 году графъ Д. А. Толстой уволенъ отъ должности министра и управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія назначенъ статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ.

Не одна русская наука имѣла въ императорѣ Александрѣ II просвѣщеннаго покровителя. Царственныя щедроты его простирались и на русское искусство во всехъ его видахъ и отрасляхъ. Въ его царствованіе императорскій Эрмитажъ обогатился новыми цѣнными приобрѣтеніями; императорская Академія художествъ, во главѣ которой стояли сначала старшая сестра государя великая княгиня Марія Николаевна, потомъ второй сынъ его великій князь Владиміръ Александровичъ, образовала и поощряла рядъ даровитыхъ художниковъ, живописцевъ, ваятелей и зодчихъ. Широкое распространеніе получило музыкальное образованіе въ Россіи съ учрежденіемъ Русскаго музыкальнаго общества, состоявшаго подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны, а по смерти ея—великаго князя Константина Николаевича. Освобожденная отъ цензурныхъ стѣсненій, одушевленная общимъ подъемомъ народнаго духа, русская литература расцвѣла въ художественныхъ произведеніяхъ великихъ писателей: Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстого, не считая цикла писателей даровитыхъ и своеобразныхъ, хотя и второстепенныхъ, романистовъ и поэтовъ. Изъ числа ихъ нѣкоторые, какъ князь Вяземскій, графъ Алексѣй Толстой, Тютчевъ, были ласково приняты въ царской семьѣ и образовали близкій кружокъ императрицы Маріи Александровны; другіе получали за свои литературныя труды и заслуги значительныя пенсіи, переходившія на ихъ вдовъ и сиротъ.

Русская повременная печать, можно сказать, народилась при Александрѣ II и очень быстро развилась. До 1855 года политическій отдѣлъ имѣли только четыре ежедневныя газеты: «Вѣдомости

С.-Петербургскія» и «Московскія», «Сѣверная Пчела» и «Русскій Инвалидъ». Вскорѣ по воцареніи государь разрѣшилъ основаніе нѣсколькихъ новыхъ политико-литературныхъ органовъ, предоставивъ какъ имъ, такъ и прежде существовавшимъ изданіямъ помѣщать самостоятельныя политическія извѣстія и изслѣдованія по вопросамъ юридическимъ и государственнымъ, въ томъ числѣ и по насущному крестьянскому вопросу. Уже въ 1862 году появились временныя правила о цензурѣ, значительно облегчившія условія, въ которыя была поставлена повременная печать. Съ обнародованіемъ въ 1865 году закона о печати, дарованная ей льготы еще болѣе расширены: допущено для столицъ изданіе безъ предварительной цензуры газетъ, журналовъ, самостоятельныхъ сочиненій и переводовъ; облегчено открытіе типографій, литографій и т. п. заведеній, а также книжныхъ лавокъ, библиотекъ и кабинетовъ для чтенія; дозволена продажа въ разность на улицахъ и площадяхъ всякаго рода произведеній печати, до газетъ отдѣльными номерами; разрѣшено, съ соблюденіемъ лишь самыхъ элементарныхъ условій государственнаго порядка, обсужденіе въ печати отдѣльныхъ законовъ, обнародованныхъ правительственныхъ распоряженій, и даже всей совокупности отечественнаго законодательства. Если съ одной стороны, при водворившемся въ нѣкоторыхъ печатныхъ органахъ направленіи общительномъ или отрицательномъ, и проявилось нѣсколько прискорбныхъ уклоненій отъ прямого, указаннаго закономъ пути, вызвавшихъ нѣкоторое ограниченіе дарованныхъ печати правъ и увеличеніе надзора за нею, зато въ русской журналистикѣ нашлось немало талантливыхъ и убѣжденныхъ публицистовъ, горячо отстаивавшихъ коренныя основы русской государственной и общественной жизни, историческія начала въ политикѣ внѣшней и внутренней, и дѣятельностью своей сослужившихъ полезную службу государю и отечеству. Въ 1863 году всѣхъ повременныхъ изданій въ Россіи выходило и имѣло право выходить въ свѣтъ 195; въ 1880 году число ихъ возросло до 531, т. е. увеличилось въ два съ половиною раза.

Въ заключеніе остается упомянуть о вѣдомствѣ, состоявшемъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ монарха и въ которомъ попеченіе о воспитаніи юношества тѣсно связано съ дѣломъ благотворительности. Вѣдомство это носитъ имя августѣйшей своей основательницы, императрицы Маріи, супруги императора Павла, и въ царствованіе Александра II составляло IV отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи. Во главѣ его, почти за весь этотъ

двадцатилетний период, стоялъ извѣстный своею благотворительною дѣятельностью двоюродный братъ государя принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій. Пока жила августѣйшая вдова императора Николая I, державный сынъ оставилъ за нею главное попечительство надъ этимъ вѣдомствомъ. Послѣ кончины императрицы Александры Ѳеодоровны забота эта перешла на царствующую императрицу. «Проводивъ тѣло незабвенной матери нашей до послѣдняго жилища»,—писалъ государь въ рескриптѣ на имя императрицы Маріи Александровны,—«мы желаемъ, чтобы оплакивающія ее воспитательныя и благотворительныя заведенія, тридцать два года процвѣтавшія подъ кроткимъ и мудрымъ ея попечительствомъ, не оставались долѣе безъ покровительницы и для сего поручаемъ ихъ вашему величеству со всѣми правами, принадлежавшими блаженной памяти императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Мы твердо увѣрены, что непосредственное ваше покровительство будетъ для означенныхъ учрежденій надежнѣйшимъ залогомъ къ дальнѣйшему ихъ преуспѣянію на пользу Россіи и что въ попеченіи о постоянно возрастающей семьѣ воспитывающихся и призрѣваемыхъ вы найдете новую пищу для христіанской вашей дѣятельности и высокую для материнскаго сердца отраду. Любезнѣйшая же родительница наша, изъ горней обители, благословить заботы вашего величества о заведеніяхъ, кои она столь много и нѣжно любила».

Слѣдуя примѣру государыни, великія княгини, въ бѣльшей или меньшей степени, раздѣляли труды ея и заботы о ввѣренныхъ ей воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ. Всѣ онѣ состояли членами совѣта с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества, предсѣдательницею котораго была великая княгиня Екатерина Михайловна; великая княгиня Елена Павловна была попечительницею, основанныхъ ею, повивальнаго института и института маріинскаго, завѣдываніе коими перешло, по ея кончинѣ, къ великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ. Великія княгини Александра Петровна и Александра Іосифовна послѣдовательно предсѣдательствовали въ с.-петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ приютовъ, вице-предсѣдательницею котораго состояла принцесса Евгенія Максимилиановна Ольденбургская; великая княгиня Ольга Ѳеодоровна была попечительницею закавказскаго дѣвичьяго института.

Положеніе о главномъ управленіи учрежденій императрицы Маріи издано въ 1860 году, одновременно съ назначеніемъ главноуправляющимъ принца Ольденбургскаго; въ 1862 году обнародованъ уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ, названныхъ женскими гимназіями, и преобразованы патріотическія школы; въ 1864

и 1869 годах установленъ новый порядокъ управления дѣтскими приютами; въ 1873—1874 годахъ главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній слить съ бывшими опекунскими совѣтами петербургскимъ и московскимъ въ одинъ общій опекунскій совѣтъ; въ 1880 году, по кончинѣ государыни Маріи Александровны, главное попечительство надъ вѣдомствомъ учрежденій императрицы Маріи высочайше ввѣрено цесаревнѣ Маріи Феодоровнѣ. Тогда же его величеству угодно было вручить покровительству великой княгини Маріи Павловны женскія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Какъ быстро и широко разрослся кругъ дѣятельности вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, видно изъ сличенія числа подвѣдомственныхъ ему заведеній, воспитательныхъ и благотворительныхъ, въ началѣ царствованія и въ концѣ его. Въ 1853 году заведеній этихъ числилось: женскихъ учебныхъ заведеній: 1-го разряда 22; 2-го—14; 3-го—7 и 4-го—3; институтовъ, училищъ, больницъ и благотворительныхъ заведеній въ завѣдываніи с.-петербургскаго и московскаго опекунскихъ совѣтовъ 34; больницъ и богадѣленъ въ завѣдываніи с.-петербургскаго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія 9; школъ с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества 15; дѣтскихъ приютовъ: въ Петербургѣ 19, въ Москвѣ 9, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ 53; школъ московскаго благотворительнаго общества 14; императорскій Александровскій лицей; 2 коммерческія училища—въ Петербургѣ и Москвѣ; Александровская мануфактура; 3 банка—въ Тулѣ, Томскѣ и Иркутскѣ; 4 попечительства о бѣдныхъ съ ихъ отдѣленіями—въ Москвѣ, Пензѣ, Кіевѣ и Симбирскѣ; 4 дома трудолюбія; особому управленію ввѣренныя 2 больницы въ Петербургѣ, 2 больницы въ Москвѣ и 5 богадѣленъ въ разныхъ городахъ; общество садоводства съ находящимся при немъ училищемъ и собственною ея величества дачею и 4 частныя благотворительныя учрежденія.

Въ 1878 году числилось по списку: 1) Благотворительныя заведенія: въ Петербургѣ—воспитательный домъ съ учительскою семинаріею, сельскими школами, училищами: женскими, нянь и фельдшерницъ и съ дѣтскими приютами въ округахъ дома и родовспомогательное заведеніе съ Маріинскимъ гинекологическимъ отдѣленіемъ, повивальнымъ институтомъ и школою для сельскихъ повивальныхъ бабокъ; въ Москвѣ—воспитательный домъ съ малолѣтнимъ отдѣленіемъ, учительскою семинаріею и сельскими школами и родовспомогательное заведеніе съ тѣми же при немъ заведеніями, что и при петербургскомъ; больницы: въ Петербургѣ—12 и

двѣ лѣчебницы, въ Москвѣ — 6 и три лѣчебницы; домовъ призрѣнія и богадѣлень: въ Петербургѣ—7, въ Москвѣ — 14, въ губерніяхъ—9; убѣжищъ и семейныхъ пріютовъ въ Москвѣ—8; дѣтскихъ пріютовъ: въ Петербургѣ — 23, не считая пріютовъ въ округахъ воспитательнаго дома, въ Москвѣ—12, въ губерніяхъ—78; благотворительныхъ обществъ: въ Петербургѣ — 4, въ Москвѣ—4, въ губерніяхъ — 2. 2) Воспитательно-учебныя заведенія: мужскія: въ Петербургѣ — императорскій Александровскій лицей, въ Гатчинѣ—Николаевскій сиротскій институтъ и сиротскій дождь въ Симферополь; женскія: институты — въ Петербургѣ — 9, въ Москвѣ—3, въ губерніяхъ — 16; гимназін: въ Петербургѣ — 11, въ Москвѣ — 5, въ губерніяхъ—15; въ Петербургѣ: женскихъ школъ Патріотическаго общества—14, низшихъ женскихъ школъ—5; въ Москвѣ: школъ попечительства о бѣдныхъ—3, школъ благотворительнаго общества—15; въ губерніяхъ: низшихъ женскихъ школъ—11; заведеній для дѣтей обоого пола: въ Петербургѣ—5, въ Москвѣ—13, не считая сельскихъ школъ воспитательнаго дома, въ губерніяхъ—3. Специальныя учебныя заведенія: мужскія: въ С.-Петербургѣ: коммерческое училище, учительская семинарія и фельдшерская школа; въ Москвѣ: училища — техническое и коммерческое, учительская семинарія, фельдшерская школа и школа садоводства; женскія: въ Петербургѣ — 9, въ Москвѣ — 4; училище для глухонѣмыхъ въ Петербургѣ. 3) Разныя учрежденія: общества: Садоводства и Политехническое, банки: Тульскій и Иркутскій со сберегательною кассою при послѣднемъ; Петербургская карточная фабрика и при ней школа. Всего 459 учреждений противъ 208, существовавшихъ въ 1855 году.

Такимъ образомъ, въ царствованіе императора Александра II по вѣдомству учреждений императрицы Маріи основано: 5 больницъ, 12 богадѣлень, 36 пріютовъ, 2 института, 33 гимназін, 175 низшихъ училищъ и 1 высшее мужское учебное заведеніе и 5 частныхъ благотворительныхъ обществъ. Въ 1879 году воспитательные дома приняли подъ свой кровъ 21,072 незаконныхъ и 542 законныхъ младенцевъ (болѣе противъ 1854 года — первыхъ на 3,981, послѣднихъ — на 474); въ 1880 году состояло въ призрѣніи этихъ домовъ питомцевъ 62,251 и законныхъ дѣтей 518 (болѣе противъ 1854 года — первыхъ на 12,299, послѣднихъ на 315). Сравнительно съ 1854 годомъ находилось въ 1880 году: въ 22 больницахъ кроватей 6,727, болѣе на 2,943; въ нихъ лечилось 69,161 человекъ, болѣе на 31,552; больничныя амбулаторіи посѣтило 121,226 лицъ, болѣе на 67,841; въ 38 богадѣльняхъ призрѣвалось 5,731 лицо, болѣе на 2,364, въ томъ числѣ бесплатно 3,406; въ 113 дѣтскихъ

пріютахъ нашли убѣжище 12,463 дѣтей обоого пола, болѣе на 4,487, въ томъ числѣ 3,559 въ ночлежныхъ сиротскихъ отдѣленіяхъ на полномъ содержаніи отъ заведеній; въ 30 институтахъ воспитывалось 7,566 дѣвиць, болѣе на 2,066, въ томъ числѣ 2,485 на бесплатныхъ вакансіяхъ; въ 31 женской гимназій, включая педагогическіе курсы и прогимназію обучались 11,786 ученицъ въ томъ числѣ 342 пенсіонерки; въ 225 низшихъ училищахъ состояло 10,885 учащихъ дѣтей обоого пола, болѣе на 8,022; въ 5 мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось 2,275 учениковъ, болѣе на 1,104, въ томъ числѣ 812 на бесплатныхъ вакансіяхъ. За время съ 1858 по 1880 годъ воспитывалось въ институтахъ 37,694 дѣвицы, обучалось въ женскихъ гимназіяхъ 41,400, въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ получили образованіе 8,807 юношей; выпущено по окончаніи курса: изъ институтовъ — 18,669, или 49⁰/₁₀₀, изъ женскихъ гимназій — 8.844 или 21⁰/₁₀₀, изъ мужскихъ заведеній — 2,566 или 29⁰/₁₀₀ ¹.

¹ Главные источники при составленіи настоящей главы: а) по православной русской церкви—всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора св. Синода съ 1856 по 1881 годъ; б) по пновѣрческимъ исповѣданіямъ—Краткій отчетъ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1855 по 1881 годъ; в) по народному просвѣщенію—всеподданнѣйшіе отчеты министра народнаго просвѣщенія съ 1855 по 1881 годъ, Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, III—VII, и дѣла архива Государственнаго Совѣта; г) по благотворительности—Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи и монографія вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, I и II.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ

БАЛКАНСКИХЪ ХРИСТІАНЪ.

1875 — 1880.

XXVI.

Восточный кризисъ.

1875—1877.

Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи.—«Центръ соглашенія» въ Вѣнѣ трехъ императорскихъ дворовъ.—Консульская комиссія.—Волненія въ Черногоріи и Сербіи.—Виды вѣнскаго двора.—Переговоры его съ русскимъ дворомъ.—«Прадѣ» и фирманъ султана.—Первое русское правительственное сообщеніе.—Тревога въ Вѣнѣ.—Князь Горчаковъ высказывается въ пользу тройственнаго соглашенія.—Второе правительственное сообщеніе.—Австро-венгерская нота о реформахъ въ возставшихъ областяхъ.—Принятіе ея великими державами и Портою.—Инсургенты отвергаютъ реформы и требуютъ гарантій.—Заявленія князя Горчакова иностраннымъ посламъ.—Съѣздъ въ Берлинѣ съ Бисмаркомъ Горчакова и Андраши.—Берлинскій меморандумъ.—Непринятіе его Англіею.—Дворцовый переворотъ въ Константинополѣ.—Турецкія звѣрства въ Болгаріи.—Обмѣнъ мыслей между дворами с.-петербургскимъ и лондонскимъ.—Возраженія Австро-Венгріи противъ автономіи Босніи и Герцеговины.—Война Черногоріи и Сербіи съ Турціею.—Свиданіе императоровъ Александра и Франца-Иосифа въ Рейхштадтѣ.—Результаты его.—Общественное возбужденіе въ Россіи.—Зачисленіе великаго князя Николая Александровича въ 1-гв. Павловскій полкъ.—Разногласіе между Горчаковымъ и Андраши.—Сербія и Черногорія просятъ посредничества великихъ державъ.—Англія предлагаетъ перемиріе.—Отъѣздъ государя въ Ливадію.—Переговоры о перемиріи.—Россія предлагаетъ Австріи и Англіи вооруженное вмѣшательство.—Порта соглашается на шестимѣсячное перемиріе, Россія отвергаетъ его.—Возрастаніе народнаго одушевленія въ Россіи.—Румынское посольство въ Ливадіи.—Совѣщаніе въ высочайшемъ присутствіи.—Переговоры канцлера съ великобританскимъ посломъ.—Русскій ультиматумъ Турціи.—Бесѣда государя съ лордомъ Августомъ Лофтусомъ.—Англійская программа конференціи.—Замѣчанія на нее князя Горчакова.—Пояснительное письмо его графу Шувалову.—Рѣчь графа Виконсфилда на банкетѣ лорда мэра.—Рѣчь государя въ Кремлѣ.—Толкованіе ея Аксаковымъ.—Мобилизація русской арміи.—Объясненія съ Англіею.—Созваніе конференціи въ Константинополѣ.—Лордъ Салisbury въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ.—Совѣщаніе Сали-

бюри съ Пгнатьевымъ.—Возраженія Андраши на программу Пгнатьева.—Предварительная конференція въ Константинополѣ.—Ея проектъ мирныхъ условій и реформъ въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ.—Рѣчь Бисмарка въ имперскомъ сеймѣ.—Заявленія его русскому послу и отвѣты на запросы изъ Петербурга.—Совѣты его русскому правительству.—Онъ проситъ у него «инструкцій».—Возраженія князя Горчакова.—Довѣрительные переговоры съ Австро-Венгріею.—Основанія австро-русскаго соглашения.—Сообщеніе ихъ Бисмарку.—Павѣтъ Бисмарка на Россію.—Подписаніе австро-русской конвенціи.—Дальнѣйшія объясненія Бисмарка съ Убрп.—Переписка его съ графомъ Шуваловымъ.—Переговоры съ Румыніею о проходѣ чрезъ нее русскихъ войскъ.—Завлюченіе договора съ нею.—Конференція въ Константинополѣ.—Порта отвергаетъ предложенія великихъ державъ.—Циркулярный запросъ князя Горчакова.—Отзывъ Бисмарка.—Миролюбивыя вѣянія въ Петербургѣ.—Сообщеніе кабинетамъ великихъ державъ.—Окружная повѣдка Пгнатьева по европейскимъ столицамъ.—Мнѣніе Бисмарка.—Лондонскій протоколъ.—Отверженіе его Портою.

Второе десятилѣтіе царствованія императора Александра Николаевича завершилось среди глубокаго мира, забота о поддержаніи котораго была главною причиною, побудившею русскаго государя вступить въ такъ называемое «соглашеніе трехъ императоровъ». Опасность войны или какихъ-либо международныхъ столкновеній повидимому совершенно исчезла съ политическаго горизонта Европы, когда небольшая черная точка показалась въ сѣверо-западномъ углу Балканскаго полуострова. Мало-по-малу она разрослась въ громовую тучу, разразившуюся надъ европейскимъ Востокомъ грозю, которая вполнѣ видоизмѣнила какъ его политическую поверхность, такъ и соотношенія великихъ державъ. То было возстаніе, вспыхнувшее лѣтомъ 1875 года въ нѣсколькихъ южныхъ округахъ Герцеговины.

Ближайшимъ поводомъ къ возстанію послужили притѣсненія христіанскаго населенія турецкими сборщиками податей, вызвавшія кровавыя схватки между христіанами и мусульманами. Въ дѣло вмѣшались оттоманскія войска, встрѣтившія неожиданное сопротивленіе. Все мужское населеніе округовъ Невесинскаго, Билечскаго и Гачковскаго ополчилось, оставило свои дома и удалилось въ горы; старики, женщины, дѣти, чтобы избѣжать поголовной рѣзни, искали убѣжища въ сосѣднихъ Черногоріи и Далмаціи. Усплія турецкихъ властей подавить возстаніе въ зародышѣ оказались безуспѣшными. Изъ южной Герцеговины оно скоро перешло въ сѣверную, а оттуда и въ Боснію, христіанскіе жители которой бѣжали въ пограничныя австрійскія области, а тѣ, что остались дома, также вступили съ мусульманами въ отчаянную борьбу. Кровь полилась рѣкою въ ежедневныхъ столкновеніяхъ возставшихъ съ турецкими войсками и съ мѣстными мусульманскими жителями. Съ обѣихъ

сторонъ проявлялось необычайное ожесточеніе; не было пощады никому; борьба велась не на жизнь, а на смерть.

Первыя извѣстія объ этихъ происшествіяхъ получены были въ Петербургѣ въ половинѣ іюня, вскорѣ по возвращеніи государя изъ заграничнаго путешествія. Князь Горчаковъ находился въ отпуску, а временно управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ баронъ Жюмнинъ. По его предложенію, въ Вѣнѣ установленъ «центръ соглашенія» (*un centre d'entente*) трехъ императорскихъ дворовъ съ цѣлью изыскать средства ограничить и прекратить безпорядки или по меньшей мѣрѣ не дать имъ разрастись настолько, чтобы они могли угрожать всеобщему миру. Условаясь относительно общихъ мѣръ, дворы петербургскій, берлинскій и вѣнскій пригласили и прочія великія державы примкнуть къ состоявшемуся между ними уговору, дабы вызвать умпротвореніе возставшей турецкой области. «Рѣчь идетъ не о томъ»—писалъ баронъ Жюмнинъ французскому послу въ Петербургѣ—«чтобы вмѣшаться во внутреннія дѣла Турціи; но державы могутъ дѣйствовать на обѣ стороны, чтобы побудить возставшихъ къ покорности, сербовъ и черногорцевъ къ нейтралитету, Турцію къ милосердію и справедливымъ преобразованіямъ. Это нравственное воздѣйствіе (*cette action morale*) будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительно, чѣмъ единодушнѣе и тождественнѣе будетъ образъ дѣйствій представителей державъ»¹.

Всѣ великія державы откликнулись на этотъ призывъ и, заручившись согласіемъ Порты, послали въ Герцеговину комиссію, состоящую изъ мѣстныхъ ихъ консуловъ, поручивъ имъ вступить въ личныя сношенія съ вожаками возстанія и, дѣйствуя не коллективно, а въ качествѣ агентовъ дружественныхъ державъ, въ согласіи съ турецкимъ комиссаромъ, пригласить ихъ предъявить послѣднему ихъ жалобы и пожеланія, которыя великія державы, со своей стороны, поддержать предъ Портою. Мѣра эта успѣха не имѣла. Инсургенты отвѣтили консуламъ, что прежде всего должно быть заключено перемиріе и что, не полагаясь на обѣщанія турокъ, они не удовольствуются никакими реформами, если таковыя не будутъ поставлены подъ охрану и ручательство великихъ державъ. Оба эти требованія были отвергнуты Портою².

Между тѣмъ, возбудженіе росло въ сопредѣльныхъ съ возставшими областями странахъ, въ Черногоріи и Сербіи. Черногорцы

¹ Баронъ Жюмнинъ генералу Лейбю, 2-го августа 1875 г.

² Графъ Андраши графу Зичи. 26-го іюля 1876 г.

не только давали пріютъ семьямъ инсургентовъ, но и снабжали ихъ продовольствіемъ, оружіемъ, порохомъ и другими припасами и даже сами нерѣдко принимали участіе въ ихъ боевыхъ стычкахъ съ турками. Сербія начала поспѣшно вооружаться. Изъ всѣхъ славянскихъ земель, не исключая и Россіи, посылались герцеговинцамъ и боснякамъ щедрія денежныя пособія отъ обществъ и частныхъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу ихъ освобожденія. Въ Вѣнѣ и Будапештѣ всего болѣе опасались, какъ бы возстаніе не привело къ присоединенію Босніи къ Сербіи, а Герцеговины къ Черногоріи, какъ на то рассчитывали въ Бѣлградѣ и Цетиньѣ. Императоръ Францъ-Иосифъ давно питалъ надежду, что рано или поздно эти двѣ области послужатъ ему вознагражденіемъ за земельныя и другія утраты, понесенныя его монархіей въ Германіи и Италіи. Среди босняковъ и герцеговинцевъ, католическое меньшинство было расположено въ пользу присоединенія къ Австро-Венгріи и въ этомъ направленіи усердно интриговали латинскіе монахи и вообще католическое духовенство. Но въ самой Дунайской монархіи общественное мнѣніе не сочувствовало такому пріобрѣтенію по сю, какъ и по ту сторону Лейты. Пока усилія графа Андраши были направлены къ тому, чтобы, не допуская Боснію и Герцеговину ни до соединенія съ двумя славянскими княжествами, ни до образованія автономной области, оставить ихъ подъ властью Порты, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ введены были реформы по плану, составленному австро-венгерскимъ министромъ, примѣненіе которыхъ было бы поставлено подъ ручательство великихъ державъ и подъ фактическій контроль вѣнскаго двора.

Первымъ условіемъ успѣха такого плана было получить для него согласіе, а если возможно, то и содѣйствіе Россіи. На просьбу австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ поддержать въ Бѣлградѣ требованіе прекратить вооруженія, баронъ Жомини отвѣчалъ, что онъ вполне понимаетъ, что Австро-Венгрія не можетъ терпѣть, чтобы государство, столь безпокойное какъ Сербія, расширилось и превратилось на ея границахъ въ постоянный очагъ агитаціи¹. Ободренный этими словами, графъ Андраши поручилъ своему представителю въ Петербургѣ передать на заключеніе русскаго двора выработанный имъ проектъ преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ.

Задача великихъ державъ—доказывалъ онъ—не только ограничить настоящее движеніе, но и по возможности предупредить повтореніе подобныхъ ему столкновеній, исправивъ существующее зло. Теперь настало тому время, послѣ того какъ, съ одной стороны, сдѣ-

¹ Магъ графу Андраши, 26-го августа 1876 г.

зались извѣстны желанія инсургентовъ, съ другою, выяснилась невозможность для нихъ достигнуть осуществленія ихъ собственными силами. Графъ Андраши съ жаромъ возставалъ противъ образованія изъ Босніи и Герцеговины автономной области, подѣ въ власть наслѣдственнаго правителя, еще болѣе—противъ раздѣла ихъ между Сербіею и Черногоріею. По мнѣнію его, нужно искать уменьшить зло практическими реформами на почвѣ какъ вещественной, такъ и нравственной. Нужно, чтобы въ этихъ областяхъ христіанская вѣра была поставлена *de jure* и *de facto* въ положеніе равноправное съ исламомъ. Нужно, кромѣ того, улучшить матеріальное положеніе христіанъ. Турецкое оружіе можетъ потушить пламень возстанія: оно несомнѣнно успѣетъ въ томъ; но прочное умиротвореніе края невозможно безъ соблюденія трехъ условій: 1) полная свобода вѣроисповѣданія для христіанъ; 2) прекращеніе отдачи податей на откупъ; 3) уничтоженіе феодальнаго порядка владѣнія землею, путемъ выкупа. Требовать этого отъ Порты не значитъ еще вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Державы имѣютъ на то несомнѣнное право въ силу постановленій парижскаго трактата 1856 года. Австро-Венгрія болѣе другихъ заинтересована въ прекращеніи постоянныхъ смутъ въ ближайшемъ своемъ сосѣдствѣ. О всѣхъ этихъ мѣрахъ Андраши выражалъ желаніе условиться прежде всего съ Россіею, а потомъ и съ прочими великими державами, въ увѣренности, что если между ними будетъ достигнуто полное соглашеніе, то и Порта не отвергнетъ сдѣланныхъ ей предложеній ¹.

Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ не безъ страха помышляли объ опасности вмѣшательства великихъ державъ въ отношенія Порты къ христіанскимъ подданнымъ султана и, по совѣту русскаго посла, спѣшили предупредить ее принятіемъ рѣшеній въ томъ же направленіи, но самостоятельныхъ. Султанскіе «прадэ» и фирманъ, изданные нѣсколько времени спустя, даровали турецкимъ христіанамъ всевозможныя облегченія въ податяхъ и налогахъ и гражданскую равноправность съ мусульманами ².

Австрійскія предложенія были доведены до свѣдѣнія государя уже по пріѣздѣ его въ Ливадію, то есть въ половинѣ октября. Прибывшій туда же русскій посоль въ Константинополѣ генераль-адъютантъ Игнатъевъ доложилъ императору и о мѣрахъ, принятыхъ по почину султана Абдуль-Азиса съ цѣлью привести къ умиротворенію христіанъ удовлетвореніемъ ихъ потребностей и выраженныхъ ими пожеланій. Искренно хотѣлъ улучшения бѣдственной ихъ участи

¹ Графъ Андраши Мафру, 4-го октября 1875 г.

² «Прадэ» султана 20-го сентября и фирманъ 30-го октября 1875 г.

императоръ Александръ, не отвергая такового, откуда бы оно ни исходило: отъ самой ли Порты или отъ великихъ державъ? Такой взглядъ русскаго двора на положеніе дѣлъ на европейскомъ Востокѣ ясно выраженъ въ сообщеніи, появившемся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»:

«Важныя политическія событія, совершающіяся нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ, застали Россію не одну, а въ союзѣ съ двумя державами, однаково съ нею одушевленными желаніемъ сохранить и упрочить европейскій миръ. Чуждый какихъ либо корыстныхъ политическихъ цѣлей, основанный на взаимномъ довѣрїи правительствъ и скрѣпленный свиданіемъ трехъ императоровъ, союзъ этотъ является предъ Европою нерѣшителемъ судебъ ея, а охранителемъ ея свободы и блюстителемъ ея спокойствія. Доступъ въ этотъ союзъ открытъ всѣмъ ищущимъ мира. Но, участвуя въ этомъ союзѣ, Россія не принесла въ жертву ему того сочувствія, которое питала постоянно къ угнетенному христіанскому населенію Турціи и которое раздѣляла съ нею, и безъ сомнѣнія раздѣляетъ и теперь, вся христіанская Европа. Жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для христіанъ Турціи, такъ велики, что даютъ Россіи право заявить объ этомъ сочувствіи и нынѣ предъ лицомъ всей Европы. Проникнутой прежними симпатіями къ христіанскому населенію Балканскаго полуострова и сознаніемъ опасности, угрожающей спокойствію Европы, императорскій кабинетъ нынѣ, какъ и прежде при такихъ же обстоятельствахъ, не могъ остаться равнодушнымъ и безучастнымъ зрителемъ событій, совершающихся въ Герцеговинѣ, грозившихъ вовлечь въ неравную борьбу Сербію и Черногорію и возжечь войну, предѣлы которой трудно было предвидѣть. Онъ первый возвысилъ голосъ въ защиту бѣдственнаго населенія Герцеговины, доведеннаго до крайняго положенія непоумѣрными налогами, и въ пользу сохраненія мира, столь необходимаго для Европы вообще и для Турціи въ особенности. По приглашенію его, правительства союзныхъ державъ, Германіи и Австро-Венгріи, движимыя тѣмъ же желаніемъ предупредить дальнѣйшія замѣшательства въ Турціи, успѣли оказать ему содѣйствіе для примиренія Порты съ возставшими подданными. Правительства Франціи, Англии и Италіи, раздѣлявшія взгляды сѣверныхъ кабинетовъ на опасное для европейскаго мира положеніе дѣлъ въ Турціи, присоединили свои старанія для достиженія предположенной цѣли. Миролюбивые совѣты, преподанные Портѣ представителями державъ въ Константинополь, имѣли первымъ послѣдствіемъ—посылку въ Герцеговину консульской коммисіи, долженствовавшей содѣйствовать примиренію инсургентовъ

съ правительствомъ, а вторымъ—свободное и невынужденное обнародованіе его величествомъ султаномъ «прадэ», дарующаго христіанскимъ подданнымъ его значительныя облегченія въ налогахъ. равноправность съ мусульманами въ судахъ и лучшее административное устройство. Никто, конечно, не сомнѣвается въ искренности желанія его величества султана улучшить настоящее бѣдственное положеніе христіанскихъ подданныхъ его. Правительства всѣхъ великихъ державъ отнеслись сочувственно къ новому «прадэ», какъ къ несомнѣнному доказательству постоянной заботливости султана о благѣ этихъ подданныхъ. Но примѣры недавняго прошлаго, ясно указывающіе на то, что отъ подобныхъ же сочувственныхъ христіанамъ заявленій воли султана не оставалось и слѣда и что тѣ сравнительно ничтожныя права, которыми пользуются христіане нѣкоторыхъ мѣстностей Турціи, были даны имъ вынужденно, въ слѣдствіе настояннй европейской дипломатіи, даютъ поводъ общественному мнѣнію Европы относиться къ новому султанскому «прадэ», не съ тѣмъ довѣріемъ, котораго онъ заслуживалъ бы, какъ выраженіе сочувствія его величества къ бѣдственному положенію христіанскихъ подданныхъ его. Довѣріе же сихъ послѣднихъ къ подобнымъ правительственнымъ актамъ поколеблено до того, что Портѣ трудно будетъ возстановить его вдругъ, безъ дружественнаго содѣйствія европейскихъ кабинетовъ. Въ этомъ содѣйствіи кабинеты, безъ сомнѣнія, не откажутъ Портѣ. Въ свою очередь, и Порты не преминетъ дать этимъ кабинетамъ осязательное доказательство твердой и непреклонной рѣшимости своей выполнить точно нынѣшнія торжественныя обязательства относительно христіанъ и этимъ положить конецъ ненормальному положенію, внушающему столько опасеній Европѣ. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что бѣдственный порядокъ вещей, продолжавшійся доселѣ въ Турціи въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы, долженъ будетъ прекратиться»¹.

Рѣшеніе султана непосредственными уступками попытаться примирить съ Портою ея возставшихъ христіанскихъ подданныхъ, не доводя дѣла до вмѣшательства великихъ державъ, возбудило тревогу и неудовольствіе въ Вѣнѣ. Графъ Андраши приписывалъ его внушенію русскаго посла въ Константинополь, котораго подозрѣвалъ въ намѣреніи возвратиться къ преданіямъ Ункіарь-Искелесскаго договора и, устранивъ въ совѣтахъ Порты вліяніе всѣхъ прочихъ державъ, подчинить Турцію исключительно русскои онекѣ. Такое поведеніе—говорилъ онъ нашему послу въ Вѣнѣ,—прямо противорѣчитъ

¹ «Правительственный Вѣстникъ», 17-го октября 1876 г.

буквъ и духу соглашенія трехъ императоровъ. Не русскій ли дворъ самъ предложилъ установитъ въ Вѣнѣ «центръ соглашенія» по дѣламъ Балканскаго полуострова? Не онъ ли, вмѣстѣ съ дворомъ берлинскимъ, возложилъ на вѣнскій дворъ составленіе проекта реформъ для возставшихъ областей? И теперь, когда проектъ этотъ готовъ, позволительно ли отдавать предпочтеніе предъ нимъ султанскимъ «спрадэ» и фирманамъ, не представляющимъ къ тому же ни малѣйшаго ручательства, что они будутъ исполнены на самомъ дѣлѣ?

Недоумѣнія эти русскій посоль при австро-венгерскомъ дворѣ счелъ нужнымъ передать на заключеніе государственнаго канцлера. Осенью 1875 года князь Горчаковъ находился въ Веве въ Швейцаріи, куда въ послѣднихъ числахъ октября и былъ отправленъ къ нему для личнаго доклада одинъ изъ секретарей вѣнскаго посольства, изложившій канцлеру сущность предложеній австро-венгерскаго министра, но не скрывшій также, что принятіе ихъ русскимъ дворомъ, подчиненіе имъ Порты и введеніе ихъ въ дѣйствіе въ Босніи и Герцеговинѣ представляютъ ту опасность, что въ случаѣ возобновленія смуты въ этихъ областяхъ Австро-Венгрія получитъ преимущественное право вмѣшательства, которое можетъ привести къ осуществленію ея завѣтной тайной цѣли: къ занятію ихъ ея войсками, а впоследствии, вѣроятно, и къ окончательному присоединенію къ владѣніямъ Габсбургско-Лотарингскаго дома. Опасенія эти князь Горчаковъ призналъ химерическими. «Вотъ двадцать лѣтъ, какъ я утверждаю»,—воскликнулъ онъ,—«что Porta можетъ сохранить своихъ христіанскихъ подданныхъ лишь на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя формулируетъ нынѣ Андраши, или должна лишиться ихъ!» Канцлеръ ускорилъ на цѣлую недѣлю отъѣздъ свой въ Россію. «Macte animo!» телеграфировалъ онъ съ пути изъ Берлина послу въ Вѣнѣ, Новикову, и тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ извѣстилъ его по телеграфу, что государю неудобно отдѣляться въ восточныхъ дѣлахъ отъ своихъ союзниковъ и что онъ вполне одобряетъ проектъ реформъ, составленный для Босніи и Герцеговины австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ ¹.

Замѣтку «Wiener Zeitung», заявившей, что три императорскіе двора съ самаго начала возникшихъ на Балканскомъ полуостровѣ смутъ дѣйствовали не иначе, какъ въ полномъ согласіи, а представители ихъ въ Константинополѣ не сдѣлали ни одного шага, который не былъ бы имъ указанъ условленными сообщеніями ², не замедлилъ подтвердить нашъ «Правительствен-

¹ Изъ личныхъ воспоминаній автора.

² «Wiener Zeitung», 18-го октября 1875 г.

ный Вѣстникъ», помѣстившій слѣдующее второе правительственное сообщеніе: «Обнаружившіяся въ нѣкоторой части европейской печати опасенія по поводу настоящихъ смуть въ Герцеговинѣ не оправдываются ни общимъ политическимъ положеніемъ Европы, ни исключительнымъ состояніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Никогда еще Европа не находилась въ положеніи болѣе благопріятномъ, чѣмъ теперь, для успѣшнаго и мирнаго устраненія всякихъ недоразумѣній, вліяющихъ на ея спокойствіе. Три сильныя державы Сѣвера стремятся соединенными усиліями, при содѣйствіи другихъ европейскихъ правительствъ, пріискать мирное разрѣшеніе затрудненій, возникшихъ въ Герцеговинѣ, и никто не можетъ помышлять о томъ, чтобы нарушить миръ и выступить наперекоръ общимъ миролюбивымъ стремленіямъ. Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать вновь, что какъ бы ни были прискорбны замѣшательства, нынѣ возникшія на Балканскомъ полуостровѣ и нарушившія спокойствіе Европы, соединенныя усилія трехъ державъ, съ содѣйствіемъ другихъ европейскихъ кабинетовъ, дадутъ этимъ замѣшательствамъ исходъ, соответствующій настоящему миролюбивому настроенію, и что, во всякомъ случаѣ, миръ Европы покоится такъ твердо на взаимномъ довѣрїи и согласїи великихъ державъ, что въ нарушенїи его не предвидится никакой опасности»¹.

Вскорѣ послѣ того графъ Андраши разослалъ всѣмъ великимъ державамъ, предварительно одобренный въ Петербургѣ, свой проектъ реформъ, введеніе которыхъ въ Босніи и Герцеговинѣ онъ выставялъ единственнымъ средствомъ къ скорому и прочному умиротворенію этихъ областей. Сводились онѣ къ слѣдующимъ пяти статьямъ: 1) полная свобода вѣроисповѣданія; 2) уничтоженіе отдачи податей на откупъ; 3) употребленіе на мѣстныя нужды доходовъ областей; 4) учрежденіе смѣшанной комиссіи изъ христіанъ и мусульманъ для наблюденія за исполненіемъ преобразованій, какъ тѣхъ, что потребованы державами, такъ и дарованныхъ непосредственно Портою; 5) улучшеніе аграрнаго положенія сельскаго населенія. Султанъ приглашался подтвердить въ официальномъ сообщеніи державамъ намѣренія свои, занесенныя въ «прадѣ» и фирманѣ по отношенію ко всей Оттоманской Имперїи и въ частности—принять вышеизложенныя пять статей для примѣненія ихъ къ двумъ возставшимъ областямъ. «Этимъ способомъ»—заключалъ австро-венгерскій министръ свою депешу—«христіане, хотя и не получаютъ ручательства въ той формѣ, которой они, повидимому, добиваются, но все же

¹ «Правительственный Вѣстникъ», 4-го ноября 1875 г.

найдутъ нѣкоторое обезпеченіе въ томъ, что необходимость реформъ будетъ признана державами, передъ которыми Порта обяжется привести ихъ въ исполненіе ¹⁾.

Требованія, заключавшіяся въ депешѣ графа Андраши, были поддержаны въ Константинополѣ представителями всѣхъ великихъ державъ, не исключая и Англіи, и, уступая ихъ давленію, Порта выразила готовность сообразоваться съ ихъ совѣтамъ ²⁾. Оставалось получить отъ инсургентовъ обѣщаніе, что они удовлетворятся осуществленіемъ проектированныхъ въ Вѣнѣ преобразованій и положить оружіе. Вступить съ ними въ переговоры по этому предмету поручено, съ общаго согласія державъ, австрійскому намістнику въ Далмаціи, генералу барону Родичу.

Въ Петербургѣ были довольны такимъ оборотомъ дѣла и, повидимому, не сомнѣвались въ успѣхѣ примирительной миссіи, возложенной на австрійскаго генерала. Князь Горчаковъ, въ разговорахъ съ иностранными послами, одобрительно отзывался о министрахъ султана, подчинившихся волѣ европейскіхъ державъ, и выражалъ надежду, что Родичу удастся личнымъ убѣжденіемъ побудить и инсургентовъ не оказывать ей сопротивленія. Товарищъ министра Гирсъ подтверждалъ слова канцлера, увѣряя англійскаго посла, что Россія ни подъ какимъ видомъ не станетъ дѣйствовать одиноко, не выдѣлится изъ обще-европейскаго соглашенія. Дѣйствительно, русскій дворъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ прочихъ державъ, чтобы настойчиво совѣтовать въ Бѣлградѣ и Цетинѣ не выходить изъ предѣловъ умѣренности и не перечить усиліямъ Европы водворить миръ и порядокъ въ возставшихъ областяхъ. Русскимъ агентамъ въ Сербіи и Черногоріи предписано было заявить князьямъ Милану и Николаю, что собственный интересъ ихъ требуетъ того, чтобы они вліяніе свое на христіанъ Босніи и Герцеговины употребили для убѣжденія ихъ въ необходимости исполнить желаніе великихъ державъ, предупредивъ, что въ противномъ случаѣ Россія не станетъ защищать ни Сербію, ни Черногорію отъ могущей возникнуть для нихъ самой опасности. Однако, на жалобы сентъ-джемскаго двора, что русскіе дипломатическіе представители въ этихъ странахъ открыто заявляютъ о своемъ сочувствіи возстанію и оказываютъ ему матеріальную поддержку, распредѣляя поступающія къ нимъ изъ Россіи отъ славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ пожертвованія въ пособіе выходцамъ изъ возставшихъ областей, и что такое поведеніе ихъ на-

¹⁾ Циркуляръ графа Андраши, 18-го декабря 1876 г.

²⁾ Циркуляръ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, 1-го февраля 1876 г.

ходится въ прямомъ противорѣчии съ увѣреніями императорскаго кабинета, нашъ канцлеръ отвѣчалъ, что политика русскаго двора ясна, какъ день, и не можетъ быть заподозрѣна ни въ чемъ, но что онъ не въ правѣ вмѣнить въ вину проявленія челоуѣколюбія русскимъ консуламъ, которые вліяніемъ своимъ на князей Сербскаго и Черногорскаго немало способствуютъ воздержанію ихъ отъ вмѣшательства въ дѣло возстанія ¹.

Со своей стороны, русскій посоль въ Константинополь, пользуясь личнымъ вліяніемъ своимъ на султана Абдуль-Азиса и на верховнаго визиря Махмуда-пашу, не переставалъ внушать имъ, что простѣйшимъ средствомъ положить конецъ возстанію въ Герцеговинѣ было бы доставить удовлетвореніе князю Черногорскому уступкою ему нѣкоторыхъ пограничныхъ округовъ и гавани на Адриатическомъ морѣ. Когда слухъ о такихъ единоличныхъ попыткахъ генераль-адъютанта Игнатьева воздѣйствовать на Порту поммо своихъ сотоварищей, пословъ прочихъ великихъ державъ, достигъ до Вѣны, то возбудилъ большое безпокойство въ тамошнихъ дипломатическихъ кругахъ, тѣмъ болѣе, что вѣнскій дворъ, самъ тайнѣ замышляя присоединеніе Босніи и Герцеговины къ монархіи Габсбурговъ, вовсе не былъ расположенъ благопріятствовать какому либо земельному расширенію Черногорціи, а и того менѣе открытію ей свободнаго доступа къ морю ².

Потребовалось не мало времени, чтобы устранить всѣ препятствія къ предполагаемому сѣзду барона Родича съ вожаками возстанія. Онъ состоялся не ранѣ весны 1876 года, послѣ того какъ Порта издала амнистію и согласилась на заключеніе перемирія съ инсургентами на двѣнадцать дней. Герцеговинскіе главарь, прибывшіе въ Суторину на свиданіе съ австрійскимъ генераломъ, объявили ему, что они не прекратятъ возстанія иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) треть земель въ Герцеговинѣ будетъ предоставлена христіанамъ въ собственность; 2) турецкія войска навсегда очистятъ эту область, за исключеніемъ шести городовъ, въ которыхъ останутся турецкіе гарнизоны; 3) Порта обяжется выстроить вновь всѣ разрушенные церкви и дома, въ продолженіе года снабдить христіанъ продовольствіемъ, доставить имъ домашнюю утварь и нужныя земледѣльческія орудія и на три года освободить ихъ отъ платежа всякихъ налоговъ и податей; 4) христіане до тѣхъ поръ не положатъ оружія, пока не будутъ обезоружены мусульмане и не введутся всѣ обѣщанныя реформы и улуч-

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 17-го февраля 1876 г.

² Изъ личныхъ воспоминаній автора.

шенія; 5) по возвращеніи выходцевъ будутъ немедленно введены, при участіи ихъ главарей, обѣщанныя Портою преобразованія на основаніи проекта графа Андраши; 6) распоряженіе средствами края должно быть поставлено подъ контроль европейской комиссіи, которая будетъ наблюдать, чтобы они дѣйствительно употреблялись на возстановленіе церквей и домовъ, на приобрѣтеніе домашней утвари и сельско-хозяйственныхъ орудій, на снабженіе запасныхъ магазиновъ всѣмъ потребнымъ для возвращающихся выходцевъ продовольствіемъ; 7) правительства русское и австрійское назначать постоянныхъ агентовъ во всѣ шесть городовъ Герцеговины, гдѣ останутся турецкіе гарнизоны, для наблюденія за точнымъ исполненіемъ реформъ¹.

По истеченіи перемпрія одинаковыя притязанія предъявили и боснійскіе инсургенты, но Порты наотрѣзъ отказалась принять ихъ въ соображеніе и, назначенный главнокомандующимъ ея военными силами въ возставшихъ областяхъ, Мухтаръ-паша тотчасъ же возобновилъ военныя дѣйствія противъ христіанъ².

Западно-европейскіе кабинеты признали притязанія инсургентовъ чрезмѣрными и неподлежащими удовлетворенію. Не таково было мнѣніе князя Горчакова. Русскій канцлеръ находилъ, что, предъявивъ свои требованія, главари Босніи и Герцоговины тѣмъ самымъ доказали, что подъ извѣстными условіями они готовы положить оружіе. Кромѣ того, всѣ выраженныя ими желанія нисколько не противорѣчатъ предложеніямъ графа Андраши. Они не стремятся къ полному освобожденію изъ-подъ власти Порты и не добиваются земельного распадѣнія Оттоманской Имперіи. Цѣль ихъ—получить ручательство въ точномъ исполненіи Портою принятыхъ ею на себя обязательствъ. Князь Александръ Михайловичъ выразилъ сожалѣніе, что условія инсургентовъ не были приняты во вниманіе, такъ какъ, по его убѣжденію, они могли бы послужить основаніемъ къ соглашенію. Вину за разрывъ онъ возлагалъ на Порту, которая приказала Мухтару-пашѣ возобновить военныя дѣйствія. «Теперь»,—говорилъ онъ,—«слово остается за пушками, и надо выждать дней десять результата боя». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выказывалъ представителямъ иностранныхъ державъ твердое намѣреніе поддерживать соглашеніе, установившееся между ними и русскимъ дворомъ. Россія—свидѣтельствовала онъ—не преслѣдуетъ своекорыстной политики; она не хочетъ матеріальныхъ приобрѣтеній; самъ канцлеръ всегда противился расширенію ея въ Средней Азій.

¹ Меморандумъ герцеговинскихъ повстанцевъ, 26-го марта 1876 г.

² Циркуляръ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, 1-го апрѣля 1876 г.

Все, чего она желаетъ — это соблюденія мира въ Европѣ и улучшенія положенія турецкихъ христіанъ ¹.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ получено было извѣстіе изъ Константинополя, что султанъ страшно раздраженъ противъ Черногоріи за поддержку, оказываемую ею возстанію, и что Порта замышляетъ нападеніе на нее съ двухъ сторонъ: изъ Герцеговины и Албаніи, съ тѣмъ, чтобы тамъ подавить возстаніе въ корнѣ. Князь Горчаковъ тотчасъ же поручилъ генераль-адъютанту Пнатьеву энергично протестовать противъ такого рѣшенія и предупредить Порту, что подобный необдуманный шагъ можетъ повести къ разрушенію Оттоманской Имперіи. 10-го апрѣля, собравъ у себя представителей великихъ державъ, канцлеръ, именемъ императора Александра, просилъ ихъ правительства поддержать въ Константинополѣ представленія русскаго посла. При этомъ случаѣ князь очень строго отозвался о дѣйствіяхъ Порты, которая до сихъ поръ не исполнила ни одного изъ своихъ обѣщаній. Нѣсколько дней спустя, послѣ того какъ Порта въ обращеніи къ великимъ державамъ заявила, что не намѣрена нападать на Черногорію, и приписывала напротивъ черногорскому князю намѣреніе вторгнуться въ турецкіе предѣлы, — русскій канцлеръ повѣдалъ англійскому послу, что, по его глубокому убѣжденію, Порта никогда не выполнитъ обязательствъ, принятыхъ ею предъ Европою относительно улучшенія участи ея христіанскихъ подданныхъ, потому что она безсильна сдѣлать это. На замѣчаніе лорда Августа Лофтуса, что незачѣмъ было и требовать отъ нея того, что она не въ состояніи исполнить, князь Александръ Михайловичъ возразилъ: «Это правда; но когда ей были предъявлены наши требованія, мы думали, что Порта располагаетъ большими средствами, имѣетъ болѣе жизненности (vitality), что она не столь немощна, какъ оказалось съ тѣхъ поръ». Несмотря на это, канцлеръ все еще думалъ, что депеша графа Андраши можетъ быть согласована съ притязаніями, выраженными инсургентами, которымъ слѣдовало бы вступить въ прямые переговоры съ турецкими властями, помимо посредничества державъ. Но когда послы турецкій и англійскій обратились къ нему съ просьбой сдѣлать князю Черногорскому внушеніе, чтобы удержать его отъ вмѣшательства въ борьбу герцеговинскихъ христіанъ съ турками, Горчаковъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Выслушавъ сообщеніе турецкаго дипломата, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Кабули-пашѣ: «То, что вы мнѣ прочитали — романъ, а я хочу исторіи», и присовокупилъ, что оставитъ турецкое сообщеніе безъ отвѣта;

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 2-го и 8-го апрѣля 1876 г.

лорду же Августу Лофтусу сказали, что въ виду неисполненія Портою ея обѣщаній и угрожающаго положенія, принятаго ею на границахъ Черногоріи, онъ не только не считаетъ себя въ правѣ пропавести какое либо давленіе на князя Николая, но и не можетъ поручиться за то, что послѣдній не будетъ вынужденъ обстоятельствами перейти къ дѣйствию. По мнѣнію князя Горчакова, державамъ надлежало произвести общее давленіе на Порту, чтобы та не медля долѣе рѣшилась на уступки, которыя удовлетворили бы инсургентовъ и возстановили бы миръ въ возставшихъ областяхъ. И теперь—заявилъ канцлеръ—какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ выставляетъ противъ Турціи начало невѣжательства и самъ будетъ твердо его держаться; потому, если усилія европейскихъ державъ вызвать примиреніе Порты съ инсургентами останутся безплодными, то онъ хотя и не предприметъ ничего, чтобы возбудить (to incite) Сербію и Черногорію къ дѣйствию, но и не станетъ ихъ болѣе отъ него удерживать. Тогда — заключилъ князь Александръ Михайловичъ—возстаніе, безъ всякаго сомнѣнія, приметъ несравненно обширнѣйшіе размѣры и пламя его распространится на Болгарію, Эпиръ, Фессалію, Албанію, такое пламя, потушить которое не будетъ въ состояніи Порты съ ея истощенными средствами, и долъгъ челоуѣколюбія, поддержанный общественнымъ мнѣніемъ, вынудитъ великія державы Европы выступить посредницами, чтобы остановить пролитіе крови ¹.

Мысли эти были высказаны княземъ Горчаковымъ всего за недѣлю до отѣзда императора Александра за границу. По случаю проѣзда его чрезъ Берлинъ, туда, по приглашенію князя Бисмарка, отправился графъ Андраши для личнаго совѣщанія съ нѣмецкимъ канцлеромъ и съ русскимъ, который долженъ былъ сопровождать государя. Выѣхавъ изъ Петербурга 27-го апрѣля, Александръ Николаевичъ прибылъ въ германскую столицу 29-го и провелъ тамъ три дня, въ продолженіе которыхъ между руководящими министрами Россіи, Германіи и Австро-Венгрии происходили оживленные совѣщанія по восточнымъ дѣламъ.

На этихъ собраніяхъ довольно ясно обозначилось существенное различіе во взглядахъ князя Горчакова и графа Андраши на возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Единственною, безкорыстною цѣлью совокупнаго дѣйствія великихъ державъ русскій канцлеръ почиталъ возстановленіе мира и порядка въ этихъ двухъ областяхъ, путемъ улучшенія участи ихъ христіанскаго населенія и съ оставленіемъ ихъ подъ непосредственною властью султана и

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 10-го, 14-го и 18-го апрѣля 1876 г.

Порты. Явно не противорѣча ему, австро-венгерскій министръ старался однако направить дѣло такъ, чтобы единственно возможнымъ исходомъ являлось присоединеніе обѣихъ областей къ монархіи Габсбурговъ. Завѣтный этотъ замыселъ императора Франца-Иосифа давно уже былъ извѣстенъ князю Бисмарку, общавшему всячески содѣйствовать его осуществленію, но все еще оставался тайною для русской дипломатіи, другими словами двое изъ участниковъ тройственного союза были между собою въ стачкѣ противъ третьяго. Къ тому же за послѣдніе три съ половиною года личная дружба Бисмарка и Андраши возросла и окрѣпла, тогда какъ прежнія тѣсныя отношенія германскаго канцлера къ русскому сильно поколебало заступничество Россіи за Францію въ 1875 году. По внѣшности, однако, на берлинскихъ совѣщаніяхъ Бисмаркъ выступалъ посредникомъ и какъ бы примирителемъ между Россіею и Австро-Венгеріею, постоянно твердя, что Германія заранѣе согласна на всѣ мѣры, которыя будутъ соглашены между Петербургомъ и Вѣною. Мѣры эти были сформулированы княземъ Горчаковымъ, а Бисмаркъ убѣдилъ Андраши принять ихъ безъ возраженій, доказавъ ему, что онѣ нимало не предрѣшаютъ исхода дѣла и столь же легко могутъ повести къ цѣли, преслѣдуемой Австріею, какъ и къ той, которую желаетъ Россія.

Такимъ образомъ, декларация, извѣстная подъ именемъ «берлинскаго меморандума», явилась выраженіемъ общаго мнѣнія трехъ императорскихъ дворовъ о положеніи дѣлъ на Балканскомъ Востокаѣ.

Исходною точкою этого акта послужили тревожныя вѣсти, полученныя изъ разныхъ городовъ Турціи о возрастающемъ возбужденіи мусульманскаго населенія какъ въ Константинополѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Солунѣ, гдѣ разъяренная толпа турокъ умертвила германскаго и французскаго консуловъ. Три союзные двора настаивали на необходимости общаго соглашенія великихъ державъ относительно отправленія военныхъ судовъ въ турецкія воды для огражденія безопасности какъ своихъ подданныхъ въ Турціи, такъ и мѣстныхъ христіанъ и вообще для поддержанія спокойствія и порядка вооруженною рукою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Но, заявляли они, цѣль эта не можетъ быть достигнута вполне, пока не будетъ устранена первоначальная причина всѣхъ этихъ волненій умпротвореніемъ Босніи и Герцеговины. Напомнивъ о безуспѣшности всѣхъ усилій державъ побудить къ тому Порту, союзные дворы выражали опасеніе, какъ бы возбужденіе національныхъ и религіозныхъ страстей не привело ко всеобщему возстанію христіанъ

Балканскаго полуострова, желаніе предотвратить которое и вызвало посредничество державъ. Средствомъ къ тому императорскіе дворы признавали совокупное давленіе державъ на Порту, чтобы заставить ее исполнять, наконецъ, обязательства, принятія на себя предъ Европой. Первое требованіе, которое слѣдовало предъявить ей «со всею энергіею, приличествующею общему голосу великихъ державъ», есть требованіе двухмѣсячнаго перемирія. Въ этотъ срокъ державы будутъ имѣть возможность повліять на инсургентовъ и на выходцевъ, чтобы вселить въ нихъ довѣріе къ бдительной попечительности Европы, на оба сосѣднія княжества, чтобы побудить ихъ не воздвигать препятствій этой примирительной попыткѣ, наконецъ, и на Оттоманское правительство, чтобы понудить его исполнить свои обѣщанія. Такъ подготовилось бы соглашеніе между христіанами Босніи и Герцеговины и Портою, путемъ прямыхъ переговоровъ, на основаніи желаній, выраженныхъ инсургентами, а именно: 1) выходцамъ, возвратившимся на родину, даны будутъ матеріалы для возстановленія разрушенныхъ церквей и домовъ и обезпечено продовольствіе до тѣхъ поръ, пока они получаютъ возможность существовать плодами трудовъ своихъ; 2) распредѣленіе этихъ пособій будетъ производиться турецкимъ комиссаромъ по соглашенію со смѣшанною комиссіею изъ христіанъ и мусульманъ, составленною изъ выборныхъ лицъ обонхъ исповѣданій подъ предсѣдательствомъ христіанина, для наблюденія за введеніемъ реформъ и ихъ исполненіемъ на дѣлѣ; 3) для устраниенія всякихъ столкновеній, турецкія войска будутъ сосредоточены въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ пунктахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока умы не успокоятся; 4) христіане сохраняютъ оружіе, такъ же какъ и мусульмане; 5) консулы или делегаты державъ будутъ наблюдать за введеніемъ реформъ вообще и въ частности—за условіями возвращенія и водворенія выходцевъ. Въ случаѣ, однако, если бы всѣ эти мѣры не состоялись или не увѣнчались успѣхомъ, три императорскіе двора выражали убѣжденіе въ настоятельной необходимости «поставить ихъ дипломатическое дѣйствіе подъ охрану соглашенія, въ виду дѣйствительныхъ мѣръ, вызванныхъ заботою о поддержаніи всеобщаго мира, дабы остановить зло и воспрепятствовать его развитію» (*Les trois Cours impériales sont d'avis qu'il deviendrait nécessaire d'ajouter à leur action diplomatique la sanction d'une entente, en vue des mesures efficaces qui paraîtraient réclamées dans l'intérêt de la paix générale pour arrêter le mal et en empêcher le développement*)¹.

¹ Берлинскій меморандумъ трехъ императорскихъ дворовъ, 1-го мая 1876 г.

Оставалось обезпечить предположеннымъ втроемъ мѣрамъ содѣйствіе и поддержку прочихъ великихъ державъ. Съ этою цѣлью, 1-го мая, послы Великобританіи, Франціи и Италіи въ Берлинѣ приглашены были къ князю Бисмарку, у котораго собрались также князь Горчаковъ и графъ Андраши. Въ краткомъ вступительномъ словѣ нѣмецкій канцлеръ разъяснилъ посламъ причины, вызвавшія берлинскій съѣздъ трехъ министровъ: необходимость условиться объ общей программѣ дѣйствій, вызванную, съ одной стороны, недостаточностью достигнутыхъ дотолѣ результатовъ, съ другой—приспешіемъ въ Солунѣ и волненіями въ разныхъ мѣстностяхъ Оттоманской Имперіи. Плодомъ совѣщаній министровъ является меморандумъ, отъ принятія котораго прочими державами и Портою они надѣются достигнуть умпротворенія. Послѣ того Бисмаркъ передалъ предсѣдательство въ собраніи князю Горчакову, который пространную рѣчь свою началъ съ заявленія, что ни одна изъ реформъ, обѣщанныхъ Портою, не приведена еще въ исполненіе. Цѣль трехъ императорскихъ дворовъ, — настаивалъ русскій канцлеръ, — остается та же, что и прежде: сохраненіе цѣлости Турецкой Имперіи, но съ серьезнымъ улучшеніемъ участи христіанъ, другими словами: улучшенное status quo. Онъ указалъ на полное согласіе съ нимъ Бисмарка и Андраши относительно какъ цѣли, такъ и средствъ къ ея достиженію, и прибавилъ, что онъ и его сотоварищи, дорожа содѣйствіемъ всѣхъ другихъ великихъ державъ, желаютъ, чтобы не прошло и двадцати четырехъ часовъ со времени подписанія меморандума безъ того, чтобы онъ былъ сообщенъ представителямъ Англіи, Франціи и Италіи, въ надеждѣ, что правительства ихъ не откажутся приступить къ нему. По прочтеніи меморандума барономъ Жомини, послы объявили, что принимаютъ этотъ актъ *ad referendum* и объ окончательномъ рѣшеніи своихъ дворовъ не замедлятъ увѣдомить трехъ министровъ ¹.

¹ Лордъ Одо Руссельъ лорду Дерби, 1-го мая 1876 г.—Въ посмертныхъ своихъ запискахъ Бисмаркъ увѣряетъ, что уступить предсѣдательское кресло Горчакову побудили его слова русскаго канцлера, постоянно повторявшаго, что не можетъ же онъ умереть, не предсѣдательствовавъ ни на одномъ международномъ совѣщаніи. Вообще Бисмаркъ отзывался о Горчаковѣ съ нескрываемою враждебностью и съ ѣдкимъ сарказмомъ, рассказывая—между прочимъ, что, слушая пышную рѣчь его, какъ предсѣдателя совѣщанія, онъ, Бисмаркъ, началъ писать карандашомъ на лежавшемъ передъ нимъ бѣломъ листѣ бумаги: «рошро, рошро, рошр, рош, ро!» Листъ этотъ вырвалъ у него и сохранилъ на память, сидѣвшій возлѣ него англійскій посолъ, лордъ Одо Руссельъ. (*Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck*, II, стр. 105). Кто знаетъ, не было ли это маловажное на видъ обстоятельство одною изъ причинъ, побудившихъ Великобританское правительство не приступать къ изложенному въ берлинскомъ меморандумѣ соглашенію трехъ императорскихъ дворовъ, представлявшемуся весьма непрочнымъ?

Въ тотъ же день императоръ Александръ выѣхалъ въ Эмсъ, куда послѣдовалъ за нимъ князь Горчаковъ и гдѣ онъ оставался до 1-го іюня. Въ эти пять недѣль на Балканскомъ полуостровѣ произошелъ дѣльный рядъ событій, имѣвшихъ чрезвычайно важныя послѣдствія.

Франція и Италія примкнули къ соглашенію трехъ императорскихъ дворовъ и выразили готовность поддержать предъ Портою требованія, изложенныя въ берлинскомъ меморандумѣ¹; Англія отказалась послѣдовать этому примѣру. Напрасно послы русскій, германскій и австрійскій пытались убѣдить министра иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи, что единодушіе всѣхъ великихъ державъ—необходимое условіе успѣха ихъ воздѣйствія на Порту; напрасно въ этомъ смыслѣ высказались и представители въ Лондонѣ Франціи и Италіи. Лордъ Дерби стоялъ на томъ, что берлинскій меморандумъ не можетъ быть одобренъ правительствомъ ея британскаго величества какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ. По формѣ потому, что условія его не были предварительно обсуждены и согласены съ сентъ-джемскимъ дворомъ; по содержанію потому, что онъ, по мнѣнію министра, не поведетъ къ предположенной дѣли. Нельзя—доказывалъ лордъ Дерби—требовать отъ Порты установленія перемирія, когда извѣстно, что Сербія и Черногорія поддерживаютъ возстаніе; нельзя также понуждать ее къ доставленію средствъ на перестройку церквей и домовъ возставшихъ, въ виду истощенія ея казны. Дерби возражалъ и противъ смѣшанной комиссіи изъ мѣстныхъ жителей, и противъ комиссіи изъ консуловъ и делегатовъ державъ, находя, что послѣдняя свела бы власть султана къ нулю. Да наконецъ, по мнѣнію англійскаго министра, инсургенты не пойдутъ ни на какую мировую сдѣлку, какъ только имъ станетъ извѣстно, что въ случаѣ продолженія возстанія послѣдуетъ дѣятельное вмѣшательство державъ. Отправленіе иностранныхъ военныхъ судовъ въ турецкія воды сентъ-джемскій кабинетъ допустить только для защиты европейцевъ, отнюдь не для вмѣшательства въ отношенія оттоманскихъ властей или вообще мусульманъ къ мѣстнымъ христіанамъ².

Между тѣмъ, кровавый переворотъ произошелъ въ Константинополѣ. Ежедневно возростающее возбужденіе мусульманъ привело сначала къ министерской перемѣнѣ: смѣненъ былъ великій визирь Махмудъ-паша, а затѣмъ, не безъ соучастія новыхъ министровъ, принадлежавшихъ къ партіи молодой Турціи, — низло-

¹ Лордъ Одо Руссельъ лорду Дерби, 2-го мая 1876 г.

² Лордъ Дерби лорду Одо Русселю, 7-го мая 1876 г.

женъ и умерщвленъ султанъ Абдуль-Азисъ и провозглашенъ султаномъ племянникъ его, Мурадъ V, который вскорѣ былъ въ свою очередь низложенъ и замѣненъ на оттоманскомъ престолѣ братомъ своимъ, Абдуль-Гамидомъ. Оба султана объявили при воцареніи амнистію возставшимъ своимъ подданнымъ и обѣщали ввести въ Турціи представительную конституцію по западному образцу. Но тогда же обнаружилась возмутительная жестокость, съ которою турки подавили попытки возстанія болгаръ въ окрестностяхъ Филиппополя. Дознаніемъ, произведеннымъ на мѣстѣ секретаремъ великобританскаго посольства въ Константинополь, Берингомъ установлено, что, подъ предлогомъ усмиренія, мусульмане совершили надъ болгарами рядъ неслыханныхъ злодѣйствъ: участники возстанія преданы лютой казни; не пощажены ни старики, ни женщины, ни дѣти; дома и имущества болгаръ разграблены, церкви разрушены, цѣлыя селенія сожжены. Число жертвъ въ одномъ филиппопольскомъ санджакѣ превышало 12,000 ¹.

Вопль негодованія пронесся по всей Европѣ и сильнѣе всего откликнулся въ Англіи. Общественное мнѣніе этой страны было глубоко возмущено турецкими звѣрствами, отвѣтственность за которыя падала до извѣстной степени и на потворствовавшее туркамъ правительство королевы. Вождь партіи виговъ, Гладстонъ, заклеилъ виновниковъ болгарскихъ убійствъ и грабежей въ страстномъ воззваніи къ чувствамъ справедливости и челоуѣколюбія старой Англіи и всего образованнаго міра. Въ брошюрѣ, озаглавленной: «Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ», онъ настаивалъ на совершенномъ изъятіи изъ-подъ турецкаго управленія Болгаріи, Босніи и Герцеговины. Полное освобожденіе этихъ областей отъ мусульманскаго ига—доказывалъ онъ—составляетъ единственное удовлетвореніе, которое можно еще дать памяти груды убиенныхъ, поруганной и посрамленной цивилизаціи, законамъ Бога и если угодно—Аллаха, наконецъ нравственному разуму челоуѣчества. Подъ впечатлѣніемъ возбужденія, вызваннаго въ Англіи воззваніемъ Гладстона, предсѣдательствуемый лордомъ Биконсфилдомъ сентябрьскій кабинетъ потребовалъ отъ Порты строгаго наказанія властей, руководившихъ усмиреніемъ болгарскаго возстанія, настаивая на необходимости немедленно ввести во всей Оттоманской Имперіи возвѣщенные Портою коренныя реформы ².

Въ виду всѣхъ этихъ событій, опереженный ими берлинскій меморандумъ вовсе не былъ сообщенъ турецкому правительству. Же-

¹ Довесенія Беринга великобританскому послу въ Константинополь, 10-го іюля и 24-го августа 1876 г.

² Лордъ Дерби сэру Генри Эллиоту, 9-го сентября 1876 г.

дая воспользоваться негодованіемъ противъ турокъ, проявившимся во всѣхъ слояхъ англійскаго общества, князь Горчаковъ счелъ своевременнымъ возобновить переговоры о соглашеніи съ Англіею по Восточному вопросу. Изъ Эмса онъ написалъ къ русскому послу въ Лондонъ депешу, въ которой повторилъ увѣреніе, что Россія не имѣетъ въ виду ничего иного, какъ положить конецъ смутамъ на Балканскомъ полуостровѣ и предупредить въ Турціи всеобщую свалку (*une conflagration générale*). «Такъ же какъ и г. Дизраели»,— писалъ онъ,—«мы не вѣримъ въ безконечное продолженіе аномальнаго безпорядка вещей, представляемаго Оттоманскою Имперіею. Но ничто еще не готово для того, чтобы замѣнить его и внезапное его паденіе рисковало бы потрясти Востокъ и Европу. Вотъ почему желательно поддержать политическое *status quo* дѣйствительнымъ улучшеніемъ участи христіанскаго населенія, каковое улучшеніе мы всегда считали, считаемъ и теперь, необходимымъ условіемъ существованія Оттоманской Имперіи». Канцлеръ перечислялъ всѣ свои прошлыя усилія, чтобы достигнуть этого результата общимъ и дружнымъ давленіемъ христіанскихъ державъ на Порту и, выражая сожалѣніе объ отказѣ Англій приступить къ берлинскому меморандуму, отсутствію единодушія въ европейскихъ кабинетахъ приписывалъ происшедшій на Востокъ взрывъ. «Нынѣ»,—продолжалъ онъ,—«предъ нами новое положеніе, которое трудно еще опредѣлить. Въ сущности, совершившаяся въ Константинополѣ перемѣна не представляется намъ измѣняющею въ главныхъ чертахъ задачу, присущую Европѣ. Мы находимъ, что и теперь, какъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ, нѣтъ повода желать, чтобы на Востокѣ вспыхнулъ окончательный кризисъ, такъ какъ обстоятельства недостаточно созрѣли еще для такого рѣшенія. Съ другой стороны, Европа не можетъ оставаться безучастною къ этимъ важнымъ событіямъ, которыя слишкомъ близко касаются ея, ни позволить имъ идти своимъ естественнымъ ходомъ. Ей остается лишь возобновить свои миротворныя усилія. Если лондонскій кабинетъ имѣетъ въ виду средства, пригодныя къ достиженію этой цѣли, либо на предложенныхъ уже основаніяхъ, либо путемъ болѣе коренныхъ рѣшеній, не вызывая однако всеобщаго столкновенія, мы готовы принять всякую мысль, сообщенную намъ съ искреннимъ желаніемъ соглашенія»¹.

Еще ранѣе полученія въ Лондонѣ этой депеши, графъ Шуваловъ выразилъ лорду Дерби сожалѣніе о томъ недовѣрїи, съ которымъ привыкли относиться въ Англїи къ намѣреніямъ русскаго

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 2-го іюня 1876 г.

правительства, прибавивъ, что прошлое императора Александра должно было бы служить достаточнымъ ручательствомъ его миролюбія. Англійскій министръ отвѣчалъ, что никто и не сомнѣвается въ желаніи русскаго государя поддержать миръ; что всѣмъ хорошо извѣстно, что его величество по принципу является противникомъ воинственной политики, но что, къ несчастію, слова и поступки русскіхъ агентовъ на Востокѣ не всегда соответвуютъ личнымъ взглядамъ императора и что ни для кого не тайна—всеобщее сочувствіе, питаемое въ Россіи къ восточнымъ христіанамъ. На вопросъ русскаго посла: чего хочетъ, къ какой цѣли стремится англійская политика, лордъ Дерби объяснилъ, что переговоры, которые все еще ведутъ инсургенты съ Портою, приведутъ къ одному изъ двухъ результатовъ: или къ соглашенію, которое сдѣлаетъ ненужнымъ вмѣшательство державъ, или къ окончательному разрыву, который министръ признавалъ болѣе вѣроятнымъ. Но и въ этомъ случаѣ, по мнѣнію его, вмѣшательство державъ можетъ быть дѣйствительнымъ лишь подъ условіемъ принятія противъ Турціи понудительныхъ мѣръ, а на нѣхъ ни за что не согласится великобританское правительство. Инсургенты—продолжалъ лордъ—сражаются не ради административныхъ реформъ, а изъ-за независимости или автономіи, а Порта, хотя и согласна на реформы, болѣе или менѣе посторонняя, но, конечно, не дастъ инсургентамъ автономіи иначе, какъ по принужденію. Такимъ образомъ, обоюдныя притязанія несогласуемы по существу и едва ли, поэтому, обѣ стороны могутъ придти къ соглашенію. Державамъ, заключилъ лордъ Дерби, не остается ничего иного, какъ выждать исхода борьбы. Если туркамъ не удастся умирить возстаніе, то, быть можетъ, султанъ и согласится признать Боснію и Герцеговину автономными областями, даровавъ имъ устройство, сходное съ тѣмъ, что существуетъ въ Сербіи или Румыніи; а если, напротивъ, потерпятъ поражение инсургенты, то они, въ свою очередь, выкажутъ большую податливость и примутъ организацію, сходную съ тою, что была дарована крѣтянамъ послѣ возстанія 1866—68 годовъ. Во всякомъ случаѣ, недалеко то время, когда державы могутъ вмѣшаться въ дѣло съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, но оно еще не наступило ¹.

Ознакомясь съ этимъ взглядомъ англійскаго министра, князь Горчаковъ поручилъ графу Шувалову передать ему свое возраженіе. Императоръ Александръ, сообщалъ канцлеръ, узналъ съ удовольствіемъ, что правительство королевы раздѣляетъ его мнѣніе

¹ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 2-го іюня 1876 г.

объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на великія державы положеніемъ дѣлъ на Востокъ. Его величество увѣренъ, что не трудно европейскимъ кабинетамъ придти къ соглашенію относительно общихъ мѣръ къ удовлетворительному разрѣшенію существующихъ усложненій. Государь радъ былъ ознакомиться со взглядами сентъ-жемскаго двора и повелѣлъ князю Горчакову отвѣчать на нихъ съ полною откровенностью. Съ русской точки зрѣнія, всякое столкновение христіанъ съ мусульманами затрогиваетъ честь христіанскихъ державъ и не позволяетъ имъ относиться къ нему безучастно. Поэтому русскій дворъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ лордомъ Дерби, что имъ слѣдуетъ уклониться отъ вмѣшательства, пока борьба инсургентовъ съ турками не приведетъ къ какому либо исходу. С.-Петербургскій кабинетъ придерживается какъ разъ противоположнаго мнѣнія, находя, что державы обязаны сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, чтобы предупредить фанатическую истребительную войну, въ видахъ какъ общаго человѣколюбія, такъ и частныхъ своихъ интересовъ. Послѣдствія такой войны были бы неисчислимы. Они погубили бы и побѣдителей, и побѣжденныхъ и задушили бы въ зародышѣ будущее благосостояніе края, отъ водворенія въ которомъ гражданственности Европа могла бы только выиграть. Съ этою цѣлью, объяснялъ князь Горчаковъ, Россія старалась вызвать соглашеніе всѣхъ великихъ державъ. Наперекоръ возрастающему стремленію каждой изъ нихъ придерживаться начала невмѣшательства, русскій дворъ полагаетъ, что долго еще придется Европѣ проводить свое вліяніе на Востокъ съ цѣлью умѣрять приходящія въ столкновеніе страсти и направлять мѣстныя населенія по пути мирнаго порядка и преуспѣянія. Задача эта не недостижима, если только заинтересованныя правительства дружно примутся за ея разрѣшеніе. Что же касается мѣръ, вызываемыхъ настоящими обстоятельствами, то канцлеръ соглашался съ лордомъ Дерби, что лучшими изъ нихъ будутъ тѣ, которыя окажутся наиболѣе практичными, а потому русскій дворъ склоняется въ пользу основанія вассальныхъ и платящихъ султану дань автономныхъ княжествъ. Такое разрѣшеніе вопроса не измѣнитъ политическаго и территориальнаго status quo Турціи и только облегчитъ бремя, истощающее нынѣ ея финансовыя средства. Планъ, на который недавно изъявила согласіе свое Россія, косвенно клонился къ той же цѣли, но можетъ быть лучше было бы установить яснѣе основное начало. Этотъ исходъ былъ бы, по мнѣнію князя Горчакова, еще полнѣе, если бы Порта уступила Черногоріи гавань на морѣ и нѣсколько сопредѣльныхъ съ нею округовъ въ Герцеговинѣ, а Сербія отдала Малый Зворникъ. Такимъ образомъ, оба

эти княжества были бы заинтересованы въ поддержаніи мирныхъ отношеній къ Турціи и создалось бы удовлетворительное положеніе для всѣхъ. Державамъ осталось бы только обезпечить его соблюденіе съ обѣихъ сторонъ. Русское правительство не намѣрено производить давленія на Порту, но если вышеизложенные виды были бы поддержаны всѣми державами и въ особенности Англіею, то и Россія поддержала бы ихъ. Всякіе иные компромиссы нашъ канцлеръ признавалъ недостаточными. Онъ опасался, какъ бы организація подобная той, что введена на островѣ Критѣ, не была признана инсургентами Босніи и Герцеговины неудовлетворительною, а если турки одолбютъ христіанъ, то они не согласятся и на такую уступку. Тогда неизбежнымъ явится европейское вмѣшательство, чтобы не допустить поголовнаго истребленія христіанъ. Не лучше ли прибѣгнуть къ нему нынѣ же, не доводя дѣла до такой крайности? Пора обсудить этотъ вопросъ. Русскій дворъ, хотя и не питаетъ слишкомъ много довѣрія къ молодому султану, находящемуся подъ вліяніемъ окружающей его среды, но считаетъ его намѣренія добрыми и готовъ дать ему время, нужное для ихъ осуществленія. Россія согласна отложить на неопредѣленный срокъ всякое совокупное дѣйствіе, но не хочетъ связывать себя общаніемъ воздержаться отъ вмѣшательства каждыя три или четыре недѣли. Отъ державъ будетъ зависѣть опредѣлить время общаго дѣйствія, какъ только выяснится предъ ними программа новаго турецкаго правительства, а до тѣхъ поръ онѣ поступятъ благоразумно, воспользовавшись промежуткомъ, чтобы придти между собою къ полному соглашенію ¹.

Таковы были русскія предложенія, сообщенныя одновременно въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Цѣлью дипломатическаго вмѣшательства Европы князь Горчаковъ ставилъ постепенное образованіе изъ христіанскихъ областей Оттоманской Имперіи вассальныхъ, но автономныхъ княжествъ, съ номинальнымъ лишь подчиненіемъ власти султана. Противъ такого рѣшенія горячо возсталъ графъ Андранш. Онъ рѣшительно отвергалъ автономію, въ особенности въ примѣненіи къ Босніи и Герцеговинѣ, утверждая, что она привела бы не къ замрзненію этихъ областей, а къ увѣковѣченію въ нихъ борьбы между мѣстными христіанами и мусульманами, которые, по живописному выраженію графа, подобно двумъ львамъ, не прекратили бы ее до тѣхъ поръ, пока отъ cadaго осталось бы только по хвосту. Отвергалъ онъ и присоединеніе Босніи къ Сербіи и Герцеговины къ Черногоріи, а такъ какъ турецкое господство въ нихъ

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, Убри и Новикову, 7-го іюня 1876 г.

въ настоящемъ видѣ признавалось имъ также невозможнымъ, то онъ снова возвращался къ своему излюбленному проекту реформъ, не безъ затаенной мысли, что когда и эти послѣднія окажутся неосуществимыми, то ничего не останется иного, какъ занять «тыльныя» области монархіи австро-венгерскими войсками, а впоследствии, при удобномъ случаѣ, и включить ихъ въ составъ ея владѣній. Мысль эта, конечно, не была досказана въ сообщеніяхъ дворамъ петербургскому и лондонскому. Россію Андраши увѣрялъ въ своемъ безкорыстїи и выражалъ ей желаніе дѣйствовать не иначе, какъ по соглашенію съ нею; англійскому же правительству заявлялъ, что всякое предложеніе державъ, которое вышло бы изъ предѣловъ выработаннаго имъ плана преобразованій, непременно поведетъ къ слѣдующимъ послѣдствіямъ: оно вызоветъ несомнѣнный отпоръ Порты, что усилитъ вѣсъ и значеніе въ Константинополѣ партіи фанатиковъ-мусульманъ; съ другой стороны, инсургенты возвысятъ свои требованія; наконецъ, движеніе изъ Босніи и Герцеговины распространится на всѣ прочія области Оттоманской Имперіи. По всѣмъ этимъ причинамъ, Андраши полагалъ, что лучше предоста-вить событіямъ выяснить положеніе, прежде чѣмъ выступать съ новымъ дипломатическимъ посредничествомъ, которое не можетъ имѣть успѣха и только скомпрометируетъ будущую политику державъ. Австро-венгерскій министръ присовокуплялъ, что это только его личное мнѣніе, еще не утвержденное императоромъ Францомъ-Иосифомъ; но увѣрялъ, что не желаетъ сдѣлать ни единого шага, не посоветовавшись съ лондонскимъ дворомъ, и съ удовольствіемъ узнаетъ о его соглашеніи съ Россіей, такъ какъ, хотя Австрія и болѣе всѣхъ другихъ державъ заинтересована въ дѣлѣ, но она не станетъ воздвигать препятствій согласію, которое могло бы установиться между кабинетами русскимъ и британскимъ¹.

На вызовъ князя Горчакова не замедлилъ дать отвѣтъ и лордъ Дерби. Правительство королевы,—сообщилъ онъ въ нотѣ русскому послу,—не можетъ присоединиться къ мнѣнію, что возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ вызвано притѣсненіями турокъ. Христіанское населеніе этихъ областей борется не изъ-за реформъ, а изъ-за независимости, и никакія частныя улучшенія ихъ не удовлетворяютъ. Лондонскій кабинетъ не думаетъ также, чтобы иностранныя правительства могли выработать планъ реформъ, пригодныхъ для турецкихъ областей. Такой планъ можетъ быть составленъ только въ общихъ выраженіяхъ и при примѣненіи къ дѣлу непременно

¹ Лордъ Дерби сѣру А. Буханану, 10-го и 11-го іюня, и графъ Андраши графамъ Кароли и Бейсту, 15-го іюня 1878 г.

окажется несостоятельнымъ. Англія готова была бы содѣйствовать примиренію Порты съ Черногоріей и съ Сербіей, даже цѣною нѣкоторыхъ уступокъ послѣднимъ, но нельзя совѣтовать султану эти уступки въ такое время, когда вполне выяснилось намѣреніе обонхъ княжествъ объявить Турціи войну. Быть можетъ, не поздно еще предостеречь ихъ отъ опасныхъ для нихъ послѣдствій неравной борьбы, въ особенности русскому правительству, вліяніе котораго такъ сильно въ Бѣлградѣ и въ Цетиньѣ. Лордъ Дерби выразилъ убѣжденіе, что если такое предостереженіе послѣдуетъ въ тонѣ, не допускающемъ никакихъ сомнѣній, если Сербіи и Черногоріи будетъ объявлено, что, въ случаѣ неудачи ихъ попытокъ расширить свои предѣлы насчетъ Турціи, сами онѣ не должны рассчитывать на покровительство державъ и огражденіе ихъ отъ послѣдствій пораженія, если, наконецъ, прекратится возбужденіе возставшихъ областей извнѣ подстрекательствомъ и помощью славянскихъ комитетовъ, то дѣло умиротворенія совершится просто и легко. Въ этомъ направленіи великобританское правительство готово дѣйствовать въ тѣсномъ согласіи съ русскимъ дворомъ¹.

Начатый въ Эмсѣ обмѣнъ мыслей съ дворами лондонскимъ и вѣнскимъ продолжался и въ Югенгеймѣ, куда императоръ Александръ прибылъ въ половинѣ іюня и гдѣ посѣтилъ его императоръ Вильгельмъ, проведеній съ нимъ и три послѣдніе дня пребывания его въ Эмсѣ. 20-го іюня пришло извѣстіе о заключеніи между Черногоріей и Сербіей наступательнаго и оборонительнаго союза и объ объявленіи войны Турціи обонми союзными княжествами. Сербское войско, подъ главнымъ начальствомъ генерала Черняева, вторглось въ турецкіе предѣлы одновременно съ трехъ сторонъ, а князь Николай ввелъ своихъ черногорцевъ въ южную Герцеговину.

25-го іюня государь выѣхалъ изъ Югенгейма и, проведя вечеръ въ Веймарѣ, на другое утро, встрѣченный въ Эгерѣ императоромъ Францомъ-Иосифомъ, вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ замокъ Рейхштадтъ, въ Богеміи. Тамъ между обонми монархами, которыхъ сопровождали ихъ министры иностранныхъ дѣлъ, состоялось совѣщаніе, обнимавшее политическіе вопросы настоящаго и будущаго. Съ общаго согласія рѣшено было въ войнѣ сербовъ и черногорцевъ съ Турціей строго придерживаться начала невмѣшательства до той минуты, пока перевѣсъ не окажется въ пользу одной изъ воюющихъ сторонъ, и тогда сообща согласовать результаты войны съ интересами обѣихъ имперій. Въ случаѣ пораженія Сербіи и Черногоріи, условлено не допускать ни измѣненія отношеній двухъ кня-

¹ Лордъ Дерби графу Шувалову, 17-го іюня 1876 г.

жествъ къ Портѣ, ни посягательства послѣдней на ихъ земельную цѣлость; въ случаѣ же ихъ военныхъ успѣховъ, императоръ Францъ-Иосифъ заявилъ, что огражденіе жизненныхъ интересовъ его монархіи не позволитъ ему согласиться на образованіе за Дунаемъ единого и сплоченнаго государства, славянскаго или иного, и что всякое измѣненіе территоріальнаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ вынудитъ его потребовать земельного вознагражденія (compensation) въ пользу Австро-Венгрии въ Босніи и въ части Герцеговины. Императоръ Александръ не оспаривалъ этого притязанія и, со своей стороны, выразилъ намѣреніе предъявить въ такомъ случаѣ права Россіи на участокъ Бессарабіи, прилегающій къ Дунаю и отторгнутый отъ нея по парижскому договору 1856 года. Оба государя обмѣнялись обѣщаніемъ дѣйствовать въ восточныхъ дѣлахъ не иначе, какъ по предварительному уговору другъ съ другомъ во всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не исключая и окончательнаго распаденія Оттоманской Имперіи. Въ послѣднемъ случаѣ предполагено изъ Болгаріи, Албаніи и остальной части Румелии образовать автономныя княжества; Фессалію, Эпиръ и островъ Критъ присоединить къ Греціи; Константинополь же съ ближайшею его окруженностью (banlieue) объявить вольнымъ городомъ. Взаимныя обязательства монарховъ не были занесены въ протоколъ, а только записаны, со словъ обонухъ министровъ, присутствовавшихъ при свиданіи, русскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ. Отобѣдавъ въ Рейхштадтѣ, императоръ Александръ отправился въ дальнѣйшій путь. Императоръ Францъ-Иосифъ провожалъ своего августѣйшаго гостя до пограничнаго города Боденбаха въ Саксоніи. 28-го іюня государь былъ уже въ Петергофѣ.

Въ Россіи, съ самаго начала возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, общественное мнѣніе высказалось въ пользу возставшихъ. Славянскіе благотворительные комитеты въ Петербургѣ и въ Москвѣ собирали обильныя приношенія и доставляли ихъ на мѣсто чрезъ своихъ агентовъ. Независимо отъ денежной помощи, они организовали помощь врачебную для раненыхъ и больныхъ пинсургентовъ, снабжали выходцевъ, удалившихся въ сопредѣльныя славянскія области Черногоріи, Сербіи и Австро-Венгрии, пищею и одеждою. По мѣрѣ того, какъ разрасталось возстаніе, росло и сочувствіе русскаго общества къ братьямъ-славянамъ, жертвамъ турецкой жестокости. Когда же сербы и черногорцы вступили въ борьбу съ Турціею, провозгласивъ цѣлью ея освобожденіе всѣхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Балканскаго полуострова отъ мусульманскаго ига, всеобщее одушевленіе широкою волной разлилось по всей Россіи. Всѣ сословія, званія и состоянія, не говори

уже объ отдѣльныхъ лицахъ, соревновали одно съ другимъ въ щедрыхъ пожертвованіяхъ. Хотя министерство внутреннихъ дѣлъ и сдѣлало распоряженіе о воспрещеніи земствамъ удѣлять въ помощь южнымъ славянамъ земскія суммы, но сборы въ ихъ пользу производились въ церквахъ, по благословенію духовнаго начальства, путемъ подписокъ, постановленій чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ о вычетѣ на обще-славянское дѣло извѣстнаго процента изъ получаемаго ими содержанія. Всѣ эти приношенія стекались въ Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, принявшее на себя доставленіе и раздачу ихъ по принадлежности или прямо въ канцелярію императрицы Маріи Александровны, августѣйшей попечительницы Общества. Русскій Красный крестъ первый снарядилъ и отправилъ въ Черногорію и Сербію санитарные отряды, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Примѣру его не замедлили послѣдовать Петербургъ, Москва, бѣольшая часть провинціальныхъ городовъ. При отправленіи на театръ военныхъ дѣйствій врачей, сестеръ милосердія, происходили торжественные проводы, служились молебны о испосланіи побѣды славянскому оружію, съ возглашеніемъ многолѣтія архистратигамъ славянскихъ силъ, проносились пламенные рѣчи, совершались возліанія, провозглашались здравицы. Газеты и журналы громили и клеймили на своихъ столбцахъ варваровъ-гурокъ и пѣли хвалебные гимны вождямъ и воинамъ христіанской рати, пророча первымъ пораженіе и гибель, обѣщая вторымъ—скорую и полную побѣду и одолѣніе надъ противниками. Наконецъ, толпы добровольцевъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ простыхъ солдатъ, офицеровъ и даже генераловъ, покинувшихъ службу, стремились въ Сербію и Черногорію, чтобы стать въ ряды бойцовъ за славянское дѣло и принять участіе въ освободительномъ ихъ подвигѣ.

Вся Россія соединилась въ одномъ великодушномъ порывѣ: придти на помощь славянскимъ братьямъ и содѣйствовать ихъ освобожденію. Общественное движеніе было такъ сильно, до того проникло во всѣ слои и круги, не исключая и высшихъ, до самаго подножія престола, что немногіе противорѣчивые голоса раздавались втунѣ, никѣмъ неуслышанные. Такъ, маститый ветеранъ русской мысли и слова, князь П. А. Вяземскій занесъ въ письмо къ близкому свойственнику тщетныя предостереженія, скоро оказавшіяся пророческими. «Все, что дѣлается по Восточному вопросу»—писалъ онъ—«настоящій и головоломный кошмаръ. Правительства не видать и не слышать; а на сценѣ * и ** съ компанією. Они распоряжаются судьбами Россіи и Европы. Если правительство съ ними, то дѣлается слишкомъ мало; если не съ ними—то

черезчуръ много. Тутъ нѣтъ ни политическаго достоинства, ни политической добросовѣстности, нѣтъ и благоразумія. Всѣ плотины прорваны и потокъ бешуетъ и разливается во всѣ стороны; многое затопитъ онъ. Правительства не должны увлекаться сентиментальными упоеніями: они должны держаться принциповъ. Безъ принциповъ, правительство играетъ въ жмурки, да я и не вѣрю въ глубину и сознательность нынѣшняго народнаго движенія... Народъ не можетъ желать войны, а по недосмотрительности своей ведетъ къ войнѣ. Война теперь можетъ быть для насъ не только вредъ, но и гибель. Она можетъ наткнуться на государственное банкротство. У насъ, какъ у французовъ, нѣтъ въ жилетномъ карманѣ милліардовъ, не говоря уже о другихъ худыхъ послѣдствіяхъ войны... Видѣть Россію въ рукахъ * и **—страшно и грустно. За ними не видать правительства, qui ne dit mot consent. Слѣдовательно, правительство молча потакаетъ этой политической неурядицѣ и горько можетъ поплатиться за нее... Хороши и сербы! Россія стряхнула съ себя татарское иго, а послѣ наполеоновское своими руками, а не хныкала и не попрошайничала помощи у сосѣдовъ. Неужели мы своими боками кровью своею, можетъ быть будущимъ благоденствіемъ своимъ, должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали? Сербы—сербамъ, а русскіе—русскимъ. Въ томъ-то и главная погрѣшность, главное недоразумѣніе наше, что мы считаемъ себя болѣе славянами, чѣмъ русскими. Русская кровь у насъ на заднемъ планѣ, а впереди—славянолюбіе. Единовѣрчество тутъ ничего не значитъ. Французы тоже единовѣрцы съ поляками. А что говорили мы, когда французы вступались за мятежныхъ поляковъ? Религіозная война хуже всякой войны и есть аномалія, анахронизмъ въ наше время. Турки не виноваты, что Богъ создалъ ихъ магометанами, а отъ нихъ требуютъ христіанскихъ, евангельскихъ добродѣтелей. Это нелѣпо. Высылайте ихъ изъ Европы, если можете, или окрестите ихъ, если умѣете; если нѣтъ, то оставьте ихъ и Восточный вопросъ въ покоѣ, до поры и до времени. Восточный вопросъ очень легокъ на подъемъ и мы очень любимъ подымать его; но не умѣемъ поставить на ноги и давать ему правильный ходъ. Когда Наполеонъ III поднялъ итальянскій вопросъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ поднялъ и двухсотъ-тысячную армію и въ три недѣли побилъ и разгромилъ Австрію. А мы дразнимъ и раздражаемъ, и совершенно безсовѣстно, Турцію, * и ** санитарными отправленіями при барабанномъ боѣ, шампанскомъ и разныхъ крикахъ, чуть ли не въ присядку, съ бубнами и ложками. Все это недостойно величія Россіи... Много виновато и Общество покровительства раненымъ. Изъ христіанскаго и евангельскаго подвига они сдѣлали machine

de guerre. Крестъ Спасителя обратили въ пушку и стрѣляютъ изъ креста. Все это неправильно, недобросовѣстно, просто нечестно. И изъ чего подымаютъ всю эту тревогу, весь этотъ гвалтъ? Изъ чего такъ разнуздали и печать, и шайки разныхъ проходимцевъ?.. Изъ чего, того и смотри, загорится вся Европа и распространится всеобщая война? Ужели думаютъ, что Россія окрѣпнетъ силою возстановленныхъ славянскихъ племенъ? Нисколько, а напротивъ. Мы этимъ только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательство и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги. «Il est grand, il est beau de faire des ingrats!» Это говоритъ поэзія, а политика не то говоритъ. Лучше имѣть для насъ сбоку слабую Турцію, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную демократическую Славянію, которая будетъ насъ опасаться, но любить насъ не будетъ. И когда были намъ въ пользу славяне? Россія для нихъ—дойная корова и только. А всё сочувствія ихъ уклоняются къ Западу. А мы даемъ донть себя и до крови... Сохраните письмо мое... Хочу, чтобы потомство удостовѣрилось, что въ пьяной Россіи раздавались кое-какіе трезвые голоса».

Тотчасъ по возвращеніи въ столицу, императоръ Александръ совершилъ въ первыхъ числахъ іюля, съ супругою и младшими дѣтьми, поѣздки въ Финляндію и затѣмъ принималъ въ Петергофѣ парственныхъ гостей: короля и королеву датскихъ, короля и королеву эллиновъ, принца и принцесу пьемонтскихъ. Обычный лагерный сборъ въ Красномъ Селѣ ознаменованъ слѣдующимъ, памятнымъ для гвардіи, происшествіемъ.

30-го іюля, послѣ общаго односторонняго манѣвра, за которымъ государь, вся царская семья и августѣйшіе гости наблюдали съ высотъ Павловской слободы, императоръ, подойдя къ л.-гв. Павловскому полку, напомнилъ, что ровно 50 лѣтъ тому назадъ онъ въ этотъ самый день, еще семилѣтнимъ ребенкомъ, былъ поставленъ незабвеннымъ родителемъ во фронтъ этого полка, коего назначенъ шефомъ, и объявилъ, что теперь онъ, такимъ же образомъ, ставитъ во фронтъ л.-гв. Павловскаго полка своего старшаго семилѣтняго внука. Съ этими словами, взявъ за руку великаго князя Николая Александровича, бывшаго въ мундирѣ Павловскаго полка, государь поставилъ его во фронтъ роты его величества, причемъ самъ командовалъ ротѣ «на-краулъ!» Полкъ отвѣчалъ дружнымъ и громкимъ «ура!» Послѣ этого императоръ пригласилъ павловскихъ офицеровъ въ царскій шатеръ и возгласилъ тостъ въ честь полка, на который полковой командиръ отвѣчалъ тостомъ за здоровье августѣйшаго шефа. Красносельскіе манѣвры завершились высочайшимъ смотромъ, по окончаніи котораго государь, собравъ

вокругъ себя офицеровъ, сказалъ имъ, что ему дорога честь Россіи, что успіямъ его удалось доселѣ сохранить миръ, что самъ онъ желаетъ мира, но—прибавилъ онъ—если задѣта будетъ честь страны, то онъ полагается на вѣрную и храбрую армию. Царскія слова встрѣчены съ необычайнымъ одушевленіемъ. Громовое «ура!» пронеслось по всѣмъ рядамъ и не смолкало въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

Сильное впечатлѣніе произвели на чувствительное сердце императора Александра подробности о возмутительномъ звѣрствѣ, съ которымъ подавили турки зарождавшееся возстаніе въ Болгаріи. Тогда рѣшилъ онъ потребовать отъ Порты для болгаръ тѣхъ же правъ, что были уже потребованы отъ нея въ пользу босняковъ и герцеговинцевъ. Заявляя о томъ великобританскому послу, князь Горчаковъ выразилъ надежду, что вся англійская нація исполнится негодованія противъ турокъ и станетъ на сторону христіанъ. Хотя первые успѣхи сербовъ скоро смѣнились пораженіями и сербскія войска уже были вынуждены отступить внутрь границъ княжества, но русскій канцлеръ, повидимому, питалъ еще надежду на успѣшный исходъ борьбы ихъ съ Турціей, замѣчая, что они обладаютъ большою оборонительною силою и что побѣды, одержанныя черногорцами, до извѣстной степени возмѣщаютъ сербскія неудачи. Князь Горчаковъ не терялъ изъ виду европейскаго внимательства въ дѣло. По словамъ его Россія не возьметъ на себя почина, но охотно присоединится къ предложенію другихъ державъ созвать конференцію, когда настанетъ для того время, на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: что мѣстомъ конференціи не будетъ столица ни одной изъ великихъ державъ и что засѣдать въ ней будутъ министры иностранныхъ дѣлъ, которые властны принимать самостоятельныя рѣшенія, не ожидая инструкцій отъ своихъ правительствъ. Предложить конференцію должна Англія. Что же касается до Австро-Венгріи, то канцлеръ утверждалъ, что по вопросу объ умиротвореніи Востока онъ достигъ полного согласія съ графомъ Андраши по всѣмъ пунктамъ и на всѣ случайности¹.

На дѣлѣ, впрочемъ, это было не совсѣмъ такъ и высказанная княземъ Горчаковымъ увѣренность въ полномъ единомысліи съ графомъ Андраши являлась только самообольщеніемъ. Сдержанный съ Англією, нашъ канцлеръ повѣдалъ вѣнскому двору свою программу для скорѣйшаго возстановленія мира на Балканскомъ полуостровѣ, сводившуюся къ двумъ пунктамъ: перемиріе отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ между Сербією и Черногорією съ одной сто-

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 3-го августа 1876 г.

роны и Портою съ другой и затѣмъ собраніе обще-европейской конференціи для окончательнаго разрѣшенія вопроса объ условіяхъ мира между воюющими странами и дѣйствительнаго улучшенія участи христіанскаго населенія Босніи, Герцеговины и Болгаріи. Передавая эту программу австрійскому послу при русскомъ дворѣ барону Лангенау для сообщенія ея графу Андраши, князь Александръ Михайловичъ сказалъ: при настоящихъ обстоятельствахъ необходима ясность. Тогда же самъ государь замѣтилъ тому же дипломату: «Теперь болѣе чѣмъ когда либо мы должны держаться другъ за друга».

Противъ русской программы австро-венгерскій министръ не замедлилъ предъявить вѣскія возраженія. Двухъ или трехмѣсячное перемиріе онъ находилъ слишкомъ продолжительнымъ. Оно будетъ вредно для воюющихъ сторонъ и только помѣшаетъ дѣлу умиротворенія. Главное же его неудобство то, что при настоящихъ обстоятельствахъ и Сербія и Черногорія пріяняли бы умѣренныя условія мира, но долгое перемиріе и надежда на конференцію сдѣлали бы ихъ болѣе требовательными. По всѣмъ этимъ причинамъ, перемиріе должно быть заключено на болѣе краткій срокъ. Что же касается до созванія конференціи, то она представлялась Андраши совершенно не достигающею цѣли. Въ ней является нужда лишь, когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи результатовъ войны при заключеніи мира. Но вѣдь настоящая война двухъ славянскихъ княжествъ съ Портою не создала новаго порядка вещей. До ея начала еще можно было убѣдить Порту согласиться на существенныя перемѣны въ управленіи ея христіанскими областями. Но теперь, когда она является побѣдительницею въ борьбѣ, нельзя идти далѣе реформъ, предложенныхъ Австро-Венгріею въ 1875 году и подтвержденныхъ въ Берлинѣ и въ Рейхштадтѣ. Все, на что можно надѣяться теперь, это—починка какъ нибудь и на скорую руку (replâtrage). «Въ самомъ дѣлѣ» — разсуждалъ Андраши — «слишкомъ ясно, что порядокъ вещей, который одинъ только можетъ произойти изъ настоящаго положенія, не удовлетворитъ никого: ни мусульманъ, ни христіанъ, ни Россію, ни насъ. Сверхъ того, — говоря откровенно, — я боюсь приговора исторіи надъ конференціею, которая открылась бы подъ такими предзнаменованіями. Потомство хотя и платитъ дань справедливости добрымъ намѣреніямъ, но всегда строго осуждаетъ совокупныя дѣйствія Европы, когда ими не создается положенія прочнаго». Впрочемъ если русскій дворъ будетъ настаивать на конференціи, то Австро-Венгрія приметъ въ ней участіе, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы, согласно обязательствамъ, принятымъ на себя тремя импера-

торскими дворами въ Берлинѣ и въ Рейхштадтѣ, они передъ конференціею стоворились бы относительно общей программы. Безъ этого, самое соглашеніе трехъ императоровъ распалось бы въ глазахъ всей Европы.

Самъ Андраши предлагалъ слѣдующій *modus procedendi*: перемиріе не болѣе какъ на одинъ мѣсяць, въ теченіе котораго великія державы установятъ основанія мира. Они легко придутъ къ соглашенію, если такое состоится предварительно между тремя союзными имперіями, на слѣдующихъ условіяхъ: для Сербіи—сохраненіе ея земельной цѣлости и устраненіе притязанія Порты на занятіе нѣкоторыхъ сербскихъ крѣпостей; для Черногоріи—исправленіе границы въ ея пользу; для возставшихъ областей—реформы по австрійской программѣ 1875 года, обезпеченныя ручательствами предложенными въ берлинскомъ меморандумѣ. Таково было, по мнѣнію австро-мадьярскаго министра, вѣрнѣйшее средство если и не достигнуть радикальнаго и окончательнаго рѣшенія, то все же прекратить кровопролитіе и возстановить миръ ¹.

Но и эта «умѣренная» программа не изобличила предъ русскою дипломатіею истинныхъ видовъ вѣнскаго двора въ восточномъ кризисѣ. Въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ радовались, что Австро-Венгерія не только не препятствовала, но какъ бы покровительствовала возстанію въ сопредѣльныхъ съ нею турецкихъ областяхъ, выражала сочувствіе къ страданіямъ христіанъ, призрѣла тѣхъ изъ нихъ, что искали убѣжища въ ея предѣлахъ; но вовсе не принимали въ соображеніе сопротивленія ея всякому предложенію, клонившемуся къ дарованію Босніи и Герцеговинѣ политической автономіи, не говоря уже о раздѣлѣ ихъ между Сербіею и Черногоріею. Вмѣняли ей въ заслугу и то, что Австро-Венгерія не воспротивилась объявленію обоими славянскими княжествами войны Турціи. Дѣйствительно, одного ея слова было бы достаточно, чтобы сдѣлать эту войну невозможною. Но вѣнскій дворъ принялъ всѣ мѣры, дабы исходъ войны не обратился ему въ ущербъ. Противъ Бѣлграда поставлены были на Дунай два австрійскіе монитора, а въ Хорватіи и Банатѣ сосредоточенъ цѣлый корпусъ подъ начальствомъ генерала графа Сапари. Въ то же время графъ Андраши объявилъ князю Черногорскому, что онъ долженъ тщательно воздерживаться отъ всякихъ движеній, которыя затронули бы интересы австро-венгерской монархіи, правительство которой предоставляетъ себѣ во всякомъ случаѣ рѣшающее слово въ опредѣленіи результатовъ войны. Если одолѣютъ черногорцы, то оно не допуститъ никакого тер-

¹ Графъ Андраши Новикову, 25-го августа 1876 г.

риторіального измѣненія, противнаго собственнымъ его видамъ, а если побѣда останется за турками, то ему же придется защитить Черногорію отъ чрезмѣрныхъ притязаній Порты. Дѣло въ томъ, что въ Вѣнѣ и Будапештѣ предвидѣли неизбѣжный ѡбщественный для славянъ исходъ борьбы съ превосходными силами турокъ.

Расчетъ вѣнскаго двора не замедлил оправдаться. Сербы съ величайшимъ трудомъ отбивались отъ турокъ, наступавшихъ со стороны Тимока, Моравы и Дринны, когда князь Миланъ, отчаявшись въ успѣхѣ, 12-го августа собралъ у себя представителей шести великихъ державъ и воззвалъ къ ихъ посредничеству для прекращенія, какъ выразился онъ, «безцѣльнаго кровопролитія».

Всѣ державы изъявили согласіе на его просьбу, къ которой приступилъ вскорѣ и князь Черногорскій. Англія взяла на себя выступить въ Константинополь съ предложеніемъ перемирія, а князь Горчаковъ предписалъ русскому послу при султанѣ поддержать ея представленіе, но въ разговорѣ съ великобританскимъ посломъ выказалъ большое раздраженіе. Упомянувъ о возрастающемъ сочувствіи русскаго общества къ балканскимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, о необходимости дать ему нѣкоторое удовлетвореніе, канцлеръ заявилъ, что и государь, и онъ самъ искренно желаютъ мира. «Мы воздержались отъ всякой инициативы»—воскликнулъ онъ—«мы дали дѣлу идти своимъ ходомъ, мы терпѣливо ждали, чтобы Европа начала дѣйствовать. Но если ничего не будетъ сдѣлано, если императоръ, мой августѣйшій государь, повелитъ мнѣ взять перо въ руки, то я ручаюсь вамъ, что обмокну его въ чернила, которыя будутъ отвѣчать достоинству и могуществу Имперіи». Сказавъ эти слова, князь Горчаковъ прибавилъ: «Но это еще не будетъ война»¹.

Въ половинѣ августа императрица Марія Александровна съ младшими сыновьями и дочерью, герцогинею Эдинбургскою, отправилась въ Ливадію, а государь, въ сопровожденіи наслѣдника, поѣхалъ туда же черезъ Варшаву, гдѣ пробылъ недѣлю. Тамъ принялъ онъ прусскаго фельдмаршала Мантейфеля, привезшаго ему собственноручное письмо отъ императора германскаго съ выраженіемъ самыхъ дружественныхъ чувствъ и обѣщаніемъ полной поддержки во всѣхъ дѣйствіяхъ Россіи въ пользу ея балканскихъ единовѣрцевъ; тамъ же узналъ онъ о низложеніи Мурада V и о провозглашеніи султаномъ брата его, Абдулъ-Гамида. Въ Ливадію императоръ Александръ прибылъ за два дня до своихъ именинъ,

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 13-го августа 1876 г.

28-го августа. Въ свѣтъ его находились государственный канцлеръ и военный министръ.

Между кабинетами великихъ державъ шли дѣятельные переговоры объ условіяхъ мира, которыя они собиравлись сообщать предъ-явить Портѣ. Сентъ-жемскій дворъ формулировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Status quo въ Сербіи и Черногоріи; административныя реформы въ смыслѣ мѣстной автономіи для Босніи и Герцеговины; подобныя же гарантіи противъ злоупотребленій въ Болгаріи¹. Ознакомясь съ этими статьямп, князь Горчаковъ выразилъ мнѣніе, что прежде всего нужно перемиріе. Первый долгъ державъ — говорилъ онъ — прекратить кровопролитіе, и русское правительство твердо рѣшилось настоять на этомъ въ надеждѣ, что прочіе кабинеты не вынудятъ его дѣйствовать одиноко. Интересы Имперіи и выраженія общественнаго мнѣнія одинаково побуждаютъ его положить конецъ ужасамъ, причиненнымъ возстаніемъ и войною. Что же касается до англійскихъ основаній мира, то канцлеръ одобрилъ ихъ, дополнивъ лишь требованіемъ земельного приращенія въ пользу Черногоріи, а также выраженіемъ убѣжденія, что ихъ недостаточно совѣтовать Портѣ, а должно принудить ее къ ихъ принятію. Достоинство Европы — заключилъ князь Горчаковъ — не позволяетъ ей довольствоваться обѣщаніями, отъ исполненія которыхъ Порты постоянно уклоняется².

Франція и Италія безусловно приняли англійскую программу, но графъ Андраши приступилъ къ ней не прежде того, какъ лордъ Дерби успокоилъ его на счетъ значенія слова «автономія» въ при-мѣненіи къ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, разъяснивъ, что подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать автономію чисто мѣстную и административную, а отнюдь не политическую, равносильную образованію изъ этихъ областей вассальныхъ княжествъ³. Германское правительство заявило, что хотя Германія и не заинтересована прямо въ восточныхъ дѣлахъ, но, желая содѣйствовать соглашенію по нпмъ двухъ равно ей дружественныхъ союзныхъ державъ, Россіи и Австро-Венгріи, а также дорожа единомысліемъ съ прочими державами, и въ особенности съ Англіей, она приступаетъ къ общей программѣ, которая сама по себѣ отвѣчаетъ и собственнымъ ея интересамъ⁴.

Десятидневное перемиріе, на которое согласилась Порты, съ 4-го по 15-е сентября, истекло, а заинтересованныя стороны не пришли

¹ Лордъ Дерби сѣру Геври Эллиоту, 30-го августа 1876 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 1-го сентября 1876 г.

³ Сэръ А. Бухаванъ лорду Дерби, 31-го августа 1876 г.

⁴ Макъ-Донвелъ лорду Дерби, 11-го сентября 1876 г.

къ соглашенію о мирѣ. Турецкое правительство, отвѣчая на запросъ Англіи, предъявило условія мира до того неумѣренныя, что всѣ державы признали ихъ незаслуживающими даже разсмотрѣнія. Пока между кабинетами шли переговоры о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, русскій дворъ выступилъ съ новымъ предложеніемъ. Генераль-адъютантъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ 14-го сентября привезъ въ Вѣну собственноручное письмо государя къ императору Францу-Иосифу, въ которомъ, въ виду проявленнаго турками упорства, предлагалось принять относительно Порты, съ цѣлью заставить ее исполнить требованія державъ, слѣдующія повелительныя мѣры: занятіе Босніи австро-венгерскими, а Болгаріи русскими войсками и вступленіе въ Босфоръ эскадръ всѣхъ великихъ державъ. То же предложеніе сообщилъ въ тотъ же день лорду Дерби графъ Шуваловъ. Князь Горчаковъ выражалъ убѣжденіе, что мѣры эти несомнѣнно приведутъ къ желанной цѣли: сломятъ упрямство Порты, прекратятъ войну и обезпечатъ будущую участь восточныхъ христіанъ.

Вѣнскій дворъ отклонилъ предложеніе совмѣстнаго занятія Босніи австрійскими и Болгаріи русскими войсками, по той причинѣ, что вопросъ о водвореніи австро-венгерскаго господства въ «тыльных» областяхъ монархіи не представлялся ему еще достаточно созрѣвшимъ, но сочувственно отнесся къ морской демонстраціи предъ Константинополемъ¹. На послѣднюю, однако, не согласился лондонскій кабинетъ². Тогда князь Горчаковъ предложилъ всѣмъ великимъ державамъ, чтобы прекратить кровопролитіе, потребовать отъ воюющихъ сторонъ немедленной пріостановки военныхъ дѣйствій и заключенія перемирія на шесть недѣль, чтобы дать державамъ возможность тѣмъ временемъ условиться объ окончательномъ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ³. Сентъ-джемскій кабинетъ снова взялся передать это требованіе Портѣ⁴, которая отвѣчала, что согласна на перемиріе, но не на шесть недѣль, а на шесть мѣсяцевъ, то-есть вплоть до весны⁵.

Такая подалгивость Турціи не удовлетворила русскаго канцлера. Онъ категорически отвергъ полугодовое перемиріе, и объявилъ, что не станеть совѣтовать Сербіи и Черногоріи принять его, находя, что обоимъ княжествамъ нельзя такъ долго оста-

1 Сэръ А. Буханачъ лорду Дерби, 23-го октября 1876 г.

2 Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 23-го сентября 1876 г.

3 Князь Горчаковъ графу Шувалову, 22-го сентября 1876 г.

4 Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 23-го сентября 1876 г.

5 Сэръ Генри Элліотъ лорду Дерби, 28-го сентября 1875 г.

ваться въ невѣстности и что столь продолжительный срокъ переміря крайне неблагоприятно отразится на финансовомъ и торговомъ положеніи Европы. Искренности Порты князь Александръ Михайловичъ довѣрялъ тѣмъ менѣе, что, принимая переміріе, она отклонила англійскія предложенія мира и проектъ созванія конференціи, а взамѣнъ реформъ, потребованныхъ въ пользу возставшихъ областей, султанъ даровалъ призрачную представительную конституцію всей имперіи. Такое выраженіе недовѣрія къ Европѣ можетъ ли быть принято ею, спрашивалъ князь Горчаковъ, и заключилъ: Россія не приметъ его ни въ какомъ случаѣ. Никто больше ея не желаетъ обще-европейскаго соглашенія въ интересахъ челоуѣколюбія и гражданственности. Она не преслѣдуетъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, но существуютъ предѣлы, перейдти за которые нельзя, безъ ущерба для чести и достоинства. Русскій дворъ отдаетъ свое поведеніе на судъ исторіи¹.

Въ Англійи такая настойчивость князя Горчакова показалась подозрительною. Лордъ Дерби повѣдалъ графу Шувалову, что, со времени нашего заявленія о занятіи Болгаріи русскими войсками, въ общественномъ мнѣніи Великобританіи снова возродилось опасеніе, не посягаетъ ли Россія на цѣлость Турціи, не стремится ли она, подъ благовиднымъ предлогомъ улучшенія участи христіанъ, къ разрушенію Оттоманской Имперіи и къ захвату Константинополя? Впечатлѣніе это заглушило даже чувство негодованія, возбужденное въ англичанахъ турецкими звѣрствами и жестокостями. А tort ou à raison, вырвалось у англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, всякій придетъ къ заключенію, что, отвергая шестимѣсячное переміріе, Россія хочетъ создать поводъ къ войнѣ, на которую она уже рѣшилась. Соображенія эти до того встревожили правительство королевы, что послу ея въ Петербургѣ предписано было, для разъясненія сомнѣній, самому отправиться въ Ливадію, гдѣ имѣли пребываніе императоръ Александръ и его канцлеръ².

Прочія державы, повидному, не раздѣляли опасеній Англійи. Изъ Вѣны, Рима, Парижа слали въ Лондонъ совѣтъ не настаивать на полугодовомъ срокѣ и уступить русскому требованію перемирія, срокомъ отъ одного мѣсяца до шести недѣль. Князь Бисмаркъ склонялся самъ въ пользу срока болѣе продолжительнаго, но императоръ Вильгельмъ убѣдилъ его, что надо избѣгать всего, что могло бы опечалить русскаго государя. Послѣдствіемъ было, что

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 2-го октября, и лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 6-го октября 1876 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 14-го октября 1876 г.

берлинскій кабинетъ заявилъ въ Константинополь и въ Лондонѣ, что будетъ поддерживать русское требованіе ¹.

Между тѣмъ, общественное возбужденіе въ Россіи возросло съ каждымъ днемъ. На пламенные воззванія славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ всѣ круги русскаго общества откликнулись обильными пожертвованіями на славянское дѣло. Такіхъ пожертвованій съ начала возстанія въ Герцеговинѣ и по осень 1876 года поступило въ петербургскій комитетъ свыше 800,000 рублей и около 700,000 рублей въ московскій. Русскіе добровольцы отправлялись въ Сербію цѣлыми партіями, въ числѣ ихъ сотни казаковъ съ Дона. На обмундированіе ихъ сукно и холстъ отпускались изъ казенныхъ складовъ. Особенно кипучую дѣятельность проявляли въ этомъ смыслѣ московскій славянскій комитетъ, во главѣ котораго стоялъ И. С. Аксаковъ, отправившій въ Ливадію нарочнаго посланца, чтобы непосредственно довести до свѣдѣнія государя о настроеніи умовъ въ Москвѣ и во всей Россіи. 21-го сентября императоръ Александръ милостиво принялъ этого посланца, А. А. Пороховщикова, и со вниманіемъ выслушалъ докладъ его о стихійномъ народномъ движеніи, растрогавшій государя до слезъ. Отпуская, императоръ объялъ его и поцѣловалъ, за то, — какъ сказалъ государь — «что ты понялъ важность исторической минуты и самъ пришелъ сюда» ².

Нѣсколько дней спустя прибыла въ Ливадію привѣтствовать государя отъ имени князя Карла Румынскаго депутація, состоявшая изъ перваго министра Братіано, военнаго министра Сланичано и княжескаго гофмаршала Вакареско. Императоръ принялъ ее ласково, но не коснулся съ нею жгучихъ политическихъ вопросовъ. О нихъ разговаривали съ Братіано посолъ въ Константинополь Игнатъевъ и канцлеръ князь Горчаковъ. Оба поставили ему на видъ необходимость для Румыніи въ случаѣ войны условиться съ Россіею о свободномъ проходѣ русскіхъ войскъ черезъ княжество, отдѣляющее русскую территорию отъ турецкой. Румынскій министръ отвѣчалъ, что такое соглашеніе состоится легко, если только Россія будетъ дѣйствовать въ согласіи со всѣми великими державами, на что князь Горчаковъ съ живостью возразилъ, что Румынія должна безусловно согласиться на проходъ русской арміи; въ противномъ случаѣ Россія отнесется къ ней какъ къ области, входящей въ составъ Оттоманской Имперіи, и займетъ ее безъ вся-

¹ Лордъ Одо Руссельъ лорду Дерби, 8-го октября 1876 г.

² Царь Освободитель и Русь Православная во дни сербско-турецкой войны, А. А. Пороховщикова, особое приложеніе въ № 33 «Русскаго Труда», 1898 г.

каго предварительнаго договора. Слова эти произвели на Братиано крайне непріятное впечатлѣніе и вызвали его отвѣтъ: что едва ли Россія будетъ удобно начать свой освободительный подвигъ наспіемъ надъ ратью христіанскаго княжества, которое всѣми силами будетъ сопротивляться чужому вторженію въ родные предѣлы. Впрочемъ, при прощаніи старикъ-канцлеръ выразился въ болѣе примпнительномъ тонѣ, что если дѣло дойдетъ до войны, то Россія створится съ Румыніей, которая можетъ только выиграть отъ такого договора ¹.

Въ то же время въ совѣтахъ императора Александра обсуждался уже вопросъ о вооруженномъ вмѣшателствѣ Россіи въ балканскую смуту, такъ какъ дѣла на полуостровѣ принимали крайне серьезный оборотъ. Послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, съ половины сентября, сербы терпѣли одно пораженіе за другимъ. Турки въ превосходныхъ силахъ атаковали ихъ послѣдній оплотъ—укрѣпленныя позиціи на Моравѣ, отстоять которыя не было надежды.

Для принятія участія въ совѣщаніяхъ вызваны были въ Ливадію: цесаревичъ, великій князь Николай Николаевичъ, министръ финансовъ. На совѣтѣ, происходившемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, 3-го октября, рѣшено, что въ случаѣ разрыва съ Турціей, объективомъ военныхъ операцій будетъ Константинополь; что для движенія на турецкую столицу будутъ мобилизованы четыре корпуса, которые, перейдя Дунай у Зимницы, двинутся къ Адрианополю, а оттуда—къ Царьграду по одной изъ двухъ линій: Спство—Шипка, или Русчукъ—Сливяно, по послѣдней въ томъ случаѣ, если удастся въ самомъ началѣ овладѣть Русчукомъ. Но цѣлью войны ставилось не распаденіе Оттоманской Имперіи, а единственно освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго произвола и насилій, и занятіе Константинополя имѣлось въ виду лишь какъ крайнее средство для побужденія султана къ миру. Главное начальство надъ дѣйствующими войсками предположено ввѣрить: на Дунаѣ—великому князю Николаю Николаевичу, а за Кавказомъ—великому князю Михаилу Николаевичу. Впрочемъ, рѣшеніе вопроса—быть или не быть войнѣ—поставлено въ зависимость отъ исхода дипломатическихъ переговоровъ.

15-го октября прибылъ въ Ялту англійскій посоль въ Петербургѣ, лордъ Августъ Лофтусъ, и два дня спустя былъ принятъ въ Оріандѣ княземъ Горчаковымъ, который сказалъ ему, что положеніе весьма серьезно, хотя вопросъ о перемиріи, по всей вѣроятности, и уладится между Портою и русскимъ посломъ, только

¹ Aus dem Leben König Karls von Rumänien, III, стр. 62 и 63.

что отбывшимъ въ Константинополь послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Ливадіи. Канцлеръ находилъ, что, если перемиріе состоится, то слѣдуетъ тотчасъ же созвать конференцію для опредѣленія условій мира. Россія.—сказалъ онъ,—должна настоять на такихъ реформахъ для трехъ христіанскихъ областей: Болгаріи, Босніи и Герцеговины, которыя оказались бы дѣйствительными на дѣлѣ, а не на словахъ, а Порта обязана дать ручательство въ точномъ исполненіи ихъ, предоставивъ Европѣ право надзора и контроля. Князь отозвался одобрительно о султанѣ и о намѣреніяхъ его, но выразилъ мнѣніе, что Абдуль-Гампдъ и его совѣтники находятся въ постоянномъ страхѣ народныхъ волненій и возбужденнаго мусульманскаго фанатизма, парализующихъ ихъ дѣйствія и рѣшенія. Положеніе дѣлъ въ Константинополь онъ признавалъ крайне опаснымъ и даже высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, султану придется прибѣгнуть къ покровительству державъ противъ фанатизма собственныхъ подданныхъ - мусульманъ. Посоль со своей стороны, сообщилъ канцлеру, что англійское правительство, хотя и не можетъ взять на себя наставать предъ Портою на принятіи русскаго срока перемирія, такъ какъ оно уже согласилось на заявленный Турціею шестимѣсячный срокъ, но не станетъ возражать противъ перемирія на одинъ мѣсяць или на шесть недѣль, если объ этомъ послѣдуетъ соглашеніе между Россіею и Портою. Уступая его просьбѣ, князь Горчаковъ согласился не исключать Турцію изъ конференціи, если таковая соберется для обсужденія основаній мира, подъ условіемъ, однако, что представители шести христіанскихъ великихъ державъ предварительно установятъ ихъ между собою, въ особомъ совѣщаніи¹.

Между тѣмъ, телеграфъ принесъ въ Ливадію вѣсть объ окончательномъ разгромѣ сербовъ, о взятіи турками Джунпса и Алексинца и о безпрепятственномъ движеніи турецкой арміи, долиною Моравы, къ Бѣлграду. Тотчасъ же было послано генераль-адъютанту Игнатьеву по телеграфу высочайшее повелѣніе: объявить Портѣ, что если въ двухдневный срокъ она не приметъ перемирія на одинъ мѣсяць или на шесть недѣль и если она не отдастъ немедленно приказанія прекратить военныя дѣйствія, то русскій посоль оставитъ Константинополь со всѣми чинами посольства, и дипломатическія сношенія Россіи съ Турціею будутъ прерваны.

Русскій ультиматумъ сообщенъ былъ Портѣ 19-го октября и на другой день послѣдовалъ ея отвѣтъ: она подчинилась всѣмъ изложеннымъ въ немъ требованіямъ.

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 17-го октября 1878 г.

21-го октября, по полученіи изъ Константинополя извѣстія о вѣроятномъ успѣхѣ рѣшительнаго дипломатическаго шага, императоръ Александръ принялъ въ Ливадіи великобританскаго посла и удостоилъ его продолжительной и откровенной бесѣды. Государь выразилъ удовольствіе по поводу проявленной Портою уступчивости и объяснилъ своему собесѣднику, что рѣшился на отправленіе ультиматума, по полученіи извѣстія объ окончательномъ разгромѣ сербовъ, изъ опасенія, какъ бы вторженіе турокъ въ Сербію не сопровождалось тѣми же жестокостями, что были совершены ими въ Болгаріи. Цѣлью государя было—предупредить напрасное кровопролитіе, и никто, замѣтилъ онъ, не былъ такъ удивленъ ультиматумомъ, какъ самъ генераль Пигнатъевъ. Александръ Николаевичъ выразилъ желаніе, чтобы конференція собралась какъ можно скорѣе и чтобы посламъ въ Константинополь были даны немедленно инструкціи, которыя поставили бы ихъ въ возможность приступить къ обсужденію условій мира на основаніяхъ, формулированныхъ Англіей.

Спокойно и ясно изложилъ императоръ послу взглядъ свой на положеніе Восточнаго вопроса. Онъ сказалъ, что далъ несомнѣныя доказательства своего миролюбія, и сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы придти къ мирному разрѣшенію существующихъ усложненій. Въ этихъ видахъ, онъ поддержалъ первоначально предложенное лордомъ Дерби перемиріе на шесть недѣль, которое отвергла Порта, замѣнивъ его простымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ продолженіе десяти дней, оказавшимся вполне призрачнымъ. Государь находилъ, что отказъ Порты уважить совокупное обращеніе къ ней Европы—пощечина, данная ею державамъ. Самъ онъ терпѣливо снесъ оскорбленіе, лишь бы не отдѣляться отъ европейскаго концерта. Напомнивъ, затѣмъ, о дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ съ Турціей, не приведшихъ ни къ какому результату, государь сказалъ, что Порта рядомъ ухищреній парализовала всѣ усилія соединенной Европы прекратить войну и вызвать всеобщее умиротвореніе; что если Европа согласна сносить такіе повторенные щелчки (rebuffs) отъ Порты, то онъ не можетъ долѣе считать ихъ совмѣстными съ честью, достоинствомъ и интересами Россіи; что онъ по прежнему будетъ стараться не отдѣляться отъ европейскаго соглашенія, но что настоящее положеніе невыносимо, не можетъ быть терпимо долѣе, а потому, если Европа не станетъ дѣйствовать съ энергіею и твердостью, то онъ, императоръ, вынужденъ будетъ дѣйствовать одинъ.

Государь перешелъ къ опредѣленію своихъ отношеній къ Англіи. Онъ выразилъ сожалѣніе, что въ странѣ этой доселѣ питаютъ за-

старѣлую подозрительность по отношенію къ русской политикѣ и постоянный страхъ предъ приписываемыми Россіи наступательными и завоевательными замыслами. Сколько разъ онъ торжественно уже заявлялъ, что не хочетъ завоеваній; что не стремится къ увеличенію своихъ владѣній; что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія или намѣренія овладѣть Константинополемъ. Все, что говорилось или писалось о видахъ Петра Великаго и помыслахъ Екатерины II, — плюзии и призраки, никогда не существовавшіе въ дѣйствительности, и самъ государь считалъ бы приобрѣтеніе Константинополя — несчастіемъ для Россіи. О немъ нынѣ ятъ и рѣчи, какъ не помышлялъ о немъ и покойный императоръ Николай, доказавшій это въ 1829 году, когда его побѣдоносная армія остановилась всего въ четырехъ переходахъ отъ турецкой столицы. Государь, «торжественно и серьезно», далъ «священное честное слово», что не имѣетъ намѣренія приобрѣсти Константинополь, прибавивъ, что если обстоятельства вынудятъ его занять часть Болгаріи, то только на время, пока не будутъ обезпечены миръ и безопасность христіанскаго населенія. Упомянувъ о предложеніи занять Боснію австрійскими войсками, а Болгарію — русскими и одновременно пропзвести морскую демонстрацію предъ Константинополемъ, въ которой преобладающая роль досталась бы на долю англійскаго флота, государь указывалъ на это, какъ на лучшее доказательство того, что онъ далекъ отъ намѣренія занять турецкую столицу. Ему непонятно, почему, коль скоро двѣ страны преслѣдуютъ общую цѣль, а именно поддержаніе мира и улучшеніе участи христіанъ, коль скоро самъ онъ далъ несомнѣнныя доказательства того, что онъ не хочетъ ни завоеваній, ни земельного приращенія, — почему бы не состояться между Англійей и Россією соглашенію, основанному на политикѣ мира, одинаково выгодной ихъ обоимъ интересамъ и вообще интересамъ всей Европы. «Россіи приписываютъ намѣреніе» — сказалъ императоръ — «покорить въ будущемъ Индію и завладѣть Константинополемъ. Есть ли что нелѣпѣе этихъ предположеній? Первое изъ нихъ — совершенно неосуществимо, а что касается до второго, то я снова подтверждаю самымъ торжественнымъ образомъ, что не имѣю ни этого желанія, ни намѣренія». Императоръ выразилъ глубокое сожалѣніе о недовѣрціи, проявляющемся въ Англійи къ его политикѣ, и о печальныхъ послѣдствіяхъ онаго, и просилъ посла сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы разсѣять эту тучу подозрительности и ничѣмъ неоправдаемаго недовѣрія къ Россіи, передавъ правительству королевы данныя имъ торжественныя завѣренія.

Отвѣчая на замѣчанія и вопросы лорда Августа Лофтуса, императоръ Александръ повѣдалъ ему, что пока еще нѣтъ рѣчи о признаніи Румыніи и Сербіи независимыми королевствами и что было бы неразумно возбуждать этотъ вопросъ; что провозглашеніе королемъ князя Милана было дѣломъ арміи, но что онъ, императоръ, его не одобрилъ и даже совѣтовалъ Милану не ѣздить въ сербскую главную квартиру. Впрочемъ, сербскій князь не послушалъ царскаго совѣта, ссылаясь на обязанность свою, въ нынѣшнихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, находится при арміи. На замѣчаніе посла, что большое число русскихъ добровольцевъ въ Сербіи въ значительной степени способствовало лихорадочному возбужденію въ Россіи, государь отозвался, что, разрѣшая русскимъ офицерамъ, по оставленіи службы, отправиться въ Сербію, онъ, императоръ, надѣялся успокоить волненіе, пустивъ въ него струю холодной воды. Упомянувъ о значительномъ числѣ русскихъ офицеровъ, павшихъ въ бою, и выразивъ мнѣніе, что общественное одушевленіе въ пользу сербовъ нѣсколько поутихло въ Россіи, государь все сказанное имъ послу свелъ къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: 1) перемиріе, какъ императоръ надѣется, будетъ принято Портою; затѣмъ необходимо: 2) немедленно созвать конференцію, главною задачею коей будетъ соглашеніе о введеніи въ три области такихъ реформъ, которыя обезпечили бы интересы христіанъ и дали бы имъ потребную долю автономіи, и 3) потребовать надежныхъ ручательствъ отъ Порты въ томъ, что она приведетъ эти реформы въ исполненіе¹.

Послѣ аудіенціи, лордъ Августъ Лофтусъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу и императоръ Александръ, сообщивъ ему о полученіи официального согласія Порты на русскій ультиматумъ, замѣтилъ, что немного твердости вызвало этотъ успѣшный результатъ². Англійскіе министры съ величайшимъ удовольствіемъ приняли заявленія, сдѣланныя государемъ великобританскому послу, и лордъ Дерби поручилъ послѣднему выразить это какъ самому императору, такъ и князю Горчакову³.

Сентъ-джемекій кабинетъ успѣшилъ разослать воѣмъ великимъ державамъ выработанную имъ программу совѣщаній будущей конференціи, въ которой извѣстнымъ уже основаніямъ умпротворенія предпослалъ два важныя заявленія: что державы будутъ уважать независимость и земельную цѣлость Оттоманской Имперіи и что ни одна изъ нихъ не будетъ искать для себя какихъ либо терри-

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 21-го октября 1876 г.

² Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 22-го октября 1876 г.

³ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 22-го октября 1876 г.

торіальнихъ выгодъ и вообще никакого исключительнаго вліянія или уступокъ въ Турціи, которыя бы не достались одновременно на долю и всѣхъ прочихъ державъ. Последнее заявленіе имѣло быть занесено въ особый протоколъ «безкорыстія», какъ это было сдѣлано въ 1840 году по поводу европейскаго вмѣшательства въ египетскія, и въ 1860 году—въ спрійскія дѣла ¹. Русскій дворъ выразилъ желаніе выпустить слово «земельная» въ примѣненіи къ цѣлости Оттоманской Имперіи, доказывая, что выраженіе это исключаетъ возможность временнаго занятія турецкихъ областей въ интересахъ самой Порты, будь то для обезпеченія безопасности христіанскаго населенія, для поддержанія мира, или для введенія въ дѣйствіе административныхъ реформъ. Князь Горчаковъ находилъ, что, въ виду всеобщаго возбужденія въ Болгаріи и Босніи, безъ такого занятія едва ли обойдется дѣло. Россія—говорилъ онъ англійскому послу—не хочетъ для себя ни единого вершка турецкой территоріи. Если занятіе окажется нужнымъ, то оно будетъ временнымъ и продлится лишь до той поры, когда утихнетъ волненіе и администрація установится на нормальномъ и мирномъ основаніи. Россія согласна, въ данномъ случаѣ, выступить въ качествѣ уполномоченнаго (*mandataire*) Европы, подобно тому, какъ дѣйствовала Франція въ Спріи въ 1860 году. Она не будетъ также противиться, чтобы какая либо другая держава приняла участіе въ занятіи, которое представляется канцлеру неизбежною необходимостью, безъ коей ни миръ, ни порядокъ никогда не возстанутся и не введутся въ христіанскихъ областяхъ Турціи предложенныя Европою реформы ².

Одновременно канцлеръ искалъ въ свою очередь разсѣять опасенія великобританскаго правительства по двумъ вопросамъ, возбуждавшимъ наибольшую тревогу въ общественномъ мнѣніи Англій: замыслы Россіи на Константинополь и русскій походъ на Индію. Въ письмѣ къ нашему послу въ Лондонѣ онъ выражалъ удивленіе, какъ могутъ подобныя «древности» (*vielleries*) основанныя на никогда не существовавшемъ завѣщаніи Петра Великаго и которыя давно пора бы отбросить въ область «политической миеологии», занимать еще здравые умы англичанъ? Сколько разъ русскіе государи гласно заявляли, что не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія посягнуть на земельную цѣлость Турціи и что ничего не желаютъ другого, какъ сохраненія настоящаго положенія дѣлъ на Востокѣ. Въ силу нашего государственнаго устройства—слово мо-

¹ Циркуляръ лорда Дерби, 23-го октября 1876 г.

² Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 24-го октября 1876 г.

нарха составляет самую надежную гарантію; его нельзя отмѣнить, какъ отмѣняются рѣшенія парламентскаго большинства; но оно подтверждается и цѣлымъ рядомъ событій. Россія, если бы она этого желала, не разъ представлялся случай напасть на Турцію врасплохъ и разгромить ее, не только въ 1829 году, но и во время европейскихъ усложненій 1848 или 1870 года. Какіе же нужны еще англійскимъ министрамъ доказательства безкорыстія, основаннаго не на политической добродѣтели, а на разумѣ и на здравомъ смыслѣ? Пусть забудутъ они на минуту, что они англичане, и стануть на русскую точку зрѣнія. Неужели они стали бы, положи руку на сердце, совѣтовать императорскому правительству стремиться къ овладѣнію Константинополемъ? Отчего же они не допускаютъ въ насъ того же практическаго смысла, который имѣютъ сами? Интересы Россіи требуютъ одного: чтобы ключъ отъ Чернаго моря оставался въ рукахъ настолько слабыхъ, что не могли бы запереть Россіи этотъ торговый выходъ и не грозили бы ея безопасности, и этой потребности всего лучше отвѣчаетъ господство Турціи надъ проливами. Россія не виновата, если турки злоупотребляютъ этимъ, дѣлая свое владычество нестерпимымъ для своихъ христіанскихъ подданныхъ; но Англія несомнѣнно тому содѣйствовала, возбуждая недовѣріе Порты къ Россіи и помогая ей господство свое надъ христіанами основывать на одной только силѣ. Доколѣ же Россія и Англія, которыя могли бы, дѣйствуя согласно, разрѣшать всѣ общеевропейскіе вопросы къ взаимной выгодѣ и къ выгодѣ всѣхъ и каждого, будутъ продолжать волновать себя и другихъ раздоромъ, основаннымъ на предразсудкахъ и недоразумѣніяхъ? Результаты налицо. Они смутили даже общественное мнѣніе Англіи; тѣмъ болѣе—національное и христіанское чувство Россіи, которая и по сосѣдству, и по нравственнымъ узамъ, связывающимъ ее со странами Востока, не можетъ ограничиться «академическими симпатіями». Вотъ что возлагаетъ на императора долгъ, уклониться отъ котораго онъ не можетъ. Долгъ этотъ раздѣляетъ съ нимъ и вся христіанская Европа. Кто же мѣшаетъ Англіи присоединиться къ намъ, чтобы покровительствовать христіанамъ и раздѣлить съ нами ихъ благодарность и сочувствіе? Восточный вопросъ—вопросъ не исключительно русскій; онъ затрогиваетъ спокойствіе Европы, всеобщій миръ и благоденствіе, человѣколюбіе и христіанскую гражданственность. Почва эта достаточно широка, для того чтобы Англія утвердилась на ней рядомъ съ Россіею. Развѣ мы ее къ тому не приглашали, предлагая ей эскадрамъ вступить въ проливы? Какое же еще ручательство можемъ мы дать ей въ томъ, что мы не

имѣемъ ни малѣйшаго притязанія на исключительное владѣніе Константинополемъ? ¹

Но это краснорѣчивое увѣщаніе не произвело ожидаемаго дѣйствія. 26-го октября государь и вся царская семья выѣхали изъ Ливадіи и 28-го прибыли въ Москву. Въ этотъ самый день, на банкетѣ лондонскаго лорда-мера, графъ Биконсфильдъ произнесъ вызывающую и угрожающую рѣчь, въ которой, упомянувъ объ успѣхахъ Англіи поддержать миръ въ Европѣ, выразилъ мнѣніе, что твердымъ основаніемъ этого мпра должно служить уваженіе къ договорамъ и соблюденіе независимости и территоріальной цѣлости Турціи. Последнее начало было бы нарушено, если бы допущено было занятіе турецкихъ областей войсками какой либо иностранной державы. Другая цѣль иностранной политики, не столь впрочемъ важная, какъ первая, — улучшение участи христіанскихъ подданныхъ. Министръ отозвался иронически о русскомъ ультиматумѣ, сказавъ, что предъявленіе его походило на вчнваніе иска послѣ того, какъ сумма его уже выплачена полностью. Заслугу добытаго перемирія онъ приписывалъ исключительно Англіи. Задачею конференціи, заявилъ онъ, будетъ утвержденіе мпра посредствомъ уваженія къ существующимъ договорамъ, устанавливающимъ начало цѣлости и независимости Оттоманской Имперіи, которое хотя и не можетъ быть обезпечено одною лишь работою пера и чернилъ, но цѣль эта будетъ достигнута безъ войны и даже безъ воззваній къ войнѣ, слишкомъ часто уже раздававшихся. Миръ составляетъ сущность политики Англіи, но если Англія хочетъ мпра, то ни одна держава лучше ея не приготовлена къ войнѣ, и если Англія рѣшится на войну, то только за правое дѣло и, конечно, не прекратитъ ее, пока право не восторжествуетъ ².

Два дня спустя, 30-го октября, принимая въ Кремлевскомъ дворцѣ московское дворянство и городское общество, представившіе всеподданнѣйшіе адреса, императоръ Александръ обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желаете мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашу адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась мощи требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ бесполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда,

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 22-го октября 1876 г.

² Рѣчь лорда Биконсфильда въ Гильдхоллѣ, 28-го октября 1878 г.

истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе заплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!»

Царскія слова вызвали сочувственный откликъ во всѣхъ концахъ Россіи, всюду возбуждая радостный восторгъ. Вѣрнымъ истолкователемъ впечатлѣнія, произведеннаго въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ русскаго общества, въ сердцахъ милліоновъ русскаго народа явился П. С. Аксаковъ въ пламенной рѣчи, произнесенной нѣсколько времени спустя въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Славянскаго Комитета:

«...Въ Кремлѣ, среди святыни и древности московской, русскій царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлымъ и грядущимъ судьбами, и держалъ къ нему рѣчь, навѣки врѣзавшуюся въ народную память. Самодержавный царь явилъ себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами славянства и вѣры... Нѣтъ мгновеній возвышеннѣе тѣхъ, когда внезапнымъ подъемомъ все-народнаго духа вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ ней живою движущею силой и весь народъ послушаетъ себя единымъ цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствахъ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуту пережили мы съ вами въ заветный день 30-го октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ царя его мысль и слово и устами Москвы же,

въ ея отвѣтномъ адресѣ на благоую вѣсть выражала свою вѣру и страстное желаніе: «Да преидеть слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ, во благо нашимъ страждующимъ братьямъ, во благо человѣчеству, во славу истинѣ Божіей!» Вторя Москвѣ, возликовала и заговорила вся русская область и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски... Эти слова государя не были дѣломъ случайнаго, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ какъ преемникъ царей, какъ преемникъ Пвана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ, — какъ преемникъ Петра и Екатерины, какъ вѣнчанный блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта»¹.

1-го ноября императоръ и императрица возвратились въ Царское Село. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ со всѣхъ концовъ Россіи поступали отвѣтные адреса на московскую рѣчь государя, отъ всѣхъ сословіи и обществъ, съ выраженіемъ пламеннаго сочувствія къ балканскимъ славянамъ и готовности принести всевозможныя жертвы дѣлу ихъ освобожденія.

Еще во второй половинѣ сентября, одновременно съ отправленіемъ въ Вѣну генераль-адъютанта графа Суварокова-Эльстона, послѣдовало высочайшее повелѣніе о подготовленіи къ частной мобилизаціи всѣхъ войскъ Одесскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и части войскъ Кавказскаго военныхъ округовъ, а 12-го октября, въ Лпвадіи — четырехъ дивизій Московскаго военнаго округа.

Въ самый день возвращенія въ Царское Село государь повелѣлъ приступить къ мобилизаціи двадцати пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллерійскими бригадами, четырехъ стрѣлковыхъ бригадъ, семи кавалерійскихъ дивизій съ ихъ конною артиллерією, четырехъ артиллерійскихъ парковъ и двухъ саперныхъ бригадъ, донской казачьей дивизіи и десяти донскихъ полковъ. вмѣстѣ съ мобилизаціей дѣйствующихъ войскъ мобилизовались и вновь формировались запасныя части. Численность всѣхъ этихъ войскъ, простиравшаяся по штатамъ мирнаго времени до 272,000 человекъ, возросла до 546,000. Къ началу 1877 года, въ составѣ Дунайской дѣйствующей арміи находилось: 107 баталіоновъ, 149 эскадроновъ и сотенъ, 472 орудія, итого около 193,000 человекъ; въ Одесскомъ округѣ, для охраненія побережья, — 48 баталіоновъ, 39 эскадроновъ и сотенъ, 216 орудій, итого около 72,000 человекъ;

¹ Рѣчь П. С. Аксакова въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ, 6-го марта 1877 г.

въ Кіевскомъ округѣ, какъ резервъ дѣйствующей арміи, — 52 баталіона, 24 сотни, 210 орудій, итого 73,000 человекъ. Дѣйствующій корпусъ на Кавказско-турецкой границѣ состоялъ изъ 79 баталіоновъ, 32 пѣшихъ сотень, 151 эскадроновъ и сотень, 256 орудій, итого 122,000 человекъ. Всего въ войскахъ, приведенныхъ на военное положеніе и предназначенныхъ для дѣйствій, числилось къ 1-му января 1877 года: 286 баталіоновъ, 363 эскадроновъ и сотень и 1,154 орудія, въ числѣ 460,000 человекъ.

О мобилизациі русскихъ военныхъ силъ возвѣстилъ Европѣ государственный канцлеръ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ. Напомнивъ о состоявшемся между великими державами соглашеніи относительно перемирія и основаніи мира, а равно и объ установленіи въ христіанскихъ областяхъ, подвластныхъ султану, новаго порядка, — «императорское правительство», — писалъ князь Горчаковъ, — «стремилось всѣми силами къ упроченію единодушія между великими державами, сохраняя непрестанно въ виду, что въ настоящемъ вопросѣ, интересы политическіе должны уступить мѣсто болѣе возвышеннымъ интересамъ всего человѣчества и спокойствія Европы. Оно направитъ всѣ зависящія отъ него средства къ тому, чтобы это единодушіе привело, наконецъ, къ послѣдствіямъ существеннымъ, прочнымъ и согласнымъ съ требованіями справедливости и общаго мира. Но, между тѣмъ, какъ дипломатія ведетъ, въ теченіе года, переговоры, имѣющіе цѣлью привести европейское соглашеніе къ дѣйствительному осуществленію, Порта воспользовалась возможностью вызвать изъ глубины Азіи и Африки темныя силы наипаче обузданныхъ элементовъ исламизма, возбудить фанатизмъ мусульманъ и раздавить подъ тяжестью численнаго превосходства христіанскія населенія, вступившія въ борьбу за свое существованіе. Винновники ужасныхъ избиеній, справедливо возмущившихъ всю Европу, продолжаютъ пользоваться безнаказанностью и въ настоящее время, слѣдуя ихъ примѣру, на всемъ протяженіи Оттоманской Имперіи совершаются, на глазахъ негодующей Европы, повторенія тѣхъ же насилій и того же варварства. Въ виду такихъ осложненій, государь императоръ, принимая, со своей стороны, твердую рѣшимость преслѣдовать и достигнуть всѣми зависящими отъ него средствами предначертанную великими державами цѣль, призналъ необходимымъ мобилизовать часть своей арміи. Государь императоръ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное, чтобы избѣжать ея. Но его величество не остановится въ своей рѣшимости до тѣхъ поръ, пока признанные всею Европою принципы справедливости и челоуѣколюбія, къ коимъ народное чувство

Россіи примкнуло съ неустойчивою силою, не возмѣгутъ полнаго и обезпеченнаго прочными гарантіями, осуществленія: ¹.

Главнoкомандующимъ дѣйствующею арміею назначенъ великій князь Николаѣй Николаевичъ. Въ составѣ его штаба учреждена должность завѣдывающаго гражданскими дѣлами, на котораго возложено было устройство гражданского управленія въ Болгаріи по занятіи ея русскими войсками. При представленіи государю назначеннаго на эту должность князя В. А. Черкаскаго, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ и, соглашаясь съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ подвергнуть зрѣлому и всестороннему обсужденію вопросъ о будущихъ мѣропріятіяхъ въ Болгаріи, замѣтилъ, что «тамъ, за Дунаемъ, слѣдуетъ ввести нѣчто въ родѣ того, что было сдѣлано нами въ Царствѣ Польскомъ». — Войска, имѣвшія составить дѣйствующую армію, сосредоточивались въ Бессарабіи. 19-го ноября великій князь главнoкомандующій выѣхалъ изъ Петербурга въ главную квартиру, въ Кишиневъ.

Вѣсть о русскихъ вооруженіяхъ произвела потрясающее впечатлѣніе въ Европѣ. Она встревожила европейскія правительства, являясь какъ бы предвѣстницею неминуемаго вмѣшательства Россіи въ борьбу южныхъ славянъ съ турками. Какъ ни успокоительны были заявленія русской дипломатіи, какъ ни искренно звучали слова государя, сказанныя англійскому послу, — имъ не вѣрнули, относились подозрительно и къ побужденіямъ Россіи, и ко всѣмъ ея дѣйствіямъ. Взаимному раздраженію немало способствовала оживленная полемика, которую не переставали вести императорскій кабинетъ съ сентъ-джемскимъ дворомъ. Лордъ Дерби на сообщеніе князя Горчакова, что въ случаѣ отказа конференціи установить право на самоуправленіе трехъ возставшихъ областей, русскій уполномоченный перестанетъ участвовать въ ея засѣданіяхъ, возражалъ, что при этомъ условіи невозможно соглашеніе и самая конференція бесполезна ². Со своей стороны, князь Горчаковъ укорялъ лорда Августа Лофтуса за рѣзкія выраженія рѣчи лорда Блконсфильда, которыя, утверждалъ онъ, могутъ только побудить Порту къ сопротивленію требованіямъ Европы ³. Въ пространной депешѣ къ представителю своему въ Петербургѣ великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ силлся доказать, что цѣлесообразнѣе было бы принять для перемирія предложенный Портою шестимѣсячный срокъ, чѣмъ срокъ двухмѣсячный, на которомъ настояла

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 1-го ноября 1876 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 28-го октября 1876 г.

³ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 3-го ноября 1876 г.

Россія¹. Нашъ канцлеръ отвѣчалъ апологіею всѣхъ принятыхъ русскимъ дворомъ мѣръ, чтобы вызвать обще-европейское соглашеніе для умпротворенія Востока, не только съ начала возстанія, но въ продолженіе двухъ десятилѣтій, петекшихъ со дня заключенія парижскаго мира. «Свидѣтельство фактовъ» — доказывалъ онъ — «неопровержимо. Никогда еще дипломатія не волновалась такъ много вокругъ вопросовъ восточныхъ, какъ въ продолженіе петекшаго года; никогда еще Европа не была или болѣе смущена, болѣе угрожаема въ своемъ спокойствіи, своихъ пользахъ и своей безопасности; никогда еще тѣ насилія, которыми турки отвѣчали на припрителныя и успокоительныя усилія Европы, не были такъ гнусны, не совершались въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; никогда они не обнаруживали болѣе наглядно глубокую и неизмѣримую бездну зла, которое развѣдаетъ Турцію и создаетъ опасность для спокойствія Европы. Если великія державы хотятъ сдѣлать дѣло основательно и не подвергаться періодическому, все болѣе усиливающемуся, возвращенію опаснаго кризиса, то имъ нельзя упорствовать въ образѣ дѣйствій, который оставляетъ живучимъ зародышъ этой опасности и позволяетъ ему развиваться съ непреклонною логикою событій. Необходимо выйти изъ этого безысходнаго круга и признать, что независимость и неприкосновенность Турціи должны быть подчинены гарантіямъ, требуемымъ человѣколюбіемъ, христіанскимъ чувствомъ Европы и общимъ спокойствіемъ»².

Такими доводами князь Горчаковъ старался объяснить принятую Россіею рѣшительную мѣру: мобилизацію части арміи. Но чѣмъ болѣе распространялся онъ объ исключительно человѣколюбивомъ и благотворительномъ направленіи ея политики, о совершенномъ ея безкорыстіи, тѣмъ сильнѣе возбуждалъ опасеніе въ существованіи тайныхъ замысловъ, въ намѣреніи воспользоваться восточнымъ кризисомъ для того, чтобы разрушить Оттоманскую Имперію и на развалинахъ ея основать преобладаніе Россіи на европейскомъ Востокѣ.

Опасенія эти всего живѣе сказывались въ Константинополѣ, гдѣ успѣшили выразить согласіе на созывъ конференціи, затѣмъ въ Лондонѣ, отчасти въ Вѣнѣ. Въ Парижѣ и Римѣ относились доврѣчивѣе къ Россіи; наконецъ въ Берлинѣ хорошо были ознакомлены съ цѣлями и способами дѣйствія русскаго двора, а потому и не сомнѣвались въ искренности и чистотѣ его великодушныхъ намѣреній. Но всюду, въ дипломатическихъ кругахъ западныхъ сто-

¹ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 18-го октября 1876 г.

² Князь Горчаковъ графу Шувалову, 26-го октября 1876 г.

лицъ, заподозрѣвали если не русское правительство, то русскаго посла въ Константинополь въ проведеніи пныхъ видовъ, чисто своекорыстнаго свойства, совершенно отличныхъ и даже прямо противоположныхъ тѣмъ, что исповѣдовалъ во всеуслышаніе императорскій кабинетъ. Для наблюденія за нимъ и противудѣйствія ему на пмѣвшей собраться въ турецкой столицѣ конференціи, или, какъ выразился лордъ Биконсфилдъ въ своей рѣчи, для установленія болѣе широкаго основанія, чѣмъ то, что создалось бы собраніемъ мѣстныхъ дипломатовъ, которые часто смотрятъ на вещи со своей частной и ограниченной точки зрѣнія и не всегда ведутъ дѣло къ искреннему соглашенію», — большинство великихъ державъ, за исключеніемъ Россіи, Германіи и Италіи, рѣшило назначить особыхъ уполномоченныхъ въ конференцію, независимо отъ обычныхъ своихъ представителей при Портѣ. Такимъ нарочнымъ посломъ Великобританіи назначенъ былъ министръ колоній въ торійскомъ кабинетѣ, лордъ Салисбюри.

Лордъ Салисбюри отправился изъ Лондона въ Константинополь кружнымъ путемъ, чрезъ всѣ главные столицы Западной Европы. Въ Парижѣ герцогъ Деказъ сообщилъ ему, что представителямъ Франціи на конференціи предписано принять status quo за основаніе новыхъ преобразованій въ Турціи и, уважая политическую и географическую цѣлость Оттоманской Имперіи, поддерживать тѣ рѣшенія, которыя будутъ имѣть наибольшій шансъ быть единогласно принятыми всѣми державами, за исключеніемъ впрочемъ одного случая: если бы рѣшено было принять относительно Порты понудительныя мѣры или подвергнуть ея территорію военному занятію, такъ какъ къ подобнаго рода дѣйствіямъ Франція не считаетъ себя въ правѣ приступить ни матеріально, ни нравственно.

Ко дню проѣзда чрезъ Берлинъ лорда Салисбюри — 11-го ноября — вернулся туда изъ сельскаго своего уединенія князь Бисмаркъ. Въ Петербургѣ очень желали, чтобы англійскій уполномоченный вынесъ убѣжденіе въ тѣсной дружественной связи, существующей между русскимъ и германскимъ дворами. Нѣмецкій канцлеръ не обманулъ этихъ ожиданій. «Пруссія» — сказалъ онъ Салисбюри — «хочетъ сберечь всѣхъ своихъ друзей, а географическое ея положеніе вынуждаетъ ее имѣть ихъ много. Никому не пожертвуетъ она дружбой Россіи, столько разъ испытанной на дѣлѣ. Англичане пытались запретъ насъ въ свою колесницу. Роль эта намъ не по вкусу, и пусть сами они впрягаются въ нее. Это ихъ дѣло. Было время, когда въ Лондонѣ позволяли себѣ обращаться съ нами, какъ съ вассальными пидійскими князьками». Лордъ перебилъ рѣчь князя выраженіемъ опасенія, что предстоящая конфе-

ренція разобідеться, не приведа къ цѣли. Бисмаркъ ему не противорѣчилъ и даже допустилъ возможность такого исхода. Въ такомъ случаѣ интересъ Англїи все еще не будетъ затронутъ, — сказалъ онъ. Пусть же не принимаетъ она поспѣшныхъ и крайнихъ рѣшеній, не заряжаетъ своего ружья. Такія рѣшенія оказались бы безповоротными и совершенно ненужными, въ виду заявленій русскаго императора. Если даже русскія войска переступятъ за Прутъ, то и тогда Англїя можетъ оставаться спокойною. Въ этомъ случаѣ Россія выступила бы лишь въ роли исполнительницы рѣшеній Европы, въ роли, которую Германія не станетъ у нея оспаривать. «Но если Россія овладѣетъ Константинополемъ» — спросилъ лордъ Салисбюри — «вѣдь трудно будетъ отнять его у нея, и лучше ее тамъ предупредить». — «Императоръ Александръ этого не хочетъ» — отвѣчалъ Бисмаркъ — «и если даже Россія, побуждаемая стратегическими соображеніями, займетъ турецкую столицу, то будьте въ томъ увѣрены, императоръ Александръ снова ее очиститъ и покинетъ»¹.

Въ томъ же смыслѣ, хотя болѣе сдержанно, высказался предъ англійскимъ дипломатомъ и императоръ Вильгельмъ. Онъ выразилъ твердую надежду на сохраненіе всеобщаго мира, прибавивъ, что всѣми силами старается повліять въ этомъ смыслѣ на русскаго императора, но — присовокупилъ онъ — рѣшенія, принятыя императоромъ Александромъ, вызваны обстоятельствами и въ особенности притѣсненіями, которымъ подвергается со стороны турокъ православная вѣра, имъ самимъ исповѣдуемая. Германскій императоръ выразилъ надежду, что благоразумными уступками и преобразованіями, при надежныхъ гарантіяхъ, будетъ устранена необходимость военнаго занятія турецкой территорїи, и заключилъ, что Европа не можетъ долѣе удовлетворяться одними обѣщаніями Порты, а должна потребовать отъ нея ручательствъ въ томъ, что христіане, ея подданные, не будутъ болѣе страдать отъ насилія и произвола. Лордъ Салисбюри согласился съ этимъ мнѣніемъ, но замѣтилъ, что окупація турецкихъ областей легко можетъ привести къ войнѣ, предѣлы распространенія которой нельзя даже предвидѣть².

Изъ Берлина англійскій министръ поѣхалъ въ Вѣну и нашель, что взгляды тамошняго двора на положеніе Восточнаго вопроса во многомъ сходятся съ видами сентъ-джемскаго кабинета. Въ бесѣдѣ съ нимъ графъ Андраши снова и энергично возсталъ противъ образованія изъ турецкихъ христіанскихъ областей автономныхъ, хотя и вассальныхъ, княжествъ, возсталъ и противъ русскаго военнаго

¹ Убри князю Горчакову, 12-го ноября 1876 г.

² Лордъ Салисбюри лорду Дерби, 11-го ноября 1876 г.

занятія Болгаріи, выразивъ надежду, что Англія воспротивится ему. Оба министра сошлись, однако, на необходимости реформъ и обѣщали дѣйствовать во взаимномъ согласіи на конференціи. Обѣщаніе это подтвердилъ маркизу Салисбюри и императоръ Францъ-Іосифъ ¹.

Послѣднею станціею на пути лорда Салисбюри въ Константинополь былъ Римъ, гдѣ министръ иностранныхъ дѣлъ короля Виктора-Эммануила, Мелегари, такъ формулировалъ программу Италіи: ревностное содѣйствіе улучшенію участи восточныхъ христіанъ и сопротивленіе всякой попыткѣ военнаго занятія какой либо части Оттоманской Имперіи. Онъ также высказался не въ пользу предоставленія Черногоріи гавани на Адриатическомъ морѣ. Англійскій министръ отвѣчалъ, что, настаивая на необходимости преобразованій въ возставшихъ областяхъ и противясь русскому занятію турецкой территоріи, Италія обнаруживаетъ полное тождество своихъ политическихъ видовъ съ видами правительства ея британскаго величества ².

Маркизь Салисбюри прибылъ въ Константинополь въ концѣ ноября и тотчасъ вступилъ въ переговоры съ русскимъ посломъ, назначеннымъ единственнымъ представителемъ Россіи на предстоящей конференціи. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ объявилъ ему, что оккупация турецкой территоріи русскими войсками не составляетъ *conditio sine qua non*, а только угрозу на случай отказа Порты подчиниться рѣшеніямъ конференціи, и сообщилъ изложенныя въ одиннадцати статьяхъ требованія, которыя, по мнѣнію его, должны были быть предъявлены Портѣ отъ имени всѣхъ великихъ державъ: 1) обезоруженіе мусульманъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи; 2) удаленіе отъ службы чиновниковъ не мѣстнаго происхожденія и введеніе на широкихъ основаніяхъ выборнаго начала; 3) образованіе мѣстной милиціи съ предоставленіемъ въ ней христіанамъ доли участія, соотвѣтственной ихъ числу и племени; 4) воспрещеніе содержать въ христіанскихъ областяхъ регулярныя войска и водвореніе черкесовъ исключительно въ мусульманскихъ округахъ Оттоманской Имперіи; 5) сосредоточеніе турецкихъ войскъ въ крѣпостяхъ; 6) право разверстки податей, предоставленное мѣстному населенію, и уничтоженіе десятиннаго налога; 7) введеніе мѣстныхъ языковъ въ суды и администрацію; 8) назначеніе губернаторовъ изъ христіанъ Портою, съ согласія великихъ державъ; 9) организація мѣстныхъ автономій въ Босніи, Герце-

¹ Лордъ Салисбюри лорду Дерби, 17-го ноября 1876 г.

² Лордъ Салисбюри лорду Дерби, 18-го ноября 1876 г.

говинѣ и Болгаріи согласно съ заключеніями тѣхъ изъ европейскихъ консуловъ, которые хорошо знакомы съ особенностями края; 10) непосредственный контроль великихъ державъ надъ исполненіемъ преобразованій въ трехъ названныхъ областяхъ чрезъ установленіе мѣстныхъ консульскихъ комиссій; 11) строгое слѣдствіе, при участіи консуловъ, о преступленіяхъ и убійствахъ, совершенныхъ мусульманами, наказаніе истинныхъ ихъ виновниковъ и вознагражденіе семействъ жертвъ насчетъ мусульманскаго населенія, принимавшаго участіе въ безпорядкахъ¹.

Лордъ Саллсбюри не возражалъ противъ программы русскаго посла и передалъ ея содержаніе своему правительству. Но съ крайнимъ неодобреніемъ отозвался о ней графъ Андраши, находя, что принятіе предложеній Пгнатьева было бы первымъ шагомъ къ разложенію Турціи и никакъ не способствовало бы умиротворенію Востока. По мнѣнію австро-венгерскаго министра, выраженному великобританскому послу, они были къ тому же явно направлены въ ущербъ независимости и развитія греческаго населенія и въ поощреніе исключительно «русскихъ и всеславянскихъ интересовъ». Попытка создать изъ восточныхъ элементовъ совершенную администрацію, по европейскому образцу, можетъ только окончиться неудачею. Напротивъ, болѣе скромный планъ, который сохранилъ бы то, что существуетъ, и ограничился бы устраненіемъ злоупотребленій и обезпеченіемъ покровительства христіанамъ предоставленіемъ имъ одинаковыхъ правъ съ мусульманами, оставляя за мѣстною властью достаточно авторитета, чтобы поддержать порядокъ, постепенно внесъ бы гражданственность въ страну².

Прежде чѣмъ открытъ засѣданія конференціи, составленной изъ уполномоченныхъ всѣхъ державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года, представители христіанскихъ державъ рѣшились собраться въ особомъ совѣщаніи, безъ участія уполномоченныхъ Турціи, и сговориться между собою насчетъ требованій, которыя имѣли бытъ предъявлены Портѣ отъ имени соединенной Европы. Совѣщаніе это собиралось девять разъ въ продолженіе первой половины декабря, подъ предѣдательствомъ старѣйшаго изъ пословъ, Н. П. Пгнатьева, и путемъ взаимныхъ уступокъ пришло къ полному соглашенію, выработавъ программу какъ мирныхъ условій между Турціею съ одной стороны и Сербіею и Черногоріею — съ другой, такъ и преобразованій, которыя имѣли бытъ введены въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Черногорія получала значитель-

¹ Лордъ Саллсбюри лорду Дерби, 25-го и 26-го ноября 1876 г.

² Сэръ А. Бухананъ лорду Дерби, 29-го ноября 1876 г.

ную прирѣзку въ южной Герцеговинѣ и въ сѣверной Албаніи, съ крѣпостями Никшичемъ, Жаблякомъ и Спужемъ; гавани на Адриатикѣ ей не уступалось, но зато объявлялось свободное плаваніе по рѣкѣ Боянѣ. Сербія сохраняла прежнія свои границы, которыя должны были быть подвергнуты исправленію лишь со стороны рѣки Дрины при участіи делегатовъ европейскихъ державъ. Боснія и Герцеговина соединялись въ одну область подъ властью одного генералъ-губернатора; Болгарія, напротивъ, раздѣлялась на два вѣлайета: одинъ, восточный, съ главнымъ городомъ Тырновомъ, другой, западный, съ главнымъ городомъ Софіею. Во всѣхъ этихъ областяхъ генералъ-губернаторы имѣли назначаться Портою съ согласія великихъ державъ, на пятилѣтній срокъ; учреждалась выборныя областныя собранія; преобразовывались суды; провозглашалась полная свобода исповѣданій; христіане сравнивались въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ мусульманами и получали доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ; турецкія войска сосредоточивались въ крѣпостяхъ; образовывалась мѣстная жандармерія и милиція; учреждалась на срокъ одного года международная коммиссія изъ делегатовъ великихъ державъ, для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ порядковъ ¹.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣщанія русскій посольство заявилъ, что правительство его принимаетъ сообща установленную программу какъ минимумъ, не подлежащій сокращенію. Дабы предложенія, выработанныя представителями великихъ державъ, имѣли полный успѣхъ, необходимо—сказалъ онъ—чтобы согласіе кабинетовъ было полное. Безопасность христіанъ, а равно и дѣйствительное исполненіе реформъ должны быть гарантированы присутствіемъ европейскихъ комиссаровъ, опирающихся на торжественный, а если окажется нужнымъ, то и на угрожающій образъ дѣйствій всей Европы. Рѣчь свою генералъ-адъютантъ Игнатьевъ заключилъ прочтеніемъ слѣдующей телеграммы къ нему государственнаго канцлера: «Императоръ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи достигнуть дѣйствительнаго и осязательнаго улучшенія участи христіанъ въ трехъ областяхъ, на началахъ, принятыхъ всѣми кабинетами. Императорское правительство не сомнѣвается, что христіанскіе представители вмѣнятъ себѣ въ честь заставить Порту искренно принять общія ихъ предложенія, поддержанныя единодушнымъ и твердыми рѣчами. Оно надѣется, что они не упустятъ изъ виду великой отвѣтственности, которая лежитъ на нихъ предъ исторіей и челоуѣчествомъ» ².

¹ Протоколъ константинопольской конференціи, 9-го декабря 1876 г.

² Протоколъ константинопольской конференціи, 8-го декабря 1876 г.

Предѣдатель совѣщанія не замедлил извѣстить Порту, что представители Европы готовы соединиться съ уполномоченными Турціи въ общей конференціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ султана отвѣчалъ приглашеніемъ собраться на первое засѣданіе въ Портѣ 11-го декабря.

Такимъ образомъ, вопросъ: быть ли не быть войнѣ Россіи съ Турціей былъ поставленъ въ зависимость отъ того, приметъ ли Порта единогласныя рѣшенія Европы или отвергнетъ ихъ?

Въ Берлинѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ событій на Востокѣ. Положеніе, занятое Германіею по отношенію къ намъ, князь Бисмаркъ высказалъ гласно въ рейхстагѣ, по поводу предъявленнаго ему запроса о распоряженіи русскаго правительства касательно взпанія золотомъ таможенныхъ пошлинъ. Установивъ, что Россія имѣетъ полное право распоряжаться своимъ тарифомъ по своему усмотрѣнію, нѣмецкій канцлеръ распространился о сущности отношеній къ ней Пруссіи и Германіи. «Намъ не за что»—сказалъ онъ—«выпрашивать у Россіи какихъ либо торговыхъ льготъ или уступокъ, потому что въ настоящую минуту Россія не требуетъ отъ насъ никакого содѣйствія или услуги. Она не требуетъ ничего подобнаго, потому что сама не преслѣдуетъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей. Это прямо высказалъ самъ императоръ Александръ, заявивъ, что онъ не хочетъ ни завоеваній, ни приращеній; и никто не въ правѣ сомнѣваться въ словѣ государя, который всегда былъ для Германіи доброжелательнымъ другомъ и сосѣдомъ и про котораго никто не можетъ сказать, чтобы когда нибудь слово его оказалось въ противорѣчій съ дѣломъ. Все, чего требуетъ отъ насъ Россія,—содѣйствіе въ достиженіи цѣли, которая есть и наша цѣль: защита на мирной конференціи христіанскихъ подданныхъ султана отъ злоупотребленій и насилій, несомнѣстныхъ съ правовыми воззрѣніями всей современной Европы. Это составляетъ какъ бы продолженіе борьбы за гражданственность. Возможно, что, не взирая на единомысліе всѣхъ великихъ державъ, константинопольская конференція не приведетъ къ желаемому результату, и въ такомъ случаѣ Россія выступитъ впередъ одна, чтобы силою оружія отвоевать у Порты то, чего не удалось добиться отъ нея мирными средствами. Но и на этотъ случай Россія не требуетъ отъ насъ никакой услуги, а только нейтралитета, который вполне отвѣчаетъ и собственнымъ нашимъ интересамъ. Должны ли мы запретить ей достигнуть цѣли, которая есть, съ тѣмъ вмѣстѣ, и наша цѣль? Не можемъ же мы въ ту минуту, когда Россія приводитъ въ движеніе свои силы, чтобы направить ихъ къ нашимъ общимъ цѣлямъ, послать войска къ ея границамъ, чтобы

воспретить ей это? Вѣдь такой глупости не посоветуетъ самъ депутатъ, сдѣлавшій запросъ. Изъ этого по здоровой логикѣ слѣдуетъ совершенно ясно, что Россія не предъявляетъ къ намъ никакихъ требованій, за которыя мы могли бы попросить у нея вознагражденія, всего менѣе въ области промышленной и торговой». Бисмаркъ воспользовался случаемъ, чтобы выяснитъ истинный смыслъ сужденія, высказаннаго имъ на одномъ изъ своихъ парламентскихъ обѣдовъ: что онъ не станетъ совѣтовать императору дѣятельнаго вмѣшательства Германіи въ Восточный вопросъ до тѣхъ поръ, пока не затрогивается въ немъ интересъ, «который стоилъ бы здоровыхъ костей хотя бы одного померанскаго мушкетера». Этими онъ хотѣлъ сказать, что Германія должна щадить своихъ гражданъ и вѣнговъ, устраняя себя отъ политки, не касающейся собственныхъ ея польвъ. Въ Восточномъ вопросѣ она—наименѣ заинтересованная держава. Свою задачу Бисмаркъ понимаетъ такъ: въ дипломатическомъ обиходѣ стараться, по возможности, поддержать добрыя отношенія съ державами, интересы которыхъ ближе затрогиваются усложненіями на Востокѣ. Она была бы неосуществима, если бы кто либо изъ друзей Германіи потребовалъ отъ нея сильнѣйшаго проявленія дружбы къ нему и враждебнаго отношенія къ другому другу, который не причинилъ Германіи никакого зла и хочетъ оставаться ея другомъ. Но такихъ требованій къ ней никто и не предъявляетъ. Великія державы дорожатъ дружбою и благоволеніемъ Германіи, и одинаковое дружественное отношеніе ея ко всѣмъ находятъ вполне естественнымъ и правильнымъ. Онѣ признаютъ даже каждая для себя пользу такого положенія Германіи, которая можетъ выступить съ успѣшнымъ посредничествомъ, либо для предупрежденія войны, либо, если это окажется невозможнымъ, для ограниченія ея предѣлами, которыя не дали бы войнѣ на Востокѣ обратиться въ обще-европейскую войну. Даже въ случаѣ неудачнаго исхода конференціи, вслѣдствіе или несогласія державъ между собою или отказа Порты принять ихъ рѣшенія, и если Россія станетъ дѣйствовать одиноко, то и тогда нѣтъ надобности, чтобы въ войнѣ ея съ Турціей приняли участіе другія державы. По крайней мѣрѣ усилія Германіи будутъ направлены къ тому, чтобы, путемъ дружественныхъ представленій и доброжелательнымъ, для обѣихъ сторонъ, посредничествомъ, воспрепятствовать расширенію сферы войны. Какъ ни противоположны интересы, напримѣръ, Россіи и Англіи, лучше для обѣихъ державъ, географическое положеніе которыхъ мѣшаетъ имъ нанести другъ другу чувствительный ударъ, попытаться согласовать ихъ въ мирномъ договорѣ, чѣмъ истощать свои силы въ бесплодной борьбѣ. «И такъ»—заклю-

члѣ Бисмаркъ, — «наши усилія будутъ направлены: во-первыхъ, къ тому, чтобы сохранить миръ для себя и съ нашими нынѣшними друзьями; во-вторыхъ, чтобы, насколько это окажется доступнымъ путемъ дружественнаго, всѣмъ сторонами съ готовностью принятаго, посредничества, исключаящаго всякую отъ насъ угрозу, сохранить миръ по возможности и между европейскими державами, другими словами, — локализовать войну, если она вспыхнетъ на Востокѣ, а если это намъ не удастся, то тогда создается новое положеніе, относительно котораго я не могу вдаваться въ предположенія»¹.

Въ Петербургѣ рѣчь нѣмецкаго канцлера произвела самое благоприятное впечатлѣніе, и государь, и князь Горчаковъ выразили ему чрезъ посла въ Берлинѣ горячую благодарность. Выслушавъ комплименты Убри, онъ сказалъ: «Хорошо, но теперь сдѣлайте же что нибудь для нашей торговли», и пригрозилъ, что, въ случаѣ упорства Россіи въ покровительственной системѣ, Германія возвыситъ ввозныя пошлины на русскій хлѣбъ. Разговоръ перешелъ на положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Представитель Германіи въ Лондонѣ доносилъ, что въ случаѣ отказа Порты исполнить требованія державъ, Англія не расположена произвести на нее серьезное давленіе. Узнавъ объ этомъ, императоръ Вильгельмъ приказалъ своему канцлеру настоять на такомъ давленіи въ Лондонѣ, столько же изъ дружбы къ императору Александру, сколько и изъ сочувствія къ русской арміи, вынужденной выжидать исхода дипломатическихъ переговоровъ въ полномъ вооруженіи. «Бѣдные русскіе солдаты!» — вырвалось у старца-императора — «на походѣ, при 25° мороза!» — О рѣшеніи Порты Бисмаркъ отозвался, что едва ли она подчинится постановленіямъ конференціи. Угроза отозванія изъ Константинополя пословъ великихъ державъ не испугаетъ ее, а скорѣе обрадуетъ. Исполненіе ея она сочтетъ подаркомъ Неба къ мусульманскому празднику Курбанъ-Байрама и охотно пожертвуетъ всѣмъ шестью послами, чтобы только избавиться отъ генерала Пнатьева. «Я вижу отсюда» — прибавилъ нѣмецкій канцлеръ — «старыхъ турокъ, послѣ того, какъ послѣдній посолъ оборотится къ нимъ спиною, отъ радости бросающихъ въ воздухъ свои чалмы и ловящихъ ихъ на остріе обнаженныхъ ятагановъ!» Объ Австріи Бисмаркъ спросилъ, подвинулись ли наши съ нею переговоры, и прибавилъ, что самъ измѣнитъ свои къ ней отношенія, если вѣнскій дворъ, покинувъ почву соглашенія трехъ императоровъ, приметъ относительно Россіи политику безчестную или враждебную;

¹ Рѣчь князя Бисмарка въ рейхстагѣ, 24-го ноября 1876 г.

про Англію онъ отозвался, что едва ли она выступитъ вооруженною защитницею Турціи, въ случаѣ войны ея съ Россіей; совѣтовалъ не стѣсняться съ Румыніей, такъ какъ берлинскій дворъ все не расположенъ стоять за князя Карла, не смотря на близкое родство его съ прусскимъ королевскимъ домомъ; наконецъ, съ прошею упомянулъ о поспѣшности, съ которою король бельгійцевъ ухватился за мысль о водвореніи порядка въ Болгаріи отрядомъ бельгійскихъ войскъ.

Между тѣмъ, въ русскихъ правительственныхъ кругахъ начали свykаться съ мыслью, что всякое рѣшительное дѣйствіе лучше отложить до весны. Запрошенный насчетъ этого, князь Бисмаркъ отвѣчалъ, что русскій дворъ самъ лучшій судья въ этомъ дѣлѣ; что онъ долженъ рѣшить, достаточно ли мобилизовано войскъ, чтобы одолѣть Турцію, собирающую со своей стороны значительныя военныя силы, и въ какой степени онъ можетъ быть увѣренъ въ Австрію? Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ вступать въ бой, не обезпечивъ себя въ возможности съ самаго начала нанести рѣшительный ударъ противнику. Затягивать приступленіе къ дѣлу представляетъ и выгоды, и неудобства. Все это надо взвѣсить. Самъ же Бисмаркъ во всѣхъ рѣшеніяхъ своей жизни опасался одного: непредвидѣннаго. Кто поручится—спрашивалъ онъ—что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ не произойдетъ переменъ въ Англіи и въ самомъ Берлинѣ? Съ этою случайностью должно считаться. Какъ знать: что произойдетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ чрезъ три или четыре года Восточный вопросъ непремѣнно снова станетъ на очередь?

Такія рѣчи Бисмарка ясно указывали на его предпочтенія: онъ всячески старался поощрять русскій дворъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Посвященный въ тайну довѣрительныхъ переговоровъ, которые велись въ Вѣнѣ съ цѣлью выговорить нейтралитетъ Австро-Венгрии на случай русско-турской войны, онъ нѣсколько разъ объявилъ, что перестанетъ поддерживать монархію Габсбурговъ, если та не отрѣшится отъ своихъ предубѣжденій противъ Россіи, станетъ дѣйствовать враждебно по отношенію къ ней или не исполнитъ принятыхъ предъ нею обязательствъ¹.

Когда, въ концѣ декабря, выяснилось, что Порта предпочитаетъ рискъ войны съ Россіей подчиненію требованіямъ конференціи, нѣмецкій канцлеръ, на вопросъ русскаго посла, что теперь произойдетъ,—разразился страстною и пламенною рѣчью. «Въ резуль-

¹ Убри князю Горчакову, 17-го декабря 1876 г.

татѣ»—говоритъ онъ—«сомнѣваться нельзя: Россія пойдетъ впередъ, она должна идти; необходимо, чтобы она открыла пальбу. Она выберетъ свое время. Переходъ чрезъ Дунай всегда труденъ; нѣтъ надобности предпринимать его, пока идетъ ледъ; Россія должна подготовиться такъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, и не дѣлать ни шагу впередъ, не удостовѣрившись въ возможности полной и блестящей побѣды. Быть можетъ, я и не зашелъ бы такъ далеко, какъ пошли у васъ. Я, вѣроятно, мобилизовалъ бы армію, не возвѣщая о томъ, не предупреждая всю Европу о намѣреніи занять турецкія области. Допускаю, что этимъ способомъ у васъ хотѣли повліять на Порту и на кабинеты, но притомъ зашли дальше, чѣмъ бы слѣдовало. Теперь Россія должна дѣйствовать. Нельзя допустить, чтобы сказали, что она отступила передъ турками. Это будетъ стоить человѣческихъ жертвъ. Я первый скорблю о томъ. Причинить это вамъ и матеріальныя потери, но онѣ поправимы, и вашъ министръ финансовъ не долженъ колебаться принесеніемъ въ жертву послѣдней трети суммъ, уже израсходованныхъ. Такое колебаніе было бы плохимъ расчетомъ. Что будетъ, если Россія не пвлечетъ меча? Это отразится на внутреннемъ положеніи, потому что вопросъ касается народной чести и страна дорожить и имѣетъ полное право дорожить законными своими преданіями. Она, конечно, приметъ всякое рѣшеніе императора. Въ первый мѣсяцъ его еще не будутъ осуждать, но вскорѣ посыплются насмѣшки и колкости, которыя уронятъ правительство въ общественномъ уваженіи. Это вызоветъ внутри страны положеніе безпокойное, и я первый буду скорбѣть о томъ, потому что желаю видѣть Россію довольною, не хочу, въ интересахъ Европы, чтобы страна въ 70 милліоновъ жителей являлась недовольною и оскорбленною. Я постоянно твержу императору: Россіи нужно нѣсколько бунчуковъ и побѣдная пальба въ Москвѣ. По-моему—это необходимо. Принявъ надлежащія мѣры, вы обезпечите себѣ успѣхъ. Желаю, чтобы онъ былъ блестящъ елико возможно, дабы вы могли показать себя спокойными и умѣренными въ побѣдѣ. Политическое положеніе для васъ благоприятно. Державы материка не могутъ васъ стѣснить. Со времени вашей сдѣлки, за васъ стоитъ Австрія, а также и Германія, которая ради этой сдѣлки можетъ быть вамъ еще болѣе полезна. Это благоприятный кругъ, прикрывающій и обезпечивающій всѣ ваши движенія. То же и Италія. Франція не должна внушать вамъ опасеній. Даже Англія не выкажетъ вамъ враждебности, въ виду такого поведенія континентальныхъ державъ. При этихъ условіяхъ, она, по всей вѣроятности, вмѣшается лишь въ

случаѣ, если вы злоупотребите побѣдой. Я быть можетъ напрасно повторяю вамъ все это. Лучше бы мнѣ молчать. Но такъ говорилъ бы я императору, вашему августѣйшему государю, если бы былъ русскимъ и если бы его величество удостоилъ меня великой чести спросить моего мнѣнія». Нѣмецкій канцлеръ признавался, что не всѣ въ Германіи думаютъ какъ онъ; что многіе серьезныя умы выражаютъ ему опасеніе, какъ бы, поддержанная Германіей въ своихъ политическихъ замыслахъ, Россія не создала ей со временемъ затрудненій. «Я не раздѣляю этихъ опасеній»—воскликнулъ Бисмаркъ—«моя точка зрѣнія—совсѣмъ пная. Россія всегда была нашимъ искреннимъ другомъ. Въ продолженіе минувшихъ десяти лѣтъ дружественное расположеніе ея облегчило намъ нашу политическую роль и наши успѣхи. Германія обязана принять это въ расчетъ и облегчить нынѣ Россіи политку ея и требованія въ національномъ и популярномъ вопросѣ. Вотъ почему я хочу, чтобы вы имѣли успѣхъ, чтобы восторжествовала ваша политка. Я хочу, чтобы Германія выплатила вамъ свой долгъ и чтобы у васъ не могли сожалѣть о содѣйствіи, оказанномъ вами въ утвержденіи нынѣшняго нашего положенія. Хочу, однимъ словомъ, чтобы вы не оспаривали нашихъ успѣховъ и чтобы Германія со своей стороны не противилась вашимъ успѣхамъ»¹.

На эти заявленія князя Бисмарка снова послѣдовали выраженія благодарности изъ Петербурга. Ободренный ими, онъ, при одномъ изъ слѣдующихъ свиданій съ русскимъ посломъ, сказалъ, что не имѣетъ ничего сообщить ему, а только хочетъ «спросить у него инструкцій». Каковы, въ сущности, намѣренія русскаго двора? Желаетъ ли онъ придти къ разрыву съ Турціей, или выиграть время до тѣхъ поръ, пока война станетъ возможною и окончатся ея вооруженія, или, наконецъ, предпочитаетъ вовсе избѣжать войны, довольствуясь болѣе или менѣе благоприятными результатами, добытыми отъ Порты конференціею. «Эти три исхода одинаково возможны»—разсуждалъ Бисмаркъ. Но онъ хотѣлъ бы знать, который изъ нихъ наиболѣе отвѣчаетъ видамъ русскаго двора, чтобы сообразовать съ нимъ собственные поступки и расположить въ его пользу общественное мнѣніе Германіи и Европы, смотря по обстоятельствамъ, или осуждая турокъ за ихъ упрямство, или выставляя удовлетворительными добытые конференціею результаты, или даже восхваляя турокъ за ихъ поведеніе. Легко вліять на печать въ каждомъ изъ этихъ трехъ смысловъ и подготовить такимъ образомъ общественное мнѣніе къ политическимъ видамъ Россіи. «Но

¹ Убри вязю Горчакову, 23-го декабря 1876 г.

для этого»—настаивалъ онъ—«я долженъ знать ваши намѣренія, потому что не хочу, чтобы насъ обвинили во враждебности къ вамъ, если мы станемъ отзываться о туркахъ съ похвалою или вообще въ благоприятныхъ имъ выраженіяхъ». Впрочемъ нѣмецкій канцлеръ не хотѣлъ, чтобы его заподозрили въ намѣреніи подстрекать Россію къ войнѣ. «Я говорилъ вамъ въ прошлый разъ»—продолжалъ онъ—«такъ, какъ если бы самъ я былъ русскій; чтобы обезпечить Россію удовлетворительный и успѣшный результатъ, для достиженія котораго я, по крайней мѣрѣ, не сталъ бы беречь нѣсколько лишнихъ милліоновъ сверхъ тѣхъ, которые уже истрачены. Въ подобнаго рода случаяхъ надо не отступать предъ финансовыми жертвами для достиженія политическихъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, я предпочитаю результатъ, каковъ бы онъ ни былъ, состоянію «не по себѣ» (*état de malaise*), въ которомъ очутилась бы Россія при выходѣ изъ настоящаго кризиса и которое когда нибудь отразилось бы и на ея сосѣдяхъ, на Австріи и Англіи прежде всего, а въ концѣ концовъ, быть можетъ, и на Германіи. Какъ нѣмецъ, я долженъ былъ бы говорить иначе, потому что въ этомъ качествѣ могу лишь желать мира, болѣе выгоднаго для нашей торговли и для экономическаго положенія Германіи, чѣмъ выигранное вами сраженіе».

Общее направленіе своей политики князь Бисмаркъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я хочу, прежде всего, соблюсти наши сердечныя отношенія къ Россіи, какъ къ нашему старому и искреннему другу; во-вторыхъ,—оказать услугу, насколько это зависитъ отъ насъ, императору, вашему августѣйшему государю, и его политикѣ; въ-третьихъ—доставить удовлетвореніе и прочимъ державамъ, намъ дружественнымъ,—но Россіи прежде всего. Однако, мнѣ было бы очень пріятно, если бы оказалось возможнымъ дать какое нибудь удовлетвореніе, хорошее или дурное, также и Австріи. Это—теорія взаимнаго доброжелательства, которую я развивалъ вамъ въ прошлый разъ. Мы предпочитаемъ сосѣдей удовлетворенныхъ сосѣдямъ недовольнымъ или подчиняющимся вліянію какого либо недуга. Такова моя политика и мои виды. У насъ нѣтъ тайныхъ замысловъ, ни другихъ цѣлей. Пзъясненія вашего кабинета дали намъ поводъ предположить, что вы хотите войны. Если вы ея не предвидите, то мы можемъ дѣйствовать въ смыслѣ миролюбивыхъ вашихъ намѣреній. Но намъ необходимо ихъ знать. Вотъ почему я прошу у васъ инструкцій».

Нѣмецкій канцлеръ былъ того мнѣнія, что напрасно русскій дворъ, въ дипломатическихъ своихъ сообщеніяхъ, такъ часто ссылается на Европу и, злоупотребляя ея именемъ, ставитъ въ зависимость отъ нея исходъ своихъ несогласій съ Турціею. Что такое

Европа?—спрашивалъ онъ, и кого слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ названіемъ? Это понятіе неопредѣленное и отвлеченное, и самъ онъ всегда его оспаривалъ. При этомъ Бисмаркъ сослался на примѣръ 1863 года, когда англійскій посолъ также убѣждалъ его именемъ Европы: «Когда Англія и Франція говорятъ сообща, то подъ именемъ Европы разумѣютъ самихъ себя и какъ бы забываютъ о существованіи другихъ державъ. Я знаю Россію, знаю Англію, знаю ту державу, къ которой обращаюсь, но рѣшительно не знаю того, что любятъ обозначать неяснымъ терминомъ—Европа»¹.

Князь Горчаковъ усмотрѣлъ въ запросѣ нѣмецкаго канцлера, — какъ бы обвиненіе себя и спѣшилъ въ немъ оправдаться, поручивъ передать Бисмарку, что и онъ также находить, что въ политическихъ кризисахъ на первомъ планѣ должно стоять дѣло, а не слова. Перечисливъ все предложенія русскаго двора для умпротворенія Востока, нашъ канцлеръ дѣйствию русскаго ультиматума приписывалъ созваніе конференціи, на которой Россія проявила крайнюю умѣренность и миролюбіе съ цѣлью собрать во-едино мнѣнія шести великихъ державъ и противопоставить Турціи единодушіе «Великой Европы». Результатъ этотъ достигнуть. По всей вѣроятности, Порта дастъ уклончивый отвѣтъ, равносплыный отказу. За закрытіемъ конференціи послѣдуетъ отъѣздъ изъ Константинополя пословъ. Неужели же этимъ кончится роль шести великихъ державъ? Неужели Европа останется неподвижною передъ такимъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ ея чести и достоинству? Русскій канцлеръ выражалъ въ этомъ сомнѣніе и предоставлялъ себя обратиться къ державамъ съ запросомъ: что намѣрены они предпринять? Тогда уже—говорилъ онъ—нельзя будетъ довольствоваться болѣе или менѣе удачными редакціями, а нужно выяснитъ, на какую совокупную мѣру рѣшатся державы? Князь Горчаковъ надѣялся, что въ этомъ фазисѣ вопроса Бисмаркъ не откажетъ Россіи въ своемъ содѣйствіи, присовокупляя, что рѣчь идетъ не о размолвкѣ Россіи съ Турціей, что антагонизмъ обозначился и что существуетъ онъ между Портою и «великою христіанскою Европой».

Именемъ государя благодарилъ нашъ канцлеръ канцлера Германской Имперіи за отзывъ его объ императорѣ Александрѣ, который нынѣ, какъ и всегда, вполне на него полагается. Но, задѣтый за живое замѣчаніями Бисмарка о злоупотребленіи словомъ «Европа», князь Александръ Михайловичъ старался установить, что нынѣшнее положеніе нельзя приравнять къ тому, что существовало въ 1863 году. Всемъ извѣстно—пояснялъ онъ—кто эта «Европа», вмѣща-

¹ Убри князю Горчакову, 2-го января 1877 г.

впаяся въ восточныя усложненія. Это — Германія, Австро-Венгерія, Англія, Франція, Італія и Россія. Всѣ эти великія державы говорили на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Константинополѣ одинаковымъ языкомъ и всѣ же пришли къ тождественнымъ заключеніямъ относительно требованій, имѣющихъ быть предъявленными Портою. Въ географическомъ отношеніи Германская Имперія можетъ имѣть интересы, отличные отъ сосѣднихъ державъ, но нельзя допустить, чтобы она пожелала облечься въ мантию равнодушія (*s'envelopper dans le manteau de l'indifférence*), когда рѣчь идетъ объ обязанностяхъ высшаго порядка, налагаемыхъ человѣколюбіемъ? На этой почвѣ роль Германіи столь же преобладающа, какъ и во всѣхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ Европы, въ особенности потому, что имѣется въ виду одно только улучшеніе участи христіанъ, состоящихъ въ оттоманскомъ подданствѣ, и что ни съ одной стороны не преслѣдуется своекорыстныхъ цѣлей. Оправдывался князь Горчаковъ и противъ обвиненія въ нерѣшительности, говоря, что будущее зависить отъ отвѣта Порты на требованія конференціи. Онъ соглашался, что всѣ интересы страдаютъ отъ продолжительной неизвѣстности, но сократить ее не въ его власти. Миръ явится послѣдствіемъ подчиненія Порты рѣшеніямъ Европы. Съ другой стороны, въ зимнее время война невозможна. Таковы два препятствія, не зависящія отъ Россіи, которая не можетъ устранить господствующей дѣйствительности (*écarter des réalités qui dominent*)¹.

Еще ранѣе полученія этихъ сообщеній изъ Петербурга, Бисмаркъ выразилъ сомнѣніе въ возможности мирнаго исхода конференціи. Турки—убѣждалъ онъ нашего посла—если даже и дадутъ обѣщаніе, то все же его не сдержатъ. Тогда возникнутъ снова для Россіи затрудненія, но при условіяхъ менѣе для нея благоприятныхъ. «Я не смѣю болѣе говорить»—замѣтилъ нѣмецкій канцлеръ—«потому что меня и безъ того обвиняютъ въ подстрекательствѣ васъ къ войнѣ, но я сужу о положеніи дѣлъ не какъ редакторъ, а какъ государственный человѣкъ. Съ такою превосходною арміею, уже сосредоточенною, предпріятіе быстрое, обширное и энергичное вполнѣ возможно и было бы спасительно для вашего положенія. Допускаю, что вы предпочитаете обождать еще два или три мѣсяца, но рѣшеніе надо принять нынѣ же, чтобы расположить соответственно ему, между прочимъ, и отношенія ваши къ вассальнымъ княжествамъ. Такъ, напримѣръ, можно было бы воспользоваться законнымъ протестомъ противъ турецкой конституціи Румыніи, которую державы не могутъ покинуть на произволъ судьбы,

¹ Князь Горчаковъ Убри, 4-го и 5-го января 1877 г.

и поддержать его. Это придадо бы войнѣ характеръ не исключи- тельно русско-турецкой»¹. Но князь Горчаковъ и слышать не хотѣлъ о привлеченіи Румыніи къ дѣлу, находя, что это вопросъ «второстепенный».

Пока эти бесѣды велись между княземъ Бисмаркомъ и русскимъ посломъ въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ тоже шли у насъ дѣятельные переговоры съ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ съ цѣлью опредѣлить положеніе монархіи Габсбурговъ въ виду становившагося все болѣе и болѣе вѣроятнымъ разрыва Россіи съ Турціей. Хотя между Россією и Австро-Венгерією существовало не мало различія во взглядахъ на положеніе дѣлъ на Европейскомъ Востоку, но императорскому кабинету важно было заручиться по меньшей мѣрѣ ея нейтральностью на случай войны; вѣнскій же дворъ хотѣлъ, уговоромъ съ Россією, обезпечить за собою право участія въ опредѣленіи условій будущаго мира. Различіе этихъ двухъ исходныхъ точекъ объясняетъ тѣ препятствія, которыя пришлось преодолѣть уполномоченнымъ: русскому—Е. П. Новикову и австрійскому—графу Андраши, чтобы придти къ окончательному соглашенію.

Довѣрительные эти переговоры, въ тайну которыхъ не былъ посвященъ сначала берлинскій дворъ, начались въ ноябрѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія о русской мобилизаціи. Основаніемъ имъ служило соглашеніе, состоявшееся при личномъ свиданіи императоровъ Александра и Франца-Иосифа въ Рейхштадтскомъ замкѣ въ минувшемъ іюнѣ, согласно которому рѣшено было точно опредѣлить взаимныя обязательства обѣихъ сторонъ на время русско-турецкой войны, а также согласовать виды двухъ дворовъ относительно послѣдствій войны и территоріальнаго устройства Балканскаго полуострова въ случаѣ окончательнаго распадаенія Оттоманской Имперіи.

Дворы петербургскій и вѣнскій скоро сошлись на томъ, что въ случаѣ разрыва и войны между Россіей и Портою, Австро-Венгерія станетъ относительно Россіи въ положеніе доброжелательнаго нейтралитета (*neutralité bienveillante*); что она окажетъ Россіи дипломатическое содѣйствіе, дабы парализовать, насколько это зависитъ отъ нея, всякую попытку вмѣшательства или коллективнаго посредничества другихъ державъ; что, не отрицая дѣйствующей силы договора 3-го апрѣля 1856 года, коимъ Австрія обязалась, сообщая съ Англією и Францією, отстаивать независимость и цѣлость Турціи, вѣнскій дворъ провозгласитъ свой

¹ Убри князю Горчакову, 3-го января 1877 г.

нейтралитетъ и уклонится отъ посредничества, если таковое ему будетъ предложено на основаніи VIII статьи парижскаго трактата 18-го марта 1856 года; что въ виду необходимости для русскихъ военныхъ цѣлей временнаго загражденія Дуная, Австро-Венгрія не будетъ протестовать противъ стѣсненій судоходства по этой рѣкѣ, Россія же обяжется возстановить по ней свободу плаванія, какъ только это окажется возможнымъ; что русскіе военные лазареты могутъ быть устраиваемы, съ соблюденіемъ постановленій женевской конвенціи, вдоль линіи австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ, прилегающихъ къ границамъ Россіи и Румыніи, и что русскіе больные и раненые воины будутъ принимаемы въ военные и гражданскіе госпитали въ Галиціи и Буковинѣ, по тарифу, установленному для чиновъ австро-венгерской арміи; что правительства обѣихъ половинъ монархіи дозволятъ русскимъ правительственнымъ агентамъ и комиссіонерамъ закупать въ предѣлахъ ея все нужное для русской дѣйствующей арміи, за исключеніемъ лишь военной контрабанды, но при опредѣленіи того, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ названіемъ, будутъ придерживаться толкованія, наиболѣе благоприятнаго Россіи; что отъ Австро-Венгріи зависить избрать время и способъ для военнаго занятія Босніи и причитающейся ей части Герцеговины; что ни въ какомъ случаѣ занятіе это не должно носить характера враждебнаго Россіи, равно какъ и занятіе Болгаріи не должно быть угрожающимъ по отношенію къ Австро-Венгріи. Сверхъ того, обѣ стороны обязались не распространять своихъ военныхъ операцій: императоръ австрійскій — на Румынію, Сербію, Болгарію и Черногорію, а императоръ всероссійскій — на Боснію, Герцеговину, Сербію и Черногорію. Оба славянскія княжества и промежуточная между ними территорія имѣли служить нейтральною полосой, недоступною арміямъ обѣихъ имперій и которая должна была предотвратить непосредственное соприкосновеніе между ихъ войсками. Впрочемъ, Австро-Венгрія не противилась союзному участію Сербіи и Черногоріи въ предстоявшей войнѣ Россіи съ Турціей, но только въ предѣлахъ этихъ княжествъ. Впрочемъ, и это условіе было измѣнено впоследствии и вѣнскій дворъ призналъ, съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, право Россіи перевести войска свои на правый берегъ Дуная въ предѣлахъ княжества Сербскаго.

Но если соглашеніе по всѣмъ этимъ вопросамъ установилось между договаривающимися сторонами легко и скоро, то нѣсколько труднѣе было согласовать ихъ виды относительно послѣдствій войны и будущаго территоріальнаго устройства Балканскаго полуострова. Соглашеніе было достигнуто путемъ взаимныхъ уступокъ.

Россія согласилась на то, чтобы окончательный миръ ея съ Турціею, или, въ случаѣ распаденія послѣдней, политическое устройство Балканскаго полуострова были опредѣлены при дѣятельномъ соучастіи Австро-Венгріи и чтобы причитавшееся въ пользу послѣдней земельное приращеніе въ Босніи и части Герцеговины явилось послѣдствіемъ не прекращенія турецкаго владычества въ Европѣ, а всякаго территориальнаго измѣненія въ распредѣленіи балканскихъ земель. Со своей стороны, Австро-Венгрія приняла предложенное Россіей расширеніе предѣловъ Сербіи и Черногоріи съ предоставленіемъ имъ общей границы по рѣкѣ Лиму. Во всемъ прочемъ подтверждены были условія уговора, состоявшагося въ Рейхштадтѣ—о возвращеніи Россіи приднѣвской части Бессарабіи, о недопущеніи образованія на Балканскомъ полуостровѣ большого и сплоченнаго государства, славянскаго или иного, и о будущей участи Румелии, Албаніи, Фессаліи, Эпира, Крита, наконецъ, Константинополя.

Князь Бисмаркъ зналъ, что между Петербургомъ и Вѣною ведутся оживленные переговоры о соглашеніи въ виду все болѣе и болѣе становившейся вѣроятною войны Россіи съ Турціею, но сущность ихъ оставалась для него тайною. Обстоятельство это возбуждало въ немъ большое неудовольствіе и подозрѣніе, какъ бы австро-русское соглашеніе не было направлено противъ Германіи? По собственному признанію его, призракъ враждебныхъ Германской Имперіи коалицій не давалъ ему покоя ни во снѣ, ни наяву и ему уже мерещилась такая именно коалиція Россіи и Австро-Венгріи, къ которой не замедлитъ приступить и Франція, что воскресило бы союзъ этихъ трехъ державъ, нѣкогда заключенный противъ Фридриха Великаго и въ Семилѣтней войнѣ приведшій Пруссію на край гибели ¹. Послѣ того какъ дворы петербургскій и вѣнскій пришли къ полному между собою соглашенію, они въ концѣ декабря условились сообщить союзному берлинскому двору выработанныя ихъ уполномоченными проекты двухъ тайныхъ конвенцій, изъ которыхъ одна опредѣляла, въ чемъ именно долженъ былъ заключаться доброжелательный нейтралитетъ Австро-Венгріи относительно Россіи во время войны ея съ Портою, а другая устанавливала будущее устройство Балканскаго полуострова въ случаѣ распаденія Оттоманской Имперіи ².

¹ См. *Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck*, II, стр. 224 и 233

² Проекты обѣихъ конвенцій сообщены при собственноручномъ письмѣ государя къ императору Вильгельму, 31-го декабря 1876 г., и переданы Убри Бисмарку три дня спустя.

Германскій канцлеръ не нашелъ въ нихъ конечно ничего, что могло бы служить угрозой Германіи, но содержаніе этихъ актовъ возбудило въ немъ другого рода тревогу. Ему ясно представилось, что непосредственное полюбовное соглашеніе Россіи съ Австро-Венгерією по дѣламъ Европейскаго Востока дѣлаеть совершенно ненужнымъ посредничество между ними Германіи и лишаетъ всякаго значенія постоянныя напомнанія его: Россіи — что ему обязана она переменною прежнихъ, враждебныхъ отношеній къ ней Австріи, а Австріи—что онъ одинъ удерживаетъ Россію отъ нападенія на нее и тѣмъ спасаетъ самое ея существованіе. Смущало его и то, что изъ рукъ Россіи получала Австрія страстно желаемое земельное приращеніе на Балканскомъ полуостровѣ—двѣ области, давно обѣщанныя ей Бисмаркомъ взамятъ понесенныхъ ею по его винѣ утратъ въ Германіи и Италіи, и приобрѣтеніе которыхъ должно было преполнять монархію Габсбурговъ благодарностью къ великодушному противнику и побудить ее, забывъ прежнія обиды, связать всю дальнѣйшую судьбу свою со сплоченною во-едино подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ Германскою Имперією.

Считая состоявшійся между Россією и Австро-Венгерією уговоръ неодолимымъ препятствіемъ къ осуществленію завѣтнаго своего замысла: примиривъ Австро-Венгерію съ Германією, приковать ее къ ней и подчинить ее своему политическому руководству,—князь Бисмаркъ рѣшился разстроить въ зародышѣ австро-русское соглашеніе. Съ этою цѣлью онъ не поколебался довѣрительно сообщить графу Андраши, что вѣнскому двору слѣдуетъ остерегаться Россіи, таящей самыя черныя и коварныя замыслы противъ своей юго-западной сосѣдки; что не далѣе какъ минушею осенью, уже послѣ свиданія въ Рейхштадтѣ императоровъ Александра и Франца-Иосифа, русскій императоръ чрезъ состоявшаго при немъ генерала Вердера, запросилъ Бисмарка, останется ли Германія нейтральною, въ случаѣ войны между Россією и Австрією; что на запросъ этотъ Бисмаркъ отвѣчалъ, что Германія ни въ какомъ случаѣ не позволитъ Россіи разгромить и разрушить Австрію; что вельдствіе такого категорическаго отзыва, императоръ Александръ рѣшилъ войска, собранныя въ Бессарабіи для нападенія на Австрію и вторженія въ Восточную Галицію, обратить противъ Турціи, а съ Австріей вступить въ довѣрительныя переговоры; что такимъ образомъ только отказу Германіи вступить въ заговоръ съ Россією противъ Австріи послѣдняя обязана своимъ спасеніемъ¹.

¹ Этотъ предательскій поступокъ Бисмарка по отношенію къ Россіи долго оставался въ тайнѣ и сталъ впервые извѣстенъ изъ обнародованнаго въ 1889 г.

Легко себѣ представить впечатлѣніе негодованія и страха, которое лживый доносъ германскаго канцлера на Россію произвелъ въ Вѣнѣ на императора Франца-Иосифа и его перваго министра. Онъ былъ изложенъ съ такими подробностями и вообще обставленъ такъ искусно, что оба они придали ему полную вѣру, и это не замедлило отразиться на ходѣ дальнѣйшихъ переговоровъ съ нами о предложенныхъ конвенціяхъ. День ото дня графъ Андраши становился непріятнѣе, несговорчивѣе и неуступчивѣе, выступая съ новыми требованіями, намѣренно тянулъ переговоры и, по совѣту Бисмарка, подписалъ наконецъ съ Новиковымъ конвенціи только въ первыхъ числахъ апрѣля, всего за нѣсколько дней до объявленія Россіею войны Турціи¹.

Само собою разумѣется, что русскимъ дипломатамъ Бисмаркъ не подавалъ и виду въ какой либо перемѣнѣ своихъ отношеній къ Россіи и, ознакомясь съ проектомъ австро-русскихъ конвенцій, сказалъ даже нашему послу, что остался ими вполне доволенъ. При этомъ онъ повѣдалъ Убри, что въ разговорахъ своихъ съ австрійскимъ посломъ поставилъ ему на видъ, что условія ихъ должны быть въ точности исполнены Австро-Венгріею, такъ какъ Германія не можетъ допустить, чтобы дружба трехъ императорскихъ дворовъ обратилась въ ущербъ Россіи. «Эти преданія княжала за пазухой»—объявилъ онъ русскому послу—«преданія австрійскія, а не наши, и Германія не позволитъ такой безчестной политикѣ»².

Какъ трудно, однако, было Бисмарку выдерживать съ нами эту роль лицемѣрнаго друга, видно изъ того, что въ бесѣдахъ съ Убри онъ съ этого дня сталъ проявлять большую нервность и раздраженіе. Такъ, когда посоль нашъ передалъ ему возраженія князя Горчакова

донесенія французскаго посла при германскомъ дворѣ, отъ 2-го ноября 1879 г., см. въ приложеніи № 24. Въ посмертныхъ своихъ Запискахъ самъ Бисмаркъ самодовольно излагаетъ его со всѣми подробностями, чѣмъ и устраняется всякое въ немъ сомнѣніе. См. *Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck*, II стр. 211 — 215. Злобный доносъ свой на Россію германскій канцлеръ сдѣлалъ впрочемъ не одной Австріи и 15-го января 1877 г. писалъ любимцу и оберъ-штабмейстеру короля баварскаго графу Горнштейну: «Ближайшее давленіе этой комбинаціи (сбора русскихъ войскъ въ Бессарабіи) повидимому направляется или хочетъ направиться противъ Австріи (*Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen*, II, стр. 492 и 493).

¹ Обѣ конвенціи, хотя и подписанныя въ началѣ апрѣля, были помѣчены 3-мъ (15-мъ) января 1877 года. Содержаніе первой изъ нихъ, военной, изложено въ Описаніи войны 1877—1878 годовъ, изданномъ военно-историческою комиссіею Главнаго Штаба, II, стр. 6 и 7, но съ невѣрно выставленнымъ числомъ 15-го (27-го) января 1877 года.

² Убри князю Горчакову, 19-го декабря 1876 г.

на его заявленія о томъ, что онъ «не знаетъ Европы»,—германскій канцлеръ выслушалъ ихъ угрюмо и сдержанно, не проронивъ ни одного слова, и только на изъявленіе благодарности государя замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, онъ не всегда пользовался довѣріемъ императора Александра, именно два года тому назадъ, когда въ письмахъ къ дядѣ его величество жаловался на «печать канцлера» (*la presse du chancelier*), которой приписывалъ распространение воинственныхъ слуховъ. Бисмаркъ не настаивалъ болѣе на своихъ предложеніяхъ услугъ и ограничился обсужденіемъ вѣроятныхъ послѣдствій неудачнаго похода константинопольской конференціи. Германія, напомнилъ онъ, не желала ея. Самъ онъ всегда думалъ, что, вмѣсто того, чтобы разрѣшить усложненія, конференція вызоветъ лишь разладъ между державами. Опасеніе это, къ счастью, не оправдалось. Но все же это дипломатическое совѣщаніе потерпѣло неудачу. Причиною тому Бисмаркъ считалъ то обстоятельство, что конференція слишкомъ много торговалась, уступала и тѣмъ только поддерживала турокъ въ ихъ сопротивленіи. Лучше было бы, если бы она, выработавъ свою программу, предъявила ее Портѣ въ видѣ положительнаго требованія (*sommatіon*). Отозваніе пословъ—театральный эффектъ и не болѣе, и надо удивляться, какъ могъ генераль Игнатьевъ вообразить, что такая угроза, въ послѣднюю минуту, подѣйствуетъ на турокъ и побудитъ ихъ къ уступчивости? Они, напротивъ, какъ нельзя болѣе рады, что наконецъ избавятся отъ него. Что касается до возвышеннаго русскаго циркуляра, то Бисмаркъ спрашивалъ: какаѣя его цѣль? Если это только запросъ, предъявленный державамъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе, то онъ вѣроятно останется безъ послѣдствій; всѣ онъ отвѣтятъ также запросомъ, обращеннымъ къ Россіи, и все кончится ничѣмъ. Другое дѣло, если циркуляръ предложитъ точныя и опредѣленные мѣры. Тогда цѣль его будетъ положительна и практична. Бисмаркъ нахекнулъ на понудительный характеръ этихъ мѣръ и слегка коснулся возможности совмѣстнаго австро-русскаго вооруженнаго вмѣшательства. О соглашеніи между Петербургомъ и Вѣною, онъ снова отозвался одобрительно, находя его достаточнымъ для того, чтобы вѣнскій дворъ не уклонился отъ соучастія съ Россіей (*ne puisse vous fausser compagnie*), и прибавилъ, что сообщеніе основаній соглашенія обѣими сторонами общему другу заключаетъ въ себѣ ручательство за ихъ исполненіе. Онъ совѣтовалъ условиться на всякій случай и съ Румыніей, но ни въ какомъ случаѣ не стѣсняться съ нею. Германія ничѣмъ не связана съ принцемъ Карломъ, сохраненіе за которымъ румынскаго престола не составляетъ герман-

скаго интереса, и въ случаѣ какого-либо переворота отецъ его настолько богатъ, что будетъ въ состояніи обезпечить его участь ¹.

Такія подстрекательства Бисмарка къ войнѣ въ перемежку съ злобною критикою дѣйствию нашей дипломатіи, высказанной къ тому же въ рѣзкомъ и далеко не дружественномъ тонѣ, начинали беспокоить князя Горчакова, называвшаго въ письмахъ своихъ къ Убри германскаго канцлера «великимъ искителемъ въ пустынь» (*le grand tentateur de la montagne*). Но посолъ нашъ въ Берлинѣ успокаивалъ его, утверждая, «что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Бисмаркъ продолжаетъ оставаться въ согласіи съ нами» ².

Другой русскій дипломатъ, посолъ въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ шель еще далѣе. Связанный съ княземъ Бисмаркомъ долготѣною личною дружбою, онъ искренно считалъ его безкорытнымъ, благодарнымъ и преданнымъ Россіи другомъ, и въ письмѣ къ нему высказалъ свой взглядъ на тройственный союзъ императоровъ, въ которомъ Австрія была, по мнѣнію графа, лишь молодою вѣткою, привитою къ старому и могучему стволу вѣковой дружбы Пруссіи съ Россіей. Задачу же этихъ державъ въ «двойственномъ ихъ соглашеніи» опредѣлялъ такъ: чтобы Россія не позволяла образованія коаліціи противъ Германіи на Западѣ, а чтобы та платила ей тѣмъ же на Востокѣ ³.

Характерно отвѣтное письмо Бисмарка, въ которомъ онъ, не разрушая иллюзіи Шувалова, ловко уклонился отъ прямого отвѣта на поставленный имъ вопросъ. Выражая полное согласіе съ мыслями графа Петра Андреевича о полной тождественности политическихъ интересовъ Германіи и Россіи, германскій канцлеръ увѣрялъ, что онъ послѣдовательно и неуклонно проводилъ ихъ во всей своей государственной дѣятельности, въ 1848, въ 1854 и въ 1863 годахъ, какъ проводилъ ихъ и нынѣ. Дѣло это однако легче разрушить, чѣмъ создать и преемники его едва ли сумѣютъ соблюсти его въ виду непостоянства и ненадежности людей, руководящихъ вѣшнею политикою Россіи. Стѣдовалъ рядъ колкихъ замѣчаній по поводу постоянного стремленія князя Горчакова загрызвать съ Франціею, которое рано или поздно приведетъ къ ослабленію дружбы Германіи къ Россіи. Разумѣется, Бисмаркъ возставалъ противъ такого исхода и даже увѣрялъ, что, пока онъ останется у власти, Рос-

¹ Убри князю Горчакову, 10-го января 1877 г.

² Убри князю Горчакову, 7-го марта 1877 г.

³ Графъ Шуваловъ князю Бисмарку, 22-го января 1877 г., въ *Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen von Hans Kohl*, стр. 171 и 172.

сн трудно будетъ «освободиться» отъ союза съ нимъ, но тутъ же заявлялъ о намѣреніи своемъ не далѣе слѣдующей осени, въ виду совершенно разстроеннаго здоровья, удалиться на покой ¹.

Отвѣтъ Бирмарка не только не вызвалъ въ Шуваловѣ никакихъ сомнѣній, но привелъ его въ совершенный восторгъ. Онъ поспѣшилъ написать германскому канцлеру, что онъ боялся, «что то, что существовало, болѣе уже не существуетъ», но что Бисмаркъ далъ ему доказательство противнаго и что онъ, не только возрадовался этому, какъ добрый русскій, отъ всего сердца, но и сообщилъ письмо Бисмарка своему государю, которому, конечно, оно доставитъ большое удовольствіе ².

Князь Бисмаркъ не ограничился тѣмъ, что затормозилъ заключеніе письменнаго договора Россіи съ Австро-Венгріею. Онъ же долго удерживалъ Румынію отъ подписанія конвенціи о свободномъ проходѣ русскихъ войскъ чрезъ территорию этого княжества на случай предстоящей войны съ Турціею.

Въ половинѣ ноября прибылъ въ Бухарестъ, соблюдая строгое инкогнито, совѣтникъ нашего посольства въ Константинополѣ А. П. Нелидовъ съ предложеніемъ такой конвенціи, переговоры о которой велся въ строжайшей тайнѣ между нимъ и первымъ министромъ князя румынскаго, Братіано. Они пришли къ соглашенію въ нѣсколько дней, но прошли цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ установленный между ними договоръ былъ утвержденъ и подписанъ. Лично самъ князь Карлъ и два-три его министра склонялись въ пользу соглашенія съ Россіею въ виду готовившихся на Европейскомъ Востокѣ важныхъ событій; но большинство румынскихъ министровъ было не въ пользу его и предпочитало безусловный нейтралитетъ Румыніи. Въ томъ же смыслѣ давалъ ей совѣты вѣнскій дворъ, убѣждая бухарестское правительство, въ случаѣ вступленія русской арміи въ княжество, не оказывать имъ сопротивленія, но и не вступать въ сдѣлку съ Россіею, а отвести румынскія войска въ Малую Валахію, гдѣ они могли бы опереться на расположенныя вдоль границы, австро-венгерскія войска. Запрошенный по этому поводу княземъ Карломъ, германскій канцлеръ выразилъ мнѣніе, что нѣтъ повода ожидать столкновенія между Австріею и Россіею и что Румыніи выгоднѣе впуститъ русскія войска въ княжество по договору, чѣмъ безъ него; но что не слѣдуетъ торопиться заключеніемъ конвенціи.

¹ Князь Бисмаркъ графу Шувалову, 8-го февраля 1877 г., *Ibid.*, стр. 173 и 174.

² Графъ Шуваловъ князю Бисмарку, 18-го февраля 1877 г., *Gedanken und Erinnerungen*, II, стр. 222—224.

Договоръ между Россіею и Румыніею былъ дѣйствительно подписанъ генеральнымъ консуломъ нашимъ въ Бухарестѣ, барономъ Стуртомъ, съ русской стороны п мнштромъ иностранныхъ дѣлъ Когальничано—съ румынской только за недѣлю до перехода русскихъ войскъ чрезъ Прутъ. Овъ состоялъ изъ двухъ конвенцій. Первая, всего изъ 4-хъ статей, обезпечивала русской арміи на все время войны съ Турціей свободный проходъ чрезъ Румынію, подъ условіемъ признанія политическихъ правъ княжества, цѣлости его территоріи, соблюденія его законовъ и расплаты съ жителями за всѣ поставки ихъ нашимъ войскамъ: вторая конвенція, въ 26-ти статьяхъ, устанавливала до малѣйшихъ подробностей порядокъ слѣдованія русской арміи чрезъ Румынію и всѣ истекающія изъ него послѣдствія ¹.

Какъ и слѣдовало ожидать, константинопольская конференція разошлась, не достигнувъ цѣли. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца—съ 11-го декабря до 8-го января—турецкіе уполномоченные, ссылаясь на введенную во всей Оттоманской Имперіи конституцію по западно-европейскому образцу, оспаривали программу реформъ, предложенную имъ отъ имени шести великихъ державъ. Въ заключеніе они изъявили согласіе на условное принятіе лишь нѣкоторыхъ статей ея, за исключеніемъ двухъ главнѣйшихъ—назначенія Портою въ христіанскія области генералъ-губернаторовъ съ согласія державъ и установленія комиссіи изъ представителей державъ для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе и исполненіемъ условленныхъ въ пользу христіанъ преобразованій. Тогда всѣ прочіе члены конференціи объявили, что правительства отзываютъ изъ Константинополя пословъ своихъ, возлагая на Турцію отвѣтственность за гибельныя для нея самой послѣдствія ея упорства ². Русскій посоль оставилъ турецкую столицу 15-го января, одновременно со всѣми своими сотоварищами, представителями великихъ державъ. Четыре дня спустя князь Горчаковъ обратился къ европейскимъ кабинетамъ съ возвѣщеннымъ заранѣе запросомъ.

Въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, государственный канцлеръ, подтвердивъ снова, что Россія считаетъ Восточный вопросъ вопросомъ челоувѣколюбія и общаго интереса, изложилъ подробно ходъ переговоровъ, приведшихъ къ созванію константинопольской конференціи, завер-

¹ Русско-румынскія конвенціи, 4-го апрѣля 1877 г. О переговорахъ, предшествовавшихъ ихъ заключенію, см. Aus dem Leben König Karls von Rumänien, III, стр. 76—136.

² Протоколъ константинопольской конференціи, 8-го января 1877 г.

шившейся упрямымъ отказомъ Порты исполнить волю соединенной Европы. «Положеніе Востока»,—писалъ князь,—«не только не подвинулось по пути къ благопріятному рѣшенію, но еще ухудшилось и остается постоянною угрозою для спокойствія Европы, для чувствъ челоуѣколюбія и для совѣсти христіанскихъ народовъ. При такихъ обстоятельствахъ государь императоръ, прежде чѣмъ опредѣлить направленіе, въ коемъ онъ станетъ дѣйствовать, желаетъ знать то, на которомъ останоятся кабинеты, съ коими мы старались доселѣ, хотимъ и впредь, насколько это будетъ возможно, идти сообща. Цѣль, которую имѣютъ въ виду великія державы, ясно опредѣлена актами конференціи. Отказъ турецкаго правительства оскорбляетъ Европу въ ея достоинствѣ и спокойствіи. Намъ необходимо знать, что намѣрены предпринять кабинеты, съ которыми мы доселѣ совѣщались, дабы отвѣчать на этотъ отказъ и обезпечить исполненіе ихъ воли»¹.

[Принимая циркуляръ князя Горчакова изъ рукъ русскаго посла, выразившаго надежду, что и въ этомъ фазисѣ вопроса нѣмецкій канцлеръ окажетъ дружественное содѣйствіе Россіи, князь Бисмаркъ отвѣчалъ, что радъ намъ быть полезнымъ, лишь бы мы не требовали участія прусскихъ баталіоновъ въ военномъ вмѣшательствѣ. Германія ни подъ какимъ видомъ не станетъ участвовать въ занятіи турецкихъ областей. Для этого положеніе балканскихъ христіанъ не вызываетъ достаточнаго сочувствія въ странѣ и весь вопросъ для нея не представляется достаточно важнымъ. Но Германіи все равно, приметъ ли нѣтъ участіе въ военномъ занятіи какая либо иная держава. Чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ лучше для Германіи, положеніе которой станетъ обезпеченнѣе. Что же касается просимаго нами содѣйствія, то Бисмаркъ не прочь оказать намъ его, съ тѣмъ, однако, чтобы мы доставили ему къ тому возможность, сказавъ, чего мы собственно хотимъ? Для этого онъ и спрашивалъ у русскаго посла инструкціи нѣсколько недѣль назадъ, такъ какъ ему одинаково легко распространить въ общественномъ мнѣніи Германіи убѣжденіе, что война нужна и даже необходима, или—что она не нужна и можно избѣжать ея. Россія, повидимому, желаетъ обезпечить участь христіанъ Востока, не прибѣгая къ войнѣ. Но возможно ли это? Порта дала отказъ и державы едва ли рѣшатся на угрозы или на понужденіе. Между тѣмъ, Порта уступила бы только тѣмъ или другимъ. На какой же мѣрѣ остановиться въ виду такого положенія дѣла? «Я ея не впжусь»—объявилъ Бисмаркъ.—«Вѣдь это такъ же трудно, какъ найти философскій камень». Онъ не пред-

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 19-го января 1877 г.

видѣлъ успѣха ни отъ новой тождественной ноты державъ, ни отъ письменнаго обѣщанія Англіи не поддерживать Порту въ ея упрямствѣ. Къ тому же, роль его, замѣтилъ онъ, затрудняется постоянными нападками на него печати вообще, и въ частности—русской печати. Когда Бисмаркъ высказывается въ пользу Россіи, его винятъ въ подстрекательствѣ къ войнѣ, а когда онъ этого не дѣлаетъ, то жалуются на его сочувствіе къ туркамъ. Впрочемъ, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы сохранить миръ, который вызывается и экономическими потребностями Германіи, и безпокойствомъ, внушаемымъ ей размѣрами французскихъ вооруженій ¹.

По совѣту Англіи, Порта объявила великимъ державамъ, что хотя она и отвергла ихъ формальное вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла, какъ посягательство на ея независимость, но намѣрена по собственному почину ввести большую часть потребованныхъ отъ нея улучшеній не только въ трехъ возставшихъ областяхъ, но и на всемъ пространствѣ Оттоманской Имперіи и притомъ въ пользу не однихъ христіанъ, но и мусульманъ. Тогда же великій визирь пригласилъ князей Сербіи и Черногоріи прислать уполномоченныхъ въ Константинополь, чтобы вступить съ Портою въ непосредственные переговоры о мирѣ. На приглашеніе его откликнулись князья Миланъ и Николай. Миръ съ Сербіей былъ подписанъ на основаніи *status quo ante bellum* 16-го февраля. Главнымъ препятствіемъ къ заключенію мира съ Черногоріей было не столько потребованныя ею земельныя уступки, сколько настояніе Порты, чтобы княжество это признало себя въ вассальномъ къ ней подчиненіи и, слѣдовательно, составною частью Имперіи султановъ.

✓ Заключеніе мира съ Сербією и мирные переговоры, начатыя Портою съ Черногорією, въ связи съ уклончивымъ отвѣтомъ на русскій циркуляръ, полученнымъ отъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, вызвали въ Петербургѣ новыя колебанія. И государь, и канцлеръ склонялись въ пользу мира, лишь бы найти благовидный исходъ изъ положенія, созданнаго предшедшими заявленіями русской дипломатіи. Въ письмахъ къ представителямъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ князь Горчаковъ не скрывалъ своего разочарованія, утверждая, что Россія можетъ положиться только на самое себя и что содѣйствіе союзныхъ съ нею державъ не болѣе какъ призракъ. Въ первыхъ числахъ февраля русскій посолъ въ Лондонѣ заявилъ великобританскому правительству, что императоръ Александръ не упускаетъ изъ виду все ту же цѣль, хотя средства

Убри князю Горчакову, 24-го января 1877 г

къ ея достиженію могутъ измѣняться, сообразно обстоятельствамъ. Цѣль эта та, которую преслѣдуетъ и вся Европа—миръ между Турціей, Сербіей и Черногоріей и улучшеніе участи турецкихъ христіанъ на основаніяхъ, указанныхъ великими державами. Русскій императоръ не разъ объявлялъ, что стремится къ такому разрѣшенію Восточнаго вопроса въ согласіи съ прочими державами, и что пока согласіе это существуетъ, онъ не отдѣлится отъ нихъ. По мнѣнію князя Горчакова, главная опасность будетъ устранена, если состоится миръ между Портою и славянскими княжествами. Если, одновременно, Порта, согласно даннымъ ею обѣщаніямъ, дѣйствительно приметъ мѣры къ улучшенію участи своихъ христіанскихъ подданныхъ, то, конечно, императоръ Александръ возьметъ этотъ результатъ въ соображеніе. Нужно только, чтобы приступлено было къ дѣлу и чтобы дѣлалось оно не на однихъ словахъ. Тогда выяснится, должна ли Россія дѣйствовать сообща съ прочими державами или одиноко, на свой страхъ? Если великія державы отвѣтятъ ей, что онѣ продолжаютъ настаивать на своихъ требованіяхъ улучшить участь христіанскаго населенія турецкихъ областей и что единодушная воля Европы должна быть уважена Турціею; если установлено будетъ какъ основное начало, что Европа не оставляетъ на произволъ судьбы будущее этого населенія, то Россіи нѣтъ причинъ перестать стремиться къ этой цѣли совокупно съ прочими державами. Искреннее желаніе императора Александра—достигнуть мирнаго разрѣшенія восточныхъ усложненій¹.

Такія же точно заявленія были сдѣланы и прочимъ великимъ державамъ. Всѣмъ имъ было объявлено, что Россія, хотя и имѣетъ уже подъ ружьемъ и готовыми къ дѣйствию полмилліона воиновъ, но все же предпочитаетъ мирный исходъ. Нужно только дать ей достаточныя основанія, чтобы оправдать разоруженіе и жертвы, возложенныя на страну. Зависитъ это отъ европейскихъ державъ, лишь бы онѣ провозгласили, что продолжаютъ считать необходимыми дѣйствительныя улучшенія участи балканскихъ христіанъ и что если такое улучшеніе не состоится, то они изыщутъ средства къ его осуществленію. Для разъясненія условій, при которыхъ Россія получила бы возможность приступить къ разоруженію, отправленъ былъ въ главныя европейскія столицы посоль въ Константинополь, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Онъ объѣхалъ послѣдовательно Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣну и всюду свидѣтельствовалъ о миролюбивомъ настроеніи русскаго императора, внушая, что война можетъ повести къ разрушенію

¹ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 7-го февраля 1877 г.

Турціи, равно нежелательному для Россіи и Европы. Въ бытность его въ Лондонѣ, графъ Шуваловъ вручилъ лорду Дерби проектъ протокола, подписаніе котораго представителями всѣхъ европейскихъ державъ должно было служить послѣднимъ предостереженіемъ Портѣ, послѣднимъ средствомъ предотвратить вооруженное вмѣшательство Россіи въ пользу турецкихъ христіанъ.

Въ европейскихъ кабинетахъ снова возникла надежда на мирный исходъ дѣла. Сентъ-жемскій дворъ, хотя и предъявилъ множество возраженій противъ русскаго проекта протокола, множество поправокъ къ нему, но вошелъ съ нашимъ посломъ въ серьезное его обсужденіе. Вѣнскій дворъ предложилъ свое посредничество для устраненія несогласій, проявившихся между Россіею и Англіею. Приступить къ протоколу обѣщали изъ Парижа и изъ Рима.

Одинъ только князь Бисмаркъ не сочувствовалъ этой примирительной попыткѣ, предсказывая ей тотъ же неуспѣхъ, что постигъ уже всѣ предшествовавшія мѣры, рѣшенныя сообща великими державами. Русскій дворъ—говорилъ онъ—самъ долженъ рѣшить, хочетъ ли онъ мира или войны и можетъ ли онъ согласиться на измѣненія въ протоколѣ, на которыхъ настаиваетъ Англія? Если онъ рѣшится на войну, то дѣйствія его будутъ ограждены Германіею, которая не походитъ на прежнюю Пруссію и съ намѣреніями которой вынуждена считаться и Австрія. Повтореніе австрійской измѣны въ послѣдней Восточной войнѣ представляется совершенно невозможнымъ, доколѣ онъ, Бисмаркъ, находится у власти. Вѣсти изъ Константинополя также неудовлетворительны и предстоящее созваніе турецкаго парламента готовитъ Европѣ новые сюрпризы, быть можетъ новое избиеніе христіанъ. Все это Россія должна принять въ соображеніе, прежде чѣмъ согласиться на демобилизацію. Неужели же она должна будетъ мобилизовать свою армію снова и приносить новыя жертвы, если того потребуютъ измѣнившіяся обстоятельства? «Но не мое дѣло» — говорилъ нѣмецкій канцлеръ Убри—«высказываться по этому предмету; министры вашего государя одни призваны къ тому. Рѣшеніе вопроса зависить отъ соображеній по внутренней политикѣ, военныхъ и гражданскихъ, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ». На замѣчаніе русскаго дипломата, что не послѣднюю роль играютъ финансовыя соображенія, Бисмаркъ возразилъ, что какъ состояніе русскаго бюджета, такъ и кредитъ Россіи вполне удовлетворительны и что нѣтъ повода сомнѣваться въ успѣхѣ внѣшняго займа. Банкиръ Блейхрѣдеръ беретъ помѣстить въ Германіи русскій заемъ въ 100 милліоновъ металлическихъ рублей ¹.

¹ Убри князю Горчакову, 6-го и 20-го марта 1877 г.

Тѣ же рѣчи держать нѣмецкій канцлеръ и генераль-адъютанту Игнатьеву, во второй пробѣздѣ его чрезъ Берлинъ, на возвратномъ пути въ Россію. Онъ сказалъ ему, что готовъ служить Россіи, если она хочетъ драться, а если она предпочитаетъ мирный исходъ, то берется заявить всей Европѣ, не исключая и Англии, что она совершенно права. «Меня обвиняютъ» — заключилъ онъ — «въ томъ, что я наталкиваю васъ на войну. Но если бы я былъ русскимъ и призванъ былъ высказать мнѣніе мое въ совѣтахъ русскаго императора, то я сказалъ бы: «Будемъ умѣренны въ нашихъ требованіяхъ, не станемъ драться, если добудемъ мирными средствами результатъ, который удовлетворилъ бы народное чувство. Никогда, быть можетъ, Россія не найдетъ столь благоприятныхъ, какъ нынѣ, обстоятельствъ и кордона друзей, обезпечивающихъ ея границы отъ всякаго нападенія». Войну Россіи съ Турціей нѣмецкій канцлеръ считалъ средствомъ предотвратить всеобщій кризисъ въ Европѣ. По мнѣнію его, она осуществила бы законныя желанія Россіи, удовлетворила бы нѣкоторыя вождельнія (aspirations) Австро-Венгрии, а быть можетъ доставила бы возможность и Англии съ Франціей получить также гдѣ нибудь земельное приращеніе. Такая война, разсуждалъ онъ, не продлилась бы долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и была бы болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для упроченія мира Европы, чѣмъ какая нибудь заплата (un replâtrage), за которою вскорѣ послѣдовали бы новыя усложненія. Наконецъ, послу нашему въ Берлинѣ Бисмаркъ сказалъ: «Германія, удовлетворенная вполне десять лѣтъ тому назадъ, не ищетъ ничего для себя и совершенно ложно утвержденіе и самая мысль, будто ей нуженъ лоскутъ Польши, чтобы быть счастливою. Она ничего не хочетъ, ничего не требуетъ. Но она будетъ рада, если, въ случаѣ войны, Россія выкажетъ себя умѣренною, послѣ одержанныхъ ею двухъ или трехъ побѣдъ. Она, впрочемъ, не станетъ возражать, если послѣдствіемъ войны явится разрушеніе Оттоманской Имперіи, которое вынудитъ Россію къ другимъ комбинаціямъ и земельнымъ присоединеніямъ. Мы хотимъ прежде всего удержать наше историческое и традиціонное тѣсное единеніе съ Россіей»¹.

Во второй половинѣ марта представителями въ Лондонѣ шести великихъ державъ подписанъ протоколъ, въ которомъ значилось: что державы почитаютъ лучшимъ средствомъ для умиротворенія Востока поддержаніе установившагося между ними согласія и провозглашеніе участія своего къ улучшенію положенія христіанскаго населенія Турціи и къ реформамъ, которыя Турція приняла и обѣщала ввести

¹ Генераль Игнатьевъ взяю Горчакову, 16-го марта 1877 г.

въ Босніи, Герцеговинѣ и въ Болгаріи; что онѣ принимаютъ къ свѣдѣнію миръ, заключенный съ Сербією; что относительно Черногоріи онѣ находятъ желательнымъ исправленіе границъ и свободу плаванія по рѣкѣ Боянѣ; что уговоръ Порты съ обоими княжествами державы считаютъ какъ первый шагъ къ умиротворенію, составляющему предметъ общихъ ихъ желаній; что онѣ приглашаютъ Порту упрочить миръ приведеніемъ ея арміи на мирную ногу и введеніемъ въ возможной скорости реформъ въ трехъ помянутыхъ выше областяхъ; что, въ виду обнаруженныхъ Портою добрыхъ намѣреній, державы надѣются, что Порта не только приметъ всѣ мѣры, необходимыя для улучшенія участи христіанскихъ ея подданныхъ, но, вступивъ на этотъ путь, не покинетъ его и впредь, какъ единственный, отвѣчающій собственной ея чести и пользамъ; что державы, чрезъ посредство представителей въ Константинополѣ и мѣстныхъ своихъ агентовъ, будутъ внимательно наблюдать за исполненіемъ обѣщаній Порты на всемъ пространствѣ Оттоманской Имперіи; что если, однако, надежды ихъ снова не оправдаются и положеніе христіанъ въ Турціи не улучшится настолько, чтобы предупредить повтореніе смутъ, періодически нарушающихъ спокойствіе Востока, то державы заявляютъ, что признаютъ такой порядокъ вещей несогласнымъ со своими частными интересами и съ интересами всей Европы, а потому и предоставляютъ себѣ въ означенномъ случаѣ принять сообща мѣры, которыя будутъ найдены наиболѣе цѣлесообразными для того, чтобы обезпечить благосостояніе христіанъ и интересы всеобщаго мира ¹.

Къ протоколу были приложены двѣ деклараціи. Первая, за подписью русскаго посла графа Шувалова, гласила: «Если будетъ заключенъ миръ съ Черногоріей и Порта приметъ совѣтъ Европы и выкажетъ готовность поставить войска свои на мирную ногу, а также серьезно принятыя за введеніе реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть отправитъ она въ С.-Петербургъ нарочнаго посланника для переговоровъ о разоруженіи, на которое, со своей стороны, согласится государь императоръ. Если произойдетъ рѣзня, подобная той, что окровавила Болгарію, то всѣ мѣры къ демобилизаціи будутъ неизбѣжно приостановлены». Во второй деклараціи, подписанной лордомъ Дербі, великобританское правительство заявило, что согласилось подписать протоколъ, предложенный Россією, исключительно въ интересахъ мира Европы, и что если не будетъ достигнута эта цѣль, а именно взаимное разоруженіе Россіи и Турціи и миръ между ними, то оно будетъ считать помянутый

¹ Лондонскій протоколъ, 19-го марта 1877 г.
с. с. татищевъ. т. II.

протоколъ какъ бы несостоявшимся и лишеннымъ обязательной силы.

Лондонскій протоколъ и обѣ приложенныя къ нему деклараціи были сообщены Портѣ повѣренными въ дѣлахъ великихъ державъ въ Константинополѣ и 28-го марта высококомѣрно и рѣшительно отвергнуты ею.

Послѣдняя надежда на миръ исчезла. Узелъ восточныхъ осложненій императоръ Александръ рѣшился разрубить мечомъ ¹.

¹ Дипломатическая переписка русскаго двора—въ с.-петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; прочихъ державъ—въ «Синей», «Желтой» и «Красной» книгахъ.

XXVII.

Вторая Восточная война

1877 — 1878.

Отъездъ государя въ Кишиневъ. — Смотръ войскамъ по пути. — Маневръ объ объявленіи войны Турціи. — Молебствіе и парадъ. — Семидневное пребываніе въ Кишиневѣ. — Привѣтственное письмо князя Румынскаго. — Празднованіе дня рожденія государя. — Посѣщеніе Одессы и Кіева. — Прибытіе въ Москву. — Рѣчь государя къ дворянству и городскому обществу. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Приемъ депутацій отъ дворянства и городской думы. — Благодарственные рѣчи императора и императрицы. — Циркуляръ канцлера объ объявленіи войны. — Разрывъ съ Портою п мѣры, имъ вызванныя. — Нейтралитетъ великихъ державъ. — Обмѣнъ мыслей государя съ германскимъ императоромъ. — Заявленіе Бисмарка Убри. — Распоряженія вѣнскаго двора. — Толкованіе имъ условій австро-русскаго соглашенія. — Разговоръ графа Андраши съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. — Запросы и оговорки Англіи. — Поведеніе балканскихъ государствъ. — Соображенія князя Горчакова. — Условія будущаго мира. — Начало военныхъ дѣйствій на Дунаѣ и за Кавказомъ. — Отъездъ государя въ армію. — Приемъ его въ Румыніи. — Намѣненіе мирныхъ условій. — Отклоненіе вооруженнаго содѣйствія Румыніи и Сербіи. — Переходъ черезъ Нижній Дунай у Галаца. — Воззваніе государя къ болгарамъ. — Переходъ черезъ Дунай у Зимницъ. — Государь за Дунаемъ. — Пребываніе въ Зимницѣ. — Государь въ Болгаріи. — Переходъ Гурко за Балканы. — Взятіе Никополя. — Пребываніе въ Бѣлтѣ. — Неудачи въ Малой Азіи. — Первая и вторая Плевна и отступленіе Гурко обратно изъ-за Балканъ. — Вызовъ гвардіи на театръ войны. — Пребываніе въ Горномъ Студнѣ. — Образъ жизни. — Бои на Шипкѣ. — Переходъ черезъ Дунай румынской арміи подъ личнымъ начальствомъ князя Карла. — Князь Румынскій — начальникъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ впереди Плевны. — Взятіе Ловчи. — Прибытіе государя на позицію подъ Плевною. — Третья атака Плевны въ день именинъ государя. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе государя. — Мобилизація гренадерскаго корпуса и вызовъ въ армію Тотлебена. — Посѣщеніе госпиталей и лазаретовъ. — Возвращеніе въ Горный Студнѣ

день.—Нездоровье государя.—Пробытіе въ главную квартиру Тотлебена.—Побѣды въ Малой Азіи.—Составленный Тотлебеномъ планъ обложенія Плевны.—Взятіе Горнаго Дубняка и Телша.—Переѣздъ въ Парадимъ.—Государь навѣщаетъ гвардію.—Движеніе Гурко къ Балканамъ.—Гренадеры подъ Плевною.—Государь поддерживаетъ Тотлебена.—Дальнѣйшіе успѣхи въ Малой Азіи.—Взятіе Карса.—Посѣщеніе государемъ румынскаго лагеря.—Георгіевскій праздникъ.—Паденіе Плевны и плѣненіе арміи Османа-паши.—Молебствіе на мѣстѣ ставки турецкаго главнокомандующаго.—Награды.—Государь принимаетъ Османа-пашу.—Планъ дальнѣйшей кампаніи.—Прощаніе съ коваемъ.—Парадъ.—Отъѣздъ государя изъ Парадима.—Посѣщеніе отряда цесаревича.—Пробытіе въ Бухарестъ.—Высочайшій приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи.—Приѣздъ въ Петербургъ.—Адресъ петербургскаго дворянства.—Столѣтняя годовщина рожденія императора Александра I.—Пріемъ московскихъ депутацій.—Переходъ Гурко черезъ Балканы.—Сербія объявляетъ Турціи войну.—Взятіе сербами Пирота и Ниша.—Плѣненіе арміи Весселя-паши подъ Шипкою.—Общее наступленіе русскихъ войскъ за Балканами, подъ Рущукомъ и въ Добруджѣ.—Сраженіе подъ Филиппополемъ.—Занятіе Адрианополя.

7-го апрѣля 1877 года императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. Его сопровождали: наслѣдникъ, великій князь Николай Николаевичъ младшій, князь Сергій Максимиліановичъ Романовскій и многочисленная свита. Царскій поѣздъ направлялся къ юго-западу и къ утру, 10-го, прибылъ въ Жмеринку. Тамъ государь произвелъ смотръ 5-й пѣхотной дивизіи, входившей въ составъ мобилизованныхъ войскъ. По окончаніи парада, онъ собралъ офицеровъ вокругъ себя и сказалъ: «Мнѣ жаль было пустить васъ въ дѣло и потому я медлилъ, доколѣ было возможно. Мнѣ жаль было проливать вашу, дорогую для меня, кровь... Но разъ, что честь Россіи затронута, я убѣжденъ, что мы всѣ, до послѣдняго человѣка, сумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха! До свиданія!» То были первыя слова, обращенныя къ войску и возвѣщавшія принятое государемъ рѣшеніе: силою русскаго оружія освободить турецкихъ христіанъ.

Въ тотъ же день императоръ смотрѣлъ въ Бирзултѣ 31-ю пѣхотную и 9-ю кавалерійскую дивизіи. «Предъ отправленіемъ вашимъ въ походъ»—сказалъ онъ офицерамъ—«я хочу васъ напутствовать. Если придется вамъ сразиться съ врагомъ, покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу вашихъ полковъ. Есть между вами молодая часть, еще не бывшій въ огнѣ, но я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравняться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славою. Прощайте, господа!»

Къ ночи государь прибылъ въ Тирасполь, куда выѣхалъ ему навстрѣчу главнокомандующій дѣйствующею арміею, окруженный

своимъ штабомъ. Произведя поутру смотръ находившимся въ этомъ городѣ войскамъ, императоръ продолжалъ путь. Въ пограничной съ Румыніею станціи Унгены встрѣтилъ его молдавскій митрополитъ съ духовенствомъ, румынскій префектъ и депутація отъ города Яссы. «Храни васъ Богъ, поддержите честь русскаго оружія!» — повторялъ Александръ Николаевичъ офицерамъ частей, явившихся ему на смотръ по пути. Въ 11 часовъ вечера государь и его спутники достигли конечной цѣли путешествія — Кишенева, гдѣ была расположена главная квартира арміи.

На другой день, 12-го апрѣля, императоръ Александръ, подписавъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи, отправился въ соборъ. Долго молился онъ, стоя на колѣняхъ у иконостаса, затѣмъ сѣлъ на коня и выѣхалъ къ войскамъ, собраннымъ на скаковомъ полѣ. Тамъ вручилъ онъ подлинный манифестъ преосвященному Павлу, епископу Кишеневскому, который прочелъ его предъ фронтомъ. Въ актѣ этомъ излагался весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ, имѣвшихъ цѣлью побудить Порту улучшить участь своихъ христіанскихъ поданныхъ, и отказъ ея исполнить требованіе, предъявленное ей отъ имени всѣхъ великихъ христіанскихъ державъ. «Исчерпавъ до конца миролюбіе [наше] — такъ заключался манифестъ — «мы вынуждены высокоумнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнопопавшимъ, что наступаетъ время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска наши, мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи»¹.

Начался торжественный молебень. Государь, сойдя съ коня, самъ командовалъ: «баталіоны на колѣни!» Колѣнопреклоненное войско, съ державнымъ вождемъ своимъ во главѣ, въ благоговѣніи внимало произнесенной преосвященнымъ Павломъ умопильной молитвѣ о ниспосланіи русскому оружію побѣды и одолѣнія надъ врагомъ. По возглашеніи многолѣтія, епископъ окропилъ знамена святою водою. Подойдя къ главнокомандующему, императоръ

¹ Высочайшій манифестъ, 12-го марта 1877 г.

крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ, потомъ снова сѣлъ на коня и пропустилъ войска перемѣнальнымъ маршемъ. «Прощайте, до свиданія!»—говорилъ онъ проходившимъ мимо него полкамъ. «Возвращайтесь поскорѣе со славою! Поддержите честь русскаго оружія! Да хранитъ васъ Всевышній!» Громкое «ура!» покрывало царскія слова. Съ парада пѣхота отправилась на свои стоянки съ музыкой и пѣніемъ. Кавалерія прямо съ плаца выступила въ походъ.

Императоръ остался въ Кишиневѣ недѣлю, осматривая проходившія чрезъ этотъ городъ войска, походные госпитали и лазареты, всѣхъ ободряя своимъ участіемъ, очаровывая милостивыми и ласковыми словами. Тамъ получилъ онъ извѣстія о щедрыхъ пожертвованіяхъ на военныя надобности городскихъ думъ, дворянства и купечества обѣихъ столицъ, бессарабскаго дворянства и земства, а также письменное привѣтствіе отъ князя Карла Румынскаго «государю, который во все продолженіе своего царствованія принималъ дѣятельное участіе въ національномъ возрожденіи Румыніи, августѣйшему потомку самодержавныхъ монарховъ, которые столько разъ оказывали Румыніи во дни испытаній содѣйствіе своего могущества¹. 17-го апрѣля, день рожденія Александра Николаевича, отпраздновано богослуженіемъ въ соборѣ, парадомъ и торжественнымъ обѣдомъ, даннымъ въ честь его величества дворянствомъ Бессарабской губерніи въ залѣ дворянскаго собранія. На обѣдѣ присутствовали: императоръ, цесаревичъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, къ тому дню прибывшій въ Кишиневъ августѣйшій главнокомандующій, блестящая свита государя, начальники частей и штабъ дѣйствующей арміи. Когда подали шампанское, императоръ сказалъ обращаясь къ великому князю Николаю Николаевичу Старшему: «Я душевно радъ, что собственными моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое ты сумѣлъ дать какъ твоему штабу, такъ и всѣмъ твоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ. Увѣренъ, что ты исполнишь свой долгъ. Шью за здоровье главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи!»—«Ваше величество» — отвѣтилъ великій князь — «отъ лица моей арміи передаю вамъ, что мы исполнимъ свой долгъ до послѣдней капли крови. За здоровье государя императора, ура!»

19-го апрѣля императоръ выѣхалъ изъ Кишинева, на другой день посѣтилъ въ Одессѣ батареи, возведенныя на берегу моря для обстрѣливанія рейда, и смотрѣлъ на манѣвры миноносокъ; на третій, остановясь въ Кіевѣ, выслушалъ молебень въ Печерской

¹ Князь Карлъ Румынскій государю, 8-го апрѣля 1877 г.

Лавръ и произвелъ смотръ войскамъ; на четвертый къ вечеру—прибылъ въ Москву.

На вокзалѣ Московско-Курской желѣзной дороги его встрѣтили за нѣсколько минутъ до того прибывшія изъ Петербурга императрица и цесаревна. Царская семья ѣхала по ярко освѣщеннымъ тысячами огней улицамъ первопрестольной столицы, посреди несмѣтнаго скопленія умиленнаго и ликующаго народа, оглашавшаго ночь восторженными кликами. Предъ вѣздомъ въ Кремль она, по обыкновенію, остановилась у Пверской часовни и приложилась къ чудотворной иконѣ Богоматери.

Утромъ 23-го апрѣля государь принималъ въ Кремлевскомъ дворцѣ депутаціи отъ Московскаго дворянства и городской думы, поднесшія всеподданѣйшіе адреса. Выслушавъ ихъ, государь произнесъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго, родного Кремля, я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до-нельзя щадить дорогую русскую кровь; но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12-го апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполне оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ государынею императрицею благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины душъ за ихъ истинно патриотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за Вѣру, Царя и Отечество!» Вслѣдъ за приѣмомъ депутаціи состоялся высочайшій выходъ съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ.

Посѣтивъ Троицкую Лавру и помолясь у раки преподобнаго Сергія, царственная чета 25-го апрѣля возвратилась въ Петербургъ. Столица готовила царю торжественную и задушевную встрѣчу. Войска были разставлены шпалерами по Невскому проспекту; генералы и офицеры гвардіи собрались на Николаевскомъ вокзалѣ. Выйдя изъ вагона, государь обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Я привезъ вамъ, господа, поклонъ отъ главнокомандующаго, который очень жалѣетъ, что вы не съ нимъ, но я еще надѣюсь, что и вамъ удастся принять участіе въ походѣ, и увѣренъ, что вы сумѣете поддержать славу русской арміи». Императоръ

прибавилъ, что великій князь Николай Николаевичъ Старшій находился уже въ огнѣ у Браилова, гдѣ пять турецкихъ броненосцевъ обстрѣливали городъ, не причинивъ, впрочемъ, никакого вреда, и что войска дѣйствующей арміи представилсь ему въ самомъ блестящемъ состояніи, не смотря на дурныя дороги и ненастную погоду.

Петербургское дворянство и городское общество спѣшили также представить монарху сочувственные адреса. На привѣтствіе городского головы и депутаціи отъ думы государь отвѣчалъ слѣдующими словами: «Благодарю васъ, господа, за выраженные вами чувства. Я былъ увѣренъ, что послѣ словъ, сказанныхъ мною въ Москвѣ, и моего манифеста, вы проявите тѣ чувства, которыя мнѣ отраднo видѣть въ васъ. Вы знаете, что мною было сдѣлано все отъ меня зависящее, чтобы дѣло рѣшилось мирнымъ путемъ для избѣжанія пролитія дорогой мнѣ русской крови и чтобы устранить замѣшательства промышленности. Всевышнему угодно было указать пути для достиженія цѣли, и намъ остается лишь уповать на милость Божію, чтобы цѣль наша была достигнута скорѣе. Выраженные вами чувства радуютъ меня тѣмъ болѣе, что я вижу въ нихъ не одни лишь слова, но дѣло. Пожертвованіе ваше облегчить положеніе жертвъ, неизбежныхъ въ такомъ дѣлѣ. Душевно благодарю васъ и поручаю вамъ выразить мою благодарность всему городскому обществу». Къ этимъ словамъ императрица, пожелавшая также принять думскую депутацію, прибавила слѣдующія: «Значительное пожертвованіе отъ города С.-Петербурга на военныя потребности, представленное городскою думою въ мое распоряженіе, даетъ мнѣ новый случай выразить мою сердечную благодарность. Я высоко цѣню то чувство, которое руководило вами при назначеніи этого щедрого пожертвованія. Въ чувствахъ вашихъ, и въ готовности на жертвы я никогда не сомнѣвалась. Отъ всей души благодарю васъ и, въ лицѣ вашемъ, весь городъ». Въ тѣхъ же выраженіяхъ благодарилъ императоръ и императрица петербургское дворянство за крупное пожертвованіе въ пользу женъ и дѣтей, пострадавшихъ отъ войны.

Въ самый день отъѣзда государя въ Кишиневъ, то есть за пять дней до обнародованія манифеста объ объявленіи войны, канцлеръ возвѣстилъ великимъ державамъ о рѣшеніи, принятомъ императоромъ. Въ циркулярѣ его представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, какъ и въ высочайшемъ манифестѣ, подробно изложенъ ходъ дипломатическихъ переговоровъ и неуспѣшный ихъ исходъ. «Отказъ Порты и побужденія, на коихъ онъ основанъ» — писалъ князь Горчаковъ — «не оставляютъ ника-

кой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и со-
вѣты Европы, и не дають никакого ручательства въ томъ, что
предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія ре-
формы будутъ введены; они дѣлають невозможнымъ миръ съ Чер-
ногорією и выполнение условій, которыя могли бы привести къ
разруженію и умпротворенію. При таклхъ обстоятельствахъ по-
пыткѣ къ примиренію теряють всякую вѣроятность успѣха, и
остается одно изъ двухъ: или допустить продолженіе положенія
дѣлъ, признаннаго державами несомвѣстнымъ съ ихъ интересами
и интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть, пу-
темъ понужденія, того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не
успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія». Слѣдовало сооб-
щеніе, что русскій императоръ рѣшился принять на себя совер-
шеніе дѣла, къ выполненію котораго вмѣстѣ съ собою приглашалъ
онъ всѣ великія державы, и повелѣлъ своимъ войскамъ пересту-
пить границы Турціи. «Возлагая на себя это бремя»—заключалъ
циркуляръ—«нашъ августѣйшій монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ
долгъ, налагаемый на него интересами Россіи, мирное развитіе
которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его
императорское величество сохраняетъ увѣренность, что, съ тѣмъ
вмѣстѣ, онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ
Европы»¹.

11-го апрѣля русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константино-
поль нотою извѣстилъ Порту, что, вслѣдствіе отказа ея подчиниться
требованіямъ великихъ державъ, ему предписано порвать съ нею
дипломатическія сношенія и оставить Константинополь въ сопро-
вожденіи всѣхъ чиновъ императорскаго посольства и русскихъ
консуловъ въ Турціи. Къ этому сообщенію онъ присовокупилъ,
что обязанъ, въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, предупредить
Порту, что на нее падеть тяжкая отвѣтственность въ случаѣ, если
подверглись бы опасности не только русскіе подданные, но и во-
обще христіане, подданные султана или иностранныхъ державъ, въ
какой бы то ни было мѣстности Оттоманской Имперіи. 12-го апрѣля
князь Горчаковъ увѣдомилъ турецкаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ
Петербургѣ о происшедшемъ разрывѣ и отправилъ къ нему пас-
порты для выѣзда изъ Россіи какъ его самого, такъ и прочихъ
чиновъ оттоманскаго посольства. Наконецъ, 12-го мая Сенатъ обна-
родовалъ высочайшее повелѣніе съ изложеніемъ правилъ, которыми,
во все продолженіе войны, русскія власти должны были руководство-
ваться въ отношеніи какъ непріятеля и его подданныхъ, такъ и

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 7-го апрѣля 1877 г.

нейтральныхъ государствъ и ихъ уроженцевъ. Правилами этими устанавливалось: 1) разрѣшеніе турецкимъ подданнымъ свободнаго прожванія и мирныхъ занятій въ предѣлахъ Россіи, подъ защитою дѣйствующихъ законовъ; 2) дозволеніе турецкимъ торговымъ судамъ, застигнутымъ объявленіемъ войны въ русскіхъ портахъ, свободно выходить въ море въ продолженіе срока, достаточнаго для нагрузки товаровъ, не составляющихъ военной контрабанды; 3) право подданныхъ нейтральныхъ государствъ продолжать безпрепятственно торговля сношенія съ русскими портами и городами, подъ условіемъ соблюденія законовъ Имперіи и началъ международнаго права; 4) военныя власти обязаны принимать всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить свободу законной торговли нейтральныхъ государствъ, насколько она допускается условіями военныхъ дѣйствій; 5) подтверждается сила деклараціи парижскаго конгресса по морскому праву объ отмѣнѣ каперства, о правѣ нейтральнаго флага покрывать непріятельскій грузъ и о нейтральныхъ товарахъ, не подлежащихъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ—за исключеніемъ военной контрабанды, а также объ обязательности лишь дѣйствительной блокады непріятельскаго берега, причемъ постановленія эти предписано примѣнять ко всѣмъ нейтральнымъ державамъ, не исключая и тѣхъ, которыя, подобно Испаніи и Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, не приступили къ парижской деклараціи 1856 года; 6) въ точности опредѣлены предметы, составляющіе военную контрабанду и подлежащіе захвату на нейтральныхъ судахъ, если они предназначены въ непріятельскій портъ; 7) нейтральныя суда, которыя занимаются перевозкою непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставкою и подвозомъ непріятелю военныхъ припасовъ, не только захватываются, но и конфискуются; 8) военное начальство обязывается не препятствовать судоходству и законной торговлѣ на Дунаѣ и его берегахъ, подвергая ихъ лишь тѣмъ временнымъ стѣсненіямъ, которыя являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны; 9) оно должно оказывать особенное покровительство сооруженіямъ, работамъ и личному составу Европейской Дунайской комиссіи; 10) оно обязано уважать постановленія женевской конвенціи 1864 года относительно неприкосновенности непріятельскихъ госпиталей, походныхъ лазаретовъ и врачебнаго персонала, подъ условіемъ соблюденія взаимности со стороны непріятеля; 11) въ силу петербургской деклараціи 29-го ноября 1868 года, воспрещается употребленіе разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ менѣе 400 граммовъ; 12) въ виду смягченія бѣдствій войны и съ цѣлью согласовать, по мѣрѣ возможности, и подъ условіемъ взаимности, военныя дѣйствія съ требованіями челоѣколюбія, военное началь-

ство должно сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, заявленныхъ брусельскою конференціею 1874 года, насколько они примѣнимы къ Турціи и къ цѣлямъ настоящей войны.

Объявленіе Россіею войны Турціи, давно уже казавшееся неизбежнымъ, тѣмъ не менѣе произвело сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Въ ожиданіи его великія державы спѣшили возвратить въ Константинополь своихъ пословъ. Англія замѣнила сэра Генри Элліота—Лайярдомъ, Германія барона Вертера—княземъ Рейсомъ; прочія державы отправили на Босфоръ прежнихъ своихъ представителей. Испуганная Порта обратилась къ державамъ, подписавшимъ договоръ 1856 года, съ просьбою, на основаніи VIII статьи этого договора, взять на себя посредничество между нею и Россіею, но просьба эта не была уважена, вслѣдствіе заявленія князя Горчакова, что о мирѣ теперь думать поздно, что прошло время для хитростей и фразеологій и что наступила пора для дѣйствія ¹.

Всѣ европейскія державы издали деклараціи о своемъ нейтралитетѣ, которыя сопровождалось болѣе или менѣе опредѣленными поясненіями. Франція заявила, что единодушное чувство, одушевляющее какъ страну, такъ и ея представителей, дальнее разстояніе ея отъ театра борьбы и главнѣйшіе ея интересы побуждаютъ ее держаться строгаго невмѣшательства, отъ котораго она отступитъ лишь въ тотъ день, когда обстоятельства дозволятъ общему дѣйствію Европы подготовить и облегчить возстановленіе мира ².

О рѣшеніи своемъ объявить Портѣ войну императоръ Александръ извѣстилъ императора Вильгельма собственноручнымъ письмомъ. Германскій императоръ отвѣтилъ на него выраженіемъ своей непоколебимой дружбы къ государю, сердечнаго расположенія къ боевымъ своимъ товарищамъ русской арміи, пожеланія ей успѣховъ, а также сочувствія дѣлу освобожденія турецкихъ христіанъ. Отправленіе Рейса посломъ въ Константинополь князь Бисмаркъ объявилъ необходимою охранять тамъ интересы не только Германіи, но и Россіи, подданные которой, оставшіеся въ Турціи, ввѣрены попеченію германскихъ дипломатическихъ и консульскихъ представителей ³. По поводу отъѣзда императора Александра въ дѣйствующую армію нѣмецкій канцлеръ выразилъ нашему послу въ Берлинѣ полное удовольствіе и повторилъ увѣренія въ дружественномъ и прямодушномъ расположеніи къ Россіи, но при этомъ

¹ Лордъ Августъ Локтусъ лорду Дерби, 12-го апрѣля 1877 г.

² Циркуляръ герцога Деказа, 16-го апрѣля 1877 г.

³ Убри князю Горчакову, 12-го апрѣля 1877 г.

случаѣ высказалъ также надежду, что по одержаніи побѣды Россія покажетъ себя умѣренною и великодушною къ противнику, прибавивъ, что, какъ только дворъ нашъ пожелаетъ завести рѣчь о мирѣ, то Рейсъ можетъ содѣйствовать ему въ томъ въ Константинополѣ, разумѣется, только съ нашего согласія. Поступить иначе было бы со стороны Германіи предательствомъ. Задача ея прежде всего поддержать дружбу со старыми испытанными друзьями. «*Prenez garde*» — говорилъ Бисмаркъ — «на наше полное, прямодушіе (*notre loyauté complète*), что бы вамъ и откуда бы ни внушали на этотъ счетъ»¹.

Австро-венгерскому правительству пришлось успокоивать общественное мнѣніе, встревоженное вступленіемъ русскихъ войскъ въ Турцію и войною, вспыхнувшею въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Дунайскою монархіею. На запросы въ палатахъ австрійскіе и венгерскіе министры отвѣчали, что вѣнскій дворъ употребилъ всѣ усилія, чтобы русско-турецкая война не обратилась въ обще-европейское столкновение, и что онъ сохранилъ за собою право повліять на послѣдствія войны и на окончательное устройство Востока въ той мѣрѣ, которая обуславливается географическимъ положеніемъ Австро-Венгріи и политическими ея интересами. Въ тѣхъ же видахъ графъ Андраши обратился къ правительствамъ русскому и турецкому съ требованіемъ не стѣснять свободы плаванія по Дунаю свыше того, что окажется безусловно необходимымъ для военныхъ надобностей, и получилъ изъ Петербурга и Константинополя вполне удовлетворительные отвѣты.

Еще ранѣе объявленія войны и даже до подписанія конвенціи вѣнскій дворъ, въ пояснительной къ депешѣ на имя своего представителя въ Петербургѣ, такъ опредѣлялъ условія приведенія въ исполненіе тайнаго своего уговора съ Россіею: «Фактъ войны, вспыхнувшей между Россіею и Портою, по нашему мнѣнію, не вызоветъ еще введенія въ дѣйствіе условленныхъ между нами территориальныхъ перемѣнъ. Но также точно намъ нельзя поставить исключительно въ зависимость отъ распада Оттоманской Имперіи приведеніе въ исполненіе обоюдныхъ обязательствъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить это распаденіе? Имперія не разрушается въ одинъ день. Какъ же обозначить степень разложенія, при которомъ паденіе станетъ осязательнымъ? Однимъ оно представится при первомъ, другимъ, только при второмъ кризисѣ. Выводъ тотъ, что осуществленіе нашего уговора зависитъ не отъ одного только факта войны, но и отъ земельныхъ измѣненій, вы

¹ Убри вѣстаетъ Горчакову, 3-го мая 1877 г.

званныхъ либо войною, либо разрушеніемъ Оттоманской Имперіи. Такова была наша точка зрѣнія въ Рейхштадтѣ; такова она и теперь» ¹.

Впрочемъ, въ Вѣнѣ предпочитали, чтобы война привела къ окончательному разрѣшенію Восточнаго вопроса, другими словами—къ предвидѣнному въ Рейхштадтѣ паденію Оттоманскаго владычества въ Европѣ, въ случаѣ котораго Австро-Венгрія безъ всякихъ затрудненій вступила бы въ обладаніе выговореннымъ ею земельнымъ вознагражденіемъ въ Босніи и въ Герцеговинѣ. «Неужели вы думаете» — говорилъ графъ Андраши русскому повѣренному въ дѣлахъ—«что территоріальное status quo ante еще возможно? что Черногорцы откажутся отъ расширенія? что румыны не потребуютъ вознагражденія? что греки покинутъ Фессалію, въ которую готовы уже вторгнуться. Императоръ, вашъ государь, одинъ настолько великъ, что можетъ дѣйствовать съ благороднымъ безкорыстіемъ. Всѣ ему удивляются, но кто же дерзнетъ подражать ему? Что меня касается, то я уже давно предвижу конецъ Турціи. Я, конечно, предпочелъ бы, чтобы она дошла до него сама, путемъ внутренняго разложенія. Но коль скоро война началась, нужно, чтобы она привела къ серьезному и прочному результату. Не честолюбія ради потребовали мы свою долю вознагражденія, а единственно для обезпеченія интересовъ монархіи, угрозою которымъ является образованіе новыхъ государствъ въ ея сосѣдствѣ. Общественное мнѣніе по сю, какъ и по ту сторону Лейты, не расположено въ пользу земельныхъ приобрѣтеній, но они-то и составляютъ главное побужденіе моеи политикѣ и тѣхъ отношеній, въ которыя Австро-Венгрія стала къ Россіи» ².

Съ нескрываемымъ досадою и раздраженіемъ относилась къ Россіи одна только Англія. Сентъ-джемскій кабинетъ оспаривалъ заключеніе русскаго циркуляра о войнѣ; онъ не соглашался съ высказаннымъ княземъ Горчаковымъ мнѣніемъ, что отвѣтъ Порты на сообщенный ей лондонскій протоколъ не оставилъ ни малѣйшей надежды на подчиненіе ея волѣ и требованіямъ христіанскихъ державъ и дѣлалъ невозможнымъ заключеніе мира съ Черногоріей и взаимное разоруженіе. Еще менѣе допускали министры королевы Викторіи, что, объявивъ войну Турціи, Россія дѣйствовала въ согласіи съ чувствами и интересами Европы. Лордъ Дерби прямо выразилъ мысль, что, поступая такимъ образомъ, Россія нарушаетъ обязательство, наложенное на нее VIII статьей парижскаго

¹ Графъ Андраши барону Лангенау, 16-го февраля 1877 г.

² С. С. Татищевъ князю Горчакову, 23-го мая 1877 г.

трактата. «Начавъ дѣйствовать противъ Турціи за свой собственный счетъ»—писалъ онъ—«и прибѣгнувъ къ оружію безъ предварительнаго совѣта со своими союзниками, русскій императоръ отдѣлился отъ европейскаго соглашенія, которое поддерживалось доселѣ, и въ то же время отступилъ отъ правила, на которое самъ торжественно пзъявилъ согласіе. Невозможно предвидѣть всѣ послѣдствія такого поступка»¹. Выслушавъ эти рѣзкія замѣчанія изъ устъ великобританскаго посла, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что, желая избѣгнуть раздражающей полемики, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ повести къ добру, онъ оставитъ англійскую депешу безъ отвѣта².

Но этимъ сообщеніемъ не ограничился лондонскій дворъ. Узнавъ о предстоящемъ отъѣздѣ въ Петербургъ русскаго посла, графа Шувалова, лордъ Дерби вручилъ ему ноту, въ которой, «во избѣжаніе недоразумѣній», перечислилъ тѣ пункты, распространеніе на которые военныхъ дѣйствій затронуло бы интересы Англіи и повлекло бы за собою прекращеніе ея нейтралитета и вооруженное вмѣшательство въ войну Россіи съ Турціей. То были: Суэцскій каналъ, Египеть, Константинополь, Босфоръ и Дарданеллы, наконецъ, Персидскій заливъ³. Для успокоенія общественнаго мнѣнія Англіи, министръ иностранныхъ дѣлъ королевы требовалъ положительнаго отвѣта на свое сообщеніе⁴.

Желаніе его было исполнено. Съ высочайшаго соизволенія, князь Горчаковъ поручилъ графу Шувалову передать лорду Дерби, что Россія не намѣрена ни блокировать, ни заграждать Суэцскаго канала, ни угрожать ему какимъ бы то ни было образомъ, почитая его международнымъ сооруженіемъ, важнымъ для всемірной торговли; что хотя Египеть и является составною частью Оттоманской Имперіи, а египетскія войска участвуютъ въ войнѣ противъ Россіи, но въ виду того, что въ Египтѣ замѣшаны европейскіе интересы и въ особенности интересы Англіи, Россія не включитъ эту страну въ сферу своихъ военныхъ операцій; что, не предрѣшая хода и исхода войны, Россія признаетъ во всякомъ случаѣ, что участь Константинополя составляетъ вопросъ, представляющій общій интересъ, который можетъ быть разрѣшенъ только общимъ соглашеніемъ, и что если возбудится вопросъ о принадлежности этого города, то онъ не мо-

¹ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 19-го апрѣля 1877 г.

² Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 24-го апрѣля 1877 г.

³ Лордъ Дерби графу Шувалову, 24-го апрѣля 1877 г.

⁴ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 11-го мая 1877 г.

жетъ принадлежать ни одной изъ европейскихъ державъ; что проливы, хотя оба берега ихъ и принадлежатъ одному государю, являются истокомъ двухъ обширныхъ морей, въ которыхъ заинтересованы всѣ державы, а потому слѣдуетъ, при заключеніи мира, разрѣшить этотъ вопросъ съ общаго согласія, на основаніяхъ справедливыхъ и дѣйствительно обезпеченныхъ: что русское правительство не посягнетъ ни на Персидскій заливъ, ни на какой либо иной путь въ Индію. Императорскій кабинетъ, заявлялъ канцлеръ, вообще не распространитъ войну за предѣлы того, чего требуетъ цѣль войны, громко и ясно возвѣщенная императоромъ. Онъ будетъ уважать интересы Англій, доколѣ та станетъ соблюдать нейтралитетъ, въ надеждѣ, что и Англія приметъ во вниманіе интересы Россіи, заключающіеся въ томъ, чтобы положить конецъ бѣдственному состоянію турецкихъ христіанъ и вызываемымъ имъ непрерывнымъ кризисамъ, одинаково вліяющимъ на внутреннее, какъ и на вѣднее положеніе Россіи. Улучшеніе ихъ участи не противно ни одному изъ европейскихъ интересовъ. Императоръ Александръ не положитъ оружія, пока цѣль эта не будетъ достигнута и обезпечена надлежащимъ образомъ¹.

Такъ, выжидательное положеніе заняли всѣ великія державы Запада къ начинавшейся войнѣ. Изъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова, одна только Черногорія выступила какъ дѣятельная союзница Россіи. Въ самый день объявленія войны, князь Николаи возобновилъ военныя дѣйствія противъ турокъ. Румынія не послѣдовала его примѣру. Она, хотя и заключила съ нами конвенцію о свободномъ пропускѣ русскихъ войскъ чрезъ ея владѣнія, но лишь послѣ того, какъ обращеніе ея къ великимъ державамъ о нарушеніи ея нейтралитета осталось безъ отклика. По вступленіи русскихъ войскъ въ Румынію, румынскія войска не соединились съ ними, но отступили и сосредоточились въ западныхъ областяхъ княжества. Лишь послѣ того какъ Порта объявила Румыніи войну, румынскія палаты 10-го мая провозгласили княжество независимымъ, а князь Карлъ оказалъ главнокомандующему русской дѣйствующей арміи, перенесшему свою главную квартиру въ городъ Плоешти, почетный и радушный приемъ. Сербія и Греція не двинулись. Объ удержаніи ихъ въ нейтральномъ положеніи усердно хлопотала англійская дипломатія. Въ Бѣлградѣ и въ Афинахъ находили болѣе выгоднымъ и безопаснымъ ждать, какой оборотъ примутъ событія на театрѣ войны, не безъ задней мысли воспользоваться ими современемъ, въ смыслѣ національныхъ вожелѣній.

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 18-го мая 1877 г.

Впрочемъ, императорскій кабинетъ не только не искалъ побудить правительства Румыніи, Сербіи и Греціи къ дѣятельному участию въ войнѣ, но даже предпочиталъ, чтобы они не участвовали въ поединкѣ Россіи съ Турціей. Князь Горчаковъ, усиліямъ котораго не удалось предотвратить войну, лично ему несочувственную, полагалъ, что, во избѣжаніе посторонняго вмѣшательства, въ военныхъ операціяхъ слѣдуетъ ограничиться самымъ необходимымъ, не заходить слишкомъ далеко, не давать войнѣ разрастаться, словомъ, вести ее «умѣреннымъ образомъ». Цѣлью войны, разсуждалъ онъ, должно быть понужденіе султана къ дарованію своимъ христіанскимъ подданнымъ правъ и преимуществъ, выговоренныхъ въ ихъ пользу Европою, отнюдь не распаденіе Оттоманской Имперіи и окончательное разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Для этой цѣли достаточно русскихъ силъ и всякое участіе въ войнѣ христіанскихъ балканскихъ государствъ можетъ только затруднить ея достиженіе, не говоря уже объ опасности вызвать вмѣшательство западныхъ державъ и, такимъ образомъ, зажечь пожаръ, который распространился бы за предѣлы Балканскаго полуострова и пламя котораго охватило бы всю Европу, весь міръ. Умѣренный способъ веденія войны русскій канцлеръ считалъ единственнымъ средствомъ удержать державы Запада въ состояніи нейтралитета, а для того, чтобы сломить упорство Турціи, двѣ или три наши побѣды надъ турками представлялись ему вполне достаточными.

Исходя изъ этихъ соображеній, въ совѣтахъ императора Александра, русская дипломатія настаивала и теперь, какъ въ 1828 году, на томъ, чтобы дунайскій походъ предпринять былъ съ силами, которыя большинство русскихъ военачальниковъ признавало далеко не отвѣчающими силамъ противника. Но уступая убѣжденіямъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею и прочихъ призванныхъ на совѣщаніе генераловъ, государь въ бытность свою въ Кишиневѣ повелѣлъ, въ дополненіе къ произведенной въ ноябрѣ 1876 года мобилизаціи четырехъ корпусовъ, составлявшихъ дунайскую армію, мобилизовать семь пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскія дивизіи съ ихъ артиллеріей и одну саперную бригаду, а въ маѣ 1877 года мобилизована еще одна пѣхотная дивизія для подкрѣпленія закавказскихъ войскъ.

Впрочемъ и съ этими силами предполагалось не переносить войны за Балканы, если только Порты станетъ просить мира ранѣе, чѣмъ будетъ предпринято это движеніе. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію князя Горчакова, миръ могъ бы состояться на слѣдующихъ условіяхъ: Болгарія до Балканъ будетъ возведена на степень вассальнаго, но автономнаго княжества, за ручательствомъ Европы; изъ

нея будутъ удалены турецкія войска и чиновники, крѣпости будутъ скрыты, установлено самоуправленіе и заведена народная милиція; южной Болгаріи, по ту сторону Балканъ, и всѣмъ прочимъ христіанскимъ областямъ Оттоманской Имперіи державы выговорятъ наилучшія гарантіи правильной администраціи; Черногорія и Сербія получаютъ земельное приращеніе, опредѣленное съ общаго согласія великихъ державъ; Боснія и Герцеговина будутъ дарованы учрежденія, признанныя отвѣчающими ихъ внутреннему положенію и обезпечивающими имъ хорошее управленіе пѣз туземцевъ, причемъ Австро-Венгріи предоставленъ будетъ преобладающій голосъ въ устройствѣ ихъ участи; Сербія, какъ и Болгарія, останется въ вассальномъ отношеніи къ султану, но отъ державъ будетъ зависѣть настоять предъ Портою на признаніи независимости Румыніи; Россія не потребуеетъ для себя другого вознагражденія, кромѣ возвращенія ей части Бессарабіи до Дуная, отторгнутой отъ нея въ 1856 году, и уступки Батума: вознагражденіемъ Румыніи можетъ служить, въ такомъ случаѣ, или признаніе ея независимости или, если она останется вассальною,—часть Добруджи; если Австро-Венгрія потребуеетъ вознагражденія и для себя, то Россія не воспротивится тому, чтобы она искала его въ Босніи и Герцеговинѣ.

Эти условія мира и обязательство не переступать за Балканы, если Порта своевременно выразитъ на нихъ согласіе, были довѣрительно сообщены дворамъ берлинскому, вѣнскому и лондонскому, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ отклоненія ихъ Портою, Россія должна будетъ вести войну до тѣхъ поръ, пока не вынудитъ Турцію къ миру. Графу Шувалову поручено было заявить лорду Дерби, что цѣль Россіи—положить конецъ смутамъ, столь часто повторяющимся на Востокѣ, съ одной стороны убѣдивъ турокъ въ перевѣсѣ своихъ силъ, такъ чтобы они впредь уже не смѣли вызывать ее на бой; а съ другой—обезпечить турецкихъ христіанъ, и въ особенности болгаръ, отъ злоупотребленій турецкой администраціи. Цѣль Англіи—поддержать начало цѣлости Оттоманской Имперіи и неприкосновенность Константинополя и проливовъ. Обѣ эти цѣли петербургскій кабинетъ не признавалъ несогласуемыми. Отъ Англіи зависить, утверждалъ онъ, путемъ воздѣйствія на Порту и склоненіемъ ея къ миру предупредить переходъ русскихъ войскъ за Балканы и окончательное распаденіе Оттоманской Имперіи ¹.

Между тѣмъ, военныя дѣйствія открылись на обоихъ театрахъ войны въ самый день ея объявленія. 12-го апрѣля дунайская

¹ Меморандумъ о разговорѣ графа Шувалова съ лордомъ Дерби, 28-го мая 1877 г.

армія перешла через Прутъ четырьмя колоннами подъ начальствомъ генераловъ: барона Дризена, Ванновскаго, Радецкаго и князя Шаховскаго, а передовой отрядъ полковника Струкова занялъ Барбошскій мостъ, на Серетѣ, близъ Галаца. Въ тотъ же день войска Кавказской арміи вступили въ Малую Азію, также въ четырехъ колоннахъ, которыми начальствовали генералы: Лорисъ-Мелковъ, направившіяся къ Карсу, Тергукасовъ — къ Баязету, Девель — къ Ардагану и Оклобжіо — къ Батуму.

Первыя дѣйствія русскихъ войскъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи ознаменовались блестящими успѣхами. Въ продолженіе мая Дунайская армія, занявъ лѣвый берегъ Нижняго Дуная, сосредоточилась въ окрестностяхъ Бухареста, кавалерія же расположилась вдоль по Дунаю, отъ впаденія въ него Ольты до Киліп. Главная квартира перенесена была въ Плоешти. Прибывшая къ Браилову осадная артиллерія открыла перестрѣлку съ турецкою артиллерією, находившеюся по ту сторону Дуная. Удачными выстрѣлами ея затопленъ турецкій броненосецъ. Другой непріятельскій броненосецъ взорванъ съ миноноснаго катера лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ. Минныя загражденія устроены на Нижнемъ Дунаѣ у Браилова, на Среднемъ—между Парашаномъ и Корабіей. Въ Малой Азіи крѣпости Ардаганъ и Баязетъ взяты приступомъ, послѣ чего приступлено къ стратегическому обложенію Карса.

Императоръ Александръ горѣлъ нетерпѣніемъ быть личнымъ свидѣтелемъ боевыхъ подвиговъ доблестныхъ своихъ войскъ. 21-го мая, въ 11 часовъ вечера, онъ, сопровождаемый цесаревичемъ и великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, выѣхалъ изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію. Въ свитѣ государя находились: канцлеръ князь Горчаковъ, министры: императорскаго двора и военный, шефъ жандармовъ и нѣсколько генераль-адъютантовъ, генераль-маіоровъ свиты и флигель-адъютантовъ. Вечеромъ 24-го мая царскій поѣздъ въ Унгенахъ переступилъ за русскую границу. Въ Яссахъ встрѣтили государя румынскіе первый министръ Братиано и министръ иностранныхъ дѣлъ Когальничано и митрополитъ Алексій въ полномъ облаченіи; въ Браиловѣ на другой день—августѣйшій главнокомандующій, великіе князья: Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ Младшій, начальники частей и главные чины штаба, а также генералы и офицеры, отличившіеся въ дѣлахъ съ непріателемъ и уже получившіе Георгіевскіе кресты и другія боевыя отличія. Обнявъ брата и поблагодаривъ военныхъ чиновъ за проявленную храбрость, государь продолжалъ путь въ Плоешти—главную квартиру дѣйствующей арміи, куда и прибылъ въ тотъ же вечеръ.

На слѣдующій день пріѣхалъ привѣтствовать государя въ Плоешти князь Карлъ Румынскій, вручившій ему почетный рапортъ о состояніи румынскихъ войскъ. Императоръ принялъ его во дворѣ отведеннаго его величеству дома, въ цѣпи Гогенцоллернскаго ордена, окруженный всѣми бывшими съ нимъ великими князьями и блестящею многочисленною свитой, по представленіи которой, государь и князь удалились въ домъ. Оставшись наединѣ съ княземъ, Александръ Николаевичъ сказалъ, что Румынія можетъ ожидать отъ него только всего лучшаго; что онъ долго надѣялся на возможность предотвратить войну, но разъ до нея дошло дѣло, то у него передъ глазами одна цѣль: улучшение участи всѣхъ христіанъ Востока; что Румынія кое чѣмъ обязана Россіи въ прошломъ и, что поэтому его вдвойнѣ радуетъ доброе согласіе между его арміею и румынскимъ населеніемъ. Князь Карлъ отвѣчалъ, что ждетъ отъ войны обезпеченія независимости Румыніи и возможности для его войска высоко поднять честь ея принятіемъ участія въ войнѣ.

Князь Карлъ присутствовалъ при джигитовкѣ паркаго конвоя и завтракалъ у императора, который, прощаясь, снова подтвердилъ, что пребываніе его въ Румыніи принесетъ странѣ полезные плоды и что онъ на другой же день посѣтитъ князя въ Бухарестѣ, тѣмъ болѣе, что желаетъ поскорѣе увидать княгиню Елисавету, о пребываніи которой при русскомъ дворѣ онъ сохранилъ самыя пріятныя воспоминанія.

27-го мая въ полдень императоръ Александръ прибылъ въ Бухарестъ въ сопровожденіи великихъ князей, канцлера и всей своей военной свиты. Князь и княгиня встрѣтили его на вокзалѣ желѣзной дороги. Обойдя при звукахъ русскаго народнаго гимна почетный караулъ румынскихъ войскъ, государь выслушалъ привѣтственную рѣчь предсѣдателя палаты депутатовъ и бухарестскаго городского головы Россети, назвавшего его въ ней «Освободителемъ Румыніи», послѣ чего послѣдовало представленіе румынскихъ министровъ и высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Подъ руку съ княгинею, императоръ направился къ экипажу. Слѣдованіе его по улицамъ румынской столицы было поистинѣ триумфальнымъ шествіемъ. Румынскій народъ, вѣками привыкшій видѣть въ русскомъ царѣ—по характерному выраженію князя Карла—«высшее олицетвореніе могущества и величія на землѣ», встрѣчалъ его восторженными кликами, усыпая путь его цвѣтами.

Во дворцѣ состоялся фамильный завтракъ для государя и великихъ князей. Свита завтракала за гофмаршальскимъ столомъ; Котальничано провозгласилъ здоровье императора; князь Горчаковъ отвѣчалъ тостомъ за князя.

Проводивъ дорогого гостя на вокзалъ, князь и княгиня отправили слѣдующую телеграмму въ Царское Село императрицѣ Маріи Александровнѣ: «Сегодня мы имѣли счастье принять императора и великихъ князей. Пили за здоровье вашего величества и выражали самыя горячія пожеланія исполненію вашихъ задушевнѣйшихъ желаній. Неизсякаемая доброта императора насъ глубоко тронула, и вмѣстѣ со всею страной мы почитаемъ этотъ прекрасный день за одно изъ нашихъ счастливейшихъ воспоминаній.

Карлъ. Елисавета.»

Отвѣтъ государыни гласилъ:

«Я крайне тронута вашею доброю памятью и благодарю васъ за то, что вы приобщили меня ощущеніямъ этого дня, о которомъ императоръ также сохранить самое лучшее воспоминаніе. Примите выраженіе и моей признательности за сочувствіе, оказываемое вами дѣятельности нашего Общества попеченія о раненыхъ.

Марія.»

Въ продолженіе мѣсяца, проведеннаго въ Плоештахъ, Александръ Николаевичъ часто принималъ румынскую княжескую чету у себя и не разъ самъ посѣщалъ ее въ Бухарестъ. Августѣйшій гость и хозяйка вынесли изъ этихъ посѣщеній самыя пріятныя и радужныя впечатлѣнія¹.

Долго еще половоды на Дунаѣ не позволяло предпринять переправы черезъ эту рѣку. Между тѣмъ, государя занималъ пересмотръ важныхъ политическихъ вопросовъ. По прибытіи въ армію, онъ скоро убѣдился, что принятое въ Петербургѣ рѣшеніе не переступать за черту Балканъ и удовольствоваться согласіемъ Порты на раздѣленіе Болгаріи на двѣ области, изъ которыхъ та, что расположена къ сѣверу отъ Балканской цѣпи, составила бы автономное княжество, а вторая осталась бы подъ непосредственною властью султана—не отвѣчаетъ побужденіямъ, вызвавшимъ войну, потому что при этихъ условіяхъ пришлось бы оставить подъ турецкимъ владычествомъ тѣхъ именно болгаръ, которые наиболѣе пострадали отъ насилія и произвола мусульманъ. Въ этомъ смыслѣ поручено было русскимъ посламъ объясниться съ кабинетами берлинскимъ, вѣнскимъ и лондонскимъ, предупредивъ ихъ, что, по зрѣломъ размышленіи, русскій дворъ находитъ, что Болгарія по обѣ стороны Балканъ должна составить одну область, состоящую въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, но пользующуюся полною самостоятельностью внутренняго управленія².

¹ Aus dem Leben König Karls von Rumänien, III, стр. 172—185.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтсуеу, 2-го іюня 1877 г.

Князь Горчаковъ все-таки настоялъ на томъ, чтобы устранилъ дѣятельное участіе въ войнѣ вооруженныхъ силъ Румыніи. Въ разговорахъ своихъ съ великимъ княземъ-главнокомандующимъ, князь Карлъ выражалъ страстное желаніе приобщить свои молодые войска къ освободительному подвигу русской арміи, и Николай Николаевичъ былъ не прочь отъ принятія такого существеннаго подкрѣпленія въ 50.000 человекъ. Но, по требованію канцлера, онъ долженъ былъ поставить такія условія и въ такой формѣ, которыя заживо задѣли самолюбіе румынскаго князя. Въ нотѣ, сообщенной бухарестскому правительству дипломатическою канцелярією главнокомандующаго еще до пріѣзда государя въ главную квартиру, было заявлено, что Россія не приглашаетъ Румынію присоединить свои войска къ ея арміи по перенесеніи войны за Дунай; что она въ нихъ не нуждается, располагая сама болѣе чѣмъ достаточными силами для достиженія возвышенной цѣли войны; что къ тому же безопасность Румыніи не требуетъ нападенія ея на Турцію; но что, если въ силу какихъ нибудь другихъ личныхъ соображеній, не высказываемыхъ румынскимъ правительствомъ, оно почитаетъ за долгъ чести принять участіе въ войнѣ, то возможно это лишь подъ условіемъ поставленія румынскихъ войскъ подъ верховное начальство главнокомандующаго русскою арміею и дѣйствія ихъ согласно его видамъ и по его приказаніямъ и распоряженіямъ¹. Князь Карлъ отвѣчалъ, что войска его пойдутъ въ бой не иначе, какъ сосредоточенными, подъ личнымъ его начальствомъ, а потому и было рѣшено, что они ограничатся охраною лѣваго берега Дуная и обстрѣливаніемъ праваго, не переходя за рѣку. Обстоятельство это не нарушило, впрочемъ, самыхъ дружественныхъ отношеній, установившихся между княземъ Румынскимъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, замѣтившимъ ему по этому поводу, что «дипломатія вообще мѣшается въ дѣла до нея не касающіяся»².

Князю Милану, пріѣхавшему въ Плоешти въ сопровожденіи своего перваго министра Ристича, чтобы привѣтствовать русскаго императора, просто объявлено, чтобы Сербія не двигалась и немышляла о какомъ либо участіи въ войнѣ³.

Мѣстомъ перехода главныхъ русскихъ силъ чрезъ Дунай, въ глубочайшей тайнѣ, избрана главнокомандующимъ Зимница, мѣстечко, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки, противъ лежащаго

¹ Нота Нелидова, 17-го мая 1877 г.

² Aus dem Leben König Karls von Rumänien, III, стр. 179.

³ Ibid., III, стр. 181.

на правомъ берегу болгарскаго города Спстова. Дабы отвлечь вниманіе непріятелиа отъ этого пункта, въ ночь на 10-е іюня передовою отрядъ 14-го корпуса успѣшно переправился чрезъ Нижній Дунай у Галаца и занялъ на турецкомъ берегу высоты Буджака. Въ тотъ же день государь отправился въ Галацъ, куда прибылъ 10-го іюня въ пять часовъ утра. Первымъ вопросомъ его было: «Сколько жертвъ стоила эта переправа?» Узнавъ, что раненые офицеры и нижніе чины отвезены въ Галацкій госпиталь, императоръ пожелалъ немедленно навѣстить ихъ. Съ глазами, полными слезъ, утѣшалъ онъ увѣчныхъ и страждущихъ воиновъ, благодарилъ за службу и за пролитую кровь; роздалъ имъ кресты и другія награды, щедро одаряя ихъ и деньгами. Съ этого дня и до самаго отъѣзда изъ арміи, посѣщеніе госпиталей и лазаретовъ сдѣлалось главною заботою государя. Онъ являлся въ нихъ ангеломъ-утѣшителемъ, ободряя раненыхъ, ласково бесѣдуя съ ними, спрашивая о ихъ желаніяхъ и нуждахъ, осыпая выраженіями царской милости какъ ихъ, такъ и санитарный персоналъ, врачей и сестеръ милосердія, съ неутомимымъ рвеніемъ совершая человѣколюбивый свой подвигъ.

Въ Галацѣ и Брашовѣ императоръ Александръ присутствовалъ при посадкѣ на суда остальныхъ частей 14-го корпуса, переправлявшихся на правый берегъ Дуная и скоро занявшихъ безъ выстрѣла Мачинъ, Тульчу и Исакчу. По возвращеніи въ Плоешти, вечеромъ того же 11-го іюня, императоръ подписалъ воззваніе на болгарскомъ языкѣ, которое войска наши, перешедшія Дунай, должны были распространить среди христіанскаго населенія Болгаріи.

«Болгаре»—гласило оно—«мои войска перешли Дунай и вступаютъ нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ заветномъ единомысліи всего православнаго русскаго народа, мои прародители успѣли въ былые годы своимъ вліяніемъ и оружіемъ послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовію относится ко всемъ многочисленнымъ членамъ великой христіанской семьи на Востокѣ. На храброе войско мое, предводимое моимъ любезнымъ братомъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніями моими возложено—оградить навѣки вашу народность и утвердить за вами тѣ свя-

ценныя права, безъ которыхъ немислимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы приобрѣли не силою вооруженнаго сопротивленія, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною крови мучениковъ, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки. Жители страны Болгарской! Задача Россіи—создать, а не разрушать. Она призвана Всевышнимъ Промысломъ согласить и умиротворить все народности и все исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совместно живутъ люди разнаго происхожденія и разной вѣры. Отнынѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина; ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказано съ его головы; ни одна крупница его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманяномъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе безпощадно послѣдуетъ законное наказаніе. Жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ, будутъ одинаково обезпечены. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ». Слѣдовало обращеніе къ мусульманамъ, живущимъ въ Болгаріи. Русская власть—внушалось имъ—не будетъ возмѣщать содѣянныхъ ими жестокостей и преступленій надъ согражданами-христіанами, если только они чистосердечно признаютъ судъ Божій, надъ ними совершающійся, и безусловно покорятся русскимъ властямъ. Подъ этимъ условіемъ обѣщалось, что вѣра ихъ останется неприкосновенною и будутъ охраняемы жизнь, достояніе и честь какъ ихъ, такъ и ихъ семействъ. Христіане Болгаріи также приглашались явить примѣръ христіанской любви, забыть старыя домашнія распри, сплотиться вокругъ русскаго знамени и, содѣйствуя и всеми силами помогая успѣхамъ русскаго оружія, служить прочному возрожденію болгарскаго края. Воззваніе заключалось слѣдующими словами: «По мѣрѣ того какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители подъ высшимъ руководствомъ мною установленной для сего власти, и новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностью честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія—докажите вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ, съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайте русскую власть, исполняйте въ точности

ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе. Смиренно молю Все-
вышняго, да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства и
да нпшпшетъ свыше благословеніе свое на правое дѣло ¹.

«Александръ».

Проведя въ Плоештахъ весь день 12-го іюня, императоръ вы-
ѣхалъ оттуда 13-го, въ четыре часа пополудни, къ утру слѣдую-
щаго дня доѣхалъ до Слатина по желѣзной дорогѣ и прослѣдовалъ
въ экипажѣ на курганъ, возвышавшійся на самомъ берегу Дуная,
въ трехъ верстахъ отъ румынскаго города Турнь-Магурелли и
почти насупротивъ турецкой крѣпости Никополя. Тамъ нашелъ
онъ главнокомандующаго, вмѣстѣ съ которымъ, сидя на поход-
номъ креслѣ, долго наблюдалъ за пушечной перестрѣлкой на-
шихъ береговыхъ осадныхъ батарей съ непріятельскою крѣпостью.
Усиленная пальба здѣсь предпринята была съ цѣлью отвлечь вни-
маніе турокъ отъ Зимницы, гдѣ все готовилось къ переправѣ, ко-
торая началась въ ночь съ 14-го на 15-е. Ночь эту императоръ
провелъ въ Драчѣ, деревнѣ, расположенной неподалеку отъ Турнь-
Магурелли, а рано поутру онъ, въ сопровожденіи великаго князя
Николая Николаевича Старшаго, снова выѣхалъ на придунайскій
курганъ. Пока государь глядѣлъ въ подзорную трубу въ напра-
вленіи къ Зимницѣ, главнокомандующій, взобравшись на козлы
телеграфной кареты, самъ переговаривался съ Зимницкой теле-
графной станціей и тутъ же передавалъ императору свѣдѣнія о
ходѣ переправы. Трудная и сложная операція эта удалась какъ
нельзя лучше. Къ одиннадцати часамъ утра посаженная на понтоны
14-я пѣхотная дивизія генерала Драгомирова была уже вся пере-
везена на лѣвый берегъ рѣки, а турки поспѣшно отступили къ
Систову. Волгдъ за 14-ю поплыла 9-я дивизія и стрѣлки. Уже по
возвращеніи государя въ Драчу къ обѣду, получена была теле-
грамма изъ Зимницы отъ начальника штаба арміи генераль-адью-
танта Непокойчицкаго, извѣстившая, что переходъ черезъ Дунай
двухъ пѣхотныхъ дивизій, трехъ батарей артиллеріи и сотни ка-
заковъ совершился съ полнымъ успѣхомъ и что переправившіяся
на правый берегъ войска наши овладѣли Систовомъ и окружаю-
щими высотами. Государь былъ въ восторгѣ. «Ура! Главноко-
мандующему и войскамъ! Ура!» кликнулъ онъ и возложилъ на
брата знаки ордена св. Георгія 2-й степени. «Съ малолѣтства
сроднившись съ арміей»—сказалъ онъ обступившимъ его генера-
ламъ и офицерамъ императорской квартиры—«я не вытерпѣлъ и
пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ нею труды и заботы. Я радъ, что

¹ Воззваніе государя къ болгарамъ, 12-го іюня 1877 г.

хоть частичкѣ моеѣ гвардіи досталось трудное дѣло, и она геройски исполнила его. Дай Богъ, чтобы всегда такъ было». Съ этими словами императоръ обнялъ великаго князя-главнокомандующаго.

На другой день, 16-го іюня, на разсвѣтѣ, государь побѣхалъ въ Зимницу, гдѣ уже опередилъ его прибытіе великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Въ Пятрѣ ему встрѣтился военно-временной госпиталь, въ которомъ находились раненные съ переправы. Императоръ обошелъ всѣ юрты, его составлявшія, ободряя и утѣшая раненныхъ словами ласки и участія, щедро раздавая нижнимъ чинамъ знаки отличія Военнаго ордена. И въ Зимницѣ прежде всего направился онъ въ лазаретъ. «Продолжайте работать, какъ бы меня здѣсь не было»—сказалъ онъ врачамъ и сестрамъ, производившимъ операціи и перевязки. Видѣ тяжело раненныхъ вызывалъ на глазахъ его слезы, но впечатлѣніе это быстро смѣнилось чувствомъ живой радости при видѣ Дуная, оба берега котораго были уже въ нашей власти и на которомъ уже наведенъ былъ мостъ. Ровно въ полдень, при оглушительныхъ кликахъ «ура!», императоръ Александръ сѣлъ въ приготовленный для него понтонъ и высадился на противоположномъ турецкомъ берегу, гдѣ встрѣтилъ его главнокомандующій, окруженный блестящею свитою, среди которой находился и герой переправы, генералъ Драгомировъ. Завидя ихъ, государь замахалъ фуражкой, войска взяли на караулъ, надѣвъ фуражки на штыки; полковая музыка играла гимнъ; «ура!» гремѣло по всему берегу. Въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ верховный вождь русской арміи начальниковъ частей за ихъ труды и распоряженія, увѣнчавшіеся столь блестящимъ успѣхомъ, а генералу Драгомирову вручилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Георгіевскій крестъ 4-й степени получилъ участвовавшій въ переправѣ великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

Сѣвъ на коня, государь поднялся въ гору къ Систоу, поздравляя съ побѣдою разставленные по пути полки 8-го корпуса, на долю котораго выпала честь первымъ вступить на непріятельскую землю. Корпусному командпру, генералу Радецкому, императоръ также пожаловалъ Георгія на шею. Впереди Систова, навстрѣчу ему, вышло православное духовенство съ хоругвями, крестомъ и св. водою и все болгарское населеніе города. Мужчины кричали «живіо!», женщины и дѣти усыпали царскій путь цвѣтами, старики плакали отъ умиленія, всѣ цѣловали стремяна и ноги государя. Приложившись ко кресту, Александръ Николаевичъ направился въ соборъ, гдѣ отстоялъ литургію и молебствіе, потомъ проѣхалъ на наши аванпосты, расположенные на западъ отъ

города, почти на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля и, осмотрѣвъ войско и мѣстность, принялъ почетныхъ жителей и стариковъ. Къ обѣду государь вернулся въ Зимницу. На другой день изданъ былъ высочайшій приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи, въ которомъ его величество выразилъ сердечную благодарность главнокомандующему, ближайшимъ его помощникамъ и всѣмъ храбымъ войскамъ, покрывшимъ себя новою славою при переправѣ чрезъ Дунай, на глазахъ самого государя, бывшего свидѣтелемъ-очевидцемъ ихъ доблестныхъ боевыхъ подвиговъ. Въ присутствіи его отслуженъ былъ по этому случаю благодарственный молебенъ.

Въ Зимницѣ императоръ Александръ провелъ болѣе двухъ недѣль въ небольшомъ домѣ, принадлежавшемъ князю Писпанти, надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ, изъ котораго открывался обширный видъ на Дунай и противоположный берегъ. Сначала государь слѣдилъ за постройкой моста и за постепеннымъ переходомъ по немъ нашихъ главныхъ силъ, раздѣленныхъ на четыре отряда: 12-й и 13-й корпуса подъ начальствомъ цесаревича составили Рушукскій отрядъ, расположенный между рѣками Янтрою и Ломомъ, для обезпеченія лѣваго фланга арміи; 9-й корпусъ приступилъ къ осадѣ Никополя; остальные войска сосредоточивались вокругъ главной квартиры, перенесенной 25-го іюня въ Царевцы; наконецъ, передовой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Гурко, былъ двинутъ въ направленіи къ Тырнову и Балканамъ. Великій князь Алексѣй Александровичъ назначенъ главнымъ начальникомъ собранныхъ на Дунаѣ морскихъ частей и великій князь Владиміръ Александровичъ—командующимъ 12-мъ корпусомъ.

По отъѣздѣ изъ Зимницы брата и двухъ старшихъ сыновей, государь время свое раздѣлялъ между смотрами проходившихъ по мосту войскъ, посѣщеніемъ госпиталей и поѣздками по окрестностямъ. Скоро получилъ онъ извѣстіе о занятіи Тырнова отрядомъ генерала Гурко и о перенесеніи главной квартиры въ эту древнюю столицу болгарскихъ царей. Императоръ томился отдаленностью своего мѣстопробыванія отъ театра военныхъ дѣйствій. Его тянуло за Дунай, поближе къ полямъ сраженій, на которыхъ рѣшалась участь кампаніи. Предоставивъ главнокомандующему полную свободу распоряжаться движеніями арміи, онъ считалъ своимъ царственнымъ долгомъ заботу о жертвахъ войны, о страждущихъ воинахъ, раненыхъ и больныхъ. Онъ хотѣлъ находиться среди нихъ, «братомъ милосердія», какъ выражался онъ самъ о своемъ челоуѣколюбивомъ подвигѣ. 3-го іюля государь и слѣдовавшая за нимъ императорская квартира переехали за Дунай и расположились на ночлегъ въ деревнѣ Царевцахъ, въ пяти верстахъ отъ переправы.

При императорѣ находился великій князь Сергій Александровичъ; великій князь Алексѣй Александровичъ остался въ Зимницѣ, чтобы руководить работами и дѣйствіями нашихъ моряковъ на Дунаѣ. Къ вечеру этого дня государь получилъ извѣстіе о переходѣ передового отряда генерала Гурко чрезъ Ханкойскій переваль за Балканы.

Въ ночь съ 3-го на 4-е іюля въ царскомъ лагерѣ вызвала тревогу телеграмма изъ Систова, извѣщавшая о появленіи турокъ подъ этимъ городомъ. Государь тотчасъ приказалъ разбудить свою свиту и во главѣ ея выступилъ въ направленіи къ селу Павло, гдѣ расположена была штабъ-квартира наслѣдника. Къ счастью, извѣстіе оказалось ложнымъ. Встрѣченный цесаревичемъ, императоръ по прибытіи въ Павло получилъ отъ командира 9-го корпуса, генерала барона Криднера, слѣдующую телеграмму: «Никополь у ногъ вашего величества. Турецкая крѣпость послѣ ожесточеннаго боя, длившагося цѣлый день, сдалась на капитуляцію; взято въ плѣнъ двое пашей и до 6,000 человекъ регулярнаго войска».

6-го іюля государь разстался съ наслѣдникомъ, перенесшимъ свою главную квартиру далѣе къ Лому, а 8-го самъ переѣхалъ въ Бѣлу, городъ на Янтрѣ, гдѣ и оставался до конца іюля.

Еще въ Зимницѣ получены были изъ Малой Азіи неблагопріятныя вѣсти. Послѣ пораженія, нанесеннаго отряду генерала Геймана Мухтаромъ-пашою у Зевина, генераль Лорисъ-Меликовъ вынужденъ былъ снять осаду Карса. Немалого труда стоило генералу Тергюкасову освободить русскій гарнизонъ, осажденный въ Баязетской цитадели превосходными силами непріятели. Въ послѣднихъ числахъ іюля всѣ отряды кавказскаго дѣйствующаго корпуса перешли обратно за русскую границу.

На европейскомъ театрѣ войны—первою неудачею было отраженіе Османомъ-пашою, 8-го іюля, дивизіи генерала Шильдеръ-Шульднера при нападеніи ея на Плевну. Предпринятая, десять дней спустя, вторичная попытка овладѣть этимъ городомъ соединенными силами 9-го и 11-го корпусовъ окончилась еще болѣе чувствительною неудачею. Въ этотъ промежутокъ времени главнокомандующій западною турецкою арміею Османъ-паша, окопавшись впереди Плевны, обратилъ свою позицію въ обширный укрѣпленный лагерь и отбилъ произведенный на него 18-го іюля штурмъ съ сильною потерею для нападавшихъ. Уронъ нашъ въ этомъ бою простирался до 6,000 человекъ убитыми и ранеными. Въ тотъ же день генераль Гурко, по овладѣніи Шипкинскимъ переваломъ и долиною Тунджи съ городами Казанлыкомъ, Эски-Загрою и Лени-Загрою, встрѣтился со значительно превосходившею отрядъ его числомъ

армію Сулеймана-паши и отгнанный ею, вынужденъ былъ отступить за Балканы, удержавъ, однако, за нами горные перевалы, въ томъ числѣ и важнѣйшій изъ нихъ—Шипкинскій.

Тотчасъ по полученіи вѣстія объ отбитіи второй атаки на Шлеву и не зная еще объ отступленіи генерала Гурко изъ-за Балканъ, императоръ Александръ пригласилъ главнокомандующаго немедленно прибыть къ нему въ Бѣлу для совѣщанія. На военномъ совѣтѣ, происходившемъ 19-го іюля, въ высочайшемъ присутствіи, въ которомъ приняли участіе великій князь Николаи Николаевичъ Старшій, цесаревичъ, военный министръ и начальникъ штаба дѣйствующей арміи, рѣшено мобилизовать и двинуть за Дунай весь гвардейскій корпусъ, за исключеніемъ кирасирской дивизіи, а также 24-ю пѣхотную дивизію. Вѣсть о неудачахъ, постигшихъ отрядъ Гурко, не поколебала твердости императора. Бодрость свою онъ искалъ передать войскамъ, говоря офицерамъ различныхъ частей, проходившихъ чрезъ Бѣлу: «Вы слышали о неудачѣ? Не унывайте, Богъ милостивъ. Я потребовалъ гвардію». Тѣ же ободряющія рѣчи держалъ онъ къ своей свитѣ. Такъ, одному изъ ближайшихъ къ нему лицъ онъ сказалъ: «Два раза въ меня стрѣляли, и я остался живъ; стало быть я еще на что нибудь нуженъ».

Между тѣмъ, главная квартира великаго князя Николая Николаевича перенесена была изъ Тырнова въ Горный Студень. Туда же рѣшился переѣхать и государь со своею свитою, главнымъ образомъ вслѣдствіе настояній лейбъ-медика Боткина, находившаго климатъ Бѣлы нездоровымъ и способствующимъ усилению лихорадки, которою уже началъ страдать императоръ. 2-го августа государь прибылъ въ Горный Студень, совершивъ верхомъ сорока пяти-верстный переѣздъ туда изъ Бѣлы. Для него приготовленъ былъ тамъ небольшой деревянный домъ въ шесть комнатъ, которыя государь раздѣлилъ съ министрами: императорскаго двора графомъ А. В. Адлербергомъ и военнымъ—генералъ-адъютантомъ Милютинымъ; въ подвальномъ этажѣ дома помѣстился генералъ-адъютантъ князь Суворовъ. Царская свита расположилась вокругъ, въ палаткахъ.

Здѣсь царственному подвижнику суждено было пережить тяжелые, нерадостные дни. Ближайшія къ нему лица, вѣжно любившія его, старшій сынъ цесаревичъ, братъ—главнокомандующій, не разъ, по переходѣ арміи за Дунай, пытались убѣдить его оставить армію, возвратиться въ Петербургъ. Они опасались вреднаго вліянія на его нервную и впечатлительную натуру печальныхъ извѣстій съ мѣста боя, бѣдствій, неразрывно сопряженныхъ съ

войною, переполненія госпиталей и лазаретовъ ранеными: трепетали и за личную его безопасность при томъ неблагоприятномъ оборотѣ, который принимали дѣла въ нашемъ центрѣ и на правомъ флангѣ, гдѣ съ минуты на минуту можно было ожидать перехода непріятели въ наступленіе. Но императоръ Александръ и слышать не хотѣлъ объ оставленіи арміи. Не взирая на невыносимый лѣтній зной, а потомъ ненастную осень, на всѣ лишения, сопряженныя съ походной жизнью въ дикой, опустошенной странѣ, на болѣзненное состояніе своего здоровья,—онъ рѣшился съ христіанскимъ смрвеніемъ нести крестъ, имъ самимъ на себя возложенный, и съ глубокою вѣрою въ Провидѣніе, въ доблесть своего войска, въ самоотверженіе своего народа совершить свой подвигъ до конца.

Въ Горномъ Студнѣ государь вставалъ около восьми часовъ утра, никогда не измѣняя этого часа, даже послѣ тревожныхъ ночей, часто проведенныхъ безъ сна. На замѣчанія своего врача онъ отвѣчалъ: «Я не могу вставать позже потому, что не успѣю иначе всего сдѣлать». До кофе онъ совершалъ утреннюю прогулку пѣшкомъ, иногда заходя въ лазареты; потомъ принимался за обычныя занятія, читалъ телеграммы и разныя донесенія, просматривалъ и газеты, внимательно слѣдя за военными дѣйствіями, изучая ихъ на картѣ, дѣлая отмѣтки сообразно полученнымъ свѣдѣніямъ. Въ двѣнадцать часовъ подавали завтракъ въ большомъ шатрѣ, къ которому собиралась вся свита. Государь садился въ средній стола. Обыкновенно онъ былъ разговорчивъ и всегда привѣтливъ и внимателенъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что нибудь озабочивало или печалило его. Телеграммы, получаемыя во время завтрака или обѣда, читались вслухъ. Послѣ полудня Александръ Николаевичъ удалялся къ себѣ и нѣсколько часовъ посвящалъ работѣ надъ бумагами, присылаемыми изъ Петербурга, читалъ ихъ и дѣлалъ на поляхъ отмѣтки или писалъ резолюціи. Въ эту пору дня слушалъ онъ доклады не отлучавшихся отъ него министровъ императорскаго двора и военнаго и шефа жандармовъ, переписывался съ оставшимся въ Бухарестѣ государственнымъ канцлеромъ, принималъ посланныхъ къ нему лицъ или курьеровъ. Въ четыре часа государь ложился отдохнуть, всегда приказывая разбудить себя, если получится какое нибудь важное извѣстіе. Отдохнувъ съ часъ времени, онъ совершалъ прогулку въ экипажѣ по лагерю и ежедневно навѣщалъ то тотъ, то другой лазаретъ. Обѣдалъ государь въ семь часовъ въ томъ же шатрѣ, окруженный свитой. Послѣ обѣда, за чаемъ, читались вслухъ выписки изъ газетъ иностранныхъ и русскихъ. Въ одиннадцать часовъ вечера

всѣ расходились. но императоръ, погулявъ немного, долго еще работалъ у себя, обыкновенно, до часу ночи, иногда и долѣе, когда въ часы, назначенные для дневной работы, ему приходилось выѣзжать на позиціи. Приказано было будить его и ночью, при каждомъ полученіи телеграммъ съ театра военныхъ дѣйствій.

О пребываніи государя въ Горномъ Студнѣ въ этотъ самый тяжкій періодъ кампаніи такъ отзывается въ частномъ письмѣ очевидецъ, начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи и главноуполномоченный Краснаго Креста, князь В. П. Черкасскій: «Среди общаго здѣсь броженія умовъ и непостоянства взглядовъ, я часто и неустанно восхищаюсь государемъ, его спокойствіемъ, хотя и нравственно болѣющимъ, но и неизмѣнно твердымъ отношеніемъ къ дѣлу. Когда видишь его неустанно посѣщающимъ госпитали, входящимъ съ такою заботливостью во всѣ нужды несчастныхъ, столько чувствительнымъ ко всякому добросовѣстно исполненному долгу человѣколюбія и такъ живо ощущающимъ тѣ суровыя границы, которыя практическая необходимость неизбѣжно указываетъ дѣйствию этого, столь ему сроднаго человѣколюбія, такъ невольно проникаешься чувствомъ безпредѣльной къ нему любви, какъ къ человѣку, и сознаешь еще лучше, почему Провидѣніе вплело именно въ его историческій вѣнецъ тѣ высокія дѣла, которыя выпали на его историческую долю. Видя его въ лазаретныхъ палаткахъ, похудѣвшаго, грустнаго, истомленнаго,—я сожалѣлъ, что не родился художникомъ и лишень власти надъ полотномъ или мраморомъ, потому что невольно приходитъ на умъ сравненіе его здѣсь роли съ ролью Лудовика Святого въ Крестовыхъ походахъ. Для изображенія послѣдняго я непременно позаимствовалъ бы черты нашего государя».

Послѣ второй Плевны и отступленія передового отряда генерала Гурко изъ-за Балканъ, наступило повсемѣстное затихше, продолжавшееся безъ малаго три недѣли. Прервано оно было 4-го августа неудавшеюся попыткою турокъ прорваться черезъ Ханкойскій переваль. Пять дней спустя, 9-го августа, Сулейманъ-паша съ большими силами атаковалъ переваль на Шипкѣ. Въ этотъ день отбито нѣсколько приступовъ, но турки съ необычнымъ упорствомъ возобновляли ихъ въ продолженіе шести послѣдующихъ дней, атакуя наши позиціи по десяти и болѣе разъ въ сутки. Въ шестидневномъ бою генераль Радецкій отстоялъ переваль, благодаря прибывшимъ подкрѣпленіямъ и беззавѣтной храбрости и самоотверженію войскъ. Но потери наши были огромны. Генераль Драгомировъ тяжело раненъ, генераль Держинскій убитъ; однихъ раненыхъ было до 2,500 человекъ, не считая убитыхъ.

Съ безпокойствомъ и тревогою слѣдилъ императоръ Александръ за перипетіями кровавой бойни, отъ похода которой зависѣла участь похода. Нетерпѣливо ждалъ онъ телеграммъ съ мѣста сраженія; самъ принималъ, разспрашивалъ и выслушивалъ всѣхъ прибывшихъ съ Шипки офицеровъ, русскихъ и иностранныхъ, даже корреспондентовъ газетъ. «Что же это, наконецъ, второй Севастополь?» — воскликнулъ онъ, когда развернулась предъ нимъ картина ужаса, страданій и смерти, отражавшаяся какъ въ официальныхъ донесеніяхъ, такъ и въ разказахъ очевидцевъ. Вѣсти о многочисленныхъ жертвахъ боя раздирали ему сердце. Безпрерывная внутренняя тревога отразилась на его здоровьи. Видъ его былъ истомленный, онъ похудѣлъ, осунулся, какъ будто сторицелъ подъ тяжестью заботъ. Труднѣе прежняго переносилъ онъ стоявшую невыносимую жару, доходившую до 30° Реомюра въ тѣни. Единственною отрадою императора было непрекращавшееся ежедневное посѣщеніе госпиталей. «Государь — свидѣтельствуетъ обычный спутникъ его въ этихъ посѣщеніяхъ С. П. Боткинъ — «относится съ такою истинною сердечностью къ раненымъ, что невольно становится тепло при этихъ сценахъ. Солдатики какъ дѣти бросаются на подарки и радуются чрезвычайно наивно. Сколько мнѣ приходилось видѣть этихъ прекрасныхъ синихъ добрыхъ глазъ, слегка увлажненныхъ слезою. Я до сихъ поръ не могу смотрѣть на эти сцены безъ особаго чувства теплоты и умиленія»¹.

Едва прекратились отчаянные приступы Сулеймана-паши на Шипку, какъ перешли въ наступленіе Османъ-паша на нашемъ правомъ флангѣ и Мехмедъ-Али — на лѣвомъ. Нападеніе на войска Западнаго отряда, стоявшаго противъ Плевны, подъ начальствомъ генерала Зотова, было отражено 19-го августа, подъ Пеллшатомъ; наканунѣ — 18-го — передовыя войска Русскаго отряда были отбѣснены турками, возобновившими 24-го свое нападеніе на отрядъ цесаревича по всей линіи, но безуспѣшно.

Между тѣмъ, въ дѣйствующую армію прибыли подкрѣпленія: 2-я и 3-я пѣхотныя дивизіи и 3-я стрѣлковая бригада, а также двадцатипятитысячная румынская армія, перешедшая чрезъ Дунай, подъ личнымъ предводительствомъ князя Карла, который 16-го августа посѣтилъ императора въ Горномъ Студнѣ. Тамъ, на военномъ совѣтѣ, постановлено, что румынскія войска вмѣстѣ съ нашими 4-мъ и 9-мъ корпусами войдутъ въ составъ Западнаго отряда, который поступитъ подъ главное начальство князя Карла, а его начальни-

¹ Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи, стр. 166.

комъ штаба будетъ командовавший помянутымъ отрядомъ генераль Зотовъ.

Съ этими силами признано было возможнымъ возобновить въ третій разъ нападеніе на Плевну и защищавшія ее войска Османа-паши. Съ Западнымъ отрядомъ соединился отрядъ генерала князя Пиеретинскаго, взявшій съ бою Ловчу. 26-го августа все собранныя подъ Плевною части придвинулись къ этому городу и съ возведенныхъ въ одну ночь батарей—въ числѣ ихъ двѣ батареи осадной артиллеріи—открыли огонь по турецкому укрѣпленному лагерю. Рѣшено, по предварительной подготовкѣ артиллерійскимъ огнемъ, штурмовать Плевну.

Государь пожелалъ быть свидѣтелемъ этого рѣшительнаго боя. 24-го августа онъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, переѣхалъ изъ Горнаго Студня въ Чаушъ-Махала, а 26-го выѣхалъ на позицію подъ Плевною. Съ возвышенности, находившейся между центромъ и правымъ нашимъ флангомъ и получившей названіе «Царскаго валика», Александръ Николаевичъ въ этотъ и три послѣдующіе дня наблюдалъ за дѣйствіемъ бомбардированія, а 30-го августа слѣдилъ за ходомъ предпринятаго штурма.

Въ день тезоименитства государя, въ полдень, на Царскомъ валикѣ отслуженъ былъ молебенъ въ присутствіи императора, главнокомандующаго и многочисленной свиты. За завтракомъ, въ отвѣтъ на провозглашенный великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ тостъ за державнаго именинника, государь произнесъ: «За здоровье нашихъ славныхъ войскъ, которыя въ эту минуту дерутся съ непріателемъ, и да даруетъ намъ Богъ побѣду!»

Бой начался на лѣвомъ флангѣ въ 11 часовъ утра, но, согласно диспозиціи, штурмовыя колонны двинулись на приступъ только въ 3 часа пополудни. «Боже мой, Боже мой, какой ужасный ружейный огонь»,—молвилъ императоръ Александръ, выѣхавшій на двѣ версты впередъ отъ валика, чтобы ближе слѣдить за ходомъ сраженія.

Недобрыя вѣсти приходили съ мѣста боя. Все наши атаки были послѣдовательно отбиты. Войска отступали съ страшнымъ урономъ. Подъ этимъ удручающимъ впечатлѣніемъ, государь въ 8 часовъ вечера уѣхалъ на ночлегъ въ селеніе Радоницы. Черезъ часъ былъ поданъ обѣдъ. Императоръ молча сидѣлъ за столомъ, присутствующіе тоже не разговаривали между собою. Скоро все разошлись. Лишь на другое утро государю доложили, что на лѣвомъ флангѣ генераль Скобелевъ 2-й овладѣлъ двумя турецкими редутами, а на правомъ флангѣ большой Гривицкій

редутъ взять приступомъ Архангелогородскимъ полкомъ, поддержаннымъ румынами. «Скорбь государя действительно искренняя и горячая»—пишетъ близко приматривавшійся къ нему доверенный врачъ его Боткинъ. — Но знаетъ ли онъ причину всѣхъ этихъ погромовъ? Неизвѣстно. Его кругомъ обманываютъ и кто же изъ специалистовъ рѣшится прямо и откровенно высказать свое мнѣніе? Все окружающее не блещетъ такимъ гражданскимъ мужествомъ, которое бы давало право говорить правду тамъ, гдѣ нужно!...

Съ разсвѣтомъ 31-го августа императоръ снова выѣхалъ на позицію, на Царскій валикъ, который, по образному выраженію Боткина, въ эти скорбные дни былъ его «Голговою». Онъ ясно видѣлъ оттуда, какъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, тѣснимый первоходными силами непріятели, Скобелевъ вынужденъ былъ, отступая шагъ за шагомъ, очистить занятые имъ наканунѣ два редута. Поддержать его было нечѣмъ. Всѣ резервы были уже введены въ дѣло и, какъ и всѣ прочія участвовавшія въ штурмѣ войска, понесли громадные потери. За два дня мы лишились убитыми и ранеными болѣе 15,000 человекъ. Молодая румынская армія, воспріявшая въ этихъ кровавыхъ бояхъ крещеніе огня, соревновала въ храбрости со старыми, испытанными въ доблести русскими войсками. Въ ней выбыло изъ строя 3,000 человекъ. Государь пожаловалъ князю Карлу орденъ св. Георгія 3-й степени и велѣлъ раздать въ румынскихъ полкахъ много знаковъ отличія Военнаго ордена.

Страшный, непоправимый уронъ, ослабившій и разстроившій всѣ части, отсутствіе резервовъ, отдаленность шедшихъ изъ Россіи подкрѣпленій—таковы были соображенія, въ силу которыхъ главнокомандующій признавалъ невозможнымъ оставаться на занимаемыхъ подъ Плевною позиціяхъ. Онъ не скрылъ отъ государя, что считаетъ необходимою отступление арміи къ Дунаю, ссылаясь на то, что война начата была съ недостаточными силами. Противъ этого мнѣнія съ жаромъ возсталъ военный министръ Милютинъ. Онъ возражалъ, что отступление невозможно и было бы для арміи позоромъ; что нельзя отступать, когда ничего еще неизвѣстно о намѣреніяхъ непріятели, который быть можетъ отступитъ и самъ, что никто насъ не тѣснитъ; что мы должны стоять, пока не подойдутъ подкрѣпленія... Но великій князь не убѣждался этими доводами и даже предложилъ Милютину принять командованіе арміею.

¹ Боткинъ, *Ibid.*, стр. 197.

с. с. талищевъ. т. II.

Съ самаго прїѣзда въ армію, государь тщательно отстранялъ себя отъ руководства военными дѣйствіями, предоставляя въ этомъ отношеніи полную свободу и независимость главнокомандующему, и, по словамъ Боткина, держалъ себя безукорпзненно, не вмѣшиваясь иначе, какъ добрымъ совѣтомъ»¹. Такъ, онъ не разъ сдерживалъ порывы и увлеченія полевого штаба, напоминалъ главнокомандующему о необходимости оградить себя съ фланговъ, обезпечить спетовскую переправу и не слишкомъ зарываться впередъ. Передъ второю Плевною, государь совѣтовалъ быть осторожнымъ, не давать сраженія, не сосредоточивъ противъ Османа-паши силъ, равныхъ тѣмъ, которыми располагалъ тотъ. Теперь, послѣ третьей неудачи подъ Плевною, въ торжественную и рѣшительную минуту, когда отъ принятаго рѣшенія зависѣлъ не только исходъ войны, но и будущая судьба Россіи, ея обаяніе въ мірѣ, императоръ Александръ, «въ оснаніи отвѣтственности своей передъ Россією»—какъ самъ онъ выражался, рассказывая объ этомъ эпизодѣ близкимъ ему лицамъ, нашелъ, что царю принадлежитъ рѣшающее слово. Личное мнѣніе его было уже составлено. Онъ считалъ нужнымъ, не отступая ни на шагъ, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, приступитъ къ правильной осадѣ или по меньшей мѣрѣ къ обложенію Плевны и во что бы ни стало покончить съ Османомъ-пашою, прежде чѣмъ предпринимать какое либо другое движеніе. Желая, однако, выслушать и отзывы главныхъ чиновъ полевого штаба и начальниковъ частей, онъ созвалъ военный совѣтъ, для окончательнаго обсужденія плана дальнѣйшихъ дѣйствій.

Совѣтъ открылся на другой день, 1-го сентября, на Царскомъ валикѣ, подъ личнымъ председательствомъ государя. Въ немъ принимали участіе: главнокомандующій, военный министръ и генералы: Непокойчичскій, Зотовъ, князь Масальскій и Левицкій. Императоръ, обведя весь кружокъ вопросительнымъ взглядомъ, остановилъ взоръ на главнокомандующемъ, который изложилъ подробно соображенія, побуждавшія его настаивать на необходимости отступления къ Дунаю. Генералы Зотовъ и князь Масальскій предлагали отвести войска Западнаго отряда на позиціи, которыя занимали они до послѣдняго движенія къ Плевнѣ, за Осмою, и тамъ ждать прихода подкрѣпленій. Энергично возсталъ противъ всякаго отступления генералъ Левицкій. Онъ выразилъ мнѣніе, что отступать въ настоящую минуту, послѣ новаго пораженія, отнюдь не слѣдуетъ ни одной пяди; что отступление невозможно ни въ политическомъ смыслѣ, по нашимъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ изъ европей-

¹ Боткинъ, Ibid., стр. 124.

скихъ державъ, ни въ смыслѣ нравственномъ, по отношенію къ противнику, къ своей собственной арміи и, наконецъ, къ Россіи; что намъ теперь не отступать, а напротивъ надо еще тѣснѣе сплотиться вокругъ Плевны, притянуть къ ней изъ Россіи возможно большія силы, взять сюда гвардію и гренадеръ и, стаянувъ вокругъ Османа, такъ сказать, желѣзное кольцо, пресѣчь ему пути сообщенія съ Виддиномъ и Софіей, и такъ или иначе, посредствомъ блокады или осады, вынудить его наконецъ къ безусловной сдачѣ; что таковъ нашъ долгъ, котораго требуетъ отъ насъ не только честь арміи, но и честь государства. Военный министръ еще болѣе вѣскими доводами поддержалъ и развилъ мнѣніе помощника начальника штаба дѣйствующей арміи.

Мысли, высказанныя генералами Милюткинымъ и Левицкимъ, вполне отвѣчали собственному убѣжденію императора, который приказалъ принять ихъ за основаніе будущихъ дѣйствій. Рѣшено мобилизовать три гренадерскія дивизіи, и 1-ю отправить на Кавказъ, а 2-ю и 3-ю—за Дунай. Тогда же по высочайшему повелѣнію вызванъ въ дѣйствующую армію изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

Государю оставалось исполнить еще одинъ послѣдній, столь милый его отеческому сердцу долгъ: навѣстить и утѣшить многочисленныя жертвы боя, увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ. Во все время пребыванія подъ Плевною онъ усердно посѣщалъ госпитали и лазареты въ тылу расположенія войскъ. Но съ мѣста боя раненые были свезены въ нихъ не ранѣе, какъ черезъ три или четыре дня. Нѣкоторыхъ, встрѣчавшихся ему въ пути, самъ государь довозилъ въ своей коляскѣ. 3-го сентября, въ Радоницахъ, явился съ докладомъ къ военному министру медицинскій инспекторъ Коссинскій и инспекторъ госпиталей Приселковъ. Государь пожелалъ ихъ видѣть. «Сколько всѣхъ раненыхъ?» спросилъ онъ и на отвѣтъ, что на перевязочные пункты пяти дивизионныхъ лазаретовъ съ 26-го по 31-е августа явилось до 9,600 раненыхъ,—воскликнулъ: «Это ужасно!... и все... безъ результата»... Государь прослезился. «Спасибо вамъ»,—сказалъ онъ Коссинскому и Приселкову, подавая имъ руку,—«спасибо всѣмъ врачамъ... Самъ видѣлъ я, какъ они въ крови ходили... Еще разъ спасибо. Гдѣ теперь мой герон?» Инспекторъ отвѣчалъ, что раненые изъ-подъ Плевны перенесены въ военно-временной госпиталь, находящейся неподалеку отъ Радоницъ, въ деревнѣ Булгарени, для вторичной и окончательной перевязки, откуда уже ихъ повезутъ за Дунай. «Такъ близко отсюда!» воскликнулъ императоръ. «Ну! Дмитрій Алексѣевичъ», сказалъ онъ, обращаясь къ военному министру,—«сейчасъ же поѣдетъ туда!»

На другой день по посѣщеніи госпиталя въ Булгареняхъ, государь возвратился въ Горный Студень. Туда же послѣдовалъ за нимъ п главнокомандующій со своимъ штабомъ.

Вторичное пребываніе императора въ Горномъ Студнѣ продолжалось шесть недѣль. За все это время подъ Плевною было сравнительно спокойно, но турки возобновили отчаянныя нападенія на Шипку и на Русчукскій отрядъ цесаревича. Настроеніе государя было крайне тревожное и не замедлило отразиться на его здоровьѣ. Со времени прибытія въ армию онъ, правда, менѣе страдалъ грудною астмою, зато заболѣвалъ очень часто въ Плевнѣ — лихорадкой съ катарромъ бронхъ: въ Бѣлой—эпидемическимъ катарромъ желудка и кишекъ; въ Горномъ Студнѣ—кровонымъ поносомъ. По возвращеніи изъ-подъ Плевны, когда нестерпимую лѣтнюю жару смѣнила сырая и холодная осенняя погода, государь серьезно занемогъ мѣстной лихорадкою. Врачъ его Боткинъ приписывалъ болѣзнь непривычкѣ держать себя въ данной мѣстности сообразно требованіямъ извѣстной гигиены. Припадкн лихорадки были довольно продолжительны, сонъ тревожный, температура доходила до 40°. Озабоченные нездоровьемъ отца, посѣщили къ нему: цесаревичъ, великіе князья Владиміръ и Сергій и прибывшій изъ Петербурга Павелъ Александровичъ. Но государь скоро оправился. Быстрому его выздоровленію содѣйствовало прибытіе гвардіи на театръ войны. Государь выѣзжалъ самъ навстрѣчу гвардейскимъ частямъ, проходившимъ чрезъ Горный Студень, съ любовью привѣтствовалъ ихъ и поощрялъ къ предстоящимъ подвигамъ ласковыми и милостивыми словами: «Вы пойдете на святое дѣло» — говорилъ онъ офицерамъ.—«Дай Богъ, чтобы больше изъ васъ вернулось назадъ... Вы не знаете, какъ каждый изъ васъ мнѣ дорогъ... Я увѣренъ, что вы свято исполните свой долгъ... Я, впрочемъ, васъ еще увижу, приѣду къ вамъ. До свиданія!»

15-го сентября въ Горный Студень прибылъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ. Его поразилъ болѣзненный видъ государя, «но» — замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ—«страданія его скорѣе нравственнаго свойства... Онъ добръ и милостивъ, какъ всегда, истинный рыцарь... Если бы всѣ были такими, все бы пошло лучше». Защитникъ Севастополя приглашенъ былъ на военный совѣтъ, состоявшійся въ высочайшемъ присутствіи и въ которомъ участвовали: главнокомандующій, цесаревичъ, военный министръ и начальникъ полевого штаба. Рѣшено обратить главныя силы дѣйствующей армии противъ Плевны, чтобы покончить, наконецъ, съ этою неожиданно созданною твердынею.

Окончательно ободрили государя побѣдные вѣсти съ Кавказа: 15-го сентября отбито нападеніе Измаил-паши на отрядъ генерала Тергукасова; 20-го войска наши атаковали лѣвый флангъ расположенія Мухтара-паши и овладѣли горою Большіе Ягны, принудивъ турокъ отступитъ къ Авліару; 3-го октября на Авліарекпхъ высотахъ армія Мухтара-паши разбита на-голову и отрѣзана отъ Карса. Послѣдствіемъ этой побѣды было вторичное обложеніе Карса русскими силами.

Императоръ Александръ самъ объявилъ о побѣдѣ кавказскихъ товарищей своему почетному конвою и праздновавшему 4-го октября полковой свой праздникъ. Л. - гв. казачьему его величеству полку. Главнокомандующему Кавказскою арміею великому князю Михаилу Николаевичу посланъ орденъ св. Георгія 1-й степени при милостивой грамотѣ.

По совершеніи генералъ - адъютантомъ Тотлебенемъ объѣзда плевенскихъ позицій, знаменитый защитникъ Севастополя, ознакомившись съ мѣстностью и расположеніемъ войскъ Западнаго отряда, высказался рѣшительно какъ противъ повторенія штурма, такъ и противъ приступленія къ осадѣ. Цѣлью дѣйствій онъ поставилъ: блокаду Плевны и плѣненіе непріятельской арміи. Соответственно этому взгляду, вполне одобренному государемъ, Западный отрядъ усиленъ всѣми прибывшими въ Болгарію войсками гвардейскаго корпуса и помощникомъ князя Карла Румынскаго по званію начальника этого отряда назначенъ Тотлебенъ.

Въ исполненіе его плана, сильный отрядъ, въ составъ котораго вошли гвардейскія 1-я и 2-я пѣхотныя и 2-я кавалерійская дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Гурко, перейдя на лѣвый берегъ рѣки Виды, двинулся на софійско-плевенское шоссе. Ближайшею задачею его было овладѣть турецкими фортами въ тылу плевенскаго укрѣпленнаго лагеря. 12-го октября взяты съ бою Горный Дубнякъ. Въ этомъ дѣлѣ гвардія покрыла себя славою, но побѣда стоила большыхъ жертвъ: болѣе 2,500 человекъ выбыло изъ строя. Послѣ усиленной бомбардировки, 16-го сдался Телишъ; 20-го заняты Дольный Дубнякъ. Такимъ образомъ, вокругъ Османа-паши стягивалось желѣзное кольцо. Къ концу октября Плевна была уже обложена со всѣхъ сторонъ.

Какъ только возобновились военныя дѣйствія вокругъ Плевны, государь выразилъ намѣреніе приблизиться къ нимъ. 14-го октября императорская квартира перенесена была въ Парадимъ, въ десяти верстахъ отъ Плевны, гдѣ уже помѣщалась штабъ-квартира князя Румынскаго. Главная квартира дѣйствующей арміи помѣстилась

въ сосѣдней деревнѣ Боготѣ, а штабъ-квартира Тотлебена въ деревнѣ Тученицѣ.

Въ Парадимѣ, какъ въ Зимницѣ, въ Бѣлѣ и въ Горномъ Студнѣ, императоръ Александръ большую часть свободнаго своего времени посвящалъ посѣщеніямъ госпиталей. Ѣздилъ въ главную квартиру къ брату и часто выѣзжалъ на позиціи, чтобы наблюдать за огнемъ возведенныхъ, по указаніямъ Тотлебена, многочисленныхъ редутовъ и батарей, противопоставленныхъ неприятельскимъ укрѣпленіямъ. 25-го октября онъ пожелалъ произвести смотръ гвардейскимъ частямъ, расположеннымъ лагеремъ по лѣвую сторону рѣки Вида. Трогательно было свиданіе государя съ его гвардією. Изъ Медована, гдѣ ждалъ его главнокомандующій, императоръ отправился къ Горному Дубняку, потомъ къ Дольнему Дубняку. Первыми представились ему лейбъ-гусары и лейбъ-уланы, потомъ гвардейская саперная бригада, 1-я и 2-я пѣхотныя дивизіи, л.-гв. саперный баталіонъ, 1-я и 2-я гвардейскія артиллерійскія бригады. Императоръ останавливался у каждаго полка, милостиво разговаривая съ командирами и офицерами, спрашивая ихъ о понесенныхъ трудахъ, о совершенныхъ подвигахъ. Благодарственное молебствіе отслужено въ л.-гв. Егерскомъ полку. При возглашеніи вѣчной памяти православнымъ воинамъ, убиеннымъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество, государь преклонилъ колѣна. Слезы ручьемъ лились изъ глазъ его. При объѣздѣ гвардейскихъ лагерей не забыты и лазареты. Ночь его величество провелъ въ Медованѣ, на слѣдующій день обѣдалъ въ Боготѣ у главнокомандующаго и къ вечеру возвратился въ Парадимѣ.

Въ концѣ октября отрядъ генерала Гурко выдѣленъ изъ состава Западнаго отряда, переименованнаго въ отрядъ обложенія Плевны, и двинутъ на юго-западъ отъ Плевны въ направленіи къ Балканамъ и Софіи. На прежнихъ позиціяхъ за Видомъ замѣнили его 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи подъ начальствомъ командира гренадерскаго корпуса генералъ-адъютанта Ганецкаго. Получившій названіе Западнаго, отрядъ Гурко—взялъ городъ Врацу и занялъ Разолитскій переваль. Подвигаясь далѣе къ югу, онъ овладѣлъ укрѣпленною позицією подъ Правцомъ, взялъ съ бою Этрополь, занялъ Орханіэ и настигъ отступавшаго предъ нимъ неприятеля, засѣвшаго въ неприступной горной мѣстности подъ Арабъ-Конакомъ. Здѣсь остановило Гурко высочайшее повелѣніе: не идти впередъ, пока не падетъ Плевна. Распоряженіе это состоялось по настоянію Тотлебена, представившаго императору, что дѣйствія Гурко не соответствуютъ силѣ его отряда и что онъ заходитъ слишкомъ далеко, оставляя линію своихъ сообщеній безъ прикрытія.

Подвигаясь впередъ, отдѣльные русскіе отряды постепенно расширяли районъ нашего расположенія въ Болгаріи. Начальникъ Сельви-Ловчинскаго отряда генераль Кардовъ взялъ съ боя Тетевенъ; румыны овладѣли Раховымъ и Ломъ-Паланкомъ. Подъ Плевною генераль Скобелевъ занялъ первый кряжъ Зеленыхъ горъ и придвинулся еще ближе къ расположенію непріятеля. Но предположенное имъ дальнѣйшее наступленіе было приостановлено Тотлебеномъ, какъ не соответствующее общей цѣли нашихъ дѣйствій. «Четвертой Плевны не будетъ» — сказалъ герой Севастополя Александру Николаевичу, принимая начальство надъ отрядомъ обложія и — сдержалъ слово. «Нужно гораздо больше рѣшимости» — рассуждалъ онъ — чтобы противиться безразсуднымъ предпріятіямъ и систематически слѣдовать зрѣло обдуманному плану, чѣмъ идти на-обумъ на штурмъ, который былъ бы весьма желателенъ непріятелю и разстроилъ бы наши силы. Весь вопросъ заключается теперь въ томъ: на сколько времени хватитъ у Османа продовольствія? Разъ окажется недостатокъ въ продовольствіи, тѣсное обложіе приведетъ къ цѣли безъ значительныхъ потерь» Ознакомясь съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, государь вполне раздѣлилъ мнѣніе Тотлебена. «Только терпѣніемъ» — сказалъ онъ ему послѣ перваго посѣщенія возведенныхъ имъ укрѣпленій — преодолеваются всякія затрудненія» Съ этого дня императоръ энергично поддерживалъ Эдуарда Ивановича во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось оспаривать предположенія полевого штаба или не въ мѣру нетерпѣливыхъ частныхъ начальниковъ.

Между тѣмъ, дѣла въ Малой Азіи съ каждымъ днемъ принимали болѣе благоприятный оборотъ. Преслѣдуя отступающаго непріятеля, войска наши перешагнули за Саганлугскій хребетъ. Кавалерія находилась уже въ 18-ти верстахъ отъ Эрзерума. 23-го октября соединенные отряды генераловъ Геймана и Тергукасова разбили армію Мухтара и Измаила-пашей на укрѣпленной позиціи подъ Деве-Бойну. Турки бѣжали въ полномъ разстройствѣ, бросивъ лагерь, оружіе, запасы. Не менѣе успѣшно шла осада Карса: вылазки гарнизона всѣ были отбиты съ большимъ урономъ для непріятеля.

Получивъ извѣстіе объ этихъ дѣлахъ, государь телеграфировалъ великому князю Михаилу Николаевичу, отъ 26-го октября: «Благодарю Бога за вновь дарованную побѣду 23-го числа. Честь и слава нашимъ молодецкимъ войскамъ и достойнымъ ихъ начальникамъ! Ты поймешь мою и общую радость. Буду ждать съ нетерпѣніемъ подробностей и дальнѣйшихъ извѣстій. Сегодня 27 лѣтъ, какъ я удостоился получить георгіевскій крестъ въ рядахъ славныхъ кавказскихъ войскъ

Передай мое сердечное спасибо всемъ. Иду сейчасъ къ молебну. Радуюсь успѣшнымъ дѣйствіямъ князя Мелікова въ Дагестанѣ и генерала Лазарева подъ Карсомъ. Кутаисскому полку мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоєю командою. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами!

6-го ноября императоръ Александръ поѣхалъ въ деревню Згалевицы для осмотра помѣщенного тамъ центрального военно-временного госпиталя. Туда прискакалъ верхомъ начальникъ императорскихъ военно-походныхъ телеграфовъ и, подавая государю депешу, воскликнулъ: «Ваше величество! Пибу честь поздравить... Карсъ взятъ!» Государь изъясился въ лицѣ, снялъ фуражку, перекрестился и взволнованнымъ голосомъ вслухъ прочиталъ телеграмму окружавшимъ его лицамъ, потомъ снова перекрестился и крикнуть «ура!»

На другой день императоръ приказалъ, чтобы ровно въ полдень во всѣхъ отдѣльныхъ отрядахъ и корпусахъ, находящихся за Дунаемъ, въ виду турецкихъ позицій, было отслужено благодарственное молебствіе, во время котораго, при возглашеніи многолѣтія російскому воинству и вѣчной памяти убиеннымъ, вся артиллерія должна была салютовать боевыми залпами по непріятельскимъ позиціямъ. Самъ государь присутствовалъ на молебнѣ, на Тученицкомъ редутѣ, въ память этого дня получившемъ названіе Императорскаго. Салютационные залпы производились со всѣхъ редутовъ и батарей, окружавшихъ Плевну. Послѣ молебна императоръ обратился къ войскамъ съ краткою рѣчью, въ которой возвѣстилъ о взятіи Карса, количествѣ плѣнныхъ, орудій и прочихъ трофеевъ, и пожелалъ имъ скорѣйшаго и побѣдоноснаго окончанія съ Плевной. За завтракомъ онъ пилъ за здоровье великаго князя Муханла Николаевича и славной Кавказской арміи. Давно уже не видѣли государя, видъ котораго за всѣ послѣдніе мѣсяцы былъ озабоченный и угрюмый, въ такомъ радостномъ настроеніи. Свѣтлая улыбка озаряла его исхудалое лицо.

Карсъ былъ взятъ ночнымъ приступомъ и успѣхъ этого блестящаго штурма снова возбудилъ въ военныхъ кругахъ вопросъ: не слѣдуетъ ли выйти изъ тяжкаго выжидательнаго положенія, рѣшившись въ четвертый разъ штурмовать Плевну? Намѣренію этому генералъ-адъютантъ Тотлебенъ воспротивился всею силою своихъ убѣжденій. «До сихъ поръ» — писалъ онъ женѣ — «все шло по зрѣло обдуманному плану. Теперь же хотятъ дѣйствовать быстрѣе, чѣмъ возможно. Мы должны спокойно выжидать результатовъ обложенія. Я употребляю всѣ усилія, чтобы тормозить».

Мнѣніе Толлебена восторжествовало, потому что встрѣило могучую опору въ государь, пребываніе котораго въ отрядѣ, какъ занесъ въ свой дневникъ защитникъ Севастополя, — «было въ вышней степени благотворно».

«Нужно отдать полную справедливость государю» — писать тогда же Боткинъ — «который до сихъ поръ героически переноситъ какъ физическія, такъ и нравственныя невзгоды...» Лейбъ-медикъ прибавлялъ, что «имъ надо любоваться» потому что «разлагающіеся человѣческіе остатки» — подъ которыми Боткинъ разумѣетъ тѣхъ изъ лицъ свиты, которые тяготились продолжительнымъ пребываніемъ въ арміи, въ непривычной и неприглядной обстановкѣ, сопряженной съ неизбежными лишениями, — «самымъ тщательнымъ образомъ скрываютъ предъ нимъ свое нравственное состояніе»¹.

Ежедневно заѣзжая то на ту, то на другую изъ нашихъ позицій, императоръ 15-го ноября посѣтилъ и румынскій лагерь. Князь Карлъ принялъ державнаго союзника въ новопостроенномъ фортѣ, названномъ въ честь его фортомъ «Александръ», и поднесъ его величеству медаль «За военныя достоинства». Государь надѣлъ ее при восторженныхъ кликахъ румынскихъ солдатъ, которыхъ самъ щедро надѣлилъ знаками отличія Военнаго ордена. По этому случаю князь Карлъ отдалъ приказъ по своей арміи, въ которомъ говорилъ между прочимъ: «Румынская армія сохранитъ память о тѣхъ дняхъ, когда она шла въ бой на глазахъ императора Александра, и въ особенности о днѣ 15-го ноября, въ который августѣйшій предводитель мужественной арміи, союзниками коей мы состоимъ, обозрѣвая позиціи нашихъ храбрыхъ и могущественныхъ войскъ подъ огнемъ непріятели, въ фортѣ, носящемъ его имя, удостоилъ принять изъ моихъ рукъ медаль «За военныя достоинства». Этотъ знакъ доблести на груди августѣйшаго монарха будетъ вѣчною честью для румынской арміи и побужденіемъ къ новымъ жертвамъ, то есть къ новымъ побѣдамъ!»

26-го ноября государь отпраздновалъ въ Парадизѣ Георгіевскій праздникъ. Послѣ обѣди, за завтракомъ, онъ провозгласилъ обычный тостъ за своего «лучшаго друга и старѣйшаго кавалера св. Георгія, императора Вильгельма», за которымъ слѣдовалъ другой тостъ: «за второго моего друга, императора австрійскаго». Потомъ, обращаясь къ присутствовавшимъ за столомъ георгіевскимъ кавалерамъ, государь сказалъ: «За ваше здоровье, господа. Мое сердечное спасибо за вашу службу. Дай Богъ вамъ здоровья. Вы знаете, какъ вы всѣ мнѣ дороги». Тостъ за императора, за отсут-

¹ Боткинъ, Ibid., стр. 358 и 359.

ствіемъ по болѣзни главнокомандующаго, произнесъ генераль-адъютантъ Непокойчичскій. Завтракъ завершился послѣднимъ тостомъ, предложеннымъ его величествомъ: «Господа, за здоровье нашей арміи!»

Пораженіе, нанесенное турками на лѣвомъ флангѣ, подѣ Еленою, отряду генерала князя Святополка-Мирскаго 2-го, снова опечалило и встревожило государя. Неудача эта была послѣднею. Приближалась страстно желаемая, давно всѣми нетерпѣливо ожидаемая развязка.

Въ штабѣ отряда обложенія и въ главной нашей квартирѣ давно уже имѣлись свѣдѣнія о томъ, что, истощивъ весь запасъ продовольствія, Османъ-паша рѣшился на отчаянную попытку: прорваться чрезъ окружавшія его со всѣхъ сторонъ русскія войска, чтобы открыть своей арміи путь къ Виддину или Софіи. 27-го ноября стало извѣстно намѣреніе непріятеля ударить съ этою цѣлью на гренадеръ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вида, о чемъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ предупредилъ командира гренадерскаго корпуса генерала Ганецкаго, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія о своевременномъ подкрѣпленіи его войскамъ сосѣднихъ участковъ.

28-го ноября, не разсвѣтъ, великій князь-главнокомандующій протелеграфировалъ государю, что Османъ-паша всѣми своими силами напалъ на гренадерскія дивзіи. Въ девятомъ часу утра императоръ выѣхалъ на позицію, сначала на Царскій валкъ, откуда, около полудня, прибылъ на Императорскій редутъ, между Радишевымъ и Тученицею. Но войска наши не находились уже на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Великій князь Николай Николаевичъ повелъ ихъ впередъ и занялъ Плевну въ тылу оставившей ее турецкой арміи.

Государь остался на редутѣ нѣсколько часовъ въ томительномъ ожиданіи исхода боя, кипѣвшаго за Видомъ, раскаты котораго доносились до него. Посланные имъ въ разныя стороны за свѣдѣніями флигель-адъютанты долго не возвращались. Но уже по уткнувшейся пальбѣ можно было заключить, что сраженіе кончилось — и въ нашу пользу. Лицо государя просіяло. Подойдя къ военному министру, онъ сказалъ, указывая на него окружавшимъ лицамъ: «Я говорю, что если мы здѣсь, если мы имѣемъ сегодня этомъ успѣхъ, то этимъ мы ему обязаны. Я этого никогда не забуду». Прошло еще съ полчаса времени. Наконецъ, около четырехъ часовъ пополудни замѣтили всадника, скакавшаго по направленію къ Императорскому редуту и махавшаго шапкою. То былъ помощникъ коменданта главной квартиры,

полковникъ Моравскій. Завидѣвъ государя, онъ издали закричалъ: «Ваше императорское величество, Османъ-паша сдается! Государь быстрыми шагами пошелъ къ нему навстрѣчу. — «Правда ли?» — переспросилъ онъ. «Ей-Богу такъ, ваше величество» — отвѣчала Моравскій. — «Спасибо, молодецъ» молвилъ императоръ, подавая ему руку, и тутъ же поздравилъ Моравскаго флигель-адъютантомъ; потомъ снялъ фуражку и, съ выступившими на глазахъ слезами, освѣтилъ себя крестнымъ знаменіемъ. «Ура!» вырвалось изъ устъ у всѣхъ присутствовавшихъ. — «Господа! — сказалъ государь, обращаясь къ свитѣ, — «сегодняшнимъ днемъ и тѣмъ, что мы здѣсь, мы обязаны Дмитрію Алексѣевичу Милютину. Поздравляю васъ, Дмитрій Алексѣевичъ, съ Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени».

Пять минутъ спустя прискакалъ къ редуту ординарецъ главнокомандующаго, посланный съ донесеніемъ о безусловной сдачѣ турецкой арміи и ея вождя. Атака Османа-паши на гренадеръ была такъ стремительна, что турки, смявъ нашу первую линію, ворвались въ траншеи и овладѣли орудіями; но приспѣвшія на помощь войска второй линіи выбили ихъ оттуда и отбѣснили за Видъ. Послѣ пятичасоваго жаркаго боя непріятель выкинулъ бѣлый флагъ. Въ три часа пополудни Османъ-паша вручилъ свою саблю генералу Ганецкому. Трофеями побѣды были: плѣнныхъ 40 пашей, 2,000 офицеровъ и 44,000 нижнихъ чиновъ, 84 пушки, множество оружія и снарядовъ, весь турецкій лагерь и обозъ.

Прежде чѣмъ покинуть редутъ, государь обратился снова къ военному министру: Дмитрій Алексѣевичъ — сказалъ онъ — «спрашиваю у васъ, какъ у старшаго изъ присутствующихъ георгіевскихъ кавалеровъ, разрѣшеніе надѣть георгіевскій темлякъ на саблю. Кажется, я это заслужилъ....»

Министръ молча низко поклонился государю. Свита снова крикнула: «Ура!»

По возвращеніи въ Парадимъ, императоръ Александръ самъ возвѣстилъ своему конвою о полной побѣдѣ надъ храбрымъ и упорнымъ противникомъ. Всеобщая радость превосходила всякое описаніе. Государь удалился въ свою хату, и заперевъ двери на ключъ, колѣнопреклоненный, долго молился. Въ тотъ же день вечеромъ онъ отправилъ слѣдующую телеграмму въ Петербургъ императрицѣ Маріи Александровнѣ: «Ура! Полная побѣда. Османъ-паша сдѣлалъ сегодня утромъ попытку прорваться сквозь наши линіи по направленію къ Виду, но былъ отброшенъ къ занятой уже нами Шлевѣ и вынужденъ сдаться безъ всякихъ условій со всею своею арміею. Тебѣ понятны моя радость и исполняющая мое сердце бла-

годарность къ Богу. Я только лишь въ шесть часовъ вернулся съ нашихъ батарей. Желалъ бы, чтобы въ большой церкви былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Александръ». Тогда же телеграфировалъ онъ князю Карлу Румынскому въ отвѣтъ на его телеграмму: «Сердечно благодарю за поздравленія. Результатъ полный и я радуюсь блестящему участию, принятому въ немъ вашею арміею. Намъ рѣнь быть завтра въ Плевнѣ, въ полдень. Александръ».

На другой день, посреди неприятельскаго лагеря, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ставка Османа-паша, собралась всѣ высшіе чины армій русской и румынской, шѣя во главѣ великаго князя Николая Николаевича и князя Карла. Въ половинѣ перваго туда же прибылъ императоръ Александръ въ коляскѣ, въ сопровожденіи великаго князя Сергія Александровича. Выйдя изъ экипажа, государь быстрыми шагами и съ сияющей улыбкой на лицѣ направился къ брату, спѣшившему ему навстрѣчу. Они сошлись и бросились въ объятія другъ другу. Расцѣловавъ главнокомандующаго, императоръ собственноручно возложилъ на него георгіевскую ленту. Затѣмъ его величество самъ роздалъ награды главнымъ его сподвижникамъ: генераламъ Тотлебену и Непокійничскому—Георгія 2-й степени; князю Пмеретинскому и Ганецкому—тотъ же орденъ 3-й степени, Левецкому—георгіевскій крестъ 4-й степени. Князю Румынскому пожалованъ орденъ св. Андрея съ мечами. Роздавъ ордена, императоръ сѣлъ на коня и объѣхалъ собранныя войска, поздравляя ихъ съ побѣдой; отличившіяся части были удостоены особымъ монаршимъ вниманіемъ. Молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ отслужено тутъ же подъ открытымъ небомъ. При пѣніи «Тебе Бога хвалимъ» раздался побѣдный салютъ въ сто одинъ пушечный выстрѣлъ. По окончаніи молебна, государь, на шпагѣ котораго красовался уже георгіевскій темлякъ, сказалъ великому князю Николаю Николаевичу: «Я надѣюсь, что главнокомандующій не будетъ сердиться на меня за то, что я надѣлъ себѣ на шпагу георгіевскій темлякъ на память о пережитомъ времени». Великій князь, съ глазами, полными слезъ, обнялъ державнаго брата.

Сопровождаемый главнокомандующимъ, княземъ Карломъ и многочисленною и блестящею свитою, государь на конѣ вѣхалъ въ Плевну и направился къ церкви, на порогъ которой встрѣтило его болгарское духовенство, въ убогомъ облаченіи, но со свѣчами и хоругвями, крестомъ и святою водою. Принявъ благословеніе отъ старшаго протоіерея и выслушавъ привѣтствіе его, императоръ помолился въ церкви, окруженный толпою болгарскихъ жителей Плевны, громкими кликами радости привѣтствовавшими своего освободителя.

Въ одномъ изъ лучшихъ болгарскихъ домовъ былъ приготовленъ завтракъ для государя и его свиты. Императоръ находился еще за столомъ, когда на дворѣ раздалось: «браво! браво!» То былъ привѣтъ русскихъ генераловъ и офицеровъ храброму предводителю плѣненной непріятельской арміи, не смотря на рану, явившемуся, чтобы представиться верховному вождю русскаго воинства. Разговоръ императора Александра съ Османомъ-пашею происходилъ чрезъ драгомана. «Что васъ побудило прорваться?»—спросилъ государь. Муширъ отвѣчалъ, что поступилъ такъ, какъ обязанъ поступить солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, что сдѣлать эту попытку предписывалъ ему его воинскій долгъ.—«Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости»—молвилъ государь—«хотя она и была направлена противъ моей арміи». Спросивъ пашу, зналъ ли онъ о взятіи нами позицій, лежащихъ въ его тылу, Врацы, Правца, Этрополя и Орханія, а также много ли у него оставалось продовольствія, императоръ получилъ въ отвѣтъ, что послѣ потери Горнаго Дубняка, въ продолженіе 45 дней, никакая вѣсть извнѣ не проникла въ Плевну, и что продовольствія у Османа оставалось всего на пять дней, каковое и было выдано людямъ наканунѣ вылазки. «Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости»—сказалъ Александръ Николаевичъ, отпуская Османпашу,—«я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ въ Россіи, гдѣ, надѣюсь, вы не будете имѣть причины къ какому либо недовольству».

30-го ноября государь собралъ у себя въ Парадимѣ совѣщаніе для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій Дунайской арміи. Генералъ-адъютантъ Обручевъ, незадолго до того прибывшій въ главную квартиру дѣйствующей арміи изъ-за Кавказа, указывалъ на опасность, грозившую зимняцкой переправѣ отъ близости къ ней турецкаго корпуса Мегмета-Али, и полагалъ перенести мостъ далѣе, вверхъ по Дунаю, противъ Ломъ-Паланки, на высотѣ румынскаго города Краіова; тогда и армія могла бы свободно двинуться на Софію, вступивъ въ связь съ сербами, уже готовыми выступить въ походъ. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ настаивалъ на необходимости сосредоточить главныя силы на лѣвомъ флангѣ и заняться осадой Русука, по взятіи котораго, съ наступленіемъ весны, идти за Балканы. Последнимъ говорилъ великій князь-главнокомандующій, развѣсивъ свой планъ немедленнаго зимняго перехода чрезъ Балканскій хребетъ. Признавая всякое замедленіе нашего наступленія выгоднымъ только для непріятеля, Николай Николаевичъ полагалъ, не взирая на наступающую стужу, дѣйствовать наступательно, сначала правымъ флангомъ, а потомъ центромъ, оста-

вляя лѣвѣй флангъ на мѣстѣ, то есть произвести стратегическое замѣненіе нѣтъ. Съ этою цѣлью, войска, взявшія Плевну, предлагали оныя распределить слѣдующимъ образомъ: 9-й корпусъ и 3-я гвардейская пѣхотная дивизія присоединяются къ отряду генерала Гурко; 4-й корпусъ и 1-я кавалерійская дивизія дѣланы на Шпикю для подкрѣпленія генерала Радецкаго; гренадерскій корпусъ, составившій центральный резервъ, направляется къ Габрову. Первымъ долженъ перейти Балканы генералъ Гурко, обойдя сильно укрѣпленныя турецкія позиціи у Арабъ-Конака, Златицы и Лютикова. Вслѣдъ за нимъ предстояло перевалить черезъ Троянскій проходъ генералу Карцову съ 3-ю пѣхотною дивизією; наконецъ, генералу Радецкому надлежитъ совершить забалканскій переходъ черезъ сосѣдніе съ Шпикю перевалы, послѣ чего всѣ наши силы продолжаютъ наступленіе къ Адрианополю.

Смѣлый планъ великаго князя былъ принятъ совѣтомъ и утвержденъ государемъ. Осуществленіе его облегчалось блестящею побѣдою, одержанною 30-го ноября подъ Мечкою Русуцкимъ отрядомъ цесаревича надъ турецкою восточною армією. Вѣсть объ этой побѣдѣ неслыханно обрадовала императора Александра, пожаловавшаго за нее своему первенцу орденъ св. Георгія 2-й степени. Великій князь Владиміръ Александровичъ еще ранѣе получилъ тотъ же орденъ 3-й степени за отраженіе нападенія турокъ на ввѣренный ему 12-й корпусъ, 14-го ноября.

Ничто уже не задерживало государя въ дѣйствующей арміи, а важныя дѣла внутреннія и внѣшнія настоятельно требовали скорѣйшаго возвращенія его въ столицу. Отъѣздъ былъ назначенъ на 3-е декабря. Наканунѣ, офицеры гвардейскаго почетнаго конвоя поднесли государю золотую саблю съ надписью «За храбрость». Принимая ее изъ рукъ командира конвоя, флигель-адъютанта Эльдена, императоръ сказалъ офицерамъ, доложившимъ, что сабля эта будетъ замѣнена впоследствии другою, изъ чистаго золота: «Благодарю васъ, я очень доволенъ и этою саблею и другою мнѣ не нужно. Буду ее постоянно носить. Искренно благодарю васъ за эту дорогую память о васъ и еще разъ спасибо за службу. Теперь я долженъ черезъ день разстаться съ вами и пошлю васъ служить къ цесаревичу, но надѣюсь, до скораго свиданія! Воображаю, какъ цесаревичъ вамъ обрадуется! А теперь поцѣлуйте меня всѣхъ... Перецѣловавъ по очереди всѣхъ офицеровъ конвоя, государь присовокупилъ: «Больше полугода мы прожили вмѣстѣ, время прошло незамѣтно... Прощайте, господа!»

Въ тотъ же день, желая проститься съ войсками, императоръ назначилъ общій парадъ русскимъ и румынскимъ частямъ на той

самой позиціи, между Дальнимъ Дубнякомъ, Горнымъ Метрополемъ и рѣкою Видомъ, гдѣ, въ день паденія Плевны, гренадеры грудью отразили отчаянный напоръ Османа-паши. Государь объѣхалъ войска и каждую часть благодарилъ отдѣльно за мужество и храбрость ихъ въ последнемъ сраженіи.

3-го декабря, въ 6² часовъ утра въ Параднѣ, рота почетнаго конвоя выстроилась у дворца, какъ звали въ императорской квартирѣ убогій домъ, занимаемый государемъ. Ровно черезъ часъ его величество вышелъ на крыльцо, одѣтый въ зимнее форменное пальто. Музыка заиграла Преображенскій маршъ. Поздоровавшись съ людьми, императоръ сказалъ: «Еще благодарю за солдатскую службу при мнѣ, а также за вашу боевую службу и надѣюсь, до свиданія. Гг. офицеровъ еще разъ благодарю за саблю и веѣмъ вышлю отъ себя по саблѣ». Съ этими словами государь сѣлъ въ экипажъ, быстро умчавшій его по дорогѣ въ Брестовацъ, штабъ-квартиру цесаревича, куда онъ прибылъ въ четыре часа пополудни. Встрѣченный наслѣдникомъ, государь вѣжно обнялъ его и самъ надѣлъ на него Георгіевскій крестъ 2-й степени и звѣзду.

На другой день, 4-го, императоръ прощался съ войсками Русскаго отряда и милостиво благодарилъ ихъ за службу и боевые подвиги. Императоръ предложилъ цесаревичу сопровождать его въ Петербургъ, сдавъ генераль-адъютанту Тотлебену начальство надъ вѣрными ему отрядамъ. Но наслѣдникъ не пожелалъ оставить армию прежде окончанія войны. 5-го декабря онъ проводитъ державнаго родителя за Дунай и простился съ нимъ въ Петрошанахъ. Садясь въ вагонъ, государь въ послѣдній разъ обратился съ прощальнымъ словомъ къ провожавшимъ его военнымъ чинамъ: «Прощайте, господа, дай Богъ, чтобы намъ скорѣе побѣдоносно кончить кампанію». Къ полудню онъ былъ уже въ Бухарестѣ.

Въ румынской столицѣ ожидала государя торжественная встрѣча. Восторженно привѣтствовали его княгиня Елизавета, дворъ, правительство, палаты, войско и народъ. Императоръ оставилъ Бухарестъ въ тотъ же вечеръ, отдавъ тамъ прощальный приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи:

«Возвращаясь въ свою столицу послѣ болѣе пятимѣсячнаго пребыванія въ войскахъ дѣйствующей арміи, я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благоговѣнія къ воспоминаніямъ о воинскихъ доблестяхъ русскихъ воиновъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, которыми всегда славилось наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ престолу и къ долгу чести и службы, неустрашимость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ воен-

ное время, пекони отпущавшія русскаго солдата, постоянно ему присуши и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣтелемъ необратныхъ доказательствъ таковыхъ достоинствъ горячо мною любимыхъ войскъ моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ въ твердомъ упованіи на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ, подѣ снмъ благословеніемъ, войска мои не знаютъ преградъ». Слѣдовало выраженіе царской признательности главнокомандующему, начальникамъ частей, всѣмъ чинамъ арміи, отъ высшихъ до низшихъ, и перечисленіе совершенныхъ ими боевыхъ подвиговъ. Особая похвала выражена цесаревичу и состоявшему подѣ его начальствомъ Рущукскому отряду. «Благодарю всю армію:—такъ заключался приказъ—«отъ всего сердца и молю Бога о испосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ».

Вся Россія вздохнула свободнѣе, узнавъ о паденіи Плевны и о плѣненіи Османа-пашы со всею его армію. Съ кликами восторга, со слезами умиленія, встрѣчала она возвращавшагося изъ арміи царственнаго подвижника. Императорскій поѣздъ шелъ на Унгены, Жмеринку, Бѣлостокъ и Вильну. Въ Гатчину, навстрѣчу его величеству, выѣхали великіе князья Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ Младшій. Въ Петербургѣ, на Варшавскомъ вокзалѣ, встрѣтили его великія княгини и княжны. Императрица, по нездоровью, не могла покинуть Зимняго дворца.

Государь, сопровождаемый великими князьями Сергіемъ Александровичемъ и Константиномъ Константиновичемъ, прибылъ въ свою столицу 10-го декабря, въ 10 часовъ утра. Въ многочисленной толпѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, собравшейся на вокзалѣ, находились депутаціи отъ городского общества и сословіи купческаго и мѣщанскаго. Принявъ отъ нихъ адреса и хлѣбъ-соль, императоръ обратился къ представителямъ города со слѣдующими словами: «Благодарю васъ, господа, за ваше сочувствіе. Очень радъ видѣться съ вами, особенно послѣ того утѣшенія, которое я имѣлъ въ послѣдніе дни подѣ Плевною и у моихъ дѣтей. Многое нами сдѣлано, но намъ предстоитъ еще много впереди. Да поможетъ намъ Богъ привести къ концу это святое дѣло». Съ вокзала государь отправился въ Казанскій соборъ и оттуда въ Зимній дворецъ, гдѣ ждала его императрица. Тотчасъ же было отслужено въ большой дворцовой церкви благодарственное молебствіе.

Задушевнымъ адресомъ привѣтствовало возвращеніе царя въ столицу петербургское дворянство: «Съ невыразимою радостью вѣрное дворянство сѣверной столицы вашего императорскаго ве-

личества. имѣть счастье привѣтствовать васъ, государь, съ благополучнымъ возвращеніемъ подъ кровъ вашей царственной обители. Съ молитвою и благословеніями слѣдили мы тѣмъ великимъ подвигомъ, который ежечасно совершали ваше императорское величество во все время долгаго, достопамятнаго пребыванія среди славнаго и доблестнаго войска вашего. Россія цѣнить этотъ подвигъ и сохранить его навѣки въ своей памяти. Россія знаетъ, съ какимъ самоотверженіемъ обрекли вы себя, государь, на всѣ лишенія труднаго похода, съ какимъ непоколебимымъ мужествомъ, неослабнымъ терпѣніемъ и неизмѣнною кротостью переносили вы палящій зной полуденнаго лѣта и всѣ тягости зимнихъ непогодъ въ первообытнѣй странѣ, гдѣ палатка была вашимъ чертогомъ и убогая комната вашимъ дворцомъ. Россія знаетъ, какимъ ангеломъ утѣшенія являлись вы, государь, среди больныхъ и раненыхъ воиновъ, ободряя ихъ милостивымъ словомъ теплаго участія облегчая ихъ страданія съ тою безпредѣльною добротою, которою преисполнено ваше любящее сердце. Россія знаетъ, какъ спасительное присутствіе ваше на мѣстѣ военныхъ дѣйствій воодушевляло войско, которое вѣрило въ своего царя, какъ царь вѣрилъ въ свое войско. Съ несокрушимою стойкостью и отвагою отражая непрерывные натиски многочисленнаго врага, оно завершило рядъ блестящихъ дѣлъ взятіемъ съ боя, подъ глазами вашего императорскаго величества, мощной твердыни, сооруженной и защищаемой лучшимъ военачальникомъ и лучшими войсками Оттоманской Имперіи. Россія знаетъ, государь, съ какимъ смиреніемъ вы уклоняетесь отъ славы, предоставляя на свою долю одни лишенія, труды и заботы. Но слава сама осѣнила вашу главу своимъ лучезарнымъ вѣнцомъ. Отъ предгорій Балканъ до береговъ Невы благословенный путь вашъ сопровождался немолчными кликами восторга и ваше императорское величество еще разъ извѣдали всю глубину преданности и любви къ вамъ русскаго народа и русскихъ войскъ. Съ тою же преданностью, съ тою же любовью предстаемъ и мы предъ вами, великій государь, и безъ лести во языкѣ повергаемъ къ державнымъ стопамъ вашего императорскаго величества искреннѣйшее выраженіе сердечныхъ и неизмѣнныхъ чувствъ с.-петербургскаго дворянства. Да благословитъ васъ, государь, Господь Богъ Всемогущій за славное окончаніе ознаменованной уже столь славными подвигами войны». На всеподданнѣйшемъ адресѣ петербургскихъ дворянъ императоръ начерталъ собственноручно: «Прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ и благодарю отъ всего сердца».

Два дня спустя по возвращеніи государя въ столицу, 12-го декабря, торжественно отпразднована столѣтняя годовщина рожде-

нія императора Александра I. Послѣ панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ, государь возложилъ на гробницѣ Благословеннаго золотую медаль, выбитую по этому случаю. Въ залахъ Зимняго дворца проходила парадъ въ присутствіи депутаціи отъ арміи германской и австрійской. Обходя ряды, государь выразилъ войскамъ увѣренность, что въ случаѣ, если ходъ войны потребуетъ и ихъ участія, они, какъ и чины сопровождавшаго его почетнаго конвоя, исполнятъ свой долгъ съ честью и славою. Проходя мимо депутаціи русскаго и иностраннаго купечества, онъ выразилъ ей надежду на скорое и благополучное окончаніе тяжелой войны. Въ этотъ день Комитету о раненыхъ присвоено названіе «Александровскаго», а одинъ изъ ветерановъ достопамятной эпохи, предсѣдатель Комитета министровъ генераль-адъютантъ П. Н. Пнатьевъ возведенъ съ нисходящимъ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Подобно той мѣрѣ, что была принята по поводу двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго въ 1872 году, и теперь государь явилъ свою милость отечественной печати, освободивъ ея органы отъ дѣйствія тяготѣвшихъ надъ ними предостереженій.

Первопрестольная столица не отстала отъ Петербурга въ выраженіи вѣроподданническихъ чувствъ и прислала депутаціи отъ московскихъ дворянъ, земства и городской думы съ адресами. Всѣ онѣ были приняты государемъ. Думскую депутацію онъ благодарилъ за выраженные чувства, сказавъ, что не сомнѣвается, что Москва горячо приметъ къ сердцу послѣдніе успѣхи русскаго оружія, но что еще много предстоитъ дѣла, для довершенія котораго надо надѣяться на милость Всевышняго. На прѣлѣтствіе депутаціи отъ московскаго дворянства и земства императоръ, принявшій ихъ въ самый день Рождества Христова, отвѣчалъ такъ: «Благодарю васъ, господа, за выраженіе чувствъ вашихъ. Чувства эти я давно знаю, въ искренности ихъ никогда не сомнѣвался и твердо увѣренъ, что они вѣкъ останутся неизмѣнными. Да поможетъ намъ Господь со славою и честью довести до конца святое дѣло наше! Жалѣю, что васъ нѣсколько задержалъ. Желаю вамъ въ радости, съ семьями вашими, провести конецъ праздниковъ. Вчера, подъ самое Рождество, получилъ я радостную вѣсть отъ брата. Дѣло наше всѣмъ намъ близко къ сердцу; хочу съ вами подѣлиться своею радостью». Государь прочиталъ вслухъ слѣдующую телеграмму главнокомандующаго Дунайскою арміею: «Имѣю счастье поздравить ваше величество съ окончаніемъ блистательнаго перехода чрезъ Балканы. Генераль Гурко, послѣ восьмидневной гигантской борьбы съ горами, морозами, снѣгомъ, бурями и мяте-

лямп, перешель чрезъ Балканы, спустился въ Софійскую долину и 19-го декабря, послѣ упорнаго боя у Ташкисена, продолжавшагося до 6 часовъ вечера, овладѣлъ этою укрѣпленною позиціею. Ночью турки бросили все свои позиціи и 20-го декабря рано утромъ наши войска, занявъ Арабъ-Конакъ, Шандорикъ и Дольные Колодды, начали преслѣдовать турокъ... Самъ Гурко, давъ наиболѣе утомленнымъ войскамъ столь необходимый отдыхъ, идетъ на Софію.

23-го декабря занята была Софія и отрядъ генерала Гурко вступилъ въ связь съ сербскою арміею.

Военныя приготовленія Сербіи начались съ самаго перехода нашего чрезъ Дунай, тотчасъ по возвращеніи князя Милана изъ Плоештъ, гдѣ сербскій князь въ концѣ мая посѣтилъ императора Александра и главнокомандующаго. Они нѣсколько замедлились послѣ неудачъ нашихъ подъ Плевною, но возобновились тотчасъ по прибытіи гвардіи на театръ войны и движеніи ея за Видъ. Три дня по паденіи Плевны, 1-го декабря, Сербія объявила Турціи войну и сербскія войска, перейдя турецкую границу, обложили Нишъ, 16-го взяли Пиротъ, а 24-го и самый Нишъ.

Вѣсть о переходѣ генераломъ Гурко Балканъ получена была государемъ наканунѣ Рождества. За два дня до новаго года онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ о еще болѣе рѣшительномъ успѣхѣ. «Нишю счастье поздравить ваше величество» — телеграфировалъ главнокомандующій, — «съ блистательною побѣдою: сегодня, 28-го декабря, ровно черезъ мѣсяць послѣ паденія Плевны, взята въ плѣнъ, послѣ упорнаго боя, вся Шипкинская армія».

Тотчасъ по переходѣ Балканъ отрядомъ генерала Гурко, а именно 24-го декабря, генераль Карцовъ со своимъ отрядомъ форсировалъ Троянскій переваль. Три дня спустя, 24-го, генераль Радецкій направилъ чрезъ Балканы, для обхода турокъ съ обояхъ фланговъ и дѣйствія въ тылъ непріятелю, двѣ колонны: лѣвую, генерала князя Святополка-Мирскаго, и правую, генерала Скобелева 2-го. Первая спустилась съ горъ 26-го декабря и 27-го выдержала жаркій бой со всеми силами непріятеля. Чтобы выручить ее изъ затруднительнаго положенія, генераль Радецкій повелъ съ горы Св. Николая атаку на турокъ съ фронта. Лишь 28-го, по появленіи правой колонны Скобелева въ тылу непріятеля, турки выкинули парламентскій флагъ. Главнокомандующій Вессель-паша сдался со всею своею двадцати-пятитысячною арміею. Трофеями побѣды были: знамена, орудія, весь непріятельскій лагерь.

Послѣдствіемъ успѣшнаго перехода за Балканы нашихъ главныхъ силъ были слѣдующія распоряженія главнокомандующаго, 31-го декабря перенесшаго главную квартиру за Балканы, въ Казанлыкъ. Отъ

Сѣвѣн отрядъ генерала Гурко двинуть къ Филиппополю, съ приказаніемъ по взятіи этого города идти на Адрианополь, чрезъ Хаскій и Демотику; отрядъ генерала Карцова направленъ на Чирпанъ; изъ Казанлыка передовой отрядъ генерала Скобелева 2-го и слѣдовавшій за нимъ гренадерскій корпусъ пошли къ Адрианополю прямымъ, ближайшимъ, путемъ чрезъ Германлы и Мустафашу, тогда какъ 8-й корпусъ Радецкого шелъ туда же чрезъ Эски-Загру и Ямболи; крайняя лѣвая колонна генерала Делингаузена наступала чрезъ Твардицкій перевалъ и Сливно, охраняя лѣвый флангъ и тылъ главныхъ силъ и вступая въ связь съ занимавшимъ Добруджу 14-мъ корпусомъ генерала Циммермана. Одновременно войскамъ Восточнаго отряда предписано произвести общее наступленіе къ Русуку, Разграду, Эски-Джумъ и Османъ-Базару.

Стремительнымъ и неудержимымъ потокомъ, окрыленные побѣдою, войска наши быстро и безостановочно шли впередъ. Въ трехдневномъ упорномъ бою подъ Филиппополемъ, съ 3-го по 5-е января, Гурко разбилъ на-голову и разсѣялъ армию Сулейман-паши, разрѣзанную на-двое, потерявшую 110 орудій, а Карцовъ занялъ Хаскій. При приближеніи къ Адрианополю авангарда передового отряда Скобелева подъ начальствомъ генерала Струкова, турки очистили укрѣпленія, возведенныя въ этомъ городѣ, и поспѣшно отступили. Непріатель совершенно потерялъ голову. Турецкіе баталіоны клали оружіе передъ кавалерійскими разъѣздами, казаки забирали непріательскія орудія. Струковъ занялъ Адрианополь безъ выстрѣла 8-го января; 10-го вступилъ туда Скобелевъ, а 14-го прибылъ по желѣзной дорогѣ изъ Германлы великій князь-главнокомандующій съ главной квартирой.

Сила сопротивленія турокъ была сломлена. Порта молила о пощадѣ, о мирѣ¹.

¹ Переписка по военнымъ дѣламъ—въ Военно-ученомъ архивѣ; по дѣламъ дипломатическимъ—въ Главномъ петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ иностранныхъ «Синей», Желтой» и «Красной» вѣдкахъ; изъ печатныхъ сочиненій послужили матеріалами для составленія настоящей главы: Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ графа В. А. Сологуба; Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской армии въ 1877 г. Л. М. Чичагова; графъ Э. П. Тотлебенъ, Н. К. Шильдера, томъ 2-й; *Aus dem Leben König Karls von Rumänien*, томъ 3-й; Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи въ 1877 г.

XXVIII.

Перемиріє въ Адріанополѣ и миръ въ Сантъ- Стефано.

1877—1878.

Разговоръ государя съ полковникомъ Веллеслеемъ.—Заявленіе сентъ-джемскаго двора.—Впечатлѣніе, произведенное паденіемъ Плевны въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ.—Представленіе сентъ-джемскаго двора о Константинополѣ.—Порта проситъ посредничества великихъ державъ.—Высочайше утвержденныя въ Парижѣ основанія мира.—Сообщеніе ихъ императорамъ германскому и австрійскому.—Обсужденіе на военномъ совѣтѣ.—Отвѣтъ канцлера на англійскій запросъ о Константинополѣ и о мирѣ.—Основанія мира, посланныя обоимъ главнокомандующимъ.—Обращеніе Реуфа-паши къ великому князю Николаю Николаевичу и отвѣтъ главнокомандующаго.—Донесеніе его государю и отвѣтъ его величества.—Обмѣнъ телеграммъ между султаномъ и государемъ.—Переговоры князя Горчакова съ великобританскимъ посломъ.—Письмо государя къ великому князю Николаю Николаевичу.—Обсужденіе вопроса о мирѣ въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ государя.—Возраженія графа Андраши на наши условія мира.—Рѣшенія совѣщанія.—Сообщеніе ихъ главнокомандующему.—Полученіе великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ полномочій и прибытіе въ главную квартиру турецкихъ пословъ.—Переговоры съ ними великаго князя.—Отсрочка переговоровъ.—Наступательное движеніе къ Константинополю.—Донесенія главнокомандующаго государю.—Высочайшія ему инструкціи.—Отправленіе графа Игнатьева въ Адрианополь.—Вторичное обращеніе султана къ государю и отвѣтъ его величества.—Порта принимаетъ основанія мира.—Подписаніе ихъ и заключеніе перемирія.—Письмо великаго князя къ государю.—Рѣчь государя на разводѣ.—Письмо его главнокомандующему.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Фессалію и Эпиръ.—Переговоры съ Румыніею объ обмѣнѣ придунайской Бессарабіи на Добруджу.—Дальнѣйшіе переговоры съ Англіею.—Колебанія великобританскаго правительства.—Приказаніе англійской эскадрѣ войти въ Дардавеллы и идти къ Константинополю.—Впечатлѣніе, произведенное этою вѣстью на государя.—

Рѣшеніе его ввести русскія войска въ Константинополь.—Телеграммы государя главнокомандующему и султану.—Оповѣщеніе княземъ Горчаковымъ правительствъ великихъ державъ.—Пререканія съ сентъ-джемскимъ дворомъ.—Телеграфная переписка государя съ султаномъ.—Наставленія главнокомандующему.—Письмо къ нему государя о занятіи Константинополя.—Распоряженія великаго князя Николая Николаевича.—Колебанія его.—Перенесеніе главной квартиры въ Санъ-Стефано.—Переговоры съ Австро-Венгерію.—Князь Горчаковъ не соглашается на созваніе конференціи въ Вѣнѣ.—Онъ взываетъ къ посредничеству Германіи между Россіей и Австро-Венгеріей.—Рѣчь Бисмарка въ германскомъ имперскомъ сеймѣ.—Заявленія его русскому послу.—Созваніе конгресса въ Берлинѣ.—Переговоры въ Санъ-Стефано о «предварительномъ мирѣ».—Завлюченіе его.—Телеграмма и письмо къ государю великаго князя Николая Николаевича.—Обмѣнъ ратификацій.—Сообщеніе санъ-стефанскаго договора великимъ державамъ.

Въ половинѣ іюля, бесѣдуя въ г. Бѣлѣ съ сопровождавшимъ его величество въ походѣ англійскимъ военнымъ агентомъ полковникомъ Велеслеемъ, государь поручилъ ему довести до свѣдѣнія его правительства, что единственная цѣль нашей войны съ Турціею — улучшеніе участи турецкихъ христіанъ и что самъ онъ всегда готовъ заключить миръ на условіяхъ, сообщенныхъ сентъ-джемскому двору до начала военныхъ дѣйствій, подъ условіемъ, конечно, что Великобританія сохранитъ своей нейтралитетъ. Императоръ повторилъ, что не имѣетъ въ виду земельныхъ приобрѣтеній для Россіи, за исключеніемъ участка Бессарабіи, отторженнаго отъ нея въ 1856 году, и нѣсколькихъ мѣстностей въ Малой Азіи. Временное занятіе Болгаріи необходимо, но русскія войска не займутъ Константинополя только ради удовлетворенія военной чести, а лишь въ томъ случаѣ, если это занятіе вызвано будетъ ходомъ событій. Государь не откажется вступить въ переговоры о мирѣ, коль скоро со стороны султана послѣдуютъ удовлетворительныя предложенія, но не допустить посторонняго посредничества между Турціею и Россіею. Европа будетъ созвана на конференцію для окончательнаго утвержденія мирныхъ условій. Императоръ далекъ отъ мысли угрожать въ чемъ либо интересамъ Великобританіи въ Константинополѣ, въ Египтѣ, на Суэцкомъ каналѣ или въ Индіи; нападеніе на послѣднюю онъ считаетъ совершенно невозможнымъ, или безуміемъ, если бы даже оно было возможно. Государь заявилъ своему собесѣднику, что союзъ трехъ императоровъ заключенъ въ видахъ сохраненія мира и безъ всякой задней мысли объ угрозѣ кому либо; всего менѣе грозитъ онъ Англій, съ которою его величество желаетъ оставаться въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Императоръ никогда не питалъ къ ней враждебныхъ чувствъ и не помышлялъ объ оскорбленіи ея, хотя, конечно, если, по французскому выраженію, искать «*midî à*

quatorze heures», то можно оскорбляться всёю, чѣмъ угодно. Въ заключеніе государь сказалъ, что нынѣшняя политика Англіи клонится лишь къ поддержанію въ туркахъ упрямства и, слѣдовательно, къ продленію войны. но что если бы Англія произвела надлежащее давленіе на султана, то онъ пересталъ бы противиться миру, и такимъ образомъ положенъ былъ бы скорый конецъ войнѣ, которую ощущаетъ и о которой сожалѣетъ вся Европа ¹.

Сентъ-жемскій кабинетъ уполномочилъ полковника Веллеслея выразить императору Александру благодарность за высказанныя имъ дружественныя чувства къ Англіи и удовольствіе по поводу словъ его объ отреченіи отъ широкихъ земельныхъ пріобрѣтеній и о готовности вступить въ переговоры о мирѣ. Но какъ ни желала бы Англія содѣйствовать скорѣйшему возстановленію мира, она лишена къ тому возможности, потому, во-первыхъ, что вліяніе ея на Порту вовсе не такъ сильно, какъ оно представляется русскому императору, а во-вторыхъ, вслѣдствіе подъема духа, вызваннаго въ Портѣ событіями на театрѣ войны, конечно, не предрасположившимъ ее къ такимъ уступкамъ, которыми могла бы удовлетвориться Россія ². Дѣйствительно, по полученнымъ въ нашей главной квартирѣ свѣдѣніямъ, ободренные неожиданными своими военными успѣхами въ Азій и Европѣ, турки допускали миръ не иначе, какъ на условіи ограниченія правъ вассальной Румыніи и водворенія снова въ Бѣлградской крѣпости турецкаго гарнизона ³.

Разгромъ Плевны и сдача Османа-пашы со всею его арміею разомъ разсѣяли мечтанія турокъ. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе въ западно-европейскихъ столицахъ, потрясающее—въ Константинополѣ.

Въ Берлинѣ не только императоръ, которому державный племянникъ самъ телеграфировалъ съ мѣста боя о блестящей побѣдѣ, его завершившей, но и отсутствующій имперскій канцлеръ поручили статсъ-секретарю Бюлову поздравить отъ ихъ имени русскаго посла съ событіемъ, которое Вильгельмъ I при свиданіи съ Убри, на парадномъ обѣдѣ во дворцѣ, назвалъ «счастливымъ для всѣхъ», послѣ чего, не стѣсняясь присутствіемъ турецкаго посла, высоко, хотя и въ молчаніи, поднялъ свой бокалъ въ честь дорогого союзника и друга. Императрица Августа замѣтила послу, что теперь, когда такъ полно

¹ Меморандумъ полковника Веллеслея, 26-го іюля 1877 г. Составивъ свой отчетъ, онъ представилъ его на просмотръ императору Александру, который признавалъ отчетъ правильнымъ.

² Меморандумъ для полковника Веллеслея, 2-го августа 1877 г.

³ Дневникъ Чичагова, 26-го октября 1877 г.

удовлетворена честь русскаго оружія, настало время приступить къ переговорамъ о мирѣ¹.

Такое же впечатлѣніе пропозвала вѣсть паденіи Плевны и въ Вѣнѣ. Безпокойство и тревога, вызванныя ею въ парламентскихъ кругахъ, не посвященныхъ въ тайну австро-русскаго соглашенія, выразились въ запросѣ делегаціи графу Авраши: продолжаетъ ли онъ считать всякое земельное приращеніе вреднымъ для интересовъ монархіи? Въ отвѣтъ своемъ министръ пностранныхъ дѣлъ отдѣлался шуткою, замѣтивъ, что въ предшедшія войны, веденныя въ сосѣдствѣ съ Австро-Венгерією, обыкновенно спрашивали, которую изъ своихъ провинцій потеряетъ монархія Габсбурговъ послѣ войны? тогда какъ теперь боязнь эта смѣнилась другою: ужъ не рискуетъ ли Австрія приобрести какую нибудь область?² Впрочемъ въ вѣнскихъ правительственныхъ и военныхъ кругахъ не считали возможнымъ зимній походъ за Балканы, а потому и отложили спокойно до весны принятіе предложенныхъ мѣръ для введенія австро-венгерскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину.

Въ Лондонѣ, напротивъ, страхъ видѣть русскихъ въ Константинополѣ, объявшаго министровъ королевы Викторіи, выразился въ представленіи, съ которымъ сентъ-жемскій дворъ тотчасъ же обратился къ русскому. Напомнивъ о заявленіи императорскаго кабинета, что овладѣніе Константинополя не входитъ въ намѣренія императора Александра и что во всякомъ случаѣ участъ этого города, какъ представляющая обще-европейскій интересъ, будетъ рѣшена не иначе какъ съ общаго согласія Европы, лордъ Дерби находилъ, что оно недостаточно для устраненія нарождающейся опасности. По мнѣнію его, занятія Константинополя русскими войсками, даже временное и вызванное исключительно военными надобностями, слѣдовало бы все же избѣгать, такъ какъ въ противномъ случаѣ, для успокоенія встревоженнаго общественнаго мнѣнія, Великобританскому правительству придется прибѣгнуть къ мѣрамъ предосторожности, которыхъ оно до сихъ поръ не принимало. Поэтому, желая уничтожить всякій поводъ къ нарушенію дружественныхъ отношеній Великобританіи съ Россією, оно выражаетъ «серьезную надежду», что, если русскія войска перейдутъ черезъ Балканы, то не займутъ ни Константинополя, на Галлиполи. Сообщение заключалось увѣреніемъ въ готовности Англии при первомъ удобномъ случаѣ предложить свое посредничество для возстановленія мира между воюющими сторонами³.

¹ Убри Горчакову, 1-го декабря 1877 г.

² Новиковъ Горчакову, 2-го декабря 1877 г.

³ Лордъ Дерби графу Шувалову, 1-го декабря 1877 г.

Плѣненіе Османа-паши со всею его арміею убѣдило султана въ невозможности продолжать сопротивленіе. На другой день по полученіи о томъ извѣстія въ Константинополь, ссылаясь на безцѣльность войны, Порты во имя человеколюбія обратились къ великимъ державамъ съ просьбою положить ей конецъ и прекратить кровопролитіе общимъ ихъ посредничествомъ о мирѣ¹. Но всѣ оныя, не исключая и Англіи, положительно отклонили эту просьбу.

Въ половинѣ ноября, въ предвидѣніи неминуемаго и скорого паденія Плевны, въ нашей главной квартирѣ были озабочены опредѣленіемъ условій, на которыхъ могъ бы быть заключенъ миръ съ Турціею и которыя отвѣчали бы тяжкимъ жертвамъ, принесеннымъ Россіею дѣлу освобожденія балканскихъ ея соплеменниковъ и едиповѣрцевъ. Составленіе этихъ условій было возложено главнокомандующимъ на директора его дипломатической канцеляріи А. П. Нелидова, который отвезъ свой проектъ въ Бухарестъ для доклада проживавшему въ этомъ городѣ во все время кампаніи государственному канцлеру. По одобреніи княземъ Горчаковымъ, проектъ мирныхъ условій былъ представленъ на высочайшее утвержденіе, послѣдовавшее въ Парадизѣ, подъ Плевною, 27-го ноября, наканунѣ сраженія, завершившагося сдачею Османа и его арміи.

Установленныя, такимъ образомъ, условія мира состояли изъ 13 статей и обнимали совокупность политическихъ вопросовъ, выдвинутыхъ впередъ событіями послѣднихъ лѣтъ на Европейскомъ Востокѣ. Содержаніе ихъ было слѣдующее:

Болгарія въ предѣлахъ болгарской національности и никакъ не меньшихъ противъ тѣхъ, что были намѣчены константинопольскою конференціею, составить автономное княжество, платящее дань султану, но пользующееся христіанскимъ народнымъ правленіемъ, народною милиціею, съ выводомъ изъ ея предѣловъ турецкихъ войскъ.

Черногорія, Румынія и Сербія признаются независимыми отъ Турціи и получаютъ насчетъ ея земельное приращеніе.

Босній и Герцеговинѣ даруется автономное управленіе съ достаточными гарантіями, при ближайшемъ участіи въ опредѣленіи ихъ сосѣдней съ ними Австро-Венгріи.

Такія же преобразованія вводятся во всѣхъ прочихъ подвластныхъ Турціи областяхъ съ христіанскимъ населеніемъ.

Порта вознаграждаетъ Россію за военныя издержки. Земельнымъ вознагражденіемъ служатъ: въ Европѣ — прилегающій къ Дунаю участокъ Бессарабіи, отошедшій къ Молдавіи по парижемскому

¹ Циркуляръ Порты, 30-го ноября 1877 г.

договору 1856 года, и въ Азіи — крѣпости Ардаганъ, Карсъ, Баязеть и Багумъ съ ихъ округами; кромѣ того — Добруджа, которую получаетъ Румынія въ обмѣнъ за участокъ Бессарабіи. Независимо отъ земельнаго вознагражденія, Порты уплачиваетъ Россіи вознагражденіе денежное.

Порта условится съ Россіею объ обезпеченіи правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ. Въ перечнѣ мирныхъ условій были точно обозначены предѣлы будущей Болгаріи, а также новыя границы, предположенныя для Черногоріи, Румыніи и Сербіи, и опредѣленъ двухлѣтній срокъ для временнаго занятія Болгаріи русскими войсками.

Проектъ мирныхъ условій былъ сообщенъ государемъ на заключеніе императорамъ Вильгельму I и Францу-Иосифу, при собственноручныхъ письмахъ, съ которыми отправленъ изъ Парадима прямо въ Вѣну и Берлинъ нашъ военный уполномоченный при императорѣ германскомъ генераль-адъютантъ Рейтернъ. Три дня спустя, уже послѣ паденія Шлевны, императоръ Александръ повелѣлъ снова разсмотрѣть и обсудить ихъ на военномъ совѣтѣ въ личномъ своемъ присутствіи, на которомъ генераль-адъютантъ Обручевъ доложилъ мнѣніе свое о безусловной необходимости, предварительно заключенія мира съ Турціею, занять Босфоръ и Дарданеллы. Составленная имъ по этому вопросу записка, основывавшая это мнѣніе на военно-политическихъ соображеніяхъ, была, по высочайшему повелѣнію, передана въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но тамъ осталась безъ послѣдствій ¹.

Убѣжая изъ арміи, государь обѣщалъ главнокомандующему выслать ему изъ Петербурга, тотчасъ по полученіи ожидаемыхъ отвѣтовъ изъ Берлина и Вѣны, текстъ мирныхъ условій и надлежащія полномочія для веденія переговоровъ съ Турціею.

По возвращеніи въ Петербургъ присоединившагося къ государю въ Бухарестѣ канцлера, пришлось разомъ отвѣтить на два ждавшіе его запроса Великобританскаго правительства: первый, приведенный выше, о занятіи Константинополя русскими войсками, и второй о томъ, расположенъ ли императоръ Александръ, въ виду выраженной Портою сентъ-жемскому двору готовности «просить мира» (to ask for peace), принять такое предложеніе и вступить съ Турціею въ мирные переговоры? ²

✓ По первому вопросу государственный канцлеръ снова подтвердилъ, что теперь, какъ и до войны, императоръ Александръ не

¹ Дневникъ военнаго министра Д. А. Милюткина, 27-го и 30-го ноября 1877 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 15-го декабря 1877 г.

помышляетъ объ овладѣнн Константинополемъ; что участь этого города будетъ рѣшена по соглашенію съ Европою и что, по убѣжденію государя, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принадлежать ни одной изъ великихъ державъ. Далѣе, князь Горчаковъ заявилъ, что война наша съ Турціею, стоившая Россіи тяжелыхъ жертвъ, должна быть завершена миромъ, который служилъ бы прочнымъ ручательствомъ за достиженіе цѣли войны: обезпеченія участи турецкихъ христіанъ, а потому государь и не можетъ стѣснять свободы своихъ военныхъ операцій, составляющей неотъемлемое право всякой воюющей стороны. Впрочемъ, замѣчалъ канцлеръ, онъ не понимаетъ, какимъ образомъ пользованіе этимъ правомъ можетъ грозить британскимъ интересамъ, послѣ неоднократно уже даннаго, а нынѣ повторяемаго обѣщанія русскаго двора не посягать на нихъ, и просилъ лорда Дерби опредѣлить яснѣе, въ чемъ именно заключаются эти интересы и какъ могутъ угрожать имъ случайности войны, дабы изыскать сообща мѣры къ согласованію этихъ интересовъ съ интересами Россіи, соблюдать и оберегать которые—долгъ русскаго императора¹.

Относительно просьбы турокъ о мирѣ канцлеръ ограничился заявленіемъ великобританскому послу, что живѣйшее желаніе императора Александра—«прийти къ миру» (*d'arriver à la paix*), но что для этого Порта должна обратиться къ главнокомандующимъ русскими арміями въ Европѣ или въ Азіи, которые сообщать ей условія, на которыхъ можетъ быть заключено перемиріе².

Самыя эти условія, въ ожиданія отзыва о нихъ императоровъ германскаго и австрійскаго, не были еще окончательно опредѣлены. Въ отвѣтномъ письмѣ государю Вильгельмъ I не высказался ни за, ни противъ, но вѣнскій дворъ медлилъ сообщеніемъ своего мнѣнія, соображая мѣры для своевременнаго и по возможности безпрепятственнаго занятія давно намѣченныхъ Австро-Венгерію себѣ въ добычу Босніи и Герцеговины. Между тѣмъ, событія на театрѣ войны быстро слѣдовали одно за другимъ и русскія войска уже готовились переступить чрезъ Балканы, а потому и нельзя было долѣе оставлять главнокомандующихъ нашими арміями безъ полномочій и точныхъ наставленій.

Предвидя возраженія со стороны австро-венгерскаго правительства на составленную въ Парижѣ программу, рѣшили сдѣлать изъ нея краткое извлеченіе, опустивъ всѣ подробности о земель-

¹ Меморандумъ князя Горчакова, приложенный къ депешѣ его къ графу Шувалову, 16-го декабря 1877 г.

² Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 17-го декабря 1877 г.

номъ вознагражденіи Россіи въ Европѣ и въ Азіи и о новыхъ границахъ Черногоріи, Румыніи и Сербіи, и лишь въ общихъ чертахъ перечисливъ основанія будущаго мира, отъ предварительнаго принятія которыхъ Турціею поставлено въ зависимость заключеніе перемирія и приостановка военныхъ дѣйствій, подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго очищенія придунайскихъ крѣпостей и Эрзерума и занятія русскими войсками важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ на обоихъ театрахъ войны, по усмотрѣнію великихъ князей-главнокомандующихъ. По занесеніи этихъ обязательствъ въ формальный протоколъ, подписанный турецкими уполномоченными, послѣдніе приглашались отправиться въ Севастополь или Одессу для дальнѣйшихъ переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира ¹.

Наставленія эти, съ приложеніемъ надлежащихъ полномочій, отправлены изъ Петербурга 21-го декабря, съ нарочными фельдъегерями въ главныя квартиры великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, въ Болгарію и за Кавказъ.

Между тѣмъ, движеніе генерала Гурко отъ Софіи къ Филиппополю и переходъ въ наступленіе генерала Радецкаго на Шипкъ положили конецъ колебаніямъ султана и Порты. 27-го декабря, въ Ловчѣ, великій князь Николай Николаевичъ получилъ отъ турецкаго военнаго министра Реуфа-паши телеграмму съ просьбою извѣстить его, куда слѣдуетъ отправить мушира Мегмета-Али, уполномоченнаго для заключенія перемирія, и на какихъ условіяхъ оно можетъ быть заключено? Главнокомандующій тотчасъ же отвѣтилъ по телеграфу: «Содержаніе вашей депеши доведено до свѣдѣнія императора. Переговоры могутъ быть ведены только непосредственно со мною, но о перемиріи не можетъ быть рѣчи безъ принятія предварительныхъ основаній мира». ²

Радость, съ которою узнали въ нашей главной квартирѣ о рѣшимости султана и Порты просить мира, была усугублена полученнымъ въ тотъ же день извѣстіемъ о полномъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ операціи генерала Радецкаго на Шипкѣ и о сдачѣ въ плѣнъ двадцати-пяти-тысячной турецкой арміи Весселя-паши. Великій князь Николай Николаевичъ со своимъ штабомъ самъ спѣшилъ перейти за Балканы и 31-го декабря прибылъ въ Казанлыкъ, городъ, лежащій въ долинѣ Тунджи, въ одномъ переходѣ отъ Шипкинскаго перевала.

¹ Высочайше утвержденныя, 17-го декабря, основанія мира и объяснительное письмо военнаго министра обоимъ главнокомандующимъ, 20-го декабря 1877 г.

² Реуфъ-паша великому князю Николаю Николаевичу, 27-го декабря, и великій князь Николай Николаевичъ Реуфу-пашѣ, 28-го декабря 1877 г.

Въ Петербургѣ одновременная вѣсть о новой блестящей побѣдѣ и объ обращеніи Порты къ главнокомандующему съ мольбою о мирѣ вызвала не меньшую радость. Государь одобрилъ все распоряженія брата и на просьбу его о скорѣйшей высылкѣ полномочій и инструкцій отвѣтилъ, что таковыя посланы 21-го декабря, но что не слѣдуетъ торопиться сообщеніемъ туркамъ мирныхъ условій, а стараться протянуть дѣло и не ослаблять энергіи военныхъ дѣйствій, другимъ словами—продолжать идти впередъ ¹.

На второй день новаго года императоръ Александръ получилъ телеграмму отъ самого султана Абдуль-Гампда, извѣщавшаго его, что, глубоко скорбя о несчастныхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ злополучную войну между двумя державами, призваннымъ жить всегда въ добромъ согласіи, и желая какъ можно скорѣе положить конецъ безцѣльному кровопролитію, султанъ, въ силу соглашенія, состоявшагося между его правительствомъ и великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, назначилъ своимъ уполномоченнымъ министра иностранныхъ дѣлъ Сервера-пашу и министра двора Намыка-пашу, которые черезъ три дня отправятся въ русскую главную квартиру для установленія основаній мира и условій перемирія, и выразилъ при этомъ надежду, что государь не замедлитъ отдать приказаніе приостановить военныя дѣйствія на всѣхъ театрахъ войны ². Императоръ отвѣчалъ, что, не менѣе султана желая мира и восстановленія дружественныхъ сношеній между Россією и Турціей, онъ не можетъ остановить военныхъ операцій до тѣхъ поръ, пока Порта не приметъ предварительныхъ основаній мира, которые будутъ сообщены ей главнокомандующими русскими арміями ³.

Объ отправленіи турецкихъ уполномоченныхъ въ русскій лагерь извѣстила императора по телеграфу и королева Викторія, но въ то же время великобританскій посолъ едва ли не ежедневно требовавшей объясненій у князя Горчакова то о причинахъ, замедляющихъ заключеніе перемирія, то объ условіяхъ перемирія, то, наконецъ, о подтвержденіи обѣщанія не занимать русскими войсками полуострова Галлиполи, заявилъ отъ имени своего правительства, что, по мнѣнію его, договоръ, заключенный между Россією и Портою и касающійся трактатовъ 1856 и 1871 годовъ, долженъ быть договоромъ «европейскимъ» (an European treaty) и не будетъ дѣйствителемъ (valid), если состоится безъ согласія всѣхъ державъ-участницъ поименованныхъ выше трактатовъ ⁴.

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 29-го декабря 1877 г.

² Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 1-го января 1878 г.

³ Государь султану Абдуль-Гамиду, 8-го января 1878 г.

⁴ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтсу, 2-го января 1878 г.

На запросъ о Дарданеллахъ канцлеръ отвѣтилъ, что русскія военныя операціи не будутъ распространены на Галлиполи, если турки не сосредоточатъ тамъ регулярныхъ силъ, съ тѣмъ, конечно, что и великобританское правительство не займетъ этого полуострова своими войсками¹. Принявъ это заявленіе къ свѣдѣнію, сентъ-джемскій кабинетъ въ свою очередь объявилъ, что «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ» и онъ не помышляетъ о занятіи этихъ позицій².

Объ обращеніи султана и о назойливой притязательности великобританскаго правительства государь самъ извѣстилъ великаго князя Николая Николаевича, выразивъ въ собственноручномъ письмѣ къ нему мнѣніе, «что во всемъ этомъ, какъ и въ настанваніи турокъ на заключеніи немедленнаго перемирія», онъ видитъ явное желаніе Англіи, чтобы дать возможность Турціи подготовиться къ продолженію войны и оправдать свою политику предъ собственными камерами». Подтвердивъ по телеграфу, что все эти заявленія ни въ чемъ не измѣняютъ образа дѣйствій, предписаннаго главнокомандующему инструкцію, посланною къ нему съ фельдъегеремъ 21-го декабря, Александръ Николаевичъ въ томъ же письмѣ къ брату писалъ: «Пока уполномоченные турецкіе не примутъ безусловно нашихъ предварительныхъ кондидцій для мира, о перемиріи и рѣчи быть не можетъ и военныя дѣйствія должны продолжаться со всевозможною энергіею³. Да поможетъ намъ Богъ довершить начатое святое дѣло, какъ мы того желаемъ для пользы и достоинства Россіи»⁴.

Вопросъ о мирѣ съ Турціею обсуждался въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ сановниковъ Имперіи, созданномъ императоромъ подъ личнымъ его предсѣдательствомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Не одна Англія выразила притязаніе подвергнуть нашъ договоръ съ Портою пересмотру державъ-участницъ парижскаго трактата. Такое же требованіе предъявилъ намъ и вѣнскій дворъ, послѣ долгаго молчанія сообщившій наконецъ свои возраженія противъ сообщенныхъ ему изъ Парадима условій будущаго мира.

Они главнымъ образомъ касались объема будущей Болгаріи, который графъ Андраши находилъ слишкомъ обширнымъ, создающимъ на Балканскомъ полуостровѣ то самое «сплошное славянское

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 3-го января 1878 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лордгусу, 4-го января 1878 г.

³ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

⁴ Телеграмма и письмо государя къ великому князю Николаю Николаевичу, 3-го января 1878 г.

государство», образование котораго не допускалось соглашеніемъ, состоявшимся между Россією и Австро-Венгрією до войны. Вѣнскій дворъ напоминалъ о предоставленномъ ему этимъ соглашеніемъ правѣ голоса въ опредѣленіи мирныхъ условій и не скрылъ своего неудовольствія, когда узналъ объ отправленіи турецкихъ пословъ въ русскую главную квартиру для переговоровъ не только о перемиріи, но и объ «основаніяхъ мира. Упрекая императорскій кабинетъ въ уклоненіи отъ обязательства: ничего не рѣшать безъ предварительнаго уговора съ Австро-Венгрією, графъ Андраши заявилъ одновременно въ Петербургѣ и въ Константинополѣ, что вѣнскій дворъ признаетъ дѣйствительнымъ лишь такія мирныя условія, которыя будутъ согласованы съ собственными его интересами, а поскольку они касаются общихъ интересовъ Европы—получать утвержденіе всѣхъ державъ-участницъ парижскаго трактата.

Такое неожиданное согласіе во взглядахъ между Лондономъ и Вѣною побудило совѣщаніе придти къ слѣдующему рѣшенію: тотчасъ по подписаніи перемирія, вступить въ непосредственные переговоры съ Портою о заключеніи мира, предупредивъ въ то же время великія державы, что миръ этотъ будетъ лишь «предварительнымъ» и что всѣ вопросы, представляющіе обще-европейскій интересъ, будутъ окончательно разрѣшены не иначе, какъ по соглашенію съ Европой¹.

Рѣшеніе это государь подробно изложилъ въ собственноручнымъ письмахъ императорамъ Вильгельму и Францу-Иосифу, а князь Горчаковъ оповѣстилъ всѣ великія державы, что Россія отнюдь не намѣрена однако разрѣшать сопряженные съ миромъ европейскіе вопросы².

Проектъ предварительнаго мирнаго договора съ Портою былъ составленъ бывшимъ посломъ нашимъ въ Константинополѣ графомъ Н. П. Пгнатъевымъ, рассмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи и утвержденъ государемъ. Самого же Пгнатъева рѣшено отправить въ главную квартиру, въ Адрианополь, для веденія переговоровъ съ турецкими уполномоченными о скорѣйшемъ заключеніи «предварительнаго» мира³.

Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ императоръ Александръ увѣдомилъ великаго князя Николая Николаевича по телеграфу, а канц-

1 Дневникъ Д. А. Милютина, 4-го января 1878 г.

2 Императоръ Александръ императорамъ Вильгельму и Францу-Иосифу, 5-го января 1878 г., и циркуляръ князя Горчакова, 13-го января 1878 г.

3 Дневникъ Д. А. Милютина, 4-го января 1878 г.

леръ, предупредивъ его объ отправленіи новыхъ собственноручныхъ писемъ государя къ императорамъ германскому и австрійскому, передалъ ему «желаніе его величества»: чтобы главнокомандующій повременить сообщеніемъ турецкимъ уполномоченнымъ «основаній мира», и самъ спросилъ бы ихъ, на какихъ условіяхъ предлагаетъ намъ миръ Турція, а содержаніе ихъ отвѣта протелеграфировалъ бы въ Петербургъ, такъ какъ—пояснялъ князь Горчаковъ,—намъ важно выиграть время, чтобы придти къ соглашенію съ Австро-Венгрією, предъявившею возраженіе на нѣкоторыя изъ нашихъ мирныхъ статей ¹.

3-го января прибылъ въ Казанлыкъ фельдъегерь, привезшій великому князю полномочіе и инструкціи, а 7-го января явились туда же и турецкіе уполномоченные, Серверъ и Намыкъ-паша.

Великій князь хотя и получилъ уже приведенную выше телеграмму канцлера, но не считъ возможнымъ сообразоваться съ выраженнымъ въ ней наставленіемъ. «Съ 3-го января»,—телеграфировалъ онъ государю,—«послѣ телеграммъ моихъ, на которыя я получилъ отвѣтъ только сегодня, военныя событія до того измѣнились, что, послѣ новаго разбитія арміи Сулеймана у Филиппополя, стою у воротъ Адрианополя. Затягивать переговоры и продолжать военныя дѣйствія имѣло бы послѣдствіемъ занятіе Адрианополя и движеніе далѣе на Константинополь, влекущее за собою неизбежное, въ военномъ отношеніи, занятіе Галлиполи, что, согласно и твоимъ указаніямъ, было бы лишь усложненіемъ дѣлъ политическихъ. Посему, какъ выше сказано, я не могъ не объявить уполномоченнымъ Порты условій мира въ томъ видѣ, какъ я ихъ получилъ, дабы можно было, если они будутъ приняты, заключить перемиріе. Наконецъ, изъ перваго свиданія съ турками я вынесъ убѣжденіе, что всякая искусственная затяжка переговоровъ, при быстротѣ нашего наступленія, можетъ только произвести въ Турціи, а быть можетъ и въ Европѣ, неблагоприятное впечатлѣніе: какъ будто мы желаемъ выиграть время для большаго захвата непріятельской страны»

8-го января главнокомандующій принялъ Сервера и Намыка, и хотя и началъ съ предложенія имъ вопроса: какія мирныя условія предлагаетъ намъ Порта, но, получивъ въ отвѣтъ, что побѣжденный не можетъ предъявлять побѣдителю никакихъ требованій и что султанъ повергаетъ себя и свою имперію на великодушіе русскаго императора, вручилъ посламъ текстъ полученныхъ

¹ Князь Горчаковъ великому князю Николаю Николаевичу, 5-го января 1878 г.

² Великій князь Николай Николаевичъ государю, 8-го января 1878 г.

пзъ Петербурга основаній мира и потребоваль отъ нихъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта, прибавивъ, что отъ этого отвѣта зависить столь желаемая Портою приостановка военныхъ дѣйствій. Ознакомясь съ содержаніемъ бумаги, послы съ ужасомъ воскликнули: «Это конецъ Турціи!» Отвѣтъ обѣщали они дать на слѣдующій день.

9-го января, снова явясь къ главнокомандующему, турецкіе уполномоченные предъявили ему ноту, въ которой большая часть нашихъ условій прямо отвергалась, остальные же принимались съ существенными оговорками и ограниченіями. Великій князь объявилъ, что не допуститъ никакихъ измѣненій и что отвѣтъ пословъ долженъ быть: да или нѣтъ? «Но самостоятельная Болгарія. — возразить Намыкъ — знаменуетъ гибель Турціи, прекращеніе ея владычества въ Европѣ, и послѣ этого туркамъ ничего не останется, какъ уйти обратно въ Азію.

Признавъ условія непріятными, главнокомандующій согласился на просьбу уполномоченныхъ испросить по телеграфу инструкціи отъ султана, но при этомъ предупредилъ ихъ, что военныя дѣйствія будутъ энергически продолжаться и что отвѣта Порты, даже вполне удовлетворительнаго, онъ не сочтетъ себя въ правѣ принять безъ предварительнаго на то разрѣшенія государя.

Доносъ объ этомъ императору, великій князь спрашивалъ по телеграфу: можетъ ли онъ, въ случаѣ принятія султаномъ нашихъ основаній мира, заключить перемиріе, или долженъ ожидать новыхъ инструкцій? «Кромѣ того» — доносилъ онъ въ той же телеграммѣ — «въ виду быстро совершающихся событій, неожиданно скорого движенія нашихъ войскъ, возможнаго въ эту уже минуту занятія нами Адрианополя и неоднократно высказаннаго тобою желанія о безостановочномъ движеніи впередъ нашихъ войскъ, испрашиваю, какъ мнѣ поступить въ случаѣ подхода моего къ Царьграду, что легко можетъ случиться при паникѣ, которою объято турецкое населеніе отъ Адрианополя до Стамбула включительно, а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ? 2) если будетъ иностранный десантъ въ Константинополь? 3) если тамъ будутъ беспорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ? и 4) какъ отнестись къ Галлиполи, съ англичанами и безъ англичанъ?»¹

Нерѣшительность турецкихъ уполномоченныхъ видимо повліяла на настроеніе великаго князя-главнокомандующаго и совершенно измѣнила взглядъ его на конечный исходъ войны. Послѣ занятія Адриа-

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 9-го января 1878 г.
с. с. татищевъ. т. II.

нополя онъ телеграфировалъ императору: «Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всевозможныя предположенія, что если такъ Богъ благословитъ далѣе, то мы скоро можемъ быть невольны подъ стѣнами Царьграда». Указавъ на «страшную, неопсанную панику, овладѣвшую турками», онъ выражалъ свое крайнее убѣжденіе, «что при настоящихъ обстоятельствахъ намъ нельзя остановиться и, въ виду непринятія турками условій мира, необходимо идти до центра, то есть до Царьграда», и тамъ «покончить святое дѣло». Самы уполномоченные Порты—сообщалъ онъ—говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ, однако, неизбежно занятіе Галлиполи, гдѣ находится турецкій отрядъ, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ и при окончательномъ расчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самые существенные пункты для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. «Вслѣдствіе этого»—такъ заключалъ великій князь свою телеграмму государю—«не буду порѣшать съ уполномоченными до получения отвѣта на эту депешу, и съ Богомъ иду впередъ»¹.

Отправляя императору подробный отчетъ о переговорахъ своихъ съ Серверомъ и Намыкомъ-пашами, главнокомандующій такъ оправдывалъ свои дѣйствія въ собственноручномъ письмѣ къ его величеству изъ Казанлыка: «Надѣюсь, что ты усмотришь, что я употребилъ все усилія, чтобы дѣйствовать по твоимъ указаніямъ и предупредить разрушеніе Турецкой монархіи, и если это мнѣ не удалось, то положительно виноваты оба паши, которые не имѣли достаточно гражданскаго мужества взять на себя и подписать наши условія мира. Войска мои двигаются безостановочно впередъ. Ужасы, дѣлаемые уходящими, бѣгущими въ паникѣ турками—страшные, уничтожая все за собою и предавая многое пламени. Войска слѣдятъ по пятамъ за бѣгущими и по возможности тушатъ горящее и помогаютъ бѣдствующимъ. Я лично завтра выхожу отсюда и 14-го или 15-го буду въ Адрианополь, гдѣ, полагаю, останусь недолго и перекрестясь пойду далѣе, и кто знаетъ, если не получу твоего приказанія остановиться, съ благословеніемъ Божиимъ, можетъ быть буду скоро въ виду Царьграда! Все въ волѣ Божіей! Но мое убѣжденіе то, что настало время, что необходимо идти до конца, т.-е. до сердца Турціи. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя увѣдомленія: доволенъ ли нѣтъ моими дѣйствіями?»².

14-го января главнокомандующій перенесъ свою главную квартиру въ Адрианополь, куда послѣдовали за нимъ и оба турецкіе

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 10-го января 1878 г.

² Великій князь Николай Николаевичъ государю, 11-го января 1878 г.

уполномоченные. Войска безостановочно продолжали наступление. Передовые отряды высланы въ восточномъ направленіи къ Караклшсъ, въ южномъ—къ Демотикъ. Авангардъ генерала Струкова, подвигаясь вдоль желѣзной дороги по прямому направленію къ Константинополю, занялъ Люле-Бургасъ и 17-го января взялъ съ бою Чорлу, городъ, отстоящій всего въ трехъ переходахъ отъ Царьграда.

Вѣсть о перерывѣ переговоровъ въ Казанлыкѣ и объ общемъ наступленіи нашихъ войскъ къ Константинополю нимало не смутила государя и даже вызвала въ немъ живѣйшую радость. Получивъ ее, онъ воскликнулъ: «Если суждено, то пусть водружаютъ крестъ на св. Софін!»¹ Въ этомъ настроеніи поддерживалъ его великій князь Константинъ Николаевичъ, выступившій на одномъ изъ совѣщаній, проходившихъ подъ предѣдательствомъ императора, со смѣлымъ предложеніемъ: идти прямо на Константинополь, занять его и отсюда возвѣстить Россіи и Европѣ объ окончаніи многолѣтней борьбы христіанства съ исламомъ и о прекращеніи турецкаго владычества надъ христіанами, послѣ чего Россія, довольная совершеннымъ ею подвигомъ и ничего не требуя для себя, созываетъ въ Царьградъ представителей европейскыхъ державъ, дабы сообща съ ними воздвигнуть на опущенной ею отъ обломковъ прошлаго почвѣ зданіе, достойное XIX-го вѣка².

По величественная мысль генераль-адмирала не отвѣчала настроенію большинства участниковъ совѣщанія. Канцлеръ и военный министръ въ особенности настаивали на опасности новыхъ грозныхъ осложненій, которыя, по мнѣнію ихъ, неминуемо вызвали бы для Россіи окончательный разгромъ Оттоманской Имперіи и паденіе мусульманскаго владычества въ Европѣ. Уступая ихъ представленіямъ, государь рѣшилъ наступленіе къ Константинополю предпринять лишь въ случаѣ окончательнаго отказа Порты согласиться на наши «основанія мира». Въ этомъ смыслѣ составлена была слѣдующая телеграмма императора къ главнокомандующему:

«Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ отъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если въ теченіе 3-хъ дней со вре-

¹ Со словъ графа Н. П. Пнгатъева, занесенныхъ въ дневникъ Скалона, адъютанта великаго князя Николая Николаевича, 27-го января 1878 г.

² Дневникъ Д. А. Милютина, 9-го января 1878 г.

мени отправленія или запросной телеграммы: въ Константинополь не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты—вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣнами Константинополя.

Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобою на этотъ случай четырехъ вопросовъ, предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

«По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ.

По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

«По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи личности, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска.

«Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англій заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англія, со своей стороны, обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлога къ вмѣшательству, даже если бы какой нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галлиполи.

Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генераль-адъютанту графу Пгнатеву немедленно отправиться въ Адрианополь для веденія, совместно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ въ главной квартирѣ¹.

Въ тотъ же день графъ Пгнатевъ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ данныхъ ему канцлеромъ инструкціяхъ предписывалось не придавать трактату, который онъ имѣлъ заключить съ турецкими уполномоченными, вида формальнаго и окончательнаго договора, а только какъ бы «прелиминарнаго» протокола, не вдаваясь въ слишкомъ опредѣленные подробности, такъ какъ всѣ вопросы, затрогивающіе интересы другихъ державъ или совокупной Европы, предполагалось рѣшить сообща, на обще-европейской конференціи. По пути

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 12-го января 1878 г.

въ Адрианополь ему надлежало захватить въ Бухарестъ и тамъ условиться съ княземъ Карломъ и его министрами объ обмѣнѣ принадлежавшаго Румыніи предунайскаго участка Бессарабіи на Добруджу¹.

Приближеніе русскихъ военныхъ силъ къ Константинополю привело султана и его совѣтниковъ въ совершенный ужасъ. Они спѣшили дать турецкимъ уполномоченнымъ приказаніе немедленно и безусловно принять русскія основанія мира. Телеграмма томъ не застала уже въ Казанлыкѣ Сервера и Намыка-пашей, послѣдовавшихъ за великимъ княземъ въ Адрианополь. Недоумывая о причинѣ замедленія, Абдуль-Гамидъ снова обратился прямо къ государю по телеграфу, извѣщая его, что прошло уже шесть дней со времени принятія Портою всѣхъ русскихъ требованій, и вызывая къ челолюбію русскаго императора, умоляя его, въ виду такого поднаго подчиненія его воли, приказать главнокомандующимъ приостановить наступленіе русскихъ войскъ². «Я не смѣю еще извѣстія» — отвѣчалъ государь — «о полученіи уполномоченнымъ вашего величества въ главнѣйшій квартирѣ вашего принятія основаній, предложенныхъ для заключенія перемирія. Послѣ того какъ они его предъявятъ, я разрѣшилъ моему брату даровать перемиріе. Ваше величество можете быть увѣрены, что онъ искренно раздѣляетъ ваше желаніе о мирѣ, но мнѣ нуженъ, — я даже скажу обоимъ намъ нуженъ — миръ долговѣчный и прочный»³. Главнокомандующему императоръ предписалъ по телеграфу: «Желательно ускорить заключеніе перемирія, дабы отвратить нареканія. Приближеніе къ Константинополю не должно отнюдь входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія»⁴.

За день до отправленія этой телеграммы изъ Петербурга въ Адрианополь уже были подписаны «основанія мира» и заключено перемиріе.

Пространная телеграмма государя отъ 12-го января дошла до великаго князя Николая Николаевича только на пятый день. Въ тотъ же день, 17-го января, турецкіе уполномоченные, явись къ нему, объявили, что, не имѣя болѣе средствъ къ сопротивленію, Порта принимаетъ всѣ наши условія, въ надеждѣ, что непріязненныя дѣйствія будутъ немедленно прекращены.

Въ виду изъявленной Портою полной покорности, великій князь Николай Николаевичъ не счелъ себя въ правѣ медлить долѣе

¹ Князь Горчаковъ графу Пгнатъеву, 11-го января 1878 г.

² Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 18-го января 1878 г.

³ Государь султану Абдуль-Гамиду, 18-го января 1878 г.

⁴ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 20-го января 1878 г.

подписаніемъ предварительныхъ условій мира и заключеніемъ перемирія. Приказанія, полученныя имъ изъ Петербурга, были нѣсколько сбивчивы. Съ одной стороны ему предписывалось требовать отъ Порты рѣшительнаго отвѣта на наши условія, съ другой—сообщалось о скоромъ прибытіи въ Адриакополь графа Пгнатьева для веденія переговоровъ о мирѣ. Разрѣшеніе идти къ Константинополю было поставлено въ зависимость отъ отказа Порты отвѣтить на нашъ запросъ и въ то же время строго воспрещено занятіе проливовъ, которое одно могло обезпечить положеніе русской арміи подъ стѣнами турецкой столицы. Канцлеръ хотя и выразилъ мнѣніе, что лучше дожидаться установленія окончательнаго соглашенія съ Австро-Венгерією объ основаніяхъ мира, но не увѣдомлялъ, есть ли надежда на такое соглашеніе и въ какой срокъ оно можетъ послѣдовать, а между тѣмъ онъ же извѣщалъ о грозящемъ разрывѣ съ Англіей и о намѣреніи ея ввести свою эскадру въ Босфоръ. Последнее извѣстіе положило конецъ колебаніямъ великаго князя. Онъ приказалъ тотчасъ же приступить къ составленію конвенціи о перемиріи и 19-го января самъ подписалъ съ турецкими уполномоченными предварительныя условія мира.

Взявъ перо, Намыкъ-паша долго не могъ рѣшиться приложить свою подпись къ протоколу, заключавшему, по словамъ его, смертный приговоръ Турціи. Великій князь протянулъ ему руку, выразивъ надежду, что, напротивъ, миръ упрочитъ существованіе Оттоманской Имперіи, такъ какъ отнынѣ Россія и Турція будутъ жить въ согласіи и дружбѣ.

Подписанныя великимъ княземъ, Серверомъ и Намыкомъ «основанія мира» были слѣдующія: 1) Болгарія, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ большинствомъ болгарскаго населенія, и которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть менѣе предѣловъ, указанныхъ на константинопольской конференціи, будетъ возведена въ автономное княжество, платящее дань, съ правительствомъ народнымъ, христіанскимъ и туземною милицією. Оттоманская армія не будетъ тамъ находиться. 2) Независимость Черногоріи будетъ признана; увеличеніе владѣній, соотвѣтствующее тому приращенію, которое отдала въ ея руки судьба оружія, будетъ за нею утверждено; окончательныя границы опредѣлятся впослѣдствіи. 3) Независимость Румыніи и Сербіи будетъ признана; первой изъ нихъ будетъ назначено достаточное земельное вознагражденіе, а для второй произведено исправленіе границъ. 4) Боснія и Герцеговинѣ будетъ даровано автономное управленіе, съ достаточными обезпеченіями; подобнаго же рода преобразованія будутъ введены въ прочихъ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. 5) Porta

приметь обязательство вознаградить Россію за ея издержки на войну и за потери, которымъ она должна была себя подвергнуть; способъ сего вознагражденія — деньгами либо поземельною уступкою, либо чѣмъ инымъ, будетъ опредѣленъ впоследствии. Его величество султанъ войдетъ въ соглашеніе съ его величествомъ императоромъ всероссійскимъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданелльскомъ. Немедленно будутъ открыты переговоры въ главной квартирѣ его императорскаго высочества главнокомандующаго между уполномоченными двухъ правительствъ, для установленія предварительныхъ условій мира. Какъ только настоящія основанія мира и условія о перемиріи будутъ подписаны, послѣдуетъ приостановленіе непріязненныхъ дѣйствій между воюющими арміями, включая румынскую, сербскую и черногорскую, на все время продолженія переговоровъ о мирѣ. Главнокомандующіе обѣими арміями въ Азійи немедленно будутъ о томъ увѣдомлены, для заключенія между ними перемирія, которое равномерно приостановитъ военныя дѣйствія. Императорское оттоманское правительство дастъ приказаніе оттоманскимъ войскамъ очистить, какъ только перемиріе будетъ подписано, крѣпости: Виддинъ, Рушукъ и Силистрію въ Европѣ и крѣпость Эрзерумъ въ Азійи. Кроме того, русскія войска будутъ имѣть право на военное занятіе, въ продолженіе переговоровъ, извѣстныхъ стратегическихкихъ пунктовъ, обозначенныхъ въ условіяхъ о перемиріи, на обонхъ театрахъ войны¹.

Въ тотъ же день генералы Непокойчицкій и Левинскій подписали съ турецкими военными уполномоченными конвенцію о перемиріи, заключенную на все время переговоровъ о мирѣ, впредь до благопріятнаго окончанія ихъ или разрыва. Актомъ этимъ устанавливалась демаркаціонная линія между арміями русскою и турецкою на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова. Турки обязывались немедленно очистить дунайскія крѣпости Виддинъ, Силистрію и Рушукъ, а также Эрзерумъ въ Малой Азійи. Русская армія заняла всю Болгарію, за исключеніемъ четырехугольника вокругъ Варны и Шумлы, ограниченнаго берегомъ Чернаго моря между Бальчикомъ и Мисирли. Далѣе разграничительная линія шла отъ Деркоса на Черномъ морѣ до впаденія рѣки Карасу въ Мраморное море. Пространство между русскою и турецкою линіями составляло нейтральную полосу, на которой не дозволялось ни воздвигать, ни усиливать, ни исправлять укрѣпленій во все время продолженія перемирія. Русскія войска занимали Родосто на Мра-

¹ Конвенція объ основаніяхъ мира, 19-го января 1878 г.

морномъ морѣ и Дедеагачъ въ Архипелагѣ, не переступая однако за перешеекъ отъ Таркіой до Урши, отдѣляющій отъ материка полуостровъ Галлиполи. Тою же конвенціею снимался турецкая блокада съ русскихъ черноморскихъ портовъ и русскія загражденія на Дунаѣ. Приказаніе о приостановленіи военныхъ дѣйствій тотчасъ же было отправлено во всея отряды Дунайской арміи, въ Румынію, Сербію и Черногорію, въ Малую Азію и на Кавказъ¹.

«Хвала Всевышнему! Слава тебѣ! Слава твоему чудному войску!»—такъ восклицалъ великій князь Николай Николаевичъ, отдавая государю отчетъ въ собственноручномъ письмѣ о состоявшемся подписаніи условій мира и заключеніи перемирія. «Великое и святое дѣло, тобою предпринятое, нынѣ окончено. Порта безусловно приняла тобою ей предложенныя основы мира. Актъ этотъ мною и уполномоченными турецкаго правительства вчера, 19-го января, подписанъ, и на основаніи этого акта, часъ спустя, то есть въ 7 часовъ вечера, подписаны условія перемирія и демаркаціонныя линіи между союзными и турецкими арміями. Копію съ этихъ условій при семъ прилагаю.

«Минута, когда подписывали этотъ многознаменательный актъ, была невыразимо потрясающая. Старикъ Намыкъ-паша, старецъ 76-ти-лѣтній, былъ сильно взволнованъ. Когда онъ подписалъ актъ, то прослезился и долго не могъ выговорить слова. Третьяго дня, когда онъ и Серверъ-паша были у меня съ объясненіями, что Порта принимаетъ безусловно основы мира, Намыкъ началъ съ того, что сказалъ: «Вы побѣдоносны, ваше честолюбіе удовлетворено, Турціи въ Европѣ болѣе нѣтъ!»²

«Вчера во всехъ войскахъ и во во всемъ городѣ было замѣтно какое то возбужденное состояніе въ ожиданіи, чѣмъ то кончится день, такъ какъ узнали, что уполномоченные просили быть у меня въ 5 часовъ вечера. Когда же было все кончено и подписано и паша отъ меня уѣхали, то я вышелъ въ залу къ собравшимся въ большомъ числѣ офицерамъ гвардіи и арміи и объявилъ имъ, что перемиріе заключено и подписано, поздравилъ ихъ, закричалъ имъ: «Государю императору «ура!»—Дружно было оно подхвачено всеми и затряслись стѣны отъ русскаго «ура!», вырвавшася изъ каждой души, отъ чистаго сердца, преисполненнаго счастіемъ и вос-

¹ Конвенція о перемиріи, 19-го января 1878 г.

² Подлинныя слова Намыка-паши великому князю: «Votre armée est victorieuse, votre ambition est satisfaite et la Turquie est détruite» (Изъ официальнаго всеподданнѣйшаго донесенія главнокомандующаго о подписаніи основаній мира и заключенія перемирія, 20-го января 1878 г.).

торгомъ и съ чувствомъ, что каждый исполнилъ свой долгъ свято ¹. Тотчасъ «ура!» было услышано на улицъ и быстро разнеслось по всему городу и всѣмъ войскамъ. Музыка всюду заиграла: «Боже, царя храни!» Минута была по-истинѣ торжественная. Всѣ бросились въ объятія другъ другу и цѣловались, какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Немедленно тутъ же, въ залѣ, отслуженъ благодарственный молебенъ. Сегодня же будетъ торжественный молебенъ для всѣхъ войскъ въ митрополіи...

«Могу и долженъ засвидѣтельствовать передъ тобою, что моя армія, отъ генерала до послѣдняго фурлейта, свято и добросовѣстно исполнила свой долгъ, презирая всѣ труды и лишения. Еще разъ поздравляю тебя отъ всей любящей и преданной тебѣ души съ благополучнымъ окончаніемъ тобою начатаго святого дѣла» ².

Императоръ Александръ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ изъявилъ свою благодарность брату за успѣшное окончаніе переговоровъ о перемиріи, хотя и сознавалъ, что, для достиженія окончательнаго мира, придется еще преодолѣть не мало трудностей. «Поздравляю васъ, господа, съ заключеніемъ перемирія на столь выгодныхъ для насъ условіяхъ»—сказалъ онъ, обращаясь къ генераламъ и офицерамъ на разводѣ, происходившемъ въ Михайловскомъ манежѣ 22-го января. «Мы этимъ обязаны славнымъ нашимъ войскамъ, которыя доказали, что для нашихъ молодцовъ ничего невозможнаго нѣтъ. Но этимъ дѣло далеко еще не кончено и мы должны оставаться на-готовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира. Да поможетъ намъ Богъ и въ этомъ!»

«Признаюсь тебѣ откровенно» — писалъ государь нѣсколько дней спустя великому князю—«что я крѣпко не вѣрю искренности турокъ въ принятіи ими всѣхъ предварительныхъ мирныхъ условій и вижу въ этомъ уловку, внушенную имъ Англіею, а можетъ быть и Австріею, которыя, вѣроятно, обѣщали имъ быть ихъ ходатаями на европейской конференціи, предложенной Андраши. Мы ее приняли условно, съ тѣмъ, чтобы она происходила не въ Вѣнѣ, и не въ Лондонѣ, и желали бы предварительно придти къ соглашенію, если возможно, съ Австріею и Германіею. Во всякомъ случаѣ, въ главныхъ нашихъ требованіяхъ насчетъ Болгаріи мы никакихъ уступокъ принять не можемъ; вотъ почему я уже тебѣ телеграфировалъ, что до окончательнаго заключенія мира,

¹ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

² Великій князь Николай Николаевичъ государю, 20-го января 1878 г.

намъ необходимо оставаться на-готовѣ, такъ какъ въ нашъ вѣкъ прогресса одна сила беретъ верхъ»¹.

Дѣйствительно, едва было заключено перемиріе, какъ со всѣхъ сторонъ возникли новыя препятствія къ обращенію его въ окончательный миръ.

Во все продолженіе войны, англійской дипломатіи удалось то ласкою, то угрозою, удержать Грецію отъ принятія въ ней дѣятельнаго участія. Но подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, тотчасъ послѣ паденія Шлевны, аѳонское правительство стало вооружаться, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, а 21-го января, два дня послѣ подписанія въ Адрианополѣ перемирія, подъ предлогомъ насилій башп-бузукъ надъ христіанскимъ населеніемъ Фессаліи и Эпира, ввело греческія войска въ эти области, не объявляя, впрочемъ, Портъ войны. Императоръ Александръ былъ очень озабоченъ этимъ нечаяннымъ осложненіемъ, признавая вмѣшательство Греціи крайне несвоевременнымъ, и приказалъ посланнику нашему въ Аѳинахъ именемъ его дать королю Георгу настоятельный совѣтъ остановить военныя дѣйствія и отозвать свои войска, тѣмъ болѣе, что Порта, обезпеченная съ нашей стороны заключеннымъ перемиріемъ, не прочь была, повидимому, принять вызовъ и тотчасъ же отправила къ Пірею турецкую броненосную эскадру². Сообщая объ этомъ главнокомандующему, государь замѣтилъ, что какъ ни мало благоразумно поведеніе Греціи, «но оставлять ее на жертву туркамъ намъ тоже нельзя и придется, можетъ быть, угрожать имъ перерывомъ перемирія въ случаѣ новыхъ насилій»³. Къ счастью, однако, король эллиновъ и его министры вияли доброжелательному совѣту и греческія войска, очистивъ турецкія области, перешли обратно границу.

Важнѣе было осложненіе, возникшее со стороны Румыніи.

Проѣздомъ черезъ Бухарестъ, 19-го января, графъ Игнатъевъ вручилъ князю Карлу собственноручное письмо государя, и другое отъ канцлера—румынскому министру иностранныхъ дѣлъ.

Императоръ увѣдомлялъ князя, что поручилъ Игнатъеву откровенно объясниться съ его министрами о нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ предстоящимъ переговорамъ о мирѣ. «Графъ

¹ Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Государь великому князю Николаю Николаевичу, 26-го января 1878 г.

² Князь Горчаковъ великому князю Николаю Николаевичу, 24-го января 1878 г.

³ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 23-го января 1878 г.

⁴ Князь Горчаковъ великому князю Николаю Николаевичу, 25-го января 1878 г.

Пгнатъевъ. — писалъ онъ — «знаетъ мой образъ мыслей, чувства привязанности, связывающія меня съ вашимъ высочествомъ, и сочувственное участіе, питаемое мною къ Румыніи. Въ этомъ смыслѣ поручено ему пекать соглашенія. Думаю, что Румыніа найдетъ въ немъ въ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, лучший залогъ своей безопасности и своего благосостоянія. Я твердо разсчитываю на личное содѣйствіе вашего высочества, дабы устранить препятствія, которыя могутъ быть вызваны духомъ партій»¹.

Ту же надежду высказывалъ и князь Горчаковъ въ письмѣ къ Когольничано, но въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ, настаивая на необходимости устранить всякія недоразумѣнія объ условіяхъ будущаго мира, напоминая Румыніи, что она всемъ обязана Россіи, и что настоящая минута рѣшительна для будущиxъ отношеній обоихъ государствъ. «На насъ» — заявлялъ канцлеръ — «лежитъ обязанность соблюдать интересы и право Россіи, поступиться которыми мы не властны, и мы ждемъ отъ румынскаго правительства справедливой и реальной оцѣнки его и нашего положенія»².

На вопросъ князя Карла, не желаетъ ли русскій дворъ возбудить вопросъ объ измѣненіи границъ, графъ Пгнатъевъ отвѣчалъ, что императоръ Александръ лично дорожитъ возвращеніемъ Россіи придунайскаго участка Бессарабіи, отторженнаго отъ нея по парижскому трактату. Князь возражалъ, что самъ будетъ писать объ этомъ государю, такъ какъ не можетъ согласиться на уступку Бессарабіи. Въ письмѣ къ императору онъ взывалъ къ его великодушію и выражалъ надежду, что императорскій кабинетъ найдетъ такой исходъ, который не умалитъ достоинства Румыніи и соблюдетъ ея интересы³.

Но едва огласилась въ Бухарестѣ вѣсть о намѣреніи Россіи обмѣнять придунайскую Бессарабію на Добруджу, какъ въ политическихъ кругахъ и въ печати поднялась цѣлая буря. Палата депутатовъ единогласно приняла резолюцію о рѣшимости соблюсти во что бы ни стало земельную цѣлость Румыніи и не допустить отчужденія какой либо части румынской территоріи, подъ какимъ бы ни было видомъ и въ обмѣнъ на какое бы ни было вознагражденіе. Минпстерство Братіано обратилось ко всемъ великимъ державамъ съ жалобами на Россію и съ протестомъ противъ ея притязаній, и самъ князь Карлъ въ письмѣ къ императору гер-

¹ Государь князю Карлу Румынскому, 11-го января 1878 г.

² Князь Горчаковъ Когольничано, 11-го января 1878 г.

³ Князь Карлъ Румынскій государю, 23-го января 1878 г. — Все три письма напечатаны въ книгѣ: *Aus dem Leben König Karls von Rumänien*, III, стр. 456, 457, 464.

манскому просить его повліять на императора Александра и убѣдить его отказаться отъ нихъ.

По этому поводу государь писалъ великому князю главнокомандующему: «Игнатъевъ передастъ тебѣ всѣ интриги румынъ противъ уступки намъ обратно отнятой у насъ парижскимъ трактатомъ 1856 года части Бессарабіи. Если они не образумятся, то мы съ ними шутить не будемъ и перестанемъ хлопотать объ увеличеніи ихъ территоріи на правомъ берегу Дуная»¹.

Всего опаснѣе былъ, однако, постепенный, но непрерывный переходъ великобританскаго правительства отъ назойливой подозрительности и тайнаго недоброжелательства по отношенію къ Россіи къ явной и дѣятельной враждѣ.

Тотчасъ послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Балканы возбужденъ былъ въ совѣтѣ англійскихъ министровъ вопросъ: не слѣдуетъ ли ввести англійскую эскадру въ Дарданеллы для охраны Константинополя и Босфора отъ русскаго занятія? Наканунѣ созванія парламента такое приказаніе уже было послано адмиралу Горнобл, но на другой же день отмѣнено и въ тронной рѣчи королева ограничилась заявленіемъ, что пока не будутъ нарушены условія нейтралитета Англійи и британскіе интересы не подвергнутся опасности какою либо изъ воюющихъ сторонъ, Англійа не приметъ участія въ войнѣ, но продолженіе войны можетъ вызвать непредвидѣнные случайности, въ виду которыхъ потребуются мѣры предосторожности, и средства для нихъ долженъ будетъ дать парламентъ².

Удовлетворительные отвѣты, полученные изъ Петербурга на цѣлый рядъ нескромныхъ запросовъ, нѣсколько сдержалъ воинственный пылъ главы кабинета, лорда Биконсфильда, и большинства его соговарищей по министерству, тѣмъ болѣе, что изъ числа ихъ два министра, иностранныхъ дѣлъ—лордъ Дерби и колоній—лордъ Карнарвонъ, выступили убѣжденными сторонниками мира и дружественныхъ отношеній къ Россіи. Но враждебное положеніе, открыто занятое Австро-Венгріею по вопросу о нашихъ мирныхъ условіяхъ, снова дало перевѣсъ въ Англійи партіи войны. По предложенію Биконсфильда на совѣтѣ министровъ 11-го января рѣшено послать эскадру въ Дарданеллы и потребовать отъ парламента чрезвычайнаго кредита въ 6.000,000 фунтовъ стерлинговъ на вооруженія. Не соглашаясь съ мнѣніемъ большинства, лорды Дерби и Карнарвонъ подали въ отставку.

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 26-го января 1878 г.

² Тронная рѣчь королевы Викторіи при открытіи парламента, 5-го января 1878 г.

Королева приняла отставку министра колоній. Но удаление изъ состава кабинета вліятельнаго министра иностранныхъ дѣлъ грозило ему распаденіемъ, а потому Биконсфильдъ, убѣдивъ Дерби не покидать своего поста, послѣ того какъ было вторично отмѣнено данное адмиралу Горноби приказаніе войти въ Дарданеллы. Предлогомъ къ этому распоряженію послужило сообщеніе графомъ Шуваловымъ русскимъ условій мира, которыя лордъ Биконсфильдъ въ заявленіи палатъ лордовъ призналъ «представляющими достаточное основаніе для перемирія», скрывъ однако, что самъ султанъ и Порты убѣдительно просили объ отозваніи обратно англійской эскадры, которая, войдя 14-го января въ Мраморное море, на другой же день возвратилась на старую свою стоянку, въ заливъ Безика. Но требованіе чрезвычайнаго кредита все же было внесено въ палату общинъ и, не смотря на то, что оппозиція громкими рукоплесканіями привѣтствовала перечисленіе нашихъ мирныхъ условій,—принято большинствомъ 328 противъ 124 голосовъ.

Конечно, на рѣшеніе великобританскаго правительства отозвать эскадру, уже всгруппировавшуюся въ Дарданеллы, повліяло и соображеніе что присутствіе ея въ виду Константинополя только затруднитъ заключеніе столь желаемаго турками перемирія и поведетъ пожалуй къ занятію турецкой столицы русскими войсками. Но при этомъ случаѣ оно опять обратилось съ новымъ запросомъ къ императорскому кабинету. Крайне встревожила его та изъ статей нашихъ основаній мира, которая касалась обезпеченія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ. На возраженіе, переданное ему чрезъ великобританскаго посла въ Петербургѣ, князь Горчаковъ отвѣтилъ, что и самъ онъ находитъ эту статью «неопредѣленною и ненужною» и готовъ ее даже вовсе отмѣнить, такъ какъ Россія считаетъ вопросъ о проливахъ подлежащимъ разрѣшенію только съ общаго согласія всѣхъ европейскихъ державъ ¹. Но, не довольствуясь этимъ заявленіемъ, сентъ-жемскій дворъ еще разъ повторилъ, въ сообщеніи императорскому кабинету, что хотя онъ и признаетъ обязательными для обѣихъ сторонъ мирныя условія, соглашенныя между русскими и турецкими уполномоченными, но поскольку условія эти видоизмѣняютъ постановленія европейскихъ трактатовъ или затрогиваютъ общіе или частныя британскіе интересы, Англія не можетъ признать ихъ дѣйствительною силой, пока они не будутъ утверждены съ общаго согласія державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года ². На

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 18-го января 1878 г.

² Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 17-го января 1878 г.

это сообщеніе постѣдовать опять успокоительный отвѣтъ русскаго канцлера. Для заключенія перемирія нужны были нѣкоторыя основанія мира, но ихъ слѣдуетъ считать только предварительными и не окончательными по отношенію къ Европѣ. Что же касается до вопросовъ, относящихся къ интересамъ Европы, то князь Горчаковъ снова и категорически объявилъ, что они будутъ согласены съ великими европейскими державами, въ чемъ онъ и даетъ правительству ея британскаго величества самое ясное и положительное завѣреніе ¹.

Но никакія примирительныя завѣренія, никакія уступки русскаго двора не въ состояніи были успокоить общественное возмущеніе, возраставшее въ Англіи съ каждымъ извѣстіемъ, приходившимъ съ театра войны, ни разсѣять тревожную подозрительность великобританскаго кабинета.

«Прекращеніе военныхъ дѣйствій»—доносилъ князю Горчакову посоль нашъ въ Лондонѣ—«столь пламенно желаемое,—совершившійся фактъ; мы изъявили крайнюю умѣренность, остановясь предъ оборонительными линіями Константинополя; и что же? Это вызвало лишь еще большее раздраженіе и за послѣднюю недѣлю вражда къ Россіи развилась до непонятной и прямо безумной степени» ².

Лишь только узнали въ Лондонѣ о состоявшемся перемиріи, какъ снова въ правительственныхъ совѣтахъ поднятъ былъ вопросъ о посылкѣ англійской эскадры къ Константинополю. Тщетно нашъ посоль пытался убѣдить лорда Дерби, что появленіе ея подъ стѣнами турецкой столицы освободитъ Россію отъ всѣхъ ея прежнихъ обязательствъ предъ Англіею и неминуемо повлечетъ за собою русское занятіе и Босфора, и Дарданелль; Дерби не устоялъ противъ давленія всѣхъ своихъ товарищей по министерству. Вѣсть о занятіи Чатаалджи, мѣстности, отстоящей всего на одинъ переходъ отъ Константинополя, русскими войсками, сочтена была въ Англіи за первый шагъ къ занятію или турецкой столицы, которое, какъ поспѣшили заявить лордъ Августъ Лофтусъ князю Горчакову, не можетъ уже быть вызвано военными соображеніями и слѣдовательно противорѣчило бы положительному обѣщанію императора Александра ³. Не успѣлъ дойти до Лондона примирительный отвѣтъ князя Горчакова, какъ уже былъ посланъ снова приказъ адмиралу Горнби немедленно съ шестью броненосцами вступить вторично въ Дарданеллы и идти прямо къ Константинополю.

¹ Лордъ Августъ Лофтусъ лорду Дерби, 18-го января 1878 г.

² Графъ Шуваловъ князю Горчакову, 27-го января 1878 г.

³ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 26-го января 1878 г.

Извѣщая нашего посла объ этомъ важномъ рѣшеніи, лордъ Дерби старался увѣрять его, что принято оно исключительно для отраженія безопасности проживающихъ въ турецкой столицѣ англичанъ и ихъ собственности отъ бурныхъ проявленій мусульманскаго фанатизма и отнюдь не имѣетъ значенія враждебной Россіи демонстраціи. Въ томъ же смыслѣ высказалось великобританское правительство предъ обѣими палатами и въ сообщеніи великимъ державамъ, приглашая ихъ послѣдовать примѣру Англій и также послать свои военныя суда въ Босфоръ.

Въ объясненіи съ Дерби графъ Шуваловъ на-отрѣзъ отказался передать въ Петербургъ его толкованія и тѣмъ ввести свое правительство въ заблужденіе, такъ какъ ни для кого не было тайной, что истинной причиною принятой мѣры было желаніе Англій предупредить русскихъ въ Дарданеллахъ, въ Константинополѣ и на Босфорѣ и съ этими залогамъ въ рукахъ явиться на конференцію, приглашеніе участвовать въ которой, сдѣланное графомъ Авдрашп, сентъ-джемскій кабинетъ успѣшилъ принять. Канцлеру посоль нашъ совѣтовалъ выказать энергію, объявивъ, что мѣра, рѣшенная Англією, освобождаетъ насъ отъ всѣхъ прежнихъ нашихъ обязательствъ передъ нею и что, если англичане высадятъ на берегъ хотя бы единаго матроса, то мы вынуждены будемъ, «подобно имъ», вступить въ Константинополь. «Я думаю»—пояснялъ графъ Шуваловъ— «что такая рѣшимость не только не вызоветъ разрыва, но предупредитъ его, остановивъ англичанъ на наклонной плоскости опасныхъ вызововъ, которые безъ нея, конечно продолжались бы»¹.

Вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы тотчасъ по заключеніи между Россією и Портою перемирія было наглымъ и вопіющимъ нарушеніемъ Англією не только цѣлаго ряда обще-европейскихъ договоровъ, безусловно воспрещающихъ иностраннымъ военнымъ судамъ доступъ въ проливы, но и положительныхъ обязательствъ, принятыхъ этою державою предъ Россією во время войны, которыми и были обусловлены всѣ наши ей уступки. Императору Александру оно представилось какъ прямое оскорбленіе, нанесенное Россіи и требующее немедленнаго возмездія. Заявивъ своимъ министрамъ, что принимаетъ на себя всю отвѣтственность «предъ Богомъ и народомъ», онъ самъ продиктовалъ слѣдующую телеграмму главнокомандующему²:

«Изъ Лондона получено официальное извѣщеніе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лайярдомъ, объ опасномъ будто

¹ Графъ Шуваловъ князю Горчакову, 28-го и 29-го января 1878 г.

² Дневникъ Д. А. Милютина, 29-го января 1878 г.

бы положеніи христіанъ въ Константинополь, дала приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовыми занять Царьградъ даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей. ¹

Представленіямъ канцлера и военнаго министра удалось, однако, убѣдить государя не отправлять этой телеграммы, исполненіе которой, по мнѣнію ихъ, неминуемо вызвало бы вооруженное столкновение съ англичанами, и на другой день была составлена и послана великому князю Николаю Николаевичу другая телеграмма, въ которой предположенное занятіе Константинополя нашими войсками ставилось въ зависимость отъ появленія английской эскадры «въ Босфорѣ» и отъ высадки ихъ на берегъ. «Вступленіе английской эскадры въ Босфорѣ» — говорилось въ ней — «слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя относительно Галлиполи и Дарданелль. Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданелль, съ тѣмъ однако же, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно» ².

Спустя еще день, при встрѣчѣ съ военнымъ министромъ, государь сказалъ ему, что все же послать въ Адрианополь и первую свою телеграмму ³. Поступая такъ, Александръ Николаевичъ очевидно хотѣлъ посвятить главнокомандующаго во всѣ свои намѣренія, причемъ одна депеша должна была служить какъ бы поясненіемъ и дополненіемъ другой. Между ними въ сущности не было ни малѣйшаго разнорѣчія. Первая телеграмма выражала рѣшимость государя ввести наши войска въ Константинополь, какъ прямое послѣдствіе прорыва английской эскадры чрезъ Дарданеллы, предоставляя усмотрѣнію великаго князя опредѣленіе

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 29-го января 1878 г.

² Государь великому князю Николаю Николаевичу, 30-го января 1878 г.

³ Дневникъ Д. А. Милютина, 31-го января 1878 г.

времени и способа исполненія этого приказанія; вторая же предписывала тотчасъ принять эту мѣру возмездія въ случаѣ появленія британскихъ броненосцевъ въ Босфорѣ или высадки англичанъ на берегахъ его.

Какъ бы то ни было, государь пожелалъ самъ откровенно предупредить султана о предстоящемъ занятіи его столицы русскими войсками. «Ваше величество. — телеграфировалъ онъ ему — «отдадите мнѣ справедливость, признавъ, что я продолжаю искренно желать устойчиваго и прочнаго мира и возстановленія дружественныхъ сношеній между обѣими нашими странами. Въ то самое время, когда наши обоюдные уполномоченные стремятся къ этому результату, великобританское правительство рѣшилось, на основаніи донесеній своего посла въ Константинополь, воспользоваться ранѣе полученнымъ фирманомъ, чтобы ввести часть своего флота въ Босфоръ для охраны жизни и безопасности своихъ подданныхъ, а другія державы приняли ту же мѣру, съ тою же цѣлью. Это рѣшеніе обязываетъ меня, со своей стороны, сообразить мѣры (à aviset) ко вступленію части моихъ войскъ въ Константинополь для огражденія жизни и собственности христіанъ, которымъ могла бы угрожать опасность. Но если я буду вынужденъ принять эту мѣру, она будетъ направлена лишь къ одной миролюбивой цѣли: поддержанію порядка, а потому она и не можетъ быть въ противорѣчіи съ намѣреніями вашего величества»¹.

О такомъ рѣшеніи русскаго императора государственный канцлеръ оповѣстилъ и всѣ правительства великихъ державъ, въ томъ числѣ и великобританское. Въ циркулярной своей телеграммѣ князь Горчаковъ повторилъ выраженія императорской депеши къ султану объ отправленіи англійской эскадры «къ Константинополю» (а не въ Босфоръ, какъ выразился государь) и о предлогѣ, которымъ сентъ-жемскій кабинетъ прикрылъ эту мѣру, а также о принятіи подобныхъ же мѣръ другими державами, и заключилъ ее такъ: «Совокупность этихъ обстоятельствъ обязываетъ насъ позаботиться и съ нашей стороны о средствахъ оказать покровительство христіанамъ, жизни и имуществу коихъ будетъ угрожать опасность, и для достиженія этой цѣли имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь»².

Рѣшеніе русскаго двора занять турецкую столицу привело англійскихъ министровъ въ крайнее смущеніе, выразившееся въ томъ, что, несмотря на ясный смыслъ петербургской телеграммы, лордъ

¹ Государь султану Абдуль-Гамиду, 30-го января 1877 г.

² Циркулярная телеграмма князя Горчакова, 29-го января 1878 г.

Дерби запросилъ императорскій кабинетъ, чѣмъ собственно вызвана возвѣщенная княземъ Горчаковымъ мѣра: заботою о безопасности христіанскаго населенія или же требованіями военной чести, чтобы въ то время, когда Англія и другія державы развѣвають свои флаги въ Константинополь, тамъ появилось и русское знамя? ¹. Отвѣтъ канцлера былъ, что русское правительство руководствуется тѣмъ же побужденіемъ, что и великобританское, съ тѣмъ лишь отлѣвкомъ, что считаетъ долгомъ оказать свое покровительство не однимъ своимъ подданнымъ въ Царьградѣ, но и всѣмъ христіанамъ вообще; что оба правительства исполняютъ такимъ образомъ долгъ человеколюбія, и что общее ихъ миролюбивое дѣло не должно поэтому имѣть видъ взаимной враждебности ². Лордъ Дерби не согласился съ такимъ взглядомъ, утверждая, что положеніе Англіи и Россіи неодинаково, такъ какъ первая состоитъ въ дружбѣ съ Турціей, а вторая ведетъ съ нею войну, вслѣдствіе чего появленіе англійскаго флота въ Дарданеллахъ не можетъ быть приравнено къ занятію Константинополя русскими войсками, въ нарушеніе заключеннаго перемирія ³.

Не вдаваясь въ эти отвлеченныя разсужденія, графъ Шуваловъ въ объясненіяхъ своихъ съ лордомъ Дерби твердо стоялъ на томъ, что Россія отнынѣ свободна отъ всякихъ обязательствъ предъ Англіею. Рѣшительный тонъ его рѣчей не замедлилъ произвести надлежащее дѣйствіе. По обсужденіи вопроса въ совѣтѣ министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ королевы Викторіи уже не настаивалъ на отреченіи Россіи отъ возвѣщеннаго занятія турецкой столицы, но ограничился замѣчаніемъ, что если одновременно со вступленіемъ въ Константинополь русскія войска будутъ направлены и на Галлиполи, то Англія сочтетъ это движеніе за *casus belli*, потому что оно подвергло бы опасности ея эскадру, которая, по загражденіи Дарданеллъ минами, очутилась бы въ Мраморномъ морѣ какъ въ западнѣ. Въ такомъ случаѣ возмущеніе въ Англіи достигло бы крайнихъ предѣловъ и немедленно вызвало бы объявленіе Россіи войны. Изъ этого сообщенія графъ Шуваловъ заключилъ, что занятіе Царьграда не вызоветъ войны съ Англіей, и совѣтовалъ не отказывать сентъ-джемскому двору въ общаніи не занимать Галлипольскаго полуострова и линіи Булаира, подъ тѣмъ условіемъ, что и Англія не высадитъ какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ берегу ни

¹ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 30-го января 1878 г.

² Князь Горчаковъ графу Шувалову, 30-го января 1878 г.

³ Лордъ Дерби лорду Августу Лофтусу, 1-го февраля 1878 г.

единаго человека ¹. Уполномочивая посла въ Лондонъ дать лорду Дерби это завѣреніе, князь Горчаковъ замѣтилъ, что, такъ какъ англійская эскадра уже вошла въ Дарданеллы, не взирая на протестъ Порты, то временное занятіе Константинополя частью нашихъ войскъ стало необходимымъ ². Нѣсколько дней спустя сентябрьскій кабинетъ, принявъ къ свѣдѣнію заявленіе о Дарданеллахъ, все же возобновилъ протестъ свой противъ введенія русскаго отряда въ турецкую столицу безъ предварительнаго согласія султана, грозилъ хотя и не войною, но отозваніемъ великобританскаго посла изъ Петербурга и отказомъ принять участіе въ конгрессѣ ³. На это новое притязаніе князь Горчаковъ, напомнивъ, что англичане сами вступили въ Дарданеллы вопреки протесту Порты, не безъ раздраженія отвѣтилъ: «Пусть британское правительство поступаетъ какъ ему угодно. Исторія, а быть можетъ и современники изрекутъ свой приговоръ этому полному отсутствію логики и этому презрѣнію ко всеобщему миру» ⁴.

Вѣсть о занятіи русскими войсками Константинополя, какъ о прямомъ и неминуемомъ послѣдствіи входа англійской эскадры въ проливы, исполнила ужасомъ султана и Порту. Поставленное между двухъ огней, турецкое правительство, опасаясь русскихъ болѣе, чѣмъ англичанъ, рѣшило отказать адмиралу Горноу въ пропускѣ чрезъ Дарданеллы, о чемъ султанъ Абдуль-Гамидъ самъ увѣдомилъ государя: «Депеша, посланная мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ 11-го февраля (н. ст.), крайне встревожила меня. Я принялъ предъ вашими уполномоченными обязательства съ цѣлью возстановленія мира. Всѣ народности, подчиненныя моему скипетру, имѣютъ равное право на покровительство и живутъ въ совершенной безопасности. Права моей имперіи соблюдены, какъ о томъ ваше императорское величество конечно уже знаете по поводу самаго послѣдняго случая въ Дарданеллахъ, такъ какъ англійскій флотъ удалился тотчасъ послѣ того, какъ правительство мое напомнило, что входъ его былъ бы противенъ трактатамъ. Поэтому я не могу предположить ни одной минуты, чтобы ваше императорское величество, узнавъ уже объ истинныхъ подробностяхъ этого случая, могли дать ходъ мѣрамъ, указаннымъ въ вашей депешѣ» ⁵.

Но лондонскій кабинетъ упорно стоялъ на своемъ и объявилъ въ Петербургѣ и въ Константинополѣ, что британская эскадра вой-

¹ Графъ Шуваловъ князю Горчакову, 1-го февраля 1878 г.

² Князь Горчаковъ графу Шувалову, 3-го февраля 1878 г.

³ Графъ Шуваловъ князю Горчакову, 9-го февраля 1878 г.

⁴ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 10-го февраля 1878 г.

⁵ Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 31-го января 1878 г.

детъ въ проливы. И бы для этого пришлось употребить силу, вследствие чего государь отвѣтилъ султану: «Я только что получилъ телеграмму вашего величества отъ сегодня въ полдень. Я остаюсь въ прежнемъ дружественномъ и миролюбивомъ расположеніи, но мнѣ трудно согласовать то, о чемъ вы меня просите, съ сообщеніемъ, полученнымъ отъ англійскаго правительства. Оно даетъ мнѣ знать, что, не смотря на отказъ въ фирманѣ, часть англійскаго флота войдетъ въ Босфоръ для огражденія жизни и имущества британскихъ подданныхъ. Если англійская эскадра вступитъ въ Босфоръ, мнѣ нельзя будетъ не ввести временно въ Константинополь части моихъ войскъ. Ваше величество обладаете въ слишкомъ высокой степени чувствомъ собственного достоинства, чтобы не сказать себѣ, что если произойдетъ вышеозначенный случай, то я не могу поступить иначе»¹.

Дѣйствительно, 1-го февраля, шесть англійскихъ броненосцевъ подъ флагомъ адмирала Горби в третій разъ появились предъ Дарданеллами. Турки не оказали имъ сопротивленія и эскадра, войдя въ Мраморное море, бросила якорь у Принцевыхъ острововъ. Испуганный султанъ снова обратился къ великодушнѣму государю и умолялъ его отложить по крайней мѣрѣ введеніе своихъ войскъ въ Константинополь до полученія отвѣта на письмо, которымъ онъ убѣждалъ королеву Викторію отозвать ея эскадру². На это императоръ Александръ, всегда готовый, — какъ писалъ онъ султану — «оказать содѣйствіе съ цѣлью избавить человечество отъ бѣдствій» — согласился³. Когда же дошло до него извѣстіе, что англійскій флотъ вошелъ уже въ Дарданеллы и стоитъ у Принцевыхъ острововъ, то онъ тотчасъ же протелеграфировалъ султану, что тотъ самъ по справедливости долженъ признать, что временное занятіе Константинополя русскими войсками неизбежно⁴.

Все, чего удалось султану добиться отъ Великобританскаго правительства, было приказаніе эскадрѣ адмирала Горби отплыть отъ Принцевыхъ острововъ къ заливу Манданія въ Мраморномъ морѣ, далеко отстоящему, какъ увѣрялъ султанъ императора Александра, отъ Босфора. Къ этому Абдуль-Гамидъ пресовокупилъ, что не получалъ еще отвѣта отъ королевы Викторіи, и снова выразилъ надежду, что впредь до его полученія не состоится движеніе русскихъ войскъ къ его столицѣ⁵. Отвѣтъ государя гласилъ: «Теоре-

¹ Государь султану Абдуль-Гамиду, 31-го января 1878 г.

² Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 1-го февраля 1878 г.

³ Государь султану Абдуль-Гамиду, 1-го февраля 1878 г.

⁴ Государь султану Абдуль-Гамиду, 3-го февраля 1878 г.

⁵ Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 3-го февраля 1878 г.

тическій протестъ не воспрепятвовалъ английской эскадрѣ во- рваться въ Дарданеллы. Прямое обращеніе вашего величества къ королевѣ не приведетъ къ ея отзыванію. Поэтому я предоставляю вашей справедливости рѣшить: возможно ли мнѣ остановить вре- менное введеніе моихъ войскъ въ Константинополь? Они будутъ тамъ лишь для облегченія вашему величеству поддержанія обще- ственнаго порядка»¹. Напрасно султанъ въ трехъ послѣдующихъ телеграммахъ пытался склонить императора измѣнить его рѣшеніе, выражая намѣреніе отправить въ Петербургъ нарочнаго посла съ цѣлью лично изложить государю опасности, грозящія султану, и увѣдомляя о приказаніи, данномъ имъ своему уполномоченному въ Адрианополь ускорить заключеніемъ предварительнаго мира, по- торомъ велось уже тамъ переговоры съ Игнатьевымъ². Импе- раторъ Александръ остался непреклоненъ. «Какъ только Савфеть- паша»—протелеграфировалъ онъ султану въ отвѣтъ—«окончить переговоры съ графомъ Игнатьевымъ на основаніяхъ, принятыхъ вашимъ величествомъ передъ заключеніемъ перемирія, и результатъ этихъ переговоровъ будетъ утвержденъ вашимъ величествомъ, отъ васъ будетъ зависѣть отправить чрезвычайнаго посла чрезъ Одессу. До тѣхъ же поръ такая посылка была бы безцѣльна. Что же ка- сается до временнаго вступленія части моихъ войскъ въ Констан- тинополь, то такое не можетъ быть ни отмѣнено, ни отло- жено, коль скоро английская эскадра остается въ Мраморномъ морѣ вмѣсто того, чтобы уйти обратно за Дарданеллы. Я одобряю пред- ложенія, сдѣланныя моимъ братомъ по этому предмету»³.

Всѣ телеграммы султана и отвѣты на нихъ государя были сообщены великому князю Николаю Николаевичу съ приказаніемъ руководствоваться послѣдними въ своихъ распоряженіяхъ⁴. Извѣ- щая брата, что, не взирая на протестъ Порты, английскій флотъ идетъ къ Константинополю, не дожидаясь разрѣшительнаго фир- мана, государь наставлялъ главнокомандующаго: «Мы должны дѣйствовать соотвѣтственно дѣйствіямъ англичанъ, какъ мною при- казано на этотъ случай»⁵. Увѣдомивъ великаго князя о данномъ графу Шувалову приказаніи объявить великобританскому прави- тельству, что появленіе английской эскадры въ Мраморномъ морѣ дѣлаеть неизбѣжнымъ вступленіе нашихъ войскъ въ Константи- нополь «съ тою же мирною цѣлью», государь сообщилъ, что под-

1 Государь султану Абдуль-Гамиду, 4-го февраля 1878 г.

2 Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 5-го февраля 1878 г.

3 Государь султану Абдуль-Гамиду, 7-го февраля 1878 г.

4 Государь великому князю Николаю Николаевичу, 1-го февраля 1878 г.

5 Государь великому князю Николаю Николаевичу, 2-го февраля 1878 г.

твержденіе обѣщанія не занимать Галлиполи—последняя уступка Англіи, и то подѣ условіемъ, что англичане не высадятъ ни еди-наго матроса на обоихъ берегахъ, и предписывалъ зорко слѣдить за ними, а въ случаѣ такой попытки съ ихъ стороны стараться занять, если можно—съ согласія Порты, нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ на европейскомъ берегу Босфора ¹. Получивъ отъ главнокомандующаго извѣстіе о предложенномъ имъ Портѣ занятіи «ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій», государь одобрилъ эту мѣру, настаивая на скорѣйшемъ приведеніи ея въ исполненіе. «Для сего»—телеграфировалъ онъ—«нужно назначить кратчайшій по возможности срокъ для полученія согласія султана и на случаѣ отказа его приготовить достаточныя силы. По твоему сообщенію, вообще предоставляю тебѣ дѣйствовать не ожидая особыхъ моихъ разрѣшеній» ². Даже послѣ полученія извѣстія о перенесеніи главной квартиры великаго князя изъ Адрианополя въ Санъ-Стефано, на Мраморномъ морѣ, государь напомнилъ ему о необходимости не терять изъ виду Босфора и принять всѣ нужныя мѣры къ загражденію его, чтобы закрыть англійской эскадрѣ доступъ въ Черное море ³. Въ томъ же смыслѣ писалъ главнокомандующему и военный министръ.

Всѣ эти распоряженія, переданныя по телеграфу, были въ сущности направлены къ одной цѣли, признаваемой государемъ необходимою и неотложною столько же по политическимъ, сколько и по военнымъ соображеніямъ и единственною, отвѣчающею, какъ онъ самъ неоднократно выражался въ своихъ телеграммахъ, достоинству Россіи, а именно къ занятію Царьграда. Въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія слѣдующее письмо императора Александра къ великому князю Николаю Николаевичу:

«...Я вполне понимаю радость твою и всей арміи, свято исполнившей свой долгъ. Но, къ сожалѣнію, то, что я предвидѣлъ, сбывается и главные затрудненія теперь именно для насъ и начинаются, такъ что святое дѣло, нами предпринятое, далеко еще не окончено».

«Изъ всего того, что тебѣ сообщается, и изъ самаго факта вступленія англійскаго флота въ Мраморное море, вопреки протеста самого султана, явствуетъ, что англичане не хотятъ допустить прямой сдѣлки нашей съ Турціею и ищутъ теперь всякій предлогъ, чтобъ довести до разрыва съ нами. Дай Богъ, чтобъ до этого не

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 3-го февраля 1878 г.

² Государь великому князю Николаю Николаевичу, 6-го февраля 1878 г.

³ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 13-го февраля 1878 г.

дошло, пбо въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы имѣть дѣло по всѣмъ вѣроятіямъ и съ Австрією, которой политика становится съ каждымъ днемъ двусмысленнѣе. Съ другой стороны достоинство наше не позволяетъ намъ дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ. Вотъ почему я и приказалъ тебѣ занять Царьградъ, если можно, съ согласія турокъ, въ противномъ же случаѣ даже силою.

«Мои шифрованные телеграммы къ тебѣ, равно и сообщаемыя тебѣ телеграммы султана и мои отвѣты ему ясно и опредѣлительно указывали тебѣ, какъ дѣйствовать. Но, къ сожалѣнію, неисправность телеграфа и неопредѣленность твоихъ отвѣтовъ часто ставятъ меня въ недоумѣніе: дошли ли до тебя мои приказанія? Поэтому, еще разъ повторяю, чтобы ты увѣдомлялъ меня каждый разъ о полученіи моихъ телеграммъ съ обозначеніемъ числа ихъ отправленія и полученія.

«Съ 7-го февраля до вчерашняго числа я не получалъ отъ тебя ничего, а вчера получилъ разомъ три телеграммы твои отъ 7-го, 8-го и 9-го, изъ коихъ послѣдніи двѣ шифрованные, но въ которыхъ ты ничего не упоминаешь о моихъ двухъ шифрованныхъ и весьма важныхъ телеграммахъ отъ 6-го февраля. Сегодня вечеромъ дошла до меня твоя телеграмма отъ 10-го числа ¹, гдѣ ты говоришь, что отправляешься сегодня утромъ въ Чаталджу и что все идетъ благополучно, но о моихъ телеграммахъ опять ни слова. Все это ставитъ меня въ самое непріятное положеніе, и тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ англійскихъ телеграммъ, проходящихъ чрезъ Одессу... видно, что Лайярдъ ² не перестаетъ возбуждать турокъ противъ насъ и совѣтуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своему правительству ихъ поддерживать даже матеріально. Князь Горчаковъ сообщилъ тебѣ вчера послѣдній свой отвѣтъ въ Лондонъ насчетъ Галлиполи и самаго Константинополя. Дальнѣйшихъ уступокъ намъ дѣлать невозможно, такъ какъ довольно ясно видно, что англичане только стараются выиграть время, чтобы успѣть подвезти свои войска. Вотъ почему намъ необходимо воспользоваться нашимъ настоящимъ преимуществомъ, чтобы занять какъ самый Царьградъ, такъ и выходъ изъ Босфора въ Черное море, дабы не пропустить туда безнаказанно англійскую эскадру. Подробности распоряженій предоставляю, разумѣется, тебѣ и надѣюсь, что пріѣздъ генералъ-адъютанта Попова можетъ быть для тебя весьма полезенъ.

¹ Всѣ три числа подчеркнуты въ подлинникѣ.

² Великобританскій посолъ въ Константинополѣ.

«Да поможетъ тебѣ Богъ исполнить эту задачу, не легкую, столь же успѣшно, какъ переходъ черезъ Балканы и наступленіе до Адрианополя. Слава Богу, что здоровье въ войскахъ поддерживается, но сожалѣю весьма, что ты самъ все хвораешь...¹»

Недѣлю спустя по заключеніи перемирія, 27-го января, прибѣлалъ въ Адрианополь назначенный русскимъ уполномоченнымъ для переговоровъ о «предварительномъ» мирѣ съ Портою, графъ Н. П. Игнатьевъ, а на другой день прибѣхалъ туда же и турецкій уполномоченный, замѣнившій Сервера въ должности министра иностранныхъ дѣлъ, Савфетъ-паша. Но не успѣли они приступить къ переговорамъ, какъ представитель Порты довелъ до свѣдѣнія великаго князя-главнокомандующаго о намѣреніи англійскаго адмирала ввести свою эскадру въ Дарданеллы, и о послѣдовавшемъ со стороны Порты отказѣ ему въ пропускѣ. Великій князь одобрилъ рѣшеніе Порты и предложилъ ей вступить съ нами въ соглашеніе для противодействія сообща насильственнымъ дѣйствіямъ англичанъ. «Войдемте вмѣстѣ друзьями въ Царьградъ,—сказалъ онъ Савфету—«и, если англичане станутъ противиться, выступимъ противъ нихъ, рука въ руку. Я поставлю около моего орудія ваше въ надеждѣ, что вы наконецъ поняли, что англичане васъ эксплуатируютъ». Турецкій уполномоченный немедленно протелеграфировалъ объ этомъ предложеніи султану².

Со своей стороны великій князь отправилъ изъ Константинополя перваго драгомана нашего посольства Ону, чтобы добрыми путями развѣдать, въ какой мѣрѣ расположена Порта допустить временное занятіе Константинополя русскими войсками? По отзыву этого дипломата, турецкіе министры противились больше для виду и только на словахъ. Султанъ, доносилъ онъ, собирается послать въ Адрианополь Намыка-пашу, чтобы попытаться убѣдить великаго князя отказаться отъ заявленнаго намѣренія, но кончится, вѣроятно, тѣмъ, что Порта поторгуется и въ концѣ концовъ уступить. Турки называли уже русскому драгоману константинопольскія казармы, въ которыхъ готовились размѣстить русскихъ солдатъ: Даудъ-паша, Ильдизъ-Чифтликъ, на высотахъ Эюба³.

Между тѣмъ главнокомандующій получилъ объ телеграммы гондара отъ 29-го и 30-го января съ повелѣніемъ такъ или иначе занять Константинополь. Въ виду нѣкотораго между ними разногласія, дипломатическіе совѣтники великаго князя предложили спросить изъ Петербурга разъясненія, но главнокомандующій не

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 11-го января 1878 г.

² Дневникъ Скалона, 2-го февраля 1878 г.

³ Ону великому князю Николаю Николаевичу, 3-го февраля 1878 г.

послѣдовалъ этому совѣту и просто отвѣтилъ: «Все будетъ исполнено, какъ тобою приказано»¹.

Однако, при ближайшемъ соображеніи мѣръ къ приведенію въ исполненіе высочайшей волл, не замедлили обнаружиться важныя затрудненія. На наше предложеніе вступить въ Константинополь по уговору съ Портою — не послѣдовало согласія султана. Турки хотя и выражали желаніе дѣйствовать заодно съ нами, но упрашивали въ Константинополь не входить. Правда, войска наши находились всего въ двухъ переходахъ отъ Царьграда, но перемиріе измѣнило положеніе далеко не въ нашу пользу. Численность турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ впереди столицы, значительно увеличилась, и доступъ къ ней пересталъ быть легкимъ, а напротивъ, съ каждымъ днемъ становился затруднительнѣе. Англійская эскадра хотя и прорвалась чрезъ Дарданеллы и стала на якорь сначала у Принцевыхъ острововъ, потомъ, въ отдаленномъ на 50 миль отъ Царьграда залпѣ Мраморнаго моря, но въ Босфоръ не вступала и высадокъ не производила. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, возбуждавшихъ сомнѣніе, главнокомандующій доносилъ по телеграфу въ Петербургъ, прибавляя, что занятіе Константинополя не должно считать «столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ»². Но телеграммы изъ Адрианополя, какъ и въ Адрианополь, вслѣдствіе поврежденія нашего походнаго телеграфа, шли чрезъ Константинополь, доходя до назначенія на третій, четвертый и даже на пятый день. Та, въ которой сообщалась телеграмма государя къ султану, признававшая занятіе нашими войсками Царьграда неизбѣжнымъ, дошла до великаго князя еще позднѣе. По этой причинѣ, тщательно перечитывая и провѣряя всѣ телеграфныя сообщенія изъ Петербурга, главнокомандующій и его главные сотрудники: начальникъ штаба Непокойчицкій и дипломаты графъ Игнатьевъ и Нелидовъ не въ состояніи были вывести яснаго изъ нихъ заключенія. Самъ великій князь не могъ взять въ толкъ, что собственно слѣдуетъ понимать подъ Босфоромъ: проливъ ли этого имени или Мраморное море и Дарданеллы³? Въ виду всѣхъ этихъ недоразумѣній, а также «переполненія Царьграда бѣжавшими переселенцами, и крайней болѣзненности въ столицѣ», онъ рѣшился наконецъ предложить Портѣ занять отрядомъ въ 10,000 человекъ не самый городъ, а Санъ-Стефано на

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 4-го февраля 1878 г.; Дневникъ Скалона, 1-го февраля 1878 г.

² Великій князь Николай Николаевичъ государю, 3-го и 4-го февраля 1878 г.

³ Дневникъ Скалона, 1—6-го февраля 1878 г.

берегу Мраморнаго моря, «составляющее», — какъ онъ выразился въ телеграммѣ къ государю—«предмѣстье Константинополя»,—откуда онъ будетъ имѣть возможность слѣдить за англійскимъ флотомъ ¹.

На этотъ разъ въ согласіи Порты намъ не было отказано. 12-го февраля главнокомандующій, во главѣ своего штаба, прибылъ въ Санъ-Стефано. Русскія войска, переступивъ за установленную перемиріемъ демаркаціонную черту, расположились вокругъ этой мѣстности, на разстояніи 12 верстъ отъ Царьграда, не дойдя ни до высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ, ни до еще болѣе отдаленнаго Босфора. Между ними и Царьградомъ сосредоточились на командующихъ высотахъ всѣ наличныя военныя силы Турціи, опиравшіяся на англійскую броненосную эскадру, стоявшую на якорѣ въ Мраморномъ морѣ. Берега Босфора и Дарданелль остались внѣ района нашего расположенія, хотя между русскими и турецкими войсками и не было проведено новой демаркаціонной черты и намъ, въ первые дни, вольно было занять все, что бы мы ни пожелали.

Обстоятельства эти не были извѣстны императору Александру, когда онъ поздравилъ брата съ успѣшнымъ занятіемъ, съ согласія султана, «предмѣстья Константинополя» ².

Положеніе русской арміи въ виду Царьграда, [необезмеченное ни со стороны Дарданелль, ни со стороны Босфора, было тѣмъ болѣе опасно, что Россіи дѣйствительно грозила война не только отъ Англій, но и отъ Австро-Венгрии и что на содѣйствіе или поддержку Германіи не оставалось никакой надежды.

Подписанныя 19-го января «основанія мира» и актъ перемирія были сообщены русскимъ дворомъ всѣмъ европейскимъ кабинетамъ. Въ Берлинѣ не возражали противъ нихъ, но снова выразили желаніе, чтобы Россія дѣйствовала въ согласіи съ Австро-Венгеріею ³, а графъ Андраши опять предъявилъ рѣзкій протестъ, находя, что Адрианопольскія условія представляютъ цѣлую политическую программу, протворѣчащую видамъ Австро-Венгрии, которая лишена ими принадлежащаго ей права участія въ опредѣленіи основаній будущаго мира. Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія, который позволилъ бы вѣнскому двору не отступать отъ своего уговора съ Россіею, заключеннаго до войны, представилось ему созваніе обще-европейской конференціи ⁴. Австро-мадьярскій министръ

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 5-го февраля 1878 г.

² Государь великому князю Николаю Николаевичу, 12-го февраля 1878 г.

³ Убри князю Горчакову, 22-го января 1878 г.

⁴ Графъ Андраши барону Лангенау, 16-го января 1878 г.

предложилъ князю Горчакову созвать ее въ Вѣнѣ и, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга, разослалъ приглашенія всѣмъ великимъ державамъ ¹.

Нашъ канцлеръ согласился на конференцію и на передачу ей на обсужденіе всѣхъ постановленій о мирѣ, носящихъ обще-европейскій характеръ, но рѣшительно воспротивился созыву ея въ австрійской столицѣ, утверждая, что это воскресило бы печальныя воспоминанія о совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Вѣнѣ во время Севастопольской войны, и возмутило бы русское народное чувство. «Россія» — пояснялъ онъ — «несла одна всю тяжесть войны и дорого обошлись ей побѣды, которыя сломали упорство турокъ и вынудили ихъ подчиниться волѣ Европы. Она имѣла бы преимущественное право пригласить уполномоченныхъ прочихъ державъ собраться въ Петербургъ, но русскій дворъ не руководится въ данномъ случаѣ побужденіями честолюбія или тщеславія. Онъ предпочитаетъ созвать конференцію въ какомъ либо городѣ, не принадлежащемъ ни одной изъ великихъ державъ, съ тѣмъ, чтобы приняты въ ней участіе сами первенствующие министры, руководящіе политикою своихъ государствъ». Мѣстомъ сбора Горчаковъ предлагалъ назначить Баденъ-Баденъ или Дрезденъ ².

Отказъ Россіи созвать конференцію въ австрійской столицѣ крайне раздражилъ графа Андраши, сдѣлавъ его еще болѣе несговорчивымъ, и не безъ труда согласился онъ на наше предложеніе подвергнуть предварительному обсужденію спорные между Австріею и Россіею вопросы на частномъ совѣщаніи представителей трехъ императорскихъ дворовъ въ Вѣнѣ, чтобы придти къ соглашенію и потомъ дѣйствовать на конгрессѣ сообща, по заранѣе условленной программѣ.

Въ Петербургѣ рассчитывали на дѣятельное посредничество князя Бисмарка для устраненія возникшихъ несогласій съ Австріею. Съ этою просьбою императоръ Александръ въ собственноручномъ письмѣ лично обратился къ императору Вильгельму. Въ то же время русскому послу въ Берлинѣ поручено было сообщить нѣмецкому канцлеру наши возраженія на австрійскія замѣчанія. Считая соглашеніе трехъ императорскихъ дворовъ «осью политическаго положенія» и «вѣнцомъ свода европейскаго мира», канцлеръ выражалъ надежду, что вліянію Германіи удастся удержать вѣнскій дворъ въ составѣ этого сочетанія, согласить противоположныя взгляды

¹ Циркуляръ графа Андраши, 23-го января 1878 г.

² Князь Горчаковъ Новикову, 24-го января 1878 г.

Россіи и Австріи и остановить послѣднюю на пути сближенія или какой нибудь сдѣлки съ Англіею ¹.

Князь Горчаковъ настаивалъ на предоставленіи Болгаріи полной автономіи. Достиженіе ея было главною цѣлью войны. Она—минимумъ того, чѣмъ можетъ удовлетвориться Россія за всѣ принесенныя ею жертвы. Отступить отъ нея не позволяютъ Россіи ни честь ея, ни ея интересы. Также точно Россія должна требовать, чтобы автономная, хотя и вассальная, Болгарія составляла единое государство, а не была раздѣлена на двѣ области, какъ то было предположено константинопольскою конференціею. Напрасно вѣнскій дворъ считаетъ единую Болгарію несогласуемою съ дальнѣйшимъ существованіемъ Оттоманской Имперіи. Россія, напротивъ, полагаетъ, что она является единственнымъ средствомъ продлить существованіе турецкаго владычества въ Европѣ, доставленіемъ христіанскимъ подданнымъ султана хоть сколько нибудь сноснаго существованія. Отъ Австріи зависитъ, впрочемъ, взять себѣ соотвѣтствующее вознагражденіе, занявъ Боснію и Герцеговину. Россія не будетъ этому препятствовать, хотя и не осуществились вполнѣ предположенія, которыми уступка эта была обусловлена въ Рейхштадтѣ. Предѣлы будущей Болгаріи могутъ быть точно опредѣлены только на мѣстѣ, особыми комиссіями по разграниченію, но основное начало, соотвѣтствующее и новѣйшему праву, и требованіямъ справедливости—соображаться съ національностью большинства населенія. Двухлѣтнее занятіе Болгаріи русскими войсками вызывается необходимостью этого срока для введенія во вновь образуемомъ княжествѣ правильной государственной и военной организаціи. Сопrotивленіе Австріи этой естественной и вполнѣ необходимой мѣрѣ представляется совершенно непонятнымъ. Вопросъ о вознагражденіи Россіи за принесенныя жертвы возвращеніемъ участка Бессарабин, отторгнутаго отъ нея въ 1856 году, касается лишь воюющихъ сторонъ. Вопросъ о проливахъ представляется рѣшить европейской конференціи. Въ заключеніе канцлеръ заявлялъ, что принятые Турціею главныя основанія мира составляютъ предѣлъ, за который Россія не отступитъ въ своихъ требованіяхъ, но что новыя обстоятельства, какъ напримѣръ: вступленіе иностранныхъ эскадръ въ Босфоръ и вызванное имъ занятіе Константинополя русскими войсками могутъ повести къ болѣе радикальнымъ рѣшеніямъ. Въ такомъ случаѣ Россія будетъ придерживаться условій Рейхштадтскаго договора съ однимъ только измѣненіемъ: она откажется отъ мысли обратить Константинополь въ

¹ Князь Горчаковъ къ Убри, 31-го января 1878 г.

вольный городъ и предпочтетъ оставить его во власти турокъ, въ качествѣ уполномоченныхъ Европы, на обязанности которыхъ будетъ возложено охраненіе проливовъ¹.

Князь Бисмаркъ, проведшій всю осень и начало зимы въ сельскомъ уединеніи въ Варципѣ, возвратился въ Берлинъ 2-го февраля. Приѣздъ его былъ вызванъ предъявленнымъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ запросомъ о политикѣ Германіи въ Восточномъ вопросѣ. Гласныхъ заявленій нѣмецкаго канцлера ждали съ большимъ нетерпѣніемъ какъ у насъ, такъ и во всей Европѣ.

Въ пространной рѣчи Бисмаркъ откровенно изложилъ свой взглядъ на событія, совершившіяся за Дунаемъ и Балканами, и точно опредѣлилъ образъ дѣйствій, котораго держалась и впредь намѣрена была держаться Германія. О подписанныхъ въ Адрианополѣ главныхъ основаніяхъ мпра онъ отозвался, что постановленія, касающіяся Болгаріи, Черногоріи, Румыніи, Сербіи, Босніи и Герцеговины, не затрогиваютъ германскихъ интересовъ настолько, чтобы побудить Германію поставить на карту (auf's Spiel setzen) дружественныя отношенія ея къ сосѣднимъ государствамъ. Что же касается до условленнаго въ пользу Россіи вознагражденія, то опредѣленіе денежнаго вознагражденія касается лишь воюющихъ сторонъ, а земельнаго — державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года и требуетъ ихъ утвержденія. Важность для Германіи представляютъ только два вопроса: о проливахъ и о Дунаѣ. Она заинтересована въ томъ, чтобы оба эти водные пути остались открытыми для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Сверхъ того, она не можетъ быть безучастна къ улучшенію участи турецкихъ христіанъ. Одобривъ, такимъ образомъ, русскія условія мира въ общемъ ихъ объемѣ, имперскій канцлеръ перешелъ къ обсужденію вопроса о томъ, какъ будетъ относиться Германія къ совершившимся на Балканскомъ полуостровѣ перемѣнамъ. Тѣ изъ нихъ—объявилъ онъ—что видоизмѣняютъ постановленія парижскаго трактата, могутъ совершиться не иначе, какъ съ общаго согласія Европы. Въ этомъ и заключается задача предстоящей европейской конференціи. Въ интересѣ всѣхъ державъ, не исключая и Россіи, избѣжать войны и покончить всѣ несогласія миромъ. Германія никому не станетъ навязывать своихъ взглядовъ, не будетъ разыгрывать изъ себя третейскаго судью, а ограничится ролью честнаго маклера, желающаго, чтобы между спорящими сторонами дѣйствительно состоялось соглашеніе. Бисмаркъ распространился по этому поводу о сущности политической связи, соединяющей три императорскіе двора. «Они»—

¹ Меморандумъ князя Горчакова, 31-го января 1878 г.

заявить онъ—не покоятся на письменныхъ обязательствахъ и ни одинъ изъ трехъ императоровъ не обязанъ подчиниться рѣшенію двухъ другихъ. Связь эта зиждется на личныхъ взаимныхъ симпатіяхъ трехъ монарховъ, на личномъ ихъ довѣрїи другъ къ другу и на долгодѣтнихъ, также личныхъ, отношеніяхъ руководящихъ министровъ трехъ державъ. Когда между Россіей и Австро-Венгрією возникали несогласія, Германія всегда избѣгала высказываться въ пользу той или другой. Такъ будетъ поступать она и впредь. И безъ нея Россія добровольно принесетъ миру Европы всѣ тѣ жертвы, которыя допуститъ народное чувство и интересъ 80 милліоновъ русскихъ. Россія не простила бы Германіи, если бы та во имя европейскаго интереса, потребовала отъ нея бѣльшаго. Это подало бы лишь поводъ тѣмъ изъ русскихъ людей, которые не долюбиваютъ нѣмцевъ и хотя, къ счастью, не находятся у власти, но, конечно стремятся къ ней,—къ такому упреку: что достиженію вѣкового русскаго народнаго идеала воспротивилась не Англія, и не Австрія, а Германія, которой Россія оказала въ прошедшемъ столько услугъ. «Никогда»—такъ заключилъ Бисмаркъ первую часть своей рѣчи—«мы не примемъ на себя отвѣтственности за то, чтобы желанію играть роль третейскаго судьи въ Европѣ пожертвовать вѣрною и за нѣсколько поколѣній испытанною дружбою».

Возражая затѣмъ ораторамъ оппозиціи, утверждавшимъ, что послѣдняя война доставила Россіи на Востокѣ могущественное положеніе, крайне опасное для всей Европы и что Германія должна была предупредить это своевременно, не допуская Россію до единоборства съ Турціей, Бисмаркъ привелъ изъ новѣйшей европейской исторіи нѣсколько примѣровъ вмѣшательства, обратившихся во вредъ державъ-посредницъ, а на замѣчаніе, что тому, кто владѣеть Дарданеллами, принадлежитъ и владычество надъ міромъ, извѣтельно отвѣтилъ: что никто въ Пруссіи не ощущалъ доселѣ чувства, что живетъ подъ турецкою властью, хотя султанъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій обладалъ этимъ проливомъ. «Впрочемъ»—продолжалъ князь—«я и не утверждалъ никогда, что ключъ отъ Дарданеллъ не имѣетъ важности. Я утверждаю только, что въ настоящую минуту Россія не стремится обладать этимъ ключемъ, что она, въ угоду заинтересованнымъ державамъ, не вошла въ Константинополь и что слово императора Александра ручается намъ въ томъ, что онъ не сохранитъ Константинополя за собою. А останется ли послѣ того Турція, подчиненная преобладающему вліянію Россіи,—этого мы еще не знаемъ...».

Не менѣе дружественно, чѣмъ о Россіи, отозвался, впрочемъ, нѣмецкій канцлеръ и объ отношеніяхъ Германіи къ Австро-Венгріи.

Отношенія эти, заявилъ онъ, основаны на взаимности, на полной искренности и на обоюдномъ довѣрїи не только между двумя монархами, но и лично между имъ, Бисмаркомъ, и другомъ его, графомъ Андраши, съ которымъ онъ состоитъ въ непрерывномъ и непосредственномъ общенїи, который ему вѣритъ и къ которому самъ онъ питаетъ полное довѣрїе ¹.

Все сказанное въ рейхстагѣ князь Бисмаркъ подтвердилъ въ довѣрительныхъ сообщенїяхъ своихъ русскому правительству. Убѣждая его поддержать соглашенїе съ Австріей, онъ указывалъ на опасность стачки между Вѣною и Лондономъ. Англія, говорилъ онъ, встревожена не на шутку и серьезно помышляетъ о вооруженномъ сопротивленїи видамъ Россїи. Если русскїй дворъ измѣнилъ свои намѣренїя и хочетъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы окончательно разрѣшить Восточный вопросъ, то пусть Россїя возьметъ и удержитъ за собою Константинополь; Германїя не будетъ этому противиться. Приобрѣтенїе это усилитъ положенїе Россїи для защиты и ослабитъ его — для нападенїя. Но если императоръ Александръ и его канцлеръ предпочитаютъ мирную развязку, то единственное средство избѣжать войны — немедленное созванїе конференціи. Въ виду ея, Россїи слѣдовало бы сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы удовлетворить Австрію. Если Австрія объявитъ ей войну, то Англія будетъ поддерживать австрїйцевъ денежными субсидїями, тогда какъ безъ помощи Австріи Англія безсильна нанести Россїи какой либо вредъ. Германїя во всякомъ случаѣ останется нейтральною. Дѣятельная поддержка ея принесла бы Россїи мало пользы; послѣдствїемъ же былъ бы только переходъ Франціи на сторону ея враговъ. Но стоить ли вести войну для того только, чтобы раздвинуть границы Болгарїи? Результаты же, добытые Россїею, и безъ того чрезвычайно велики: срытіе дунайскихъ крѣпостей, независимость Румыніи и Сербїи, въ особенности послѣдней. Признанїе ихъ вѣнскимъ дворомъ — уже само по себѣ важная уступка. Для облегченїя соглашенїя съ Австро-Венгріей, германскїй посолъ въ Вѣнѣ получилъ приказанїе принять участїе въ совѣщанїяхъ графа Андраши съ русскимъ посломъ. Но тѣмъ не менѣе Германїи удержится отъ всякаго давленїя на Австро-Венгрію, желая сохранить одинаково дружественныя отношенїя къ обѣимъ сосѣднимъ и союзнымъ монархїямъ ².

Тройственное совѣщанїе въ Вѣнѣ не привело къ желаемому результату. Предложенїя русскаго двора Андраши нашель неудо-

¹ Рѣчь князя Бисмарка въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, 5-го февраля 1878 г.

² Убри князю Горчакову, 5-го, 8-го и 9-го февраля 1878 г.

влетворительнымъ уже по одной ихъ неопредѣленности. Князь Горчаковъ хотѣлъ установить соглашеніе трехъ императорскихъ дворовъ до собранія конференціи, полагая, что даже въ томъ случаѣ, если они не придутъ къ миру, трехдержавный союзъ все же останется «якоремъ спасенія», тогда какъ австро-мадьярскій министръ настаивалъ на скорѣйшемъ созваніи «европейскаго ареопага». Послѣ русскаго отказа отъ конференціи въ Вѣнѣ, Андраши разослалъ великимъ державамъ вторичное приглашеніе собраться въ Ваденъ-Баденъ на 26-е февраля. И это предложеніе было принято всѣми кабинетами, но князь Бисмаркъ и лордъ Дерби заявили, что сами они не будутъ участвовать въ совѣщаніяхъ. Тогда Горчаковъ обратился къ Бисмарку съ просьбой: созвать въ Берлинѣ уже не конференцію, а конгрессъ изъ первенствующихъ министровъ великихъ державъ, подъ личнымъ его предѣдательствомъ, выразивъ при этомъ надежду, что германскій канцлеръ будетъ руководить преніями въ духѣ честныхъ отношеній къ Россіи, въ которыхъ мы-де никогда не сомнѣвались ¹. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ изъявили на то свое согласіе, что возбудило живѣйшую радость въ Петербургѣ ². Поручалъ послу нашему въ Берлинѣ выразить императору и его канцлеру удовольствіе по поводу ихъ рѣшенія, — «я снова нахожу его во весь ростъ (tout entier)», — отозвался князь Горчаковъ о послѣднемъ ³.

Пока вся эта переписка происходила между Петербургомъ, Вѣною и Берлиномъ, въ Санъ-Стефано графомъ Н. П. Пунатъевымъ и А. П. Нелидовымъ съ русской стороны и Савфетомъ-пашею и Саадулахъ-беемъ — съ турецкой велись оживленные переговоры о заключеніи «предварительнаго» мира.

Представители Порты затягивали ихъ елико возможно, въ надеждѣ, что влѣпательство великихъ державъ избавитъ ихъ отъ печальной необходимости подписать трактатъ, который представлялся имъ смертнымъ приговоромъ Оттоманской Имперіи. Это же соображеніе побуждало императорскій кабинетъ настаивать на скорѣйшемъ подписаніи прелиминарнаго договора. Русскимъ уполномоченнымъ поручалось объявить туркамъ, что, пока миръ съ ними не будетъ подписанъ, Россія не согласится на созваніе конференціи ⁴; но имъ же предписывалось не выходить изъ предѣловъ данныхъ имъ инструкцій и даже поступиться нѣкоторыми изъ первоначально заявленныхъ

¹ Князь Горчаковъ къ Убри, 16-го февраля 1878 г.

² Убри князю Горчакову, 18-го февраля 1878 г.

³ Князь Горчаковъ къ Убри, 18-го февраля 1878 г.

⁴ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 14-го февраля 1878 г.

требованій, какъ напимѣрь уступкою въ счетъ слѣдующаго Россіи денежнаго вознагражденія турецкихъ броненосцевъ или вступленіемъ Турціи въ тайное соглашеніе съ Россіею по вопросу о проливахъ¹. Графъ Игнатьевъ и Неллдовъ спѣшили окончить переговоры ко дню восшествія императора Александра II на престолъ и, чтобы подписаніе трактата могло состояться въ этотъ день, рѣшились не настаивать на двухъ другихъ статьяхъ, возбуждавшихъ сопротивленіе турокъ: о согласныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Турціи на будущемъ европейскомъ конгрессѣ и о дозволеніи сажать на суда русскія войска, предназначенныя къ возвращенію на родину, въ Буюкъ-Дере, на берегу Босфора.

19-го февраля 1878 года уполномоченные обѣихъ сторонъ приложили свои подписи къ акту «предварительнаго» мира между Россіею и Турціею.

Санъ-стефанскій мирный договоръ совершенно видоизмѣнялъ политическую поверхность Балканскаго полуострова. За Турціей оставались на европейскомъ материкѣ лишь Константинополь, Адрианополь, Солунь, Эпиръ, Фессалія, Албанія, Боснія и Герцеговина. Вся Болгарія отъ Дуная до Эгейскаго моря, отъ Чернаго моря до Охридскаго озера обращалась въ княжество, хотя и вассальное по отношенію къ султану, но вполнѣ самостоятельное, съ христіанскимъ управленіемъ и народною милиціею, съ правомъ избранія себѣ князя; турецкія войска выводились изъ Болгаріи, дунайскія крѣпости имѣли быть срыты, впредь до образованія болгарской милиціи, русскія войска занимали княжество въ продолженіе двухъ лѣтъ. Порта признавала независимость Черногоріи, получавшей значительное земельное приращеніе со стороны какъ Албаніи, такъ и Герцеговины, а равно по Адриатическому побережью. Провозглашалась независимость Румыніи и Сербіи. Отъ Румыніи отходилъ къ Россіи участокъ Бессарабіи, отторгнутый по парижскому миру 1856 года, взаменъ котораго Румынія получала Добруджу. Предѣлы Сербіи расширились къ югу въ направленіи къ Старой Сербіи. Въ Босніи и Герцеговинѣ вводились преобразованія, проектированныя константинопольскою конференціею 1877 года, съ измѣненіями, которыя будутъ установлены съ общаго согласія Россіи и Австро-Венгріи. Чтобы сохранить связь между этими двумя областями и прочими владѣніями султана, Черногорія и Сербія не получали общей границы по рѣкѣ Лиму и Ново-Базарскій дефплей оставленъ за Турціею. Устройство, сходное съ тѣмъ, что съ 1868 года введено было на островѣ Критѣ, распространялось на Эпиръ, Фес-

¹ Князь Горчаковъ графу Игнатьеву, 12-го, 13-го и 16-го февраля 1878 г.
с. с. татищевъ. т. II.

салию и Албанію. Улучшенія и реформы обѣщались армянамъ, а равно и огражденіе ихъ безопасности отъ курдовъ и черкесовъ. Размѣръ денежнаго вознагражденія, слѣдовавшаго Россіи за военныя издержки и убытки, понесенные русскими областями и подданными вслѣдствіе войны, опредѣленъ въ 1410 милліоновъ рублей. Россія принимала въ уплату большей части этой суммы, а именно 1100 милліоновъ, независимо отъ участка Бессарабіи и Добруджи, предназначенной въ вознагражденіе Румыніи, уступку въ Малой Азіи Ардагана, Карса, Ватума, Баязета съ окружающею ихъ территорією, вплоть до Саганлугскаго хребта. Остальная часть контрибуціи, 310 милліоновъ рублей, имѣла быть выплачена деньгами. Порта обязывалась рассмотреть и удовлетворить всѣ предъявленные къ ней или къ ея подданнымъ искн русскнхъ подданныхъ. Русскимъ духовнымъ лицамъ и паломникамъ обезпечивались какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи всѣ права и преимущества, предоставленныя иностранцамъ другихъ исповѣданій. Признавалось право покровительства какъ имъ, такъ и русскимъ духовнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ въ Палестинѣ и въ другихъ мѣстахъ императорскаго посольства въ Константинополѣ и русскихъ консульствъ въ Оттоманской Имперіи. Тѣ же права и преимущества признавались за афонскими монахами русскаго происхожденія. Подтверждались неотмѣненные статьями Сант-стефанскаго договора прежніе трактаты и конвенціи, заключенныя между Россією и Турцією. Для вывода русскихъ войскъ изъ Европейской Турціи назначался трехмѣсячный срокъ, а изъ Азіатской—шестимѣсячный. Порта объявляла всеобщую амнистію. Возвращеніе военноплѣнныхъ имѣло состояться немедленно по ратификаціи договора государемъ и султаномъ, обмѣнъ же ратификацій долженъ былъ послѣдовать въ Петербургѣ въ пятнадцатидневный срокъ.

«Имѣю счастье поздравить ваше величество съ подписаніемъ мира» — телеграфировалъ императору Александру великій князь главнокомандующій.—«Господь сподобилъ насъ, государь, окончить предпринятое вами великое, святое дѣло. Въ день освобожденія крестьянъ вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго»¹.

Нѣсколько дней спустя онъ же писалъ государю въ собственноручномъ письмѣ:

«Благодареніе Богу! Миръ наконецъ подписанъ, миръ достойный и почетный для Россіи. Одно боюсь: чтобы на конгрессѣ князь Горчаковъ не уступилъ разнымъ требованіямъ, могущимъ

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 19-го февраля 1878 г.

возникнуть при пересмотрѣ мирныхъ условій. Однако, что меня п многихъ утѣшаетъ, что конгрессъ предполагается въ Берлинѣ. Надѣюсь на нашего вѣрнаго союзника императора и Бисмарка...

«Церемонія 19-го числа на парадѣ была чудная, величественная. Она вовѣкъ у насъ не изгладится изъ памяти! Гвардія была блистательна и представилась могучими богатырями. Церемониальнаго марша я въ жизни не видалъ такого; всѣ иностранцы были глубоко поражены, и дѣйствительно, съ такимъ войскомъ ничего нѣтъ невозможнаго, какъ они это на дѣлѣ доказали. Къ тому же обстановка мѣстности парада была поразительная, у стѣнъ Константинополя и въ виду Св. Софіи!

«При этомъ я вспомнилъ твои незабвенныя слова, мнѣ сказанныя въ твоемъ кабинетѣ въ Ливадіи, когда мнѣ объявлялъ ты твою волю назначить меня главнокомандующимъ дѣйствующею арміею. Когда я у тебя спросилъ, къ какой цѣли долженъ стремиться, ты мнѣ лаконически отвѣтилъ: «Константинополь!» и ровно черезъ 16 мѣсяцевъ я, со всею гвардіею, подъ Царьградомъ, молился колѣнопреклоненно за дарованныя намъ побѣды и чудный миръ!»¹

Въ день заключенія мира султанъ поздравилъ государя по телеграфу съ годовщиною восшествія на престолъ². Въ отвѣтъ своему императоръ Александръ выразилъ надежду, что миръ послужитъ залогомъ возстановленія между имъ и Абдуль-Гамидомъ добрыхъ отношеній, долговѣчныхъ и прочныхъ³.

Султанъ не замедлилъ ратификовать «предварительный» мирный договоръ и съ нимъ отправилъ въ Россію чрезвычайнымъ посломъ сераскира Реуфа-пашу, который, въ сопровожденіи графа Игнатьева, прибылъ въ Петербургъ, и тамъ 4-го марта произошелъ обмѣнъ ратификацій.

Санъ-стефанскій трактатъ былъ тотчасъ же обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе и сообщенъ правительствамъ великихъ державъ⁴.

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 25-го февраля 1878 г.

² Султанъ Абдуль-Гамидъ государю, 19-го февраля 1878 г.

³ Государь султану Абдуль-Гамиду, 19-го февраля 1878 г.

⁴ Переписка по военнымъ дѣламъ — въ Военно-Ученомъ архивѣ Главнаго Штаба; по дипломатическимъ — въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

XXIX.

Берлинскій конгрессъ.

1878.

Отношеніе Италіи и Франціи къ русско-турецкой войнѣ.—Великія державы принимаютъ приглашеніе Германіи на конгрессъ въ Берлинѣ. — Оговорка Англіи.—Возраженіе Горчакова.—Циркуляръ Салисбюри.—Отвѣтный циркуляръ Горчакова. — Несогласія съ Австро-Венгерію. — Отправленіе въ Вѣну графа Игнатъева.—Приготовленія къ войнѣ съ Англією и Австрією.—Записка генераль-адъютанта Обручева. — Высочайшая инструкція великому князю Николаю Николаевичу.—Объясненіе великаго князя съ султаномъ.—Письмо его государю и отвѣтъ его величества.—Приказаніе занять Восторъ. — Замѣна великаго князя Николая Николаевича Тотлебеномъ въ званіи главнокомандующаго. — Отзывъ Тотлебена о невозможности занятія Востора.—Дальнѣйшіе переговоры съ вѣнскимъ дворомъ. — Бисмаркъ уклоняется отъ посредничества.—Тайные переговоры Шувалова съ Салисбюри. — Шуваловъ у Бисмарка въ Фридрихсруэ.—Пріѣздъ его въ Петербургъ.—Письмо государя къ Тотлебену. — Вторичная поѣздка Шувалова въ Фридрихсруэ. — Англо-русскія конвенціи.—Германія приглашаетъ державы на конгрессъ. — Дипломатическое совѣщаніе въ Петербургѣ.—Инструкціи русскимъ уполномоченнымъ на конгрессъ.—Открытіе конгресса.—Вступительная рѣчь председателя.—Вопросъ объ отступленіи русской арміи изъ-подъ Константинополя.—Обсужденіе конгрессомъ вопросовъ: о Болгаріи, о Босніи и Герцеговинѣ, о Сербіи о Румыніи, о Черногоріи, о Греціи, о религиозной свободѣ и гражданскою равноправности въ Турціи, о свободѣ плаванія по Дунаю, о вознагражденіи завоенныя издержки Россіи, о Батумѣ и русскихъ пріобретеніяхъ въ Малой Азіи, объ уступкѣ Персіи г. Хотура.—Конгрессъ отвергаетъ русское предложеніе объ европейской санкціи его постановленій.—Берлинскій трактатъ. — Союзная конвенція Великобританіи съ Турціей. — Туинсъ. — Скрѣпленіе дружбы между Бисмаркомъ и Андраши. — Ратификація Берлинскаго трактата.—Русское правительственное сообщеніе.

Война кончилась. Побѣжденная и разгромленная Турція приняла русскія условія мира. Оставалось достигнуть утвержденія ихъ Европою.

Во все продолженіе войны великія державы Запада не выходили изъ предѣловъ нейтралитета. Италія и Франція, внутри которой происходилъ переломъ, выразившійся въ переходѣ власти отъ монархистовъ - консерваторовъ, въ руки республиканцевъ, — безучастно относились къ военнымъ событіямъ на Востокѣ. Въ періодъ между заключеніемъ перемирія и подписаніемъ «предварительнаго» мира обѣ эти державы не предъявляли Россіи никакихъ возраженій, притязаній или требованій, довѣряя заявленію русскаго двора, что вопросы, касающіеся обще-европейскихъ интересовъ, будутъ окончательно разрѣшены при участіи и съ согласія Европы. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что со времени удаленія герцога Деказа и замѣны его во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ третьей республики Ваддингтономъ, французская дипломатія стала видимо тяготѣть къ Англии и даже къ Германіи, какъ бы позабывъ оказанную ей въ 1875 году Россіею существенную услугу.

Всѣ великія державы приняли приглашеніе Германіи собраться на конгрессъ въ Берлинѣ, какъ вдругъ со стороны Великобританіи возникли неожиданныя препятствія.

Сентъ-джемскій кабинетъ объявилъ, что соглашается участвовать въ конгрессѣ лишь подъ условіемъ, что разсмотрѣнію конгресса будутъ подлежать всѣ безъ исключенія вопросы, затронутые въ мирномъ договорѣ, заключенномъ Россіею и Турціею въ Санъ-Стефано, и что никакое измѣненіе порядка, установленнаго прежними трактатами, не будетъ признано дѣйствительнымъ иначе, какъ съ общаго согласія великихъ державъ ¹. Требованіе это, выраженное къ тому же въ рѣзкомъ и недопускающемъ возраженій тонѣ, князь Горчаковъ призналъ оскорбительнымъ для Россіи, которая, если бы оно было удовлетворено, явилась бы на конгрессѣ не въ качествѣ равноправной участницы, а какъ бы въ роли подсудимой, а потому канцлеръ рѣшительно отклонилъ притязаніе Англии, заявивъ, что русскій дворъ уже выразилъ согласіе на обсужденіе конгрессомъ вопросовъ, касающихся европейскихъ интересовъ и что дальше этого онъ пойти не можетъ ². Такое рѣшеніе канцлеръ такъ пояснилъ въ телеграммѣ графу Шувалову: «Мирный договоръ, заключенный Россіею и Турціею, — единственно существующій, такъ какъ между ними нѣтъ никакого тайнаго соглашенія, — будетъ полностью сообщенъ правительству королевы гораздо ранѣе собранія конгресса. Правительство королевы, какъ и всѣ прочія великія державы, предоставляютъ себѣ на конгрессѣ полную свободу сужденій и дѣй-

¹ Лордъ Дерби графу Вейсту, 25-го февраля 1878 г.

² Циркулярная телеграмма князя Горчакова, 3-го марта 1878 г.

ствій. Не отрицая этой свободы для другихъ, Россія требуетъ ея и для себя, а она бы ограничила ее, если бы одна изъ всѣхъ державъ приняла на себя предварительное обязательство»¹. Въ Лондонѣ не удовлетворились этимъ толкованіемъ и снова потребовали, чтобы Россія представила весь Сантъ-стефанскій мирный договоръ на обсужденіе и рѣшеніе конгресса². Отвѣтъ князя Горчакова гласилъ: «Въ виду различныхъ толкованій свободы сужденій и дѣйствій, которую Россія долгомъ считаетъ сохранить за собою на конгрессѣ, императорскій кабинетъ опредѣляетъ точный смыслъ ея слѣдующимъ образомъ: онъ предоставляетъ прочимъ державамъ право возбуждать на конгрессѣ какіе бы ни было, признанные нужными, вопросы, а за собою сохраняетъ право принять или не принять эти вопросы къ обсужденію»³.

Скоро, однако, оказалось, что всѣ эти оговорки и ограниченія лишь прикрывали рѣшимость великобританскаго правительства прибѣгнуть къ оружію. 20-го марта лордъ Виконсфильдъ издалъ королевскій приказъ о созывѣ резервовъ. Неодобравшій эту воинственную мѣру, лордъ Дерби вышелъ изъ состава кабинета, а на его мѣсто министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ лордъ Салисбюри.

Новый министръ не замедлилъ обнародовать циркуляръ къ дипломатическимъ представителямъ Англіи, явившійся грознымъ обвинительнымъ актомъ по адресу Россіи. Всѣ постановленія Сантъ-стефанскаго мира изображались въ немъ направленными къ распространенію преобладанія Россіи на Востокѣ. Болгарія, простирающаяся отъ Чернаго моря до Архипелага, поглощающая въ славянскомъ государствѣ населеніе греческаго происхожденія, управляемая правительствомъ, избраннымъ и организованнымъ Россіей, и занятая русскою арміей, — неизбѣжно явится проводникомъ русскаго вліянія, политическаго и торговаго, въ значительной части Балканскаго полуострова и на омывающихъ его моряхъ. Вліяніе это распространится далеко за предѣлы Болгаріи, вслѣдствіе предоставленнаго Россіи права наблюдать за введеніемъ реформъ въ Бессаліи и Эпирѣ и покровительствовать православному духовенству въ прочихъ областяхъ Оттоманской Имперіи. Оторванность Константинополя отъ тѣхъ изъ нихъ, что находятся въ Европѣ и населены христіанами, ослабитъ Порту, а сами эти области непременно ввергнетъ въ состояніе анархіи. Насильственное отторженіе

¹ Князь Горчаковъ графу Шувалову, 7-го марта 1878 г.

² Лордъ Дерби графу Шувалову, 9-го марта 1878 г.

³ Графъ Шуваловъ лорду Дерби, 14-го марта 1878 г.

Бессарабию отъ Румыніи и пріобрѣтеніе Батума подчинять волѣ Россіи всѣ страны, прилегающія къ Черному морю. Обладаніе крѣпостями Арменіи поставитъ въ зависимость отъ Россіи и все населеніе этой области, а земельныя уступки въ Курдистанѣ дадутъ ей возможность воздвигнуть по своему произволу преграды европейской торговлѣ, направляемой чрезъ Трапезунтъ въ Персію. Дежное вознагражденіе въ пользу Россіи далеко превышаетъ финансовыя средства Турціи, независимо отъ того, что весь избытокъ ея доходовъ надъ расходами давно уже заложенъ другимъ кредиторамъ. Оно представляетъ могучее средство давленія на оттоманское правительство. Все это неминуемо повлечетъ за собою полное поработеніе Россіею политической независимости Турціи. Между тѣмъ, власть ея распространяется на мѣстности, представляющія для Великобританіи величайшій интересъ. Такъ, отъ султана зависить открытіе или закрытіе проливовъ, ведущихъ изъ Эгейскаго въ Черное море; ему же подвластны нѣкоторыя мѣстности, прилегающія къ Персидскому заливу, берега Леванта, области, находящіяся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Суэцкимъ каналомъ. Англія не можетъ допустить, чтобы правительство, обладающее этими странами, находилось подъ давленіемъ державы, несравненно болѣе его сильной, посягающей на его независимость и подвергающей постоянной опасности самое его существованіе. Лордъ Салисбюри допускалъ необходимость улучшить участь христіанскихъ подданныхъ Порты, а также, что для достиженія этой цѣли нужно вѣдомѣннать договоры, которыми до сихъ поръ управлялась Юго-Восточная Европа, но не иначе, какъ съ общаго согласія державъ на конгрессѣ, который рассмотрѣлъ бы эти перемѣны какъ одно цѣлое и согласовалъ бы ихъ съ существующими трактатами, съ признаннымъ правомъ Великобританіи и другихъ державъ и съ тѣми благодѣтельными цѣлями, къ которымъ постоянно были направлены совокупныя усилія Европы¹.

Князь Горчаковъ не оставилъ обвиненій лорда Салисбюри безъ опроверженія. Замѣтивъ, что англійскій министръ сказалъ, чего не хочетъ великобританское правительство, но умолчалъ о томъ, чего оно именно хочетъ для разрѣшенія Восточнаго вопроса, канцлеръ отрицалъ, чтобы новосозданная Болгарія была поставлена въ какую либо зависимость отъ Россіи. Болгарія—утверждалъ онъ—создана сообща великими державами на константинопольской конференціи. Въ Санъ-стефанскомъ договорѣ ни единымъ словомъ не упоминается о контролѣ Россіи надъ нею. Императорскій кабинетъ

¹ Циркуляръ лорда Салисбюри, 20-го марта 1878 г.

сдѣлалъ лишь по отношенію къ ней то, что уже было имъ сдѣлано въ 1830 году въ пользу Молдавіи и Валахіи. Опытъ показалъ, что автономія этихъ двухъ княжествъ не повлекла за собою особаго преобладанія Россіи въ ущербъ европейскому равновѣсію. «Можно прибавить»—доказывалъ русскій канцлеръ—«что если Молдавія и Валахія, обязанныя существованіемъ своимъ Россіи и съ нею сопряженныя, вполнѣ сумѣли сдѣлаться независимыми отъ нея, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ разсчитывать на тотъ же результатъ по отношенію къ Болгаріи, территория которой будетъ отдѣлена отъ Россіи предположенною уступкою Добруджи Румыніи». Завятіе Болгаріи русскими войсками въ продолженіе двухъ лѣтъ вызвано необходимою оградить въ ней порядокъ и спокойствіе впредь до введенія правильнаго управленія и образованія мѣстной военной силы. Впрочемъ срокъ этотъ только приблизительный и Россія готова сократить его, если это окажется возможнымъ. Границы Болгарскаго княжества указаны лишь въ общихъ чертахъ, на основаніи начала большинства населенія. Но примѣненіе этого начала возложено на смѣшанную комиссію, которая установитъ окончательныя границы, принявъ во вниманіе всѣ предъявленныя противъ нихъ возраженія. Князь Горчаковъ отрицалъ также всякое вмѣшательство Россіи въ дѣло избранія болгарскаго князя; ручался за полную свободу выборовъ; роль императорскаго комиссара въ Болгаріи, которому, впрочемъ, будутъ приданы делегаты великихъ державъ, ограничивалъ наблюденіемъ за дѣйствіями перваго народнаго собранія, отъ котораго вполнѣ зависитъ дать странѣ какую угодно организацію. До тѣхъ же поръ, временныя мѣры, принятыя русскими властями въ управленіи страной, далеко не имѣютъ въ виду, какъ это утверждаетъ Салисбюри, ввести Болгарію въ политическую систему Россіи.

Возставалъ канцлеръ и противъ обвиненія, будто Россія стремится къ утвержденію своего вліянія въ областяхъ Оттоманской Имперіи, населенныхъ греками, и противъ приписаннаго ей намѣренія присвоить себѣ покровительство надъ православнымъ духовенствомъ въ турецкихъ владѣніяхъ, разъясняя, что по Санъ-стефанскому договору ей предоставлено покровительствовать тамъ лишь русскимъ духовнымъ лицамъ и странникамъ. Возсоединеніе Бессарабіи есть только возвращеніе утраченной области, да и то не въ полномъ составѣ, такъ какъ устья Дуная, принадлежавшія Россіи до 1856 года, остаются во власти Румыніи. Приобрѣтеніе Ватумскаго порта—единственная положительная выгода, извлеченная Россіей изъ войны, далеко не отвѣчающая, впрочемъ, принесеннымъ ею жертвамъ. Малоазіатскія крѣпости, доставшіяся Россіи, имѣютъ

лишь оборонительное значеніе, и обладаніе ими нмало не грозитъ свободѣ европейской торговли. Что же касается до денежнаго вознагражденія, то оно, если и превышаетъ платежныя средства Турціи, во всякомъ случаѣ не уравниваетъ вызванныхъ войною громаднхъ расходовъ. Напрасно лордъ Салисбюри усматриваетъ въ немъ средство давленія на Турцію. Лучше признать его за желаніе пощадить Турцію, не нарушая интересовъ Европы, и направить оттоманское правительство на путь вѣрнаго исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ и мирныхъ сношеній, выгодныхъ для всѣхъ.¹

Не менѣе рѣшительныя возраженія противъ Санъ-стефанскаго договора чѣмъ Англія предъявила и Австро-Венгрія.

Графъ Андраши даже не высказалъ своего мнѣнія о частностяхъ русско-турецкаго мирнаго трактата, ограничиваясь общими замѣчаніями и упреками въ нарушеніи нами уговора, заключенаго съ Австро-Венгріею до войны. Въ Петербургѣ причиною разногласія съ Вѣною считали простое недоразумѣніе, для разъясненія котораго императоръ Александръ отправилъ въ Вѣну графа Пгнатьева, снабдивъ его собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Иосифу. Русскому дипломату не удалось убѣдить вѣнскій дворъ въ полномъ соотвѣтствіи Санъ-стефанскаго мира съ условіями австро-русскаго соглашенія 1877 года, но онъ успѣлъ настоять на представленіи графомъ Андраши замѣчаній на тѣ изъ статей договора, которыя австро-венгерскій министръ считалъ несогласными съ интересами имперіи Габсбурговъ, а также измѣненій, которыя онъ желалъ бы въ него внести. Послѣднія сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) занятіе Австро-Венгріею не только Босніи и Герцеговины, со включеніемъ и южныхъ округовъ, присужденныхъ въ Санъ-Стефано Черногоріи, но и Ново-Базарскаго пашалыка, то есть мѣстности, расположенной къ югу отъ Герцеговины, между границами Сербіи и Черногоріи, а также крѣпости Ада-Кале на островѣ Дуная; 2) отказъ въ согласіи на дарованіе Черногоріи какого либо порта на Адриатическомъ морѣ; 3) измѣненіе западной границы Сербскаго княжества, установленной Санъ-стефанскимъ трактатомъ со стороны Босніи и Старой Сербіи; 4) исключеніе изъ состава Болгаріи всей Македоніи, то есть округовъ, расположенныхъ къ Западу отъ водораздѣла между морями Чернымъ и Адриатическимъ, а также проведеніе южной границы княжества въ разстояніи менѣе близкомъ отъ Адрианополя; наконецъ 5) сокращеніе срока занятія Болгаріи русскими войсками съ двухъ лѣтъ до шести мѣсяцовъ. Въ случаѣ

¹ Циркуляръ князя Горчакова, 28-го марта 1878 г.

согласія Россіи на эти перемѣны, Австро-Венгрія обязывалась остаться вѣрною своему съ него соглашенію, не вступать въ сдѣлку съ Англіей, поддержать требованіе Россіи о возвращеніи ей Дунайскаго участка Бессарабіи и вообще поддерживать на будущемъ конгрессѣ ея дипломатическую программу. Въ противномъ случаѣ вѣнскій дворъ уже не будетъ считать себя связаннымъ прежними обязательствами и предоставитъ себѣ полную свободу дѣйствій¹.

Въ Петербургѣ были тѣмъ менѣе расположены удовлетворить требованіямъ графа Андраши, что тѣ изъ нихъ, которыя касались распстраненія австрійскаго занятія на южную Герцеговину и на Ново-Базарскій округъ и даже лишенія Черногоріи доступа къ морю, составляли существенное отступленіе отъ условій австро-русскаго договора. Не прерывая довѣрительныхъ переговоровъ съ Вѣною, у насъ начали дѣятельно готовиться къ войнѣ не только съ Англією, но и съ Австрією, тѣмъ болѣе, что громкіе протесты противъ Санъ-стефанскаго мира стали раздаваться и въ нѣкоторыхъ изъ Балканскихъ государствъ. Румыніа возставала противъ рѣшенной помимо ея и вопреки ей уступки Бессарабскаго участка; Греція, выведшая свои войска изъ Фессаліи, требовала отъ Англіи награды за воздержаніе отъ участія въ войнѣ Россіи съ Турцією и допущенія своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ; даже Сербія выразила неудовольствіе, признавая недостаточнымъ выговоренное въ ея пользу земельное приращеніе.

Въ нашемъ главномъ штабѣ составлены были планы военныхъ дѣйствій на случай объявленія Россіи войны Англією и Австрією. Рѣшено собрать на австрійской границѣ армію, изъ войскъ, не принимавшихъ участія въ походѣ 1877 года, съ подкрѣпленіемъ ихъ нѣкоторыми частями, которыя предполагалось вызвать съ Кавказа и изъ-за Дуная. Но послѣдняя мѣра могла быть принята лишь подъ условіемъ овладѣнія берегами Босфора и загражденія этого пролива, которое воспрепятствовало бы англійскому флоту проникнуть въ Черное море и дѣйствовать какъ на сообщенія обѣихъ нашихъ армій, Дунайской и Кавказской, такъ и на черноморское наше побережье.

Неотложную необходимость этой послѣдней мѣры изложилъ въ пространной запискѣ генераль-адъютантъ Обручевъ, не разъ уже обращавшій вниманіе военнаго министра и самого государя на важное значеніе ея въ смыслѣ не только стратегическомъ, но и политическомъ. Нужно прежде всего — доказывать онъ — выяснитъ вопросъ о нейтралитетѣ Турціи. Изъ трехъ рѣшеній, которыя можетъ принять Порта: быть за насъ, быть противъ насъ или объ-

¹ Promemoria графа Игнатъева, 17-го марта 1878 г.

явить себя нейтральною, самое невыгодное для насъ — послѣднее. Присутствіе нейтральныхъ вооруженныхъ силъ даже въ со-сѣдствѣ съ театромъ войны составляетъ нѣчто фальшивое; въ районѣ же самыхъ военныхъ операцій оно положительно немыслимо. Тутъ положеніе должно быть совершенно чистое. Доколѣ Турція имѣетъ вооруженныя силы, она должна быть или за насъ, или противъ насъ. Признать же ея нейтралитетъ мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если она безусловно сложитъ свое оружіе, то есть откажется отъ всякой возможности пользоваться во вредъ намъ своею арміею, своимъ флотомъ и своимъ укрѣпленными пунктами. Пока, подѣ Константинополемъ перевѣсъ силъ еще на нашей сторонѣ. Имъ и слѣдуетъ безотлагательно воспользоваться, чтобы произвести рѣшительное давленіе на Порту, потребовавъ отъ нея, чтобы она возстановила въ проливахъ порядокъ, опредѣленный международными договорами для мирнаго времени, то есть удалила бы изъ нихъ англійскую броненосную эскадру и заявила намъ: готова ли и можетъ ли она это исполнить собственными средствами, — а если не можетъ — то согласна ли достигнуть этой цѣли совмѣстно съ нами? Въ случаѣ же отказа ея подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, нужно потребовать отъ нея немедленной сдачи намъ всѣхъ укрѣпленій въ Босфорѣ и въ Дарданеллахъ, распущенія арміи и разоруженія флота. Но если и на это не послѣдуетъ согласія султана, то необходимо тотчасъ же прибѣгнуть къ открытой силѣ для занятія обонхъ береговъ этихъ проливовъ и для загражденія минами воднаго пути изъ Средиземнаго въ Черное море.

Государь вполне усвоилъ авторитетное мнѣніе опытнаго стратега и въ этомъ смыслѣ въ цѣломъ рядѣ телеграммъ далъ наставленія главнокомандующему. «Теперь главною нашею заботою», — гласила одна изъ нихъ, — «должно быть сосредоточеніе большихъ силъ къ Константинополю и Галлипольскому району на случай войны съ Англіею» ¹. Другая: «Въ виду явно враждебнаго расположенія Англіи, которая ищетъ предлоговъ къ разрыву, необходимо приставить отправление гвардіи и гренадеръ и принять рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію прорыва англичанъ черезъ Босфоръ. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мнѣ твой планъ дѣйствій. Можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ или исполнить помимо ихъ?» ². Третья: «Касательно отношеній Австріи тебѣ извѣстно изъ телеграммы канцлера настоящее положеніе дѣлъ. Стратегическія соображенія наши остаются прежнія.

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 5-го марта 1878 г.

² Государь великому князю Николаю Николаевичу, 6-го марта 1878 г.

Въ моихъ телеграммахъ не упомянулось объ Австріи, потому что въ нихъ заключались лишь указанія на ближайшій предметъ нашихъ заботъ и распоряженій, именно на Босфоръ. Судя по твоей послѣдней телеграммѣ, надѣюсь вполне, что всѣ мѣры будутъ приготовлены къ быстрому захвату проливовъ, когда окажется нужнымъ. Прошу сообщить, къ какому именно сроку считаешь возможнымъ это исполнить. Образъ дѣйствій турокъ въ этомъ дѣлѣ не согласуется съ завѣреніями здѣсь отъ Реуфа, какъ увидишь изъ посылаемой сегодня записки Игнатъева»¹.

Соображенія свои о безотложной необходимости во что бы ни стало занять Босфоръ императоръ Александръ ясно и подробно развивалъ въ собственноручномъ письмѣ къ брату:

«... Опасенія мои, о коихъ я тебѣ уже не разъ заявлялъ, начинаютъ все болѣе и болѣе оправдываться и, какъ ты увидишь изъ сообщаемыхъ тебѣ депешъ, Англія ищетъ только предлога, чтобы объявить намъ войну, и поэтому вымышляетъ всякій день претексты, чтобы затруднить собраніе конференціи въ Берлинѣ, такъ какъ видимо не желаетъ и даже опасается для своего достоинства мирнаго исхода. Угрозы ея Портѣ, чтобы не допустить посадки нашихъ войскъ въ Босфоръ, ясно изобличаютъ ея намѣреніе ворваться въ Черное море, что въ случаѣ войны можетъ имѣть для насъ самыя пагубныя послѣдствія. Вотъ почему я вчера въ шифрованной телеграммѣ повторилъ тебѣ, что считаю необходимымъ намъ занять Босфоръ, если возможно—съ согласія Порты, а въ противномъ случаѣ—силою. По той же причинѣ я счелъ нужнымъ приостановить отправку войскъ въ Россію, чтобы не ослаблять тебя, пока не получишь увѣренности, что Турція не присоединится къ англичанамъ, а будетъ дѣйствовать заодно съ нами, какъ Реуфъ-паша насъ о томъ увѣрялъ. Послѣдній разговоръ его съ Игнатъевымъ будетъ тебѣ сообщенъ и долженъ оставаться въ твоихъ рукахъ, какъ документъ.

«Съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоихъ соображеній какъ для занятія и загражденія Босфора, такъ и Галлиполи, если оно еще возможно. При этомъ надѣюсь, что Поповъ окажетъ тебѣ большую пользу относительно помощи со стороны морского вѣдомства.

«Военный министръ пишетъ тебѣ объ этомъ также подробно, и потому я далѣе распространяться не буду.

«Состояніе здоровья твоего меня крайне огорчаетъ. Дай Богъ тебѣ силъ довести дѣло до конца настоящаго! Насчетъ Австріи не могу еще ничего положительнаго сказать, но неоспоримо, что

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 7-го марта 1878 г.

Англія и тамъ сильно возбуждаетъ противъ насъ, и потому мы должны готовиться къ худшему, не скрывая отъ себя всю трудность нашего положенія, если дѣйствительно Австрія объявитъ намъ войну. Въ предвидѣніи этой случайности, я желалъ скорѣе воротить гвардію и гренадеръ, равно двѣ дивизіи съ Кавказа, но теперь пришлось ихъ приостановить, дабы подѣйствовать угрозою на Турцію.

«Дай Богъ, чтобы болѣзненность не увеличилась въ войскахъ, а что каждый изъ васъ исполнитъ свой долѣ по совѣсти—я увѣренъ...

«Я здоровъ, но ты поймешь, какъ я озабоченъ всѣми этими новыми complicациями. Да поможетъ намъ Богъ!»¹

Предчувствіе государя не обманывало его. Изъ Санъ-Стефано получались неутѣшительныя вѣсти. На просьбу великаго князя-главнокомандующаго разрѣшить посадку русскихъ войскъ на суда въ Буюкъ-Дере на Босфорѣ, для возвращенія ихъ въ Россію, Порта отвѣчала, что не можетъ допустить этого, такъ какъ появленіе русскихъ въ названной мѣстности будетъ сочтено англійскимъ правительствомъ за занятіе Константинополя и повлечетъ за собою вторженіе британской эскадры въ Босфоръ. Вообще Порта заявила, что станетъ протестовать противъ всякаго движенія нашихъ войскъ къ Волграду или къ Буюкъ-Дере, то есть въ направленіи къ Босфору².

Вопросъ о томъ, какъ отнесется Турція къ разрыву Россіи съ Англіею и какое положеніе займетъ она между воюющими сторонами, поставленъ былъ прямо великимъ княземъ-главнокомандующимъ султану при первомъ личномъ свиданіи съ нимъ въ Ильдызъ-Кіоскѣ, 15-го марта. Отвѣтъ Абдулъ-Гамида звучалъ уклончиво. Спрашивать его объ этомъ—говорилъ онъ—несправедливо, послѣ того какъ ему обломали руки и ноги и довели Турцію до состоянія полного безсилія. Не могъ же онъ силою задерживать англійскій флотъ предъ Дарданеллами въ то самое время, когда русская армія, подобно неудержимому потоку, наступала на его столицу? И теперь всякая попытка съ его стороны воспротивиться дѣйствіямъ англичанъ обрекла бы Константинополь на гибель. Вѣдь не для чего иного, какъ для спасенія Константинополя принялъ онъ тяжкія русскія условія мира. Положеніе его между русскими и англичанами то же, что между молотомъ и наковальнею. Съ ужасомъ помышляетъ онъ о возможности—впрочемъ мало вѣроятной по его мнѣнію—вступленія англійской эскадры въ Босфоръ. Голова идетъ у него кругомъ отъ одной этой мысли и спрашивать, его, какъ онъ по-

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 6-го марта 1878 г.

² Савфеть-паша Неллидову, 6-го марта 1878 г.

ступитъ въ данномъ случаѣ, все равно, что спросить, что станетъ съ нимъ на томъ свѣтѣ? Онъ самъ этого не знаетъ. Безспорно лишь то, что Россія довела Турцію до нынѣшняго состоянія безпомощности. Но отъ нея же зависитъ предупредить всѣ эти грозныя случайности. Почему англичане вступили въ Мраморное море? Изъ опасенія занятія Константинополя русскими. Теперь миръ подписанъ и русская армія удалится отсюда. Удаленіе ея, конечно, повлечетъ и удаленіе англичанъ за Дарданеллы. Султанъ пригласитъ ихъ къ тому, какъ только русскія войска начнутъ отступленіе. Но великій князь настаивалъ на первоначальномъ своемъ вопросѣ. Тогда Абдуль-Гамидъ снова распространился о намѣреніи соблюдать относительно Россіи доброжелательный нейтралитетъ, о несчастіяхъ Турціи, о ея безсиліи, о невозможности предвидѣть то, какъ поступитъ она въ случаѣ ужасной катастрофы, подъ которою онъ разумѣлъ столкновеніе Россіи съ Англіею и едва ли не разрушеніе Константинополя. «Если» — прибавилъ онъ — «русскій императоръ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ болѣе, пусть и онъ сдѣлаетъ что нибудь для насъ». Турцію надо поддержать, возратить ему, султану, хоть нѣсколько обаянія смилченіемъ подавляющихъ условій мира. Подъ этимъ Абдуль-Гамидъ разумѣлъ примѣненіе въ Болгаріи постановленій константинопольской конференціи 1877 года, чтобы доказать, что Россія не желаетъ окончательнаго распаденія Турціи. Въ такомъ только случаѣ онъ будетъ въ состояніи дать оттоманской политикѣ новое направленіе и быть можетъ даже заключить съ Россіей оборонительный и наступательный союзъ, а это можетъ быть ей не бесполезно въ случаѣ составленія противъ нея обще-европейской коалиціи. Такъ не лучше ли сдѣлать это нынѣ же, оказать болѣе справедливости несчастнымъ туркамъ, которыхъ преслѣдуютъ дикари-болгары, не заслуживающіе питаемаго къ нимъ Россіею сочувствія... ¹

Лично на великаго князя султанъ Абдуль-Гамидъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе, но ни ему, ни Портѣ онъ не рѣшился снова предложить совместно защищать Босфоръ противъ англичанъ. Овладѣть же Босфоромъ, помимо турокъ — писалъ онъ въ собственноручномъ письмѣ государю — «вещь до крайности трудная». Въ томъ же письмѣ онъ доносилъ императору, что, въ виду вѣроятнаго разрыва съ Англіею, — «сдѣланы всѣ распоряженія, чтобы немедленно двинуться къ Босфору, занять его берегъ и этимъ помочь нашимъ морякамъ забросать его минами». «Войскамъ при-

¹ Двѣ записки Ону о бесѣдѣ великаго князя главнокомандующаго съ султаномъ, 15-го марта 1878 г.

казано»—сообщалъ главнокомандующій — «въ случаѣ, если при движеніи нашемъ турецкія войска намъ окажутъ сопротивленіе, силою пробиться чрезъ нихъ, но всетаки исполнить твое приказаніе: во что бы то ни стало дойти до Босфора. Полагаю сопротивленіе турокъ нашему движенію впередъ считать какъ объявленіе намъ съ ихъ стороны войны. Такъ ли я смотрю на это дѣло или нѣтъ?... Да поможетъ намъ Богъ окончить всѣ запутанныя дѣла миромъ! Если же суждено опять драться, то вѣрь, что каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ свято»¹.

Получивъ телеграмму, излагавшую вкратцѣ пріемъ великаго князя въ Ильдызъ-кіоскъ, «разговоръ твой съ султаномъ хорошаго не обѣщаетъ»—протелеграфировалъ государь брату и тутъ же прибавилъ, что никакія уступки Турціи невозможны².

Между тѣмъ, по возвращеніи изъ Вѣны графа Игнатьева выяснилось окончательно коренное противорѣчіе во взглядахъ графа Андраши съ нашими на будущее устройство Балканскаго полуострова, что и побудило государя не откладывать занятія Босфора до становившагося все болѣе и болѣе вѣроятнымъ разрыва съ Великобританією и Австро-Венгрією, а приказать приступить къ нему безъ замедленія.

Въ этихъ видахъ къ великому князю-главнокомандующему отправлена слѣдующая телеграмма:

«Соображенія, изложенныя въ твоёмъ письмѣ отъ 9-го марта, въ общихъ чертахъ одобряю. Разрывъ съ Англією почти неизбеженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи? Если заодно съ нами, то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ на европейскомъ берегу, и войти съ тобою въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она сочтетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи, то должна, сдавъ намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся въ Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые будутъ нами указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ самый Константинополь, но утвердиться только на бере-

¹ Великій князь Николаи Николаевичъ государю, 16-го марта 1878 г.

² Государь великому князю Николаю Николаевичу, 16-го марта 1878 г.

гахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобы эшелонировать загражденія. Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствія слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполне подготовлено, и притомъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому либо риску, и для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, какія признаешь возможнымъ» ¹.

Вслѣдъ за этою телеграммою была послана вторая, вполне подтверждавшая первую, предписывавшая великому князю увѣдомить, когда будетъ все готово для дѣйствія, и заключававшаяся такими словами: «Намъ не слѣдуетъ терять времени, чтобы предупредить прибытіе десантныхъ англійскихъ войскъ» ².

Главнокомандующій увѣдомилъ, что обѣ высочайшія телеграммы приняты имъ къ «свѣдѣнію», и получилъ въ отвѣтъ, съ выраженіемъ удивленія о томъ императора, строжайшее подтвержденіе принять ихъ «къ исполненію и руководству». Въ собственноручномъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день, у Александра Николаевича вырвался горькій упрекъ брату: «Что скажетъ Россія и наша доблестная армія, что ты не занялъ Константинополя!.. Я съ трепетомъ ожидаю, на что ты рѣшишься...» ³.

Данныя великому князю инструкціи предусматривали двѣ случайности. Непредвидѣннымъ остался третій случай: уклоненіе Порты отъ всякаго соглашенія съ нами, полное подчиненіе ея внушеніямъ англійской и австрійской дипломатіи и открытый переходъ на сторону Великобританіи и Австро-Венгріи въ тотъ день, когда державы эти вступили бы съ Россіею въ вооруженную борьбу. На такой именно исходъ указывали всѣ ея дѣйствія и распоряженія: отказъ въ разрѣшеніи сажать русскія войска на суда въ Босфорѣ, замедленіе въ выводѣ турецкихъ гарнизоновъ изъ Варны, Шумлы и Батума и въ сдачѣ намъ этихъ крѣпостей, наконецъ сосредоточеніе всѣхъ наличныхъ оттоманскихъ военныхъ силъ въ Константинополь и его окрестностяхъ и возведеніе вокругъ столицы многочисленныхъ и сильныхъ укрѣпленій. При такихъ условіяхъ воля государя объ обезоруженіи турецкой арміи и флота и о занятіи и загражденіи Босфора могла быть исполнена не иначе, какъ открытою силою, то есть съ нарушеніемъ мира и съ возобновленіемъ противъ Турціи военныхъ дѣйствій. Не взирая на неблагопріятныя стратегическія условія, въ которыхъ находилась со

¹ Государь великому князю Николаю Николаевичу, 18-го марта 1878 г.

² Государь великому князю Николаю Николаевичу, 19-го марта 1878 г.

³ Телеграмма и письмо государя великому князю Николаю Николаевичу 20-го марта 1878 г.

времени заключенія мира русская армія, на ослабленіе ея численнаго состава, на сильно развитую въ ней смертность отъ тифа и другихъ заразныхъ болѣзней; не смотря также на ежедневное возростаніе силъ непріятеля, на занимаемыя имъ грозныя позиціи и на близость великобританской эскадры, великій князь-главнокомандующій не отказывался предпринять эту отчаянную попытку, но, въ виду тяжкой отвѣтственности, которой подвергла бы его возможная неудача, настаивалъ, чтобы ему было дано на то точное и опредѣленное приказаніе ¹.

Такого приказанія не послѣдовало. 17-го апрѣля великій князь Николай Николаевичъ былъ, по собственной просьбѣ, вынужденной разстроеннымъ состояніемъ его здоровья, отозванъ въ Петербургъ съ производствомъ въ генераль-фельдмаршалы; въ то же званіе возведенъ въ тотъ же день и главнокомандовавшій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ, а главнокомандующимъ дѣйствующею арміею въ Турцію назначенъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ, прибывшій въ Санъ-Стефано 21-го апрѣля и тотчасъ же вступившій въ командованіе.

Первою заботою новаго вождя было изслѣдовать на мѣстѣ положеніе арміи и обсудить вопросъ о планѣ будущихъ военныхъ дѣйствій на случай войны съ Англіею. Успѣшное загражденіе Босфора минами онъ призналъ при настоящихъ обстоятельствахъ немисланнымъ дѣломъ, такъ какъ при сопротивленіи турокъ, владѣющихъ обоими берегами пролива, мы бы не успѣли, подъ огнемъ непріятеля, погрузить достаточное число минъ до появленія англійской эскадры въ Босфоръ, а потому Тотлебенъ находилъ и самое занятіе Босфора безцѣльнымъ, такъ какъ оно не помѣшало бы англичанамъ проникнуть въ Черное море. Весьма трудною и рискованною операціею считалъ также Тотлебенъ штурмъ константинопольскихъ укрѣпленій и взятіе съ боя турецкой столицы, хотя и допускалъ, что занятіе ея русскими войсками произведетъ сильное нравственное впечатлѣніе на турокъ и на Европу. Но—заключалъ онъ — приобрѣтеніе этой выгоды будетъ лишь временнымъ. Война этимъ не окончится, но только затянется на продолжительное время, въ теченіе котораго русская армія можетъ быть вынуждена къ отступленію, вслѣдствіе недостатка продовольствія, развитія болѣзней и рѣшительныхъ дѣйствій непріятеля на растянутую до-нельзя и совершенно необезпеченную линію нашихъ сообщеній. Съ другой стороны, въ случаѣ неудачнаго штурма армія будетъ поставлена въ самое затруднительное положеніе и

¹ Великій князь Николай Николаевичъ государю, 20-го марта 1878 г.

могутъ быть утрачены всѣ результаты, добытые предшешюю кампаніею. Лучшимъ исходомъ представлялось Тотлебену добровольное отступленіе арміи къ Адрианополю, по очищеніи турками Шумлы и Варны, при надлежащемъ обезпеченіи тыла, что дало бы возможность отбить всѣ попытки непріятели овладѣть завоеванною нами Болгаріею и, пользуясь обстоятельствами, разбить его въ полѣ. Только при этомъ условіи новыи главнокомандующіи считалъ возможнымъ отдѣлить отъ Дунайской арміи два корпуса для поддержанія нпм войскъ, сосредоточенныхъ вдоль австрійской границы ¹.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ императорскому кабинету не оставалось ничего иного, какъ продолжать вести съ Австріею и Англіею довѣрительные переговоры и всѣ усилія направить къ достиженію мирнаго разрѣшенія возникшихъ съ ними несогласій. При этомъ естественно рождался вопросъ: которую изъ двухъ этихъ державъ легче удовлетворить, которая изъ нихъ удовлетворится меньшими уступками? По мнѣнію большинства русскихъ дипломатовъ, слѣдовало искать установить прежде всего соглашеніе съ Австро-Венгріею, какъ потому, что потребованныя ею измѣненія въ Санъ-стефанскомъ трактатѣ представляли меньшую важность, по сравненію съ англійскими, такъ и потому, что, по общему убѣжденію, въ случаѣ войны съ Австріею, Англія непременно приняла бы въ ней участіе, но едва ли рѣшилась бы вести войну съ Россіею одинъ на одинъ безъ поддержки австрійцевъ. Въ Петербургѣ не безъ колебаній рѣшились на уступки вѣнскому двору, къ тому же не сразу, выразивъ сначала лишь согласіе на распространеніе австрійскаго занятія на южные округа Герцеговины и на заключеніе Австро-Венгрію съ сосѣдними княжествами торговыхъ и таможенныхъ договоровъ, потомъ даже на выдѣленіе восточной части Болгаріи въ особое автономное княжество, пользующееси впрочемъ одинаковыми правами и преимуществами съ Болгаріею западною ²; за то настаивали на дарованіи Черногоріи гавани на Адриатическомъ морѣ и не соглашались ни подъ какимъ видомъ на уступку Австріи Ново-Базарскаго пашалыка, то есть узкой полосы земли, отдѣляющей Черногорію отъ Сербіи, въ томъ уваженіи, что владѣніе этимъ участкомъ (enclave) доставило бы Австріи преобладающее военное и политическое положеніе во всей западной половинѣ Балканскаго полуострова и обратило бы въ ея подручницы какъ Черногорію, такъ и Сербію. Россія—разсуждали у насъ—

¹ Тотлебенъ государю, 27-го апрѣля 1878 г.

² Князь Горчаковъ Новикову, 29-го марта 1878 г.

естественная покровительница славянскихъ народностей; она можетъ допустить отсрочку полнаго ихъ освобожденія, но не въ правѣ подвергать опасности будущее ихъ развитіе и самое существованіе ¹.

Уступки русскаго двора не удовлетворили графа Андраши, признавшаго ихъ недостаточными. Онъ объявилъ, что доселѣ противостоялъ всѣмъ заискиваніямъ англичанъ, оспаривая ихъ доводы противъ созванія конгресса, и даже отвергъ ихъ планъ раздѣленія Болгаріи на сѣверную и южную; но что если не состоится соглашенія съ Россіей, Австро-Венгріи по-неволѣ придется вступить въ сдѣлку съ Англією, чтобы не очутиться одинокою на предстоящемъ конгрессѣ ².

Русская дипломатія все еще рассчитывала на содѣйствіе князя Бисмарка для образумленія Австріи и удержанія ея въ составѣ трехдержавнаго союза. Но нѣмецкій канцлеръ упорно держался политики, возвѣщенной имъ съ самаго начала восточнаго кризиса, отказываясь произвести какое либо давленіе на вѣнскій дворъ. Онъ находилъ, что для Россіи даже выгодно дозволить Австріи зарваться (s'enferrer) на Балканскомъ полуостровѣ и во всякомъ случаѣ не стѣдуетъ рисковать войною съ сосѣднею великою державою изъ-за большаго или меньшаго протяженія границъ Болгаріи. Если же, не взирая на это, война все-таки вспыхнетъ между ними, то Германія, говорилъ Бисмаркъ, останется нейтральною, такъ какъ ей одинаково было бы неприятно пораженіе и той, и другой изъ воюющихъ сторонъ ³.

Однажды въ бесѣдѣ съ нашимъ посломъ въ Берлинѣ, при обсужденіи условій Санъ-стефанскаго мира, у Бисмарка въ раздраженіи вырвалось восклицаніе: «Въ сущности, я всегда думалъ, что вамъ нужно только нѣсколько бунчуковъ пашей, да побѣдная пальба въ Москвѣ!» ⁴.

Уклоняясь такимъ образомъ отъ вмѣшательства въ пререканія петербургскаго кабинета съ вѣнскимъ, Бисмаркъ самъ предложилъ, для предотвращенія столкновенія англійскихъ морскихъ силъ съ русскою армією подъ стѣнами Царьграда, выступить посредникомъ

¹ Князь Горчаковъ Новикову, 20-го апрѣля 1878 г.

² Новиковъ князю Горчакову, 29-го апрѣля 1878 г.

³ Убри князю Горчакову, 5-го апрѣля 1878 г.

⁴ Убри князю Горчакову, 9-го апрѣля 1878 г.—Слова эти своею неожиданностью до того смутили русскаго дипломата, что онъ молча, удивленно и пристально взглянулъ на Бисмарка. «Но если онъ когданибудь повторитъ ихъ» — доносилъ Убри Горчакову, — «то я не премину напомнить ему современную исторію послѣднихъ десяти лѣтъ, заключающую въ себѣ лучшій отвѣтъ на подобныя инсинуаціи».

между Россіей и Англіею и устроитъ соглашеніе между ними, въ силу котораго англійская эскадра ушла бы изъ Мраморнаго моря обратно за Дарданеллы одновременно съ удаленіемъ отъ турецкой столицы русскихъ войскъ. Предложеніе это было принято какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Лондонѣ, но оно не привело къ желаемому соглашенію. Англичане требовали удаленія русской арміи на линію Мизія—Адрианополь—Дедеагачъ, т. е. на разстояніе несравненно дальнѣйшее отъ Константинополя, чѣмъ то, что отдѣляетъ этотъ городъ отъ бухты Безика, обычной стоянки британскаго флота въ Эгейскомъ морѣ. На это, разумѣется, не согласились въ Петербургѣ, а также не сошлись и на срокѣ, предположенномъ на случай новаго разрыва и возвращенія обѣихъ сторонъ на прежнія позиціи.

Прошло уже два мѣсяца со дня подписанія Санъ-стефанскаго мирнаго договора, а вопросъ о мирѣ или войнѣ ни на шагъ не приблизился къ развязкѣ. Вооруженія Англій и Австріи вызывали усиленные вооруженія Россіи, мобилизацію всѣхъ ея военныхъ силъ, сосредоточеніе цѣлой арміи на австрійской границѣ и вдоль Черноморскаго побережья. Дипломатическіе переговоры тянулись вяло и безплодно, не обѣщая надежды на успѣхъ. Въ особенности тяжело было это положеніе для Россіи, средства которой были истощены войною предшедшаго года, тогда какъ громаднымъ чрезвычайнымъ расходамъ на военныя надобности не предвидѣлось конца. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля въ Петербургѣ рѣшились, чтобы выйти изъ состоянія томительной неизвѣстности, снова воззвать къ содѣйствію Германіи. Послу нашему въ Берлинѣ поручено было отдать на судъ князя Бисмарка и самого императора Вильгельма поведеніе Англій и Австро-Венгріи и просить, съ одной стороны, произвести на сентъ-джемскій кабинетъ давленіе, дабы побудить его не воздвигать препятствій къ собранію европейскаго конгресса, который одинъ можетъ обезпечить миръ Европы, а съ другой—повліять на вѣнскій дворъ въ томъ смыслѣ, чтобы онъ удовлетворился нашими уступками, не вступалъ въ стачку съ Англіей и не разрывалъ связи, соединявшей, въ общемъ соглашеніи, три сосѣднія имперіи ¹.

Сообщеніе это не нашло уже въ Берлинѣ князя Бисмарка, подъ предлогомъ нездоровья удалившагося въ помѣстье свое Фридрихсруэ, близъ Гамбурга, гдѣ германскій канцлеръ и остался выжидать выясненія общаго политическаго положенія.

Никому тягостное положеніе, въ которомъ находилась Россія, несшая все бремя войны и лишенная возможности воспользоваться

¹ Горчаковъ въ Убри, 21-го апрѣля 1878 г.

ея выгодамъ, не представлялось яснѣе, какъ послу нашему въ Лондонѣ. Графъ Шуваловъ считалъ необходимымъ во что бы ни стало выйти изъ него, но не признавалъ пригоднымъ къ тому средствомъ одновременное удаленіе отъ Константинополя русской арміи и англійскаго флота, находя, что подобная мѣра состоялась бы въ исключительную пользу англичанъ. Не былъ онъ сторонникомъ и европейскаго конгресса, на которомъ, какъ предвидѣлъ онъ, должно было неминуемо произойти сближеніе между представителями Великобританіи и Австро-Венгріи въ ущербъ Россіи. Но идею конгресса выдвинулъ впередъ самъ князь Горчаковъ еще до начала русско-турецкой войны и снова выступилъ съ нею по ея окончаніи. По мнѣнію графа, если конгрессъ былъ неизбѣженъ, то слѣдовало попытаться предупредить на немъ стачку австрійцевъ съ англичанами. Средствомъ къ тому представлялось ему предварительное соглашеніе съ сентъ-джемскимъ дворомъ по главнымъ статьямъ Санъ-стефанскаго трактата.

Въ бесѣдахъ своихъ съ лордомъ Салисбюри графъ Шуваловъ старался внушить ему, что долгъ обопхъ правительствъ сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы избѣжать войны и сохранить миръ, и что даже конгрессъ можетъ повести къ войнѣ, если Россія и Англія не условятся предварительно о взаимныхъ уступкахъ дѣлу мира. Поэтому имъ непремѣнно слѣдуетъ объясниться: какія изъ статей Санъ-стефанскаго мира могутъ быть удержаны, какія измѣнены и въ какомъ смыслѣ? Если удастся придти къ соглашенію по спорнымъ вопросамъ, то успѣхъ конгресса и мирный его исходъ будутъ вполне обеспечены.

Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и совѣщаній съ первымъ министромъ, лордомъ Биконсфильдомъ, согласился на предложенный нашимъ посломъ обмѣнъ мыслей, но подъ условіемъ строжайшей тайны. Дабы избѣжать всякой огласки, рѣшено, что переговоры лорда Салисбюри съ графомъ Шуваловымъ будутъ происходить только на словахъ, что русскій посолъ не будетъ доносить о нихъ своему двору письменно, а самъ отправится въ Петербургъ, чтобы довести до свѣдѣнія государя и канцлера о достигнутомъ результатѣ. На такой способъ веденія переговоровъ послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

Послѣ нѣсколькихъ свиданій обоюднымъ уполномоченнымъ удалось установить главныя основанія будущаго соглашенія. Англія соглашалась на присоединеніе къ Россіи придунайскаго участка Бессарабіи, Карса и Батума, но требовала раздѣленія Болгаріи на двѣ части: сѣверную и южную, границею которыхъ должны были служить Балканы. Оставалось найти формулу созванія конгресса,

которая не слишкомъ бы противорѣчила противоположнымъ заявленіямъ по этому предмету дворовъ петербургскаго и лондонскаго. Графъ Шуваловъ предложилъ посвятить князя Бисмарка въ тайну англо-русскаго соглашенія и просить его созвать конгрессъ въ Берлинѣ на слѣдующемъ основаніи: каждая изъ державъ-участницъ конгресса, принимая приглашеніе на конгрессъ, тѣмъ самымъ выражаетъ готовность подвергнуть его обсужденію всѣ статьи Санъ-стефанскаго договора.

Отправляясь изъ Лондона въ Петербургъ, графъ Шуваловъ заѣхалъ къ князю Бисмарку въ Фридрихсруэ. Нѣмецкій канцлеръ былъ крайне удивленъ извѣстіемъ, что русскому послу въ Лондонѣ удалось убѣдить англійскихъ министровъ согласиться на земельное приращеніе, выговоренное въ пользу Россіи въ Санъ-Стефано, не только въ Европѣ, но и въ Азій. «Въ такомъ случаѣ»—сказалъ онъ—«вы хорошо сдѣлали, что уговорились съ Англійей. Она и одна объявила бы вамъ войну, тогда какъ Австрія не двинется безъ союзниковъ». Бисмаркъ принялъ условленную между Шуваловымъ и Салпсбюри формулу приглашенія на конгрессъ и вообще обѣщалъ оказать намъ въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла полную поддержку. То же обѣщаніе повторилъ и императоръ Вильгельмъ, которому графъ Петръ Андреевичъ представился проѣздомъ чрезъ Берлинъ.

По прибытіи въ Петербургъ графъ Шуваловъ нашелъ высшіе правительственные круги утомленными войною и расположенными въ пользу мира. Средства государства были истощены, боевые запасы израсходованы. Въ трудности, едва ли не въ полной невозможности продолжать войну увѣряли посла высшіе государственные сановники, гражданскіе и военные, въ числѣ послѣднихъ военный министръ и великіе князья, бывшіе главнокомандующіе.

Императоръ Александръ былъ не менѣе князя Бисмарка удивленъ неожиданною податливостью англійскихъ министровъ, хотя и отнесся къ ней нѣсколько скептически. Выслушавъ докладъ Шувалова, онъ сказалъ, что для него все равно, будетъ ли одна, двѣ или даже три Болгаріи; важно лишь, чтобы всѣ онѣ получили учрежденія, которыя оберегали бы ихъ отъ возможности повторенія турецкихъ звѣрствъ и неистовствъ. Что же касается до согласія Англій на уступку Карса и Батума, то государь просто отказывался ему повѣрять, утверждая, что какъ только дѣло дойдетъ до подписанія договора, то англичане отступятся отъ своихъ обѣщаній, словомъ, что они «проведутъ» графа Шувалова. Вопросъ о соглашеніи съ Англійей обсуждался въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ, подъ предсѣдательствомъ императора. Изъ всѣхъ условій самымъ тяжкимъ для его величества было право для Турціи занять линію

Балканъ своими войсками. Но какъ оно, такъ и всё прочія были приняты совѣщаніемъ, утверждены государемъ и Шуваловъ снабженъ полномочіемъ для подписанія съ маркизомъ Салисбюри тайной конвенціи. Отпуская посла, императоръ Александръ объявилъ ему, что назначаетъ его первымъ уполномоченнымъ на конгрессъ. Вторымъ уполномоченнымъ имѣлъ быть назначенъ посоль при берлинскомъ дворѣ, П. П. Убри¹.

«Пріѣздъ графа Шувалова» — писалъ государь главнокомандующему дѣйствующей арміей генераль-адъютанту Тотлебену, — «далъ намъ нѣкоторую надежду на сохраненіе мира... Переговоры съ Австріею еще не привели ни къ какому положительному результату, но главный вопросъ долженъ рѣшиться надняхъ въ Лондонѣ. Если соглашеніе съ Англіею состоится, то невѣроподобно, чтобы Австрія одна рѣшилась объявить намъ войну, а если бы была довольно безумна, чтобы на это рѣшиться, то можно полагать, что Турція будетъ скорѣй на нашей сторонѣ, въ виду нескрываемаго Австріею желанія занять Боснію и Герцеговину не временно, а постоянно»²...

На возвратномъ пути въ Лондонъ графъ Шуваловъ снова заѣхалъ въ Фридрихсруэ, чтобы условиться съ княземъ Бисмаркомъ относительно времени созванія конгресса. Отъ него узналъ онъ, что по отѣздѣ его изъ Петербурга государь, уступая просьбамъ старца-канцлера, согласился на назначеніе первымъ уполномоченнымъ на конгрессъ князя Горчакова, причемъ графъ Шуваловъ становился вторымъ, а Убри третьимъ. Извѣстіе это произвело на Бисмарка крайне раздражающее впечатлѣніе. Лично дружный съ Шуваловымъ, но весьма не расположенный къ князю Горчакову, онъ воскликнулъ: «Теперь все измѣнилось. Мы съ вами останемся друзьями на конгрессѣ, но я не позволю Горчакову снова влѣзть/миѣ на шею и обратить меня въ свой пьедесталь!» Не малаго труда стоило Шувалову убѣдить нѣмецкаго канцлера, что рѣчь идетъ не о личныхъ отношеніяхъ его къ Горчакову, а о дружественномъ расположеніи Германіи къ императору Александру и къ Россіи и объ исполненіи ея обязательствъ предъ ними³.

Графъ Петръ Андреевичъ пошелъ еще далѣе и возобновилъ князю Бисмарку сдѣланное ему за годъ передъ тѣмъ предложеніе наступательнаго и оборонительнаго союза между Германіею и Россіею, увѣряя его, что это было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ пред-

¹ Рукописныя Записки графа П. А. Шувалова.

² Государь Тотлебену, 8-го мая 1878 г.

³ Рукописныя Записки графа П. А. Шувалова.

отвратитъ всякія коалиціи противъ Германіи, которыхъ такъ страшится германскій канцлеръ, такъ какъ безъ соучастія Россіи никакая коалиція не будетъ ей опасна. Бисмаркъ согласился съ этимъ и повѣдалъ, что еще до начала восточнаго кризиса онъ самъ предложилъ такой союзъ князю Горчакову, при которомъ Германія обязывалась поддерживать Россію противъ Турціи не только нравственно, но и матеріально, вспомогательною арміею въ 100,000 человекъ, въ обмѣнъ на ручательство Россіи за земельную цѣлость Германской Имперіи ¹. «Эти 100,000 человекъ были бы вамъ очень полезны подъ Плевною»—замѣтилъ нѣмецкій канцлеръ, но тутъ же прибавилъ, что радъ теперь, что предложеніе его было отклонено, потому что врядъ ли удалось бы ему добиться на то согласія рейхстага. Къ тому же—разсуждалъ онъ—если бы Германія принесла въ жертву союзу съ Россіею свои дружественныя отношенія ко всѣмъ прочимъ державамъ, то при всякомъ остромъ проявленіи «реванша» со стороны Франціи или Австріи и при ея географическомъ положеніи, она скоро впала бы въ опасную для нея зависимость отъ Россіи, въ особенности при политикѣ князя Горчакова съ ея повелительными, чисто азіатскими приемами. «Горчаковъ»—замѣтилъ Шуваловъ—«лишенъ всякаго вліянія ². Если онъ продолжаетъ еще формально вести дѣла, то этимъ онъ обязанъ лишь уваженію императора къ его старости и къ прежнимъ его заслугамъ». О чемъ—спрашивалъ онъ—могутъ когда нибудь Россія и Германія вступить въ серьезный споръ между собою? Не существуетъ ни одного дѣйствительно важнаго вопроса, который могъ бы послужить къ тому предлогомъ. И съ этимъ доводомъ согласился Бисмаркъ, но при этомъ все же припомнилъ и Ольмюцъ, и Семилѣтнюю войну, выражая мнѣніе, что, и кромѣ Горчакова, многимъ русскимъ тяжело признавать въ Германіи равноправнаго друга и что современной Россіи свойственны не только приемы, но и притязанія нынѣшняго ея канцлера. Въ заключеніе бесѣды Бисмаркъ отклонилъ предложенный ему Шуваловымъ выборъ между Австріею и Россіею и рекомендовалъ остаться при союзѣ трехъ императоровъ или по меньшей мѣрѣ при соблюденіи мирныхъ между ними отношеній ³.

¹ Эти слова Бисмарка относятся, очевидно, къ тайному порученію, вложенному на Радовица при отправленіи его въ С.-Петербургъ зимою 1874—75 гг., см. выше, стр. 109 и 110.]

² Въ Запискахъ Бисмарка, эти выраженія, приписанныя имъ графу Шувалову, приведены по-французски такъ: «Gortchakoff est un animal; il n'a aucune influence. См. «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 228

³ Рукописныя Записки графа П. А. Шувалова и Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck, II, стр. 224—228.

По возвращеніи въ Лондонъ графъ Шуваловъ подписалъ съ лордомъ Салисбюри три тайныя конвенціи, главныя условія которыхъ были слѣдующія:

Болгарія раздѣлялась на двѣ части, одна къ сѣверу, другая къ югу отъ Балканъ; сѣверная область получала политическую автономію подѣ управленіемъ князя, а южная, лишь широкую административную автономію, подѣ властью генераль-губернатора изъ христіанъ, назначаемаго Портою, съ согласія Европы, на пятилѣтній срокъ. Южная Болгарія не должна была доходить до Эгейскаго моря; восточная граница обѣихъ областей также измѣнялась съ тѣмъ, чтобы оставить въ ихъ населеніе не-болгарскаго происхожденія; турецкія войска выводились какъ изъ сѣверной, такъ и изъ южной Болгаріи, но Англія предоставляла себѣ выговорить на конгрессѣ право для султана въ извѣстныхъ случаяхъ и подѣ нѣкоторыми ограниченіями вводить свои войска въ южную Болгарію, расположить ихъ вдоль ея границы, а также назначать, съ согласія державъ, начальника милиціи въ этой области.

Обѣщанныя Портою права и преимущества ея христіанскимъ подданнымъ въ европейскихъ областяхъ, какъ-то въ Эпирѣ, въ Фессаліи и другихъ, а также армянамъ въ Малой Азій будутъ поставлены подѣ наблюденіе не одной Россіи, но и всѣхъ прочихъ великихъ державъ.

Англія хотя и относится съ глубокимъ сожалѣніемъ къ намѣренію Россіи присоединить участокъ Бессарабіи, отторгнутый отъ нея въ 1856 году, но не стоитъ препятствовать осуществленію этого намѣренія. Соглашаясь на присоединеніе къ Россіи Карса и Батума, Англія принимаетъ къ свѣдѣнію обѣщаніе русскаго императора, что русская граница не будетъ впредь распространяема со стороны Азіатской Турціи; Россія же отказывается отъ пріобрѣтенія Алашкертской долины съ крѣпостью Баязетомъ и взамѣнъ ихъ будетъ настаивать на уступкѣ Персіи Портою города Хотура съ его округомъ.

Россія обязуется не обращать въ земельное приращеніе выгодное въ ея пользу денежное вознагражденіе за военныя издержки, которое не лишитъ Англію ея права, какъ кредитора Порты, и ничего не измѣнитъ въ положеніи, которое она занимала въ этомъ отношеніи до войны.

Таковы были главныя статьи англо-русскаго соглашенія, сверхъ которыхъ Англія оставляла за собою право возбудить на конгрессѣ нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ, какъ-то: участіе Европы въ организаціи обѣихъ Болгарій; срокъ русскаго военнаго занятія Болгаріи и прохода чрезъ Румынію; условія судоходства по Дунаю, всѣ постановленія, касающіяся проливовъ, и т. д.¹

¹ Англо-русскія тайныя конвенціи, 18-го мая 1878 г.

Четыре дня спустя, 22-го мая, германское правительство разослало всем державам-участникам парижского трактата 1856 года приглашение собраться на конгрессъ въ Берлинъ для обсуждения условій «прелиминарнаго» мирнаго договора, заключеннаго въ Санъ-Стефано между Россією и Турцією.

За нѣсколько дней до собранія конгресса графъ Шуваловъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніи, происходившемъ въ кабинетѣ государя для начертанія наставленій русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ.

Первый поставленный министерствомъ иностранныхъ дѣлъ вопросъ былъ: должны ли мы, кромѣ принятыхъ уже нами условій Англии, согласиться и на всѣ требованія Австро-Венгрии? Совѣщаніе рѣшило: 1) не брать почва по дѣлу о присоединеніи Босніи и Герцеговины; 2) если Австрія или какая либо другая держава возьметъ этотъ починъ на себя, то объявить, что съ нашей стороны нѣтъ къ тому препятствій; 3) настаивать при этомъ, чтобы Австрія не противилась выговореннымъ въ Санъ-Стефано преимуществамъ въ пользу Черногоріи; 4) если по собственному побужденію или вслѣдствіе возраженій другихъ державъ Австрія сама откажется отъ этихъ двухъ областей и станетъ возражать противъ возвращенія Россіи придунайской части Бессарабіи, то твердо настаивать на исполненіи этого условія и дать понять, что мы готовы защищать его силою; 5) оспаривать возраженія Австріи противъ рѣшенной въ Санъ-Стефано уступки Черногоріи части албанскаго побережья и общей границы съ Сербіей по рѣкѣ Лиму; 6) не присоединяться къ чему либо давленію въ этомъ смыслѣ на князя Николая, не позволять ни Порту, ни Австріи силою вытѣснять черногорцевъ изъ присужденныхъ имъ мѣстностей, наконецъ, 7) въ крайнемъ случаѣ воззвать къ авторитету конгресса, чтобы онъ не допускалъ такихъ мѣръ со стороны Турціи или Австріи, послѣдствіемъ которыхъ было бы возобновленіе войны, тогда какъ Европа собралась для возстановленія и утвержденія мира.

Второй вопросъ о Батумѣ: что дѣлать, если Порта откажется добровольно очистить эту крѣпость? — Въ такомъ случаѣ — полагало совѣщаніе — прежде чѣмъ прибѣгать къ силѣ, мы должны заявить конгрессу, что всѣ его постановленія исполнимъ не иначе, какъ по передачѣ намъ Батума султаномъ.

Третій вопросъ: какое будетъ послѣ конгресса значеніе Санъ-стефанскаго предварительнаго договора, и какъ принудить Порту исполнить тѣ его условія, которыхъ не коснется конгрессъ? Рѣшеніе совѣщанія: если Европа не признаетъ за Россією права употребить силу, то мы должны потребовать отъ конгресса, чтобы

онъ взялъ на себя всё, какія окажутся нужными, исполнительныя или понудительныя мѣры противъ Турціи, дабы обезпечить своимъ рѣшеніямъ санкцію, которой недоставало доселѣ общимъ рѣшеніямъ Европы. Только подъ этимъ условіемъ Россія можетъ согласиться слить частныя обязательства Сантъ-стефанскаго договора съ общими постановленіями конгресса и свою санкцію—съ санкціею соединенной Европы.

Прочіе предметы, обсуждавшіеся совѣщаніемъ, были: подробности раздѣленія Болгаріи на двѣ части, организація обѣихъ этихъ частей съ участіемъ въ ней Европы, выводъ изъ нихъ турецкихъ войскъ и опредѣленіе условій, при которыхъ они могутъ занять границу Южной Болгаріи, продолжительность пребыванія русскихъ войскъ въ Болгаріи и право прохода ихъ чрезъ Румынію.

Со своей стороны графъ Шуваловъ предложилъ на разрѣшеніе совѣщанія нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ: 1) Нужно ли намъ защищать на конгрессѣ раздѣленіе Болгаріи по меридіану? 2) Нужно ли отстаивать южную границу Сантъ-стефанскаго договора вплоть до Чернаго моря? 3) Какія автономныя учрежденія слѣдуетъ предложить для Южной Болгаріи? 4) Каковы условія расположенія турецкихъ войскъ на Балканахъ? 5) Какъ отнестись къ требованію Европы участвовать въ административной организаціи обѣихъ Болгарій? 6) Какой крайній предѣлъ нашихъ уступокъ въ опредѣленіи срока и способовъ занятія Болгаріи русскими войсками? 7) Какъ отнестись къ вѣроятнымъ возраженіямъ Англій противъ условленнаго въ Сантъ-Стефано права нейтральныхъ торговыхъ судовъ свободно плавать въ проливахъ въ военное время? 8) Какъ отнестись къ вопросу о новыхъ границахъ Черногоріи, если Австрія будетъ грозить распущеніемъ конгресса? 9) Что дѣлать, если Англія потребуеетъ одновременнаго отступленія нашихъ войскъ и ея флота отъ Константинополя тотчасъ по собраніи конгресса? 10) Какъ быть, если на конгрессѣ будетъ предложено распространить на всё христіанскія области Турціи автономію, выговоренную нами въ пользу Болгаріи, и соединить ихъ между собою союзною связью, подъ верховнымъ владычествомъ султана? Сверхъ того посольствъ въ Лондонѣ просилъ совѣщаніе разъяснить смыслъ нѣкоторыхъ неопредѣленно выраженныхъ статей Сантъ-стефанскаго договора¹.

Рѣшенія совѣщанія и отвѣты и разъясненія его на предложенныя графомъ Шуваловымъ вопросы послужили инструкціей русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ.

¹ Журналъ особаго совѣщанія, 28-го мая 1878 г.

Къ 1-му юня съѣзались въ Берлинъ члены конгресса, представители великихъ державъ. Первыми уполномоченными были первенствующіе министры, руководившіе ихъ внѣшнею политикою: за Германію—князь Бисмаркъ, за Австро-Венгрію—графъ Андраши, за Великобританію — первый министр графъ Блконсфильдъ и министр иностранныхъ дѣлъ маркизъ Салисбуръ, за Францію, Италію и Турцію — министры иностранныхъ Ваддингтонъ, графъ Корти и Каратеодори-паша. Государственный канцлеръ князь Горчаковъ, хотъ и считался первымъ уполномоченнымъ Россіи, но по слабости и крайне разстроенному здоровью, не принималъ дѣятельнаго участія въ совѣщаніяхъ, на которыхъ отстаивать интересы Россіи выпало на долю второго уполномоченнаго, графа Шувалова. Христіанскія балканскія государства: Греція, Румынія, Сербія и Черногорія также прислали въ Берлинъ своихъ представителей, но они не были допущены на конгрессъ съ правомъ голоса и только греки и румыны выслушаны въ засѣданіяхъ его.

Незадолго до собранія конгресса императоръ Вильгельмъ былъ тяжело раненъ выстрѣломъ социалиста Нобплинга и во все время его засѣданій управление Германской Имперіей лежало на наследномъ принцѣ имперскомъ и прусскомъ Фридрихъ - Вильгельмѣ, по распоряженію котораго всѣмъ членамъ конгресса былъ оказанъ торжественный приемъ, а у занимаемыхъ ими помѣщеній поставлены почетные караулы. Въ день открытія конгресса въ честь ихъ данъ былъ во дворцѣ парадный обѣдъ, за которымъ наследный принцъ въ прочувствованной рѣчи пожелалъ своимъ гостямъ успѣха въ предпріятомъ ими дѣлѣ умиротворенія Европы и провозгласилъ здоровье монарховъ, приславшихъ представителей на конгрессъ, въ томъ числѣ и президента Французской республики.

Важнѣйшіе вопросы обсуждались и разрѣшались не въ самыхъ засѣданіяхъ конгресса, а болѣею частью въ частныхъ собраніяхъ, имъ предшествовавшихъ, между представителями Россіи, Англіи и Австро-Венгріи. Тѣ изъ нихъ, которые составляли предметъ спора Великобританіи съ Россіей, были уже предрѣшены соглашеніемъ, состоявшимся до конгресса между Шуваловымъ и Салисбюри. Но такого соглашенія не послѣдовало между дворами петербургскимъ и вѣнскимъ, которымъ пришлось согласовать свои противоположенные виды на самомъ конгрессѣ. Посредничеству князя Бисмарка обязанъ графъ Андраши, что всѣ его требованія были признаны какъ англійскими, такъ и русскими уполномоченными. Съ другой стороны вѣмецкій канцлеръ, вѣрный своему слову, не разъ вмѣшательствомъ своимъ рѣшалъ въ пользу Россіи пререканія, возникавшія по второ-

степеннымъ, болѣею частью вновь возбужденнымъ на конгрессѣ, вопросамъ между представителями Россіи и Великобританіи.

Первое засѣданіе, состоявшееся 1-го іюня, было посвящено составленію бюро конгресса. По предложенію графа Андрапи, уполномоченные единогласно просили князя Бисмарка принять на себя предсѣдательство. Германскій дипломатъ Радовицъ назначенъ секретаремъ конгресса, а помощниками его—три чиновника берлинскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и первый секретарь французскаго посольства. Пренія велись на французскомъ языкѣ, но Бисмаркъ не препятствовалъ англійскимъ уполномоченнымъ рѣчи свои произносить по-англійски и даже самъ отвѣчалъ имъ на томъ же языкѣ.

Предсѣдатель открылъ совѣщанія слѣдующею рѣчью: «Долгомъ считаю, прежде всего, благодарить именемъ императора, моего августѣйшаго государя, за то единодушіе, съ которымъ всѣ кабинеты откликнулись на приглашеніе Германіи. Согласіе это можно считать первымъ залогомъ счастливаго совершенія нашего общаго дѣла. Событія, вызвавшія собраніе конгресса, памятны всѣмъ. Уже въ концѣ 1876 года кабинеты соединили свои усилія для возстановленія мира на Балканскомъ полуостровѣ. Тогда же изыскивали они надежныя ручательства улучшенія участи христіанскаго населенія Турціи. Усилія эти были безуспѣшны. Вспыхнуло новое, еще болѣе страшное столкновеніе, которому положило конецъ соглашеніе въ Санъ-Стефано. Постановленія этого трактата въ нѣсколькихъ статьяхъ измѣняютъ порядокъ вещей, установленный прежними европейскими договорами, и мы собрались здѣсь, чтобы подвергнуть Санъ-стефанскій трактатъ свободному обсужденію кабинетовъ, подписавшихъ трактаты 1856 и 1871 годовъ. Цѣль наша утвердить съ общаго согласія и на основаніи новыхъ ручательствъ миръ, въ которомъ такъ нуждается Европа».

Но прежде чѣмъ конгрессъ перешелъ къ обсужденію поставленныхъ на первую очередь статей Санъ-стефанскаго «предварительнаго» мира, касавшихся Болгаріи, лордъ Биконсфильдъ въ запальчивой рѣчи указалъ на несоотвѣтствіе съ мирными цѣлями, преслѣдуемыми конгрессомъ, угрожающаго положенія, занимаемаго русскою арміею подъ стѣнами Константинополя и подвергающаго эту столицу постоянной опасности захвата. Князь Горчаковъ возразилъ, что единственная цѣль русскаго императора — обезпечить самостоятельное существованіе христіанскихъ подданныхъ Порты, а графъ Шуваловъ, — что за три мѣсяца пребыванія русскихъ войскъ вблизи Константинополя оно не вызвало никакихъ столкновеній, тогда какъ отступленіе ихъ можетъ послужить сигналомъ къ

серьезнымъ безпорядкамъ, и что слѣдовательно, желая*улучшить положеніе, можно только его ухудшить. Князь Бисмаркъ заявилъ, что считаетъ этотъ вопросъ неподлежащимъ вовсе обсужденію конгресса. Пусть разрѣшаютъ его въ частныхъ совѣщаніяхъ уполномоченные Великобританіи и Россіи, и только въ томъ случаѣ, если имъ не удастся придти къ соглашенію, конгрессъ выступитъ между ними примирителемъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ о положеніи русской арміи подъ Константинополемъ болѣе не возбуждался и до самаго конца конгресса какъ наши войска, такъ и англійская эскадра въ Мраморномъ морѣ не покидали занятыхъ ими позицій¹.

Слѣдующія шесть засѣданій были почти сплошь посвящены обсужденію вопросовъ, относящихся до Болгаріи.

Участь ея уже была предрѣшена тайнымъ англо-русскимъ соглашеніемъ, подписаннымъ графомъ Шуваловымъ и лордомъ Салисбюри въ Лондонѣ, 18-го мая, и установившимъ ея раздѣленіе на вассальное княжество Болгарское къ сѣверу отъ Балканъ и на автономную область къ югу отъ нихъ, управляемую генералъ-губернаторомъ изъ христіанъ по назначенію султана². На конгрессѣ лордъ Салисбюри заявилъ, что главною задачею Санъ-стефанскаго мира было поставить Турцію въ полную зависимость отъ Россіи, тогда какъ цѣль, преслѣдуемая Англіею, «если и не воплотитъ уничтожить результаты войны», то все же возвратитъ Портѣ извѣстную долю самостоятельности, которая дала бы ей возможность успѣшно защищать свои стратегическіе, политическіе и торговые интересы. Противъ этихъ выраженій протестовалъ графъ Шуваловъ, замѣтивъ, что Россія пришла на конгрессъ, чтобы согласовать свой «предварительный» мирный договоръ съ Турціею — съ общими интересами Европы, а отнюдь не для «уничтоженія результатовъ войны», которая стоила ей столькихъ жертвъ. Разграниченіе обѣихъ частей Болгаріи между собою, а южной Болгаріи, — которой конгрессъ присвоилъ названіе Восточной Румелии, — съ Турціею установлено на частныхъ совѣщаніяхъ между уполномоченными Россіи и Великобританіи, при участіи и представителей Австро-Венгріи, вслѣдствіе чего намъ пришлось согласиться на всѣ заявленныя по этому вопросу требованія не только лондонскаго, но и вѣнскаго двора. Восточная Румелия была, такимъ образомъ, совершенно отрѣзана отъ Эгейскаго моря и вся Македонія выключена изъ состава какъ ея, такъ и княжества Болгарскаго, къ которому, однако, по настоянію графа Шувалова, приданъ Софійскій санджакъ, хотя и лежащій къ югу

¹ Протоколъ засѣданія берлинскаго конгресса, 1-го іюня 1878 г.

² См. выше, стр. 489.

отъ главнаго Балканскаго хребта. Но уступивъ по территориальнымъ вопросамъ, русскіе уполномоченные тѣмъ энергичнѣ настаивали на точномъ опредѣленіи и строгомъ ограниченіи признаннаго за султаномъ права вводить, въ извѣстныхъ случаяхъ, турецкія войска въ Восточную Румелію вплоть до самыхъ Балканъ, составлявшихъ ея сѣверную границу. Такое наше требованіе было поддержано Бисмаркомъ, заявившимъ, что данныя ему императоромъ Вильгельмомъ инструкціи предписываютъ обезпечить за турецкими христіанами по меньшей мѣрѣ тѣ преимущества, которыя были предположены послѣднею константинопольскою конференціею. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ устранить мусульманскія войска изъ всѣхъ мѣстностей, обитаемыхъ христіанами и, оставивъ турецкіе гарнизоны въ нѣкоторыхъ городахъ, совершенно удалить ихъ изъ селеній, гдѣ порядокъ должна поддерживать мѣстная милиція. Сочувствуя вполне русскимъ предположеніямъ, германскій канцлеръ даже выразилъ опасеніе, какъ бы непринятіе ихъ конгрессомъ не повело къ возобновенію прискорбныхъ явленій, не разъ уже угрожавшихъ всеобщему миру. Согласованіе видовъ Россіи съ требованіями Англіи въ этомъ вопросѣ взялъ на себя, по просьбѣ предсѣдателя, первый уполномоченный Франціи Ваддингтонъ, составленныя которымъ статьи о случаяхъ и предѣлахъ занятія турецкими войсками Восточной Румеліи были приняты и русскими, и британскими представителями.

Оживленныя пренія возбудило въ конгрессѣ опредѣленіе порядка избранія князя болгарскаго и системы управленія какъ княжествомъ, такъ и автономною областью. Тщетно графъ Шуваловъ увѣрялъ, что Болгарія ни въ какомъ случаѣ не будетъ придаткомъ Россіи (*une annexe russe*), а допуская передачу управленія Восточную Румелію европейской комиссіи, составленной изъ делегатовъ всѣхъ великихъ державъ, старался удержать за одною Россіею право управлять княжествомъ впредь до избранія князя. Англичане и австрійцы настойчиво требовали, чтобы всѣ русскія или русско-турецкія комиссіи, установленныя Санъ-стефанскимъ договоромъ, были замѣнены комиссіями европейскими. Даже русскому генеральному комиссару въ княжествѣ Болгарскомъ придана была комиссія изъ пребывающихъ въ Софіи — будущей столицѣ княжества — консуловъ великихъ державъ, съ цѣлью, какъ сказано въ постановленіи конгресса, содѣйствовать ему въ видахъ контроля (*d'assister afin de contrôler*).

Двухлѣтній срокъ, назначенный по договору въ Санъ-Стефано для занятія русскими войсками Болгаріи съ правомъ перехода чрезъ Румынію, графъ Андраши предложилъ сократить до шести

мѣсяцевъ и не безъ труда принять предложенный первымъ уполномоченнымъ Италіи годичный срокъ, на который согласились и представители Россіи.

Видоизмѣнивъ, такимъ образомъ, главныя относящіяся до Болгаріи статьи Санъ-стефанскаго трактата, конгрессъ дополнилъ ихъ рядомъ постановленій, ограждавшихъ въ новосозданныхъ княжествѣ и автономной области частныя интересы, духовныя и матеріальныя, бѣльшей части западныхъ державъ. Такъ, по предложенію Франціи, поддержанному Англіею, провозглашена въ обѣихъ Болгаріяхъ полная вѣроисповѣданій и политическая и гражданская равноправность всѣхъ болгаръ. Графъ Шуваловъ успѣшилъ признать вполне справедливымъ стремленіе распространить религіозную свободу какъ можно далѣе въ Европѣ и Азіи, и заявилъ, что, такъ какъ конгрессъ уничтожилъ этнографическія границы и замѣнилъ ихъ границами торговыми и стратегическими, «то и русскіе уполномоченные тѣмъ болѣе желаютъ, чтобы границы эти не превратились въ религіозныя преграды». Между тѣмъ, по настоянію Ваддингтона, конгрессъ особою статьею оговорилъ неприкосновенность псконныхъ правъ римско-католической церкви и ея служителей какъ въ Болгаріи, такъ и на всемъ пространствѣ Оттоманской Имперіи. По общему предложенію представителей Австро-Венгріи, Франціи и Италіи, распространено на Болгарію дѣйствіе торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Портою съ иностранными державами, а также признаны Портою права и преимущества иностранцевъ, консульская юрисдикція и покровительство консуловъ надъ соотечественниками, съ дополненіемъ, что никакой налогъ не будетъ наложенъ на товары, проходящіе транзитомъ чрезъ княжество. Австро-Венгрія настояла на признаніи обязательными для Болгаріи всѣхъ обязательствъ Порты по вопросамъ о сооруженіи и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ конгрессъ постановилъ, что независимо отъ платежа Турціи опредѣленной дани, княжество Болгарское должно еще принять на себя соответствующую долю оттоманскаго государственнаго долга. Всѣ эти постановленія не встрѣтили никакихъ возраженій со стороны русскихъ уполномоченныхъ, а графъ Шуваловъ заявилъ, что вообще Россія не имѣетъ на Балканскомъ полуостровѣ никакихъ матеріальныхъ интересовъ, а одни только интересы нравственныя.

Въ седьмомъ засѣданіи конгресса, на которомъ закончено было рассмотрѣніе всѣхъ статей, относящихся до Болгаріи, снова занялъ свое мѣсто князь Горчаковъ, не принимавшій по болѣзни участія въ бѣльшей части предшедшихъ собраній, и въ пространной рѣчи высказалъ свой взглядъ на достигнутые конгрессомъ результаты.

Напомнивъ о словахъ, сказанныхъ лордомъ Биконсфильдомъ, «что султанъ долженъ быть у себя господиномъ», русскій канцлеръ выразилъ и свое согласіе съ этимъ мнѣніемъ, но прибавилъ что поддержаніе авторитета зависитъ отъ нѣкоторыхъ условій, безъ которыхъ «и геній не можетъ творить чудесъ». Условія эти—административныя и политическія. Съ административной точки зрѣнія необходимо, чтобы населенію областей, не признанныхъ независимыми конгрессомъ, были обезпечены ихъ имущество и жизнь не обѣщаніями на бумагѣ, которыя, какъ и прежнія, остались бы безъ всякихъ послѣдствій и не предотвратили бы злоупотребленій и насилій, но содѣйствіемъ Европы, которая поручится за ихъ дѣйствительность и внушитъ къ нимъ довѣріе населенія. Съ точки же зрѣнія политической, князь Горчаковъ желаетъ, чтобы вмѣсто англійскаго, французскаго или русскаго преобладанія, въ разное время существовавшихъ, какъ показываетъ исторія, въ Константинополѣ, не было на Востокѣ никакого преобладающаго вліянія, ни Россіи, ни какой-либо другой державы, и чтобы мелочную и вредную борьбу самолюбій на сыпучей почвѣ Константинополя замѣнило общее дѣйствіе великихъ державъ, которое предохранитъ Оттоманскую Порту отъ многихъ иллюзій и ошибокъ. Всякій свѣдущій въ военномъ искусствѣ, замѣтилъ русскій канцлеръ, конечно, признаетъ, что героическія усилія русской арміи вполне оправдываютъ выраженіе его: что Россія принесла сюда свои лавры, которые конгрессъ призванъ превратить въ оливковыя вѣтви. Оба его соотварница, прибавилъ князь Горчаковъ, сдѣлали много уступокъ желанію мира, одинаково одушевляющему Россію, какъ и всю Европу. Они предъявили собранію не фразы, а факты. Канцлеръ увѣренъ, что члены конгресса отдадутъ имъ эту справедливость. Поэтому онъ устраниваетъ всякую мысль о томъ, чтобы какая-либо держава желала воспротивиться великому и прекрасному результату мира, господствующему надъ всѣми интересами Европы, доводя свои требованія до предѣловъ, которые не могли бы переступить великій монархъ и великій народъ, коихъ онъ является представителемъ. Князь Горчаковъ повторяетъ, что не допускаетъ возможности факта, который строго осудили бы современники и исторія.

Отвѣчая русскому канцлеру, первый министръ Великобританіи не безъ ироніи замѣтилъ, что считаетъ краснорѣчивую рѣчь его свѣтлости за счастливый признакъ улучшенія его здоровья. Но если Россія принесла жертвы миру, то ихъ принесла и Англія. Миръ,—заключилъ лордъ Биконсфильдъ,—несомнѣнно составляетъ единодушное желаніе всей Европы, но для осуществленія его нужно, чтобы примирительный духъ продолжалъ преобладать.

Князь Бисмаркъ въ свою очередь выразилъ увѣренность, что этотъ примирительный духъ будетъ попрежнему одушевлять конгрессъ, всѣ члены котораго живо сознаютъ высшій свой долгъ: сохранить и упрочить миръ Европы. Успѣхи, увѣнчавшіе труды конгресса, позволяютъ надѣяться, что онъ достигнетъ цѣли, намѣченной обоими предшешими ораторами, съ оговорками, внушенными имъ чувствомъ національной чести, но не касающимися сути дѣла, предпринятаго конгрессомъ, и что національная честь съ обѣихъ сторонъ вполне согласна съ примирительными стремленіями. Обязанность державъ, наименѣ заинтересованныхъ въ вопросахъ, угрожающихъ спокойствію вселенной — возвышать свой безпристрастный голосъ каждый разъ, когда мирной цѣли, преслѣдуемой конгрессомъ, грозитъ опасность, по причинамъ, представляющимся съ точки зрѣнія Европы второстепенными. Въ этомъ смыслѣ Франція, Италия и Германія воззовутъ, если это окажется нужнымъ, къ мудрости тѣхъ изъ дружественныхъ имъ державъ, интересы которыхъ наиболѣе затронуты. Князь Бисмаркъ почтетъ себя счастливымъ, если ему удалось выразить мысль нейтральныхъ и безпристрастныхъ правительствъ ¹.

Вторымъ вопросомъ, предложеннымъ предсѣдателемъ на обсужденіе конгресса, была участь Босніи и Герцеговины, которая по Санъ-стефанскому договору оставалась въ составѣ Оттоманской Имперіи подъ условіемъ введенія въ нихъ автономныхъ учрежденій, обезпечивающихъ права ихъ христіанскаго населенія.

Въ 8-мъ засѣданіи конгресса графъ Андрапи прочиталъ пространную записку съ изложеніемъ причинъ, по которымъ Австро-Венгрія болѣе всѣхъ прочихъ державъ заинтересована въ томъ, чтобы въ этихъ двухъ, сосѣднихъ съ нею областяхъ были разъ навсегда восстановлены спокойствіе и порядокъ, нарушенные цѣлымъ рядомъ возстаній, усмирить которыя Турція никогда не была въ силахъ и которыя стоили сопредѣльной монархіи многихъ тяжкихъ жертвъ. Цѣль эта не будетъ достигнута введеніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ административной автономіи, выговоренной въ ихъ пользу въ Санъ-Стефано и которая, въ примѣненіи къ нимъ, совершенно неосуществима, вслѣдствіе коренного разлада между тремя исповѣданіями, мусульманскимъ, православнымъ и римско-католическимъ, на которыя распадается населеніе. Мѣры, нужныя для ихъ умиротворенія, превышаютъ средства Турціи. Оставить эти двѣ области подъ властью Порты — значитъ обратить ихъ въ по-

¹ Протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 5-го, 7-го, 10-го, 12-го, 13-го и 14-го июня 1878 г.

стоянный очагъ волненій и смуть. Австро-Венгрія не могла бы также допустить расширенія на ихъ счетъ предѣловъ Сербіи и Черногоріи, сближеніе границъ которыхъ вредно отразилось бы на торговыхъ интересахъ монархіи Габсбурговъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ графъ Андраши объявилъ, что самые жизненные интересы его правительства вмѣняютъ ему въ обязанность признать лишь такое рѣшеніе боснійско-герцеговинскаго вопроса, которое въ состояніи привести къ прочному умиротворенію этихъ областей и предупредить повтореніе событій, подвергнувшихъ опасности миръ Европы, а Австро-Венгріи стоившихъ тяжкихъ жертвъ и чувствительныхъ потерь, и такимъ образомъ, создавшихъ ей совершенно невыносимое положеніе, продолженіе котораго она не расположена долѣе терпѣть.

Послѣ чтенія записки графа Андраши лордъ Салисбюри обратилъ вниманіе конгресса на социальное и географическое положеніе Босніи и Герцеговины. Въ первомъ отношеніи обѣ области нуждаются въ сильномъ правительствѣ, которое не только могло бы ввести въ нихъ хорошее управленіе, но и располагало бы средствами, достаточно могучими для того, чтобы прекратить тамъ всякое волненіе. Во второмъ — не надо забывать, что если бы значительная часть ихъ досталась сосѣднимъ княжествамъ, то на всемъ протяженіи Балканскаго полуострова образовалась бы сплошная цѣпь славянскихъ государствъ, которыя угрожали бы существованію другихъ племенъ, населяющихъ полуостровъ. Такой порядокъ былъ бы конечно, опаснѣе для независимости Порты, чѣмъ всякая другая комбинація, а потому Турція поступила бы благоразумно, отказавшись въ этихъ двухъ областяхъ отъ задачи, которая ей не по силамъ; а довѣривъ ее другой державѣ, располагающей нужными для того средствами, она отвратила бы отъ себя ужасныя бѣдствія. Въ заключеніе 2-й уполномоченный Великобританіи предложилъ конгрессу постановить: что Боснія и Герцеговина будутъ заняты Австро-Венгріею и ввѣрены ей управленію.

Въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ князь Бисмаркъ, именемъ Германіи, поддержалъ предложеніе лорда Салисбюри, въ пользу котораго говорили еще лордъ Биконсфильдъ и 1-й уполномоченный Франціи, Ваддингтонъ. Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Корти лишь просилъ графа Андраши дать нѣсколько дополнительныхъ объясненій, послѣ чего австро-венгерскій министръ заявилъ, что правительство его готово принять на себя занятіе обѣихъ областей и управленіе ими. Князь Горчаковъ сказалъ, что Россія не заинтересована въ этомъ дѣлѣ, но что выслушанныя имъ заявленія доказываютъ дѣйствительность предложеннаго сред-

ства для достиженія мирной цѣли, преслѣдуемой конгрессомъ. Въ сущности рѣчь идетъ о предохраненіи христіанскаго населенія отъ вѣковаго произвола. Такимъ образомъ предложеніе Англіи входитъ въ общіе виды Россіи и русскій канцлеръ вполне присоединяется къ нему.

Представители Порты попытались было предъявить возраженія противъ отторженія отъ расчлененной Турціи еще цѣлыхъ двухъ областей, оставленныхъ ей по Санъ-стефанскому договору, но предсѣдатель конгресса остановилъ ихъ рѣзкимъ замѣчаніемъ, что конгрессъ собрался не для удержанія за Портою желаемыхъ ею географическихъ позицій, а для утвержденія мира Европы въ настоящемъ и будущемъ; что конгрессу обязана Турція возвращеніемъ ей области, гораздо болѣе обширной и богатой, чѣмъ Боснія съ Герцеговиной, а именно той, что простирается отъ Эгейскаго моря вплоть до Балканъ, и что рѣшенія конгресса составляютъ единое цѣлое, выгоды котораго нельзя принимать, отвергая невыгоды. Поэтому князь Бисмаркъ находилъ, что не въ интересахъ Порты — разрушить своимъ отказомъ все дѣло конгресса, вынуждая другія державы озаботиться помимо ея удовлетвореніемъ собственныхъ интересовъ, и, указавъ на согласіе шести великихъ державъ по этому вопросу, выразилъ надежду, что Оттоманское правительство разрѣшитъ своимъ уполномоченнымъ приступить къ общему рѣшенію Европы.

Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя представители Порты получили такую инструкцію и предсѣдатель могъ провозгласить единогласное рѣшеніе конгресса о предоставленіи Австро-Венгрии занять Боснію и Герцеговину своими войсками и ввести въ этихъ двухъ областяхъ свое управленіе ¹.

Санъ-стефанскимъ трактатомъ признана независимость Сербіи и дано ей земельное приращеніе со стороны Старой Сербіи. По требованію Австро-Венгрии это послѣднее было замѣнено на конгрессѣ прирѣзкою къ Сербскому княжеству болгарскаго округа съ г. Пиротомъ; признаніе же его независимости конгрессъ обусловилъ провозглашеніемъ въ княжествѣ, какъ и въ Болгаріи, полной религіозной равноправности и свободы. Требованіе это развилъ 1-й уполномоченный Франціи, доказывая, что Сербія, если желаетъ вступить въ европейскую семью, должна признать начала, служащія основаніемъ общественнаго устройства всѣхъ государствъ Европы, и прежде всего — свободу совѣсти. Князь Горчаковъ, не возражая противъ этого начала, замѣтилъ однако, что если рѣчь идетъ о

¹ Протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 16-го и 22-го іюни 1878 г.

гражданскихъ и политическихъ правахъ, то едва ли позволительно приравнивать евреевъ Берлина, Парижа, Лондона и Вѣны съ жидами Сербіи, Румыніи и нѣкоторыхъ областей Россіи, являющихся истиннымъ бичемъ мѣстнаго населенія. Но оговорка русскаго канцлера не нашла отклика въ прочихъ членахъ конгресса и Сербія была признана независимой подъ условіемъ не только введенія въ ней гражданской и политической равноправности безъ различія вѣроисповѣданій, но и перехода на нее обязательствъ Порты предъ Австро-Венгерію по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, а также соответствующей части государственнаго долга Турціи. По этому поводу князь Горчаковъ не удержался отъ замѣчанія, что онъ не можетъ сочувствовать подписчикамъ на турецкіе займы, считая послѣдніе за прискорбный ажіотажъ, и что русское правительство отказало въ содѣйствіи тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые владѣютъ долговыми обязательствами Порты. Слова канцлера вызвали протестъ Ваддингтона, заявившаго что хотя спекуляція и не была чужда дѣлу турецкихъ займовъ, но что въ настоящее время облигации эти находятся въ рукахъ людей почтенныхъ и заслуживающихъ участія ¹.

Сербскіе делегаты не были приняты и выслушаны конгрессомъ, но делегаты румынскіе настаивали на допущеніи въ одно изъ его засѣданій для изложенія конгрессу нуждъ и желаній Румыніи. Въ виду того, что еще ранѣе была удовлетворена подобная же просьба греческихъ делегатовъ, конгрессъ пригласилъ въ свое 10-е засѣданіе перваго румынскаго министра Братіано и министра иностранныхъ дѣлъ Когольничано, которые прочитали длинный меморандумъ, заканчивавшійся перечисленіемъ слѣдующихъ требованій: 1) оставленіе за Румынію придунайскаго участка Бессарабіи; 2) освобожденіе Румыніи отъ прохода чрезъ ея территорію русскихъ войскъ, возвращающихся съ театра войны; 3) присоединеніе къ ней дельты Дуная со всѣми островами, находящимися въ устьѣ этой рѣки; 4) удѣленіе въ ея пользу части военнаго вознагражденія, причитающагося Россіи съ Турціи и 5) признаніе Европою независимости Румыніи.

Обсужденіе относящихся до Румыніи вопросовъ происходило, однако, въ отсутствіе румынскихъ делегатовъ. Лордъ Биконсфильдъ выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу намѣренія Россіи возвратить себѣ часть Бессарабіи, отторгнутую у нея по парижскому трактату, на что князь Горчаковъ отвѣтилъ, что русское прави-

¹ Протоколъ засѣданія берлинскаго конгресса, 16-го іюня 1878 г.

тельство ни подъ какимъ видомъ не отступить отъ этого требованія, и выразилъ надежду, что и Англія перестанетъ ему противиться, когда узнаетъ, что присоединеніе этого участка къ Россіи нисколько не стѣснитъ свободы плаванія по Дунаю. Къ этому заявленію графъ Шуваловъ прибавилъ, что, когда государство снова вступило въ обладаніе областью, отнятою у него въ прошедшую войну, нельзя требовать отъ него, чтобы оно добровольно отказалось отъ отвоеванной имъ области. Оба русскіе уполномоченные разъяснили конгрессу, что, отдавая Румыніи, взамѣнъ Бессарабіи, Добруджу и дельту Дуная со всѣми островами, Россія даетъ ей гораздо болѣе, чѣмъ получаетъ. Пространство Добруджи на 3.500 километровъ больше придунайской части Бессарабіи и населеніе ея превышаетъ населеніе послѣдней на 80.000 душъ, не говоря уже о хорошемъ портѣ на Черномъ морѣ. Доводы эти поддержалъ предсѣдатель конгресса, сказавъ, что не видитъ никакого соотношенія между свободою Дуная и возвращеніемъ Бессарабіи Россіи, которое находитъ желательнымъ съ точки зрѣнія не столько русскіхъ интересовъ, сколько интересовъ прочнаго мира въ Европѣ. Поясняя мысль свою, князь Бисмаркъ выразилъ убѣжденіе, что положеніе созданное парижскимъ конгрессомъ оказалось бы устойчивѣе, если бы изъ постановленій его былъ устраненъ этотъ вопросъ самолюбія, это уменьшеніе территоріи великаго государства, нисколько не уменьшившее его могущества; что и задача Берлинскаго конгресса не будетъ достигнута если конгрессъ сохранитъ въ силѣ постановленіе, съ которымъ осталось бы связаннымъ въ будущемъ непріятное для Россіи воспоминаніе, тогда какъ предложенный обмѣнъ вовсе не противенъ интересамъ Румыніи, и что, отказавъ въ удовлетвореніи историческому чувству Россіи, конгрессъ самъ обречетъ свое дѣло на недолговѣчность.

1-й уполномоченный Франціи, поддержанный графомъ Андраши и графомъ Корти, обратился тогда къ представителямъ Россіи съ вопросомъ: не найдутъ ли они возможнымъ сдѣлать что нибудь для Румыніи, съ которой поступлено немного круто (*un peu d'égarement*) и не согласятся ли они на присоединеніе къ Румыніи вмѣсто Бессарабіи, кромѣ Добруджи, еще Змѣйнаго острова на Дунаѣ, Силистріи и Мангалии, чѣмъ была бы значительно облегчена совѣсть многихъ изъ членовъ конгресса. Не соглашаясь на уступку ни Силистріи, ни Мангалии, графъ Шуваловъ предложилъ придать къ Добруджѣ полосу земли вдоль праваго берега Дуная, отъ Рассова до Силистріи, что и было принято конгрессомъ, послѣ чего предсѣдатель провозгласилъ единогласное его рѣшеніе: признать независимость Румыніи на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Сербіи, а сверхъ того,

подъ условіемъ, что Румынія согласится на обмѣнъ Бессарабіи на Добруджу, съ придачею къ ней полосы по Дунаю ¹.

Статьи, касающіяся Черногоріи, не вызвали въ средѣ конгресса никакихъ пререканій. На частныхъ совѣщаніяхъ съ австро-венгерскими уполномоченными, представители Россіи согласились на измѣненіе и значительное сокращеніе выговореннаго въ пользу этого княжества въ Санъ-Стефано земельного приращенія въ смыслѣ австрійскихъ требованій. Присужденныя Черногоріи округа южной Герцеговины и Старой Сербіи остались: первые—въ составѣ двухъ занятыхъ австро-мадьярами областей, вторые—подъ непосредственною властью султана; зато Австрія допустила присоединеніе къ Черногоріи узкой и короткой береговой полосы на Адриатическомъ морѣ съ портомъ Антивари, связавъ княжество обязательствомъ не содержать своихъ и не принимать иностранныхъ военныхъ судовъ въ эту гавань и предоставить морской и санитарный надзоръ въ своихъ водахъ австро-венгерскимъ властямъ. Независимость Черногоріи была признана Турціею и тѣми изъ великихъ державъ, которыя не признавали ея дотолѣ ².

Не взирая на поддержку, оказанную Греціи и ея притязаніямъ Англіею и Франціею, настоявшими на томъ, чтобы греческіе делегаты были выслушаны въ одномъ изъ засѣданій конгресса, конгрессъ ограничился лишь утвержденіемъ статьи Санъ-стефанскаго договора о строгомъ примѣненіи къ острову Криту органическаго устава 1868 года и, не упоминая о Эссалии и Эпирѣ, выговоренныя въ ихъ пользу преобразованія и улучшенія распространилъ на всѣ области Европейской Турціи. Кромѣ того, предвидя, что Греція и Порта не придутъ къ соглашенію относительно признаннаго конгрессомъ справедливымъ «исправленія границъ», конгрессъ предложилъ имъ на этотъ случай посредничество великихъ державъ. При обсужденіи вопросовъ, касающихся Греціи, русскіе уполномоченные заявили, что Россія всегда пеклась одинаково о благосостояніи своихъ единоверцевъ въ Турціи, безъ различія племени, и если во время послѣдней войны заботливость ея была преимущественно обращена на болгаръ, то только потому, что Болгарія была главнымъ поводомъ и служила театромъ самой войны. Но Россія всегда имѣла въ виду распространить елико возможно на греческія области преимущества, выговоренныя ею въ пользу областей, населенныхъ болгарами ³.

¹ Протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 17-го и 19-го іюня 1878 г.

² Протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 19-го и 22-го іюня 1878 г.

³ Протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 5-го, 7-го, 17-го и 23-го іюня 1878 г.

Особую статью конгрессъ провозгласить, по предложенію Англіи, полную религіозную свободу на всемъ пространствѣ Оттоманской Имперіи и совершенную равноправность всѣхъ подданныхъ султана безъ различія вѣроисповѣданія. Французскіе уполномоченные настояли на придачѣ къ этой статьѣ оговорки, что ею не ограничиваются особыя права Франціи и что ничего не будетъ изменено въ настоящемъ положеніи Святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ¹.

По предложенію Австро-Венгрии конгрессъ принялъ рядъ статей, подтверждающихъ установленную договорами 1856 и 1871 годовъ свободу плаванія по Дунаю и опредѣляющихъ условія этого плаванія.

Вопросъ о денежномъ вознагражденіи, слѣдующемъ Россіи отъ Турціи за военныя издержки, былъ возбужденъ турецкими уполномоченными, утверждавшими, что размѣръ его далеко превышаетъ платежныя силы Оттоманской Имперіи, и просившими конгрессъ признать невозможнымъ для Порты принять на себя обязательство, которое она не можетъ выполнить. Предсѣдатель строго замѣтилъ на это, что обязательство это уже принято ею въ Санъ-Стефано. Но русскимъ представителямъ пришлось все же успокоить встревоженныхъ англичанъ и французовъ увѣреніемъ, что ни въ какомъ случаѣ слѣдующее съ Турціи денежное вознагражденіе не будетъ обращено въ территоріальныя уступки и что Россія признастъ преимущественное право на удовлетворене займодавцевъ Порты, ссудившихъ ее деньгами до заключенія мира².

Конгрессъ уже близился къ концу, когда обнаруженіе въ одной изъ лондонскихъ газетъ тайнаго соглашенія Россіи съ Англіею, состоявшагося наканунѣ конгресса, вызвало цѣлую бурю въ англійскомъ обществѣ и печати, и страстные упреки министерству Виконсфильда за чрезмѣрныя уступки Россіи. Возгласы эти до того смутили великобританскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ, что лордъ Салюсбюри объявилъ графу Шувалову, что онъ, какъ лицо, подписавшее тайные протоколы 18-го мая, вынужденъ подать въ отставку, послѣ чего сентъ-джемскій кабинетъ возьметъ обратно выраженное имъ согласіе на присоединеніе къ Россіи Батума.

Озадаченный такимъ неожиданнымъ заявленіемъ, нашъ второй уполномоченный обратился къ посредничеству князя Бисмарка, который взялъ на себя объявить лорду Виконсфильду, что, отсутствуя отъ своего обязательства предъ Россіею, Великобританія тѣмъ са-

¹ Протоколъ засѣданій берлинскаго конгресса, 22-го іюня 1878 г.

² Протоколъ засѣданій берлинскаго конгресса, 20-го іюня 1878 г.

мымъ нарушила бы и обязательство предъ Германію, такъ какъ имперскій канцлеръ рѣшился созвать конгрессъ въ Берлинѣ лишь по предъявленіи ему тайнаго англо-русскаго соглашенія. Первый министр королевы Викторіи сдался на этотъ доводъ и, послѣ того какъ въ засѣданіи конгресса, графъ Шуваловъ подтвердилъ отказъ Россіи отъ присужденныхъ ей въ Санъ-Стефано Баязета и Алашкертской долины и заявилъ о намѣреніи русскаго императора обратиться Батумъ въ порто-франко,—не возражалъ противъ перехода Батума, Ардагана и Карса подъ владычество Россіи. Признавъ эти наши приобрѣтенія въ Азій, конгрессъ утвердилъ условленныя въ Санъ-Стефано уступку Персіи турецкаго города Хотура съ его округомъ и льготы, дарованныя султаномъ его армянскимъ подданнымъ¹.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій конгресса русскіе уполномоченные выступили съ предложеніемъ включить въ трактатъ заключительную статью, которая опредѣлила бы способъ обезпеченія конгрессомъ приведенія въ исполненіе его рѣшеній. «Россія»—сказалъ при этомъ князь Горчаковъ,—«болѣе чѣмъ кто-либо заинтересована въ дѣлѣ. Она принесла большія жертвы во время войны; еще большія—возстановленію мира и обще-европейскаго согласія. Поэтому она въ правѣ разсчитывать, что дѣло, основаніе которому положено конгрессомъ, не останется безплоднымъ, за недостаткомъ исполненія, какъ всѣ прежнія попытки умиротворить Востокъ. Она не можетъ допустить возобновленія въ будущемъ кризисовъ, подобныхъ тому, конецъ которому призванъ былъ положить конгрессъ въ Берлинѣ, и представители ея убѣждены, что конгрессъ, раздѣляя эту мысль, на захочетъ воздвигнуть зданія непрочнаго, которое подвергло бы новымъ опасностямъ миръ Востока и Европы».

Противъ этого предложенія возражали турецкіе уполномоченные, но русскій канцлеръ продолжалъ настаивать на необходимости для державъ, представленныхъ на конгрессѣ, совокупно поручиться за точное исполненіе его постановленій.

Говоря отъ имени Германіи, князь Бисмаркъ выразилъ мнѣніе, что, придя къ соглашенію по вопросамъ, занимающимъ Европу съ начала столѣтія и въ особенности въ продолженіе 20 послѣднихъ лѣтъ, великія державы, конечно, не желаютъ создать дѣло недействительное и всѣ должны наблюдать за исполненіемъ постановленій конгресса, составляющихъ одно цѣлое, изъ котораго нельзя принять одну часть, отвергнувъ остальные. Но германскій канцлеръ

¹ Рукописныя Записки графа П. А. Шувалова и протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 24-го, 26-го и 29-го іюня 1878 г.

не думаетъ, ни что каждое отдѣльное государство обязано поддержать силою исполненіе этихъ рѣшеній, ни что возможно поставить ихъ подъ всеобщую и совокупную гарантію. Конгрессъ можетъ лишь создать такое положеніе, которое, подобно всякому человѣческому дѣлу, подвержено колебанію событій. Да и русскіе уполномоченные едва ли имѣютъ въ виду что-либо другое, какъ такую статью, которая постановила бы, что всѣ обязательства, занесенныя въ выработанный конгрессомъ трактатъ, составляютъ одно цѣлое, наблюденіе за исполненіемъ котораго державы поручатъ представителямъ своимъ въ Константинополѣ, предоставивъ себѣ принять сообща рѣшеніе (*d'aviser*), если это исполненіе окажется ошибочнымъ или запоздалымъ. Въ этихъ предѣлахъ, онъ, какъ уполномоченный Германіи, ничего не имѣетъ противъ русскаго предложенія.

Графъ Шуваловъ формулировалъ его такъ: «Высокія договаривающіяся стороны, давъ торжественную и обязательную санкцію постановленіямъ берлинскаго трактата, взираютъ на совокупность статей настоящаго акта, какъ на сводъ постановленій, исполненіе которыхъ онѣ обязуются провѣрять и наблюдать». Пущенное предсѣдателемъ на голоса, предложеніе это не было принято конгрессомъ и осталось безъ всякихъ послѣдствій¹.

Въ послѣднее засѣданіе конгресса, 1-го іюля, представители великихъ державъ приложили свои подписи къ состоящему изъ 64 статей трактату, въ главныхъ чертахъ подтвердившему результаты, добытые войною Россіи съ Турціей и занесенные въ Сантъ-стефанскій «предварительный» мирный договоръ, но значительно видоизмѣнившему ихъ въ смыслѣ интересовъ западныхъ державъ, преимущественно Англии и Австро-Венгрии.

Содержаніе берлинскаго трактата было слѣдующее:

Подъ именемъ Болгаріи разумѣлись лишь болгарскія области къ сѣверу отъ Балканъ, возведенныя на степень вассальнаго, но вполне самостоятельнаго княжества, съ правомъ избрать себѣ князя, утверждаемаго султаномъ съ согласія великихъ державъ, а также содержать войско и выработать органическій статутъ. Впредь до введенія въ немъ новаго государственнаго устройства, управленіе княжествомъ возлагалось на императорскаго русскаго комиссара, для содѣйствія которому «съ цѣлью контроля» приданы оттоманскій комиссаръ и консулы великихъ державъ. Временное управленіе могло продолжаться не долѣе девяти мѣсяцевъ со дня ратификаціи берлинскаго договора, послѣ чего слѣдовало присту-

¹ Протоколы засѣданій берлинскаго конгресса, 26-го, 27-го, 28-го и 29-го іюня 1878 г.

пить къ избранію князя и Болгарія вступала въ полное пользование своею автономіею. Турецкія войска очищали Болгарію, а крѣпости подлежали срытію и не могли быть впредь возстановляемы болгарскимъ правительствомъ.

Болгарія къ югу отъ Балканъ составила отдѣльную область, получившую названіе Восточной Румелии, которая хотя и оставлена подъ непосредственною военною и политическою властью султана, но пользовалась административною автономіею. Границы ея не доходили къ югу до Эгейскаго моря, а къ востоку не простирались далѣе бывшаго Филиппопольскаго санджака. Во главѣ области поставленъ генераль-губернаторъ изъ христіанъ, назначаемый на пятилѣтній срокъ Портою съ согласія великихъ державъ. Въ Восточной Румелии вводилась мѣстная милиція, подчиненная начальнику, назначаемому султаномъ, но турецкія войска сохраняли право занимать границы области, не исключая сѣверной, то есть линіи Балканъ, воздвигать новыя укрѣпленія, а въ случаѣ опасности, внутренней или внѣшней, могли даже вступить и внутрь области. Организациія Восточной Румелии поручалась европейской комиссіи изъ представителей великихъ державъ и Порты, которая должна была управлять ея финансами впредь до введенія новаго управленія. Русскія войска, занимавшія какъ Болгарію, такъ и Восточную Румелию, не должны были превышать состава 50,000 чловѣкъ, а срокъ ихъ пребыванія опредѣленъ въ девять мѣсяцевъ со дня ратификаціи берлинскаго трактата. Въ слѣдующіе затѣмъ три мѣсяца Россія обязывалась окончательно очистить отъ войскъ своихъ и Румынію.

Все пространство къ востоку отъ Болгаріи и Восточной Румелии до границъ Албаніи, включая и побережье Эгейскаго моря, отнесено по Санъ-стефанскому договору къ Болгаріи, оставлено за Портою, которая обязывалась ввести какъ въ этихъ областяхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ подвластныхъ ей частяхъ Европейской Турціи, населенныхъ христіанами, областное устройство, сходное съ тѣмъ, которое съ 1868 года введено на островѣ Критѣ, съ предоставленіемъ мѣстному населенію участія въ составленіи новыхъ правилъ.

Греціи предоставлено условиться съ Портою относительно управленія границъ, а если обѣ державы не успѣютъ придти къ соглашенію, то великія державы предложатъ имъ свое посредничество.

Австро-Венгрія получила право занять своими войсками и ввести свое управленіе въ Босніи и Герцеговинѣ, а также держать гарнизоны въ Ново-Базарскомъ, пашалыкѣ, оставленномъ за Портою, и проложить въ этой области военныя и торговыя дороги.

Великія державы и Порты признали независимость Черногоріи, получившей земельное приращеніе со стороны Герцеговины и Албаніи, хотя и значительно меньшее, чѣмъ то, что было присуждено ей по Санъ-стефанскому трактату. На адриатическомъ побережьи получила она портъ Антивари, но безъ права содержать военныя суда подъ своимъ флагомъ. Морская полиція въ черногорскихъ водахъ предоставлена Австро-Венгріи, которая обѣщала торговому флагу Черногоріи покровительство своихъ консульскихъ агентовъ.

Провозглашена независимость отъ Порты Сербіи и Румыніи. Къ Сербіи прирѣзано нѣсколько округовъ, но въ болѣе восточномъ направленіи, чѣмъ по Санъ-стефанскому миру. Румынія получила Добруджу въ обмѣнъ придунайскаго участка Бессарабіи, который присоединенъ къ Россіи, хотя и безъ устьевъ Дуная, оставленныхъ за Румыніей. Подтверждены и расширены права Дунайской европейской комиссіи, въ составъ которой вступила Румынія.

Ардаганъ, Карсъ и Батумъ съ ихъ округами присоединены къ Россіи, которая возвратила Портѣ уступленные ей въ Санъ-Стефано, Алашкертскую долину и г. Баязетъ. Батумъ провозглашенъ вольной гаванью, исключительно торговою. Хотуръ отошелъ къ Персіи. Порты обязались ввести въ областяхъ своихъ, населенныхъ армянами, улучшенія и преобразованія, вызываемыя мѣстными потребностями, и о ходѣ ихъ періодически сообщать великимъ державамъ.

Въ Румыніи, Сербіи и Черногоріи, равно какъ и въ Болгаріи и Восточной Румелии, наконецъ, во всѣхъ владѣніяхъ султана провозглашена полная свобода совѣсти и пользованіе всеми гражданскими и политическими правами распространено на лицъ всѣхъ исповѣданій. Порты обѣщала предоставить тѣ же преимущества и духовнымъ лицамъ всѣхъ народностей въ своихъ владѣніяхъ, какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ, признавъ право покровительства надъ ними, а также надъ ихъ церковными и благотворительными учрежденіями—за дипломатическими и консульскими представителями великихъ державъ. Оговорены при этомъ исконныя права Франціи и установлено, что положеніе, существующее въ Святыхъ мѣстахъ, не можетъ быть подвергнуто какому-либо измѣненію.

Заключительною статьею подтверждены всѣ неотмѣненные или не измѣненные берлинскимъ трактатомъ, постановленія парижскаго договора 1856 года и лондонскаго—1871 года.

Независимо отъ условій, занесенныхъ въ берлинскій трактатъ, до и во время конгресса между отдѣльными державами, прини-

мавшими въ немъ участіе, завязались болѣе или менѣе тѣсныя связи.

Такъ, за нѣсколько дней до собранія конгресса Англія подписала съ Турціею въ Константинополѣ оборонительный союзный договоръ, которымъ обязалась, въ случаѣ, если Батумъ, Ардаганъ и Карсъ или какая либо одна изъ этихъ крѣпостей достанется Россіи или если когда нибудь Россія посягнетъ на какую нибудь часть владѣній султана въ Азіи,—защищать всѣ эти мѣстности съ оружіемъ въ рукахъ. За это султанъ обѣщалъ ввести условленные съ Англіею преобразования въ свои азіатскія владѣнія и обезпечить въ нихъ всѣмъ своимъ подданнымъ, христіанскимъ и инымъ, порядокъ въ управленіи и всякое покровительство, а сверхъ того передать островъ Кипръ въ управленіе англичанъ, для занятія его англійскими войсками¹

Въ Берлинѣ на конгрессѣ состоялось личное сближеніе между двумя главными великобританскими министрами и министромъ иностранныхъ дѣлъ Французской республики, слѣдствіемъ котораго было тайное между ними соглашеніе, обезпечившее Франціи дружественный нейтралитетъ Англіи въ случаѣ осуществленія давнихъ замысловъ французовъ на Тунисъ и подчиненія этой области французскому протекторату.

Наконецъ, со времени конгресса окончательно окрѣпла, зародившаяся нѣсколько лѣтъ до того, личная дружба между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши. Австро-венгерскій министръ не могъ не сознаться, что, благодаря практическимъ совѣтамъ и дѣятельной поддержкѣ германскаго канцлера, ему удалось осуществить давнюю мечту императора Франца-Иосифа присоединеніемъ къ его монархіи двухъ «тыльныхъ» областей, которыя имѣли замѣнить тѣ, что были имъ утрачены въ Италіи въ 1859 году и притомъ безъ всякой денежной затраты, безъ кровопролитія, самымъ мирнымъ способомъ, съ одобренія и согласія всей Европы.

Императорская ратификація берлинскаго договора послѣдовала 15-го іюля. Обнародованіе его не сопровождалось высочайшимъ манифестомъ, но нѣсколько дней спустя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось пространное официальное сообщеніе, излагающее взглядъ императорскаго кабинета на актъ, «увѣнчавшій войну». Начиналось оно съ заявленія, что послѣдняя война предпринята была Россіею «не по расчету, не изъ матеріальныхъ выгодъ или честолюбивыхъ политическихъ замысловъ, но въ силу чувства, заглушающаго всякія постороннія побужденія, изъ чувства

¹ Англо-турецкая конвенція, 2-го іюня 1878 г.

христіанскаго, чувства челоуѣколюбія, того чувства, которое охватываетъ всякаго честнаго челоуѣка при видѣ вопіющаго зла». Вслѣдъ за пространнымъ изложеніемъ дипломатическихъ переговоровъ, происходившихъ до, во время и послѣ войны, сообщались результаты, достигнутые на берлинскомъ конгрессѣ, результаты хотя и несовершенные, но все же существенные, какъ для самой Россіи, такъ и для христіанскихъ народностей Востока. Слѣдовало изложеніе политической программы, которой русскій дворъ намѣренъ держаться и впредь въ Восточномъ вопросѣ. Съ одной стороны онъ «проникнуть чувствомъ солидарности съ Европой», съ другой — считаетъ освобожденіе христіанъ Востока — «нашею историческою миссіею». Берлинскій договоръ — важный шагъ къ достиженію этой цѣли, хотя и пріобрѣтенный дорогою цѣною. Россія, которая «не дѣлала торга ни изъ своихъ жертвъ, ни изъ своихъ успѣховъ», будетъ продолжать «притягивать Европу къ общему дѣлу» и въ то же время точно исполнять принятыя на себя обязательства. Не напрасно «русскій народъ подчинилъ свои права побѣдителя высшимъ интересамъ общаго мира и солидарности народовъ». Жертвы его уже принесли плоды, принесутъ ихъ еще больше въ будущемъ. Окончательная развязка Восточнаго вопроса — не болѣе какъ вопросъ времени, ибо, «несмотря на временныя препоны, порождаемыя страстями, пороками и слабостями людей, челоуѣчество идетъ къ тѣмъ же неуклоннымъ цѣлямъ, которыя предназначены ему Провидѣніемъ». Заключительныя слова: «Берлинскій конгрессъ былъ только раздыхомъ, остановкою на этомъ трудномъ пути. Опѣнивая его съ этой точки зрѣнія, Россія находитъ въ прошедшемъ вѣру въ будущее» ¹

¹ «Правительственный Вѣстникъ», 27-го іюля 1878 г.—Дипломатическая переписка русскаго двора въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; иностранныхъ — въ англійской «Синей», французской «Желтой» и австро-венгерской «Красной» книгахъ. Военная переписка—въ Военно-Ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

XXX.

Исполненіе Берлинскаго трактата.

1878—1880.

Взглядъ русскаго двора на отношенія Россіи къ Турціи. — Инструкція послу князю Лобанову-Ростовскому. — Первые донесенія его изъ Константинополя. — Преобладающее вліяніе Англійи на Порту. — Очищеніе турками Шумды, Варны и Батума и отступленіе русской арміи отъ Константинополя. — Продолжительное пребываніе въ Адрианополь нашей главной квартиры. — Переговоры князя Лобанова съ турками о заключеніи окончательнаго мира Россіи съ Портою. — Письма государя къ главнокомандующему дѣйствующею арміею. — Подписаніе русско-турецкаго мирнаго трактата. — Высочайшій манифестъ. — Возвращеніе армій въ Россію. — Введеніе новаго государственнаго устройства въ Восточной Румеліи. — Мѣры, принятія въ пользу болгаръ передъ выступленіемъ изъ Болгаріи русскихъ войскъ. — Неудовольствіе, вызванное въ болгаряхъ разчлененіемъ Болгаріи. — Порученіе, высочайше возложенное на генералъ-адъютанта Обручева. — Воззваніе государя къ болгарамъ Восточной Румеліи. — Назначеніе генералъ-губернаторомъ этой области Алеко-пашы. — Открытіе въ Тырновѣ болгарскаго учредительнаго собранія. — Конституція Болгарскаго княжества. — Воззваніе государя къ жителямъ Болгаріи. — Избраніе принца Александра Баттенбергскаго княземъ Болгарскимъ. — Прибытіе его въ Болгарію и вступленіе въ управленіе княжествомъ. — Результаты русскаго управленія Болгаріею. — Исполненіе прочихъ постановленій берлинскаго трактата. — Поведеніе Италіи и Франціи. — Обостреніе отношеній Россіи къ Великобританіи. — Афганскія дѣла. — Затрудненія, создаваемыя англійскою дипломатіею водворенію порядка на Балканскомъ полуостровѣ. — Перемѣна министерства въ Лондонѣ. — Поворотъ въ Восточной политикѣ сентъ-жемскаго двора. — Согласіе его съ Россіею по дѣламъ Черногоріи, Греціи, Румыніи и Сербіи.

Заключая миръ съ Портою послѣ побѣдоносной войны, приведшей русскую армію къ стѣнамъ Царьграда, императоръ Александръ имѣлъ въ виду согласовать дѣль войны—улучшеніе участи балкан-

скихъ христіанъ—съ существованіемъ Турціи, какъ независимой державы и избѣжать конечной развязки Восточнаго вопроса, другими словами разрушенія Оттоманской Имперіи. Князь Горчаковъ ласкалъ себя надеждою, что дарованіе самостоятельнаго управленія христіанскимъ подданнымъ султана въ Европѣ прекратитъ всякій поводъ къ несогласіямъ Россіи съ Турціею, которая, сосредоточивъ силы свои въ Азіи, останется стражемъ проливовъ, охраняющимъ въ нихъ свободу всемірной торговли и возбраняющимъ доступъ къ нимъ военныхъ судовъ всѣхъ націй, причемъ, извѣрившись въ Англіи, найдетъ въ Россіи вѣрную и твердую союзницу. Такъ выражался канцлеръ въ инструкціяхъ, которыми былъ снабженъ вновь назначенный русскимъ посломъ при султанѣ, князь А. В. Лобановъ-Ростовскій¹

По прибытіи князя Лобанова къ своему посту, отъ прозорливости его не скрылась несостоятельность этихъ предположеній, призрачность ихъ и полное противорѣчіе съ дѣйствительностью. «Константинополь»—доносилъ онъ оттуда—«съ русскою арміею у воротъ своихъ, съ англійскимъ флотомъ въ Мраморномъ морѣ, съ непопулярнымъ султаномъ, который со дня на день можетъ быть низложенъ и сознаетъ это—такой Константинополь представляется мнѣ пороховымъ погребомъ, который отъ одной искры можетъ взлетѣть на воздухъ». Сравнивая Санъ-стефанскій миръ съ тѣмъ, что былъ дарованъ Портѣ императоромъ Николаемъ I въ Адрианополь въ 1829 году, посолъ находилъ его «безжалостнымъ». «Турки» объясняли оное—«подписали его подъ впечатлѣніемъ обуявшей ихъ паники и въ надеждѣ получить впоследствии какое либо облегченіе. Надежда эта не оправдалась. Что же случилось? Потерявъ къ намъ всякое довѣріе, турки обратились въ сторону Англіи и Австріи, и эти двѣ державы ищутъ теперь конфисковать въ свою пользу плоды нашихъ побѣдъ, тогда какъ мы, вчерашніе побѣдители, находимся сегодня въ самомъ затруднительномъ положеніи. Тысячи признаковъ, перечислять которые было бы докучливо, убѣждаютъ меня, что въ Константинополѣ существуетъ тѣсная связь между Австріею и Англіею. Онѣ усчитываютъ заранѣе въ Портѣ, въ пользу своихъ и въ ущербъ нашихъ интересовъ, уступки, которыя мы готовимся имъ сдѣлать. Если эти уступки неизбѣжны, то лучше было бы сдѣлать ихъ по собственному нашему побужденію и прямо Турціи»².

¹ Князь Горчаковъ князю Лобанову, 25-го апрѣля 1878 г.

² Князь Лобановъ князю Горчакову, 8-го мая 1878 г.

Султанъ очень ласково принялъ Лобанова, выразивъ ему радость, что имѣеть при себѣ представителемъ русскаго императора дипломата, который состоялъ въ томъ же званіи при отцѣ его, султанѣ Абдуль-Меджидѣ, и обѣщалъ полное свое содѣйствіе къ устраненію всѣхъ недоразумѣній. Но въсколько дней спустя онъ откровенно передалъ князю чрезъ драгомана русскаго посольства, что въ Россіи недостаточно цѣнать услуги, которыя можетъ оказать ей Турція. «Отъ васъ зависѣло»—говорилъ Абдуль-Гамидъ—«привязать насъ къ себѣ узами признательности, смягчивъ столь тяжкія условія санъ-стефанскаго договора. Вы ничего не хотѣли и предпочли возбудить противъ себя державы и общественное мнѣніе. Напрасно думаете вы, что турки вовсе неживучи. Я сказалъ великому князю, что Турція готова была тогда даже заключить съ Россіею оборонительный и наступательный договоръ, если бы вы только согласились отмѣнить нѣкоторыя неосуществимыя статьи послѣдняго договора. Но вы остались глухи. Я свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, но спасеніе остальной части моей Имперіи возлагаетъ на меня обязанность искать въ другомъ мѣстѣ поддержку, если Россія въ самомъ дѣлѣ поклялась насъ погубить!»¹ Слова эти прямо намекали на предложенный уже Англіею и скоро принятый Портою, союзный договоръ.

Съ этого дня вліяніе Англіи стало преобладающимъ въ Портѣ, которая не дѣлала ни шагу, не спросясь совѣта и не сообразуясь съ указаніями великобританскаго посла, въ чаяніи, что лондонскому двору удастся на предстоявшемъ конгрессѣ добыть ей тѣ облегченія, которыхъ ей не удалось достигнуть путемъ соглашенія съ Россіей. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, дипломатическому представителю Россіи приходилось вести съ турецкими министрами переговоры по важнымъ вопросамъ, не разрѣшеннымъ Санъ-стефанскимъ договоромъ вслѣдствіе торопливости, съ которою заключенъ былъ этотъ трактатъ. Въ первомъ ихъ ряду находился вопросъ объ очищеніи турецкими войсками крѣпостей: Варны и Шумлы въ Европѣ и Батума въ Азіи, для котораго не было определено срока, но которое представлялось настоятельно необходимымъ для обезпеченія тыла русскихъ войскъ, расположенныхъ какъ въ Азіи, такъ и подъ стѣнами Царьграда.

Пока засѣдалъ въ Берлинѣ конгрессъ, Порты не поддавалась ни на какіе доводы и представленія. Но тотчасъ по ратификаціи берлинскаго трактата князь Лобановъ, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ главнокомандующимъ, генераль-адъютантомъ Тотлебенемъ, предъявлялъ

¹ Князь Лобановъ князю Горчакову, 11-го мая 1878 г.

ей требованіе о сдачѣ поименованныхъ выше трехъ крѣпостей, ставя въ зависимость отъ этого акта и отступление русскої арміи отъ Царьграда. 7-го іюля русскія войска смѣнили турецкія въ Шумлѣ, 27-го того же мѣсяца въ Варнѣ и 25-го августа въ Батумѣ. «Занятіе Батума безъ боя» — писалъ императоръ Тотлебену — «и радушный приѣмъ, оказанный войскамъ нашимъ жителями, которые будто бы, по словамъ турокъ и ихъ покровителей англичанъ, были столь враждебно противъ насъ настроены, былъ для меня радостнымъ событіемъ, заключившимъ плоды минувшей войны»¹.

Возвращеніе русскихъ войскъ въ отечество началось послѣ блестящаго слотра, произведеннаго главнокомандующимъ въ Санъ-Стефано 5-го августа, въ присутствіи высшихъ турецкихъ сановниковъ и иностранныхъ пословъ, въ виду Константинополя. Одна часть войскъ отплыла на судахъ моремъ, въ Одессу и Севастополь; другая отступила сухимъ путемъ въ направленіи къ границамъ Восточной Румелии и Болгаріи. 15-го сентября главная квартира дѣйствующей арміи перенесена въ Адрианополь.

Въ этомъ городѣ она пребыла цѣлые пять мѣсяцевъ. Дальнѣйшее отступление пришлось приостановить, вслѣдствіе цѣлага ряда происшествій, возбуждавшихъ опасеніе, что обязательства, наложенныя на Порту берлинскимъ трактатомъ, не будутъ исполнены ею. То были: возстаніе мусульманъ, вспыхнувшее въ Родонскихъ горахъ, образованіе Албанской Лиги и сопротивленіе ея передачѣ черногорцамъ территорій, просужденныхъ имъ конгрессомъ, жестокости, совершенныя турками надъ христіанами въ мѣстностяхъ, очищенныхъ русскими войсками, по мѣрѣ возвращенія въ нихъ оттоманскихъ властей. Но главною причиною продолжительнаго пребыванія въ Адрианополѣ главнокомандующаго съ его штабомъ и задержанія отступления арміи было уклоненіе Порты отъ заключенія съ Россією окончательнаго мирнаго договора, который имѣлъ подтвердить всѣ статьи Санъ-стефанскаго «прелиминарнаго» трактата, не отмѣненныя берлинскомъ конгрессомъ.

Трудная задача эта была возложена на князя Лобанова, которому пришлось, въ данномъ случаѣ, бороться и съ обычною тактикою турецкихъ министровъ, искавшихъ путемъ проволочекъ затормозить дѣло, и съ враждебнымъ Россіи вліяніемъ на Порту представителей прочихъ великихъ державъ. Не малымъ препятствіемъ успѣху переговоровъ служили также непрерывныя перемѣны въ личномъ составѣ оттоманскаго правительства. По этому поводу императоръ Александръ писалъ изъ Ливадіи генералъ-адъютанту Тот-

¹ Государь Тотлебену, 27-го августа 1878 г.

лебену: «Весьма желательно выйти намъ скорѣе изъ того неопредѣленнаго и тягостнаго положенія, въ которое мы поставлены сплюю обстоятельствъ, отъ насъ независящихъ; поэтому необходимо намъ настаивать на заключеніи съ Портою окончательнаго мирнаго договора. Къ сожалѣнію, дѣло это не подвигается, благодаря интригамъ англійскаго посла въ Константинополь, поддерживаемаго и французскимъ... Эти же интриги проявляются и въ Румыніи, и намъ извѣстно, что въ виду могущаго быть новаго разрыва съ Турціею Англія совѣтовала румынамъ не соглашаться на сохраненіе за нами права пользоваться свободнымъ чрезъ нее военнымъ сообщеніемъ, которое для насъ необходимо, пока войска наши будутъ оставаться на правомъ берегу Дуная... Все это меня озабочиваетъ до крайности. Да поможетъ намъ Богъ выйти изъ всей этой компликаціи безъ новой войны!»¹

По возвращеніи въ Петербургъ изъ Крыма, государь сообщалъ главнокомандующему: «Политическія дѣла, къ сожалѣнію, продолжаютъ находиться въ томъ же неопредѣлительномъ положеніи, которое для насъ столь томительно. Перемена министерства въ Константинополь вновь замедлила заключеніе окончательнаго мирнаго договора съ Портою. По послѣднимъ свѣдѣніямъ князя Лобанова, преемникъ Савфета-паши, Каратеодори высказалъ завѣреніе о желаніи его окончить это дѣло въ возможно скорѣйшемъ времени; но я не вполне довѣряю этимъ завѣреніямъ, зная изъ достовѣрныхъ источниковъ, что англійскій посолъ Лайярдъ продолжаетъ употреблять все средства, чтобы препятствовать исполненію нашихъ требованій. Съ другой стороны обнаружившіяся несогласія между членами румелійской комиссіи не предвѣщаютъ ничего хорошаго; европейскіе ея члены, какъ кажется, хотя и убѣдились въ непрактичности будущей ея организаціи на основаніи берлинскаго трактата, но не имѣютъ довольно смѣлости въ томъ признаться публично. Изъ этого возникаетъ новая комбинація *occupation mixte*. Если она намъ будетъ предложена, то мы, разумѣется, не иначе можемъ на нее согласиться, какъ по окончаніи предоставленнаго намъ срока окупаціи и съ тѣмъ, чтобы и мы въ ней участвовали наравнѣ съ прочими. Покуда все войска наши должны оставаться на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ, до сдачи Портою Подгорицы и подписанія и ратификаціи окончательнаго мирнаго договора.... Я самъ было простудился въ Москвѣ; и вслѣдствіе того не могу еще отдѣлаться отъ кашля. Слабость, которую я послѣ того чувствовалъ, начинаетъ проходить и силы возвра-

¹ Государь Тотлебену, 3-го ноября 1878 г.

щаются, хотя заботъ у меня не мало. Да поможетъ намъ Богъ какъ можно скорѣе выйти изъ теперешнихъ компликацій, какъ въѣшнихъ, такъ и внутреннихъ ¹!»! Отвѣчая на поздравленіе главнокомандующаго съ наступленіемъ новаго 1879 года, императоръ телеграфировалъ ему: «Благодарю и поздравляю также съ новымъ годомъ тебя и всѣ славныя войска въ твоей арміи. Дай Богъ чтобы намъ удалось наконецъ заключить окончательный миръ и воротить васъ домой. Въ этомъ заключаются ежедневныя мои молитвы» ². Тотчасъ по подписаніи окончательнаго мира съ Портою высочайше повелѣно Тотлебену принять всѣ мѣры къ немедленному возвращенію дѣйствующей арміи въ Россію. «Ни въ какомъ случаѣ» — подтвердилъ ему государь — «не допускаю возможности не только дальнѣйшаго оставленія арміи за границей, но и продленія окупаціи долѣе срока, назначеннаго берлинскимъ трактатомъ. Сообщи это категорически князю Дондукову» ³.

Нѣсколько дней спустя, князь Лобановъ, преодолевъ всѣ препятствія, подписалъ въ Константинополѣ съ уполномоченнымъ Порты министромъ иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-пашою столь нетерпѣливо ожидаемый у насъ окончательный мирный договоръ. Актомъ этимъ устанавливались миръ и дружба между обѣими имперіями; объявлялось, что постановленія берлинскаго трактата замѣнили статьи трактата Санъ-стефанскаго, измѣненныя или отмѣненныя конгрессомъ; слѣдующее Россіи отъ Турціи денежное вознагражденіе опредѣлено въ 802¹/₂ милліона франковъ, а способъ уплаты предоставленъ позднѣйшему соглашенію; вознагражденіе русскимъ подданнымъ за убытки ограничено суммою въ 2.675,000 франковъ; положено свести и уплатить взаимныя счета по содержанію военнопленныхъ; предоставлено жителямъ уступленныхъ Россіи мѣстностей покинуть ихъ въ трехлѣтній срокъ съ правомъ продажи ихъ недвижимыхъ имуществъ; обѣщано прощеніе лицамъ, уличеннымъ въ сношенія съ непріателемъ во время войны, и дозволено тѣмъ изъ оттоманскихъ подданныхъ съ ихъ семьями, которые этого пожелаютъ, удалиться вмѣстѣ съ русской арміей изъ предѣловъ Турціи; дарована амнистія всѣмъ оттоманскимъ подданнымъ, принимавшимъ участіе въ событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ и повергнутыхъ за это ссылкѣ или какому либо иному наказанію; вновь введены въ дѣйствіе, приостановленныя войною, всѣ договоры и обязательства обѣихъ сторонъ, касающіяся торговли или правъ,

¹ Государь Тотлебену, 12-го декабря 1878 г.

² Государь Тотлебену, 1-го января 1879 г.

³ Государь Тотлебену 23-го января 1879 г.

предоставленныхъ въ Турціи русскимъ подданнымъ; Порта обязалась рассмотреть всѣ искъ русскихъ подданныхъ и доставить имъ удовлетвореніе ¹.

Миръ съ Турціей, по ратификаціи, обнародованъ высочайшимъ манифестомъ, въ которомъ подробно изложены причины войны, весь ходъ ея и обстоятельства, приведшія къ заключенію Санъ-стефанскаго «предварительнаго» договора и къ соглашенію ихъ на берлинскомъ конгрессѣ съ международными обязательствами Россіи съ другими великими державами. Результаты войны перечислены въ слѣдующихъ словахъ манифеста: «Отнынѣ всѣми признана полная независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи и владѣнія сихъ княжествъ расширены; сѣверная Болгарія возведена въ самостоятельное княжество, турецкія крѣпости въ ней имѣютъ быть срыты; большей части южной Болгаріи, подъ наименованіемъ Восточной Румелии, предоставлена автономія, подъ управленіемъ князя-губернатора христіанскаго вѣроисповѣданія. Турція обязалась даровать прочимъ ея областямъ въ Европѣ новыя административныя учрежденія; Россіи возвращена часть Бессарабіи, отторгнутая отъ нея парижскимъ трактатомъ 1856 года; въ Азіатской Турціи владѣнія наши расширились присоединеніемъ Карса, Ардагана и Батума, съ прилегающею къ нимъ территоріею». Манифестъ заключался выраженіемъ увѣренности государя, что русскіе люди соединяютъ свои молитвы съ его молитвами «въ воздаяніе благодаренія Всевышнему, даровавшему Россіи новыя побѣды, новую славу и признательность освобожденныхъ ею племенъ христіанскихъ» ².

Императоръ Александръ былъ крайне обрадованъ вѣстью о заключеніи окончательнаго мира. «Дай Богъ, чтобы онъ былъ проченъ»—телеграфировалъ онъ главнокомандующему дѣйствующею арміею «и чтобы всѣ вы благополучно вернулись домой. При этомъ не могу не повторить мое сердечное спасибо тебѣ и всѣмъ участникамъ въ минувшей войнѣ. Вы всѣ честно и славно исполнили вашъ долгъ» ³. Но все еще политическій горизонтъ представлялся императору тревожнымъ и мрачнымъ. «Не могу скрыть отъ тебя»—писалъ онъ нѣсколько дней спустя Тотлебену—«моихъ опасеній о тѣхъ complicаціяхъ, которыя насъ еще ожидаютъ, благодаря непрактичности рѣшеній берлинскаго конгресса. Никому лучше неизвѣстно, какъ тебѣ, что затрудненія эти начали уже обнаруживаться. Не-

¹ Мирный договоръ Россіи съ Турціею, 27-го января 1879 г.

² Высочайшій манифестъ, 3-го февраля 1879 г.

³ Государь Тотлебену, 27-го января 1879 г.

смотря на то, намъ слѣдуетъ держаться того, что было рѣшено еще во время пребыванія твоего въ Ливадіи... Мнѣ остается желать, чтобы эвакуація арміи нашей исполнилась, согласно твоему плану, въ должномъ порядкѣ и чтобы не повторилось теперь то же, что произошло при отступленіи нашемъ изъ Сантъ-Стефано. Опасаюсь еще большихъ безпорядковъ, когда придется намъ совершенно очистить Восточную Румелию. Всѣ мѣры, нынѣ нами предпринимаемыя относительно сей отторгнутой части Болгаріи, должны бы доказать Европѣ правильность нашихъ дѣйствій и потому отвѣтственность за тѣ волненія, которыя могутъ произойти тогда между болгарами падеть не на насъ, а на прочія европейскія державы, участвовашія въ берлинскомъ конгрессѣ. Ты хорошо сдѣлалъ, что отклонилъ вмѣшательство ихъ представителей въ такъ называемой европейской комиссіи въ дѣла, касающіяся собственно нашего управленія...¹

Высочайшая воля была исполнена. 6-го февраля начался отходъ войскъ съ передовыхъ пунктовъ: Визы, Люле-Вургаса, Айроболя. 22-го февраля главнокомандующій оставилъ Адрианополь, а 4-го марта выступилъ изъ этого города генераль-адъютантъ Скобелевъ съ послѣднимъ кавалерійскимъ эшелономъ. Провелъ десять дней въ Варшѣ, Тотлебенъ 10-го марта отбылъ въ Одессу. Турецкія владѣнія въ Европѣ и въ Азіи были все очищены отъ русскихъ войскъ. Окупаціонный русскій корпусъ остался, на точномъ основаніи постановленій берлинскаго конгресса, лишь въ Восточной Румелии и въ Болгаріи для обезпеченія вводимаго тамъ новаго государственнаго устройства.

Задачу эту берлинскій конгрессъ возложилъ на русскую власть только въ сѣверной Болгаріи и то подѣ наблюденіемъ комиссаровъ великихъ державъ. Въ Болгаріи южной начертаніе органическаго статута поручено было комиссіи, составленной изъ делегатовъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ конгрессѣ. Впредь до введенія новаго устройства въ обѣихъ областяхъ, онѣ оставались подѣ русскимъ управленіемъ.

По кончинѣ начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи, князя Черкаскаго, умершаго въ Сантъ-Стефано въ самый день подписанія «предварительнаго» мирнаго договора, императоръ Александръ назначилъ, съ званіемъ императорскаго комиссара, генераль-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, избравшаго мѣстомъ своего пребыванія Филиппополь. Но когда состоялось на конгрессѣ раздѣленіе Болгаріи на вассальное княжество и автономную область, императорскій комиссаръ переѣхалъ въ сѣ-

¹ Государь Тотлебену, 6-го февраля 1879 г.

верную Болгарію, а во главѣ временнаго управленія Восточною Румелиею поставленъ особый генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Столыпинъ. Скоро прибыла въ Филиппополь и европейская коммиссія, приступившая къ выработкѣ основного закона области и, согласно постановленію конгресса, принявшая въ свое завѣдываніе ея финансы. Между комиссарами съ одной стороны, русскими властями и болгарскимъ населеніемъ съ другой, происходили частыя пререканія и даже столкновенія, устранять и сглаживать которыя выпадало на долю примиряющаго вліянія русскаго посла въ Константинополь. Съ большою силою и единодушіемъ проявлялось неудовольствіе въ средѣ болгаръ, крайне возбужденныхъ нечаяннымъ раздѣленіемъ общаго отечества на двѣ половины. Рѣзко выражали они его въ адресахъ и другихъ обращеніяхъ къ великимъ державамъ, въ газетныхъ статьяхъ, въ пламенныхъ рѣчахъ на общественныхъ собраніяхъ и сходкахъ.

Императоръ Александръ самъ глубоко скорбѣлъ о расчлененіи Болгаріи. «Симпатіи болгаръ, находящихся подъ нашимъ управленіемъ» — писалъ онъ Тотлебену — «къ ихъ соплеменникамъ, оставшимся подъ владычествомъ Турціи, вполне понятны. Поэтому я опасаясь, что образованіе такъ называемой Восточной Румелии согласно берлинскому трактату окажется на дѣлѣ неисполнимымъ. Самое выгодное было бы для насъ, если бы члены европейской румелийской коммисіи сами могли въ томъ убѣдиться»¹. Государь одобрялъ распоряженія главнокомандующаго объ устраненіи европейскихъ комиссаровъ отъ вмѣшательства въ управленіе областью и объ образованіи мѣстной милиціи съ русскими кадрами и инструкторами. По представленію генераль-адъютанта Тотлебена, онъ рѣшилъ передать въ военные склады обѣихъ Болгаріи всѣ ружья системы Крынка, оставшіяся безъ употребленія послѣ перевооруженія нашей пѣхоты ружьями Бердана, «дабы дать» — какъ выразился онъ въ письмѣ къ главнокомандующему, — «болгарамъ возможность, подобно албанцамъ, отстаивать свою независимость»². Въ другомъ письмѣ къ нему же императоръ развивалъ слѣдующія мысли: «Тѣ мѣры, которыя ты предлагаешь, я одобряю, какъ существенное средство, могущее остановить переселеніе христіанъ изъ Восточной Румелии, когда настанетъ время очищенія ея нашими войсками, и ты справедливо говоришь, что намъ никогда не представится болѣе благоприятнаго случая подготовить болгаръ къ самозащитѣ, какъ въ настоящее время, когда всѣ распоряженія за-

¹ Государь Тотлебену, 3-го ноября 1878 г.

² Государь Тотлебену, 12-го октября 1878 г.

висятъ еще отъ нашихъ властей. При этомъ, весьма вѣроятно, какъ ты самъ говоришь, что Порта будетъ протестовать противъ учрежденія большихъ складовъ оружія и обученія стрѣльбѣ большого числа охотниковъ и что въ своихъ протестахъ найдетъ сочувствіе и у другихъ державъ. Но я полагаю, какъ и ты, что ни одно государство по этому вопросу не объявитъ намъ войны и что всѣ огранчатся протестами, а между тѣмъ дѣло будетъ сдѣлано и независимость болгаръ обезпечена не менѣе Албаніи, которая, — и я полагаю, — по всей вѣроятности, отложится отъ Турціи. Назначеніе турецкихъ офицеровъ въ болгарскую милицію немыслимо и не можетъ состояться, ибо по берлинскому договору Порта обязана назначать таковыхъ той же національности, которой принадлежитъ большинство милиціонеровъ. Наблюденіе за этимъ есть одна изъ главныхъ обязанностей румелійской коммисіи, въ которой участвуютъ и наши делегаты. Совершенно правильныя ихъ дѣйствія даютъ мнѣ полную надежду, что они не попустятъ никакого отступленія отъ настоящаго смысла берлинскаго договора, котораго исполненіе равно обязательно для всѣхъ державъ, въ немъ участвовавшихъ»¹.

На точномъ основаніи высочайшихъ указаній выработаны были, на совѣщаніи посла въ Константинополь съ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, окончательныя наставленія генералъ-адъютанту Столыпину. Государь одобрилъ ихъ и выразилъ удовольствіе по поводу адресовъ, поданныхъ Тотлебену жителями Адрианополя всѣхъ національностей передъ отъѣздомъ его изъ этого города, находя эти адреса «лучшимъ доказательствомъ, что они умѣютъ цѣнить честныя, безкорыстныя и справедливыя дѣйствія нашихъ властей, равно и примѣрно добродушное поведеніе нашихъ войскъ». Но императора продолжало озабочивать броженіе среди болгарскаго населенія, направленное противъ разъединенія Болгаріи. Въ концѣ февраля 1879 года, онъ такъ выражалъ Тотлебену опасенія свои по этому поводу: «Изъ телеграммъ явствуетъ, что умы болгаръ находятся въ большомъ волненіи и что они не могутъ привыкнуть къ мысли отчужденія отъ княжества Восточной Румеліи и Македоніи, и хотятъ обратиться съ протестомъ на рѣшеніе берлинскаго договора ко всей Европѣ и будто бы въ этомъ находятъ поддержку какъ въ англійскомъ, такъ и въ австрійскомъ делегатахъ. Признаюсь, на поддержку эту я смотрю съ большимъ недоумѣніемъ и опасаясь намѣренія ихъ вовлечь болгаръ въ такія дѣйствія, которыя могли бы оправдать въ глазахъ Европы вооружен-

¹ Государь Тотлебену, 19-го октября 1878 г.

ное вмѣшательство Турціи, тѣмъ болѣе, что изъ секретныхъ свѣдѣній мы знаемъ достовѣрно, что англійское правительство совѣтуетъ туркамъ ускорить занятіемъ и укрѣпленіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ Балканахъ. Къ сожалѣнію, по берлинскому трактату турки имѣютъ на это право, но, однако, не прежде окончательнаго проведенія пограничной линіи между княжествомъ Болгарскимъ и Восточною Румеліею, на чемъ я и настаиваю»¹.

По мѣрѣ приближенія опредѣленнаго берлинскимъ конгрессомъ срока для вывода русскихъ войскъ изъ Восточной Румеліи и передачи управленія этою областью назначенному султаномъ, съ согласія великихъ державъ, генераль-губернатору, императоръ Александръ все болѣе и болѣе утверждался въ мысли, что добровольный отказъ Порты отъ пользованія предоставленнымъ ей конгрессомъ правомъ содержать турецкіе гарнизоны въ Балканахъ былъ бы лучшимъ средствомъ успокоить волненіе умовъ въ болгарскомъ населеніи, предотвратить беспорядки и до извѣстной степени примирить болгаръ съ раздѣленіемъ ихъ отечества на двѣ, или, точнѣе, на три части. Убѣжденіе свое государь изложилъ въ собственноручномъ письмѣ къ султану, которое отправилъ въ Константинополь съ генераль-адъютантомъ Обручевымъ. Абдуль-Гамидъ внялъ благоразумному совѣту и уполномочилъ русскаго генерала объявить населенію Восточной Румеліи, что Порта, не отрекаясь отъ своихъ правъ, не имѣетъ, однако, въ настоящую минуту намѣренія вводить свои войска въ автономную область².

Изъ Константинополя генераль-адъютантъ Обручевъ направился въ Филиппополь и тамъ, 24-го апрѣля, всенародно прочелъ воззваніе русскаго императора къ болгарамъ Восточной Румеліи. Государь объявлялъ имъ о твердой рѣшимости своей исполнить въ точности постановленія берлинскаго трактата, который одинъ можетъ обезпечить имъ пользованіе правами, добытыми русскимъ оружіемъ, и о приказаніи русскимъ войскамъ очистить эту область въ установленный конгрессомъ срокъ. Его величество благодарилъ населеніе за чувства преданности и признательности, неоднократно выраженныхъ русскому царю и Россіи, и изъявлялъ надежду, что чувства эти будутъ переданы нынѣшнимъ поколѣніемъ дѣтямъ и внукамъ. Перечисливъ права, обезпеченныя жителямъ области органическимъ статутомъ, выработаннымъ международною комиссіею: охрана жизни, чести и собственности, широкое самоуправленіе и распоряженіе финансовыми средствами страны подъ властью гене-

¹ Государь Тотлебену, 23-го февраля 1879 г.

² Князь Лобановъ князю Горчакову, 25-го апрѣля 1879 г.

ралъ-губернатора, христіанна и единовѣрца,—императоръ приглашалъ ихъ пользоваться этими правами въ духѣ мирнаго развитія ихъ гражданской жизни. Онъ выражалъ строгое порицаніе замысламъ, имѣющимъ цѣлью насильственное низверженіе установленнаго въ краѣ, съ общаго согласія великихъ державъ, порядка, которые могли бы навлечь на страну лишь новыя бѣдствія и подорвать въ корнѣ дѣло національнаго возрожденія ¹.

Царскія слова генералъ-адъютантъ Обручевъ пояснилъ въ рѣчи, непосредственно обращенной къ народу, въ которой упомянулъ и объ обѣщаніи султана не вводить турецкихъ войскъ въ Восточную Румелію, пока не будетъ нарушенъ въ этой области законный порядокъ, и которую заключилъ слѣдующими словами: «Порта сдержитъ регулярныя свои силы; противъ вторженія же башни-бузукъ у васъ есть оружіе; на то оно вамъ дано, чтобы вы могли защищать отъ злодѣевъ ваши дома, вашихъ женъ и дѣтей и чтобы въ вашей странѣ не могли уже повторяться тѣ ужасы, отъ которыхъ она страдала въ теченіе многихъ вѣковъ. Отнынѣ ваше положеніе прочно. Пользуйтесь его благами безъ всякихъ опасеній. Благодарите за нихъ Творца, благодарите русскій народъ и храните навсегда неизгладимую благодарность къ великому царю, освободителю вашему. Помолитесь же о сохраненіи и продленіи драгоцѣнныхъ дней его».

Императорское воззваніе къ обитателямъ Восточной Румеліи произвело ожидаемое дѣйствіе. Введеніе въ область новаго управленія и водвореніе въ ней генералъ-губернатора по назначенію султана произошли въ полномъ порядкѣ.

Султанъ утвердилъ выработанный для автономной области европейскою комиссіею органической статутъ, установившій въ ней народное представительство на выборномъ началѣ и провозгласившій неприкосновенность личности и собственности, полную свободу совѣсти и мысли. Генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи на первые пять лѣтъ Порта предполагала назначить Рустема-пашу, далматинца родомъ и католика, и получила на это согласіе всѣхъ великихъ державъ за исключеніемъ Россіи. Русскому послу въ Константинополь удалось устранить эту кандидатуру и остановить окончательный выборъ султана на Александрѣ Богоридѣ, лицѣ болгарскаго происхожденія и православномъ по вѣроисповѣданію. Новый генералъ-губернаторъ вѣхалъ въ Филипппооль 15-го мая и былъ привѣтствуемъ всѣмъ населеніемъ, благодаря тому, что на головѣ его вмѣсто ненавистной турецкой фески надѣтъ былъ національный

¹ Воззваніе императора Александра II къ болгарамъ Восточной Румеліи.

болгарскій «колпакъ». Три дня спустя онъ вступилъ въ управленіе областью, причѣмъ хотя и былъ прочитанъ султанскій фирманъ, но турецкій флагъ съ полумѣсяцемъ поднять не былъ, такъ какъ нельзя было салютовать ему 101 пушечнымъ выстрѣломъ, за неимѣніемъ въ распоряженіи турецкаго начальника мѣстной милиціи достаточнаго количества пороха. ¹

Одновременно, новое государственное устройство введено и въ Болгарскомъ княжествѣ.

Основной законъ страны, названный органическимъ уставомъ, выработанъ былъ въ совѣтѣ императорскаго комиссара въ Болгаріи и пересмотрѣнъ въ особой комиссіи, образованной при II Отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи, состоявшей изъ главноуправляющаго Отдѣленіемъ князя Урусова, статсъ-секретаря Бруна, вице-директора азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ Мельникова и профессора государственнаго права Петербургскаго университета Градовскаго. Проектъ устава, по утвержденіи государемъ, былъ переданъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ на обсужденіе созваннаго имъ собранія именитыхъ людей Болгаріи. ²

Собраніе это состояло изъ 231 члена, раздѣленныхъ на четыре разряда: 13 представителей духовенства, изъ нихъ два пнофѣрца; 103 представителя администраціи и суда; 34 депутата по выборамъ, изъ коихъ 29 отъ округовъ и 5 отъ разныхъ обществъ и учрежденій; 21 депутатъ по назначенію императорскаго комиссара.

Настроеніе представителей болгарскаго народа было тревожное и возбужденное. Они не мирились съ отторженіемъ Восточной Румелии отъ княжества и съ оставленіемъ Македоніи подъ властью Порты. На частныхъ совѣщаніяхъ поднимался и обсуждался вопросъ: не лучше ли, вовсе не приступая къ разсмотрѣнію органическаго устава, протестовать въ адресъ русскому императору и въ заявленіи на имя правительствъ прочихъ великихъ державъ противъ провозглашеннаго берлинскимъ конгрессомъ расчлененія Болгаріи, и затѣмъ разойтись? Князю Дондукову-Корсакову немалого труда стоило убѣдить вліятельнѣйшихъ изъ депутатовъ отказаться отъ этого намѣренія. Два дня провелъ онъ въ переговорахъ съ ними, убѣждая ихъ благоразумно подчиниться рѣшеніямъ Европы, освященнымъ согласіемъ державнаго Освободителя, обнадеживая ихъ близкою переминою обстоятельствъ въ ихъ пользу и осуществленіемъ въ недалекомъ будущемъ ихъ стремленій, несбыточныхъ въ

¹ Генералъ Столыпинъ князю Лобанову, 18-го мая 1879 г.

² П. А. Матѣевъ, Болгарія послѣ берлинскаго конгресса, стр. 26.

настоящее время. Внушенія эти увѣнчались успѣхомъ. Большинство депутатовъ обѣщало князю-комиссару сообразоваться съ его совѣтами и указаніями.

Открытие собранія состоялось въ Тырновѣ, 10-го февраля. Къ 10 часамъ утра въ зданіи конака, въ залѣ, отведенной для засѣданій, собрались всѣ депутаты и заняли приготовленные для нихъ мѣста. За отдѣльнымъ столомъ помѣстился уполномоченный императорскаго комиссара, членъ совѣта управленія Лукьяновъ. Особая трибуна была отведена для иностранныхъ консуловъ и турецкаго комиссара. Толпа народа, люди всѣхъ званій и положеній, наполняли конакъ и прилегающія къ нему улицы и площади. Войдя въ залу, князь Дондуковъ-Корсаковъ направился къ старѣйшему изъ представителей православнаго духовенства, 82-хъ-лѣтнему старцу, преосвященному Анеиму, митрополиту виддинскому и бывшему болгарскому экзарху, и принявъ отъ него благословеніе, стоя у портрета императора Александра II, возвышавшагося посреди залы, прочиталъ рѣчь на русскомъ языкѣ, обращенную «къ достопочтенному собранію представителей Болгарскаго княжества». Въ ней онъ именемъ государя привѣтствовалъ депутатовъ съ открытіемъ собранія, призваннаго положить прочное основаніе государственному устройству страны, и передалъ на его обсужденіе проектъ органическаго устава, замѣтивъ, что проектъ этотъ—не болѣе какъ программа, составленная для облегченія трудовъ собранія, отъ котораго зависитъ внести въ него, какія оно признаетъ нужными, измѣненія или дополненія, «по совѣсти и убѣжденію» каждаго изъ членовъ. Подробно распространясь о результатахъ, достигнутыхъ временнымъ русскимъ управленіемъ Болгаріи, князь выразилъ желаніе, чтобы Всевышній благословилъ начинанія собранія «на счастье и благоденствіе страны, столь близкой намъ, русскимъ, по крови, по принесеннымъ Россією жертвамъ и по великодушнымъ чувствамъ нашего царя, Освободителя болгарскаго народа». «Объявляю первое собраніе представителей болгарскаго княжества открытымъ»—заклучилъ императорскій комиссаръ—«и приглашаю васъ, господа, по подписаніи протокола, вмѣстѣ со мною, въ древнемъ Тырновскомъ соборѣ вознести Господу Богу молитвы объ успѣшномъ окончаніи предстоящихъ вамъ трудовъ и принести благодареніе Царю Царей, сподобившему насъ соприсутствовать великой исторической минутѣ возрожденія вашего многострадальнаго отечества»¹

19-го февраля, въ день восшествія императора Александра на престолъ и первой годовщины Санъ-стефанскаго договора, осво-

¹ Князь Дондуковъ-Корсаковъ государю, 10-го февраля 1879 г.

бодившаго Болгарію, депутаты народнаго собранія представили императорскому комиссару адресъ, увѣряя въ немъ, что болгары никогда не забудутъ «великаго значенія этого священнаго дня, который будетъ для нихъ днемъ величайшей радости и торжествъ, символомъ непримѣрной въ исторіи братской любви народа русскаго къ болгарамъ, днемъ такимъ, въ который болгары изъ глубины души будутъ молить Бога о благоденствіи и могуществѣ великаго русскаго народа и его великаго монарха». Адресъ заключался просьбою повергнуть къ стопамъ государя выраженіе этихъ чувствъ болгарскаго народа¹.

Сессія, тырновскаго учредительнаго собранія продолжалась около шести недѣль, въ теченіе которыхъ оно пересмотрѣло и переработало проектъ органическаго устава, переименовавъ его въ «конституцію Болгарскаго княжества». Хотя проектомъ устава и вводился въ Болгаріи представительный образъ правленія со всѣми его гарантіями и обрядами, но внесенныя въ него собраніемъ измѣненія не ограничились перемѣною названія, а придали основному закону страны еще болѣе либеральный и демократическій отбѣнокъ. Учрежденъ государственный совѣтъ, долженствовавшій замѣнить верхнюю палату, введено всеобщее голосованіе, вассальное отношеніе Болгаріи къ султану обойдено молчаніемъ, княжеская власть значительно ограничена, провозглашена полная свобода печати, сходокъ и ассоціацій. Въ такомъ видѣ тырновская конституція была, съ высочайшаго соизволенія, утверждена княземъ Дондуковымъ, который, закрывая собраніе, поздравилъ его съ успѣшнымъ разрѣшеніемъ порученной ему задачи. «Послѣднія и окончательныя рѣшенія» — сказалъ онъ — «устраняютъ всѣ поводы къ обвиненію васъ въ незрѣлости и въ неподготовкѣ къ предоставленной вамъ свободной политической жизни. Счастливое, правильное и законное довершеніе вами возложеннаго на васъ законодательнаго труда торжественно оправдываетъ довѣріе къ вамъ моего великаго государя».

Императоръ Александръ въ воззваніи къ населенію княжества самъ возвѣстилъ ему о предстоящемъ удаленіи русскихъ войскъ изъ Болгаріи и объ избраніи князя, на основаніи подлежащихъ статей берлинскаго трактата и тырновской конституціи. Воззваніе начиналось тѣми же словами, какъ и то, что было обращено къ жителямъ Восточной Румелии. Государь благодарилъ болгаръ за чувства признательности, выраженный его особѣ и всему русскому народу за безкорыстное содѣйствіе и тяжкія жертвы, принесенныя ихъ освобожденію. «Господь» — говорилъ онъ — «благословилъ

¹ Князь Дондуковъ-Корсаковъ государю, 19-го февраля 1879 г.

оружіе, поднятое мною на защиту вашего праваго дѣла, и дозво-
 лить мнѣ совершить то, что я желалъ. Державы, по чувству спра-
 ведливости, не могли не признать права гражданства болгарской на-
 родности. Берлинскій трактатъ, признавая ихъ окончательнo за
 вами и обезпечивъ вашу независимость, положилъ въ основаніе
 Болгарскаго княжества твердыя основы для дальнѣйшаго развитія
 валеи народности». Болгары приглашались доказать, что они спо-
 собны къ политической независимости и достаточно зрѣлы, чтобы
 пользоваться предоставленными имъ правами. Приглашались они
 также избрать себѣ князя, который призванъ быть ихъ вождемъ
 и защитникомъ ихъ интересовъ предъ державами. Въ лицѣ буду-
 щаго перваго болгарскаго князя, Царь-Освободитель привѣтство-
 валь возрожденіе народа болгарскаго¹.

17-го апрѣля, въ день рожденія императора Александра, въ
 Тырновѣ, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго на пло-
 щади предъ конакомъ, императорскіи комиссаръ открылъ великое
 народное собраніе, созванное, на основаніи конституціи, для избра-
 нія князя. Въ рѣчи своей онъ, именемъ государя и въ выраже-
 ніяхъ, не допускавшихъ никакого сомнѣнія, предупредилъ депута-
 товъ, что его величество ни подъ какимъ видомъ не допуститъ ни
 одного изъ своихъ подданныхъ принять избраніе на болгарскій
 престоль, и напомнилъ собранію о важности предстоящаго ему
 дѣла, которое оно призвано совершить вполнѣ свободно, безъ ма-
 лѣйшаго стѣсненія или давленія извнѣ, послѣ чего самъ вышелъ изъ
 залы въ сопровожденіи своей свиты и дипломатическихъ представи-
 телей великихъ державъ. Засѣданіе собранія происходило при закры-
 тыхъ дверяхъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Аноима. На
 кафедре возшелъ софійскій митрополитъ Климентъ и высказалъ,
 что собраніе можетъ имѣть въ виду лишь трехъ серьезныхъ кан-
 дидатовъ на княжескій престоль: принца Вальдемара датскаго,
 германскаго посла при австро-венгерскомъ дворѣ, князя Рейса и
 племянника русской императрицы принца Александра Баттенберг-
 скаго. Первые два, по мнѣнію преосвященнаго, не удовлетворяютъ
 условіямъ, которыя болгарскій народъ желалъ бы видѣть совѣ-
 щенными въ лицѣ своего государя. Въ пользу же принца Але-
 ксандра говорятъ какъ близкое родство его съ русскимъ цар-
 ствующимъ домомъ, такъ и личныя его достоинства. Къ тому же
 онъ, одинъ изъ всѣхъ кандидатовъ, сражался за освобожденіе Бол-
 гаріи, а потому на немъ и должно собраніе остановить свой вы-

¹ Воззваніе императора Александра II къ населенію княжества Болгар-
 скаго, 11-го апрѣля 1879 г

боръ. Въ отвѣтъ на рѣчь митрополита Климента раздался единодушный крикъ депутатовъ: «Да живеть князь Александръ!» и принцъ Баттенбергскій единогласно провозглашенъ владѣтельнымъ и наследственнымъ княземъ Болгаріи¹.

Вѣсть объ избраніи племянника императрицы Маріи Александровны болгарскимъ княземъ императоръ Александръ получилъ въ Ливадіи, гдѣ вмѣстѣ съ августѣйшей супругою проводилъ онъ часть весны 1879 года. Туда же прибылъ вскорѣ принцъ Александръ Баттенбергскій и тамъ принялъ депутацію отъ тырновскаго собранія, привезшую ему постановленіе о выборѣ. Напутствуемый пожеланіями и щедро одаренный милостями русскаго государя, молодой князь посѣтилъ дворы великихъ державъ, въ Константинополѣ принялъ изъ рукъ султана фирманъ, утверждавшій его избраніе и 25-го іюня, высадился на болгарскій берегъ въ Варнѣ. Тамъ встрѣтилъ его князь Дондуковъ во главѣ властей военныхъ и гражданскихъ и сопровождалъ его въ Тырновъ, гдѣ, въ древнемъ соборѣ, князь Александръ принялъ присягу на вѣрность конституціи и, вступивъ въ управленіе княжествомъ, прослѣдовалъ въ столицу его, Софію. Бывшій императорскій комиссаръ прямо изъ Тырнова возвратился въ Россію.

Трудную задачу введенія въ Болгарское княжество правильнаго и стройнаго государственнаго устройства временное русское управленіе исполнило въ краткій, опредѣленный конгрессомъ десяти-мѣсячный срокъ. Организованы на основаніи заданныхъ русскою властью части административная, финансовая, судебная и учебная; всѣ должности распредѣлены между болгарамъ; для новоизбраннаго князя приготовленъ въ Софіи дворецъ, снабженный мебелью, посудою и всѣми необходимыми принадлежностями придворнаго хозяйства; наконецъ, въ его же распоряженіе переданъ образовавшійся въ казнѣ княжества, избытокъ доходовъ надъ расходами въ 14.000,000 франковъ.

Но главныя усилія русскаго временнаго управленія направлены были къ созданію болгарской арміи. Съ этою цѣлью введена въ княжествѣ всеобщая воинская повинность на началахъ, сходныхъ съ тѣми, что приняты въ Россіи, и образовано земское войско въ составѣ 27 пѣхотныхъ дружинъ, 4 сотенъ кавалеріи, 6 полевыхъ батарей, одной роты осадной артиллеріи, одной саперной строевой и одной саперной же учебной роты. Дѣйствующія войска вооружены ружьями системы Кринка, отпущенными въ количествѣ 27,000 штукъ, по тысячѣ на каждую дружину. Для вооруженія запаса уступлено

¹ Князь Дондуковъ-Корсаковъ государю, 17-го апрѣля 1879 г.

около 100,000 винтовокъ разныхъ системъ и калибровъ, взятыхъ у турокъ въ минувшую войну; полевая артиллерія снабжена 142 орудіями, крѣпостная и осадная—31; изъ русскихъ интендантскихъ складовъ отпущены вещи и матеріалы для боевого снаряженія и обмундированія нижнихъ чиновъ; образованы военные лазареты и школы для приготовленія фельдшеровъ изъ болгаръ; основано въ Софіи военное училище на 250 человекъ, 90 болгарскихъ юношей отправлены для обученія въ Елисаветградскую юнкерскую кавалерійскую школу, а 42 въ школы—пиротехническую въ Петербургъ и оружейную въ Туль; подарена княжеству русская дунайская флотилія, а также всѣ конскіе запасы въ Болгаріи въ количествѣ 20,000 головъ. Осталось служить въ болгарской арміи въ качествѣ инструкторовъ и для занятія высшихъ военныхъ должностей 394 русскихъ офицера, изъ нихъ 36 болгарскаго происхожденія, а русскихъ нижнихъ чиновъ—2,700. Во главѣ вооруженной силы княжества, по образованіи княземъ Александромъ перваго болгарскаго министерства, поставленъ русскій генералъ, въ званіи военнаго министра.

Такъ благодѣтельствовалъ императоръ Александръ II имъ освобожденную страну, не выступая притомъ изъ предѣловъ, установленныхъ берлинскимъ конгрессомъ.

Строго предерживаться духа и буквы берлинскаго трактата, добросовѣстно исполнить всѣ его постановленія—такова была программа, указанная высочайшею волею дипломатическимъ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ. Если послѣдствіемъ ея будетъ всеобщее умиротвореніе, разсуждалъ князь Горчаковъ, то Россія можетъ только выиграть отъ прекращенія неопредѣленнаго положенія, тяжелымъ бременемъ лежащаго на ней; если же напротивъ она приведетъ къ усложненіямъ, то лучше для Россіи встрѣтиться съ ними, сосредоточивъ внутри себя свои силы¹. Не взирая, однако, на такой образъ мыслей и тщательно согласованный съ нимъ, добросовѣстный образъ дѣйствій русскаго двора, отношенія его къ прочимъ великимъ державамъ, не только не улучшились, но, можно сказать, обострились съ каждымъ днемъ.

Одна только Италія, сочувствуя дѣлу возрожденія балканскихъ христіанъ, подавала свой голосъ въ ихъ пользу во всѣхъ европейскихъ комиссіяхъ заодно съ представителями Россіи. Французскіе комиссары, слѣдуя получаемымъ изъ Парижа инструкціямъ, держали, напротивъ, болѣе сторону турокъ противъ христіанъ, или румынъ и грековъ противъ славянъ.

¹ Князь Горчаковъ князю Лобанову, 23-го января 1879 г.

Всѣхъ больше подозрительности и явной, вовсе не скрываемой враждебности къ Россіи и покровительствуемымъ ею народностямъ проявляла Англія. Обостренію нашихъ отношеній съ нею немало содѣйствовали происшествія въ Афганистанѣ.

Въ промежутокъ времени между заключеніемъ Санъ-стефанскаго мира и собраніемъ берлинскаго конгресса, когда у насъ ожидали войны съ Англіею и готовились къ ней, часть войскъ ташкентскаго военнаго округа была двинута за Аму - Дарью къ границамъ Афганистана, а въ Кабуль къ эмиру Ширъ-Али отправлено посольство, съ цѣлью привлечь его къ союзу съ Россіею противъ Великобританіи. Вѣсть о прибытіи въ столицу Афганистана генераловъ Столѣтова и Разгонова и о почетномъ приѣмѣ, оказанномъ имъ эмиромъ, получена была съ Лондонѣ вскорѣ по возвращеніи туда изъ Берлина лордовъ Биконсфильда и Салисбюри. Она крайне встревожила правительство и общественное мнѣніе Англіи и вызвала обращеніе сентъ-джемскаго кабинета въ Петербургъ съ требованіямъ немедленнаго отозванія русскихъ посланцевъ изъ Кабула, на томъ основаніи, что въ силу соглашенія, состоявшагося между Россіею и Великобританіею въ 1873 году, Россія обязалась не включать Афганистанъ въ сферу своего вліянія. Русскій дворъ отрицалъ, что дѣйствіе этого соглашенія прервано событіями послѣдняго времени, но что онъ не прочь возобновить его, если Англія обѣщаетъ уважать независимость Афганистана. Лордъ Салисбюри далъ это завѣреніе, хотя и не безъ существенныхъ оговорокъ, вслѣдствіе чего между нимъ и русскимъ посломъ въ Лондонѣ состоялся обмѣнъ писемъ, коими англо-русское соглашеніе по средне-азиатскимъ дѣламъ признано сохранившимъ для обѣихъ сторонъ обязательную силу. Русское посольство было отозвано изъ Кабула, а англо-индійскія войска тремя колоннами вступили въ Афганистанъ, чтобы наказать эмира за попытку вступить въ политическую связь съ Россіею.

Между тѣмъ эмиръ Ширъ-Али объявилъ народу, что не хочетъ вступать ни въ какія сдѣлки съ англичанами и самъ поѣдетъ въ Петербургъ, дабы несогласіе свое съ ними отдать на судъ императора всероссійскаго. 1-го декабря 1878 года онъ выѣхалъ изъ Кабула, пазначивъ сына своего Якубъ-хана правителемъ на время своего отсутствія и, въ сопровожденіи генерала Разгонова, прибылъ въ Мазаришерифъ, мѣстность, находящуюся въ русскихъ владѣніяхъ. Туркестанскому генералъ-губернатору предписано было принять эмира съ честью, но задержать его въ Ташкентѣ, отнюдь не допуская продолжать слѣдованіе въ Петербургъ. Ширъ-Али умеръ

отъ гангрены 9-го февраля, въ Ширъ-Абадѣ, не доѣхавъ даже до Ташкента.

Миръ, предписанный англичанами его сыну и преемнику Якубъ-хану, окончательно подчинилъ Афганистанъ британскому вліянію, обративъ новаго эмира въ подручника вице-короля Индіи. Не считая возможнымъ прямо противодѣйствовать такому распространенію англійскаго могущества въ Средней Азіи, въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ, русское правительство рѣшило, со своей стороны—расширить наши средне-азіатскія владѣнія, включивъ въ нихъ туркменскую степь, къ Востоку отъ Каспійскаго моря, и съ этою цѣлью овладѣть Ахаль-Текинскимъ оазисомъ, отстоящимъ отъ Мерва на 200 верстъ. Предпринятая лѣтомъ 1879 года экспедиція въ степь не увѣчалась успѣхомъ, но была возобновлена въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Скобелева, который 12-го января 1881 года взялъ Денгиль-Тепе приступомъ и привелъ туркменъ въ подданство Бѣлому Царю ¹.

Въ продолженіе переговоровъ, происходившихъ по средне-азіатскимъ дѣламъ, англійскіе министры выказали большую раздражительность, доходившую порою до грубости. Еще болѣе вызывающаго образа дѣйствія относительно Россіи держались они во всѣхъ вопросахъ, касавшихся введенія новаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ. Въ многочисленныхъ европейскихъ коммисіяхъ по разграниченію балканскихъ государствъ съ Турціею и между собою, равно какъ и въ тѣхъ, что засѣдали въ Филиппополѣ и въ Софіи, британскіе делегаты вступали съ русскими въ нескончаемые споры, причемъ въ пользу ихъ обыкновенно высказывались и представители большинства великихъ державъ. Между Лондономъ и Петербургомъ происходилъ непрерывный обмѣнъ взаимныхъ жалобъ, колкихъ и язвительныхъ замѣчаній. Лордъ Салюсбири жаловался на представителей русской власти въ Болгаріи и Восточной Румелии, обвиняя ихъ въ потворствѣ христіанамъ, въ возбужденіи послѣднихъ противъ турокъ съ одной стороны и западно-европейскихъ дипломатовъ—съ другой и даже въ подстрекательствѣ болгаръ и сопротивленіи рѣшеніемъ Европы. Князь Горчаковъ, въ свою очередь, вмѣнялъ въ вину англійскимъ агентамъ въ балканскихъ земляхъ систематическую и предвзятую враждебность къ Россіи и желаніе во что бы ни стало вызвать съ нею столкновенія. Въ Константинополѣ, какъ и въ столицахъ христіанскихъ государствъ полуострова, британская дипломатія усердно интриговала противъ русской, силилась подорвать русское вліяніе, оказывала поддержку

¹ См. выше, стр. 129.

всякому проявленію недоброжелательства или злыхъ умысловъ противъ Россіи. Русскія войска давно уже отступили отъ Цареграда, большая ихъ часть возвратилась на родину, а англійская броненосная эскадра все еще продолжала оставаться въ Мраморномъ морѣ въ непосредственной близости турецкой столицы и переступила обратно за Дарданеллы лишь весною 1879 года, послѣ окончательнаго очищенія отъ русскаго занятія Восточной Румелии и Болгаріи.

Только послѣ происшедшихъ въ апрѣлѣ 1880 года переменъ въ составѣ англійскаго министерства и замѣны торіевъ у власти вигами съ Гладстономъ во главѣ новаго кабинета, измѣнились къ лучшему отношенія Великобританіи къ Россіи. Руководимый «великимъ старцемъ» (the great old man), сентъ-джемскій дворъ скоро охладѣлъ къ Турціи и сталъ выказывать сочувствіе христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова. На этой почвѣ онъ естественно сошелся съ русскимъ дворомъ, и согласному ихъ дѣйствию слѣдуетъ приписать успѣшное окончаніе разграниченія Черногоріи и Греціи съ Турціею и безпрепятственное признаніе Румыніи и Сербіи—королевствами ¹.

¹ Переписка по военнымъ дѣламъ—въ Военно-Ученомъ архивѣ главнаго штаба; по дѣламъ дипломатическимъ—въ С.-Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ англійской «Сивей» книгѣ.

XXXI.

Союзъ Германіи и Австро-Венгріи противъ Россіи.

1879.

Вѣрность государя союзу «трехъ императоровъ».—Графъ Шуваловъ въ Вѣнѣ и Будапештѣ.—Дѣйствія Германіи и Австро-Венгріи на Балканскомъ Восто-кѣ.—Взглядъ князя Горчакова на отношенія Россіи къ обѣимъ сосѣднимъ имперіямъ и къ Европѣ.—Возбужденіе русскаго общественнаго мнѣнія противъ Германіи.—Статья, внушенная Бисмаркомъ Бушу противъ князя Горчакова.—Неудовольствіе государя на Германію и Австро-Венгрію.—Письмо его къ императору Вильгельму.—Раздраженіе Бисмарка.—Отвѣтное письмо императора германскаго.—Отправленіе фельдмаршала Мантейфеля въ Варшаву.—Доклады Бисмарка Вильгельму I.—Андраши у Бисмарка въ Гастейнѣ.—Переписка Бисмарка съ императоромъ Вильгельмомъ.—Письмо Андраши къ Бисмарку.—Новыя представленія Бисмарка императору Вильгельму.—Отвѣтъ на нихъ императора германскаго.—Письмо Бисмарка къ Андраши.—Свиданіе въ Александровѣ императоровъ Александра и Вильгельма.—Письма императора Вильгельма къ Бисмарку.—Бисмаркъ получаетъ полномочіе на заключеніе союза съ Австро-Венгрією.—Пребываніе его въ Вѣнѣ.—Проектъ австро-германской союзной конвенціи.—Переговоры Бисмарка съ Сабуровымъ въ Берлинѣ.—Возраженія императора Вильгельма на представленную конвенцію.—Настойчивость Бисмарка.—Письмо Андраши къ Бисмарку.—Императоръ Вильгельмъ утверждаетъ проектъ австро-германскаго союзнаго договора.—Подписаніе его въ Вѣнѣ.—Письмо Вильгельма I къ государю.—Отвѣтъ императора Александра.—Заявленія Бисмарка графу Сенгвалье.—Поздравительное письмо императора Вильгельма съ 25-ти лѣтіемъ царствованія Александра II.—Обиѣнъ телеграммъ между монархами въ день рожденія императора германскаго.—Письмо Вильгельма I къ Бисмарку о кончинѣ императора Александра.

Берлинскій конгрессъ не поколебалъ вѣры императора Александра II въ тройственное соглашеніе съ Германією и Австро-Венгрією, на которое государь, по собственному его выраженію,

продолжалъ взирать какъ на «наилучшее обезпеченіе сохраненія мира»¹.

Въ этомъ убѣжденіи поддерживалъ его графъ Шуваловъ, давній личный другъ Бисмарка, облизившійся въ Берлинѣ и съ Андраши, и осенью 1878 года посѣтившій Вѣну, гдѣ съ распростертыми объятіями приняли русскаго посла въ Лондонѣ, заявившаго себя на конгрессѣ самымъ ревностнымъ сторонникомъ неразрывнаго единенія Россіи съ двумя сосѣдними имперіями. Послѣ обѣда, даннаго въ честь его въ Гофбургѣ, императоръ Францъ-Иосифъ долго говорилъ Шувалову о неизмѣнномъ желаніи своемъ поддерживать съ Россіею тѣсную дружбу въ виду событій, продолжающихся волновать Европу и Востокъ, и твердо держаться союза «трехъ императоровъ», какъ надежнѣйшаго средства противодѣйствія социально-революціонному движенію. То же подтвердилъ ему графъ Андраши, въ частыхъ и продолжительныхъ съ нимъ бесѣдахъ распространившійся о необходимости для Австро-Венгріи дѣйствовать на Балканскомъ полуостровѣ въ полномъ согласіи съ Россіею, но съ оговоркою, что ни Австрія не должна претендовать на Россію, ни Россія на Австрію за отстаиваніе и проведеніе тамъ собственныхъ интересовъ. Въ доказательство личнаго своего довѣрія, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ посвятилъ Шувалова въ тайну переговоровъ, которые вель съ Портою по вопросу о занятіи Босніи и Герцеговины, увѣряя его, что предположенная австро-турецкая конвенція не будетъ заключать въ себѣ ничего, что могло бы возбудить неудовольствіе Россіи. Но радужныя впечатлѣнія, вынесенныя Шуваловымъ изъ Вѣны, смѣнились нѣсколько иными, когда онъ, по приглашенію Андраши, два мѣсяца спустя вторично посѣтилъ его въ Будапештѣ. Въ этотъ разъ самъ графъ Петръ Андреевичъ нашель, что намъ нельзя полагаться на содѣйствіе вѣнскаго двора при приведеніи въ исполненіе на балканскомъ Востокѣ постановленій берлинскаго трактата, содѣйствіе весьма условное, которое не пойдетъ далѣе дипломатической поддержки и обязательства не присоединяться къ протестамъ другихъ державъ противъ Россіи, да и то подъ условіемъ, что пребываніе русскихъ войскъ въ Болгаріи не продлится слишкомъ долго².

Гораздо точнѣе и опредѣленнѣе выражались тѣ же сомнѣнія въ донесеніяхъ нашихъ пословъ изъ Берлина и Вѣны. Убри и Новиковъ сходились на томъ, что отъ тройственнаго союза не осталось

¹ Императоръ Александръ Тотлебену, 19-го октября 1878 г.

² Фолтовъ Гирсу, 3-го сентября, и графъ Шуваловъ Гирсу, 2-го ноября 1878 г.

больше и слѣда, и оба указывали на частые и несомнѣнные признаки одновременнаго, все болѣе и болѣе тѣснаго сближенія Германіи и Австро-Венгріи между собою. Проявилось оно между прочимъ въ состоявшейся въ концѣ сентября 1878 года отмѣнѣ, съ общаго ихъ согласія, V статьи Пражскаго мирнаго договора 1866 года, хотя и остававшейся неисполненною въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, но все же тяготившей берлинскій кабинетъ, какъ признаніе за Даніею нравственнаго права на возвращеніе ей сѣверныхъ округовъ Шлезвигъ.

Но еще осязательнѣе сказалось взаимное едненіе все еще считавшихся намъ союзными державъ—на Европейскомъ Востоку, гдѣ оно даже приняло явно враждебный Россіи характеръ. Во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ со введеніемъ въ дѣйствіе условленныхъ на берлинскомъ конгрессѣ устройства и разграниченія балканскихъ земель, въ средѣ многочисленныхъ международныхъ комиссій, австрійскіе комиссары заодно съ англичанами, вступали въ пререканіе съ русскими, возвышая свой голосъ въ защиту интересовъ турокъ противъ христіанъ вообще, и въ частности—притязаній Румыніи противъ Болгаріи, а комиссары германскіе постоянно ихъ поддерживали. То же повторялось каждый разъ, когда, по какому либо поводу, выражалось въ тѣхъ же комиссіяхъ недоувѣріе къ Россіи представителей Западной Европы.

Наконецъ, въ высшей степени недружественнымъ поступкомъ по отношенію къ самой Россіи былъ рядъ крайне стѣснительныхъ для русской торговли мѣръ, принятыхъ сообща Германіею и Австро-Венгріею вдоль нашей границы подъ предлогомъ чумы, появившейся на нижней Волгѣ, о которыхъ обѣ эти державы даже не сочли нужнымъ предупредить русское правительство.

Все это вмѣстѣ взятое разсѣяло въ умѣ нашего государственнаго канцлера послѣднія иллюзіи относительно политической системы, около столѣтія связывавшей Россію съ сосѣдними: Австріею и преобразившеюся съ тѣхъ поръ въ Германію, Пруссіею. Личный опытъ на берлинскомъ конгрессѣ уже сильно поколебалъ довѣріе князя Горчакова къ искренности дружбы обоихъ союзныхъ императорскихъ дворовъ. Теперь онъ окончательно пришелъ къ заключенію, что они между собою въ стачкѣ противъ Россіи, и убѣжденіе это открыто высказалъ въ наставленіяхъ русскимъ посламъ въ Берлинъ и въ Вѣннѣ.

Къ Убри писалъ канцлеръ, что мѣры, принятыя Германіею и Австро-Венгрію противъ занесенія чумы изъ Россіи безъ всякаго предварительнаго сношенія съ русскимъ правительствомъ, произвели удручающее впечатлѣніе на государя, признавашаго въ

нихъ явное нарушеніе международныхъ приличій, и что если мѣры эти не будутъ отмѣнены или, по крайней мѣрѣ, облегчены въ при-
мѣненіи къ дѣлу, то Россія въ правѣ будетъ приписать имъ «пныя
цѣли». Въ политическихъ же дѣйствіяхъ нѣмецкой и австрій-
ской дипломатіи на Востокѣ Горчаковъ прямо призналъ желаніе
создать для Россіи на Балканскомъ полуостровѣ положеніе тяже-
лое и затруднительное. Въ особенности негодовалъ онъ на Герма-
нію, про которую отзывался такъ: «Нѣмецкіе агенты, правда, воз-
держиваются отъ враждебной намъ инициативы, предоставляя ее
своимъ австро-англійскимъ товарищамъ, и ограничиваются тѣмъ,
что слѣдуютъ за ними издали, но кончаютъ все же тѣмъ, что
идутъ по ихъ слѣдамъ. Не таково содѣйствіе, на которое мы
имѣли право рассчитывать и которое, по нашему мнѣнію, герман-
ское правительство могло и должно было бы намъ оказывать въ
интересѣ самого дѣла, совершеннаго подъ его руководствомъ, то-
есть на берлинскомъ конгрессѣ». Нѣсколько позже Горчаковъ, снова
упомянувъ о «все болѣе и болѣе обнаруживающемся стремленіи
всѣхъ нѣмецкихъ агентовъ къ сближенію съ ихъ австро-венгерскими
товарищами и къ дѣйствію заодно съ ними во всѣхъ восточныхъ
дѣлахъ», заключалъ: «Это даже не то, чего можно было бы ожи-
дать отъ честнаго маклера, тѣмъ болѣе не то, на что мы были
въ правѣ надѣяться отъ нашихъ давнихъ отношеній къ Пруссіи»¹.

Еще откровеннѣе высказалъ князь-канцлеръ взглядъ свой на
современныя отношенія Россіи къ Европѣ въ слѣдующемъ письмѣ
къ послу въ Вѣнѣ:

«Остановка въ восточныхъ дѣлахъ должна была привести къ
новому порядку вещей, либо въ смыслѣ всеобщаго замиренія, либо
въ развитіе послѣдствій войны. Къ сожалѣнію, повидимому, осу-
ществляется вторая альтернатива. Положеніе пока еще неопредѣ-
ленно, но признаки, на которые вы указываете, имѣютъ большое
значеніе. Таковъ результатъ политики послѣднихъ двадцати лѣтъ.
Центръ Европы стремился изолировать двѣ ея окраины, разъединяя
Францію и Россію. Къ несчастію, ошибки наполеоновской политики
обезпечили успѣхъ этихъ усилій. Тогда Пруссія и Австрія свели
между собою счеты вѣкового своего соперничества въ Германіи,
послѣ чего Германія раздавила Францію. Теперь, срединная Европа
втрывивъ насъ въ войну съ цѣлью ослабить насъ и сплотившись
потомъ для того, чтобы отнять у насъ ея результаты, еще тѣснѣе
соединяется для утвержденія своего преобладанія, причемъ Австрія

¹ Князь Горчаковъ къ Убри, 5-го января, 20-го января, 6-го февраля и 26-го
февраля 1879 г.

поддерживаетъ Германію въ Европѣ, Германія Австрію—на Востокѣ. По роковому совпаденію, Франція самоуничтожается демократическою анархією, подобно тому, какъ при Наполеонѣ III она уничтожила сама себя своею ложною политикою. Англія уединяется въ своемъ своекорыстіи и мы остаемся одни въ виду этого грознаго сплоченія европейскихъ силъ. Таково, въ общихъ чертахъ, положеніе, противъ котораго намъ надлежитъ принять мѣры. При этихъ обстоятельствахъ мнѣ нечего вамъ и говорить, что на нашъ взглядъ соглашеніе «трехъ императоровъ» расторгнуто фактическимъ поведеніемъ нашихъ двухъ союзниковъ въ отношеніи къ намъ. Въ настоящее время, наша главная задача—закончить ликвидацію прошлаго и впредь искать опоры лишь въ самихъ себѣ»¹.

Такой коренной переломъ въ воззрѣніяхъ русскаго двора не могъ укрыться отъ пронизательнаго взора князя Бисмарка, зорко слѣдившаго за всѣмъ происходящимъ въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что въ русской печати все громче и громче стали раздаваться упреки Германіи и лично ему за несоблюденіе ихъ обязательствъ предъ Россією на конгрессѣ, другими словами, за «измѣну» Россіи. Печать въ этомъ случаѣ являлась выразительницею глубокаго разочарованія въ пресловутой прусской дружбѣ, проникшаго во всѣ круги русскаго общества, до самыхъ высшихъ. «Ваша дружба слишкомъ платонична»—сказала одному высокопоставленному германскому дипломату императрица Марія Александровна².

Бисмаркъ почти прервалъ всякія личныя сношенія съ русскимъ посломъ въ Берлинѣ, и при рѣдкихъ встрѣчахъ съ нимъ на придворныхъ приѣмахъ и разныхъ торжествахъ, съ афектаціею избѣгалъ разговора о внѣшнихъ дѣлахъ, распространяясь болѣею частью о тяжкомъ внутреннемъ состояніи Россіи и настаивая на необходимости строжайшихъ мѣръ противъ шайки крамольниковъ и совершаемыхъ ею преступленій³. Но въ то же время онъ самъ внушалъ нѣмецкой офиціозной печати язвительныя статьи противъ Россіи и въ особенности противъ русскаго канцлера, котораго считалъ главнымъ виновникомъ переменъ въ русскомъ общественномъ настроеніи.

Всего болѣе задѣвало за живое и раздражало Бисмарка громко раздававшееся въ Россіи обвиненіе въ томъ, что онъ черною неблагодарностью отплатилъ ей за многочисленныя и неоцѣни-

¹ Князь Горчаковъ Новикову, 2-го февраля 1879 г.

² «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 218.

³ Убри князю Горчакову, 20-го апрѣля и 16-го іюня 1879 г.

мыя услуги, оказанныя ею Пруссіи въ дѣлѣ германскаго объединенія. Поручая публицисту Бушу отвѣчать на этотъ упрекъ приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ изъ исторіи недавняго прошлаго съ такимъ изъ нихъ выводомъ, что Россія-де едва ли не болѣе обязана Пруссіи, чѣмъ Пруссія Россіи, онъ всею тяжестью своего гнѣва обрушился на русскаго канцлера. «Горчаковъ»—воскликнулъ онъ—«ведетъ не русскую политику, счптающуюся съ нами какъ съ друзьями, а политику личную. Онъ всегда хочетъ позировать и любить, чтобы иностранная печать хвалила его, въ особенности парижскія газеты. Онъ симпатизируетъ Франціи, чего нельзя сказать объ императорѣ, и желалъ бы казаться другомъ и покровителемъ этой страны. Союзъ «трехъ императоровъ» удовлетворялъ его недолго. Съ 1874 года слѣды политики Горчакова и Жюмнини ¹ встрѣчаются въ иностранной печати, заигрываніе и заискиваніе интимности между Россією и Францією «отыгрыша». Отклоненіемъ этихъ предложеній мы обязаны скорѣе Франціи, чѣмъ Россіи. Политика эта повидимому зародилась не въ умѣ императора Александра. Она достигла кульминаціоннаго пункта въ періодъ 1875—77 годовъ, когда пронесся слухъ, что Горчаковъ спасъ Францію отъ насъ и когда онъ началъ одну изъ своихъ циркулярныхъ депешъ словами: «Теперь—миръ обезпеченъ» ². Помните отчетъ Бловица въ «Times». Перечитайте его и упомяните о немъ. Отчетъ его правиленъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ о противу-французской военной партіи въ Пруссіи. Такой партіи не существуетъ. Вотъ эта самая политика, которую не должно смѣшивать съ политикой императора, теперь проводится въ «Голосѣ», служившемъ прежде Горчакову официальнымъ органомъ. Сомнительно, чтобы, не взирая на всѣ признаки немилости, это отношеніе нынѣ измѣнилось и чтобы Жюмнини пересталъ вдохновлять эту газету. Во всякомъ случаѣ она выражаетъ политику Горчакова. Говорятъ о его отставкѣ и что посоль въ Константинополь Лобановъ избранъ ему преемникомъ. Но хорошо освѣдомленные люди не вѣрятъ этому и думаютъ, что онъ не удалится съ должности, пока живъ».

«Вы можете прибавить»—продолжалъ Бисмаркъ—«что въ самомъ дѣлѣ Горчаковъ вовсе не уменъ, какъ политическій дѣятель. Онъ дѣйствовалъ одинъ за четыре послѣдніе года, приготовляясь къ войнѣ съ Турцією, и нельзя сказать, чтобы онъ обнаружилъ особенную ловкость, вызвавъ ее. Отношенія къ Австріи и даже къ

¹ Баронъ А. Г. Жюмнини—старшій совѣтникъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и ближайшій сотрудникъ князя Горчакова.

² См. выше, стр. 111 и 112.

Румыніи были обдѣланы неспуско. Что дѣлалъ онъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Бухарестѣ? Старый фатъ былъ больше занятъ прекраснымъ поломъ, чѣмъ дѣломъ. Также точно сношенія съ Австрією и Германією не были обстоятельно выяснены, хотя главною его заботою должно было быть окончательное выясненіе положенія Австріи по отношенію къ цѣлямъ Россіи». Въ заключеніе продолжительной бесѣды, Бисмаркъ выразилъ сожалѣніе, что графъ Шуваловъ не имѣетъ никакихъ шансовъ на то, чтобы замѣнить Горчакова въ должности министра иностранныхъ дѣлъ, потому что императоръ Александръ не хочетъ имѣть вокругъ себя людей съ положительными достоинствами, и при этомъ замѣтилъ, что Шуваловъ былъ бы «превосходенъ съ точки зрѣнія мира»¹.

Какъ ни тщательно отдѣлялъ нѣмецкій канцлеръ воззрѣнія князя Горчакова отъ личныхъ взглядовъ императора Александра II на политику Германіи, различіе это все болѣе и болѣе сглаживалось подъ неотразимыми впечатлѣніями послѣднихъ событій. Конечно, государю было гораздо труднѣе, чѣмъ его канцлеру, отрѣшиться отъ убѣжденій, глубоко вкоренившихся въ душѣ его. Въ понятіи его союзъ «трехъ императоровъ» воплощалъ принципъ монархической солидарности, а дружественная связь съ Пруссією покоилась на дорогихъ его сердцу, семейныхъ завѣтахъ и преданіяхъ столько же, сколько и на личномъ глубокомъ уваженіи и нѣжной любви къ старцу-дядѣ, въ которомъ онъ чтилъ идеалъ благороднѣйшаго человѣка и монарха и которому довѣрялъ безусловно. Но чувствамъ этимъ слишкомъ противорѣчили факты, очевидность которыхъ была внѣ всякаго сомнѣнія, и весной 1879 года императоръ Александръ не могъ не признать, что между Германією и Австро-Венгією съ одной стороны и Россією съ другой—не было политической взаимности; что русскій императоръ одинъ оставался вѣренъ основной идеѣ тройственнаго соглашенія и истекавшимъ изъ него обязательствамъ, тогда какъ оба союзные двора, дѣйствуя въ полномъ между собою согласіи, шли прямо наперекоръ Россіи.

Мысль эта глубоко волновала и тревожила Александра Николаевича въ такую пору, когда онъ былъ опечаленъ и озабоченъ смутю, царившею внутри Россіи, и когда самая жизнь его находилась въ постоянной опасности отъ дерзкихъ посягательствъ на нее шайки злодѣевъ. Терзаемый сомнѣніями, государь въ довѣритель-

¹ Статья, написанная Бушемъ по указаніямъ Бисмарка, появилась въ № 11 журнала «Grenzboten» 1879 г. См. рассказъ Буша о полученныхъ отъ Бисмарка инструкціяхъ въ книгѣ его: «Bismarck, some secret pages of his history», II, стр. 391—395.

ныхъ бесѣдахъ съ германскимъ и австрійскимъ послами при своемъ дворѣ, генералами Швейницемъ и Лангенау, которыхъ лично уважалъ, не разъ касался того, что все еще продолжалъ считать лишь недоразумѣнiемъ и не безъ горечи укорялъ ихъ за явно недружелюбныя поступки ихъ правительствъ, но оба дипломата, въ точности исполняя полученныя инструкціи, на всѣ его вопросы и упреки отвѣчали молчанiемъ¹.

Подобно тому, какъ Бисмаркъ проводилъ различіе между Горчаковымъ и его государемъ, самъ императоръ Александръ во всемъ винилъ одного германскаго канцлера, не безъ основанія предполагая, что во враждебныхъ Россіи проискахъ его безучастенъ и неповиненъ императоръ Вильгельмъ. Но какъ, съ одной стороны, ни желалъ государь личнаго объясненія съ дядей, съ другой—онъ какъ бы опасался его и, чтобы избѣжать встрѣчи съ германскимъ императоромъ, отмѣнилъ даже предложенную лѣтомъ 1879 года, поѣздку въ Эмсъ, отклонивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглашеніе на торжество золотой свадьбы германской императорской четы, при бракосочетаніи которой онъ, одиннадцатилѣтнимъ отрокомъ, присутствовалъ полвѣка назадъ. Въ концѣ концовъ государь, однако, не выдержалъ и излилъ свою душу предъ тѣмъ, кого считалъ вѣрнѣйшимъ своимъ союзникомъ и лучшимъ другомъ, въ слѣдующемъ, глубоко прочувствованномъ и какъ нельзя болѣе откровенномъ, дружественномъ собственноручномъ письмѣ:

«Царское Село, 3-го (15-го) августа 1879 г.

«Дорогой дядя и другъ,

«Сердечная потребность для меня — поблагодарить васъ за доброе ваше письмо отъ 27-го іюля, а также Августу за присылку отъ васъ обоихъ прелестной медали въ память вашей золотой свадьбы, на которой—увы!—обстоятельства не позволили мнѣ присутствовать, какъ я того съ живѣйшею радостью желалъ.

«Я счастливъ былъ, узнавъ, что вы хорошо перенесли усталость отъ этихъ церемоній, и надѣюсь, что лѣченіе въ Гастейнѣ придало вамъ новыя силы, чтобы вынести предстоящіе вамъ военные смотры.

¹ Такъ рассказывалъ объ этомъ Бисмаркъ французскому послу графу Сенъ-Валье осенью 1879 г., увѣряя его, что въ бесѣдахъ своихъ съ генералами Швейницемъ и Лангенау, государь доходилъ до угрозы разрыва и объявленія войны. Последнее утвержденіе совершенно невѣроятно въ виду известной мягкости характера императора Александра и его тонкаго политическаго такта. См. въ Приложеніи отчетъ Сенъ-Валье о пребываніи въ Фридрихсруэ, 2-го ноября 1879 г., № 24.

«Кончина моего генераль-адъютанта Рейтерна, который за послѣдніе годы имѣлъ честь состоять при вашей особѣ и къ которому вы такъ ласково относились, конечно, причинила вамъ столько же печали, какъ и мнѣ. Я постараюсь найти замѣстителя, который былъ бы вамъ угоденъ, и не премину испросить заранѣе ваше согласіе, какъ только установлю свой выборъ.

«Поощряемый дружбою, которую вы не переставали мнѣ оказывать, прошу позволенія съ полною откровенностью поговорить съ вами о деликатномъ предметѣ, меня непрестанно озабочивающемъ. Рѣчь идетъ о поведеніи различныхъ германскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Турціи, которое вотъ уже нѣсколько времени какъ проявляется, къ несчастію, въ видѣ враждебномъ Россіи, что совершенно противорѣчитъ преданіямъ о дружественныхъ отношеніяхъ, которыя, въ продолженіе болѣе столѣтій, руководили политикою обоихъ нашихъ правительствъ и вполне согласовались съ ихъ обоюдными интересамп. Убѣжденіе это не измѣнилось во мнѣ и я сохраняю его во всей полнотѣ, въ надеждѣ, что оно раздѣляется и вами. Но свѣтъ судить по фактамъ. А чѣмъ объяснить это поведеніе германскихъ агентовъ, становящееся все болѣе и болѣе враждебнымъ намъ на Востокѣ, гдѣ, по словамъ самого князя Бисмарка, у Германіи нѣтъ своихъ интересовъ, которые требовали бы охраненія, тогда какъ у насъ они есть и весьма серьезны? Мы только-что закончили славную войну, преслѣдовавшую не завоевательныя цѣли, а единственно улучшение быта турецкихъ христіанъ. Мы доказали это, очистивъ отъ нашихъ войскъ области, занятыя ими послѣ войны, но для насъ важно, чтобы результаты, купленные цѣною русской крови, не оставались мертвою буквою. Остается только привести въ исполненіе то, что было условлено на берлинскомъ конгрессѣ, но надо это сдѣлать добросовѣстно. Между тѣмъ, турки, поддержанные ихъ друзьями англичанами и австрійцами, — которые пока утвердились въ двухъ турецкихъ областяхъ, куда они вторглись въ мирное время, — не перестаютъ возбуждать затрудненія въ подробностяхъ, представляющихъ величайшую важность, какъ для болгаръ, такъ и для храбрыхъ черногорцевъ. То же дѣлаютъ румыны по отношенію къ Болгаріи. Разрѣшить ихъ призвано большинство европейскихъ комиссаровъ. Комиссары французскіе и итальянскіе почти во всѣхъ вопросахъ присоединяются къ нашимъ, тогда какъ германскіе, повидимому, получили приказаніе во всемъ поддерживать мнѣніе австрійскихъ, намъ систематически враждебное, и притомъ въ вопросахъ нисколько не интересующихъ Германію, но очень важныхъ для насъ.

«Извините меня, дорогой мой дядя, за откровенность моихъ словъ, основанныхъ на фактахъ, но я обязанностью считаю обратить ваше вниманіе на печальныя послѣдствія, которыя это можетъ имѣть для нашихъ отношеній добраго сосѣдства, озлобивъ обѣ націи одну противъ другой, какъ и начинаетъ это дѣлать печать обѣихъ странъ. Я усматриваю въ этомъ работу нашихъ общихъ враговъ, тѣхъ самыхъ, что не могли переварить союза «трехъ императоровъ» Вы вспомните, какъ мы неоднократно бесѣдовали о томъ съ вами и какъ я былъ счастливъ убѣжденіемъ, что наши взгляды по этому предмету были одинаковы.

«Я вполнѣ понимаю, что вы дорожите соблюденіемъ вашихъ добрыхъ отношеній къ Австріи, но я не понимаю, чтобы было въ интересѣ Германіи принести имъ въ жертву интересы Россіи. Достоинно ли истиннаго государственнаго человѣка положить на вѣсы личную размолвку, когда дѣло касается интересовъ двухъ государствъ, созданныхъ для того, чтобы жить въ добромъ согласіи и изъ которыхъ одно оказало другому, въ 1870 году, услугу, которую, выражаясь вашими же словами, вы не забудете никогда? Я бы не позволилъ себѣ напомнить вамъ о томъ, но обстоятельства становятся слишкомъ серьезными, чтобы я могъ скрыть отъ васъ озабочивающія меня опасенія, послѣдствія которыхъ могутъ стать бѣдственными для обѣихъ нашихъ странъ. Да избавить насъ отъ нихъ Господь и да вдохновитъ васъ!

«Здоровье жены моей возбудило во мнѣ сердечное безпокойство за послѣднее время. Дай Богъ, чтобы родной воздухъ былъ ей на пользу.

«Не сердитесь на меня, дорогой дядя, за содержаніе этого письма и вѣрьте чувствамъ неизлѣнной привязанности и искренней любви преданнаго вамъ племянника и друга.

Александръ»¹.

Начало лѣта императоръ Вильгельмъ провелъ на водахъ въ Эмсѣ. По пути отсюда въ Гастейнъ онъ видѣлся въ Бюрцбургѣ съ княземъ Бисмаркомъ, выѣхавшимъ къ нему навстрѣчу изъ Киссингена, гдѣ тотъ пользовался водами, а въ Гастейнѣ имѣлъ свиданіе съ императоромъ Францомъ-Иосифомъ.

Письмо императора Александра получилъ онъ по возвращеніи въ Берлинъ, наканунѣ отъѣзда на манѣвры въ Восточную Пруссію. Оно смутило его, раскрывъ ему впервые всю глубину той бездны, что уже отдѣляла берлинскій кабинетъ отъ петербургскаго. Импе-

¹ См. письмо это во французскомъ подлинникѣ, въ Приложеніи № 1.

раторъ Вильгельмъ тотчасъ же отправилъ это письмо къ Бисмарку съ требованіемъ объясненій и съ порученіемъ составить отвѣтъ.

Окончивъ курсъ лѣченія въ Киссингенѣ, германскій канцлеръ поѣхалъ въ Гастейнъ, куда прибылъ уже по отъѣздѣ оттуда своего государя, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Размолвка съ Россіею тѣмъ болѣе раздражала и тревожила его, что онъ не могъ не сознавать, что въ сущности вызвалъ ее онъ самъ недобросовѣстнымъ поведеніемъ своимъ относительно этой державы, существеннѣйшіе интересы которой были принесены имъ въ жертву Австро-Венгріи, до и послѣ конгресса. Какъ ни старался онъ замаскировать свою измѣну Россіи, она была уже разгадана русскимъ обществомъ и самимъ правительствомъ, несмотря на то, что ни то, ни другое ничего еще не знали о клеветническомъ его извѣтѣ на русскій дворъ, который онъ выставилъ Австріи замышляющимъ нападеніе на нее въ то самое время, когда тотъ, накануне войны, велъ съ вѣнскимъ дворомъ довѣрительные переговоры объ общемъ дѣйствіи на балканскомъ Востокѣ ¹. Теперь, вѣковая дружба Пруссіи съ Россіею была подорвана въ корнѣ ранѣе, чѣмъ Бисмарку удалось замѣнить ее формальнымъ союзомъ съ монархіею Габсбурговъ. Предъ нѣмецкимъ канцлеромъ снова вставилъ призракъ сдѣлки между Россіею, Австро-Венгріею и Франціею, направленной противъ Пруссіи и Германіи, возобновленіе политическаго сочетанія, задуманнаго и осуществленнаго австрійскимъ канцлеромъ княземъ Кауницомъ въ половинѣ XVIII вѣка ². Правда, министерство Дюфора-Ваддингтона казалось вовсе нерасположеннымъ къ такой сдѣлкѣ и даже, если вѣрить Бисмарку, предувѣдомило его объ отклоненіи предложенія русскаго союза, будто бы сдѣланнаго генераль-адъютантомъ Обручевымъ, присутствовавшимъ лѣтомъ 1879 года, въ качествѣ представителя русской арміи на французскихъ манѣврахъ,—но вѣдь министерство это легко могло пасть и быть замѣнено другимъ, съ инымъ настроеніемъ. Въ сосѣдней Австріи Бисмаркъ могъ рассчитывать пока на полное единомысліе съ нимъ одного только графа Андраши, котораго онъ легко успѣлъ настроить противъ Россіи, увѣривъ его въ коварныхъ замыслахъ, питаемыхъ ею противъ Габсбургской монархіи и въ скрытомъ посягательствѣ на ея независимость и цѣлость. Но какъ

¹ См. выше, стр. 375 и 378.

² Въ посмертныхъ своихъ Запискахъ Бисмаркъ такъ высказываетъ это опасеніе «Если былъ возможенъ тайный договоръ, заключенный въ Рейхштадтѣ безъ нашего согласія и вѣдома, то не невозможна была и старая Кауницова коалиція изъ Франціи, Австріи и Россіи, коль скоро достигли бы власти въ Австріи существовавшіе въ ней въ состояніи покоя подходящіе къ тому элементы». «Gedanken und Erinnerungen», II, стр. 233.

разъ въ это время стало извѣстно, что Андраши покидаетъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе паденія въ Вѣнѣ либерально-нѣмецкаго кабинета князя Ауэрсберга и замѣны его министерствомъ изъ рядовъ феодально-консервативной партіи, болѣе склонной къ сближенію съ Россіею, чѣмъ съ Германіею. Если бы предположеніе это осуществилось, Германія очутилась бы совершенно одинокою лицомъ къ лицу съ грозною коалиціею трехъ главныхъ военныхъ державъ Европы ¹.

Чтобы выиграть время, германскій канцлеръ въ составленномъ для Вильгельма I въ самомъ примирительномъ духѣ, отвѣтъ на послѣднее письмо къ нему императора Александра выставилъ вѣковую дружбу между Пруссіею и Россіею, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное нынѣшнимъ государямъ ихъ державными родителями и какъ главный устой порядка и мира Европы, зная хорошо, какъ обаятельно дѣйствуютъ эти воспоминанія на впечатлительную душу русскаго государя ². Но одновременно онъ пригласилъ графа Андраши немедленно посѣтить его въ Гастейнѣ для важныхъ и неотложныхъ отлагательства переговоровъ.

Отвѣтное письмо императора Вильгельма произвело на императора Александра ожидаемое дѣйствіе. Оно умилило и растрогало, снова перенесло его въ область дорогихъ его сердцу преданій и воспоминаній. Отправляясь на манѣвры въ Царство Польское, онъ выразилъ желаніе встрѣтить тамъ представителя прусской арміи, и желаніе это было немедленно удовлетворено командированіемъ въ Варшаву одного изъ заслуженнѣйшихъ прусскихъ генераловъ, фельдмаршала Мантейфеля, всегда бывшаго *persona gratissima* при русскомъ дворѣ. Мантейфелю повѣдалъ государь живѣйшее свое желаніе какъ можно скорѣе свидѣться и объясниться съ дядею, присутствіе котораго на манѣврахъ въ Восточной Пруссіи приближало его къ русской границѣ. Узнавъ о томъ, императоръ Вильгельмъ тотчасъ же выразилъ готовность пріѣхать на свиданіе съ племянникомъ на пограничную русскую желѣзно-дорожную станцію Александрово.

Такой миролюбивый оборотъ не входилъ въ расчеты Бисмарка, который сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помѣшать ему. Одновременно

¹ См. любопытныя признанія объ этомъ Бисмарка въ книгѣ Буша: «Bismarck, some secret pages of his history», II, стр. 408 и слѣд., а также въ его «Gedanken und Erinnerungen», II, стр. 233.

² Содержаніе отвѣтнаго письма императора Вильгельма Александру II заимствовано изъ письма перваго къ Бисмарку, отъ 29-го—31-го августа 1879 г., въ Приложеніи № 10.

съ извѣстіемъ о посылкѣ императоромъ въ Варшаву фельдмаршала Мантейфеля въ «Сѣверо-германской Всеобщей Газетѣ» появилась оффиціозная замѣтка, гласившая, что посылка эта состоялась безъ согласія и даже безъ вѣдома имперскаго канцлера ¹. Предувѣдомленный Вильгельмомъ I о намѣреніи его ѣхать на свиданіе съ русскимъ государемъ, на русской территоріи, Бисмаркъ старался убѣдить его, что такая предупредительность несогласна съ его достоинствомъ, выставляя письмо Александра II, какъ несомнѣнную угрозу и дерзкій вызовъ, а всѣ заключенные въ немъ упреки—лишенными всякаго основанія. Въ рядѣ докладовъ старцу-императору изъ Гастейна онъ искалъ установить, что такой шагъ русскаго государя явно обличаетъ подчиненіе его враждебнымъ Германіи влияніямъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ министровъ, пылающихъ къ ней ненавистью и злобою. Что опасность неминуемаго нападенія уже грозитъ со стороны Россіи Германіи и Австро-Венгріи, Бисмаркъ выводилъ изъ усиленныхъ русскихъ вооруженій послѣ войны, изъ увеличенія состава русской арміи на 50,000 человекъ, изъ сосредоточенія ея на западной окраинѣ Имперіи вдоль прусской и австрійской границъ, изъ словъ, приписанныхъ русскому военному министру: что Россія должна готовиться къ войнѣ съ Европою. Заключеніе его было, что миру въ будущемъ, даже въ ближайшемъ будущемъ, грозитъ одна только Россія, ищущая къ тому же, хотя пока и безуспѣшно, заручиться поддержкою Франціи и Италіи, и что единственное средство избѣжать этой опасности—заключеніе между Германіею и Австро-Венгріею оборонительнаго союза противъ Россіи. Но если такой союзъ не состоится, то слѣдуетъ предвидѣть, что Австрія, не поддержанная Германіею, станетъ, подъ давленіемъ русскихъ угрозъ, искать сближенія съ Франціею и даже съ самою Россіею, что или поставитъ Германію въ положеніе полного одиночества въ Европѣ или вынудитъ ее впасть въ полную зависимость отъ Россіи ².

14-го августа пріѣхалъ въ Гастейнъ графъ Андраши. Бисмаркъ уже успокоился относительно Франціи, правительство которой, по словамъ его, не только отклонило русскія предложенія о союзѣ,

¹ См. въ Приложеніи № 3.

² Доклады Бисмарка императору Вильгельму изъ Гастейна не обнародованы, но содержаніе ихъ узнается изъ письма имперскаго канцлера къ королю баварскому, Лудвигу II, изъ Гастейна, 24-го августа 1879 г. Письмо это, отвѣтъ короля, 4-го сентября, и второе письмо къ нему Бисмарка, 7-го сентября 1879 г., см. въ Приложеніи №№ 9, 12 и 14. Ср. также рассказы Бисмарка графу Сенъ-Валье въ донесеніи послѣдняго, въ Приложеніи № 24, и журналисту Бушу, въ книгѣ его «Bismarck, some secret pages of his history», II, стр. 404, наконецъ, «Gedanken und Erinnerungen», II, стр. 217—220.

переданныя чрезъ генераль-адъютанта Обручева, но и предупредило его о нихъ, «подобно замужней женщинѣ»—замѣчаетъ Бисмаркъ въ своихъ Запискахъ—«сообщающей мужу о предложеніи ухаживателя нарушить супружескую вѣрность»¹. Тѣмъ не менѣе первымъ дѣломъ германскаго канцлера при свиданіи съ австро-венгерскимъ министромъ было повѣдать ему о предстоявшемъ сближеніи Россіи съ Французскою республикою, что вызвало отвѣтъ Андраши: «Противъ русско-французскаго союза единственный отвѣтный ходъ (Gegenzug)—союзъ австро-германскій»².

По собственному признанію, германскій канцлеръ вздохнулъ свободнѣе. Слова австрійскаго министра ясно доказывали ему, что между дворами вѣнскимъ и петербургскимъ не существуетъ никакого тайнаго соглашенія, въ склонности къ которому Бисмаркъ все еще подозрѣвалъ императора Франца-Иосифа. Повторивъ своему венгерскому гостю все, что было передано имъ за два года до того о коварныхъ замыслахъ Россіи противъ Австро-Венгрии и сообщивъ о новыхъ угрозахъ, яко бы заключавшихся въ письмѣ императора Александра къ императору Вильгельму, князь Бисмаркъ предложилъ графу Андраши увѣнчать свою министерскую дѣятельность заключеніемъ гласнаго и безсрочнаго союза между Германіею и Австро-Венгріею, и при томъ такого, который былъ бы основанъ не на обычномъ международномъ трактатѣ, а на договорѣ, имѣющемъ для обѣихъ державъ силу и значеніе внутренняго закона, принятаго германскимъ имперскимъ сеймомъ и австро-венгерскими делегаціями, и который не могъ бы быть отмѣненъ иначе, какъ по постановленію этихъ двухъ собраній. Такимъ способомъ хотѣлъ Бисмаркъ возстановить соединеніе монархіи Габсбурговъ съ наслѣдницею прежняго Германскаго Союза, преобразованною изъ союза государствъ въ союзное государство, подъ наслѣдственною властью прусскихъ королей—Германскою Имперіею.

Но въ этомъ широкомъ объемѣ предложеніе Бисмарка было отклонено австро-венгерскимъ министромъ, допускаяшимъ лишь тай-

¹ Сообщение министерства Дюфора-Ваддингтона князю Бисмарку о предложеніи заключить союзъ съ Россіею, сдѣланномъ французскимъ генераламъ присланнымъ на лѣтніе маневры 1879 года во Франціи генераль-адъютантомъ Обручевымъ и отклоненномъ французскимъ правительствомъ—фактъ, повидимому, не подлежащій сомнѣнію. По краѣней мѣрѣ Бисмаркъ ссылается на него не только въ своихъ разговорахъ съ Бушемъ, но и въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ графомъ Сень-Валье, который въ своемъ донесеніи (см. въ Приложеніи № 24) приводитъ разсказъ о томъ германскаго канцлера безъ всякихъ оговорокъ или опроверженій. Такимъ образомъ, двукратное отрицаніе Ваддингтона въ письмахъ въ газеты «L'Argus Soissonais», 15-го сентября 1880 г., и «Le Matin», 7-го ноября 1885 г., не заслуживаютъ довѣрія.

² «Gedanken und Erinnerungen», II, стр. 238.

С. С. ТАТИЩЕВЪ. Т. II.

ный оборонительный договоръ между Германіею и Австро-Венгіею на случай нападенія на нихъ одной только Россіи. Оба министра обязались испросить на то у своихъ государей надлежащее полномочіе, послѣ чего германскій канцлеръ объявилъ, что самъ пріѣдетъ черезъ двѣ недѣли въ Вѣну для окончательныхъ переговоровъ и подписанія союзнаго трактата.

Послѣднее обѣщаніе было прямо противно приказаніямъ, даннымъ князю Бисмарку императоромъ Вильгельмомъ, которому онъ объяснилъ ожидаемый пріѣздъ Андраши въ Гастейнъ желаніемъ его проститься послѣ выхода своего въ отставку и у котораго просилъ позволенія отдать отставному министру визитъ въ Вѣнѣ. Но въ самый день отправленія въ Варшаву фельдмаршала Мантейфеля, императоръ, къ удивленію своему, узналъ, что Андраши уже выѣхалъ въ Гастейнъ ранѣе своего увольненія и замѣщенія другимъ лицомъ въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ. Вильгельмъ I тотчасъ же протелеграфировалъ Бисмарку, что при такихъ условіяхъ «поѣздка его въ Вѣну теперь еще невозможна, даже если Варшава пройдетъ благополучно», но получилъ въ отвѣтъ, что Бисмаркъ уже далъ Андраши обѣщаніе посѣтить его проѣздомъ, на возвратномъ пути своемъ, чрезъ Вѣну, и что если императоръ желаетъ, чтобы онъ написалъ теперь Андраши, что это воспрещено ему его величествомъ, то онъ, канцлеръ, при настоящихъ обстоятельствахъ, не можетъ принять на свою отвѣтственность политическихъ послѣдствій такого заявленія въ Вѣнѣ. Императоръ уступилъ и выразилъ согласіе на отвѣтный визитъ Бисмарка въ Вѣнѣ, по окончаніи лѣченія, уведомивъ его о собственномъ намѣреніи ѣхать въ Александрово на свиданіе съ русскимъ императоромъ и оправдываясь, что не могъ отклонить приглашенія племянника по двумъ причинамъ: по близости отъ русской границы тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣли произойти прусскіе маневры, и потому, что незадолго до того онъ, императоръ, имѣлъ въ Гастейнѣ свиданіе съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ¹.

Изъ Гастейна графъ Андраши донесъ по телеграфу императору Францу-Іосифу сущность совѣщаній, происходившихъ между нимъ и княземъ Бисмаркомъ. Въ виду военныхъ приготовленій Россіи и угрозъ, одновременно сдѣланныхъ Германіи и Австро-Венгіи — увѣрялъ онъ — они сошлись на необходимости заключить такое оборонительное соглашеніе, которое застраховало бы обѣ державы отъ всякаго нападенія со стороны Россіи, а въ случаѣ послѣдняго

¹ Императоръ Вильгельмъ Бюлову, 17-го августа, Бисмаркъ Бюлову и Бюловъ Бисмарку, 18-го августа 1879 г., въ Приложеніи №№ 2, 4 и 5.

могло бы быть отражено соединенными силами двухъ союзныхъ государствъ, съ тѣмъ, чтобы casus foederis признанъ быть и въ случаѣ, если бы на одну изъ договаривающихся сторонъ напала третья держава, поддержанная Россіею. Высказываясь за такое соглашеніе, министръ присовокупилъ, однако, что не прінялъ на себя никакого обязательства, предоставляя рѣшеніе дѣла своему государю.

По возвращеніи въ Вѣну, Андраши нашелъ тамъ телеграмму императора Франца-Иосифа изъ Праги съ приглашеніемъ прибыть въ Брукскій лагерь, куда направлялся самъ императоръ. Выслушавъ словесный докладъ министра, Францъ-Иосифъ выразилъ полное свое съ нимъ согласіе, признавъ оборонительный союзъ съ Германіею нисколько не противорѣчающимъ рѣшимости соблюдать миръ между тремя имперіями и единственнымъ средствомъ отклонить «мечъ Дамокла», постоянно висящій надъ ихъ взаимными отношеніями, къ выгодѣ Германіи и Австріи, и даже къ пользѣ самой Россіи. Онъ разрѣшилъ графу Андраши передать Бисмарку, что всегда радъ видѣть его въ Вѣнѣ, въ особенности по настоящему случаю, и тотчасъ по полученіи принципіальнаго согласія императора Вильгельма—приступить къ составленію текста конвенціи. Впредь до подписанія ея, Андраши не покинетъ своего поста, тѣмъ болѣе, что нареченный его преемникъ, будущій австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Гаймерле, посвященъ имъ въ тайну и вполне раздѣляетъ его образъ мыслей.

Передавъ все это въ письмѣ къ германскому канцлеру отъ имени императора Франца-Иосифа, графъ Андраши прибавилъ отъ себя лично и довѣрительно, что чѣмъ болѣе онъ размышляетъ о задуманномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе убѣждается въ его цѣлесообразности. Ужъ если теперь, послѣ войны, обезсилѣвшей Россію въ военномъ и финансовомъ отношеніи, и въ такое время, когда социально-революціонное движеніе нѣсколько утихло и не вынуждаетъ русское правительство искать диверсій во внѣшнихъ предпріятіяхъ, Россія грозитъ разрывомъ обѣимъ сосѣднимъ имперіямъ по такимъ маловажнымъ поводамъ, какъ несогласіе въ средѣ балканскихъ комиссій, то чего же ожидать отъ нея, когда заживутъ раны, нанесенныя ей войною, или когда возобновленіе внутреннихъ волненій заставитъ ее прибѣгнуть къ нападенію на сосѣдей, какъ къ единственному средству спасенія? Андраши не успокоится, пока не потухнетъ факель, которымъ императоръ Александръ, наполовину безсознательно, размахиваетъ надъ европейскою пороховою бочкою, пока миръ Европы зависитъ отъ такихъ русскихъ министровъ, какъ Милютинъ, Жомини, а теперь, безъ сомнѣнія,—и Игнатьевъ. Онъ

не сомнѣвается въ личномъ миролюбіи русскаго императора, вѣрить, что тотъ не хочетъ войны, но, какъ министръ сосѣдней державы, не можетъ забыть, что Александръ II не хотѣлъ и войны съ Турціею, но не въ силахъ былъ совладать съ движеніемъ, зародившимся въ ближайшей къ нему средѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ Андраши признавалъ союзъ Австро-Венгрии съ Германіею за «европейскую необходимость». «Австрія» — заключалъ онъ письмо свое — «разъ уже совершила крупную ошибку, отклонивъ союзныя предложенія Германіи. Ошибки этой она больше не повторитъ» ¹.

Готовность австрійскаго императора пойти на предложенную ему сдѣлку превзошла ожиданія Бисмарка, но гораздо труднѣе было ему вовлечь въ свои планы собственнаго государя. Предвидя со стороны императора Вильгельма упорное сопротивленіе, нѣмецкій канцлеръ пустилъ въ ходъ всю силу своей діалектики, чтобы убѣдить его въ обѣдѣ, грозящей Германіи отъ Россіи, и самое письмо императора Александра истолковать какъ первый шагъ къ разрыву.

Въ четырехъ пространныхъ меморандумахъ, посланныхъ за нимъ въ догонку, онъ изложилъ всѣ свои доводы въ пользу кореннаго измѣненія политики Германіи относительно Россіи и немедленнаго заключенія союза съ Австро-Венгріею, за которымъ — писалъ онъ императору Вильгельму — должно послѣдовать образование обще-европейской коалиціи противъ Россіи, съ привлеченіемъ къ участию въ ней не только Англіи, но и Франціи. До поры до времени слѣдовало, по мнѣнію Бисмарка, поддерживать съ русскимъ дворомъ дружественныя по внѣшности отношенія, но тотчасъ по подписаніи союзной конвенціи съ Австріею войти въ такое же соглашеніе и съ обѣими великими державами крайняго Запада. Мысль эту Бисмаркъ сообщилъ и графу Андраши съ просьбою передать ее императору Францу-Иосифу. Въ заключеніе онъ просилъ Вильгельма I свадить его надлежащими полномочіями для подписанія въ Вѣнѣ союзнаго договора ².

Первый докладъ Бисмарка о совѣщаніяхъ его съ Андраши въ Гастейнѣ императоръ Вильгельмъ получилъ въ Берлинѣ 19-го августа, накануне отъѣзда въ Александрово на свиданіе съ русскимъ императоромъ. Онъ тотчасъ отвѣтилъ на него телеграммою, хотя и разрѣшавшею ему ѣхать въ Вѣну и тамъ продолжать начатыя въ Гастейнѣ переговоры, но съ тѣмъ, чтобы ничего не рѣшать безъ

¹ Графъ Андраши князю Бисмарку, 20-го августа 1879 г., въ Приложеніи № 6.

² Содержаніе четырехъ меморандумовъ Бисмарка изъ Гастейна отчасти видно изъ письма къ нему императора Вильгельма, отъ 29-го августа 1879 г., въ Приложеніи № 10.

предварительнаго утверждёнїя императора ¹. За телеграммою слѣдовало письмо, въ которомъ Вильгельмъ I прямо объявилъ, что меморандумы Бисмарка въ принципѣ противорѣчатъ личнымъ его взглядамъ и убѣжденїямъ и что изложенныя въ нихъ мысли получать для него значеніе лишь въ томъ случаѣ, если подтвердятся предстоящимъ объясненїемъ его съ императоромъ Александромъ, которое одно можетъ пролить свѣтъ на все дѣло; до тѣхъ же поръ онъ самыя меморандумы будетъ считать какъ бы несостоявшимися (non avenue) и рѣшенїе свое по возбужденнымъ въ нихъ вопросамъ откладываетъ до возвращенїя изъ Александрова ².

Получивъ такой отвѣтъ, Бисмаркъ не рѣшился передать его полностью графу Андраши, но не могъ не признаться ему, что несмотря на все старанїе, ему не удалось разсѣять сомнѣній своего государя относительно истиннаго значенїя предположеннаго союза и опасенїя его, не таптся ли въ этомъ «мпрюлюбивомъ» проектѣ какихъ нибудь агрессивныхъ цѣлей? Какъ на источникъ такихъ сомнѣній, онъ указывалъ на нравъ 82-лѣтняго старца, на неспособность его къ быстрымъ рѣшенїямъ, въ особенности къ усвоенїю новыхъ взглядовъ на предметы. То, что Бисмарку давно уже ясно, для императора Вильгельма освѣтло какъ блескомъ молніи только недавнее поведенїе императора Александра. И все же ему будетъ крайне трудно сдѣлать выборъ между двумя союзными имперїями и онъ долго еще станетъ устранять отъ себя убѣжденїе, что настало для того время. Привычка—великая сила въ прусскомъ королевскомъ домѣ, а чувство упрямства растетъ съ годами и противится признанїю переменъ, завѣдомо происшедшихъ во внѣшнемъ мірѣ. Да и императоръ Александръ снова измѣнилъ свой образъ дѣйствїи и, отодвинувъ на задній планъ «Юпитера громовержца», внезапно и быстро перешелъ опять «къ солнечному сіянію». Бисмаркъ въ подробности разсказалъ Андраши о поѣздкѣ фельдмаршала Мантейфеля въ Варшаву, о томъ, какъ онъ былъ тамъ обласканъ и какъ послѣдовало приглашенїе на свиданїе въ Александровѣ. Императоръ германскїй поѣдетъ туда въ сопровожденїи одного адъютанта и цѣль его—потребовать отъ Александра II объясненїй по поводу угрожающаго тона его послѣдняго письма. Тѣмъ не менѣе, передъ отъѣздомъ, онъ разрѣшилъ Бисмарку поѣхать въ Вѣну и тамъ продолжать начатыя въ Гастейнѣ переговоры, съ тѣмъ только, чтобы не рѣшать ничего окончательно безъ его утвержденїя.

¹ Изъ письма Бисмарка къ Андраши, отъ 22-го августа 1879 г., въ Приложенїи № 7.

² Императоръ Вильгельмъ князю Бисмарку, отъ 28-го—31-го августа 1879 г., въ Приложенїи № 10.

Бисмаркъ убѣждалъ Андраши не беспокоиться, если на это потребуется нѣкоторое время. Иначе и быть не можетъ при преклонномъ возрастѣ Вильгельма I, его давнихъ привычкахъ и новизны открывающихся передъ нимъ горизонтовъ. Благопріятное условіе успѣха—привлеченіе къ дѣлу наслѣднаго принца, сочувствующаго сближенію Германіи съ Австро-Венгріею и который конечно повліяетъ въ этомъ смыслѣ на отца.

Зная хорошо нравъ своего государя по многолѣтнему опыту, Бисмаркъ едва могъ надѣяться, чтобы тотъ въ 24 часа освоился съ совершенно новымъ для него положеніемъ и далъ почти безъ возраженій потребованное отъ него разрѣшеніе продолжать совѣщанія, а такъ какъ канцлеръ не останется бездѣятельнымъ, то конечно получить до отъѣзда своего изъ Гастейна еще болѣе широкія полномочія.

Въ заключеніе Бисмаркъ ободрялъ Андраши надеждою на полный успѣхъ. Онъ радъ былъ бы и самъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Вѣну, отправиться въ Берлинъ, чтобы лично повліять на старика-императора, но этого не позволяетъ ему состояніе его здоровья. Къ тому же опытъ убѣждаетъ его, что письменныя сношенія если не скорѣе, за то вѣрнѣе дѣйствуютъ на его государя, чѣмъ словесные доклады ¹.

Въ тотъ самый день, когда Бисмаркъ писалъ это письмо, состоялось въ Александровѣ свиданіе дяди съ племянникомъ.

22-го августа Вильгельмъ I прибылъ на русскую пограничную желѣзнодорожную станцію. Тамъ ждалъ его императоръ Александръ, окруженный ближайшими и довѣренными своими совѣтниками: министрами военнымъ—графомъ Милютинимъ, императорскаго двора—графомъ Адлербергомъ и товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, временно управлявшимъ этимъ министерствомъ, Гирсомъ.

Встрѣча монарховъ была сердечная и трогательная. Они бросились въ объятія другъ другу. У обоихъ на глазахъ были слезы.

Первое объясненіе между ними происходило съ глазу на глазъ и продолжалось нѣсколько часовъ.

Александръ Николаевичъ началъ разговоръ съ заявленія, что письмо свое къ императору Вильгельму онъ написалъ самъ, по собственному побужденію, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, и никому не показалъ его, но уже по отправленіи сообщилъ на словахъ его содержаніе императрицѣ и немногимъ изъ своихъ приближенныхъ. Поэтому, если дядя нашелъ письмо для себя оскорбительнымъ,—и государь допускалъ, что оно могло подать поводъ къ недоразумѣнію—то виноватъ въ томъ онъ одинъ и никто другой. Теперь — продолжалъ Александръ II — «онъ глубоко сожалѣетъ, что написалъ это

¹ Князь Бисмаркъ графу Андраши, 22-го августа 1879 г., въ Приложеніи № 7.

письмо, и если оно вызвало настолько серьезное послѣдствіе, что показалось даже личнымъ оскорбленіемъ, то онъ проситъ считать злополучное письмо какъ бы никогда не написаннымъ. Русскій государь и не думалъ угрожать. Онъ только хотѣлъ обратить вниманіе императора Вильгельма на тотъ не подлежащій сомнѣнію фактъ, что если печать обѣихъ странъ будетъ продолжать поносить одна другую, то это, съ теченіемъ времени, непременно приведетъ къ возбужденію между ними чувства вражды, предотвратитъ которую всегда было его существенною заботою. По глубокому его убѣжденію, миръ Европы возможенъ въ будущемъ лишь до тѣхъ поръ, пока существовавшая дотолѣ дружественная связь между Пруссіею и Россіею будетъ сохранена, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ.

Переидя къ причинамъ, побудившимъ его написать письмо, государь указалъ, какъ на главную, на положеніе, занятое германскими уполномоченными въ составѣ европейскихъ комиссій на Балканскомъ полуостровѣ, свидѣтельствовавшее о враждебномъ расположеніи Германіи къ Россіи, что вызвало въ Россіи сильное неудовольствіе и дало пищу разглагольствіямъ печати. Въ комиссіяхъ этихъ Россія преслѣдуетъ единственную цѣль, ту же, что и во время войны, а именно: улучшеніе и обезпеченіе участи восточныхъ христіанъ, а отнюдь не какія либо завоеванія или пріобрѣтенія для себя. Противясь Россіи при проведеніи границъ между балканскими государствами и оставляя все большее и большее число христіанъ подъ турецкимъ владычествомъ, германскіе комиссары, конечно, исполняли полученныя ими инструкціи. Дѣйствія ихъ въ этомъ направленіи произвели уже самое дурное впечатлѣніе въ Турціи, какъ доказательство разлада между Россіею и Германіею, которое только возбуждаетъ упрямство турокъ и безконечно замедляетъ ходъ дѣлъ.

Такія инструкціи государь приписывалъ князю Бисмарку, котораго онъ всегда почиталъ за убѣжденнаго сторонника наилучшихъ отношеній между Пруссіею и Россіею, но который, повидимому, не прощаетъ князю Горчакову его циркуляра 1875 года. Циркуляръ этотъ императоръ Александръ обозвалъ «безразсуднымъ» и прибавилъ, что самъ онъ совѣтовалъ Горчакову воздержаться отъ него, ставя ему на видъ всѣ неблагоприятныя послѣдствія отъ такого проявленія его тщеславія и доказывая, что въ дѣлѣ разсѣянія недоразумѣній нельзя ничего достигнуть этимъ путемъ,—но Горчаковъ его не послушался. Бисмаркъ же неудовольствіе свое и злопамятство противъ раздражившаго его Горчакова, какъ кажется, перенесъ на Россію, что и имѣлъ государь въ виду, выражаясь въ письмѣ своемъ, что не можетъ согласовать такое

поведеніе съ характеромъ столь знаменитаго государственнаго мужа, но это выраженіе письма не относится къ инструкціямъ, даннымъ комиссарамъ по восточнымъ дѣламъ.

Впрочемъ — заключилъ Александръ Николаевичъ — Горчаковъ — бесполезный человекъ, пережившій себя, и самъ онъ теперь больше съ нимъ уже не совѣтуется.

Императоръ Вильгельмъ не отрицалъ, что письмо племянника глубоко огорчило его, въ особенности потому, что ему показалось, что замѣчанія государя исключительно относятся къ подачѣ голоса германскими комиссарами. Считая этотъ вопросъ крайне мало-важнымъ, онъ и не могъ понять вызваннаго имъ раздраженія. Только теперь, изъ объясненій государя, онъ убѣдился, что въ дѣйствительности замѣчанія эти касались князя Бисмарка и его неудовольствія на князя Горчакова. Вильгельмъ I спѣшилъ увѣрить племянника, что Бисмаркъ и теперь смотритъ на взаимныя отношенія Пруссіи и Германіи съ Россіей, какъ смотрѣлъ на нихъ всегда, но что нельзя не замѣтить постоянно возрастающаго въ Россіи чувства нерасположенія къ Германіи, главнымъ образомъ по вняѣ печати, въ нападкахъ которой на Германію участвуютъ и полу-офиціальныя органы. Императоръ германскій допускаетъ, что нѣмецкая печать нападаетъ на Россію, но только для самозащиты. Если, однако, письмо государя на самомъ дѣлѣ не заключало въ себѣ угрозы, то императоръ Вильгельмъ вполне этимъ успокоился и даже находить, что толкованіе государемъ этого мѣста письма вполне сходится съ собственными его убѣжденіями. Послѣ изданнаго надняхъ русскимъ правительствомъ строгаго внушенія по поводу неприличныхъ статей въ русскихъ газетахъ¹, можно ожидать и надѣяться на скорую перемѣну къ лучшему, въ особенности, если временные генералъ-губернаторы, снабженные чрезвычайными полномочіями, будутъ зорко слѣдить за печатью и обуздывать ея увлеченія. Со своей стороны, германскій императоръ уже велѣлъ преподать совѣты умѣренности нѣмецкимъ издателямъ газетъ. Къ сожалѣнію, законъ не позволяетъ ему сдѣлать больше.

Объ инструкціяхъ, данныхъ германскимъ уполномоченнымъ въ балканскихъ комиссіяхъ, Вильгельмъ I отозвался, что онъ и теперь тѣ же, какими были съ самаго начала. Если Россія и Австрія согласны между собою, то комиссарамъ предписывалось подавать голосъ вмѣстѣ съ русскими и австрійцами; въ противномъ же случаѣ — присоединяться къ большинству. Что разногласіе между

¹ Сообщеніе это напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», 17-го августа 1879 г. № 183.

Германіей и Россіей въ средѣ балканскихъ комиссій возбуждаетъ упорство турокъ и вредно отражается на интересахъ христіанъ— объ этомъ онъ никогда еще не слышалъ. Но, по мнѣнію его, всѣ эти маленькія подробности въ дѣлахъ разгранченія— столь мало-важны, что едва ли могутъ серьёзно отразиться на участи христіанъ.

Послѣднія объясненія германскаго императора были довольно сбивчивы и не относились прямо къ дѣлу. Нѣсколько опредѣленнѣе высказался онъ по поводу князя Бисмарка, враждебныхъ чувствъ котораго къ Горчакову онъ никогда не замѣчалъ, хотя самъ вполне раздѣляетъ мнѣніе, выраженное государемъ, о пресловутомъ циркулярѣ 1875 года. На берлинскомъ конгрессѣ всѣ также точно судили о русскомъ канцлерѣ, а потому Вильгельму I вполне понятно, что онъ теперь удаленъ отъ всякаго вліянія на дѣла. Что же касается до Бисмарка, то германскій канцлеръ всегда раздѣлялъ убѣжденіе своего государя, что въ память услугъ, оказанныхъ Россією Германіи въ 1870 году, Германія обязана была выразить благодарность императору Александру соблюденіемъ доброжелательнаго нейтралитета во время войны Россіи съ Турцією, что и было сдѣлано, а послѣ войны—Германія же разстроила коалицію противъ Россіи западныхъ державъ, со включеніемъ и Австріи. Такой образъ дѣйствій Германіи долженъ бы разсѣять подозрѣніе русскаго государя, будто Бисмаркъ, изъ-за досады на Горчакова, измѣнилъ свой политическій взглядъ на Россію и вражду свою къ ней выразилъ въ столь мало-важныхъ вопросахъ. «До настоящаго времени»—утверждалъ императоръ Вильгельмъ—«чувства князя Бисмарка къ Россіи оставались неизмѣнными».

На другой день, 23-го августа, германскій императоръ принялъ находившихся въ Александровѣ русскихъ министровъ, каждого отдѣльно. Графъ Адлербергъ и Гирсъ горячо высказались въ пользу сохраненія старыхъ дружескихъ отношеній Россіи къ Германіи и выразили радость по поводу того, что объясненіе между монархами разсѣяло недоразумѣнія, которыя они, зная хорошо, что именно хотѣлъ сказать въ своемъ письмѣ императоръ Александръ, считали даже совершенно невозможнымъ. Вильгельмъ I отвѣтилъ имъ, что главная виновница происшедшей размолвки—печать и что онъ надѣется, что теперь, когда съ учрежденіемъ временныхъ генералъ-губернаторовъ въ Россіи имъ даны широкія полномочія для подавленія всякихъ беспорядковъ, они прежде всего примѣнятъ ихъ къ газетамъ, печатающимъ возмутительныя статьи, такъ какъ въ противномъ случаѣ враждебное настроеніе русской печати къ Германіи, какъ и предвидѣлъ это императоръ Александръ, можетъ дѣйствительно посягнуть на раздоръ и вызвать вражду между двумя сосѣдними госу-

дарствами. Оба министра вполне согласились съ мнѣніемъ императора германскаго и выразили надежду, что отнынѣ все пойдетъ хорошо.

Русскому военному министру Вильгельмъ I сдѣлалъ тѣ же заявленія, послѣ чего перешелъ къ вопросу объ усиленіи русской арміи. Выказавъ взглядъ свой на новую ея организацію, онъ сказалъ, что удивляется, откуда взялись деньги на столь дорого стоящаго вооруженія? Вся Европа встревожена тѣмъ, что численныи составъ русской арміи въ военное время сохраненъ и послѣ заключенія мира. Графъ Милютинъ отвѣчалъ, что именно опытъ войны указалъ на необходимость усилить боевую готовность арміи и сосредоточить ея расположеніе, не разбрасывая силъ ея на всемъ обширномъ пространствѣ Имперіи, тѣмъ болѣе, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, противъ Россіи составляется коалиція съ участіемъ въ ней Австріи, Англии, а быть можетъ и Франціи, коалиція, грозящая новымъ столкновеніемъ на Востокѣ. Императоръ Вильгельмъ выразилъ въ этомъ сомнѣніе и замѣтилъ, что, если только рѣшенія берлинскаго конгресса будутъ приведены въ исполненіе во всей ихъ полнотѣ, то нѣтъ повода опасаться новой войны, ибо Турція, болѣе чѣмъ кто и когда либо, нуждается въ мирѣ.

Передъ отъѣздомъ дяди, императоръ Александръ пришелъ къ нему проститься и показалъ телеграмму, только что полученную изъ Югенгейма, отъ императрицы Маріи Александровны, которая посылала дорогому гостю сердечный привѣтъ и радовалась его свиданію съ государемъ. По этому поводу Александръ Николаевичъ разсказалъ, что императрица первой онъ сообщилъ свое письмо послѣ отправленія его въ Берлинъ, по крайне неразборчивой отъ многихъ исправленій и помарокъ, черновой, а по полученіи отвѣта, прочиталъ и письмо, и отвѣтъ Адлербергу, Милютину и Гирсу. «Они въ точности знаютъ мои политическіе взгляды на Пруссію и Германію» — сказалъ государь — «и совершенно согласны со мною, а потому и радуются, что свиданіе наше разсѣяло ложныя впечатлѣнія».

Самъ императоръ Александръ совершенно искренно считалъ недоразумѣніе окончательно выясненнымъ и восстановленнымъ во всей прежней силѣ и полнотѣ не только личныя родственно-дружескія отношенія къ любимому дядѣ, но и союзную связь Россіи съ Пруссіею, Германіею, и даже съ Австріею. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ сообщилъ онъ императору Вильгельму донесеніе, полученное отъ русскаго посланника при греческомъ дворѣ, Сабурова, который, встрѣтаясь на водахъ въ Киссингенѣ съ княземъ Бисмаркомъ, вынесъ изъ бесѣдъ съ нимъ впечатлѣніе, что тотъ попрежнему остается вѣренъ началамъ, положеннымъ въ основаніе союза «трехъ императоровъ». Объ Австріи государь выразился такъ: «Конечно,

я имѣлъ причины быть недовольнымъ ею, такъ какъ поведеніе ея во время войны было, какъ всегда, сомнительно (*louche*). Она заняла безъ выстрѣла двѣ турецкія области, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы ихъ никогда не возвратить, такъ же какъ и англичане никогда не отдадутъ Кипра, относительно котораго они заключили отдѣльный договоръ во время конгресса, ничего не сообщивъ о немъ великимъ державамъ». На замѣчаніе императора Вильгельма, что вѣдь занятіе Босніи и Герцеговины австрійцами было условлено при свиданіи въ Рейхштадтѣ, — «да, конечно,» — возразилъ государь, — «но на совершенно другихъ основаніяхъ, а именно, Австрія обязывалась такъ или иначе принять участіе въ войнѣ».

«Тѣмъ не менѣе» — заключилъ русскій императоръ, — «главное — чтобы мы втроемъ твердо держались другъ друга», — съ чѣмъ поспѣшилъ согласиться и императоръ Вильгельмъ, сказавъ, что таково и его глубокое убѣжденіе.

Монархи разстались вполне довольные другъ другомъ и результатами своего свиданія. Прощаясь, они снова возобновили одинъ другому обѣтъ неразрывной личной дружбы и незыблемаго политическаго единенія¹.

Изъ Александрова императоръ Александръ отправился въ Ливадію, а императоръ Вильгельмъ — на манѣвры въ Данцигъ и Штеттинъ.

Первымъ дѣломъ германскаго императора было послать князю Бисмарку въ Гастейнъ имъ самимъ составленную собственноручную записку съ подробнымъ изложеніемъ свиданія своего съ племянникомъ и разговоръ съ нимъ и сопровождавшими его министрами. Но, ознакомясь съ тремя дополнительными меморандумами своего канцлера, онъ пришелъ въ ужасъ отъ глубокаго противорѣчія между образомъ мыслей Бисмарка и собственными его впечатлѣніями, вынесенными изъ Александрова.

Доклады имперскаго канцлера дышали злобою и ненавистью къ Россіи, въ постоянно возростающемъ, страстномъ тонѣ повторяли всѣ прежнія его обвиненія и настоятельно требовали присылки ему полномочій не только для заключенія въ Вѣнѣ оборонительнаго союза съ Австрією, но и для расширенія его впоследствии въ обще-европейскую коалицію противъ Россіи.

Императоръ Вильгельмъ попытался отрезвить, образумить своего перваго министра, доказавъ ему всю неосновательность его предположеній. Свиданіе въ Александровѣ — писалъ онъ ему — вполне вы-

¹ Свиданіе монарховъ въ Александровѣ изложено по собственноручному отчету, составленному императоромъ Вильгельмомъ для князя Бисмарка, 24-го—28-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 8.

яснито ошибочность исходной ихъ точки. Въ письмѣ императора Александра не заключалось въ сущности никакой угрозы и было лишь выражено опасеніе, какъ бы взаимныя пререканія русской и германской печати не настроили враждебно одну страну противъ другой. «Это» — замѣтилъ старецъ-императоръ — «такъ справедливо, какъ все, что только есть справедливаго на свѣтѣ, и вполне согласно съ личнымъ моимъ убѣжденіемъ». Противъ этого зла приняты уже мѣры въ Россіи; должны быть приняты такія же и въ Германіи. Объясненія дяди успокоили племянника относительно значенія мнѣній, выраженныхъ германскими уполномоченными въ балканскихъ комиссіяхъ. Тѣ же объясненія оправдали самого Бисмарка въ глазахъ русскаго государя. Онъ признаётъ, онъ высоко цѣнитъ услуги, оказанныя Россіи Германіею въ прошедшую войну и на берлинскомъ конгрессѣ. Болѣе того: онъ по прежнему считаетъ соглашеніе «трехъ императоровъ» надежнѣйшимъ залогомъ мира и спокойствія Европы. То же думаютъ его ближайшіе и довѣреннѣйшіе министры и совѣтники: Адлербергъ, Гирсъ, Милютинъ. Никто изъ нихъ не помышляетъ о нападеніи на Германію, о войнѣ съ нею. Усиленіе русской арміи имѣетъ цѣлью только защиту противъ европейской коалиціи.

Во всемъ этомъ Вильгельмъ I вполне убѣдился въ Александровѣ, гдѣ для него «возсіялъ свѣтъ», котораго онъ искалъ. Какъ же можетъ онъ согласиться на требуемую Бисмаркомъ коренную перемѣну политики, истекающую изъ совершенно противоположныхъ предположеній? «Вѣковое согласіе, наслѣдіе славной памяти нашихъ отцовъ» — (*Une entente séculaire, le legs de nos pères de glorieuse mémoire*), — не самъ ли Бисмаркъ занесъ эти выраженія въ отвѣтное письмо русскому императору? Какъ же согласовать ихъ съ новою его политическою программою? Если для него слова эти только пустая, ничего не значущая фраза, то они запечатлѣны въ сердцахъ какъ императора Вильгельма, такъ и императора Александра, который дважды повторилъ ихъ дядѣ въ Александровѣ. Но всего болѣе опечалило маститаго старца внушеніе Бисмарка, что пока не составилась обще-европейская коалиція противъ Россіи, надо продолжать съ нею самыя дружественныя по виду сношенія, другими словами — лицемеріемъ прикрыть вѣроломство.

Развивъ всѣ эти доводы, императоръ германскій спрашивалъ своего канцлера: «Поставьте себя на мое мѣсто на одну минуту. Я нахожусь въ присутствіи личнаго друга, близкаго родственника и союзника, съ цѣлью придти къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ на-скоро написанныхъ и, конечно, невѣрно понятыхъ мѣстъ въ одномъ письмѣ, и наше свиданіе приводитъ къ удовлетворительному результату. Могу ли я въ это самое время приступить

къ враждебной коалиціи противъ этого государя, иначе сказать, дѣйствовать за его спиною въ смыслѣ, прямо противоположномъ тому, въ которомъ я говорилъ съ нимъ?»

Вильгельмъ I не отрицалъ, что предвидимая Бисмаркомъ опасность возможна въ будущемъ, напримѣръ, въ случаѣ перемѣны на русскомъ престолѣ. Но теперь ея нѣтъ. Самъ же Бисмаркъ предостерегалъ его отъ договоровъ безъ ясной опредѣленной цѣли, имѣющихъ въ виду лишь отдаленныя случайности. Связывать себѣ руки въ предвидѣніи таковыхъ со стороны Россіи—противно и политическимъ убѣжденіямъ, и совѣсти германскаго императора.

Но отречься отъ Бисмарка, отъ заявленій, сдѣланныхъ имъ австрійскому императору и министру—также невозможно. Поэтому императоръ Вильгельмъ соглашался разрѣшить ему поѣхать въ Вѣну и тамъ переговорить о несогласіяхъ съ Россіей, могущихъ довести до разрыва съ нею, какъ о «возможной случайности въ будущемъ», и даже обсудить тѣ мѣры, которыя придется тогда принять противъ нея сообща съ Австріею. «Но, слѣдуя внушеніямъ моей совѣсти»—заключилъ онъ—«я не позволяю вамъ подписать конвенцію, а и того менѣе—трактатъ».

Письмо кончалось выраженіемъ надежды, что императору удастся согласовать, такимъ образомъ, свои виды съ видами его канцлера. Онъ можетъ съ довѣріемъ взирать на будущее лишь въ томъ случаѣ, если будутъ продолжаться прежнія дружественныя отношенія Пруссіи и Германіи къ Россіи, хотя ему и было очень больно пережить первую свою размолвку за семнадцать лѣтъ совместной работы съ заслуженнымъ своимъ канцлеромъ¹.

Бисмарка, конечно, не могло удовлетворить такое ограниченное полномочіе. Въ своихъ предложеніяхъ графу Андраши онъ зашелъ слишкомъ далеко, чтобы, проѣзжая чрезъ Вѣну, ограничиться разговоромъ о весьма неопредѣленныхъ и столь же отдаленныхъ случайностяхъ. Онъ обѣщалъ заключить въ Вѣнѣ самимъ же имъ предложенный союзный договоръ съ Австро-Венгеріею, и слово свое долженъ былъ сдержать во что бы ни стало. Въ противномъ случаѣ, единственный исходъ для него изъ унижительнаго положенія—отставка. Въ этомъ смыслѣ объяснился онъ въ четвертомъ своемъ докладѣ императору и въ телеграммѣ къ фельдмаршалу Мантейфелю. Вильгельмъ I не устоялъ противъ этой угрозы и по возвращеніи въ Берлинъ готовъ уже былъ дать требуемое разрѣшеніе, какъ вдругъ его осѣнила мысль: нельзя ли включить и Россію въ предположенную союзную конвенцію съ Австріею?

¹ Императоръ Вильгельмъ I князю Бисмарку, 29-го — 31-го августа 1879 г., въ Приложеніи № 10.

«Важный фактъ» — писалъ ояъ по этому поводу канцлеру — «припомнился мнѣ въ связи съ переговорами, которые вы поведете въ Вѣнѣ. Это — конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ въ 1873 году, подписанная только двумя фельдмаршалами, Мольтке и Барятинскимъ, и ратификованная императоромъ Александромъ и мною, которую вы отказались подписать. Обстоятельство, подтверждающее причины, по которымъ вы тогда, и такъ часто потомъ возставали противъ обязательныхъ конвенцій при условіяхъ, когда, какъ и нынѣ, не имѣлось въ виду положительной цѣли, вслѣдствіе чего я съ большимъ трудомъ согласился подписать с.-петербургскую конвенцію. Какъ же вы хотите заключить конвенцію, не предупредивъ объ отмѣнѣ той, что была заключена въ Петербургѣ? Обѣ считаются оборонительными конвенціями. Въ настоящее время с.-петербургская конвенція обязываетъ Пруссію и Россію оказывать другъ другу помощь въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ. Предположенная конвенція должна заключать то же условіе, но противъ Россіи. Какъ согласовать обѣ между собою? Поэтому, мнѣ, кажется, что мысль Бюлова выпустить слова «противъ Россіи» даетъ намъ поводъ включить Россію въ новую конвенцію и тѣмъ исполнить конвенцію с.-петербургскую»¹.

Объ этихъ сомнѣніяхъ императора доносили князю Бисмарку и вице-канцлеръ Имперіи, графъ Штольбергъ, предполагавшій, что онъ-то и служили главнымъ препятствіемъ къ согласію Вильгельма I на союзный договоръ съ Австро-Венгріею, такъ какъ наводили на мысль о «предательствѣ»². Но на Бисмарка доводы эти не подѣйствовали. За петербургской конвенціей 1873 года онъ не признавалъ никакого обязательнаго значенія ни для Пруссіи, ни для Германіи, вовсе не считая ее официальнымъ актомъ, потому что, хотя она и была подписана уполномоченными государей и ратификована ими самими, но не была скрѣплена ни отвѣтственнымъ прусскимъ министромъ, ни имперскимъ канцлеромъ.

Какъ бы то ни было, непремѣннымъ условіемъ даннаго Бисмарку разрѣшенія вести въ Вѣнѣ переговоры о союзѣ съ Австро-Венгріею императоръ Вильгельмъ поставилъ не только, чтобы въ союзной конвенціи Россія не была поименована, какъ общія противница договаривающихся сторонъ, но чтобы въ той же конвенціи заявлено было взаимное ихъ обязательство соблюдать съ Россіею мирныя отношенія и оказаніе взаимной помощи — обусло-

¹ Императоръ Вильгельмъ I князю Бисмарку, 3-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 11.

² Графъ Штольбергъ князю Бисмарку, 5-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 13.

влено нападеніемъ на одну изъ нихъ ¹. Кромѣ того германскій императоръ требовалъ, чтобы ему было предоставлено написать императору Александру, что онъ вполне доволенъ переданными чрезъ Сабурова увѣреніями о миролюбіи Россіи и въ доказательство своей честности и откровенности—предупредить племянника заблаговременно, что онъ намѣренъ вступить въ союзныя обязательства съ Австріею чисто оборонительнаго свойства. Утверждая подъ всеми этими условіями и ограниченіями полномочія Бисмарку, старецъ-императоръ былъ крайне разстроенъ и признался графу Штольбергу, что рѣшеніе это стоить ему большихъ усилій надъ собою, но что благоразуміе требуетъ слѣдовать внушеніямъ такого опытнаго и испытаннаго совѣтника, каковъ имперскій канцлеръ ².

Получивъ съ такимъ трудомъ добытыя полномочія, князь Бисмаркъ извѣстилъ графа Андраши, что ему удалось, наконецъ, преодолѣвъ все препятствія, «созданныя разстояніемъ и противодействующимъ вліяніемъ другихъ круговъ», добиться въ принципѣ согласія своего государя съ видами, которыми онъ руководствовался въ совѣщаніяхъ съ австро-венгерскимъ министромъ, и что онъ на другой же день выѣзжаетъ въ Вѣну для облеченія ихъ въ форму союзнаго договора ³.

Канцлеръ Германской Имперіи прибылъ въ Вѣну 9-го сентября и пробылъ тамъ четыре дня.

Правительство и дворъ приняли его съ необычайными почестями. Восторженно привѣтствовали его австро-мадьярская печать и населеніе австрійской столицы. Послѣ приема императоромъ Францомъ-Иосифомъ, въ честь его данъ былъ торжественный обѣдъ въ замкѣ. Австрійскій императоръ самъ посѣтилъ его въ гостинницѣ и провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ болѣе часа. Каждый день между Бисмаркомъ и Андраши происходили оживленныя совѣщанія, въ которыхъ принимали участіе нареченный преемникъ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, баронъ Гаймерле и германскій посолъ въ Вѣнѣ князь Рейсъ. Бисмаркъ предложилъ заключеніе общей оборонительной союзной конвенціи, безъ обозначенія противниковъ, но предложеніе это было отклонено австрійскими дипломатами, соглашавшимися заключить ее противъ одной только Россіи.

Явно враждебное ей настроеніе австрійскихъ правительственныхъ круговъ было дѣломъ рукъ самого Бисмарка, прямымъ послѣдствіемъ

¹ Князь Бисмаркъ графу Андраши, 8-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 15.

² Графъ Штольбергъ князю Бисмарку, 5-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 13.

³ Князь Бисмаркъ графу Андраши, 8-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 15.

пзвѣта его на Россію, принесшаго черезъ два года ожидаемые плоды. Пзвѣту этому дали полную вѣру не только Андраши и предводимые имъ мадьяры, но и всѣ тѣ вліятельныя при дворѣ и въ арміи лица, которыя когда-то, не прощая Пруссіи ея побѣдъ надъ Австріею и, какъ послѣдствія ихъ, лишенія ея главенства въ Германіи и вытѣсненія ея изъ состава стараго Германскаго Союза, долго дельбали мысль объ отыгрышѣ сначала въ союзѣ со Второю Имперію во Франціи, а по паденіи ея — въ согласіи съ Россіею. Теперь эти самыя устои старой Австріи, сохранившіе не малую долю вліянія на императора Франца-Іосифа, уже болѣе не противились союзу съ Германіею и самъ глава ихъ, эрцгерцогъ Альбрехтъ, нѣкогда заклятый врагъ пруссаковъ и ревностный другъ и сторонникъ Россіи, признался Бисмарку, что радуется заключенію такого союза, потому что «русскіе—интриганы, на которыхъ никакъ нельзя положиться». Самъ императоръ Францъ-Іосифъ, если вѣрить Бисмарку, оказался едва ли не болѣе графа Андраши убѣ. деннымъ въ необходимости и спасительности для своей монархіи тѣснаго единенія съ Германіею¹.

Подъ впечатлѣніемъ клеветы, взведенной Бисмаркомъ на Россію, императоръ Францъ-Іосифъ и ближайшіе его совѣтники считали одну Россію злѣйшимъ и непримиримымъ врагомъ Австріи, къ тому же врагомъ коварнымъ, скрывающимъ злобу и вражду подъ личиною лицемѣрной дружбы. Нападеніе со стороны Россіи представлялось имъ единственною опасностью, грозящею ихъ монархіи, и нѣмецкая помощь нужна была имъ только противъ нея одной. Въ случаѣ столкновенія съ Италіей, они не сомнѣвались, что управятся съ нею собственными силами. Со времени берлинскаго конгресса, вѣнскій дворъ находился въ полномъ согласіи съ Англіею по дѣламъ европейскаго Востока и дорожилъ установившимися на томъ же конгрессѣ дружественными отношеніями съ министерствомъ Дюфора-Ваддингтона, руководившимъ судьбами Франціи. Гласный союзъ съ Германіею, хотя бы и оборонительный, но заключенный *contra quosque*, могъ только разстроить эти отношенія, поссорить Австро-Венгрію съ Англіею и Франціею. По всѣмъ этимъ причинамъ Андраши и Гаймерле требовали, чтобы союзный договоръ былъ направленъ противъ единственнаго общаго обѣимъ державамъ противника—Россіи.

Самъ Бисмаркъ не хотѣлъ ничего иного, а потому едва ли долго противился настоящему требованію вѣнскаго двора, въ смыслѣ

¹ О впечатлѣніяхъ, внесенныхъ Бисмаркомъ изъ Вѣны, см. рассказъ его Бушу въ «Bismarck, some secret pages of his history», II, стр. 408—413, и Сентъ-Валье, въ донесеніи его 2-го ноября 1879 г., въ Приложеніи № 24. Ср. также «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 244—246.

котораго и былъ составленъ проектъ конвенціи между Германією и Австро-Венгрією.

Во вступленіи перечислены были причины, побудившія монарховъ Германіи и Австро-Венгріи связать себя взаимными обязательствами. Такихъ причинъ приведено три. Во-1-хъ, императоры германскій и австрійскій провозглашаютъ непреложнымъ своимъ долгомъ постоянно заботиться о безопасности своихъ имперій и о спокойствіи подданныхъ; во-2-хъ, они заявляютъ, что цѣль эта будетъ всего лучше достигнута, если обѣ имперіи тѣсно сплутятся, подобно тому, какъ онѣ были соединены въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ; въ-3-хъ, они выражаютъ мнѣніе, что тѣсное совмѣстное дѣйствіе (*Zusammengehen*) Германіи и Австро-Венгріи не будетъ угрозою никому, а напротивъ, послужитъ къ утверженію мира Европы, основаннаго на постановленіяхъ берлинскаго конгресса. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, императоры германскій и австрійскій, торжественно обѣщая другъ другу никогда и ни въ какомъ направленіи придавать наступательнаго значенія ихъ чисто оборонительному договору, рѣшили заключить «союзъ мира и взаимной защиты».

Выработанная на совѣщаніяхъ Бисмарка и Рейса съ Андраши и Гаймерле союзная конвенція имѣла состоять изъ трехъ статей:

Первая статья постановляла, что если, вопреки надеждамъ и желаніямъ Германіи и Австро-Венгріи, на одну изъ нихъ нападетъ Россія, то другая держава обязана оказать первой помощь всѣми своими вооруженными силами и не заключать мира иначе, какъ сообща, на тождественныхъ условіяхъ.

Вторая статья гласила, что если на одну изъ договаривающихся сторонъ произведетъ нападеніе какая либо иная держава, кромѣ Россіи, то другая сторона обязана лишь не поддерживать державы, нападающей на ея союзника, и соблюдать по отношенію къ послѣднему дружественный нейтралитетъ. Но если нападающую державу поддержитъ Россія, то обязательство взаимной помощи, установленное 1-ю статьею, вступаетъ немедленно въ силу, впредь до заключенія мира, также сообща.

Наконецъ, третья статья заявляла, что, въ виду мирнаго значенія договора и во избѣжаніе ложнаго его толкованія, онъ будетъ сохраняться въ строгой тайнѣ и можетъ быть сообщенъ посторонней державѣ только съ общаго согласія обѣихъ договаривающихся сторонъ. Полагаясь на миролюбивыя чувства, выраженные императоромъ Александромъ при свиданіи въ Александровѣ, Германія и Австро-Венгрія надѣются, что вооруженія Россіи не угрожаютъ имъ, а потому у нихъ нѣтъ пока повода къ сообщенію ей настоящей

конвенціи. Но если надежда эта не оправдается, то онѣ почтутъ «за долгъ чести»—довѣрительно предупредить императора Александра, что нападеніе на одну изъ державъ будетъ признано ими за нападеніе, направленное противъ обѣихъ.¹

На совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Вѣнѣ между германскимъ канцлеромъ и австро-венгерскими министрами, не ограничились составленіемъ проекта союзнаго договора, но были обсуждены всѣ очередные вопросы по внѣшней политикѣ, истекавшіе изъ берлинскаго трактата, и установлено согласное дѣйствіе Германіи и Австріи по каждому изъ нихъ. Сверхъ того обсуждался и рассматривался рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ тѣснѣйшему сближенію двухъ сосѣднихъ имперій по торговлѣ, промышленности, таможеннымъ, желѣзнымъ дорогамъ, юстиціи, администраціи—но ни одна изъ нихъ не была практически осуществлена.²

Продолжительное пребываніе князя Бисмарка въ Вѣнѣ, торжественный пріемъ, тамъ ему оказанный, частыя свиданія и оживленные переговоры его съ императоромъ Францемъ-Иосифомъ и его министрами не могли укрыться отъ вниманія всѣхъ европейскихъ правительствъ, вызывая надежды въ однихъ и опасенія въ другихъ. Съ цѣлью разсѣять послѣднія, германскій канцлеръ посетилъ всѣхъ пословъ великихъ державъ при вѣнскомъ дворѣ, увѣряя, что ни одной изъ нихъ не угрожаютъ тѣсныя узы дружбы, завязавшіяся между Германіею и Австро-Венгеріею. Съ особеннымъ удареніемъ заявилъ онъ французскому послу, что австро-германское соглашеніе отнюдь не направлено противъ Франціи. Единственный изъ дипломатическихъ представителей великихъ державъ, съ которымъ не видѣлся Бисмаркъ, былъ русскій посолъ, въ то время отсутствовавшій изъ Вѣны.

Предъ отъѣздомъ гостя императоръ Францъ-Иосифъ утвердилъ своею подписью проектъ союзнаго договора, условленный между Бисмаркомъ и Андраши, съ тѣмъ, что онъ будетъ формально заключенъ по утвержденіи его императоромъ Вильгельмомъ.

Прямо изъ Вѣны князь Бисмаркъ отправилъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ находился императоръ Вильгельмъ, всѣ документы, относившіеся къ переговорамъ его съ графомъ Андраши, а именно: вступительный меморандумъ къ конвенціи, подписанный обоими министрами, протоколы ихъ совѣщаній, наконецъ составленный ими и уже утвержденный императоромъ Францомъ-Иосифомъ проектъ союзнаго договора, настаивая на немедленномъ утвержденіи

¹ См. текстъ австро-германскаго союзнаго договора, въ Приложеніи № 20.

² См. объ этомъ донесеніе Сень-Валье, въ Приложеніи № 24.

последняго германскимъ императоромъ. Самъ же онъ 13-го сентября возвратился въ Берлинъ.

Тамъ ждалъ его русскій дипломатъ Сабуровъ, по высочайшему повелѣнію прибывшій изъ Ливадіи, чтобы отъ имени русскаго правительства официально подтвердить германскому заявленію императора Александра императору Вильгельму о желаніи Россіи жить въ мирѣ съ сосѣдними имперіями и, ограничиваясь оборонительною политикою, основанною на постановленіяхъ берлинскаго трактата, тщательно поддерживать дружественную и союзную связь съ двумя другими императорскими дворами.

Въ ожиданіи извѣстій изъ Баденъ-Бадена, имперскій канцлеръ принялъ своего киссингенскаго собесѣдника любезно, но сдержанно сказавъ ему, что самъ онъ попрежнему расположенъ въ пользу сохраненія союза «трехъ императоровъ», но что Германія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть соучастницею въ такой политикѣ, которая была бы направлена противъ Австро-Венгріи. Присылку Сабурова Бисмаркъ приписывалъ тому обстоятельству, что въ Россіи провѣдали о сущности тайныхъ переговоровъ между Берлиномъ и Вѣною рѣшились попытаться разстроить готовившееся между ними соглашеніе ¹.

Между тѣмъ императоръ Вильгельмъ ясно увидѣлъ изъ присланныхъ къ нему бумагъ, что въ Вѣнѣ всѣ его замѣчанія и оговорки были оставлены безъ всякаго вниманія и что ни одно изъ поставленныхъ имъ условій не было соблюдено. Поднесенный на его утвержденіе договоръ устанавливалъ союзъ Германіи и Австро-Венгріи противъ одной только Россіи, то есть какъ разъ на томъ основаніи, которое императоръ рѣшительно отвергъ, какъ не вызываемое необходимостью и несогласное съ союзными обязательствами, связывавшими его самого и Германію съ императоромъ Александромъ II и съ Россіей.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ актомъ, онъ, повидимому, твердо рѣшился не утверждать его.

«Германія и Австрія» — писалъ онъ своему канцлеру — «желаютъ достиженія одной и той же цѣли — безопасности отъ невызваннаго ими нападенія со стороны внѣшнихъ враговъ. Но въ виду особаго упоминанія о Россіи, какъ о такомъ врагѣ, я не могу согласиться на настоящія предложенія, ни на немедленное заключеніе договора. Послѣ того какъ я снова протянулъ дружескую руку императору Александру, послѣ устраненія недоразу-

¹ Разговоръ Бисмарка съ Сабуровымъ лишь отчасти извѣстенъ изъ письма императора Вильгельма къ Бисмарку, 21-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 16.

мѣннѣ въ Александровѣ, могу ли я теперь заключить союзъ противъ него, хотя бы и оборонительнаго свойства, союзъ, въ которомъ упомянуть онъ одинъ въ качествѣ подразумеваемаго зачинщика (agresseur), и сохранить это намѣреніе отъ него въ тайнѣ? Я не способенъ на такой предательскій поступокъ:

Императоръ отрицалъ, что такое значеніе ослабится отъ предположеннаго сообщенія Россіи факта австро-германскаго союза при первыхъ признакахъ войны, справедливо замѣчая, что подобное предувѣдомленіе или придетъ слишкомъ поздно, или вызоветъ въ Россіи еще большее раздраженіе, то есть только подольетъ масла въ огонь. Возражалъ онъ и противъ довода, что извѣстіе о союзѣ Германіи съ Австро-Венгеріею дастъ русскому правительству силу совладать съ внутреннимъ движеніемъ, такъ какъ для этого нужно официально сообщить ему содержаніе союзнаго договора, а это прямо невозможно, коль скоро въ договорѣ Россія выставлена единственнымъ врагомъ обѣихъ имперій. Поэтому, чтобы сдѣлать возможнымъ сообщеніе договора Россіи, необходимо выпустить изъ него упоминаніе о ней и противника обозначить лишь въ общихъ выраженіяхъ.

Подтвердивъ снова давнее свое желаніе, императоръ Вильгельмъ рѣшительно объявилъ, что не согласенъ утвердить союзный договоръ съ Австріею въ настоящемъ его видѣ, потому что въ эту минуту не существуетъ рѣшительно ничего, что могло бы вызвать войну между Россіею съ одной стороны и Германіею и Австро-Венгеріею—съ другой. Причины, побуждающія вѣнскій дворъ желать безотлагательнаго заключенія договора, для него не убѣдительно. Въ Вѣнѣ находятъ, что теперь время самое для того удобное, потому что при нынѣшнемъ министерствѣ Франція благопріятно расположена къ обѣимъ имперіямъ и находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Англіею и что положеніе это можетъ измѣниться съ перемѣною кабинета. Все это, по мнѣнію Вильгельма I, вовсе не касается Германіи, тѣмъ болѣе, что въ виду уваженія, съ которымъ Австрія относится къ щекотливости Франціи, и ея опасенія охлажденія съ Англіею, нельзя признать лишеннымъ основанія мнѣніе графа Милютина о замышляемой этимъ тремя державами коалиціи противъ Россіи.

Выходъ изъ дилеммы, въ которой, по собственному выраженію, императоръ германскій былъ поставленъ между своею честью и совѣстью—со стороны Россіи, и обязательствомъ, уже принятымъ Бисмаркомъ,—со стороны Австріи представлялся ему одинъ: пригласить Россію приступить къ австро-германскому союзному договору.

«Что можетъ быть проще» — спрашивалъ онъ своего канцлера — «какъ подтвердить въ реальномъ, письменномъ договорѣ союзъ

«трехъ императоровъ», который доселѣ существовалъ только на словахъ?» Для этого, по мнѣнію Вильгельма I, нужно было задать чрезъ германскаго посла въ Петербургѣ министру Гирсу вопросъ: справедливо ли данное Сабуровымъ увѣреніе, что Россія отнынѣ будетъ слѣдовать оборонительной политикѣ, основанной на берлинскомъ трактатѣ, и означаетъ ли это одинаковую политику по отношенію къ Германіи, какъ и къ Австріи? По полученіи утвердительнаго отвѣта онъ долженъ былъ передать въ Вѣну, послѣ чего Германія и Австро-Венгерія, сообщивъ императору Александру проектъ союзнаго между ними договора, предложить ему приступить къ нему въ качествѣ третьяго участника.

Разумѣется, въ текстѣ договора слѣдуетъ сдѣлать соотвѣтственныя измѣненія, совершенно исключивъ 2-ю статью, какъ прямо направленную противъ Россіи, и обязавъ Австро-Венгерію давать Германіи въ случаѣ войны съ Франціей ту же союзную помощь, какую обѣщаетъ ей Германія въ войнѣ съ Россіей, такъ какъ—утверждалъ императоръ—первая случайность «безспорно возможна и конечно вѣроятна», чѣмъ нападеніе Россіи на Австрію, а между тѣмъ—по глубокому убѣжденію его—Германія не въ силахъ одна, безъ союзниковъ, выдержать борьбу съ Франціей¹.

Въ виду упорнаго сопротивленія старца-императора, князь Бисмаркъ прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ: онъ собралъ въ Берлинѣ всѣхъ наличныхъ министровъ имперскихъ и прусскихъ и, сообщивъ имъ проектъ союзнаго договора съ Австріей, убѣдилъ ихъ въ общемъ докладѣ императору Вильгельму выставить этотъ актъ какъ государственную необходимость, а неутвержденіе его—какъ влекущее за собою отставку не только канцлера, но и всѣхъ его сотоварищей по кабинету. Рѣшеніе это повезъ въ Баденъ-Баденъ вице-канцлеръ графъ Штольбергъ².

Подъ такимъ сильнымъ давленіемъ, поддержаннымъ увѣщаніями наслѣднаго принца, старецъ началъ сдаваться. Онъ уже не отказывалъ въ «условномъ» утвержденіи договора, но убѣдительно просилъ Бисмарка придать ему такой видъ, въ которомъ онъ могъ бы быть сообщенъ русскому императору. «Снова спрашиваю васъ»—убѣждалъ онъ его—«что должны мы отвѣтить, если по поводу сообщеннаго ему меморандума императоръ Александръ спроситъ: «Что же вы рѣшили сдѣлать въ связи съ этимъ меморандумомъ?» Весьма вѣроятно, вы заключили соглашеніе. Пока я не ознакомленъ съ нимъ, я не могу принять рѣшенія, а потому

¹ Императоръ Вильгельмъ князю Бисмарку, 23-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 16.

² «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 247.

покажете мнѣ это соглашеніе». Но такъ какъ соглашеніе въ его настоящемъ видѣ не можетъ быть показано Россіи, то мы должны отклонить предъявленіе его. Какое же впечатлѣніе произведетъ этотъ фактъ на императора Александра? Конечно самое худшее!» Робко указывая на необходимость измѣненія 2-й статьи проекта договора, Вильгельмъ I повторилъ требованіе о включеніи въ него условія, обязывающаго Австрію помогать Германіи противъ Франціи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Германія будетъ помогать ей противъ Россіи¹.

Но Бисмаркъ не допускалъ никакихъ измѣненій въ актѣ, имъ составленномъ, предъявляя его императору какъ министерскій ультиматумъ, который долженъ быть подписанъ какъ онъ есть. Онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на сообщеніе русскому правительству текста союзнаго договора, а только — совершенно безсодержательнаго вступленія къ нему, умалчивавшаго о самихъ условіяхъ союза. Со своей стороны Андраши предъявилъ два существенныя возраженія противъ желанія императора Вильгельма заблаговременно извѣстить императора Александра о намѣреніи его вступить въ союзныя обязательства съ Австро-Венгріею.

Первое возраженіе было, что въ предположенномъ сообщеніи русскому государю нельзя было бы пройти молчаніемъ трактатъ, а второе — что о трактатѣ этомъ говорилось бы какъ о еще не состоявшемся.

Если — разсуждалъ Андраши — въ письмѣ императора Вильгельма къ русскому императору будетъ опредѣленно выражено намѣреніе заключить союзный договоръ съ Австріею, то въ Петербургѣ тотчасъ же попросятъ сообщенія самаго текста, и это подастъ петербургскому кабинету поводъ, прежде чѣмъ дѣло будетъ улажено между Берлиномъ и Вѣною, начать переговоры втроемъ, отъ которыхъ нельзя ожидать удовлетворительныхъ результатовъ ни для Австріи, ни для Германіи. Поэтому австро-мадьярскій министръ предлагалъ, чтобы послѣ утвержденія императоромъ германскимъ союзнаго договора съ Австріею, Вильгельмъ I сообщилъ императору Александру все содержаніе вступительнаго къ договору меморандума, не упоминая вовсе о трактатѣ, съ присовокупленіемъ, что состоявшееся австро-германское соглашеніе включаетъ въ себѣ обязательство обоихъ правительствъ всякое нападеніе на одну изъ союзныхъ державъ считать за нападеніе на обѣ и что самъ императоръ Вильгельмъ придаетъ ему именно такое значеніе. Онъ можетъ также разъяснить,

¹ Императоръ Вильгельмъ князю Бисмарку, 23-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 18.

что соглашеніе это чисто оборонительное и не содержитъ ничего такого, что бы препятствовало Россіи отвратить отъ себя всякое противное ей толкованіе, приступивъ къ изложеннымъ въ меморандумѣ основнымъ началамъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію графа Андраши, цѣль, предположенная германскимъ императоромъ, будетъ вполне достигнута, а именно, австро-германское соглашеніе станетъ извѣстно Россіи, но, съ другой стороны, вовсе не будетъ заявлено о существованіи болѣе опредѣленнаго обязательства и избѣгнется необходимость сообщенія его.

Сообщить же Россіи о заключеніи формальнаго договора Андраши считалъ положительно невозможнымъ по многимъ причинамъ: во-1-хъ, потому что приступленіе Россіи къ настоящему его тексту немыслимо; во-2-хъ, потому что постановленія его, относящіяся къ Франціи и Италіи стали бы тотчасъ же извѣстны въ этихъ странахъ и вызвали бы совершенно ненужныя въ настоящее время комбинаціи; въ-3-хъ, потому что дѣло огласилось бы въ парламентахъ и повело бы къ крайне нежелательнымъ разсужденіямъ. Онъ же предупреждалъ Бисмарка, что отклоненіе его предложенія не позволило бы ему согласиться ни на какой другой способъ довѣрительнаго сообщенія русскому императору, хотя императоръ Францъ-Иосифъ и объявилъ, что не будетъ непременно настаивать на содержаніи союзнаго договора въ тайнѣ послѣ его заключенія.

Но чего Андраши не допускалъ ни подъ какимъ видомъ — это какого бы то ни было оглашенія содержанія или даже самаго существованія союзнаго австро-германскаго договора, прежде чѣмъ состоится утвержденіе его императоромъ Вильгельмомъ. «Не желая предварять рѣшеніе по этому предмету моего всемплоствѣйшаго государя» — говорилъ онъ въ заключеніи письма — «я предпочелъ бы вовсе отказаться отъ заключенія соглашенія, и ни въ какомъ случаѣ не считалъ бы себя обязаннымъ принимать какое либо дальнѣйшее участіе въ переговорахъ на такомъ основаніи»¹.

Какъ ни горька была чаша, преподнесенная Бисмаркомъ своему государю, императоръ Вильгельмъ имѣлъ печальное мужество испить ее до дна. Десять дней противился онъ, то молилъ и плакалъ, то доходилъ до того, что на угрозу отставки Бисмарка отвѣчалъ угрозою своего отреченія отъ престола. Все напрасно. Въ концѣ концовъ непреклонная воля желѣзнаго канцлера взяла верхъ надъ тѣмъ, что онъ называлъ «сентиментальностью» восьмидесятилѣтняго старца. Терзаемый совѣстью, обливаясь слезами и громко повторяя, что онъ обезчестилъ себя своимъ рѣшеніемъ и предательски поступилъ въ отношеніи къ своему другу, царю,

¹ Графъ Андраши князю Бисмарку, 22-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 17.

императоръ Вильгельмъ 23-го октября утвердилъ своею подписью проектъ союзнаго договора, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ тотъ вышелъ изъ-подъ пера Бисмарка и Андраши. Извѣщая объ этомъ имперскаго канцлера, наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ сообщаетъ, что императоръ глубоко несчастливъ и что всякому ясно, какъ трудно было ему это рѣшеніе, при его чрезмѣрной добросовѣстности¹.

Два дня спустя, графъ Андраши и князь Рейсъ подписали въ Вѣнѣ тайный союзный договоръ Германіи съ Австро-Венгеріею — противъ Россіи².

Достигнувъ цѣли, Бисмаркъ, ссылаясь на болѣзненное состояніе здоровья, потрясеннаго сильными волненіями послѣднихъ дней, тотчасъ же отправился на отдыхъ въ помѣстье свое Варцинъ, не дожидаясь пріѣзда изъ Баденъ-Бадена въ Берлинъ императора Вильгельма. Тамъ составилъ онъ письмо отъ имени своего государя къ русскому императору для объясненія ему состоявшейся сдѣлки съ Австро-Венгеріею, въ томъ видѣ и предѣлахъ, въ какихъ онъ допускалъ сообщеніе ея Россіи. Вскорѣ по возвращеніи Вильгельма I въ свою столицу, тотъ безпрекословно переписалъ это письмо и послалъ его въ Ливадію, гдѣ проводилъ осень 1879 года Александръ II.

«Мой дорогой племянникъ и другъ» — писалъ германскій императоръ — «сердечная дружба, соединяющая насъ столько лѣтъ и внушившая намъ политику, основанную на этихъ чувствахъ, возлагаетъ на меня обязанность писать вамъ въ ту минуту, когда я препровождаю къ вамъ меморандумъ, являющійся результатомъ словесныхъ совѣщаній между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши въ Гастейнѣ и Вѣнѣ. Послѣдній пріѣхалъ въ Гастейнъ, чтобы объяснить причины удаленія его отъ дѣлъ, которыми онъ завѣдывалъ столь знаменательнымъ образомъ, снискавшимъ ему довѣріе всей Европы. Совѣщанія обоихъ канцлеровъ обратились именно на сношенія Германіи съ Австріею, какъ они вытекаютъ изъ событій, происшедшихъ послѣ 1848 года. Сила оружія присудила съ тѣхъ поръ Пруссіи стать во главѣ объединенной Германіи. Германскій

¹ Подчеркнутыя выраженія заимствованы изъ письма наслѣднаго принца германскаго и прусскаго къ князю Бисмарку, 23-го сентября 1879 г. изъ Приложенія № 19. Въ посмертныхъ своихъ Запискахъ (*Gedanken und Erregungen*, II, 248), князь Бисмаркъ говоритъ: «Политическіе доводы не убедили императора, но онъ далъ обѣщаніе утвердить договоръ только изъ отвращенія къ перемѣнѣ въ самомъ составѣ министерства».

² Союзный австро-венгерскій договоръ, 25-го сентября 1879 г., въ Приложеніи № 20.

Союзъ былъ расторгнуть и Австрія перестала быть связанною договорами съ преобразованною Германіею; но союзъ между Пруссіею, Австріею и государствами Германіи живетъ въ общественномъ мнѣніи Германіи, которое стремится замѣнить его нравственнымъ единеніемъ обѣихъ имперій, въ миролюбивомъ настроеніи которыхъ усматривается залогъ сохраненія мира въ Европѣ. Я не говорю о мудрости, съ которою вы такъ могущественно содѣйствовали сохраненію этого мира, несмотря на частныя войны, театромъ коихъ Европа была за послѣднія 20 лѣтъ. Отставка графа Андраши, лично поддерживавшаго вышесказанное направленіе, могла имѣть важныя послѣдствія, кто бы ни былъ его преемникъ, потому что довѣріе не переходитъ по наслѣдству. Итакъ, оба канцлера рѣшили сообща восполнить новымъ соглашеніемъ пробѣлъ, оставленный упраздненіемъ Германскаго Союза, который, въ продолженіе полувѣка, представлялъ союзъ Пруссіи, Австріи и германскихъ государствъ. Соглашеніе это изложено въ прилагаемомъ при семъ меморандумѣ.

«Мнѣ пріятно сказать, что начала, провозглашенныя въ этомъ важномъ документѣ, будутъ оцѣнены вами и что вы приступите къ нимъ для утвержденія соглашенія «трехъ императоровъ», которое съ 1873 года оказало столь существенныя услуги Европѣ. Я замѣтилъ не безъ удовольствія, что послѣ нашего свиданія въ Александровѣ, печать нашихъ странъ успокоилась; я нашелъ однако въ одной московской газетѣ статью, открыто говорящую о всеславянской войнѣ противъ Германіи, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, а между тѣмъ генераль-губернаторъ не конфисковалъ эту газету, на что онъ имѣлъ полное право въ силу предоставленныхъ ему полномочій. Я боюсь нигилистической партіи, которая, заодно съ панславизмомъ, держитъ рѣчи, враждебныя сосѣднимъ странамъ, дабы воспользоваться всякими столкновеніями для своихъ разрушительныхъ цѣлей. Если бы этимъ революціоннымъ планамъ удалось давленіемъ своимъ увлечь правительство или компрометировать его въ его политическихъ сношеніяхъ, то я не скрою отъ васъ, мой дорогой племянникъ, что оно встрѣтило бы солидарное противодѣйствіе въ сосѣднихъ странахъ. Угрожающія рѣчи, въ связи со столь поразительнымъ усиленіемъ вашей арміи послѣ успѣховъ славной войны, возбуждаютъ тревогу во всей Европѣ, тогда какъ твердое выраженіе вашей миролюбивой воли могло бы успокоить тревогу и возвратитъ умы на правый путь.

«Вотъ что лежало у меня на сердцѣ, мой дорогой племянникъ, и что я хотѣлъ сказать вамъ съ извѣстными вамъ откровенностью и довѣріемъ; но я долженъ еще прибавить выраженіе совершенно личнаго сожалѣнія по поводу прискорбнаго совпаденія между на-

шимъ дружескимъ свиданіемъ и мѣрами, которыя пришлось ускорить, вслѣдствіе отставки графа Андраши и всѣхъ упомянутыхъ выше обстоятельствъ.

«Вы знаете, что я имѣлъ величайшее удовольствіе снова увидать императрицу и выразить ей словесно мои искреннѣйшія пожеланія относительно ея здоровья, которое я нашелъ, благодареніе Богу, лучше, чѣмъ ожидалъ.

Вильгельмъ»¹.

Нельзя не подивиться, съ какимъ мастерствомъ истина въ этомъ письмѣ переиждана съ ложью и какъ искусно затемнена она разными отступленіями. Не вдаваясь въ ихъ оцѣнку, достаточно замѣтить, что въ немъ конечнымъ результатомъ совѣщаній Бисмарка съ Андраши выставленъ одинъ лишь сообщенный при самомъ письмѣ, меморандумъ, о союзномъ же договорѣ не упоминается вовсе, а и того менѣе, что направленъ онъ не противъ кого иного, какъ противъ одной Россіи, которой, не взирая на это, прямо предлагается приступить къ состоявшемуся противъ нея же соглашенію Германіи съ Австро-Венгріею.

Князь Бисмаркъ самъ опасался, что при русскомъ дворѣ не удовольствуются безсодержательнымъ текстомъ меморандума и туманными комментаріями на него письма императора Вильгельма, а потребуютъ о состоявшейся австро-германской сдѣлкѣ болѣе категорическихъ объясненій. На этотъ случай онъ самъ составилъ объяснительную записку, въ которой повторилъ, что новое соглашеніе съ Австро-Венгріей было лишь возстановленіемъ порядка, установленнаго въ средней Европѣ подъ вліяніемъ императора Александра I, прибавивъ, что цѣлью его было помѣшать Австріи заключить союзъ съ Франціей противъ Германіи. Соглашеніе это—увѣрялъ онъ—является для сосѣдей не болѣею угрозою, какъ постройка крѣпости на границѣ, и конечно меньшею, чѣмъ, напримѣръ, проведеніе стратегической желѣзной дороги, въ сущности же имѣетъ значеніе какъ бы общества взаимнаго страхованія, пользоваться которымъ предоставляется всякому, кто непосредственно въ томъ заинтересованъ².

Но никакихъ запросовъ, ни требованій объясненій изъ Россіи не послѣдовало. Императоръ Александръ понялъ письмо дяди въ его дословномъ смыслѣ, не подозрѣвая въ немъ никакихъ недомолвокъ, всего менѣе умышеннаго искаженія истины. Иначе и быть не могло при томъ глубокомъ уваженіи и безграничномъ, непоко-

¹ Императоръ Вильгельмъ I государю, 28-го октября 1879 г., въ Приложеніи № 22.

² Собственноручная записка князя Бисмарка, 18-го октября 1879 г., въ Приложеніи № 21.

любимомъ довѣрїи, которыя онъ питалъ къ маститому монарху, своему вѣрнѣйшему союзнику и лучшему другу, воплощавшему, въ глазахъ его, идеаль рыцаря и благороднѣйшаго человѣка и государя. Возвѣщенное ему соглашеніе Германїи съ Австро-Венгріей возбудило въ немъ даже живѣйшую радость, которую онъ выразилъ въ нижеслѣдующемъ отвѣтномъ письмѣ.

«Ливадія, 2-го (14-го) ноября 1879 г.

«Мой дорогой дядя и другъ!

«Не могу достаточно отблагодарить васъ за ваше письмо отъ 4-го ноября, только что дошедшее до меня. Приложивъ къ нему текстъ меморандума, подписаннаго въ Вѣнѣ, вы дали мнѣ новое доказательство вашего сердечнаго прямотушія и предвидѣли ощущаемую моимъ сердцемъ потребность удалить изъ нашихъ взаимныхъ отношеній даже малѣйшую тѣнь сомнѣнія.

«Конечно, поѣздка князя Бисмарка въ Вѣну, за которою послѣдовало заключеніе вышеупомянутаго акта, казалась какъ бы противовѣсомъ нашему свиданію въ Александровѣ и не могла не произвести прискорбнаго впечатлѣнія, направляя общественное мнѣніе на ложный путь. Мое личное довѣріе не смутилось этимъ и я счастливъ, что могу теперь установить, что эта политическая сдѣлка не содержитъ въ себѣ рѣшительно ничего, противнаго моимъ желаніямъ. Она направлена къ утвержденію могущества Великой Германїи, объединенію которой я рукоплескалъ, и стремится къ мирной ликвидаціи постановленій берлинскаго трактата, точное исполненіе которыхъ никогда не переставало служить основаніемъ моей политики.

Поэтому я вполне присоединяюсь къ началамъ, изложеннымъ въ сообщенномъ мнѣ вами меморандумѣ и, приступая такимъ образомъ къ соглашенію, состоявшемуся между Германією и Австрією, я съ удовольствіемъ вижу въ немъ возвратъ къ тому полному единенію «трехъ императоровъ», которое, какъ вы сами справедливо замѣтили, оказало величайшія услуги Европѣ.

Кромѣ того, вы не можете не знать, мой дорогой дядя, какъ я былъ готовъ идти навстрѣчу этому единенію, и вамъ должны быть извѣстны мои усилія достигнуть его полнымъ тождествомъ моихъ видовъ съ вашими. Дабы облегчить истекающія изъ нихъ отношенія, я призвалъ на другую должность моего нынѣшняго посла въ Берлинѣ и рѣшился замѣстить его г. Сабуровымъ, задачу котораго опредѣлили недавнія свиданія его съ княземъ Бисмаркомъ. Если этотъ выборъ вамъ угоденъ, то соблаговолите ска-

зять мнѣ это, и я надѣюсь, что Сабуровъ сумѣетъ оказаться достойнымъ довѣрія, которое я такъ желалъ бы видѣть одушевляющимъ взаимныя сношенія нашихъ обоихъ государствъ.

«По этому поводу, не могу скрыть отъ васъ, мой дорогой дядя, въ какой степени я сожалѣю, что вы могли придать значеніе угрозы ряду военныхъ мѣръ, вызванныхъ преобразованиемъ моей арміи. Я думалъ, что мои словесныя объясненія и тѣ, которыя мой военный министръ, графъ Милютинъ, имѣлъ честь представить вамъ въ Александровѣ, достаточно опредѣлили ихъ мирный характеръ, чтобы окончателно выяснить этотъ вопросъ.

«Не менѣе сожалѣю я, что вы допускаете, что панславистскія и инныя теченія, проявляющіяся въ гласности, могутъ пропзвести давленіе на мое правительство. Заблудшее мнѣніе какого нибудь писателя, даже если онъ является представителемъ болѣе или менѣе широкаго круга послѣдователей, никогда не приобретаетъ въ Россіи значенія политической программы. И если иногда какая нибудь выходка въ печати ускользаетъ отъ надзора моего правительства, то именно потому, что сознаніе силы умаляетъ для него ея значеніе.

«Что же касается до разрушительныхъ козней нигилистической партіи, то вы знаете, что я не поколебался прибѣгнуть для противодѣйствія имъ къ самымъ энергическимъ мѣрамъ, съ той минуты, какъ обстоятельства доказали ихъ необходимость. Мѣры эти не остались безъ результата. Это послужитъ вамъ доказательствомъ того, что твердая моя воля никогда не потерпитъ малѣйшей попытки, которая могла бы компрометировать порядокъ и миръ. Мнѣ остается надѣяться, мой дорогой дядя, что это увѣреніе, исходя отъ меня, можетъ разсѣять ваши сомнѣнія.

«Мнѣ было очень пріятно узнать, что назначеніе моего флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова состоящимъ при вашей особѣ вамъ угодно. Поручая его вашей благосклонности, надѣюсь, что онъ сумѣетъ заслужить ее.

«Желаю выразить вамъ всю мою благодарность за ласковый приемъ, оказанный вами моимъ сыновьямъ.

«Императрица была очень рада снова увидѣть васъ на одну минуту при проѣздѣ чрезъ Оосъ. Здоровье ея, къ сожалѣнію, заставляетъ желать много лучшаго.

«Вѣрьте, мой дорогой дядя, чувствамъ неизмѣнной привязанности и искренней любви вашего преданнаго племянника и друга.

Александръ»¹.

¹ Государь императору Вильгельму I, 2-го ноября 1879 г., въ Приложеніи № 23.

Ближайшимъ послѣдствіемъ примпрительнаго образа дѣйствій императора Александра II по отношенію къ Германіи было удаленіе на покой князя А. М. Горчакова, который съ этого времени хотя и сохранилъ званіе канцлера, но только изрѣдка, зимою, пріѣзжалъ на короткое время въ Петербургъ, проводя большую часть года за границею; фактическое же управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было ввѣрено его товарищу, статсъ-секретарю Гирсу. Тогда же П. А. Сабуровъ замѣнилъ на посольскомъ посту въ Берлинѣ переведеннаго посломъ въ Вѣну П. П. Убри.

Но все это не обезоружило Бисмарка, не погасило въ душѣ его глубоко запавшія въ нее чувства злобы и ненависти къ Россіи. Въ сельскомъ своемъ уединеніи онъ безъ потери времени приступилъ къ осуществленію второй части своего плана, содѣйствуя сближенію Франціи съ Англіею, которое, по мысли его, должно было служить какъ бы дополненіемъ австро-германскаго союза и довершить одиночество Россіи въ Европѣ.

2-го ноября, въ тотъ самый день, когда императоръ Александръ писалъ отвѣтъ свой на послѣднее письмо къ нему дяди, князь Бисмаркъ, пригласивъ въ помѣстье свое Варцинъ посла Французской республики при берлинскомъ дворѣ графа Сентъ-Валье, посвятилъ его въ тайну союзныхъ отношеній Германіи съ Австро-Венгріею. Онъ разсказалъ ему, разумѣется, по своему, не стѣсняясь истинною, ни даже правдоподобіемъ, рядъ событій, предшествовавшихъ заключенію союза, начиная съ осени 1876 года, когда онъ яко бы спасъ Австрію отъ разгрома Россіею, что примирило императора Франца-Иосифа и вліятельную придворную и военную партію въ Вѣнѣ съ Германіей и расположило ихъ въ пользу сближенія съ нею съ цѣлью общими силами противиться завоевательнымъ замысламъ Россіи. Письмо, написанное Александромъ II къ Вильгельму I въ августѣ 1879 года, канцлеръ представилъ въ видѣ грознаго ультиматума, предъявлявшаго непомѣрныя требованія и грозишаго войною въ случаѣ неисполненія ихъ. Оно и побудило Бисмарка не откладывать долѣе предложеннаго Австріею союза Германіи, заключеніе котораго онъ постоянно имѣлъ въ виду съ 1866 года. Дѣло это совершилось бы легко и безъ шума, если бы не «безразсудная сентиментальность» императора Вильгельма, отвѣчавшаго прочувствованною телеграммою на вызывающее письмо племянника. Со своей стороны русскій императоръ сдѣлался податливѣе, послѣ того какъ французское правительство отклонило сдѣланныя ему чрезъ генерала Обручева предложенія русскаго союза, за что Бисмаркъ поручилъ германскому послу въ Парижѣ, князю Гогенлоэ, благодарить министра Ваддингтона. Отсюда свиданіе монарховъ въ Александровѣ, состоявшееся вопреки возраженіямъ и энергичному про-

тивоодѣйствию Бисмарка. Тогда самъ онъ поѣхалъ въ Вѣну, и тамъ заключилъ соглашеніе съ Австріею, которое, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, утвердилъ императоръ Вильгельмъ.

Князь Бисмаркъ повторилъ французскому дипломату заявленіе, уже сдѣланное имъ послу республики въ Вѣнѣ, что соглашеніе это не содержитъ въ себѣ ничего угрожающаго для Франціи, и затѣмъ продолжалъ:

«Благоволите напомнить г. Ваддингтону то, что я говорилъ ему на конгрессѣ въ Берлинѣ; вспомните и то, что я говорилъ вамъ при каждомъ случаѣ. Я хочу мира въ Европѣ, хочу его твердо, на сегодня и на завтра, пока онъ только возможенъ. Таковъ главный стимулъ моей политики, и я вдохновился имъ въ соглашеніи, состоявшемся въ Вѣнѣ. При настоящемъ положеніи дѣлъ, изъ шести великихъ державъ, съ одной стороны три—рѣшительно миролюбивыя: Германія, Австрія, Франція; четвертая—Англія, воинственна за океаномъ, но миролюбива въ Европѣ; съ другой стороны одна держава, задорная и завоевательная—Россія и другая, безпокойная и готовая на приключенія — Италія. Средство обуздать воинственныя державы—осуществить соглашеніе державъ мирныхъ. Вотъ почему я радовался вашему сближенію съ Англіею, рукоплескалъ ему, ободрялъ въ немъ англичанъ и васъ самихъ. На мой взглядъ, вашъ союзъ съ Англіею — существенный залогъ спокойствія общаго для насъ всѣхъ, потому что, опираясь на Англію, Франція нечего бояться за свою безопасность, а сознавая себя сильною, она можетъ жить мирно, удаляясь отъ рискованныхъ предпріятій. Укрѣпляя ее, Англія ее сдерживаетъ, какъ и она, въ свою очередь, сдерживаетъ Англію, которая могла бы увлечься по пути приключеній, если бы оставалась одинокою. Такимъ образомъ, по моему, наше соглашеніе съ Австріею дополняетъ ваше соглашеніе съ Англіею. Это сплоченіе—два сочетанія, соединенныхъ между собою любовью къ миру, спокойныхъ и мирныхъ началъ въ Европѣ. Союзъ австро-германскій, союзъ англо-французскій, добрыя отношенія между обѣими группами, — вотъ самое краснорѣчивое предостереженіе для буйновъ, чтобы они оставались спокойными; вотъ самое прочное ручательство за сохраненіе европейскаго мира. Будьте спокойны на нашъ счетъ, какъ мы спокойны относительно васъ, и наша взаимная безопасность преградитъ путь для безпокойныхъ и честолюбцевъ. Взгляните, впрочемъ, на результаты, уже добытые: шесть недѣль тому назадъ въ Россіи только и мечтали, что объ огнѣ и пламени; пріемъ, оказанный вами ея предложеніямъ, вызвалъ ее на размышленія; моя сдѣлка съ Австріею окончателью ее образумила. Мы рѣшили въ Вѣнѣ, что доведемъ наше соглашеніе до свѣдѣнія петербургскаго кабинета. Импера-

торъ, мой государь, думалъ, что на это сообщеніе посмотрятъ какъ на вызовъ, и нѣсколько дней не соглашался на него. Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и подалъ въ отставку. Онъ не принялъ ее, но отвѣтилъ предложеніемъ отречься отъ престола. Я отклонилъ это въ свою очередь и, въ концѣ концовъ, мы столковались. Желанное мною сообщеніе было сдѣлано; недѣлю спустя, какъ я и предсказывалъ императору, въ Петербургѣ стали гораздо мягче, а теперь совершенно остановили газетный походъ и запретили газетамъ всякое нападеніе на насъ и на Австрію». Упомянувъ о предстоящемъ проѣздѣ черезъ Берлинъ русскихъ цесаревича и цесаревны «для засвидѣтельствованія почтенія императору», германскій канцлеръ такими словами заключилъ продолжительную бесѣду: «Боевой медвѣдь прпряталъ свои когти, видя на ногахъ и въ сборѣ сторожевыхъ псовъ, но бархатная перчатка скоро спадетъ, если онъ увидитъ насъ разъединенными. Останемся же въ согласіи, и мы сохранимъ наше спокойствіе»¹.

Прошло еще три мѣсяца. Россія праздновала четверть вѣка, исполнившуюся со дня вступленія императора Александра II на престоль. Въ этотъ торжественный день императоръ германскій слѣдующимъ кабинетнымъ письмомъ привѣтствовалъ державнаго племянника:

«Государь, братъ мой,

«Предстоящій возвратъ того дня, въ который ваше величество 25 лѣтъ тому назадъ приняли бразды правленія, даетъ мнѣ желанный случай выразить мою радость о томъ, что дружба, связывавшая нашихъ въ Бозѣ почивающихъ родителей, сохранилась и въ настоящихъ нашихъ отношеніяхъ. Въ воспоминаніе о времени, когда эта дружба доказана была на дѣлѣ, я почерпаю увѣренность въ томъ, что она сохранится неизмѣнною до конца дней моей жизни. За ваше величество молю Всевышняго, дабы Онъ на долгое время хранилъ васъ подъ покровомъ своимъ, чудесно спасшимъ васъ въ семь году и еще на этихъ дняхъ, для блага вашего народа и для выполненія той благотворной миссіи, которая возложена на васъ Провидѣніемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь я настоящимъ, столь радостнымъ для васъ и для вашего императорскаго дома, случаемъ, чтобы возобновить вашему величеству увѣреніе въ истинномъ высокопочитаніи и неизмѣнной дружбѣ, съ которыми пребываю, вашего императорскаго величества доброжелательный, братъ, дядя и другъ, Вильгельмъ».

Подъ подписью императора красовалась скрѣпа: «Бисмаркъ»².

¹ Разговоръ князя Бисмарка съ графомъ Сень-Валье въ Варцинѣ, 2-го ноября 1879 г., въ Приложеніи № 24.

² Кабинетное письмо императора Вильгельма I, 11-го февраля 1879 г.

Императоръ Александръ не остался въ долгу у дяди. 10-го марта того же года, въ день его рожденія, государь поздравилъ его слѣдующею телеграммой: «Соблаговолите принять наши поздравленія и сердечныя пожеланія по случаю 83-й годовщины вашего рожденія. Да даруетъ вамъ Богъ еще много лѣтъ жизни, здравія и мира, для счастья вашихъ народовъ. Я болѣе чѣмъ когда либо полагаюсь на вашу старую и постоянную дружбу, какъ и вы можете положиться на мою дружбу для поддержки и упроченія добрыхъ отношеній между нашими обѣими націями, согласныхъ съ ихъ общими интересами. Мы будемъ праздновать день вашего рожденія. Дай Богъ, чтобы мы имѣли радость праздновать его еще много разъ» ¹. Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ по телеграфу же: «Чувства и пожеланія, выраженные вами отъ себя и отъ императрицы, снова доказываютъ мнѣ вашу старую дружбу, которая столь необходима для блага нашихъ обѣихъ націй, а также для поддержанія мира Европы. Примите искреннѣйшую мою благодарность за все то, что телеграмма ваша говоритъ мнѣ въ этомъ отношеніи» ².

Такъ пережили тяжкій и тревожный политическій кризисъ дружескія личныя отношенія обонхъ монарховъ. Новъ послѣдніе дни царствованія Александра II возобновились, повидимому, и довѣрительныя переговоры между ихъ кабинетами о скрѣпленіи дипломатическимъ актомъ дружественной связи государей. Это можно заключить изъ слѣдующей отвѣтной записки императора Вильгельма на письмо, которымъ князь Бисмаркъ выразилъ ему соболѣзнованіе по случаю мученической кончины государя Александра Николаевича:

«Вы нашли въ вашемъ участливомъ письмѣ самое подходящее слово при этомъ ужасномъ событіи.

«Какая наступаетъ для меня пустота, — и еще прибавлю къ къ этому: — для насъ, именно въ дѣлѣ, о которомъ идутъ переговоры. Богъ да поможетъ намъ и впредь!

Вильгельмъ» ³.

¹ Государь императору Вильгельму I, 10-го марта 1880 г.

² Императоръ Вильгельмъ I государю, 11-го марта 1880 г.

³ Императоръ Вильгельмъ I князю Бисмарку, 2-го марта 1881 г.—Оправдательные документы по настоящей главѣ, числомъ 24, напечатаны въ концѣ книги, въ особомъ Приложеніи.

КНИГА СЕДЬМАЯ

КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

1878—1881

XXXII.

К р а м о л а.

1861—1880.

Начало социальнo-революціоннаго движенія въ Россіи.—Броженіе 1861—1862 гг.— Назначеніе слѣдственной комиссіи. — Переломъ въ настроеніи русскаго общества. — Слѣдствіе о выстрѣлѣ 4-го апрѣля 1866 г.—Обнаруженное имъ выраженіе учащейся молодежи социальнo-революціонными ученіями.—Кружокъ Ишутина.—Безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ.—Русскіе студенты и студентки въ Швейцаріи.—Развитіе социальнo-революціонныхъ кружковъ.—Сообщество Нечаева.—Законъ 19-го мая 1871 г.—Пропаганда среди рабочихъ.—Движеніе «въ народъ». — Дознаніе о социальнo-революціонной пропагандѣ въ Имперіи.—Особое Совѣщаніе для изысканія мѣръ къ ея обузданію.—Организація социальнo-революціонной «партіи» и дѣятельность ея.—Тайная типографія.—Уличныя демонстраціи.—Обсужденіе въ Комитетѣ Министровъ вопроса о гласности политическихъ процессовъ.—Процессы о революціонной пропагандѣ въ Имперіи.—Покушеніе на жизнь с.-петербургскаго градоначальника.—Политическія убійства.—Волненія въ университетахъ.—Оправданіе судомъ Вѣры Засуличъ.—Строгія правительственныя мѣры.—Убійство шефа жандармовъ Мезенцова.—Новыя чрезвычайныя мѣры.—Подчиненіе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ.—Воззваніе къ русскому обществу о содѣйствіи правительству въ борьбѣ съ крамолой.—Приготовленія къ царубійству въ Николаевѣ.—Назначеніе генерала Дрентельна шефомъ жандармовъ и Макова министромъ внутреннихъ дѣлъ.—Новыя волненія студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній.—Сообщество «Земля и Воля» и его преступная дѣятельность.—Голодные бунты въ тюрьмахъ.—Убійство харьковскаго губернатора князя Крапоткина.—Покушеніе на жизнь государя.—Учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторствъ и чрезвычайныя полномочія генералъ-губернаторовъ.—Второе Особое Совѣщаніе о мѣрахъ для искорененія социальнo-революціонной пропаганды.—Обсужденіе его предположеній въ Комитетѣ Министровъ.—Распоряженія генералъ-губернаторовъ.—Съѣзды крамольниковъ въ Липецкѣ и Воронежѣ.—Распаденіе сообщества «Земля и Воля» на двѣ

группы: «Народная Воля» и «Черный Передель». — Организация террористической шайки. — Приготовления къ царубійству въ Одессѣ, Александровскѣ и Москвѣ. — Взрывъ полотна желѣзной дороги подъ Москвою. — Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Первыя шесть лѣтъ царствованія императора Александра II протекли среди глубокаго мира внутренняго. Въ продолженіе ихъ никто въ Россіи не посягалъ на государственный порядокъ, общественное спокойствіе ни разу не было нарушено. Кротость и милосердіе государя, великодушно простившаго и возвратившаго изъ ссылки и заточенія политическихъ преступниковъ, осужденныхъ въ предшдшее царствованіе, привлекли къ нему всѣ сердца. Общество съ радостью привѣтствовало благія начинанія молодого императора, направленныя къ преобразованію всѣхъ отраслей управленія, и съ довѣріемъ относилось къ нему. Даже эмигрантъ Герценъ, основавшій русскую типографію въ Лондонѣ и издававшій съ половины 1857 года ежемѣсячный журналъ «Колоколъ», не шелъ, въ оппозиціи своей, далѣе отстанванія освобожденія крестьянъ съ землею, установленія свободы слова и печати и отмѣны тѣлесныхъ наказаній ¹. Безпощадно обличая злоупотребленія, произволь, невѣжественность чиновничества, рѣзко и язвительно отзываясь о высшихъ правительственныхъ лицахъ, въ особенности о дѣятеляхъ предшдшаго царствованія, онъ выражалъ глубокое почтеніе къ самому императору Александру. «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» — воскликнулъ Герценъ при полученіи извѣстія о личномъ починѣ государя въ дѣлѣ упраздненія крѣпостного права ², а когда состоялось освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, привѣтствовалъ державнаго его вивновника именемъ «Освободителя» ³.

Но какъ только разгорѣлась въ Варшавѣ польская смута, въ непосредственной связи съ нею начали проявляться и въ Россіи признаки революціоннаго настроенія нѣкоторой, хотя и весьма небольшой, части русскаго общества. Въ началѣ весны 1861 года въ Петербургѣ разбрасывались летучіе листки, отпечатанные въ тайной типографіи и требовавшіе независимости Польши и созванія учредительнаго собранія или земскаго собора для начертанія конституціи для Россіи. Возванія эти, исходившія отъ нѣсколькихъ кружковъ различныхъ наименованій: «Великоруссѣ», «Земская Дума», «Земля и Воля», становились все радикальнѣе; въ одномъ изъ нихъ, распространенномъ въ сентябрѣ и озаглавленномъ «Къ молодому по-

¹ «Колоколъ», 1-го іюля 1857 г., № 1.

² «Колоколъ», 15-го февраля 1858 г., № 9.

³ «Колоколъ», 1-го апрѣля 1861 г., № 95.

колѣнію», заявлялись самыя крайнія требованія: насильственный переворотъ, ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго строя, всеобщій передѣлъ земли, замѣна постояннаго войска народнымъ ополченіемъ, введеніе представительнаго образа правленія и ограниченіе самодержавной власти.

Появленіе послѣдняго листка совпало съ безпорядками, происшедшими осенью 1861 года среди студентовъ Петербургскаго университета, скоро распространившимися и на всѣ провинціальныя университеты. Послѣдствіемъ ихъ было исключеніе изъ университетовъ значительнаго числа студентовъ, участниковъ безпорядковъ, и высылки ихъ подъ надзоръ полиціи въ разные города Имперіи. Та же мѣра принята и относительно лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло распространенія революціонныхъ воззваній, составители которыхъ и вообще зачинщики преданы суду Сената и осуждены на каторгу.

Въ теченіе 1862 года броженіе, охватившее такъ называемые передовые круги и въ частности учащуюся молодежь, не только не улеглось и не успокоилось, но приняло еще большіе размѣры. Поддерживаемое нѣкоторою частью современной печати, только что освобожденною отъ цензурныхъ стѣсненій, оно обнимало лицъ обо-его пола, различныхъ общественныхъ классовъ, молодыхъ писателей, офицеровъ, врачей, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, отчасти преподавателей и даже университетскихъ профессоровъ. Къ этому времени относятся первыя попытки распространить революціонныя начала въ народѣ подъ предлогомъ обученія его грамотѣ въ воскресныхъ школахъ. Подпольные листки самаго возмутительнаго содержанія продолжали появляться въ большомъ числѣ. Ихъ рассылали по почтѣ, разбрасывали по улицамъ столицы и даже въ Зимнемъ дворцѣ, въ ночь подъ Свѣтлое Христова Воскресенье, во время заутрени. Листокъ «Молодая Россія» прямо взывалъ къ бунту, кровавому и беспощадному, ко всеобщей рѣзнѣ съ цѣлю переустройства общества на пныхъ началахъ и провозглашенія въ Россіи соціальной и демократической республики. Вслѣдъ за появленіемъ этого воззванія вспыхнули въ Петербургѣ пожары, въ короткое время принявшіе огромные размѣры и повторившіеся въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Такой оборотъ дѣла побудилъ правительство прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ и энергичнымъ мѣрамъ. По высочайшему повелѣнію, закрыты воскресныя школы, приостановлено изданіе печатныхъ органовъ, виновныхъ въ распространеніи разрушительныхъ ученій, и для разслѣдованія революціонныхъ сообществъ, такъ нагло заявлявшихъ о своемъ существованіи, образована особая слѣдственная коммиссія подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря князя

А. Ѳ. Голицына. Комиссія эта произвела рядъ обысковъ и многочисленныя аресты. Лица, изобличенныя въ преступныхъ дѣяніяхъ, преданы суду Сената, приговорившаго главнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ писателя Чернышевскаго, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу на продолжительный срокъ, а менѣ виновныхъ—къ поселенію въ Сибиріи. Но большее число арестованныхъ лицъ постигла административная кара: они высланы въ болѣе или менѣ отдаленныя мѣстности, гдѣ и водворены подъ полицейскимъ надзоромъ.

Не столько, однако, эти мѣры строгости, сколько вспыхнувшій въ началѣ 1863 года мятежъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ произвелъ въ настроеніи русскаго общества коренной и спасительный переломъ. Сворачивая съ праваго пути, русская молодежь очнулась, отрезвилась и примкнула къ единодушному выраженію патріотическихъ чувствъ всѣхъ званій и состояній русскаго народа, спѣшившихъ излить ихъ предъ государемъ, какъ олицетвореніемъ отечества, верховнымъ блюстителемъ его цѣлости, независимости и достоинства. Посреди всеобщаго, всенароднаго одушевленія какъ дымъ разсѣялись революціонныя бредни ничтожнаго и безпочвеннаго меньшинства. Напрасно пытались снова сплотить и возмутить его лондонскіе выходцы, открыто выступившіе защитниками польскихъ притязаній; напрасно старался повліять на него польскій революціонный комитетъ, руководившій возстаніемъ и имѣвшій въ русской столицѣ сильныя связи даже въ высшихъ правительственныхъ кругахъ; воззванія, печатаемая въ Лондонѣ, распространяемая въ Россіи по распоряженію Варшавскаго Жонда и обращенныя къ русскимъ образованнымъ классамъ, къ офицерамъ и солдатамъ, къ казакамъ, наконецъ къ крестьянамъ, оставались безъ отклика. Не оправдались и надежды, возлагавшіяся на дѣйствіе подложнаго манифеста, составленнаго отъ царскаго имени и раскинутаго по всему Поволжью, въ которомъ объявлялась высочайшая воля о предоставленіи крестьянамъ всей земли, оставшейся за надѣломъ ихъ въ собственность государства и землевладѣльцевъ. Великорусскіе крестьяне такъ же мало поддались на его прельщенія, какъ крестьяне малорусскіе на обѣщаніе «золотой грамоты», изданной отъ имени Жонда Народоваго съ приглашеніемъ ихъ возстать противъ русскаго правительства, за что вся земля, которою они пользовались, предоставлялась имъ въ безвозмездную собственность. Крестьяне повсюду представляли грамоты властямъ и выдавали имъ ихъ распространителей. Такъ рассыпались во прахъ революціонныя грѣзы при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Заступничество за поляковъ окончательно подорвало вліяніе на русское

общество лондонскихъ выходцевъ, первый ударъ которымъ нанесъ въ русской печати Катковъ, громовою статью отвѣтившій на вызовъ Герцена и возложившій на него отвѣтственность за гибель множества молодыхъ людей, совращенныхъ или увлеченныхъ его писаніями. «Колоколь», расходившійся въ первые годы своего существованія въ количествѣ отъ 2,000 до 2,500 экземпляровъ, спустился до 500, а съ 1868 года прекратился вовсе.

Послѣ подавленія польскаго мятежа совершенно прекратились острыя проявленія революціоннаго броженія въ Россіи. Государственныя преобразованія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, судебная реформа и введеніе земскихъ учрежденій открывали молодежи широкій доступъ къ участию въ дѣлахъ управленія. Если и обнаруживались еще конституціонныя вождедѣнія, то на легальной почвѣ, въ видѣ ходатайствъ дворянскихъ и земскихъ собраній.

Общимвъ отвѣтомъ на нихъ служилъ высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ по поводу всеподданиѣйшаго адреса московскаго дворянскаго собранія 1864 года, въ которомъ императоръ Александръ, напомнивъ о совершенныхъ въ его царствованіе коренныхъ преобразованіяхъ и указавъ на прошедшее, какъ на вѣрнѣйшій залогъ будущаго, твердо отстаивалъ неразрывно сопряженное съ самодержавною властью право свое самому вчинать улучшенія и совершенствованія общихъ государственныхъ учрежденій ¹.

Выстрѣлъ Каракозова зловѣщимвъ свѣтомъ озарилъ наше внутреннее положеніе. Предсѣдательствуемая графомъ Муравьевымъ, слѣдственная комиссія хотя и установила, что злодѣйская попытка царевубійства не истекала изъ заговора, а зародилась въ головѣ одного безумца подъ впечатлѣніемъ окружавшей его среды и исповѣдуемыхъ ею разрушительныхъ ученій, но она же обнаружила въ высшей степени серьезное явленіе: повальное зараженіе дѣлаго поколѣнія русской учащейся молодежи язвою социализма.

Результаты, добытые слѣдствіемъ о злодѣяніи Каракозова, заключаютъ въ себѣ въ зародышѣ все послѣдующее развитіе социально-революціоннаго движенія въ Россіи. Такъ, выяснено, что, небольшой по числу своихъ членовъ, Ишутинскій кружокъ въ Москвѣ, состоявшій преимущественно изъ студентовъ и къ которому принадлежалъ царевубійца, замышлялъ приготовить государственный переворотъ слѣдующими дѣйствіями: 1) пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ соб-

¹ См. т. I, стр. 525.

ственность всего народа; 2) возбужденіе крестьянъ противъ землевладельцевъ, дворянства и вообще противъ властей; 3) устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сблизаться съ народомъ и внушать ему ученія социализма; 4) заведеніе въ провинціи библиотекъ, бесплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, для привлеченія и подготовленія новыхъ членовъ, съ тѣмъ, чтобы провинціальныя кружки состояли въ зависимости отъ центрального общества въ Москвѣ и получали отъ него направленіе; 5) распространеніе въ народѣ социалистическихъ ученій чрезъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; 6) социальнореволюціонная пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній. Въ будущемъ развитіи предполагалось раздѣлить тайное сообщество на отдѣлы, съ различнымъ наименованіями: «взаимнаго вспоможенія», «переводчиковъ и переводчицъ», «поощренія частнаго труда». Отдѣлы эти имѣли быть облечены законною формою и для прикрытія революціонной цѣли—предполагалось исходатайствовать имъ утвержденіе правительства. Московскій кружокъ намѣренъ былъ войти въ близкія сношенія съ другими, подобными же кружками въ Петербургѣ и другихъ городахъ и постепенно распространить свою агитаціонную дѣятельность на всю Имперію.

Все это были только предположенія, едва намѣченныя и далекія еще отъ осуществленія, но они несомнѣнно указывали на то, что социалистическія начала получили широкое распространеніе среди русской учащейся молодежи и пустили въ ней глубокіе корни. Несмотря на это, ни одна изъ правительственныхъ мѣръ не была направлена прямо къ искорененію зла.

Члены Пшутинскаго кружка верховнымъ уголовнымъ судомъ приговорены къ каторжнымъ работамъ на разные сроки; значительное число ихъ единомышленниковъ высланы въ разные города подъ надзоръ полиціи. Запрещены окончательно два органа такъ называемаго передового направленія: «Современникъ» и «Русское Слово». Во главѣ III Отдѣленія поставленъ графъ П. А. Шуваловъ, а во главѣ столичной полиціи—генераль-адъютантъ Треновъ. Наконецъ министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ оберъ-прокуроръ св. Синода, графъ Д. А. Толстой.

Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ, князя П. П. Гагарина, государь хотя и выразилъ твердое намѣреніе охранить русскій народъ отъ зародышей вредныхъ лжеученій и волю свою, чтобы на воспитаніе юношества было обра-

щено особое вниманіе и чтобы оно было направляемо въ духѣ истиннѣ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка,—но мудрыя слова эти остались мертвою буквою и не нашли себѣ примѣненія въ рядѣ мѣръ, принятыхъ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія по вѣренному ему вѣдомству.

Вниманіе графа Толстого обращено было на поддержаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ внѣшняго порядка и благоустройства. Усугублены строгія мѣры противъ студенческихъ сходовъ въ стѣнахъ университета и внѣ его; студенты лишены права распоряжаться кассою взаимопомощи, устраивать въ пользу ея спектакли и концерты, собирать пожертвованія для немущихъ товарищей, завѣдывать собственною бібліотекою. Распоряженія эти вызывали въ университетской молодежи крайнее раздраженіе, выражавшееся въ непрестанныхъ волненіяхъ и попыткахъ сопротивленія ближайшему начальству. Весною 1869 года волненія эти приняли обширные размѣры. Беспорядки начались въ с.-петербургскомъ университетѣ и быстро распространились на прочія высшія учебныя заведенія столицы: медико-хирургическую академію, институты технологическій и земледѣльческій, а вслѣдъ затѣмъ и на провинціальныя университеты. Послѣдствіемъ ихъ было массовое увольненіе студентовъ изъ заведеній, высылка ихъ изъ столицъ и университетскихъ городовъ и водвореніе въ качествѣ поднадзорныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Въ гимназіяхъ введенная въ 1871 году такъ называемая классическая реформа дала не менѣе горькіе плоды. Всѣ усилія педагоговъ были исключительно направлены къ обученію юношества двумъ древнимъ языкамъ въ ущербъ прочимъ предметамъ преподаванія и такъ же какъ и въ университетахъ, совершенно упущено изъ виду воспитательное воздѣйствіе на развитіе образа мыслей и чувствъ, на утвержденіе въ преданіяхъ родной исторіи, въ началахъ вѣры и нравственности подрастающихъ поколѣній.

Послѣдствія такой образовательной системы не замедлили сказаться и въ десятилѣтіе съ 1866-го по 1876-й годъ невѣріе въ области религіи, матеріализмъ—въ наукѣ, социализмъ—въ политикѣ окончательно овладѣли незрѣлыми умами русской учащейся молодежи. Результату этому не могло воспрепятствовать запрещеніе внутри Россіи изданій, распространявшихъ эти пагубныя лжеученія. Не находя ихъ на родинѣ, юные социалисты обращались за ними за границу, откуда имъ безпрепятственно доставляли ихъ русскіе эмигранты, водворившіеся въ Англіи и Швейцаріи. Женева и въ особенности Цюрихъ—сдѣлались мѣстами паломничества боль-

шого числа юношей и дѣвицъ, студентовъ и студентокъ. Слушавшая лекціи въ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, они всё болѣе или менѣе почерпали крайнія анархическія ученія у самаго источника, въ Юрской секціи Интернаціонала, создателемъ и руководителемъ которой былъ Бакунинъ. Когда въ 1871 году правительство рѣшилось на энергичную мѣру и подъ угрозою лишенія правъ русскаго подданства вызвало обратно русскихъ женщинъ, изучавшихъ естественныя науки въ цюрихскомъ университетѣ, большинство хотя и повиновалось, но вернулось на родину съ твердо усвоенными социалистическими убѣжденіями и взглядами, которыя и принялось усердно распространять среди соотечественниковъ.

Между тѣмъ въ Россіи очагами анархизма были уже не одніи столицы или университетскіе города, но и всё тѣ мѣстности въ разныхъ концахъ Имперіи, въ которыя разсланы были поднадзорные, получавшіе опредѣленное содержаніе отъ казны и сверхъ того не замедлившіе, въ силу своего полуобразованія, добыть вліятельное положеніе въ мѣстномъ обществѣ и немаловажныя должности въ общественныхъ учрежденіяхъ, не исключая и школы. Обстоятельство это, какъ показалъ опытъ, не мало содѣйствовало быстрому и широкому распространенію умственной заразы. Мало по малу вся Россія покрылась густою сѣтью такъ называемыхъ «кружковъ самообразованія», въ которыхъ учащаяся молодежь, воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, пропитывались ученіемъ анархизма, жадно прислушивались къ голосамъ вожаковъ изъ товарищей, исключенныхъ изъ университетовъ и гимназій, или тѣхъ изъ нихъ, что побывали заграницею и по возвращеніи на родину продолжали поддерживать съ политическими выходцами непрерывныя сношенія. Въ кружкахъ участвовало не малое число женщинъ и дѣвицъ, фанатическихъ сторонницъ полной эмансипаціи своего пола, не замедлившихъ получить преобладающее въ нихъ значеніе и играть въ ихъ дѣйствіяхъ выдающуюся роль.

Явленіе это долго ускользало отъ вниманія и педагогическаго начальства, и полицейскихъ властей, судя по бездѣйствію ихъ въ виду нарождавшейся опасности. Мѣры пресѣченія вызывались лишь единичными случаями и не выходили изъ предѣловъ обычныхъ распоряженій: обыска, ареста, административной высылки. На слѣдъ образовавшагося въ 1869 году въ Москвѣ тайнаго общества подъ именемъ «Общества Народной Расправы», преслѣдовавшаго прямо революціонныя цѣли, навело полицію убійство одного изъ участниковъ, заподозрѣннаго товарищами въ измѣнѣ. Слѣдствіе по этому дѣлу, — главный зачинщикъ котораго, Нечаевъ, успѣлъ бѣжать

заграницу и выданъ лишь два года спустя швейцарскимъ правительствомъ—произведено было судебными властями на точномъ основаніи новаго устава уголовного судопроизводства. Къ нему привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 87 человекъ, преданныхъ, въ силу того же устава, суду судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Изъ нихъ 4 лица присуждены къ каторжной работѣ, 2 къ ссылкѣ на житье, 27 къ тюремному заключенію; остальные оправданы за недостаткомъ юридическихъ уликъ. Но бѣльшая часть лицъ послѣдней категоріи выслана административно; та же участь постигла многихъ заарестованныхъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности, но не привлеченныхъ къ слѣдствію и суду.

Нечаевскій процессъ обнаружилъ, между прочимъ, несоотвѣтствіе лежавшихъ на Корпусѣ жандармовъ обязанностей по раскрытію государственныхъ преступленій съ судебными уставами 20-го ноября 1864 года, не предоставлявшими этому Корпусу никакого участія въ производствѣ дознаній по означеннаго рода дѣламъ. Закономъ, изданнымъ 19-го мая 1871 года, устранено это неудобство и измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ политическимъ возложеніемъ производства по нимъ дознаній на чиновъ жандармскаго управленія при участіи прокуроровъ. Тѣмъ же закономъ установлено, что оконченныя такимъ порядкомъ дознанія представляются министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, или дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія, или спрашиваетъ высочайшее соизволеніе на прекращеніе производства или на разрѣшеніе его въ порядкѣ административномъ. Въ слѣдующемъ году въ законодательство о государственныхъ преступленіяхъ внесены два другія существенныя измѣненія: увеличены нѣсколькими степенями наказанія за принадлежность къ преступнымъ сообществамъ и создана для дѣлъ этого рода, бывшихъ по судебнымъ уставамъ подсудными судебнымъ палатамъ, новая юрисдикція: Особое присутствіе Правительствующаго Сената по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ послѣ Нечаевскаго процесса дознанія въ порядкѣ закона 19-го мая возбуждались по многимъ отдѣльнымъ случаямъ и обыкновенно завершались административною высылкою привлеченныхъ къ нимъ лицъ. Только 13 человекъ, обвиняемыхъ въ заведеніи въ Москвѣ тайной типографіи и печатаніи возмутительныхъ воззваній, преданы въ 1874 году суду Особаго присутствія Сената и изъ нихъ приговорены: 5 человекъ къ каторгѣ, 3 къ отдачѣ въ арестантскія роты и 5 оправданы.

Между тѣмъ, проповѣдь социализма продолжалась въ средѣ русской молодежи непрерывно и почти безпрепятственно; съ каждымъ днемъ увеличивалось число его убѣжденныхъ сторонниковъ. Набирались они преимущественно среди воспитанниковъ учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, но въ числѣ ихъ были и лица болѣе возмужалые: офицеры разныхъ родовъ оружія, въ особенности артиллеристы и инженеры, землевладѣльцы, педагоги, врачи и сверхъ того большое число дѣвушекъ и женщинъ. Лица всѣхъ этихъ категорій покидали кто службу, кто школу, кто семью, поселялись на общихъ квартирахъ, въ такъ называемыхъ «коммунахъ», составляя отдѣльные кружки, различавшіеся по отѣнкамъ, но согласные въ общемъ стремленіи преобразовать на социалистическихъ началахъ существующій въ Россіи государственный и общественный строй. Кружки эти поддерживали тѣсныя сношенія какъ между собою, такъ и съ русскими политическими выходцами за границую. На сходкахъ кружковъ, а также въ заграничныхъ революціонныхъ изданіяхъ, обсуждался вопросъ о способахъ для произведенія переворота, который, по общему сознанію, представлялся невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока идеи анархизма не проникнутъ въ народъ и не возбудятъ его къ возстанію. Съ начала семидесятыхъ годовъ, отдѣльныя личности изъ социалистовъ искали сближенія съ простонародьемъ, водворяясь въ деревняхъ и приурочивая себя къ дѣятельности сельскихъ учителей, волостныхъ писарей, фельдшеровъ и другихъ профессій, близкихъ къ крестьянскому быту. Въ 1872 году петербургскіе кружки занялись систематическимъ совращеніемъ рабочихъ столичныхъ фабрикъ и заводовъ. Съ этою цѣлью они поселялись въ частяхъ города, гдѣ жили рабочіе, на Васильевскомъ островѣ, на Выборгской сторонѣ, за Невскою заставой и, привлекая рабочихъ или въ трактиры, или въ свои помѣщенія, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, заводили съ ними рѣчь о бѣдственномъ ихъ положеніи, несправедливости распредѣленія богатствъ между трудомъ и капиталомъ, объ успѣхахъ рабочаго сословія на Западѣ въ борьбѣ за свое освобожденіе изъ-подъ ига хозяевъ, читали имъ лекціи по исторіи и естественнымъ наукамъ, стараясь подорвать въ нихъ вѣру въ Бога и царя. Пропаганда эти велась цѣлые два года и не въ одномъ Петербургѣ, но и во многихъ другихъ городахъ, преимущественно университетскихъ. Она обратила на себя вниманіе полицейскихъ властей лишь въ концѣ 1873 и въ началѣ 1874 годовъ. Въ Петербургѣ произведено по этому поводу нѣсколько обысковъ, задержано нѣсколько лицъ, но только немногіе подверглись административнымъ взысканіямъ, большая же часть выпущена на свободу за недостаткомъ уликъ.

Отчасти затрудненіе, встрѣченное въ продолженіи пропаганды среди городскихъ рабочихъ, отчасти убѣжденіе въ томъ, что громадное большинство населенія въ Имперіи составляютъ крестьяне,—побудили социальна-революціонные кружки расширить рамки своей проповѣди и перенести пропагаторскую дѣятельность изъ города въ деревню. Раннею весною 1874 года, участники ихъ, какъ по условленному сигналу, двинулись на пропаганду «въ народъ». Съ этою цѣлью запаслись они поддѣльными паспортами и цѣлою массою отпечатанныхъ за границею брошюръ, въ которыхъ доступнымъ пониманію русскаго крестьянина, простонароднымъ языкомъ излагались основныя начала социализма въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, а именно въ формѣ рассказовъ, разсужденій, проповѣдей и проч. Чтобы проникнуть въ народъ и внушить ему довѣріе, пропагандисты, какъ мужчины, такъ и женщины, одѣвались въ крестьянское платье, стараясь и внѣшнимъ видомъ, и образомъ жизни походить на простолюдиновъ. Одни превращались въ офицеровъ, торгующихъ по деревнямъ книгами; другіе нанимались въ работники на хуторахъ, фабрикахъ и заводахъ; третьи изучали какое либо ремесло. Съ этою цѣлью устроено было нѣсколько мастерскихъ—столярныхъ, слесарныхъ, бабачныхъ. Обликаясь съ крестьянами, пропагандисты пользовались всякимъ случаемъ, чтобы распространять среди нихъ тѣ же ученія, что проповѣдывались городскимъ рабочимъ, и раздавать имъ принесенныя съ собою социалистическія книжки и воззванія.

Исходнымъ пунктомъ движенія былъ Петербургъ, откуда пропагандисты двинулись «въ народъ» по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и сѣверо-восточному. Тѣ, что пошли въ Кіевъ, Харьковъ и Одессу, нашли на югѣ Россіи многочисленныхъ единомышленниковъ, сплоченныхъ въ разные кружки, преслѣдовавшихъ одинаковыя цѣли, и не замедлившихъ послать и своихъ членовъ вести пропаганду по деревнямъ. Другая часть, чрезъ Москву, направилась по Волгѣ, въ Ярославль, Нижній, Казань, Саратовъ и Самару. Появленіе петербургскихъ агитаторовъ вызывало во всѣхъ городахъ Поволжья образованіе новыхъ кружковъ изъ мѣстной молодежи, по слѣдамъ ихъ также устремившихся «въ народъ». Къ половинѣ лѣта социальна-революціонная проповѣдь раздавалась уже во всѣхъ концахъ Россіи. Кромѣ перечисленныхъ выше мѣстностей, слѣды ея обнаружены въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Владимірской, Тамбовской, Пензенской, Оренбургской, Уфимской и Вятской, въ землѣ войска Донского, въ Таганрогѣ и Ростовѣ-на-Дону. Но нигдѣ пропагандисты не

нашли даже того относительнаго успѣха, который имѣли въ дѣлѣ совращенія, весьма впрочемъ незначительнаго числа, городскихъ рабочихъ. Освобожденные царскою волею, надѣленные землею, крестьяне оставались глухи къ разглагольствіямъ объ уничтоженіи собственности вообще и въ частности — поземельной; къ пропагандистамъ относились они не только съ недоувѣріемъ и подозрительностью, но и прямо враждебно, отвергая раздаваемые имъ книжки, задерживая проповѣдниковъ и выдавая ихъ властямъ.

Соціалстическіе кружки хотя и дѣйствовали самостоятельно одинъ отъ другого, но поддерживали между собою тѣсную связь и постоянныя сношенія. Вотъ почему обнаруженіе въ маѣ 1874 года въ Саратовѣ одного изъ очаговъ пропаганды скоро привело къ раскрытію ея преступной дѣятельности во всей Имперіи. Производство о ней одного общаго дознанія возложено было, по высочайшему повелѣнію, на начальника московскаго губернскаго жандармскаго управленія генералъ-лейтенанта Слезкина подъ наблюдениемъ прокурора саратовской судебной палаты Жихарева. Поведено оно было съ большою энергіею. Обыски и аресты произведены во всѣхъ мѣстностяхъ, служившихъ полемъ дѣятельности пропаганды. Привлечено къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ 770 человекъ (612 мужчинъ и 158 женщинъ); изъ нихъ оставлены подъ стражею 265.

Но всѣ эти мѣры не остановили движенія социалистовъ «въ народъ». Обнаружены и задержаны были далеко не всѣ его участники. Многіе изъ нихъ скрылись отъ преслѣдованія, другіе бѣжали изъ мѣстъ заключенія. Убыль въ рядахъ пропагандистовъ быстро пополнялась новыми дѣятелями изъ насквозь пропитанной анархическими ученіями, учащейся молодежи, а также изъ эмигрантовъ, мужчинъ и въ особенности женщинъ, спѣшившихъ возвратиться въ Россію, чтобы принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Лѣтомъ 1875 года образовался въ Москвѣ кружокъ съ болѣе опредѣленною организациею, чѣмъ всѣ предшествовавшіе, принявшій мѣры, чтобы затруднить раскрытіе своей дѣятельности. Члены кружка, въ составъ котораго вошло нѣсколько бывшихъ цюрихскихъ студентовъ, жили всѣ по поддѣльнымъ видамъ, называли другъ друга условными именами и кличками, завели общую кассу, тайный шифръ для переписки съ единомышленниками, притонъ для укрывательства членовъ, возбудившихъ подозрѣніе властей. Они поступали рабочими на заводы и фабрики, въ Москвѣ, въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ Тулѣ, завели сношенія съ пропагандистами въ Кіевѣ, гдѣ послѣ разгрома предшедшаго года быстро возстановились социальнореволюціонныя кружки, продолжавшіе прежнюю

дѣятельность. То же явленіе повторилось въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Саратовѣ и другихъ мѣстахъ. Но къ концу 1875 года обнаружена была бѣльшая часть и этихъ кружковъ и дѣятели ихъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, задержаны и привлечены къ новымъ дознаніямъ.

Обширные размѣры соціально-революціонной пропаганды, не взирая на полный неуспѣхъ ея въ народѣ, озаботили императора Александра. Въ 1875 году государь поручилъ Особому Совѣщанію подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева, изъ министровъ: юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, начальника II Отдѣленія Собственной его величества канцеляріи и шефа жандармовъ изыскать мѣры противъ распространенія въ русскомъ обществѣ разрушительныхъ ученій. Въ числѣ прочихъ предметовъ высочайше повелѣно Совѣщанію рассмотреть вопросъ объ устраненіи тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя обнаружились вслѣдствіе высылки политически неблагонадежныхъ лицъ во внутреннія губернія Россіи, причемъ обсудить и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли сосредоточить этихъ лицъ въ какой либо одной мѣстности?

Министръ юстиціи, графъ Паленъ, заявилъ Совѣщанію, что по соображенію данныхъ, обнаруженныхъ при политическихъ дознаніяхъ, революціонная пропаганда съ особенною силою проявляется въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточено наиболѣе высланныхъ, и наоборотъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя не избирались какъ мѣсто ссылки, это движеніе сказывается преимущественно лишь въ видѣ отдѣльныхъ развѣтвленій, занесенныхъ туда изъ другихъ губерній. По мнѣнію графа Палена, административная высылка имѣетъ значеніе лишь перенесенія зла изъ одной мѣстности въ другую, а потому и принимая притомъ во вниманіе, что въ глазахъ общества, незнакомаго съ причинами, которыя вызываютъ высылку, мѣры эти возбуждаютъ къ выслаемымъ сожалѣніе и сочувствіе и, такимъ образомъ, служатъ къ распространенію ихъ вліянія,—министръ юстиціи полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ отрѣшиться отъ системы административной высылки, замѣнивъ ее установленіемъ строгаго надзора и запрещеніемъ жительства въ извѣстныхъ опредѣленныхъ пунктахъ. Но прочіе члены Совѣщанія не согласились съ этимъ взглядомъ, находя, что въ постоянномъ мѣстѣ жительства выслаемыхъ, то есть въ многочисленныхъ центрахъ, едва ли возможно установить такія правила, которыя совершенно обезпечивали бы устраненіе вреднаго ихъ вліянія на окружающую среду, а воспрещеніе жительства поднадзорныхъ въ такихъ центрахъ было бы равносильно высылкѣ.

Вслѣдствіе этого большинство Совѣщанія полагало: что единственно возможный надзоръ въ Россіи можетъ заключаться въ постановкѣ политически неблагонадежныхъ лицъ въ такую среду, гдѣ наблюденіе за ними облегчено и гдѣ менѣе удобствъ для распространенія вреднаго ихъ вліянія, и что въ этомъ отношеніи административная высылка вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію, имѣя сверхъ того нѣкоторый устрашающій характеръ, могущій остановить многихъ отъ преступныхъ увлеченій. На основаніи этихъ соображеній, Совѣщаніе положило оставить въ силѣ существующій порядокъ административной высылки и, отвергнувъ мысль о сосредоточеніи ссылаемыхъ въ какой либо отдѣльной мѣстности, какъ мысль практически непримѣнимую, остановилось на слѣдующихъ двухъ мѣрахъ, которыя, по мнѣнію большинства, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ въ возможныхъ предѣлахъ должны устранить недостатки высылки, а именно: во-первыхъ—на опредѣленіи такихъ мѣстностей для водворенія ссылаемыхъ, которыя въ политическомъ отношеніи представляются средою наиболѣе безопасною отъ вліянія этихъ лицъ, и во-вторыхъ—на опредѣленіи порядка и средствъ мѣстнаго начальства для надзора за высылаемыми. 30-го мая 1875 года государь утвердилъ предположенія Особаго Совѣщанія, но осуществлены они не были. Совѣщаніе хотя и опредѣлило нѣкоторое число городовъ въ Европейской Россіи, пребываніе въ которыхъ политическихъ ссыльныхъ, по мнѣнію его, представлялось наименѣе вреднымъ, установивъ, что не слѣдуетъ скучивать поднадзорныхъ болѣе извѣстнаго числа лицъ на одномъ пунктѣ, но число это скоро оказалось далеко недостаточнымъ, такъ какъ количество поднадзорныхъ, коихъ насчитывалось въ 1875 году въ Европейской Россіи не болѣе 260 человекъ, разселенныхъ въ 92 городахъ, въ продолженіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ учетверилось, несмотря на высылку нѣсколькихъ сотъ человекъ въ Сибирь, такъ что пришлось административно-ссыльныхъ распределять въ такихъ мѣстахъ, которыя само Особое Совѣщаніе находило неудобными какъ мѣста ссылки. Проектъ правилъ о мѣстномъ надзорѣ, составленный комиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, остался безъ дальнѣйшаго движенія, а усиленіе полицейскихъ средствъ надзора состоялось лишь нѣсколько лѣтъ спустя, учрежденіемъ въ 1878 году конво-полицейскихъ урядниковъ ¹, а въ 1879 году ассигнованіемъ на указанный предметъ дополнительнаго кредита, сверхъ прежде отпускавшихся въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 30,000 рублей, еще 40,000 ежегодно ².

¹ 9-го іюня 1878 г.

² 24-го іюля и 7-го августа 1879 г.

Смута на Балканскомъ полуостровѣ и вскорѣ послѣдовавшая война Россіи съ Турціей отвлекли вниманіе правительства отъ внутренняго положенія. Къ тому же въ правительственныхъ кругахъ господствовало убѣжденіе, что, за задержаніемъ большинства пропагандистовъ, походъ ихъ противъ государства можетъ почитаться оконченнымъ, а сообщество — разрушеннымъ. На дѣлѣ было не такъ. Произведенные въ рядахъ общества арестами 1875 года пробѣлы быстро пополнились новобранцами все изъ той же среды учащагося юношества. Правда, часть социалистовъ была оттянута въ Сербію въ качествѣ добровольцевъ въ 1876 году, а въ слѣдующемъ году—за Дунай, мужчины въ должностяхъ фельдшеровъ, женщины—сестеръ милосердія. Но тѣ, что остались въ Россіи, по прежнему составляли кружки въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, а петербургскіе социалисты сплотились въ одинъ кружокъ, которому искали придать руководящее значеніе въ «партіи», усвоившей названіе «соціально-революціонной»¹.

Полный неуспѣхъ, постигшій пропаганду ихъ въ крестьянской средѣ, не убѣдилъ ихъ въ неосуществимости преслѣдуемой ими конечной цѣли: произвести переворотъ въ государствѣ путемъ народнаго возстанія. Но, продолжая стремиться къ ней, они нашли нужнымъ измѣнить средства и способы дѣйствія. Въмѣсто проповѣди отвлеченныхъ началъ космополитическаго социализма, недоступныхъ пониманію русскихъ простолюдиновъ, рѣшено приноравливать пропаганду къ тѣмъ желаніямъ, которыя предполагались у крестьянъ, а именно внушить крестьянамъ, что имъ однимъ должна принадлежать воздѣлываемая ими земля, что не слѣдуетъ платить податей, что управлять міромъ должны одни только выборныя должностныя лица. Съ этого времени движеніе принимаетъ такъ называемый народническій оттѣнокъ и мирную пропаганду замѣняетъ чисто революціонная агитація. Соціалисты шли «въ народъ», но уже не для того, чтобы скитаться по деревнямъ и селамъ, по фабрикамъ и заводамъ, а селиться среди крестьянъ, занимая должности волостныхъ писарей, сельскихъ учителей и учительницъ, фельдшеровъ, фельдшерлицъ и акушеровъ, и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы волновать умы крестьянъ, разжигать въ нихъ страсти, возбуждать къ сопротивленію властямъ, къ бунтамъ. Такія «поселенія» основаны въ продолженіе 1876 и 1877 годовъ петербургскими пропагандистами въ губерніяхъ: Псковской, Тамбовской, Саратовской и Самарской. Соціалисты въ Кіевѣ, Варшавѣ и Одессѣ

¹ Обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ.

* с. с. татищевъ. т. II.

сипотились также въ одно сообщество, принявшее названіе «Южно-русскаго рабочаго союза». Они искали возбудить крестьянъ въ Малороссіи распространеніемъ слуховъ о предстоящемъ земельномъ передѣлѣ; нѣкоторымъ изъ нихъ удалось даже совратить нѣсколько сотъ крестьянъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, которымъ они выдавали себя за комиссаровъ, тайно посланныхъ царемъ для образованія изъ нихъ боевыхъ дружинъ, призванныхъ дѣйствовать противъ пановъ и чиновниковъ. Организациія эта просуществовала полтора года и была обнаружена лишь осенью 1877 года. Но три устроителя ея хотя и были арестованы, успѣли бѣжать изъ кievскаго тюремнаго замка. Вообще побѣги не только изъ-подъ стражи, но и изъ мѣстъ высылки, и изъ самыхъ сибирскихъ остроговъ стали явленіемъ весьма частымъ, такъ какъ къ освобожденію заключенныхъ направлены были всѣ старанія остававшихся на свободѣ товарищей, которымъ не разъ удавалось отбивать ихъ даже отъ сопровождавшаго вооруженнаго конвоя.

Одновременно, какъ петербургскій, такъ и провинціальныя кружки продолжали вести дѣятельную пропаганду среди городскихъ рабочихъ и такъ называемой «интеллигентной» молодежи, вербуя изъ нея новыхъ сочленовъ и пополняя убыль въ своихъ рядахъ. Съ этою послѣднею цѣлью заведена въ Петербургѣ, осенью 1877 года, тайная типографія, печатавшая возмутительныя листки и брошюры. Были даже попытки производить уличныя демонстраціи. Та, что устроена была на площади предъ Казанскимъ соборомъ при выходѣ изъ храма послѣ обѣдни въ Николитъ день, 6-го декабря 1876 года, не нашла ни малѣйшаго отклика въ толпѣ, и тотчасъ же была подавлена полиціею, арестовавшею два десятка ея участниковъ. Но въ мартѣ того же года, по случаю похоронъ умершаго въ домѣ предварительнаго заключенія одного изъ обвиняемыхъ социалистовъ, собралась большая толпа молодежи, силою овладѣвшая гробомъ и демонстративно пронесшая его по улицамъ столицы вплоть до самого кладбища.

Дознаніе надъ привлеченными къ отвѣтственности молодыми людьми за социальную-революціонную пропаганду продолжалось нѣсколько лѣтъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли предать социалистовъ суду или рѣшить ихъ участь административнымъ порядкомъ, обсуждался въ Комитетѣ Министровъ, который высказался въ пользу гласнаго суда по слѣдующимъ соображеніямъ. «Комитетъ»—читаемъ въ высочайше утвержденномъ журналѣ 18-го и 26-го марта 1875 года—«остановился на соображеніи, что одною изъ главнѣйшихъ при-

чинъ удостовѣреннаго нынѣ прискорбнаго равнодушія благонамѣренныхъ общественныхъ элементовъ къ распространяющейся пропагандѣ разрушительныхъ началъ, представляется всеобщая до сего времени неизвѣстность не только для большинства публики, но и для чиновъ высшаго государственнаго управленія, въ томъ числѣ и для большинства членовъ Комитета Министровъ, обнаруженныхъ произведеннымъ въ послѣднее время дознаніемъ, размѣровъ пропаганды. По мнѣнію Комитета, при такой неизвѣстности нельзя ставить прямымъ укоромъ обществу отсутствіе серьезнаго отпора лжеученіямъ; нельзя ожидать, чтобы лица, не вѣдающія той опасности, которой лжеученія сѣп грозятъ общественному порядку, могли столь же энергично и рѣшительно порицать дѣятельность революціонныхъ агитаторовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда опасность эта была бы для нихъ ясна и имъ были бы извѣстны тѣ пути, коими приверженцы революціи, называющіе себя друзьями народа, хотятъ придти къ нему на помощь. Такое незнаніе обусловливаетъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ легкомысленные упреки правительству за принимаемыя мѣры преслѣдованія злоумышленниковъ и ихъ аресты, приписываемые часто одному лишь произволу администраціи и возбуждающіе обыкновенно состраданіе къ арестуемымъ и разыскиваемымъ лицамъ. Между тѣмъ, по глубокому убѣжденію Комитета, едва ли изложенная въ представленной генераль-адъютантомъ Потаповымъ запискѣ одного изъ передовыхъ дѣятелей агитаціи картина будущности, которую революціонные пропагандисты готовятъ настоящему поколѣнію, могла бы возбудить какое либо сочувствіе не только въ благонадежныхъ общественныхъ сферахъ, но даже въ натурахъ неразвитыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи. Сами составители записки и программы это чувствуютъ и постоянно указываютъ на необходимость для успѣха дѣла скрывать его конечныя цѣли. Они съ неимовѣрнымъ цинизмомъ обсуждаютъ всѣ страшныя послѣдствія желаемаго ими возстанія и указываютъ на необходимость гибели настоящаго поколѣнія въ потокахъ крови, въ видахъ доставленія благоденствія грядущимъ поколѣніямъ, по заранѣе опредѣленнымъ ими законамъ общежитія. Они прямо высказываютъ, что для достиженія ихъ идеаловъ необходимы ручьи, рѣки, наводненія крови. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что подобный бредъ фанатическаго воображенія не можетъ возбудить къ себѣ сочувствія; но для того, чтобы общественное мнѣніе отвратилось отъ провозвѣстниковъ такого ученія, начала этого ученія не должны оставаться во мракѣ. Признавая, такимъ образомъ, полезнымъ и настоятельно необходимымъ не только продолжать систему гласности, принятую по тѣмъ тремъ

политическимъ дѣламъ, которыя производились въ судебныхъ учрежденіяхъ въ послѣднее время, но допустить гласность въ еще большіхъ размѣрахъ, для полнаго разъясненія въ обществѣ нашемъ возмутительнаго ученія агитаторовъ, Комитетъ находитъ, что естественнымъ и самымъ прямымъ путемъ для такой благотворной гласности представляется судъ, въ которомъ при судебномъ слѣдствіи можетъ быть разоблачена вся тлетворность изъясненныхъ ученій и степень угрожающей отъ нихъ опасности».

Рядъ политическихъ процессовъ въ Особомъ присутствіи Сената по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ открылся въ январѣ 1877 года дѣломъ «о демонстраціи на Казанской площади» (21 подсудимый); за нимъ слѣдовали: дѣло «о кружкѣ московскихъ пропагандистовъ» (50 подсудимыхъ); дѣло «Южно-русскаго рабочаго союза» (15 подсудимыхъ) и шесть дѣлъ по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ (24 подсудимыхъ). Изъ общаго числа 110 обвиняемыхъ приговорены: къ каторгѣ — 16, къ ссылкѣ на поселеніе — 28, къ отдачѣ въ арестантскія роты — 5, къ тюремному заключенію или аресту — 21, къ выговору — 1; прочіе 39 оправданы. Въ половинѣ сентября начался и продолжался до половины января слѣдующаго 1878 года процессъ «о революціонной пропагандѣ въ Имперіи», привлекшій на скамью подсудимыхъ 193 лица, обвиняемыхъ въ составленіи и участіи въ противузаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Во вниманіе къ тому, что большинство подсудимыхъ провело въ предварительномъ арестѣ время, превышающее тѣ сроки заключенія, которые соотвѣтствуютъ мѣрѣ ихъ виновности; что нѣкоторые изъ подсудимыхъ заслуживаютъ особаго снисхожденія какъ въ виду молодости ихъ, вовлеченія ихъ въ преступленіе лицами совершеннолѣтними, такъ и чистосердечности объясненій на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, и находя, что десять подсудимыхъ, признанныхъ виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ и подлежашіе по закону строгому уголовному наказанію, въ виду долговременнаго одиночнаго заключенія, отчасти искупили вину свою и заслуживаютъ монаршаго снисхожденія, Сенатъ уменьшилъ строгость наказанія тѣмъ изъ виновныхъ, относительно которыхъ это зависѣло отъ суда, признавъ справедливымъ повергнуть участь всѣхъ прочихъ на монаршее милосердіе, и согласно сему приговорилъ: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу — одного подсудимаго; къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію — четырехъ; отрѣшить отъ должности — одного. Участъ прочихъ подсудимыхъ Сенатъ опредѣлилъ по-

вергнуть на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о смягченіи слѣдовавшаго имъ по закону наказанія и съ представленіемъ о лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на поселеніе— 6 лицъ; о ссылкѣ въ Сибирь на житье съ лишеніемъ особенныхъ правъ— 18; о ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ лишеніемъ особенныхъ правъ— 8; освободить отъ всякаго наказанія двухъ подсудимыхъ, во вниманіе къ ихъ полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному сознанию. Остальныхъ подсудимыхъ Сенатъ призналъ по суду оправданными.

На другой день послѣ состоявшагося приговора Особого присутствія Сената, 24-го января 1878 года, Вѣра Засуличъ выстрѣломъ изъ пистолета тяжело ранила петербургскаго градоначальника генераль-адъютанта Трепова.

Уже во все время судебного разбирательства дѣла 193-хъ, продолжавшагося болѣе трехъ мѣсяцевъ, возбужденіе среди болѣе или менѣе причастной къ этому дѣлу молодежи вызывалось и поддерживалось отчетами о засѣданіяхъ Сената, печатавшихся и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и подпольною типографіею петербургскаго кружка, съ воспроизведеніемъ страстныхъ рѣчей, произнесенныхъ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Еще болѣе усилилъ броженіе выстрѣлъ Засуличъ. Недѣлю спустя, 30-го января, при обыскѣ, произведенномъ въ Одессѣ въ квартирѣ, занимаемой социалистами, жильцы ее оказали жандармамъ и полиціи вооруженное сопротивленіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ, такъ что пришлось прибѣгнуть къ помощи войскъ, чтобы проникнуть въ квартиру и задержать лицъ, въ ней находившихся. 1-го февраля убитъ въ Ростовѣ-на-Дону рабочій, заподозрѣнный социалистами въ доносѣ; 23-го того же мѣсяца вечеромъ въ Кіевѣ произведено нападеніе на товарища прокурора Котляревскаго и произведено въ него три выстрѣла, къ счастью, безъ вреда. На другой день появилось печатное воззваніе, грозившее новымъ покушеніемъ не только Котляревскому, но и офицеру кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія барону Гейкингу. Воззваніе это было расклеено на стѣнахъ домовъ, причемъ между лицами, занимавшимися расклеиваніемъ, и чинами полиціи произошла схватка: социалисты стрѣляли въ городовыхъ и жандармовъ. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ марта, вспыхнули серьезныя волненія между студентами университета св. Владиміра. 120 студентовъ исключены изъ университета и 15 высланы административно въ отдаленныя сѣверныя губерніи. При проѣздѣ послѣднихъ чрезъ Москву, студенты московскихъ учебныхъ заведеній устроили имъ сочувственную демонстрацію, окончившуюся неожиданнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло

торговцевъ Охотнаго ряда и толпы изъ простонародья, пришедшихъ на помощь полиціи и кинувшихся на студентовъ съ крикомъ: «бей измѣнниковъ русскаго царя!»

Всѣ эти происшествія отразились и на настроеніи петербургскаго студенчества. Похороны одного изъ заключенныхъ социалистовъ послужили поводомъ къ новой шумной демонстраціи на улицѣ. Такъ же демонстративно привѣтствовала толпа молодежи 31-го марта оправдательный вердиктъ, вынесенный присяжными Вѣрѣ Засулицѣ по обвиненію въ покушеніи на убійство генералъ-адъютанта Трепова. Освобожденная изъ-подъ стражи, подсудимая была уведена единомышленниками среди невообразимаго смятенія, при чемъ въ полицію было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Вскорѣ послѣ того Засулицѣ удалось бѣжать за границу.

Въ виду всѣхъ этихъ происшествій, правительство рѣшилось усугубить мѣры строгости. Участь осужденныхъ по дѣлу 193 не только не была смягчена высочайшею властію, но наказаніе, опредѣленное Сенатомъ главнымъ зачинщикамъ, повышено нѣсколькими степенями, и ссылка въ Сибирь на поселеніе замѣнена каторжными работами. Значительное число оправданныхъ выслано административнымъ порядкомъ на дальній Сѣверъ. Вообще главному начальнику III Отдѣленія предоставлено всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу противуправительственной пропаганды, виновность которыхъ въ дѣятельности, направленной къ разрушенію государственнаго и общественнаго строя очевидна и оставленіе которыхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, представляется опаснымъ—высылать административнымъ порядкомъ въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири для водворенія по его усмотрѣнію въ мѣстностяхъ ввѣреннаго ему края на жительство, подъ надзоръ полиціи.

Впрочемъ очень многіе изъ высланныхъ успѣли бѣжать, одни съ пути, другіе съ мѣста высылки, и усилили боевые ряды социально-революціоннаго сообщества. Тогда же снова измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ: возстановлена юрисдикція судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей и для особо тяжкихъ преступленій учрежденъ верховный уголовный судъ. Другой законъ изъяслъ изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ (съ 8-го мая) всѣ дѣла о нападеніи на должностныхъ лицъ, ввѣривъ производство оныхъ судебнымъ органамъ, учрежденнымъ для сужденія государственныхъ преступленій.

Между тѣмъ среди участниковъ социально-революціоннаго сообщества, избѣгшихъ преслѣдованія и оставшихся на свободѣ,

ожесточеніе росло и все болѣе и болѣе распалалсь страсти. 24-го мая въ Кіевѣ убитъ жандармскій капитанъ баронъ Гейкинъ ударомъ кнжала. Въ іюлѣ, во время разбирательства въ Одесскомъ военно-окружномъ судѣ дѣла о вооруженномъ сопротивленіи полиціи, оказанномъ въ предшедшемъ январѣ социалистомъ Ковальскимъ и его сообщниками, скопище молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, произвело безпорядки на улицѣ передъ зданіемъ суда: социалисты обмѣнялись выстрѣлами съ полиціей, причемъ убито и ранено нѣсколько человекъ. Ковальскій, судившійся военнымъ судомъ, вслѣдствіе того, что городъ Одесса находился на военномъ положеніи, былъ приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ 2-го августа; изъ сообщниковъ его, 4 присуждены тѣмъ же судомъ къ каторгѣ, 2—къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію и одинъ къ тюремному заключенію.

4-го августа главному начальнику III Отдѣленія и шефу жандармовъ генераль-адъютанту Мезенцову во время прогулки нанесена смертельная рана кнжаломъ въ животъ. Убійца и сопровождавшій его сообщникъ скрылись. Мезенцовъ скончался вечеромъ того же дня. Въ брошюрѣ, отпечатанной въ Петербургѣ въ таинной типографіи три мѣсяца спустя по совершеніи преступленія, заявлено, что смерть Мезенцова была отищеніемъ за казнь Ковальскаго и сверхъ того убитому шефу жандармовъ приписывалось отягченіе участи подсудимыхъ по дѣлу 193-хъ. Воздержаніе отъ дальнѣйшихъ политическихъ убійствъ ставилось въ зависимость отъ слѣдующихъ трехъ условій: прекращеніе преслѣдованій противъ членовъ социальна-революціонныхъ сообществъ; отказъ правительства отъ всякихъ административныхъ мѣръ взысканія и въ частности отъ высылки административнымъ порядкомъ; полная амнистія всѣхъ обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, осужденныхъ за совершеніе ихъ.

Убійство главы государственной полиціи на улицѣ, въ центрѣ столицы, среди бѣла дня, побудило императора Александра прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для подавленія революціоннаго движенія, которое успѣло въ короткое время такъ широко разростись и главные виновники котораго ускользали изъ рукъ правосудія. Мѣры эти были предложены, обсуждены и рѣшены въ засѣданіи Совѣта Министровъ, собраннаго въ Зимнемъ дворцѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя 8-го августа, въ день похоронъ Мезенцова.

Право заарестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, предоставленное по закону 19-го мая 1871 года, лишь лицу, производящему дознаніе, распространено на офицеровъ

Корпуса жандармовъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія, на полиціи мейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ, и не только лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія, но и тѣхъ, кто участвуетъ въ улчныхъ беспорядкахъ или сходкахъ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ, если они подлежатъ административной высылкѣ, высочайше повелѣно ссылать преимущественно въ Восточную Сибирь; поднадзорныхъ, покушавшихся на побѣгъ или совершившихъ таковой, наказывать ссылкой въ Якутскую область; всѣхъ оказавшихъ сопротивление силою при обыскѣ или арестѣ предавать военному суду, приговоръ котораго подтверждать и приводить въ исполненіе безотлагательно; приступить къ устройству въ Сибири колоній для поселенія въ нихъ государственныхъ преступниковъ и административно-ссылныхъ, а въ одной или двухъ губерніяхъ Европейской Россіи—особыхъ тюремъ для временнаго содержанія въ нихъ политическихъ пропагандистовъ, предназначенныхъ къ высылкѣ. Въ развитіе этихъ распоряженій изданы особыя правила, представлявшіяся необходимыми, какъ сказано въ высочайшемъ повелѣніи, въ виду развитія преступной социальнореволюціонной дѣятельности, сопровождаемой угрозами относительно должностныхъ лицъ, убійствами и другими злодѣяніями ¹.

Независимо отъ этихъ мѣръ, изданъ именной высочайшій указъ Сенату, въ которомъ изображено: «Повторяющіеся въ послѣднее время случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ социальнореволюціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя. Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка, неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей не останавливаются ни предъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, и дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго приня-

¹ 1-го сентября 1879 г.

тія такихъ временныхъ и исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгую наказуемость оныхъ. Въ сихъ видахъ мы признали за благо подчинить временно дѣла о такихъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ для военнаго времени». Указъ заключался повелѣніемъ предавать военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, или нападеніи на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчий, тяжкихъ побоевъ или обжоговъ¹.

20-го августа въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось сообщеніе, приглашавшее русское общество оказать правительству дружное содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Правительство, говорилось въ немъ, «съ неуклонной твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности». «Но»—продолжало сообщеніе—«какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ, правительство должно найдти себѣ опору въ самомъ обществѣ, и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіи, навязываемомъ народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій. Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрнопопданный русскаго государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага». Въ заключеніе правительство обращалось къ молодому учащемуся поколѣнію съ увѣщаніемъ: зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія,

¹ Указъ сенату, 9-го августа 1878 г.

которымъ оно себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ средѣ его лжеученіями. «Добросовѣстное и здоровое отношеніе къ наукѣ»—убѣждало оно—«соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени отклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвремененно не мало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность».

Принявъ перечисленные выше важныя рѣшенія, императоръ Александръ 15-го августа выѣхалъ изъ Царскаго Села, направляясь, чрезъ Ковель, Луцкъ, Одессу, Николаевъ и Севастополь, въ Ливадію. За два дня до прибытія его въ Николаевъ, случайнымъ обыскомъ въ квартирѣ еврея, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ одесскимъ кружкомъ «бунтарей», обнаружены приготовленія къ царевубійству, замышлявшемуся этимъ кружкомъ: найдена гальваническая батарея съ проводниками, свидѣтельствовавшая, что предполагають на пути высочайшаго слѣдованія произвести взрывъ посредствомъ динамита, приготовлявшагося въ Одессѣ. Всѣ обстоятельства этого дѣла раскрыты, впрочемъ, лишь годъ спустя познаніемъ о преступной дѣятельности революціонныхъ кружковъ одесскаго и кіевскаго.

Въ Ливадіи государь назначилъ генералъ-адъютанта Дренгелына главнымъ начальникомъ III Отдѣленія и шефомъ жандармовъ на мѣсто убитаго Мезенцова, а по возвращеніи въ Петербургъ, 22-го ноября, уволилъ, согласно прошенію, генералъ-адъютанта Тимашева отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, ввѣривъ управленіе этимъ министерствомъ статсъ-секретарю Макову.

Осень 1878 года ознаменовалась новыми волненіями среди студентовъ. Начались они въ Харьковѣ по поводу прекращенія лекцій въ тамошнемъ ветеринарномъ институтѣ и оттуда распространились и на прочіе университетскіе города. Обширныхъ размѣровъ достигли они въ Петербургѣ, гдѣ приняли въ нихъ участіе студенты не только университета, но и всѣхъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ цѣломъ рядѣ сходокъ, они составили прошеніе на имя наслѣдника съ жалобами на притѣсненія начальства и съ требованіемъ возвращенія имъ права совѣщаться объ общихъ дѣлахъ и распорядиться своими кассою, столовыми и библіотекою. Особенно буйнымъ характеромъ отличались собранія студентовъ военно-медицинской академіи, для водворенія порядка въ стѣнахъ и на дворѣ которой пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ.

Около полтораста студентов-медиковъ было арестовано и заключено въ казармахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Тогда же задержаны въ значительномъ числѣ и студенты другихъ заведеній. Дѣло кончилось исключеніемъ изъ нихъ, съ высылкою подѣ надзоръ полиціи въ разныя мѣстности, нѣсколькихъ сотъ юношей.

Кружокъ петербургскихъ социалистовъ воспользовался всеми этими происшествіями, чтобы привлечь къ себѣ новыхъ сторонниковъ изъ рядовъ учащейся молодежи, поддерживая въ средѣ ея броженіе, возбуждая ее противъ правительства и властей, увѣряя студентовъ въ полной солидарности съ ними социальнореволюціоннаго сообщества. Такую же агитацію вело это сообщество и среди петербургскихъ рабочихъ, подстрекая ихъ къ стачкамъ противъ хозяевъ, распаляя ихъ страсти, всячески распространяя между ними социалистическія и анархическія ученія. Петербургскій кружокъ организовался въ сообщество, принявшее названіе «Земля и Воля», расширилъ свою тайную типографію и съ конца октября сталъ издавать свой органъ социальнореволюціонное обозрѣніе подѣ тѣмъ же именемъ: «Земля и Воля». Во главѣ кружка сталъ такъ называемый «Исполнительный Комитетъ», искавшій мало-по-малу распространить власть свою на все социалистическіе кружки въ Имперіи. Комитетъ этотъ обзавелся бланками съ печатью и въ сообщеніяхъ своихъ, печатаемыхъ въ журналѣ сообщества говорилъ и дѣйствовалъ отъ имени всей «социально-революціонной партіи». Подѣ руководствомъ «Комитета образовался въ Петербургѣ, на подобіе «Южно-русскаго союза», «Сѣверный союзъ» рабочихъ, занимавшійся спеціально пропагандою въ рабочей средѣ и также издававшій свой особый печатный органъ.

Одною изъ главныхъ заботъ коноводовъ социальной революціи было поддерживать возможно частыя сношенія съ заключенными товарищами и содѣйствовать ихъ побѣгу изъ тюремъ или мѣстъ ссылки. Побѣги эти за недостаткомъ присмотра сдѣлались зауряднымъ явленіемъ, но тѣ изъ заточенныхъ, которымъ не удавалось вырваться на свободу, предавались мрачному отчаянію и рѣзкимъ протестамъ. Энергичныя мѣры, принятыя противъ такихъ манифестацій въ Бѣлгородской тюрьмѣ харьковскимъ губернаторомъ княземъ Крапоткинымъ, возбудили противъ него крайнее раздраженіе и ненависть революціонеровъ. 9-го февраля 1879 года онъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера.

За убійствомъ князя Крапоткина въ Харьковѣ послѣдовало убійство 26-го февраля въ Москвѣ полицейскаго агента Рейнштейна, а 13-го марта въ Петербургѣ покушеніе на убійство шефа жандармовъ Дрентельна. 2-го апрѣля въ девятомъ часу утра, при возвращеніи императора Александра съ прогулки въ Зимній дворецъ, шедшій ему навстрѣчу человекъ, одѣтый въ пальто при форменной гражданской фуражкѣ съ кокардой на головѣ, подойдя на близкое разстояніе, произвелъ въ него пять выстрѣловъ изъ револьвера. Къ счастью, государь даже не былъ раненъ. Сбѣжавшаяся толпа схватила преступника, оказавшагося сельскимъ учителемъ изъ исключенныхъ изъ университета студентовъ, Александромъ Соловьевымъ.

Вѣсть о новомъ покушеніи на священную особу монарха быстро разнеслась по городу. Высшіе военные и гражданскіе чины и дамы, имѣющія пріѣздъ ко двору, спѣшили въ Зимній дворецъ, чтобы выразить предъ царемъ радость о его чудесномъ спасеніи. Императоръ вышелъ къ нимъ въ Бѣлую залу послѣ обѣдни и благодарственнаго молебствія въ Малой церкви. Встрѣченный оглушительными кликами «ура!» государь произнесъ слѣдующія слова, обращенныя къ присутствующимъ: «Я глубоко тронутъ и сердечно благодарю за чувства преданности, выраженные вами. Сожалѣю только, что поводомъ къ этому послужилъ столь грустный случай. Богу угодно было въ третій разъ избавить меня отъ вѣрной смерти, и сердце мое преполнено благодарности за Его милости ко мнѣ. Да поможетъ Онъ мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливою и развпвающеюся мирно, какъ я того желалъ бы! Благодарю васъ еще разъ».

Покушеніе на цареубійство явно доказало недостаточность мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ преступныхъ дѣйствій шайки злоумышленниковъ, не отступавшихъ ни предъ какимъ преступленіемъ. На совѣщаніи высшихъ сановниковъ, происходившемъ въ присутствіи государя въ кабинетѣ его величества, рѣшено прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, еще неиспытанной: учрежденію временныхъ генераль-губернаторствъ, съ предоставленіемъ генераль-губернаторамъ чрезвычайныхъ полномочій. Временныхъ генераль-губернаторовъ положено назначить въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, а предоставленныя имъ права распространить и на генераль-губернаторовъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Во всѣхъ этихъ и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ высочайше повелѣно: всѣ мѣстныя гражданскія управленія подчинить генераль-губернаторамъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ подчиняются главнокомандующему арміею губерніи и области, объявленныя на военномъ положеніи, а также

подчинить имъ же учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ по предметамъ, относящимся до охраненія порядка и общественнаго спокойствія; предоставить генераль-губернаторамъ лицъ гражданскаго вѣдомства предавать военному суду, а равно и нижеслѣдующія права: высылать административнымъ порядкомъ изъ ввѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; подвергать личному задержанію, по непосредственному своему усмотрѣнію всѣхъ лицъ, не смотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; пріостанавливать или вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ ими признаваемо вреднымъ, и вообще принимать тѣ мѣры, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ. Временными генераль-губернаторами назначены три генерала, покрывшіе себя славою въ минувшую войну съ Турціей: въ Петербургѣ—генераль-адъютантъ Гурко, въ Одессу—генераль-адъютантъ графъ Тотлебенъ и въ Харьковѣ—генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, только что успѣшно окончившій высочайше возложенное на него порученіе къ принятію мѣръ противъ распространенія чумы, появившейся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Астраханской губерніи ¹.

Дознаніе по дѣлу о покушеніи на жизнь государя хотя и обнаружило принадлежность преступника Соловьева къ социальнореволюционному сообществу и многолѣтнее участіе его въ преступной дѣятельности, но не повело къ раскрытію ни организаціи «партіи» въ Петербургѣ, ни сообщниковъ преступленія. Соловьевъ предсталъ одинъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, приговорившимъ его къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе и преступникъ казненъ 28-го мая.

Вторую половину апрѣля и весь почти май императоръ Александръ провелъ въ Ливадіи вмѣстѣ съ императрицею Марією Александровною, болѣзненное состояніе которой вызвало эту поѣздку въ Крымъ. Отъѣзжая изъ столицы, государь поручилъ Особому Совѣщанію изъ министровъ: военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и шефа жандармовъ, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валугева, въ отсутствіе его, изслѣдовать и выяснить причины быстраго распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительныхъ ученій и изыскать дѣйствительныя

¹ Указъ Сенату, 5-го апрѣля 1879 г.

практическія мѣры, чтобы положить предѣлъ ихъ растлѣвающему вліянію. Комитетъ Министровъ, которому предсѣдатель Совѣщанія представилъ на разсмотрѣніе программу будущихъ его занятій, нашелъ, что неизбежное оглашеніе дѣятельности высшей комиссіи вызоветъ, при существующемъ возбужденіи умовъ, разные толки и превратныя сужденія, а потому полагалъ осуществленіе программы проектированной комиссіи отложить до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ. Но государь настоялъ на точномъ исполненіи своей воли и во второй половинѣ іюня статсъ-секретарь Валуевъ внесъ на обсужденіе Комитета Министровъ плодъ трудовъ состоявшаго подъ его предсѣдательствомъ Совѣщанія ¹.

Собраніе это хотя и не признавало положеніе дѣлъ безвыходнымъ, но, сознавая его затруднительность, не скрывало и опасности, которою оно грозило государству. «Особаго вниманія» — читаемъ въ «Журналѣ Совѣщанія» — «заслуживаетъ наружное безучастіе почти всей болѣе или менѣе образованной части населенія въ нынѣшней борьбѣ правительственной власти съ небольшимъ сравнительно числомъ злоумышленниковъ, стремящихся къ испроверженію коренныхъ условій государственнаго, гражданскаго и общественнаго порядка. Большинство само встревожено, но оно какъ будто выжидаетъ развязки борьбы, не вступая въ нее и не заступаясь за правительство. Напротивъ того, оно почти всегда недоброхотно относится къ распоряженію правительственныхъ властей, находя принимаемыя ими мѣры то слишкомъ слабыми, то слишкомъ стѣснительными или строгими. Что же касается не разсуждающихъ или мало разсуждающихъ массъ, то въ нихъ замѣтны двѣ противоположныя наклонности. Онѣ готовы по первому призыву оказать содѣйствіе правительству противъ его враговъ, но содѣйствіе беспорядочное, насильственное, всегда граничащее съ своеволіемъ и потому слишкомъ опасное, чтобы на него можно было разсчитывать. Въ то же самое время эти массы легко доступны самымъ злонамѣреннымъ толкамъ, слухамъ и обѣщаніямъ, относящимся до предоставленія имъ какихъ-нибудь новыхъ льготъ или матеріальныхъ выгодъ и подъ вліяніемъ такихъ слуховъ и обѣщаній способны отказаться отъ повиновенія ближайшей къ нимъ правительственной власти и сами отыскивать враговъ въ средѣ, гдѣ эта власть ихъ не усматриваетъ. Въ разныхъ губерніяхъ уже замѣтны признаки дѣйствующей въ этомъ направленіи подпольной работы. Вообще во всѣхъ слояхъ населенія проявляется какое-то неопредѣленное, всѣхъ обуявшее неудовольствіе. Всѣ на

¹ Высочайшая резолюція, 10-го и 17-го мая 1879 г.

что-нибудь жалуются и как будто желаютъ и ждутъ переменны. Разнообразіе сѣтованій и неопредѣленность ожиданій тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что, по заявленію министра внутреннихъ дѣлъ, надлежитъ ожидать къ концу года возникновенія неудобныхъ ходатайствъ въ средѣ земскихъ и дворянскихъ собраній».

Заключеніе Особого Совѣщанія распадалось на двѣ части: въ первой изложены проектированныя имъ мѣры судебно-административныя, во второй части—тѣ, что, по мнѣнію Совѣщанія, должны были быть приняты по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Мѣры первой категоріи были слѣдующія: 1) въ видахъ предоставленія полиціи бѣльшей самостоятельности и для возвышенія ея значенія и авторитета въ общественной средѣ отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ предостереженія; 2) предоставить полиціи право приносить жалобы на мировыхъ судей прямо, а не чрезъ товарищей прокуроровъ; 3) въ виду неудобствъ, происходящихъ отъ непризнанія за полицейскими показаніями и протоколами силы полнаго судебного доказательства и отъ того, что мировые суды не дѣйствуютъ съ непрерывностью, которая требуется для полицейскихъ дѣлъ, пересмотрѣть вообще узаконенія о мировыхъ судьяхъ; 4) въ виду того, что нынѣшній составъ полиціи не соответствуетъ возложеннымъ на нее требованіямъ закона, не ожидая пересмотра всѣхъ узаконеній о полиціи, усилить ея нынѣшній составъ; 5) въ виду неразборчиваго выбора земскими и городскими управленіями служащихъ по ихъ вѣдомствамъ лицъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчаются агенты революціонной пропаганды, распространить дѣйствіе правилъ 1866 года о предварительномъ испрошеніи согласія губернатора на опредѣленіе извѣстныхъ должностныхъ лицъ на земскія и городскія управленія; 6) въ виду постоянно и систематически вреднаго вліянія періодической печати и недостаточности дѣйствующихъ о ней постановленій, проектировать новыя правила о денежныхъ съ періодическихъ изданій взысканіяхъ; 7) въ виду распространяемаго въ крестьянскомъ сословіи возбужденія насчетъ обременительности лежащихъ на немъ повинностей и недостатка предоставленнаго по закону земельного надѣла — принять мѣры къ прекращенію агитаціи, направленной противъ коренныхъ началъ положеній 19-го февраля и къ опроверженію ложныхъ надеждъ на дополнительный надѣлъ; 8) принимая во вниманіе, что необходимо ободрить и сплотить, для противодѣйствія революціонной пропагандѣ тѣ элементы населенія, въ которыхъ должны естественно и преемственно заключаться разумныя и охранительныя силы, что такія

силы дѣйствительно заключаются въ частномъ потомственномъ землевладѣніи, потому что онѣ возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами, и что вліяніе этого охранительнаго элемента до сихъ поръ парализуется отсутствіемъ всякой территоріальной связи между разными частями населенія—возвратиться къ давнему предположенію министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ территоріальныхъ волостей и вообще оказать частному землевладѣнію ободрительное со стороны правительства вниманіе; 9) въ виду того, что другой охранительный элементъ въ настоящее время явно обнаруживается въ средѣ раскольниковъ, что эта среда до сихъ поръ остается недоступною революціонной пропагандѣ и что такое настроеніе ея полезно поддержать и упрочить—дать исполнительное движеніе высочайше утвержденнымъ въ 1864 году предположеніямъ относительно послѣдователей сектъ, не признанныхъ особенно вредными, съ тѣмъ, чтобы соотвѣтствующія мѣры были приняты административнымъ порядкомъ безъ законодательной торжественности; 10) въ видахъ устраненія административной розни между разными частями Имперіи и во вниманіе къ тому, что революціонная агитація не находитъ удобной для себя почвы въ населеніи, принадлежащемъ къ польскому племени, отмѣнить дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ исключительныя постановленія и правила, не касаясь, впрочемъ, закона 10-го декабря 1865 года.

Относительно мѣръ, которыя надлежало бы принять для улучшения строя учебныхъ заведеній между членами Совѣщанія произошло разногласіе, выразившееся въ оживленныхъ преніяхъ, послѣ которыхъ не пришли къ общему соглашенію по этому важному вопросу.

Министръ финансовъ указывалъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія высшихъ учебныхъ заведеній, на наплывъ въ нихъ такихъ элементовъ, которые не представляютъ достаточнаго обезпеченія ни къ окончанію начатаго курса ученія, ни къ размѣщенію въ общественной средѣ, если бы при помощи разныхъ льготъ имъ удалось его окончить. Дешевизна платы за ученіе,—доказывалъ генералъ-адъютантъ Грейгъ,—освобожденіе даже и отъ этой платы, многочисленныя стипендіи и разныя другія воспособленія, оказываемыя учащимся, искусственно увеличиваютъ число лицъ, стремящихся къ перемѣщенію изъ одного слоя общества въ другой. Не смотря на оказываемыя имъ льготы и пособія, они подвергаются во время состоянія въ заведеніяхъ ожесточающей ихъ нуждѣ и тѣмъ легче поддаются вліянію злонамѣренныхъ агитаторовъ, которые заранѣе увѣрены въ томъ, что именно на этой почвѣ имъ всегда удобнѣе искать себѣ

пособниковъ и находить слѣсныя исполнительныя орудія. Между тѣмъ, наша печать при всякомъ удобномъ случаѣ старается возбуждать участіе къ учащейся молодежи, хвалить ея направленіе и защищать ту именно систему, которая переполняетъ заведенія вреднымъ и опаснымъ контингентомъ.

Министръ народнаго просвѣщенія приписывалъ неустройство университетовъ недостаткомъ устава 1863 года, который, по мнѣнію его, почти совершенно устраняетъ правительственную власть отъ вліянія на учащихся и на учащихся, въ особенности права и способы вліянія попечителей учебныхъ округовъ и предоставляетъ профессорскимъ коллегіямъ неудобную во всѣхъ отношеніяхъ автономію. Но недостатки эти — заявилъ графъ Толстой — будутъ устранены въ новомъ университетскомъ уставѣ, уже готовомъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ. Для предупрежденія же наплыва студентовъ въ столичныя университеты, министръ народнаго просвѣщенія выразилъ желаніе сосредоточить въ своемъ вѣдомствѣ всѣ вообще коренныя университетскія стипендіи, дабы распределить ихъ между университетами по своему усмотрѣнію, предоставивъ дальнѣйшую развертку по факультетамъ попечителямъ, а не коллегіямъ или совѣтамъ. Сверхъ того, графъ Толстой признавалъ необходимымъ возстановить какъ въ университетахъ, такъ и въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, болѣе точную учебную дисциплину, настоять на своевременномъ началіи лекцій, воспретить произвольное со стороны преподавателей сокращеніе курсовъ и напомнить учащему сословію, что оно должно, при исполненіи своихъ обязанностей, соблюдать установленную форму для одежды.

Перейдя къ вопросу о народныхъ училищахъ, министръ народнаго просвѣщенія признавалъ недостаточность надзора за ними, потому что инспекторовъ приходится на одну губернію отъ двухъ до четырехъ, тогда какъ ихъ слѣдовало бы имѣть по одному на каждый уѣздъ. Онъ находилъ, что слѣдуетъ напомнить предводителямъ дворянства о лежащей на нихъ обязанности заботиться о правильномъ и сообразномъ съ видами правительства направленіи начальнаго народнаго образованія, а вниманіе Св. Синода обратить на предоставленный духовенству положеніемъ о народныхъ училищахъ престижъ въ дѣлѣ наблюденія за нравственнымъ направленіемъ школы. Министръ упомянулъ о затрудненіяхъ, встречаемыхъ имъ по наблюденію за школами, содержимыми насчетъ земства, о мѣрахъ, принятыхъ для обезпеченія преподаванія въ нихъ Закона Божія, и о болѣе удовлетворительномъ состояніи многочисленныхъ школъ, содержимыхъ насчетъ православнаго духо-

венства. Тѣмъ не менѣе, графъ Толстой настаивалъ на необходимости готовить для народныхъ школъ учителей, знакомыхъ съ педагогическими приѣмами, и съ похвалою отозвался объ учрежденныхъ пмъ учительскихъ семинаріяхъ, выразивъ сожалѣніе лишь о томъ, что число ихъ не соответствуетъ ощущаемой въ нихъ потребности.

Генераль-адъютанты Грейгъ и Дрентельнъ выразили по этому поводу мнѣніе, что учительскія семинаріи едва ли могутъ принести ожидаемую отъ нихъ пользу, потому что выходящіе изъ нихъ учителя, хотя и взятые изъ народной среды, отчуждаются отъ этой среды во время прохожденія курсовъ, не удовлетворяются своимъ положеніемъ, легко переходятъ въ разрядъ недовольныхъ условіямъ своего быта, вслѣдствіе чего могутъ легко поддаваться и вліянію революціонной пропаганды. Министръ финансовъ и шефъ жандармовъ высказали убѣжденіе, что задача первоначальнаго обученія не такъ сложна, чтобы улучшенные педагогическіе приѣмы были для нея безусловно необходимы. Она заключается въ томъ, чтобы научить дѣтей читать, писать, считать и молиться Богу, и потому могла бы быть преимущественно ввѣрена духовенству при улучшеніи его матеріальнаго быта тѣми средствами, которыми теперь предназначаются для школъ, не состоящихъ въ прямомъ его завѣдываніи.

Графъ Толстой съ жаромъ защищалъ преимущества специалистовъ-педагоговъ въ дѣлѣ начального народнаго образованія. Дѣло это, утверждалъ онъ, не такъ легко, какъ кажется на первый взглядъ. Въ народныхъ школахъ правильный методъ преподаванія важнѣе, чѣмъ въ среднемъ учебномъ заведеніи или даже съ университетской кафедрой, потому что учитель имѣетъ дѣло съ неразвитыми и неподготовленными учениками. Такъ какъ духовныя лица готовятся не къ учительскимъ, а къ несравненно болѣе важнымъ пастырскимъ обязанностямъ, то во всей Европѣ, не исключая и католическихъ странъ, въ учительскихъ семинаріяхъ воспитываютъ учителей для начального преподаванія народу. Русское духовенство чуждо антагонизма со свѣтскими властями и сочувственно встрѣтило учрежденіе учительскихъ семинарій въ Россіи. Пока ихъ у насъ весьма немного и изъ 30,000 сельскихъ учителей едва одна тысяча воспитывалась въ этихъ заведеніяхъ. Если не считать 23 семинарій, основанныхъ въ разныхъ окраинахъ государства, гораздо болѣе съ политической, чѣмъ съ педагогической цѣлью, для сближенія инородцевъ съ русскою государственностью въ Царствѣ Польскомъ, губерніяхъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ, то на коренную Россію имѣется всего 27

учительскихъ семинарій. Насколько удовлетворительна въ нихъ воспитательная часть, доказывается тѣмъ, что за весь восьмилѣтній періодъ ихъ существованія, съ 1871 по 1879 годъ, про всѣхъ выпущенныхъ изъ 50 учительскихъ семинарій учителей заподозрѣно въ политической неблагонадежности только трп. Графъ Толстой проводилъ мысль, что преподаваніе въ сельской школѣ учителей, приготовленныхъ къ этому дѣлу въ учительскихъ семинаріяхъ, нисколько не нарушаетъ естественныхъ и законныхъ вліяній пастьрей церкви на воспитаніе ихъ прихожанъ. Положеніемъ о народныхъ училищахъ духовенству предоставлено не одно преподаваніе закона Божія, но и высшее наблюденіе за религиозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ школахъ. Кроме того, церковно-приходскія школы при церквахъ и монастыряхъ находятся въ исключительномъ завѣдываніи духовенства, а такихъ школъ около трети всѣхъ существующихъ. Бѣльшее участіе духовенства въ этомъ дѣлѣ министръ признавалъ невозможнымъ, находя его неподготовленнымъ къ преподаванію, слишкомъ занятымъ своими приходскими обязанностями, а равно и заботою о матеріальномъ своемъ положеніи, по крайней недостаточности получаемого содержанія.

Съ этими разсужденіями графа Толстого согласились статсъ-секретари князь Урусовъ и Маковъ, находя, что неудобно было бы отиѣнить или ограничить права, предоставленныя въ дѣлѣ народнаго образованія земству. Но, присовокупилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ еще земскихъ учрежденій, министерство народнаго просвѣщенія могло бы дать устройству народныхъ школъ направленіе, которое желательно въ видахъ предоставленія духовенству болѣе прямого, непосредственнаго и постояннаго участія въ завѣдываніи народными школами. Наконецъ, предсѣдательствовавшій въ Совѣщаніи, министръ государственныхъ имуществъ присоединился къ общему взгляду министра финансовъ и шефа жандармовъ. Онъ заявилъ при этомъ, что всегда признавалъ и теперь признаетъ дѣло народнаго образованія существенно единымъ по своему государственному значенію; что онъ прежде находилъ и теперь находитъ неудобнымъ то участіе, которое въ немъ предоставлено земскимъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ неодинаково въ разное время и въ разныхъ губерніяхъ; что онъ считаетъ необходимымъ объединеніе дѣла въ однѣхъ рукахъ и его повсемѣстное одинаковое направленіе къ одной цѣли; что при данныхъ условіяхъ нашей обширной территоріи, нашего климата, малой густоты населенія и ограниченности данныхъ средствъ, онъ сомнѣвается въ возможности

устройства нашихъ сельскихъ школъ по какому нибудь усовершенствованному европейскому образцу и что по этимъ уваженіямъ, онъ, со своей стороны, признаеть особенно желательнымъ поручить эти школы прямому попеченію приходскаго духовенства, вѣривъ ему приисканіе учителей и надзоръ за ними и предоставивъ ему на этотъ конецъ тѣ денежные средства, которыя могли бы быть сбережены при устройствѣ и содержаніи школы на такихъ основаніяхъ.

Съ общимъ взглядомъ Особаго Совѣщанія на крамолу согласился и Комитетъ Министровъ, одобрившій большую часть изъ предположенныхъ Совѣщаніемъ судебно-полицейскихъ мѣръ. Въ засѣданіяхъ Комитета, посвященныхъ ихъ обсужденію, министръ финансовъ Грейгъ высказался въ пользу своевременности совершенной отмѣны выборнаго начала въ назначеніи мировыхъ судей и за предоставленіе нѣкоторымъ, особо поименованнымъ чинамъ полиціи права разбирать ускореннымъ порядкомъ маловажныя нарушенія постановленій, ограждающихъ общественное благоустройство и благочиніе, съ наложеніемъ на виновныхъ незначительныхъ штрафовъ и мѣръ взысканія. Шефъ жандармовъ требовалъ назначенія, съ предварительнаго согласія губернаторовъ, не только должностныхъ лицъ по городскому и земскому управленію, но и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Предположенія о введеніи новыхъ территоріальныхъ единицъ Комитетъ обусловилъ сохраненіемъ при этомъ коренныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года, а также послѣдовавшихъ послѣ 1864 года законоположеній, а на отмѣну исключительныхъ постановленій и правилъ по западнымъ губерніямъ полагалъ испрашивать каждый разъ высочайшее соизволеніе ¹.

Не менѣе оживленные пренія, какъ въ Особомъ Совѣщаніи, происходили и въ Комитетѣ Министровъ по вопросу о народномъ образованіи. Статсъ-секретарь Валуевъ заявилъ, что, высказавъ нѣкоторыя сужденія и желанія относительно направленія учебнаго дѣла въ Россіи, Совѣщаніе отнюдь не имѣло въ виду подтвержденія распространеннаго въ печати и въ образованной части общества мнѣнія, будто гимназическая реформа и строгость испытаній и учебныхъ занятій порождаютъ неудовольствіе и увеличиваютъ число лицъ, оставляющихъ гимназіи до окончанія курса, а слѣдовательно усиливаютъ и вредные элементы, представляющіе удобную почву для социалистической пропаганды. Напротивъ того, самъ онъ увѣренъ, что вслѣдствіе упомянутой реформы элементы

¹ 21-го іюня 1879 г.

эти менѣе многочисленны, чѣмъ были бы безъ нея. Миніе это министр народнаго просвѣщенія подтвердилъ указаніемъ на то, что число учениковъ гимназій, увольняемыхъ за неуспѣхъ въ наукахъ, составляетъ не болѣе 3-хъ на сто, что болѣе большая часть и этого количества приходится на низшіе два класса, то есть на совершенно дѣтскій возрастъ, и что число выпускаемыхъ съ аттестатомъ зрѣлости, постоянно увеличиваясь, сравнялось почти съ числомъ учившихся въ послѣднихъ классахъ гимназій.

Затѣмъ Комитетъ Министровъ, выразивъ убѣжденіе, что проектированіе мѣръ по части народнаго образованія требуетъ, по важности ихъ послѣдствій, особой осторожности и строгаго соображенія со всей системой веденія учебнаго дѣла, чтобы отдѣльными мѣропріятіями не нарушить стройности системы, приступилъ къ обсужденію возбужденныхъ Особымъ Совѣщаніемъ двухъ главныхъ и существеннѣйшихъ по учебному дѣлу вопросовъ: 1) не слѣдуетъ ли положить предѣлъ искусственной поддержкѣ весьма распространеннаго стремленія перемѣщаться, путемъ высшаго образованія, изъ одного слоя общества въ другой? и 2) должно ли поддерживать и развивать нынѣшній порядокъ приготовленія учителей для народныхъ школъ посредствомъ учительскихъ семинарій, или измѣнить систему начальнаго образованія, установивъ преобладающее вліяніе духовенства на школу?

По первому вопросу Комитетъ высказался утвердительно, вполне раздѣливъ взглядъ на предметъ, выраженный генераль-адъютантомъ Грейгомъ. Если—разсуждалъ онъ—доступность высшаго образованія и составляетъ потребность нынѣшняго вѣка, то едва ли правильно искусственно возбуждать стремленіе къ нему въ Россіи, гдѣ существуютъ столь рѣзкія грани въ бытѣ различныхъ общественныхъ слоевъ. Въ силу этихъ соображеній Комитетъ положилъ: «Предоставить подлежащимъ министрамъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія, принять къ руководству пзясненное общее начало о положительномъ вредѣ искусственнаго возбужденія въ Россіи стремленія къ высшему образованію съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ принять по своему вѣдомству мѣры, коими могутъ быть достигнуты успѣшные результаты въ смыслѣ ослабленія означеннаго явленія». вмѣстѣ съ тѣмъ предположено сосредоточить въ министерствѣ народнаго просвѣщенія всѣ казенныя университетскія степендіи, и предложено министру внести «въ возможно неотлагательномъ времени» въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава.

По вопросу о народной школѣ, Комитетъ хотя и призналъ, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный

камень всего государственного строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами, но въ то же время нашелъ, что «полное повсемѣстное подчиненіе народной школы православному духовенству представляется нынѣ на практикѣ затруднительнымъ», а потому и ограничился тѣмъ, что, поставивъ достиженіе этого «цѣлью согласованныхъ стараній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства», выразилъ мнѣніе, «что при значительной потребности въ народныхъ школахъ, при практической невозможности, чтобы самое преподаваніе въ нихъ лежало исключительно на обязанности сельскаго духовенства, и наконецъ при большомъ числѣ мѣстностей, населенныхъ неправославными и даже нехристіанами,—оканчивающіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ найдутъ себѣ занятія, соответствующія ихъ назначенію». Въ заключеніе Комитетъ Министровъ высказалъ пожеланіе, чтобы изысканы были средства къ улучшенію матеріальнаго положенія сельскихъ священниковъ и чтобы духовное вѣдомство всемѣрно облегчало способы къ возстановленію исподволь упраздненныхъ за послѣдніе годы самостоятельныхъ приходоу ¹.

Такова была совокупность мѣръ для борьбы съ крамолоу, проектированныхъ Особымъ Совѣщаніемъ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ поднесенныхъ Комитетомъ Министровъ на утвержденіе государя. Изъ нихъ весьма немногія были осуществлены своевременно; большую же часть опередили событія и онѣ не вышли изъ области предположеній. Къ числу первыхъ относится обнародованный въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, объявлявшій, по особому государя императора повелѣнію, «что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ наръзковъ къ крестьянскимъ участкамъ не будетъ и быть не можетъ» ², а также высочайшее повелѣніе о предоставленіи министру народнаго просвѣщенія права и впредь, до утвержденія новаго общаго устава университетовъ, издать инструкцію для университетской инспекціи съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій ³.

Между тѣмъ, генералъ-губернаторы широко примѣняли свои чрезвычайныя полномочія къ подавленію социальнаго-революціоннаго движенія. Имъ изданъ длинный рядъ обязательныхъ постановленій о раз-

¹ 3-го іюля 1879 г.

² 16-го іюня 1879 г.

³ 2-го августа 1879 г.

ныхъ предметахъ, состоящихъ болѣе или менѣе въ связи съ этимъ движениемъ, съ установленіемъ крупныхъ денежныхъ штрафовъ за ихъ нарушеніе. Постановленія эти устанавливали: строгое наблюденіе за своевременною и точною пропискою видовъ, а въ столицахъ— постоянное дежурство дворниковъ; правила ношенія, храненія и продажи оружія; правила о продажѣ легко воспламеняющихся и взрывчатыхъ веществъ, о надзорѣ за типографіями и т. п. Усиленные обыски и аресты производились среди лицъ, заподозрѣнныхъ въ соучастіи съ злоумышленниками; болѣе часть арестованныхъ выслалась изъ Петербурга и университетскихъ городовъ подъ надзоръ полиціи въ разныя мѣстности; уличенные въ виновности предавались военному суду.

Не взирая, однако, на всю строгость преслѣдованія, а равно и на то, что нѣкоторые изъ коноводовъ движенія на югѣ попали въ руки правосудія и понесли заслуженную кару, самое движеніе не только не ослабѣвало, но развивалось и проявлялось съ новою силою. Такъ въ іюнѣ произведено дерзкое похищеніе изъ Херсонскаго казначейства 1.580,000 рублей. Впрочемъ, болѣе часть похищенныхъ денегъ, болѣе полутора милліона, была найдена и виновники всѣ задержаны, преданы суду и осуждены.

Тѣмъ не менѣе, главные вожакъ и организаторы движенія все еще ускользали отъ преслѣдованія и, при помощи ложныхъ именъ и фальшивыхъ паспортовъ, свободно разъѣзжали по Россіи. Въ послѣднихъ числахъ іюня назначенъ былъ въ Воронежѣ годовою сѣздъ членовъ партіи «Земли и Воля», мало-по-малу сплотившей въ одно сообщество разсѣянные по всему пространству Россіи социалистическіе кружки. На сѣздѣ предполагалось обсудить какъ цѣли, преслѣдуемая «партіею», такъ и средства и способы къ ея осуществленію. Большинство участниковъ склонялось въ пользу исключительно социальнаго переворота, помимо переворота политическаго, а потому возставало противъ политическихъ убійствъ, какъ не ведущихъ къ цѣли. Но въ средѣ сообщества выдѣлилось нѣсколько челоуѣкъ, наставившихъ на политическомъ переворотѣ, какъ на необходимомъ условіи свободнаго и успѣшнаго распространенія социалистическихъ началъ въ русскомъ народѣ. Прежде чѣмъ отправиться въ Воронежъ, социалисты, придерживавшіеся послѣдняго взгляда, собрались въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, и тамъ совѣщались въ продолженіе четырехъ дней, съ 17-го по 21-е іюня.

Число лицъ, съѣхавшихся въ Липецкѣ, не превышало пятнадцати челоуѣкъ, мужчинъ и женщинъ, но то были самые рѣшитель-

ные изъ коноводовъ революціи, отчаянныя головы, не отступавшія ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей. Пропаганда социализма—разсуждали они—невозможна въ Россіи при существующемъ образѣ правленія, а потому слѣдуетъ стремиться къ его ниспроверженію, къ ограниченію самодержавной власти, къ дарованію политическихъ вольностей и къ созыву народнаго представительства. Средствомъ къ достиженію этой цѣли долженъ былъ служить терроръ, подъ которымъ заговорщики разумѣли убійства должностныхъ лицъ и прежде всего—цареубійство. На липецкихъ совѣщаніяхъ рѣшено предпринять рядъ покушеній на священную особу государя императора. Тамъ же выработана организація новаго сообщества, выдѣлившася изъ партіи «Земля и Воля» и принявшаго названіе: «Народная Воля». Три члена выбраны въ такъ называемую распорядительную комиссію, поставленную во главѣ сообщества для направленія и руководства его дѣятельностью. Всѣ прочіе участники съѣзда составили Исполнительный Комитетъ—назначеніемъ котораго было организовать и совершить предположенныя злодѣянія.

Изъ Липецка члены новаго сообщества отправились въ Воронежъ, гдѣ тщетно старались увлечь въ свою организацію прочихъ своихъ товарищей. Расколъ въ средѣ партіи «Земля и Воля» уже обнаружившійся на воронежскомъ съѣздѣ, происходившемъ въ концѣ іюня, окончательно рѣшенъ на сходкѣ въ Петербургѣ 15-го октября. Въ противоположность партіи «террористовъ», назвавшейся «Народная Воля», народники образовали свое отдѣльное сообщество подъ именемъ «Черный Передѣлъ». Оба кружка завели свои печатные органы. Расходясь въ средствахъ, они сходились въ одной общей цѣли—переустройствѣ Россіи на анархическихъ началахъ и оказывали одно другому взаимную поддержку и помощь.

Проповѣдь социализма въ народѣ и въ образованныхъ классахъ — такова была задача, которую поставили себѣ «народники». «Террористы» всѣ свои усилія направили на одну цѣль—совершеніе цареубійства.

На собраніяхъ такъ называемаго «Исполнительнаго Комитета Народной Воли» состоявшихся въ Петербургѣ въ концѣ августа, рѣшено совершить нѣсколько покушеній на жизнь императора Александра осенью 1879 года, на обратномъ пути его изъ Ливадіи, гдѣ государь, по обыкновенію, проводилъ осень, въ Петербургѣ и притомъ съ примѣненіемъ къ дѣлу динамита.

Приготовленія начались съ сентября. «Техники» сообщества, съ этою спеціальною цѣлью занявшіеся изученіемъ химіи и въ част-

ности взрывчатыхъ веществъ, изготовляли въ устроенныхъ въ Петербургѣ лабораторіяхъ въ большомъ количествѣ динамитъ. Двое заговорщиковъ, мужчина и женщина, отправились въ Одессу и тамъ, поступивъ въ качествѣ сторожа и жены его на желѣзную дорогу, поселились въ сторожевой будкѣ на 14-й верстѣ отъ Одессы и занялись подведеніемъ мины подъ рельсы, при помощи товарищей, жившихъ въ Одессѣ и доставлявшихъ имъ динамитъ. Тогда же другой заговорщикъ, въ сопровожденіи женщины и двухъ рабочихъ, прибылъ въ гор. Александровскъ и поселился тамъ близъ станціи желѣзной дороги подъ видомъ лица, намѣревавагося выстроить въ этой мѣстности кожевенный заводъ. Работая ночью, они заложили подъ насыпью рельсоваго пути, на 4-й верстѣ отъ станціи, подъ глубокимъ оврагомъ, два цилиндра, наполненные динамитомъ съ электрическими запалами. Въ Москвѣ, въ 20 саженьяхъ отъ линіи Курской желѣзной дороги, приобрѣтенъ былъ домъ, въ которомъ помѣстились подъ видомъ хозяевъ два злоумышленника, мужчина и женщина. По ночамъ собиравшись туда всѣ находившіеся въ Москвѣ или прибывшіе туда члены общества и общими силами проводили отсюда подземный подкопъ подъ полотномъ дороги. Галерея имѣла въ основаніи 0,37 сажени ширины и въ высоту 0,5 сажени. Спираль Румкорфа хранилась въ домѣ въ сундукѣ, а гальваническая батарея въ сараѣ. Подъ полотномъ на глубинѣ двухъ сажени заложена была мина изъ динамита. Мѣдныя трубы для мины ковались въ Харьковѣ завлеченнымъ въ сообщество кузнецомъ. Оттуда же развозились въ трехъ направленіяхъ: въ Одессу, Александровскъ и Москву, всѣ прочія приспособленія и динамитъ.

Всѣ эти приготовленія продолжались безпрепятственно цѣлые три мѣсяца и ни одно изъ трехъ готовившихся покушеній не было обнаружено. Когда стало извѣстно, что императоръ Александръ прослѣдуетъ обратно изъ Крыма въ Петербургъ не чрезъ Одессу, а чрезъ Москву, то предупрежденные о томъ злоумышленники распорядились отправить оказавшійся ненужнымъ въ Одессѣ динамитъ въ Москву. Лицо, везшее этотъ динамитъ, задержано 9-го ноября на станціи Елисаветградъ. Но и это обстоятельство не повело къ своевременному раскрытію на линіи подъ Александровскомъ и московскаго подкопа.

Между тѣмъ государь, выѣхавшій изъ Петербурга 15-го августа, чрезъ Динабургъ, Вильно и Гродно прибылъ въ Варшаву; оттуда онъ ѣздилъ на совѣщаніе съ германскимъ императоромъ въ Александрово и чрезъ Брестъ и Одессу проѣхалъ въ Ливадію,

гдѣ пробыль два мѣсяца. Изъ Ливадіи императрица Марія Александровна отбыла прямо въ чужіе края, въ Каннъ на югѣ Франціи, а императоръ 17-го ноября предпринялъ обратный путь въ Петербургъ. При проѣздѣ императорскаго поѣзда чрезъ Александровскъ, 18-го ноября, въ 10 часовъ утра, три заговорщика, подъѣхавъ на телѣгѣ къ мѣсту, откуда начата была укладка проволоки, соединявшей спираль Румкорфа съ мною подъ полотномъ желѣзной дороги, сомкнули цѣпь, но взрыва не послѣдовало. На другой день, 19-го, въ 10 часовъ 25 минутъ вечера, на 3-й верстѣ отъ пассажирской станціи Курской желѣзной дороги въ Москвѣ произошелъ взрывъ, но, къ счастью, не подъ императорскимъ, а подъ слѣдовавшимъ непосредственно за нимъ, такъ называемымъ свитскимъ поѣздомъ. Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, паровозъ оторвался, нѣсколько вагоновъ опрокинулись, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ пораненій, несчастій съ людьми не произошло.

20-го ноября, послѣ обычнаго выхода съ Краснаго крыльца изъ Успенскій соборъ, императоръ Александръ, принимая въ Кремлевскомъ дворцѣ представителей сословіи, сказалъ имъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и мнѣ».

Проведя два дня въ Москвѣ, государь 22-го ноября благополучно возвратился въ Петербургъ.

Попытка взорвать царскій поѣздъ вызвала новые обыски и аресты, но безъ успѣха. Виновники его остались необнаруженными. Въ Петербургѣ такъ называемый «Исполнительный Комитетъ» выпустилъ отпечатанное въ тайной типографіи воззваніе, въ которомъ грозилъ новыми покушеніями на жизнь монарха. Организация террористическаго сообщества все еще оставалась неизвѣстною властямъ. Къ раскрытію ея не повело и случайное задержаніе въ Петербургѣ въ концѣ ноября нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ ней злоумышленниковъ, у одного изъ которыхъ найденъ былъ планъ Зимняго дворца, на которомъ императорская столовая была отмѣчена крестомъ. Напротивъ, заговорщики предупреждались о всѣхъ принимаемыхъ противъ нихъ мѣрахъ однимъ изъ своихъ сообщниковъ, проникшимъ въ качествѣ чиновника въ секретную экспедицію III Отдѣленія. Въ типографіи

сообщества стали выходить съ 6-го октября періодическій его органъ — социальное-революціонное обозрѣніе подъ заглавіемъ: «Народная Воля». Программа «Исполнительнаго Комитета», излагавшая устройство террористической партіи, ея намѣренія, цѣли и средства, въ тысячахъ печатныхъ экземпляровъ распространялась въ Петербургѣ между единомышленниками и разсылалась во все концы Россіи. Надежды свои заговорщики возлагали на новое готовившееся покушеніе, мѣстомъ совершенія котораго должно было служить самое жилище государя — Зимній дворецъ.

Еще въ сентябрѣ въ число столяровъ, работавшихъ въ Зимнемъ дворцѣ и помѣщенныхъ въ подвальномъ его этажѣ, поступилъ подъ чужимъ именемъ и съ поддѣльнымъ видомъ одинъ изъ «распропагандированныхъ» рабочихъ, принадлежавшій къ террористическому сообществу. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ мало-по-малу сносилъ туда динамитъ въ свой сундукъ, стоявшій въ комнатѣ, расположенной какъ разъ подъ царской столовой, и когда динамиту накопилось около трехъ пудовъ, 5-го февраля въ шесть часовъ вечера, то есть въ обычное время обѣда императорской семьи, воспламенивъ чрезъ огнепроводный шнуръ приспособленную къ сундуку кашкюль съ гремучекиислою ртутью, самъ удался изъ дворца. Нѣсколько секундъ спустя послѣдовалъ взрывъ.

Государь находился въ это время въ маломъ Фельдмаршальскомъ залѣ, куда вышелъ навстрѣчу принцу Александру Гессенскому и сыну его, князю Болгарскому, замедленіе въ пріѣздѣ которыхъ и было причиною того, что обѣдъ не былъ поданъ въ обычный часъ. Отъ сильнаго удара поколебались стѣны, разбились вдребезги стекла, газъ потухъ во дворцѣ. Но разрушительное дѣйствіе взрыва не распространилось далѣе главной гауптвахты, находившейся въ первомъ этажѣ, надъ подвальнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ заложена была мина, и подъ столовою залюю. Изъ находившихся въ этой комнатѣ, занимавшихъ въ этотъ день караулъ во дворцѣ, нижнихъ чиновъ л.-гв. Финляндскаго полка убито 11 и ранено 56 человекъ. Въ полу столовой оказалась лишь небольшая трещина.

На слѣдующій день въ Большой церкви Зимняго дворца, въ присутствіи императора и всей царской семьи и при стеченіи придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, происходилъ благодарственный молебень. Слѣдуя во храмъ, государь остановился предъ офицерами Финляндскаго полка, въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за отличное исполненіе чинами полка службы наканунѣ, во время и послѣ взрыва. Не смотря на страшное опустошеніе, произведенное въ рядахъ караула, на обезобра-

женные трупы товарищей, на собственные раны и увѣчья, уцѣлѣвшіе часовые оставались всѣ на своихъ мѣстахъ, и даже по прибытіи вызванной смѣны отъ л.-гв. Преображенскаго полка не уступили прибывшимъ своихъ мѣстъ, пока не были смѣнены собственнымъ разводящимъ ефрейторомъ, который самъ былъ раненъ при взрывѣ. Императоръ выразилъ глубокое сожалѣніе о жертвахъ печальнаго происшествія и объявилъ, что семьи пострадавшихъ будутъ обезпечены. По окончаніи молебна государь, возвращаясь во внутренніе покои, въ прочувствованныхъ словахъ сказалъ всѣмъ присутствующимъ высочайшую свою благодарность.

Взрывъ, произведенный злоумышленниками въ самомъ жилищѣ государя, Зимнемъ дворцѣ, ясно указывалъ на недостаточность принятыхъ способовъ борьбы съ крамолой и на настоятельную необходимость принятія мѣръ болѣе цѣлесообразныхъ и дѣйствительныхъ ¹.

¹ Матеріалы для настоящей главы почерпнуты изъ архивовъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, бывшаго III Отдѣленія Собственной его величества канцеляріи и департамента полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ.

XXXIII.

Двадцатипятилѣтіе царствованія.

1880.

Тюремная реформа. — Рассмотрѣніе въ особомъ совѣщаніи проектовъ Валуева и великаго князя Константина Николаевича. — Учрежденіе Верховной Распорядительной Комиссіи и назначеніе главнымъ ея начальникомъ графа Лорисъ-Меликова. — Обращеніе его къ «жителямъ столицы». — Празднованіе 25-ти-лѣтней годовщины вступленія Александра II на престоль. — Побушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова. — Подчиненіе ему III Отдѣленія и временныхъ генералъ-губернаторовъ. — Дѣятельность Верховной Распорядительной Комиссіи. — Два всеподданнѣйшіе доклада графа Лорисъ-Меликова съ изложеніемъ его политической программы. — Перемены въ личномъ правительственномъ составѣ. — Кончина императрицы Маріи Александровны. — Злодѣйскіе замыслы террористическаго сообщества. — Закрытіе Верховной Распорядительной Комиссіи и назначеніе графа Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Сенаторскія ревизіи. — Отъѣздъ государя въ Ливадію. — Пожалованіе графу Лорисъ-Меликову ордена св. Андрея. — Возвращеніе государя въ Петербургъ. — Отмѣна акциза на соль. — Комиссіи о преобразованіи разныхъ частей управленія.

Послѣ войны заботы правительства были преимущественно сосредоточены на борьбѣ съ крамолою и на изысканіи средствъ къ ея обузданію, что имѣло послѣдствіемъ почти совершенное прекращеніе преобразовательной его дѣятельности по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Тѣмъ не менѣе въ послѣдніе годы царствованія осуществлена давно задуманная реформа, имѣвшая важное значеніе, а именно переустройство тюремной части.

Неудовлетворительное состояніе тюремъ вызвало еще въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ учрежденіе особой комиссіи для изслѣдованія ихъ недостатковъ и изысканія способовъ къ ихъ устраненію подъ предсѣдательствомъ графа В. А. Соллогуба. Собранный этою комиссіею матеріалъ былъ въ 1875 году представленъ въ Го-

сударственный Совѣтъ и пересмотрѣтъ другою комиссіею изъ членовъ Совѣта председателемъ которой назначенъ статсъ-секретарь К. К. Гротъ. Последняя составила обширный проектъ преобразованія всей тюремной части, какъ мѣстъ заключенія, такъ и мѣстъ ссылки, а приведеніе въ исполненіе его возложено на образованное въ 1879 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Главное тюремное управленіе, во главѣ котораго поставленъ опытный знатокъ тюремнаго дѣла, М. Н. Галкинъ-Врасской. Въ руководство этому управленію предложены высочайше утвержденныя основныя начала новой лѣтницы наказаній, и задача его намѣчена въ слѣдующихъ главныхъ статьяхъ: 1) приведеніе въ порядокъ тюремныхъ зданій; 2) улучшение администраціи и надзора въ мѣстахъ заключенія; 3) организациа работъ въ тюрьмахъ; 4) улучшение въ системѣ тюремнаго хозяйства; 5) устройство ссылки, каторги и развитіе пересыльной части на установленныхъ уже началахъ¹.

1-го января 1880 года на мѣсто умершаго генераль-адъютанта графа П. Н. Игнатьева председателемъ Комитета Министровъ назначенъ статсъ-секретарь Валуевъ, котораго, въ должности министра государственныхъ имуществъ, замѣстилъ князь Ливентъ.

П. А. Валуевъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ императора Александра II, который часто совѣщался съ нимъ по дѣламъ обще-государственнаго значенія. Въ послѣдніе годы онъ состоялъ председателемъ нѣсколькихъ высшихъ комиссій, учрежденныхъ съ цѣлью изыскать способы къ подавленію соціально-революціоннаго движенія, о которомъ ему неоднократно приходилось бесѣдовать съ государемъ. Въ виду приближенія двадцати-пяти-лѣтняго юбилея царствованія Валуевъ находилъ, что правительственная мѣра, которая расширила бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, благопріятно повліяла бы на русское общество и содѣйствовала бы успокоенію умовъ, возбужденныхъ до крайности безуспѣшностью усилій правительства къ обузданію крамолы. Мысль эту онъ повѣдалъ государю, напомнивъ его величеству о предположенномъ еще въ 1863 году созваніи обще-государственнаго земскаго собранія. Въ томъ же смыслѣ вліялъ на августѣйшаго брата и великій князь Константинъ Николаевичъ, ссылаясь на записку о томъ же предметѣ, составленную имъ въ 1865 году.

¹ Обзоръ десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управленія 1879—1889, стр. 26 и матеріалы къ исторіи тюремной реформы въ Россіи М. Н. Галкина-Врасскаго въ «Журналѣ министерства юстиціи», ноябрь 1901 г.

Императоръ Александръ важный вопросъ этотъ отдалъ на обсужденіе Особого Совѣщанія, къ участию въ которомъ привлекъ цесаревича, великаго князя Константина Николаевича, статсъ-секретарей Валуева и князя Урусова, министра внутреннихъ дѣлъ Макова и шефа жандармовъ Дрентельна. Въ концѣ января Совѣщаніе собиралось четыре раза: первое засѣданіе происходило у государя, второе и третье у генераль-адмирала, четвертое и послѣднее, къ которому былъ приглашенъ и министръ императорскаго двора графъ Адлербергъ, снова въ царскомъ кабинетѣ Зимняго дворца. Предложенія свои отстаивали Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ: первый доказывалъ необходимость для правительства положить конецъ пассивности благонамѣреннаго большинства населенія и создать трибуну, съ которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тѣмъ противодействовать проповѣдуемымъ ежедневно и повсюду революціоннымъ началамъ; второй ссылаясь на древнее русское государственное право, на вѣче, боярскую думу, земскіе соборы до-петровскаго періода русской исторіи а также на перенесенныя въ Сводъ законовъ постановленія о вызовѣ депутатовъ «на случай» и т. п. Убѣжденно высказался противъ нововведеній, противныхъ духу кореннаго государственнаго строя Россіи, цесаревичъ Александръ Александровичъ, находя, что созывъ представительнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ желанной цѣли и вмѣсто того, чтобы вызвать успокоеніе, еще болѣе взволнуетъ умы. Съ мнѣніемъ наслѣдника согласились прочіе члены Совѣщанія. Въ виду приведенныхъ ими вѣскихъ доводовъ, государь рѣшилъ все дѣло оставить безъ послѣдствій¹.

Произведенный 5-го февраля взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ снова поставилъ на очередь вопросъ о рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣрахъ для борьбы съ крамолою. На совѣщаніи, происходившемъ у государя 8-го февраля, въ которомъ приняли участіе председатель Комитета Министровъ, министры императорскаго двора, военный, внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, цесаревичъ выступилъ съ предложеніемъ учредить «Верховную слѣдственную комиссію» съ обширными полномочіями, которыя не ограничивались бы извѣстною мѣстностью, а распространялись бы на всю Россію. Государь, сначала несочувственно отнесшійся къ этой мысли, усвоилъ ее вслѣдствіе настояній наслѣдника и на другой день, 9-го февраля, объявилъ тѣмъ же вновь собравшимся у него лицамъ, сверхъ которыхъ были приглашены въ засѣданіе времен-

¹ Изъ дневника статсъ-секретаря Валуева.

ные генераль-губернаторы: петербургскій Гурко и харьковскій графъ Лорисъ-Меликовъ, министръ юстиці Набоковъ и товарищъ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ Черевинъ,—что такая комиссія будетъ немедленно учреждена и графъ Лорисъ-Меликовъ поставленъ во главѣ ея ¹.

Выработать основанія будущей дѣятельности новаго учрежденія и опредѣлить его полномочія императоръ Александръ поручилъ Особому Совѣщанію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева. Утвердивъ поднесенный къ его подписи указъ Сенату, его величество надписалъ на немъ: «Дай Богъ въ доброй часъ».

Указъ гласилъ, что учрежденіе Верховной Распорядительной Комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и назначеніе графа Лорисъ-Меликова главнымъ начальникомъ вызвано «твердымъ рѣшеніемъ» государя «положить предѣлъ непрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ; что члены Комиссіи назначаются высочайшею властью по представленію главнаго начальника, которому предоставляется сверхъ того право призывать въ Комиссію всѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ будетъ имъ признано полезнымъ; что въ видахъ объединенія дѣйствія всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, главному начальнику Комиссіи предоставлено по всѣмъ дѣламъ такого рода: а) права главноначальствующаго въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника; б) прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и С.-Петербургскомъ военномъ округѣ, и в) верховное направленіе означенныхъ дѣлъ по всѣмъ другимъ мѣстностямъ Имперіи. Далѣе устанавливалось, что всѣ требованія главнаго начальника Верховной Распорядительной Комиссіи по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія подлежатъ немедленному исполненію какъ мѣстными начальствами, генераль-губернаторамъ, губернаторами и градоначальниками, такъ и со стороны всѣхъ вѣдомствъ, не исключая военнаго; что всѣ вѣдомства обязаны оказывать ему полное содѣйствіе; что онъ непосредственно спрашиваетъ у государя императора повелѣнія и указанія, когда признаетъ это нужнымъ; что независимо отъ того онъ дѣлаетъ всѣ распоряженія и принимаетъ вообще всѣ мѣры, которыя признаетъ

¹ Тотъ же дневникъ.

необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, съ правомъ опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе этихъ распоряженій и мѣръ, а также порядокъ наложенія взысканій; что распоряженія главнаго начальника и примѣняемыя имъ мѣры должны подлежать безусловному исполненію всѣми и каждымъ и могутъ быть отгѣнены лишь имъ самимъ или особымъ высочайшимъ повелѣніемъ. Засимъ упраздняясь должность временнаго с.-петербургскаго генераль-губернатора, учрежденная указомъ 5-го апрѣля 1879 года ¹.

По представленію графа Лорисъ-Меликова, членами Верховной Распорядительной Комиссіи высочайше назначены: членъ Государственнаго Совѣта Побѣдоносцевъ, генераль-адъютантъ князь Пмелетинскій, управляющій дѣлами Комитета Министровъ статсъ-секретарь Кахановъ, сенаторы Ковалевскій, Шамшинъ и Марковъ, товарищъ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи генераль-маіоръ Черевинъ, генераль-маіоръ Батьяновъ и правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Перфильевъ.

Первымъ шагомъ графа Лорисъ-Меликова по вступленіи въ должность главнаго начальника Верховной Распорядительной Комиссіи было напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» обращеніе «къ жителямъ столицы». «Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности» — заявлялъ онъ въ немъ — «и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ ответственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы съ одной стороны не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой — успокоить и оградить законные интересы его здравомыслящей части. Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ государю и искренно любящихъ свою родину, подвергнувшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества». Жители столицы, какъ ближайшіе свидѣтели злодѣяній террористовъ, приглашались отнестись спокойно и съ до-

¹ Указъ Сенату, 12-го февраля 1880 г.

с. с. татищевъ. т. II.

стоинствомъ къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами. «Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію», — такъ заключалось воззваніе, — «вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли равно для всѣхъ дорогой, — возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями августѣйшаго вождя» ¹.

При такихъ чрезвычайныхъ и тревожныхъ обстоятельствахъ 19-го февраля 1880 года вся Россія праздновала двадцать-пятую годовщину вступленія императора Александра II на престолъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ ея, отъ всѣхъ сословіи, учрежденій и множества отдѣльныхъ лицъ неслись къ обожаемому монарху теплыя выраженія любви, признательности, вѣрноподданнической преданности.

Въ Петербургѣ день начался исполненіемъ нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ на площадкѣ предъ Зимнимъ дворцомъ соединенными хорами всѣхъ гвардейскихъ полковъ, при громѣ салютаціонныхъ орудій, разставленныхъ вдоль набережной Васильевского острова. Государь слушалъ это исполненіе съ дворцоваго балкона и на оглушительное «ура!» войска и народа, снявъ каску, отвѣчалъ милостивыми поклонами. Вслѣдъ за этимъ въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца состоялся приемъ поздравленій отъ военныхъ чиновъ. Принявъ поднесенный отъ гвардіи образъ Спасителя, государь, имѣя возлѣ себя наследника, подозвалъ командировъ гвардейскихъ полковъ и сказалъ: что 25 лѣтъ тому назадъ покойный императоръ передалъ ему шефство надъ гвардейскими частями, въ которыхъ онъ, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, самъ началъ службу; что, еще будучи наследникомъ, онъ гордился командуемыми имъ гвардейскими частями и былъ увѣренъ, что онѣ всегда отлично исполняютъ свое дѣло; что гвардія доказала это въ двѣ войны его собственнаго царствованія: въ 1863 году при усмиреніи польскаго мятежа и въ войну 1877—78 годовъ. Поблагодаривъ гвардію за ея ревностную и вѣрную службу, императоръ Александръ выразилъ увѣренность, что, когда его не станетъ, гвардія также точно будетъ служить и его преемнику. Обойдя затѣмъ ряды генераловъ и офицеровъ, государь прибавилъ, обращаясь къ послѣднимъ, что увѣренъ, что переживаемыя ими тяжкія времена пройдутъ, въ особенности при содѣйствіи всѣхъ благонамѣренныхъ людей, къ числу коихъ принадлежатъ и офицеры гвардіи, въ вѣрности которыхъ его величество не сомнѣвается и вполне полагается на нее.

¹ «Правительственный Вѣстникъ», 14-го февраля 1880 г.

Послѣ благодарственнаго молебна, отслуженнаго въ придворномъ соборѣ, императоръ принималъ поздравленія высшихъ учрежденій Имперіи. Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ прочитанъ журналъ засѣданія Совѣта, состоявшагося въ тотъ же день, слѣдующаго содержанія:

«Государственный Совѣтъ, въ чрезвычайномъ собраніи 19-го февраля 1880 года, въ торжественный день совершившагося двадцатипятилѣтія со дня восшествія государя императора на прародительскій престоль, слѣдуя сердечному влеченію, призналъ священнымъ долгомъ принести къ подножію престола его императорскаго величества вѣрноподданническое поздравленіе вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ Совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности.

«Государственный Совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предначертаній государя по законодательству и высшему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ монарха по главнымъ отраслямъ державнаго его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразованія и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви его императорскаго величества къ Россіи и неусыпной заботливости его о благѣ вѣреннаго ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ великое счастье быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

«Наиболѣе важное изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ—возымѣло начало отъ лица самого государя, развивалось и созрѣло подъ непосредственнымъ благотворнымъ руководствомъ его императорскаго величества и исполнено успѣшно силою державной воли его, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства, при спокойствіи и довѣрїи сельскаго населенія.

«Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за него милліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ, радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Наименованіе Освободителя въ благодарной памяти народной, неразрывно связанное съ именемъ Александра II, будетъ навсегда краснорѣчиво-простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

«Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, по всѣмъ отраслямъ упра-

вления, узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческою заботливостью монарха, дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась.

«Нелегокъ былъ путь, пройденный царственнымъ труженикомъ; немало разнообразныхъ препонъ дано было ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу его дѣяній удаленіемъ отъ него той тяготы, которая по неисповѣдимымъ путямъ Промысла бываетъ неразлучна съ трудомъ созиданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранниковъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. Наряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали его сердца, не ослабляли и не останавливали воли, благодѣющей Россіи.

«Гордое вѣщеноснымъ своимъ вождемъ, отечество съ молитвою торжествуетъ нынѣ двадцати-пяти-лѣтіе его царствованія. Стекающаяся изъ всѣхъ концовъ обширной Имперіи, отъ всѣхъ сословій и обществъ горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности его императорскому величеству, сопровождаемая щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ монарху его вѣрноподданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на его главу новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и немущихъ и призрѣніе страждущихъ — вполне достойное чествованіе Царя-Освободителя.

«Богъ Всемогущій да сохранить его на многіе годы!»

Выслушавъ чтеніе журнала, императоръ произнесъ, обращаясь къ членамъ Государственного Совѣта: «Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ моего царствованія. Благодарю всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ, начиная съ тебя» — слова эти были обращены къ великому князю генералъ-адмиралу — «перваго моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера. Надѣюсь, что Совѣтъ будетъ по прежнему помогать мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ. Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молитесь вмѣстѣ со мною, и Господь выведетъ насъ изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ васъ!»

Вслѣдъ за Государственнымъ Совѣтомъ императоръ Александръ принялъ Сенатъ, постановленіе котораго, состоявшееся въ торжественномъ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, прочитано ми-

нистромъ юстиціи. Въ актѣ этомъ Сенатъ помянулъ всѣ великія преобразованія царствованія: освобожденіе крестьянъ, судебную реформу, всеобщую воинскую повинность, земскія и городскія учрежденія, финансовыя мѣры, преобразование государственнаго контроля, гласность смѣты и отчетовъ по ея исполненію. «Преобразованія, предначертанныя его императорскимъ величествомъ въ мудрой заботливости о благѣ отечества» — свидѣтельствовалъ Сенатъ — «исполнены твердою державною волею съ вѣрнымъ сознаніемъ дѣйствительныхъ нуждъ государства. Правительствующій Сенатъ, вѣруя въ высшую благодѣтельность Божію, сохраняющую на счастье и радость русскаго народа священную жпзнь его императорскаго величества, уповаешь, что Россіи суждено еще долгіе годы идти путемъ мирнаго развитія подъ августѣйшимъ и мудрымъ руководствомъ императора Александра II. Временная потребность въ принятіи чрезвычайныхъ мѣръ къ искорененію ненавистной для всей Россіи горсти крамольниковъ не поколебали вѣры царя въ преданность престолу народа русскаго. Россія сильна любовью царя къ своему народу и непоколебимою преданностью народа своему царю. Великими преобразованіями, совершенными императоромъ Александромъ II, посѣяны сѣмена умственнаго и нравственнаго развитія, трудолюбія и уваженія къ законамъ, неуклонное исполненіе конхъ есть незыблемое основаніе, утверждающее благоустройство, могущество и счастье народное».

На привѣтствіе сенаторовъ государь отвѣтилъ: «Благодарю васъ, господа, за выраженныя вами чувства. Я увѣренъ, что Правительствующій Сенатъ всегда, такъ же какъ въ прежнемъ своемъ составѣ и въ настоящемъ его видѣ, будетъ руководствоваться тѣми же правилами, дѣйствуя на благо и славу Россіи. Убѣжденъ, что дѣятельность ваша всегда будетъ направлена къ упроченію законнаго порядка. Еще разъ благодарю и надѣюсь, что мнѣ и впредь придется благодарить васъ за столь же добросовѣстное исполненіе вами вашихъ обязанностей».

Въ числѣ безчисленныхъ адресовъ, привѣтствій и поздравленій представлено было государю и всеподданнѣйшее письмо Св. Синода, прочитавъ которое, государь начерталъ собственноручно: «Благодарю искренно. Да не оставитъ насъ Богъ въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. На Него возлагаю, какъ всегда, всю свою надежду! Да будетъ воля Его!»

На другой же день всенароднаго торжества крамола возобновила свою преступную дѣятельность. 20-го февраля совершено покушеніе на жизнь графа Лорисъ-Меликова. Выстрѣлившій въ него изъ револьвера преступникъ далъ промахъ, не нанеся графу

никакого вреда. Преданный военному суду, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе и приговоръ приведенъ въ исполненіе въ 24 часа.

Чрезвычайныя полномочія, дарованныя главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссіи, требовалось согласовать съ дѣятельностью III Отдѣленія и съ тѣми правами, которыми были предоставлены генералъ-губернаторамъ, постояннымъ и временнымъ, въ предшедшемъ году. Послѣдовавшее вскорѣ увольненіе отъ должности шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Дрентельна имѣло послѣдствіемъ фактическое подчиненіе III Отдѣленія графу Лорисъ-Меликову. Но генералъ-губернаторы оставались независимыми отъ него, и потому императоръ Александръ возложилъ на Особое Совѣщаніе задачу установить единство въ дѣйствіяхъ ихъ съ дѣйствіями комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и разъяснить отношенія ихъ къ главному ея начальнику. Членами совѣщанія были, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, министры финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и графъ Лорисъ-Меликовъ, а въ засѣданіе, происходившее 27-го февраля, приглашены вызванные въ Петербургъ генералъ-губернаторы: варшавскій—Коцебу, московскій—князь Долгоруковъ, кievскій—Чертковъ, одесскій—Тотлебенъ и харьковскій—замѣшавшій въ этой должности Лорисъ-Меликова—князь Дондуковъ-Корсаковъ.

Совѣщаніе пришло къ заключенію, что за генералъ-губернаторами слѣдуетъ сохранить все принадлежащія имъ по общимъ законамъ и временными особенными постановленіями предоставленныя права, съ тѣмъ, чтобы они поставляли въ извѣстность какъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и главнаго начальника Верховной Распорядительной Комиссіи о всѣхъ лицахъ, высылаемыхъ ими административнымъ порядкомъ, съ приведеніемъ причинъ высылки, а также сообщали имъ, со своими соображеніями, все нужныя свѣдѣнія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Одесскій генералъ-губернаторъ возбудилъ при этомъ вопросъ объ учрежденіи на мѣстахъ во временныхъ генералъ-губернаторствахъ смѣшанныхъ комиссій изъ чиновъ судебного и жандармскаго вѣдомствъ для ускоренія производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и для облегченія взаимнаго обмѣна свѣдѣній по этимъ дѣламъ между генералъ-губернаторами. Предложеніе Тотлебена поддержали Чертковъ и Дондуковъ-Корсаковъ, но все прочіе члены Совѣщанія предъявили противъ него возраженія, послѣ чего совѣщаніе постановило: для устраненія медленности въ производствѣ означенныхъ дѣлъ усилить численный составъ занимающихся ими

чпновъ жандармскаго и судебного вѣдомства, а для облегченія об-
мѣна свѣдѣній по тѣмъ же дѣламъ сосредоточить данныя о нихъ
въ генераль-губернаторскихъ управленіяхъ. Предположенія Совѣ-
щанія восходили чрезъ Комитетъ Министровъ на высочайшее утвер-
жденіе, послѣдовавшее 29-го марта.

Между тѣмъ, Верховная Распорядительная Комиссія приступила
къ дѣлу. Въ первомъ засѣданіи ея, 4-го марта, графъ Лорисъ-
Меликовъ указалъ на двѣ главныя ея задачи: принятіе рѣшитель-
ныхъ мѣръ къ подавленію преступныхъ дѣйствій анархистовъ и
пзысканіе средствъ для уврачеванія причинъ, породившихъ кра-
молу и поддерживающихъ ее. Необходимымъ средствомъ къ дости-
женію этихъ обѣихъ цѣлей графъ считалъ, прежде всего, объеди-
неніе дѣйствій всѣхъ судебныхъ и административныхъ органовъ,
призванныхъ къ обнаруженію и преслѣдованію преступныхъ за-
мысловъ и дѣйствій. Какъ на другую причину, затрудняющую
борьбу правительства съ крामолой, онъ указалъ на крайнюю мед-
ленность производства дознаній и дѣлъ о государственныхъ пре-
ступленіяхъ. Нерѣдки случаи, что явные преступники ожидаютъ
приговора и наказанія въ продолженіе года и болѣе, тогда какъ,
съ другой стороны, лица, арестованныя по неопредѣленнымъ подо-
зрѣніямъ, освобождаются изъ-подъ стражи лишь по прошествіи
нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что порождаетъ среди нихъ понятное озло-
бленіе и способствуетъ привлеченію въ ихъ ряды пныхъ недоволь-
ныхъ. Третій вопросъ, предложенный графомъ на обсужденіе Ко-
миссіи, было разсмотрѣніе и точное опредѣленіе двухъ мѣръ, обы-
кновенно принимаемыхъ противъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ поли-
тической неблагонадежности. Не отрицая пользу ихъ при надле-
жащемъ осмотрительномъ ихъ примѣненіи, Лорисъ-Меликовъ за-
мѣтилъ, однако, что случаи административной высылки стали такъ
часты, что вскорѣ устройство быта и положенія высланныхъ мо-
жетъ сдѣлаться вопросомъ государственнымъ. Что же касается до
полицейскаго надзора, то вмѣсто того, чтобы установить за подо-
зрительнымъ лицомъ наблюденіе, оно на самомъ дѣлѣ сводится
лишь къ лишенію или ограниченію его правъ. Наконецъ, графъ
обратилъ вниманіе Комиссіи на то, что понятіе о политической не-
благонадежности допускаетъ много степеней, разграничить которыя
полиція не всегда бываетъ въ состояніи, а это влечетъ за собою
неосмотрительность при опредѣленіи административныхъ взысканій.
Въ заключеніе главный начальникъ предложилъ Комиссіи заняться
разработкою этихъ четырехъ вопросовъ, обративъ преимуществен-
ное вниманіе на указаніе мѣръ, принятіе которыхъ необходимо въ
столицѣ, какъ мѣстопробываніи государя, наслѣдника и всей импе-
раторской фамиліи.

Комиссія единогласно признала несомнѣнное существованіе разъединенія въ дѣйствіяхъ правительственныхъ органовъ вообще и въ частности чиновъ полиціи: наружной и сыскной, общей и жандармской, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль—охраненіе государственнаго и общественнаго порядка. Находя необходимымъ положить конецъ этому разъединенію, начавъ дѣло съ Петербурга, Комиссія постановила: собрать подробныя свѣдѣнія какъ о личномъ составѣ, такъ и о стоимости всѣхъ органовъ правительственныхъ и общественныхъ, призванныхъ къ охраненію порядка и обнаруженію преступныхъ замысловъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Съ цѣлью ускоренія производства дознаній и дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Комиссія поручила своимъ членамъ обзрѣть и провѣрить списки лицъ, арестованныхъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, и составить заключеніе о скорѣйшемъ окончаніи производящихся о нихъ дѣлъ. Признавъ совершенно неудовлетворительнымъ настоящій способъ примѣненія административной высылки и полицейскаго надзора, Комиссія рѣшила, прежде всего, привести въ извѣстность всѣхъ лицъ, подвергшихся упомянутымъ наказаніямъ, и составить точный списокъ всѣхъ высланныхъ и состоящихъ подъ гласнымъ или негласнымъ полицейскимъ надзоромъ. Несовершенство существующей системы опредѣленія политической неблагонадежности Комиссія признала заслуживающимъ, по вреднымъ своимъ послѣдствіямъ, особаго вниманія правительства и единогласно нашла необходимымъ крайне осторожное и внимательное отношеніе подлежащихъ властей къ строгому разбору виновности и степени неблагонадежности лицъ, высланныхъ изъ Петербурга, съ принятіемъ къ руководству того общаго начала, чтобы лица, высылаемые въ видахъ предосторожности для охраненія общественнаго порядка, не были лишаемы способомъ высылки средствъ къ дальнѣйшему существованію.

Въ концѣ засѣданія главный начальникъ сообщилъ Комиссіи о состоявшемся высочайшемъ соизволеніи на приглашеніе министровъ присутствовать въ засѣданіяхъ Комиссіи въ важныхъ случаяхъ при обсужденіи вопросовъ, касающихся ихъ вѣдомствъ.

На другой день, 5-го марта, въ засѣданіе Верховной Распорядительной Комиссіи приглашенъ былъ с.-петербургскій городской голова и четыре гласные думы для изложенія своихъ соображеній о причинахъ печальныхъ явленій послѣдняго времени и о мѣрахъ къ прекращенію ихъ. Представители столицы высказались въ смыслѣ заключеній самой Комиссіи, дополнивъ ихъ выраженіемъ желанія, чтобы облегчено было положеніе учащейся молодежи по присканію занятій и квартиръ; чтобы низшему классу населенія пре-

доставлены были нѣкоторыя удобства измѣненіемъ часовъ по торговлѣ съѣстными припасами и чтобы городъ былъ облегченъ по отправленію повинностей о сторожевой службѣ дворниковъ. Они заявили при этомъ, что учрежденіе дополнительныхъ дворниковъ и возложеніе на нихъ исключительно полицейскихъ обязанностей не оправдываются послѣдствіями этой мѣры, такъ какъ не произошло еще ни одного случая обнаруженія дворникомъ какихъ либо крупныхъ преступленій, а развѣ только уменьшилось количество малыхъ кражъ, между тѣмъ какъ расходъ на дополнительныхъ дворниковъ стоитъ городу въ общей сложности болѣе милліона рублей.

Въ продолженіе марта Верховная Распорядительная Комиссія имѣла еще два засѣданія. 11-го -- она, по предложенію главнаго начальника, постановила просить министра юстиціи сдѣлать распоряженіе о разсмотрѣніи дознаній по государственнымъ преступленіямъ чинами и учрежденіями судебного вѣдомства въ установленные закономъ сроки, а III Отдѣленіе—не останавливать теченія дѣлъ этого рода и давать имъ направленіе въ самое непродолжительное по возможности время. Выслушавъ докладъ двухъ своихъ членовъ, которымъ было поручено обозрѣть мѣста заключенія въ Петербургѣ и которые заявили, что въ нихъ содержится 197 лицъ, обвиняемыхъ по государственнымъ преступленіямъ, Комиссія опредѣлила разъяснить кому слѣдуетъ самыя правила 1-го сентября 1878 года и непримѣнимость ихъ къ дѣламъ, подлежащимъ дѣйствію закона 19-го мая 1871 года. Въ виду сообщенія о пересмотрѣ этого вопроса въ особой комиссіи при министерствѣ юстиціи, Верховная Распорядительная Комиссія отложила обсужденіе общаго вопроса о недостаткахъ существующаго порядка производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ впредь до разсмотрѣнія его министерствомъ юстиціи и приняла къ свѣдѣнію сообщеніе графа Лорпсъ-Меликова о послѣдовавшемъ высочайшемъ утвержденіи его доклада о мѣрахъ къ объединенію дѣйствій между главными начальниками губерній и губернаторамъ съ одной стороны и чинами корпуса жандармовъ, пребывающими въ губерніяхъ—съ другой.

Въ засѣданіи 24-го марта графъ Лорпсъ-Меликовъ сообщилъ Комиссіи о цѣломъ рядѣ мѣръ, принятыхъ имъ съ цѣлью улучшить существующій порядокъ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Для ускоренія этого производства и въ видѣ временной, негласной мѣры, онъ испросилъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы политическія дѣла рѣшались по личнымъ его всеподданнѣйшимъ докладамъ или же въ его присутствіи, по докладамъ миши-

стра юстиціи. Розыскъ по дѣламъ политическимъ въ Петербургѣ выдѣленъ изъ вѣдѣнія III Отдѣленія и сосредоточенъ въ секретномъ отдѣленіи при управленіи градоначальника. Генералъ-губернаторамъ предложено при конфирмаціи приговоровъ военныхъ судовъ замѣнять смертную казнь осужденныхъ государственныхъ преступниковъ не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія.

Въ томъ же засѣданіи Комиссія разсматривала докладъ двухъ своихъ членовъ, которымъ было поручено собрать свѣдѣнія о лицахъ, содержащихся въ Петербургѣ подъ стражею, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ. Усмотрѣвъ изъ него, что къ большей части лицъ этихъ неправильно примѣненъ порядокъ дознанія, установленный временными правилами 1-го сентября 1878 года, сопряженный въ лишеніемъ свободы заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности безъ достаточныхъ къ тому основаній, и признавая, что подобные случаи помимо личнаго матеріальнаго и нравственнаго вреда, причиняемаго лицамъ неправильно арестованнымъ, имѣютъ весьма вредныя послѣдствія для государственнаго порядка, ибо колеблютъ довѣріе къ дѣйствіямъ правительства, создаютъ недовольныхъ, вызываютъ раздраженіе умовъ и тѣмъ самымъ затрудняютъ для правительства борьбу съ преступною пропагандою, Комиссія нашла нужнымъ принять мѣры къ примѣненію вышеозначенныхъ правилъ съ особою осмотрительностью, не иначе какъ по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, вызывающихъ подозрѣніе о чьей либо политической неблагонадежности и подъ личною отвѣтственностью подлежащихъ должностныхъ лицъ за явно неосновательное лишеніе свободы. Сверхъ того Комиссія признала, что самые обыски происходятъ нерѣдко безъ должной осмотрительности, не приводя ни къ какимъ практическимъ результатамъ, что также вредитъ дѣлу государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, а потому рѣшила преподать властямъ, производящимъ аресты и обыски, точныя по этому предмету наставленія. Обсуждался и вопросъ о подчиненіи тюремъ разнымъ управленіямъ и о происходящихъ отъ того неудобствахъ, и разсматривались списки поднадзорныхъ, коихъ оказалось, по свѣдѣніямъ III Отдѣленія: 6,790 по дѣламъ политическимъ и 24,362—по прочимъ, всего 31,152 чело-вѣка. Наконецъ графъ Лорисъ-Меликовъ, указавъ на существующее разнообразіе основаній по высылкѣ административнымъ порядкомъ, выразилъ мнѣніе о необходимости установить по возможности однообразныя начала по столь важному предмету. Разработку этого вопроса Комиссія поручила одному изъ своихъ членовъ, сенатору Ковалевскому. Независимо отъ сего, Комиссія нашла, что многіе изъ числа подвергшихся полицейскому надзору по обви-

ненію въ политической неблагонадежности, а равно принадлежащихъ къ учащейся молодежи, вынужденныхъ, вслѣдствіе высылки, прервать образованіе, уже сознали свои заблужденія и даже заслужили одобрительную аттестацію подлежащаго начальства, а потому Комиссія полагала: подвергнуть списки поднадзорныхъ тщательному пересмотру съ цѣлью освободить лицъ, исправившихся въ поведеніи и нравственности, или вовсе отъ полицейскаго надзора, или съ нѣкоторыми ограниченіями. На эту послѣднюю мѣру послѣдовало высочайшее соизволеніе¹, и сущность ея изложена въ сообщеніи, обнародованномъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», съ прибавленіемъ, что для выполненія сей высочайшей воли приступлено уже къ необходимымъ распоряженіямъ².

Докладывая государю о всѣхъ предположеніяхъ и дѣйствіяхъ Верховной Распорядительной Комиссіи и испрашивая имъ высочайшее утвержденіе, графъ Лорисъ-Меликовъ высказывалъ и общій свой взглядъ на внутреннее положеніе Россіи и на разьединеніе правительственныхъ органовъ, какъ на главную причину неуспѣха борьбы правительства съ крамолой. Такъ, въ докладѣ отъ 22-го марта онъ писалъ: «Нѣсколько дней исполненія обязанностей, возложенныхъ на меня высочайшимъ довѣріемъ вашего императорскаго величества, привели меня къ убѣжденію, что вѣрноподданнѣйшій долгъ повелѣваетъ мнѣ нынѣ же, не откладывая ни одного дня, откровенно донести вашему величеству о положеніи вѣрннаго мнѣ дѣла. Медлить было бы преступно и предъ лицомъ вашего величества, и предъ Россіею. Въ борьбѣ съ революціонными стремленіями всякій неуспѣхъ дѣйствій правительственной власти неминуемо влечетъ за собою усиленіе крамолы, и потому успѣхъ необходимъ и притомъ—быстрый. Увѣренность въ этомъ указываетъ мнѣ и путь къ достиженію цѣли. Если близкому будущему можетъ принадлежать изученіе тѣхъ способовъ, кои должны повести къ ослабленію воспріимчивости различныхъ составныхъ частей населенія къ революціоннымъ началамъ, несвойственнымъ русскому народу,—то задача настоящаго подавить крамолу въ дерзкихъ ея проявленіяхъ и тѣмъ доказать силу правительственной власти и отторгнуть отъ революціи колеблющихся». Необходимымъ условіемъ успѣха графъ Лорисъ-Мелпковъ признавалъ единство правительственныхъ мѣръ и усилій, раздѣленныхъ по существующему порядку между различными учрежденіями: III Отдѣленіемъ, министерствами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и еще многими другими

¹ 3-го апрѣля 1880 г.

² 5-го апрѣля 1880 г.

вѣдомствамъ. Раздѣленіе это графъ называлъ «главнымъ большимъ мѣстомъ» администраціи. «Я увѣрился»—заключалъ онъ— «что чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ вліяніе этой разрозненности сильнѣе не только на прямой неуспѣхъ правительственныхъ дѣйствій, но и на весь ходъ правительственныхъ дѣлъ».

Государь вполнѣ согласился съ этими доводами доклада главнаго начальника Верховной Распорядительной Комиссіи, послѣдствіемъ коего было подчиненіе ему III Отдѣленія. Уволенный отъ должности шефа жандармовъ, генераль-адъютантъ Дрентельнъ назначенъ вскорѣ послѣ того кievскимъ генераль-губернаторомъ, вмѣсто отозваннаго генераль-адъютанта Черткова.

Въ первыхъ числахъ апрѣля графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ императору Александру пространный докладъ, въ которомъ, отдавъ отчетъ въ своей дѣятельности, изложилъ цѣлую правительственную программу.

Указавъ на возложенную на него высочайшимъ довѣріемъ задачу—охранить государственный порядокъ и общественное спокойствіе и объединить направленные къ тому дѣйствія всѣхъ властей, графъ признавалъ предоставленные ему для того полномочія столь широкими, «что идти далѣе по этому пути совершенно невозможно». Впечатлѣніе, произведенное указомъ объ учрежденіи Верховной Распорядительной Комиссіи, онъ находилъ «въ высшей степени благотворнымъ», такъ какъ мѣра эта устранила злоумышленниковъ, доказавъ твердую рѣшимость правительства положить во что бы ни стало предѣлъ ихъ покушеніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила надежды благомыслящей части общества и отчасти успокоила ее, намѣтивъ рѣшимость правительства не останавливаться на мѣрахъ внѣшняго свойства.

«Произведенное указомъ 12-го февраля впечатлѣніе»—развивалъ графъ мысль свою—«не есть случайное и отнюдь не должно быть скоропреходящимъ. Въ этомъ впечатлѣніи выразились не только исторически выработавшіяся, завѣтныя черты русскаго народа, довѣріе къ мудрымъ предначертаніямъ своего государя, но и упованіе, что тотъ монархъ, который вѣрною рукою поставилъ Россію въ другую страшную для нея минуту на путь процвѣтанія, столь же твердо и рѣшительно укажетъ исполнителямъ его воли на слободы къ избавленію той же Россіи отъ встрѣченныхъ ею на томъ же пути искусственныхъ преградъ. Такія чувства—лучшій залогъ для будущаго и ими нельзя не дорожить. Съ ними не страшны для государственной власти въ Россіи ни лжеученія Запада, ни доморощенные безумцы. Но чувства эти должны быть удовлетворены, насколько это въ настоящее время возможно, иначе госу-

дарственная язва будетъ все болѣе и болѣе захватывать здоровыя части государственнаго организма, тѣсно связанныя между собою. Правительство въ эпоху, переживаемую нынѣ Россією, должно уяснить себѣ разнородныя явленія, порождаемыя общимъ теченіемъ государственной жизни въ связи ихъ между собою и прошедшимъ государства, и отдѣлить въ нихъ случайное отъ неизбежнаго. Только такое сознательное отношеніе къ этимъ явленіямъ можетъ указать на дѣйствительныя средства къ уврачеванію болѣзни».

Докладъ перечислялъ мѣры, принятыя въ продолженіе истекшихъ трехъ мѣсяцевъ съ цѣлью, съ одной стороны, объединить и усилить охранительную дѣятельность въ мѣстѣ пребыванія государя, съ другой—изучить разнородныя причины, приведшія къ настоящему затруднительному положенію, разъяснить общественное настроеніе и изыскать способы къ полному возстановленію порядка. То были: объединеніе дѣятельности полицейскихъ и жандармскихъ властей, преобразование розыскной части въ столицѣ и усиленіе полицейскихъ средствъ, установленіе болѣе быстрого движенія дознаній и болѣе внимательнаго къ нимъ отношенія. Отъ всѣхъ этихъ мѣръ графъ Лорисъ-Меликовъ ожидалъ наилучшихъ послѣдствій и выражалъ намѣреніе въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ продолжать неуклонно слѣдовать усвоенной имъ и высочайше одобренной системѣ.

«Засимъ, переходя къ другой сторонѣ своей дѣятельности»—читаемъ далѣе въ докладѣ—«считаю всеподданнѣйшимъ долгомъ откровенно высказать вашему величеству, въ сжатомъ по возможности видѣ, нѣкоторыя мои соображенія и истекающіе изъ нихъ выводы.

«Время особаго усиленія социалистическихъ ученій въ Европѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда общественная жизнь въ Россіи находилась въ періодѣ великихъ преобразованій, ознаменовавшихъ славное царствованіе вашего величества. Ученія эти находили здѣсь, какъ и вездѣ, послѣдователей, но число таковыхъ не могло быть велико и вліяніе ихъ не было замѣтно на первыхъ порахъ. Внутри государства не существовало удобнаго для нихъ класса—земледѣльческаго пролетаріата, а созданная реформами жизнь занимала и во многомъ удовлетворяла умственные силы развитыхъ элементовъ общества, подроставшее же поколѣніе, такъ называемая учащаяся молодежь, не могло не помнить прежнихъ порядковъ и съ довѣріемъ относилось къ будущему. Никогда, и можетъ быть нигдѣ, сила правительственной власти не выражалась блистательнѣе и торжественнѣе, какъ въ то время, и никогда составныя части русскаго общества не были одушевлены болѣе сознательно при-

верженностью къ лицу своего монарха. Прочность такого настроенія зависѣла отъ хода самихъ преобразованій, отъ правильной ихъ постановки, отъ урегулированія и пополненія ихъ. При продолжительности же этого настроенія законный порядокъ, принаровленный къ потребностямъ времени и историческимъ условіямъ, успѣлъ бы настолько укорениться, что предстоявшая неизбежная борьба началъ порядка съ нарождавшимися лжеученіями не могла бы сопровождаться особенною опасностью для государственнаго строя.

«Къ несчастію»—продолжалъ докладъ—«не таковъ былъ ходъ дѣла. Новые порядки создалъ во многихъ отрасляхъ управленія новое положеніе для представителей власти, требовавшее другихъ знаній, другихъ приемовъ дѣятельности, иныхъ способностей, чѣмъ прежде. Истина эта не была достаточно усвоена и далеко не все органы власти заняли подлежащее имъ мѣсто. Ложно понятое назначеніе въ общемъ государственномъ строѣ повело къ ряду нарушеній прямыхъ обязанностей, къ ряду столкновеній. Неизбѣжныя ошибки, часто увлеченіе, еще чаще неумѣніе припрорваться къ новымъ порядкамъ и руководить обстоятельствами и людьми вызвали отдѣльные прискорбные факты, изъ которыхъ стали выводиться общія заключенія въ невыгоду новыхъ началъ, проведенныхъ въ жизнь. Разнообразіе взглядовъ, проявившееся въ обществѣ, проникло и въ правительственныя вліятельныя сферы, гдѣ также стали образовываться подобія партій, стремившихся провести въ дѣло свои убѣжденія при каждомъ удобномъ случаѣ. Затаянная борьба увлекала мнѣнія въ крайности. Одни стремились не только къ урегулированію реформъ, но и къ упраздненію ихъ послѣдствій. Другіе стали на ихъ сторону, защищая съ одинаковою горячностью основныя ихъ начала и неизбежныя недостатки. Самыя умѣренныя попытки урегулировать дѣйствіе реформъ и пополнить недостатки законодательства по нетронутымъ отраслямъ управленія встрѣчались съ явнымъ или скрытымъ противодействіемъ или оставались безъ движенія. Такая участь постигла предугазанные высочайшею волею вопросы первой важности, какковы: возвышеніе нравственнаго уровня нашего духовенства, реформа податная, преобразование губернскихъ административныхъ учрежденій, установленіе отношеній нанимателей къ рабочимъ, дарованіе правъ раскольникамъ, переустройство тюремъ и многія другія. Безчисленный рядъ комиссій, безконечныя, бесплодныя переписки раздражали общественное мнѣніе и не удовлетворяли никого. Все тонуло въ канцеляріяхъ, и застой этотъ отражался на дѣятельности вновь созданныхъ учрежденій.

Докладъ указывалъ затѣмъ на неудовлетворительный ходъ и развитіе главнѣйшихъ преобразованій царствованія: «Крестьянское дѣло послѣ кипучей дѣятельности первыхъ дней вошло въ общую колею и неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ создало такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которое могло казаться полезнымъ лишь въ первые дни великой реформы. Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе, несмягчаемое нисколько вліяніемъ прокуратуры, далеко не усвоившей себѣ надлежащаго значенія. Личный составъ судебныхъ учрежденій неосторожно критическимъ и часто непріязненнымъ отношеніемъ къ окружающимъ его порядкамъ усилилъ подобное же отношеніе къ этимъ порядкамъ въ другихъ общественныхъ слояхъ. Адвокатура заняла мѣсто, непонятное для простаго ума, и затронула многія молчавшія до того струны. Духовенство продолжало, за рѣдкими исключительными явленіями, коснѣть въ невѣжествѣ и мало по малу лишалось и того вліянія, какое имѣло прежде. Оно отовсюду систематически устранялось, приходы закрывались, духовныя семинаріи оставались прежними бурсами. Значеніе дворянства, какъ сословія, ступевалось, мало чѣмъ поддерживаемое. Земство, притягившее сначала лучшія силы мѣстнаго населенія, не могло остаться долго на той же высотѣ, при отсутствіи средствъ къ болѣе широкому исполненію мѣстныхъ задачъ и при недостаткѣ оживляющей правительственной поддержки. Городское самоуправленіе рѣдко гдѣ встрѣтило на первыхъ же шагахъ сочувственное отношеніе администраціи къ своимъ нуждамъ и правамъ. Кромѣ того общія потребности населенія возростали, а положеніе нашихъ финансовъ разстроилось чрезвычайными военными издержками. Цѣнность бумажнаго рубля упала, цѣнность продуктовъ увеличилась, появились новые налоги. Всѣ возбужденныя такими и подобными явленіями неудовольствія, болѣе или менѣе основательныя разочарованія, при застоѣ насущныхъ вопросовъ, указанныхъ уже вашимъ величествомъ къ разрѣшенію, усиливали съ каждымъ годомъ число недовольныхъ и уменьшали устойчивость почвы подъ началами государственнаго порядка. Параллельно съ этимъ увеличивалась рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ учрежденій, призванныхъ къ охраненію порядка, а вліяніе соціальныхъ ученій росло».

Начертавъ общую картину внутренняго состоянія Россіи, графъ Лорисъ-Меликовъ переходилъ къ положенію учебной и воспитательной части въ связи съ настроеніемъ учащейся молодежи: «Народившееся за это время молодое поколѣніе не было уже свидѣтелемъ

до-реформенныхъ безобразій; точка отправленія его ожиданій была уже не та, что для прежнихъ поколѣній, и воспріимчивость къ впечатлѣніямъ окружающей жизни была сильнѣе. Необходима была рука твердая, но не рѣзкая, руководимая не исключительно сухой системою, но и извѣстною долею сердечности, чтобы сдерживать наружныя проявленія горячки учащейся молодежи, чтобы направить ея стремленія, чтобы приготовить изъ нея полезныхъ и надежныхъ дѣятелей для будущаго. Къ несчастію, въ эту эпоху руководство учебнымъ вѣдомствомъ не было сопутствуемо описанными чертами, что было тѣмъ болѣе прискорбно, что руководящая власть была вооружена новою учебною системою и новыми уставами среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣвшихъ за собою поддержки общественнаго мнѣнія. Чтобы возбудить эту поддержку, необходима была извѣстная мягкость пріемовъ и формъ. Противуположный способъ привелъ къ еще болѣешему раздраженію общественнаго мнѣнія и масса молодыхъ людей, враждебно отнесшаяся къ предъявленнымъ къ ней требованіямъ, встрѣтила въ семьѣ и обществѣ не осужденіе, а сочувствіе. Молодые люди, не кончивъ научной подготовки, не приспособленные къ труду и къ практической дѣятельности, стали выбрасываться школою въ жизнь и стали искать исхода въ дѣятельности внѣ закона, пополняя собою ряды послѣдователей социальныхъ лжеученій. Семья и общество, мало знакомыя, собственно говоря, съ сущностью этихъ лжеученій и подъ впечатлѣніемъ чувства неудовлетворенности общимъ ходомъ дѣла, отнеслись равнодушно къ проявленіямъ крайнихъ теорій. Не находя себѣ отпора или даже авторитетныхъ порицателей, теоріи эти, схватываемыя безъ критики и клочками, загниѣли въ цѣлыхъ кружкахъ и начали проявляться наружу. Первые подобныя проявленія были признаны за болѣзненные наросты, а не за выраженія болѣзни, требующей внимательнаго изученія и въ особенности санитарныхъ мѣръ для сокращенія ея эпидемическихъ свойствъ. Сообразно сему и мѣры были приняты исключительно полицейскаго характера: обыски, аресты, административная высылка и военный судъ. Мѣры эти, принимавшіяся безъ системы, подъ вліяніемъ раздраженія, не излѣчили ранъ, а породили новую массу недовольныхъ, тѣмъ болѣе, что при разрозненности и торопливости дѣйствій правительственныхъ властей допускалось смѣшеніе всѣхъ родовъ и видовъ теорій, если онѣ не согласовались съ установленнымъ порядкомъ вещей, а въ этомъ смѣшеніи часто упускались крайніе анархисты». Въ довершеніе обзора докладъ упоминалъ еще о двухъ фактахъ, вліявшихъ на общественное неудовольствіе: обнаруженіе судомъ прискорбной неправильности дѣйствій многихъ административныхъ лицъ и отсутствіе надлежащаго руководства періодическою печатью.

Обращаясь къ желаніямъ и ожиданіямъ, проявившимся въ русскомъ обществѣ, графъ Лорисъ-Мелниковъ свидѣтельствовалъ, что какъ тѣ, такъ и другіе чрезвычайно разнообразны, истекая изъ личныхъ воззрѣній. Одни удовольствовались бы единичными частными улучшениями, другіе желаютъ преобразованій болѣе общихъ, третьи хотятъ возврата отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному порядку, четвертые облегченія тяжести налоговъ, улучшения финансоваго управленія. Жалуются на распущенный порядокъ разныхъ вѣдомствъ, на чрезмѣрное отягощеніе бюджета, на недостатки духовенства, въ особенности на учебное вѣдомство, которое, по отзыву графа, «возбудило противъ себя и государственныхъ сановниковъ, и духовенство, и дворянство, и ученое сословіе, и земство и города; однимъ словомъ — всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія». Наконецъ выражаются желанія объ учрежденіи народнаго представительства либо въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, либо на началахъ древне-русскихъ, либо призывомъ представителей земства въ составъ Государственнаго Совѣта.

Собственное мнѣніе по послѣднему предмету главный начальникъ Верховной Распорядительной Комиссіи выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

«По глубокому моему убѣжденію, никакое преобразованіе въ смыслѣ этихъ предположеній не только не было бы намъ полезно, но было бы, по совершенной своей несвоевременности, вредно. Народъ о нихъ не думаетъ и не понялъ бы ихъ. Образованные слои, изъ которыхъ въ томъ или другомъ видѣ явились бы представители, находятся нынѣ, какъ мною очерчено выше, въ положеніи неудовлетворенности. Всѣ жалобы, всѣ сѣтованія, всѣ разнообразныя желанія принесены были бы съ собою представителями и предъявлены правительству, вмѣстѣ съ критикою на всѣ его дѣйствія въ такія минуты, когда оно не въ состояніи опровергнуть критику указаніемъ на бережливость въ издержкахъ, на внутреннее благоустройство и относительный порядокъ въ разныхъ частяхъ управленія. Самая мѣра имѣла бы видъ, вынужденный обстоятельствами, и такъ была бы понята и внутри государства и за границею. Я совершенно убѣжденъ, что если бы подобная мѣра входила даже, въ той или другой формѣ, въ великодушныя предначертанія ваши, всемиловѣйшіи государь, то нынѣ она была бы не своевременна и вредна. Нельзя упускать изъ виду ту непреложную истину, что опыты въ крупныхъ реформахъ не должны быть допускаемы, такъ какъ отнятіе разъ данныхъ правъ влечетъ за собою крайне опасныя послѣдствія. Я увѣренъ, что если Россія и

переживаетъ теперь опасный кризисъ, то вывести ее изъ этого кризиса всего доступнѣе твердой самодержавной волѣ прирожденнаго государя.

«Но, государь»—заключалъ графъ Лорисъ-Меликовъ—«по глубокой преданности вамъ дерзаю всеподданиѣйше высказать, что задача эта не можетъ быть исполнена только карательными и полицейскими мѣрами. Необходимы и такія мѣропріятія, которыя доказали бы и народу, и образованнымъ слоямъ русскаго общества, что сердце самодержавнаго монарха наполнено и нынѣ тѣми же чувствами всеобъемлющей любви и благодти, какія переполняли его двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Доказать то, что есть — не трудно, всемілостивѣйшій государь, но терять времени уже нельзя. Теперь, какъ послѣ Крымской войны, оставившей Россію въ положеніи, быть можетъ, еще болѣе натянутомъ, чѣмъ нынѣ, всѣ взоры, всѣ надежды и упованія любящей, и мыслящей Россіи устремлены на священную особу вашего величества. Необходимы, рядомъ съ мѣрами непоколебимой твердости къ злоумышленникамъ, и мѣры, которыя отняли бы почву изъ-подъ вредныхъ лжеученій и укрѣпили бы ее для законнаго порядка. Тогда оживленная вновь Россія сумѣетъ побороть тѣ хаотическіе призраки, какіе представляются въ туманной дали лжепророками новаго времени. Безъ этого одни злодѣи будутъ смѣнять другихъ, оставляя за собою ядъ для будущихъ поколѣній».

Предположенныя графомъ Лорисъ-Меликовымъ государственныя мѣропріятія были слѣдующія:

«1) Идти твердо и рѣшительно въ дѣлѣ преслѣдованія злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, но не смѣшивать съ ними людей, не участвующихъ въ преступной соціальной партіи, а виновныхъ лишь въ проступкахъ, не имѣющихъ прямого соотношенія къ соціально-революционнымъ проявленіямъ.

«2) Всемиѣрно стремиться къ установленію полного единства дѣйствій всѣхъ органовъ правительственной власти, призванныхъ къ борьбѣ съ преступными лжеученіями. Сюда относятся преобразовательныя мѣропріятія къ объединенію, сосредоточенію и усиленію дѣятельности разнаго рода полицій и направительное руководство министерства юстиціи, судебныхъ учреждений и въ особенности — прокуратуръ, безъ чего успѣхъ мѣропріятій полицейскихъ затрудненъ.

«3) Съ постепеннымъ достиженіемъ указанныхъ въ предъидущихъ пунктахъ цѣлей, стремиться къ возвращенію отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ.

«4) Побудить правительственныя учрежденія и лица къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ народа, общества и къ его представителямъ. Нельзя не оказывать благорасположеннаго участія къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства, къ потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены высочайшею волею вашего императорскаго величества и осуществленіе коихъ останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ. Полезно было бы привлечь и дворянство, и земство, и города къ участию въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ.

«5) Возстановить утраченное учебнымъ вѣдомствомъ довѣріе всѣхъ сословіи и всѣхъ слоевъ общества, не касаясь коренныхъ основъ учебной системы. Необходимыя для этого измѣненія въ личномъ составѣ управленія учебнымъ вѣдомствомъ будутъ встрѣчены величайшимъ сочувствіемъ всею Россіею. Безъ этихъ пзмѣненій успѣхъ принимаемыхъ мѣръ будетъ постепенно парализоваться новыми наслоеніями вредныхъ элементовъ, тревожныхъ для настоящаго и грозныхъ для будущаго.

«Направленіе вѣдомствъ»—такъ кончался достопамятный докладъ—«зависитъ преимущественно отъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. Задача ихъ—быть точными исполнителями благихъ предначертаній вашего величества на счастье Россіи и ея народовъ. Велика ихъ отвѣтственность передъ потомствомъ и глубоко должно быть сознаніе ихъ въ томъ, что они—слуги своего дѣла и что одна изъ существеннѣйшихъ ихъ цѣлей есть привлеченіе сердецъ къ источнику власти въ Россіи. Въ тяжкія минуты государственной жизни, подобныя переживаемымъ нынѣ, они болѣе чѣмъ когда либо должны стоять на высотѣ своего призванія, и по складу способностей, и по любви къ управляемымъ. Безъ этихъ условій, вмѣстѣ соединенныхъ, они не могутъ быть достойными исполнителями воли своего государя и приносятъ не пользу, а вредъ, грозящій усиленіемъ тѣхъ осложненій, которыя привели насъ къ настоящему тяжкому времени».

Одобренныя императоромъ Александромъ мысли, изложенныя въ докладѣ графа Лорисъ-Меликова, легли въ основаніе всей его дальнѣйшей дѣятельности. По представленію его, графъ Толстой уволенъ отъ должностей министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода и замѣненъ въ первой изъ нихъ А. А. Сабуровымъ, во второй—К. П. Побѣдоносцевымъ. Облеченный безграничнымъ монаршимъ довѣріемъ, графъ Лорисъ-Меликовъ въ цир-

кулярѣ къ генералъ-губернаторомъ сообщилъ имъ новыя начала, усвоенныя правительствомъ въ борьбѣ съ соціально-революціоннымъ движеніемъ, и приглашалъ ихъ сообразоваться съ ними, указавъ на двойную цѣль, къ которой должны быть направлены всѣ успія власти: неуклонное преслѣдованіе злоумышленниковъ и успокоеніе благонадежныхъ общественныхъ элементовъ возбужденіемъ въ нихъ сочувствія къ правительственной дѣятельности.

Вскорѣ императорскій домъ, а съ нимъ и вся Россія облеклись въ глубокій трауръ. Тяжкая болѣзнь, которою нѣсколько лѣтъ уже страдала императрица Марія Александровна, вызвала еще осенью 1879 года отправленіе ея на зиму въ Каннъ, въ южной Франціи, но, чувствуя приближеніе смерти, государыня пожелала возвратиться въ Россію, къ семьѣ своей. 23-го января 1880 года она прибыла обратно въ Петербургъ; силы ея быстро падали; она уже не вставала съ постели и 22-го мая мирно опочила. Тѣло усопшей императрицы предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ 28-го того же мѣсяца.

Между тѣмъ, озабочиваясь примѣненіемъ къ дѣлу своихъ соображеній о вредѣ, причиняемомъ медленностью въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, графъ Морисъ-Меликовъ поспѣшилъ предать военному суду нѣсколько лицъ, задержанныхъ при обнаруженіи полиціею въ январѣ 1880 года трехъ тайныхъ типографій въ Петербургѣ, а также небольшого числа соучастниковъ злодѣяній предшедшихъ годовъ. Лица эти, въ числѣ двѣнадцати, приговорены судомъ къ тяжкимъ наказаніямъ, а два изъ нихъ къ смертной казни. Конfirmaція главнаго начальника Верховной Распорядительной Комиссіи даровала жизнь осужденнымъ, приговореннымъ къ смерти, и смягчила нѣсколькими степенями наказаніе всѣмъ прочимъ. Также точно смягчены всѣ приговоры военныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ въ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ, и ни одинъ изъ преступниковъ, присужденныхъ ими къ смерти, не казненъ.

Признанія одного изъ главныхъ участниковъ террористической шайки, образовавшейся на Лишецкомъ съѣздѣ 1879 года, Гольденберга, убійцы князя Крапоткина, задержаннаго въ Харьковѣ въ октябрѣ того же года, навели власти на слѣдъ этого преступнаго сообщества и обнаружили оставшіяся дотолѣ неизвѣстными подробности покушеній на цареубійство, произведенныхъ осенью 1879 года въ Александровскѣ и въ Москвѣ. Разслѣдованія на мѣстѣ подтвердили вполнѣ эти показанія, но не повели къ розысканію и задержанію дѣятельнѣйшихъ изъ террористовъ и только немногіе изъ нихъ были

задержаны. Большинство осталось на свободѣ и въ теченіе весны и лѣта 1880 года упорно продолжало осуществленіе своихъ преступныхъ замысловъ. Въ Одессѣ, на Итальянской улицѣ, готовился минированный подкопъ, на случай проѣзда государя черезъ этотъ городъ. Въ Петербургѣ подъ Каменнымъ мостомъ на Екатерининскомъ каналѣ, по пути обычнаго слѣдованія императора съ Царскосельскаго вокзала въ Зимній дворецъ, положены были подушки съ динамитомъ, которыя должны были быть взорваны при высочайшемъ проѣздѣ. Злодѣяніе это не было совершенно лишь потому, что одинъ изъ заговорщиковъ запоздалъ прибытіемъ на мѣсто, а вскорѣ послѣ того императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ. Приготовленія къ взрыву полотна Николаевской желѣзной дороги близъ станціи Окуловской подъ царскимъ поѣздомъ тоже были начаты, но не доведены до конца.

Всѣ эти преступные замыслы и предпріятія оставались неизвѣстными властямъ и были обнаружены лишь въ слѣдующее царствованіе. Не видя острыхъ проявленій революціонной дѣятельности, графъ Лорисъ-Меликовъ вѣрилъ въ успокоеніе умовъ, вызванное переменною правительственной системы, даже въ средѣ самыхъ закоренѣлыхъ злоумышленниковъ, и убѣжденіе это успѣлъ вселить и въ самого императора.

6-го августа состоялся именной высочайшій указъ Сенату, въ которомъ изображено: «Слѣдя со дня учрежденія Верховной Распорядительной Комиссіи за мѣропріятіями главнаго начальника оной, мы убѣдились, что ближайшая цѣль учрежденія Комиссіи—объединеніе дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою—настолько уже достигнута вполне согласными съ видами нашими распоряженіями генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, что дальнѣйшія указанія наши по охраненію государственнаго порядка и общественаго спокойствія могутъ быть приводимы въ исполненіе въ обще-установленномъ законѣмъ порядкѣ съ нѣкоторымъ лишь расширеніемъ круга вѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ».

Въ силу этихъ соображеній, а также съ цѣлью ббльшаго на будущее время упроченія единства дѣйствій существующихъ органовъ правительственной власти: закрывалась Верховная Распорядительная комиссія, съ передачею дѣлъ ея въ министерство внутреннихъ дѣлъ; упразднялось III Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, съ передачею и его дѣлъ въ вѣдѣніе того же министерства и съ образованіемъ для завѣдыванія ими, въ составѣ онаго, департамента Государственной полиціи, впредь до возможности полнаго слиянія высшаго завѣдыванія полиціею въ государствѣ въ

одно учрежденіе упомянутого министерства; завѣдываніе Корпусомъ жандармовъ возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, на правахъ шефа жандармовъ; ему же предоставлено завершеніе возбужденныхъ Верховною Распорядительною Комиссіею вопросовъ, съ правомъ приглашать для сего въ особыя совѣщанія членовъ закрытой комиссіи; генераль-губернаторамъ и другимъ учрежденіямъ и начальствующимъ лицамъ повелѣно относиться и впредь къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому ввѣрено высшее направленіе всѣхъ слѣдственныхъ по государственнымъ преступленіямъ дѣлъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ такое направленіе принадлежало главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссіи.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, товарищемъ министра—ближайшій его сотрудникъ и довѣренный совѣтникъ статсъ-секретарь Кахановъ, вторымъ товарищемъ—свиты его величества генераль-маіоръ Черевинъ. Почта, телеграфъ и иностранныя исповѣданія выдѣлены изъ состава министерства внутреннихъ дѣлъ и во главѣ ихъ поставленъ статсъ-секретарь Маковъ въ званіи министра почтъ и телеграфовъ и главноначальствующаго надъ департаментомъ иностранныхъ исповѣданій.

Тотчасъ по вступленіи въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ представилъ на благоусмотрѣніе государя соображенія свои о новой важной правительственной мѣрѣ. «Къ числу самыхъ правильныхъ средствъ»—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 11-го августа—«къ повѣркѣ дѣйствій мѣстныхъ властей и къ изученію потребностей различныхъ частей обширной Россійской Имперіи принадлежали, въ царствованіе въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича, ревизіи губерній особо назначавшимися сенаторами. Ревизіи эти имѣли самыя благотворныя послѣдствія и, содѣйствуя къ оживленію мѣстной жизни, доставляли высшему правительству неоцѣненные матеріалы какъ для точнаго опредѣленія дѣйствительнаго положенія обривизованныхъ губерній, такъ и для выясненія необходимыхъ мѣръ къ исправленію замѣченныхъ неустройствъ». Такія ревизіи и съ тою же цѣлью министръ призналъ крайне полезными и въ настоящее время въ видахъ прочнаго охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. По мнѣнію его, онѣ послужили бы также къ выясненію разнообразныхъ возрѣній и вообще настроенія умовъ внѣ столичныхъ центровъ и къ пополненію современными данными имѣющихся въ разныхъ вѣдомствахъ свѣдѣній по слѣдующимъ, подлежащимъ разрѣшенію вопросамъ: преобразованіе ад-

министративныхъ губернскихъ учрежденій сообразно потребностямъ времени, способы къ прочному объединенію полицейскихъ властей, уясненіе степени распространенія соціально-революціонной пропаганды, изученіе вліянія административныхъ высылкъ и проч. «Настоящая минута» — утверждалъ графъ Лорисъ-Меликовъ—«была бы въ высшей степени удобною для назначенія сенаторскихъ ревизій въ шести или семи губерніяхъ различныхъ полость Имперіи. Ревизіи эти были бы крайне полезны не только для вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, но безъ сомнѣнія, и для другихъ вѣдомствъ, которыя могли бы также дополнить этимъ путемъ свѣдѣнія свои по многимъ весьма важнымъ предметамъ, какъ, напримѣръ, по предрѣшенному уже вашимъ величествомъ вопросу о замѣнѣ подушной подати. Самое назначеніе ревизій не можетъ, по моему убѣжденію, не произвести весьма успокоительнаго впечатлѣнія, какъ новое доказательство высочайшаго вашего величества попеченія о благѣ народномъ».

Императоръ Александръ утвердилъ предположенія министра внутреннихъ дѣлъ, согласно которымъ назначены для производства ревизій сенаторы: Ковалевскій—въ губерніяхъ Казанской, Костромской, впоследствии въ Оренбургской и Уфимской; Мординовъ—въ Тамбовской и Воронежской; Половцовъ—въ Киевской и Черниговской; Шамшинъ—въ Саратовской ¹.

Комиссія изъ представителей различныхъ вѣдомствъ выработала особое наставленіе ревизующимъ сенаторамъ, поднесенное министромъ юстиціи на высочайшее утвержденіе. Наставленіе это представляло программу, широко охватывавшую всѣ главнѣйшія отрасли внутреннаго управленія. Сенаторы приглашались подвергнуть тщательному изслѣдованію и подробной разработкѣ нижеслѣдующіе вопросы:

1) По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ: о распространеніи въ Россіи соціально-революціонныхъ лжеученій; объ административной высылкѣ и ея послѣдствіяхъ; о настроеніи умовъ крестьянскаго населенія, въ особенности по поводу слуховъ о новомъ надѣленіи землею; объ экономическомъ положеніи мѣстнаго населенія въ связи съ причинами упадка народнаго благосостоянія и общественной нравственности; о недостаткахъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и въ частности общественнаго крестьянскаго управленія; о предоставленномъ сельскимъ обще-

¹ 27-го августа 1880 г.

ствамъ правѣ исключать или не принимать обратно порочныхъ своихъ членовъ; о дѣятельности земскихъ учреждений и о степени удовлетворительности личнаго ихъ состава, а также о пререканіяхъ земствъ съ правительственными органами; о правильности примѣненія городского положенія; о преобразованіи и объединеніи дѣйствій всѣхъ административныхъ учреждений въ губерніяхъ и уѣздахъ, а равно и полицейскихъ властей различныхъ наименованій; объ отношеніяхъ корпуса жандармовъ къ общей полиціи; о санитарныхъ условіяхъ городовъ; о положеніи раскольниковъ и евреевъ.

2) По судебному вѣдомству: объ отношеніяхъ прокурорскаго надзора къ судебнымъ и административнымъ учреждениямъ, о личномъ и количественномъ его составѣ; о состояніи мѣстъ заключенія и о надзорѣ за арестантами; объ участіи полиціи въ разслѣдованіи преступленій; объ улучшеніи порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей; о степени удовлетворительности мировыхъ судебныхъ установленій; о присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ лицахъ, коимъ предоставлено право ходатайствовать предъ судомъ; о порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ.

3) По финансовому вѣдомству: о предположенномъ сліянніи управленій акцизными сборами съ казенными палатами; о тяжести и недостаткахъ подушной подати; о причинахъ накопленія недоимокъ, какъ постоянныхъ, такъ и случайныхъ, и о мѣрахъ къ ихъ предотвращенію; объ отмѣнѣ акциза на соль; о положеніи ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго населенія; о техническомъ образованіи и недостаткѣ въ техникахъ; о вліяніи сельскихъ банковъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ на благосостояніе крестьянъ; о положеніи евреевъ въ промышленности и торговлѣ; о недостаткахъ паспортной системы.

4) По вѣдомству государственныхъ имуществъ: о сліянніи мѣстныхъ органовъ этого министерства съ общими губернскими учреждениями; о недостаткахъ существующаго порядка сдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей; о сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ; о переселенческомъ движеніи; о привлеченіи земствъ и частныхъ лицъ къ совокушной съ министерствомъ дѣятельности по сельскому хозяйству; о введеніи правильнаго лѣснаго хозяйства и мѣрахъ къ охраненію лѣсовъ; о временныхъ отношеніяхъ сельскихъ хозяевъ и рабочихъ; о введеніи минеральнаго топлива.

5) По вѣдомству народнаго просвѣщенія: о состояніи университетовъ Казанскаго и св. Владиміра въ Кіевѣ и о взаим-

ныхъ отношеніяхъ попечителей учебныхъ округовъ съ университетскими совѣтами; о среднемъ образованіи вообще и въ частности о положеніи реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, училищъ городскихъ и народныхъ; о привлеченіи земствъ и городовъ къ болѣе дѣятельному участию къ народномъ образованіи.

б) По вѣдомству путей сообщенія: о содержаніи и распределеніи бечевниковъ и о денежныхъ сборахъ съ судовъ; о порядкѣ завѣдыванія шоссейными дорогами; о привлеченіи земствъ и городовъ къ устройству подъѣздныхъ путей къ желѣзнымъ дорогамъ и къ судоходнымъ рѣкамъ и каналамъ.

Осенью 1880 года ревизующіе сенаторы отправились къ мѣстамъ своего назначенія.

17-го августа императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Ливадію. Тамъ, 30-го того же мѣсяца, въ день своихъ именинъ, онъ пожаловалъ графу Лорисъ-Меликову орденъ св. Андрея Первозваннаго при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ такъ выразился о его заслугахъ: «Настойчиво и разумно слѣдуя въ теченіе шести мѣсяцевъ указаннымъ мною путемъ къ умиротворенію и спокойствію общества, взволнованнаго дерзостью злоумышленниковъ, вы достигли такихъ успѣшныхъ результатовъ, что оказалось возможнымъ если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ мѣръ, и нынѣ Россія можетъ вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія». Въ Ливадіи же состоялось увольненіе генераль-адъютанта Грейга отъ должности министра финансовъ и назначеніе на этотъ постъ А. А. Абазы¹. Проведя всю осень на Южномъ берегу Крыма, государь возвратился въ Петербургъ 28-го ноября. Два дня спустя обнародованъ высочайшій указъ Сенату, отмѣняющій акцизъ на соль, съ 1-го января будущаго 1881 года².

Между тѣмъ, нѣсколько комиссій дѣятельно трудились надъ преобразованіемъ и улучшеніемъ разныхъ частей управленія. Одной изъ нихъ порученъ былъ пересмотръ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній о печати; другая занималась разсмотрѣніемъ списковъ административно-сылныхъ и поднадзорныхъ и примѣненіемъ къ нимъ новыхъ, выработанныхъ сенаторомъ Ковалевскимъ правилъ.

Въ подлежащихъ вѣдомствахъ дѣятельно собирались матеріалы для преобразованія мѣстнаго управленія и приведенія административныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными

¹ 27-го октября 1880 г.

² 30-го ноября 1880 г.

и общественными; предполагался пересмотръ положеній 19-го февраля 1861 года и всѣхъ послѣдующихъ узаконеній по крестьянскому вопросу, а также Положеній земскаго и городского; вырабатывалась новая система обезпеченія народнаго продовольствія; изыскивались мѣры для облегченія податнаго бремени населеніи и т. п.

Наступилъ роковой 1881 годъ¹.

¹ Документы, относящіеся до государственной дѣятельности графа Мориса-Мелікова въ 1880—81 гг., сообщены автору однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа, статсъ-секретаремъ Кахановымъ, нынѣ умершимъ.

XXXIV.

Послѣдніе дни и кончина.

1881.

Докладъ графа Лорисъ-Меликова о преобразованіи внутренняго управленія. — Разслѣдованіе государственныхъ преступленій. — Судъ надъ преступниками. — Арестъ двухъ вожаковъ террористической шайки. — Приготовленія къ царубійству. — Совершеніе его. — Кончина императора Александра II.

Въ концѣ января 1881 года графъ Лорисъ-Меликовъ свидѣтельствовалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о благотворныхъ послѣдствіяхъ принятія правительствомъ системы постепеннаго возвращенія государственной жизни къ правильному ея теченію, удовлетворяющаго, по его выраженію, «внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляющаго временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи». Результаты эти графъ приписывалъ ряду государственныхъ мѣръ, принятыхъ со времени назначенія его начальникомъ Верховной Распорядительной Комиссіи, а впоследствии министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но, рассуждалъ онъ, въ видахъ прочнѣйшаго порядка, слѣдуетъ воспользоваться наступившимъ успокоеніемъ умовъ. «Великія реформы царствованія вашего величества» — читаемъ далѣе во всеподданнѣйшемъ его докладѣ — «вслѣдствіе событий, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются до сихъ поръ отчасти незаконченными, а отчасти не вполне согласованными между собою. Кромѣ того, многіе первостепенной государственной важности вопросы, давно уже предуказанные державною волею,

остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для закончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ въ центральныхъ управленіяхъ имѣется уже много матеріаловъ, добытыхъ опытомъ прошедшихъ лѣтъ и пригготовительными работами. Сенаторскія ревизіи, имѣющія главною своею цѣлью изслѣдованіе настоящаго положенія провинціи и мѣстныхъ потребностей, должны внести богатый вкладъ въ эти матеріалы и уяснить мѣстными данными то направленіе, какое для успѣха дѣла необходимо будетъ дать предстоящимъ преобразовательнымъ работамъ центральныхъ учрежденій; но и эти данныя, при окончательной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями».

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ признавалъ, что призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій и есть именно то средство, что «и полезно, и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою». Важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію представлялся при этомъ способъ осуществленія этой мысли.

Графъ Лорисъ-Меликовъ вновь и энергически высказался противъ организаціи народнаго представительства въ Россіи въ формахъ, заимствованныхъ съ Запада, чуждыхъ русскому народу, способныхъ поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту со всѣми ея неисчислимыми послѣдствіями. Онъ отвергалъ и древне-русское представительство въ формѣ Земской Думы или Земскаго Собора, находя ихъ несоотвѣтствующими нынѣшнимъ понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и также географическому его очертанію, трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ небезопаснымъ возвращеніемъ къ прошедшему. Наиболѣе практичнымъ осуществленіемъ насущной потребности представлялся ему порядокъ, уже испытанный въ первые годы царствованія императора Александра II.

По его мнѣнію, слѣдовало остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій, на подобіе организованныхъ въ 1859 году редакціонныхъ комиссій съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію, съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ.

Задуманныя графомъ Лорисъ-Меликовымъ государственныя преобразованія, направленные главнымъ образомъ къ успокоенію умовъ и къ удовлетворенію законныхъ стремленій благомыслящей

части общества, не могли не отразиться и на борьбу правительственных властей съ крамолою. Разслѣдованіе о тайныхъ преступныхъ сообществахъ продолжалось повсемѣстно, но приемы его были значительно смягчены. Обыски и аресты производились лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Изъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности, одни освобождены отъ полицейскаго надзора, другіе выпущены изъ-подъ стражи. Административная высылка почти совершенно прекращена и многіе изъ высланныхъ возвращены изъ Сибири и другихъ отдаленныхъ мѣстностей и водворены на прежнихъ мѣстахъ жительства. Одни только главные зачинщики и участники въ террористическихъ преступленіяхъ послѣдняго времени, обнаруженные дознаніями и попавшіе въ руки правосудія, осенью 1880 года, преданы въ Петербургъ военному суду въ числѣ 16-ти человекъ. Изъ нихъ пять приговорены судомъ къ смертной казни, прочіе къ каторжнымъ работамъ, но тремъ дарована жизнь и смягчены наказанія послѣднимъ. Казнены лишь два осужденныхъ, изъ коихъ одинъ былъ виновенъ въ убійствѣ полицейскаго агента, другой причастенъ къ взрыву въ Зимнемъ дворцѣ, жертвами котораго было нѣсколько нижнихъ чиновъ дворцоваго караула.

Мѣрами снисхожденія и кротости графъ Лорисъ-Меликовъ надѣялся образумить отуманенную соціально-революционными лжеученіями молодежь, свести ее съ пути преступленія, примирить съ правительствомъ и обществомъ. Расчетъ этотъ не оправдался по отношенію къ закоренѣлымъ преступникамъ, участникамъ террористической шайки, присвоившей себѣ названіе «Народной Воли». Болѣе чѣмъ когда либо злодѣи рѣшились упорствовать въ своихъ преступныхъ замыслахъ и достигнуть конечной цѣли своей совершеніемъ царевубійства.

Разоблаченія Гольденберга обнаружили весь личный составъ этой шайки, образовавшейся въ Липецкѣ лѣтомъ 1879 года, но полицейскимъ властямъ, производившимъ дознаніе, удалось задержать весьма немногихъ. Большинство успѣло скрыться отъ преслѣдованія, въ особенности со времени ослабленія его, и подъ вымышленными именами и съ подложными видами оно продолжало свободно разъѣзжать по Россіи. Къ осени 1880 года всѣ почти члены террористическихъ сообществъ стеклись въ Петербургъ съ цѣлью возобновить покушеніе на священную особу монарха.

Въ концѣ декабря 1880 года счастливая случайность вызвала въ Петербургѣ арестъ главнаго вожака шайки, Александра Михайлова, послѣ чего руководство ею и направленіе ея преступной дѣятельности перешло въ руки Андрея Желябова, устроителя мины

подъ полотномъ желѣзной дороги въ гор. Александровскѣ и подъ Каменнымъ мостомъ въ Петербургѣ. Тотчасъ же заговорщики приступили къ дѣятельнымъ приготовлениямъ къ царевубійству.

Зимою 1880—1881 годовъ они имѣли въ Петербургѣ нѣсколько такъ называемыхъ «конспиративныхъ квартиръ». Въ одной изъ нихъ помѣщалась тайная типографія, печатавшая органъ общества, социальнаго - революціоннаго обозрѣнія: «Народная Воля» и другія возмутительныя воззванія и листки; въ другой производились химическіе опыты техниками и приготовлялся по ихъ указаніямъ динамитъ, а также вновь изобрѣтенные однимъ изъ нихъ разрывные метательные снаряды. Опыты съ этими снарядами производились за городомъ, за Смольнымъ монастыремъ, въ Парголово и въ другихъ пустынныхъ мѣстахъ. Одновременно велась усиленная пропаганда среди учащейся молодежи и въ рабочихъ кругахъ, вербовались новые члены общества, участники готовившагося злодѣянія. За всѣми выѣздами государя устроено было постоянное наблюдение, съ цѣлью изученія направленій, по которымъ императоръ обыкновенно слѣдовалъ. Съ той же цѣлью двое изъ заговорщиковъ поступили въ легковые извозчики.

При обсужденіи способовъ совершенія покушенія, злодѣи остановились на подкопѣ подъ одну изъ улицъ столицы и на метательныхъ снарядахъ. Пять дней по арестѣ Михайлова, 3-го декабря два злоумышленника, мужчина и женщина, наняли въ подвальномъ этажѣ дома подъ № 4 по Малой Садовой помѣщеніе, въ которомъ открыли торговлю сыромъ. Третій заговорщикъ поступилъ къ нимъ на должность приказчика. Тамъ по ночамъ собирались всѣ наличные въ Петербургѣ члены общества и общими силами рыли подземную галлерею, доведенную до середины улицы и предназначенную для заложения въ ней мины. Работа эта была окончена къ концу февраля, когда 27-го числа этого мѣсяца, случайно арестовали главнаго вожака и руководителя предпріятія, Желябова. На другой день полиція произвела обыскъ въ сырной лавкѣ на Малой Садовой при участіи техника градоначальства, но обыскъ самый поверхностный, не обнаружившій ни подкопа, ни всѣхъ приготовленій къ нему.

Послѣ этого на общей сходкѣ, происходившей въ тотъ же день, 28-го февраля, любовница Желябова, Софья Перовская, уже принимавшая дѣятельное участіе въ предшедшихъ покушеніяхъ на царевубійство, между прочимъ во взрывѣ подъ Москвою, настояла на немедленномъ совершеніи злодѣйскаго замысла. Въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта заговорщики снарядили и заложили мину въ подкопѣ подъ Малой Садовой и изготовили четыре метательныхъ снаряда.

Рѣшено было взорвать подкопъ въ воскресенье 1-го марта при проѣздѣ государя изъ Зимняго дворца въ Михайловскій манежъ, для присутствованія при обычномъ воскресномъ разводѣ. Рано утромъ этого дня Перовская на одной изъ конспиративныхъ квартиръ роздала по одному метательному снаряду четыремъ фанатикамъ: Рысакову, Гриневецкому, Емельянову и Тимофею Михайлову, недавно принятымъ въ сообщество и самимъ вызвавшимся совершить ужасное злодѣяніе. Главную надежду возлагали заговорщики на дѣйствіе мины, къ метательнымъ же снарядамъ предполагали прибѣгнуть лишь въ случаѣ неудачи взрыва подъ улицей.

Въ субботу, 28-го февраля, императоръ Александръ, по обыкновенію говѣвшій на первой недѣли Великаго поста, причастился св. Таинъ вмѣстѣ со всѣми членами царственной семьи своей въ Малой церкви Зимняго дворца. Утромъ 1-го марта государь принялъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ и, позавтракавъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, отправился въ закрытой каретѣ въ Михайловскій манежъ на разводъ, бывшій въ тотъ день отъ л.-гв. Сапернаго батальона. Когда царскій экипажъ выѣхалъ изъ дворца, все уже было готово для взрыва въ сырной лавкѣ, а четыре метальщика, вооруженные снарядами, стояли на условленныхъ мѣстахъ.

Но вопреки ожиданіямъ злодѣевъ, государь прослѣдовалъ въ манежъ не по Невскому и Малой Садовой, а болѣе прямымъ путемъ, по набережной Екатерининскаго канала. По окончаніи же развода онъ поѣхалъ въ Михайловскій дворецъ, гдѣ посѣтилъ великую княгиню Екатерину Михайловну. Наблюдавшей за этимъ Перовской ясно стало, что императоръ возвратится во дворецъ тѣмъ же путемъ, то есть вдоль Екатерининскаго канала. По данному ею сигналу; метальщики заняли мѣста у рѣшетки канала: первымъ, саженьхъ въ 50-ти отъ угла Инженерной улицы сталъ Рысаковъ, вторымъ Гриневецкій, третьимъ Емельяновъ, четвертымъ—Тимофей Михайловъ. Сама Перовская перешла на противоположную сторону канала и остановилась противъ Инженерной улицы.

И когда, въ 2 часа 15 минутъ пополудни, императорская карета отъѣхала отъ Михайловскаго дворца, Перовская, махнувъ платкомъ, дала о томъ знать метальщикамъ. Государь сидѣлъ въ каретѣ одинъ: за нимъ въ однихъ саняхъ ѣхалъ полиціймейстеръ Дворжицкій, въ другихъ—корпуса жандармовъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кудебьякинъ. Конвой изъ конныхъ казаковъ окружалъ экипажъ.

Карета быстро неслась по набережной Екатерининскаго канала и уже миновала Рысакова, когда тотъ бросилъ подъ нее бомбу. Послѣдовалъ страшный взрывъ. Нѣсколько человекъ упало, въ числѣ ихъ одинъ изъ казаковъ конвоя и мастеровой мальчикъ, тяжело

раненые. Государь приказалъ лейбъ-кучеру остановить экипажъ и, выйдя изъ кареты, направился къ мѣсту взрыва, близъ котораго толпа изъ солдатъ и народа уже схватила Рысакова. На вопросы обступившихъ его офицеровъ, не раненъ ли онъ, императоръ отвѣчалъ: Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ»... указавъ при этомъ на лежавшихъ на мостовой раненыхъ. Государь подошелъ затѣмъ къ Рысакову и спросилъ его, онъ ли стрѣлялъ и кто онъ такой? Злодѣй отвѣчалъ утвердительно, но назвалъ себя вымышленнымъ именемъ. «Хорошъ!» молвилъ императоръ и, повернувъ назадъ въ направленіи къ своей каретѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели вдоль канала. Второй метальщикъ Гриневецкій, стоявшій опершись на рѣшетку, бросилъ свою бомбу въ ту минуту, какъ государь проходилъ мимо него, подъ самыя ноги. Произошелъ второй оглушительный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось, ужасающее зрѣлище. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись въ панель руками, безъ шинели и безъ фуражки лежалъ окровавленный монархъ. Обнажившіяся ноги царственного страдальца были раздроблены; кровь сильно струилась по нимъ, тѣло висѣло кусками, лицо было все въ крови. «Помоги», едва внятнымъ голосомъ произнесъ государь, обращаясь къ лежавшему возлѣ него, тяжело раненому полковнику Дворжицкому. Когда сбѣжавшіеся прохожіе, въ ихъ числѣ нѣсколько юнкеровъ Павловскаго военнаго училища и солдатъ 8-го флотскаго экипажа, возвращавшихся съ караула, стали поднимать государя, онъ уже потерялъ сознание. По распоряженію прибывшаго изъ Михайловскаго дворца великаго князя Михаила Николаевича, императора положили на сани полиціеімейстера и всего истекающаго кровью повезли въ Зимній дворецъ.

Государя внесли на рукахъ въ кабинетъ его и положили на выдвинутую по срединѣ комнаты постель. Дежурный гофъ-медикъ Маркусъ перевязалъ ему раны. Подоспѣвшій лейбъ-медикъ Боткинъ прибѣгнулъ ко всѣмъ извѣстнымъ способамъ, чтобы возвратить страдальцу сознание. Голову государя вспрыскивали водою, виски натирали зепромъ, давали вдыхать ему кислородъ. Все напрасно. Обильное кровоистеченіе истощило силы царя-мученика. На спасеніе его не было никакой надежды.

Скоро прибыли въ Зимній дворецъ цесаревичъ, цесаревна и прочіе члены августѣйшей семьи, окружившіе одръ умирающаго императора. Залы дворца наполнились министрами и другими высшими государственными и придворными сановниками, военными и

гражданскими чинами. Несмѣтная толпа народа въ нѣмомъ ужасѣ наводняла площадь передъ дворцомъ.

На вопросъ наслѣдника: долго ли проживеть страдалецъ? профессоръ Боткинъ отвѣтилъ: «отъ 10 до 15 минутъ». Цесаревичъ Александръ Александровичъ отвернулся и горько заплакалъ. «Вотъ до чего мы дожили!»—воскликнулъ онъ и горячо обнялъ великихъ князей Владиміра Александровича и Михаила Николаевича. По его приказанію въ кабинетъ императора введенъ былъ протоіерей придворнаго собора Рождественскій съ запасными дарами. Государя причастили св. Таянъ. Всѣ присутствующіе опустили на колѣни. Протоіерей началъ читать отходную.

Въ 3 часа 35 минутъ пополудни не стало императора Александра II¹.

¹ Обвинительный актъ въ процессѣ цареубійцъ и другіе документы изъ архива департамента полиціи.

* С. С. Татищевъ. Г. И.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Не настало еще время произносить надъ обильнымъ дѣянiями и событіями царствованiемъ императора Александра II окончательный приговоръ исторiи. Но собранныхъ въ настоящей книгѣ фактическихъ данныхъ вполне достаточно для того, чтобы установить, что въ длинномъ ряду русскихъ самодержцевъ изъ дома Романовыхъ, создателей единства, могущества и величiя Россiи, императоръ Александръ II занимаетъ почетное мѣсто, какъ преобразователь, просвѣтитель, объединитель и освободитель своего государства и народа.

Въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о вступленiи его на прародительскiй престолъ, государь Александръ Николаевичъ выразилъ твердую рѣшимость быть исполнителемъ державныхъ завѣтовъ на благо Россiи предшественниковъ своихъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и высокочтимаго и нѣжно любимаго имъ незабвеннаго отца. Подобно имъ, служенiе отечеству вмѣнялъ онъ себѣ въ священнiй долгъ, всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ обнималъ отеческою царскою любовью и царственную дѣятельность свою—выражаясь собственными его словами—почиталъ за «высокій жребiй, чрезъ теченiе событiй поданный ему рукою Провидѣнiя».

Сѣмена правды и добра, вложенныя въ его отзывчивую душу людьми, призванными на дѣло его воспитанiя, въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности онъ остался вѣренъ до конца, полагая задачу свою въ томъ, чтобы—снова приводимъ его слова—«видѣть народъ свой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанскою

истины и охраняемымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ». Двадцати-шестилѣтнее царствованіе было непрерывнымъ стремленіемъ къ осуществленію этой задачи.

Великими внутренними преобразованіями, вдохнувшими въ Россію новую жпзнь, Александръ Николаевичъ оправдалъ историческое міросозерцаніе русскаго народа, всконную вѣру его въ Самодержавіе. Во внѣшней политикѣ онъ смѣлѣе и дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ Россію по пути ея всемірно-историческаго призванія, освободивъ отъ мусульманскаго ига соплеменные и единовѣрные ей христіанскіе народы европейскаго Востока и распространивъ въ глубь Азіи просвѣщеніе и гражданственность съ расширеніемъ предѣловъ Богомъ ввѣренной ему державы до Восточнаго океана и подножія Гималайскаго хребта.

Конечно, не всѣ его благія начинанія увѣнчались успѣхомъ. Причины тому — независимо отъ несовершенства, вообще присущаго человѣческой природѣ, — промахи, ошибки, заблужденія, увлеченія, страсти совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, не всегда точныхъ исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русскаго общества къ воспріятію дарованныхъ ему щедрою царскою рукою гражданскихъ правъ и къ закономѣрному пользованію ими. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняются какъ внутренніе, такъ и внѣшніе недочеты царствованія Александра II и самый его трагическій исходъ. Къ сожалѣнію, благодушный государь, быть можетъ, слишкомъ часто внушенія разума подчинялъвлеченію чувства.

Исторія не вѣнчаетъ ему этого въ вину, потому что нѣтъ въ мірѣ большаго величія, какъ величіе нравственное. Императоръ Александръ II палъ жертвою своего доброжелательства, своего довѣрія къ людямъ, своихъ человѣколюбія и кротости. Но послѣдующія поколѣнія уже пожинаютъ плоды его царственныхъ трудовъ и подвиговъ. Милліоны не однихъ только русскихъ людей, но и родственныхъ имъ по вѣрѣ и происхожденію зарубежныхъ народовъ свято и благоговѣнно чтутъ дорогую имъ память Царя-Освободителя.

Во истину Александръ II былъ для Россіи тотъ «добрый пастырь», который, по слову Христа, «душу свою полагаетъ за овцы».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ БЪ ГЛАВЪ XXXI:

СОЮЗЪ ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ПРОТИВЪ РОССИИ.

Оправдательные документы къ главѣ XXXI:

Союзъ Германіи и Австро-Венгрии противъ Россіи.

1.

Письмо императора Александра II къ императору Вильгельму I изъ Царскаго Села, 3-го (15-го) августа 1879 г. ¹

Cher oncle et ami,

Il me tient à coeur de vous remercier encore par écrit pour votre bonne lettre du 27 Juillet, ainsi qu'Augusta, pour l'envoi, de votre part à tous les deux, de la charmante médaille, en souvenir de votre noce d'or, à laquelle hélas! les circonstances ne m'ont pas permis d'assister, comme je m'en faisais une fête.

J'ai été heureux d'apprendre que vous ayez bien supporté toutes les fatigues des cérémonies et j'espère que la cure de Gastein vous aura donné de nouvelles forces pour affronter celles des revues militaires que vous avez en perspective.

La mort de mon aide-de-camp général de Reutern qui avait eu l'honneur d'être attaché ces dernières années à votre personne et pour lequel vous avez en tant de bonté, vous aura sûrement fait de la peine comme à moi. Je tâcherai de lui trouver un remplaçant qui puisse vous convenir et ne manquerai pas de vous demander préalablement votre consentement dès que j'aurai fait un choix.

Encouragé par l'amitié que vous n'avez cessé de me témoigner, permettez moi de vous parler en toute franchise d'un sujet délicat et qui ne cesse de me préoccuper. Il s'agit de l'attitude des différents agents diplomatiques allemands en Turquie qui depuis quelque temps se manifeste malheureusement d'une manière hostile envers la Russie, ce qui est en contradiction complète avec les traditions des rapports d'amitié qui, depuis plus d'un siècle, avaient guidé la politique de nos deux

¹ Напечатано въ подлинникѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ у Horst Kohl, «Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen», стр. 168—170 и 215—217.

gouvernements et qui étaient tout-à-fait d'accord avec leurs intérêts communs. Cette conviction n'a pas varié en moi et je la conserve en entier, en me flattant qu'elle est aussi la vôtre. Or, comment expliquer cette attitude des agents allemands qui nous devient de plus en plus hostile en Orient où, d'après le dire du Prince Bismarck lui-même, l'Allemagne n'a pas d'intérêts à sauvegarder, tandis que nous en avons de fort sérieux? Nous venons de terminer une guerre glorieuse qui n'avait pas de conquêtes en vue, mais uniquement l'amélioration du sort des chrétiens en Turquie. Nous venons de le prouver en évacuant les provinces que nous avons occupées après la guerre, mais nous tenons à ce que les résultats obtenus au prix de notre sang et de notre argent, ne restent pas lettres mortes. Il ne s'agit plus qu'à mettre à exécution ce qui avait été convenu au congrès de Berlin, mais il faut que cela se fasse consciencieusement. Or, les Turcs, soutenus par leurs amis, les Anglais et les Autrichiens, qui en attendant occupent de pied-ferme deux provinces turques, envahies par eux en temps de paix, pour ne jamais les rendre à leur souverain légitime, ne cessent de soulever des difficultés de détails qui sont de la plus grande importance tant pour les Bulgares que pour les braves Monténégrins. Les Roumains en font autant vis-à-vis de la Bulgarie. La majorité des commissaires européens doit les décider. Ceux de France et d'Italie se joignent, presque dans toutes les questions, aux nôtres, tandis que ceux de l'Allemagne semblent avoir reçu le mot d'ordre de soutenir toujours l'opinion des Autrichiens qui nous est systématiquement hostile, et cela dans des questions qui n'intéressent l'Allemagne en rien, mais qui sont très importantes pour nous.

Pardonnez moi, mon cher oncle, la franchise de mon langage basé sur des faits, mais je crois de mon devoir de porter votre attention sur les tristes conséquences que cela pourrait amener dans nos rapports de bon voisinage en aigrissant nos deux nations l'une contre l'autre, comme la presse des deux pays commence à le faire. J'y vois le travail de nos ennemis communs, des mêmes qui ne pouvaient digérer l'alliance des trois Empereurs. Vous vous souviendrez que nous en avons parlé plus d'une fois avec vous et combien j'étais heureux de me persuader que nos convictions là-dessus étaient les mêmes. Je comprends parfaitement que vous teniez à conserver vos bons rapports avec l'Autriche, mais je ne comprends pas l'intérêt de l'Allemagne à sacrifier celui de la Russie. Est-ce digne d'un véritable homme d'Etat de faire entrer dans la balance une brouille personnelle quand il s'agit de l'intérêt de deux grands Etats faits pour vivre en bonne intelligence et dont l'un a rendu à l'autre, en 1870, un service que, d'après vos propres expressions, vous disiez n'oublier jamais? Je ne me serais pas permis de vous les rappeler, mais les circonstances devaient être trop graves pour que je puisse vous cacher les craintes qui me préoccupent et dont les conséquences pourraient devenir désastreuses pour nos deux pays. Que Dieu nous en preserve et vous inspire!

La santé de ma femme nous a donné de sérieuses inquiétudes tout ce dernier temps. Dieu donne que l'air natal puisse lui faire du bien.

Ne m'en voulez pas, mon cher oncle, pour le contenu de cette lettre et croyez aux sentiments d'invariable attachement et d'affection sincère de votre tout dévoué neveu et ami,

Alexandre.

2.

Письмо императора Вильгельма I-го статсъ-секретарю Еклову, изъ Бабельсберга, 17-го (29-го) августа 1879 г.¹

Къ удивленію моему узнаю, что Андраши вчера уже отправился въ Гастейнъ, прежде своего увольненія и назначенія Гафмерле. Поэтому, навольте протелеграфировать слѣдующее князю Бисмарку въ Гастейнъ:

Князю Бисмарку

Гастейнъ.

Со всѣмъ согласенъ и Мантейфеля² отправилъ. Только поѣздка въ Вѣну теперь еще невозможна, даже если Варшава пройдетъ благопріятно.

Подпишите: Вильгельмъ.

Даже если это внушеніе придетъ слишкомъ поздно, чтобы предупредить сообщеніе Андраши предположенной поѣздки, оно все-же неизбѣжно нужно.

Вильгельмъ.

3.

Статья «Съверо-Германской Всеобщей Газеты 18-го (30-го) августа 1879 г.

Извѣстіе, будто посылка Мантейфеля состоялась по соглашенію съ княземъ Бисмаркомъ и будто ей предшествовалъ живой обменъ денешъ, покончѣна на простомъ вымыслѣ. Мантейфель отправленъ въ Варшаву во главѣ депутаціи прусскихъ офицеровъ только вслѣдствіе выраженнаго императоромъ Александромъ желанія видѣть на происходящихъ въ Варшавѣ, въ присутствіи его величества, манѣврахъ прусскихъ офицеровъ и, какъ мы узнали кромѣ того, привезъ императору Александру ствѣтъ на письмо, полученное передъ тѣмъ нашимъ августѣйшимъ государемъ отъ его племянника.

¹ Нѣмецкій подлинникъ напечатанъ въ «Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 521.

4.

Телеграмма князя Бисмарка статсъ-секретарю Бюлову, изъ Гастейна, 18-го (30-го) августа 1879 г., 8 ч. 5 м. у. ¹

Телеграмму получилъ.

Прошу доложить его величеству, что я общалъ графу Андраши отдать ему визитъ на возвратномъ пути въ Вѣнѣ. Долженъ ли я теперь написать ему, что это мнѣ воспрещено его величествомъ? Я не могу принять на свою отвѣтственность политическія послѣдствія подобнаго заявленія въ Вѣнѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ. Поэтому нахожу нужнымъ черезъ 14 дней предпринять обратный путь чрезъ Вѣну.

Бисмаркъ.

5.

Телеграмма статсъ-секретаря Бюлова князю Бисмарку изъ Берлина, 18-го (30-го) августа 1879 г. ²

Имѣлъ докладъ сегодня вечеромъ. Его величество поручилъ мнѣ передать вашей свѣтлости, что вслѣдствіе полученныхъ разъясненій, онъ охотно согласенъ на отвѣтный визитъ въ Вѣнѣ, примѣрно черезъ 14 дней. Телеграмма скрестилась съ высочайшимъ собственноручнымъ письмомъ, заключающимъ въ себѣ причины прежнихъ сомнѣній. О возвышеніи пріѣзда царя на 3-е число была одна только сообщенная вашей свѣтлости телеграмма. Императоръ сказалъ, что не могъ отклонить въ виду близости и того, что онъ недавно принялъ императора Франца-Иосифа.

Бюловъ.

6.

Письмо графа Андраши князю Бисмарку изъ Шёнбрунна, 20-го августа (1-го сентября) 1879 г. ³

Высокоотимѣйшій князь,

Я еще изъ Гастейна передалъ «in puce» по телеграфу моему всемилощивѣйшему государю, который поѣхалъ прямо изъ Праги въ Брукъ, направление

¹ Нѣмецкій подлинникъ, Ibid., II, стр. 521—522.

² Нѣмецкій подлинникъ, Ibid., II, стр. 522.

³ Нѣмецкій подлинникъ, Ibid., II, стр. 522—524. Отвѣщенные знакомъ [] мѣста выпущены въ этомъ семейномъ изданіи, но воспроизведены по-англійски въ книгѣ Морриса Вуша: «Bismarck, some secret pages of his history», III, стр. 257—260.

и предварительный результат нашего совѣщанія. Я въ особенности поставилъ на видѣ, что въ виду вооруженій и угрожающихъ рѣчей, попеременно обра- щаемыхъ къ намъ и къ Германіи, рѣчь идетъ о такомъ оборонительномъ соглашеніи, въ родѣ взаимнаго страхованія между обоими нашими государями, при которомъ каждое нападеніе на одно изъ обоихъ государствъ было бы отражено сообща всѣми ихъ силами, а также, что *casus foederis* наступитъ и въ томъ случаѣ, если на одно изъ двухъ государствъ нападетъ третья держава, съ которою будетъ совместно дѣйствовать Россія.

Я также далъ понять, что горячо стою за такое соглашеніе, хотя и никакъ не предрѣшилъ рѣшенія его величества.

Въ отвѣтъ на это я получилъ по прибытіи сюда телеграмму изъ Праги, которою императоръ объявилъ мнѣ, что, по глубокому убѣжденію, онъ вполне соглашается съ направлениемъ и предварительными результатами нашего свиданія и приглашаетъ меня пріѣхать къ нему въ лагерь въ Брукъ. Вчера я былъ въ Брукъ, гдѣ имѣлъ случай сдѣлать подробный докладъ.

Я нашелъ императора до такой степени проникнутымъ пользою, даже необходимою подобной сдѣлки, что всякая дальнѣйшая мотивировка ея оказалась излишнею. Его величество не только не усматриваетъ въ ней ни малѣйшаго отступленія отъ намѣренія поддержать миръ между тремя имперіями, но признаетъ ее за единственное въ настоящее время средство отстранить Дамокловъ мечъ, который постоянно виситъ надъ нашими отношеніями и практически обезнечитъ миръ не только ко благу двухъ государствъ, но и къ пользѣ третьяго.

Что мой императоръ всегда радъ и въ особенности будетъ радъ теперь видѣть васъ здѣсь—это разумится само собою. Тѣмъ временемъ, мнѣ разрѣшено, какъ только вы заручитесь принципиальнымъ согласіемъ его величества императора Вильгельма, принять отъ васъ текстъ и попытаться самому составить таковой.

Я останусь въ должности до окончанія этого дѣла. Мой преемникъ вступитъ въ должность лишь по состоявшемся соглашеніи. Онъ, впрочемъ, посвященъ въ него мною и вполне съ нимъ согласенъ.

[Сказанное доселѣ касается его величества. То, что слѣдуетъ.—мое личное мнѣніе, совершенно довѣрительное. Я не пересталъ мысленно обсуждать дѣло со всѣхъ сторонъ и убѣжденіе мое окрѣпло. Если, тотчасъ же послѣ войны, за которую никто теперь въ Россіи не хочетъ принять на себя отвѣтственности и которая обезсилла имперію столько же въ финансовомъ, сколько и въ военномъ отношеніи, и въ такое время, когда нигилистическое движеніе временно уничтожено и ничто не вынуждаетъ правительство искать внѣшней диверсіи, Германіи могутъ угрожать Францію, а намъ—услениемъ арміи, и это въ связи съ такими вопросами, какъ Метковичи или почты въ Восточной Румеліи, то чего же намъ ожидать, когда заживутъ раны, нанесенныя войною, когда снова дадутъ себя чувствовать внутреннія затрудненія и когда внѣшняя диверсія покажется единственнымъ средствомъ спасенія?]

Я долженъ признаться, что не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не увижу потушеннымъ факель, которымъ императоръ Александръ на половину безсознательно размахиваетъ надъ пороховою бочкою Европы, и пока я знаю, что европейскій миръ покоится въ рукахъ Милютина, Жюмвилье, а теперь несомнѣнно и Пнатьева. Я нахожу, что въ настоящее время у каждаго государства— хотя у нашего и меньше чѣмъ у всякаго другого—довольно заботы, чтобы охранять власть свою противъ разрушающихъ элементовъ внутри себя. Но какъ и кто въ состояніи это сдѣлать, если государство постоянно вынуждено посвящать половину своихъ силъ и своего вниманія опасностямъ не внутренняго, а внѣшняго свойства, и которыя грозятъ не снизу, а сверху? Я не сомнѣваюсь въ личнѣхъ намѣреніяхъ императора Александра. Я убѣжденъ, что онъ не хочетъ войны. Но, какъ министръ соедѣннаго государства, я не могу забыть, что онъ также не хотѣлъ и войны, только что оконченной, и что отъ начала до конца онъ тщетно пытался совладать съ движеніемъ, которое зародилось въ ближайшей къ нему средѣ.

Что этимъ опасностямъ надо такъ или иначе противодействовать—почитаю я за европейскую необходимость и, какъ ни трудно мнѣ отложить теперь осуществленіе всѣмъ уже извѣстнаго, удаленія моего отъ власти,—но какъ слуга моего императора и родины, я испыталъ бы возвышенное чувство считать съ вами, высокочтимый князь, такое ручательство за будущность обоихъ государствъ.

Въ свое время Австрія совершила ошибку, отклонивъ предложенія Германіи, которыя обезпечили бы обоюдные ихъ интересы. Мнѣ пріятно засвидѣтельствовать, что у насъ не повторятъ этой ошибки.

Съ выраженіемъ искренней дружбы и истиннаго высокопочтанія, преданный вамъ,

Андраши.

7.

Письмо князя Бисмарка графу Андраши изъ Гастейна, 22-го августа (3-го сентября) 1879 г. ¹

Досточтимый графъ,

Съ величайшею радостью и удовольствіемъ получилъ я вчера вечеромъ ваше письмо отъ 1-го числа и съѣху воспользоваться возвращеніемъ г. подателя, для предварительнаго отвѣта. Прежде всего прошу васъ повергнуть къ стопамъ его величества императора мою почтительнѣйшую благодарность за милостивый отзывъ его величества о моемъ намѣреніи пріѣхать въ Вѣну.

¹ Нѣмецкій подлинникъ Ibid., II, стр. 524—527; выпущенныя въ этомъ изданіи и отмѣченныя знакомъ [] мѣста изъ той же книги Буша, III, стр. 260—263.

Радуюсь, видя изъ вашего письма, что у нашего плана одна нога въ стремени и не сомнѣваюсь, что нашей совместной работѣ удастся окончательно утвердить его въ сѣдлѣ. Къ сожалѣнію, отъ географической и политической природы вещей зависитъ, что моя часть задачи не можетъ быть также скоро разрѣшена, какъ ваша. Словесный докладъ не только имѣетъ преимущество въ скорости, но и въ ограниченіи отвѣта вопросами, которыя дѣйствительно предлагаются высочайшимъ лицомъ. Въ письменномъ же изложеніи я долженъ возражать заранѣе на всѣ недоразумѣнія, представляющія мнѣ возможнымъ. Я вынужденъ былъ продиктовать моему сыну, — который съ вашего дружескаго позволенія пишетъ и эти строки, — полныхъ 60 страницъ въ листъ и содержаніе ихъ обильно дополнить телеграфическими добровольными или затребованными дополненіями. Тѣмъ не менѣе и несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось устранить вполне недоразумѣнія, будто въ нашемъ мирномъ планѣ скрывается какая нибудь затаенная мысль агрессивнаго направленія. Такая мысль естественно антипатична болѣе чѣмъ 82-хъ лѣтнему государю, но я смѣю надѣяться, что мнѣ удастся вполне устранить ее, хотя это и будетъ мнѣ стоить довольно пространной приписки къ упомянутымъ 60 страницамъ. Меньше простора для моей дѣятельности даетъ мнѣ лежащее въ правѣ моего государя отверженіе противъ скорого рѣшенія въ новыхъ положеніяхъ. Для его величества ^{самымъ} болѣе возмущающее поведеніе императора Александра впервые какъ молнія освѣтило положеніе, которое я за послѣдніе годы вынужденъ быть признавать и очень часто. [Его величеству будетъ крайне трудно признать необходимость сдѣлать выборъ между двумя сосѣдними имперіями и потому онъ какъ можно долѣе закроетъ свой разсудокъ для убѣжденія, что время для такого выбора настало. Въ нашемъ королевскомъ домѣ привычка — великая сила и чувство упорства растутъ съ годами и противятся признанію несомнѣнныхъ перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ]. Къ тому-же императоръ Александръ — не знаю, по чьему либо внушенію или по собственному побужденію — скорымъ переходомъ къ солнечному свѣту снова старается отодвинуть Юпитера громовержца на задній планъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдовало въ теченіе 8 дней, послѣ угрожающихъ выраженій, любезное приглашеніе прислать прусскихъ офицеровъ въ Варшаву. Мой императоръ отвѣтилъ на него отправленіемъ фельдмаршала Мантейфеля со свитою, не давъ мнѣ знать напередъ объ этой чисто военной мѣрѣ. Баронъ Мантейфель нашелъ въ Варшавѣ очень многозначущій, личный и политическій предупредительный приемъ, [въ искренность и прочность котораго я однако, послѣ всего, что случилось, не могу имѣть вѣры]. Я доселѣ еще не знаю, съ его или съ русской стороны предложено назначенное на сегодня свиданіе въ Александровѣ? Наши возраженія противъ свиданія на русской территоріи были устранены указаніемъ на невозможность принять за предѣлами Россіи съ должною скоростью мѣры для обезпеченія личной безопасности императора Александра. Это свиданіе — насколько мнѣ извѣстно — состоится сегодня; нашего императора сопровождаютъ при этомъ только его флигель-адъютанты,

п. по мнѣнію министра Бюлова, онъ главнымъ образомъ одушевленъ намѣреніемъ получить отъ императора Александра объясненія принятаго имъ угрожающаго положенія.

Я не могу получить до того отвѣтъ на мой докладъ. лишь 2-го числа доведенный до свѣдѣнія императора и на который только Бюловъ отвѣтилъ мнѣ по телеграфу. Изъ телеграммы Бюлова можно, однако, заключить о согласіи императора, явствующемъ уже изъ того, что мнѣ предоставлено возобновить съ вами, досточтимѣйшій другъ, въ Вѣнѣ доложенные ему мои переговоры, но «ничего не кончать безъ его утвержденія». Последнее разумѣется само собою, и вы не проявите по этому поводу безпокойства, если мой государь потребуетъ для своихъ рѣшеній то время, что влекутъ за собою его годы, привычки и новость открывающихся предъ нимъ горизонтовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, какъ условіе благопріятное нашему плану, что его королевское высочество настѣдный принцъ привлеченъ отцомъ своимъ къ дѣлу и такимъ образомъ произойдетъ обмѣнъ мыслей между обѣими высокими особами.

[Зная моего государя изъ опыта многихъ лѣтъ, я едва могъ надѣяться, чтобы 24 часа по ознакомленіи въ первый разъ со столь сложнымъ и новымъ изображеніемъ положенія, онъ безъ большого шума согласился на продолженіе нашихъ совѣщаній, а такъ какъ я тѣмъ временемъ не останусь бездѣятельнымъ, то надѣюсь, прежде чѣмъ оставлю Гастейнъ, получить болѣе широкія полномочія].

Какъ въ васъ, такъ и во мнѣ, съ каждымъ днемъ продолжительныхъ размышленій крѣпнеть убѣжденіе о спасительности и необходимости предпринятаго нами дѣла и я надѣюсь, что Богъ сподобитъ насъ обезпечить нашимъ великимъ государственнымъ органнзмамъ желаемое ими ручательство внѣшняго и внутренняго мира. Я счелъ своимъ долгомъ поставить васъ въ извѣстность о стадіи, до которой я достигъ въ моей работѣ и буду продолжать ее, какъ только добдутъ до меня обѣщанныя мнѣ подробнѣйшія выраженія мнѣнія моего государя. Если его величество успѣетъ изложить ихъ на бумагѣ въ Кеннigsбергѣ 4-го, то я могу получить ихъ 7-го или самое позднее—8-го числа. Мнѣ очень хотѣлось, послѣ вашего отъѣзда, самому поѣхать въ Берлинъ, чтобы выступить на словахъ ходатаемъ за наше дѣло; но состояніе моего здоровья было слишкомъ плохо для такого напряженія силъ и кромѣ того я знаю по опыту, что я если не скорѣе, за то вѣрнѣе прихожу къ важнымъ и труднымъ соглашеніямъ съ мощъ августѣйшимъ государемъ письменнымъ, чѣмъ словеснымъ путемъ и что при послѣднемъ иногда проявляются такія затрудненія, которыя не составляютъ необходимой принадлежности дѣла.

Я надѣюсь окончить здѣшнее мое лѣченіе къ 15-му или 16-му, чтобы снова выдержать испытанія будущей зимы.

Въ надеждѣ на наше скорое свиданіе, остаюсь съ дружескимъ высокопочтениемъ отъ всего сердца вамъ преданный,

Бисмаркъ.

Отчетъ императора Вильгельма I о происшедшемъ 22-го и 23-го августа (3-го и 4-го сентября) 1879 г. въ Александровѣ свиданіи его съ императоромъ Александромъ II. 24-го—28-го августа (5-го—9-го сентября) 1879 г. ¹

Императоръ Александръ началъ разговоръ съ объясненія его письма ко мнѣ. Никто ничего не зналъ о немъ. 1) Онъ никому не показавъ его до отправления, а по отиравленіи онъ сообщилъ его только на словахъ, не называя лицъ. Поэтому если я нашелъ что либо оскорбительное въ этомъ письмѣ, какъ онъ замѣтилъ это изъ моего отвѣта, то осуждать надо его одного, и онъ признавалъ, что я могъ не понять его. 2) Онъ очень сожалѣеть объ этомъ п. коль скоро письмо имѣло столь серьезное послѣдствіе, лично оскорбивъ меня, онъ желаетъ, чтобы оно считалось какъ если бы никогда не было написано. Ничто не было дальше отъ его намѣреній, какъ мысль объ угрозѣ. Онъ только хотѣлъ обратить мое вниманіе на фактъ, совершенно истинный, что если печать обѣихъ странъ будетъ бранить одна другую, то это должно повести съ теченіемъ времени къ чувству враждебности между обоими государствами, а его единственная цѣль—предотвратить это. 3) Онъ полагаетъ, что сохраненіе мира Европы возможно въ будущемъ такъ же, какъ оно было въ прошломъ, до тѣхъ лишь поръ, пока существуютъ добрыя отношенія между Пруссіею и Россіею, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ. 3) А. Голоса, поданные болѣею частью противъ Россіи моими комиссарами въ производствѣ европеекихъ комиссій на Востокѣ обнаружилъ враждебное отношеніе Германіи къ Россіи, вызвавшее въ послѣдней большое раздраженіе и возбудившее негодующія комментариіи въ печати. 4) Въ этихъ комиссіяхъ Россія преслѣдуетъ ту же цѣль, которую исключительно имѣла въ виду въ продолженіе войны, а именно улучшить и сдѣлать болѣе обезпеченною судьбу христіанскаго населенія, но отнюдь не дѣлать завоеваній. Если теперь тому оказывается сопротивленіе при разграниченіи и все болѣе и болѣе число христіанъ, въ противность его желанію, возвращается подъ турецкое владычество, то это значитъ, что комиссары получили инструкціи въ этомъ смыслѣ. 5) Германскіе голоса уже произвели дурное дѣйствіе и въ Турціи, потому что несогласіе, которое они обмалчи между Германіею и Россіею, дѣлало турокъ болѣе упрямыми и затягивало дѣло до безконечности. 6) Князь Бисмаркъ, котораго онъ зналъ досель только какъ друга русско-пруссскихъ отношеній, повидимому, не можетъ забыть глупаго циркуляра князя Горчакова 1875 года. Онъ настоятельно совѣтовалъ князю Горчакову не посылать этого циркуляра и выставлять ему дурныя послѣдствія

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго подлинника—у Моррица Буша, «Bismarck some secret pages of his history», III, стр. 277—285.

(его тщеславія), потому что если и нужно было что нибудь смягчить, то нельзя было достигнуть этого такимъ способомъ. Ему кажется, что злоба и злопамятность Бисмарка противъ Горчакова перенесены на Россію и на это онъ ссылался въ письмѣ своемъ ко мнѣ, говоря, что онъ не можетъ согласовать такое поведеніе съ нравомъ столь замѣчательнаго государственнаго мужа. Это выраженіе въ его письмѣ ко мнѣ не относилось къ инструкціямъ, даннымъ комиссарамъ касательно восточныхъ дѣлъ. Кромѣ того, 7) князь Горчаковъ—человѣкъ, пережившій свою полезность и съ которымъ онъ теперь почти никогда не совѣтуется.

Въ отвѣтъ на № 1, я сказалъ что не могу отрицать, что меня болѣзненно поразило его письмо въ особенности потому, что мнѣ представилось, что его замѣчанія относились только къ упомянутому выше голосованію, которое казалось мнѣ предметомъ столь неважнымъ, что я никакъ не могъ понять его раздраженія по этому поводу. Только послѣ того, какъ онъ заявилъ что выраженіе его относилось къ предмету, затронутому подъ № 6, я теперь понялъ его въ первый разъ. Могу его увѣрить, что князь Бисмаркъ все еще взираетъ на отношенія Пруссіи, Германіи и Россіи, какъ всегда смотрѣлъ на нихъ, но что онъ замѣчаетъ возрастающее въ Россіи чувство, благодаря главнымъ образомъ печати, котораго онъ не можетъ понять, въ виду существующихъ тамъ законовъ, въ особенности потому что полу-официальные органы содѣйствуютъ этому вредному возбужденію. Я прибавилъ, что готовъ допустить, что и наша печать виновна въ такихъ же излишествахъ, но вѣдь въ сущности она находится только въ положеніи самозащиты противъ русскихъ нападеній. Мы до того связаны нашими законами о печати, что можемъ вмѣшиваться въ дѣло лишь путемъ личнаго обращенія къ издателямъ газетъ, но не на законномъ основаніи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ какой нибудь мѣстности провозглашено осадное положеніе. №№ 2 и 3. Если надо понимать означенныя слова какъ не заключающія въ себѣ никакой угрозы, то я былъ бы вполне успокоенъ, такъ какъ толкованіе, данное императоромъ этому мѣсту его письма, совершенно согласно съ собственными моими убѣжденіями. Въ виду того, что правительство его издало недавно серьезное внушеніе насчетъ неправильныхъ статей въ газетахъ, то надо ожидать и надѣяться, что въ силу полномочій, коими облечены генераль-губернаторы, будутъ приняты энергическія мѣры. Я, со своей стороны, приказалъ преподать издателямъ нѣкоторые совѣты; законъ не позволяетъ мнѣ сдѣлать болѣе. 3) А. Наши инструкціи упомянутымъ комиссарамъ оставались тѣ же съ самаго начала: если Россія и Австрія согласны между собою, то подавать голосъ вмѣстѣ съ ними; если же возбуждались вопросы, когда этого согласія не было, то подавать голосъ съ большинствомъ, если только русскія предложенія не были явно неосновательны. Такъ было въ дѣлѣ о Силестріи, въ которомъ я вполне былъ за русское предложеніе назначить комиссію для разслѣдованія вопроса о мостѣ на мѣстѣ, а также относительно военной дороги чрезъ Восточную Румелію. 4) Это мнѣніе было

мнѣ совершенно ново, такъ какъ ничего подобнаго не было доведено ранѣе до моего свѣдѣнія. Притомъ же эти маленькія пограничныя подробности такъ маловажны, что онѣ едва ли могутъ повліять на вопросъ о христіанахъ въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Къ сожалѣнію, вопросъ о греческой границѣ былъ только упомянутъ на конгрессѣ, какъ выраженіе желанія, а не какъ требованіе, и я съ перваго раза предвидѣлъ, какъ будетъ дѣло, но на конгрессѣ я не имѣлъ голоса (*mais pendant le congrès, je n'avais pas voix au chapitre*). Я также точно смотрю на еврейскій вопросъ въ Румыніи, считая желаемое болѣе широкое разрѣшеніе его неисполнимымъ, а потому я желаю, чтобы было принято греческое видоизмѣненіе. №№ 6 и 7. Я никогда не замѣчалъ, чтобы князь Бисмаркъ былъ одушевленъ чрезвычайно враждебными чувствами къ князю Горчакову по поводу циркуляра послѣдняго 1875 года. Мое и его мнѣніе на этотъ счетъ было рѣшительно то же, что и мнѣніе самого императора Александра; но на берлинскомъ конгрессѣ то же самое мнѣніе о князѣ Горчаковѣ было выражено совершенно такъ же, какъ теперь императоромъ, и я поэтому понимаю особенность нынѣ предоставленнаго ему положенія. Я думаю, что въ отвѣтъ моемъ императору, я какъ слѣдовало выставилъ на видъ сколь мало переменъ въ политическx мнѣніяхъ князя Бисмарка, насколько они касаются Россіи. Онъ всегда былъ согласенъ со мною въ томъ, что въ память поведенія Россіи относительно насъ въ 1870 году мы въ продолженіе дѣлныхъ двухъ лѣтъ, 1876-го и 1877-го, старались обнаружить нашу признательность императору нашимъ «благожелательнымъ нейтралитетомъ» и теперь успѣли предотвратить коалицію западныхъ державъ, включавшую и Австрію. Это должно, на мой взглядъ, опровергнуть подозрѣніе императора, будто князь Бисмаркъ, на зло князю Горчакову, измѣнилъ свои политическія мнѣнія и по этому поводу принялъ относительно Россіи положеніе, которое выразилось въ столь маловажныхъ вопросахъ. До сего дня чувства князя Бисмарка къ Россіи остаются неизмѣнными.

Утромъ 4-го числа императоръ опять зашелъ ко мнѣ, чтобы послѣ завтрака проститься со мною. Онъ получилъ телеграмму изъ Югенгейма отъ императрицы Маріи, которая просила его напомнить мнѣ о ней и очень была рада нашему свиданію въ Александровѣ. Онъ прибавилъ: «Я ей первой сообщилъ письмо къ вамъ, черновую котораго, вслѣдствіе разныхъ поправокъ едва было возможно прочесть. (*C'est à elle que j'ai communiqué la première ma lettre à vous dont le brouillon était par différentes corrections presque illisible*). Я послѣ показалъ мое письмо Адлербергу, Милютину и Грегу; они знаютъ въ точности, каковы мои политическія убѣжденія относительно Пруссіи и Германіи, и, находясь въ полномъ согласіи со мною по этому предмету, радуются, что ложныя впечатлѣнія будутъ разсѣяны нашимъ свиданіемъ». Послѣ этого императоръ прочиталъ мнѣ письмо русскаго посланника о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ княземъ Бисмаркомъ въ Киссингенѣ о политическомъ положеніи; и много было говорено въ особенности о совмѣстномъ дѣйствіи Пруссіи и Россіи.

Посланникъ находить, что прежнее мнѣніе князя Бисмарка о союзѣ «трехъ императоровъ» осталось совершенно неизмѣнно. Императоръ повторилъ въ обзорѣ (en аретц) взгляды, которыми мы обмѣнялись, и былъ сердечно радъ тому, что недоразумѣнія выяснились и что старая дружба будетъ сохранена между обоими государствами, съ приобщеніемъ Австріи. Что касается до послѣдней, то онъ впервые замѣтилъ теперь: «Конечно, я имѣлъ поводъ быть недовольнымъ ею, такъ какъ поведеніе ея во время войны было, какъ и всегда, сомнительно (louche). Не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, она заняла двѣ турецкія области, конечно, съ тѣмъ, чтобы никогда не возвратить ихъ, какъ и англичане не отдадутъ Кипра, который они приобрѣли по отдѣльному трактату во время конгресса, не сообщивъ ничего о томъ великимъ державамъ». Здѣсь я прервалъ его, сказавъ, что я думалъ, что въ Рейхштадтѣ ведены были переговоры относительно занятія Босніи и Герцеговины. «Да» — сказалъ императоръ — «но подъ совѣмъ другими условіями; Австрія должна была, такъ или иначе, принять участіе въ войнѣ. Тѣмъ не менѣе, главное — уже то, что мы должны держаться вмѣстѣ, втроемъ». Я конечно могъ только подтвердить этотъ взглядъ, какъ собственное мое убѣжденіе.

Въ то же утро я говорилъ послѣдовательно съ графомъ Адлербергомъ, съ министромъ Гирсомъ и съ военнымъ министромъ Милютинымъ. Первые два высказались съ одинаковымъ жаромъ въ пользу старыхъ нашихъ отношеній. Они знали о письмѣ императора и о моемъ отвѣтѣ, о которомъ я упомянулъ, начиная разговоръ, и они были заодно съ императоромъ, раздѣляя его удовольствіе по поводу устраненія недоразумѣній, которыя они считали невозможными, зная въ точности мысли, которыя императоръ хотѣлъ выразить въ своемъ письмѣ. Я не имѣю причинъ сомнѣваться въ искренности этихъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе я сказалъ имъ совершенно просто, что печать привела къ отчужденію между нашими обѣими странами. Въ виду изданнаго въ Россіи рескрипта, въ строгихъ выраженіяхъ и рѣшительно осуждающаго враждебное настроеніе, принятое печатью относительно Германіи, надо предвидѣть улучшеніе, если губернаторы, провозгласившіе осадное положеніе почти на всю Россію — мѣра, которой я могу только пожелать всякаго успѣха — воспользуются своими полномочіями, чтобы немедленно конфисковать всѣ газеты, памфлеты и т. п., которые печатали бы зажигательныя статьи. Если это не будетъ сдѣлано, то опасныя послѣдствія, которыя предвидѣлъ императоръ, конечно настанутъ, а именно раздоръ между обоими государствами. Въ отношеніи къ нашей свободной печати руки мои связаны закономъ и нашею представительною конституціею, и отсюда — оборонительное положеніе, занятое противъ русской печати въ нашихъ газетныхъ статьяхъ. Я все же отдалъ приказаніе, чтобы издателямъ былъ преподанъ совѣтъ поболѣе сдерживать себя, если въ русской печати окажется улучшеніе. Эти господа согласились во всемъ этомъ со мною и выразили надежду на улучшеніе.

Разговоръ съ генераломъ Милютинимъ начался съ изложеннаго выше предмета, послѣ чего я выразилъ мое мнѣніе о новой организаціи, введенной во время войны, и сказалъ, что не могу понять, откуда взялись для этого деньги. Но вся Европа была встревожена при видѣ успѣій и денежныхъ жертвъ, вызванныхъ войною и внезапно перенесенныхъ и на мирное положеніе. Онъ отвѣчалъ: «Война-то и доказала, что русская армія не была достаточно сильна, чтобы одолѣть силу Турціи, такъ какъ ея громадныя силы были разсѣяны по всей Имперіи, отъ Сибири до Вислы. Поэтому надо сохранить численный составъ, который отвѣчалъ бы европейскимъ потребностямъ. Этотъ расходъ можетъ быть покрытъ русскими средствами, невѣдомыми другими странами. У насъ военная граница со стороны Китая и земель, окаймляющихъ Индію, Персію и Турцію. Мы получили извѣстіе, что составляется коалиція между Австрією, Англією и быть можетъ Францією. Это указываетъ на новое столкновеніе на Востокъ. Англія организуетъ и вооружаетъ Малую Азію, которая наводнена правительственными чиновниками, генералами и офицерами подъ видомъ консуловъ, вѣрное указаніе на враждебныя намѣренія противъ нашего положенія на Кавказѣ. Столкновеніе на Востокъ близко». Я возражалъ противъ этого изложенія и заявилъ, что какъ только рѣшенія берлинскаго конгресса будутъ исполнены во всей ихъ полнотѣ, нельзя будетъ предвидѣть новой войны, такъ какъ Турція болѣе чѣмъ въ чемъ либо другомъ нуждается въ мирѣ.

Вильгельмъ.

Пока императоръ былъ со мною 4-го числа, ему принесли телеграмму изъ Лондона, по которой Англія объявила, что, хотя она и склоняется въ пользу специальной технической комиссіи для рѣшенія вопроса о мостѣ въ Силистріи, но она рада была бы, если бы задача эта была возложена на сербскую пограничную комиссію. Императоръ сказалъ, что можетъ согласиться на это и что только члены-техникі должны быть назначены въ комиссію.

9.

Письмо князя Бисмарка къ королю Лудвигу II Баварскому, изъ Гастейна,
29-го августа (10-го сентября) 1879 года ¹.

Ваше величество оказывали мнѣ прежде милость выражать мнѣ высочайшее ваше удовольствіе по поводу моихъ успѣій, направленныхъ къ тому, чтобы одинаково сохранить Германской Имперіи миръ и дружбу съ двумя великими сосѣдними имперіями, Австрією и Россією. Въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ эта задача стала тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе русская политика поддавалась

¹ Нѣмецкій подлинникъ въ «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 238—242.

вліянію частію вопневенныхъ, частію революціонныхъ стремленій панславизма. Уже въ 1876 году было неоднократно предъявлено къ намъ изъ Ливадіи требованіе высказаться въ обязательной формѣ, останется ли Германская Имперія нейтральною въ случаѣ войны между Россією и Австрією? Намъ не удалось избѣгнуть этого заявленія и русская военная гроза до поры до времени обратилась на Балканы. Все еще большіе уснѣхи, которые русская политика одержала вслѣдствіе войны, даже послѣ конгресса, не охладили, къ сожалѣнію, раздраженія ея въ той мѣрѣ, какая была бы желательна для миролюбивой Европы. Русскія стремленія остались безпокойными и немирными; вліяніе панславистскаго шовинизма на императора Александра возросло и съ серьезною, какъ, къ сожалѣнію, оказывается немилостью, въ которую вналь графъ Шуваловъ, бывшій его дѣломъ берлинскій конгрессъ былъ осужденъ императоромъ. Руководящимъ министромъ, насколько таковой пѣдется нынѣ въ Россіи, сталъ военный министръ Милютинъ. По его требованію, теперь, послѣ мира, когда никто не угрожаетъ Россіи, состоялись громадныя вооруженія, которыми, не взирая на финансовыя жертвы войны, численность русскаго войска на мирномъ положеніи возвышена на 56,000, а составъ предназначенной къ мобилизаціи на случаѣ войны западной арміи—на 400,000 человекъ. Эти вооруженія могутъ быть направлены только противъ Австріи или Германіи и расположеніе войскъ въ Царствѣ Польскомъ соответствуетъ этому назначенію. Военный министръ выразился также откровенно предъ техническими комиссіями, что Россія должна приготовиться къ войнѣ съ Европой.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ, не желая войны съ турками, все же повелъ ее подъ давленіемъ панславистскихъ внушеній и что съ тѣхъ поръ та же партія еще болѣе усилила свое вліяніе тѣмъ, что броженіе, поддерживающее ее, производитъ нынѣ на императора болѣе и опаснѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ прежде, то слѣдуетъ опасаться, что ей также точно удастся заполучить подшисъ императора Александра для дальнѣйшихъ военныхъ предиріятій противъ Запада. Европейскія затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться Россіи на этомъ пути, мало утрашатъ такихъ министровъ, какъ Милютинъ или Маковъ, если справедливо то, чего опасаются консерваторы въ Россіи, что партія движенія, стараясь вовлечь Россію въ тяжкія войны, стремится менѣе къ побѣдѣ Россіи надъ чужими странами, чѣмъ къ перевороту внутри Россіи.

При этихъ обстоятельствахъ, я не могу не придти къ убѣжденію, что миру въ будущемъ, бытъ можетъ въ ближайшемъ будущемъ, угрожаетъ Россія и только она одна. По имѣющимъ у насъ свѣдѣніямъ недавнія попытки развѣдать, найдетъ ли Россія въ случаѣ войны поддержку во Франціи и въ Италіи, конечно, привели къ отрицательному результату. Италія оказалась безсильною, а Франція заявила, что она теперь не хочетъ войны и не чувствуетъ себя достаточно сильною для наступательной войны противъ Германіи въ союзѣ съ одной только Россіей.

Въ такомъ положеніи, въ продолженіе послѣднихъ недѣль, Россія потребо- вала отъ насъ, чтобы мы сдѣлали выборъ между нею и Австріею, предписавъ германскимъ членамъ восточныхъ комиссій въ сомнительныхъ вопросахъ по- давать голосъ вмѣстѣ съ Россіею, тогда какъ въ этихъ вопросахъ, по нашему мнѣнію, правильное толкованіе постановленій конгресса было на сторонѣ боль- шинства, состоящаго изъ Австрій, Англіи и Франціи, а потому Германія и по- давала свой голосъ вмѣстѣ съ ними, такъ что Россія, частью съ Италіею, частью безъ нея, составляла одна меньшинство. Хотя вопросы эти, какъ на- примѣръ положеніе моста у Сплитстритъ, дарованная Турціи конгрессомъ воен- ная дорога чрезъ Болгарію, завѣдываніе почтою и телеграфами и пограничный споръ о нѣсколькихъ деревняхъ—сами по себѣ весьма неважны сравнительно съ миромъ великихъ державъ, тѣмъ не менѣе русское требованіе, чтобы мы въ нихъ подавали голосъ не съ Австріей, а съ Россіей, не одинъ разъ, а мно- гократно сопровождался недвусмысленными угрозами относительно послѣд- ствій, которыя повлечетъ за собою наша уклончивость для международныхъ отношеній обѣихъ странъ. Этотъ бросающійся въ глаза фактъ, чрезъ совпаде- ніе съ удаленіемъ отъ дѣлъ графа Андраши, долженъ былъ возбудить опасеніе, что между Россіею и Австріею состоялась тайная сдѣлка во вредъ Германіи. Но опасеніе это не оправдалось. Въ виду тревоги, возбуждаемой русскою поли- тикою, Австрія пенитываетъ то же безпокойство что и мы, и повидному скло- няется въ пользу соглашенія съ нами для совмѣстнаго отпора русскаго напа- денія на одну изъ двухъ державъ.

Я почелъ бы это за существенную гарантію мира Европы и безопасности Германіи, если бы Германская Имперія заключила съ Австріею сдѣлку, имѣющую цѣлью тщательно поддерживать нынѣ, какъ и прежде, миръ съ Россіею, но, если бы, несмотря на это, произведено было нападеніе на одну изъ двухъ дер- жавъ, то помогать другъ другу. Опираясь на такое взаимное страхованіе, обѣ державы могли бы и теперь, какъ прежде, посвятить себя снова утвержденію союза «трехъ императоровъ». Германская Имперія въ союзѣ съ Австріею не оста- лась бы безъ поддержки Англіи и при миролюбивой политикѣ двухъ великихъ государственныхъ организмовъ поручилась бы съ двумя милліонами воиновъ за миръ Европы. Чисто оборонительное значеніе этого обоюднаго сближенія двухъ нѣмецкихъ державъ между собою не представило бы ни для кого ни- чего вызывающаго, такъ какъ тоже взаимное страхованіе обѣихъ державъ уже существовало цѣлыхъ 50 лѣтъ на началахъ народнаго права въ Герман- скомъ Союзѣ 1815 года.

Если же такая сдѣлка не состоится, то нельзя будетъ оставить Австрій въ вину, когда, подъ давленіемъ русскихъ угрозъ и не будучи увѣрена въ Германіи, въ концѣ концовъ она будетъ искать сближенія или съ Франціею, или даже съ самою Россіею. Въ послѣднемъ случаѣ, Германія вълѣдствіе своихъ отно- шеній къ Франціи, подверглась бы полному одиночеству на материкѣ, а въ случаѣ, если бы Австрія сговорилась съ Франціею и Англіею, какъ то было

въ 1854 году, то Германія осталась бы одна Россія, и если бы она не пожелала остаться одинокою, то вынуждена была бы связать себя, какъ я опасуюсь, съ ложными и опасными путями русской внутренней и внешней политики.

Если Россія принудитъ насъ сдѣлать выборъ между нею и Австріею, то я полагаю, что Австрія уважаетъ насъ на консервативное и миролюбивое направленіе, Россія же на невѣрное.

Слѣбу питать надежду, что ваше величество, въ силу извѣстныхъ мнѣ высочайшихъ политическихъ взглядовъ, раздѣляете мои вышеизложенныя убѣжденія, и я былъ бы счастливъ, если бы могъ получить въ томъ увѣренность.

Трудности подлежащей мнѣ задачи велики, но онѣ существенно возрастаютъ отъ необходимости письменно обсуждать отсюда столь обширное и многостороннее дѣло, тогда какъ я располагаю здѣсь одною лишь моею собственною, чрезъ прошлое напряженіе ставшею совершенно недостаточною, рабочею силою. Я уже былъ вынужденъ, здоровья ради, продлить мое здѣсь пребываніе, но надѣюсь, что послѣ 20-го числа буду имѣть возможность предпринять обратный путь чрезъ Вѣну. Если мнѣ до тѣхъ поръ не удастся получить увѣренность по меньшей мѣрѣ въ принципѣ, то я опасуюсь, что нынѣшній благоприятный случай будетъ пропущенъ, а въ виду отставки Андраши нельзя предвидѣть, возобновится ли онъ когда нибудь?

Считая своимъ долгомъ почтительно довести до свѣдѣнія вашего величества мой взглядъ на положеніе и политику Германской Имперіи, прошу ваше величество милостиво принять въ соображеніе, что графъ Андраши и я взаимно обѣщали другъ другу соблюдать въ тайнѣ вышеизложенный планъ и что пока только ихъ величества оба императора знаютъ о намѣреніи ихъ руководящихъ министровъ заключить договоръ между ихъ величествами.

Остаюсь и проч.

Бисмаркъ.

10.

Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Данцига и Штетина, 29-го—31-го августа (10-го—12-го сентября) 1879 г. ¹

Посылаю вамъ при семъ заключеніе замѣтокъ о моемъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ. Письмо мое изъ Берлина, скрестившееся съ вашимъ меморандумомъ № 1, показало вамъ, что ваши взгляды, которые вы повторяете нынѣ съ болышми подробностями въ вашемъ меморандумѣ № 2, въ противорѣчій прежде всего съ принципомъ, а также что отвѣтъ не могъ быть вамъ данъ прежде, чѣмъ я переговорилъ съ императоромъ Александромъ. Ваши пред-

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста у Морица Буша, «Bismarck, some secret pages of his history», III, стр. 285—289.

положенія въ меморандумѣ могли обратиться для меня въ истины лишь послѣ моего разговора съ императоромъ и—какъ я вамъ писалъ чрезъ министра Бюлова—послѣ того, какъ былъ бы пролитъ свѣтъ на перешку. До этого же времени я считалъ ваши меморандумы какъ бы не существующими (comme non avenus). Для меня мои замѣтки пролили этотъ свѣтъ. Императоръ сожалѣетъ, что написалъ это письмо, потому что оно вызвало недоразумѣніи: что же касается до словъ: «что должно имѣть печальныя и опасныя послѣдствія»,—то на нихъ безусловно нельзя смотрѣть какъ на угрожающіе разрывомъ, но только какъ на обращающіе мое вниманіе на тотъ фактъ, что если печать не будетъ нѣсколько сдержана, то зложелательство можетъ возникнуть между обѣими нашими странами, чего ни одинъ изъ насъ не желаетъ, и что поэтому надо принять соответственныя мѣры. Это такъ справедливо, какъ только можетъ быть что нибудь справедливо въ этомъ мірѣ, и я могъ лишь выразить полное мое одобреніе, тѣмъ болѣе, что русское правительство уже приняло такія мѣры, и я приказалъ принять таковыя же передъ моимъ отъѣздомъ. Какъ вы увидите изъ моихъ замѣтокъ, я исправилъ взгляды императора Александра на голоса, поданные моими комиссарами на Востокѣ, и онъ вполне понималъ это, хотя онъ и сказалъ, что получить уже извѣстія о неблагоприятныхъ послѣдствіяхъ этого голосованія, что было для меня совершенно ново, но что объясняло неудовольствіе императора по этому поводу. Вы также прочтаете, какъ я защищалъ васъ противъ касающагося васъ мѣста въ письмѣ императора. Онъ вполне признавалъ, что наша политика во время Восточной войны была крайне полезна для Россіи, а это заключаетъ въ себѣ высшее признаніе и для васъ самихъ. Я могъ увѣрить его, что до селѣ вы сохранили ваши старыя чувства относительно Россіи, какъ это было достаточно доказано въ 1877 и 1878 годахъ. По этому случаю императоръ выразилъ свое убѣжденіе, что миръ можетъ быть обезпеченъ для Европы лишь нашею связью втроемъ, какъ мы и дѣлали со времени свиданія въ Берлинѣ 1872 года. Всегда придерживаясь этого убѣжденія, я только могъ согласиться съ нимъ. А такъ какъ три лица, Адлербергъ, Гирсъ и Милютинъ, говорили совершенно въ томъ же смыслѣ, то свѣтъ, котораго я искалъ на этомъ свиданіи въ Александровѣ относительно чувствъ императора и тѣхъ лицъ, которыя пользуются высшимъ его довѣріемъ, возсіалъ, насколько дѣло касается меня. Никто изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія идти на насъ войною. Большія подкрѣпленія русской арміи, собранныя какъ резервъ во время турецкой войны, удержаны въ видѣ постоянного усиленія, потому что они полагаютъ, что имъ грозитъ европейская коалиція и что поэтому они должны быть готовы встрѣтить ее одни.

Съ тѣхъ поръ, для меня предположенія вашего меморандума вполне распадаются, а именно будто въ виду опасности, грозящей намъ со стороны Россіи, мы должны покинуть политику, которую преслѣдовали доселѣ въ нашихъ сношеніяхъ съ этою страной, и не только искать, но и дѣйствительно заключить оборонительную европейскую коалицію противъ Россіи, а потому я и не могу

согласиться на такой проект въ его настоящемъ размѣрѣ. Въ виду объясненій, данныхъ мнѣ императоромъ Александромъ относительно письма его ко мнѣ, которое я съ самаго начала не считала угрозою, а только желаніемъ, чтобы добрыя отношенія между нашими государствами были поддержаны мѣрами, стѣняющими печать, — для меня могъ быть только источникомъ большого удовольствія тотъ мягкій тонъ, въ которомъ были составлены вами отвѣтъ, посланный императору; умѣренное давленіе и заключающіяся въ немъ истины были достаточно понятны и такъ и поняты. Слова: «вѣковое согласіе, наследіе славной памяти нашихъ отцовъ» (*une entente séculaire, le legs de nos pères de glorieuse mémoire*) были написаны такъ, какъ они начертаны въ моемъ сердцѣ, и они проникли въ сердце императора, такъ что онъ повторилъ ихъ мнѣ дважды. Поэтому я не могу понять вашей вражды къ Россіи, возрастающей съ каждымъ меморандумомъ, и не могу себя представить, какимъ образомъ приведенныя выше выраженія могутъ быть истолкованы какъ пустая фраза! Столь же глубоко огорчили меня слова, что мы должны по вѣнжности поддерживать дружественныя отношенія къ Россіи, но въ то же время заключить противъ нея коалицію съ Австріею, съ Англіею и быть можетъ съ Франціею. И вы уже такъ упорно имѣете въ виду ея заключеніе, что вы не только сообщили весь вашъ проектъ графу Андраши, но и позволили ему доложить о немъ своему императору, который также немедленно его принялъ. Засимъ вы приглашаете меня прислать вамъ инструкціи на возвратномъ вашемъ пути чрезъ Вѣну, для заключенія тамъ оборонительнаго союза съ Австріею противъ Россіи, за которымъ избѣтъ послѣдовать еще болѣе широкая коалиція. Поставьте себя на мое мѣсто на одну минуту. Я нахожусь въ присутствіи личнаго друга, близкаго родственника и союзника, съ цѣлью придти къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ, наскоро написанныхъ и конечно невѣрно понятыхъ мѣстъ въ одномъ письмѣ, и наше свиданіе приводитъ къ удовлетворительному результату. Могу ли я въ это самое время приступить къ враждебной коалиціи противъ этого государя, иначе сказать, дѣйствовать за его спиною въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, въ которомъ я говорилъ съ нимъ?

Я не стану безусловно отрицать, что опасности, указанныя въ вашемъ меморандумѣ могутъ наступить когда нибудь, въ особенности при перемѣнѣ въ правленіи въ С.-Петербургѣ. Но я все же не могу признать эту опасность неминуемою. Какъ часто предостерегали вы меня противъ договоровъ съ другими державами, которые связываютъ руки, когда нѣтъ въ виду определенной цѣли, а только мѣсто для соображеній о необезпеченномъ будущемъ. Мой братъ и министръ Мантейфель въ частности обожгли себя пальцы на трехлѣтнемъ договорѣ съ Австріею, заключенномъ послѣ Ольмюца, и съ нетерпѣніемъ ждали истечения этого срока. Настоящій случай совершенно тождественный. Противно моимъ политическимъ убѣжденіемъ и моей совѣсти связывать себя руки ради одной только возможной случайности.

Въ то же время я не могу отречься отъ васъ и отъ тѣхъ шаговъ, которые вы уже сдѣлали, вступивъ въ сношенія съ Андраши и съ его государемъ. Поэтому, въ Вѣнѣ, о предстоящемъ приѣздѣ вашемъ куда уже возвѣщаютъ всѣ газеты,—вы можете говорить о возможной въ будущемъ случайности несогласій съ Россією, которыя развились бы въ возможный разрывъ, и начать переговоры относительно совмѣстныхъ мѣръ, которыя нужно будетъ принять тогда по уговору съ Австрією. Но, слѣдую внушеніямъ моеи совѣсти, я не позволяю вамъ заключить конвенцію, а и того менѣе—трактатъ.

Надѣюсь, что такимъ способомъ наши виды снова будутъ согласованы. Если Богу угодно, чтобы такъ было, я буду имѣть возможность съ довѣріемъ взирать на будущее, которое, въ противномъ случаѣ было бы для меня очень темно, и предвидѣть естественное продолженіе нашихъ сношеній съ Россією, которыя становятся болѣе дружественными. Я не могу вамъ выразить, какъ больно было мнѣ пережить этотъ эпизодъ, когда, казалось мнѣ, въ первый разъ за семнадцать лѣтъ мы какъ будто не можемъ придти съ вами къ соглашенію. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я вашего отвѣта на вышензложенное разрѣшеніе и убѣжденъ, что мы будемъ въ состояніи дойти до соглашенія. Дай Богъ чтобы это такъ было!

Вашъ вѣрный и преданный,

Вильгельмъ.

Такъ какъ г. Бюловъ, снявъ копію съ моихъ замѣтокъ объ Александровѣ, тотчасъ же отправилъ къ вамъ оригиналь, то надо сдѣлать соответствующее измѣненіе во вступительныхъ словахъ этого письма.

11.

Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Штетина

3-го (15-го) сентября 1879 г. ¹.

Послѣ того какъ я дополнилъ мое послѣднее письмо къ вамъ, которое вы вѣроятно получили сегодня, фельдмаршалъ Мантейфель препроводилъ ко мнѣ вашу телеграмму къ нему отъ 7-го сего мѣсяца, которою я весьма доволенъ, такъ какъ могу усмотрѣть изъ нея, что намъ будетъ возможно придти къ соглашенію. Къ счастью, мнѣніе это подтверждается вашимъ четвертымъ донесеніемъ, дошедшимъ до меня вчера. Но важный фактъ припомнился мнѣ въ связи съ переговорами, которые вы поведете въ Вѣнѣ. Это конвенція, заключенная въ С.-Петербургѣ въ 1873 году, подписанная только двумя фельдмаршалами, Мольтке и Барятинскимъ, и ратификованная императоромъ Але-

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста Морица Буша, Ibid. III, стр. 265—266.

ксандромъ и мною, которую вы отказались подписать. Обстоятельство, подтверждающее причины, по которымъ вы тогда и такъ часто потомъ возставали противъ обязательныхъ конвенцій, при условіяхъ, когда, какъ и нынѣ, не имѣлось въ виду положительной цѣли, вслѣдствіе чего я съ большимъ трудомъ согласился подписать С.-Петербургскую конвенцію. Какъ же вы хотите теперь заключить конвенцію не предупредивъ объ отміѣнъ той, что была заключена въ Петербургѣ? Обѣ считаются оборонительными конвенціями. Въ настоящее время С.-Петербургская конвенція обязываетъ Пруссію и Россію оказывать другъ другу помощь въ случаѣ нападена на одну изъ нихъ. Предположенная конвенція должна заключать то же условіе, но противъ Россіи. Какъ согласовать обѣ между собою? Поэтому мнѣ кажется, что мысль Бюлова выпустить слова: «противъ Россіи» даетъ намъ поводъ включить Россію въ новую конвенцію и тѣмъ исполнить конвенцію С.-Петербургскую. Такъ какъ я не думаю, чтобы младшій Бюловъ былъ посвященъ въ тайну С.-Петербургской конвенціи, то я и не могъ говорить о ней съ нимъ, тѣмъ болѣе, что умолчаніе его о ней при изложеніи его взглядовъ какъ бы указывало на то, что онъ о ней не знаетъ.

Вильгельмъ.

12.

Письмо короля Лудвига II Баварскаго къ князю Бисмарку изъ Берга,
4-го (16-го) сентября, 1879 г. ¹.

Любезный князь Бисмаркъ,

Съ искреннимъ сожалѣніемъ узналъ я изъ вашего письма отъ 10-го сего мѣсяца, что утомительная и возбуждающая дѣловая дѣятельность повліяла на дѣйствіе вашего лѣченія водами въ Киссингенѣ и Гастейнѣ. Я съ величайшимъ интересомъ ознакомился съ вашимъ обстоятельнымъ изложеніемъ настоящаго политическаго положенія и выражаю вамъ за него мою живѣйшую благодарность. Если между Германскою Имперіею и Россіею дѣло дойдетъ до воинственныхъ усложненій, то меня самымъ болѣзненнымъ образомъ поразила такая столь сожалѣнія достойная переменна во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ и я еще не покинулъ надежды, что воздѣйствіемъ въ миролюбивомъ смыслѣ на его величество императора русскаго удастся предупредить такой оборотъ дѣла. Во всякомъ случаѣ, вы можете быть увѣрены въ полномъ моемъ сочувствіи вашимъ усиліямъ привести Германскую Имперію и Австро-Венгрію къ тѣсному сближенію и въ пожеланіи имъ счастливаго успѣха.

¹ Нѣмецкій подлинникъ въ «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 243.

Съ желаніемъ, чтобы вы вернулись на родину съ новыми силами, охотно соединяю я возобновленное увѣреніе въ особомъ уваженіи, съ которымъ я теперь и всегда остаюсь вашимъ искреннѣйшимъ другомъ,

Людвигъ.

13.

Письмо вице-канцлера графа Штольберга князю Бисмарку изъ Берлина,
5-го (17-го) сентябрю 1879 г. ¹.

Въ дополненіе къ моему официальному сообщенію отъ сегодняшняго числа имѣю честь почтительно увѣдомить вашу свѣтлость о нижеслѣдующемъ. Императоръ уже былъ почти готовъ дать свое утвержденіе, какъ вдругъ онъ смутился и сказалъ, что существуетъ еще одно препятствіе, о которомъ онъ упомянулъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ и которое вынуждаетъ его признать важнымъ исключеніе всякой для него возможности принять на себя обязательство помогать Австріи въ наступательной войнѣ противъ Россіи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, его величество взялъ съ меня честное слово, что, за исключеніемъ, вашей свѣтлости я ни съ кѣмъ не буду говорить объ этомъ предметѣ, и послѣ того сослался на соглашеніе, состоявшееся между двумя императорами въ С.-Петербургѣ въ 1873 году (съ вашего предварительнаго вѣдома, но безъ вашей скрѣпы), которымъ одинъ обязался подавать другому помощь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Это и была, очевидно, главная преграда, вызвавшая мысль о предательствѣ въ отношеніи къ императору Александру, на которое намекнулъ г. фонъ-Буловъ изъ Штетина. Хотя это изложеніе и было для меня слишкомъ неопредѣленно, въ виду моего незнакомства, съ предметомъ, для того, чтобы я могъ оцѣнить вѣсь возраженія, я счелъ своимъ долгомъ, въ виду приближающагося рѣшенія принять въ соображеніе сдѣланное императоромъ сообщеніе, а именно, что если вышеупомянутая возможность будетъ исключена, то падеть его возраженіе, а потому и предлагаю дополненіе.

Хотя такимъ образомъ возраженіе это и будетъ избѣгнуто, но его величество все же желаетъ узнать, что ваша свѣтлость имѣете сказать на этотъ счетъ, и приказываетъ мнѣ извѣстить васъ объ этомъ. Давъ свое утвержденіе, императоръ былъ нѣсколько разстроенъ и сказалъ мнѣ, что это рѣшеніе стоило ему большого усилія. Онъ полагаетъ однако, что долженъ слѣдовать совѣтамъ столь испытаннаго совѣтника, какъ ваша свѣтлость.

(Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь и проч.

Штольбергъ.

¹ Английскій переводъ нѣмецкаго текста, у Морица Буша, «Bismarck, some secret pages of his history», III, стр. 264—265.

Дополненіе, предложенное графомъ Штольбергомъ.

Утвержденіе императоромъ Вильгельмомъ подписаннаго трактата съ Австріею будетъ дано подъ условіемъ, что императоръ будетъ имѣть право написать императору Александру: «Его величество доволенъ данными Сабуровымъ увѣреніями въ миролюбіи Россіи, и желаетъ, въ доказательство своей честности и откровенности, сообщить нынѣ фактъ, что онъ намѣренъ приступить (qu'il est sur le point) къ заключенію трактата съ Австріею, которымъ обѣщается тщательное соблюденіе добрыхъ отношеній, а взаимная помощь предполагается лишь въ случаѣ нападенія

14.

Письмо князя Бисмарка королю Лудвигу II Баварскому изъ Гастейна,
7-го (19-го) сентября, 1879 г. ¹.

Съ почтительнѣйшею благодарностью я получилъ милостивое письмо вашего величества и къ радости моей узналъ изъ него о высочайшемъ единомыслии съ моими усиліями придти къ взаимному сближенію съ Австро-Венгеріею. Объ отношеніяхъ къ Россіи всеподданнѣйше замѣчаю, что неминуемой опасности воинственныхъ усложненій, о которой и я глубоко бы скорбѣлъ не только съ политической, но и съ личной точки зрѣнія, по моему почтительнѣйшему разумѣнію—не предстоить, и что такая опасность, напротивъ, приблизилась бы къ намъ лишь въ томъ случаѣ, если бы Франція готова была дѣйствовать заодно съ Россіей. Этого доселѣ не случилось, и наша политика, согласно намѣреніямъ его величества императора, не преминетъ и нынѣ, какъ и прежде, дѣйствовать на его величество императора Александра въ смыслѣ соблюденія и утвержденія мира Имперіи съ Россіей. Переговоры о тѣснѣйшемъ взаимномъ сближеніи съ Австріею преслѣдуютъ однѣ только мирныя, оборонительныя цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ—развитіе сосѣднихъ экономическихъ отношеній.

Намѣреваясь завтра покинуть Гастейнъ, я надѣюсь прибыть въ Вѣну въ воскресенье.

Съ всеподданнѣйшею благодарностью за милостивое участіе вашего величества къ моему здоровью, пребываю я въ глубочайшемъ почтеніи, вашего величества всепокорнѣйшій слуга,

Бисмаркъ.

¹ Нѣмецкій подлинникъ въ «Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck», II, стр. 243—244.

Письмо князя Бисмарка графу Авраши изъ Гастейна, 8-го (20-го) сентября,
1879 г. ¹.

Досточтимый графъ,

Ссылаясь на мое всепреданнѣйшее письмо отъ 3-го сего мѣсяца, имѣю честь нынѣ дополнить подготовленный пмъ отвѣтъ на любезное письмо вашего сіятельства отъ 1-го сего мѣсяца. По мѣрѣ содержанія нашихъ здѣшнихъ переговоровъ, я неоднократно и обстоятельно доносилъ императору, моему всемплоствѣйшему государю, о положеніи дѣла и единомысліе моихъ замѣщающихъ меня сотоварищей съ моими, вашему сіятельству извѣстными, видами дало мнѣ возможность настолько преодолѣть затрудненія, причиненныя географическимъ отдаленіемъ и противуположными внушеніями, что я могъ установить въ принципѣ согласіе его величества императора съ воззрѣніемъ, которымъ я руководствовался при нашихъ совѣщаніяхъ здѣсь. По сообщенію моего замѣстителя графа Штольберга-Вернигероде, императоръ готовъ утвердить договоръ, въ силу котораго обѣ державы общаются другъ другу и впредь выступать въ пользу сохраненія мира и пменно соблюденія ихъ мирныхъ отношеній съ Россією, а въ случаѣ если на одну изъ нихъ послѣдуетъ со стороны одной или нѣсколькихъ державъ нападеніе, то всеми силами отражать его сообща.

Соотвѣтственно сему я уполномоченъ моимъ всемплоствѣйшимъ государемъ предложить оборонительный союзъ между Австро-Венгрією и Германскою Имперією безусловно, на опредѣленный срокъ или безъ срока. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство благоволить вступитъ со мною въ словесное обсужденіе этого предложенія. Я долженъ буду представить на утвержденіе моего всемплоствѣйшаго государя результатъ нашихъ переговоровъ. Я не сомнѣваюсь въ этомъ утвержденіи, если только ваше сіятельство будете поставлены въ возможность приступить, пменемъ его величества императора Франца-Иосифа, къ нашему предложенію въ той самой простотѣ и въ томъ объемѣ, въ какихъ оно нами сдѣлано.

Во всякомъ случаѣ я почту себя счастливымъ, если наши переговоры приведутъ къ тому или другому результату, полезному для согласованныхъ интересовъ обоихъ государствъ и для мира Европы.

Съ дружескимъ почтеніемъ остаюсь отъ всего сердца преданный вамъ,

Бисмаркъ.

¹ Нѣмецкій текстъ въ «Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Fürst von Bismarck» II, стр. 528—529.

16.

Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку из Баденъ-Бадена,
20-го сентября (2-го октября) 1879 г. ¹.

Съ сожалѣніемъ усматриваю изъ вашего письма отъ 24-го мнѣнашаго мѣсяца, а равно изъ приложеннаго къ нему меморандума, изъ протоколовъ вашихъ переговоровъ въ Вѣнѣ и изъ основаннаго на нихъ проекта договора, что воззрѣнія мои относительно послѣдняго не были приняты ни съ одной стороны. Я изложилъ эти воззрѣнія въ моихъ письмахъ изъ Данцига и Штетина отъ 10-го и 12-го прошлаго мѣсяца такъ ясно, какъ только могъ, а потому вы сами можете заключить, какъ много они разнятся отъ достигнутаго результата, такъ что мнѣ незачѣмъ повторять ихъ. Несмотря, однако, на это обстоятельство, я возвращаю вамъ при семъ ваше письмо отъ 24-го для того, чтобы вы могли изъ моихъ замѣтокъ на поляхъ составить себѣ понятіе о впечатлѣніи, которое оно произвело на меня.

Германія и Австрія желаютъ достиженія одной и той же цѣли: безопасности отъ невызваннаго ими нападенія со стороны внѣшнихъ враговъ. Но въ виду особаго упоминанія о Россіи какъ о такомъ врагѣ, я не могу согласиться на настоящія предложенія, ни на немедленное заключеніе договора. Послѣ того какъ я снова протянулъ дружескую руку императору Александру, послѣ устраненія недоразумѣній въ Александровѣ, могу ли я теперь заключить союзъ противъ него, хотя бы и оборонительнаго свойства, союзъ, въ которомъ упомянуть онъ одинъ въ качествѣ предполагаемаго зачинщика (*agresseur*), и сохранить это намѣреніе отъ него въ тайнѣ? Я не способенъ на такой предательскій поступокъ. Чтобы ослабить это возраженіе, утверждаютъ, что въ данномъ случаѣ (*le cas échéant*) Россію извѣстятъ о существованіи союза, если стануть очевидны признаки войны противъ насъ. Это столь неопредѣленное выраженіе до того гибко, что извѣщеніе или пришло бы слишкомъ поздно, или только вызвало бы еще большее раздраженіе. Далѣе говорятъ, что въ состояніи броженія, нынѣ господствующаго во внутреннихъ дѣлахъ Россіи, извѣстіе о такомъ союзѣ дастъ ей силу и самообладаніе, нужныя для того, чтобы совладать съ этимъ броженіемъ. Но вѣдь для этой цѣли нужно, чтобы официально узнали о такомъ честномъ намѣреніи, а между тѣмъ нельзя, конечно, официально сообщить тотъ фактъ, что Россія почитается единственнымъ врагомъ. Поэтому, чтобы сдѣлать возможнымъ сообщеніе договора Россіи, слѣдуетъ выпустить изъ него упоминаніе о ней и врага намѣтить лишь въ общихъ выраженіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, между прочимъ, что, вступая между собою въ соглашеніе, стороны имѣли въ виду это самое, указанное выше честное намѣреніе.

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста, у Морица Буша, «*Bismarck, some secret pages of his history*», III, стр. 268—278.

Вотъ чего я желаю. Я не согласенъ на немедленную ратификацію договора, потому что въ настоящую минуту не существуетъ рѣшительно ничего, что могло бы повести къ войнѣ противъ Германіи и Австріи, а всѣмъ извѣстно, что обязательные договоры, заключенные безъ крайней въ томъ необходимости — орудія обоюдоострыя. Австрія настаиваетъ на немедленной ратификаціи на томъ основаніи, что благопріятное положеніе, нынѣ существующее во Франціи, можетъ подвергнуться опасности и что дружественныя отношенія между Франціею и Англіею могутъ охладиться. Я не могу понять, какимъ образомъ столь дальновидная политическая комбинація можетъ быть поставлена въ зависимость отъ случайности того или другого министра Французской республики, которому грозитъ низверженіе? Послѣ этого, англо-австрийское сближеніе должно быть очень шатко, если оно зависить отъ дня ратификаціи какого нибудь договора. Въ виду уваженія, съ которымъ Австрія относится къ щекотливости Франціи и ея опасенія охлажденія съ Англіею, мнѣніе Милютина о возможности тройственнаго между ними союза быть можетъ и не исполнѣ лишено основанія.

Возникло другое еще обстоятельство, могущее открыть выходъ изъ дилеммы, въ которой я заключенъ между моею честью и совѣстью, насколько это относится къ Россіи и возраженіями, предъявленными со стороны Австріи противъ моихъ возрѣній. Въ отвѣтъ на мой запросъ по телеграфу вы увѣдомили меня по телеграфу же о томъ, что сказали вамъ Сабуровъ на основаніи инструкцій императора. Вы выводите изъ этихъ сообщеній, что Россія уже провѣдала о нашихъ переговорахъ съ Австріею (что исполнѣ естественно) и заключаете изъ оборонительнаго положенія, которое Россія, по увѣренію Сабурова, налѣжена соблюдать въ будущемъ, что это увѣреніе является послѣдствіемъ ея осведомленности о нашихъ переговорахъ. При такихъ обстоятельствахъ представляется возможнымъ тотчасъ же привести въ исполненіе мысль, подавленную мною на стр. 3-й, о способѣ сообщенія нашей сдѣлки съ Австріею и придать договору общій смыслъ не только опущеніемъ имени Россіи, но и приглашеніемъ ея приступить къ договору. Вы сами сказали Сабурову, что вы исполнѣ расположены въ пользу сохраненія союза «трехъ императоровъ», и та же мысль встрѣчается въ меморандумѣ, въ протоколѣ и въ договорѣ. Что же можетъ быть проще, какъ подтвердить въ реальномъ, письменномъ договорѣ союзъ «трехъ императоровъ», который доселѣ былъ только словеснымъ, или, въ крайнемъ случаѣ, имѣть лишь одно письменное основаніе въ соглашеніи между С.-Петербургомъ и Вѣною? Вы сами же сказали еще Сабурову, что вы не можете содѣйствовать такой политикѣ, которая грозитъ бы опасностью Австріи. (Чтожь же справедливо, сколько и важно, чтобы Россія получила первое официальное извѣщеніе о томъ, что она уже провѣдала. Послѣ того какъ нашъ посоль въ С.-Петербургѣ извѣститъ министра Гирса о вашемъ свиданіи съ Сабуровымъ, я бы спросилъ: справедливо ли его увѣреніе, что

Россия отнынѣ будетъ слѣдовать только оборонительной политикѣ, основанной на берлинскомъ трактатѣ, и означаетъ ли это оборонительную политику противъ Германіи, какъ и противъ Австріи? Если полученъ будетъ удовлетворительный отвѣтъ и таковой будетъ немедленно сообщенъ Австріи, то на нашемъ пути, какъ и на пути Австріи, не было бы уже болѣе препятствія къ ознакомленію императора Александра вышеупомянутымъ (на стр. 3-й) способомъ съ предложеннымъ договоромъ и къ приглашенію его приступить къ нему.

Это вызоветъ необходимость измѣненія 1-й статьи. Статья 2-я совершенно отпадетъ, статья 4-я будетъ передѣлана соотвѣтственно моимъ отмѣткамъ на поляхъ, если будетъ найдено желательнымъ, чтобы въ самомъ проектѣ заключалось первое приглашеніе Россіи приступить къ договору, и весь договоръ будетъ сообщенъ, какъ трактатъ, касающійся пока только Германіи и Австріи. Я нахожу нужнымъ опустить 2-ю статью потому, что она направлена исключительно противъ Россіи; а сверхъ того и потому, что въ вѣщемъ ишемѣ отъ 24-го прошлаго мѣсяца нарочито сказано, что въ случаѣ нападенія Франціи на Германію Австрія освобождена отъ обязанности помогать Германіи и обязана только соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Это все равно, что сказать, что мы будемъ поддерживать Австрію противъ Россіи всѣми нашими силами (ст. 1-я), тогда какъ Австрія не обязана оказывать намъ ту же услугу если Франція нападетъ на насъ. Но вѣдь послѣдняя случайность безспорно возможна и конечно, вѣроятна, чѣмъ нападеніе со стороны Россіи, по крайней мѣрѣ такъ было доселѣ, ибо во Франціи желаніе отыгрыша (*revanche*) только дремлетъ и никогда не было покинуто, и снова проявится, какъ только представится удобный случай. Относительно положенія Германіи въ войнѣ съ Франціею я расхожусь съ фельдмаршаломъ Мольтке, потому что не могу раздѣлять его мнѣнія, что нашихъ силъ достаточно, чтобы вести такую войну безъ союзниковъ. Въ такомъ случаѣ мы очутимся лицомъ къ лицу съ арміею, совершенно отличною отъ арміи 1870 года, такъ какъ нельзя отрицать достигнутого ею усовершенствованія. Кромѣ того есть еще другое соображеніе, а именно—почти герметически закрытая французская граница, простирающаяся отъ швейцарской до бельгійской границы, непрерывная линия крѣпостей и фортовъ, которая, даже будучи прорванной, сдѣлаетъ невозможнымъ отравку подкрѣпленій во фронтъ и сверхъ того какъ нельзя болѣе замедлитъ стратегическое наступленіе нашихъ силъ. На этомъ-то ограниченномъ пространствѣ намъ предстоитъ, по словамъ фельдмаршала Мольтке, дать сраженіе. Если мы побѣдимъ, то намъ нельзя будетъ преслѣдовать разбитаго непріятеля, какъ мы это сдѣлали въ 1870 году; намъ останется лишь крѣпостей, къ осадѣ которыхъ мы, вмѣсто преслѣдованія, должны будемъ немедленно приступить. Пройдутъ мѣсяцы прежде чѣмъ мы возьмемъ какую нибудь изъ нихъ, и это дастъ разбитой арміи время оправиться позади этой линіи и встрѣтить насъ хорошо подготовленною въ случаѣ, если мы прорвемъ ее, рискуя потерять

сообщенія съ нашимъ операционнымъ базисомъ. Но если германская армія будетъ разбита въ первомъ сраженіи, тогда лѣвый берегъ Рейна тотчасъ же для насъ потерянь и мы будемъ вынуждены отступитъ за рѣку.

Вильгельмъ.

17.

Письмо графа Авдраши князю Бисмарку изъ Вѣны, 21-го сентября
(3-го октября) 1879 г. ¹

Я получилъ ваше почтеннѣйшее письмо отъ 29-го сентября, за которое приношу живѣйшую мою благодарность. Я съ тѣхъ поръ получилъ чрезъ князя Рейса нѣсколько сообщеній, относящихся къ положенію переговоровъ. Предлагаю ихъ при семъ въ той формѣ, въ какой они были написаны самимъ княземъ Рейсомъ. Я могу заявить о моемъ согласіи съ намѣреніями, выраженными въ этомъ предложеніи, но все же нѣсколько затрудняюсь по двумъ пунктамъ. Первый тотъ, гдѣ говорится о договорѣ, а второй, гдѣ заключеніе его изображается какъ предстоящее въ будущемъ. Мое возраженіе на первый пунктъ то, что если намѣреніе заключить договоръ будетъ опредѣленно высказано въ письмѣ его величества императора Вильгельма, то изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что въ Петербургѣ спросятъ о текстѣ, и это подастъ поводъ русскому кабинету, прежде чѣмъ дѣло будетъ рѣшено между нами, начать переговоры втроемъ, отъ которыхъ я не предвижу удовлетворительнаго результата ни для одной изъ сторонъ. По этой причинѣ я рѣшаюсь сдѣлать контръ-предложеніе или точнѣе предложеніе параллельное, принятіе котораго было бы, мнѣ кажется, выгодно для обѣихъ сторонъ.

Оно заключается въ слѣдующемъ:

Утвердивъ подписаніе договора, его величество императоръ Вильгельмъ можетъ сообщить полное содержаніе ² меморандума, условленнаго между нами и нами подписаннаго, который, конечно, предполагаетъ соглашеніе, и прибавитъ отъ себя объясненіе, что это соглашеніе въ то же время заключаетъ и молчаливый уговоръ двухъ правительствъ, что нападеніе на одну изъ имперій будетъ сочтено направленнымъ противъ обѣихъ ³ и будетъ также понято его величествомъ въ томъ же смыслѣ. Его величество, довольный заявленіемъ Сабурова о миролюбіи Россіи, дѣлаетъ это сообщеніе, какъ доказательство своей честности и откровенности. Его величество, быть можетъ, прибавитъ, что соглашеніе это—совершенно оборонительнаго свойства и что ничто не мѣшаетъ Россіи устранить всякое про-

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста у Морнца Буша, Ibid., III стр. 273—276.

² Подчеркнуто карандашомъ Висмаркомъ.

³ Подчеркнуто карандашомъ Висмаркомъ.

тивное направленіе приступленіемъ ея самой къ принципамъ, изложеннымъ въ меморандумѣ ¹. Этимъ способомъ дѣло императора Вильгельма была бы вполне достигнута, а именно, чтобы сообщить значеніе нашего соглашенія и въ то же время, съ другой стороны, не упоминать о существованіи болѣе опредѣленнаго соглашенія и такимъ образомъ избѣжать необходимости сообщить его.

Такое сообщеніе текста представило бы, между прочимъ, то неудобство, что: во-1-хъ, приступленіе Россіи къ этому тексту немислимо; во-2-хъ, что мѣсто, касающееся Франціи и Италіи, стало бы тотчасъ извѣстно въ этихъ странахъ и въ настоящую минуту возбудило бы совершенно ненужные толки; и, въ-3-хъ, дѣло могло бы проникнуть въ парламенты и повести къ нежелательнымъ преніямъ. Эти соображенія объясняютъ мое предложеніе. Если вы не въ состояніи обезпечить его принятіе въ надлежащемъ мѣстѣ, то я не могу дать согласія ни на какой иной способъ, включая и предложеніе, сдѣланное Штольбергомъ, такъ какъ мой всемплоствѣйшій государь заявилъ передъ своимъ отъѣздомъ, что не поставитъ условіемъ *sine qua non* соблюденія въ тайнѣ договора, послѣ подписанія ².

Съ другой стороны есть еще пунктъ, на который я вступаю, какъ на вопросъ, стоящій внѣ всякаго сомнѣнія, а именно, что ни существованіе, ни содержаніе договора не можетъ быть сообщено, прежде чѣмъ ему будетъ дѣйствительно дано или обезпечено утвержденіе его величества императора Вильгельма ³. Не желая предрѣшать рѣшенія по этому вопросу моего всемплоствѣйшаго государя, я предпочелъ бы вовсе отказаться отъ заключенія соглашенія и ни въ какомъ случаѣ не былъ бы обязанъ принять лично какое либо дальнѣйшее участіе въ переговорахъ на этомъ основаніи. Пожалуйста извините, дорогой князь, нѣсколько рѣзкій тонъ этого заявленія, но такъ какъ дѣло представляется мнѣ спѣшнымъ, то я хочу, чтобы князь Рейсъ получилъ это письмо сегодня.

Прося васъ выразить мое почтеніе княгинѣ, остаюсь съ неизмѣннымъ и сердечнымъ почтеніемъ, искренно вамъ преданный,

Андраши.

18.

Письмо императора Вильгельма I князю Бисмарку изъ Баденъ-Бадена, 22-го сентября (4-го октября) 1879 г.⁴

И еще не кончилъ вчера приложеннаго при семъ письма, когда пришла ваша длинная телеграмма, такъ что я долженъ былъ еще прибавить послѣднія

¹ Подчеркнуто карандашомъ Бисмаркомъ.

² Подчеркнуто карандашомъ Бисмаркомъ.

³ Отмѣтка Бисмарка на полѣ:—«Совершенно справедливо».

⁴ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста у Морица Буша, *Ibid.*, III, стр. 272—273.

три четверти страницы. Точка зрѣнія, на которой я стою въ этомъ писемѣ, не была поколеблена моимъ рѣшеніемъ одобрить условно предложеніе изъ Вѣны. Но снова спрашиваю васъ, что должны мы отвѣтить, если по поводу сообщеннаго ему меморандума императоръ Александръ спроситъ: Что же вы рѣшили сдѣлать въ связи съ этимъ меморандумомъ? Весьма вѣроятно, вы заключили соглашеніе? Пока я не ознакомленъ съ нимъ, я не могу принять рѣшенія, а потому покажите мнѣ это соглашеніе». Но такъ какъ соглашеніе, въ его настоящемъ видѣ, не можетъ быть показано Россіи, то мы должны отклонить предъявленіе его. Какое же впечатлѣніе произведетъ этотъ отказъ на императора Александра? Конечно, самое худшее. Редакція 2-й статьи, на мой взглядъ, до того странная, что я желалъ бы подвести итогъ приложенію, предложивъ вычеркнуть нейтралитетъ Австріи въ случаѣ нападенія на насъ Франціи и пригласивъ Австрію принять на себя то же обязательство помогать намъ всеми ея силами, которое мы принимаемъ передъ Австріею въ 1-й статьѣ въ случаѣ нападенія Россіи. А то условія не равны. Еще разъ сильно настояте на этомъ предъ Андраши.

Вильгельмъ.

19.

Письмо наследнаго принца Фридриха-Вильгельма князю Бисмарку изъ Бадена-Бадена, 22-го сентября (4-го октября) 1879 г. ¹

Графъ Штольбергъ уже увѣдомилъ васъ ранѣе полученія этихъ строкъ о ходѣ дѣла вплоть до подписанія проекта договора императоромъ. Поэтому я не скажу больше ничего объ этомъ весьма возбудительномъ кризисѣ, результатъ котораго, какъ я предвижу, будетъ имѣть великое значеніе для положенія Германіи. Я долженъ выставить на видъ, однако, что его величество глубоко несчастливъ и не перестаетъ повторять, что онъ обезчестилъ себя своимъ рѣшеніемъ и предательски поступилъ въ отношеніи къ своему другу, царю; такъ что всякому ясно, какъ страшно трудно было ему это рѣшеніе, при его чрезвычайной добросовѣстности.

20.

Союзный договоръ Германіи и Австро-Венгріи, подписанный въ Вѣнѣ, 25-го сентября (7-го октября) 1879 г. ²

Принимая въ соображеніе, что ихъ величества императоръ германскій, король прусскій, и императоръ австрійскій, король венгерскій, должны почитать

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста у Морица Буша, *Ibid.*, III, стр. 276.

² Нѣмецкій текстъ обнародованъ въ «Германскомъ Имперскомъ Указателѣ» 6-го февраля 1888 г.

за свой непреклонный монарший долгъ постоянно заботиться о безопасности ихъ имперій и о спокойствіи ихъ народовъ;

принимая въ соображеніе, что эти два монарха, какъ то было при существованіи прежняго Германскаго Союза, будутъ имѣть возможность исполнять этотъ долгъ болѣе легкимъ и дѣйствительнымъ образомъ чрезъ тѣсное единеніе обоихъ государствъ;

принимая въ соображеніе, наконецъ, что тѣсное соглашеніе Германія и Австро-Венгріи не можетъ никому служить угрозою, а напротивъ только утвердить миръ Европы, созданный постановленіями берлинскаго конгресса;

ихъ величества императоръ германскій и императоръ австрійскій, король венгерскій, давая другъ другу торжественное обѣщаніе, что они не придадутъ никогда и ни въ какомъ направленіи наступательнаго значенія ихъ чисто оборонительному соглашенію, рѣшили заключить союзъ мира и взаимной защиты.

Съ этою цѣлью они назначили своимъ уполномоченными:

Его величество императоръ германскій—своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла, генераль-лейтенанта князя Генриха VII Рейса и проч. и проч.

Его величество императоръ австрійскій, король венгерскій, своего тайнаго совѣтника, министра императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, фельдмаршалъ-лейтенанта графа Юлія Андраши, отъ Сикъ-Сентъ-Кираль и Красна Горка, и проч. и проч., которые сошлись сего числа въ Вѣнѣ и, обмѣнявъ свои полномочія, найденныя въ доброй и надлежащей формѣ, условились въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. 1-я.

Если въ противность надеждъ и искреннему желанію обѣихъ договаривающихся сторонъ на одно изъ двухъ государствъ нападетъ Россія, то высокія договаривающіяся стороны обязаны помогать другъ другу всѣми вооруженными силами ихъ государствъ и слѣдовательно не заключать мира иначе, какъ сообща и въ согласіи между собою.

Ст. 2-я.

Если на одну изъ высокыхъ договаривающихся сторонъ нападетъ иная держава, другая высокая договаривающаяся сторона симъ обязывается не помогать противнику ея высокаго союзника, но соблюдать по меньшей мѣрѣ доброджелательный нейтралитетъ по отношенію къ своему высокому союзнику.

Если же, однако, въ этомъ случаѣ нападающая держава будетъ поддержана Россіею, подъ видомъ либо дѣятельнаго содѣйствія, либо военныхъ мѣръ, угрожающихъ державамъ, на которую сдѣлано нападеніе, то обязательство взаимной помощи всѣми силами, установленное 1-ю статьею настоящаго договора, тотчасъ же вступитъ въ силу и высокія договаривающіяся стороны поведутъ войну сообща вплоть до общаго же заключенія мира.

Ст. 3-я.

Настоящій договоръ, вслѣдствіе его мирнаго свойства и дабы избѣжать всякаго ложнаго толкованія, будетъ соблюденъ въ тайнѣ обѣими высочшими договаривающимися сторонами и можетъ быть сообщенъ третьей державѣ только съ общаго согласія обѣихъ сторонъ и послѣ особаго на этотъ счетъ соглашенія.

Во вниманіе къ чувствамъ императора Александра, выраженнымъ при свиданіи въ Александровѣ, обѣ высочія договаривающіяся стороны питаютъ надежду, что вооруженія Россіи не окажутся въ дѣйствительности угрожающими для нихъ и вслѣдствіе сего у нихъ нѣтъ въ настоящую минуту никакого повода сдѣлать ей сообщеніе. Но въ случаѣ, если, вопреки ихъ ожиданію, надежда эта оказалась бы ложною, обѣ высочія договаривающіяся стороны сочли бы за долгъ чести предупредить, по крайней мѣрѣ довѣрительно, императора Александра, что онѣ должны будутъ взирать на нападеніе на одну изъ нихъ, какъ на направленное на обѣ стороны.

Въ удостовѣреніе чего уполномоченные собственноручно подписали настоящій договоръ и приложили къ нему свои печати.

Совершено въ Вѣнѣ, 7-го октября 1879 года.

Георгиѣ VII князь Рейсъ.

Андрашъ.

М. П.

М. П.

21.

Проектъ словеснаго отвѣта императору Александру II на могущіе послѣдовать съ его стороны запросы, писанный рукою князя Бисмарка, въ Варцигѣ, 18-го (30-го) октября 1879 г. ¹

Учрежденіе, возникшее подъ вліяніемъ Александра I и сохранившее миръ Средней Европы въ продолженіе полувѣка, должно было быть принесено въ 1866 году въ жертву неострашимой, необходимости. Германскій Союзъ былъ чрезвычайнымъ бременемъ для насъ пруссаковъ и въ то же время не удовлетворялъ стремленія прочихъ германцевъ. Созданное этимъ неудовольствіе было использовано революціонною партією, какъ угроза всѣмъ нѣмецкимъ государямъ. Нужно было лишить ее этого оружія насчетъ безопасности, которую Союзъ обезпечивалъ, почти безъ всякихъ затратъ, своимъ слабѣйшимъ членамъ.

Что брешь, причиненная отпаденіемъ Австріи, которая простиралась отъ Карпатовъ до Констанцскаго озера, должна быть восполнена,—было еще со-

¹ Англійскій переводъ нѣмецкаго текста у Моррица Буша, «Bismarck, some secret pages of his history», III, стр. 276.

звано даже въ храмъ Св. Павла. Еще позже, а именно послѣ войны 1866 года, непрерывно дѣлались попытки связать Австрію съ государствами, съ которыми она прежде была соединена въ Германскомъ Союзѣ, такъ чтобы воспренятствовать ей вступить въ союзъ съ Франціею противъ нихъ. Цѣль эта нынѣ достигнута безъ всякаго обязательства для насъ защищать Триентъ, Триестъ, или даже Боснію противъ итальянцевъ, или турокъ, или южныхъ славянъ. Наше соглашеніе съ Австріею заключаетъ въ себѣ не болѣе чего либо похужаго на угрозу нашимъ сосѣдямъ, какъ возведеніе на границѣ крѣпости, которое, разумѣется, никому не представляется въ этомъ свѣтѣ, и оно, конечно, менѣе походить на угрозу, чѣмъ напримѣръ сооруженіе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ. Оно въ сущности имѣетъ значеніе общества взаимнаго страхованія, пользоваться которымъ предоставляется всякому. — непосредственно въ тѣмъ заинтересованъ.

22.

Письмо императора Вильгельма I императору Александру II изъ Берлина.
23-го октября (4-го ноября) 1879 г.¹

Mon cher neveu et ami,

L'amitié de cœur qui nous unit depuis de si longues années et qui nous a dicté une politique basée sur ces sentiments me fait un devoir de vous écrire dans le moment où je vous transmets un mémorandum comme résultat des communications verbales entre le Prince Bismarck et le Comte Andrassy à Gastein et à Vienne. Ce dernier s'était rendu à Gastein pour donner des explications sur les motifs de sa démission des affaires auxquelles il avait présidé d'une manière si distinguée qui lui avait valu la confiance de l'Europe entière. Les pourparlers des deux chanceliers se sont dirigés nommément sur les relations entre l'Allemagne et l'Autriche à la suite des événements depuis l'année 1848. Le sort des armes a décidé que dorénavant la Prusse serait placée à la tête de l'Allemagne unie. La Confédération allemande étant dissoute, l'Autriche cessait d'être liée par des traités avec l'Allemagne reconstituée; mais l'alliance entre la Prusse, l'Autriche et les Etats allemands subsiste dans l'opinion publique de l'Allemagne qui tend à la remplacer par l'union morale des deux Empires dans l'esprit pacifique desquels on voit un gage du maintien de la paix de l'Europe. Je ne parle pas de la sagesse avec laquelle vous avez si puissamment contribué au maintien de cette paix malgré les guerres partielles dont l'Europe était le théâtre dans les dernières 20 années. La démission du comte Andrassy qui par sa personne avait maintenu la marche susdite pouvait avoir des suites graves, quel que fût son successeur,

¹ Французскій подлинникъ и нѣмецкій переводъ, въ Horst Kohl, «Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen», стр. 178—180 и 221—223.

parce que la confiance n'est point un acte d'héritage. Les deux chanceliers tombèrent donc d'accord de couvrir par une nouvelle entente de l'Allemagne et de l'Autriche le vide laissé par l'abolition de la Confédération Germanique qui avait pendant un demi-siècle représenté l'alliance de la Prusse, de l'Autriche et des souverains allemands. Cette entente est formulée dans le mémorandum ci-annexé.

J'aime à me dire que les principes conçus dans cette pièce importante seront appréciés par vous et que vous voudrez y adhérer comme raffermissement de l'entente des trois Empereurs qui depuis l'année 1873 a rendu des services si signalés à l'Europe. J'ai remarqué non sans satisfaction que, après notre entrevue à Alexandrovo, la presse dans nos pays s'est calmée; j'ai pourtant rencontré dans un journal de Moscou un article qui parle ouvertement de la guerre panslaviste contre l'Allemagne comme fait arrêté, sans que le gouverneur-général ait saisi ce journal dont il était en plein droit avec les pouvoirs qu'il possède. Je crains le parti nihiliste qui, de concert avec le panslavisme, tient un langage hostile contre les pays voisins afin de profiter de tout mauvais conflit pour ses plans subversifs. Si ces plans révolutionnaires pouvaient aboutir par leur pression à entraîner ou à compromettre le gouvernement dans ses relations politiques, il rencontrerait, je ne puis vous le cacher, mon cher neveu, une solidarité de résistance dans les pays voisins. Le langage menaçant joint à l'augmentation si frappante de votre armée après les succès d'une guerre glorieuse qui semblait devoir assurer la paix, tient l'Europe en suspens, tandis qu'une ferme expression de votre volonté pacifique pourrait calmer les inquiétudes et ramener les esprits dans la bonne voie.

Voici, mon cher neveu, ce qui me tenait à coeur de vous dire avec la franchise et la confiance que vous me connaissez, mais je dois y ajouter encore un regret tout personnel au sujet de la coïncidence fâcheuse de notre entrevue amicale avec les démarches qui ont été hâtées par la démission imprévue du comte Andrassy et par les circonstances en question.

Vous savez que j'ai eu la grande satisfaction de revoir l'Impératrice et de pouvoir lui exprimer verbalement mes vœux fervents pour sa santé que j'ai trouvée meilleure, grâce à Dieu, que je ne m'y attendais.

Guillaume.

23.

Письмо императора Александра II императору Вильгельму I изъ Ливадии,
2-го (14-го) ноября 1879 г.¹

Mon cher oncle et ami,

Je ne saurais assez vous remercier pour votre lettre du 4 Novembre qui vient de me parvenir. En y joignant le texte du mémorandum signé à Vienne, vous

¹ Французскій текстъ и нѣмецкій переводъ. Ibid., стр. 180—182 и 223—225

m'avez donné une nouvelle preuve de votre cordiale franchise et avez pressenti le besoin de mon coeur d'écarter de nos rapports jusqu'au moindre semblant du doute.

Il est certain que le voyage du Prince de Bismarck à Vienne suivi de la conclusion de l'acte précité semblait en quelque sorte servir de contre-poids à notre entrevue d'Alexandrovo et ne pouvait que produire une impression pénible, de nature à dérouter l'opinion publique. Ma confiance personnelle ne s'en est point émue et je suis heureux de constater aujourd'hui que cette transaction politique ne contient absolument rien de contraire à mes vœux. Elle tend à consolider la puissance de la Grande Allemagne à la réunion de laquelle j'ai applaudi et elle cherche à liquider pacifiquement les stipulations du traité de Berlin dont la fidèle exécution n'a jamais cessé d'être la base de ma politique.

J'adhère donc pleinement aux principes conçus dans le mémorandum que vous avez bien voulu me communiquer et, en m'associant ainsi à l'accord éabli entre l'Allemagne et l'Autriche, j'aime à y voir le retour à cette parfaite entente des trois Empereurs qui, comme vous l'observez avec tant de justesse, a rendu les plus grands services à l'Europe.

Vous n'ignorez pas d'ailleurs, mon cher oncle, combien j'étais prêt à aller au devant de cette entente et mes efforts d'y arriver par une entière communauté de vues entre nous doivent vous être connus. Afin de faciliter les rapports qui en découlent en destinant mon ambassadeur actuel à Berlin à d'autres fonctions, je me suis décidé à le remplacer par Mr. de Sabouroff dont les récentes entrevues avec le Prince de Bismarck ont défini la tâche. Si ce choix vous agréé, vous voudrez bien me le dire et j'espère que Sabouroff saura se rendre digne de toute la confiance que je tiens tant à voir présider aux relations entre nos deux Etats.

A cet égard, je ne puis vous cacher, mon cher oncle, combien je regrette que vous ayez pu attribuer le caractère d'une menace à la série de mesures militaires nécessitées pour la transformation de mon armée. Je croyais que mes explications verbales et celles que mon ministre de la guerre comte Miloutine a eu l'honneur de vous soumettre à Alexandrovo en avaient suffisamment relevé le sens pacifique pour éclaircir définitivement cette question.

Je ne regrette pas moins de vous voir admettre que les tendances panslavistes et autres qui se font jour dans la publicité puissent exercer une pression sur mon gouvernement. L'opinion dévoyée de quelque écrivain, fût-il même le représentant d'un cercle plus ou moins étendu d'adeptes, n'acquiert jamais en Russie la signification d'un programme politique. Aussi s'il arrive qu'un écart de la presse échappe au contrôle de mon gouvernement, c'est précisément parce que la conscience de sa force lui en fait atténuer la portée.

Quant aux menées subversives du parti nihiliste, vous savez que je n'ai pas hésité à recourir aux moyens les plus énergiques pour les combattre dès que les circonstances en ont démontré la nécessité. Ces mesures ne sont pas restées sans résultats. Vous y voyez la preuve que ma ferme volonté ne tolérera jamais la

moindre tentative de nature à compromettre l'ordre et la paix. Il me reste à espérer, mon cher oncle, que cette assurance venant de ma part pourra dissiper vos doutes.

J'ai été fort aise d'apprendre que la nomination de mon aide de camp, colonel Prince Dolgorouky, comme attaché militaire auprès de votre personne vous convient. En le recommandant à votre bienveillance, j'espère qu'il saura la mériter.

Je tiens à vous exprimer tous mes remerciements pour l'accueil plein de bonté que vous avez fait à mes fils.

L'Impératrice a été bien contente de vous revoir un instant à son passage par Oos. Sa santé laisse malheureusement encore beaucoup à désirer.

Croyez, mon cher oncle, aux sentiments d'invariable attachement et d'affection sincère de votre dévoué neveu et ami.

Alexandre.

24.

Разговоръ князя Бисмарка съ графомъ Сень-Валье.¹

Varzin, le 2 (14) Novembre 1879.

Je veux maintenant vous expliquer en détail et sans rien cacher quelles sont les circonstances qui m'ont amené à me rendre à Vienne, et ce que j'y ai fait.

Depuis trois ans, la politique de la Russie à notre égard s'est modifiée; l'ancienne amitié a fait place à une jalousie et à une défiance singulières. Gortchakow a commencé; l'empereur Alexandre II, aveuglément dirigé par le plus ignorant et le plus aventureux des hommes d'esprit, Miloutine, continue l'oeuvre. Notre premier refroidissement date de 1875, alors que Gortchakow, aidé de Decazes, a voulu jouer à mes dépens le rôle de sauveur de la France, me représenter comme l'ennemi de la paix européenne et se procurer un triomphant «Quos ego» pour arrêter d'un mot et briser mes noirs et perfides desseins. Je lui ai dit alors, quand il est venu à Berlin me donner des explications et plaider pour le maintien de notre ancienne amitié, que l'incident ne nous brouillerait pas politiquement, les intérêts passant au-dessus des ressentiments, mais que j'étais et resterais blessé de sa conduite, par suite de laquelle, à mon amitié confiante succéderait dorénavant une amitié défiante.

Le second froissement s'est produit dans l'automne de 1876, au moment où la Russie, bercée par les plans chimériques d'Ignatiëw, se voyait déjà maîtresse de Constantinople. L'Angleterre dormait; Beaconsfield, l'aventureux, ne s'était

¹ Извлечение изъ донесенія французскаго посла въ Берлинъ графа Сень-Валье министру иностранныхъ дѣлъ Ваддингтону, напечатано въ приложеніи къ книгѣ графа Шодорди: «La France en 1889», стр. 258—268.

pas encore révélé dans le romancier Disraeli; Salisbury, dominé par Ignatiéw, faisait les affaires de la Russie et en était à sa première manière; la France, dirigée par Decazes, représentée par Chaudordy, était regardée comme une complaisante assurée; restait un seul obstacle: l'Autriche, peut-être inefficace par lui-même, mais infranchissable, appuyé par nous.

On est donc venu nous demander de livrer l'Autriche et nous proposer d'en partager les dépouilles. J'ai opposé le silence aux premières ouvertures; on les a renouvelées et on m'a mis au pied du mur; j'ai alors déclaré que nous considérons la conservation de l'Autriche comme une condition nécessaire de notre sécurité, et que nous n'admettrions pas un plan qui tendrait à sa destruction. On ne s'est pas tenu pour battu et l'on a voulu obtenir de moi une promesse de neutralité. J'ai répondu que nos intérêts vitaux nous défendaient de nous désintéresser d'une guerre entre nos deux voisins et alliés, mais qu'en tout état de cause, nous serions favorables à celui qui serait injustement attaqué par l'autre; pour donner plus de poids à ma réponse, je l'ai développée dans un discours au Reichstag, où j'ai rappelé les vieux liens de sympathie existant entre des frères de race comme nous et les Autrichiens; vous devez vous souvenir que j'ai laissé clairement entendre qu'au besoin nous marcherions à la défense de Vienne.

Mon attitude a obligé la Russie à ajourner ses projets, et comme il lui fallait un exutoire, elle s'est jetée sur la pauvre Turquie.

De cette époque date notre premier rapprochement sérieux avec l'Autriche, depuis Sadowa; jusque-là, toutes mes tentatives avaient rencontré une oreille fermée, sinon chez Andrassy, trop Madgyar pour nous en vouloir beaucoup, mais chez l'empereur François-Joseph.

Eh bien, c'est à la Russie et à sa politique inquiétante et agressive que je dois d'avoir pu réaliser un de mes plus constants objectifs, car je l'avais déjà en vue à la paix de Nickolsburg, lorsque je me broillais avec l'empereur et le parti militaire et donnais ma démission pour empêcher la mutilation de l'Autriche. Ma conviction déjà formée alors, aujourd'hui plus ferme que jamais, c'est que toute diminution de l'élément allemand en Autriche détruirait l'équilibre chancelant sur lequel repose un empire, amalgame bizarre de nationalités à tendances hostiles, soudées entre elles tant bien que mal par un long enchaînement de souffrances, de revers et d'humiliations partagés ensemble durant quatre siècles, sous une série de souverains incapables et de mauvais gouvernements. J'avais obéi à des nécessités inéluctables en déchirant la vieille Confédération Germanique, mais je ne l'avais pas fait sans me rendre compte des graves conséquences de cette guerre civile, de cette guerre entre frères, de cette séparation définitive succédant aux querelles de ménage de la Diète de Francfort.

En faisant la guerre de 66, j'ai marché contre le sentiment public, non seulement allemand, mais prussien; j'ai affronté la plus grande inpopularité, la plus lourde responsabilité que j'aie assumée en ma vie. La victoire m'a absous; vaincu,

la mort eût été mon refuge, mais ma mémoire aurait été vouée à l'exécration nationale.

Ce sentiment allemand contre lequel j'ai dû lutter alors n'a pas disparu; il me commande l'alliance, l'intimité avec l'Autriche, de même qu'il m'a commandé, en 1866, de ne pas la mutiler, du moment, où je ne voulais pas la détruire. On détruit une nation si votre force vous le permet ou si votre intérêt vous l'ordonne; on ne la mutilé pas impunément, et l'histoire, ce grand maître des hommes d'Etat, nous apprend qu'on a toujours à s'en repentir. En mutilant et en humiliant la Prusse, Napoléon a fait naître les Stein et les Scharnhorst; en vous enlevant, à vous, Metz et un lambeau de la Lorraine, l'Empereur mon maître et les militaires ont commis la plus grande des fautes politiques.

Pour en revenir à l'Autriche, j'avais deux partis à prendre après sa défaite: la détruire entièrement ou respecter son intégrité en préparant notre future réconciliation, quand le feu de la rancune serait amorti. J'ai choisi le second parti, car le premier, à mes yeux, eût été la dernière des folies. L'Autriche disparue, voyez les résultats: il fallait annexer à l'Empire allemand les provinces allemandes, c'est-à-dire grossir démesurément l'élément antiprussien, déjà si fort en Bavière, en Wurtemberg, à Bade et en Hesse; c'était enlever la prépondérance à la population protestante dévouée ou assimilable au nouvel état de choses, et la donner à l'élément catholique, réfractaire au régime prussien. Je n'ai pas fait le Kulturkampf par plaisir, ni par sentimentalisme protestant: je l'ai fait à mon corps défendant, sous l'empire d'une nécessité absolue, en vue de réaliser l'unité. Je vous demande ce qu'aurait été le Kulturkampf avec dix millions de catholiques de plus et des fanatiques comme les Tyroliens et les Styriens? Je me serais brisé dans la lutte, et l'Etat avec moi; j'aurais détruit de mes mains l'édifice que je venais d'élever; j'aurais réalisé la chimère caressée par Napoléon III: les deux Allemagnes ennemies, papiste au Sud, huguenote au Nord. Voilà ce que j'aurais fait, ce que ferait l'annexion à l'Empire des provinces allemandes de l'Autriche; voilà pourquoi, moi vivant, cela ne sera jamais. Ce n'est pas tout d'ailleurs; l'Autriche détruite, vous figurez-vous Vienne, la ville impériale séculaire, devenue chef-lieu de province? Quel amas de haines et de rancunes dans cette décapitalisation! Maîtres de Vienne, pouvions-nous en rester là? Il fallait aller jusqu'à Trieste, le port naturel, le complément forcé de Vienne; Trieste, c'est-à-dire la lutte perpétuelle contre l'Italie et cet affaiblissement redoutable de jeter dans notre milieu allemand les populations hostiles de l'Istrie, de la Carniole, de la Dalmatie. Et le Trentin impossible à garder et que nous devrions donner à l'Italie, c'est-à-dire lui donner la clef des Alpes.

Puis la grande Hongrie à constituer: sous quelle forme, sous quel régime? Un seul était possible, la République des Kossuth et des Turr, l'élément révolutionnaire de la Save établi sur notre frontière du Sud-Est et donnant la main contre nous à l'élément révolutionnaire italien menaçant notre Sud-Ouest. La Galicie

serait devenue la proie de la Russie, qui aurait dévoré de même les Slaves de l'Empire autrichien. Restait la Bohême, le champ de bataille éternel de l'Europe, le grand plateau où naissent tous les fleuves qui nous traversent, le vaste camp retranché naturel élevé par Dieu au centre de notre continent; la Bohême, entre les mains de la Russie, ce serait notre asservissement; la Bohême à nous, la guerre sans merci ni trêve avec l'Empire des Tsars. Vous voyez qu'il faut pour notre propre vie que l'Autriche vive.

Je n'ai donc pas hésité; et, depuis 1866, mon effort constant a été de recoudre le grand tissu déchiré et de rétablir des rapports amicaux avec l'ancien associé de la Confédération. L'opinion publique allemande me soutenait dans cette oeuvre, mais la blessure a été longue à se fermer au flanc autrichien, et, sans les craintes suscitées par l'ambition russe, je n'aurais pas atteint mon but; Andrassy et les Madgyars étaient à moi depuis longtemps, mais l'Empereur résistait, soutenu par ce qui se nomme le parti des archiducs et des militaires. Le chef de ce parti était l'archiduc Albert, qui faisait profession de nous détester et de mettre toute sa confiance et son espoir dans la cour de Saint-Pétersbourg. La politique russe, depuis trois ans, a été telle à l'égard de l'Autriche qu'elle a détaché peu à peu les plus solides sympathies. Aujourd'hui, il ne reste pas à la cour de Vienne un seul personnage qui tourne encore ses regards vers l'Empire moscovite. Depuis le congrès de Berlin, les dernières illusions de François-Joseph se sont dissipées, et les événements de cette année ont amené la conversion de l'archiduc Albert lui-même, qui me l'a formellement déclaré l'autre jour à Vienne, en m'exprimant sa méfiance des agissements russes. Notre rapprochement avec l'Autriche est donc dû à l'humeur inquiète et batailleuse de la Russie. Il a commencé en 1876, lorsque Gortchakow m'a demandé de lui livrer l'Autriche et que j'ai refusé. Le congrès de Berlin a resserré notre union; j'ai pu rendre des services à l'Autriche, sans maltraiter la Russie, quoi qu'en dise Gortchakow. Cette année enfin, nous avons dû, l'Autriche et nous, convenir de notre action commune en face d'un danger grandissant et nous enveloppant tous deux.

En effet, depuis quelques mois, la dislocation des troupes russes sur nos frontières a pris un caractère singulièrement menaçant; on dirait que tout est disposé en vue d'une invasion rapide de nos provinces de l'Est. De la Baltique à Varsovie, le long de notre frontière, sur un espace peu étendu, cinq divisions de cavalerie complètes, sur pied de guerre, avec leur artillerie volante, c'est-à-dire trente régiments formant une première ligne appuyée à quelques milles en arrière par des masses profondes d'infanterie. Une organisation militaire semblable menace la frontière autrichienne, depuis le mois de Juin dernier, il semble que tout soit préparé pour pouvoir envahir, au premier signal, notre territoire ou celui de l'Autriche. Nous avons présenté des observations, réclamé des explications; on y a répondu en niant effrontément, impudemment, des préparatifs qu'on cherchait

à entourer d'un secret profond, mais qu'on poursuivait néanmoins avec activité; mystères et dénégations ne nous ont pas empêché de savoir exactement à quoi nous en tenir. Pourquoi Dieu aurait-Il créé des Juifs polonais si ce n'est pour servir d'espions, et des employés russes, si ce n'est pour vendre des renseignements aux voisins de l'Empire moscovite? En résumé, nous savons pertinemment que l'on continue à armer, à appeler des levées comme à la veille d'une guerre, et qu'en ce moment la moitié de l'armée russe se trouve concentrée en Pologne, en Podolie et en Lithuanie; il y a là trois cents bataillons d'infanterie, cent-cinquante escadrons de cavalerie et quatre cent-cinquante pièces de campagne attelées, armées, munitionnées. Plus au Sud, vers la frontière autrichienne de la Galicie et de la Bucovine existe une autre concentration de troupes, composée de cent-cinquante-cinq bataillons d'infanterie, quatre-vingts escadrons de cavalerie et deux cent-vingt canons attelés et pourvus. En ce qui nous touche, nous n'aurions aucun moyen d'arrêter immédiatement les nuées de cavalerie, dont notre sol serait soudainement inondé, et nos dispositions militaires sont prises pour nous retirer tout d'abord derrière la Vistule, nous y former et reprendre l'offensive.

Conjointement avec ces formidables préparatifs s'est ouverte contre nous une ardente campagne de la presse russe, injurieuse pour notre gouvernement et pour notre nation. Nous nous sommes plaints; Gortchakow a répondu par des griefs imaginaires et bientôt nous avons constaté que le Journal de Saint-Petersbourg, l'Agence russe, et les autres feuilles officieuses, inspirées ou rédigées à la chancellerie d'Etat, tenaient la tête du bataillon agressif; bien mieux, les articles les plus envénimés sortaient de la plume de Jomini, qui ne s'en cachait pas. J'ai alors rendu la bride à nos journaux qui frémissaient d'impatience, et je leur dois rendre cette justice qu'ils ont mis une remarquable ardeur à rendre œil pour œil et dent pour dent.

Sur ces entrefaites, l'empereur Alexandre II, ce souverain à l'esprit et au corps malade, ce précoce vieillard usé et énérvé, cet autocrate sans contrôle, jouet des généraux de boudoir, s'est laissé persuader qu'il est un grand homme d'Etat; et, laissant les honneurs, mais non les fonctions, au vieux Gortchakow réduit au rôle de mannequin et de paravent de l'empire, il a pris fantaisie d'être, comme il le déclare lui-même, son propre ministre des affaires étrangères... L'empereur Alexandre II voulant jouer le Napoléon I, a commencé à parler cet été sur un ton menaçant à nos ambassadeurs; il a été si loin avec Schweinitz, qui n'a pas su le remettre à sa place comme il convenait, que l'Empereur, mon maître, s'en est ému et a laissé tomber un coin du bandeau qui lui dérobe la lumière du côté de son cher neveu de Russie; j'ai calmé Sa Majesté en lui disant qu'il ne fallait pas prendre au sérieux les paroles d'un homme malade et inconscient, et j'ai prescrit à Schweinitz de tout écouter et de tout rapporter sans jamais parler; Andrassy, sur mes conseils, a donné les mêmes instructions à son ambassadeur, et le Tsar, sans doute encouragé par ce silence, en est venu, au milieu de sorties violentes,

d'apostrophes emportées, de griefs sans limites, à formuler nettement, explicitement, des menaces de guerre contre nous et l'Autriche; puis, au mois d'Août, après une de ses nuits d'insomnie agitée, il s'est mis à écrire de sa main deux lettres, l'une à son oncle, l'empereur Guillaume. L'autre à l'empereur François-Joseph; deux lettres enfiévrées, sortes d'ultimatums, posant des conditions et annonçant la guerre en cas de non-satisfaction. Le pauvre Giers est tombé à la renverse quand il les lui a données à copier, et s'est jeté à ses genoux en le suppliant de ne point les envoyer; mais le timide ministre... ne pouvait avoir d'influence sur un homme habitué à être regardé comme un pontife infaillible, et les lettres sont parties.

L'Empereur mon maître a reçu la sienne pendant les manœuvres militaires; elle lui a causé une profonde secousse, et il me l'a envoyée aussitôt. J'ai compris que la chose devenait grave et qu'il fallait aviser, car je voyais le coquetisme de Gortchakow et de la presse russe pour flatter vos rancunes contre nous et vous entraîner à une alliance; je voyais des tentatives analogues se faire du côté de l'Italie; je savais que le général Obroutcheff envoyé à vos grandes manœuvres affectait des allures de défi et de dédain à l'égard de notre armée. De son côté l'Autriche, fort inquiète me demandait ce qu'il fallait faire? J'étais à Gastein; j'y ai appelé Andrassy, et nous avons jeté les premières bases de mon voyage à Vienne et des arrangements à conclure entre nous. Les choses pouvaient alors se faire sans éclat et il était facile de nous entendre sur les précautions à prendre, sans mettre l'Europe dans la confidence; mais nous avions compté sans les accès de sentimentalisme irréflecti de mon vénéré maître et seigneur.

L'Empereur a eu la funeste idée de répondre par une dépêche attendrie à la lettre de menace de son neveu, et lui, l'offensé, il a demandé humblement une entrevue. Croiriez-vous que le Romanoff l'a d'abord refusée, mais les nouvelles de France l'ont ensuite rendu plus conciliant. Dès qu'il a su le froid accueil fait aux ouvertures d'Obroutcheff, aux insinuations de Gortchakow, il a accepté l'entrevue et l'a fixée sur le territoire russe à Alexandrowo. Vous voyez que l'attitude loyale du gouvernement français a rendu un grand service à la cause de la paix européenne et que la politique du cabinet de Saint-Pétersbourg aurait poussé les choses à l'extrême, si elle avait trouvé quelque encouragement chez vous. Voilà pourquoi j'ai fait remercier monsieur Waddington par le prince de Hohenlohe. L'entrevue convenue m'avait été soigneusement cachée et tout était arrangé quand l'Empereur s'est décidé à m'avertir par une lettre qui m'a causé un pénible ébranlement et fait perdre tout le bénéfice retiré pour ma santé de la cure de Gastein.

J'ai supplié l'Empereur de retarder l'entrevue jusqu'à ce qu'il m'eût entendu; je l'ai adjuré en tout cas de ne pas blesser le sentiment national allemand, en allant sur le territoire russe. On m'a répondu, qu'il n'était plus temps, et j'ai dû me résigner en cherchant les moyens de réparer le mal qui allait se faire.

J'ai un grand respect, un profond attachement pour l'Empereur, et je crois lui avoir prouvé mon dévouement plus souvent qu'il ne m'a montré sa reconnaissance; mais je dois dire que, si j'ai donné mes forces, ma santé, ma vie pour son service, il ne m'épargne pas aujourd'hui les secousses et les causes d'irritation. Je me porterais beaucoup mieux sans les petites lettres de sa main dont il m'honore. Je supporte bien la lutte contre des adversaires, contre une assemblée, contre des partis hostiles; elle est rationnelle, inévitable, elle entre dans les prévisions naturelles, mais ce qui me brise, c'est la lutte secrète, ignorée, continuelle, contre des influences sans valeur, des inimitiés traîtresses, soigneusement dissimulées et s'exerçant sur un esprit essentiellement honnête, mais timoré, têtu et imbu de préjugés. C'est une toile d'araignée à défaire chaque jour; c'est l'œuvre nocturne de Pénélope; mes nerfs s'en ressentent et ma patience est souvent mise à une rude épreuve.

L'entrevue d'Alexandrowo a donc eu lieu; elle a fait en Allemagne un mauvais effet. Elle a surtout blessé notre armée, et mon Empereur n'y a pas trouvé ce qu'il espérait, car Alexandre II s'est répandu en récriminations et ne s'est pas montré conciliant. Dès que j'en ai été informé, je suis parti pour Vienne, où je savais le terrain bien préparé par Andrassy; mais l'objet de ma course était de conquérir à nos idées l'empereur François-Joseph, et je n'y ai pas eu de peine; la Russie s'était chargée de l'y disposer. Il en était de même de l'archiduc Albert et j'ai constaté avec satisfaction qu'à la cour et dans l'armée on avait les yeux aussi bien ouverts que dans le gouvernement sur l'imminence du danger russe et qu'on voulait s'entendre avec moi sur les moyens de s'en préserver. Dans mes entretiens avec l'Empereur et avec Andrassy, nous avons examiné les éventualités à craindre et les précautions à adopter, et nous nous sommes mis d'accord, non pas sur un traité d'alliance offensive et défensive, comme l'ont dit les journaux et, d'après eux, Salisbury qui aurait sagement fait d'attendre des informations avant de parler au public, et de mieux calculer la portée de ses paroles, mais sur une convention de préservation mutuelle contre une agression de la Russie; nous avons envisagé l'hypothèse d'une attaque directe contre nous, aussi bien que celle d'un conflit survenant dans la péninsule Balkanique; nous avons examiné les diverses clauses, encore inexécutées, du traité de Berlin, et concerté notre accord sur chaque point; nous avons enfin cherché dans le domaine des intérêts matériels: questions commerciale, industrielle, douanière, de chemins de fer, de justice, d'administration, les points sur lesquels nous pouvions conclure des arrangements spéciaux qui viendraient concourir à l'oeuvre générale de notre rapprochement; voilà ce que nous avons fait à Vienne.

— Vos arrangements, lui ai-je demandé, ont-ils été consignés dans un traité d'alliance en forme, comme l'ont affirmé beaucoup de journaux?

Non, il n'y a pas eu de traité en règle, mais il y a un accord concerté en vue de certaines éventualités, accord écrit avec plus de clareté et de précision, rédigé

en double exemplaire et signé par nous. Cela n'a pas la solennité d'un traité, mais cela doit en tenir lieu dans certain cas, et c'est en somme une sorte de protocole.

J'avais d'ailleurs mes raisons pour ne pas vouloir un traité formel: je prévoyais des difficultés et des résistances qui ne m'ont pas manqué, et résolu à ne rien sacrifier du fond, je trouvais plus sage d'atténuer et de simplifier la forme.

— L'alliance défensive que vous avez en vue peut-elle, dans certains cas, devenir offensive?

Jamais! et l'on exagère singulièrement la portée de l'arrangement; il se résume en ceci: ayant les mêmes motifs de craindre une agression de la Russie, nous avons concerté nos dispositions pour le cas où l'un de nous serait attaqué par elle; nous avons, en outre, établi notre accord de conduite sur certains points de la question d'Orient, particulièrement essentiels pour la sécurité de l'Autriche; nous avons enfin énuméré les affaires d'ordre intérieur sur lesquelles il convenait de chercher une entente et un rapprochement. Mais je puis vous affirmer hautement que nos précautions et nos prévisions sont absolument limitées à la Russie et ne visent aucune autre puissance, la France moins que toute autre aussi longtemps qu'elle aura à sa tête un gouvernement et des hommes d'Etat dans la loyauté desquels nous avons pleine confiance et qui viennent de nous montrer que la Russie ne pourra pas les attirer dans son jeu; c'est donc sans réserve que j'ai pu aller déclarer à votre ambassadeur à Vienne, le jour même de la conclusion de nos arrangements, qu'ils ne contenaient rien dont la France eût sujet de se préoccuper.

— Je vous remercie de cette déclaration formelle, mais vous me permettrez de demander si l'éventualité d'autres agressions que celles de la Russie ou de la France a été examinée; si vous avez, par exemple, envisagé le cas d'une attaque italienne contre l'Autriche et prévu des garanties contre cette hypothèse?

Le Prince m'a répondu aussitôt: Si l'Italie était une puissance militaire redoutable, nous aurions eu peut-être à nous en préoccuper, mais j'aurais craint de blesser l'Autriche en lui offrant une protection, contre une agression de son voisin subalpin. L'armée austro-hongroise aurait vite raison des Italiens seuls, et les entreprises de cette jeune et inquiète nation ne deviendraient redoutables que si ses forces servaient d'appoint à celles de la Russie; or, dans ce cas, nos arrangements contre une invasion russe entreraient en vigueur; nous n'avons donc pas à nous préoccuper de l'Italie.

— Et si l'Autriche s'avancait sur Salonique et était attaquée par la Russie, lui viendriez-vous en aide?

C'est une hypothèse qui n'est pas à prévoir, car l'Autriche n'a aucune velléité de dépasser Novi-Bazar ou peut-être Mitrovitza; elle est résolue à exécuter

fidèlement et strictement les clauses du traité de Berlin. tant que la Russie ne cherchera pas à s'emparer de Constantinople; c'est dans ce cas seulement qu'elle marcherait sur Salonique.

Le prince a terminé ces longues explications par la conclusion suivante: Veuillez rappeler à monsieur Waddington ce que je lui ai dit au congrès de Berlin; rappelez-vous ce que je vous ai dit à vous-même dans toutes les circonstances; je veux la paix en Europe; je la veux fermement pour le jour où nous sommes, et pour le lendemain tant que la chose sera possible.

C'est le mobile principal de ma politique et je m'en suis inspiré pour mes arrangements de Vienne. Dans l'état actuel, sur les six grandes puissances, il y en a d'un côté trois, résolument pacifiques: l'Allemagne, l'Autriche, la France; une quatrième, l'Angleterre, belliqueuse au delà des mers, mais pacifique en Europe; puis, de l'autre côté, une agressive et conquérante, la Russie et une inquiète et prête aux aventures, l'Italie.

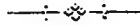
Le moyen de contenter les puissances belliqueuses, c'est de réaliser l'entente des puissances pacifiques. Aussi me suis-je réjoui de voir votre intimité avec l'Angleterre; j'y ai applaudi, je l'ai encouragée auprès des anglais comme auprès de vous. Votre alliance avec l'Angleterre est, à mes yeux un gage essentiel de notre tranquillité à tous, car la France, appuyée sur l'Angleterre, n'a rien à craindre pour sa sécurité, et, se sentant forte, elle peut vivre paisible, loin des entreprises hasardeuses; en l'affermissant, l'Angleterre la contient, et elle, à son tour, contient l'Angleterre qui pourrait se laisser entraîner dans la voie des aventures, si elle se trouvait isolée.

Eh bien! notre accord avec l'Autriche est, dans mes idées, le complément du vôtre avec l'Angleterre; c'est le groupement en deux faisceaux, reliés entre eux par l'amour de la paix, des éléments tranquilles et pacifiques de l'Europe. L'alliance Austro-Allemande, l'alliance Franco-Anglaise, les bons rapports entre les deux groupes, voilà le plus éloquent avis aux turbulents d'avoir à demeurer paisibles; voilà la garantie la plus solide du maintien de la paix européenne. Soyez rassurés sur nous, comme nous le sommes sur vous, et notre sécurité réciproque fermera la route aux agités et aux ambitieux.

Voyez d'ailleurs les résultats déjà obtenus: il y a six semaines, la Russie ne rêvait que feu et flammes; votre accueil à ses propositions a commencé à la faire réfléchir; mes arrangements avec l'Autriche ont achevé de la ramener à la raison.

Nous avons décidé à Vienne que nous donnerions connaissance de notre accord au cabinet de Saint-Pétersbourg. L'Empereur mon souverain, a cru que cette notification serait regardée comme une provocation; il a refusé plusieurs jours d'y consentir. J'ai dû prendre les grands moyens et donner ma démission. Il l'a refusée, mais il a répondu par l'offre de son abdication. J'ai refusé à mon tour et nous avons fini par nous entendre.

La notification que je voulais a eu lieu: huit jours après, comme je l'avais prophétisé à l'Empereur, on devenait plus doux à Saint-Pétersbourg; et, aujourd'hui, on vient d'arrêter complètement la campagne des journaux et de leur interdire toute attaque contre nous et l'Autriche. Enfin, le grand-duc héritier qui fuyait constamment la route de Berlin, va venir dans deux jours, avec la Tsarevine Dagmar, faire sa cour à l'Empereur. L'ours de combat rentre ses griffes en voyant debout et unis tous les dogues de garde, mais le gant de velours tomberait vite s'il nous voyait nous séparer. Demeurons unis et nous garderons notre tranquillité.

АЛФАВИТНЫЙ

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.¹

А.

- Аали-паша**, турецкій великій визирь, т. I, 190; т. II, 76.
- Абаза**, Александръ Агѣевичъ, государственный контролёръ, министръ финансовъ, т. I, 349; т. II, 162, 163, 170, 181, 213—215, 649, 654.
- Абдуль-Азизъ**, султанъ турецкій, т. II, 67, 291, 295, 297, 299—301, 304, 309.
- Абдуль-Гамидъ**, султанъ турецкій, т. II, 309, 313, 323, 329, 334, 421—423, 428—430, 432, 437, 439, 449, 451—454, 456, 458, 462, 467, 468, 471, 475, 477—479, 490, 491, 494, 497, 506—509, 512, 513, 521, 522, 527.
- Абдуль-Меджидъ**, султанъ турецкій, т. I, 195, 197, 263, 420; т. II, 513.
- Абдуль-Рахманъ**, Автобачи, предводитель коканскихъ мятежниковъ, т. II, 128.
- Абрамовъ**, полковникъ, т. II, 119.
- Августа**, принцесса прусская, королева прусская, императрица германская, т. I, 43, 44, 237, 515; т. II, 22, 32, 84, 423, 539, 665.
- Августенбургскій**, принцъ. См. Фридрихъ.
- Августина**, наслѣдная великая герцогиня мекленбургъ-шверинская, т. I, 68.
- Августинъ**, архіепископъ московскій, т. I, 4, 5.
- Августъ**:
— великій герцогъ ольденбургскій, т. I, 94.
— принцъ вюртембергскій, т. I, 94, 255, 269.
— принцъ прусскій, т. I, 87.
- Австрійскіе**:
— императоры. См. Францъ I, Фердинандъ I, Францъ-Иосифъ I.
— эрцгерцоги. См. Альбрехтъ, Вильгельмъ, Иоаннъ, Райнеръ.
- Адальбертъ**, принцъ прусскій, т. I, 87.
- Адлерберги**:
— т. I, 40.
— графъ Александръ Владиміровичъ, адъютантъ цесаревича, министръ императорскаго двора, т. I, 73, 80, 94, 113, 288, 339; т. II, 40, 42, 92, 336, 396, 397, 550, 553, 554, 556, 623, 654, 675, 676, 381.
— графъ Владиміръ Фодоровичъ, министръ императорскаго двора т. I, 243, 304, 307, 374, 375, 473; т. II, 40.
— Юлія Фодоровна, начальница воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, т. I, 6.
- Адольфъ**, герцогъ нассаускій, т. I, 59.
- Азизъ-ханъ**, персидскій посолъ, т. I, 126.

¹ Имя императора Александра II, какъ встрѣчающееся почти на каждой страницѣ, не занесено въ указатель.

Азретъ, султанъ туркестанскій, т. II, 118.

Аксаковы:

— Пванъ Сергѣевичъ, писатель, т. I, 147, 160, 165, 172, 389; т. II, 291, 327, 336, 337.

— Константинъ Сергѣевичъ, писатель, т. I, 160.

— Сергѣй Тимофѣевичъ, писатель, т. I, 160, 172.

Алеко-паша, генералъ - губернаторъ Восточной Румелии, т. II, 511, 521—523.

Александра, великая герцогиня мекленбургъ-шверинская, т. I, 94.

Александра Александровна, великая княжна, т. I, 113, 114, 119.

Александра Иосифовна, великая княгиня, т. I, 116, 453, 454, II, 285.

Александра Николаевна, великая княгиня, ландграфиня гессенская, т. I, 31, 36 46, 93.

Александра Петровна, великая княгиня, т. I, 239; т. II, 97, 285.

Александра Феодоровна, императрица, т. I, 3, 4, 6, 7, 9—11, 13, 14, 17, 18, 23—27, 30—36, 40—46, 51, 57, 64, 66, 73—77, 79, 80, 82—87, 93, 94, 96—99, 102—104, 109, 110, 118, 119, 130, 135, 214—216, 218, 220, 231, 235, 236, 239, 248, 258, 271, 272; т. II, 95, 97, 285, 575.

Александръ Великій, царь македонскій, т. I, 7.

Александръ Невскій св., великій князь, т. I, 4, 82, 387, 393, 514.

Александръ I, императоръ всероссійскій, т. I, 4—6, 8, 26, 61, 67, 68, 83, 89, 92, 94, 104, 139, 144, 201, 301, 377, 413, 451, 480, 481, 491, 530, 533; т. II, 22, 29, 35, 88, 73, 371, 418, 570, 651, 695.

Александръ I, князь Болгарскій, т. II, 511, 526—528, 619.

Александръ Александровичъ, великій князь, наслѣдникъ, цесаревичъ, впоследствии, Александръ III, императоръ всероссійскій, т. I, 115, 130, 216, 499, 527—532; т. II, 3, 16, 17, 20, 21, 29, 30, 33, 86, 91, 92, 95, 97, 100, 106, 262, 266, 273, 323, 328, 371, 374, 386, 394—396, 404, 414—416, 575, 623, 654, 659, 707.

Александръ, принцъ гессенскій, т. I, 109, 112, 114, 115, 238, 243, 269; т. II, 30, 619.

Александръ, принцъ нидерландскій, т. I, 68.

Александръ-Иоаннъ I, князь соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахиі, т. II, 63.

Алексій св., митрополитъ московскій, т. I, 6; т. II, 6.

Алексій, митрополитъ яссскій, т. II, 386.

Алексѣй Александровичъ, великій князь, т. I, 115, 116, 527, 528; т. II, 394, 395.

Алексѣй Михайловичъ, царь, т. I, 163, 218.

Альбединскій, Петръ Павловичъ, генералъ-губернаторъ рижскій и виленскій, т. II, 23, 31, 106.

Альбертъ:

— принцъ, супругъ королевы Викторіи Великобританской, т. I, 173, 239—241, 250, 252, 256, 261, 270.

— Эдгардъ, принцъ валлійскій, т. II, 104.

Альбрехтъ:

— принцъ прусскій, т. I, 43, 68, 94, 108, 214, 239, 269; т. II, 4, 35—39, 94.

— эрцгерцогъ австрійскій, т. I, 108, 255; т. II, 40, 101, 360, 702, 705.

Альвенслебенъ, прусскій генералъ, т. I, 479.

Альфредъ, герцогъ эдинбургскій, т. I, 403, 417; т. II, 81, 101, 104, 158.

Альфри, преподаватель англійскаго языка, т. I, 23, 33, 48.

Ангальтъ:

— дессауская герцогиня. См. Фридерика.

— дессаускій герцогъ. См. Леопольдъ.

— кетенскій герцогъ. См. Генрихъ.

Андраси, графъ Юлія, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 90—93, 100, 104, 291, 298—295, 297—300, 302—305, 307, 313—316, 320—322, 324, 342—344, 355, 356, 359, 371, 380, 421, 424, 430, 431, 441, 458, 459, 463, 464, 473, 474, 479, 483, 492, 493, 495, 498, 499, 502, 503, 509, 532, 533, 542—550, 559—562, 566—570, 667—672, 679, 680, 682, 683, 687, 691—697, 700, 702—705.

Андрей Первозванный, св., апостоль, т. I, 5, 72, 216, 282, 472; т. II, 27, 412, 621, 649.

Анна Павловна, великая княгиня, королева нидерландская, т. I, 104, 115, 247.

Анненковъ, Николай Николаевичъ, государственный контролеръ, кievскій генералъ-губернаторъ, т. I, 472; т. II, 165—167, 244.

Аннибалъ, карагенскій воеждъ, т. I, 19.

Антонелли, кардиналъ, государственный секретарь Св. Престола, т. I, 537.

Аноимъ, болгарскій экархъ, митрополитъ виддинскій, т. II, 524, 526.

Аппони, графъ, австрійскій дипломатъ, т. I, 217.

Аркуръ, маркизъ д', французскій посолъ въ Лондонѣ, т. II, 308.

Арниъ, Мальвина, сестра князя Бисмарка, т. I, 258.

Арсеній, митрополитъ кievскій, т. I, 228.

Арсенъевъ, Константинъ Ивановичъ, преподаватель географіи и статистики, т. I, 48, 55, 73, 77, 80.

Аргуръ, герцогъ коннаутскій, т. II, 104.

Арцымовичъ, вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, т. I, 505.

Атилла, вождь гунновъ, т. I, 445.

Ауэрсбергъ, князь, австрійскій министръ, т. II, 543.

Афганскій, эмиръ. См. Шпръ-Али, Ядубъ-ханъ.

Ахматовъ, Алексѣй Петровичъ, обер-прокуроръ Св. Синода, т. II, 224.

В.

Вабстъ, профессоръ, т. I, 317.

Баварскій король. См. Лудвигъ II.

Ваденскіе:

— принцъ. См. Вильгельмъ.

— принцессы. См. Романовская княжна Марія Максимиліановна, Стефанія, Цецилія.

Важановъ, Василій Борисовичъ, про-топресвигтеръ, т. I, 61, 69, 70, 141; т. II, 30, 82.

Вакуничъ, Михаилъ, государственный преступникъ, т. II, 586.

Валабинъ, Викторъ Петровичъ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, т. I, 228, 255, 269, 409, 485, 489, 493.

Варановы:

— т. I, 40.

— Юлія Федоровна, воспитательница великаго князя Александра Николаевича, т. I, 6.

— графъ Эдуардъ Трофимовичъ, рижскій и виленскій генераль-губернаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, т. I, 508; т. II, 17, 32, 181, 212.

Барсуковы:

— Иванъ Платоновичъ, писатель, т. I, 295.

— Николай Платоновичъ, писатель, т. I, 142, 160, 161, 163, 165, 169, 171, 173, 210, 318, 339.

Варягскіе:

— князь Александръ Ивановичъ, адъютантъ цесаревича, намѣстникъ кавказскій, главнокомандующій кавказскою арміею, генераль-фельдмаршалъ, т. I, 73, 109, 114, 163, 209, 273, 275, 278—291, 293—295, 320, 372—375, 379, 397; т. II, 31, 34, 35, 81, 83, 86, 95, 99, 133, 134, 143, 144, 152, 153, 553, 633.

— князь Владиміръ Ивановичъ, адъютантъ цесаревича, т. I, 114.

Ваттенбергъ. См. Александръ I, князь болгарскій.

Ватъяновъ, генераль, т. II, 625.

Ватюшковъ, Помпей Николаевичъ, попечитель виленскаго учебнаго округа, т. II, 34.

Вебутовъ, князь, генераль, т. I, 126.

Везакъ, Александръ Павловичъ, кievскій генераль-губернаторъ, т. I, 513, 535; т. II, 34.

Везбородко, князь, Александръ Андреевичъ, канцлеръ, т. II, 264.

Везобразовъ, камергеръ, т. I, 300, 364.

Вейстъ, графъ Фердинандъ, саксонскій первый министръ, австрійскій канцлеръ, т. I, 173, 177, 178; т. II, 62, 75, 77, 89, 91, 308, 314, 469.

Вельгійцевъ:

— королева. См. Генриетта.

— король. См. Леопольдъ I, Леопольдъ II.

Вергъ:

— Николай Васильевичъ, писатель, т. I, 169, 476.

— графъ Федоръ Федоровичъ, финляндскій генераль-губернаторъ, намѣстникъ Царства Польскаго, генераль-фельдмаршалъ, т. I, 128, 142, 211, 233, 459, 470, 473, 474, 476, 499, 503, 510, 514, 516—518; т. II, 8, 18, 36, 85, 86, 92, 95, 106.

Вердакъ, изобрѣтатель усовершенствованнаго ружья, т. II, 146, 519.

Верезовскій, государственный преступникъ, т. II, 22.

Верендтъ, вице-предсѣдатель прусскаго ландтага, т. I, 478.

Верингъ:

— англійскій дипломатъ, т. II, 309.

— братья, байкиры въ Лондонѣ, т. II, 190.

Вернадотъ. См. Карлъ-Юаннъ, король шведскій и норвежскій.

Веригардтъ, герцога саксенъ-веймарскій, т. I, 87.

Вернсторфъ, графъ, прусскій посолъ въ Лондонѣ, т. II, 32, 308.

Вехмень-мираза, персидскій принцъ, т. I, 123.

Вибиковъ, Дмитрій Гавриловичъ, кievскій генералъ-губернаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. I, 208, 301.

Виконсфильдъ, лордъ, великобританскій министръ, т. I, 127, 291, 309, 310, 335, 339, 341, 444, 445, 470, 485, 490, 493, 494, 497—499, 501, 504, 505, 509, 529, 699.

Висмарки:

— графъ Гербертъ, т. II, 493, 671.

— княгиня, т. I, 228.

— князь Отонъ, прусскій посланникъ во Франкфуртъ, С.-Петербургъ и Парижъ, прусскій первый министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ Сѣверо-Германскаго Союза, германскій имперскій канцлеръ, т. I, 227, 236—239, 242, 243, 245—248, 256—259, 269, 386, 408, 477—479, 486; т. II, 21, 44—49, 51—59, 62, 63, 68, 71, 72, 78, 79, 81, 89, 90, 93, 95, 96, 98—100, 108, 110—113, 291, 292, 304, 305, 307, 326, 341, 342, 346—355, 357—362, 364, 365, 367, 368, 371, 379, 380, 422, 423, 459, 461—464, 467, 468, 483, 484, 486—488, 492—495, 498—500, 502, 504—506, 509, 532, 533, 536—539, 541—571, 573—576, 665, 667—689, 691—693, 695—707.

Влейхредеръ, берлинскій банкиръ, т. II, 367.

Влохъ, писатель, т. II, 221.

Вловицъ, парижскій корреспондентъ газеты «Times», т. II, 537.

Влудовы:

— графиня Антонина Дмитриевна, камеръ-фрейлина, т. I, 146.

— графъ Дмитрій Николаевичъ, главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной его величества канцелярии, предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ, т. I, 135, 182, 184, 187, 304, 305, 309, 374, 397, 449, 505, 522, 523, 536.

Вобриискіе:

— графъ Александръ Павловичъ, управляющій министерствомъ путей сообщенія, т. II, 106, 163, 202—211.

— графъ Владиміръ Алексѣевичъ, министръ путей сообщенія, т. II, 34, 106, 163, 199, 200, 202.

Богарна, см. Евгений.

Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ, генералъ, писатель, т. I, 4, 5, 173.

Богориди, Александръ. См. Алекопаша.

Бодянский, профессоръ, т. I, 160.

Волгарскій князь. См. Александръ I.

Вонапарты, т. I, 200, 257; т. II, 89, 92.

Вордоскій, герцога. См. Генрихъ.

Ворисъ св., князь, т. I, 75.

Вородинъ, наказной атаманъ Уральскаго казачьяго войска, т. I, 29.

Воткинъ, Сергій Петровичъ, лейбъ-медикъ, т. II, 396, 397, 399, 401, 402, 404, 409, 420, 658, 659.

Вофремонъ, князь, французскій офицеръ, т. I, 217.

Врадке-фонъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, т. II, 246.

Вратіано, Иванъ, румынскій первый министръ, т. II, 327, 328, 362, 386, 443, 501.

Врауншвейгскій герцога. См. Вильгельмъ.

Вревертъ, членъ комиссіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Вржескій, писатель, т. II, 221.

Врокъ, Петръ Федоровичъ, министръ финансовъ, т. II, 164—166.

Врунковъ, графъ Филиппъ Ивановичъ, старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, посланникъ въ Лондонѣ и Берлинѣ, посолъ въ Лондонѣ, т. I, 91—93, 174, 177, 187—189, 193, 199, 202, 228, 255, 421, 465, 489, 492, 493, 497; т. II, 50, 52, 53, 69, 75, 77, 120, 127.

Врунь, Федоръ Антоновичъ, статсъ-секретарь, т. II, 523.

Вудбертъ, баронъ Андрей Федоровичъ, посланникъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, посолъ въ Парижѣ, т. I, 256, 257, 269, 386, 413, 414, 482, 485, 489, 492, 493, 497; т. II, 64.

Вунге, Николай Христіановичъ, товарищъ министра финансовъ, т. II, 213.

Вуоль, графъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 148, 178—180, 184, 190, 192, 201.

Вуркенз, графъ, французскій посолъ въ Вѣнѣ, т. I, 178, 190.

Вутаковъ, Григорій Ивановичъ, вице-адмиралъ, т. II, 154.

Вутеневъ, Аполлиарій Петровичъ, посланникъ въ Константинополь, т. I, 228.

Вутковъ, Владиміръ Петровичъ, государственный секретарь, т. I, 304, 306, 327, 334, 375, 523, 523.

Вухананъ, саръ Андрей, великобританскій посланникъ въ Берлинѣ, посолъ въ С.-Петербургѣ и въ Вѣнѣ, т. I, 409, 486; т. II, 71, 77, 120—122, 314, 324, 325, 344, 353.

Вухарскій эмиръ, см. Музафаръ.

Вудковскій, членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Вушь:

— германскій дипломатъ, т. II, 493.

— Морницъ, нѣмецкій публицистъ, т. II, 46, 78, 79, 99, 112, 532, 537, 539, 543—545, 560, 668, 670, 673, 680, 683, 685, 688, 691—693, 695.

Вухеръ, Лотаръ, германскій дипломатъ, т. II, 493.

Вычковъ, Аванасій Федоровичъ, членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Вюжо, французскій издатель, т. I, 51.

Вюловъ, датскій уполномоченный при германскомъ союзномъ сеймѣ, германскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, т. I, 246; т. II, 423, 546, 558, 667, 668, 672, 683—685.

Вялобржескій, прелатъ, т. I, 445, 447—449.

В.

Ваддингтонъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 469, 492, 495, 496, 499—502, 504, 509, 542, 545, 560, 573, 574, 699, 704.

Ваза. См. Густавъ, король шведскій.

Вакареско, румынскій гофмаршалъ, т. II, 327.

Валевскій, графъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 174, 177, 178, 188—194, 196, 201, 203, 231, 232, 243, 244, 247, 250, 259, 262.

Валлійскій, принцъ. См. Альбертъ-Эдуардъ.

Валуевъ, графъ Петръ Александровичъ, управляющій дѣлами Комитета Министровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ государственныхъ имуществъ, предсѣдатель Комитета Министровъ, т. I, 369, 373, 374, 386, 391, 392, 398, 403, 406, 449, 451, 499, 501, 505, 525; т. II, 3, 11, 12, 21, 29, 106, 226, 246, 253, 257, 265, 266, 273, 583, 591, 605, 606, 611, 612, 621—624, 630, 654.

Вальдемаръ, принцъ датскій, т. II, 526.

Вальтеръ, епископъ, инфлянскій сурпер-интендеятъ, т. II, 34.

Вальянъ, маршалъ Франціи, т. I, 189.

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, генералъ, т. II, 386.

Варвара, св. великомученица, т. I, 88.

Вардъ, лордъ, т. I, 217.

Варрантъ, преподаватель англійскаго языка, т. I, 48.

Василій, архіепископъ кесарійскій, т. I, 220.

Васильчиковы:

— князь Иларіонъ Васильевичъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, т. I, 108, 109.

— князь Иларіонъ Иларіоновичъ, начальникъ штаба крымской арміи, т. I, 165, 208.

Васифъ-паша, турецкій генералъ, т. I, 170.

Веймарнъ, полковникъ, преподаватель военной исторіи, т. I, 72.

Велепольскій, графъ Александръ, маркизъ Гонзаго-Мышковскій, начальникъ гражданскаго управленія Царства Польскаго, т. I, 408, 422, 429, 430, 434, 436, 439—443, 446, 447, 449, 450, 452—454, 456, 459, 472, 478.

Велеслей, англійскій полковникъ, т. II, 421—423.

Великобританскіе:

— королева. См. Викторія.

— принцы. См. Альбертъ, Альбертъ-Эдуардъ, Альфредъ, Артуръ.

Вердеръ, флигель-адъютантъ императора германскаго, т. II, 36, 37, 358.

Вережкннъ, полковникъ, т. I, 115.

Верстовскій, композиторъ, т. I, 85.

Вертеръ, баронъ, прусскій посланникъ въ С.-Петербургъ, германскій посоль въ Константинополь, т. I, 180; т. II, 55, 379.

Вессель, инспекторъ классовъ артиллерійскаго училища, т. I, 53.

Вессель-паша, турецкій генералъ, т. II, 372, 419, 428.

Викторія, королева Великобританская, т. I, 105, 106, 217, 239, 250, 252, 256, 260, 261, 417, 419, 421; т. II, 104, 308, 314, 331, 381, 424, 429, 444—446, 450, 452, 453.

Викторія, наследная принцесса германская и прусская, т. I, 250, 256.

Викторъ-Эммануилъ II, король Италіи, т. I, 268, 415, 343.

Вилинбаховъ, членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Вилліамсъ, англійскій генералъ, т. I, 170.

Вильгельмъ I, императоръ германскій, король прусскій (принцъ прусскій, принцъ-регентъ), т. I, 43, 44, 68, 94, 107, 112, 214, 237, 239, 243, 248—250, 252, 253, 255—258, 261, 266, 269, 372, 408, 424, 479, 514, 515, 519, 527; т. II,

3, 4, 21, 32, 35—40, 43—45, 48, 51—63, 68—72, 76—78, 81, 84, 85, 88—100, 104, 105, 108, 109, 111—113, 296, 315, 322, 323, 326, 342, 343, 350, 357, 361, 371, 379, 409, 421, 423, 426, 427, 431, 432, 459, 462, 464, 467, 484, 486, 492, 495, 532, 547—559, 561, 563—576, 617, 665—669, 671, 672—677, 680—698, 700, 701, 703—705, 707.

Вильгельмъ I, король виртембергскій, т. I, 127, 236, 237, 239, 243.

Вильгельмъ II, король нидерландскій, т. II, 62, 105.

Вильгельмъ, герцогъ брауншвейгскій, т. I, 68, 94.

Вильгельмъ, герцогъ виртембергскій, т. II, 105.

Вильгельмъ, герцогъ нассаускій, т. I, 68, 96, 104.

Вильгельмъ, принцъ баденскій, т. I, 217.

Вильгельмъ, принцъ оранскій, т. I, 68, 94, 255.

Вильгельмъ, принцъ прусскій, т. I, 106.

Вильгельмъ, принцъ саксенъ-веймарскій, т. I, 87.

Вильгельмъ, эрцгерцогъ австрійскій, т. I, 148; т. II, 91.

Виртембергскіе:

— герцогиня. См. Вѣра Константиновна.

— королева. См. Ольга Николаевна.

— король. См. Вильгельмъ I.

— принцы. См. Августъ, Вильгельмъ, Евгений, Карлъ, Фридрихъ.

Висконти-Веноста, маркизъ, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 76, 77.

Витгенштейнъ, князь, генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 87.

Витгенштейнъ, князь Эмиль, генералъ, т. I, 114, 123—125.

Витовтовъ, Павелъ Александровичъ, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, т. I, 121.

Віельгорскіе:

— графъ, Іосифъ Михайловичъ, совоспитанникъ цесаревича, т. I, 30, 34—37, 46—48, 67, 73, 94.

— графъ Михаилъ Юрьевичъ, оберъ-шенкъ, т. I, 11.

Владиміръ, епископъ костромской, т. I, 78.

Владиміръ св., великій князь, т. I, 87, 113, 123, 404; т. II, 244, 597, 648.

Владиміръ Александровичъ, великій князь, т. I, 115, 216, 527, 528; т. II, 20, 21, 81, 86, 91, 92, 100, 105, 106, 283, 374, 386, 394, 404, 414, 659.

Волконскій, свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ, генералъ-фельдмаршалъ, министръ императорскаго двора, т. I, 87.

Воронцовъ, князь Михаилъ Семеновичъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, намѣстникъ кавказскій, генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 87, 108, 123, 124, 126, 127, 132, 183, 186, 222, 278.

Воронцовъ-Дашковъ, Иларіонъ Ивановичъ, командиръ л.-гв. Гусарскаго еяго величества полка, т. II, 31.

Враггель:

— баронъ, генералъ, т. I, 280.

— баронъ, инспекторъ классовъ училища правовѣднѣя, т. I, 71, 83.

— баронъ, членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Вронченко, графъ Федоръ Павловичъ, министръ финансовъ, т. I, 128.

Вукаловичъ, Лука, воеждъ герцеговинцевъ, т. I, 409.

Вѣра Константиновна, великая княгиня, герцогиня виртембергская, т. II, 106.

Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ, писатель, т. II, 283, 317.

Г.

Габріакъ, маркизъ, французскій дипломатъ, т. II, 76.

Габсбургъ, т. II, 305, 349, 355, 358, 473, 499, 542, 545.

Гагарины:

— князь, т. I, 11.

— князь, депутатъ воровскаго губернскаго комитета, т. I, 360.

— князь, московскій губернский предводитель дворянства, т. I, 406.

— князь Левъ Григорьевичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Туринѣ, т. I, 269.

— князь Павелъ Павловичъ, председатель Комитета Министровъ, т. I, 304,

306, 307, 310, 374, 505; т. II, 3, 8, 10, 106, 167, 584.

Гаймерле, баронъ, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 547, 559, 561, 562, 667, 669.

Галлеянинъ. См. Исусъ Христосъ.

Галленбергъ, графъ, австрійскій дипломатъ, т. I, 217.

Галлифэ, маркизъ, французскій офицеръ, т. I, 217.

Галкинъ-Врасскій, Михаилъ Николаевичъ, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, т. II, 622.

Гальске, телеграфный строитель, т. II, 219.

- Гамеленъ**, французскій адмиралъ, т. I, 189.
- Ганецкій**, Иванъ Степановичъ, командиръ гренадерскаго корпуса, т. II, 406, 410—412.
- Ганноверская королева**. См. Марія.
- Ганноверскій, король**. См. Георгъ V.
- Гауке**, графиня Юлія, морганатическая супруга принца Александра гессенскаго, т. I, 113.
- Гацфельдъ**, графъ, прусскій посланникъ въ Парижъ, т. I, 190.
- Гейманъ**, генералъ, т. I, 293, т. II, 395, 407.
- Гейкинъ**, баронъ, жандармскій офицеръ, т. II, 597, 599.
- Генрихъ**, герцогъ ангальтъ-кѣтескій, т. I, 68.
- Генрихъ**, герцогъ бордоскій, т. I, 8.
- Генрихъ IV**, король французскій, т. I, 22.
- Генриетта**, королева бельгійцевъ, т. II, 105.
- Георгій св.**, великомученикъ и побѣдоносецъ, т. I, 113, 127, 294, 415; т. II, 3, 35—39, 43, 68, 73, 88, 93, 94, 101, 130, 392, 393, 401, 405, 409, 412, 414.
- Георгій Александровичъ**, великій князь, т. II, 84.
- Георгъ**, великій герцогъ мекленбургъ-стрелицкій, т. I, 68.
- Георгъ V**, король ганноверскій, т. I, 96; т. II, 59.
- Георгъ I**, король шведовъ, т. I, 474; т. II, 3, 27, 28, 44, 63, 66, 309, 442.
- Георгъ**, принцъ гессенскій, т. I, 68, 94.
- Георгъ**, принцъ мекленбургъ-стрелицкій, т. I, 269.
- Гергей**, венгерскій генералъ, т. I, 120.
- Геркулесъ**, т. I, 94, 95, 96.
- Герценъ**, Александръ Ивановичъ, писатель, т. I, 390; т. II, 245, 580, 583.
- Герштенцвейгъ**, Александръ Давидовичъ, варшавскій генералъ-губернаторъ, т. I, 422, 445.
- Гессенская**, принцесса. См. Елизавета.
- Гессенскіе**, принцы. См. Александръ, Георгъ, Карлъ, Лудвигъ.
- Гессенъ-Гомбургскій**, ландграфъ. См. Фридрихъ.
- Гессенъ-Дармштатская**, наследная великая герцогиня. См. Матильда.
- Гессенъ-Дармштатскіе**, великіе герцоги. См. Лудвигъ II, Лудвигъ III.
- Гессенъ-Бассельская**, курфиретина, т. I, 96.
- Гессенъ-Бассельскій**, курфиретъ. См. Фридрихъ-Вильгельмъ.
- Гессъ**, академикъ, т. I, 55.
- Гешкенъ**, Генрихъ, нѣмецкій писатель, т. I, 173.
- Гечевичъ**, генералъ, т. I, 447.
- Гильфердингъ**, Александръ Федоровичъ, писатель, т. I, 216.
- Гирсъ**, Николай Карловичъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, т. II, 300, 333, 550, 553, 554, 556, 565, 573, 675, 676, 681, 689, 704.
- Гладстонъ**, великобританскій первый министр, т. I, 389; т. II, 531.
- Глинка**, повѣренный въ дѣлахъ при Германскомъ Союзѣ, т. I, 257.
- Глѣбъ св.**, князь, т. I, 75.
- Глѣксбургскій**, принцъ. См. Христианъ IX, король датскій.
- Гогель**, генералъ, т. I, 116.
- Гогенлоз**, князь Хлодвигъ, германскій посолъ въ Парижъ, т. II, 573, 704.
- Гогенцоллернскіе принцы**. См. Карлъ-Антонъ, Карлъ I король румынскій, Леопольдъ.
- Гогенцоллерны**, т. II, 358.
- Гоголь**, Николай Васильевичъ, писатель, т. I, 209.
- Гоксдорфъ**, г-жа, т. I, 59.
- Голицыны**:
— князь Александръ Федоровичъ, статсъ-секретарь у принятія прошеній, т. I, 582.
— свѣтлѣйшій князь Борисъ Дмитриевичъ, адъютантъ цесаревича, т. I, 114.
— свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. I, 50, 64, 68, 85, 86.
— князь Сергій Михайловичъ, верховный маршалъ на коронаціи Александра II, т. I, 216.
- Головинъ**, адъютантъ цесаревича, т. I, 114.
- Головкинъ**, графъ Юрій Александровичъ, оберъ-камергеръ, т. I, 63.
- Головинъ**, Александръ Васильевичъ, министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 320 349, 372—375, 379, 386, 397, 451; т. II, 7, 222, 223, 244—248, 250, 252—254, 256, 257, 259, 266—270, 272, 273, 276.
- Голохвостовъ**, Дмитрій Дмитриевичъ, клнскій уѣздный предводитель дворянства, т. I, 499, 533, 534.
- Гольденбергъ**, государственныи преступникъ, т. II, 644, 665.
- Говто-Виронъ**, графъ, французскій посолъ въ Берлинъ, т. II, 307.
- Гоше** братья, банкиры въ Амстердамѣ, т. II, 190.
- Горьби**, англійскій адмиралъ, т. II, 444—446, 451, 452, 456.
- Горштинъ**, графъ, оберъ-штальмейстеръ короля баварскаго, т. II, 359.

Гортензія, королева голландская, т. I, 232, 233, 241.

Горчаковы:

— свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ, посланникъ въ Вѣнѣ, министр иностранныхъ дѣлъ, вице-канцлеръ, государственный канцлеръ, т. I, 147, 149, 150, 174—176, 178, 184, 185, 208, 210, 216, 227—237, 241—245, 248, 251—253, 256, 258, 259, 262—265, 267—270, 277, 278, 353, 386, 389, 401, 402, 409, 411, 415—417, 419—422, 434—436, 449, 451, 453, 473, 477—497, 499, 508, 509, 537; т. II, 14—17, 21, 31, 41, 44, 45, 47—49, 54, 55, 57—59, 63—66, 68, 70, 71, 73—77, 80, 81, 85, 91—93, 98, 100, 108, 110—116, 120—122, 126, 127, 221—293, 298, 300—305, 307, 308, 310—316, 320—322, 324—329, 332, 333, 335, 338—340, 342, 345, 348, 349, 351, 353—355, 359, 361, 363—368, 371, 376, 377, 379—384, 386, 387, 389, 397, 421, 422, 424—427, 429—432, 435, 437, 438, 442, 443, 445—451, 455, 458—461, 463—466, 468—473, 475, 482—485, 487, 488, 491, 493, 494, 496—506, 512, 513, 521, 528, 530, 532, 534—538, 551—553, 573 628, 673—675, 699, 702—704.

— князь Михаилъ Дмитріевичъ, главнокомандующій Западною и Крымскою арміями, намѣстникъ Царства Польскаго, т. I, 113, 133—135, 142, 143, 150—161, 163—170, 175, 178, 179, 181, 184, 209, 212, 213, 271, 422—435, 437, 438, 440—442; т. II, 165.

Гофманъ, нѣмецкій писатель, т. I, 216.

Граббе, графъ Павелъ Христофоровичъ, генераль, т. I, 293.

Граве, адъютантъ цесаревны, т. I, 114.

Градовскій, профессоръ, т. II, 523.

Грамонъ, герцогъ, французскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 68, 69.

Грановскій, профессоръ, т. I, 160.

Грансе, г-жа, воспитательница императрицы Маріи Александровны, т. I, 114.

Гребенъ, прусскій генераль, т. I, 212.

Грей, лордъ, т. I, 212.

Грейгъ:

— адмираль, т. II, 157.

— Самуилъ Алексѣевичъ, государственный контролеръ, министръ финансовъ, т. I, 162, 170, 179—181, 213, 272, 605, 608, 610—613, 630, 649.

Гревиль:

— лордъ, великобританскій поголь на коронаціи Александра II, т. I, 217.

— лордъ, великобританскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 71, 77, 126.

Грессеръ, флигель-адъютантъ, т. I, 57.

Греческій король. См. Отонъ I.

Григорій XVI, папа, т. I, 99.

Григоровичъ, Николай Пвановичъ, писатель, т. I, 70.

Гриммъ:

— камердинеръ императрицы Маріи Теодоровны, т. I, 7.

— нѣмецкій писатель, т. I, 43.

Гриневскій, государственный преступникъ, т. II, 657, 658.

Гро, баронъ, французскій посоль въ Лондонѣ, т. I, 480, 487, 488.

Гротъ, Константинъ Карловичъ, членъ Государственнаго Совѣта, т. II, 181, 266—270, 272, 273, 622.

Гумбертъ, наследный принцъ итальянскій, т. II, 28, 319.

Гумбольдтъ, Александръ, т. I, 41, 217.

Гурко, Іосифъ Владимировичъ, генераль, т. II, 371, 372, 394—396, 398, 405, 406, 414, 418, 419, 420, 605, 624.

Гурьевъ, графъ Александръ Дмитріевичъ, кievскій генераль-губернаторъ, председатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта, т. II, 167.

Густавъ-Адольфъ, король шведскій, т. I, 19.

Густавъ-Ваза, король шведскій, т. I, 95.

Гюбертъ, баронъ, австрійскій посоль въ Парижѣ, т. I, 250.

Д.

Дагмара, принцесса датская. См. Марія Теодоровна, цесаревна.

Дальвигкъ, гессенъ-дармштадтскій первый министръ, т. II, 60.

Далькейтъ, лордъ, т. I, 217.

Дамокль, т. II, 587.

Даневскій, членъ комиссіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Датскія, королевы. См. Луиза, Марія.

Датскіе:

— короли. См. Фридрихъ VI, Фридрихъ VII, Христіанъ IX.

— принцесса. См. Луиза.

— принцы. См. Вальдемаръ, Фридрихъ.

Дашкова, фрейлина, т. I, 111, 113.

Дворжицкій, полиціймейстеръ, т. II, 654.

Девель, генераль, т. II, 386.

- Дейтонъ**, сѣверо-американскій по-сланникъ въ Парляжѣ, т. I, 487.
- Деказъ**, герцогъ, французскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 108—113, 341, 379, 469, 699, 700.
- Деліани**, Федоръ, греческій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 501, 503.
- Деллингаузенъ**, генералъ, т. II, 420.
- Деляновъ**, Иванъ Давыдовичъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, т. II, 262.
- Дерби**, лордъ, великобританскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 301, 303, 304, 307—312, 314, 315, 320, 322, 324—327, 329, 330, 332, 333, 339, 340, 342—344, 366, 367, 369, 379, 381, 382, 385, 388, 424, 426, 427, 429, 430, 444—447, 450, 451, 464, 469, 470.
- Дервизъ**, желѣзно-дорожный строитель, т. II, 194.
- Дерожинскій**, генералъ, т. II, 398.
- Дерфельденъ**, ординарецъ главнокомандующаго, т. II, 411.
- Джонсонъ**, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, т. I, 487; т. II, 12, 16.
- Дизраели**. См. Биконсфильдъ.
- Димитрій** Донской, великій князь, т. I, 163.
- Димитрій** св., царевичъ, т. I, 76.
- Долгоруковы:**
— княжна Анна Николаевна, фрейлина цесаревны, т. I, 111, 113.
— княжна Александра Сергѣевна, фрейлина цесаревны, т. I, 113.
— князь Василій Андреевичъ, военный министр, шефъ жандармовъ, т. I, 153, 156, 183, 182, 183, 187, 208, 209, 304, 307, 309, 374, 406; т. II, 134, 226, 240, 242, 246.
- Долгоруковы:**
— князь Владиміръ Андреевичъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. II, 426, 569, 530, 697.
— князь Николай Сергѣевичъ, флигель-адъютантъ, т. II, 572, 699.
- Дондуковъ-Корсаковъ**, князь Александръ Михайловичъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, императорскій комиссаръ въ Болгаріи, харьковскій генералъ-губернаторъ, т. II, 34, 495, 516, 518, 523—527, 630.
- Достоевскій**, Федоръ Михайловичъ, писатель, т. II, 283.
- Драгомировъ**, Михаилъ Ивановичъ, генералъ, т. II, 392, 393, 398.
- Дрентельнъ**, Александръ Романовичъ, шефъ жандармовъ, т. II, 579, 602, 604, 605, 610—612, 623, 630, 636.
- Дризень**, баронъ, генералъ, т. II, 386.
- Друммондъ-Вольфъ**, великобританскій комиссаръ въ Восточной Румеліи, т. II, 520.
- Друэнъ-де-Люи**, французскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. I, 480, 483, 485, 487, 488, 495.
- Дьяковъ**, смоленскій губернаторъ, т. I, 83.
- Дубасовъ**, лейтенантъ, т. II, 386.
- Дубровинъ**, Николай Федоровичъ, академикъ, т. I, 173.
- Дюгамель**, адъютантъ цесаревны, т. I, 114.
- Дюмонъ**, французскій генералъ, т. I, 207.
- Дюфоръ**, французскій первый министр, т. II, 542, 545, 560.

Ю.

- Евгеній**, принцъ виртембергскій, т. I, 108, 244.
- Евгеній**, принцъ, вице-король итальянскій, герцогъ лейхтенбергскій, т. I, 87.
- Евгенія**, императрица французовъ, т. I, 227, 235, 238—240, 242, 260, 386, 413, 414, 519.
- Евдокимовъ**, графъ, генералъ, т. I, 280, 281, 283, 285, 287, 292, 294; т. II, 36.
- Езерскій**, графъ, т. I, 214.
- Екатерина II**, императрица всероссійская, т. I, 26, 92, 139, 204, 260, 300, 513; т. II, 3, 35, 36, 46, 101, 103, 331, 337, 651.
- Екатерина Михайловна**, великая княгиня, т. II, 98, 285, 657.
- Елагина**, племянница Жуковскаго, т. I, 12, 13.
- Елена**, св. царица, т. I, 392.
- Елена Павловна**, великая княгиня, т. I, 115, 207, 243, 307, 349, 368, 373, 374, 396, 450; т. II, 31, 39, 67, 283, 285.
- Елисавета Алексѣевна**, императрица, т. I, 5, 83.
- Елисавета**, княгиня румынская, т. II, 67, 387, 388, 415.
- Елисавета**, наслѣдная принцесса прусская, т. I, 68.
- Елисавета**, принцесса гессенская, т. I, 115.
- Емельяновъ**, государственный преступникъ, т. II, 657.
- Енохинъ**, лейбъ-медикъ, т. I, 73, 80, 94.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петровичъ, генералъ, т. I, 108, 160.
- Есяновичъ**, членъ комиссіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523,

Ж.**Желтуханы:**

— издатель журнала «Сельское Благо-
стройство», т. I, 350.

— членъ комиссиі для составленія
судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Желябовъ, Андрей, государственный
преступникъ, т. II, 656, 657.

Жербе-де-Сонназъ, чрезвычайный
итальянскій посолъ въ С.-Петербурѣ,
т. I, 415.

Жилль, надзиратель за ученіемъ
цесаревича, т. I, 8, 9, 23, 28, 31, 33,
35, 41, 100, 114.

Жихаревъ, прокуроръ саратовской
судебной палаты, т. II, 590.

Жюмни:

— баронъ Александръ Генриховичъ,
старшій совѣтникъ министерства ино-
странныхъ дѣлъ, т. I, 173, 266, 411, 412,
т. II, 293, 294, 307, 537, 547, 670, 703.

— баронъ Генрихъ, генералъ, т. I, 91.

Жуковскіе:

— Василій Андреевичъ, наставникъ
цесаревича, т. I, 3, 4, 12—28, 30—42,
48—50, 52, 54—57, 59, 60, 65, 67, 73—
77, 80, 82—85, 89, 94—99, 102—104,
110, 114; т. II, 651.

— Степанъ Михайловичъ, статсъ-
секретарь, т. I, 327, 344, 348, 349, 505.

З.

Заблонскій, генералъ, т. I, 424, 425.

Заблонскій-Десятовскій, Андрей Пар-
еоновичъ, писатель, т. I, 184, 236, 247;
т. II, 181.

Закревскій, графъ Арсеній Андре-
евичъ, московскій генералъ-губернаторъ,
т. I, 139, 142, 216.

Замойскій, графъ Андрей, т. I, 422,
424, 425, 430, 454—456.

Замятинъ, Дмитрій Николаевичъ,
министръ юстиціи, т. I, 405; т. II, 29.

Зарудный, членъ комиссиі для со-
ставленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Засуличъ, Вѣра, государственная
преступница, т. II, 579, 597, 598.

Зеебахъ, баронъ, саксонскій послан-

никъ въ Парижѣ, т. I, 174, 177, 178,
181, 182.

Зеленый, Александръ Алексѣевичъ,
министръ государственныхъ имуществъ,
т. I, 386, 397, 505, 512; т. II, 106, 226,
253, 257, 263.

Зибель, Генрихъ, нѣмецкій историкъ,
т. II, 52, 54—56, 61.

Зиновьевъ, Николай Васильевичъ,
воспитатель дѣтей Александра II, т. I,
116.

Зиссерманъ, писатель, т. I, 295.

Зичъ, графъ, австро-венгерскій посолъ
въ Константинополѣ, т. II, 293.

Зотовъ, Павелъ Дмитриевичъ, генералъ,
т. II, 399, 400, 402.

И.**Игнатьевы:**

— графъ, Николай Павловичъ, по-
сланникъ въ Пекинъ, посолъ въ Кон-
стантинополѣ, т. I, 273, 277, 278; т.
II, 65, 67, 292, 295, 297, 301, 303, 323,
327—330, 341, 343—346, 348, 360, 363,
366, 368, 421, 431, 435—438, 442—444,
453, 455, 457, 464, 465, 467, 468, 473,
474, 476, 479, 547, 670, 699.

— графъ Павелъ Николаевичъ, с.-
петербургскій генералъ-губернаторъ,
предсѣдатель Комитета Министровъ, т.
I, 299, 315—317, 320, 321, 395, 396; т.
II, 106, 418, 622.

Имамалъ-паша, турецкій генералъ,
т. II, 405, 406.

Икскуль-фонъ-Гилленбандтъ, ба-
ронъ, посолъ въ Италиі, т. II, 75.

Имеретинскій, свѣтлѣйшій князь
Александръ Константиновичъ, генералъ,
т. II, 400, 412, 625.

Иннокентій, архіепископъ куриль-
скій, и алеутскій, митрополитъ москов-
скій, т. II, 28, 225.

Иннокентій, архіепископъ херсонскій
и тавричeskій, т. I, 165.

Ипсиланти, князь, греческій послан-
никъ въ Вѣнѣ, т. II, 394.

Исидоръ, митрополитъ с.-петербург-
скій, т. II, 36, 224, 226.

Исламъ, туркестанскій шейхъ, т. II, 118.

Итальянскіе:

— король. См. Викторъ-Эммануилъ II.
— наследная принцесса. См. Маргарита.

— наследный принцъ. См. Гумбертъ.

И-Шанъ, китайскій главнокомандую-
щій на Амурѣ, т. I, 276.

Ишервудъ, бонапартѣй Александръ II,
т. I, 116.

Ишутинъ, государственный преступ-
никъ, т. II, 7, 579.

I.

Иегова, т. I, 226.
 Иисусъ Христосъ, т. I, 15, 218, 393, 536; т. II, 24, 580, 662.
 Иоаннъ Васильевичъ III, великій князь, т. I, 218; т. II, 337.
 Иоаннъ Васильевичъ IV Грозный, царь, т. I, 22, 218, 534.

Иоаннъ, король саксонскій, т. I, 247.
 Иоаннъ, эрцгерцогъ австрійскій, т. I, 87.
 Юннъ, Александръ Семеновичъ, дипломатическій агентъ въ Черногоріи, т. II, 300.
 Иосифъ, митрополитъ литовскій, т. I, 218, 515; т. II, 24.

K.

Кабуль-паша, турецкій посоль въ С.-Петербургъ, т. II, 303.

Кавелины:

— Александръ Александровичъ, воспитатель цесаревича, т. I, 7, 56, 67, 73, 77, 80, 82, 94.

— профессоръ, т. I, 171, 306, 317, 325.

Кавендишъ, лордъ, т. I, 217.

Кавуръ, графъ, Камилло, первый министр сардинскій и итальянскій, т. I, 190, 249, 263.

Кадрусъ-Грамонъ, герцогъ, т. I, 217.

Казнаковы:

— генераль-губернаторъ Западной Сибири, т. II, 264.

— помощникъ воспитатели дѣтей Александра II, т. II, 116.

Калице, австро-венгерскій посоль въ Константинополь, т. II, 492, 503.

Каллай, австро-венгерскій комиссаръ въ Восточной Румелии, т. II, 520.

Канеринъ, графъ, Егоръ Францовичъ, Министръ финансовъ, т. I, 91.

Каннабихъ, генераль, т. I, 460.

Канроберъ, маршалъ Франціи, т. I, 153.

Каподистрия, графъ Иванъ Антоновичъ, статсъ-секретарь Александра I, правитель Элады, т. I, 12, 27, 28.

Каракозовъ, Дмитрій, государственныи преступникъ, т. II, 7, 14, 262, 583.

Карамзинъ, т. I, 40.

Карасевскій, Александръ Ивановичъ, н. д. оберъ-прокурора Св. Синода, т. II, 224.

Каратеодори-паша, турецкій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 492, 500, 504, 505, 515, 516.

Карачіоло, графъ, итальянскій посланникъ въ С.-Петербургъ, т. II, 77.

Карль V, священно-римскій императоръ, т. I, 176.

Карль I, король виртембергскій, т. I, 243.

Карль I, князь румынскій, т. II, 44, 63, 67, 327, 328, 349, 360, 362, 363, 371,

374, 383, 387—389, 399, 401, 405, 409, 412, 420, 437, 442, 443.

Карль, герцогъ мекленбургъ-шверинскій, т. I, 45, 68.

Карль, принцъ гессенскій, т. I, 109, 115.

Карль, принцъ прусскій, т. I, 6, 10, 94, 148, 214, 239, 269; т. II, 93, 94.

Карль-Александръ, великій герцогъ саксенъ-веймарскій, т. I, 94, 112, 214, 246, 247, 255, 519; т. II, 30, 84, 105.

Карль-Альбертъ, король сардинскій, т. I, 101.

Карль-Антонъ, принцъ гогенцоллернскій, т. I, 269.

Карль-Иоаннъ, король шведскій, т. I, 904.

Карль-Фридрихъ, великій герцогъ саксенъ-веймарскій, т. I, 68, 94.

Карль, изобрѣтатель усовершенствованнаго ружья, т. II, 146.

Карнарвонъ, лордъ, великобританскій министръ, т. II, 444, 445.

Кароли, графъ, австро-венгерскій посоль въ Берлинъ, т. I, 217; т. II, 314, 492, 503.

Карцовы:

— генераль, т. II, 407, 414, 419, 420.

— Андрей Николаевичъ, дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ, т. II, 300.

Карницкій, оберъ-прокуроръ сената, т. I, 427—429, 431.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, писатель, т. I, 317, 324, 388, 459, 469, 494; т. II, 3, 11, 12, 296, 583.

Бауницъ, князь, австрійскій канцлеръ, т. II, 523.

Бауфманъ, Константинъ Петровичъ, виленскій и туркестанскій генераль-губернаторъ, т. I, 527, 585; т. II, 17, 114, 118, 119, 122—124, 128, 529.

Бахановъ, Михаилъ Семеновичъ, управляющій дѣлами Комитета Министровъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. II, 625, 646, 649, 655.

Башгарскій ханъ. См. Ягубъ-бекъ.

Беммереръ, преподаватель химіи, т. I, 39, 56.

Биджи, донъ-Фабіо, посоль папы на коронаціи Александра II, т. I, 217.

Билинскій, польскій патріотъ, т. I, 424.

Бинглекъ, англійскій историкъ, т. I, 173.

Бирѣвскій, писатель, т. I, 169.

Бислинскій, писатель, т. II, 221.

Биселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, министръ государственныхъ имуществъ, посоль въ Парижъ, т. I, 182—184, 187, 209, 227, 232, 234—236, 238, 239, 242—245, 247, 248, 250—255, 259, 260, 262, 263, 265—267, 269, 270, 299, 307, 386, 409—414, 436.

Бларендонъ, лордъ, великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 190, 192, 196, 202, 203, 240; т. II, 53, 120—123.

Блей, посланникъ Съверо-Амерканскихъ Штатовъ въ С.-Петербургъ, т. I, 487; т. II, 16.

Блейнмихель, графъ Петръ Андреевичъ, главноуправляющій путями сообщеній и публичными зданіями, т. I, 208.

Блермонтъ, англійскій офицеръ, т. I, 254.

Блиментъ, митрополитъ софійскій, т. II, 526, 527.

Бюоррингъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, т. I, 497.

Бяжевичъ, Александръ Николаевичъ, министръ фанансовъ, т. I, 320, 374, 397; т. II, 162, 166, 170—172, 239.

Ковалевскіе:

— **Евграфъ Петровичъ**, министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 325, 326, 391; т. II, 222, 238—240, 242, 252, 256.

— **Егоръ Петровичъ**, директоръ азиатскаго департамента, т. I, 228.

— **Михаилъ Евграфовичъ**, сенаторъ, т. II, 625, 634, 647, 649.

Ковальскій, государственный преступникъ, т. II, 599.

Когольничано, румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 363, 386, 387, 442, 443, 501.

Козловъ, начальникъ военно-медицинской академіи, II, 269.

Козляниновъ, командиръ муромскаго пѣхотнаго полка, т. I, 460.

Коканскій, ханъ. См. Худояръ, Насоръ-Эддия.

Кокоревъ, откупщикъ, т. I, 317.

Колдинъ, преподаватель математики, т. I, 83.

Коль, Горетъ, издатель записокъ князя Бисмарка, т. II, 361, 665, 696.

Комиссаровъ - Костромской, Осипъ Ивановичъ, крестьянинъ, спасшій жизнь Александра II, т. II, 4, 6, 20.

Конаутскій, герцогъ. См. Артуръ.

Коновеносъ-бей, турецкій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургъ, т. II, 80, 377.

Константинъ Великій св., царь, т. I, 392.

Константинъ Константиновичъ, великій князь, т. II, 416.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. I, 31, 32, 36, 115, 116, 141, 142, 165, 182, 183, 208, 209, 227, 235, 236, 248, 249, 274, 275, 299, 300, 307, 309, 320, 349, 368 369, 372—375, 379, 383, 393, 397, 422, 450—457, 459, 461, 462, 467, 470, 472—476, 479, 515, 519; т. II, 4, 26, 28, 36, 94, 98, 133, 152, 153, 160, 181, 164, 165, 283, 416, 436, 583, 621, 623, 627, 628, 654.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ и великій князь, т. I, 42, 60, 104.

Корти, графъ, итальянскій первый министръ, т. II, 492, 496, 499, 502.

Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ, директоръ императорской публичной бібліотеки, главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, т. I, 7, 224, 304, 306, 390, 397; т. II, 241, 242, 246, 255, 256.

Косинскій, главный медицинскій инспекторъ дѣйствующей арміи, т. II, 403.

Костюшко, польскій генераль, т. I, 424, 444, 445.

Котляревскій, товарищъ прокурора, т. II, 597.

Коулей, лордъ, великобританскій посоль въ Парижъ, т. I, 251, 254, 260.

Кохъ, капитанъ, т. II, 658.

Коцебу, графъ Павелъ Евстафьевичъ, варшавскій генераль-губернаторъ, т. II, 106, 630.

Кочубей, князь Викторъ Павловичъ, государственный канцлеръ, председатель Государственного Совѣта, т. I, 63.

Кошелевъ, писатель, т. I, 306, 324, 362, 536.

Кожуть, венгерскій патріотъ, т. II, 701.

Кратоткинъ, князь, харьковскій губернаторъ, т. II, 579, 603, 604.

Красинскій, графъ, т. I, 218.

Бреневиль, графъ, австрійскій генераль, т. I, 269.

Криджеръ, баронъ, генераль, т. II, 395.

Крилицкій, протопресвитеръ, т. I, 5.

Бронскій, завѣдующій варшавскою полицією, т. I, 453.

Броненбергъ, варшавскій банкиръ, т. I, 425.

Брузенштеръ, директоръ комиссiи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, т. I, 447.

Брыжановскій, Николай Андреевичъ, оренбургскій генераль-губернаторъ, т. I, 117—119.

Брыловъ, Иванъ Андреевичъ, писатель, т. I, 41.

Брынка, изобрѣтатель усовершенствованнаго ружья, т. I, 146, 527.

Буденгофъ, графъ, австрiйскiй генераль, т. I, 269.

Буза. См. Александръ-Иоаннъ.

Булбякинъ, ротмистръ, т. II, 653.

Булумзинъ, Анатолiй Николаевичъ, статсъ-секретарь, II, 221.

Буракина, княгиня, гофмейстерина, т. I, 31.

Буропаткинъ, Алексѣй Николаевичъ, генераль, т. II, 129.

Кутейниковъ, наказной атаманъ Войска Донскаго, т. I, 28, 29.

Кюстинъ, маркизъ, французскiй писатель, т. I, 91, 93.

Л.

Лабенскiй, Камилль Ксаверiевичъ, секретарь цесаревны, т. I, 114.

Лавалеттъ, графъ, т. I, 217.

Лагероньеръ, виконтъ, французскiй писатель, т. I, 259.

Лазаревы:

— адмираль, т. II, 157.

— генераль, т. II, 159, 408.

Лайярдъ, великобританскiй посоль въ Константинополь, т. II, 379, 447, 456, 513, 515.

Лакруа, Поль, французскiй писатель, т. I, 103, 108.

Ламармора, итальянскiй генераль, т. I, 153.

Ламберты:

— графъ Иосифъ Карловичъ, адъютантъ цесаревнича, т. I, 114.

— графъ Карлъ Карловичъ, намѣстникъ Царства Польскаго, т. I, 422, 438, 439, 441—446.

Ламздорфъ, графъ Матвѣй Ивановичъ, воспитатель великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, т. I, 26.

Лангевичъ, предводитель польскихъ мятежниковъ, т. I, 461.

Лангенау, баронъ, австро-венгерскiй посоль въ С.-Петербургъ, т. I, 321, 381, 439, 458.

Ланскiе:

— генераль, т. I, 142.

— графъ, Сергѣй Степановичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. I, 207, 208, 299—304, 307—309, 314, 315, 320—322, 324, 326—335, 339, 340, 342, 343, 347—349, 357, 358, 361, 370, 374, 383, 391, 392, 501.

Ласковскiй, генераль, преподаватель фортификаци, т. I, 72.

Латуръ д'Овернь, князь, французскiй министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 70.

Лебѣфъ, французскiй генераль, т. I, 217.

Левницкiй, Казимiръ Васильевичъ, помощникъ начальника штаба дѣйствующей армiи, т. II, 402, 403, 412, 439.

Левшинъ, Алексѣй Праклевичъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. I, 299, 304, 305, 307, 349.

Лейхтенбергскiе: герцоги. См. Евгенiй, Максимилианъ, Романовскiе князья.

Лемонюсъ, директоръ 3-й С.-Петербургской гимнази, т. II, 265.

Леонидъ, епископъ дмитровскiй, викарiй московскiй, т. I, 392.

Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ, писатель, т. II, 275.

Леопольдъ, великiй герцогъ тосканскiй, т. I, 99.

Леопольдъ герцогъ ангалтъ-дессаусскiй, т. I, 68.

Леопольдъ I, король бельгiйцевъ, т. I, 250, 252.

Леопольдъ II, король бельгiйцевъ, т. II, 105.

Леопольдъ, настѣдный принцъ гогенцоллернскiй, т. II, 68, 69.

Леруа-Вольё, Анатоль, французскiй писатель, т. I, 385, 401, 451.

Лесовскiй, Степанъ Степановичъ, вице-адмираль, т. II, 154.

Лефлю, генераль, французскiй посоль въ С.-Петербургъ, т. II, 108—113, 293.

Ливены:

— баронъ, генераль, т. I, 163.

— свѣтлѣйшая княгиня Шарлота Карловна, статсъ-дама, т. I, 5.

— свѣтлѣйшiй князь Андрей Александровичъ, министръ государственныхъ имуществъ, т. II, 622.

— свѣтлѣйшiй князь Христофоръ Александровичъ, полечитель цесаревнича, т. I, 66, 68, 73, 81, 82, 94, 97, 100, 101, 106.

Лидерсъ, графъ, Александръ Николаевичъ, командующій Южною армією, намістникъ Царства Польскаго, т. I, 142, 152, 154, 164, 166, 422, 445, 447, 448, 453.

Линкольны:

— лордъ, т. I, 217.

— Авраамъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, т. I, 416; т. II, 13, 15.

Линь, князь, т. I, 212.

Липианъ, преподаватель всеобщей исторіи и французскаго языка, т. I, 39.

Лисицкій, польскій писатель, т. I, 429, 440, 450, 453.

Литке, графъ I, Федоръ Петровичъ, президентъ Академіи Наукъ, т. II, 266—270, 272, 273.

Лихтенштейнъ, князь, австрійскій генералъ, т. I, 212.

Лобановы-Ростовскіе:

— князь, сенаторъ, т. I, 406.

— князь Алексѣй Борисовичъ, посланникъ въ Константинополь, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, посолъ въ Константинополь, т. I, 421; т. II, 511—516, 520, 521, 523, 528, 537.

Ловичъ, княгиня Іоанна, морганатическая супруга цесаревича Константина Павловича, т. I, 42.

Лонъ, графъ, итальянскій посолъ въ Берлинъ, т. II, 307.

Лорисъ-Меликовъ, графъ Михаилъ Тареловичъ, генералъ, начальникъ Верховной Распорядительной Комиссіи, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. II, 386,

395, 605, 621, 624, 625, 629—637, 639, 641—647, 649—655, 657.

Лофтусъ, лордъ, Августъ, великобританскій посолъ въ С.-Петербургъ, т. II, 122, 123, 126, 127, 291, 300, 301, 303, 304, 311, 320, 323—326, 328—330, 332, 333, 339, 340, 366, 379, 382, 388, 421, 426, 427, 429, 430, 445, 446, 450, 451.

Лудвигъ II, великій герцогъ гессендармштадтскій, т. I, 103, 109, 115.

Лудвигъ III, великій герцогъ гессендармштадтскій, т. I, 112, 115, 217, 239.

Лудвигъ II, король баварскій, т. II, 359, 544, 677, 680, 684—686.

Лудовикъ IX, св., король французскій, т. II, 398.

Лудовикъ-Наполеонъ. См. Наполеонъ III.

Луиза, королева датская, т. I, 527; т. II, 31, 310.

Луиза, королева прусская, т. I, 44, 575.

Луиза, принцесса нидерландская, т. I, 94.

Луиза, принцесса прусская, т. I, 43.

Лукьяновъ, членъ совѣта управленія генеральнаго комиссара въ Болгаріи, т. II, 524.

Лумлей, великобританскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургъ, т. I, 419.

Любимовы:

— членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

— Николай Алексѣевичъ, писатель, т. II, 12.

Львовъ, композиторъ, т. I, 64.

М.

Маджента, герцогъ. См. Макъ-Магонъ.

Майръ, австро-венгерскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургъ, т. II, 294, 295.

Маковъ, Левъ Савичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. II, 216, 579, 602, 605, 611, 623, 630, 646, 678.

Максимилианъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. I, 87, 94, 99, 107, 255.

Макъ-Доннель, великобританскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинъ, т. II, 324.

Макъ-Магонъ, маршалъ Франціи, президентъ Французской республики, т. II, 103, 492.

Малаховскій, графъ, т. I, 425.

Мальмсбери, лордъ, великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 251.

Мандтъ, лейбъ-медикъ, т. I, 135.

Мантейфель, баронъ, прусскій первый министръ, т. I, 190, 215, 236—239, 242, 243, 245—247, 257; т. II, 682.

Мантейфель, баронъ, германскій фельдмаршалъ, т. II, 44, 56—59, 323, 532, 543, 544, 546, 549, 557, 667, 681, 683.

Маргарита, наследная принцесса итальянская, т. II, 319.

Марія, королева ганноверская, т. I, 95.

Марія, королева датская, т. I, 95.

Марія, королева Обѣихъ Сицилій, т. I, 415.

Марія, принцесса гессенская. См. Марія Александровна, императрица.

Марія Александровна, великая княгиня, герцогиня Эдинбургская, т. I, 115, 249, 528; т. II, 23, 32, 81, 94, 101, 104, 105, 323.

Марія Александровна, императрица, т. I, 91, 103, 106, 107, 109—112, 114, 116,

119, 120, 130, 181, 162, 210, 215, 216, 218—220, 226, 236—239, 242—244, 246, 247, 249, 269, 272, 279, 349, 394, 399, 400, 403, 405, 407, 471, 499, 514, 515, 519, 528, 529, 533; т. II, 3, 4, 11, 17, 20, 22, 23, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 85, 86, 88, 94, 101, 105—107, 113, 223, 239, 283, 285, 286, 317, 319, 323, 371, 375, 376, 388, 411, 416, 527, 536, 541, 464, 570, 572, 605, 618, 621, 644, 666, 675, 699.

Марія Максимиліановна, принцесса баденская, т. II, 4.

Марія Николаевна, великая княгиня, т. I, 8, 31, 32, 51, 86, 96, 99, 107, 110, 115, 162, 255; т. II, 288.

Марія Павловна, великая княгиня, великая герцогиня саксен-веймарская, т. I, 43, 94, 107, 109, 115, 247.

Марія Павловна, великая княгиня, т. II, 31, 105, 106, 286.

Марія-Терезія, священно-римская императрица, т. I, 260.

Марія Теодоровна, императрица, супруга императора Павла, I, т. I, 3, 5—7, 9, 11, 30—33, 35, 36, 111, 513; т. II, 223, 284—288.

Марія Теодоровна, цесаревна и великая княгиня, впоследствии императрица, т. I, 499, 519, 527—529; т. II, 3, 16, 17, 20, 31, 97, 100, 223, 286, 375, 575, 639, 708.

Марковъ, сенаторъ, т. II, 625.

Маркусъ, гофл-медикъ, т. II, 658.

Маркъ-Аврелій, римскій императоръ, т. I, 22.

Мармонъ, герцогъ рагузскій, маршалъ Франціи, т. I, 3, 8, 10.

Мартинъ, Теодоръ, англійскій писатель, т. I, 173, 241.

Марса, великая инокиня, мать царя Михаила Теодоровича, т. I, 78.

Марса, посадница новгородская т. I, 9.

Масальскій, князь, генералъ, т. II, 402.

Матвѣевъ, Павелъ Александровичъ, писатель, т. II, 523.

Матильда, наследная великая герцогиня гессенъ-дармштадтская, т. I, 115.

Махмудъ-паша, турецкій великій визирь, т. II, 301, 308.

Мегметъ-Али, турецкій генералъ, т. II, 399, 413, 423, 500, 504, 505.

Мегметъ-Аминъ, предводитель Абазеховъ, т. I, 282, 283.

Мезенцовы:

— адъютантъ намѣстника Царства Польскаго, т. I, 433.

— Николай Владиміровичъ, шефъ жандармовъ, т. II, 386, 397, 579, 599, 602.

Мейендорфы:

— баронъ Петръ Казиміровичъ, оберъ-гофмейстеръ, т. I, 182, 187; т. II, 246.

— баронъ Феликсъ Петровичъ, почетный въ дѣлахъ при палатѣ, т. I, 537.

Мекленбургъ-Стрелицкіе, герцоги и принцы. См. Георгъ.

Мекленбургъ-Шверинскіе, герцоги, герцогини, принцы и принцессы. См. Карлъ Фридрихъ-Францъ II, Августина.

Мелегари, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. II, 343.

Меликовъ, князь, Леванъ Ивановичъ, генералъ, т. I, 220; т. II, 408.

Мельбуртъ, лордъ, великобританскій первый министръ, т. I, 106.

Мельниковы:

— Александръ Александровичъ, вице-директоръ Азіатскаго Департамента, т. II, 523.

— Павелъ Петровичъ, министръ путей сообщенія, т. II, 34, 163, 192—194, 196—199, 263.

Меншиковъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ, главнокомандующій Крымскою арміею, т. I, 113, 128, 133, 134, 142, 151, 196, 337, 406; т. II, 165.

Мердеръ, Карлъ Карловичъ, воспитатель цесаревича, т. I, 3, 6—11, 19, 23, 25—28, 30, 32—37, 39—60, 66, 72.

Мердеры, т. I, 40.

Мерхелевичъ, генералъ, т. I, 438.

Меттернихъ:

— княгиня, т. I, 101, 102.

— князь, австрійскій канцлеръ, т. I, 101, 201, 430.

Микѣшинъ, Александръ Осиповичъ, ваятель, т. I, 404.

Миладъ IV, Обреновичъ, князь сербскій, т. II, 61, 71, 88, 300, 301, 323, 332, 365, 389, 419.

Милютина, Марія Агѣевна, т. I, 349, 351.

Милютинъ, графъ, Дмитрій Алексѣевичъ, начальникъ штаба Кавказской арміи, военный министръ, т. I, 273, 278, 279, 320, 386, 397, 450, 459, 467, 469, 499, 508, 509, 512; т. II, 30, 41, 43, 133—138, 141, 142, 144, 149, 199, 263, 266—270, 272, 273, 324, 386, 396, 397, 401—404, 410, 411, 426, 428, 431, 435, 447, 448, 454, 476, 486, 544, 547, 550, 554, 556, 564, 572, 603, 623, 670, 675—678, 681, 682, 698, 699.

Милютинъ, Николай Алексѣевичъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, министръ-статсъ-секретаръ по дѣламъ

Царства Польскаго, т. I, 300, 308, 320, 349—351, 355, 373, 374, 380, 385, 392, 396, 400, 401, 422, 450, 451, 459, 469, 499, 500, 504, 505, 510, 516, 518, 519, 536, 538; т. II, 17, 18, 277.

Минерва, т. I, 362.

Мининъ, т. II, 158.

Митрофанъ, св., митрополитъ воронежскій, т. I, 89.

Мирославскій, предводитель польскихъ мятежниковъ, т. I, 461.

Михайловы:

— Александръ, государственный преступникъ, т. II, 656.

— Тимоѣй, государственный преступникъ, т. II, 657.

Михаилъ III, Обреновичъ, князь сербскій, т. II, 64, 67.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, т. I, 93, 165, 166, 169, 170, 208, 214, 231, 239, 273, 288, 289, 291—295, 316, 469, 535; т. II, 31, 81, 87, 88, 94, 96, 148, 328, 405, 407, 408, 421, 428, 439, 471, 486, 638, 659.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. I, 32, 41, 51, 64, 87, 107, 108, 112, 115, 119—122.

Михаилъ Теодоровичъ, царь, т. I, 78, 218.

Мольке, графъ, германскій фельдмаршалъ, т. I, 217; т. II, 73, 88, 95, 96, 99, 112, 558, 683, 690.

Монтебелло, герцогъ, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, т. I, 240, 482, 483, 493.

Моравскій, флигель-адъютантъ, т. II, 411.

Мордвиновы:

— графъ, адмиралъ, т. I, 63.

— сенаторъ, т. II, 647, 649.

Морзе, изобрѣтатель телеграфнаго аппарата, т. II, 218.

Мори:

— герцогъ, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, т. I, 174—177, 189, 217, 227, 231—235, 239—241, 247, 258, 266—268, 270.

— герцогъ, сынъ предыдущаго, т. I, 247.

Мортемаръ, герцогъ, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, т. I, 41.

Музафаръ, эмиръ бухарскій, т. II, 115, 118, 119, 122, 124—126.

Музовскій, оберъ-священникъ гвардіи, т. I, 64.

Муи, графъ, французскій дипломатъ, т. II, 493.

Муравьевы:

— Александръ Николаевичъ, нижегородскій губернаторъ, т. I, 299, 318, 330.

— Андрей Николаевичъ, писатель, т. I, 86.

— графъ Михаилъ Николаевичъ, министр государственныхъ имуществъ, виленскій генералъ-губернаторъ, т. I, 304, 307, 309, 326, 327, 347, 374, 391, 397, 459, 470—472, 476, 499, 511—515, 526, 527, 535; т. II, 3, 7, 16, 223, 258, 276, 583.

— Николай Николаевичъ, намѣстникъ кавказскій, главнокомандующій Кавказскою арміею, т. I, 170, 171, 209, 278.

Муравьевъ-Амурскій, графъ Николай Николаевичъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, т. I, 127, 128, 273 — 277, 295.

Мурадъ V, султанъ турецкій, т. II, 309, 323.

Муральтъ, пасторъ, т. I, 39.

Мутье, маркизъ, французскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. I, 64.

Мухамедъ-Рахманъ-Богодуръ, ханъ хивинскій, т. II, 114, 122—124, 126.

Мухановы:

— директоръ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, т. I, 428, 433.

— Павелъ Алексѣевичъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, т. I, 389.

Мухтаръ - паша, турецкій генералъ, т. II, 302, 395, 405, 407.

Мышецкій, князь, новгородскій губернскій предводитель дворянства, т. I, 403, 405.

Мюрать, князь, Іоахимъ, французскій офицеръ, т. I, 217.

Н.

Набоковъ, Дмитрій Николаевичъ, министр юстиціи, т. II, 606, 624, 630, 654.

Назимовъ, Владиміръ Ивановичъ, адъютантъ цесаревича, почетитель Московскаго учебнаго округа, виленскій генералъ-губернаторъ, т. I, 73, 80, 94, 100, 119, 159, 299, 311—315, 317, 320, 328, 378, 470; т. II, 244.

Намыкъ-паша, турецкій уполномоченный, т. II, 421, 429, 430, 432—435, 437, 428, 440, 456.

Наполеонъ I, императоръ французскій, т. I, 45, 46, 83, 87, 178, 378, 414, 482; т. II, 90, 701, 703.

Наполеонъ III, императоръ французскій, т. I, 174—178, 181, 182, 186,

188—194, 196, 199—204, 217, 227, 230—235, 237—245, 247—260, 262, 266, 267, 269, 270, 386, 410—414, 477, 480—482, 485, 495, 497, 498, 519, 527; т. II, 21, 22, 46, 52, 54, 58, 61—63, 68, 70, 89, 109, 536, 701.

Наполеонъ-Героинья, принцъ, т. I, 248, 249, 255, 409, 410, 413.

Нарышкины:

— Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ, т. I, 6.

— Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, т. I, 66.

Насеръ-Эддинъ:

— персидскій шахъ, т. II, 81, 82.

— кокапскій ханъ, т. II, 128.

Нассаускіе:

— герцогиня. См. Паулина.

— герцоги. См. Вильгельмъ Адольфъ.

Нахимовъ, Павелъ Степановичъ, вице-адмиралъ, т. I, 155.

Невельской, капитанъ, т. 127.

Нелидовъ, Александръ Ивановичъ, совѣтникъ посольства въ Константинополь, директоръ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, т. II, 362, 377, 389, 425, 436, 467, 464, 465, 477.

Непиръ, лордъ, великобританскій посолъ въ С.-Петербургъ, т. I, 480—483, 488, 493, 494; т. II, 47—49.

Непокойчицкій, Артуръ Адамовичъ, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, т. II, 392, 396, 402, 404, 410, 412, 439, 457.

Нессельроде, т. I, 40.

Нессельроде, графъ, Карлъ Васильевичъ, государственный канцлеръ, т. I, 64, 87, 93, 128, 147—149, 177—179, 182, 184—199, 201, 202, 204, 208, 227, 257, 274; т. II, 191.

Нечаевъ, Сергій, государственный преступникъ, т. II, 579, 586.

Нигра, графъ, итальянскій посолъ въ Лондонъ, т. II, 308.

Нидерландскіе короли. См. Вильгельмъ II, Вильгельмъ III.

Нидерландская королева. См. Анна Павловна.

Нидерландскій принцъ. См. Александръ Вильгельмъ.

Нидерландская принцесса. См. Луиза.

Никаноръ, митрополитъ с.-петербургскій, т. I, 218.

Никитенко, академикъ, т. I, 389, 390.

Николай, баронъ, Александръ Павловичъ, членъ Государственнаго Совѣта, т. II, 181.

Николай, св., архіепископъ муршинскій, т. II, 24, 419.

Николай I, императоръ всероссійскій, т. I, 3, 4, 6—11, 19—21, 23, 26, 28—31, 36—38, 40—46, 48—51, 53, 55, 57, 58, 61, 63—65, 68—74, 78—80, 82, 87—90, 92—94, 98, 99, 102, 104, 105, 107—111, 113—115, 117—120, 122, 127—135, 139—141, 144, 146, 148, 149, 151, 209, 211—213, 215, 221, 224, 231—234, 241, 243, 254, 256, 271, 272, 274, 278, 301, 305, 338, 377, 481, 505, 506, 522; т. II, 35, 38, 46, 93, 114, 134, 232, 234, 285, 319, 331, 512, 575, 646, 651, 682.

Николай I, князь черногорскій, т. I, 417, 418; т. II, 44, 67, 300, 301, 303, 304, 315, 322, 323, 365, 383, 390.

Николай Александровичъ, наследникъ-цесаревичъ и великій князь, т. I, 114, 115, 130, 140, 141, 216, 226, 248, 254, 269, 325, 404, 499, 519, 527—531; т. II, 275.

Николай Александровичъ, великій князь, внѣт благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II, т. II, 3, 31, 291, 319.

Николай Николаевичъ Старшій, великій князь, т. I, 93, 165, 166, 170, 208, 239, 404; т. II, 27, 29, 30, 91, 92, 94, 97, 323, 339, 373—376, 383, 384, 386, 389, 390, 392—394, 396, 400—402, 404, 406, 410, 412, 413, 416, 418—422, 425, 427—442, 444, 448, 453—458, 464, 466—468, 475—481, 486, 513.

Николай Николаевичъ Младшій, великій князь, т. II, 30, 371, 386, 393, 416.

Нина св., просвѣтительница Грузин, т. I, 123.

Ніель, французскій генералъ, т. I, 189.

Нобилингъ, нѣмецкій социалистъ, т. II, 492.

Новиковъ, Евгенийъ Петровичъ, посланникъ въ Апеннахъ, посолъ въ Вѣнѣ и Константинополь, т. II, 68, 75, 297, 298, 313, 316, 322, 355, 359, 388, 424, 459, 463, 482, 483, 533—535, 562.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ, министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 209; т. II, 234—238.

О.

Обермиллеръ, лейбъ-медикъ, т. II, 166.

Оболенскій, князь, Дмитрій Александровичъ, статсъ-секретарь, т. I, 147, 349.

Обреновичи, см. Михаило III, Милошъ IV.

Обручевъ, Николай Николаевичъ, генералъ, т. II, 413, 426, 468, 474, 511, 521, 522, 542, 545, 573, 704.

Объѣхъ Сицилій короли, см. Фердинандъ II, Францискъ II.

Объѣхъ Сицилій королева, см. Марія.

Огаревъ, Николай Платоновичъ, писатель, т. II, 245.

Огюстъ, учитель танцованія, т. I, 39.

Оглобжію, генераль, т. II, 386.

Окуневъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, т. II, 75, 76.

Олсуфьевъ, графъ, Василій Дмитриевичъ, гофмаршалъ двора цесаревича, оберъ-гофмейстеръ, т. I, 111, 113, 223.

Ольга Константиновна, великая княгиня, королева эллиновъ, т. II, 3, 28, 219.

Ольга Николаевна, великая княгиня, королева вюртембергская, т. I, 8, 31, 36, 46, 115, 116, 131, 210, 213, 214, 243, 244, 519; т. II, 22, 32, 84.

Ольга Теодоровна, великая княгиня, т. I, 239, 292; т. II, 285.

Ольденбургская, принцесса, Евгения Максимилиановна, т. II, 285.

Ольденбургская, принцесса Тереза, т. I, 239.

Ольденбургскіе, великіе герцоги, см. Августъ, Петръ.

Ольденбургскій, принцъ Петръ Георгиевичъ, т. I, 239, 493, 513, 514; т. II, 96, 266, 273, 285.

Ольшевскій, генераль, т. II, 285, 286.

Омеръ-паша, турецкій генераль, т. I, 171, 417, 419.

Опу, 1-й драгоманъ посольства въ Константинополѣ, т. II, 456, 478, 513.

Оранскій, принцъ, см. Вильгельмъ.

Орбеліани, князь, генераль, т. I, 286.

Орсини, итальянскій патриотъ, т. II, 248.

Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексѣевна, т. I, 9.

Орловы:

— князь Алексѣй Теодоровичъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, т. I, 101, 103, 105, 106, 174, 182, 183, 186—204, 209, 223, 231, 235, 304, 307, 309, 315, 326, 343, 351, 372.

— князь Николай Николаевичъ, генераль, т. I, 466, 467.

Орловъ-Давыдовъ, графъ Владиміръ Петровичъ, с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства, т. II, 5.

Оскаръ, наслѣдный принцъ шведскій, т. I, 95.

Османъ-паша, турецкій генераль, т. II, 372, 395, 399, 400, 402, 405, 407, 410—413, 415, 416, 423, 425.

Островскій, Михаилъ Николаевичъ, членъ Государственнаго Совѣта, т. II, 181.

Отонъ I, король греческій, т. I, 229, 417; т. II, 63.

Офросимовъ, генераль, т. I, 406.

II.

Павель св., апостоль, т. I, 106; т. II, 696.

Павель, епископъ кишиневскій, т. II, 373.

Павель I, императоръ всероссійскій, т. I, 26, 92, 377; т. II, 46, 284.

Павель Александровичъ великій князь, т. I, 269; т. II, 23, 32, 404.

Павлицевъ, писатель, т. I, 476.

Павловъ, Николай Филипповичъ, писатель, т. I, 225, 317.

Павскій, Герасимъ Петровичъ, законоучитель цесаревича, т. I, 12, 23—25, 33, 35, 36, 62, 69.

Палацкій, Францъ, чешскій писатель, т. II, 21.

Паленъ, графъ Константинъ Ивановичъ, министръ юстиціи, т. II, 29, 591.

Палеологи, т. II, 337.

Пальмерстонъ, лордъ, великобританскій первый министръ, т. I, 239, 240, 259—261, 409, 414.

Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ, министръ юстиціи, т. I, 300, 307, 326, 327, 329, 347, 368—372, 375, 378, 383—385, 405; т. II, 242, 266—270, 272, 273.

Панинъ, графъ Никита Петровичъ, воспитатель Павла I, т. I, 26.

Панютинъ, генераль, т. I, 152.

Паны. См. Григорій XVI, Пій IX.

Паскевичъ:

— Иванъ Теодоровичъ, князь Варшавскій графъ Эриванскій, намѣстникъ Царства Польскаго, генераль-фельдмаршалъ, т. I, 47, 87, 110, 120, 133, 149—152, 157, 161, 162, 164, 167, 168, 209, 423, 438; т. II, 4, 40.

— Теодоръ Ивановичъ, князь Варшавскій графъ Эриванскій, генераль, т. I, 350, 353—356, 415.

Паткуль, Александръ Владиміровичъ, совоспитаникъ цесаревича, т. I, 30, 34—38, 46—48, 73, 80, 94, 127.

Паулина, герцогиня сассауская, т. I, 106.

Пашковъ, т. I, 11.

Пейкеръ, адъютантъ цесаровича, т. I, 114.

Пелисье, герцогъ Малаховъ, маршалъ Франціи, т. I, 153.

Перейра, братья, парижскіе банкиры, т. I, 239; т. II, 190.

Перовская, Софья, государственная преступница, т. II, 657.

Перовскіе:

— графъ Борисъ Алексѣевичъ, почитель цесаревича Александра Александровича, т. I, 532.

— графъ Василій Алексѣевичъ, оренбургскій генераль-губернаторъ, т. I, 81.

— графъ Левъ Алексѣевичъ, министр внутреннихъ дѣлъ, т. I, 128.

Персины, герцогъ, французскій посолъ въ Лондонѣ, т. I, 239.

Перфильевъ, правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, т. II, 625.

Песталоцци, швейцарскій педагогъ, т. I, 26.

Петръ св., апостоль, т. I, 101.

Петръ св., митрополитъ московскій, т. I, 218.

Петръ Великій, императоръ всероссійскій, т. I, 5, 18, 19, 51, 75, 84, 92, 104, 139, 163, 225, 249, 304; т. II, 81, 89, 123, 130, 158, 331, 333, 337, 418, 651.

Петръ, великій герцогъ Ольденбургскій, т. II, 50, 51, 55, 84.

Пиеноль, французскій офицеръ, т. I, 217.

Пилкнитъ, контръ-адмиралъ, т. II, 159.

Пиль, сэръ Робертъ, т. II, 217.

Пій IX, папа, т. I, 477, 486, 487, 500, 536, 537; т. II, 229.

Плавскій, членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Платоновъ, Валеріанъ Платоновичъ, министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, т. I, 427, 446, 505, 508.

Платонъ, епископъ рижскій, т. II, 25.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, академикъ, т. I, 48.

Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, членъ комисіи для составленія судебныхъ уставовъ, оберъ-прокуроръ св. Синода, т. I, 528; т. II, 224, 625, 643.

Поггенноль, надзирательница за дѣтми цесаревича, т. I, 116.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, академикъ, т. I, 142, 160—163, 165, 169, 171—173, 210, 317, 318, 339.

Пожарскій, князь, т. I, 157, 158.

Половцовъ, Александръ Александровичъ, сенаторъ, т. II, 647, 649.

Полторацкій, калужскій помѣщикъ и сельскій хозяинъ, т. I, 83.

Поповъ, Андрей Александровичъ, адмиралъ, т. II, 158, 455, 471.

Поппель, администраторъ холмскои униатской епархіи, т. II, 107.

Пороховниковъ, Александръ Александровичъ, членъ московскаго славянскаго комитета, т. II, 327.

Постельсъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, т. II, 265.

Посеть, Константинъ Николаевичъ, адмиралъ, министръ путей сообщенія, т. II, 106, 163, 211, 213.

Потановъ, Александръ Львовичъ, вилекскій генераль-губернаторъ, шефъ жандармовъ, т. I, 446; т. II, 32, 34, 106, 591, 595.

Потемкинъ, депутатъ нижегородскаго губернскаго комитета, т. I, 336.

Потоцкая, графиня, т. I, 213, 394.

Поццо-ди-Ворго, графъ, посолъ въ Лондонѣ, т. I, 105.

Пошингеръ, нѣмецкій издатель, т. I, 173, 247.

Приселковъ, главный инспекторъ госпиталей дѣйствующей арміи, т. II, 403.

Прусскіе короли. См. Фридрихъ II, Фридрихъ-Вильгельмъ III, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, Вильгельмъ I.

Прусскіе принцы. См. Августъ-Адалбертъ, Альбрехтъ, Вильгельмъ, Карлъ-Фридрихъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, Фридрихъ-Карлъ.

Прусскія королевы. См. Луиза, Августа.

Прусскія принцессы. См. Елизавета, Луиза.

Путятинъ, графъ Евфимій Васильевичъ, вице-адмиралъ, министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 275, 278, 386, 391, 397; т. II, 222, 242—244, 251, 266, 273.

Р.

Рагузскій, герцогъ, см. Марконъ.

Радекъ, баронесса, фрейлина великой княгини Елены Павловны, т. I, 373, 374.

Радецкий, графъ, австрійскій фельд-маршалъ, т. I, 99.

Радецкий, Федоръ Федоровичъ, генералъ, т. II, 386, 393, 398, 414, 419, 420, 428.

Радзивиллы:

— княгиня. См. Луиза, принцесса прусская.

— князь, прусскій генералъ, т. I, 43, 45.

Радовицъ, германскій дипломатъ, т. II, 110, 493.

Разгоновъ, генералъ, т. II, 529.

Райнеръ, австрійскій эрцгерцогъ, т. I, 99.

Рангабе, греческій посланникъ въ Берлинѣ, т. II, 501, 503.

Расинъ, Жавъ, французскій писатель, т. I, 402.

Раудинсонъ, сэръ Генри, англійскій географъ, т. II, 120.

Раухъ:

— вѣмецкій ваятель, т. I, 44.

— флигель-адъютантъ короля прусскаго, т. I, 479.

Ревбель, французскій генераль, т. I, 237.

Редеръ, графъ, прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, т. II, 48, 55.

Рейль, французскій генераль, т. I, 217.

Рейнгольдъ, учитель чистописанія, т. I, 39.

Рейнштейнъ, полицейскій агентъ, т. II, 604.

Рейсъ, князь Генрихъ VII, германскій посолъ въ С.-Петербургѣ и Константинополь, т. II, 88, 91, 96, 98, 379, 380, 526, 559, 561, 568, 694, 695.

Рейтерны:

— Александръ Гергардовичъ, генераль, т. II, 426, 540, 666.

— графъ Михаилъ Христофоровичъ, министръ финансовъ, т. I, 349, 386, 397, 505; т. II, 162, 163, 175—179, 191—193, 196, 198—200, 202, 210, 211, 255, 263, 266, 272, 273, 328, 350, 591.

Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, французскій генераль, т. I, 153.

Реомюръ, т. I, 81, 86; т. II, 379.

Реуфъ-паша, турецкій генераль и военный министръ, т. II, 421, 428, 467, 476.

Рехбергъ, графъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 269, 483, 495; т. II, 48.

Рибошьеръ, графъ Александръ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, т. I, 220.

Ригеръ, чешскій патриотъ, т. II, 21.

Ридигеръ, графъ, генераль, т. I, 192.

Римскіе императоры. См. Маркъ-Аврелій, Константинъ Великій.

Рингъ, баронъ, французскій комиссаръ въ Восточной Румелии, т. II, 528.

Ристичъ, Іованъ, сербскій первый министръ, т. II, 88, 389.

Ровинскій, членъ комиссіи по составленію судебныхъ уставовъ, т. I, 524.

Родичъ, баронъ, австрійскій генераль, намѣстникъ Далмаціи, т. II, 300, 301.

Рождественскій, протоіерей придворнаго собора, т. II, 659.

Романовскія: княжны, см. Марія Максимиліановна, принцесса баденская и ольденбургская, принцесса Евгенія Максимиліановна.

Романовскіе:

— князь Николай Максимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій, т. I, 417; т. II, 4.

— князь Сергій Масимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій, т. II, 372.

Романовскій, генераль, т. I, 107, 118.

Романовы:

— т. I, 67, 68.

— т. II, 704.

Роопъ, графъ, германскій военный министръ, генераль, т. I, 269.

Россети, предсѣдатель румынской палаты депутатовъ, т. I, 387.

Россійскіе:

— великіе князья. См. Владиміръ св., Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Іоаннъ III Васильевичъ, Константинъ Павловичъ, Михаль Павловичъ, Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ Старшій, Николай Николаевичъ Младшій, Сергій Михайловичъ, Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Николай Александровичъ, Константинъ Константиновичъ.

— императоры. См. Петръ I, Павелъ I, Александръ I, Николай I.

— цари. См. Іоаннъ Грозный, Михаилъ Теодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ.

Россійскія:

— великія княгини. См. Елена Павловна, Александра Іосифовна, Александра Петровна, Марія Николаевна, Ольга Николаевна, Александра Петровна, Ольга Теодоровна, Марія Теодоровна, Марія Александровна, Ольга Константиновна, Вѣра Константиновна.

— великая княжна. См. Александра Александровна.

— императрицы. См. Екатерина II, Марія Теодоровна, Елисавета Алексеевна, Александра Теодоровна, Марія Александровна.

Ростовцова, графиня Вѣра Николаевна, т. I, 300, 385.

Ростовцовъ, Іаковъ Ивановичъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, т. I, 121, 142, 145, 146, 299, 300, 304, 306, 309, 322—324, 326, 327, 329, 330, 334, 340—344, 347—356, 358—362, 364—373, 378, 384, 385; т. II, 147, 287.

Руссе, Камиль, французскій писатель, т. I, 173.

Руссель, лордъ Джонъ, великобританскій первый министр и министр иностранныхъ дѣлъ, т. I, 259, 260, 270, 409, 418—421, 430—433, 486, 490, 494, 495; т. II, 47—50, 75, 120.

Руссель, лордъ Одо, великобританскій посолъ въ Берлинъ, т. II, 44, 77, 79, 307, 308, 327.

Русемъ-паша, генераль-губернаторъ Ливана, т. II, 522.

Рысаковъ, государственный преступникъ, т. II, 657, 658.

С.

Саадуллахъ-бей, турецкій посолъ въ Берлинъ, т. II, 423, 464, 500, 504, 505.

Сабуровы:

— Андрей Александровичъ, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, т. II, 223, 283, 643.

— Петръ Александровичъ, посланникъ въ Афинахъ, посолъ въ Берлинъ, т. II, 442, 532, 554, 559, 563, 565, 571—573, 675, 676, 686, 689, 691, 698.

Савва св., сенигородскій, т. I, 86.

Савфетъ-паша, турецкій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 300, 302, 346, 453, 456, 464, 477, 515.

Саксенъ-веймарскіе:

— великіе герцоги. См. Карлъ-Фридрихъ, Карлъ-Александръ.

— принцы. См. Вергардтъ, Вильгельмъ.

Саксенъ-веймарскія, великія герцогини. См. Марія Павловна, Софія.

Саксонскій король. См. Иоаннъ.

Саллюбюри, лордъ, великобританскій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 127, 291, 341—344, 468, 470, 471, 473, 485—487, 489, 492—494, 499, 504, 509, 529, 530, 699, 705.

Салтыкова, княгиня, Е. В., гофмейстерина цесаревны, т. I, 111, 113.

Салтыковъ, князь Николай Ивановичъ, генераль-фельдмаршалъ, председатель Государственнаго Совѣта, т. I, 26.

Самаринъ, Юрій Федоровичъ, писатель, т. I, 300, 306, 324, 350, 352, 380, 386, 392, 400, 499, 505.

Сани. См. великая княгиня Александра Иосифовна.

Санари, графъ, австрійскій генераль, т. II, 322.

Сардинскіе короли. См. Карлъ-Альбертъ, Викторъ-Эммануилъ II.

Святополь-Ширскіе:

— князь, Дмитрій Ивановичъ, генераль, т. I, 293.

— князь Николай Ивановичъ, генераль, т. II, 410, 419.

Святославъ, князь, кievскій, т. I, 274.

Священно-римская императрица. См. Марія-Терезія.

Священно-римскій императоръ. См. Карлъ V.

Сегюръ, французскій консулъ въ Варшавѣ, т. I, 413.

Сеймуръ:

— лордъ, т. I, 217.

— саръ Гамильтонъ, т. I, 241.

Семеновы:

— Николай Петровичъ, писатель, т. I, 351—356, 360, 363, 367—370, 372, 380, 385.

— Петръ Петровичъ, дѣлопроизводитель редакціонныхъ комиссій, т. I, 351, 366—368.

Сенъ-Валье, графъ, французскій посолъ въ Берлинъ, т. II, 504, 532, 539, 544, 545, 560, 562, 573—575, 699, 706.

Сенъ-При, графъ, перъ Франціи, т. I, 41.

Сенявинъ, Левъ Григорьевичъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, т. I, 128.

Серафимъ, митрополитъ с.-петербургскій, т. I, 63, 69.

Серверъ-паша, турецкій министр иностранныхъ дѣлъ, т. II, 422, 429, 430, 432—435, 437, 438, 440, 456.

Сергій св., т. I, 163, 226; т. II, 375.

Сергій Александровичъ, великій князь, т. I, 236; т. II, 23, 30, 32, 386, 395, 404, 412, 416.

Сивербрикъ, учитель фехтованія, т. I, 39.

Сяменсъ, телеграфный строитель, т. II, 219.

Симуша. См. Юрьевичъ.

Сина, баронъ, вѣвскій банкиръ, т. I, 175, 176.

Сянельниковъ, воронежскій губернаторъ, т. I, 315.

Скалонъ, адъютантъ великаго князя Николая Николаевича, т. II, 435, 456, 457.

Скобелевъ, Михаилъ Дмитриевичъ, генераль, т. II, 129, 130, 400, 401, 407, 419, 420, 530.

Скребицкий, писатель, т. I, 385.
Скрыпичина, наставница дѣтей цесаревича, т. I, 116.

Славицано, румынскій военный министр, т. II, 327.

Слезинъ, генераль, т. II, 590.

Слѣпцовъ, адъютантъ цесаревича, т. I, 114.

Смитъ-Бессонъ, изобрѣтатель усовершенствованнаго револьвера, т. II, 146.

Соловьевы:

— Александръ, государственный преступникъ, т. II, 605.

— Яковъ Алексѣевичъ, управляющій земскимъ отдѣломъ, т. I, 302, 306, 307, 315, 320, 322, 324, 334, 340, 344, 348, 349, 355, 392, 510, 536.

Соллогубъ, графъ Владимиръ Александровичъ, писатель, т. II, 420, 621.

Сольскій, Дмитрій Мартыновичъ, государственный контролеръ, т. II, 162, 170, 181, 654.

Софія, великая герцогиня саксен-веймарская, т. I, 246; т. II, 84.

Софія, св., т. II, 435, 467.

Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ, членъ Государственнаго Совѣта, т. I, 61, 62, 70, 71, 72.

Спиридовъ, адмираль, т. II, 161.

Стааль, Егоръ Егоровичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, т. II, 76.

Станкевичъ, писатель, т. I, 317.

Стебель, Эдуардъ Андреевичъ, посланникъ въ Вашингтонѣ, т. I, 416.

Стефанія, великая герцогиня баденская, т. I, 237, 242.

Столыпинъ, Аркадій Дмитриевичъ, генераль-губернаторъ Восточной Румелии, т. II, 519, 520, 523.

Стодѣтовъ, генераль, т. II, 529.

Стояновскій, Николай Ивановичъ, членъ комисси для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Стратфордъ, портъ, т. 217.

Стрекаловъ, казанскій губернаторъ, т. I, 86.

Стремоуховъ, Петръ Николаевичъ, директоръ азиатскаго департамента, т. II, 123.

Строгановы:

— графъ Александръ Григорьевичъ, полтавскій генераль-губернаторъ, т. I, 86.

— графъ Сергій Григорьевичъ, почитель цесаревича Николая Александровича, членъ Государственнаго Совѣта, т. I, 119; т. II, 191, 241, 242, 246, 253, 265, 266, 273, 275.

Струковъ, Александръ Петровичъ, генераль, т. II, 386, 420, 435.

Стуартъ, баронъ, Дмитрій Федоровичъ, дипломатическій агентъ въ Румыніи, т. II, 363.

Стуттонъ, бонна дѣтей цесаревича, т. I, 116.

Суворовы:

— Александръ Аркадьевичъ, князь Италійскій графъ Римникскій, рижскій и с.-петербургскій генераль-губернаторъ, т. I, 396, 465, 469, 519; т. II, 8, 396.

— Александръ Васильевичъ, князь Италійскій графъ Римникскій, генерал-лиссимусъ, т. I, 101.

Сулейманъ-паша, турецкій генераль, т. II, 396, 398, 399, 420, 432.

Сумароковъ, графъ Сергій Петровичъ, генераль, т. I, 223.

Сумароковъ-Эльстонъ, графъ, генераль, т. II, 325, 337.

Сусанинъ, Иванъ, крестьянинъ, т. I, 79.

Сухозанецъ, Николай Онуфриевичъ, военный министр, временный намѣстникъ Царства Польскаго, т. I, 208, 278, 397, 422, 425—427, 432, 437—442, 445—447; т. II, 133—135, 165, 171.

Сухотинъ, писатель, т. II, 42.

Съвардъ, сѣверо-американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 487.

Т.

Талейранъ, князь, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 201.

Тамерланъ, т. II, 119.

Татариновъ, Валеріанъ Алексѣевичъ, государственный контролеръ, т. II, 162, 167, 168, 170.

Татищевы:

— Дмитрій Павловичъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. I, 101, 102.

— Сергій Спиридоновичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, т. II, 298, 301, 371, 381.

Тенгоборскій, Лудвигъ Валеріановичъ, директоръ дипломатической канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, т. I, 479.

Тергукасовъ, генераль, т. II, 386, 395, 405, 407.

Тессеревкъ дю-Боръ, французскій посолъ въ Вѣнѣ, т. II, 562, 574, 706.

Тимашевъ, графъ Александръ Ивановичъ, начальникъ штаба шефа жандармовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. I, 389; т. II, 3, 29, 40, 42, 82, 216, 591, 602.

Титовъ, Владиміръ Павловичъ, по-сланникъ въ Штутгартъ, воспитатель цесаревича Николая Александровича, членъ Государственнаго Совѣта, т. I, 149, 150; т. II, 266, 273.

Толстые:

— графъ, т. I, 11.
— графъ Алексѣй Константиновичъ, писатель, т. II, 283.

— графъ Александръ Петровичъ, оберъ-прокуроръ св. Синода, т. II, 224, 226.

— графъ Дмитрій Андреевичъ, оберъ-прокуроръ св. Синода, министръ народнаго просвѣщенія, т. II, 8, 81, 82, 101, 102, 223, 224, 228, 253, 257, 259—263, 265—268, 270, 273—276, 278—283, 584, 585, 605, 609—611, 613, 614, 643.

— графъ Иванъ Матвѣевичъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, министръ почты и телеграфовъ, т. I, 94, 111, 114, 128; т. II, 29, 216.

— графъ Левъ Николаевичъ, писатель, т. II, 283.

Тормасовъ, графъ Александръ Петровичъ, главнокомандующій Москвы, т. I, 5.

Тосканскій, великій герцогъ, см. Леопольдъ II.

Тотлебенъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ, помощникъ генераль-инспектора по инженерной части, главнокомандующій дѣйствующею арміею, одесскій генераль-губернаторъ, т. I, 139, 151, 155, 165, 166, 173; т. II, 96, 146, 158, 371, 372, 403—410, 412, 413, 415, 420, 468, 481, 482, 487, 511, 513—521, 533, 605, 630.

Треповъ, Федоръ Федоровичъ, генераль, полицій-майстеръ въ Царствѣ Польскомъ, с.-петербургскій градоначальникъ,

т. I, 424—426, 432; т. II, 8, 84, 579, 584, 597, 598.

Триниусъ, академикъ, преподаватель естественной исторіи, т. I, 39.

Тройницкій, Александръ Григорьевичъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. II, 266, 662, 273.

Трубецкіе:

— князь, сенаторъ, т. I, 400.

— князь Николай Ивановичъ, президентъ московской придворной конторы, т. II, 42.

Тувенель, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 248, 259, 262, 266, 270.

Тунъ, графъ, австрійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, т. I, 482, 483, 488; т. II, 48.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, писатель, т. I, 160; т. II, 283.

Туркуль, министръ — статсъ-секретарь Царства Польскаго, т. I, 209.

Турнь и Таксисъ, князь, т. I, 217.

Тучкова, основательница и настоятельница Спаскаго монастыря на Бородинскомъ полѣ, т. I, 84.

Тучковъ, Павелъ Алексѣевичъ, московскій генераль-губернаторъ, т. I, 299, 319, 406, 407, 469.

Тыкма-сардаръ, предводитель текинцевъ, т. II, 129.

Тышкевичъ, графъ, т. II, 24.

Тьеръ, Адольфъ, президентъ Французской республики, т. II, 44, 70—72.

Тюрръ, венгерскій генераль, т. II, 701.

Тютчева, Анна Федоровна, фрейлина, т. I, 113.

Тютчевъ, Федоръ Ивановичъ, писатель, т. I, 218; т. II, 283.

У.

Убри, Павелъ Петровичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, посолъ въ Берлинѣ, т. I, 417, 479; т. II, 82, 292, 313, 342, 348, 349, 351, 353—355, 357, 359, 361, 364, 365, 367, 368, 371, 379, 380, 388, 422, 424, 458—460, 463, 464, 468, 483, 483, 484, 487, 487, 491—494, 496, 502—506, 533—536, 573, 698.

Урусовы:

— князь, сенаторъ, т. I, 406.

— князь Сергій Николаевичъ, главноуправляющій Иотдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, т. II, 39, 40, 227, 266, 273, 523, 591, 605, 611, 623, 654.

Ушаковъ, генераль, главный воспитатель цесаревича, т. I, 12, 28, 73.

Ф.

Фелинскій, римско-католическій архіепископъ варшавскій, т. I, 422, 443, 454, 462, 472.

Фердинандъ I, императоръ австрійскій, т. I, 72, 101.

Фердинандъ II, король Обѣихъ Сицилій, т. I, 143, 228, 229.

Филаретъ, митрополитъ кievскій, т. I, 88, 247.

- Филаретъ**, митрополитъ московскій, т. I, 63, 64, 69, 84, 85, 112, 115, 116, 139, 142, 160—162, 216, 218—220, 380, 404, 499, 532, 533; т. II, 3, 6, 23, 224.
- Филиповъ**, Тертій Ивановичъ, государственный контролёръ, т. I, 169.
- Филиппъ**, св., митрополитъ московскій, т. I, 75.
- Филипсонъ**, Григорій Ивановичъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, т. I, 395.
- Фіалковский**, римско-католическій архіепископъ варшавскій, т. I, 425—427, 443, 448.
- Флёрн**, генераль, французскій посоль въ С.-Петербургъ, т. I, 242, 243; т. II, 63, 70.
- Фоксъ**, Густавъ, чрезвычайный посоль Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, т. II, 12, 13.
- Фонтопъ**, повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, т. II, 533.
- Фотій**, архимандритъ новгородскаго св. Юрьевского монастыря, т. I, 75.
- Францискъ I**, король французскій, т. I, 176.
- Францискъ II**, король Обѣихъ Сицилій, т. I, 415.
- Французовъ**, императоры. См. Наполеонъ I, Наполеонъ III.
- Французовъ**, императрица. См. Евгенія.
- Французскіе короли**. См. Людовигъ IX. Св., Францискъ I, Генрихъ IV.
- Французскій принцъ**. См. Наполеонъ-Иеронимъ.
- Францъ I**, императоръ австрійскій, т. I, 57.
- Францъ-Иосифъ** Императоръ австрійскій, т. I, 120, 131, 147, 148, 150, 179, 180, 217, 227, 234, 236, 242—244, 246—248, 253, 266, 269, 372, 424; т. II, 4, 37, 38, 40, 53, 54, 62, 81, 89—93, 100, 101, 104, 105, 113, 291, 294, 296, 305, 314—316, 322, 325, 343, 348, 355, 356, 358, 359, 361, 409, 421, 426, 427, 431, 432, 462, 473, 509, 533, 536, 537, 541, 545—548, 559, 561—563, 565, 567, 573, 606, 668—670, 682, 687, 689, 692—693, 700, 702, 704, 705.
- Фредериксы**: т. I, 40.
- Фридрихъ**, герцогъ ангальтъ-дессаускій, т. I, 63.
- Фридрихъ VI**, король датскій, т. I, 95, 96.
- Фридрихъ VII**, король датскій, т. II, 45, 46, 47.
- Фридрихъ II**, король прусскій, т. I, 19, 44, 109; т. II, 357.
- Фридрихъ**, ландграфъ гессенъ-гомбургскій, т. I, 94, 269.
- Фридрихъ**, наслѣдный принцъ датскій, т. I, 527; т. II, 31.
- Фридрихъ**, принцъ августенбургскій, т. II, 47, 48, 53.
- Фридрихъ**, принцъ виртембергскій, т. I, 87.
- Фридрихъ**, принцъ прусскій, т. I, 104.
- Фридрихъ-Августъ**, принцъ-регентъ саксонскій, т. I, 68.
- Фридрихъ-Вильгельмъ III**, король прусскій, т. I, 5, 10, 43—45, 57, 69, 91, 94, 107, 109, 148; т. II, 73, 90, 94, 95, 375, 682.
- Фридрихъ-Вильгельмъ IV**, король прусскій, т. I, 6, 43, 68, 94, 131, 147, 148, 174, 180, 181, 214, 215, 239, 242, 249, 250, 257, 408; т. II, 682.
- Фридрихъ-Вильгельмъ**, курфюрстъ гессенъ-кассельскій, т. II, 59.
- Фридрихъ-Вильгельмъ**, наслѣдный принцъ германскій и прусскій, т. I, 217, 250, 256.
- Фридрихъ-Карлъ**, принцъ прусскій, т. II, 73, 88.
- Фридрихъ-Францъ II**, великій герцогъ мекленбургъ-шверинскій, т. I, 68, 269.
- Фроссаръ**, французскій генераль, т. I, 217.
- Фуринь**, французскій посоль въ Константинополь, т. II, 515.

X.

- Хиванскій ханъ**. См. Мугамедъ-Рахманъ-Богодуръ.
- Хомяковъ**, Алексій Степановичъ, писатель, т. I, 146, 147, 216.
- Хоккеъ**, графъ, австрійскій посланникъ въ С.-Петербургъ, т. I, 217, 493; т. II, 63, 77.
- Хрентовичъ**, графъ Михаилъ Иринеичъ, посоль въ Лондонъ, т. I, 228.
- Христіана**, директоръ инженернаго училища, т. I, 5, 72.
- Христіанъ IX**, король датскій, т. II, 16, 46, 47, 49, 50, 53, 54, 319.
- Христось**. См. Исусъ.
- Хрулевъ**, генераль, т. I, 427.
- Худояръ**, ханъ коканскій, т. II, 118, 119, 128.

II.

Цезарь, Юлий, т. I, 19.

Церберъ, т. I, 105.

Цецилія, принцесса баденская. См. Ольга Теодоровна, великая княгиня.
Циммерманъ, генераль, т. II, 420.

Ч.

Чевкинъ, Николай Владиміровичъ, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта, т. I, 208, 304, 309, 374, 405, 505, 512; т. II, 190—192, 194—196, 266—270, 272, 273.

Черевинъ, Петръ Александровичъ, товарищъ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи, т. II, 624, 625, 646.

Черкасскій, князь Владиміръ Александровичъ, членъ редакціонныхъ комиссій, директоръ правительственной комисіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, московскій городской голова, главноначальствующій гражданскимъ управленіемъ въ Болгаріи, т. I, 324,

350, 352, 355, 392, 499, 505, 510, 536; т. II, 17, 42, 339, 393; 518.

Чернышевскій, Николай Гавриловичъ, писатель, т. I, 400; т. II, 582.

Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ, военный министръ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, т. I, 128, 140, 141, 208.

Черняевъ, Михаилъ Григорьевичъ, генераль, т. II, 114, 115, 117, 121, 315,

Чертковъ, Михаилъ Ивановичъ, кievскій генераль-губернаторъ, т. II, 630, 636.

Чичаговы:

— адмираль, т. II, 157.

— Леонидъ Михайловичъ, писатель, т. II, 420, 423.

III.

Шамбо, секретарь императрицы Александры Теодоровны, т. I, 23, 31, 109.

Шамиль, имамъ, т. I, 273, 279, 280—283, 289, 291, 373; т. II, 86.

Шамшинъ, сенаторъ, т. II, 625, 647, 649.

Шарлотта, принцесса прусская. См. Александра Теодоровна, императрица.

Шаргорстъ, прусскій генераль, т. II, 701.

Шатиловъ, генераль, т. I, 293.

Шафарикъ, сербскій ученый, т. II, 20.

Шаховской, князь, генераль, т. II, 386.

Шварценберги:

— князь, т. I, 217.

— князь Феликсъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. I, 415.

Шведскіе короли. См. Густавъ Ваза, Густавъ-Адольфъ, Карлъ-Юаннъ.

Шведскій принцъ. См. Оскаръ.

Швейницъ, германскій посолъ въ С.-Петербургѣ, т. II, 56, 539, 689, 703.

Шевыревъ, профессоръ, т. I, 225.

Шель, французскій писатель, т. I, 51.

Шепелевъ, генераль, т. II, 528.

Шереметевы:

— генераль, т. I, 336.

— Василій Алексѣевичъ, министръ государственныхъ имуществъ, т. I, 209, 304.

— графъ Дмитрій Николаевичъ, т. I, 216.

— графъ Сергій Дмитриевичъ, т. I, 217.

Шестаковы:

— Иванъ Алексѣевичъ, виленскій губернаторъ, т. II, 34.

— лейтенантъ, т. II, 186.

Шидловскій, депутатъ симбирскаго губернскаго комитета, т. I, 363—365.

Шильдербъ, Николай Карловичъ, писатель, т. I, 166; т. II, 96, 420.

Шильдербъ-Шульдербъ, генераль, т. II, 395.

Шиповъ, генераль, т. 406.

Ширъ-Али, эмиръ афганскій, т. II, 112, 126, 529.

Шленкеръ, варшавскій гражданинъ, I, 435.

Шнейдербъ, Луи, чтець короля прусскаго, т. II, 43, 77, 78, 90, 93, 94.

Шодорди, графъ, французскій дипломатъ, т. I, 76, 699, 700.

Штейнмакъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, т. II, 265.

Штейнмецъ, германскій фельдмаршалъ, т. II, 95.

Штейнъ, баронъ, прусскій министръ, т. II, 701.

Штиглицъ, баронъ, придворный банкиръ, т. II, 188—190.

Штольбергъ-Вернигероде, графъ, германскій посолъ въ Вѣнѣ, имперскій вице-канцлеръ, т. II, 463, 558, 559, 565, 685—687, 693.

Шуазель, герцогъ, французскій министръ, т. I, 187.

Шубинъ, членъ комиссiи для составленія судебныхъ уставовъ, т. I, 523.

Шуваловы:

— графъ Андрей Петровичъ, оберъ-гофмаршалъ, т. I, 406.

— графъ Павелъ Андреевичъ, флигель-адъютантъ, т. I, 254.

— графъ, Петръ Андреевичъ, шеф-жандармовъ, посолъ въ Лондонѣ, т. II, 8, 21, 81—84, 92, 106, 111, 123, 126, 127, 291, 292, 308, 310, 311, 313, 315, 325, 326, 333, 335, 340, 361, 362, 365, 367, 369, 382, 383, 385, 388, 424, 427, 430, 445—447, 450, 451, 453, 468—470, 485—496, 502—506, 532, 533, 538, 584, 678.

— графъ Петръ Павловичъ, с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства, т. I, 316, 350, 352, 354—356, 359.

Шуваловы, т. I, 40.

Шумахеръ, писатель, т. I, 128.

Щ.

Щелковъ, начальникъ императорскихъ военно-походныхъ телеграфовъ, т. II, 408.

Щербатовъ, князь Григорій Александровичъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, т. I, 325.

Э.

Эверсъ, старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, т. II, 48.

Эгерія, нимфа, т. I, 351.

Эднбургская, герцогиня. См. Марія Александровна, великая княгиня.

Эднбургскій, герцогъ. См. Альфредъ.

Эллиновъ, королева. См. Ольга Константиновна, великая княгиня.

Эллиновъ, король. См. Георгъ I.

Элпютъ, сэръ Генри, великобританскій посолъ въ Константинополь, т. II, 309, 324, 325, 379.

Эльденъ, командиръ конвоя его величества, т. II, 414.

Экссепарра, полковникъ, I, 73.

Эмиль, принцъ гессенскій, т. I, 109, 112.

Энокъ, оберъ-прокуроръ Сената, т. I, 428—430, 434.

Эрлангеръ, парижскій банкиръ, т. I, 176, 176.

Эргель, преподаватель нѣмецкаго языка, т. I, 31, 33.

Эссенъ, графъ, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, т. I, 66.

Эстергази:

— графъ, австрійскій посланникъ въ С.-Петербургу, т. I, 144, 179, 180, 187.

— князь, австрійскій посолъ на коронаціи Александра II, т. I, 217.

— князь, сынъ предъидущаго, т. I, 217.

Эшли, лордъ, т. I, 217.

Ю.

Юзы:

— бонна дѣтей цесаревича, т. I, 116.

— изобрѣтатель телеграфнаго аппарата, т. II, 218.

Юпитеръ, т. II, 549, 671.

Юрьевичъ, Семенъ Алексѣевичъ, вос-

питатель цесаревича, т. I, 23, 32, 33, 41, 49, 56, 58, 59, 66, 67, 73, 75, 77—90, 113.

Юрьевичъ, г-жа, жена предъидущаго, т. I, 75, 77—89.

Юсуновъ, князь, т. I, 5.

Я.

Яковлевъ, полковникъ, I, 83.

Якубъ-бекъ, ханъ кашгарскій, т. I, 120.

Якубъ-ханъ, эмиръ афганскій, т. II, 529, 530.

Янъ св., т. I, 445.

Ярошинскій, государственный преподаватель, т. I, 454.

Ясмундъ, нѣмецкій издатель, т. I, 178

